Библиотека Ленингр. Гос. Ред. Б-ка
3351
им. А. И. ГЕРЦЕНА

3321

КЪ

СКІЙ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

0).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Пров. 52

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ.

№ 3, 4

Пров. 50

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. А. И. ГЕРЦЕНА

3351

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).

На Страстномъ бульварѣ.

1871.

3321

A 3 A

BACCKIN. B₽CLHNK.P

О ЗНАЧЕНІИ ДЛЯ РОССІИ

РАЗВИТІЯ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

НА СѢВЕРО-ВОСТОЧНОМЪ БЕРЕГУ ЧЕРНАГО МОРЯ *

I.

У каждаго еще въ свѣжей памяти съ какою радостью было встрѣчено, не только по всей Россіи, но и по всему славянскому міру, заявленіе Россіи о своихъ государственныхъ правахъ на Черномъ Морѣ. Судьба южныхъ береговъ государства не должна зависѣть впередъ отъ милости сосѣднихъ державъ, а русскіе купеческіе корабли будутъ плавать, можно надѣяться, въ скоромъ времени, подъ существенною защитой.

Ясно что это обстоятельство отзовется благопріятно на всей отечественной промышленности, а въ особенности будетъ содѣйствовать большему развитію русской торговли на Черномъ Морѣ. Однакожъ извѣстно что для развитія морской торговли вообще недостаточно одной лишь защиты военнаго флота, а что оно зависитъ главнымъ образомъ отъ степени развитія производительности страны, въ особенности же отъ производительности прибрежныхъ полосъ, составляющихъ самую цѣнную часть каждаго государства.

Россія обладаетъ въ настоящее время берегами Чернаго Мо-

* Публичныя лекціи, читанныя при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

ря на протяженіи около 2.000 верстъ, то-есть почти половиной всей береговой окружности этого моря; но, къ сожалѣнію, бо́льшая часть этихъ береговъ до настоящаго времени почти мертва въ торговомъ отношеніи, потому что весь сѣверо-восточный берегъ Чернаго Моря, какъ и Кавказскій край, вообще до сихъ поръ мало производительны.

Во время Кавказской войны, Россія возлагала большія надежды на этотъ край, обмываемый двумя морями, Чернымъ и Каспійскимъ, на край щедро одаренный природой, обладаніе которымъ составляло во всѣ времена верхъ желаній многихъ народовъ. Не мудрено что на пріобрѣтеніе его Русскій народъ жертвовалъ сотнями тысячъ людей и сотнями милліоновъ денегъ.

Послѣ почти вѣковой войны, совершилось наконецъ покореніе Кавказа, и цѣль политическая, положимъ, была достигнута. Но разсматривая это завоеваніе съ точки зрѣнія политико-экономической, мы въ правѣ и должны себя спрашивать: какія матеріальныя выгоды доставляетъ этотъ край Русскому государству въ настоящее время, въ замѣнъ принесенныхъ имъ громадныхъ жертвъ? можетъ ли Русскій народъ разчитывать на полученіе такихъ выгодъ въ будущемъ? какого рода должны быть эти выгоды и какими путями возможно достигнуть ихъ *скорѣе* и *вѣрнѣе?*

Конечно, я не могу взяться за рѣшеніе столь важныхъ вопросовъ, а намѣренъ сообщить лишь свой взглядъ на положеніе сельско-хозяйственной производительности на Кавказѣ вообще, а въ особенности указать на тѣ средства которыя, по моему мнѣнію, могли бы содѣйствовать скорѣйшему возбужденію гражданской дѣятельности на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго Моря и на развитіе въ этой части Кавказа сельско-хозяйственной производительности,—производительности которая всегда и повсюду является матерью торговли и всѣхъ прочихъ отраслей людской промышленности и основаніемъ народнаго богатства.

Чтобы пріобрѣсть прочныя основанія для моего разсужденія, я позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя общеизвѣстныя истины, въ видѣ примѣра. Разбогатѣть можетъ лишь то семейство которое зарабатываетъ больше чѣмъ оно расходуетъ. Поэтому оно должно, съ одной стороны, стараться уменьшить по возможности расходы на удовлетвореніе своихъ надобностей, а съ другой—распредѣлить производительный трудъ

между своими отдѣльными членами такимъ образомъ чтобъ этотъ трудъ сдѣлался насколько возможно болѣе доходнымъ. Если въ этомъ примѣрномъ семействѣ будутъ находиться члены непроизводительные, то они, конечно, будутъ составлять тягость его, а когда послѣдніе примутъ участіе въ общемъ трудѣ, тогда семья будетъ улучшать свое матеріальное положеніе.

Въ такомъ же положеніи находится, какъ извѣстно, каждое государство, не только относительно разныхъ отраслей промышленности, но и относительно своихъ естественныхъ силъ. Непроизводительныя территоріи служатъ государству въ тягость, тогда какъ разработка ихъ естественныхъ богатствъ увеличиваетъ его благосостояніе; а въ случаѣ отсутствія даннаго рода производительныхъ силъ или если эти силы оказываются малоспособными или неразвитыми, государство принуждено покупать произведенія такого рода извнѣ.

Въ такомъ положеніи находилась Россія въ прежнее время относительно произведеній многихъ отраслей сельскаго хозяйства. Русскому государству, обладающему необозримыми пространствами хлѣбородныхъ и пастбищныхъ степей, не доставало края который былъ бы способенъ принять на себя воздѣлываніе продуктовъ свойственныхъ болѣе южнымъ странамъ, и поэтому Россія должна была покупать извнѣ огромное количество подобныхъ продуктовъ, какъ то: виноградnаго вина и прочихъ напитковъ, фруктовъ, табаку, деревяннаго масла, хлопка, шелку и пр., уплачивая за нихъ продуктами хлѣбопашества и скотоводства.

Съ завоеваніемъ Кавказа миновала, казалось бы, эта надобность во ввозѣ подобныхъ продуктовъ, потому что край этотъ способенъ производить ихъ въ изобиліи; но на самомъ дѣлѣ результатъ выходитъ совсѣмъ другой. Общій результатъ нынѣшней производительности Кавказа даже отрицательный, потому что цѣнность отпускаемыхъ имъ продуктовъ достигаетъ едва половины стоимости тѣхъ которые онъ получаетъ извнѣ. Даже и тѣхъ продуктовъ сельско-хозяйственной промышленности которые свойственны Кавказскому краю по его географическому положенію и которыми онъ могъ бы снабжать Россію, этотъ край до сихъ поръ не въ состояніи производить такого качества и въ такомъ количествѣ чтобы имп удовлетворить собственную въ нихъ надобность и долженъ получать изъ-за

границы ежегодно на нѣсколько милліоновъ рублей виноградnаго вина, шелку, хлопка, табаку и фруктовъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, заставляющихъ Россію лишаться постоянно огромныхъ суммъ, мы должны отыскивать причины этого явленія.

Трояkаго рода могутъ быть причины нынѣшней низkой производительности Кавkазскаго kрая относительно продуктовъ сельско-хозяйственной промышленности въ kоторыхъ нуждается наше государство: или этотъ kрай неспособенъ производить ихъ, по причинѣ почвенныхъ и kлиматическихъ условій, или нѣтъ выгоднаго сбыта на такія произведенія, или, наконецъ, не достаетъ предпріимчивости и знаній у нынѣшняго населенія этого kрая, kоторыя необходимы для воздѣлыванія этихъ продуктовъ.

Кто имѣлъ случай хотя поверхностно ознакомиться съ растительностью Кавkаза, тотъ навѣрно согласится въ томъ что громадныя пространства этого kрая имѣютъ почву и kлиматъ весьма благопріятствующіе kультурѣ многихъ южныхъ растеній.

Уже патріархъ Ной, выйдя изъ kовчега, нашелъ въ этихъ мѣстностяхъ (то-есть въ нынѣшнемъ Закавkазскомъ kраѣ или въ непосредственной его близости) виноградную лозу и имѣлъ возможность изъ плодовъ ея давить вино, вино, надо заключить, не плохое, потому что въ противномъ случаѣ оно не могло бы дать повода kъ извѣстнымъ непріятнымъ сценамъ между праотцемъ нашимъ и сыномъ его Хамомъ.

Виноградная лоза распространена и въ настоящее время по всему Кавkазу, и находясь въ дикомъ или одичаломъ состояніи, она достигаетъ размѣровъ невиданныхъ мною нигдѣ въ Европѣ. На юго-западномъ склонѣ Кавkазскаго хребта можно видѣть экземпляры охватывающіе своими вѣтвями и заглушающіе столѣтніе дубы.

Хозяйственное виноградарство въ Закавkазскомъ kраѣ находится, однакожь, на весьма низkой степени развитія, а для приготовленія вина и сохраненія его служитъ повсюду чуть ли не тотъ самый рецептъ kоторый служилъ руководствомъ патріарху Ною.

Несмотря на такое положеніе виноdѣлія, нѣkоторыя мѣстности Кавkаза производятъ и теперь вино высоkаго достоинства, образцы kотораго попадаютъ и въ Москву. Такъ напримѣръ, вино Kахетинское цѣнится довольно дорого любите-

лями винъ, если они только успѣютъ помириться со страннымъ букетомъ его, происходящимъ, какъ извѣстно, отъ шкуръ натертыхъ нефтью, въ которыхъ сохраняется или перевозится это вино. Собственнаго вина хорошаго достоинства, впрочемъ, далеко не хватаетъ для удовлетворенія надобностей кавказскаго населенія; заграничное вино составляетъ потому довольно значительный предметъ ввоза, и сверхъ того къ снабженію Кавказа этимъ продуктомъ приноситъ свою лепту и маленькій Крымъ.

Что касается способности Кавказа производить фрукты, то слѣдуетъ замѣтить что многіе естествоиспытатели полагаютъ будто Европа получила оттуда лучшіе сорта фруктовъ, а въ садахъ Тифлиса и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей можно убѣдиться наглядно насколько благопріятствуетъ почва и климатъ этой сельско-хозяйственной отрасли. Положительно можно сказать что Франція, славящаяся своими фруктами и высокимъ развитіемъ садоваго искусства, едва ли въ состояніи произвести фрукты лучшаго достоинства чѣмъ тѣ которые произрастаютъ въ упомянутыхъ садахъ безъ особеннаго старанія. А между тѣмъ это производство такъ мало распространено что Кавказъ долженъ покупать ежегодно фруктовъ болѣе чѣмъ на $^1/_2$ милліона рублей (большею частью изъ Персіи и Турціи).

Равнымъ же образомъ можно убѣдиться въ хорошемъ произрастаніи хлопчатника. Въ Кутаисской губерніи мнѣ случилось видѣть небольшія плантаціи хлопчатника, и нужно сказать что обычная здѣсь обработка этихъ плантацій стоитъ неломѣрно низко подъ уровнемъ современнаго состоянія сельскаго хозяйства. А несмотря на это обстоятельство, эти плантаціи даютъ хорошіе урожаи, и хлопокъ съ нихъ настолько доброкачественъ что онъ охотно покупается факрикантами, изъ коихъ многіе предпочитаютъ его бухарскому.

Табакъ турецкихъ сортовъ произрастаетъ почти по всему Кавказу весьма хорошо, и я не сомнѣваюсь что почва и климатъ многихъ мѣстностей пригодны и для воздѣлыванія американскихъ сортовъ; но и эта отрасль сельско-хозяйственнаго производства находится тамъ въ настоящее время въ мало развитомъ состояніи, и мѣстный табакъ цѣнится не высоко, по причинѣ, какъ объясняютъ торговцы, слишкомъ небрежной уборки и плохой сортировки.

Тутовникъ произрастаетъ по всему Кавказу превосходно, а между тѣмъ шелководствомъ занимается, за малыми исключеніями, одно лишь мусульманское населеніе, несмотря на то что кавказскій шелкъ покупается охотно по всей Европѣ и при хорошей размоткѣ цѣнится дороже французскаго и персидскаго.

Оливковое дерево должно бы, по моему разумѣнію, хорошо произрастать въ южной части сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго Моря и въ защищенныхъ отъ сѣвера мѣстностяхъ Закавказскаго края.

Рисъ можетъ быть производимъ въ большихъ количествахъ по низменностямъ береговъ рѣкъ Ріона и Куры, и почти по всему Кавказу имѣются большія пространства годныя для воздѣлыванія красильныхъ, прядильныхъ и прочихъ промышленныхъ растеній. Кавказская марена выше качествомъ чѣмъ подобный продуктъ воздѣлываемый, напримѣръ, въ Германіи.

Изъ всего здѣсь сказаннаго явствуетъ что ни климатическія ни почвенныя условія Кавказскаго края не составляютъ причины нынѣшней низкой его производительности, равнымъ образомъ не недостатокъ сбыта составляетъ эту причину, а напротивъ, оба эти условія въ значительной мѣрѣ благопріятствуютъ сельско-хозяйственному производству. Поэтому необходимо заключить что причина низкой производительности края заключается преимущественно въ недостаткѣ распространенія среди кавказскаго населенія сельско-хозяйственныхъ знаній, въ недостаткѣ капитала или въ нерасположеніи прилагать его къ сельско-хозяйственной промышленности, въ неразвитости массъ этого населенія, однимъ словомъ—въ недостаткѣ главнѣйшихъ факторовъ необходимыхъ для развитія всякаго производства.

И дѣйствительно, народы населяющіе Кавказъ принадлежатъ по происхожденію и характеру своему большею частью Азіи. Они имѣютъ свою культуру,—культуру восточную, которая, отживши свой вѣкъ, не развивается болѣе, а напротивъ, мало-по-малу умираетъ. Поступленіемъ Кавказа въ составъ Россійскаго государства было положено основаніе къ распространенію въ этомъ краѣ европейской культуры, но почти вѣковая война замедлила ея развитіе. Имена Воронцовыхъ и Барятинскихъ останутся на вѣки связанными съ исто-

ріей умственнаго и матеріальнаго развитія Кавказа, но распространеніе современной культуры въ болѣе обширныхъ размѣрахъ составляетъ задачу нынѣшнихъ дѣятелей. До сихъ поръ сдѣлано уже много. Повсюду открываются школы разныхъ разрядовъ, существованіе особеннаго сельско-хозяйственнаго училища вблизи Тифлиса обезпечено и, насколько можно вѣрить слухамъ, предполагается учредить подобныя же спеціальныя заведенія въ Кубанской области и другихъ частяхъ намѣстничества. При подобной практической дѣятельности мѣстной администраціи, нельзя сомнѣваться что для Кавказа скоро наступитъ время болѣе успѣшнаго развитія его производительности и что въ будущемъ, конечно еще отдаленномъ, онъ вознаградитъ Россію за матеріальныя жертвы принесенныя на его пріобрѣтеніе. На это можно надѣяться тѣмъ болѣе что въ скоромъ времени Кавказъ будетъ соединенъ съ остальною Россіей желѣзными дорогами, которыя не замедлятъ оказать, въ свою очередь, благопріятное вліяніе на постепенное развитіе въ немъ промышленной дѣятельности. Но, съ другой стороны, нужно сообразить что развитіе народовъ и распространеніе въ нихъ новой культуры не есть дѣло какихъ-нибудь десятилѣтій, а составляетъ задачу вѣковъ. Тысячилѣтняя азіятская культура умираетъ медленно, и долго еще будутъ бороться остатки ея съ современными понятіями о значеніи труда въ гражданской жизни вообще, а въ особенности съ понятіями о промышленномъ сельско-хозяйственномъ производствѣ.

Достопамятная Кавказская война дала, впрочемъ, еще другой результатъ, кромѣ покоренія этого края, именно: почти совершенное исчезновеніе съ Кавказа многихъ азіятскихъ народовъ.

По этой причинѣ освободились большія пространства, готовыя воспринять новое населеніе и новую культуру. Къ такимъ пространствамъ принадлежитъ самая важная часть Кавказа по своему мѣстоположенію и по своимъ естественнымъ задаткамъ, именно: юго-западный склонъ главнаго Кавказскаго хребта, вдоль Чернаго Моря, начиная отъ портоваго города Анапы до Гагръ, или такъ-называемый Черноморскій округъ.

Страны не населенныя отличаются относительно возможности распространенія въ нихъ новой культуры существеннымъ образомъ отъ странъ удержавшихъ коренное населеніе.

Изъ страны не заселенной можно сдѣлать, такъ-сказать, что̀ угодно и завести въ ней разомъ высокую культуру, лишь бы эта культура не стояла въ противорѣчіи съ естественными ея условіями, между тѣмъ какъ развитіе культуры въ странахъ имѣющихъ коренное населеніе идетъ шагъ за шагомъ и, конечно, тѣмъ мѣдленѣе, чѣмъ ниже степень цивилизаціи этого населенія. Распространеніе культуры въ странѣ новой зависитъ главнымъ образомъ отъ числа прибывающихъ въ нее элементовъ развитыхъ, предпріимчивыхъ и обладающихъ матеріальными средствами, нужными для культуры и промышленности. Чѣмъ больше въ массѣ переселенцевъ будетъ присутствовать такихъ элементовъ, тѣмъ скорѣе разовьется въ ней производительная дѣятельность, потому что личный трудъ людей бѣдныхъ и не свѣдущихъ будетъ имѣть возможность опереться на познанія, а оба вмѣстѣ на капиталъ. Чѣмъ значительнѣе будетъ сумма познаній и матеріальныхъ средствъ въ новомъ населеніи, тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе оно въ состояніи примѣниться къ новымъ условіямъ, преодолѣть затрудненія и основать въ новой странѣ новыя отрасли промышленности и новую культуру, наглядные примѣры въ этомъ отношеніи подаютъ намъ Америка и многія части Африки и Австраліи. Сколько тысячелѣтій понадобилось бы для того чтобы коренные жители этихъ странъ достигли нынѣшней степени культуры тамошнихъ европейскихъ колоній, да еще достигли ли бы ея когда-нибудь, еслибы развивались путемъ самобытнымъ, вырабатываемымъ собственною народною жизнью?

Въ теченіе не болѣе двухъ вѣковъ Сѣверо-Американскіе Штаты успѣли стать чуть ли не на первое мѣсто всемірной торговли и промышленности, и результатъ этотъ можно объяснить только тѣмъ что туда постоянно прибывали изъ западной Европы элементы развитые и предпріимчивые. Еще яснѣе отражается присутствіе интеллигентныхъ элементовъ и необходимыхъ матеріальныхъ средствъ въ успѣхахъ достигнутыхъ многими европейскими колоніями въ Африкѣ и въ Австраліи, изъ коихъ нѣкоторыя образовались въ теченіе нашего столѣтія. Бо́льшая часть этихъ колоній пришла въ цвѣтущее состояніе въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ десятковъ лѣтъ, такъ-сказать на глазахъ и противъ чаянія Европы, и нѣкоторыя отрасли сельско-хозяйственной промышленности достигли въ нихъ такого развитія, что угрожаютъ сво-

ею конкурренціи задушить подобныя же отрасли въ старой Европѣ. Ни въ Голландіи, ни въ Англіи, по причинѣ мѣстныхъ условій, не водится, напримѣръ, тонкорунная овца, а между тѣмъ въ африканскихъ и австралійскихъ колоніяхъ ихъ, благодаря присутствію въ нихъ европейской интеллигенціи, овцеводство доведено до такихъ размѣровъ и до такого совершенства что колоніальная шерсть достигла господства на европейскихъ рынкахъ, и что цѣны на европейскій продуктъ понизились почти на половину. Германія, до сихъ поръ разсадникъ улучшенныхъ породъ мериносовъ, будетъ выроятно скоро принуждена выписывать производителей для усовершенствованія своихъ стадъ изъ этихъ колоній.

Всѣ эти примѣры, доказывающіе высокое промышленное развитіе нѣкоторыхъ отдаленныхъ колоній, доказываютъ и то что они процвѣли не отъ чего другаго какъ отъ приложенія къ благодатной почвѣ разумнаго, европейскою цивилизаціей направленнаго труда.

И Россіи предстоитъ въ настоящее время задача колонизировать новый край, развить въ немъ культуру и тѣ отрасли сельско-хозяйственной промышленности для которыхъ опредѣлила его природа.

Чтобы достигнуть этой цѣли, намъ необходимо прежде всего уяснить себѣ какого рода элементы болѣе всего способны для этой колонизаціи.

Позволяю себѣ высказать мнѣніе что русскіе государственные интересы на Черномъ Морѣ будутъ обезпечены лишь тогда, когда берега этого моря, насколько они входятъ въ составъ нашего государства, будутъ населены элементомъ русскимъ или отчасти такимъ который имѣетъ тождественные интересы и стремленія съ Русскимъ народомъ, то-есть элементомъ славянскимъ. А для того чтобы сколь возможно скоро развить въ этомъ краѣ промышленную дѣятельность, необходимо и здѣсь присутствіе въ немъ всѣхъ важнѣйшихъ факторовъ всякой промышленности, то-есть необходимо чтобы въ край были привлечены поселенцы изъ всѣхъ тѣхъ классовъ которые входятъ въ составъ каждой, хотя нѣсколько благоустроенной страны, и чтобы, такимъ образомъ, личный трудъ имѣлъ возможность опереться на интеллигенцію, а оба вмѣстѣ на капиталъ.

Каждый другой способъ заселенія былъ бы, по моему раз-

умѣнію, одностороннимъ, имѣлъ бы послѣдствіемъ неудачи и напрасныя жертвы.

Руководясь военными цѣлями, правительство засслило уже въ 1864 году, то-есть еще до усмиренія этой части Кавказа, меньшую половину нынѣшняго Черноморскаго округа, казаками. На пространствѣ приблизительно 3.000 квадратныхъ верстъ, или около 300.000 десятинъ земли, было основано 12 небольшихъ станицъ, съ населеніемъ около 500 семействъ, часть которыхъ (по нѣсколько семействъ въ каждой станицѣ), составляютъ семейства матросовъ бывшаго Черноморскаго флота, потому что правительство имѣло въ виду развитіе прибрежнаго судоходства. Поселенія эти, однакожъ, не удались. Казаки, жившіе издавна въ хлѣбородныхъ равнинахъ, не сумѣли примѣниться къ новымъ, непонятнымъ для нихъ условіямъ гористаго края и доселѣ смотрятъ на него какъ на мѣсто своего заточенія. Бо́льшая часть переведеннаго ими сюда рогатаго скота степной породы пропала отъ повальныхъ болѣзней; посѣвы хлѣбовъ не удаются, а съ другими отраслями сельскаго хозяйства, съ отраслями соотвѣтствующими мѣстнымъ условіямъ, они не знакомы вовсе. Да и знакомиться трудно съ ними населенію малоразвитому, привыкшему получать въ хлѣбородной землѣ богатые урожаи при самой первобытной обработкѣ ея. Не мудрено что при такихъ обстоятельствахъ это населеніе чувствуетъ себя крайне несчастнымъ, и надѣясь на переводъ на старыя мѣста своего жительства, съ недовѣріемъ и враждой относится къ благонамѣреннымъ совѣтамъ объ улучшеніи и перемѣнѣ рода хозяйства. Нужно согласиться и съ тѣмъ что нѣтъ даже возможности для населенія приняться за необычныя ему отрасли, требующія многолѣтняго труда и заботъ (какъ напримѣръ за разведеніе виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ и пр.), въ то время когда ему не достаетъ насущнаго хлѣба, не достаетъ собственныхъ знаній и нѣтъ предъ глазами примѣра выгодности этихъ отраслей производства.

Вслѣдствіе такихъ неблагопріятныхъ результатовъ поселенія казаковъ, правительство рѣшилось пригласить въ остальную часть земель Черноморскаго прибрежья, начиная отъ рѣки Туапсе до Гагръ, населеніе гражданское, и предоставило селиться на этомъ пространствѣ не только Русскимъ, но и другимъ Славянамъ, а кромѣ того единовѣрнымъ Грекамъ и

Молдаванамъ. До 25го октября 1870 года было поселено во всемъ краѣ:

Русскихъ, казачьяго сословія, около	500	семействъ.
Крестьянъ, преимущественно Малороссовъ, около	200	„
Чешскихъ Славянъ около	150	„
Грековъ также около	150	„
Молдаванъ	160	„
Болгаръ, Нѣмцевъ, Армянъ и пр. около.	50	„
Кромѣ того мирныхъ Черкесовъ переселившихся изъ горъ около.	90	„
Всего прибл.	1.300	„

считающихъ около 6.000 душъ обоего пола.

Переселившіеся въ край Чехи происходятъ по большей части изъ мѣстностей гористыхъ и знакомы съ улучшеннымъ земледѣліемъ и садоводствомъ. Между ними много мастеровыхъ, и Русскіе, съ которыми они живутъ въ хорошихъ отношеніяхъ, стали принимать отъ нихъ земледѣльческія орудія. Русскіе поселенцы и Молдаване, преимущественно хлѣбопашцы, избираютъ для своего новаго мѣстожительства мѣста годныя для земледѣлія. Греки занимаются, кромѣ хлѣбопашества, воздѣлываніемъ табаку, а въ мѣстахъ гдѣ имѣются тутовыя дерева, шелководствомъ; но производимый ими табакъ имѣетъ, сравнительно съ удобствами занимаемыхъ ими мѣстъ, низкія качества, и судя по степени ихъ умственнаго развитія, нельзя надѣяться на улучшеніе этого производства. Почти всѣ поселенцы люди малоразвитые и столь бѣдны что бо́льшая часть изъ нихъ врядъ ли могла бы существовать безъ провіанта отпускаемаго имъ казной на первое время. Когда прекратится выдача казеннаго провіанта, тогда бо́льшая часть этихъ поселенцевъ будетъ находиться въ бѣдственномъ положеніи, потому что нельзя даже предвидѣть то время когда они успѣютъ примѣнить свое хозяйство къ условіямъ новаго края. Уже теперь найдется между ними много такихъ которые готовы возвратиться на родину, но имъ не достаетъ для этого средствъ.

При подобномъ заселеніи края, нельзя, конечно, надѣяться на успѣшное развитіе въ немъ сельско-хозяйственной промышленности и на производство въ большомъ размѣрѣ тѣхъ продуктовъ въ которыхъ нуждается Россія и которые способны быть предметомъ оживленной торговли на Черномъ

Морѣ. Въ видахъ привлеченія въ край элементовъ болѣе развитыхъ, правительство назначило часть прибрежныхъ земель этого края для раздачи частнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе, по 50 десятинъ въ одни руки, на основаніи правилъ о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, то-есть подъ условіемъ развести на этихъ участкахъ, въ теченіе десятилѣтняго срока, фруктовые сады, виноградники, тутовыя, табачныя и вообще плантаціи промышленныхъ растеній. Кромѣ того назначено восемь большихъ участковъ для продажи. Лицъ желающихъ получить участки на указанномъ основаніи явилось весьма много, и въ теченіи трехъ лѣтъ было отведено болѣе сотни такихъ участковъ. Но, къ сожалѣнію, очень немногіе изъ лицъ получившихъ землю принялись за хозяйство, а еще меньшее число приступило къ разведенію садовъ и промышленныхъ растеній. Причина этому та что большинство получателей люди безъ состоянія, а тѣ изъ нихъ которые обладаютъ капиталомъ полагаютъ невыгоднымъ пригласить спеціалистовъ для устройства столь незначительныхъ участковъ.

Такимъ образомъ и раздача участковъ земли даромъ не обѣщаетъ принести той пользы для края и тѣхъ результатовъ которые правительство имѣло въ виду. Пріобрѣтеніе земли безъ затраты денегъ на покупку ея—дѣло весьма приманчивое, но безъ употребленія капитала на эту землю, она останется непроизводительною и совершенно безцѣнною, а край въ такомъ случаѣ останется попрежнему пустыннымъ и негостепріимнымъ.

Въ настоящее время подвержено обсужденію правительственныхъ учрежденій вопросъ о назначеніи части земель Черноморскаго округа въ продажу.

Русскимъ землевладѣльцамъ и капиталистамъ предстоитъ случай пріобрѣсти на выгодныхъ условіяхъ землю въ краѣ имѣющемъ, благодаря своему мѣстоположенію и другимъ естественнымъ условіямъ, большую будущность. Край этотъ, однакожь, до сихъ поръ мало извѣстенъ Русскимъ, а передаваемые о немъ разказы противорѣчатъ одни другимъ. Путешествіе же въ этотъ отдаленный край требуетъ немалой затраты денегъ и времени,—оно сопряжено въ настоящее время съ нѣкоторыми затрудненіями, и не каждый изъ путешественниковъ имѣетъ возможность предпринимать тѣ наблюденія и изслѣдованія которыя столь необходимы чтобы сколь возможно вѣрно опредѣлить всѣ мѣстныя политико-экономическія

и сельско-хозяйственныя условія края, и на основаніи этихъ условій заключить о выгодности или невыгодности пріобрѣтенія тамъ земли.

По этимъ причинамъ я постараюсь теперь вкратцѣ изложить всѣ *особенности* этой мѣстности и разобрать обстоятельства имѣющія первостепенное значеніе для разведенія въ немъ разныхъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности.

Черноморскій округъ занимаетъ собою болѣе чѣмъ половину сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго Моря и лежитъ между 43° и 45° сѣверной широты, то-есть въ томъ поясѣ земнаго шара въ которомъ лежатъ южная часть Франціи, средняя Италія и Далмація. Средина округа лежитъ гораздо южнѣе чѣмъ южный берегъ Крыма.

Территорію округа образуетъ, какъ уже сказано, южный склонъ сѣверо-западной оконечности Кавказскаго главнаго хребта, и вся эта территорія состоитъ изъ бывшаго дна морскаго, поднятаго надъ уровнемъ нынѣшняго Чернаго Моря въ третичный періодъ образованія земнаго шара.

Только на самомъ хребтѣ и вблизи его мы находимъ вулканическія горныя породы, прорвавшіяся чрезъ раздвинутые пласты воднаго образованія. Всѣ свойства этихъ пластовъ доказываютъ что они дѣйствительно не что другое какъ слои водныхъ осадковъ, которые, будучи подняты, сплотнѣли и высохли, вслѣдствіе чего представляются теперь въ видѣ глинистаго сланца, рухляка и песчанника.

Судя по внѣшнимъ признакамъ, эта вновь образовавшаяся часть материка представляла собой первоначально нѣсколько волнистое, но сплошное пространство, имѣвшее легкій склонъ вплоть до самаго моря. Но въ теченіе времени наружные слои преобладающаго на всемъ пространствѣ глинистаго шифра подверглись разрушенію отъ атмосферическаго вліянія, отчего на поверхности образовался слой рыхлой земли.

Во время дождей, которые въ этомъ періодѣ были гораздо изобильнѣе чѣмъ теперь, образовалось въ помянутомъ рыхломъ слоѣ множество рытвинъ, по которымъ вода стекала въ разныхъ направленіяхъ къ морю, сообразно волнистому характеру мѣстности. Въ теченіе времени изъ рытвинъ образовались овраги, на днѣ и по бокамъ которыхъ обнажались и разрушались новые слои помянутыхъ породъ, тѣмъ болѣе что

изъ соединившихся ручейковъ мало-по-малу образовались горныя рѣчки, которыя на своемъ пути не только уносили рыхлую землю, но и содѣйствовали болѣе скорому разрушенію поименованныхъ пластовъ. Такимъ образомъ произошло множество овраговъ, ущелій и болѣе или менѣе значительныхъ долинъ, на днѣ которыхъ протекаютъ болѣе или менѣе значительныя рѣчки, имѣющія, въ свою очередь, множество притоковъ.

Между долинами и ущельями оставались нетронутыя потоками мѣста, отчего произошло безконечное число новыхъ продольныхъ и поперечныхъ хребтовъ, отчасти соединенныхъ съ главнымъ хребтомъ, а отчасти образующихъ особыя второстепенныя горы, отдѣльные холмы и террасы. Вообще нужно сказать что врядъ ли гдѣ-либо въ мірѣ существуетъ мѣстность болѣе пересѣченная горами и отрогами, чѣмъ сѣверо-восточное побережье Чернаго Моря, и что именно по этой причинѣ этотъ край со своими защищенными долинами, холмами и къ югу обращенными склонами, способенъ къ высокой сельско-хозяйственной культурѣ. Подробное описаніе всего края было бы слишкомъ утомительно для читателей и не имѣло бы здѣсь никакой цѣли, потому что характеръ его всюду почти одинъ и тотъ же; всѣ горы въ немъ, рѣчки и ущелья похожи другъ на друга, а географическія названія имѣли бы интересъ лишь тогда, еслибы шла рѣчь о данной, ближе опредѣленной части его. Подобное подробное описаніе нѣкоторыхъ частей этого края, впрочемъ, подготовляетъ къ печати совершившій тамъ обширное путешествіе агрономъ Верещагинъ.

Ограничусь указаніемъ что главный Кавказскій хребетъ начинается утесомъ возвышающимся приблизительно на 500 футовъ надъ самымъ берегомъ моря, вблизи города Анапы, въ сѣверной части Черноморскаго округа. Слѣдуя на юго-востокъ, хребетъ этотъ возвышается постепенно, образуя кое-гдѣ отдѣльно выдающіяся вершины, и вблизи южной границы этого округа достигаетъ высоты около 10.000 футовъ (гора Шугусъ 10.642′), удаляясь отъ моря въ этихъ мѣстахъ до 50 верстъ.

По мѣрѣ того какъ главный хребетъ удаляется отъ морскаго берега, увеличиваются и размѣры отроговъ второстепенныхъ горъ и величина горныхъ рѣчекъ. Ровныхъ мѣстъ, въ родѣ степей, вовсе не существуетъ въ этомъ краѣ, но имѣются долины по направленію рѣчекъ, и ширина первыхъ

простирается отъ нѣсколькихъ саженъ до двухъ и трехъ верстъ, а вблизи моря и болѣе. Всѣ рѣчки въ краѣ во время засухи маловодны, а многія изъ нихъ совсѣмъ высыхаютъ; но не успѣетъ пройти дождь, какъ изъ незначительныхъ ручейковъ дѣлаются рѣки, а тѣ которыя побольше изъ нихъ, наводняются такъ что на время перерываютъ всякое сообщеніе. Ни одна изъ этихъ рѣчекъ не судоходна, ни даже во время половодья, потому что теченіе ихъ слишкомъ быстро, а половодье слишкомъ кратковременно. За то онѣ отлично годятся для сельско-хозяйственныхъ цѣлей.

Почва также имѣетъ здѣсь почти повсюду одинаковый характеръ. На склонахъ и возвышенностяхъ она мѣстнаго происхожденія и поэтому состоитъ большею частію изъ распавшихся пластовъ глинистаго сланца или рухляка, то-есть изъ глинозема, съ значительною примѣсью извести, доходящею нерѣдко до 30%. Сверхъ того эта почва содержитъ отъ 10 до 25% песку и отъ 1 до 5% органическихъ веществъ, смотря по мѣстности. На покатостяхъ наклоненіе которыхъ превышаетъ 20° выходятъ кое-гдѣ наружу полуразрушенныя части пластовъ шифра и песчанника.

Толщина слоя рыхлой земли по склонамъ горъ простирается отъ четырехъ вершковъ до двухъ аршинъ и болѣе. По долинамъ и котловинамъ почва наносная, и содержитъ болѣе песку, и болѣе перегноя, чѣмъ почва на покатостяхъ, а толщина слоя этой почвы отъ аршина до трехъ.

Подпочва на склонахъ горъ состоитъ преимущественно изъ слоевъ глинистаго сланца, распавшихся на болѣе или менѣе крупные куски. Нужно замѣтить что здѣшній глинистый сланецъ или шифръ разрушается весьма быстро. Для того чтобы кусокъ этой породы, кажущійся самаго прочнаго свойства, распался на мелкій порошокъ, достаточно чтобъ онъ былъ открытъ вліянію воздуха не болѣе какъ на одинъ годъ. Прочные пласты встрѣчаются здѣсь рѣдко.

Подпочва по долинамъ состоитъ изъ суглинка, который, въ слояхъ лежащихъ глубже чѣмъ на сажень, перемѣшанъ со щебнемъ. Почти всѣ долины имѣютъ отличную почву и были прежде раздѣлены горцами на участки. Каждый изъ этихъ участковъ былъ обсаженъ кругомъ деревьями, а берега рѣчекъ были окаймлены ольхой, вербой и другими породами, для защиты этихъ береговъ отъ смыванья во время половодья. Къ сожалѣнію, бо́льшая часть этихъ изгородей и насажденій была

истреблена по необходимости во время войны, вслѣдствіе чего рѣчки размыли части береговъ, во многихъ мѣстахъ прорвали себѣ новыя русла, а старыя наполнили неплодороднымъ щебнемъ.

Растительность въ этомъ краѣ вообще чрезвычайно богата и роскошна. Начиная съ февраля мѣсяца до декабря можно видѣть цвѣтущія травы и кустарники, и благодаря особеннымъ свойствамъ мѣстности и климата, всѣ разряды растеній развиваются здѣсь совершеннѣе, а цвѣты и плоды ихъ гораздо ароматнѣе чѣмъ во многихъ странахъ южной Европы.

Изъ растеній имѣющихъ практическое значеніе для сельскаго хозяйства, встрѣчаются всѣ породы кормовыхъ злаковъ, клеверъ красный луговой, бѣлый, желтый и пр.; дикорастущій эспарсетъ и люцерна встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, а также разные виды буркуна (melilotus vulgaris, coeruleus etc.).

Кромѣ того прозябаетъ множество видовъ горошковъ, изъ которыхъ многіе достигаютъ замѣчательной величины. Луга по долинамъ могутъ давать два укоса безъ орошенія, а люцерна, при цѣлесообразномъ посѣвѣ, не менѣе пяти укосовъ. По возвышенностямъ болѣе удаленнымъ отъ моря имѣются обширныя горныя пастбища, годныя для всѣхъ породъ скота.

Произрастающія въ краѣ лѣсныя породы весьма многочисленны и разнообразны. Кромѣ всѣхъ породъ, прозябаемыхъ въ средней и южной полосахъ Россіи, встрѣчаются въ приморской полосѣ: самшитъ или такъ-называемая кавказская пальма (buxus sempervirens), лавровое дерево, кипарисъ, кедръ, тулипанное дерево (liriodendron tulipifera), каштанъ съѣдобный, грецкій орѣхъ, оливковое дерево и пр. Тутовое дерево имѣется во многихъ мѣстахъ въ такомъ количествѣ что доставляетъ возможность сейчасъ же заниматься шелководствомъ. Поселившіеся въ 1869 году Греки, вблизи поста Лазаревскаго, произвели уже нѣсколько пудовъ шелку.

По всему пространству находится множество дикихъ и привитыхъ фруктовыхъ деревьевъ разныхъ сортовъ, изъ коихъ нѣкоторыя даютъ плоды высокаго достоинства и замѣчательной величины.

Каштанъ и грецкій орѣхъ образуютъ во многихъ мѣстахъ сплошныя рощи, а дерева стоящія отдѣльно достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Такъ напримѣръ, въ тѣни орѣха находящагося въ Царской долинѣ, на рѣкѣ Дагомысѣ, свободно

располагается для отдыха цѣлая рота; другое дерево этой породы, въ долинѣ рѣки Нижи, дало 20 кулей орѣховъ.

Черешни, разнаго рода сливы, абрикосы, персики, фундуки, айва съ замѣчательно крупными плодами, произрастаютъ по всему краю, а въ южной половинѣ его часто встрѣчаются винная ягода, хурма (diospiros lotus) и даже гранатовое яблоко. Дикорастущая виноградная лоза распространена по всему краю и она свойственна ему, потому что встрѣчается въ большомъ количествѣ въ такихъ мѣстахъ гдѣ нельзя предположить искусственнаго ея разведенія, какъ напримѣръ, посреди лѣсовъ и въ тѣсныхъ, необитаемыхъ ущельяхъ. Во многихъ мѣстахъ виноградная лоза и хмѣль, вмѣстѣ съ колючимъ вьющимся растеніемъ извѣстнымъ здѣсь подъ названіемъ держидерево и чортъ-дерево, образуютъ непроходимыя чащи.

При столь богатой и роскошной растительности, легко можно себѣ представить прелестный видъ многихъ мѣстностей, какъ напримѣръ долинъ, гдѣ по берегамъ рѣчекъ, рощи смѣняются богатыми лугами, на которыхъ кое-гдѣ красуются отдѣльныя группы величавыхъ орѣховъ, ясеней или дуба. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виноградъ, плющъ и другія вьющіяся растенія совершенно закрываютъ берега рѣчекъ, образуя собою фестоны, какіе произвести врядъ былъ бы въ состояніи самый искусный садовникъ. Многіе отдѣльно стоящіе кустарники и дерева такъ обвиты виноградникомъ что представляютъ собою роскошныя зеленыя пирамиды и бесѣдки, а надъ другими деревьями образовался, изъ опущенныхъ внизъ побѣговъ виноградной лозы, природный навѣсъ, между тѣмъ какъ штамбы этихъ деревьевъ покрыты плющомъ.

Такія мѣста имѣютъ, такъ-сказать, видъ естественныхъ парковъ, въ особенности вблизи рѣчекъ, украшенныхъ водными лиліями и другими растеніями, такъ что искусству остается лишь снабдить эти парки дорожками. Если къ этой картинѣ еще прибавить очаровательный видъ, съ одной стороны, на безконечное море, а съ другой—на виднѣющіяся въ туманной отдаленности отдѣльныя вершины главнаго Кавказскаго хребта, то легко можно себѣ вообразить то впечатлѣніе какое производятъ такія мѣста на путешественника.

Удаляясь нѣсколько отъ морскаго берега, можно увидѣть во многихъ мѣстахъ картины совершенно другаго рода: по склонамъ горъ ведутъ дорожки къ мѣстамъ гдѣ находились прежде аулы горскихъ племенъ. Дорожки эти успѣли уже совер-

шенно заглохнуть и поросли крупными кустами азалей, рододендрона и разными вьющимися растеніями, такъ что путешественникъ можетъ двигаться впередъ не иначе какъ сдѣлавъ себѣ предварительно просѣку. Чрезъ каштановыя рощи мы доберемся къ остаткамъ заборовъ и плетней, окружающихъ болѣе или менѣе значительныя поляны, а за этими полянами мы увидимъ насажденія прекрасныхъ фруктовыхъ деревьевъ разныхъ сортовъ, покрытыхъ отчасти поспѣвшими уже плодами. По фруктовымъ деревьямъ и живымъ изгородямъ вьются виноградныя лозы, уже не дикія, мѣстныя, а садовыя съ крупными гроздами. Тамъ и сямъ въ тѣни подъ раскинувшимися вѣтвями гигантскихъ каштановъ и орѣховъ, виднѣются развалины странныхъ построекъ, архитектура которыхъ придаетъ имъ видъ пагодъ и храмовъ, построенныхъ въ честь боговъ посреди дремучихъ рощъ. Это сакли—бывшія жилища выселившихся Черкесовъ. Крыши въ этихъ сакляхъ большею частью уже провалились; внутри, между остатками домашней утвари и посуды, успѣли уже вырости кусты ежевики и плюща и развѣтвиться по стѣнамъ этихъ развалинъ. Судя по украшеніямъ, доселѣ замѣтнымъ на остаткахъ построекъ и утвари, а также по окружающимъ эти остатки полянамъ и садамъ, нужно заключить что у жителей этихъ мѣстъ господствовало благоустройство, и что они обладали нѣкоторымъ состояніемъ.

Развалины и остатки эти, окруженные дикою растительностію и вѣковыми деревьями, наводили на меня странное, нерѣдко даже нѣсколько грустное настроеніе. Въ такія минуты я не могъ удержаться отъ сожалѣнія о людяхъ религіозный фанатизмъ которыхъ заставилъ покинуть родимый очагъ и любимыя горы. Судьба народовъ однакожь, подумалъ я потомъ, предначертана Всемогущимъ. Эти народы, отжившъ свой вѣкъ, оказались неспособными къ высшему умственному развитію и къ воспринятію новѣйшей цивилизаціи, и поэтому они должны были уступить свое мѣсто элементу назначенному Провидѣніемъ перенести европейскую культуру въ Азію—элементу славянскому.

II.

Путешественнику наскоро проѣхавшему здѣшнія мѣста, и не имѣвшему времени познакомиться ближе съ краемъ, можетъ показаться будто здѣсь, при такомъ обиліи садовъ и

виноградниковъ, поселившемуся сельскому хозяину не предстоитъ другой заботы какъ снимать фрукты, давить вино и получать отъ покупателей деньги. Въ этомъ духѣ передавались разказы о наличныхъ естественныхъ богатствахъ приморской полосы Кавказа, въ этомъ же духѣ печатались даже статьи. Подобныя не совсѣмъ вѣрныя извѣстія могутъ скорѣе повредить краю, чѣмъ принести ему пользу: они въ состояніи увлечь многихъ къ предпріятіямъ основаннымъ на эксплуатаціи этихъ мнимыхъ богатствъ, и нѣсколько неудачъ такихъ операцій могутъ сдѣлаться причиной недовѣрія къ дѣйствительнымъ его качествамъ и навлечь на край пренебреженіе со стороны людей которые для него наиболѣе необходимы, т.-е. со стороны людей предпріимчивыхъ и обладающихъ свѣдѣніями и капиталомъ.

Если осмотримъ подробнѣе сады оставшіеся вокругъ бывшихъ черкесскихъ жилищъ, то мы увидимъ что около каждой сакли находится одна или двѣ яблони, столько же грушъ, нѣсколько сливъ и кромѣ того какой-нибудь каштанъ, орѣхъ, абрикосъ и пр.

Уже изъ этого обстоятельства слѣдуетъ заключить что Черкесы разводили сады не для того чтобъ извлекать изъ нихъ доходъ, а только чтобъ имѣть подспорье для своего пропитанія. Но еще болѣе убѣдимся мы въ этомъ, если обратимъ вниманіе на сорты фруктовъ встрѣчаемыхъ въ этихъ садахъ. Находящіяся въ нихъ груши и яблони принадлежатъ къ сортамъ скороспѣлымъ, фрукты которыхъ должны поступить въ употребленіе тотъ же часъ какъ поспѣютъ, т.-е. въ лѣтнее знойное время. О транспортировкѣ ихъ, хотя бы и на небольшое разстояніе, не можетъ быть и рѣчи, а къ сушенію они не годятся по той причинѣ что созрѣвшіе скоро подвергаются порчѣ. Черкесскіе аулы въ этомъ гористомъ краѣ были невелики: они состояли обыкновенно изъ 8, 12, а рѣдко изъ 20 или болѣе саклей. На мѣстахъ прежняго ихъ существованія хотя мы находимъ сады, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотъ деревьевъ, но тщетно будемъ искать въ нихъ насажденія однородныхъ сортовъ. Десятокъ или два грушъ или яблоней разбросано по всему околотку бывшаго аула, потому что чуть ли не каждое изъ этихъ деревьевъ принадлежало къ особой саклѣ, чѣмъ и объясняется разнородность сортовъ и почти общая ихъ низкокачественность. Только изрѣдка встрѣчаются въ краѣ яблони и груши дающія плоды высокаго до-

стопиства, но ихъ такъ мало что для эксплуатаціи въ настоящее время онѣ не имѣютъ никакого значенія, а могутъ лишь служить какъ бы указаніемъ на возможность производить здѣсь цѣнный продуктъ для торговли.

Находящіяся въ этихъ садахъ черешни: черныя, красныя и бѣлыя, принадлежатъ большею частью къ сортамъ посредственнымъ, и есть между ними много деревьевъ вовсе не привитыхъ.

Слива составляетъ въ большинствѣ насажденій самую многочисленную породу, но распространенные здѣсь сорта почти не имѣютъ значенія въ экономическомъ отношеніи. Всего болѣе встрѣчается такъ-называемая алыча, желтаго, краснаго или темносиняго цвѣта, неспособная для сушки, и пригодная развѣ только для выкурки изъ нея фруктоваго спирта. Сорта болѣе цѣнные, какъ напримѣръ, черносливъ, ренклодъ и пр. встрѣчаются рѣдко, но фрукты на такихъ деревьяхъ бываютъ замѣчательной величины и весьма хорошихъ качествъ.

Привитыхъ абрикосовъ и персиковъ въ этомъ краѣ я не встрѣчалъ, но дикія деревца этихъ породъ даютъ плоды довольно крупные и очень ароматные. Численность ихъ, впрочемъ, слишкомъ мала для того чтобъ они могли составлять въ настоящее время доходную статью.

Грецкій орѣхъ имѣется здѣсь въ значительномъ количествѣ. Онъ встрѣчается не только въ отдѣльно стоящихъ прекрасныхъ экземплярахъ, но образуетъ во многихъ мѣстахъ сплошныя насажденія. Въ одномъ изъ такихъ садовъ я насчиталъ до 200 большихъ и множество молодыхъ деревьевъ. Но, къ сожалѣнію, и эти деревья, съ малыми лишь исключеніями, принадлежатъ къ сорту малоцѣнному, мелкіе плоды котораго имѣютъ чрезвычайно твердую скорлупу. По этой причинѣ, собираемый теперь въ этомъ краѣ орѣхъ цѣнится торговцами гораздо ниже чѣмъ орѣхъ крымскій, бессарабскій и венгерскій, и часто не находитъ покупателей по цѣнамъ едва-едва окупающимъ издержки на уборку и доставку на мѣсто сбыта.

Произрастающій въ краѣ съѣдобный каштанъ не облагороженъ, а принадлежитъ къ сорту лѣсному, дикому, дающему мелкій плодъ, низкаго достоинства. Такъ какъ дерева этой породы большею частью образуютъ густыя рощи или составляютъ примѣсь лѣсовъ, то они мало плодородны. Отдѣльно

стоящихъ каштановъ встрѣчается здѣсь немного, почему и количество собираемыхъ плодовъ столь незначительно что не можетъ составлять предмета серіозной торговли, почему и на извлеченіе дохода изъ этой статьи въ настоящее время разчитывать нельзя. Простой орѣхъ встрѣчается на южномъ склонѣ Кавказа во множествѣ, но цѣнные сорта, такъ-называемые фундуки или миндальные орѣхи, довольно рѣдки. Такимъ образомъ эксплуатація и этого кустарника не въ состояніи доставить теперь существенной выгоды лицамъ пріобрѣтающимъ землю въ этомъ краѣ, а встрѣчаемые хорошіе сорта могутъ послужить только разсадникомъ для разведенія тамъ фундуковъ въ большомъ видѣ.

Что касается виноградныхъ лозъ, находящихся въ краѣ въ значительномъ количествѣ, то прежде всего слѣдуетъ сообразить что бо́льшая часть изъ нихъ лоза дикая, дающая виноградъ мелкій и для промышленныхъ цѣлей почти не имѣющій цѣны. Садовый виноградъ, дающій крупные плоды, находится лишь въ южной половинѣ округа, вблизи бывшихъ черкесскихъ жилищъ. Но опытъ, сдѣланный лицами живущими уже нѣсколько лѣтъ въ краѣ, показалъ ясно что виноградъ изъ этихъ одичалыхъ лозъ, пущенныхъ по деревьямъ, можетъ служить развѣ для употребленія въ свѣжемъ видѣ, а никакъ не для приготовленія изъ него вина, годнаго для торговли. Получаемое вино изъ мѣстнаго винограда имѣетъ въ началѣ довольно пріятный вкусъ, но къ веснѣ оно дѣлается кисловатымъ, а къ лѣту уже превращается почти въ уксусъ.

Вообще считаю умѣстнымъ предупредить всѣхъ лицъ намѣревающихся основать хозяйство въ этомъ новомъ краѣ, не увлекаться множествомъ растущаго тамъ дикаго или одичалаго винограда и не разчитывать на полученіе сколько-нибудь значительнаго дохода изъ его эксплуатаціи. Въ лѣсахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ также произрастаетъ большое количество дикихъ лозъ. Американцы принялись было давить вино изъ ихъ плодовъ и употребили всѣ мѣры для полученія изъ нихъ доброкачественнаго продукта, но всѣ произведенные ими опыты остались тщетными. Потомъ они старались улучшить и облагородить эти лозы посредствомъ правильной посадки и надлежащей обрѣзки, и убѣдились что этотъ путь слишкомъ медленъ и весьма труденъ. Наконецъ Американцы были принуждены прибѣгнуть къ другому, болѣе надежному способу разведенія виноградниковъ и стали выпи-

сывать упроченные уже сорта изъ Европы, преимущественно изъ Бургундіи и изъ прирейнскихъ провинцій.

Что kасается лозъ посаженныхъ во многихъ мѣстахъ Черноморскаго округа Черкесами, то нужно принять во вниманіе что этотъ народъ, придерживаясь обычаевъ магометанскихъ, не употреблялъ вина kакъ напитка и слѣдовательно разводилъ сорта годные лишь для стола. По этой причинѣ эти сорта не могутъ даже доставлять годнаго матеріала для разведенія новыхъ виноградниковъ съ цѣлью давить вино.

Единственное пользованіе плодами мѣстныхъ лозъ можетъ составлять выгонka изъ нихъ виноградnаго спирта; но принимая въ разчетъ то обстоятельство что собираніе kистей съ лозъ пущенныхъ по деревьямъ довольно затруднительно и, слѣдовательно, обойдется не дешево, kакъ и то что виноградъ при этомъ способѣ разведенія содержитъ въ себѣ малое kоличество сахара—нельзя полагать чтобы и этого рода эксплуатація могла принести большую выгоду.

Сдѣлавъ осмотръ фруktовыхъ сортовъ и виноградныхъ лозъ, нужно теперь взглянуть на состояніе этихъ насажденій. Находящіяся въ нихъ деревья стоятъ безъ всякаго порядка и безъ признаковъ kакого-либо распредѣленія занимаемаго ими мѣста. Насажденія столь густы что свѣтъ и воздухъ имѣютъ чрезвычайно малый kъ нимъ доступъ. Многіе сады представляютъ собою чащу деревьевъ разнообразнѣйшихъ породъ и сортовъ; имѣя неровное развитіе въ ростѣ, они заглушаютъ другъ друга.

Размѣщеніе деревьевъ свидѣтельствуетъ что горцы не имѣли и понятія о томъ kакая почва и kакая мѣстность болѣе соотвѣтствуетъ той или другой породѣ, и по всей вѣроятности, бо́льшая часть деревьевъ не была даже пересаживаема, а оставлялась и прививалась тамъ гдѣ появлялись дички.

Внимательный наблюдатель, осматривая kакое-либо дерево, можетъ, такъ-сkазать, читать на немъ исторію его прозябанія и его культуры. На деревьяхъ въ черkесскихъ садахъ не видать другихъ слѣдовъ kакой-либо о нихъ заботы, kромѣ довольно грубой прививки. Правильной обрѣзки фруktовыхъ деревьевъ у прежнихъ жителей этого kрая не существовало. Яблони, въ видѣ огромныхъ пирамидъ съ густыми вѣтвями, правда, kрасивы на видъ, но не kрасивы въ глазахъ практическаго садовода.

Наконецъ нужно сkазать что черkесskie сады въ Черно-

морскомъ округѣ доживаютъ свой вѣкъ. Во время своего удаленія въ Турцію, Черкесы нарочно изувѣчили множество фруктовыхъ, въ особенности орѣховыхъ деревьевъ, вслѣдствіе чего бо́льшая часть изъ нихъ лосохла. Пришедшіе въ край русскіе отряды усердно пособляли въ дѣлѣ уничтоженія садовъ, а въ особенности отличались въ этомъ отношеніи Черноморскіе kазаки. Для того, напримѣръ, чтобы нарвать послѣвшихъ черешней, они рубили все дерево—ради бо́льшаго удобства. Начальство войскъ строго запрещало такое уничтоженіе деревъ, но kазаки сумѣли обойти прямой смыслъ распоряженія начальства: они стали отрубать и ломать только однѣ вѣтви, оставляя на мѣстѣ лишь голые стволы, раны которыхъ, чтобы скрыть свѣжіе слѣды, натирали грязью. Нельзя не сожалѣть искренно о неразвитіи въ kазачьемъ населеніи сознанія необходимости сохраненія деревьевъ вообще, въ особенности же фруктовыхъ. Хотя эти деревья не обѣщаютъ давать продуктъ годный для сбыта, они имѣютъ все-таки свою важность для мѣстнаго хозяйства, такъ kакъ могутъ доставлять на первыхъ же порахъ нѣкоторое подспорье для продовольствія новаго населенія.

На югѣ Россіи существуетъ во многихъ мѣстахъ обычай выжигать къ веснѣ прошлогоднія травы. Казаки перенесли этотъ пріемъ и на юго-западный склонъ Кавказа и особенно усердно прилагали его въ первые годы занятія этого края. Отъ этихъ пожаровъ погибло множество фруктовыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ, такъ что мѣста вблизи kазачьихъ постовъ по большей части уже опустошены.

Наконецъ, сама природа много способствуетъ окончательному уничтоженію остатковъ черkесскихъ садовъ. Дикая виноградная лоза, плющъ, kолючkа, держи-дерево и другія вьющіяся растенія обвиваютъ и заглушаютъ деревья; роskошная, богатая растительность этого kрая сама является гибельною для нихъ. Плющъ, толщиной въ вершокъ, обвивая ихъ змѣеобразно, впивается въ стволы и достигая до самыхъ оконечностей вѣтвей, отнимаетъ у нихъ послѣднюю жизненную силу. По засыхающимъ вѣтвямъ другихъ всю зиму зеленѣютъ чужеядныя растенія.

Вѣтви деревьевъ kажутся отъ этого весной зелеными, но на самомъ дѣлѣ онѣ по большей части уже сухи.

Описавъ то положеніе въ которомъ kрай находится въ настоящее время въ культурномъ отношеніи, я постараюсь

теперь, для большей наглядности, выяснить вопросъ: какой родъ хозяйства и какія статьи должны быть заводимы въ этомъ краѣ, чтобы предпріятіе устройства въ немъ имѣнія имѣло прочныя основанія и чтобы владѣлецъ его могъ надѣяться на извлеченіе наиболѣе важнаго и вѣрнаго дохода?

Для успѣшнаго рѣшенія этого попроса необходимо сообразить предварительно всѣ мѣстныя политико-экономическія и сельско-хозяйственныя условія этого края, не упуская изъ виду и тѣ отношенія въ которыхъ онъ находится къ остальнымъ частямъ государства, а въ особенности къ ближайшимъ торговымъ пунктамъ, то-есть къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей.

Полагаю умѣстнымъ начать съ разсмотрѣнія тѣхъ условій которыми окружено производство въ настоящее время относительно рабочихъ силъ.

Прибывающіе въ край поселенцы получаютъ по 30 десятинъ болѣе или менѣе удобной земли на каждое семейство, и самая бо́льшая часть изъ нихъ хлѣбопашцы. Этому-то населенію приходится устраивать вновь свое хозяйство, сооружать постройки и очищать землю отъ пней и кустарника, для того чтобы приготовить себѣ поля для необходимѣйшихъ посѣвовъ хлѣба. На первое время рѣдко который изъ переселенцевъ будетъ въ состояніи отвлечься отъ этихъ занятій, съ тѣмъ чтобы продавать свой трудъ сосѣднимъ сельскимъ хозяевамъ, тѣмъ болѣе что, получая казенное денежное пособіе и ржаную муку на продовольствіе своего семейства, онъ на это время можетъ обойтись безъ заработковъ. Обстоятельства эти, конечно, скоро измѣнятся. Кончивъ свои постройки и исчерпавъ казенныя пособія, поселенцы будутъ крайне нуждаться въ заработкахъ. При низкой степени развитія большинства изъ нихъ, нельзя предвидѣть когда они будутъ въ состояніи примѣнить свое хозяйство къ условіямъ новаго края, чтобы добывать хлѣба, хотя бы въ томъ количествѣ сколько нужно для своего пропитанія. Но кромѣ хлѣба есть у населенія и другія потребности, и возможность заработковъ въ этомъ краѣ будетъ тогда составлять жизненный вопросъ для переселенцевъ.

Но, съ другой стороны, нужно сообразить что число нынѣшняго населенія въ краѣ ничтожно, такъ какъ за исключеніемъ жителей городовъ Новороссійска и Аналы прихо-

дится едва по одной душѣ на квадратную версту. Между тѣмъ мѣста годныя преимущественно для хлѣбопашества почти во всей приморской полосѣ уже заняты. Мѣста гористыя, хотя и представляютъ большія удобства для высокой сельско-хозяйственной культуры, не находятъ себѣ поселенцевъ между классомъ бѣднымъ и малоразвитымъ, почему и нужно заключить что число этого рода переселенцевъ въ край далеко не достигнетъ того объема который необходимъ для развитія полной производительности его и для веденія въ немъ промышленнаго сельскаго хозяйства.

При такихъ обстоятельствахъ, въ общемъ итогѣ частные хозяева не могутъ разчитывать на удовлетвореніе надобности въ рабочихъ силахъ посредствомъ найма мѣстныхъ поселенцевъ, а придется привлекать такія силы большею частью изъ-за предѣловъ края. Поэтому рабочія руки будутъ здѣсь не дешевы, изъ чего слѣдуетъ что сельскій хозяинъ въ Черноморскомъ округѣ долженъ будетъ избѣгать производства тѣхъ продуктовъ которые въ другихъ краяхъ, имѣющихъ не столь дорогихъ рабочихъ, могутъ быть производимы и сбываемы дешевле,—а, напротивъ, обратить свое вниманіе на тѣ цѣнность которыхъ болѣе щедро оплачиваетъ дорогую обработку.

Вслѣдъ за тѣмъ необходимо принять во вниманіе условія касающіяся *сбыта* воздѣлываемыхъ продуктовъ. На юго-западномъ склонѣ Кавказа нѣтъ ни большихъ городовъ, ни густаго населенія, ни промышленныхъ заводовъ, однимъ словомъ, нѣтъ мѣстныхъ потребителей сырыхъ произведеній. Сухопутнаго, хотя бы нѣсколько удобнаго сообщенія съ сосѣдними частями Кавказа, то-есть Кубанскою областью, этотъ край не имѣетъ и врядъ ли будетъ имѣть въ близкомъ будущемъ, потому что постройка шоссейныхъ дорогъ въ мѣстности столь пересѣченной горами и рѣчками весьма затруднительна. Но положимъ что современемъ будутъ проведены удобные пути сообщенія; и тогда эта часть Кавказа не будетъ важнымъ потребителемъ продуктовъ южнаго склона, потому что она слишкомъ мало населена, и населеніе ея имѣетъ очень ограниченныя потребности.

Въ виду того обстоятельства что Русское государство принуждено въ настоящее время получать разные продукты южныхъ странъ извнѣ, нельзя сомнѣваться что первымъ потребителемъ произведеній Черноморскаго восточнаго прибрежья

будетъ Россія, и главнымъ путемъ сообщенія этого края съ остальными частями государства — судоходное сообщеніе съ портами морей Чернаго и Азовскаго.

Но при этомъ нельзя упускать изъ виду характера береговъ Чернаго Моря, не имѣющихъ защищенныхъ бухтъ. Вслѣдствіе этого, плаваніе на немъ въ зимнее время не безопасно, а нагрузка товаровъ по открытымъ берегамъ весьма затруднительна. Это обстоятельство имѣетъ большое вліяніе на выборъ сельско-хозяйственныхъ отраслей вообще, а также и на опредѣленіе объема тѣхъ изъ нихъ продукты которыхъ неудобосохраняемы до наступленія благопріятнаго для плаванія времени.

Сообразивъ эти условія, нужно заключить что сельскому хозяину на юго-западномъ склонѣ Кавказа необходимо заняться воздѣлываніемъ тѣхъ продуктовъ сбытъ которыхъ внутри Россіи обезпеченъ, причемъ его произведенія должны имѣть свойство выдерживать продолжительную морскую и сухопутную перевозку и не подлежать порчѣ на время прекращенія морскаго или сухопутнаго сообщенія съ рынками.

Есть, однакожь, много южныхъ продуктовъ которые хотя и требуются Россіей и удобны для транспорта и сбереженія, но не всѣ они могутъ быть производимы на южномъ склонѣ Кавказа. Поэтому, при опредѣленіи будущаго производства, нужно еще сообразить климатическія и почвенныя условія этого края.

Каждый поясъ земнаго шара имѣетъ, какъ извѣстно, свою флору, опредѣленную свойствами почвы, а главнымъ образомъ его климата. Но не всѣ растенія принадлежащія къ флорѣ данной мѣсности достигаютъ въ ней совершеннаго развитія, а только нѣкоторая часть. Другая часть изъ нихъ, хотя прозябаетъ, но не достигаетъ полнаго развитія, по причинѣ недостатка нужнаго количества теплоты и влаги, или же по причинѣ излишка того или другаго. Прозябающія въ этомъ поясѣ растенія послѣднихъ разрядовъ подвергаются, по временамъ, поврежденіямъ разнаго рода, не всегда даютъ плоды, и плоды эти рѣдко бываютъ доброкачественны.

При опредѣленіи рода хозяйства въ краѣ еще мало извѣстномъ, не испытанномъ, соображеніе такихъ условій имѣетъ большую важность, ибо для того чтобы сельскій хозяинъ могъ надѣяться на успѣхъ своего предпріятія, онъ долженъ прежде всего обратить вниманіе на роды растеній достигаю-

щихъ въ ней наиболѣе полнаго развитія. Если же онъ будетъ увлекаться такими которыя лишь кое-какъ прозябаютъ въ такой мѣстности или же вовсе ей не свойственны, и станетъ разводить ихъ потому только что въ другой мѣстности они доставляютъ плантатору большую выгоду, то подвергнется риску понести неудачи и потратить напрасно много времени и капитала. Къ такимъ растеніямъ принадлежитъ, напримѣръ, гранатъ, лимонъ, апельсинъ, кофе, сахарный тростникъ и пр., а отчасти и оливковое дерево. Хотя эта порода встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной части Черноморскаго округа въ дикомъ или одичаломъ состояніи, но разводить въ округѣ оливковое дерево съ цѣлію извлеченія дохода, безъ разбора мѣстности и безъ предварительныхъ опытовъ, я полагаю, за весьма незначительными исключеніями, неумѣстнымъ, потому что Черноморскій округъ, по моему разумѣнію, представляетъ собой крайній предѣлъ прозябанія поименованнаго растенія. Здѣсь оливковые сады, при лучшемъ уходѣ, давали бы лишь изрѣдка плоды годные для продажи, потому что часто не достаетъ того количества теплоты которое нужно для полнаго ихъ развитія. Гораздо лучшіе результаты могутъ давать оливковыя плантаціи во многихъ мѣстахъ Сухумскаго отдѣла, Кутаисской и другихъ губерній Закавказскаго края, и слѣдуетъ полагать что въ этихъ мѣстностяхъ онѣ современемъ будутъ составлять немаловажную статью хозяйственнаго производства.

Что касается собственно Черноморскаго округа, то всѣ признаки его растительности свидѣтельствуютъ о томъ что этотъ край, за исключеніемъ вершинъ горъ и возвышенностей вблизи самаго Кавказскаго главнаго хребта, лежитъ, такъ-сказать, по срединѣ климатической области виноградной лозы. Въ пользу этого предположенія говоритъ и географическое положеніе его и благопріятствующія ему мѣстныя условія, какъ-то: сосѣдство моря, защита отъ сѣверо-востока главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, поросшимъ лѣсами, — условія способствующія умѣренію экстремовъ холода и теплоты. Нѣкоторыя, хотя и кратковременныя, метеорологическія наблюденія подтверждаютъ сейчасъ сказанное. Среднюю годичную температуру прибрежной полосы края можно опредѣлить отъ +9 до +11° Р. (смотря по мѣстности), между тѣмъ какъ область виноградной лозы начинается уже отъ +7°; экстремъ теплоты въ этой полосѣ около 40°, экстремъ холода въ сѣ-

верной части около 20°; въ южной прибрежной части термометръ рѣдко опускается ниже 6°.

Изъ этихъ данныхъ нужно вывести заключеніе что въ Черноморскомъ округѣ могутъ достигнуть полнѣйшаго своего развитія не только виноградная лоза, но и всѣ тѣ растенія которыя считаются принадлежащими къ ея климатической области, какъ-то: всѣ наши хлѣба, за исключеніемъ овса, предпочитающаго болѣе холодный климатъ, потомъ кукуруза, сорго, разныя породы кормовыхъ травъ, въ особенности эспарсетъ и люцерна, почти всѣ огородныя и корнеплодныя растенія, табакъ, садовый хмѣль, шафранъ, марена и другія красильныя, потомъ прядильныя и прочія фабричныя растенія, всѣ масляничныя, въ особенности подсолнечникъ и макъ; наконецъ изъ фруктовыхъ породъ: яблони, груши, сливы, черешни, абрикосы, персики, миндаль, грецкій орѣхъ, фундукъ, каштанъ и т. п.

Вотъ приблизительно та растительность изъ которой сельскому хозяину, приступающему къ дѣлу въ этой мѣстности, придется сдѣлать выборъ, руководясь при этомъ условіями высказанными мною прежде относительно обработки и сбыта продуктовъ. Кромѣ того, онъ долженъ еще сообразиться съ характеромъ поверхности и качествами почвы.

Я имѣлъ уже случай упомянуть что весь край представляетъ собой пространство весьма изрѣзанное горными откосами, рѣчками и оврагами. Равнинъ, въ томъ смыслѣ какъ мы обыкновенно понимаемъ степныя пространства, тамъ вовсе не существуетъ. Только по долинамъ и кое-гдѣ по возвышенностямъ, въ видѣ террасъ, имѣется ограниченное количество земли съ незамѣтнымъ наклоненіемъ, а затѣмъ все пространство состоитъ изъ покатостей у склоновъ, начиная отъ самыхъ отлогихъ до самыхъ крутыхъ и отвѣсныхъ обрывовъ.

Всѣ земли на этомъ пространствѣ могутъ быть подраздѣлены относительно своего наклоненія къ горизонту приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Мѣстъ ровныхъ и умѣренно наклоненныхъ, до 5° включительно, около	10%
Покатостей съ наклоненіемъ отъ 5 до 15° около	15%
Полосъ имѣющихъ наклоненіе отъ 15 до 30° около	25%
Мѣстъ со скатомъ отъ 30 до 45° около	30%
Мѣстъ наклоненныхъ къ горизонту болѣе чѣмъ на 45° и обрывовъ около	20%

Въ практическомъ отношеніи это распредѣленіе имѣетъ слѣдующее значеніе:

Мѣста ровныя и полосы съ наклоненіемъ до 15° могутъ быть обрабатываемы пахотнымъ орудіемъ и годятся для посадки высокорослыхъ деревьевъ съ крупными и цѣнными плодами, то-есть высокихъ сортовъ грушъ и яблонь. Полосы съ наклоненіемъ къ горизонту отъ 15 до 30° не могутъ быть уже обрабатываемы полевымъ орудіемъ, по причинѣ затруднительности такой обработки и опасности лишить такія мѣста плодороднаго слоя вслѣдствіе смытія дождевою водой. За то эти мѣста годны для посадки фруктовыхъ деревьевъ всѣхъ сортовъ, въ особенности деревьевъ съ низкими штамбами, для разведенія виноградниковъ, а при болѣе сѣверномъ направленіи склона, въ мѣстахъ возвышенныхъ надъ уровнемъ моря болѣе чѣмъ на 2.000 фут., для пастбищъ. На склонахъ отъ 30 до 45 и даже болѣе градусовъ встрѣчаются виноградники дающіе самый высокій продуктъ; но такія покатости требуютъ уже устройства террасъ. Кромѣ того такія мѣста годны для фруктовыхъ деревьевъ тѣхъ породъ плоды которыхъ не подлежатъ поврежденію при паденіи съ высоты, каковы напримѣръ волошскій орѣхъ, каштанъ, фундукъ.

Разведеніе культурныхъ растеній на покатостяхъ наклоненныхъ къ горизонту болѣе чѣмъ на 45°, безъ сооруженія террасъ--не мыслимо. Если такія мѣста не покрыты лѣсомъ, то они обыкновенно лишены слоя плодородной почвы. Вырубка лѣсовъ на такихъ крутыхъ склонахъ влечетъ за собою или большія затраты, или превращеніе такихъ мѣстъ въ печальную пустыню.

Кончивъ разборъ условій опредѣляющихъ направленіе будущаго сельско-хозяйственнаго производства края, мы теперь можемъ приступить къ соображенію насколько отдѣльныя статьи этой промышленности соотвѣтствуютъ исчисленнымъ условіямъ, для того чтобы сдѣлать выводъ, которыя изъ нихъ и какую именно выгоду могутъ доставить частному владѣльцу, и какое вліяніе можетъ оказать воздѣлываніе отдѣльныхъ продуктовъ на возвышеніе благосостоянія всего государства вообще.

Начнемъ съ *хлѣбопашества.*

Въ гористой мѣстности, каковую представляетъ собою Черноморскій округъ, хлѣбопашество не можетъ составлять важной статьи дохода, потому что количество земли способ-

ной для обработки плугомъ, въ сравненіи съ прочимъ пространствомъ, слишкомъ ограничено. Мѣстъ ровныхъ, съ наклоненіемъ до 15°, всего около 25%, и такъ какъ значительная часть этого количества (напримѣръ мѣста по долинамъ занесенныя щебнемъ) не плодородна, другая же часть его находится подъ казенными лѣсами, поселками, дорогами и пр., то сумма во всемъ округѣ годныхъ къ распашкѣ мѣстъ врядъ ли превышаетъ 120.000 десятинъ, то-есть 15% всего пространства. Изъ этого слѣдуетъ что подобныхъ мѣстъ немного можетъ войти въ составъ отдѣльныхъ участковъ. Если еще сообразить малое содержаніе въ почвѣ органическихъ веществъ, и слѣдовательно необходимость удобренія, дороговизну рабочихъ рукъ и неудобства сообщенія между раздробленными и разбросанными пахотными полями, то не трудно заключить что этотъ край относительно хлѣбовъ не въ состояніи будетъ соперничать съ плодородными степями южной Россіи.

Но хоть и нѣтъ разчета основать здѣсь хозяйство на хлѣбопашествѣ, и хотя мѣста годныя для распашки могутъ быть эксплуатируемы посредствомъ воздѣлыванія другихъ, болѣе цѣнныхъ растеній, все-таки сельское хозяйство на восточномъ берегу Чернаго Моря безъ хлѣбопашества обойтись не можетъ. Оно нужно, вопервыхъ, ради прокормленія, вовторыхъ, ради доставленія удобрительныхъ матеріаловъ для разныхъ плантацій, а втретьихъ, ради приготовленія почвы подъ растенія дающія болѣе значительныя выгоды.

Такимъ образомъ хлѣбопашество въ этомъ краѣ должно имѣть во всякомъ случаѣ характеръ вспомогательной статьи, и такъ какъ его размѣры могутъ быть лишь весьма не велики, то оно можетъ удовлетворять вышеозначеннымъ требованіямъ лишь подъ условіями наиболѣе совершенной обработки почвы, удобренія и плодосмѣнной системы посѣвовъ, то-есть при условіяхъ обычныхъ въ хозяйствѣ фермерскомъ. Сильно ошибается тотъ кто полагаетъ что хлѣбопашество и разныя плантаціи въ Черноморскомъ округѣ могутъ существовать на продолжительное время безъ удобренія, основываясь на томъ обстоятельствѣ что Черкесы никогда не удобряли своихъ полей. Надо сказать что они производили свои посѣвы на небольшихъ полянахъ, которыя предварительно очищали отъ деревьевъ и кустарниковъ посредствомъ пожоговъ, и пользовались ими до тѣхъ поръ пока поляны давали урожай; затѣмъ они бросали ихъ и постепенно очищали

новыя, нерѣдко на склонахъ довольно крутыхъ. По этой причинѣ мы видимъ въ краѣ множество полянъ оставленныхъ безъ посѣвовъ, судя по возрасту на нихъ деревъ, еще за нѣсколько лѣтъ до выхода горцевъ изъ края; слѣдствіемъ такого хозяйства было то что въ настоящее время можно встрѣтить въ краѣ большое число полосъ обнаженныхъ отъ плодороднаго слоя почвы и вновь образовавшихся овраговъ на крутыхъ склонахъ. Еслибы горцы продолжали жить долѣе на южномъ склонѣ Кавказа въ такомъ числѣ какъ въ послѣдніе годы войны, и притомъ не переставали бы очищать и обрабатывать такое же количество полянъ какъ въ то время, то не прошло бы болѣе полувѣка и край этотъ сдѣлался бы безводнымъ, пустыннымъ и необитаемымъ.

Между хлѣбами заслуживаетъ особеннаго вниманія сельскаго хозяина кукуруза, потому что этотъ хлѣбъ, при цѣлесообразной обработкѣ, доставляетъ въ этой мѣстности большой урожай, доходящій до 30 и даже до 40 четвертей съ десятины. Анатолійцы охотно покупаютъ ее отъ 4 до 5 р. за четверть; поэтому кукуруза вознаграждаетъ за дорогую и хлопотливую обработку. Главная же выгода разведенія кукурузы состоитъ въ томъ что ея культура на вновь разработанной почвѣ, на которой воздѣлываніе другихъ хлѣбовъ и корнеплодныхъ на первое время представляется неудобнымъ, доставляетъ хозяину возможность очистить почву отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ сорныхъ травъ (какъ напримѣръ папоротника) и приготовить этимъ путемъ землю для разведенія болѣе цѣнныхъ растеній.

Теперь взглянемъ на продукты скотоводства: шерсть, сыръ, масло, сало, смушки, кожи и пр. имѣютъ всѣ тѣ качества которыя требуются отъ произведеній этого края относительно цѣнности и сбыта, и если принять во вниманіе что въ нагорной полосѣ края встрѣчаются значительныя пространства прекрасныхъ пастбищъ * и что, сверхъ того, большая часть склоновъ, не допуская распашки, должна быть эксплуатируема фруктовыми садами и будетъ при этомъ тоже доставлять изобиліе корма, то понятно что скотоводство въ этомъ краѣ будетъ играть не послѣднюю роль въ числѣ прочихъ сельско-хозяйственныхъ статей.

---

* До 500 футовъ надъ уровнемъ моря.

Коннозаводство можетъ доставлять нужное для мѣстной надобности количество рабочихъ, вьючныхъ и превосходныхъ лошадей для верховой ѣзды; для послѣдней цѣли нужно бы, по моему мнѣнію, обратить вниманіе на нѣкоторыя изъ кавказскихъ мѣстныхъ породъ, какъ напримѣръ кабардинскую и карабахскую.

Рогатый скотъ можетъ сдѣлаться современемъ одною изъ весьма доходныхъ статей края. Качества сыра и масла зависятъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ отъ качества корма. Нагорныя пастбища Кавказа ни въ чемъ не уступаютъ альпійскимъ пастбищамъ Тироля и Швейцаріи относительно ароматности кормовыхъ травъ, почему и слѣдуетъ ожидать что здѣшніе продукты скотоводства, сыръ и масло, при цѣлесообразной выдѣлкѣ ихъ, окажутся столь же доброкачественными какъ въ поименованныхъ странахъ. Возможности выдѣлки высокаго качества коровьяго масла въ Черноморскомъ округѣ мы имѣемъ уже доказательства. Чешскіе переселенцы вблизи Новороссійска приготовляютъ масло которое сдѣлалось уже извѣстнымъ въ Сухумѣ, Керчи и Одессѣ, и оно продается 30% дороже противъ масла степнаго. Современемъ коровье масло можетъ сдѣлаться предметомъ и отпускной торговли этого края, но для хозяйства нѣсколько болѣе обширныхъ размѣровъ чѣмъ хозяйство переселенца, представляетъ болѣе выгоды производство такъ-называемаго швейцарскаго сыра. Портовые города Чернаго и Азовскаго морей будутъ охотно покупать этотъ продуктъ, а если онъ будетъ столь же доброкачественъ въ своемъ родѣ какъ новороссійское масло, то не подлежитъ сомнѣнію что онъ замѣнитъ въ Россіи иностранные сыры.

Не маловаженъ вопросъ для будущности края: какая порода рогатаго скота соотвѣтствуетъ естественнымъ его условіямъ? Степной скотъ, приводимый сюда переселенцами, подвергается падежамъ и разнымъ болѣзнямъ; иначе и быть не можетъ. Прежде существовала здѣсь мѣстная порода, такъ-называемая черкесская, и ее можно видѣть и теперь у Абазинъ и Абхазцевъ, вблизи Сухума. Эта порода вовсе не похожа ни на одну изъ европейскихъ породъ. Она мелка, нѣжнаго сложенія, съ тонкими ногами и довольно развитою грудью. Молочность ея стоитъ выше чѣмъ у скота степной породы, и я полагаю что скрещиваніе ее съ одною изъ тирольскихъ или швейцарскихъ породъ доставило бы хорошіе результаты.

Во всякомъ случаѣ хозяину этой новой мѣстности придется пріобрѣсти рогатый скотъ какой-либо изъ горныхъ породъ; иначе онъ рискуетъ понести убытки.

Овцеводство не можетъ быть заводимо въ этомъ краѣ въ такихъ размѣрахъ какъ на югѣ Россіи, въ Венгріи и въ заокеанскихъ колоніяхъ, потому что столь гористая мѣстность не дозволяетъ держать большія стада въ одномъ мѣстѣ. По этой причинѣ доходную статью могутъ составлять овцы съ самыми высокими качествами шерсти, цѣнность которыхъ вознаграждала бы сложный за ними уходъ, или же породы неприхотливыя въ отношеніи нѣкоторыхъ климатическихъ свойствъ края. Въ большинствѣ случаевъ будетъ удобнѣе рѣшиться на выборъ овцы не тонкорунной, а простой, и я совѣтовалъ бы разводить такъ-называемую крымскую (решетиловскую тоже) породу, смушки которой въ послѣднее время поднялись очень въ цѣнѣ, и такъ какъ онѣ вошли въ употребленіе и за границей, то могли бы составлять статью отпускной торговли.

Кромѣ того, овца имѣетъ здѣсь большое значеніе какъ мясной продуктъ. Въ южной половинѣ приморской полосы не бываетъ льда годнаго для набивки ледниковъ, почему сбереженіе говядины въ лѣтнее время затруднительно, и тогда представляется болѣе удобнымъ рѣзать овецъ.

Несмотря на то что скотоводство, какъ и хлѣбопашество, можетъ доставлять отдѣльному хозяину не малый доходъ, все-таки обѣ эти отрасли имѣютъ для края въ общемъ итогѣ второстепенное значеніе. Несравненно болѣе важности во всякомъ отношеніи имѣютъ другія статьи, и одно изъ первыхъ мѣстъ между ними, по всей вѣроятности, будетъ занимать *садоводство*.

Продукты садоводства соотвѣтствуютъ всѣмъ условіямъ касающимся стоимости обработки, сбыта и цѣнности произведеній и характера мѣстности этого края. Обработка фруктовыхъ садовъ требуетъ гораздо менѣе затраты труда, чѣмъ воздѣлываніе хлѣбовъ и другихъ продуктовъ полеводства, а произведенія садоводства составляютъ товаръ находящій повсюду покупателей, особенно же въ Россіи.

Русское государство представляетъ собою, какъ извѣстно, равнину громадныхъ размѣровъ, внутренность которой пересѣчена лишь кое-гдѣ небольшими горами и долинами. Открытыя мѣстности вообще не особенно благопріятствуютъ

разведенію фруктовыхъ садовъ, а особенно, если такія мѣстности имѣютъ континентальный климатъ. Южная половина Россіи не благопріятствуетъ этой отрасли по причинѣ лѣтнихъ засухъ, степнаго свойства ея климата, а сѣверная половина по причинѣ большой продолжительности зимы и сильныхъ морозовъ. По этой причинѣ въ Россіи фрукты всякаго рода имѣютъ, въ сравненіи съ другими странами, непомѣрно высокую цѣну. Такъ напримѣръ, десятокъ яблоковъ хорошихъ сортовъ, стоящій въ Чехіи 5 копѣекъ, обходится въ Москвѣ въ 50 кол. Такая относительная дороговизна, конечно, понятна, если сообразить что сады Крымскаго полуострова и нѣкоторыхъ очень немногихъ другихъ мѣстностей доставляютъ столь незначительныя количества фруктовъ что не могутъ удовлетворить потребности въ этомъ продуктѣ даже самаго зажиточнаго класса населенія всего государства. Поэтому ясно что Россія должна получать бо́льшую часть нужныхъ ей фруктовъ, въ свѣжемъ и сушеномъ видѣ, изъ-за границы, преимущественно чрезъ Петербургъ, Ригу и прочіе порты Балтійскаго моря. Въ Петербургѣ, Москвѣ и во всѣхъ прочихъ болѣе значительныхъ городахъ можно, конечно, видѣть большіе склады „крымскихъ фруктовъ“, но это потому что многіе торговцы находятъ для себя болѣе выгоднымъ продавать заграничные фрукты за продуктъ крымскихъ садовъ. Одни петербурскіе и московскіе торговцы продаютъ ежегодно вдвое болѣе „крымскихъ фруктовъ“ чѣмъ ихъ отпускается въ Россію изо всѣхъ садовъ этого края. Изъ Крыма, до открытія Одесской и Курской желѣзныхъ дорогъ, возили фрукты до самой Москвы гужемъ, между тѣмъ какъ къ берегамъ Невы пристаетъ ежегодно множество судовъ, и каждое изъ нихъ нагружено тысячами пудовъ этого продукта. Съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ соединившихъ порты Чернаго и Азовскаго морей со внутреннею Россій, доставка крымскихъ фруктовъ сдѣлалась болѣе удобною, а между тѣмъ незамѣтно чтобы цѣна на фрукты понизилась, а также чтобы чрезъ это уменьшился ввозъ заграничнаго продукта.

Изъ этого слѣдуетъ что и фрукты воздѣлываемые на южномъ склонѣ Кавказа найдутъ себѣ покупателей.

Количество земель въ Черноморскомъ округѣ годныхъ для разведенія фруктовыхъ садовъ можно опредѣлить не менѣе какъ 150.000 десятинъ. Полагаю что на этомъ пространствѣ можно производить разныхъ сырыхъ и сушеныхъ

фруктовъ по крайней мѣрѣ до 25 милліоновъ пудъ ежегодно. Производство въ такихъ размѣрахъ могло бы, вопервыхъ, уменьшить или совсѣмъ устранить ввозъ заграничнаго товара этого рода, вовторыхъ, повліять на пониженіе нынѣ существующихъ высокихъ цѣнъ, а подобное удешевленіе повлекло бы за собою что фрукты перестали быть предметомъ роскоши, доступной лишь классамъ зажиточнымъ.

Если сообразить что фрукты составляютъ чуть ли не самый важный припасъ для улучшенія постной пищи, то нельзя искренно не пожелать, даже съ гигіенической точки зрѣнія, чтобъ этотъ продуктъ въ Россіи сдѣлался доступнымъ и для бѣдныхъ классовъ.

Во всякомъ случаѣ садовое производство въ обширныхъ размѣрахъ на восточномъ берегу Чернаго Моря будетъ несомнѣнно имѣть значеніе въ улучшеніи благосостоянія страны и содѣйствовать развитію торговли на Черномъ Морѣ.

Что касается вопроса, въ состояніи ли будутъ фрукты производимые въ этомъ краѣ конкуррировать съ фруктами заграничными относительно ихъ качествъ, то встрѣчаемые кое-гдѣ въ краѣ привитые высокіе сорта даютъ намъ совершенно удовлетворительный отвѣтъ; а если эти сорта составляютъ, такъ-сказать, исключеніе среди фруктовыхъ деревьевъ съ плодами низкихъ качествъ, то это доказываетъ только равнодушіе прежнихъ мѣстныхъ жителей къ высокой культурѣ.

Что садоводство въ Черноморскомъ округѣ можетъ достигнуть высокой степени совершенства, и что тамошніе фрукты по своимъ качествамъ будутъ цѣниться не ниже крымскихъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Множество встрѣчаемыхъ повсюду фруктовыхъ дичковъ, роскошный ростъ многихъ деревьевъ въ бывшихъ черкесскихъ садахъ и урожайность фруктовъ на тѣхъ деревьяхъ которыя не заглохли, служитъ лучшимъ доказательствомъ благопріятности почвы и климата для этой отрасли хозяйства.

Наконецъ позволю себѣ указать на тѣ выгоды которыя можетъ доставлять садоводство частному владѣльцу въ мѣстности хотя нѣсколько благопріятствующей разведенію фруктовыхъ деревьевъ.

Во время моего посѣщенія Крыма въ 1868 году, я осматривалъ сады нѣкоторыхъ владѣльцевъ и собралъ при этомъ случаѣ свѣдѣнія о доходности тамошняго садоводства, отча-

сти у самихъ владѣльцевъ и отчасти у садовниковъ и арендаторовъ этихъ садовъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: въ саду г. Козы, на рѣкѣ Качѣ, были проданы въ томъ году фрукты разныхъ сортовъ съ 92 деревьевъ за 340 р., то-есть приходилось по 3 р. 63 коп. отъ дерева, несмотря на то что часть изъ нихъ были уже устарѣлыя, а часть еще слишкомъ молодыя.

Въ имѣніи генерала Кесслера, близь Симферополя, находится фруктовый садъ въ размѣрѣ шести десятинъ, который въ упомянутомъ году, по случаю малаго урожая, былъ отданъ въ аренду за 3.000 руб., то-есть по 500 руб. за каждую десятину.

Имѣніе Азберда, близь Карасубазара, принадлежавшее г. Котоны, состоитъ приблизительно изъ 20 десятинъ земли, засаженныхъ фруктовыми деревьями. Въ теченіе многихъ лѣтъ оно давало отъ 16 до 18.000 руб. годоваго дохода, то-есть отъ 800 до 900 рублей съ каждой десятины.

И вотъ еще одинъ примѣръ доходности этой статьи въ Чехіи.

Князь Фирстенбергъ, владѣлецъ имѣнія Кривокладъ, состоящаго, кромѣ лѣсовъ, изъ 25 фермъ, расположенныхъ на 5.000 десятинахъ земли, получаетъ за фрукты въ урожайные годы, несмотря на дешевизну этого продукта въ той мѣстности, 126.000 гульденовъ, то-есть около 100.000 руб. сер., изъ коихъ на обработку и содержаніе садовниковъ, помощниковъ и сторожей издерживается около 7.000 гульденовъ.

Цифры эти служатъ довольно краснорѣчивымъ доказательствомъ выгодности садоводства, а между тѣмъ нужно присовокупить что въ поименованномъ имѣніи почти нѣтъ садовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; только дороги, всѣ пахотныя поля и луга, принадлежащіе къ фермамъ, обсажены фруктовыми деревьями и они же засажены и пастбища, скаты и даже овраги.

Въ подобномъ же видѣ я представляю себѣ разведеніе фруктовыхъ деревьевъ и на юго-западномъ склонѣ Кавказа.

Фруктовыя деревья будутъ служить тамъ защитой пастбищъ, расположенныхъ по склонамъ горъ, противъ палящихъ лучей солнца; они будутъ окаймлять дороги, поля и разныя плантаціи, расположенныя вокругъ отдѣльныхъ фермъ и уютныхъ дачъ.

Было время когда процвѣталъ этотъ край, и есть преданія что онъ былъ покрытъ греческими поселеніями и генуезскими факторіями, отпускавшими драгоцѣнные товары въ западную Европу.

Отъ нынѣшняго поколѣнія Русскаго народа зависитъ вновь развить въ немъ промышленность, гражданскую жизнь и благосостояніе.

Ф. ГЕЙДУКЪ.

(*До слѣд. №.*)

ПОСОЛЬСТВО
ВЪ ХИВУ И БУХАРУ
ПОЛКОВНИКА ИГНАТЬЕВА
ВЪ 1858 ГОДУ

Русскіе очутились въ Хивѣ въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ для переговоровъ. Сомнѣніе Хивинцевъ въ мирной присылкѣ агента, вслѣдствіе разныхъ передвиженій русскихъ отрядовъ въ степи, плаванія флотиліи и пр., достигло высшей степени. Кромѣ того при сильномъ вліяніи Бухарскаго эмира на дѣла Хивы, опасеніе не сойтись въ цѣляхъ съ этимъ представителемъ Турана совершенно стѣсняло свободу дѣйствій правительства, и наконецъ самое важное: личности съ которыми привелось агенту вести переговоры, по своей обстановкѣ, совсѣмъ не подходили къ тому взгляду который установился у насъ въ Россіи на хивинскихъ сановниковъ и даже самого хана, на основаніи свѣдѣній установленныхъ бывшими миссіями Никифорова и Данилевскаго.

При покойномъ ханѣ Алла-Кулѣ, когда былъ въ Хивѣ Нику-

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

форовъ, и въ особенности при наслѣдникѣ Алла-Кула, Магамедъ-Рахимѣ, въ бытность въ Хивѣ Данилевскаго, всѣми дѣлами ханства управлялъ старый мехтаръ Якубъ. Происшедшіе послѣ смерти Магомедъ-Рахима перевороты въ ханствѣ, а именно: убійство его преемника Кутлу-Мурата туркменскимъ посланцемъ во время аудіенціи, возведеніе на ханство Сеидъ-Магомета и умерщвленіе послѣднимъ Якуба, перевернули въ Хивѣ всѣ отношенія между ханомъ и его совѣтниками и послужили къ тому что Сеидъ-Магомедъ рѣшился самъ управлять дѣлами, входилъ во всѣ мелочи администраціи, никому не довѣрялъ, а если еще и поручалъ кое-какія дѣла своимъ приближеннымъ, то почти исключительно старшему брату своему и Кушъ-Беги. Къ этимъ-то именно сановникамъ агентъ нашъ и *не имѣлъ* писемъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что̀ не мало ихъ оскорбило и заставило дѣйствовать совершенно не въ пользу Русскихъ. При вліяніи этихъ лицъ, подозрѣнія хана дошли до того что, въ первое время пребыванія миссіи въ Хивѣ, онъ подъ страхомъ смерти запретилъ Хивинцамъ какое бы то ни было сообщеніе съ Русскими, останавливалъ посыльныхъ агента, сажалъ ихъ въ тюрьму, отбиралъ наши письма и почти дошелъ до убѣжденія что полковникъ Игнатьевъ поступитъ съ нимъ такъ же какъ туркменскій посланецъ съ Кутлу-Муратомъ, то-есть убьетъ его на аудіенціи. Будучи въ то же время неопытенъ въ дѣлахъ, Сеидъ-Магометъ вынужденъ былъ безпрерывно собирать во дворцѣ совѣты для обсужденія сношеній своихъ съ миссіей, но въ совѣтахъ все безмолвствовало предъ ханомъ, совѣщанія кончались ничѣмъ, о чемъ миссія получала точныя свѣдѣнія чрезъ прикащика Панфилова и чрезъ нѣкоторыхъ преданныхъ намъ Киргизовъ.

Положеніе миссіи сдѣлалось наконецъ въ высшей степени натянутымъ, когда въ Хиву дошла вѣсть о приходѣ въ Аму третьяго нашего судна (баржа Колокольцова), такъ что ханъ прислалъ одного изъ своихъ адъютантовъ спросить полковника Игнатьева „считать ли его за мирнаго посланца и прибылъ ли онъ съ дружелюбными намѣреніями или съ войной?“ Объясненіе хану что вслѣдствіе неполученія отъ насъ извѣстій въ Россіи, третье судно вѣроятно пришло затѣмъ чтобы принять почту, а также рѣшительный протестъ агента противъ арестованія нашихъ посланныхъ, и посылка 26го іюля

чиновника Галкина къ пароходу за почтой успокоили нѣсколько Сеидъ-Магомета, и онъ разрѣшилъ двумъ нашимъ судамъ стоять въ Улькунъ-Дарьѣ и вообще сдѣлался гораздо ласковѣе въ обращеніи съ Русскими. Требованіе хана чтобы посланникъ представлялся къ нему, снявъ оружіе — было отвергнуто, и не только самъ агентъ, но и вся его свита постоянно ходила по городу въ оружіи и притомъ въ европейскомъ костюмѣ—примѣръ довольно рѣдкій въ средне-азіятскихъ ханствахъ. Подозрительность однако не оставляла хана, и онъ объявилъ агенту что будетъ лично вести съ нимъ переговоры, а для сохраненія достоинства посла, предложилъ ему въ случаѣ нужды посылать къ министрамъ секретаря миссіи и драгомана.

2го августа агентъ объявилъ хану требованія Россіи, и затѣмъ начались безконечные азіятскіе переговоры. 2го же августа агентомъ былъ отправленъ нарочный Киргизъ съ увѣдомленіемъ къ бухарскому визирю о прибытіи посольства. 15го августа, Кушъ-Беги, отъ имени хана, пригласилъ къ себѣ чиновъ миссіи на обѣдъ, послѣ котораго вновь возобновились переговоры съ 5ю сановниками. Хивинцы боялись разсердить Россію, не принявъ ея предложеній, но въ то же время за согласіе на нихъ, особенно на плаваніе по Аму, боялись отвѣтственности предъ эмиромъ Бухары, который чрезъ своихъ посланцевъ безпрерывно подтверждалъ хану не дозволять ни подъ какимъ предлогомъ судамъ нашимъ ходить по рѣкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ безсильной злобѣ на того же эмира, они, какъ всѣ слабые люди, подстрекали противу него агента и совѣтовали ему не идти въ Бухару. Обязательный актъ который предложилъ агентъ подписать хану былъ составленъ крайне умѣренно и заключалъ слѣдующее:

Во имя Всемогущаго и Милосердаго Бога.

Отъ владѣтельнаго Харезмскаго шаха, высокостепеннаго Сеидъ-Магомедъ-Богадуръ-хана, данъ настоящій актъ въ томъ, что имѣя искреннее желаніе пребывать въ постоянномъ мирѣ и тѣсной дружбѣ съ пресвѣтлою и могущественною Россійскою Имперіей, упрочивать пріязненныя съ нею связи и соблюдать во всей строгости правила миролюбивыхъ и добрыхъ сосѣдей, мы обязуемся за себя самихъ, за нашихъ преемниковъ и потомковъ и за всѣ подвластныя намъ племена:

1) Отнынѣ впредь не предпринимать никакихъ явныхъ, ни тайныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи и не возбуж-

дать ближайшіе къ хивинскимъ владѣніямъ Туркменскіе, Киргизскіе и Каракалпакскіе рода къ непріязни съ Россіей и взаимной враждѣ другъ съ другомъ.

2) Не потворствовать никакимъ грабежамъ, захватамъ, содержанію въ плѣну русскихъ подданныхъ, и въ случаѣ если-бы подвластныя Хивѣ племена произвели таковыя дѣйствія, предавать виновныхъ немедленному наказанію, а ограбленное имущество передавать русскимъ властямъ для возвращенія законному владѣльцу.

3) Отвѣтствовать за личную безопасность и за сохранность имущества всякаго россійскаго подданнаго находящагося въ Хивинскихъ владѣніяхъ; не дѣлать русскимъ подданнымъ никакихъ насилій и притѣсненій, а также и караванамъ идущимъ въ Россію и изъ Россіи, въ случаѣ же смерти русскаго подданнаго во время бытности въ Хивинскомъ ханствѣ, отпускать въ цѣлости оставшееся послѣ смерти имущество для передачи законнымъ его наслѣдникамъ.

4) Дозволить россійскимъ судамъ свободное плаваніе по рѣкѣ Аму-Дарьѣ.

5) Для наблюденія за ходомъ торговли и завѣдыванія дѣлами русскихъ подданныхъ дозволить постоянное пребываніе въ Хивѣ русскаго торговаго агента (караванъ-баши).

6) Съ товаровъ привозимыхъ россійскими купцами въ хивинскія владѣнія установить постоянную пошлину, не свыше $2^1/_2{}^0/_0$ съ дѣйствительной цѣнности товара, то-есть сообразно съ продажными цѣнами, и взимать эту пошлину единожды, при ввозѣ товаровъ, производя оцѣнку оныхъ безобидно для русскихъ торговцевъ.

Въ удостовѣреніе вышеизложеннаго утвердили мы сей актъ нашею золотою печатью и вручили оный уполномоченному со стороны могущественной Россійской Имперіи, высокородному полковнику Игнатьеву, флигель-адъютанту Его Императорскаго Величества. Данъ въ городѣ Хивѣ. 12 году эгиры мѣсяца „ “ дня.

На копіи обязательнаго акта Хивинскаго владѣльца русскій уполномоченный долженъ былъ сдѣлать надпись:

Получивъ для доставленія Его Императорскому Величеству, Великому Государю и Самодержцу Всероссійскому вышеозначенный актъ отъ высокостепеннаго владѣтеля Хивинскаго Сеидъ-Магомедъ-Богадуръ хана, я, на основаніи даннаго мнѣ уполномочія, удостовѣряю симъ что во взаимство постановленныхъ въ томъ актѣ условій, могущественная Россійская держава:

1) Предаетъ совершенному забвенію прежнія нарушенія данныхъ хивинскимъ правительствомъ торжественныхъ обѣ-

щаній и отступленія отъ заключенныхъ до сего между хивинскими владѣтелями и Россійскою Имперіей дружественныхъ актовъ.

2) Предаетъ забвенію непріязненныя подстрекательства Туркменскихъ и Киргизскихъ племенъ подданныхъ Россіи къ междуусобной враждѣ, и въ знакъ особеннаго благорасположенія къ хану и желанія утвержденія тѣсной съ нимъ дружбы, соглашается не требовать на этотъ разъ удовлетворенія за незаконное отправленіе фирмановъ къ подданнымъ Россіи Киргизскимъ племенамъ, за дѣлаемыя Киргизамъ враждебныя видамъ русскаго правительства наущенія и за покровительство оказанное въ хивинскихъ владѣніяхъ преступникамъ нашимъ.

3) Отказывается, въ случаѣ исполненія принятыхъ нынѣ Хивой обязательствъ, отъ требованія удовлетворенія русскихъ купцовъ за разграбленные до сего времени караваны и нанесенный ущербъ нашей торговлѣ.

4) Предоставляетъ въ своихъ владѣніяхъ хивинскимъ торговцамъ всѣ преимущества коими пользуются купцы другихъ азіятскихъ народовъ.

5) Въ доказательство милостиваго расположенія Государя Императора къ Хивинскому хану, разрѣшаетъ подданнымъ хивинскимъ, женившимся въ Россіи на мусульманкахъ и прижившимъ отъ нихъ дѣтей, вывезти на родину женъ и дѣтей своихъ, буде сіи жены и дѣти, ежели взрослыя, на то согласятся.

6) Соглашается дозволить пребываніе въ Оренбургѣ для наблюденія за ходомъ торговли постояннаго хивинскаго торговаго агента (караванъ-баши).

7) Соглашается допустить сборъ пошлины съ товаровъ которые будутъ привозиться на русскихъ судахъ по рѣкѣ Аму мимо хивинскихъ владѣній, по $2^1/_2\%$ съ дѣйствительной цѣнности оныхъ, съ тѣмъ чтобы пошлина эта взимаема была на одномъ только назначенномъ пунктѣ при возвращеніи судовъ изъ Бухаріи въ Аральское море и чтобы при этомъ судамъ не было дѣлаемо никакой задержки; съ товаровъ же разгружаемыхъ въ хивинскихъ владѣніяхъ съ судовъ, предоставляетъ взимать по 5%.

Таковое дѣлаемое мною удостовѣреніе подтверждено будетъ письменно доблестнымъ и высокомощнымъ россійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ отъ Высочайшаго имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Самодержца Всероссійскаго.

Соглашаясь на всѣ пункты предложеннаго акта, Хивинцы и слышать не хотѣли о принятіи 4го параграфа, насчетъ пла-

ванія по Аму, и во всякомъ случаѣ утвержденіе его обусловливали предварительнымъ согласіемъ эмира.

Принятію сказаннаго требованія противодѣйствовали и торговцы хивинскіе, ибо они были твердо убѣждены что при перевозкѣ товаровъ на судахъ, вся торговля непремѣнно перейдетъ въ руки русскихъ купцовъ; чего они страшно боялись и въ чемъ разубѣдить ихъ не могли самые положительные доводы агента.

Переговоры тянулись и, казалось, настойчивыя требованія полковника Игнатьева даже относительно плаванія по Аму клонились къ благопріятному разрѣшенію, какъ вдругъ новое донесеніе кунградскаго правителя опрокинуло всѣ надежды миссіи и положило конецъ переговорамъ. 21го августа въ Хивѣ было получено донесеніе что съ парохода *Перовскій* посылаются лодки для производства съемокъ и промѣровъ, и что изъ Кунграда бѣжалъ на наше судно плѣнный Персіянинъ, котораго хивинскіе чиновники хотя и пытались вытребовать отъ командира парохода, но напрасно. Собрался ханскій совѣтъ, въ которомъ порѣшили что пароходы наши отнюдь не слѣдуетъ пускать въ рѣку; ибо изслѣдуя мѣстность, мы можемъ внезапно овладѣть ханствомъ, а увозъ безнаказанно плѣнныхъ разорить окончательно Хиву; къ чему можетъ насъ понудить дружба съ Персіей, по понятіямъ Хивинцевъ доходившая до того что въ Персіи „чеканятъ монету на имя Государя Императора, и шахъ при себѣ держитъ вмѣсто гвардіи русское войско“.

Чтобы вполнѣ уразумѣть такое рѣшеніе, надобно знать до какой степени важны для тунеядцевъ-Хивинцевъ рабы-Персіяне, и тогда будетъ понятно какою гибелью угрожало благосостоянію Хивинцевъ освобожденіе плѣнныхъ Персіянъ, единственныхъ работниковъ въ ханствѣ. На основаніи этого рѣшенія, ханъ въ тотъ же день потребовалъ выдачи Персіянина и прекращенія съемокъ, но агентъ отозвался неимѣніемъ донесеній съ парохода и обѣщалъ послать туда письмо съ отправляющимися больными русскими чиновниками. Въ то же время полковникъ Игнатьевъ получилъ извѣстіе что посланный имъ чиновникъ Галкинъ вынужденнымъ нашелся поссориться съ сопровождавшимъ его хивинскимъ приставомъ, по поводу того же Персіянина, и остаться на пароходѣ. За симъ агентъ, видя упорство Хивинцевъ относительно пропуска

нашихъ судовъ по Аму-Дарьѣ, въ чемъ ихъ убѣждалъ не только эмиръ Бухары, но и Коканскій ханъ, рѣшился прервать переговоры.

23го августа миссія дала праздникъ для хивинскихъ министровъ, съ чаемъ, фейерверкомъ и разными закусками; при чемъ министры, кромѣ поднесенныхъ каждому подарковъ, сочли не лишнимъ запрятать себѣ въ халаты и стащить въ тихомолку разныя, преимущественно фарфоровыя и серебряныя вещи изъ чайнаго сервиза.

25го августа ханъ прислалъ подарки Государю Императору, состоявшіе изъ двухъ аргамаковъ съ полною упряжью и ковра, и отвѣтную грамоту; причемъ на вопросъ агента: когда ханъ назначитъ ему прощальную аудіенцію? хивинскіе чиновники отвѣчали: вѣроятно въ этотъ же день вечеромъ.

Такъ кончились переговоры миссіи въ Хивѣ, и затѣмъ чтобы судить о послѣднихъ сношеніяхъ нашего посланника съ ханомъ и объ окончательныхъ убѣжденіяхъ вынесенныхъ имъ изъ Хивы въ пользѣ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Азіятцами, предоставимъ говорить самому агенту. „Замѣтивъ что письмо ханское (къ Государю)“, доноситъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ, „запечатано, я объявилъ хивинскимъ чиновникамъ что требую копіи съ онаго, и ежели не получу до аудіенціи, то непремѣнно буду лично просить о томъ хана. Каково было мое удивленіе, когда вечеромъ, напрасно прождавъ приглашенія ѣхать къ хану, узналъ я наконецъ что его высокостепенство, чтобъ избѣгнуть объясненія со мною и необходимости дать какой-либо положительный отвѣтъ, удалился въ загородный дворецъ, поручивъ чиновнику своему пожелать мнѣ добраго пути. Я написалъ тотчасъ Кумъ-Беги что требую прощальной аудіенціи, желаю знать положительный отвѣтъ хана на предложенныя мною условія и прошу доставить копію съ письма писаннаго отъ хана къ Государю Императору“.

„26го числа, послѣ полудня, Кумъ-Беги прислалъ мнѣ Диванъ-Бабу съ отвѣтомъ чтобъ онъ не смѣлъ доложить моего письма хану. Получивъ извѣстіе что ханъ вернулся въ Хиву, я тотчасъ же послалъ секретаря миссіи, Килдвейна, съ драгоманомъ прямо въ ханскій дворецъ, чтобъ еще разъ словесно потребовать отъ Кумъ-Беги, копію съ письма хана къ

и объяснить что я буду считать себя обиженнымъ ежели не буду приглашенъ на прощальную аудіенцію и повторить неоднократно уже выраженное мною требованіе о выдачѣ намъ уральскаго урядника взятаго въ плѣнъ Джанъ-Ходжей и находящагося у Хивинцевъ. Застигнутый врасплохъ во дворцѣ, Кумъ-Беги долженъ былъ принять Киливейна и объявилъ ему что ханъ не хочетъ дать мнѣ прощальной аудіенціи; потому что хивинскій посланецъ Фазилъ-Хаджа не былъ принятъ Его Императорскимъ Величествомъ болѣе одного раза, то я не могу считать себя обиженнымъ, ибо былъ принятъ съ почетомъ и отличіемъ, несравненно лучше нежели Фазилъ-Хаджа въ Петербургѣ, и наконецъ что мнѣ не дадутъ копіи съ ханскаго письма, потому что это не въ обычаѣ въ Хивѣ, и что притомъ Фазилъ-Хаджѣ было неизвѣстно содержаніе письма Государя Императора къ хану, тогда какъ мнѣ словесно два раза были уже объяснены отвѣты хана на предложенныя мною условія для заключенія дружественнаго акта. Къ сему Кумъ-Беги присовокупилъ что въ письмѣ заключается повтореніе уже мнѣ извѣстнаго.

„Вслѣдствіе вышеизложеннаго я рѣшился выступить 28го августа изъ Хивы, направляясь чрезъ городъ Ханки, близъ котораго я переправлюсь черезъ Аму-Дарью, и затѣмъ поѣду правымъ берегомъ на Кукертли, чрезъ Каракулъ, въ Бухару.“ При этомъ полковникъ Игнатьевъ, донеся что Хивинцы собираются назначить въ Россію посла, съ объясненіемъ своихъ требованій, просилъ министерство иностранныхъ дѣлъ не допускать его далѣе Оренбурга или Форта № 1 и вообще объявить ему что ни одно посольство хивинское Его Императорскимъ Величествомъ принято не будетъ, пока Хивинцы не докажутъ, поднесеніемъ Его Императорскому Величеству письменнаго согласія хана на всѣ наши условія безъ изъятія, что они умѣютъ цѣнить вниманіе оказанное имъ посылкой русскаго агента.

Для объясненія тогдашняго положенія миссіи, приводимъ отрывокъ изъ частнаго письма одного изъ спутниковъ полковника Игнатьева, отъ 27го августа: „Наша жизнь въ Хивѣ незавидна, подозрѣваютъ во всемъ, хватаютъ нашихъ почтарей, и трактата не подписываютъ. Нѣкоторые изъ членовъ миссіи, люди особенно слабонервные, ходятъ съ вытянутыми физіономіями, не спятъ ночи и ежеминутно ожидаютъ нападенія. Дѣйствительно, мы каждый день почти получаемъ свѣдѣ-

нія что на ханскихъ совѣтахъ трактуютъ какъ бы отъ насъ отдѣлаться: одни предлагаютъ отравить, другіе лоджечь, а третьи, чтобы снять отвѣтственность съ хана, совѣтуютъ натянять шайку Туркменъ которая передушила бы насъ гдѣнибудь по дорогѣ изъ Хивы. Какъ видишь, утѣшительныхъ извѣстій мало, а тутъ еще проклятый Кумъ-Беги важничаетъ и держитъ по нѣскольку часовъ въ своей пріемной нашего драгомана и отпускаетъ его безъ всякаго отвѣта, а почтенный приставъ нашъ Диванъ-Баба только и занятъ мыслію какъ бы вымолить у нашихъ докторовъ конфертативу. Конвой, отъ нездоровой болотной мѣстности, изобилія фруктовъ, нестерпимыхъ жаровъ, недостатка движенія и непривычнаго образа жизни, страшно болѣетъ. Тоска смертельная. И кто это выдумалъ вести съ Хивинцами переговоры на европейскій ладъ, когда они понимаютъ и цѣнятъ только палку, деньги и конфертативъ!...“

Затрудненія и непріятности встрѣченныя агентомъ въ хивинскихъ владѣніяхъ произвели весьма тяжелое впечатлѣніе въ нашихъ правительственныхъ сферахъ и не остались безъ послѣдствій. Такъ, усматривая изъ первыхъ писемъ изъ Хивы о затруднительномъ положеніи миссіи, генералъ-адъютантъ Катенинъ сдѣлалъ распоряженіе о задержаніи, впредь до выхода изъ ханства миссіи, хивинскихъ каравановъ въ Оренбургѣ, а министерство иностранныхъ дѣлъ испросило Высочайшее разрѣшеніе, въ случаѣ если Хивинцы не пустятъ агента въ Бухару, слѣдовать миссіи въ Фортъ № 1. Но оба эти распоряженія были получены агентомъ уже на пути въ Бухару, при переправѣ черезъ Аму, когда обстоятельства измѣнились; а потому, по сношеніи съ генераломъ Катенинымъ, послѣднимъ было тотчасъ же приказано отпустить хивинскіе караваны.

Для перехода изъ Хивы въ Бухару нужно было преодолѣть не мало затрудненій, кромѣ естественныхъ препятствій неизслѣдованнаго пути. Не только Хивинцы, но даже и Бухарцы не желали допустить чтобы Русскіе прошли долиной Аму въ Бухару, доселѣ недоступною для Европейцевъ. Ханъ предпочиталъ чтобы миссія вернулась въ Оренбургъ старою дорогой или же прошла бы на Сыръ, то-есть на Фортъ № 1. Русскую миссію не остановили ни требованія Хивинцевъ, ни увѣщанія, совѣты и предостереженія, ни распущенные слухи о предстоящемъ разграбленіи туркменскими шайками, заходя-

щими нерѣдко въ своихъ разбойничьихъ набѣгахъ и на правый берегъ Аму. За нѣсколько дней до выхода миссіи, нѣкоторые изъ нашихъ Киргизовъ и Бухарцы предупредили начальника миссіи что нѣсколько сотъ человѣкъ Туркменцевъ подговорены разгнѣваннымъ ханомъ напасть на нашъ караванъ, съ цѣлію поживиться несмѣтными богатствами предполагавшимися въ каждомъ изъ нашихъ ящиковъ и отучить Русскихъ приходить въ эти края и дерзко противиться волѣ ханской. Сеидъ-Магометъ полагалъ, конечно, что съ него снята будетъ отвѣтственность за послѣдствія, такъ какъ гости не послушались его предостереженій.

Ожидавшіяся испытанія не повліяли на рѣшеніе полковника Игнатьева. Нанявъ съ трудомъ верблюдовъ у возвращавшихся Киргизовъ, русская миссія, отпраздновавъ царское тезоименитство въ Хивѣ, выступила на другой день рано утромъ, съ военными предосторожностями, съ заряженными ружьями и пистолетами, готовая на неравный бой и направляясь прямо къ рѣкѣ Аму. Такъ кончилось пребываніе нашего агента въ этомъ ханствѣ. Не мало перенесъ онъ за это время тяжелыхъ трудовъ и даже огорченій, и уходилъ изъ Хивы не подписавъ трактата. Но сожалѣть ли объ этомъ, и къ чему бы повелъ этотъ трактатъ, еслибъ онъ не былъ поддержанъ съ нашей стороны силой? Доказанное уже дѣло что Среднеазіятцы никакихъ трактатовъ не исполняютъ, если за трактатомъ не стоитъ угроза которая во всякую минуту можетъ быть приведена въ исполненіе. Мы главнымъ образомъ добивались свободнаго плаванія по Аму, но въ то время когда Хивинцы почти соглашались на наше требованіе, они уже рыли у Кунграда каналъ, чтобы спустить воды въ Айбугирскій заливъ и сдѣлать невозможнымъ для нашихъ судовъ входъ въ эту рѣку и строили крѣпость у озера Дау-Кара, дабы не позволить и тамъ какъ-нибудь прорваться пароходу восточнымъ устьемъ Аму. Допустимъ однако что пароходы наши все-таки бы прошли и начали плавать по рѣкѣ, несмотря на то что хивинскіе купцы наотрѣзъ отказались возить на нихъ свои товары; тогда потребовалось бы устроить для нашихъ судовъ гдѣ-либо въ устьяхъ Аму, даже именно около Кунграда, какъ перваго населеннаго пункта въ дельтѣ, станцію, ибо плаваніе по неизвѣданной еще рѣкѣ, прихотливой относительно глубины своихъ водъ, заставляло необходимо имѣть на всякій случай сзади сильный опорный пунктъ, около котораго, въ

случаѣ невзгоды, могла бы укрыться наша флотилія. Такимъ образомъ плаваніе по Аму предварительно должно было вести къ занятію пункта въ дельтѣ рѣки и притомъ въ населенной части ханства, чтобы гарнизону было чѣмъ питаться, а занятіе подобнаго пункта требовало значительныхъ денежныхъ и морскихъ средствъ для своего исполненія, къ затратѣ которыхъ правительство въ то время вовсе не готовилось; безъ такой же представительности нашего имени въ Хивинскомъ ханствѣ, можно смѣло сказать что и всѣ другіе пункты трактата никогда не были бы въ точности исполнены. Въ заключеніе о посольствѣ въ Хиву, находимъ нужнымъ привести взглядъ самого агента на пользу трактатовъ съ Хивинцами, что̀ конечно примѣнимо и къ прочимъ среднеазіятскимъ народамъ и повліяло на измѣненіе взгляда правительства на отношенія къ симъ послѣднимъ. „Еслибы гоняться только за заключеніемъ трактатовъ, большею частію ни къ чему не ведущихъ“, пишетъ полковникъ Игнатьевъ генералъ-адъютанту Катенину, „подобно тому какъ договоръ заключенный Данилевскимъ въ 1841 году, но никогда не соблюдавшійся, то можно было бы и теперь заключить договоръ, принявъ въ соображеніе что нынѣшнія уступки Хивинцевъ несравненно важнѣе тѣхъ коими мы до сихъ поръ довольствовались. Я почелъ за долгъ совѣсти не продолжать болѣе переговоровъ и не подписывать дружественнаго акта; ибо ханъ не согласился на свободное плаваніе по рѣкѣ Аму судовъ нашихъ. Договоры съ Хивой безполезны, пока Хивинцы не убѣдятся въ необходимости насъ слушаться и свято исполнять обѣщанное намъ, а этого съ такимъ безсовѣстнымъ и вѣроломнымъ народомъ нельзя достигнуть одними разсужденіями и объясненіемъ доводовъ, тѣмъ болѣе что Русскіе оставляли до сего времени безъ послѣдствій своеволіе Хивинцевъ.“

Результаты трудовъ миссіи въ Хивѣ во всякомъ случаѣ были весьма важны и достигли разрѣшенія одного изъ наиболѣе интересовавшихъ наше правительство вопросовъ, а именно изслѣдованія рѣки Аму-Дарьи. Дѣйствительно, кромѣ плаванія судовъ до Кунграда и подробной съемки устьевъ капитаномъ Бутаковымъ, теченіе Аму было изслѣдовано и снято: лейтенантомъ Можайскимъ, во время плаванія по Талдыку и потомъ съ подарочными вещами до Хивы, чинами генеральнаго штаба и корпуса топографовъ, во время слѣдованія миссіи на лодкахъ и при доставленіи подарковъ, не говоря о любопытной

съемкѣ прибрежной полосы и сухопутной дороги на правомъ ея берегу, во время передвиженія лошадей нашихъ отъ Кунграда до Хивы.

Караванъ миссіи, при движеніи въ Бухару, состоялъ изъ 170 верблюдовъ, кромѣ почетнаго хивинскаго конвоя, сопровождавшаго нашего агента въ числѣ отъ 7 до 10 человѣкъ, подъ начальствомъ Минъ-Баши, до границы ханства. Пройдя городъ Ханки, миссія въ продолженіи 2го и 3го сентября совершила переправу черезъ рѣку Аму-Дарью, и здѣсь подъ ея защиту поступили два каравана, въ 50 верблюдовъ каждый, слѣдовавшіе тоже въ Бухару. Опасеніе за нападеніе на миссію Туркменъ подкупленныхъ Хивой съ каждымъ переходомъ пріобрѣтало болѣе и болѣе вѣроятія, и даже самъ Минъ-Баши не скрывалъ своего страха, конечно ни слова не говоря объ участіи въ этомъ дѣлѣ своего правительства и уговаривая агента то замедлить движеніе, то совсѣмъ остановиться, между тѣмъ въ конвоѣ посланника какъ нарочно половина людей была больна страшными лихорадками, такъ что на ночлегахъ привелось наряжать въ караулы всю частную прислугу чиновниковъ миссіи. „Отовсюду“, писалъ агентъ, „получаю извѣстія, въ особенности отъ Бухарцевъ, что скопища Туркменъ, посланныя самимъ ханомъ Хивинскимъ, намѣрены на насъ напасть на правомъ берегу Аму: надѣюсь что Богъ поможетъ намъ пройти, несмотря на препятствія.“ Принявъ всѣ надлежащія военныя предосторожности во время слѣдованія каравана и бивачнаго расположенія, миссія продолжала безостановочно движеніе, не обращая вниманія на Хивинцевъ и на грозные слухи. Движеніе, перемѣна мѣстности и воздуха, а также общее возбужденіе, овладѣвшее даже больными, болѣе способствовали быстрому выздоровленію тифозныхъ и лихорадочныхъ и сохраненію здоровья отряда чѣмъ постоянные пріемы хины, какіе долженъ былъ предписывать нашъ медикъ. Путь миссіи послѣ переправы шелъ по мѣстности со времени путешествія англійскаго купца Томсона, то-есть съ 1740, не посѣщавшейся никѣмъ изъ Европейцевъ; онъ пролегалъ вверхъ по правому нагорному берегу Аму, а потому, по своей новизнѣ и по возможности слѣдить за рѣкой, не мало представлялъ интереса для Европейца, хотя и отличался совершенною пустынностію. 4го числа было послано извѣстіе въ Бухару о прибытіи миссіи. 10го сентября она достигла урочища Кукертли, границы Хивинскаго ханства, а 16го вступила въ населенныя

мѣстности бухарскаго владѣнія и была съ почетомъ встрѣчена губернаторомъ близь лежащей крѣпости Усты.

Въ честь посланника устроили празднество извѣстное подъ названіемъ Курбани, причемъ, при произведенной весьма живописной скачкѣ, Бухарцы выказали себя весьма ловкими наѣздниками; затѣмъ ежедневно начались бухарскія угощенія. 18го, миссія прошла знаменитые пески Кизылъ-Кумъ, 19го ее встрѣтилъ особо высланный для привѣтствія изъ Бухары чиновникъ Мирза-Фазилъ, 20го прибыла въ городъ Каракуль, знаменитый своими мерлушками, а 22го, при огромномъ стеченіи народа, вступила въ Бухару и размѣстилась въ особо отведенномъ для нея домѣ, совершивъ въ двадцать два дня путь отъ Хивы до Бухары въ 502 версты. Во время пріѣзда агента, эмира въ Бухарѣ не было; онъ попрежнему воевалъ съ Коканомъ, и послѣ взятія Ура-Тюбэ, осаждалъ Ходжентъ, а потому, по просьбѣ визиря (Токсабэ), миссія, впредь до полученія особаго разрѣшенія эмира, должна была заключиться въ стѣнахъ своего глинянаго дворца, и только 5го октября всѣ русскіе люди стали ходить свободно по городу и притомъ въ своей одеждѣ. На другой день по приходѣ въ Бухару, полковника Игнатьева посѣтилъ визирь, а 5го октября агентъ со свитой отдалъ визитъ. Всѣ требованія посланника были немедленно заявлены визирю для донесенія эмиру. Требованія эти заключались въ уменьшеніи пошлины, правильной оцѣнкѣ товаровъ, свободномъ плаваніи судовъ по рѣкѣ Аму, въ отводѣ особаго караванъ-сарая для русскихъ торговцевъ, допускѣ временнаго торговаго агента и освобожденіи русскихъ плѣнныхъ. „Желая, пишетъ агентъ, доставить Аральской флотиліи благовидный предлогъ подняться вверхъ по Аму, я предложилъ эмиру чтобы наши суда, въ видѣ опыта, прибыли будущею весной къ Чарджую, для перевоза бухарскихъ товаровъ въ Фортъ № 1 или на Каратамакъ, откуда товары могутъ быть скоро перевезены на верблюдахъ въ Оренбургъ. Если эмиръ на это поддастся, то пароходъ *Перовскій* можетъ войти въ рѣку и безъ согласія Хивинцевъ, которыхъ эмиръ заставитъ въ такомъ случаѣ пропустить безпрепятственно наши суда. Это единственный способъ произвести миролюбивымъ образомъ плаваніе парохода по рѣкѣ Аму. Надо чтобы пароходъ, въ случаѣ согласія эмира, взялъ съ собою изъ Казалы какіе-нибудь не громоздкіе товары для доставки въ Бухару.

„Аму великолѣпная рѣка,—выше Кунграда не можетъ быть препятствій для плаванія пароходовъ“.

11го октября, эмиръ возвратился изъ своего побѣдоноснаго похода и въ 4 часа принялъ агента и чиновъ миссіи, и вслѣдъ затѣмъ подарки. При пріемѣ, Насыръ-Улла былъ чрезвычайно любезенъ и выразилъ глубокое уваженіе питаемое имъ къ Государю Императору. Всѣ наши предложенія были приняты эмиромъ немедленно, и тотчасъ же, по его приказанію, началась сдача въ миссію русскихъ плѣнныхъ съ ихъ семействами, даже принявшихъ исламизмъ. Всѣхъ плѣнныхъ миссіей было вывезено 11 человѣкъ.

Вотъ что̀ доносилъ агентъ относительно переговоровъ съ эмиромъ, въ шифрованной депешѣ отъ 16го октября:

„Всѣ переговоры пришли къ успѣшному окончанію. Эмиръ выдалъ мнѣ всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ. Я возвратилъ эмиру тѣхъ которые обратились въ магометанство, не помнятъ своего происхожденія, обременены большимъ семействомъ и не изъявили желанія возвратиться въ Россію. Беру съ собой 11 человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 8 служившихъ въ ханской пѣхотѣ. Кромѣ того эмиръ согласился на сбавку торговыхъ пошлинъ на половину противъ прежняго, на отведеніе для нашихъ торговцевъ отдѣльнаго караванъ-сарая въ Бухарѣ, на присылку изъ Оренбурга и временное пребываніе въ Бухарѣ нашего чиновника, въ качествѣ торговаго агента, и на свободное плаваніе судовъ нашихъ по рѣкѣ Аму, и обѣщалъ свое покровительство нашимъ торговцамъ. Въ бумагѣ Токсабэ, сообщающаго мнѣ это, сказано что если мы встрѣтимъ препятствіе со стороны Хивы, относительно плаванія судовъ, то эмиръ готовъ принять противъ этого мѣры, по взаимному съ нами согласію. Таксабэ сообщилъ мнѣ письмомъ что меня ожидаетъ опасность со стороны Хивинцевъ, на обратномъ пути къ рѣкѣ Сыръ, но я намѣренъ отклонить снаряженіе бухарскаго конвоя и не требовать высылки отряда изъ Форта № 1, полагая что конвой нашъ достаточенъ.

„Хотятъ послать отсюда посланца со слономъ и съ другими подарками. Слѣдовало бы принять его хорошо и допустить до С.-Петербурга. Не прикажете ли драгоману Баторшину состоять при посланникѣ бухарскомъ, такъ какъ онъ вполнѣ ознакомился съ ходомъ здѣшнихъ дѣлъ.

„Ежели Хивинцы узнаютъ объ успѣхѣ нашемъ въ Бухарѣ, они вѣроятно вышлютъ посольство въ Россію, а Киргизы хивинскіе перекочуютъ къ намъ.

„Съ нашей стороны не сдѣлано никакой уступки въ пользу Бухарцевъ, несмотря на сильныя жалобы бухарскихъ купцовъ на тарифъ, на просьбы ихъ о новыхъ льготахъ въ Россіи и старанія затруднить нашимъ торговцамъ пріѣздъ сюда. Я

избѣгнулъ даже предъявленія тѣхъ обѣщаній которыя имѣлъ право сдѣлать по инструкціи мнѣ данной и ограничился общими словами и дружественными увѣреніями. Посланникъ бухарскій вѣроятно будетъ ходатайствовать въ С.-Петербургѣ объ исполненіи различныхъ просьбъ бухарскаго правительства. Обыкновенно бухарскіе посланники принимаются на наше содержаніе въ крѣпости Орской. Полагаю приличнѣе принять и начать довольствіе посланца изъ Казалы. Ежели онъ придетъ со мною, я отпущу на сіе деньги изъ суммъ миссіи. Покорнѣйше прошу сообщить министерству иностранныхъ дѣлъ."

Чтобы судить какъ жилось миссіи въ Бухарѣ, считаемъ не лишнимъ привести выдержку изъ частнаго письма одного изъ членовъ нашего посольства:

„Мы въ Бухарѣ, въ этомъ ученѣйшемъ мѣстѣ Средней Азіи. Что̀ сказать тебѣ объ этой столицѣ съ 60—70 тысячъ жителей. Прочти описанія Мейендорфа, Борнса, Ханыкова, составленныя за нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, и ты получишь полное понятіе о настоящемъ городѣ. Вездѣ глина, грязь, все неподвижно, все, вѣроятно, будетъ такъ на многія еще столѣтія, пока какая-нибудь сила не растолкаетъ Бухарцевъ. Эмиръ деспотъ въ полномъ значеніи слова; чья бы то ни было жизнь не сто́итъ для него и гроша. Торгующіе съ Россіей купцы не смѣютъ подумать о томъ чтобы гдѣ-нибудь было лучше Бухары и, являясь къ эмиру, говорятъ ему что Москва, Петербургъ, Лондонъ и въ подметки не годятся Бухарѣ, что нигдѣ нѣтъ такого правосудія, торговли и богатства какъ у нихъ, а объ образованности и говорить нечего. Словомъ сказать, на каждомъ шагу совершенное самообольщеніе, противъ котораго никакая дипломатія ничего не сдѣлаетъ, а если и будутъ со стороны эмира какія-либо уступки, то, повѣрь, только для вида. Такъ-называемыхъ ученыхъ (въ мусульманскомъ смыслѣ) здѣсь тьма—вездѣ встрѣчаются муллы, вездѣ медресэ, и это едва ли не главная причина полнаго застоя въ жизни народа. Что̀ сказать о нашемъ положеніи? Поятъ и кормятъ насъ хорошо, мы расхаживаемъ по всему городу въ своихъ костюмахъ, и хотя мальчишки зачастую ругаютъ насъ собаками, но, сравнительно съ миссіей Бутенева, мы живемъ хорошо. Недавно эмиръ даже угостилъ насъ своею труппой изъ восьми музыкантовъ и нѣсколькихъ актеровъ, которые показали всевозможныя наши же ярмарочныя балаганныя штуки. Говорятъ, первый фокусникъ бѣжавшій казанскій Татаринъ, онъ имѣлъ удовольствіе, по прибытіи изъ Россіи, дать первое представленіе въ присутствіи эмира, и хотя получилъ за это 75 палокъ по пятамъ, но тѣмъ не менѣе ему позволено состоять при дворѣ. На дняхъ люди генералъ-губернатора Бухары, живущаго во дворцѣ, въ чемъ-то провинились, ихъ сейчасъ же перерѣзали, а у генералъ-

губернатора отобрали все имѣніе и продали съ аукціона, а самому дали 40 палокъ, посадили въ тюрьму и вѣроятно скоро снесутъ голову. Вотъ каковы тутъ судъ и расправа. Какъ тутъ толковать о международныхъ правахъ, о силѣ и могуществѣ Россіи, о развитіи торговли и пр. На первыхъ порахъ здѣсь все нужно дѣлать силой, а ее-то у насъ и нѣтъ; на фразахъ же далеко не уѣдешь... Полковникъ Игнатьевъ веселъ и доволенъ—онъ получилъ отъ эмира все что̀ желалъ, даже можетъ-быть болѣе чѣмъ ожидалъ, остальное дѣло правительства."

27го октября, утромъ, эмиръ прислалъ миссіи подарки, а именно: агенту — аргамака съ сѣдломъ, кашемировую шаль, шалевый халатъ и кушакъ, всѣмъ офицерамъ по шелковому халату, а рядовымъ по бумажному; надѣвъ этотъ фантастическій нарядъ сверхъ своей формы, миссія въ тотъ же день въ такомъ оригинальномъ костюмѣ отправилась на прощальную аудіенцію къ эмиру. Прощаніе Насыръ-Уллы съ агентомъ было еще болѣе дружественно чѣмъ первое свиданіе. Эмиръ выразилъ даже сожалѣніе что агентъ не остался цѣлый годъ у него въ гостяхъ и высказалъ желаніе чтобы русскіе послы чаще посѣщали Бухару. На обѣихъ аудіенціяхъ эмиръ протягивалъ агенту руку по-европейски.

30го октября, вечеромъ, агентъ, послѣ нѣкоторыхъ настояній, получилъ копію съ грамоты эмира къ Государю, съ письма визиря къ министру иностранныхъ дѣлъ (чего прежде никогда не бывало), въ которыхъ подтверждались всѣ обѣщанія Насыръ-Уллы, и затѣмъ на другой день утромъ выступилъ изъ Бухары, сопутствуемый вновь назначеннымъ въ Россію бухарскимъ посломъ Наджмеддинъ-Ходжей.

Для поднятія тяжестей миссіи было нанято 170 верблюдовъ, по 12½ руб. за каждаго, кромѣ тѣхъ которые должны были перевезти черезъ пески воду; заготовлено продовольствіе, виноградный спиртъ, новые полушубки и 600 турсуковъ для перевозки воды во время марша по безводнымъ мѣстамъ; для больныхъ были устроены особаго рода качалки, по двѣ на каждаго верблюда.

Оставляя на время миссію, скажемъ нѣсколько словъ объ окончательныхъ дѣйствіяхъ Аральской флотиліи въ устьяхъ Аму-Дарьи. 21го іюля, не выждавъ еще окончательныхъ распоряженій полковника Игнатьева насчетъ флотиліи, посланныхъ изъ Хивы только 27го августа, капитанъ Бутаковъ отошелъ съ обѣими баржами къ устью Улькунъ-Дарьи къ уроч. Тенке-Куму.

Здѣсь, 1го августа, прибылъ на флотилію посланный изъ Хивы чиновникъ Галкинъ, сопровождаемый хивинскимъ приставомъ Ишанъ-Ходжей. Сначала расположеніе пристава было очень миролюбиво, но вскорѣ онъ потребовалъ чтобы Бутаковъ отпустилъ отъ себя и послѣднюю баржу, и съ пароходомъ отошелъ бы въ море; когда же это требованіе не было исполнено, Ишанъ-Ходжа объявилъ что чиновникъ Галкинъ не получитъ лодки для обратнаго слѣдованія въ Хиву.

„Трудно придумать," пишетъ Бутаковъ, „для чего они (Хивинцы) это дѣлали? Они воображали у насъ какіе-то невозможные враждебные замыслы дѣйствовать противъ Хивы заодно съ Туркменами, разграбить Каракалпаковъ; кругомъ насъ ходили слухи что у острова Николая I стоитъ множество русскихъ судовъ съ войсками, которыя ждутъ только знака для нападенія на Хивинское ханство и т. л."

Вечеромъ 31го іюля, перебѣжалъ на флотилію плѣнный Персіянинъ, умолявшій взять его съ собой и объявившій что въ плѣну у Каракалпаковъ томится 20 лѣтъ русская женщина. Капитанъ Бутаковъ, во избѣжаніе неминуемой смерти Персіянина, принялъ его и отправилъ на Сыръ, заплативъ хозяину 20 полуимперіаловъ. 6го сентября прибыли на пароходъ изъ Хивы больные наши чиновники. При совершенной невозможности больнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ продолжать слѣдованіе съ отрядомъ, благополучное доставленіе ихъ на нашу флотилію крайне озабочивало полковника Игнатьева. Отправляя ихъ на лодкахъ внизъ по теченію Аму, въ сопровожденіи пристава миссіи Диванъ-Бабы, имѣвшаго порученіе отъ хана осмотрѣть наши суда и наблюдать за ними, агентъ заявилъ Хивинцамъ, съ цѣлію заставить ихъ дорожить поспѣшнымъ и благополучнымъ доставленіемъ нашихъ больныхъ, что одинъ изъ пароходовъ долженъ будетъ уйти для отвоза больныхъ въ Фортъ № 1, другія же суда отойдутъ къ устью. 11го, флотилія вышла изъ устьевъ Аму въ море, употребивъ три дня на перетаскиваніе черезъ баръ Сыра; 22го сентября прибыла въ Фортъ № 1. 12го ноября миссія достигла благополучно Буканскихъ колодцевъ, гдѣ запасшись водой, двинулась черезъ безводные Кизылъ-Кумы. Желаніе увидѣть поскорѣе родину заставляло миссію дѣлать возможно большіе переходы, несмотря на сильно холодныя ночи, и вотъ 16го ноября утромъ мелькнуло впереди нѣсколько знакомыхъ пикъ, появились казаки съ офицеромъ, и миссія, послѣ 6ти-мѣсячна-

го странствованія, увидала впереди своихъ Русскихъ, услыхала знакомый родной языкъ. Выѣхавшій офицеръ оказался начальникомъ отряда высланнаго генераломъ Катенинымъ изъ Форта № 1 на встрѣчу миссіи, для ея охраны отъ Хивинцевъ, несмотря на то что полковникъ Игнатьевъ считалъ совершенно достаточнымъ для безопасности миссіи и того прикрытія которое состояло при немъ. Въ тотъ же день къ вечеру миссія подошла къ высланному отряду, состоявшему изъ казаковъ и лѣхоты при 2хъ орудіяхъ, грянуло *здравія желаетъ!* и изумленный бухарскій посланецъ былъ поздравленъ флигель-адъютантомъ Игнатьевымъ съ прибытіемъ на русскую границу, то-есть на рѣку Яны-Дарью, что̀ конечно онъ услыхалъ въ первый разъ въ своей жизни, такъ какъ границей нашей съ Бухарой мѣстные жители постоянно считали Сыръ-Дарью.

По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Сыру, пошла изморозь, сдѣлалось холоднѣе, приводилось на бивуакахъ резгребать снѣгъ чтобы ставить кибитки, спать не раздѣваясь, но несмотря на это, чины миссіи и конвоя слѣдовали бодро, и 26го ноября, утромъ, перейдя по льду Сыръ-Дарью у Форта № 1, направились прямо въ церковь. Странно было смотрѣть на эти закоптѣлыя, обросшія бородами физіономіи, въ самыхъ фантастическихъ нарядахъ, благоговѣйно слушавшихъ молебенъ; не одна слеза скатилась съ лица этихъ бородачей во время молитвы; и тотъ кто бывалъ въ Средней Азіи въ то время и вышелъ оттуда цѣлъ и невредимъ, тотъ пойметъ чувства оживлявшія путешественниковъ и эти благодарныя слезы.

Результатами топографическихъ трудовъ миссіи въ Бухарѣ были: прибрежная съемка Аму-Дарьи и пути между Хивой и Бухарой, описаніе пройденныхъ мѣстъ, а равно и изслѣдованіе пути отъ Бухары до Форта № 1 и опредѣленіе нѣкоторыхъ пунктовъ въ Бухарѣ астрономически.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ Фортѣ № 1, сдавъ тутъ излишнія тяжести, напявъ новыхъ верблюдовъ и сдѣлавъ распоряженіе о дальнѣйшемъ направленіи миссіи въ Оренбургъ, агентъ выѣхалъ съ однимъ офицеромъ и двумя вожаками въ Оренбургъ. Тогда еще не существовало почтоваго сообщенія до Уральскаго Укрѣпленія, и по найму были выставлены, на извѣстныхъ мѣстахъ, для проѣзда, сначала лошади, а потомъ верблюды.

Наступилъ декабрь, поднялась вьюга въ степи, повалилъ снѣгъ и задулъ сѣверный вѣтеръ. Тихо подвигался полков-

никъ Игнатьевъ на тройкѣ верблюдовъ къ Уральскому Укрѣпленію, когда въ одну ночь вожаки его сбились съ пути, заѣхали въ какой-то разливъ Арала, и наконецъ объявивъ ему что самъ шайтанъ не найдетъ теперь никакой дороги, бросили его и исчезли въ снѣжной равнинѣ. Буря разыгрывалась не на шутку, морозъ пошелъ за 20°, при сильномъ, пронзительномъ вѣтрѣ. Черезъ нѣсколько времени раздались жалобныя мольбы прислуги агента, расположившейся около его повозки и начинавшей мерзнуть. Чѣмъ было помочь этимъ людямъ въ глухую ночь въ безлюдной степи? Къ утру еще посвѣжѣло. Полковникъ Игнатьевъ и бывшій съ нимъ офицеръ съ ужасомъ стали замѣчать что и ихъ начинаетъ пронимать сильный знобъ. Приходилось, послѣ удачно оконченаго порученія, претерпѣвъ всевозможныя физическія и нравственныя лишенія, достигнувъ благополучно родной земли, почти у дверей дома пропасть низачто, замерзнуть въ степи. Но чья-то молитва спасла этихъ людей; вожаки вспомнили наконецъ о нихъ и явились со свѣжими верблюдами; люди, страшно обморозивъ лица и руки, кое-какъ оттерлись снѣгомъ, а самъ агентъ съ офицеромъ принуждены были всю ночь возиться, толкая одинъ другаго чтобы какъ-нибудь разогрѣть кровь. Мы нарочно упомянули объ этой ночи чтобы показать какъ легко достаются азіятскіе походы и сколько силы, мужества и здоровья требуютъ они отъ людей посвящающихъ себя службѣ въ степи.

Дальнѣйшій путь агента и слѣдовавшей за нимъ миссіи былъ едва ли не тяжеле, по случаю выпавшаго въ огромномъ количествѣ снѣга; вьюга преслѣдовала ихъ вплоть до самаго Оренбурга, куда агентъ прибылъ въ ночь на 6е декабря, а конвой миссіи въ началѣ января. Такимъ образомъ походъ, начатый при 30—35° жара, былъ оконченъ при 35° мороза и постоянныхъ буранахъ.

Такъ кончилось тяжелое семи-мѣсячное путешествіе флигель-адъютанта Игнатьева, во время котораго порученная ему миссія потеряла только одного казака, умершаго на пути изъ Хивы въ Бухару, и 5 лошадей, а изъ отпущенныхъ ему на расходы денегъ было представлено до 30.000 р. звонкою монетой сбереженія.

Такимъ образомъ горсть Русскихъ, несмотря на встрѣчавшіяся разнообразныя препятствія, прошла благополучно изъ Оренбурга въ Хиву и Бухару и вернулась черезъ рѣку Сыръ

(прежде снаряжались всегда отдѣльныя миссіи въ каждое изъ ханствъ), удостовѣрилась въ возможности лѣтняго движенія на Хиву, по направленію избранному *Перовскимъ*, извѣдала Аму-Дарью на протяженіи слишкомъ 600 верстъ, отъ устья почти до того пункта гдѣ переправлялся Борнсъ, произвела обширную съемку и собрала топографическія и политическія свѣдѣнія въ краѣ, отплатила эмиру Бухарскому и хану Хивинскому за честь честью, освободила изъ неволи подданныхъ Русскаго Царя, доказавъ Киргизамъ и нашимъ пограничнымъ жителямъ что эмиръ не смѣетъ укрывать у себя нашихъ дезертировъ, ни держать въ неволѣ продаваемыхъ ему земляковъ нашихъ, и настояла въ Бухарѣ на своихъ требованіяхъ, не давъ съ своей стороны никакого обѣщанія, ни обязательства и предоставивъ Императорскому правительству полную свободу дальнѣйшихъ рѣшеній и дѣйствій. Миссія совершила задачу свою въ кратчайшій срокъ и съ несравненно меньшими пожертвованіями, нежели предполагалось при ея снаряженіи; причемъ казнѣ возвращена была бо́льшая часть суммъ предназначенныхъ на чрезвычайные расходы. Главнѣйшій же результатъ посылки нашего агента въ 1858 году въ Среднюю Азію заключался въ томъ что правительство узнало наконецъ настоящую цѣну *дипломатическихъ сношеній* нашихъ съ ханствами Средней Азіи. Съ тѣхъ поръ произошелъ крутой поворотъ въ характерѣ нашихъ сношеній съ этими коварными и вѣроломными сосѣдями; установился болѣе правильный взглядъ на наше положеніе въ Средней Азіи, сообразный съ достоинствомъ и съ дѣйствительными интересами Россіи.

Н. ЗАЛѢСОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

XIV.

Письмо полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому, отъ 20го августа, о прибытіи въ Хиву. *

Отношеніемъ отъ 24го іюня за № 36, я просилъ капитана 1го ранга Бутакова распорядиться своимъ плаваніемъ такимъ образомъ чтобы прибыть не ранѣе 25го и не какъ не позже утра 26го числа въ Кунградъ; ежели же онъ пройдетъ къ восточнымъ рукавамъ, отдѣляющимся, по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ, отъ Аму почти на высотѣ Ходжейли, то стараться прибыть сюда 27го числа, такъ какъ я предполагалъ не останавливаться въ Кунградѣ и выступить оттуда не позже 26го утромъ. Начальникъ Аральской флотиліи обѣщался мнѣ быть въ назначенный срокъ въ Кунградѣ и предполагалъ даже выполнить программу скорѣе раньше назначеннаго мною срока нежели позже.

По собраннымъ между тѣмъ свѣдѣніямъ и изъ объясненій съ есауломъ-башей и Диванъ-Бабой, оказалось что по причинѣ сильныхъ разливовъ нынѣшняго года, и новаго, временнаго прилива воды въ рѣкѣ, замѣченнаго за нѣсколько дней до прихода нашего въ Кунградъ, нѣтъ никакой возможности идти, съ такимъ тяжелымъ караваномъ какъ мой, по лѣвому берегу рѣки, гдѣ встрѣчаются безпрестанно переправы, по правому же берегу путь неудобенъ, вслѣдствіе переправъ черезъ рѣку Аму и моровой язвы уничтожающей верблюдовъ. Я воспользовался симъ случаемъ чтобъ объявить хивинскимъ чиновникамъ, на предложеніе идти правымъ берегомъ рѣки, что при затруднительности сего пути и необходимости отпустить верблюдовъ, не могу слѣдовать въ Хиву иначе какъ водой на лодкахъ. Такъ какъ Хивинцы жаловались на недостатокъ въ Кунградѣ лодокъ для поднятія всего каравана нашего вмѣстѣ съ лошадьми, и имѣя въ виду трудности пятнадцати-дневной перевозки на баркахъ бичевой 182 лошадей, я согласился на отдѣльное слѣдованіе по правому берегу Аму лошадей миссіи съ половиной конвоя и десятью одногорбыми, выбранными верблюдами, менѣе другихъ подверженными язвѣ. При этомъ было условлено что лошади наши прибудутъ въ восемь дней въ Ургенчь и тамъ будутъ насъ ждать.

Отправивъ Можайскаго, я еще пробылъ до утра 1го іюля въ Кунградѣ, на случай не пройдетъ ли *Перовскій* какимъ-либо неизвѣстнымъ доселѣ устьемъ, разошедшись съ Можайскимъ. Потерявъ наконецъ всякую надежду видѣть Бутакова въ Кунградѣ и не получая никакого отъ него извѣстія, я отплылъ 1го іюля, въ 11 часовъ утра, въ Хиву, вверхъ по Аму, на семи хивинскихъ лодкахъ. Насъ тянули большею частію

---

* Начало письма см. въ предыдущей книжкѣ.

бичевой, и по временамъ шли мы на шестахъ. Жара была нестерпимая, до 30° въ тѣни. Только изрѣдка дулъ вѣтеръ, но теплый, увеличивавшій только духоту. Ночью безпощадно кусали насъ маріады комаровъ и мошекъ. Разливы, густой камышъ и непроходимые колючіе кустарники мѣшали выходить изъ лодокъ, на коихъ мы оставались безвыходно даже и на ночь. Четырнадцать дней плыли мы такимъ образомъ до Ургенча. Не доходя этого города, въ первый разъ получилъ я извѣстіе о флотиліи и о лошадяхъ миссіи. Сынъ Исета привезъ мнѣ письмо изъ Кунграда, отъ капитана 1го ранга Бутакова и отъ офицеровъ оставленныхъ мною съ половиной конвоя при лошадяхъ. Черезъ полчаса хивинскій разсыльный привезъ мнѣ еще письмо изъ Кунграда. Изъ прилагаемой при семъ въ копіи бумаги Бутакова, писанной на французскомъ языкѣ, ваше превосходительство изволите увидѣть что обрекогносцировавъ всѣ устья рѣки Аму и убѣдясь въ невозможности въ оныя войти, онъ нашелъ наконецъ за мѣстечкомъ Кара-Джиръ, устье Улкунъ-Дарья (то-есть большая рѣка), не замѣченное имъ въ 1848 году, но означенное на картѣ Данилевскаго, подъ именемъ Умъ-Дарьи, и 30го іюня вступилъ въ оное. 3го іюля, рано утромъ, Бутаковъ подошелъ къ Куграду и тамъ остановился.

Лошади же миссіи, выступивъ изъ Кунграда 1го іюля, направлены были есаулъ-башей по такому пути гдѣ заливы воспрепятствовали дальнѣйшему ихъ слѣдованію, а недобросовѣстность и мошенничество хивинскихъ чиновниковъ ихъ сопровождавшихъ были причиной что у нихъ не достало довольствія и фуража. Вмѣсто того чтобы прибыть 8го іюля въ Ургенчь, лошади вернулись въ Куградъ 6го іюля. Офицеръ находившійся съ лошадьми и даже капитанъ 1го ранга Бутаковъ, въ письмахъ своихъ жаловались на явное недоброжелательство къ нимъ эсаулъ-баши, на распоряженія его, относительно слѣдованія лошадей, на распечатываніе писемъ и перехватываніе оныхъ. Письма доставленныя мнѣ изъ Кунграда, хивинскими разсыльными, были дѣйствительно распечатаны. Желая проучить хотя нѣсколько Хивинцевъ и показать имъ что я не намѣренъ сносить подобныя дѣйствія, я остановилъ, не доходя Ургенча, лодки, позвалъ къ себѣ Диванъ-Бабу, объяснилъ ему сколь неприличны и непростительны поступки Хивинцевъ, и что ежели до свѣдѣнія хана не будетъ доведено немедленно мое неудовольствіе на эсаулъ-баши и требованіе чтобы тотчасъ было сдѣлано распоряженіе объ облегченіи слѣдованія лошадей и половины конвоя въ Хиву, то я не только не буду продолжать плаванія своего далѣе, но вернусь тотчасъ же въ Куградъ. Диванъ-Баба извинялся, упрашивая меня доѣхать хотя до Ургенчской пристани, говорилъ что я его приведу на плаху послѣ возвращенія въ Куградъ, послалъ тотчасъ донесеніе хану и ручался въ томъ что всѣ мои требованія будутъ исполнены.

16го мы простояли у Ургенчской пристани; я весь день не выходилъ изъ лодокъ и въ лодкѣ же принялъ высланныхъ ха-

номъ изъ Хивы, для принятія насъ: даргу (въ родѣ гофмаршала), одного изъ шести самыхъ приближенныхъ лицъ къ хану, шаркраукъ-бія (должность соотвѣтствующая церемоніймейстеру) и миръ-башу, съ большою свитой и съ почетнымъ конвоемъ. Дарга разсыпался въ учтивостяхъ и увѣреніяхъ дружбы и пріязни; выразилъ мнѣ что дѣйствія эсаулъ-баши не одобряются ханомъ и что послано немедленно изъ Хивы приказаніе принять мѣры къ ускоренію слѣдованія лошадей, которыя должны быть уже на походѣ, по болѣе удобному и кратчайшему пути. Долго уговаривалъ меня дарга выдти на берегъ и слѣдовать въ Хиву, на высланныхъ отъ хана лошадяхъ, погрузивъ тяжести на 200 арбъ, также присланныхъ изъ Хивы на берегъ. Имѣя въ виду затруднительность и неприличность такой перевозки, а также желая имѣть случай изслѣдовать подробнѣе прежняго каналы протекающіе изъ рѣки Аму внутрь ханства и заставить Хивинцевъ озаботиться скорѣйшимъ прибытіемъ нашихъ лошадей въ Хиву, я объявилъ ханскимъ посланцамъ что лока мои лошади и часть конвоя не присоединятся ко мнѣ, я не могу явиться хану и не отойду отъ лодокъ.

Вслѣдствіе чего послѣдовало ханское разрѣшеніе везти насъ на лодкахъ вплоть до загороднаго дворца намъ отведеннаго. Предполагали первоначально насъ поставить въ городѣ, а узнавъ наше требованіе перемѣстили и отвели дворецъ, съ очень большимъ и красивымъ фруктовымъ садомъ, находящимся у самаго канала Полванъ. Насъ угощали и принимали съ почетомъ не только въ Ургенчѣ, но и въ Ханкахѣ и въ самомъ дворцѣ. Дарга съ шаркраукъ-біемъ выѣзжали ко мнѣ на встрѣчу въ Ханкахѣ и въ Хивѣ.

Бутаковъ, въ бумагѣ отъ 3го іюня и въ письмѣ отъ 6го и 7го іюня, писалъ мнѣ что хотя устье Улькунъ и довольно глубоко, но близъ соединенія сего устья съ Талдыкомъ, мелководіе затрудняетъ плаваніе; что не имѣя ни достаточно продовольствія, ни угля (у него было только 700 пудовъ съ собою), онъ не предполагалъ возможнымъ для 2й баржи войти въ рѣку безъ содѣйствія парохода, онъ не можетъ плыть вверхъ по рѣкѣ выше Хивы, а оставаться въ Кунградѣ до окончанія переговоровъ опасается, ибо при пониженіи въ рѣкѣ воды, можетъ засѣсть на мели въ самомъ критическомъ положеніи, Бутаковъ, ссылаясь на вышеизложенное, просилъ у меня разрѣшеніе уйти въ Улькунъ-Дарью, ближе къ морю, за мелкія мѣста.

Еще на Усть-Юртѣ обсуждали мы съ капитаномъ 1го ранга Бутаковымъ вопросъ о плаваніи нашей флотиліи въ рѣкѣ Аму въ нынѣшнемъ году, и онъ мнѣ объяснилъ что на пароходъ *Обручевъ* нечего разчитывать, ибо это судно можетъ плавать по морю только при самой благопріятной погодѣ, идти же свободно противъ теченія такой широкой и быстрой рѣки какъ Аму, на немъ невозможно, и что пароходъ *Перовскій* едва ли можетъ идти далеко вверхъ по рѣкѣ, ибо при обмелѣніи можетъ засѣсть въ оной на зиму, подвергаться же случайностямъ зимовья въ рѣкѣ съ флотиліей, капитанъ

1го ранга Бутаковъ считаетъ едва ли возможнымъ. Имѣя въ виду вышеизложенное и безполезность пароходa въ рѣкѣ, при недостаточности топлива, и не считая себя въ правѣ принять на свою отвѣтственность, вопреки мнѣнія начальника флотиліи, опасность которой могъ подвергаться въ рѣкѣ пароходъ *Перовскій* съ баржей, при пребываніи въ Кунградѣ и плаваніи вверхъ по рѣкѣ до Чарджуя и до высоты Балка, до поздней осени, я согласился на предложеніе капитана 1го ранга Бутакова, тѣмъ болѣе что можно было предвидѣть что переговоры въ Хивѣ продолжатся не менѣе мѣсяца, то-есть до конца августа; а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, осенняя прибыль воды бываетъ незначительна и непродолжительна, плаваніе же по Аральскому морю позже 1го октября начальникъ Аральской флотиліи считалъ для своихъ судовъ крайне опаснымъ. На этомъ основаніи, я объявилъ Хивинцамъ въ Ургенчѣ что имъ доказано наше дружелюбіе и желаніе мирныхъ и пріязненныхъ съ ними сношеній; я отказываюсь, до личныхъ переговоровъ съ ханомъ, отъ своего требованія относительно пропуска нашихъ судовъ, и готовъ даже, ежели ханъ того желаетъ, послать приказаніе судамъ нашимъ отойти отъ Кунграда ближе къ морю, передавъ подарки на хивинскія барки. 16го числа утромъ, предъ отплытіемъ изъ Ургенча, послалъ я съ минъ-башей отношеніе къ капитану 1го ранга Бутакову, за № 50, въ коемъ просилъ его отправить на хивинской лодкѣ въ Хиву подарочныя вещи и находившихся на пароходѣ *Перовскій* чиновниковъ миссіи мнѣ ввѣренной и морскихъ офицеровъ, отойти ближе къ морю, и выславъ къ рѣкѣ Сыру баржу за запасомъ угля и провіанта, ожидать дальнѣйшихъ отъ меня извѣщеній въ Улькунъ-Дарьѣ. Совершенно возвратить пароходъ я считалъ преждевременнымъ, тѣмъ болѣе что присутствіе нашихъ судовъ въ устьѣ рѣки можетъ быть весьма полезно въ случаѣ совершенной неудобности и невозможности пройти прямо въ Бухару. Въ послѣдствіи, 2го августа, получилъ я бумагу отъ капитана 1го ранга Бутакова, который увѣдомилъ меня что хотя съ прибытіемъ 2й баржи, подошедшей къ Кунграду, у него образовался достаточный запасъ антрацита, чтобы подняться до Чарджуя и даже выше, но что онъ полагаетъ благоразумнѣе спуститься къ устью рѣки, ибо опасается что лока въ Хивѣ будутъ длиться переговоры, вода, улавшая уже на 2 дюйма, успѣетъ понизиться на столько что судамъ нашимъ заградится возвращеніе изъ р. Аму.

18го прибыла миссія мнѣ ввѣренная въ Хиву, а только 26го прибыли наши лошади и половина конвоя. 28го представился я хану и вручилъ высочайшую грамоту. На другой день передалъ письмо господина министра иностранныхъ дѣлъ мехтару. 1го августа привезены подарочныя вещи, а на слѣдующій день приступилъ я къ переговорамъ; лодъ рукой, косвеннымъ образомъ, начались они, въ сущности, и прежде сего.

Настоящее положеніе дѣлъ въ ханствѣ самое невыгодное

для пріѣзда миссіи и окончанія съ Хивинцами предположеннаго договора.

Въ 1841 году, Магометъ-Рахимъ, вступивъ на престолъ во время пребыванія нашей миссіи, былъ слишкомъ неопытенъ и молодъ, чтобы не быть подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сановниковъ, управлявшихъ дѣлами ханства еще при отцѣ его, Алла-Кулѣ. При немъ первостепеннымъ вліяніемъ пользовался мехтаръ, ворочавшій дѣлами ханства, переживший нѣсколько хановъ, нажившій себѣ огромное состояніе и убитый со всѣми своимъ родственниками въ прошломъ году нынѣшнимъ ханомъ, считавшимъ себя дотолѣ не безопаснымъ на престолѣ. Стоило только условиться съ мехтаромъ, все могло быть устроено. Въ настоящее же время Сеидъ-Магометъ не довѣряетъ никому изъ своихъ подданныхъ, боится ихъ козней, хочетъ все дѣлать самъ и отстраняетъ возможность чтобы совѣтники его могли быть подкуплены и имѣть какое-либо вліяніе на рѣшеніе дѣла. Два лица только имѣютъ, по своему родству съ ханомъ, большій вѣсъ нежели прочіе приближенные, эмиръ, старшій братъ хана, и Кумъ-Беги; оба считаютъ себя обиженными нами, ибо у меня не было къ нимъ писемъ. Прочіе же сановники, не исключая и самого мехтара, хотя и занимаются дѣлами ханства, но трепещутъ предъ ханомъ и не имѣютъ большаго голоса въ совѣтѣ. Все доводится до свѣдѣнія хана, такъ что безъ его разрѣшенія никто въ Хивѣ даже переговорить съ кѣмъ-либо изъ Русскихъ не смѣетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сеидъ-Магометъ не имѣетъ достаточно твердости духа и увѣренности въ себѣ, чтобы самостоятельно обдумать и рѣшить что-либо самопроизвольно въ дѣлѣ государственномъ и потому прибѣгаетъ безпрестанно къ мнѣнію многочисленнаго совѣта, никогда не приходящаго къ какому-либо заключенію, пока ханъ не выскажетъ своей воли, и затрудняющаго еще болѣе дѣла. Стѣсненный съ одной стороны Туркменами, зная намѣренія Киргизовъ перейти въ русское подданство, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Бухарскаго эмира, коего онъ боится несравненно болѣе насъ, опасаясь между тѣмъ нашего сосѣдства и встревоженый нашими дѣйствіями въ степи, Сеидъ-Магометъ видитъ въ каждой уступкѣ дѣлаемой Русскимъ конечную свою гибель и ущербъ собственному достоинству, тѣмъ болѣе что въ этомъ именно смыслѣ дѣлаются ему внушенія Бухарскимъ владѣтелемъ. Никто изъ Хивинцевъ, даже самые ближайшіе родственники, не смѣютъ говорить что-либо въ нашу пользу, боясь поплатиться жизнію, по подозрѣнію въ измѣнѣ.

Положеніе наше въ Хивѣ, въ первое время нашего пребыванія, было весьма тягостное. Недовѣріе къ намъ, и дурное расположеніе хана простиралось до того что подъ смертною казнію запрещено было жителямъ приходить къ намъ, останавливаться на улицахъ и говорить съ Русскими; требовали даже чтобъ я запретилъ чинамъ миссіи и конвоя отлучаться изъ дома и сада нами занимаемыхъ, безъ особеннаго ханскаго

разрѣшенія. Фазилъ-Хаджа попалъ въ немилость за то что смѣлъ хорошо отозваться о насъ, и ему запрещено съ нами видѣться; въ народѣ ходили самые нелѣпые слухи о дѣйствіяхъ Русскихъ и всякій проходящій Хивинецъ считалъ обязанностію ругать насъ и разсылать угрозы, напоминая о судьбѣ Бековича. Ханъ былъ въ недоумѣніи насчетъ миссіи, и ежедневно, въ теченіи болѣе недѣли, собиралъ многочисленный совѣтъ, на который были даже призваны торговые люди и нѣкоторые старшіе Туркмены и Киргизы. Въ совѣтѣ этомъ обсуждалось, всякій разъ нѣсколько часовъ сряду (не рѣдко съ 5 часовъ пополудни до утра), что̀ съ посольствомъ дѣлать, какъ принять, какъ поступить и какимъ образомъ избавиться. Хивинцы, невѣжественно вообразивъ себѣ что я намѣренъ послѣдовать примѣру туркменскаго посланца, убившаго предшественника хана, Кутлу-Мурата, во время перваго торжественнаго пріема, долго разсуждали о томъ что меня совсѣмъ не слѣдуетъ допускать до хана, и вздумали было требовать чтобъ я отправлялся въ первый разъ къ хану, взялъ только одного переводчика съ собою и снялъ оружіе при входѣ. Сообщенія наши съ флотиліей и съ Россіей были прерваны, ибо Киргизовъ нашихъ залугали Хивинцы до такой степени что ни одинъ изъ нихъ не брался довезти почту, въ особенности послѣ того какъ Киргиза привезшаго намъ почту отъ генералъ-адъютанта Катенина, отъ 19го іюня, захватили было на другой день, посадили въ острогъ, долго допрашивали, дѣлали всевозможныя угрозы и возвратили только вслѣдствіе настоятельнаго и рѣшительнаго моего требованія. По всѣмъ дорогамъ ведущимъ изъ Хивы разставлены были караулы, чтобы не пропускать ни ко мнѣ, ни отъ меня разсыльныхъ. Присмотръ былъ таковъ что я не могъ до 2го августа найти случай отправить въ Бухару Киргиза, для разузнанія тамъ положенія дѣлъ и увѣдомленія бухарскаго визиря о моемъ слѣдованіи въ Бухару.

Въ Хивѣ мы не могли первоначально имѣть другаго средства добывать свѣдѣнія, какъ чрезъ прикащика Панфилова. Всѣ оказывавшіе какую-либо услугу намъ или нашимъ разсыльнымъ Киргизамъ, брались подъ стражу и допрашивались сановниками ханскими; тѣ изъ старшинъ киргизскихъ на коихъ пало подозрѣніе что они намъ рѣшаются сочувствовать и хотятъ перекочевать изъ ханства въ степь, были вытребованы въ Хиву и взяты подъ стражу.

Эсаулъ-баши изъ Кунграда безпрестанно доноситъ хану о враждебныхъ нашихъ замыслахъ, о томъ будто бы что пароходъ нашъ вошелъ силой въ рѣку, что на судахъ нашихъ множество орудій, боевыхъ запасовъ и людей, даже что съ нами какая-то подводная лодка, что много судовъ ходятъ въ Аральскомъ морѣ, что Кунграду угрожаетъ опасность отъ нашихъ двухъ судовъ, что на Усть-Юртѣ есть русскіе отряды и пр.

Съ рѣки Сыра дали знать будто собираются отряды въ Фортѣ № 1, чтобъ идти на Хиву, и что самъ генералъ-губер-

наторъ выступилъ въ походъ. Въ то же время распространилось въ Хивѣ извѣстіе о сношеніяхъ Дуакаринскихъ Киргизовъ съ генералъ-губернаторомъ, и 25го числа пришло извѣстіе что въ Кунградъ прибылъ третій пароходъ. Недоумѣніе Хивинцевъ возросло до того что ханъ прислалъ ко мнѣ, 25го вечеромъ, изъ своего совѣта двухъ чиновниковъ (одинъ изъ нихъ Якубъ-Мекремъ, старшій изъ его адъютантовъ) спросить меня положительно: считать ли меня за мирнаго посредника, прибылъ ли я съ дружелюбными намѣреніями или съ войной. „Мало-по-малу дѣла наши однакоже устроились. Хивинцы поняли наконецъ, отчасти, нелѣпость своихъ предположеній и замысловъ. Миролюбивымъ, но твердымъ образомъ дѣйствій, мы вселили въ нихъ нѣкоторое довѣріе и сильное опасеніе за послѣдствія ихъ образа мыслей, заставили выдать захваченныхъ Киргизовъ, допустить свободное хожденіе чиновниковъ миссіи и нижнихъ чиновъ по городу, измѣниться въ обращеніи съ нами, принять насъ должнымъ образомъ и наконецъ приступить къ переговорамъ, тогда какъ они намѣрены были, принявъ подарки, отпустить насъ безъ положительнаго отвѣта.

Дабы разъяснить дѣло относительно появленія третьяго нашего судна въ Кунградѣ, имѣть возможность передать Бутакову свѣдѣніе о нашемъ положеніи и выставить на видъ ему необходимость дѣйствовать болѣе осмотрительнымъ образомъ, пока ввѣренная мнѣ миссія находится какъ бы въ залогѣ у Хивинцевъ, а также для того чтобъ успокоить Хивинцевъ, высказавъ имъ наши миролюбивыя намѣренія, я отправилъ, 26го іюня, состоящаго при мнѣ чиновника по особымъ порученіямъ г. оренбургскаго генералъ-губернатора, Галкина, въ Кунградъ, сказавъ Хивинцамъ что третье судно вѣроятно прибыло изъ Форта № 1й за неполученіемъ давно извѣстій отъ меня съ почтой, такъ какъ сообщенія посредствомъ разсыльныхъ невѣрны. Ханъ, по моему настоянію, разрѣшилъ двумъ судамъ нашимъ, прибывшимъ съ подарочными вещами, стоять въ Улькунъ-Дарьѣ и послалъ къ мѣсту стоянки парохода чиновника для принятія и немедленнаго препровожденія ко мнѣ писемъ съ парохода.

Не стану утруждать ваше превосходительство описаніемъ всѣхъ подробностей пребыванія нашего въ Хивѣ, ханскихъ пріемовъ и веденныхъ переговоровъ. Ханъ насъ принялъ ласково и съ отличіемъ и изъявилъ желаніе вести со мной переговоры лично, не допуская прямыхъ сношеній миссіи ни съ мехтаромъ, ни съ Кумъ-Беги. Онъ нашелъ что несообразно съ моимъ достоинствомъ дѣлать лично визиты сановникамъ и просилъ посылать только въ случаѣ крайней надобности къ нимъ секретаря и драгомана. 2го августа, изъяснилъ я на аудіенціи Хану требованія наши и условія для заключенія дружественнаго трактата.

Съ тѣхъ поръ переговоры идутъ, но со свойственными всѣмъ Азіятцамъ, а въ особенности Хивинцамъ, медленностію и не-

добросовѣстностью. Переговоры замедляются преимущественно отъ частыхъ сношеній съ Бухарскимъ эмиромъ, требующимъ чтобы Хивинцы не смѣли пропускать въ рѣку нашего парохода. Хивинскій посланецъ отправился въ Бухару за два дня до нашего прибытія въ Хиву. Ханъ изъявилъ уже согласіе на всѣ условія, за исключеніемъ плаванія судовъ нашихъ въ рѣку Аму. Допуску нашихъ судовъ въ завѣтную рѣку противится въ особенности торговое сословіе въ Хивѣ. Весьма трудно толковать Хивинцамъ что они могутъ изъ перевозки по рѣкѣ Аму товаровъ на судахъ извлечь для себя пользу. Они не хотятъ видѣть въ этомъ предложеній иной цѣли, какъ завоеваніе ханства и построеніе укрѣпленій на рѣкѣ Аму, на подобіе Сыръ-Дарьинской линіи, и предвидятъ что, при плаваніи нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму и перевозкѣ товаровъ водой, вся торговля неминуемо перейдетъ въ руки русскихъ купцовъ. Я хотѣлъ было взяться доставить въ Фортъ № 1, на нашей флотиліи товары оставшіеся, за недостаткомъ верблюдовъ, въ Кунградѣ, но торговцы рѣшительно отказались, объявивъ что согласятся лучше чтобы товаръ сгнилъ на мѣстѣ, нежели погрузить его на русскія суда. Побѣдить закоренѣлое невѣжество, недовѣріе и недоброжелательство цѣлаго народа нельзя силой доводовъ; нужно для сего силу физическую, а на трактаты полагаться нечего; ежели и удастся наконецъ заключить обязательный актъ, то этотъ вѣроломный народъ не исполнитъ его при первомъ удобномъ случаѣ. Намъ рано или поздно придется занять устья рѣки Аму и построить тамъ укрѣпленіе для облегченія плаванія нашихъ судовъ. Имѣя теперь въ виду что рано или поздно Русскіе войдутъ въ рѣку, Хивинцы уже въ настоящее время стали придумывать средства преградить намъ плаваніе; предполагаютъ построить къ будущей веснѣ крѣпость между Ялкунъ-Дарьей и Талдыкомъ и прорыть каналъ для того чтобы рѣка близь Кунграда обмелѣла. Относительно пребыванія въ ханствѣ русскаго торговаго агента, ханъ изъявилъ желаніе чтобъ онъ былъ въ Хивѣ временно, пріѣзжая съ оренбургскимъ караваномъ и удаляясь изъ Хивы по окончаніи всѣхъ торговыхъ дѣлъ съ русскими подданными. Я не отстаиваю правъ постояннаго пребыванія въ Хивѣ нашего агента, потому что положеніе сего послѣдняго здѣсь было бы такъ затруднительно и безнадежно что для насъ выгоднѣе, во всѣхъ отношеніяхъ присылать временнаго агента, нежели держать здѣсь постояннаго, который будетъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Присутствіе агента породитъ неминуемо безпрестанныя столкновенія между нами и Хивинцами. Мнѣ кажется благоразумнѣе во всякомъ случаѣ начать со временнаго агента, и когда осмотримся вполнѣ въ Хивѣ, перейти, ежели обстоятельства сего потребуютъ, отъ караванъ-баши къ консульству.

Что касается до взиманія пошлины съ русскихъ торговцевъ, то я, пользуясь обстоятельствами, потребовалъ не только уменьшенія оной до 5% съ дѣйствительной цѣнности то-

варовъ, но и совершеннаго сравненія въ этомъ отношеніи мусульманъ съ природными Русскими, и взиманія только $2^1/_2$% съ товаровъ. При этомъ я возбудилъ вопросъ о способѣ оцѣнки товаровъ. Уменьшеніе пошлинъ въ ханствѣ ни къ чему не повело бы, ежели не ввести при этомъ болѣе справедливой оцѣнки товаровъ таможенными чиновниками, которые притѣсняютъ нашихъ торговцевъ, берутъ съ нихъ, подъ названіемъ подарковъ, сверхсмѣтную пошлину и оцѣниваютъ товары пристрастно, не рѣдко въ $1^1/_2$ и въ 2 раза болѣе, нежели продажная цѣна сихъ товаровъ, отчего взыскиваемая пошлина восходитъ до несравненно большей цифры, нежели назначенный процентъ съ дѣйствительной цѣнности товаровъ. Предложить условія оцѣнки принятыя въ другихъ государствахъ не соотвѣтствовало бы жалкому развитію ихъ понятій, а потому я ввелъ въ мое предложеніе о взиманіи пошлинъ обязательство производить оцѣнку не при ввозѣ, а послѣ распродажи товаровъ, сообразно состоявшимся цѣнамъ на товаръ. Это выгоднѣе для нашихъ торговцевъ, нежели самое уменьшеніе пошлинъ. Ханъ изъявилъ мнѣ уже свое согласіе на это весьма важное для нашей торговли условіе. Ежели бы намъ удалось добиться чего-либо подобнаго въ Бухарѣ, то первенство наше на среднеазіятскихъ рынкахъ и уничтоженіе перевѣса торговцевъ магометанскаго вѣроисповѣданія надъ природными Русскими были бы почти обезпечены, если правительство не оставитъ впредь поддерживать нашихъ торговцевъ въ справедливыхъ ихъ жалобахъ противъ могущихъ случиться отступленій отъ заключенныхъ условій. Прежде положенія начала новому порядку, товаръ присланный изъ Оренбурга съ прикащикомъ Панфиловымъ, прибывшій въ Хиву одновременно съ нами, былъ оцѣненъ послѣ распродажи товара и съ него взято $2^1/_2$% пошлины, то-есть Хивинцы согласились взять 105 червонцевъ, тогда какъ первоначально они потребовали было 520 хивинскихъ червонцевъ, то-есть 1.140 р.

Имѣю честь представить при семъ копію съ предложенныхъ мною хану условій.

Несмотря на всю слабость ханства, въ особенности соразмѣрно съ могуществомъ Россіи, Хивинцы ослѣплены до того что вѣрятъ въ недосягаемость свою, не видятъ необходимости въ уступкахъ и даже осмѣлились было предъявить съ своей стороны требованія: объ уменьшеніи у насъ пошлины съ товаровъ, объ опредѣленіи границъ согласно обѣщаній данныхъ будто бы Данилевскимъ, о правахъ на владѣніе Усть-Уртомъ, Араломъ и даже рѣкой Сыромъ, о возвращеніи въ ханство Каракалпаковъ перекочевавшихъ къ намъ и пр. Я прекратилъ всякое сужденіе относительно сего замѣчаніемъ что въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду предъявить также новыя требованія, и именно вознагражденія за разграбленныя въ 1847 и 1848 годахъ наши караваны, за грабежи въ степи, за нападенія на наши отряды послѣ заключенія дружественнаго акта въ 1841 году, за укрывательство нашихъ преступ-

никовъ и незаконное отправленіе ханскихъ фирмановъ къ подданнымъ намъ киргизскимъ и туркменскимъ племенамъ.

Относительно извѣстнаго вашему превосходительству вопроса объ опредѣленіи рѣки Сыра границей между Хивой и Россіей на востокѣ, я, согласно инструкціи данной мнѣ при отправленіи изъ С.-Петербурга, уклонился отъ какого-либо отвѣта, изъяснивъ что объ этомъ предметѣ Хивинцы уже извѣщены письменно изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Желая ввести однакоже въ заблужденіе Киргизовъ кочующихъ по Яны-Дарьѣ и на лѣвомъ берегу Сыра, Хивинцы послали тайкомъ людей распустить между ними слухъ что они формально признаны нами за Хивой. Хивинцы намѣрены позднею осенью послать собирать съ нихъ закятъ.

Стараясь сблизиться съ Бухарскимъ эмиромъ изъ боязни Россіи, ханъ Хивинскій тѣмъ не менѣе не довѣряетъ ему и желалъ бы помѣшать нашему сближенію съ Бухарой, первоначально хотѣли меня заставить отказаться совершенно отъ намѣренія идти въ Бухару и вернуться сначала въ предѣлы Россіи, и оттуда уже идти въ Бухару, согласно съ желаніемъ эмира, выраженнымъ имъ будто Хивинцамъ. Когда провѣдалъ ханъ о намѣреніи Даукаринскихъ и всѣхъ вообще Киргизовъ кочующихъ на правомъ берегу Аму воспользоваться движеніемъ къ рѣкѣ Сыру миссіи, чтобы подъ защитой конвоя нашего откочевать изъ хивинскихъ владѣній, то ханъ началъ противиться моему слѣдованію по тому направленію и вздумалъ было потребовать отъ меня чтобъ я вернулся прежнимъ путемъ въ Россію, то-есть на Кунградъ и чрезъ Усть-Уртъ.

Тѣмъ не менѣе, 15го августа, на данномъ Кумъ-Беги отъ имени хана обѣдѣ для миссіи и конвоя, пять ханскихъ сановниковъ, коимъ поручено было переговорить со мною насчетъ предложенныхъ условій, объявили мнѣ что ханъ принимаетъ всѣ пункты акта, за исключеніемъ пропуска судовъ, и согласился пропустить меня въ скоромъ времени въ Бухару. Я отвѣтилъ что желаю знать причину несогласія на свободное плаваніе судовъ нашихъ въ рѣку Аму, ибо не рѣшаюсь довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества что ханъ отказалъ въ нашемъ требованіи и такимъ образомъ какъ бы не дорожитъ пріязнью Россіи. Послѣ трехчасовой конференціи, ханскіе сановники стали было колебаться, не находя уже отвѣтовъ на мои доводы и начиная понимать изъ моихъ словъ ту опасность которой Хива можетъ подвергнуться въ случаѣ если не согласится добровольно допустить свободное плаваніе нашихъ судовъ по рѣкѣ Аму. Впрочемъ несмотря на всѣ мои усилія, мнѣ однакоже не удалось привести Хивинцевъ къ окончательному рѣшенію вопроса. Всѣ до того боятся эмира что не хотятъ изъявить своего согласія до полученія ожидаемыхъ ими новыхъ писемъ отъ Нафъ-Уллы и прибытія посланца изъ Бухары, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаются отпустить меня съ положительнымъ отказомъ. Отклоняю сдѣланное ими мнѣ предложеніе отправить съ нами въ Бухару

отъ Хивинскаго хана уполномоченнаго, коему поручено было бы подписать со мною дружественный актъ, какъ только эмиръ допуститъ плаваніе нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму. Требую положительнаго отвѣта: да или нѣтъ, и не соглашаюсь на заключеніе дружественнаго акта, безъ права свободнаго плаванія нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму.

Убѣжденъ почти что въ Бухарѣ буду имѣть такъ же мало успѣха, какъ и Бутеневъ въ 1841 году. Война съ Коканцами, какъ говорятъ, началась. 16го августа эмиръ предполагалъ выступить для осады Джизака и Ура-Тюбе; поджидаю только свѣдѣнія изъ Бухары чтобы еще болѣе поторопить здѣсь окончаніемъ переговоровъ и собраться въ путь. Постараюсь идти вверхъ по долинѣ рѣки Аму.

. . . . . .

Отчетливая глазомѣрная съемка отъ Усть-Урта до Кунграда, и рѣки Аму отъ самыхъ устьевъ до высоты Хивы, въ масштабѣ 20 верстъ въ англ. дюймѣ; половина конвоя миссіи прошла по совершенно неизвѣстной доселѣ мѣстности, которая также снята при семъ случаѣ. Прискорбно что болѣзнь астронома Струве лишила его возможности продолжать свои занятія.

Послѣдній пунктъ опредѣленный астрономически Кунградъ.

Посольства изъ средне-азіатскихъ владѣній принимаемыя нами не имѣютъ никакихъ выгодныхъ для насъ послѣдствій, а стоятъ намъ очень дорого. Весьма мало пользы могутъ также принести и наши миссіи посылаемыя временно въ ханства. Это напрасная трата денегъ, которыя могутъ быть употреблены для достиженія той же цѣли въ этой же части Азіи, но инымъ образомъ, съ несравненно бо́льшимъ вѣроятіемъ успѣшнаго результата.

По полученнымъ мною на сихъ дняхъ довольно правдоподобнымъ свѣдѣніямъ, самый глубокій и удобный проходъ для нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму, не чрезъ Улькунъ-Дарью, а гораздо восточнѣе, чрезъ рукавъ Сасыкъ-Куль, впадающій въ озеро и изливающійся рукавомъ Джидели въ море, верстахъ въ 130 восточнѣе Улькунъ-Дарьи. Не имѣвъ еще возможности свѣрить всѣ данныя по сему предмету, воздерживаюсь отъ положительнаго заключенія относительно преимуществъ сего пути надъ остальными рукавами Аму-Дарьи.

Нельзя однакожь не предположить что этотъ путь доступенъ для Аральской флотиліи нашей въ рѣкѣ Аму. Хивинцы придумали построить двѣ крѣпости: одну близь соединенія Талдыка съ Улькунъ-Дарьей, противъ мели, гдѣ наши суда встрѣтили такъ много затрудненій, а другую на уроч. Курганъ, въ одной верстѣ противъ устья рукава Сасыкъ-Куль, верстахъ въ 90 отъ моря. Въ эту послѣднюю крѣпость будетъ переселено 900 узбекскихъ семействъ (для сего берется по пяти изъ каждаго хивинскаго города). Начальникомъ этой крѣпостцы — будущаго оплота Хивы противъ нашей флотиліи, назначенъ Мехремъ-Якубъ-Баба, братъ эсаула-баши кунградскаго. Тутъ же будутъ сбирать закятъ и гутуръ съ кочую-

щихъ на правомъ берегу Аму Киргизовъ и Каракалпаковъ. Постройка крѣпости начнется немедленно послѣ ухода миссіи въ Бухару.

Струве страдаетъ жестокимъ ревматизмомъ и находится въ такомъ положеніи что онъ рѣшительно съ нами слѣдовать въ Бухарію не можетъ.

Я вынужденъ отправить его на баркѣ внизъ по теченію рѣки до парохода *Перовскій*, вмѣстѣ съ больными, докторомъ Пекарскимъ и ротмистромъ Дучинскимъ и нѣсколькими нижними чинами. Посылаю съ ними это донесеніе.

XV.

Донесеніе капитана Бутакова полковнику Игнатьеву отъ 20го іюля.

Во исполненіе предписанія вашего высокоблагородія отъ 16го іюля, за № 50, полученнаго мною 19 числа въ 6 часовъ вечера, я отправляю сегодня на большой хивинской лодкѣ вещи посольства. При нихъ ѣдутъ: гг. штабсъ-капитанъ Салацкій, лейтенантъ Можайскій, подпоручикъ Муренко, топографы Недорѣзовъ и Щербаковъ, и кромѣ прислуги офицеровъ, пять казаковъ отпущенныхъ изъ Форта № 1. Всѣ означенные чины снабжены морскою провизіей, кромѣ мяса, по 1е августа.

11го іюля, при отправленіи отсюда на соединеніе съ вами поручика Зеленина и есаула Бородина съ лошадьми, я отпустилъ первому изъ нихъ на непредвидимые расходы (не полагаясь вполнѣ на искреннее доброжелательство Хивинцевъ) 10 полумперіаловъ изъ суммъ флотиліи. Имѣю честь покорнѣйше просить васъ возвратить эти деньги при случаѣ. При первой встрѣчѣ моей съ отрядомъ нашимъ отъ Кунграда, я отпустилъ ему десять четвертей овса, изъ 25 привезенныхъ мною изъ Форта № 1.

При отправленіи отряда отсюда, я далъ одну четверть сухарей и для лошадей еще пятнадцать четвертей овса. Оба эти офицера отозвались что только отпущеннымъ мною въ первый разъ овсомъ они могли поддержать лошадей.

18го іюля, преодолѣвъ всѣ физическія препятствія, которыя, сознаюсь, я считалъ едва ли одолимыми, пришла баржа лейтенанта Колокольцова и стала на якорь въ 5 верстахъ отъ меня: топографъ Недорѣзовъ покажетъ вамъ на своей съемкѣ гдѣ именно Хивинцы, высланные правителемъ Кунграда на лодкахъ и верхомъ, хотѣли остановить баржу гораздо прежде, но лейтенантъ Колокольцовъ продолжалъ идти подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ, не слушая хивинскихъ чиновниковъ и отговаривался что у него нѣтъ переводчика, а самъ онъ не понимаетъ по-татарски, но на одномъ крутомъ поворотѣ его прижало къ берегу, и Хивинцы, воспользовавшись этимъ случаемъ, ухватились за его снасти, и онъ, избѣгая всякаго насилія, притворился что только тогда понялъ въ чемъ дѣло и остановился. Хотя оружіе было у него въ полной готовности,

но оно было скрыто, такъ что Хивинцы не видѣли никакихъ военныхъ приготовленій.

Хотя теперь у меня хорошій запасъ антрацита, съ которымъ можно бы подняться до Гарджуя и выше, но мнѣ кажется *благоразумнѣе* спуститься къ устью Улькунъ-Дарьи, ибо:

1) Судя по полученнымъ вами извѣстіямъ изъ Бухары, крайне сомнительно чтобы вамъ пришлось туда ѣхать.

2) Еслибъ эти извѣстія оказались несправедливыми, то несомнѣнно что Хивинскій ханъ, испуганный свободнымъ входомъ судовъ нашихъ въ Аму и просимый Бухарскимъ эмиромъ не пропускать ихъ вверхъ, ни за что̀ не согласится на такое плаваніе, и

3) Пока будутъ длиться въ Хивѣ переговоры, крайне сомнительнаго результата, о пропускѣ судовъ нашихъ вверхъ, вода, упавшая уже на два дюйма, успѣетъ понизиться настолько, что намъ заградится возвращеніе отсюда, ибо, не скрою отъ васъ, что мы съ трудомъ совершили послѣднюю часть пути нашего къ Кунграду по протоку который вамъ покажетъ топографъ Недорѣзовъ на съемкѣ: пароходъ едва могъ пройти по его мелководью. Въ такомъ случаѣ вы были бы *совершенно отрѣзаны.*

Отправившійся отсюда въ Оренбургъ хивинскій караванъ нашелъ съ величайшимъ трудомъ верблюдовъ, платя за нихъ весьма дорогую цѣну. Изъ этого я заключаю что вамъ будетъ несравненно труднѣе найти верблюдовъ для обратнаго пути, еслибы вы не пошли въ Бухару или для того чтобъ идти туда сухимъ путемъ; а потому мнѣ кажется что вамъ лучше всего возвратиться въ Россію водой, чрезъ Фортъ № 1, бросивъ или продавъ лошадей, изъ которыхъ многія, безъ сомнѣнія, падутъ до того времени. Нанявъ или купивъ нѣсколько хивинскихъ лодокъ, вы бы легко спустились по устью Улькунъ-Дарьи дней въ 7 изъ Хивы, а потомъ сѣли бы на суда, на которыхъ будетъ запасено достаточно провизіи для посольства и конвоя.

По крайней недовѣрчивости Хивинцевъ, старающихся прекратить всякое сообщеніе между нами, и при боязни мѣстныхъ жителей оказывать намъ услуги, хотя повидимому у нихъ нѣтъ на это недостатка въ доброй волѣ, мнѣ почти невозможно давать вамъ о себѣ извѣстія. Единственное средство еслибы вы повременамъ присылали надежныхъ гонцовъ, которые бы проѣхали къ намъ по мѣстамъ незаселеннымъ. Съ ними бы и я могъ сообщать вамъ извѣстія.

Я располагаю стать у раздвоенія Улькунъ-Дарьи, верстахъ въ 15 отъ устья. Хотя глубокая часть и начинается гораздо выше, но берега тамъ затоплены, заросли камышами, и испаренія отъ нихъ при долговременной стоянкѣ могутъ произвести лихорадки, а потому для сохраненія здоровья людей лучше стоять тамъ гдѣ берега твердые и гдѣ испаренія разгоняются морскими вѣтрами.

Еслибы вы возвращались водой, то я могу заблаговременно, получивъ отъ васъ извѣщеніе, пойти къ вамъ на встрѣчу.

О чемъ вашему высокоблагородію имѣю честь донести, присовокупляя что завтра же ухожу отсюда, и что по прибытіи въ устье Улькунъ-Дарьи, я немедленно отправляю баржу лейтенанта Ковалевскаго въ устье Сыра за провизіей и съ пакетомъ вашимъ подъ № 24, на имя г. директора азіятскаго департамента.

XVI.

Письмо полковника Игнатьева бухарскому визирю.

Въ поздравительномъ письмѣ присланномъ отъ высокостепеннаго эмира съ посланцомъ Мулла-Джаномъ, по случаю восшествія на прародительскій престолъ Великаго Государя моего, выражено между прочимъ желаніе эмира чтобы было послано въ Бухару отвѣтное посольство.

Избранный для сего назначенія, считаю долгомъ поставить васъ въ извѣстность что прибывъ 20го іюня въ Хиву, также по порученію Государя моего, я имѣю въ виду, оставшись непродолжительное только время въ этомъ городѣ, продолжать свой путь далѣе въ Бухарію и надѣюсь такимъ образомъ въ скоромъ времени прибыть въ предѣлы ханства.

За симъ прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и пріязненныхъ чувствахъ, а также въ искреннемъ желаніи употребить всевозможное стараніе къ скрѣпленію дружбы и пріязни издавна существующихъ уже между Россіей и Бухарой.

XVII.

Выдержка изъ предписанія полковника Игнатьева капитану Батакову отъ 27го августа.

.... Что же касается до предполагаемыхъ вами переговоровъ, крайне сомнительнаго результата, о пропускѣ судовъ нашихъ вверхъ по рѣкѣ, то ваше письмо отъ 3го іюля и настоящій вашъ отзывъ о невозможности дальнѣйшаго плаванія парохода отъ Кунграда, заставили меня положительно прекратить тѣ переговоры съ Хивинцами которые я уже было началъ съ ними насчетъ немедленнаго пропуска *Перовскаго* вверхъ по Аму-Дарьѣ и обратить эти переговоры только въ требованіе открытія этой рѣки вообще для нашего судоходства съ будущаго года.

Въ настоящее время еще болѣе представляется препятствій къ плаванію парохода вверхъ по Аму: 1) наступающее позднее время года заставляетъ меня думать что если вы въ іюлѣ мѣсяцѣ находили, изъ опасенія обмелѣнія рѣки, дальнѣйшее движеніе парохода опаснымъ, то тѣмъ болѣе не рѣшитесь предпринять подобный походъ въ сентябрѣ, когда рѣка значительно уже обмелѣла. 2) Полученное здѣсь, чрезъ пріѣхавшаго изъ Кунграда хивинскаго чиновника, извѣстіе о томъ что будто бы вы приняли на пароходъ бѣжавшаго плѣннаго Персіянина и отказываете хивинскимъ властямъ въ выдачѣ этого человѣка, окончательно возбудило подозрѣніе хивинска-

го правительства насчетъ благонамѣренности дѣйствій нашей флотиліи и заставило его предполагать что при дальнѣйшемъ движеніи нашихъ судовъ по рѣкѣ, и прочіе Персіяне будутъ убѣгать на флотилію и найдутъ тамъ себѣ пріютъ и защиту, и 3) ло позднему движенію въ Бухару, несмотря даже на самое кратковременное тамъ пребываніе миссіи, я не могу разчитывать вернуться оттуда ранѣе октября мѣсяца, то-есть того времени когда пароходу, за наступающею зимой, будетъ окончательно невозможно пробраться въ Сырѣ и онъ по необходимости долженъ будетъ зимовать въ Аму, что̀, какъ извѣстно мнѣ изъ словеснаго вашего объясненія на Усть-Уртѣ, было бы, по вашему мнѣнію, неудобоисполнимо. По всѣмъ этимъ причинамъ, я покорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе оставаться съ пароходомъ въ настоящемъ мѣстѣ вашего расположенія до тѣхъ поръ пока по состоянію погоды вы найдете это возможнымъ, отнюдь только не уходя въ Казалу отъ устьевъ рѣки ранѣе 15го сентября....

Кромѣ извѣстія о Персіянинѣ, здѣсь получено также свѣдѣніе, сильно встревожившее Хивинцевъ, о производствѣ вашимъ высокоблагородіемъ съемки береговъ Аму, около мѣста вашей стоянки. Не зная до какой степени эти свѣдѣнія справедливы, я во всякомъ случаѣ прошу васъ производить промѣры и съемки возможно скрытнымъ образомъ, и не возбуждать и безъ того уже весьма сильныхъ подозрѣній Хивинцевъ на счетъ цѣли нашихъ дѣйствій. Что же касается до Персіянина, то я полагаю что если уже онъ разъ принятъ на наше судно, то выдавать его Хивинцамъ было бы нечеловѣколюбиво и несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи.

XVIII.

Выдержка изъ донесенія капитана Бутакова полковнику Игнатьеву, отъ 8го сентября.

....21го іюля, отправивъ изъ Кунграда на хивинской лодкѣ подарочныя вещи и при нихъ членовъ миссіи, отправился я съ обѣими баржами къ устью Улькунъ-Дарьи, куда прибылъ утромъ 26го іюля и сталъ противъ урочища Тенке-Куму, нѣсколько выше того мѣста гдѣ отъ Улькy къ Дарьѣ отдѣляется рукавъ Кичкене-Дарья.

1го августа, когда баржа лейтенанта Ковалевскаго была уже готова къ отплытію въ устье Сыра съ депешами и съ провизіей, прибылъ на хивинской лодкѣ коллежскій асессоръ Галкинъ, съ распоряженіями вашего высокоблагородія касательно устройства рода почтоваго сообщенія между посольствомъ и флотиліей, и стоянки судовъ. Иманъ-Ходжа, хивинскій чиновникъ, командированный съ тою же цѣлью ханомъ, прибылъ на отдѣльной лодкѣ на другой день и расположился въ аулѣ каракалпакскаго бія Муллы-Мамыта; на лодкѣ г. Галкина прибылъ другой хивинскій чиновникъ, мулла.

До пріѣзда г. Галкина, жителямъ близкихъ къ нашей сто-

янкѣ ауловъ было запрещено хивинскими чиновниками, посланными кунградскимъ правителемъ, торговать и входить съ нами въ сношенія; распоряженіе это въ особенности касалось Киргизовъ. Прибывшій съ г. Галкинымъ мулла немедленно снялъ это запрещеніе, и тотчасъ же явились къ намъ Киргизы и Каракалпаки съ дынями, баранами и пр.

Предъ выѣздомъ изъ Хивы, для избѣжанія недоразумѣній, г. Галкинъ сообщилъ Иману-Ходжѣ чрезъ переводчика миссіи г. Батаршина, что онъ везетъ мнѣ, основанное на согласіи хана, приказаніе ваше: ждать около ауловъ Муллы-Мамыта съ двумя судами и отослать третье. Иманъ отвѣчалъ что все это дѣйствительно согласно съ желаніемъ хана. Утромъ 2го августа, Иманъ-Ходжа, не пріѣзжавшій самъ на пароходъ, прислалъ своего муллу справиться о здоровьи г. Галкина и спросить когда ему нужно приготовить лодку для возвращенія въ Хиву? Тотъ отвѣчалъ что желаетъ имѣть лодку утромъ 3го августа. Словомъ, все имѣло видъ самыхъ дружелюбныхъ сношеній.

На разсвѣтѣ 3го августа, когда бумаги г. Галкина были готовы, я отправилъ въ устье Сыра баржу лейтенанта Ковалевскаго, а пароходъ и другая баржа остались на прежнемъ мѣстѣ, у праваго берега Улькунъ-Дарьи.

Часовъ въ 10 того же утра, выѣхалъ на лѣвый берегъ рѣки, противъ парохода, Иманъ-Ходжа съ многочисленною свитой Хивинцевъ и Каракалпаковъ. Я послалъ къ нему шлюпку съ переводчикомъ, прося его пріѣхать къ намъ. Въ отвѣтъ на мою вѣжливость, онъ велѣлъ мнѣ объявить что мы стоимъ не на мѣстѣ, что по волѣ хана я долженъ отослать и другую баржу, а съ пароходомъ держаться въ морѣ.

Я велѣлъ отвѣчать что онъ ни вчера, ни прежде не находилъ будто мы не на мѣстѣ, что посланникъ нашъ велѣлъ мнѣ стоять здѣсь съ двумя судами, что наконецъ если вышло недоразумѣніе, то чиновникъ нашъ долженъ немедленно возвратиться въ Хиву, и тогда все дѣло объяснится. Если вы не уйдете сейчасъ же, то чиновникъ вашъ не получитъ лодки.

Такую грубую и глупую угрозу, и такое наглое требованіе я оставилъ безъ отвѣта. Иманъ-Ходжа прождалъ еще нѣсколько времени на берегу и потомъ уѣхалъ, объявивъ строжайшее приказаніе чтобы никто изъ Киргизовъ и Каракалпаковъ не смѣлъ торговать съ нами и входить въ какія-либо сношенія. Для усиленія этого приказанія, онъ поставилъ недалеко отъ судовъ конный караулъ изъ Каракалпаковъ, которые дѣлали около насъ разъѣзды, били нагайками и прогоняли Киргизовъ, пробиравшихся къ намъ съ дынями. Дней черезъ десять, имъ надоѣло соблюдать строгій караулъ, а когда надзоръ ослабѣлъ, Киргизы стали снова приходить къ намъ.

Очевидно что Иманъ-Ходжа имѣлъ наставленіе найти предлогъ остановить г. Галкина. Такъ какъ онъ везъ сюда приказаніе ваше, нравившееся Хивинцамъ, то его и пропустили къ намъ, но потомъ, когда баржа ушла и порученіе это было исполнено, они задержали его, не желая чтобы вы имѣли съ

флотиліей сношенія. Трудно придумать для чего они это дѣлали. Они воображали у насъ какіе-то невозможные враждебные замыслы дѣйствовать противы Хивы заодно съ Туркменами, разграбить Каракалпаковъ; кругомъ насъ ходили слухи что у острова Николая I стоитъ множество русскихъ судовъ съ войсками, которыя ждутъ только знака для нападенія на Хивинское ханство...

Нѣсколько разъ, по просьбѣ г. Галкина, пламенно желавшаго присоединиться къ миссіи, я посылалъ къ Иману-Ходжѣ требовать лодки, но онъ постоянно отказывалъ.

Вечеромъ 31го іюля, когда уже совершенно стемнѣло, кто-то закричалъ на противоположномъ берегу чтобы за нимъ прислали лодку. Ожидая отъ васъ извѣстій, я поспѣшилъ послать шлюпку, и она вскорѣ привезла невольника-Персіянина, Гассана, убѣжавшаго отъ своего хозяина Каракалпака изъ окрестностей Кунграда. Онъ прошелъ къ намъ чрезъ камыши и болота, чуть не утонулъ нѣсколько разъ и умолялъ чтобы мы его взяли и не отдавали его хозяину, что его бы убили или замучили за побѣгъ, что въ аулѣ гдѣ онъ жилъ была русская женщина, лѣтъ 40, которая также хотѣла бѣжать, но ее перевели наканунѣ побѣга въ другой аулъ, что она лѣтъ 20 тому назадъ была захвачена Туркменами, что ее хотѣли обратить въ магометанство, но она не соглашалась, несмотря ни на какіе побои и принужденія.

Сознавая вполнѣ долгъ нашъ выручить нашу несчастную землячку и понимая очень хорошо что за извѣщеніе насъ о ея участи Гассану дѣйствительно угрожала бы смерть, я рѣшился взять его, съ тѣмъ чтобы немедленно отправить на баржѣ лейтенанта Ковалевскаго. Поступить иначе я считалъ противнымъ человѣколюбію и недостойнымъ чести русскаго флага. На другое же утро Персіянинъ былъ выбритъ, одѣтъ въ матросское платье и спрятанъ въ трюмѣ готовящейся къ отплытію баржи, на которой онъ и ушелъ 3го числа.

Не имѣя возможности донести вамъ объ этомъ происшествіи и не зная навѣрно пойдете ли вы въ Бухару, я поручилъ своему переводчику предложить за нашу землячку выкупъ хозяину ея, каракаллакскому бію Муллѣ-Мамыту. Тотъ не рѣшился отдать ее безъ Имана-Ходжи, и они сообща прислали мнѣ отвѣтъ что отдадутъ ее за 25 тиллей, съ тѣмъ чтобъ я заплатилъ за Персіянина 80 тиллей. Не имѣя никакого довѣрія къ Иману-Ходжѣ и такъ какъ, по разнесшимся вскорѣ слухамъ, посольство наше возвращалось къ флотиліи, я рѣшился дождаться васъ.

XIX.

Письмо полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому, отъ 27го августа.

Настойчивыя мои требованія и объясненія заставили наконецъ до такой степени поколебаться ханскихъ сановниковъ

и самого хана что я начиналъ уже имѣть надежду заставить Хивинцевъ подписать обѣщаніе допустить свободное плаваніе судовъ нашихъ съ будущаго года. Снова неожиданно разрушились однакоже наши предположенія. 21го августа получено было въ Хивѣ донесеніе отъ кунградскаго градоначальника что съ парохода *Перовскій* посылаются лодки для производства съемокъ и промѣровъ, и что изъ Кунграда бѣжалъ на наше судно плѣнный Персіянинъ, коего хивинскіе чиновники напрасно пытались вытребовать у командира парохода. Опять собрался совѣтъ ханскій, и послѣ долгаго совѣщанія, пришли къ заключенію что пароходы наши рѣшительно вредно и опасно пускать въ рѣку: 1) потому что мы сдѣлаемъ подробную съемку рѣки и вполнѣ ознакомимся съ мѣстностью, съ тѣмъ чтобы при благопріятномъ случаѣ внезапно овладѣть ханствомъ; 2) ежели мы не имѣемъ прямыхъ враждебныхъ намѣреній, то разоримъ землевладѣльцевъ, сановниковъ и самого хана, увозя безнаказанно на судахъ нашихъ плѣнныхъ, первыхъ работниковъ въ ханствѣ, и что къ этому можетъ побудить насъ преимущественно искренняя связь наша съ Персіей, простирающаяся, по понятіямъ Хивинцевъ, до того что въ Персіи чеканятъ монету на имя Государя Императора, и шахъ при себѣ держитъ вмѣсто гвардіи русское войско.

Настоящій случай увоза Персіянина нашимъ пароходомъ Хивинцы считаютъ весьма пагубнымъ примѣромъ для всѣхъ племенъ имъ подвластныхъ.

Ханъ вечеромъ того же дня прислалъ мнѣ объявить полученное извѣстіе, требовалъ выдачи Персіянина и распоряженія о прекращеніи производства съемки въ устьѣ. Я отвѣчалъ уклончиво, сказалъ что не могу сдѣлать никакого распоряженія, такъ какъ не имѣю извѣстій съ парохода, а донесеніямъ хивинскихъ чиновъ не вѣрю, ибо нѣсколько разъ имѣлъ случай удостовѣриться въ ихъ преувеличенности; но что впрочемъ я напишу объ этомъ командиру судна и пошлю письмо съ больными чиновниками, коихъ необходимо отправить на пароходъ, по невозможности для нихъ продолжать путешествіе далѣе. Въ то же время получилъ я увѣдомленіе отъ хивинскаго правительства что титулярный совѣтникъ Галкинъ, посланный мною изъ Хивы, вмѣстѣ съ хивинскими чиновниками, въ концѣ іюня мѣсяца, на лодкѣ въ устьѣ Улькунъ-Дарьи, для объясненій съ Бутаковымъ и передачи писемъ, доѣхавъ до парохода, разсорился съ хивинскими чиновниками его сопровождавшими, вслѣдствіе объясненій относительно выдачи бѣжавшаго Персіянина, и долженъ былъ остаться на пароходѣ.

Не имѣя средства удостовѣриться въ истинѣ всего вышеизложеннаго, но видя что Хивинцы положительно не хотятъ согласиться на свободное плаваніе судовъ нашихъ въ рѣкѣ Аму, тѣмъ болѣе что не только эмиръ, но и ханъ Коканскій прислали Сеидъ-Магомету письма, въ коихъ совѣтуютъ не пропускать нашихъ пароходовъ, я рѣшился отказаться отъ дальнѣйшихъ безплодныхъ переговоровъ и поторопить только высту-

леніе миссіи изъ Хивы. 23го я далъ отвѣтное угощеніе, съ иллюминаціей и фейерверкомъ, ханскимъ сановникамъ, въ саду занимаемомъ миссіей. Послѣ фейерверка, имъ розданы были подарки.

25го числа ханъ прислалъ мнѣ подарки назначенные для поднесенія Его Императорскому Величеству, а именно два аргамака съ полною сбруей и коверъ; въ то же время два приближенныхъ ханскихъ чиновника (одинъ изъ мехтаровъ и постельничій) передали мнѣ грамоту отъ хана къ Государю Императору, и на вопросъ мой: когда ханъ назначитъ прощальную аудіенцію? отвѣчали что вѣроятно онъ приметъ меня въ тотъ же день вечеромъ. Замѣтивъ что письмо ханское запечатано, я объявилъ хивинскимъ чиновникамъ что требую копіи съ онаго, и ежели не получу до аудіенціи, то непремѣнно буду лично просить о томъ хана. Каково было мое удивленіе, когда вечеромъ, напрасно прождавъ приглашенія ѣхать къ хану, узналъ я наконецъ что его высокостепенство, чтобы избѣгнуть объясненія со мною о необходимости дать какой-либо положительный отвѣтъ, удалился въ загородный дворецъ, поручивъ чиновнику своему пожелать мнѣ добраго пути. Я написалъ тотчасъ Кумъ-Беги что требую прощальной аудіенціи, желаю знать положительный отвѣтъ хана на предложенныя мною условія и прошу доставить копію съ письма писаннаго отъ хана къ Государю Императору.

26го числа послѣ полудня, Кумъ-Беги прислалъ мнѣ Дибанъ-Бабу съ отвѣтомъ что онъ не смѣетъ доложить моего письма хану. Получивъ извѣстіе что ханъ вернулся въ Хиву, я тотчасъ же послалъ секретаря миссіи Киливейна съ драгоманомъ прямо въ ханскій дворецъ, чтобы еще разъ словесно потребовать отъ Кумъ-Беги копію съ письма хана къ Государю и объяснить что я буду считать себя обиженнымъ, ежели не буду приглашенъ на прощальную аудіенцію и повторить неоднократно уже выраженное мною требованіе о выдачѣ намъ уральскаго урядника, взятаго въ плѣнъ Джачъ-Ходжей и находящагося у Хивинцевъ. Застигнутый въ расплохъ во дворцѣ, Кумъ-Беги долженъ былъ принять Киливейна и объявилъ ему что ханъ не хочетъ дать мнѣ прощальной аудіенціи, потому что хивинскій посланецъ Фазилъ-Ходжа не былъ принятъ Его Императорскимъ Величествомъ болѣе одного раза, что я не могу считать себя обиженнымъ, ибо былъ принятъ съ почетомъ и отличіемъ, несравненно лучше нежели Фазилъ-Ходжа въ Петербургѣ, и наконецъ что мнѣ не дадутъ копіи съ ханскаго письма, потому что это не въ обычаѣ въ Хивѣ и что притомъ Фазилъ-Ходжѣ было неизвѣстно содержаніе письма Государя Императора къ хану, тогда какъ мнѣ словесно два раза были уже объяснены отвѣты хана на предложенныя мною условія для заключенія дружественнаго акта. Къ сему Кумъ-Беги присовокупилъ что въ письмѣ заключается повтореніе уже мнѣ извѣстнаго.

Вслѣдствіе вышеизложенаго, я рѣшился выступить 28го августа изъ Хивы, направляясь чрезъ городъ близъ котораго я

переправлюсь черезъ Аму-Дарью, и затѣмъ пойду правымъ берегомъ на Кукертли, чрезъ Каракулъ въ Бухару.

Для сопровожденія насъ до бухарской границы назначенъ мнѣ былъ почетный конвой.

Хивинцы намѣрены, подъ предлогомъ желанія убѣдиться въ дружественныхъ видахъ Россіи относительно ханства, послать къ намъ новое посольство, которое, выйдя мнѣ на встрѣчу при возвращеніи миссіи мнѣ ввѣренной изъ Бухаріи въ Фортъ № 1, присоединится ко мнѣ и будетъ просить у Его Императорскаго Величества опредѣленія границъ между Россіей и Хивой по рѣкамъ Сыру и Эмбѣ и отпуска въ Хиву большаго числа мастеровыхъ и механиковъ для обученія Хивинцевъ различнымъ ремесламъ и искусствамъ и даже для построенія парохода на рѣкѣ Аму. Взамѣнъ этого, посланецъ изъявитъ согласіе, при исполненіи вышеизложенныхъ двухъ условій, допустить свободное плаваніе нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму и постоянное пребываніе нашего торговаго агента въ Хивѣ. Посланцемъ назначается Дарга, человѣкъ вліятельный, умный, ловкій, хитрый, пользующійся большимъ значеніемъ и выгоднымъ положеніемъ въ Хивѣ и отличающійся отъ всѣхъ другихъ узбековъ своею обходительностію и вѣжливостію. Онъ занималъ второе мѣсто между хивинскими сановниками. Совѣтникомъ Дарги будетъ, кажется, Диванъ-Баба, бывшій приставомъ нашимъ отъ вступленія въ Кунградъ до выхода изъ Хивы и назначенный теперь для препровожденія больныхъ нашихъ до парохода.

Несмотря на то что посольство это заслуживало бы, по составу своему, несравненно большее вниманіе, нежели обыкновенно присылаемыя въ Россію, но мнѣ кажется что слѣдовало бы не пустить Даргу далѣе Оренбурга, для того чтобы вселить въ Хивинцевъ убѣжденіе что мы никогда не допустимъ чтобъ они смѣли намъ въ чемъ-либо отказать. Въ такомъ случаѣ надлежало бы объявить Даргѣ въ Оренбургѣ, или даже въ Фортѣ № 1, что ни одно посольство Хивинское Его Императорскимъ Величествомъ принято не будетъ, пока Хивинцы не докажутъ что они умѣютъ цѣнить доказанное имъ вниманіе посылкой русскаго агента, поднесеніемъ Его Императорскому Величеству письменнаго согласія хана на всѣ наши условія безъ изъятія.

XX.

Выписка изъ письма полковника Игнатьева къ генералъ-адъютанту Катенину, отъ 20го августа.

Считаю долгомъ представить вашему превосходительству прилагаемую копію съ условій предложенныхъ мною хану Хивинскому, для заключенія дружественнаго акта.

Вслѣдствіе настоятельныхъ и рѣшительныхъ моихъ требованій, ханъ согласился на принятіе 1, 2, 3 и 5 пунктовъ, допустивъ не только уменьшеніе пошлины, но и совершенное

сравненіе въ дѣлѣ торговли правъ природныхъ Русскихъ съ мусульманами, а также самый выгодный для нашихъ торговцевъ способъ оцѣнки товаровъ. Относительно пребыванія въ Хивѣ нашего торговаго агента, подъ названіемъ караванъ-баши, ханъ также изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ чтобъ агентъ этотъ не жилъ постоянно въ Хивѣ, а пріѣзжалъ бы только на время изъ Оренбурга, пока наши торговцы имѣютъ дѣла въ ханствѣ. Я согласился на сіи условія, находя посылку временнаго агента выгоднѣе для насъ, нежели пребываніе постояннаго, который или былъ бы скорѣе вреденъ, нежели полезенъ, или же подвергался бы ежеминутной опасности и едвали успѣлъ бы въ чемъ-либо, безъ военной поддержки. Свободное плаваніе судовъ нашихъ въ рѣкѣ Аму Хивинцы не допустятъ, пока Бухарцы не согласятся на наше предложеніе. Не только эмиръ, но и Коканцы требуютъ отъ Хивинскаго хана чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на свободное плаваніе въ своихъ владѣніяхъ нашихъ пароходовъ.

XXI.

Изъ письма полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому, отъ 1го ноября.

27го октября утромъ, эмиръ прислалъ намъ подарки и приглашалъ на торжественную прощальную аудіенцію. При этомъ эмиръ былъ къ намъ еще болѣе внимателенъ нежели при первомъ представленіи и выразилъ сожалѣніе что я не хотѣлъ остаться цѣлый годъ въ Бухарѣ или, по крайней мѣрѣ, наступающую зиму, а также высказалъ желаніе чтобы русскіе агенты чаще посѣщали Бухарію.

Стараніе мое убѣдиться въ томъ что обѣщанное словесно эмиромъ и сообщенное мнѣ письменно визиремъ, будетъ подтверждено бухарскимъ посланцемъ и упомянуто въ отвѣтныхъ грамотахъ и письмахъ, задержало насъ въ Бухарѣ до 31го октября. 30го вечеромъ получилъ я копіи съ грамоты эмира на Высочайшее имя и съ письма визиря его сіятельству министру иностранныхъ дѣлъ, а на другой день утромъ мы выступили изъ города Бухары.

Посланецъ бухарскій Неджиметъ-Джинъ-Хаджа выступилъ изъ города Бухары за мною и завтра насъ догонитъ. Узнавъ что въ Фортѣ № 1 готовится значительный отрядъ для встрѣчи въ Кизилъ-Кумѣ миссіи, отправляю послѣшно Чабара къ коменданту съ просьбой отмѣнить, ежели сіе возможно, высылку большаго отряда, такъ какъ снаряженіе потребуетъ большихъ расходовъ, а позднее время года можетъ подвергнуть войска различнымъ напраснымъ лишеніямъ.

Мнѣ кажется что наступающая зима не дозволитъ довести слона, посланнаго эмиромъ въ подарокъ Государю Императору, до Оренбурга. Вѣроятно придется оставить слона на зиму въ Фортѣ № 1, съ тѣмъ чтобъ его весной довести чрезъ Оренбургъ до города Самары, а оттуда доставить по рѣкѣ Волгѣ въ Тверь.

НА НОЖАХЪ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VI. Не передъ добромъ.

Андрей Ивановичъ Подозеровъ, войдя чрезъ балконъ и заставъ все общество въ наугольной Бодростинскаго дома, среди общаго безпорядочнаго и непонятнаго движенія, произведеннаго табакомъ „сумашедшаго Бедуина“, довольно долгое время ничего не могъ понять что̀ здѣсь случилось? Лариса кинулась къ нему на самомъ порогѣ и убѣжала назадъ съ воплемъ и испугомъ. Гордановъ, Висленевъ и Бодростина, въ разныхъ позахъ, терли себѣ глаза, и изъ нихъ Гордановъ дѣлалъ это спокойно, вытираясь бѣлымъ фуляромъ, Висленевъ вертѣлся и бранился, а Бодростина хохотала.

— Это чортъ знаетъ что̀! воскликнулъ Висленевъ, первый открывъ глаза, и увидѣвъ Подозерова, тотчасъ же отступилъ назадъ.

— Я вамъ говорила что покажу вамъ настоящій антикъ, замѣтила Бодростина, — надѣюсь, вы не скажете что я васъ

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870, №№ 10, 11 и 12, и №№ 1й и 2й 1871.

обманула, и съ этимъ она тоже открыла глаза, и увидавъ гостя, воскликнула: кого я вижу, Андрей Ивапычъ! Давно ли?

— Я только вошелъ, отвѣчалъ Подозеровъ, подавая ей руку и сухо кланялсь Висленеву и Горданову, который при этомъ сію же минуту всталъ и вышелъ въ другую комнату.

— Вы видѣли въ какомъ мы были положеніи? это „сумашедшій Бедуинъ“ все разказывалъ намъ какую-то исторію и въ заключеніе засыпалъ насъ табакомъ. Но гдѣ же онъ? Гдѣ Водольяновъ?

— Чортъ его знаетъ, онъ куда-то ушелъ! отвѣчалъ Висленевъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость найдите его, а то онъ пожалуй исчезнетъ.

— Прекрасно бы сдѣлалъ.

— Ну нѣтъ: я расположена его дослушать, исторія не кончена, и я прошу васъ найти его и удержать.

Висленевъ пожалъ плечами и вышелъ.

— Старѣюсь, Андрей Иванычъ, и начинаю чувствовать влеченье къ мистицизму, обратилась Бодростина къ Подозерову.

— Что̀ дѣлать? платить когда-нибудь дань удивленія неразрѣшимымъ тайнамъ, удѣлъ почти всеобщій.

— Да; но Богъ съ ними эти тайны, онѣ не уйдутъ, между тѣмъ какъ vous devenez rare comme le beau jour. Мы съ вами вѣдь не видались сто лѣтъ и сто зимъ!

— Да; почти не видались все лѣто.

— Почти! по вашему это вѣрно очень мало, а по моему очень много. Впрочемъ счеты въ сторону: je suis ravie что васъ вижу; и съ этимъ Бодростина протянула Подозерову руку.

— Я думала, или лучше скажу, я была даже увѣрена что мы съ вами болѣе уже не увидимся въ нашемъ домѣ, и это мнѣ было очень тяжело, но вы конечно и тогда были бы какъ нельзя болѣе правы. Да! обидѣли человѣка, наврали на него съ три короба и еще ему же репримапты ѣдутъ дѣлать. Я была возмущена за васъ до глубины души, и за то изъ той же глубины вызываю искреннюю вамъ признательность что вы ко мнѣ пріѣхали.

Она опять протянула ему свою руку, и удерживая въ своей рукѣ руку Подозерова, продолжала: вы вознаградили меня этимъ за многое.

— Я награжденъ ужь больше мѣры этими словами которыя

слышу, но, добавилъ онъ оглянувшись, — я здѣсь у васъ по дѣлу.

— Безъ *но*, безъ *но*: вы сегодня мой милый гость, добавила она, лаская его своими бархатными глазами,—а я конечно буду не милою хозяйкой и овладѣю вами. Она порывисто двинулась впередъ и вставъ съ мѣста сказала: — Я боюсь что Висленевъ лукавитъ и не пойдетъ искать моего Бедуина. Дайте мнѣ вашу руку и пройдемтесь по парку, онъ долженъ быть тамъ.

Въ это время Бодростина, случайно оборотясь, замѣтила мелькнувшую въ коридорѣ юбку Ларисинаго платья, но не обратила на это, повидимому, никакого вниманія.

— У меня по-деревенски ранній ужинъ, но не ранняя ночь: хлѣбъ-соль никогда не мѣшаетъ, а сонъ, какъ и смерть, моя антипатія. Но вы, мнѣ кажется, намѣрены молчать.... какъ сонъ, который я припомнила. Если такъ, я буду смерть.

— Вы смерть!... полноте Бога ради!

— А что?

— Вы жизнь!

— Нѣтъ смерть! Но вы меня не бойтесь: я смерть легкая, съ прекрасными видѣньями, съ экстазомъ жизни. Дайте вашу руку, идемъ.

Съ этимъ она облокотилась на руку гостя и пошла съ нимъ своею бойкою развалистою походкой чрезъ гостиную въ залъ. Здѣсь она остановилась на одну минуту и отдала дворецкому приказаніе накрыть столъ въ маленькой портретной.

— Мы будемъ ужинать en petit comité, сказала она, и держа подъ руку Подозерова, вернулась съ нимъ въ большую темную гостиную, откуда былъ выходъ на просторный полукруглый балконъ съ двумя лѣстницами спускавшимися въ паркъ. Въ наугольной опять мелькнуло платье Ларисы.

— Ахъ, ecoutez, дружочекъ Лора! позвала ее Бодростина,— j'ai un petit mot á vous dire: у меня разболѣлась немножко голова, и мы пройдемся по парку, а ты пожалуста похозяйничай, и если гдѣ-нибудь покажется Водопьяновъ, удержи его чтобъ онъ не исчезъ. Онъ очень забавенъ. Allons, дернула она Подозерова и круто поворотивъ назадъ, быстрыми шагами сбѣжала съ нимъ по лѣстницѣ и скрылась въ темнотѣ парка.

Лариса все это видѣла и была этимъ поражена. Эта рѣшительность и смѣлость пріема ее смущала, и вовсе незнакомое

ей до сихъ поръ чувство по отношенію къ Подозерову щипнуло ее за сердце; это чувство была ревность. Онъ принадлежалъ ей, онъ ея давній рыцарь, онъ былъ ея женихъ, которому она, правда, отказала, но.... зачѣмъ же онъ съ Бодростиной?... И такъ явно. Въ Ларисѣ заиграла „Собака и ея тѣнь“. Притомъ ей стало вдругъ страшно: она никогда не гостила такъ долго у Бодростиной; ее выгнали сюда домашніе нелады съ теткой, и теперь ей казалось что она гдѣ-то въ плѣну, въ зломъ плѣну. Собственный домъ ей представлялся давно покинутымъ раемъ, въ который нельзя ужь вернуться, и бѣдная дѣвушка прислонясь лбомъ къ холодному стеклу окна, съ замирающимъ сердцемъ думала: пусть вернется Подозеровъ, и я скажу ему чтобъ онъ взялъ меня съ собой, и уѣду въ городъ.

— Гдѣ вы и съ кѣмъ вы? произнесъ въ это мгновеніе за нею тихій и вкрадчивый голосъ.

Она вздрогнула и обернувшись увидала предъ собою Горданова.

— Вы меня кажется избѣгаете? заговорилъ, онъ ловко заступая ей дорогу собою и стуломъ, который взялъ за спинку и наклонилъ предъ Ларисой.

— Нимало, отвѣчала Лариса, но голосъ ея обличалъ сильное безпокойство; она жалась всѣмъ тѣломъ, высматривая какой-нибудь выходъ изъ-за устроенной ей баррикады.

— Мнѣ необходимо съ вами говорить. Послѣ того что̀ было вчера вечеромъ въ паркѣ....

— Послѣ того что̀ было вчера между нами, ни нынче и никогда не можетъ быть ни о чемъ никакого разговора.

— Оставьте этотъ тонъ; я знаю что вы говорите то чего не чувствуете. Сдѣлайте милость, ради васъ самой не шутите со мною.

Лариса поблѣднѣла и отвѣчала:

— Оставьте меня, Павелъ Николаевичъ, примите стулъ и дайте мнѣ дорогу.

— А-а! Я вижу вы въ самомъ дѣлѣ меня не понимаете!

— Я не желаю васъ понимать; пропустите меня, или я позову брата! сказала Лариса.

— Вашъ братъ волочится за госпожей дома, которая въ свою очередь волочится за вашимъ отставнымъ женихомъ, но это все равно, оставимъ ихъ прогуливаться. Мы одни, и я долженъ сказать вамъ что мы должны объясниться....

— Чего же вы требуете отъ меня? продолжала Лариса съ

упрекомъ. — Не стыдно ли вамъ не давать покоя дѣвушкѣ, которая васъ избѣгаетъ и знать не хочетъ.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! вы меня не избѣгаете, вы лжете.

— Гордановъ! воскликнула гнѣвно обиженная Лариса.

— Что̀ вы?... Я васъ не оскорбилъ: я говорю что вы лжете самимъ себѣ. Не вѣрите? Я представлю на это доказательства: Еслибы вы не хотѣли меня знать, вы бы уѣхали вчера и не остались на сегодня. Бросьте притворство. Наша встрѣча — роковая встрѣча. Нѣтъ силы которая могла бы сдержать страсть объемлющую все существо мое. Она не можетъ остаться безъ отвѣта. Лариса, ты такъ мнѣ нравишься что я не могу съ тобой разстаться, но и не могу на тебѣ жениться... Ты должна меня выслушать!

Лариса остолбенѣла.

Гордановъ не понялъ ее и продолжалъ что онъ не можетъ жениться только въ теченіе нѣкотораго времени и опять употребилъ слово „ты“.

Лариса этого уже не вынесла.

— „Ты!“ произнесла она, вся вспыхнувъ, и рванувшись впередъ, прошептала задыхаясь: пустите! Но одна рука Горданова крѣпко сжала ея руку, а другая обвила ее станъ.

— Ты спрашиваешь что̀ хочу я отъ тебя: тебя самой!

— Нѣтъ, нѣтъ! отрицала съ закрытымъ лицомъ Лариса. — Но Бога ради! Какъ милости, какъ благодѣянія прошу васъ: прекратите эту сцену. Умоляю васъ: не обнимайте же меня по крайней мѣрѣ, не обнимайте, я вамъ говорю! Всѣ двери отперты...

— Вы мнѣ смѣшны.... дверей боитесь! отвѣтилъ Гордановъ, сжавъ Ларису, хотѣлъ поцѣловать ее.

Но въ эту же минуту чья-то сильная рука откинула его въ сторону. Онъ даже не могъ вдругъ сообразить какъ это случилось и понялъ все только оглянувшись назадъ и видя предъ собою Подозерова.

— Послушайте! прошипѣлъ Гордановъ, глядя въ горящіе глаза Андрея Ивановича.—Вы знаете съ кѣмъ шутите?

— Во всякомъ случаѣ съ мерзавцемъ, спокойно молвилъ Подозеровъ.

Лариса вскрикнула и пользуясь суматохой убѣжала.

— Вы это смѣете сказать? подступалъ Гордановъ.

— Смѣю ли я?

— Вы знаете?... вы знаете!... шепталъ Гордановъ.

— Что̀ вы подлецъ? о давно знаю, произнесъ Подозеровъ.

— Это вамъ не пройдетъ такъ. Я не кто-нибудь... Я....

— Прахъ ходящій на двухъ лапкахъ! произнесъ за нимъ голосъ Водопьянова и колоссальная фигура „сумашедшаго Бедуина“ стала между противниками съ распростертыми руками. Подозеровъ повернулся и вышелъ.

Павелъ Николаевичъ постоялъ съ минуту, закусивъ губу. Фонды его заколебались въ его дальновидномъ воображеніи. Скандалъ! во всякомъ разѣ гадость.... Дуэль.... пошлое и опасное средство... Отказаться, какъ это дѣлаютъ въ Петербургѣ.... но здѣсь не Петербургъ, и прослывешь трусомъ.... Что̀ же дѣлать? Неужто принимать.... дуэль на равныхъ шансахъ для обоихъ?... нѣтъ; я разочтусь иначе, рѣшилъ Гордановъ.

VII. Краснѣютъ стѣны.

Богато сервированный ужинъ былъ накрытъ въ небольшой квадратной залѣ, оклеенной красными обоями и драпированной краснымъ штофомъ, межъ которымъ висѣли старые портреты.

Глафира Васильевна стояла здѣсь у небольшаго стола, и когда вошли Водопьяновъ и Подозеровъ, она держала въ рукахъ рюмку вина.

— Господа! у меня прошу пить и ѣсть, потому что, какъ это, Свѣтозаръ Владеновичъ, пѣлъ вашъ Испанскій Дворянинъ: „Вино на радость намъ дано.“ Андрей Иванычъ и вы Водопьяновъ выпейте предъ ужиномъ,—вы будете интереснѣе.

— Я не могу, я уже все свое выпилъ, отвѣчалъ Водопьяновъ.

— Когда же это вы выпили, что̀ этого никто не видалъ?

— Семь лѣтъ тому назадъ.

— Все лжетъ сей дивный человѣкъ, отвѣчала Бодростина, и окинувъ внимательнымъ взглядомъ вошедшаго въ это время Горданова, продолжала: — я увѣрена, Водопьяновъ, что это вамъ все вашъ Распайль запрещаетъ. Ему Распайль запрещаетъ все кромѣ камфоры,—онъ ѣстъ камфору, куритъ камфору, ароматизируется камфорой.

— Прекрасный, чистый запахъ, молвилъ Водопьяновъ.

— Поздравляю васъ съ нимъ и сажусь отъ васъ подальше. А гдѣ же Лариса Платоновна?

— Они изволили велѣть сказать что нездоровы и къ столу не будутъ, отвѣтилъ дворецкій.

— Все это виноватъ этотъ Свѣтозаръ! онъ всѣхъ напугалъ своимъ Испанскимъ Дворяниномъ. Подозеровъ, вы слышали его разказъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Ну да; вы къ намъ попали на финалъ, а впрочемъ вѣдь разказъ мнѣ кажется ничѣмъ не конченъ, или онъ, какъ все, какъ самъ Водольяновъ, вѣченъ и безконеченъ. Лёта выбила табакерку и засыпала намъ глаза, а дальше что̀ же было, я желаю знать это, Свѣтозаръ Владеновичъ?

— Она спрыгнула съ окна.

— Съ третьяго этажа?

— Да.

— Но кто же ей кричалъ: „я здѣсь“?

— Испанскій Дворянинъ.

— Кто жь это знаетъ?

— Она.

— Она развѣ осталась жива?

— Нѣтъ, иль то-есть....

— То-есть она жива, но умерла. Это прекрасно. Но кто же видѣлъ вашего Испанскаго Дворянина?

— Всѣ видѣли: онъ вѣялся въ туманѣ надъ убитою Лётой, и было слѣдствіе.

— И что̀ же оказалось?

— Ничего.

— Je vous fais mon compliment. Вы, Свѣтозаръ Владеновичъ, неподражаемы! Вообразите себѣ, добавила она обратясь къ Подозерову:—цѣлый битый часъ разказывалъ какую-то исторію или бредъ, и только для того чтобы въ концѣ концовъ сказать „ничего“. Очаровательный Свѣтозаръ Владеновичъ, я пью за ваше здоровье и за вѣчную жизнь вашего Дворянина. Но Боже! что̀ такое значитъ? чего вы вдругъ такъ поблѣднѣли, Андрей Ивановичъ?

— Я поблѣднѣлъ? переспросилъ Подозеровъ.—Не знаю, быть-можетъ я еще немножко слабъ послѣ болѣзни.... Я впрочемъ все слышалъ что̀ говорили.... какая-то женщина упала....

— Бросилась съ третьяго этажа!

— Да, это мнѣ напоминаетъ немножко.... кончину....

— Другой прекрасной женщины, конечно?

— Да, именно прекрасной, но.... которую я мало зналъ, ко

всегдашнему моему прискорбію,—такъ умерла моя мать, когда мнѣ былъ одинъ годъ отъ роду.

Бодростина выразила большое сожалѣніе что она, не зная семейной тайны гостя, упомянула о случаѣ который навелъ его на печальныя воспоминанія.

— Но впрочемъ, продолжала она,—я послѣшу успокоить васъ хоть тѣмъ способомъ къ которому прибѣгъ одинъ извѣстный испанскій же проповѣдникъ, когда слишкомъ растрогалъ своихъ слушателей. Онъ сказалъ имъ: „не плачьте, милые, вѣдь это было давно, а можетъ-быть это было и не такъ, а можетъ-быть.... даже что этого и совсѣмъ не было“. Вспомните одно, что вѣдь эту исторію разказывалъ намъ Свѣтозаръ Владеновичъ, а его разказы, при несомнѣнной правдивости ихъ автора, сплошь и рядомъ бываютъ подбиты.... вѣтромъ. Притомъ здѣсь есть имена которыя вамъ, я думаю, даже и незнакомы, и Бодростина назвала въ точности всѣхъ лицъ Водопьяновскаго разказа и въ коротких словахъ привела все повѣствованіе „сумашедшаго Бедуина“.

— Ничего, кажется, не пропустила? обратилась она затѣмъ къ Водопьянову, и получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, добавила:—вотъ вы пріѣзжайте ко мнѣ почаще; я у васъ буду учиться духовъ вызывать, а вы у меня поучитесь коротко разказывать. Впрочемъ, á propos, вѣдь сказаніе повѣствуетъ что эта безплотная и непостижимая Лёта умерла бездѣтною.

— Я этого не говорилъ, отвѣчалъ Водопьяновъ.

— Какъ же? Развѣ у нея были дѣти, или хоть по крайней мѣрѣ одно дитя?

— Можетъ-быть, можетъ-быть и были.

— Такъ что же вы этого не говорите?

— А!... да!... Понялъ: Труссо говоритъ что эпилепсія болѣзнь весьма распространенная, что нѣтъ почти ни одного человѣка который бы не былъ подверженъ нѣкоторымъ ея припадкамъ, въ извѣстной степени, разумѣется; въ извѣстной степени.... Сюда относится внезапная забывчивость и прочее, и прочее.... Разумѣется это падучая болѣзнь на столько же на сколько кошка родня льву, но однако....

— Но однако, Свѣтозаръ Владеновичъ, довольно, мы поняли что вы хотите сказать: на васъ нашло безпамятство.

— Именно: у Лётушки былъ сынъ.

— Отъ ея брака съ красавцемъ Поталѣевымъ?

— Конечно!

— Но что̀ было у господъ Поталѣевыхъ, то пусть тамъ и останется, и это ни до кого изъ здѣсь присутствующихъ не касается.... Андрей Ивановичъ чего же вы опять все блѣднѣете?

— Я попросилъ бы позволенья встать: я слабъ еще; но впрочемъ.... виноватъ, я оправлюсь. Позвольте мнѣ рюмку вина! обратился онъ къ Водольянову.

— Хересу?

— Да.

— Да; вы его лейте, — это ваше вино?

— А чтобы перейти отъ чудеснаго къ тому что̀ веселѣй и болѣе способно всѣхъ занять, разсудимъ вашу Лёту, молвила Водольянову Бодростина, и затѣмъ, относясь ко всей компаніи сказала:—Господа! какое ваше мнѣніе: по-моему этотъ Испанскій Дворянинъ буфонъ и забулдыга стараго университетскаго закала, когда думали что хорошій человѣкъ непремѣнно долженъ быть и хорошій льяница; а его Лёта просто дура, и притомъ еще неестественная дура. Ваше мнѣніе, Подозеровъ, первое желаю знать?

— Я промолчу.

— И это вамъ разрѣшаю. Я очень рада что вино васъ кажется согрѣло; вы закраснѣлись.

Подозеровъ даже былъ теперь совсѣмъ красенъ, но въ этой комнатѣ было все красновато и потому его краснота сильно не выдѣлялась.

— По-моему, продолжала Бодростина,—самое типичное, вѣрное и самое понятное мнѣ лицо во всемъ этомъ разказѣ—старикъ Поталѣевъ. Въ немъ нѣтъ ничего натянуто-выспренняго и болѣзненно-мистическаго, это человѣкъ съ плотью и кровью, со страстями и.... некрасивъ немножко, такъ что даже бабы его пугались. Но эта Лётушка все-таки глупа; многіе бы позавидовали ея счастію, хотя ненадолго, но....

— Что̀ жь вамъ такъ нравится? Неужто безобразіе? спросилъ, чтобы поддержать разговоръ, Висленевъ.

— Ахъ, Боже мой, а что̀ мущинамъ нравится въ какой-нибудь Корѣ, которой я не имѣла чести видѣть, но о которой имѣю понятіе по Тургеневскому *Дыму*. Онъ интереснѣе: въ немъ есть и безобразіе и характеръ.

Гости промолчали.

— Интересно врачу заставить говорить нѣмаго отъ рож-

денія, еще интереснѣе женщинѣ слышать языкъ страсти въ устахъ которыя весь вѣкъ боялись ихъ произносить.

Глафирѣ опять никто не отвѣтилъ, и она, хлѣбнувъ вина, продолжала сама:

— Признаюсь, я бы хотѣла видѣть рыдающаго отъ страсти... отшельника, монаха, настоящаго монаха.... И какъ бы онъ послѣ, бѣдняжка, ревновалъ. Эй, человѣкъ! подайте мнѣ еще немножко рыбы. Однажды я смутила схимника: былъ въ Кіевѣ такой старикъ, лѣтъ неизвѣстныхъ, мохомъ весь обросъ и на груди носилъ вериги: я пошла къ нему на исповѣдь и насказала ему такихъ грѣховъ что онъ....

— Влюбился въ васъ?

— Нѣтъ; только просилъ: „умилосердися, уйди!“ Благодарю, подайте вонъ еще Висленеву, онъ, вижу, хочетъ кушать, докончила она обращеніемъ къ старому сѣдому лакею, державшему предъ ней массивное блюдо съ приготовленною подъ маіонезомъ рыбой.

— Подозеровъ! Вѣдь мы съ вами кажется лилц когда-то на брудершафтъ?

— Никогда.

— Такъ я лью теперь.

И съ этимъ она чокнулась бокалъ о бокалъ съ Подозеровымъ, и положивъ руку на его руку, заставила и его выпить все вино до дна.

Висленева скрючило.

— Да; новый мой камрадъ, продолжала Бодростина, — пожелаемъ счастія честнымъ мужчинамъ и умнымъ женщинамъ. Да соединятся эти рѣдкости жизни и да не мѣшаются съ тѣмъ что̀ имъ не къ масти. Умъ даетъ жизнь всему, и поцѣлую, и объятьямъ.... дурочка даже не поцѣлуетъ такъ какъ умная.

— Глафира Васильевна! перебилъ ее Подозеровъ.—То дѣло о которомъ я сказалъ.... теперь мнѣ некогда уже о немъ лично говорить. Я боленъ и долженъ раньше лечь въ постель.... но вотъ въ чемъ это заключается. Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ съ почтовымъ штемпелемъ и съ разорванными печатями и сказалъ: — Я просилъ бы васъ выйти на минуту и прочесть это письмо.

— Я это для тебя сдѣлаю, отвѣчала, вставая, Бодростина.— Но что̀ это такое? добавила она, остановясь въ дверяхъ: —

я вижу что фонарикъ у меня въ кабинетѣ гаснетъ, а я послѣ разказовъ Водольянова боюсь одна ходить въ полутьмѣ. Висленевъ! возьмите лампу и посвѣтите мнѣ.

Іосафъ Платоновичъ вскочилъ и побѣжалъ за нею съ лампой.

Гордановъ воспользовался временемъ когда онъ оставался одинъ съ Подозеровымъ и Водольяновымъ.

— Вы конечно знаете чѣмъ должно кончиться то что произошло два часа тому назадъ между нами? спросилъ онъ, уставясь глазами въ вертѣвшаго свою тарелку Подозерова.

— Я знаю чѣмъ такія вещи кончаются между честными людьми, но чѣмъ ихъ кончаютъ люди безчестные, того не знаю, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Кого вы можете прислать ко мнѣ завтра?

— Завтра? майора Форова.

— Прекрасно; у меня секундантъ Висленевъ.

— Это не мое дѣло, отвѣчалъ Подозеровъ, и вставъ, отвернулся къ первому попавшемуся въ глаза портрету.

Въ это время въ отдаленномъ кабинетѣ Бодростиной раздался звонъ разбившейся лампы и послышался раскатъ безпечнѣйшаго смѣха Глафиры Васильевны.

Гордановъ вскочилъ и побѣжалъ на этотъ шумъ.

Подозеровъ только оборотился и изъ глаза въ глаза переглянулся съ Водольяновымъ.

— Мѣсто значитъ много; очень много, много! Что въ другомъ случаѣ ничего, то здѣсь не безопасно, проговорилъ Водольяновъ.

— Скажите мнѣ, зачѣмъ же вы здѣсь въ этихъ стѣнахъ и при всѣхъ этихъ людяхъ разказали исторію моей бѣдной матери?

— Вашей матери? Ахъ, да, да.... я теперь вижу.... я вижу: у васъ есть съ ней сходство и.... еще больше съ нимъ.

— Валентина была моя мать, и я люблю того кого она любила, хотя онъ не былъ мой отецъ; но мнѣ всѣ говорили что я даже похожъ на того кого вы назвали студентомъ Спиридоновымъ. Благодарю что вы по крайней мѣрѣ перемѣнили имена.

Водольяновъ съ неожиданною важностью кивнулъ ему головой и отвѣчалъ:—„да; мы это разсмотримъ;—вы будьте покойны, разсмотримъ“. Такъ говорилъ долго тотъ кого я назвалъ Поталѣевымъ. Онъ умеръ.... онъ приходилъ ко мнѣ разъ.... такимъ чернымъ звѣремъ.... Первый разъ онъ пришелъ ко мнѣ

въ сумерки.... и плакалъ, и стоналъ.... Я одобряю что вы отдали его состоянье его роднымъ.... большимъ дворянамъ.... Имъ много нужно.... Да вонъ видите.... по стѣнамъ.... сколько ихъ.... Вонъ старушка, зачѣмъ у нее два носа.... у нея было двѣ совѣсти....

И Водольяновъ понесъ околесицу, въ которой все-таки опять были свои все связывающіе штрихи.

Между тѣмъ что̀ же такое произошло въ кабинетѣ Глафиры Васильевны, откуда такъ долго нѣтъ никого и никакихъ вѣстей?

VIII. Не краснѣющіе.

Глафира Васильевна въ сопровожденіи Висленева скорою походкой прошла двѣ гостиныхъ, библіотеку и наугольную и вступила въ свой кабинетъ. Здѣсь Висленевъ поставилъ лампу, и не отнимая отъ нея своей руки, сталъ у стола. Бодростина стояла спиной къ нему, но однако такъ что онъ не могъ ничего видѣть въ листкѣ который она предъ собою развернула. Это было письмо изъ Петербурга, и вотъ что̀ въ немъ было написано, гадостнымъ каракульнымъ почеркомъ, со множествомъ чернильныхъ пятенъ, помарокъ и недописокъ:

„Господинъ Подозеровъ! Я убѣдилась что хотя вы держитесь принциповъ неодобрительныхъ и патріотъ, и нисколько клонничаете предъ московскими ретоградами, но въ дѣйствительности вы человѣкъ честный, и какъ я убѣдилась, даже честнѣе многихъ абсолютно честныхъ, у которыхъ одно на словахъ, а другое на дѣлѣ, потому я съ вами хочу быть откровенна. Я пишу вамъ о страшной подлости, которая должна быть доведена до Бодростиной. Мерзавецъ Кишенскій, который, какъ вы знаете, ужасный подлецъ, и его надѣюсь вамъ не надо много рекомендовать, и Алинка, которая женила на себѣ эту зеленую лошадь, господина Висленева, устроили страшную подлость: Кишенскій, познакомясь съ Бодростинымъ у какого-то жида-банкира, сдѣлалъ такую подлую вещь: онъ вовлекаетъ Бодростина въ компанію по водоснабженію городовъ особеннымъ способомъ, который есть не что̀ иное какъ отвратительнѣйшее мошенничество и подлость. Дѣломъ этимъ орудуетъ какой-то страшный мошенникъ и плутъ, обобравшій уже здѣсь и въ Москвѣ не одного человѣка, что̀ и можно доказать. Съ нимъ въ стачкѣ Полька Казимірка, которую вы должны знать, и Бодростина ее тоже знаетъ“....

— Охъ, охъ! сказала, пятясь назадъ и покрываясь румянцемъ восторга, Бодростина.

— Что? вѣрно какія-нибудь непріятныя извѣстія? спросилъ ее участливо Висленевъ.

— Боюсь въ обморокъ упасть, отвѣтила шутя Глафира, чувствуя что Висленевъ робко и нерѣшительно беретъ ее за талію и поддерживаетъ.—„Держи жь меня, я вырваться не смѣю!“ добавила она смѣясь извѣстный стихъ изъ Донъ-Жуана.

И съ этимъ Глафира, оставаясь на рукѣ Іосафа Платоновича, дочитала:

— „Эта Казиміра теперь княгиня Вахтерминская. Она считается красавицей, хотя я этого не нахожу: сарматская, смазливая рожица и тѣлеса, и ничего больше, но она ловка какъ бѣсъ и готова для своей прибыли на всякія подлости. Мужъ ей давалъ много денегъ, но теперь онъ банкротъ: одна Француженка обобрала его какъ липку, и Казиміра пріѣхала теперь назадъ въ Россію поправлять свои дѣлишки. У нея теперь есть bien aimé, что всѣмъ извѣстно,—Полякъ-скрипачъ, который играетъ и будетъ давать концерты, потому что Полякамъ все дозволяютъ, но онъ совершенно бѣдный, и потому она забрала себѣ Бодростина съ первой же встрѣчи у Кишенскаго и Висленевой жены, которая Бодростиной терпѣть не можетъ. Я же, хотя тоже была противъ принциповъ Бодростиной, когда она выходила замужъ, но какъ теперь это все уже перемѣнилось и всѣ наши, кромѣ Ванскокъ, выходятъ за разныхъ мужей замужъ, то я болѣе противъ Глафиры Бодростиной ничего не имѣю, и вы ей это скажите; но писать ей сама не хочу, потому что не знаю ея адреса, и какъ она на меня зла и знаетъ мою руку, то можетъ не распечатать, а вы какъ служите, то я пишу вамъ по роду вашей службы. Предупредите Глафиру что ей грозитъ большая опасность, что мужъ ея очень легко можетъ потерять все, и она будетъ ни съ чѣмъ,—я это знаю навѣрное, потому что немножко понимаю по-польски и подслушала какъ Казиміра сказала это своему bien aimé что она этого господина Бодростина разоритъ, и они это исполнятъ, потому что этотъ bien aimé самый главный зачинщикъ въ этомъ дѣлѣ водоснабженія, но всѣ они, Кишенскій, и Алинка, и Казиміра, всѣхъ насъ отъ себя отсунули и дѣлаютъ всѣ страшныя подлости одни сами, все только Жиды да Поляки, которымъ въ Россіи лафа. Больше ничего не остается, какъ всю эту мерзость разобличить и пропечатать, надъ чѣмъ и я и еще многіе думаемъ скоро работать и издать въ видѣ большаго романа или драмы, но только нужны деньги и осторожность, потому что Ванскокъ сильно вооружается, чтобы не выдавать никого. Остаюсь готовая къ услугамъ извѣстная вамъ Ципри-Кипри“.

„P. S. Можете спросить Данку, которая знаетъ что я пишу вамъ это письмо: она очень честная госпожа и все знаетъ,—вы ее помните: бѣлая и очень красивая барыня въ русскомъ вкусѣ, потому что планъ Кишенскаго прежде былъ разчитанъ на нее, но Казиміра все это перестроила самыми пош-

лыми польскими интригами. Данка ничего не скроетъ и все скажетъ".

„Еще P. S. Сейчасъ ко мнѣ пришла Банскокъ и сообщила свѣжую новость. Бодростинъ ничего не знаетъ что подъ его руку пишутъ уже большіе векселя по его довѣренности. Пускай жена его ѣдетъ сейчасъ сюда накрыть эту страшную подлость, а если что̀ нужно развѣдать и сообщить, то я могу, но на это нужны, разумѣется, средства, по крайней мѣрѣ рублей пятьдесятъ или семьдесятъ пять, и чтобы этого не знала Банскокъ".

Этимъ и оканчивалось знаменательное письмо гражданки Ципри-Кипри.

Бодростина, свернувъ листокъ и суя его въ карманъ, толкнулась рукой объ руку Висленева и вспомнила что она еще до сихъ поръ нѣкоторымъ образомъ находится въ его объятіяхъ.

Занятая тѣмъ что̀ сейчасъ прочитала, она безцѣльно взглянула полуоборотомъ лица на Висленева и остановилась; взглядъ ея вдругъ сверкнулъ и заискрился.

— Это прекрасно! мелькнуло въ ея головѣ.—Какая блестящая мысль! Какое великое счастіе! О, никто, никто на свѣтѣ, ни одинъ мудрецъ и ни одинъ доброжелатель не могъ бы мнѣ оказать такой неоцѣненной услуги, какую оказываютъ Кишенскій и княгиня Казиміра!... Теперь я снова *я*,—я спасена и госпожа положенія.... Да!

— Да! произнесла она вслухъ, продолжая въ умѣ свой планъ и подъ вліяніемъ думъ пристально глядя въ глаза Висленеву, который смѣшался и залепеталъ что-то въ родѣ упрека.

— Ну, ну, да, да! повторила съ разстановками, держась за голову Бодростина, и съ этимъ бросясь на отоманъ, разразилась неудержимымъ истерическимъ хохотомъ.

Увлеченный ею въ этомъ движеньи, Висленевъ задѣлъ рукой за лампу и въ комнатѣ настала тьма, а черепки стекла зазвенѣли по полу. На эту сцену явился Гордановъ: онъ засталъ Бодростину весело смѣющуюся на диванѣ и Висленева собирающаго по-полу черепки лампы.

— Что̀ такое здѣсь у васъ случилось?

— Это все онъ, все онъ! отвѣчала сквозь смѣхъ Бодростина, показывая на Висленева.

— Я!... я! При чемъ здѣсь я? вскочилъ Іосафъ Платоновичъ.

— Вы?... вы ни при чемъ! Идите въ мою уборную, и принесите оттуда лампу!

Іосафъ Платоновичъ побѣжалъ исполнить приказаніе.

— Что̀ это такое было у васъ съ Подозеровымъ? спросила у Горданова Глафира, ставъ предъ нимъ, какъ только вышелъ за двери Висленевъ.

— Ровно ничего.

— Неправда; я кой-что слышала: у васъ будетъ дуэль.

— Отнюдь нѣтъ.

— Отнюдь нѣтъ! Ага!

Висленевъ появился съ лампой, и вдвоемъ съ Гордановымъ сталъ исправлять нарушенный на столѣ порядокъ, а Глафира Васильевна, не теряя минуты, вошла къ себѣ въ комнату, и доставъ изъ туалетнаго ящика двѣ радужныя ассигнаціи, подала ихъ горничной, съ приказаніемъ отправить эти деньги завтра въ Петербургъ, безъ всякаго письма, по адресу который Бодростина наскоро выписала изъ письма Цыпри-Кипри.

— Затѣмъ послушай, Настя, добавила она, остановивъ дѣвушку.—Ты въ черномъ платьѣ.... это хорошо.... Ночь очень темна?...

— Не видно зги, сударыня, и тучится-съ.

— Прекрасно, — сходи пожалуйста на мельницу.... и.... Ты знаешь какъ пускаютъ шлюзъ? Это легко.

— Попробую-съ.

— Возьмись рукой за ручку на валу и поверни. Это совсѣмъ не трудно; и упусти заслонку по рѣкѣ; или забрось ее въ крапиву, а потомъ бѣги домой чрезъ березникъ.... Понимаешь?

— Все будетъ сдѣлано-съ.

— И это нужно скоро.

— Сію же минуту иду-съ.

— Бѣги, и платья чернаго нигдѣ не поднимай, чтобы не сверкали бѣлыя юбки.

— Сударыня, ужели первый разъ ходить?

— Ну да, иди же и все сдѣлай.

И Бодростина изъ этой комнаты перешла къ запертымъ дверямъ Ларисы.

— Прости меня, chère Глафира; я очень разнемоглась и была не въ силахъ выйти къ столу, начала Лариса, открывъ дверь Глафирѣ Васильевнѣ.

— Все знаю, знаю; но надо быть дѣвушкой, а не ребенкомъ: ты понимаешь что̀ можетъ случиться?

— Дуэль?

— А конечно!

— Но, Боже, что̀ я могу сдѣлать?

— Прежде всего не ломать руки, а обтереть лицо водой и выйти. Одно твое появленіе его немножко успокоитъ.

— Кого его?

— Его, кого ты хочешь.

— Но я вѣдь не могу идти Глафира.

— Ты должна.

— Помилуй, я шатаюсь на ногахъ.

— Я поддержу.

И Глафира Васильевна еще привела нѣсколько доказательствъ, убѣдившихъ Ларису въ томъ что она должна преодолѣть себя и выйти внизъ къ гостямъ.

Лора подумала и стала обтирать заплаканное лицо, сначала водой, а потомъ пудрой, между тѣмъ какъ Бодростина, поджидая ее, ходила все это время взадъ и впередъ по ея комнатѣ, и наконецъ проговорила:—Ахъ, красота, красота, сколько изъ-за нея дѣлается безобразія!

— Я проклинаю ее.... мою красоту, отвѣчала, наскоро вытираясь предъ зеркаломъ, Лариса.

— Проклинай или благословляй, это все равно: она наружѣ, и внушаетъ чувство.

— Чувство! Глафира, развѣ же это чувство?

— Любовь!... А это что̀ же такое, какъ не чувство? Страсть, „влеченье родъ недуга.“

— Любовь! такъ ты это даже называешь любовью! Нѣтъ; это не любовь, а.... развѣ звѣрство.

— Мужчины всегда такъ: что̀ наше, то намъ не нужно, а что̀ оспорено, за то сейчасъ и въ драку. Однако идемъ къ нимъ Лора!

— Идемъ; я готова, но, добавила она на ходу, держась за руку Бодростиной:—я все-таки того мнѣнія что есть на свѣтѣ люди которые относятся иначе....

— То-есть какъ это иначе?

— Я не могу сказать какъ.... но иначе!

— Эхъ ты бѣдный, бѣдный межеумокъ! думала Бодростина.— Ей въ руки дается не человѣкъ а кладъ: съ душой, съ умомъ и съ преданностью, а ей нужно она сама не знаетъ чего? Нѣтъ; на этотъ счетъ стрижки были васъ умнѣе. А впрочемъ это прекрасно: пусть ее занята Гордановымъ.... Не можетъ же онъ на ней жениться.... А если?... Да нѣтъ, не можетъ!

Въ это время они дошли до дверей портретной, и Бодрости-

на, представивъ гостямъ Ларису, сказала что вмѣсто изчезнувшей лампы является живой все освѣжающій свѣтъ.

— Свѣтильникъ безъ масла долго ли горитъ? спросила она шопотомъ Подозерова, садясь возлѣ него на свое прежнее мѣсто. Совѣтую помнить что̀ я сказала: и въ поцѣлуяхъ и въ объятіяхъ умъ имѣетъ великое значеніе! А теперь, господа, добавила она громко,—пьемъ за здоровье того кто за кого хочетъ и простите за плохой ужинъ какимъ я васъ накормила.

Столъ кончился; и Гордановъ тотчасъ же изчезъ. Бодростина зорко посмотрѣла ему вслѣдъ и велѣла человѣку подать на балконъ садовую свѣчу.

— Немножко нужно освѣжиться. Ночь темна, но тепла и ароматна.... Ей надо пользоваться, скоро уже завоетъ вьюга и польютъ дожди.

Подозеровъ сталъ прощаться.

— Постойте же; сейчасъ вамъ запрягутъ карету.

— Нѣтъ, Бога ради, не нужно: я люблю ходить пѣшкомъ: здѣсь такъ близко, я скоро хожу.

Но Бодростина такъ твердо настояла на своемъ что Подозеровъ долженъ былъ согласиться и остался ждать кареты.

— А я въ одну минуту возвращусь, молвила она и ушла съ балкона.

Лариса, тотчасъ какъ только осталась одна съ Подозеровымъ, взяла его за руку и шепнула:—Бога ради зовите меня съ собою!

— Это не ловко; отвѣчалъ Подозеровъ.

— Но вы не знаете....

— Все знаю: вамъ не будетъ угрожать ни что̀, идите спать, заприте дверь и не вынимайте ключа, а завтра уѣзжайте. Идите же, идите!

— Вѣдь я не виновата....

— Вѣрю, знаю; идите спать!

— Повѣрьте мнѣ: все прошлое....

— Все прошлое не существуетъ болѣе, оно погребено и крестъ надъ нимъ поставленъ. Я совладѣлъ съ собою, не бойтесь за меня: я вылеченъ и болѣе не захвораю, но дружба моя навсегда послѣдуетъ за вами всюду.

— Погребно.... заговорила было Лариса, но не успѣла досказать что̀ хотѣла.

— Ахъ Боже! что̀ это такое? Вы слышите вдругъ хлынула вода! воскликнула, вбѣгая въ это время на балконъ, Глафира

Васильевна, и тотчасъ же послала людей на фабричную плотину, на которой уже замелькали огни и возлѣ нихъ показывались тѣни.

Человѣкъ доложилъ что готова карета.

Подозеровъ простился; Лариса пошла къ себѣ на верхъ, а Глафира Васильевна, открывъ окно въ залѣ, крикнула кучеру:

— На мостъ теперь идетъ вода, поѣзжай черезъ плотину, тамъ люди посвѣтятъ.

Лошади тронулись, а Бодростина все не отходила отъ окна, докуда тѣнь кареты не пробѣжала мимо свѣтящихся на плотинѣ фонарей.

IX. Подъ крыломъ у темной ночи.

Проводивъ Подозерова, Глафира вернулась на балконъ, гдѣ застала Водольянова. „Сумашедшій Бедуинъ“ теперь совсѣмъ не походилъ на самого себя: онъ былъ въ старомодномъ плюшевомъ картузѣ, въ камлотовой шинели съ капишономъ, съ камфорной сигареткой во рту, и держалъ въ рукѣ большую золотую табакерку. Онъ махалъ ею, и дѣлая безпрестанно прыжки на одномъ мѣстѣ, весь трясся и бормоталъ.

Видъ „сумашедшаго Бедуина“ и его кривлянья и безпокойство производили, посреди царствующей темной ночи, самое непріятное впечатленіе.

Какъ ни была занята Бодростина своими дѣлами, но эта метоморфоза остановила на себѣ ея вниманіе, и она сказала: что̀ вы, Свѣтозоръ Владеновичъ,—какой странный!

— А?... что̀?. Да, странникъ.... ѣду, ѣду, заговорорилъ онъ, еще шибче махая въ воздухѣ своимъ капишономъ.—Скверная планета, скверная: вдругъ холодно, вдругъ холодно, ухъ жутко..... жутко, жутко.... кракъ! сломано! а другая женщина все поправитъ, поправитъ!

— Что̀ это вы такое толкуете себѣ подъ носъ? Какая другая женщина и что̀ она поправитъ!

— Все, все.... ей все легко. И-и-и-хъ! И-и-и-хъ! Прочь, прочь, прочь, вотъ я тебя табакеркой! Вотъ!... И онъ дѣйствительно замахнулся своей табакеркой и ударилъ ею нѣсколько разъ по своему капишону, который въ это время взвился и махалъ надъ его головой.—Видѣли вы? заключилъ онъ, вдругъ остановясь и обращаясь къ Бодростоной.

— Что̀ такое надо было видѣть?

— А черную птицу съ однимъ крыломъ? Опять! опять прочь!

И съ этими словами, Водопьяновъ опять замахалъ табакеркой, заскакалъ по лѣстницѣ, спустился по ней, и изчезъ.

Бодростина не обратила на это никакого вниманія. Онъ уже надоѣлъ ей, и притомъ она была слишкомъ занята своими мыслями и стояла около часа возлѣ перилъ, пока по куртинѣ вдоль акацій не мелькнула какая-то тѣнь съ ружьемъ въ рукѣ.

При появленіи этой тѣни, Глафира Васильевна тихо шмыгнула за дверь и оттуда произнесла свистящимъ шопотомъ:— „Прахъ на двухъ лапкахъ!“

Тѣнь вздрогнула, остановилась и потомъ вдругъ бросилась бѣгомъ впередъ; Бодростина же прошла рядъ пустыхъ комнатъ, взошла къ себѣ въ спальню, отпустила дѣвушку и осталась одна.

Черезъ полчаса ее не было и здѣсь, она уже стояла у двери комнаты Павла Николаевича, на противоположномъ концѣ дома.

— Поль, отопри! настойчиво потребовала она, стукнувъ рукой въ дверь.

— Я легъ и погасилъ свѣчу, отвѣчалъ дрожащимъ нервнымъ голосомъ Гордановъ.

— Ничего, мнѣ надо съ тобой говорить. Довольно сибаритничать: настало время за работу,‚ заговорила она, переступя порогъ, межъ тѣмъ какъ Гордановъ зажегъ свѣчу и снова юркнулъ подъ одѣяло.—Я получила важныя вѣсти.

И она разказала ему содержаніе знакомаго намъ письма Цыпри-Килри.

— Ты долженъ ѣхать немедлѣнно въ Петербургъ.

— Это невозможно, меня тамъ схватятъ.

— Что̀ бы ни было, я тебя выручу.

— И что̀ же я долженъ тамъ дѣлать?

— Способствовать всѣмъ плутнямъ, но не допускать ничего крупнаго, а главное передать моего старика совсѣмъ въ руки Казиміры. Ты ѣдешь? Ты долженъ ѣхать. Я дамъ тебѣ денегъ. Иначе.... ты свободенъ дѣлать что̀ хочешь.

— Хорошо, я поѣду.

— И это лучше для тебя, потому что здѣсь ты, я вижу, начинаешь портиться и лѣзешь въ омутъ.

— Я?

— Да, ты. Благодари меня что твое ружье осталось сегодня заряженнымъ.

— Ага! такъ это вотъ откуда ударилъ живоносный источникъ?

— Ну да, а ты думалъ.... Но что̀ это такое? On frappe!

Дверь дѣйствительно немножко колыхалась.

— Кто тамъ? окликнула вскочивъ Бодростина.

Въ эту же секунду дверь быстро отворилась, и Глафира столкнулась лицомъ къ лицу съ Висленевымъ.

— Вотъ видите! удивилась она.

— Я пришелъ сюда за спичкой, Глафира Васильевна, пробормоталъ Висленевъ.

— Да, ты удивительно находчивъ, замѣтилъ ему Гордановъ,— но дѣло въ томъ что вотъ тебѣ спички: бери ихъ и отправляйся вонъ.

— Нѣтъ, онъ пришелъ сюда довольно кстати: пусть онъ меня проводитъ отсюда назадъ.

И Бодростина поднялась и пошла впереди Висленева.

— Вы по какому же праву меня ревнуете? спросила она вдругъ, нахмурясь и остановясь съ Іосафомъ въ одной изъ пустыхъ комнатъ. — Чего вы на меня смотрите? Не хотите ли отказываться отъ этого? Можете, но это будетъ очень глупо: вы пришли чтобы помѣшать мнѣ видѣться съ Гордановымъ? Да?... Но вотъ вамъ сказъ: кто хочетъ быть любимымъ женщиной, тотъ прежде всего долженъ этого заслужить. А потомъ... вторая истина заключается въ томъ что всякая истинная любовь скромна!

— Но чѣмъ же я не скроменъ? молвилъ, сложивъ у груди руки, Висленевъ.

— Вы нескромны. Любить меня такимъ образомъ какъ вы меня хотите любить, этакъ меня всякій полюбитъ, мнѣ этого рода любовь надоѣла, и меня ею не возьмете. Понимаете вы: *такъ* ничего не возьмете! Хотите любить меня, любите такъ какъ меня никто не любилъ. Это одно еще мнѣ можетъ-быть не будетъ противно: сдѣлайтесь тѣмъ чѣмъ я хочу чтобы вы были.

— Буду, буду. Буду чѣмъ вы хотите!

— Тогда и надѣйтесь.

— Но чѣмъ же мнѣ быть?

— Это вамъ должно быть все равно: будьте тѣмъ чѣмъ я захочу васъ возлѣ себя видѣть. Теперь мнѣ нравятся спириты.

— Вы шутите! Неужто же мнѣ быть спиритомъ?

— Ага! еще „неужто!“ Послѣ такихъ словъ рѣшено: это условіе безъ котораго ничто не возможно.

— Но это вѣдь.... это будетъ не разумно-логичное требованіе, а капризъ.

Бодростина отодвинулась шагъ назадъ, и окинувъ Висленева съ головы до ногъ сначала строгимъ, а потомъ насмѣшливымъ взглядомъ, сказала:

— А еслибъ и такъ? Еслибъ это и капризъ? Такъ вы еще не знали что такая женщина какъ я имѣетъ право быть капризною? Такъ вы прежде чѣмъ что-либо было между нами уже укоряете меня въ капризахъ? Прощайте!

— Нѣтъ, Бога ради.... позвольте.... я буду дѣлать все что̀ вы хотите.

— Да конечно вы должны дѣлать все что̀ я хочу! Иначе за что̀ же, за что̀ я могу вамъ позволять надѣяться на какое-нибудь мое вниманіе? Ну сами скажите: за что̀? что̀ такое вы могли бы мнѣ дать, чего сторицей не далъ бы мнѣ всякій другой? Вы сказали: „капризъ“. Такъ знайте что и то что я съ вами здѣсь говорю, тоже капризъ, и его сейчасъ не будетъ.

— Нѣтъ, Бога ради: я на все согласенъ.

Она молча взяла его за руку и потянула къ себѣ. Іосафъ подналъ было лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ цѣлую пока за послушаніе въ лобъ, и только.

— Опять капр.... Гм! гм!

— А разумѣется, капризъ: неужели что̀-нибудь другое, отвѣчала, уходя въ дверь, Бодростина.—Но, добавила она весело, остановясь на минуту на порогѣ: женскій капризъ бываетъ безъ границъ, и кто этого не знаетъ во̀-время, у того женщины подъ носомъ запираютъ двери.

И съ этимъ она исчезла; ключъ щелкнулъ, и Висленевъ остался одинъ въ темнотѣ.

Онъ подошелъ къ запертой двери, съ трудомъ ощупалъ замочную ручку, и пошевеливъ ее, назвалъ Глафиру, но собственный голосъ ему показался прегадкимъ гадкимъ, надтреснувшимъ и сѣвшимъ, а изъ-за двери ни гласа, ни послушанія. Глафира очевидно ушла далѣе, да и чего ей ждать?

Висленевъ вздохнулъ, и заложивъ назадъ руки, пошелъ тихими шагами въ свою комнату.

— Все еще не везетъ, размышлялъ онъ.—Вотъ думалъ здѣсь

повезетъ, анъ не везетъ. Не старъ же еще я въ самомъ дѣлѣ! А? Конечно не старъ.... Нѣтъ, это все коммунки, коммунки проклятыя дѣлаютъ: наболтаешься тамъ со стриженными, вотъ за длинноволосыхъ и взяться не умѣешь! Надо вотъ что̀.... надо повторить жизнь.... Начну-ка я старинные романы читать, а то въ самомъ дѣлѣ у меня такія манеры, что даже неловко.

Между тѣмъ Бодростина, возвратившись въ свою комнату тоже не опочила, сѣла и, начавъ писать, вдругъ ахнула.

— А гдѣ же онъ? Гдѣ Водопьяновъ? Опять исчезъ! Но теперь ты, мой другъ, не уйдешь. Нѣтъ; дѣла мои слагаются превосходно, и спиритизъ мнѣ долженъ сослужить свою службу.

„Свѣтозаръ Владеновичъ!“ написала она черезъ минуту, „чѣмъ я болѣе вдумываюсь, тѣмъ“ и пр. и пр. Однимъ словомъ она съ обольстительною простотой открыла Водопьянову какое вліяніе на нее имѣетъ спиритская философія, и заключила что, чувствуя неодолимое влеченіе къ спиритизму, хочетъ такъ же откровенно какъ онъ назвать себя „спиритkой“.

Все это было сдѣлано немножко грубо и аляповато, — совсемъ не по-бодростиновски, но стоило ли церемониться съ „сумашедшимъ Бедуиномъ“? Глафира и не поцеремонилась.

Запечатавъ это письмо, она отнесла его въ комнату своей дѣвушки, положила конвертъ на столъ и велѣла завтра рано по утру отправить его къ Водопьянову, а потомъ уснула съ вѣрой и убѣжденіемъ что для умнаго человѣка все на свѣтѣ имѣетъ свою выгодную сторону, все можетъ послужить въ пользу, даже и спиритизмъ, который, какъ крайняя противоположность тѣхъ теорій ради которыхъ она утратила свою репутацію въ глазахъ моралистовъ, долженъ возвратить ей эту репутацію съ процентами и рекамбіо.

Если Гордановъ съ братіей и Цицри-Капри съ сестрами давно не упускаютъ слыть не тѣмъ что̀ они на самомъ дѣлѣ, то почему же ей этимъ манкировать? Это было бы просто глупо!

И Глафирѣ представилось ликованіе какое будетъ въ извѣстныхъ ей чопорныхъ кружкахъ, которые, несмотря на ея официальное положеніе, оставались для нея до сихъ поръ закрытымъ небомъ, и она уснула, улыбаясь тому какъ она вступитъ въ это небо возвратившейся заблуждавшеюся овцой, и какъ потомъ.... дойдетъ по этому же небу до своихъ земныхъ цѣлей.

— Я буду.... жена, которой не посмѣетъ даже и касаться подозрѣніе! Я должна сознаться что это довольно смѣшно и занимательно!

Лариса провела эту ночь безъ сна, сидя на своей постели. Утро въ Бодростинскомъ домѣ началось поздно: уснувшая на разсвѣтѣ, Лариса проспала, Бодростина тоже, но за то ко вставанью послѣдней, ей готовъ былъ сюрпризъ,—ей былъ доставленъ отвѣтъ Водопьянова на ея вчерашнее письмо,—отвѣтъ вполнѣ достойный „сумашедшаго Бедуина.“ Онъ весь заключался въ слѣдующемъ: „Бобчинскій спросилъ:—можно называться? а Хлестаковъ отвѣчалъ:—пусть называется“.

И болѣе не было ничего, ни одного слова, ни подписи.

Бодростина съ досадой бросила въ ящикъ письмо, и сошла внизъ къ муцинамъ, вся въ черномъ, противъ своего обыкновенія.

Между тѣмъ лока дамы слали, а потомъ дѣлали свой туалетъ, въ сѣни мужской половины явился оборванный и босоногій крестьянскій мальчонко, и настойчиво требовалъ чтобы длинный чужой баринъ вышелъ къ кому-то за гуменникъ.

— Кто же его зоветъ туда? добивались слуги.

— А баринъ съ печатью на шляпѣ далъ мнѣ грошъ: на, говоритъ, бѣжи въ хоромы и скажи чтобъ онъ сейчасъ вышелъ.

Слуги догадались что дѣло идетъ о Висленевѣ, и доложили ему объ этомъ. Іосафъ Платоновичъ посовѣтовался съ Гордановымъ и пошелъ по куріозному вызову на таинственное свиданіе.

За гуменникомъ его ждалъ Форовъ.

— Здравствуйте-съ! мы съ вами должны уговориться, началъ майоръ,—Гордановъ съ Подозеровымъ хотятъ стрѣляться, а мы секунданты, такъ вотъ мои условія: стрѣляться завтра, въ лять часовъ утра, за городомъ, въ Коральковскомъ лѣсу, на горкѣ. Стрѣлять разомъ, и при промахахъ съ обѣихъ сторонъ, выстрѣлъ повторить. Что вы противъ этого ничего?

— Я ничего, но я вообще противъ дуэли.

— Ну вы объ этомъ статью пошлите, а теперь не ваше дѣло.

— А вы развѣ за дуэль?

— Да; я за дуэль, а то очень много подлецовъ разведется. Такъ извольте не забыть условія и затѣмъ имѣю честь....

Форовъ повернулся и ушелъ.

Въ домѣ у Бодростиной, къ удивленію, никто этого не узналъ.

Гордановъ принялъ условія Форова и настрого запретилъ Висленеву выдать это хоть однимъ намекомъ. Тотъ тотчасъ струсилъ.

Утро прошло скучно. Глафира Васильевна говорила о спиритизмѣ и о томъ что она Водольянова уважаетъ, гости зѣвали. Тотчасъ послѣ обѣда, всѣ собрались въ городъ, но Лариса не хотѣла ѣхать въ свой домъ одна съ братомъ и желала чтобъ ее отвезли на хуторъ къ Синтянинной, гдѣ была Форова. Для исполненія этого ея желанія, Глафира Васильевна устроила переѣздъ въ городъ въ родѣ partie de plaisir; они поѣхали въ двухъ экипажахъ: Лариса съ Бодростиной, а Висленевъ съ Гордановымъ.

X. Послѣ скобеля топоромъ.

Увидавъ себя на дворѣ генеральши, Лариса въ первый разъ въ жизни почувствовала тотъ сладостный трепетъ сердца который ощущается человѣкомъ при встрѣчѣ съ близкими людьми, послѣ того какъ ему казалось что онъ ихъ теряетъ невозвратно.

Лариса кинулась на шею Александрѣ Ивановнѣ и много разъ кряду ее поцѣловала; такъ же точно она встрѣтилась и съ теткой Форовой, которая однако была съ нею притворно холодна и приняла ея ласки очень сухо.

Бодростина была всегда и вездѣ легкою гостьей, никогда не заставлявшею хозяевъ заботиться о ней чтобъ ей было не скучно. У нея всегда и вездѣ находились собесѣдники, она могла говорить съ кѣмъ угодно: съ честнымъ человѣкомъ и съ негодяемъ, съ монахомъ и съ комедіянтомъ, съ дуракомъ и съ умнымъ. Опытъ и практическія наблюденія убѣдили Глафиру Васильевну что на свѣтѣ все можетъ пригодиться, что нѣтъ лишняго звена, которое бы умный человѣкъ не могъ положить, не туда, такъ сюда, въ свое зданіе. Послѣдняя мысль о спиритизмѣ, который она рѣшилась эксплутировать для возстановленія своей релутаціи, еще болѣе утвердила ее въ томъ что все стóитъ вниманія и все пригодно.

Очутясь у Синтяниной, которую Бодростина ненавидѣла тою ненавистью какою безсердечныя женщины ненавидятъ женщинъ строгихъ правилъ и открытыхъ честныхъ убѣжденій,

Глафира разсыпалась предъ нею въ шутливыхъ комплиментахъ. Она называла Александру Ивановну „русскою матроной“ и сожалѣла что у нея нѣтъ дѣтей, потому что она вѣрно бы сдѣлалась матерью русскихъ Гракховъ.

По поводу отсутствія дѣтей, она немножко вольно пошутила, но замѣтивъ что у генеральши дрогнула бровь, сейчасъ же обратила рѣчь къ Ларисѣ и воскликнула:

— Да когда же это ты, Лора, выйдешь наконецъ замужъ, чтобы при тебѣ можно было о чемъ-нибудь говорить?

Висленевъ по обыкновенію расхаживалъ важною журавлиною походкой, и заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ карманы, остальными медленно и отчетисто ударялъ себя по панталонамъ. Говорилъ онъ сегодня, противъ своего обыкновенія, очень мало, и все какъ будто хотѣлъ сказать что-то необыкновенное, но только не рѣшался.

За то Гордановъ смотрѣлъ на всѣхъ до наглости смѣло и видимо порывался къ дерзостямъ. Порывы эти проявлялись въ немъ такъ беззастѣнчиво что Синтянина на него только глядѣла и подумывала: „каково заручился!“ Отъ времени до времени онъ поглядывалъ на Ларису, какъ бы желая сказать: смотри какъ я раздраженъ, и это все чрезъ тебя; я не дорожу никѣмъ и сорву свой гнѣвъ на комъ представится.

Лариса имѣла видъ невыгодный для ея красоты: она выглядывала потерянною и больше молчала. Не такова она была только съ одною Форовой. Лариса слѣдила за теткой, и когда Катерина Астаѳьевна ушла въ комнаты чтобы наливать чай, бѣдная дѣвушка тихо, съ опущенною головкой, послѣдовала за нею, и догнавъ ее въ темныхъ сѣняхъ, обняла и поцѣловала.

Катерина Астаѳьевна притворилась что она сердита и будто даже не замѣтила этой ласки племянницы.

Лариса сѣла противъ нея за столъ и заговорила о незначительныхъ постороннихъ предметахъ. Форова не отвѣчала.

— Вы, тётя, сегодня здѣсь ночуете? наконецъ спросила Лариса.

— Не знаю-съ, какъ мнѣ Богъ по сердцу положитъ.

— Поѣдемте лучше домой.

— Куда это? Тебѣ одна дорога, а мнѣ другая. Вамъ въ Тверь, а намъ въ дверь.

Лариса встала и, зайдя сзади тетки, поцѣловала ее въ го-

лову. Она хотѣла приласкаться, но не умѣла,—все это у нея выходило какъ то не естественно. Форова это почувствовала и сказала:

— Сядь ужь лучше пожалуста, милая, на мѣсто, не строй подлизѣ.

У Ларисы больше въ запасѣ ничего не нашлось, она въ самомъ дѣлѣ сѣла и отвѣчала только:

— Я думала что вы, тётя, добрѣе.

— Какъ не добрѣе, ты вѣрно думала что если меня по шеѣ будутъ гнать, такъ я буду шею только потолще обертывать! Не сподобилась я еще такого смиренія.

— Простите меня, тётечка, если я васъ обидѣла. Я была очень разстроена.

— Чтой-то говорятъ, ты скоро замужъ идешь?

— За кого это?

— За кого же, какъ не за Гордашку? Нѣтъ, а Подозеровъ ей Богу молодецъ!

Форова захохотала.

— Ты вѣрно думала что ему уже живаго разстанья съ тобою не будетъ, а онъ раскланялся и былъ таковъ: носъ наклеилъ. Вотъ, на же тебѣ!... Люблю такихъ муцинъ до смерти и хвалю.

— И даже хвалите?

— А разумѣется хвалю! Да что на насъ дуръ смотрѣть какъ мы ломаемся? Этого добра вездѣ много, а женишки нынче въ саложкахъ ходятъ, а особенно хорошіе.

Лариса встала и вышла.

— Кусаетъ, барышня, кусаетъ! промолвила про себя Форова и еще долго продолжала сидѣть одна за чайнымъ столомъ въ маленькой передней и посылать гостямъ стаканы въ осинникъ. Размышленіямъ ея никто не мѣшалъ, кромѣ дѣвочки приходившей перемѣнять стаканы.

Но вотъ по крыльцу послышался шорохъ юбокъ, и въ комнату скорыми шагами вошла Александра Ивановна.

— Что сдѣлалось съ Гордановымъ! сказала она быстро подходя къ Форовой.—Представь ты, что онъ что ни слово, то старается всѣмъ сказать какую-нибудь дерзость!

— И тебѣ что-нибудь сказалъ?

— Да, разныя намеки. И Бодростиной и Висленеву. А бѣдняжка Лора совсѣмъ при немъ смущена.

— Есть грѣхъ.

— А Подозеровъ съ Гордановымъ даже и не говорятъ; между ними что-то было.

Въ это время голоса гостей послышались подъ самыми окнами на дворѣ.

— Огня! Жизни! Господа, въ комъ есть огонь: я горѣть хочу! говорила, стоя на одномъ мѣстѣ, Бодростина.

Ни Лариса, ни Подозеровъ, ни Гордановъ и Висленевъ не трогались, но въ эту минуту вдругъ сильнымъ порывомъ распахнулась калитка, и на дворъ влетѣли отецъ Евангелъ и майоръ Форовъ, съ огромною палкой въ рукѣ и вѣчною толстою папироской во рту.

Оба эти новыя лица были отъ чего-то въ большихъ полыхахъ и неслись какъ буревѣстники предъ грозой.

Встрѣтивъ стоящее на дворѣ общество, они повидимому смѣшались, но однако Форовъ тотчасъ же поправился и, взявъ за руку Бодростину, сказалъ:

— Цѣлую вашу лапку! и дѣйствительно поцѣловалъ ее.

— Mercі, Фелитеръ Иванычъ, за вниманіе, я нуждаюсь въ немъ, я хочу горѣть и никто не спѣшитъ угасить мой пламень.... Вы умѣете бѣгать?

— Какъ скороходъ.

— Заяцъ быстрѣе бѣгаетъ чѣмъ скороходъ, отозвался Гордановъ.

Майоръ не обратилъ на эти слова никакого вниманія.

— Кто же со мной? вызывалъ онъ.

— Я, отвѣчала, сходя съ крыльца, генеральша и стала съ Форовымъ, и побѣжала.

Бодростина поймала Александру Ивановну.

Форовъ былъ неуловимъ: онъ дѣйствительно бѣгалъ какъ заяцъ.

Висленевъ подалъ руку сестрѣ и сталъ во вторую пару.

Майоръ тотчасъ же поймалъ Ларису.

Шумъ, бѣготня этой игры и крики, и смѣхъ, безъ которыхъ не обходятся горѣлки, придали всѣмъ неожиданное оживленіе и вызвали даже майоршу.

— Давайте и мы съ вами ложуируемъ, пригласилъ ее тотчасъ отецъ Евангелъ и, подобравъ вокругъ себя подрясникъ, побѣжалъ третьею парой, но спутался со своею дамой и упалъ.

Это возбудило общій хохотъ.

— Одинъ Гордановъ не принимаетъ участія! Что это та-

кое? Играйте сейчасъ, Гордановъ, я вамъ это приказываю, пошутила Бодростина.

— Не слушаю я ничьихъ приказовъ.

— Послушайте хоть въ шутку.

— Ни въ шутку, ни въ серіозъ.

— Вышелъ изъ повиновенія! Ну такъ серіозничайте же за наказаніе.

— Я не серіозничаю, я не хочу падать.

— Не велика бѣда.

— Да кому падать за обычай, тому дѣйствительно не штука и еще одинъ лишній разъ упасть.

Бодростина сдѣлала видъ что не слыхала этихъ словъ и побѣжала съ Форовымъ, но майоръ все слышалъ и немножко покосился.

— Послушайте-ка, сказалъ онъ улучивъ минуту Синтяниной.—Замѣчаете вы что Гордановъ завирается?

— Да, замѣчаю.

— И что же?

— Ничего.

— Гмъ!

— Онъ этимъ себѣ реноме здѣсь составилъ, но все-таки я думала что онъ умнѣе и знаетъ гдѣ что можно и гдѣ нельзя.

— Чортъ его знаетъ что съ нимъ сдѣлалось.

— Ничего; онъ зазнался; а можетъ-быть и совсѣмъ не зналъ что мои двери такимъ людямъ заперты.

Между тѣмъ Катерина Астаѳьевна распорядилась закуской. Столъ былъ накрытъ въ той комнатѣ-гдѣ вначалѣ этой части романа сидѣла на полу Форова. За этимъ покоемъ въ отворенную дверь была видна другая, очень маленькая комнатка, гдѣ надъ диваномъ, какъ разъ предъ дверью, висѣлъ задернутый густою драпировкой изъ кисеи, портретъ первой жены генерала, покойницы Флоры. Эта каютка была спальня генеральши и Вѣры, и болѣе во всемъ этомъ жильѣ никакого другаго помѣщенія не было.

Мущины подошли къ закускѣ и выпили водки.

— Фора! возгласилъ неожиданно Гордановъ, наливая себѣ во второй разъ полрюмки вина.

— Чего-съ? оборотился къ нему Форовъ.

— Ничего: я говорю „фора“, даю знакъ пить снова и снова.

— Ахъ, это!...

— Ну-съ; я васъ поздравляю: ему быть отъ меня битому, шепнулъ, наклонясь къ Синтяниной, майоръ.

— Надѣюсь, только не здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ другомъ мѣстѣ.

Висленевъ разказывалъ сестрѣ, Форовой и Глафирѣ о странномъ снѣ который ему привидѣлся прошлою ночью.

— Не вѣрь, батюшка, снамъ, всѣ они врутъ, отвѣтила ему майорша.

— Есть пустые сны, а есть сны вѣщіе, возразилъ ей Висленевъ. Мнѣ нравится на этотъ счетъ теорія спиритовъ. Вы ее знаете, Фелитеръ Ивановичъ?

— Читали мы кой-что. Помнишь отецъ Евангелъ, новый завѣтъ-то ихній.... Эка белиберда какая!

— Оно, говорятъ, вѣдь по Евангелію писано.

— Да; въ здоровый бульйонъ мистическихъ ломой подлито.

— Тѣхъ же щей, да пожиже захотѣлось, вставилъ свое слово Евангелъ.

— А я уважаю спиритовъ и увѣренъ что они дадутъ намъ нѣчто обновляющее. Смотрите: узкое, старое или такъ-называемое церковное христіанство обветшало, и въ него—сознайтесь—искренно мало кто вѣритъ, а въ другой крайности что же? Безплодный матеріализмъ.

— Ну-съ?

— Ну-съ и должно быть что-нибудь новое, это и есть спиритизмъ. Смотрите какъ онъ захватываетъ въ Америкѣ и повсюду, напримѣръ у насъ въ Петербургѣ: даже нѣкоторые государственные люди....

— Столы вертятъ, подсказалъ майоръ.—Что же и прекрасно.

— Нѣтъ; не одни столы вертятъ, а въ самомъ дѣлѣ отвѣты отъ мертвыхъ получаютъ.

— Ничего-съ, стихійное мудрованіе, все это кончится вздоромъ, отрѣзалъ Евангелъ.

— Ну подождите, какъ-то вы съ нимъ справитесь.

— Ничего-съ: христіанство и не такихъ враговъ видало.

— Ну этакихъ не видало, это новая сила: это не грубый матеріализмъ, а это тонкая, тонкая сила.

— Вопервыхъ, это не сила, отозвался Форовъ, — а вовторыхъ, вы исторіи не знаете.

— Вотъ какъ! Кто вамъ сказалъ что я ея не знаю?

— А разумѣется не знаете! Все это, государь мой, старье.

И Форовъ началъ перечислять Висленеву связи спиритизма съ мистическими и спиритуальными школами всѣхъ временъ.

— Да, перебилъ Висленевъ, но сказано вѣдь что ново только то что̀ хорошо забыто.

— Анси ретурнементъ гуменъ-эстъ-фетъ, отозвался отецъ Евангелъ, произнося варварскимъ, бурсацкимъ языкомъ французскія слова.—Да и сіе не ново, что все не ново.

Paix engendre prospérité,
De prospérité vient richesse,
De richesse orgueil et volupté,
D'orgueil—contentions sans cesse;
Contention—la guerre se dresse....
La guerre engendre pauvreté,
La pauvreté l'humilité,
D'humilité revient la paix....
Ainsi retournement humain est fait!

Прочитавъ, ничто же сумняся и мня себя говорящимъ по-французски, Евангелъ.

Заинтересованные его французскимъ чтеніемъ, къ нему обернулись всѣ, и Бодростина воскликнула:

— Ахъ, какая у васъ завидная память!

— Нѣтъ-съ, и начитанность какая, добавьте! заступился Форовъ. — Вы, Іосафъ Платонычъ, знаете ли чьи это стихи онъ намъ привелъ? Это французскій поэтъ Климентъ Маро, кого вы вотъ не знаете, а котораго между тѣмъ согнившія въ землѣ поколѣнія наизусть твердили.

— А за всѣмъ тѣмъ, я все-таки спиритъ! рѣшилъ Висленевъ.

Онъ ожидалъ что его заявленіе просто произведетъ тревогу, но оно не произвело ничего. Только Форовъ одинъ отозвался, сказавъ:

— Я самъ когда порядкомъ наспиртуюсь, такъ тоже дѣлаюсь спиритъ.

— Значитъ это хроническое, послышалось отъ Горданова.

Форовъ всталъ изъ-за стола и отойдя къ свѣчѣ, стоявшей на коммодѣ, началъ перелистывать книжку журнала.

— Что̀ это такое вы разсматриваете, майоръ? спросилъ его Гордановъ, ставъ у него за спиной и чистя перышкомъ зубы. Но Форовъ, вмѣсто отвѣта, вдругъ нетерпѣливо махнулъ локтемъ и грубо крикнулъ: — Но-о!

Павелъ Николаевичъ, сдерживая улыбку, удивился.

— Чего это вы по-кучерски кричите? сказалъ онъ;—я вѣдь не лошадь.

— Я не люблю чтобъ у меня за ухомъ зубы чистили, я брезгливъ.

— И не буду, майоръ, не буду, успокоилъ его Гордановъ, фамильярно касаясь его плеча, но эта новая шутка еще больше не понравилась Форову, и онъ закричалъ:—Не троньте меня, я нервенъ.

— При этакой-то корпуленціи и нервенъ?

И Гордановъ еще разъ слегка коснулся боковъ Форова.

Майоръ совсѣмъ взбѣсился, и у него затряслись губы.

— Говорю вамъ не троньте меня: я щекотливъ!

— Господинъ Гордановъ, да не троньте же вы его! проговорила, подходя къ мужу, Форова.

— Извините, я шутилъ, отвѣчалъ Гордановъ, и вовсе не думалъ разсердить майора. Вотъ, Висленевъ, ты теперь спиритъ, объясни же намъ по спиритизму что̀ это дѣлается со здоровымъ человѣкомъ что онъ вдругъ становится то брюзгливъ, то первенъ, то щекотливъ и...

— Вонъ у него какая палка нынче съ собою! поддержалъ пріятеля Висленевъ, взявъ поставленную майоромъ въ углу толстую бѣлую палку.

Но Форовъ дѣйствительно сталъ и первенъ и щекотливъ; онъ уже слышалъ то чего другіе не слыхали и обижался когда его не хотѣли обидѣть.

— Не троньте моей палки! закричалъ онъ поблѣднѣвъ и, весь заколотясь въ лихорадкѣ азарта, бросился къ Висленеву, вырвалъ палку изъ его рукъ, и ставя ее на прежнее мѣсто въ уголъ, добавилъ: — Моя палка чужихъ бьетъ!

— Господа, прекратите пожалуйста все это, серіозно объявила, вставая, Александра Ивановна.

Гости почувствовали себя въ неловкомъ положеніи, и Гордановъ, Глафира и Висленевъ вскорѣ стали прощаться.

— Не будемъ сердиться другъ на друга, сказала Бодростина, пожимая руки Синтянинои.

— Нисколько, отвѣчала та. — До свиданія Іосафъ Платоновичъ.

— А со мною вы не прощаетесь? отнесся къ ней Гордановъ, котораго она старалась не замѣтить.

— Нѣтъ, съ вами-то именно я рѣшительнѣе всѣхъ прощаюсь.

— Позвольте вашу руку!

— Нѣтъ; не подаю вамъ и руки на прощанье, отвѣчала Синтянина, принимая свою руку отъ руки Висленева и пряча ее себѣ за спину.

— Конечно, я знаю, мой пріятель во всемъ и всегда былъ счастливѣе меня... Я конкуррировать съ Жозефомъ не посмѣю. Но во всякомъ случаѣ не желалъ бы.... не желалъ бы по крайней мѣрѣ навлечь на себя небезопасный гнѣвъ вашего превосходительства.

Александра Ивановна слегка поблѣднѣла.

— Ваше превосходительство такъ хорошо себя поставили.

— Надѣюсь.

— Супругъ вашъ генералъ, имѣетъ такое вліяніе....

— Что даже его жена не защищена отъ наглостей въ своемъ домѣ.

— Нѣтъ; что предъ вами должно умолкнуть все, чтобы потомъ не каяться за слово.

— Вонъ! воскликнула быстро Александра Ивановна, и вытянувъ впередъ руку, указала Горданову пальцемъ къ выходу.

Павелъ Николаевичъ не успѣлъ опомниться, какъ Форовъ отмахнулъ предъ нимъ настежь дверь, и держа въ другой рукѣ свою палку, которая „чужихъ бьетъ“, сказалъ:—Имѣю честь!

Гордановъ оглянулся вокругъ и, видя попрежнему вытянутую руку Синтяниной, вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ пошли Бодростина и Висленевъ и покатили въ городъ, Богъ вѣсть въ какомъ настроеніи духа.

XI. Крестъ.

Отъ Александры Ивановны никто не ожидалъ того что̀ она сдѣлала. Выгнать человѣка вонъ изъ дома такимъ прямымъ и безцеремоннымъ образомъ,—это рѣшительно было не похоже на выдержанную и самообладающую Синтянину, но Гордановъ, давно ее злившій и раздражавшій, имѣлъ неосторожность, или имѣлъ разчетъ коснуться такого больнаго мѣста въ ея душѣ, что сердце генеральши сорвалось, и произошло то что̀ мы видѣли.

На время не станемъ доискиваться: былъ ли это со стороны Горданова неосторожный промахъ, или точно и вѣрно разчитанный планъ, и возвратимся къ обществу оставшемуся въ домикѣ Синтяниной послѣ отъѣзда Бодростиной, Висленева и Горданова.

Наглость Павла Николаевича и все его поведеніе здѣсь вообще взволновали всѣхъ. Никто, по его милости, теперь не былъ похожъ на себя. Форовъ бѣгалъ какъ звѣрь взадъ и впередъ; Подозеровъ, отворотясь отъ окна, у котораго стоялъ во все время дебюта Горданова, былъ блѣденъ какъ полотно и сжималъ кулаки; Катерина Астаѳьевна дергала свои сѣдые волосы, а отецъ Евангелъ сидѣлъ сложа руки между колѣнъ и глядя себѣ въ ладони, то сдвигалъ, то раздвигалъ ихъ, не допуская одной до другой. Лариса же стояла какъ статуя лечали. Одна Александра Ивановна была, повидимому, спокойнѣе всѣхъ, но и это было только повидимому: это было спокойствіе обманчивое, спокойствіе человѣка удовлетворившаго неудержимому порыву сердца, но еще не вдумавшагося въ свой поступокъ и не давшаго себѣ въ немъ отчета. Человѣкъ въ первыя минуты послѣ вспышки чувствуетъ себя бодро и крѣпко,—крѣпче чѣмъ всегда, въ пору обыкновеннаго спокойнаго состоянія. Таково было теперь еще состояніе и Александры Ивановны. Она спокойно слушала восторги Форовой и глядѣла на благодарственные кресты, которыми себя осѣняла майорша. Одна Катерина Астаѳьевна была вполнѣ довольна всѣмъ тѣмъ что̀ случилось.

— Слава же тебѣ Господи, говорила она, что на этого шишимору нашлась наконецъ гроза!

— Онъ уже слишкомъ зазнался! замѣтила Александра Ивановна. Ему давно надо было напомнить о его мѣстѣ.

И въ маленькомъ обществѣ начался весьма понятный при подобномъ случаѣ разговоръ, въ которомъ припоминались разныя выходки безнаказанно сошедшія съ рукъ Горданову.

Александра Ивановна, слушая эти разказы, все болѣе и болѣе укрѣплялась во мнѣніи что она поступила такъ какъ ей слѣдовало поступить, хотя и начинала уже сожалѣть что нужно же было всему этому случиться у нея и съ нею!

— Я надѣюсь, господа, сказала она,—что такъ какъ дѣло это случилось между своими, то сору за дверь некому будетъ выносить, потому что я отнюдь не хочу чтобъ объ этомъ узналъ мой мужъ.

— А почему это? вмѣшалась Форова.—А по моему такъ напротивъ надо разказать это Ивану Демьянычу, пусть онъ, какъ генералъ, и своею властью его за это хорошенько бы прошколилъ.

— Я не хочу огорчать мужа: онъ вспыльчивъ и горячъ, а ему это вредно, и потомъ скандалъ, все-таки скандалъ.

— Ну, да! вотъ такъ мы всегда: все скандаловъ боимся, а мерзавцы, подобные Гордашкѣ, этимъ пользуются. А ты у меня, сойга Петровна! воскликнула майорша, вдругъ подскочивъ къ Ларисѣ и застучавъ пальцемъ по своей ладони,—ты себѣ смотри и на усъ намотай, что если ты еще гдѣнибудь съ этимъ Гордашкой увидишься или позволишь ему къ себѣ подойти и станешь отвѣчать ему.... такъ я..... я не знаю что̀ тебѣ при всѣхъ скажу.

Синтяниной правился этотъ поворотъ въ отношеніяхъ Форовой къ Ларисѣ. Она хотя и не сомнѣвалась что майорша недолго просердится на Лору и примирится съ нею по собственной иниціативѣ, но все-таки ей было пріятно что это уже случилось.

Форова теперь вертѣлась какъ юла, она вездѣ шарила свои пожитки, ласкала мужа, ласкала генеральшу и Вѣру, и нашла случай спросить Подозерова: говорилъ ли онъ о чемъ-нибудь съ Лорой или нѣтъ?

— Лариса Платоновна со мной не разговаривала, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Да; значитъ ты не говорилъ. Ну, и прекрасно, такъ и показывай что она тебѣ все равно что ничего да и только. Саша! обратилась она къ Синтяниной:—вели намъ запречь твою карафашку! Или ужь намъ ее запрягли?

— Да; лошадь готова.

— Ну, Лора, ѣдемъ! А ты, Форовъ, хочешь съ нами на передочкѣ? Мы тебя подвеземъ.

— Нѣтъ, я въ городъ не поѣду, отвѣчалъ майоръ.

— Завтра пѣшкомъ идти все-равно далеко.... Садись съ нами! Садись, поѣдемъ вмѣстѣ, а то мнѣ тебя жаль.

Но Форовъ опять отказался, сказавъ что у него еще есть дѣло къ отцу Евангелу.

— Ну, такъ я съ Лорой ѣду. Прощай.

И майорша, простясь съ мужемъ и съ пріятелями, вышла подъ руку съ Синтяниной, сѣла съ Ларисой въ карафашку и взяла возжи.

Вскорѣ по отъѣздѣ Ларисы и Форовой, вышли и другіе гости, но предъ тѣмъ, майоръ и Евангелъ предъявили Подозерову принесенныя ими изъ города газеты съ литературой Кишенскаго и Ванскокъ. Подозеровъ поблѣднѣлъ, хотя и не былъ

этимъ особенно тронутъ, и ушелъ спокойно;но на дворѣ вспомнилъ что онъ будто забылъ свою папиросницу и вернулся назадъ.

— Александра Ивановна! позвалъ онъ.—Не осудите меня.... я вернулся къ вамъ съ хитростью.

— Я васъ не осуждаю.

— Нѣтъ; серіозно: у меня есть странная, но очень важная для меня просьба къ вамъ.

— Что такое, Андрей Ивановичъ? Я конечно сдѣлаю все что въ силахъ.

— Да; вы это въ силахъ: не откажите, благословите меня вашею рукой.

— Господи помилуй и сохрани младенца Твоего Андрея, произнесла улыбаясь Синтянина.

— Нѣтъ; вы серіозно, съ вашей глубокой вѣрой и отъ души вашей меня перекрестите.

— Но что съ вами, Андрей Иванычъ? Вы же сейчасъ только принимали все такъ холодно и были спокойны.

— Я и теперь спокоенъ, спокоенъ какъ могила, но нѣтъ мира въ моей душѣ.... Дайте мнѣ этого мира.... положите на меня крестъ вашею рукой.... Это.... я увѣренъ, принесетъ мнѣ.... очень нужную мнѣ силу.

Александра Ивановна минуту постояла какъ бы призывая въ глубину души своей спокойствіе и затѣмъ перекрестила Подозерова, говоря: миръ мой даю вамъ и молю Бога спасти васъ отъ всякаго зла.

Подозеровъ поцѣловалъ ея руку, и выйдя, скоро догналъ за воротами Форова и Евангела, который при приближеніи Подозерова тихо говорилъ что-то майору. При его приближеніи, они замолчали.

Подозеровъ догадался что у нихъ рѣчь шла о немъ, но не сказалъ ни слова.

У перекрестка дорогъ, гдѣ священнику надо было идти направо, а Подозерову съ Форовымъ налѣво, они всѣ остановились, и Евангелъ сладостно заговорилъ:

— Андрей Иванычъ, зайдемте лучше переночевать ко мнѣ.

— Нѣтъ, я не могу, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Видите ли что.... мы тамъ поговоримте съ моей паинькой! (отецъ Евангелъ и его попадья звали другъ друга „паиньками“) она даромъ что попадья, а иногда удивительные взгляды имѣетъ.

— Да, да, матушка умная женщина, поклонитесь ей; но я не могу, не могу, я спѣшу въ городъ.

Подозерову хотѣлось чтобы никто, ни одна женщина съ нимъ болѣе не говорила и не касалась бы его ни одна женская рука.

Онъ несъ на себѣ благословеніе и хотѣлъ чтобъ оно почивало на немъ ничѣмъ не возмущаемое.

XII. Лариса не узнаетъ себя.

Висленевъ ѣхалъ въ экипажѣ вмѣстѣ съ Бодростиной, Гордановъ же держалъ путь одинъ. Онъ въ городѣ отсталъ отъ нихъ, и пріѣхавъ прямо въ свою гостиницу, отослалъ съ лакеемъ лошадь, а самъ остался дома.

Около полуночи онъ всталъ, взялъ по обыкновенію маленькій револьверъ въ карманъ и вышелъ.

Когда Лариса и Форова пріѣхали домой, Іосафъ Висленевъ еще не возвращался. Катерина Астаѳьевна и Лора не намѣрены были его ждать. Форова обошла со свѣчой весь домъ, попробовала свою цитру и раздѣвшись, легла въ постель.

Лариса тоже была уже раздѣта.

Комнаты въ которыхъ онѣ спали были смежны.

Но Ларисѣ не спалось, она вышла въ залу, походила взадъ и впередъ, и взявъ съ фортепьянъ цитру, принесла ее къ теткѣ.

— Прошу васъ, сыграйте мнѣ что-нибудь, тётя.

— Выдумала же: ночью я буду ей играть!

— Да, именно, именно теперь, тётя, ночью.

Форова поднялась на локоть и торопливо заглянула въ глаза племянницы острымъ и безпокойнымъ взглядомъ.

— Что вы, тётя? Я ничего, но.... мнѣ нестерпимо.... я хочу звуковъ.

— Открой же рояль и сыграй себѣ сама.

— Нѣтъ, не рояль, а это вотъ, это, отвѣчала Лора, морща лобъ и подавая теткѣ цитру.

Катерина Астаѳьевна взяла инструментъ, и нѣжные, щиплющіе звуки тонкихъ металлическихъ струнъ запѣли: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“.

Лариса стала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и часто взглядывала на изображеніе распинаемаго на Голгоѳѣ Христа.

Цитра кончила, но черезъ минуту крошечный инструментъ снова защипалъ сердце, и ему неожиданно началъ вторить дребезжащій, но еще довольно сильный голосъ майорши.

„Помощникъ и Покровитель, бысть мнѣ во спасеніе“, пѣла со своею цитрой Катерина Астаѳьевна.

Лора вздохнула и оборотясь къ образу, тихо стала на колѣни и заплакала и молилась, молилась словами тетки, и вдругъ потеряла ихъ. Это ее удивило и разсердило. Она дѣала всѣ усилія поймать оборванную мысль, но за стѣной ея спальни, въ залѣ неожиданно грянулъ бальный оркестръ.

Лариса вскочила и взялась за лобъ.... Ничего не было, никакого оркестра: ясно что это ей только показалось.

Лариса посмотрѣла на часы, было уже часъ за полночь. Она взошла въ комнату тетки и позвала ее по имени, но Катерина Астаѳьевна крѣпко спала.

Лора поняла что столбнякъ ея длился довольно долго, прежде чѣмъ ее пробудили отъ него звуки не существующаго оркестра, и удивилась какъ она не замѣтила времени? Она торопливо заперла дверь въ залу на ключъ, помолилась наскоро предъ образомъ, раздѣлась, поставила свѣчу на предпостельномъ столикѣ и сѣла въ одной сорочкѣ и кофтѣ на диванѣ, который служилъ ей кроватью, и снова задумалась.

Такъ прошелъ еще часъ. Висленевъ все не возвращался еще; а Лариса все сидѣла въ томъ же положеніи, съ опущенною на грудь головой, съ одною рукой упавшею на кровать, а другою окаменѣвшею съ перстомъ на устахъ. Черные волосы ея разбѣгались тучей по бѣлымъ плечамъ, нескромно открытымъ воротомъ сорочки, одна нога ея еще оставалась въ нескинутой туфлѣ, межь тѣмъ какъ другая, босая и какъ мраморъ бѣлая, опиралась на голову разосланной у дивана тигровой шкуры.

— Господи! думала она, мысленно проведя предъ собой всю свою недолгую прошлую жизнь. — Какой путь лежитъ предо мною и чѣмъ мнѣ жить?.... Мнѣ нечѣмъ жить. Въ какомъ капризѣ судьбы и для чего я родилась на этотъ свѣтъ, и для чего я прежде чѣмъ начала жить растеряла всѣ силы мои? Зачѣмъ предо мною такъ безпощадно одни осуждали другихъ и сами становились всѣ другъ друга хуже? Гдѣ же идеалъ?.... Я безъ него.... Я вся дитя сомнѣній: я ни съ кѣмъ не согласна и не хочу соглашаться. Я не хочу бабушкиной морали и не хочу морали внучекъ. Мнѣ противны онѣ и противны

тѣ кто за нихъ стоитъ, и тѣ кто ихъ осуждаетъ. Это все люди съ концомъ въ самомъ началѣ своей жизни.... А гдѣ же живая душа, съ вѣчнымъ движеніемъ впередъ? Не дядя ли Форовъ, замерзшій на отжившей старинѣ; не смиренный ли Евангелъ; не братъ ли мой, мой жалкій Іосафъ, или не Подозеровъ ли, — Испанскій Дворянинъ, съ одною вѣчною и неизмѣнною честностью? Что я буду дѣлать съ нимъ? Я не могу же быть.... Испанскою Дворянкой! Я хочу.... ничего не хотѣть, и.... Этотъ человѣкъ.... Гордановъ.... въ немъ мой покой! Я его ненавижу и.... я люблю его.... Я люблю этотъ трелетъ и страхъ которые при немъ чувствую! Боже, какое это наказаніе! Меня къ нему влечетъ невѣдомая сила, и между тѣмъ.... онъ дерзокъ, наглъ, надменъ.... даже можетъ-быть не честенъ, но.... онъ любитъ меня.... Онъ любитъ меня, а любовь творитъ чудеса, и это чудо надъ нимъ совершу я!...

Лариса покраснѣла и вздрогнула.

Можетъ-быть что ее испугала свѣча, которая горѣла тихо и вдругъ вспыхнула: на нее метнулась ночная бабочка, и опаливъ крылышки, прилипла къ стеарину и затрепетала. Лариса осторожно сняла насѣкомое со свѣчи и въ особенномъ соболѣзнованіи вытерла его крылышки и хотѣла уже встать, чтобы выпустить бабочку въ садъ, какъ взглянула въ окно и совсѣмъ потерялась.

Въ узкой полосѣ стекла между не дошедшею на вершокъ до подоконника шторой на нее смотрѣли два черные глаза; она въ ту же минуту узнала эти глаза: то были глаза Горданова.

Первымъ впечатлѣніемъ испуганной и сконфуженной Лоры было чувство ужаса, затѣмъ весьма понятный стыдъ, потому что она была совсѣмъ раздѣта. Затѣмъ первое ея желаніе было закричать, броситься къ теткѣ и разбудить ее, но это желаніе осталось однимъ желаніемъ: открытыя уста Лоры только задули свѣчу и не издали ни малѣйшаго звука.

XIII. Въ ожиданіи худшаго.

Оставшись въ потьмахъ и обезпеченная лишь тѣмъ что ея теперь не видно, Лора вскочила и безотчетно взялась за положенный на креслѣ пеньюаръ.

А между тѣмъ, когда въ комнатѣ стало темнѣе чѣмъ въ са-

лу, гдѣ былъ Гордановъ, Ларисѣ сталъ виденъ весь движущійся контуръ его головы.

Гордановъ двигался взадъ и впередъ вдоль подзора шторы: имъ очевидно все болѣе овладѣвало нетерпѣніе, и наглость его бушевала безсиліемъ....

Ларисѣ еще представлялась полная возможность тихо разбудить тетку, но она этого не сдѣлала. Мысль эта отошла на второй планъ, а на первомъ явилась другая. Лора спѣшною рукой накинула на себя пеньюаръ, и зайдя стороной къ косяку окна, за которымъ метался Гордановъ, тихо ослабила шнурокъ удерживавшій занавѣску.

Штора сползла, и подзоръ закрылся, но это дало Горданову только новую смѣлость, и онъ сначала тихо, а потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй началъ потрогивать раму.

Дѣвушка не могла себѣ представить до чего это можетъ дойти, и отступя внутрь комнаты, остановилась. Гордановъ не ослабѣвалъ: страсть и дерзость его разгарались: въ комнатѣ послышался даже гулъ его говора.

Лора опять метнулась къ двери которая вела въ столовую, гдѣ спала тетка, и.... съ незнакомымъ до сихъ поръ чувствомъ страстнаго замиранія сердца притворила эту дверь.

Ей пришло на мысль что если она разбудитъ тетку, то та затѣетъ цѣлую исторію и непремѣнно станетъ обвинять ее въ томъ что она сама подала поводъ къ этой наглости. Но Катерина Астаѳьевна спала крѣпкимъ сномъ, и хотя Ларисѣ было перепугалась, когда дверь немножко пискнула на своихъ петляхъ, однако испугъ этотъ былъ совершенно напрасенъ. Лора приложила черезъ минуту ухо къ дверному створу и убѣдилась что тетка спитъ,—въ этомъ убѣждало ее сонное дыханіе Форовой. А Гордановъ не отставалъ въ этомъ и продолжалъ свои настойчивыя хлопоты вокругъ рамы.

— Этой дерзости нельзя же оставить такъ, да и наконецъ это дойдетъ Богъ знаетъ до чего: Катерина Астаѳьевна можетъ проснуться и.... еще хуже: внизу въ кухнѣ можетъ все это услышать прислуга....

Она ощутила въ себѣ рѣшимость и силу самой отстоять свою неприкосновенность и подошла къ окну,—минута, и край шторы зашевелился.

Гордановъ опять качнулъ раму.

Лариса положила трепещущую руку на крючокъ, и едва лишь

его коснулась, какъ эта рама распахнулась, и рука Лоры словно въ тискахъ замерла въ рукѣ Горданова.

— Ты открыла, Лариса! я такъ этого и ждалъ: тебѣ должна быть чужда пустая жеманность, заговорилъ Павелъ Николаевичъ, страстно цѣлуя руку Лоры.

— Я вовсе не для того.... начала было Лора, но Гордановъ ее перебилъ.

— Это все равно! Я не могъ не видѣть тебя!.... прости меня!...

— Уйдите.

— Я обезумѣлъ отъ любви къ тебѣ, Лора! Твоя краса мутитъ мой разумъ!

— Уйдите, молю васъ, уйдите!

— Ты должна знать все.... я иду умирать за тебя!

— За меня?!

— И я хотѣлъ тебя видѣть.... я не могъ отказать себѣ въ этомъ.... Дай же, дай мнѣ и другую твою ручку! шепталъ онъ, хватая другую руку Лоры и цѣлуя ихъ обѣ вмѣстѣ.—Нѣтъ; ты такъ прекрасна, ты такъ несказанно хороша, что я буду радъ умереть за тебя! Не рвись же, не вырывайся.... Дай наглядѣться.... теперь.... вся въ бѣломъ, ты еще чудеснѣй.... и.... кляни и презирай меня, но я не въ силахъ овладѣть собой: я рабъ твой, я.... раненъ на смерть.... мнѣ все равно теперь!

Ларисѣ показалось что на глазахъ его блеснули слезы: это ея подкупило.

— Пустите меня! насъ непремѣнно увидятъ.... чуть слышно прошептала Лора, въ страхѣ оборачивая лицо къ двери теткиной комнаты. Но лишь только она сдѣлала это движеніе, какъ обхваченная рукой Горданова уже очутилась на подоконникѣ, и голова ея лежала на плечѣ Павла Николаевича. Гордановъ обнималъ ее и жарко цѣловалъ ея трепещущія губы, ея шею, плечи и глаза, на которыхъ дрожали и замирали слезы.

Лариса почти не оборонялась: это ей было и не подъ силу; дѣлая усилія вырваться, она только плотнѣе падала въ объятія Горданова. Даже уста ея, теперь такъ рѣшительно желавшія издать какой-нибудь звукъ, лишь шевелились, невольно отвѣчая въ этомъ движеніи поцѣлуямъ замыкавшихъ ихъ устъ Павла Николаевича. Лора склонялась все болѣе и болѣе на его сторону, смутно ощущая что окно подъ ней уплываетъ

къ ея ногамъ; еще одно мгновеніе, и она въ саду. Но въ эту минуту залаяла собака, и по двору послышались шаги.

Гордановъ посадилъ Лору на подоконникъ, и тихо прикрывъ раму, пошелъ чрезъ садовую калитку на дворъ и поймалъ здѣсь на крыльцѣ Висленева.

— Чего ты здѣсь, Павелъ Николаевичъ? освѣдомился у него Іосафъ.

— Вотъ вопросъ! Какъ чего я здѣсь? Что же ты, любезный, вѣрно забылъ что такое мы завтра дѣлаемъ? очвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, очень помню: мы завтра стрѣляемся.

— А если помнишь, такъ надо видѣть что уже разсвѣтаетъ, а въ пять часовъ надо быть на мѣстѣ, котораго я вдобавокъ еще и не знаю.

— Я буду, Поль, буду, буду.

— Ну, извини, я тебѣ не вѣрю, а пойдемъ ночевать ко мнѣ. Теперь два часа, и ложиться уже некогда, а напьемся чаю и тогда какъ разъ будетъ время ѣхать.

— Да; вотъ еще дѣло-то: на чемъ ѣхать?

— Вотъ то-то оно и есть! А еще говоришь: „буду, буду, буду“, и самъ не знаешь на чемъ ѣхать! Переодѣнься, если хочешь, и идемъ ко мнѣ,—я уже припасъ извощика.

Висленевъ пошелъ переодѣться; онъ приглашалъ взойди съ собою и Горданова, но тотъ отказался и сказалъ что онъ лучше походитъ и подождетъ въ саду.

Лишь скрылся Висленевъ, Гордановъ подбѣжалъ къ Ларисиному окну и чуть только попробовалъ дверцу, какъ она сама тихо растворилась. Окно было незаперто, и Лора стояла у него въ прежнемъ положеніи.

Гордановъ ступилъ ногой на фундаментъ и страстно прошепталъ:—Поцѣлуй меня еще разъ, Лора.

Лариса молчала.

Павелъ Николаевичъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ее, не касаясь рукой ея стана.

Лариса не сопротивлялась.

— Сама! Лора! я прошу, поцѣлуй меня сама! Ты мнѣ отказываешь?

Лора колебалась.

— Лора, исполни этотъ мой капризъ, и я исполню все чего ты захочешь.... Ты медлишь?... Ты не хочешь?

На дворѣ послышался голосъ Висленева, призывавшій Павла Николаевича.

— Идите.... братъ мой, прошептала Лора.

— Кто этотъ братъ? онъ во....

— О, Боже! не договаривайте... Онъ идетъ.

— Ну, знай же: если такъ,—я не уйду безъ твоего поцѣлуя!

Лора въ страхѣ подвинулась къ нему, и робко прильнувъ къ его губамъ устами, кинулась назадъ въ комнату.

Гордановъ сорвалъ этотъ штосъ и исчезъ.

Когда кончилась процедура поцѣлуевъ, Лариса какъ разбитая обернулась назадъ и полетѣла: предъ нею въ дверяхъ стояла совсѣмъ одѣтая Форова.

— Послушай! говорила охриплымъ и улалымъ голосомъ майорша.—Послушай! запри за мной двери или вели запереть.

— Куда это вы? прошептала Лора.

— Домой.

— Зачѣмъ.... зачѣмъ.... вы всѣ....

— Не знаю какъ всѣмъ, а мнѣ здѣсь не мѣсто.

И Форова повернулась и пошла. Лора ее догнала въ залѣ, и схвативъ тетку за руку, сама потупилась.

— Пусти меня! проговорила Форова.

— Одну минутку еще!...

— Ни одной; ни одной секунды здѣсь быть не хочу, послѣ того что̀ я видѣла своими глазами.

Лора зарыдала.

— Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ же вы.... его при мнѣ бранили, обижали? Боже! Боже!

— Вотъ такъ и есть! Мы же виноваты?

Но Лариса въ отвѣтъ на это только зарыдала истерическимъ рыданьемъ.

XIV. Въ ожиданіи смерти.

Форовъ провелъ эту ночь у Подозерова; майоръ какъ пришелъ такъ и завалился и спалъ, храпя до самаго утра, а Подозеровъ былъ не во снѣ и не въ бдѣніи. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ: за что̀, почему и какъ онъ идетъ на дуэль?...

— Они обидѣли меня клеветой, но это бы я снесъ; но обиды бѣдной Лорѣ, но обиды этой другой святой женщинѣ я снесть не могу! Я впрочемъ... съ большимъ удовольствіемъ

умру, потому что стыдно сознаться, а я разочаровалъ въ жизни; не вижу въ ней смысла и... однимъ словомъ, мнѣ все равно!

И вдругъ послѣ этого Подозеровъ погрузился въ сосредоточенную думу о томъ: какъ шла замужъ Синтянина? и когда его въ три часа толкнулъ Форовъ, онъ не зналъ: спалъ онъ или не спалъ, и только почувствовалъ на лбу холодныя капли пота.

Форовъ пилъ чай и самъ приготовлялъ и подавалъ чай хозяину.

— Теперь подите-ка вотъ сюда! позвалъ его майоръ въ спальню.—Завѣщанье у васъ про всякій случай готово? Я говорю, про всякій случай.

— Зачѣмъ? имущества у меня нѣтъ никакого,—а что̀ есть раздайте бѣднымъ. Подозеровъ улыбнулся и добавилъ: это тоже про всякій случай!

— Да такъ, но все-таки.... это дѣлаютъ: причину можетъ-быть пожелаете объяснить... изъ-за чего?... Волю, желаніе свое кому-нибудь сообщить?...

— Изъ-за чего? А кому до этого дѣло? Если васъ спросятъ изъ-за чего это было, то скажите пожалуста что̀ это ни до кого не касается.

— Что̀ же, и такъ bene! И еще вотъ что̀, продолжалъ онъ очень серіозно и съ разстановкой, вы знаете... я принадлежу къ такъ глаголемымъ нигилистамъ,— не къ мошенникамъ которые на эту кличку откликаются, а къ настоящимъ.... старовѣрческимъ нигилистамъ древляго благочестія...

— Хорошо-съ, отвѣчалъ снова улыбнувшись Подозеровъ.

— То-то еще хорошо ли это, я... этого, по правдѣ вамъ сказать, и самъ достовѣрно не знаю. Я, какъ настоящій нигилистъ, самъ свои убѣжденія тоже знаете.... не высоко ставлю. Чортъ ихъ знаетъ: кажется что-нибудь такъ, а.... вѣдь все оно можетъ быть и иначе... Я, разумѣется. въ жизнь за гробомъ не вѣрю и въ Бога не вѣрю.... но....

— Вы вѣрно хотите чтобъ я помолился Богу? перебилъ Подозеровъ.

— Да; я этого особенно не хочу, а только напоминаю, отвѣчалъ, крѣпко сжавъ его руку, майоръ. Вы не смѣйтесь надъ этимъ, потому что.... кто знаетъ чего нельзя узнать.

— Да я и не смѣюсь: я очень радъ бы помолиться, но я тоже....

— Да; понимаю: вы деистъ, но не умѣете молиться... считаете это лишнимъ. Пожалуй!

— Но я по вашему совѣту пробѣгу одну-двѣ главы изъ Евангелія.

— И прекрасно, мой совѣтъ, хоть это сдѣлать, потому что.. я себѣ вѣренъ, я не считаю этого нужнымъ, но я это беру съ утилитарной точки зрѣнія: если тамъ ничего нѣтъ, такъ это ничему и не помѣшаетъ.... Кажется не помѣшаетъ?

— Разумѣется.

— А какъ если есть!... Вѣдь это, какъ хотите, ошибиться не шутка. Подите-ка, уединитесь.

И майоръ, направляя Подозерова въ его комнату, затворилъ за нимъ двери.

Когда они опять сошлись, Форовъ счелъ нужнымъ дать Подозерову нѣсколько наставленій какъ стоять на поединкѣ, какъ стрѣлять и какъ держаться.

Подозеровъ все это слушалъ совершенно равнодушно.

Въ четыре часа они спохватились на чемъ имъ ѣхать. Съ вечера эта статья была позабыта, теперь же ее нельзя было исправить.

Рискуя опоздать, они рѣшились немедленно отправиться пѣшкомъ и шли очень скоро. Утро стояло погожее, но непріятное: вѣтреное и красное.

Дорогой съ ними не случилось ничего особеннаго, только и майоръ, и Подозеровъ оба немножко устали.

Но вотъ завидѣлся и желтый песчаный холмъ посреди молодаго сосенника: это Корольковъ верхъ, — это оно, роковое условное мѣсто.

Форовъ оглянулся вокругъ, и снявъ фуражку, обтеръ платкомъ лобъ.

— Ихъ нѣтъ еще значитъ? спросилъ Подозеровъ.

— Да; ихъ значитъ нѣтъ. Вы сядьте и поотдохните немножко.

— Нѣтъ, я ничего.... я совсѣмъ не усталъ.

— Не говорите: переходы въ этихъ случаяхъ ужасно не хороши: отъ ходьбы ноги слабѣютъ и руки трясутся и въ глазу нѣтъ вѣрности. И еще я вамъ вотъ что̀ хотѣлъ сказать.... это разумѣется можетъ-быть и не нужно, да я даже и увѣренъ что это не нужно, но про всякій случай....

— Пожалуста: что̀ такое?

— Когда вы молились....

— Ну-съ?

— Указали ли вы надлежащимъ образомъ что вѣдь то.... зачѣмъ вы пришли сюда, не правосудно будетъ разсматривать наравнѣ съ убійствомъ? Вѣдь вотъ и пророки и мученики.... за идею.... умирали и....

— Да зачѣмъ же это указывать? Поставить на видъ что ли? И Подозеровъ даже искренно разсмѣялся.

Форовъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Да вѣдя я не знаю какъ это надо молиться, или.... мириться съ тѣмъ чего не знаю.

— Нѣтъ; вы это знаете лучше многихъ! проговорилъ Подозеровъ, дружески сжавъ руку майора.—Я не могу представить себѣ человѣка который бы лучше васъ умѣлъ доказать что хорошая натура всегда остается хорошею, во всякой средѣ и при всякомъ ученіи.

— Ну, извините меня, а я очень могу себѣ представить такого человѣка который можетъ все это гораздо лучше меня доказать.

— Кто же это?

— Дѣвица Ванскокъ въ Петербургѣ. А вотъ кто-то и ѣдетъ.

За лѣскомъ тихо зарокотали колеса: это подъѣхали Висленевъ и Гордановъ.

Обѣ пары пошли, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, къ одной и той же песчаной полянѣ за кустами.

Форовъ пригласилъ Висленева въ сторону, и они начали заряжать пистолеты, то-есть лучше сказать заряжалъ ихъ Форовъ, а Висленевъ ему прислуживалъ. Онъ не умѣлъ обращаться съ оружіемъ и притомъ праздновалъ трусу.

Подозеровъ глядѣлъ на песокъ и думалъ что кровь здѣсь будетъ очень быстро впитывать. Гордановъ держалъ себя соколомъ.

Форовъ съ важностью должностнаго лица началъ отсчитывать шаги, и затѣмъ Подозеровъ и Гордановъ были поставлены имъ на урочномъ разстояніи лицомъ другъ къ другу.

Дерзкій взглядъ и нахальная осанка не покидали Горданова.

„Это чортъ знаетъ что! думалъ Форовъ. Знаю, увѣренъ и не сомнѣваюсь что онъ естественный и презрѣннѣйшій трусъ, но что можетъ значить это его спокойствіе? Нѣтъ ли на немъ латъ? Да не на всемъ же на немъ латы? Или.... не извѣстили ли они бездѣльники сами полицію и не поведутъ ли насъ всѣхъ отсюда на съѣзжую? Чего добраго: отъ этой дряни всего можно ожидать.“

Но Форовъ не все предугадывалъ и ожидалъ совсѣмъ не того на что̀ разчитывалъ, держа высоко свою голову, Гордановъ.

XV. Секретъ.

Александра Ивановна, выпроводивъ гостей, видѣла какъ работникъ залеръ калитку, поманилъ за собою собакъ и ушелъ спать на погребицу.

Синтянина подшла къ окну и глядѣла черезъ невысокій тынъ на широкія поля, на которыхъ луна теперь выдвигала прихотливыя очертанія тѣней отъ самыхъ незначительныхъ предметовъ на землѣ и мелкихъ облачковъ бѣгущихъ по небу.

Вѣра сняла дневное платье, надѣла свою бѣлую блузку, заперла дверь, опустила бѣлыя шторы на окнахъ въ которыя свѣтила луна, и стоя съ лампой посреди комнаты, громко топнула.

Синтянина оглянулась.

— Ты не будешь спать? спросила Вѣра своими знаками мачиху.

— Нѣтъ; мнѣ не хочется спать.

— Да; ты и не спи.

— Зачѣмъ?

Дѣвочка улыбнулась и отвѣчала: „Такъ.... теперь хорошо“, и съ этимъ она вошла въ спаленку, легла на свой диванъ подъ материнымъ портретомъ завѣшеннымъ кисеей и погасила лампу.

Это Александрѣ Ивановнѣ не понравилось, тѣмъ болѣе что вслѣдъ затѣмъ какъ погасъ огонь, въ спаленкѣ послышался тихій шорохъ и при слабомъ свѣтѣ луны сквозь опущенную штору было замѣтно какое-то непокойное движеніе Вѣры вдоль стѣны подъ портретомъ ея матери.

Александра Ивановна съ неудовольствіемъ зажгла свѣчу и взошла въ спальню. Вѣра лежала на своемъ мѣстѣ, и казалось спала, но сквозь сонъ тихо улыбалась. У нея бывалъ нерѣдко особый родъ улыбокъ, добрыхъ, но ироническихъ, которыя нѣсколько напоминали улыбки опытной няни, любящей ребенка и насмѣхающейся надъ нимъ. Александра Ивановна въ теченіи многихъ лѣтъ жизни съ глухонѣмою падчерицей никогда не могла привыкнуть къ этимъ ея особеннымъ улыбкамъ, и онѣ особенно непріятно подѣйствовали на нее сегодня, послѣ шалости Вѣры въ осинникѣ. Генеральша давно была очень разстроена всѣмъ что̀ видѣла и слышала въ послѣднее время; а сегодня ее особенно тяготили наглые

намеки на ея практичность и на ея давнюю слабость къ Висленеву, и старыя раны въ ея сердцѣ заныли и запѣнились свѣжею кровью.

— Нѣтъ; этого невозможно такъ оставить: я могу умереть внезапно, мгновенно, со всею тяжестью этихъ укоризнъ.... Нѣтъ; этого нельзя! Пока я жива, пускай говорятъ и думаютъ обо мнѣ что̀ хотятъ, но память моя.... она должна быть чиста отъ тѣхъ пятенъ которыя кладутъ на нее и которыхъ я не хочу и не могу снять при жизни. Зачѣмъ откладывать вдаль?—Я теперь взволнована, и все давно минувшее предо мною встаетъ свѣжо, какъ будто всѣ бѣды жизни ударили въ меня только сію минуту. Я все чувствую, все помню, вижу, знаю и теперь я въ силахъ передать все что̀ и зачѣмъ я когда сдѣлала. Стало-быть насталъ тотъ часъ когда мнѣ надо открыть это, и Гордановъ принесъ мнѣ пользу, заставивъ меня за это взяться.

Съ этимъ генеральша торопливо перемѣнила за ширмой платье на блузу, и распустивъ по спинѣ свои тучныя косы, зажгла лампу. Установивъ огонь на столѣ, она достала бумагу и начала писать среди нерушимаго ночнаго молчанія.

„Призвавъ Всемогущаго Бога, которому вѣрую и суда котораго несомнѣнно ожидаю, я, Александра Синтянина, урожденная Гриневичъ, пожелала и рѣшилась собственноручно написать нижеслѣдующую мою исповѣдь. Дѣлаю это съ тою цѣлію чтобы бумага эта была вскрыта когда не будетъ на свѣтѣ меня и другихъ лицъ которыхъ я должна коснуться въ этихъ строкахъ: пусть эти строки мои представятъ мои дѣла въ истинномъ ихъ свѣтѣ, а не въ томъ въ какомъ ихъ толковали всѣ знавшіе меня при жизни.

„Я, незамѣтная и неизвѣстная женщина, попала подъ колесо обстоятельствъ накатившихъ на мое отечество въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, которымъ принадлежитъ моя первая молодость. Безъ всякаго призванія къ политикѣ, я принуждена была сыграть роль въ событіяхъ политическаго характера, о чемъ кромѣ меня знаетъ только еще одинъ человѣкъ, но этотъ человѣкъ никогда объ этомъ не скажетъ. Я же не хочу умереть не раскрывъ моей повѣсти, потому что человѣку, какъ бы онъ ни былъ малъ и незамѣтенъ, дорога чистота его репутаціи.

„По всеобщему мнѣнію знающихъ меня людей, я позорно сторговала собою при моемъ замужествѣ и погубила моимъ вѣроломствомъ человѣка подававшаго нѣкогда большія надежды. Это клевета, а дѣло было вотъ какъ. Я съ дѣтскихъ почти лѣтъ считалась невѣстой Іосафа Платоновича Висленева, котораго любила первою дѣтскою любовью. Онъ, по его

словамъ, тоже любилъ меня, чему я впрочемъ имѣю основанія не вѣрить. И вотъ ему-то я и измѣнила, кинула его въ несчастіи, вышла за мужъ за генерала и провожу *счастливую жизнь*.... Такъ думаютъ всѣ, и я въ этомъ никого не разувѣряю, однако же все-таки это не такъ. Въ самой ранней нашей юности, между нами съ Висленевымъ обнаружились непримиримыя и несогласимыя разности во взглядахъ и симпатіяхъ: то время которое я отдавала приготовленію къ жизни, онъ уже посвящалъ самой жизни, но жизни не той которую я считала достойною силъ и мужества отвѣчающаго за себя человѣка. Въ немъ была бездна легкомысленности, которую онъ считалъ въ себѣ за отвагу; много задора, принимавшагося имъ за энергію; масса суетности, которая казалась ему пренебреженіемъ къ благамъ жизни, и при всемъ этомъ полное пренебреженіе къ спокойствію и счастію ближнихъ. Я все это замѣтила въ немъ очень рано и знала гораздо ближе всѣхъ сторонникъ людей,которыхъ Висленевъ могъ обманывать шумомъ и діалектикой, но узнавъ и изучивъ его пороки, я все-таки никогда не думала отъ него отрекаться. Я знала что я не могу ожидать истиннаго счастія съ такимъ человѣкомъ который чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе научался и привыкалъ относиться съ непростительнымъ легкомысленнымъ неуваженіемъ ко всему къ чему человѣку внушается почтеніе самою его натурой. Я видѣла что мы съ нимъ не можемъ составить пары людей которые могли бы восполнять другъ друга и служить одинъ другому опорой въ неудачахъ и несчастіяхъ. Мы ко всему относились розно, начиная съ нашихъ ближайшихъ родныхъ и кончая родиной. Но тѣмъ не менѣе я любила этого несчастнаго молодаго человѣка и не только готовилась, но и хотѣла быть его женой, въ чемъ свидѣтельствуюсь Богомъ, которому видима моя совѣсть. Я назначала мою жизнь на то чтобы беречь его отъ его печальныхъ увлеченій; я знала что во мнѣ есть своя доля твердости и терпѣнія, съ которыми можно взяться преодолѣть шероховатости довольно дурной натуры. Но, увы! у того о комъ я говорю не было никакой натуры. Это былъ первый видимый мною человѣкъ довольно распространеннаго нынче типа несчастныхъ людей, считающихъ необходимостью быть причисленными къ чему-нибудь новому, модному и не заключающихъ сами въ себѣ ничего. Это люди у которыхъ безпокойное воображеніе одолѣло умъ и замѣнило чувства. Помочь имъ, удерживать ихъ и регулировать нельзя: они уносятся какъ дымъ, таютъ какъ облако, выскальзаютъ какъ мокрое мыло. Женщинѣ нельзя быть ни ихъ подругой, ни искать въ нихъ опоры, а для меня было необходимо и то и другое; я всегда любила и уважала семью. Висленевъ окончилъ курсъ, пріѣхалъ домой, поступилъ на службу и медлилъ на мнѣ жениться, я не знаю почему. Я полагаю что я ему въ то время разонравилась за мою простоту, которую онъ счелъ за безсодержательность,—я имѣю основаніе такъ думать потому что онъ не упускалъ случая отзываться съ

ироніей, а иногда и прямо съ презрѣніемъ о женщинахъ такого простаго образа мыслей каковъ былъ мой, и такихъ скромныхъ намѣреній каковы были мои, возникшія въ семьѣ простой и честной, дружной, любящей, но въ самомъ дѣлѣ можетъ-быть черезчуръ неинтересной. Его идеаломъ въ то время были женщины другаго, мнѣ вовсе неизвѣстнаго, но и незавиднаго для меня міра. Онъ съ жаромъ говорилъ о покинутыхъ имъ въ Петербургѣ женщинахъ, презирающихъ бракъ, ненавидящихъ домашнія обязанности, издѣвающихся надъ любовью, вѣрностью и ревностью, не переносящихъ родственныхъ связей, говорящихъ только „о вопросахъ“ и занятыхъ общественнымъ трудомъ, школами и обновленіемъ свѣта на необыкновенныхъ началахъ. Мнѣ все это представлялось очень смутно: я Петербурга никогда не видала, о жизни петербургской знала только по наслышкѣ да изъ книгъ, но я знала что если есть такія женщины которыми бредилъ Висленевъ, то именно въ средѣ ихъ только и можетъ быть отыскана та или тѣ которыя могли бы слиться съ нимъ во что-нибудь гармоническое. Я обдумала это, и найдя что я ему по всему не пара, что я ему скорѣе ломѣха, чѣмъ помощница, рѣшила предоставить наши отношенія судьбѣ и времени. Не скажу чтобъ это мнѣ было особенно тяжко, потому что любовь моя къ нему въ это время была уже сильно поколеблена и притуплена холоднымъ резонерствомъ, которымъ онъ обдавалъ мои горячіе порывы къ нему въ письмахъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ однажды что по его мнѣнію, „истинна только та любовь которая не захватываетъ предметъ своей привязанности въ исключительное обладаніе себѣ, но предоставляетъ ему всю ширь счастья въ свободѣ“. Послѣ этихъ словъ, которыя я поняла во всей ихъ безнатурности и цинизмѣ, со мною произошло нѣчто странное: они возбудили во мнѣ чувство... неодолимой гадливости,—человѣкъ этотъ точно отпалъ отъ моего сердца и уже болѣе никогда къ нему не приближался, хотя тѣмъ не менѣе я бы все-таки пошла за него замужъ, потому что я его безмѣрно жалѣла. Но Богъ рѣшилъ иначе, Онъ судилъ мнѣ другую долю и въ ней иныя испытанія.

„Вращаясь въ кружкѣ тревожныхъ и безпристальныхъ людей, Висленевъ попалъ въ исторію, которую тогда называли политическою, хотя я убѣждена что ее не слѣдовало такъ называть, потому что это была не болѣе какъ ребяческая глупость, и по замыслу, и по способамъ осуществленія, но къ сожалѣнію, къ этому относились съ серіозностью, для которой безъ всякаго труда можно бы указать очень много гораздо лучшихъ и достойнѣйшихъ назначеній. Іосафъ Висленевъ былъ взятъ, и въ бумагахъ его былъ отысканъ дерзостнѣйшій планъ, за который автора по справедливости можно было бы посадить, если не въ сумашедшій, то въ смирительный домъ, но что всего хуже, при этомъ планѣ былъ длинный списокъ лицъ имѣвшихъ неосторожность довѣряться моему легкомысленному жениху. Мой отецъ былъ возмущенъ этимъ до глу-

бины души, и въ то время какъ Іосафъ Висленевъ, въ качествѣ политическаго арестанта, пользовался въ городѣ почти общимъ сочувствіемъ, у насъ въ домѣ его строго осуждали, и я признавала эти осужденія правильными.

„Легкомысленность, составляющая недостатокъ человѣка пока онъ вредитъ ею только самому себѣ, становится тяжкимъ преступленіемъ, когда за нее страждутъ другіе. Таково было мнѣніе моего умнаго и честнаго отца, таковы же были и мои убѣжденія, и потому мы къ этому отнеслись иначе чѣмъ многіе.

„Дѣло Висленева было въ нашихъ глазахъ ничтожно по его несбыточности, но онъ конечно долженъ былъ знать что его будутъ судить не по несбыточности, а по достоинству его намѣреній, и несмотря на то, онъ игралъ не только репутаціей, но даже судьбой лицъ имѣвшихъ необдуманность раздѣлять его вѣтреные планы и неосторожность ввѣрить ему свои имена. Онъ погибалъ не одинъ, но предавалъ съ собою другихъ такихъ же какъ онъ молодыхъ людей, въ которыхъ гибли лучшія надежды несчастныхъ отцовъ, матерей, сестеръ и мнѣ подобныхъ невѣстъ. Отецъ мой пользовался нѣкоторымъ довѣріемъ и расположеніемъ генерала Синтянина, который жилъ съ нами на одномъ дворѣ и сватался однажды ко мнѣ, во время видимаго охлажденія ко мнѣ Висленева, но получилъ отказъ. Дѣло во многомъ отъ него зависѣло. Я это знала и... мнѣ вдругъ пришла мысль... но, впрочемъ, буду разказывать по порядку.

„Былъ страшный, вѣчно живой и незабвенный для меня вечеръ, когда мы, вскорѣ послѣ ареста Висленева, говорили съ моимъ отцомъ объ этомъ дѣлѣ. Солидный и честный отецъ мой былъ очень взволнованъ, онъ не запрещалъ мнѣ и теперь выдти за Висленева, но онъ не скрывалъ что не хотѣлъ бы этого. Онъ говорилъ что это человѣкъ съ преступнымъ, ничего не щадящимъ легкомысліемъ, и я въ глубинѣ души съ нимъ согласилась что женщинѣ нечего дѣлать съ такимъ человѣкомъ. Можетъ-быть это было нѣсколько преувеличено, но вѣчная безнатурность Висленева, сквозь которую, какъ копье сквозь тѣнь, проникали всѣ просьбы, убѣжденія и уроки прошлаго, внушала мнѣ чувство страшной безнадежности. Еслибъ онъ былъ подверженъ самымъ грубымъ страстямъ и порокамъ, я бы ихъ такъ не страшилась: еслибъ онъ былъ жестокъ, я бы надѣялась смягчить его; еслибъ онъ былъ корыстолюбивъ, я бы уповала подавить въ немъ эту страсть; еслибъ онъ имѣлъ позорныя пристрастія къ вину или къ картамъ, я бы старалась заставить его ихъ возненавидѣть; еслибъ онъ былъ развратенъ, я бы надѣялась устыдить его; но у него не было брошено якоря ни во что̀; онъ тянулся за вѣяніями, его сфера была разладъ, его натура была безнатурность, его характеръ былъ безхарактерность. Его могло пересоздать одно: большое горе, способное вдругъ поднять со дна его души давно недѣйствующія силы. Вся жизнь моя явилась предо мной какъ бы въ одной чашѣ, которую я должна

была или бережно донести и вылить на положенномъ мѣстѣ, или расплескать по сорному пути. Я вдругъ перестала быть дѣвушкой жившею въ своихъ мечтахъ и думахъ и почувствовала себя женщиной которой нѣчто дано и съ которой, по вѣрѣ моей, нѣчто спросится за гробомъ. (Я всегда вѣрила и вѣрую въ Бога просто, какъ велитъ церковь и благословляю Провидѣніе за эту вѣру). Внутренній голосъ отвѣчалъ за меня отцу моему что мнѣ нельзя быть женой Висленева. Внутренній же голосъ (я не могу думать иначе), изъ устъ моего отца, сказалъ мнѣ путь которымъ я должна была идти, чтобы чѣмънибудь облегчить судьбу того котораго я все-таки жалѣла.

„Отецъ благословлялъ меня на страданія ради избавленія несчастныхъ выданныхъ моимъ женихомъ. Это было такъ. Онъ сказалъ: „Не я научу тебя покинуть человѣка въ несчастіи, ты можешь идти за Висленевымъ, но этимъ ты не спасешь его совѣсти и людей которые ради его гибнутъ. Если ты жалѣешь его — пожалѣй ихъ; если ты женщина и христіанка, поди спаси ихъ, и я... не стану тебя удерживать: я самъ, моими старыми руками, благословлю тебя, и скрой это, и Богъ тебя тогда благословитъ.“

„Отецъ не зналъ въ какія роковыя минуты нравственной борьбы онъ говорилъ мнѣ эти слова, или онъ зналъ болѣе чѣмъ дано знать нашему чувственному вѣдѣнію. Онъ рисовалъ мнѣ картину бѣдствій и отчаянія семействъ тѣхъ кого губилъ Висленевъ, и эта картина во всемъ ея ужасѣ огненными чертами налечатлѣлась въ душѣ моей; сердце мое преисполнилось сжимающей жалости, какой я никогда ни къ кому не ощущала до этой минуты, жалости предъ которою я сама и собственная жизнь моя не стоили въ моихъ глазахъ никакого вниманія, и жажда дѣла, жажда спасенія этихъ людей заклокотала въ душѣ моей съ такою силой, что я цѣлыя сутки не могла имѣть никакихъ другихъ думъ кромѣ одной: спасти людей ради ихъ самихъ, ради тѣхъ кому они дороги и ради его, совѣсть котораго когда-нибудь будетъ пробуждена къ тяжелому отвѣту. Въ душѣ моей я чувствовала Бога: я никогда не была такъ счастлива, какъ въ эти вѣчно памятныя мнѣ минуты и уже не могла позволить совершиться грозившему несчастію, не употребивъ всѣхъ силъ отвратить его. Тогда я впервые почувствовала что на мой счетъ заблуждались всѣ, считая меня спокойною и самообладающею; тутъ я увидала что въ глубинѣ моей души есть лава, которой мнѣ не сдержать, если она вскипитъ и расколышется. Я должна была идти спасать ихъ, чужихъ мнѣ по убѣжденіямъ и вовсе мнѣ незнакомыхъ людей: въ этомъ мнѣ показалось *мое призваніе*. Онъ самъ въ своихъ разговорахъ не разъ указывалъ мнѣ путь къ такому служенію, онъ говорилъ о женщинахъ которыя готовы были отдавать себя самихъ за избранное ими дѣло, а теперь средства къ такому служенію были въ моихъ рукахъ. Я уже сказала что генералъ Синтянинъ, нынѣшній мужъ мой, отъ котораго зависѣло все, или по крайней мѣрѣ очень многое для этихъ

несчастныхъ, искалъ руки моей, и послѣ моего отказа въ ней, мстилъ отцу моему. Я была очень недурна собою: мою голову срисовывали художники для своихъ картинъ; извѣстный скульпторъ, проѣздомъ чрезъ нашъ городъ, упросилъ моего отца дозволить ему слѣпить мою руку. Я была очень стройна, свѣжа, имѣла превосходный цвѣтъ лица, веселые большія голубые глаза и свѣтло-золотистые волосы, доходившіе до моихъ колѣнъ. Души моей генералъ не зналъ, и я понимала что я противъ воли моей внушала ему только одну страсть. Это было ужасно, но я рѣшила воспользоваться этимъ чтобы совершить мой подвигъ. (Я называю его подвигомъ потому что генералъ Синтянинъ внушалъ мнѣ не только отвращеніе, которое можетъ быть понятно лишь женщинѣ, но онъ возбуждалъ во мнѣ ужасъ, раздѣлявшійся въ то время всѣми знавшими этого человѣка. Онъ былъ вдовъ, и смерть жены его, по общей молвѣ, лежала на его совѣсти.) Молодая душа моя возмущалась при одной мысли соединить жизнь мою съ жизнью этого человѣка, но я на это рѣшилась... Предо мной стоялъ Христосъ съ Его великой жертвой и смятенія мои улеглись. Я много молилась о дарованіи мнѣ силы, и она была мнѣ ниспослана.

„Утромъ одного дня, отстоявъ раннюю обѣдню въ одинокомъ храмѣ, я вошла въ домъ генерала, и тутъ со мною случилось даже нѣчто чудесное. Чуть я отворила дверь, вся моя робость и всѣ сомнѣнія мои исчезли; въ груди моей забилось сто сердецъ, я чувствовала какъ множество незримыхъ рукъ подхватили меня и несли, какъ бы пригибая и сглаживая подъ ногами моими ступени лѣстницы которою я всходила. Экзальтація моя достигала высочайшей степени; я дѣйствительно ощущала что меня поддерживаютъ и мною руководятъ извнѣ какія-то невидимыя силы. Ни моя молодость и неопытность, ни прямота моей натуры и большое мое довѣріе къ людямъ, ничто не позволяло мнѣ разчитывать что я поведу дѣло такъ ловко какъ я повела его. Когда я перечитываю библейскую повѣсть о подвигѣ жены изъ Витуліи, мнѣ конечно странно ставить себя, тогдашнюю маленькую дѣвочку, возлѣ этой библейской красавицы въ парчѣ и виссонѣ, но я, какъ и она, не забыла даже одѣться къ лицу. Не забываю никакихъ мелочей изъ моихъ экзальтацій этого дня: мнѣ всегда шло все черное, и я приняла это въ разчетъ: я была въ черномъ мериносовомъ платьѣ и черной шляпкѣ, которая оттѣняла мои свѣтлорусые волосы и давала мнѣ видъ очень краснваго ребенка, но ребенка настойчиваго, своенравнаго и твердаго, не съ дѣтскою силой.

„Я приступила къ дѣлу прямо. Оставшись наединѣ съ Синтянинымъ, я предложила ему купить мое согласіе на бракъ съ нимъ добрымъ дѣломъ, которое заключалось въ облегченіи судьбы Висленева и его участниковъ. Я отдавала все что было у меня, всю жизнь мою, съ обѣтомъ не нарушить слова и вѣрною дойти до гроба; но я требовала многаго, и я теперь еще не знаю почему я безъ всякихъ опытныхъ совѣтовъ требовала тогда имен-

по того самаго что̀ было нужно. Я повторяю что тамъ была не я: въ моей груди кипѣла сотня жизней и билось сто сердецъ, вокругъ меня кишилъ какой-то рой чего-то страннаго, меня учили говорить, меня сажали, поднимали, шептали въ уши мнѣ какія-то слова, и въ этомъ чудномъ хаосѣ была однако стройность, благодаря которой я все уладила. Остановить дѣло было невозможно, это уже было не во власти Синтянина, но я хотѣла чтобы поступки и характеръ Висленева получили свое настоящее опредѣленіе, чтобъ источникомъ его безразсудныхъ дѣлъ было признано его легкомысліе, а не злонамѣренность, и чтобы мнѣ были вручены и при мнѣ уничто̀жены важнѣйшія изъ компрометтировавшихъ его писемъ, а, главное, списки лицъ писанные его рукой. Я не уступала изъ этого ничего; я вела торгъ съ тактомъ, который не перестаетъ изумлять меня и понынѣ. Я была тверда, осторожна и неуступчива, и я выторговала все. Мнѣ помогали моя тогдашняя миловидность и свѣжесть и оригинальность моего положенія, сдѣлавшая на Синтянина очень сильное впечатлѣніе. Ему именно хотѣлось купить себѣ жену, и онъ купилъ у меня мою руку тою цѣной какой я хотѣла: любуясь мною, онъ далъ мнѣ самой выбрать изъ груды взятыхъ у Висленева бумагъ все что̀ я признавала наиболѣе компрометтирующимъ его и другихъ, и я въ этомъ случаѣ снова обнаружила опытность и осторожность, которую не знаю чему приписать. Все это было сожжено.... но сожжено вмѣстѣ съ моею свободой и счастьемъ, которыя я спалила на этомъ огнѣ.

„Я дала слово Синтянину выйти за него замужъ, и сдержала это слово: въ тотъ день когда было получено свѣдѣніе объ облегченіи участи Висленева, я была обвѣнчана съ генераломъ, при всеобщемъ удивленіи города и даже самихъ моихъ добрыхъ родителей. Это былъ мой первый опытъ скрыть отъ всѣхъ настоящую причину того что̀ я сдѣлала по побужденіямъ можетъ-быть слишкомъ восторженнымъ и пожалуй для кого-нибудь и смѣшнымъ, но надѣюсь во всякомъ случаѣ не предосудительнымъ и чистымъ. Принесла ли я этимъ пользу и поступила ли осмотрительно и честно, пусть объ этомъ судитъ Богъ и тѣ люди которымъ жизнь моя будетъ извѣстна во всей ея истинѣ, какъ я ее нынче исповѣдую, помышляя день смертный и день страшнаго суда, на которомъ обнажатся всѣ совѣсти и обнаружатся всѣ помышленія. Я поступала по разумѣнію моему и неотразимому влеченію тѣхъ чувствъ которымъ я повиновалась. Долго размышлять мнѣ было некогда, а совѣтоваться не съ кѣмъ, и я спасла какъ умѣла и какъ могла людей мнѣ чуждыхъ. Болѣе я не скажу ничего въ мое оправданіе, и пусть всеблагой Богъ да проститъ всѣмъ злословящимъ меня людямъ ихъ клеветы, которыми они осыпали меня, изъясняя поступокъ мой побужденіями суетности и корыстолюбія.

„Случай устроившій странную судьбу мою быть-можетъ совершенно исключительный, но полоса смятеній на Руси еще

далеко не пропила: она можетъ-быть только едва въ началѣ, и къ тому времени когда эти строки мои могутъ попасть въ руки молодой русской дѣвушки, готовящейся быть подругой и матерью, для нея могутъ предстать другія искушенія, могутъ потребоваться иныя жертвы, болѣе серіозныя и тягостныя, чѣмъ моя скромная и безвѣстная жертва: такой дѣвушкѣ я хотѣла бы сказать два слова, ободряющія и укрѣпляющія силой моего примѣра. Я хочу сказать что страшныхъ и непереносимыхъ жертвъ нѣтъ, когда несешь ихъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Несмотря на тяжелый во многихъ отношеніяхъ путь, на который я ступила, я никогда не чувствовала себя на немъ несчастною свыше моихъ силъ. Въ пожертвованіи себя благу другихъ, есть такое неописанное счастіе, которое даритъ спокойствіе среди всѣхъ нравственныхъ пытокъ и мученій. А каждое усиліе надъ собою даетъ душѣ новыя силы, которымъ наконецъ самъ удивляешься. Пусть мнѣ въ этомъ повѣрятъ. Я опытомъ убѣждена и свидѣтельствую что человѣкъ разъ твердо и непреклонно рѣшившійся восторжествовать надъ своею земною природой и ея слабостями, получаетъ неожиданную помощь оттуда откуда онъ ждалъ ея, и помощь эта бываетъ велика и могуча, и при ней душа крѣпнетъ и закаляется до того что ей уже нѣтъ страховъ и смятеній. Жизнь моя прошла не безъ тревогъ. Я отдала мужу моему все что̀ могла отдать по договору, но не могла отдать того чего у меня для него не было; я всегда была вѣрна ему, всегда заботилась о домѣ, о его дочери и его собственномъ покоѣ, но я никогда не любила его и, къ сожалѣнію, я не всегда могла скрыть это. Настолько душа и воля всегда оказывались безвластными надъ моею натурой. Въ первые годы моего замужества, это было поводомъ къ большимъ непріятностямъ и сценамъ, изъ которыхъ одна угрожала трагическою развязкой. Мужъ, приписывая мою къ нему холодность другому чувству, угрожалъ застрѣлить меня. Это было зимой, вечеромъ, мы были одни при запертыхъ окнахъ и дверяхъ, спастись мнѣ было невозможно, да я впрочемъ и сама не захотѣла спасаться. Жизнь никогда не казалась мнѣ особенно дорогою и милою, а тогда она потеряла для меня всякую цѣну, и я встрѣтила бы смерть какъ высочайшее благо. Желаніе окончить съ моимъ существованіемъ минутами было во мнѣ такъ сильно что я даже рада была бы смерти, и потому, когда мужъ хотѣлъ убить меня, я, не укрощая его бѣшенства, скрестила на груди руки и стала предъ пистолетомъ, который онъ взялъ въ своемъ азартѣ. Но въ это мгновеніе изъ двери вырвалась моя глухонѣмая падчерица Вѣра, и заслонивъ грудь мою своею головой, издала столь страшный и непонятный звукъ что отецъ ея выронилъ изъ рукъ пистолетъ, и упавъ предо мною на колѣни, началъ просить меня о прощеніи. Съ тѣхъ поръ я свободна отъ всякихъ упрековъ и не встрѣчала ничего за что̀ могла бы жаловаться на судьбу мою. Я любима людьми которыхъ люблю сама; я пользуюсь не только пол-

нымъ довѣріемъ, но и полнымъ уваженіемъ моего мужа, и несмотря на клеветы насчетъ причинъ моего выхода за Синтянина, теперь я почти счастлива.... Я была бы почти счастлива, совершая долгъ свой, еслибы... я могла *уважать* моего мужа. Людскія укоризны меня порой тяготятъ, но не надолго. Поэтъ говоритъ: „кто все перевѣдалъ, тотъ все людямъ простилъ.“ Живя на свѣтѣ, я убѣдилась что я была не права, считая безнатурнымъ одного Висленева; предо мною вскрылись съ этой же стороны очень много людей, за которыхъ мнѣ приходилось краснѣть. Все надо простить, все надо простить, иначе нельзя найти мира со своею совѣстью. Тайны моей не знаетъ никто, кромѣ моего мужа, но къ разгадкѣ ея нѣсколько приближались мать Висленева и другъ мой Катерина Форова: онѣ рѣшили что я вышла замужъ за Синтянина изъза того чтобы спасти Висленева!... Бѣдныя друзья мои! Онѣ считаютъ это возможнымъ и онѣ думаютъ что я могла бы это сдѣлать! Онѣ полагаютъ что я не поняла бы что такою жертвой нельзя спасти человѣка, если онъ дѣйствительно любитъ и любилъ, а напротивъ можно только погубить его и уронить себя! Нѣтъ, еслибы дѣло шло о немъ одномъ, я скорѣе бы понесла за нимъ его арестантскую суму, но не разбила бы его сердца! Какая Сибирь и какая каторга можетъ сравниться съ горемъ измѣны? Какія муки тяжелѣе и ужаснѣе нестерпимыхъ мученій ревности? Я знаю эту змѣю.... Нѣтъ! Я отдала себя за людей которыхъ я никогда не знала и которые никогда не узнаютъ о моемъ бѣдномъ существованіи. Висленеву не принадлежитъ болѣе ни одной капли моей любви: я полна къ нему только одного сожалѣнія, какъ къ падшему человѣку. Онъ не любилъ меня, *онъ уступалъ меня свободѣ*, и я потеряла любовь къ нему за это оскорбленіе! Эта уступка меня моей свободѣ вычеркнула его изъ моего сердца, разъ и навсегда и безъ возврата. Скажу болѣе: ревность мужа я вспоминаю гораздо спокойнѣе, чѣмъ эту постыдную любовь. Я чувствую и знаю что я могла снести всѣ оскорбленія лично мнѣ, но не могла стерпѣть оскорбленій моего чувства. Это дѣло выше моихъ силъ. Затѣмъ обязательства вѣрности моему мужу я несу и, конечно, донесу до гроба ненарушимыми, хотя судьбѣ было угодно и здѣсь послать мнѣ тяжкое испытаніе: я встрѣтила человѣка достойнаго самой нѣжной привязанности и.... противъ всѣхъ моихъ усилій, я давно люблю его. Это случилось, повторяю, противъ моей воли, моихъ желаній и усилій не питать къ нему ничего исключительнаго, но.... Богъ милосердъ: онъ любитъ другую, годы мои уже уходятъ, и я усерднѣе всѣхъ помогаю любви его къ другой женщинѣ. Все нарушеніе обѣта даннаго мною моему мужу заключается въ одномъ, и я этого не скрою: во мнѣ.... съ той роковой поры какъ я люблю.... живетъ неодолимое упованіе что этотъ человѣкъ будетъ мой, а я его.... Я гоню отъ себя эту мысль, но она какъ тѣнь моя со мной неразлучна, но я дѣлаю все чтобъ ей не было возлѣ ме-

ня мѣста. О томъ что я люблю его онъ не знаетъ ничего и никогда ничего не узнаетъ."

Въ эту минуту Вѣра во снѣ разсмѣялась, и за стѣной какъ бы снова послышался шорохъ.

Александра Ивановна вздрогнула, но тотчасъ же оправилась, подписала свое писанье, запечатала его въ большой конвертъ и надписала:

„Духовный отецъ мой, священникъ Евангелъ Минервинъ, возьметъ этотъ конвертъ къ себѣ и вскроетъ его при друзьяхъ моихъ послѣ моей смерти и послѣ смерти моего мужа."

Окончивъ эту надпись, Синтянина заперла конвертъ въ ящикъ, и облокотясь на коммодъ, стала у него и задумалась.

XVI. Ходитъ сонъ и дрема говоритъ.

Луна уже блекла и синѣла, наступала предразсвѣтная пора, былъ второй часъ за полночь. Лампа на столѣ выгорѣла и стухла. Синтянина все стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ.

„Все это кончится, думала она, онъ женится на Лорѣ, и тогда".... Она задрожала, и хрустнувъ хладѣющими руками, прошептала: „О Боже, Боже! И еще я же сама должна этому помогать.... но вѣдь я тоже человѣкъ, въ моей душѣ тоже есть ревность, есть эти страшные порывы къ жизни. Неужто мало я страдала? Неужто.... О, нѣтъ! Избавь, избавь меня отъ этого, Создатель! Пускай когда я сплю, мнѣ и во снѣ не снится счастье. Все кончено! Зачѣмъ, эти тревоги? Я жизнь свою сожгла и лучше мнѣ забыть о всемъ что̀ думалось прошедшею порой. Чего мнѣ ждать? Ко мнѣ не можетъ прилетѣть ужь вѣстникъ радости, или онъ будетъ.... вѣстникъ смерти. Его я жду и встрѣчу и уйду за нимъ.... Туда гдѣ ангелы, гдѣ мученица Флора."

И въ умѣ Александры Ивановны потянулась долгая, тупая лауза, онъ словно уснулъ, свободный отъ всѣхъ треволненій; память, уставъ работать, легла какъ занавѣсъ сокрывшій отъ зрителя опустѣлую сцену, и возобладавшій духъ ея унесся, и виталъ въ безмятежныхъ сферахъ. Это прекрасное, легкое состояніе, ниспосылаемое какъ бы въ ослабу душѣ, длилось долго: свѣжій вѣтеръ предосенняго утра плылъ ровнымъ потокомъ въ окно и ласково шевелилъ распущенною косой Синтяниной, цѣловалъ ея чистыя щеки и убаюкивалъ ее ти-

химъ свистомъ, проходя сквозь лазы растворенной рамы. Природа дышала. И вотъ вздохъ одинъ глубже другаго: рама встряхнулась на петляхъ, задрожало стекло, словно кому-то тѣсно, словно кто-то спѣшитъ на свиданье, вотъ даже кто-то ворвался, вотъ сзади Синтяниной послышался электрическій трескъ и за спиной у нея что-то блеснуло и все освѣтилось свѣтлоголубымъ пламенемъ.

Александра Ивановна обернулась и увидала что на полу, возлѣ шлейфа ея платья, горѣла спичка.

Генеральша сообразила что она вѣрно зажгла спичку, наступивъ на нее, и быстро отбросила ее отъ себя дальше ногой; но чуть лишь блеснулъ на полетѣ этотъ слабый огонь, она съ ужасомъ ясно увидѣла очень странную вещь: скрытый портретъ Флоры, съ выколотыми глазами, тихо спускался изъ подъ кутавшей его занавѣсы и качаясь съ угла на уголъ, шелъ къ ней....

— Нѣтъ, Флора, не надо, не надо, уйди! вскрикнула Синтянина, быстро кинувшись въ испугѣ въ противоположный уголъ и тотчасъ же сама устыдилась своего страха и крика.

„Можетъ-быть ничего этого и не было и мнѣ только показалось, а я между тѣмъ подняла такой шумъ!“ подумала она, оправляясь.

Но между тѣмъ должно-быть что-то было, потому что въ спальнѣ снова послышалось чорканье спички, и два удара косточкой тонкаго пальчика по столу возвѣстили что Вѣра не спитъ.

Александра Ивановна обратилась и увидѣла трепещущій свѣтъ. Вѣра сидѣла въ постели и зажигала спичкой свѣчу.

— Не она ли и минуту тому назадъ зажгла и бросила спичку? Я, забывшись, могла и не слыхать этого, но... Господи! портретъ дѣйствительно стоитъ предъ столомъ! Онъ дѣйствительно сошелъ со стѣны и... *онъ шолъ*, но остановился!

Синтянина остолбенѣла и не трогалась.

Вѣра взяла въ руки портретъ и позвала мачиху.

— Зачѣмъ ты ее такъ оскорбила? спросила она своими знаками генеральшу. — Это не хорошо, смотри она тобой теперь огорчена.

Александра Иванова вздрогнула, сдѣлала два шага къ Вѣрѣ и торопливо озираясь, сказала рукой:—Куда ты заставляешь меня смотрѣть?

— Назадъ.

— Чего?.. Кто тамъ? скажи мнѣ: я робѣю...

— Гляди!.. Она оскорблена... Зачѣмъ ее бояться?

— Не лугай меня, Вѣра! Я сегодня больна! Я никого не оскорбила!

Но дѣвочка все острѣй и острѣй глядѣла въ одну точку и не обращала вниманія на послѣднія мачихины слова.

— Гляди, гляди! показывала она, ведя пальцемъ руки по воздуху.

— Ахъ, отстань, Вѣра!... Не лугай!...

— Я не лугаю.... Она здѣсь... ты тихо, тихо стой... вотъ, вотъ... не трогайся... не шевелись... она идетъ къ тебѣ... она возлѣ тебя...

— Оставь, прошу тебя оставь, шептала генеральша, растерявшись и стыня отъ внезалнаго охватившаго ее холоднаго тока.

— Какая добрая! продолжала сообщать Вѣра, и вдругъ задыхаясь, схватила мачиху за руку и сказала:

— Бери, бери скорѣй... она тебѣ даетъ... Ахъ, ты, неловкая!.. теперь упало!

И въ это же мгновеніе по полу дѣйствительно что-то стукнуло и покатилось.

Александра Ивановна оглянулась вокругъ и не видѣла ничего что̀ бы могло причинить этотъ стукъ, но Вѣра скользнула подъ столъ, и Синтянина ощутила на пальцѣ своей опущенной руки холодное кольцо.

Она подняла руку: да; ей это не казалось,—это было дѣйствительно настоящее кольцо, ровное, простое золотое кольцо.

Изумленію ея не было мѣры. Она торопливо взяла это кольцо и посмотрѣла внутрь: видно было что здѣсь когда-то была вырѣзана надпись, но потомъ сцаралана ножомъ и тщательно затерта.

— Откуда же оно взялось?

Вѣра тихо указала ей пальцемъ на уголъ протертаго полотна въ портретѣ: тутъ теперь была прорѣха и съ испода значокъ отъ долго здѣсь лежавшаго кольца.

Синтянина пожала плечами и глядя на Вѣру, которая вѣшала на мѣсто портретъ, безотчетно опять надѣла себѣ на палецъ кольцо.

— Второй разъ поздравляю тебя! сказала, прыгнувъ ей на шею, Вѣра и поцѣловала мачиху въ лобъ.

Александра Ивановна замахала руками и хотѣла сбросить

кольцо; но Вѣра ее остановила за руку и погрозила пальцемъ.

— Это нельзя! сказала она:—этого никакъ нельзя! никакъ нельзя!

И съ этимъ дѣвочка погасила свѣчу, чему Синтянина была впрочемъ несказанно рада, потому что щеки ея алѣли предательскимъ, яркимъ румянцемъ, и она была такъ сконфужена и взволнована что не въ силахъ была сдѣлать ничего иного, какъ добрести до кровати и улавъ головой на подушки, заплакала слезами безпричинными, безотчетными, въ которыхъ и радость, и горе были смѣшаны вмѣстѣ, и вмѣстѣ лились на свободу.

— Нѣтъ; тутъ вокругъ насъ гнѣздятся какія-то чары, думала она засыпая. Въ мою жизнь... мѣшается кто-то такой про кого не снилось земнымъ мудрецамъ... или я мѣшаюсь въ умѣ! О, ангелъ мой! О, страдалица Флора: молись за меня ты! Зачѣмъ еще мнѣ жить... жить хочется!

— И надо.

Молодая женщина вздрогнула и накрыла голову подушкой, чтобы ничего не слыхать.

А сонъ все ходитъ вокругъ, и дрема все ползетъ подъ подушку и шепчетъ: „жить надо! непремѣнно надо!“

Коварный сонъ, ехидная дрема!

XVII. Чорный день.

Утро освѣтило Александру Ивановну во снѣ, продлившемся гораздо долѣе обыкновеннаго. Она спала сладко, дышала полно, уста ея улыбались и щеки горѣли яркимъ румянцемъ. Въ такомъ положеніи застала ее Вѣра, вставшая по обыкновенію своему очень рано и къ этой порѣ уже возвратившаяся съ своей далекой утренней прогулки. Она подошла къ мачихѣ, посмотрѣла на нее, и поставивъ у изголовья генеральши стаканъ молока, провела по ея горячей щекѣ свѣжею, озерною лиліей. Холодный, густой и клейкій сокъ выбѣжалъ изъ чашки цвѣтка и крупными, тяжелыми какъ ртуть каплями скатился по гладкой кожѣ.

Синтянина открыла глаза и увидавъ улыбающееся лицо падчерицы, сама отвѣчала ей ласковою улыбкой.

— Ты хорошо спала, сказала ей своею ручною азбукой дѣвушка.—Вставай, пора; довольно спать, пора проснуться.

Синтянина оперлась на локоть и заглянувъ чрезъ дверь на залитую солнцемъ залу, вдругъ безпричинно встревожилась.

Она еще разъ посмотрѣла на Вѣру, еще разъ взглянула на солнечный свѣтъ, и они оба показались ей страшными: въ косыхъ лучахъ солнца было что-то зловѣщее, въ нихъ какъ будто что-то млѣло и тряслось.

Бываетъ такой странный свѣтъ: онъ гонитъ прочь покой нервозныхъ душъ и наполняетъ тяжкими предчувствіями душу.

Спокойное и даже пріятное расположеніе духа, которымъ Александра Ивановна наслаждалась во снѣ, мгновенно ее оставило и замѣнилось тревожною тоской.

Она умылась, убрала наскоро голову и сѣла къ поданному ей стакану молока, но только-что подвела его ко рту, какъ глаза ея остановились на кольцѣ и сердце вдругъ упало и замерло.

Необыкновеннаго ничего не было: она только вспомнила про кольцо, которое ей такъ странно досталось, да въ эту же секунду калитка стукнула немножко громче обыкновеннаго. Болѣе ничего не было, но Александра Ивановна встревожилась, толкнула отъ себя стаканъ и бросилась бѣгомъ къ окну.

По двору шла Форова: но какъ она шла, и въ какомъ представилась она видѣ? Измятая шляпка ея была на боку, платье на груди застегнуто наперекось, въ одной рукѣ длинная, сухая, вѣтвистая хворостина, другою локтемъ она прижимала къ себѣ худой коленкоровый зонтикъ и тащила за собою, рукавами внизъ, свое рыжее драповое пальто.

Она шла скоро, какъ летѣла, и вела по окнамъ острыми глазами.

— О, Боже мой! воскликнула при этомъ видѣ Синтянина и растворивъ съ розмаху окно, закричала:—Что сдѣлалось... несчастіе?

— Гибель, а не простое несчастіе! проговорила на бѣгу, дрожащими губами, Форова.

— О, говори скорѣй и сразу! крикнула, рванувшись на встрѣчу къ ней, Синтянина:—Скорѣй, скорѣй и сразу!

— Подозеровъ убитъ! отвѣчала Катерина Астаѳьевна, бросая въ сторону свою хворостину, зонтикъ и пальто, и сама падая въ кресло.

Генеральша взвизгнула, взялась за сердце, и отыскавъ дрожащею рукой спинку стула, тихо на него сѣла. Она была блѣдна какъ платъ и смотрѣла въ глаза Форовой. Катерина

Астаѳьевна, тяжело дыша, сидѣла предъ нею съ лицомъ покрытымъ пылью и полузавѣшаннымъ прядями сѣдыхъ волосъ.

— Что жь дальше? Говори: я знаю за что это и я все снесу! шептала генеральша.

— Дай мнѣ скорѣй воды, я умираю жаждой.

Синтянина ей подала воды и приняла назадъ изъ рукъ ея пустой стаканъ.

— Твой мужъ....

— Ну да, ну что жь мой мужъ?... Скорѣй, скорѣй!

— Ударъ, и пуля въ старой ранѣ опустилась книзу.

Стаканъ упалъ изъ рукъ Синтяниной и покатился по полу.

— Оба! проговорила она и, обхвативъ голову руками, заплакала.

— Какъ былъ убитъ Подозеровъ и... что это такое, заговорила, кряхтя и съ остановками, Форова,—я этого не знаю... Ни отъ кого нельзя... добиться толку.

— Дуэль! Я такъ и думала, прошептала генеральша,—я это чувствовала, но.... меня обманули.

— Нѣтъ... Форовъ... говоритъ убійство... Весь городъ... мечется... бѣжитъ туда... А твой Иванъ Демьянычъ... всталъ нынче утромъ... былъ здоровъ и... вдругъ пакетъ изъ Петербурга.... ему совѣтуютъ подать въ отставку!

— Ну, ну же, Бога ради!

— За несмотрѣніе.... за слабость.... за моего Форова съ отцомъ Евангеломъ.... будто они гордановскихъ мужиковъ мутили. Иванъ Демьянычъ какъ прочиталъ.... такъ и покатился безъ языка.

— Скорѣй же ѣдемъ! и Александра Ивановна, накинувъ на себя сѣрый суконный платокъ, схватила за руку Вѣру и бросилась къ двери.

Форова едва плелась и не поспѣвала за нею.

— Ты на чемъ пріѣхала сюда? оборотилась къ ней Синтянина.

— Все на твоей же лошади и.... въ твоей же карафашкѣ.

— Такъ ѣдемъ.

И Александра Ивановна, выбѣжавъ за ворота, вспрыгнула въ телѣжку, втянула за собой Форову и Вѣру, и повернувъ лошадь, погнала вскачь къ городу.

Дорогой никто изъ нихъ не говорилъ другъ съ другомъ ни о чемъ, но переѣхавъ бродъ, Катерина Астаѳьевна вдругъ вскрикнула благимъ матомъ и потянулась въ бокъ съ телѣжки.

Синтянина едва удержала ее за руку и тутъ увидала что въ нѣсколькихъ шагахъ предъ ними, на тряскихъ извощичьихъ дрожкахъ, ѣхалъ майоръ Форовъ въ сопровожденіи обнимавшаго его квартальнаго.

— Мой Форовъ! Форовъ! неистово закричала Катерина Астаѳьевна, между тѣмъ какъ Синтянина опять пустила лошадь въ скачъ, а Фелитеръ Ивановичъ вырвалъ у своего извощика возжи и осадилъ коня, задравъ ему голову до самой дуги.

XVIII. Форовъ дѣлается Макаромъ, на котораго сыпятся шишки.

Коренастый майоръ не только по виду былъ совершенно спокоенъ, но его и въ самомъ дѣлѣ ничто не безпокоило; онъ былъ въ томъ же своемъ партикулярномъ сюртукѣ безъ одной пуговицы; въ той же черной шелковой, до верху застегнутой жилеткѣ; въ военной фуражкѣ съ кокардой и съ толстою крученою папироской.

— Торочка моя! Тора! Чего ты, глупая баба, плачешь? заговорилъ онъ самымъ задушевнымъ голосомъ, оборотясь на дрожкахъ къ женѣ.

— Куда?... Куда тебя везутъ?

— Куда? А чортъ ихъ знаетъ, по началству, пошутилъ онъ по обыкновенію выпуская букву ъ въ словѣ „начальство“.

— Поди сюда скорѣй ко мнѣ! Поди, мой Форовъ!

— Сейчасъ, отвѣтилъ майоръ, и съ этимъ повернулся помедвѣжьи на дрожкахъ.

Полицейскій его остановилъ и сказалъ что этого нельзя.

— Чего нельзя? огрызнулся майоръ.—Вы еще не знаете что̀ я хочу дѣлать, а ужь говорите нельзя. Учитесь прежде разуму, а послѣ говорите!

И съ этимъ онъ спрыгнулъ съ извощика и подбѣжалъ къ женѣ.

— Чего ты, моя дурочка, перепугалась? Пустое дѣло: спросъ и больше ничего.... Я скоро ворочусь.... и башмаки тебѣ принесу.

Катерина Астаѳьевна ничего не могла проговорить и только манила его къ себѣ ближе и ближе, и когда майоръ придвинулся къ ней и сталъ на колесо телѣжки ногой, она обняла лѣвою рукой его голову, а правою схватила его руку,

прижала ее къ своимъ запекшимся губамъ и вдругъ логнулась и упала совсѣмъ на его сторону.

— Вотъ еще горе! Ей сдѣлалось дурно! Фу, какая гадость! сказалъ майоръ Синтяниной, и оборотясь къ квартальному, проговорилъ гораздо громче: — Прошу васъ дать воды моей женѣ, ей дурно!

— Я не обязанъ.

— Что? крикнулъ азартно Форовъ,—вы врете! Вы обязаны дать больному помощь! и тотчасъ же оборотясь къ двумъ проходящимъ солдатамъ, сказалъ:—Ребята скачите въ первый дворъ и вынесите скорѣй стаканъ воды: съ майоршей обморокъ!

Солдатики оба бросились бѣгомъ и скоро возвратились съ ковшомъ воды.

Синтянина стала мочить Катеринѣ Астаѳьевнѣ голову и прыскать ей лицо, а майоръ снова обратился къ квартальному, который въ это время сошелъ съ дрожекъ и стоялъ у него за спиной.

— Васъ бы надо по-старому поучить вашимъ обязанностямъ.

— Я васъ прошу садиться и ѣхать со мной, настаивалъ квартальный.

— А я не поѣду, пока не провожу жену и не увижу ея дома, мой домъ отсюда въ двухъ шагахъ.

Занятая Форовой, Синтянина не замѣчала что предъ нею разгоралась опасная сцена, способная пріумножить вины майора. Она обратила на это вниманіе уже тогда когда увидала Фелитера Ивановича впереди своей лошади, которую майоръ тянулъ подъ-устцы къ воротамъ своего дома, между тѣмъ какъ квартальный заступалъ ему дорогу.

Вокругъ уже была толпа зрителей всякаго сорта.

— Прочь! кричалъ Форовъ. Не выводите меня изъ терпѣнья. Законъ больныхъ щадитъ, и государственнымъ преступникамъ теперь разрѣшаютъ быть при больной женѣ.

— Васъ вице-губернаторъ ждетъ, напиралъ на него квартальный, начиная касаться его руки.

— Пусть чортъ бы ждалъ меня, не только вашъ вице-губернаторъ. Я не оставлю среди улицы мою жену, когда она больна.

— А я вамъ не позволю, и квартальный, ободряемый массой свидѣтелей, взялъ Форова за руку.

Майоръ побѣлѣлъ и гаркнулъ: прочь! такимъ яростнымъ голосомъ что народъ отступилъ.

— Отойдите прочь!... Не троньте меня!

Квартальный держалъ за руку Форова и озирался, но въ это мгновеніе черный рукавъ майорскаго сюртука неожиданно описалъ полукругъ, и квартальный пошатнулся и отлетѣлъ на пять шаговъ отъ нанесеннаго ему удара.

Квартальный крикнулъ и кинулся въ толпу, которая въ свою очередь шарахнулась отъ него и захохотала.

Уличная сцена окрашивалась въ свои вѣковѣчныя грязныя краски, но къ счастію генеральши, занятая безчувственною Форовой, она не все здѣсь видѣла и еще того менѣе понимала.

Освободясь отъ полицейскаго, майоръ сдѣлалъ знакъ Александрѣ Ивановнѣ чтобъ она крѣпче держала его больную жену, а самъ тихо и осторожно подвелъ лошадь къ воротамъ своего дома, который дѣйствительно былъ всего въ двадцати шагахъ отъ мѣста свалки!

Ворота Форовскаго дома не отворялись: они были забиты наглухо, и во дворъ было невозможно въѣхать. Катерину Астаѳьевну приходилось снесть на рукахъ, и Форовъ исполнилъ это вмѣстѣ съ тѣми же двумя солдатами которые прислужились ему водой.

Тихо, осторожно и ловко, съ опытностію людей переносившихъ раненыхъ, они внесли недышащую Катерину Астаѳьевну въ ея спальню и положили на кровать.

Синтянина была въ большомъ затрудненіи, и затрудненіе ея съ каждою минутой все возрастало, потому что съ каждою минутой опасность увеличивалась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ она хотѣла бы быть и куда влекъ ее ея прямой долгъ, но Форова была бездыханна, и при ея кипучей душѣ и не знающихъ удержу нервахъ, ей грозила большая опасность.

Генеральша скрѣпя сердце ринулась къ больной, разстегнула ей платье и стала тереть ей уксусомъ лобъ, виски, грудь, а въ это же время скороговоркой разспрашивала Форова о происшедшемъ.

— За что̀ они дрались?

— Ну, это все послѣ, послѣ, отвѣчалъ майоръ.

— Но во всякомъ случаѣ это была дуэль?

— Нѣтъ; не дуэль—убійство!

— Прошу̀васъ говорить яснѣй.

— Это было убійство... самое подлое, самое предательское убійство.

— Но кто же убилъ?

— Мерзавцы! Развѣ вы не видите кто на все способенъ? вѣдь за все бездѣльники берутся, даже ужь въ спириты лѣзутъ: нѣтъ ни отъ чего отказа, и изъ всего выходятъ цѣлы.

— Подозеровъ наповалъ убитъ?

— Пулей въ грудь, подъ пятое ребро, на вылетъ въ спину, но полчаса тому назадъ, когда я отъ него вышелъ, онъ еще дышалъ.

Синтянина благодарно перекрестилась.

— Но все равно, махнулъ рукой майоръ,—рана мертвая!

— И онъ теперь одинъ?

— Нѣтъ, тамъ осталась Лариса.

— Лариса тамъ? Что же съ нею, бѣдной?

Форовъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Что съ ней?.. Рветъ волосы, реветъ и, стоя на колѣнахъ въ ногахъ его постели, мѣшаетъ фельдшеру.

— А Гордановъ?

— Раненъ въ пятку.

— Да время ль теперь для шутокъ, Фелитеръ Иванычъ?

— Я не шучу-съ. Гордановъ раненъ въ пятку.

— Значитъ Подозеровъ стрѣлялъ?

— Ни мало.

Майоръ оглянулся и, увидавъ у двери снова появившагося квартальнаго, прошепталъ на ухо генеральшѣ:

— Эту пулю ему, подлецу, я засадилъ.

— Господи! что жь это такое у васъ было?

— Ну, что это было? Ничего не было. Послѣ узнаете: видите вонъ птаха квартаха торчитъ и слушаетъ, а вотъ и слава Богу, Горочка оживаетъ! молвилъ онъ, замѣтивъ дрожаніе вѣкъ у жены.

— Это была бойня! простонала, едва открывая свои глаза, Форова.

— Ну, Горочка, я и въ походъ.... заторопился майоръ и поцѣловалъ женину руку.

Катерина Астаѳьевна смотрѣла на него безъ всякаго выраженія.

— И я, и я тебя оставлю, Катя, рванулась Синтянина.

— Иди.... но.... попроси.... ты за него.... Ты генеральша.... тебя всѣ примутъ....

— Ничего не надо, отказался Форовъ.

И они съ Синтянной вышли.

— Меня арестуютъ, заговорилъ онъ идучи по двору,—дуэль,

плевать, три пятницы молока не ѣсть; а вы.... знайте-съ что попъ Евангелъ уже арестованъ, и мы смутьяны.... въ бунтѣ виноваты.... Такъ вы, когда будетъ можно.... позаботьтесь о ней.... о Торочкѣ.

— Ахъ, Боже! разомъ столько требующихъ заботъ что не знаешь куда обернуться! Но не падайте же и вы духомъ, Фелитеръ Иванычъ!

— Изъ-за чего же? вѣдь два раза не повѣсятъ.

— Все Богъ устроитъ; а теперь молитесь Ему о крѣпости душевной.

— Да зачѣмъ Его и безпокоить такою малостью? Я исполнилъ свой долгъ, сдѣлалъ что̀ мнѣ слѣдовало сдѣлать, и буду крѣпокъ....—А вонъ, глядите-ка! воскликнулъ онъ въ калиткѣ, увидя нѣсколькихъ полицейскихъ, несшихся взадъ и впередъ на извощикахъ. — Все курьеры, курьеры, сорокъ пять тысячъ курьеровъ; а когда подлецы втихомолку мутятъ да каверзятъ, тогда ни одного протоканальи нигдѣ не видать.... Садись! заключилъ онъ, грубо крикнувъ на квартальнаго.

Но квартальный оборотился къ Синтянинои съ просьбой быть свидѣтельницей что Форовъ его ударилъ.

— Ахъ, идите вы себѣ пожалуста! Какое мнѣ до васъ дѣло, отвѣчала, вспрыгнувъ въ телѣжку, Синтянина, и горя нетерпѣніемъ, шибко поѣхала къ своему дому.

— А ты, любезный, значитъ не знаешь китайскаго правила: „чинъ чина почитай“? Ты смѣешь просить генеральшу? Такъ вотъ же тебѣ за это наука!

И съ этимъ Форовъ сѣлъ самъ на дрожки, а квартальнаго поставилъ въ ноги между собой и извощикомъ и повезъ его, утѣшая что онъ такъ всѣмъ гораздо виднѣе и приглядиѣе.

Обгоняя Синтянину, Форовъ кивнулъ ей весело фуражкой.

— Ахъ, твори Богъ Свою волю! прошелтала генеральша, глядя вслѣдъ удалявшемуся Форову и еще нетерпѣливѣе погоняя лошадь къ дому.

XIX. Нѣсколько строкъ для объясненія дѣла.

Положеніе дѣлъ нашей исторіи, дозволяющее заключить эту часть романа разказанными событіями, можетъ возбудить въ комъ-нибудь изъ нашихъ читателей желаніе немедленно знать нѣсколько болѣе чѣмъ сколько подневольное положеніе майора Форова дозволило ему открыть генеральшѣ Синтяниной.

Какъ изъ дуэли вышла совсѣмъ не дуэль, а убійство, и почему Форовъ стрѣлялъ Горданову, какъ онъ выразился, въ пятку?

Мы имѣемъ возможность удовлетворить этому желанію, не рискуя такимъ образомъ предупредить событія въ предстоящемъ имъ развитіи, и слѣшимъ служить этою возможностію лицамъ заинтересованнымъ судьбой нашихъ героевъ.

Послѣ того какъ Фелитеръ Ивановичъ Форовъ разставилъ дуэлистовъ на мѣстѣ, и педантически исполняя всѣ обычаи поединка, еще разъ предложилъ имъ примириться, ни Гордановъ, ни Подозеровъ не отвѣтили ему ни слова.

— За что̀ я долженъ принять ваше молчаніе? освѣдомился Форовъ.

— Пусть онъ проситъ прощенья, отвѣчалъ Гордановъ хладнокровно, цѣля въ одинокую бѣлую березку.

— Я васъ прошу, распоряжайтесь скорѣй стрѣлять! проговорилъ едва слышно Подозеровъ.

Форовъ ничего инаго и не ожидалъ.

— Извольте же готовиться! сказалъ онъ громко, и сдѣлавъ шагъ къ Подозерову, шепнулъ: куражъ, куражъ! и стойте больше правымъ бокомъ.... Глядите, онъ каналья какъ стоитъ. Ну, защити Богъ праваго!

Подозеровъ молча кивалъ въ знакъ согласія головой, но онъ ничего не слыхалъ. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ. Онъ припоминалъ *ее* какою *она* вчера была въ осинникѣ и.... покраснѣлъ отъ мысли что она его любитъ.

— Неужто это такъ?... но кажется.... да.

Умирать съ *такою* увѣренностью въ любви *такой* женщины какъ генеральша и умирать въ высочайшую минуту когда это счастіе только-что сознано и ничѣмъ не омрачено — это казалось Подозерову благодатью, незаслуженно заключающей всю его жизнь прекрасной страницей.

Онъ послалъ благословеніе ей за эту смерть; вспомнилъ о Богѣ, но не послалъ Ему ни просьбъ, ни воздыханія и началъ обѣими руками поднимать пистолетъ, наводя его на Горданова какъ пушку.

Такой пріемъ съ оружіемъ не обѣщалъ ничего добраго дуэлисту, и Форовъ это понималъ, но дѣлать было ужь нечего, останавливаться было не время, да и Андрей Иванычъ, очевидно, не могъ быть инымъ, какимъ онъ былъ теперь.

— Извольте же! возгласилъ еще разъ Форовъ, и оглянув-

шись на высматривавшаго изъ-за куста Висленева, сталъ немного въ сторонѣ, на половинѣ разстоянія между поединщиками. — Я буду говорить теперь вамъ: разъ, и два, и три, и вы по слову „*три*“ каждый спустите курокъ.

— Ладно, отвѣчалъ, надвинувъ на лобъ козырекъ фуражки, Гордановъ.

Подозеровъ молчалъ и держалъ свою пушку предъ противникомъ, повидимому, не желая глядѣть ему въ лицо.

— Теперь я начинаю, молвилъ майоръ, и точно фотографъ снимающій шапочку съ камерной трубы, далъ шагъ назадъ, и выдвинувъ впередъ руку съ синимъ бумажнымъ платкомъ, громко и протяжно скомандовалъ: р-а-зъ, д-в-а и.... Выстрѣлъ грянулъ.

Пистолетъ Горданова дымился, а Подозеровъ лежалъ навзничь и трепеталъ какъ крылами трепещетъ подстрѣленная птица.

— Подлецъ? заревѣлъ ошеломленный маіоръ: я говорилъ что тебѣ быть отъ меня битымъ! и онъ однимъ прыжкомъ достигнувъ Горданова, ударилъ его по щекѣ такъ что тотъ зашатался. Секундантъ трусъ! Ставьте на мѣсто убійцу, выстрѣлъ убитаго теперь мой!

И съ этимъ маіоръ подбѣжалъ къ лежащему на землѣ Подозерову, и схватилъ его пистолетъ, но Горданова уже не было на мѣстѣ: онъ и Висленевъ бѣжали рядомъ по полянѣ.

— А! такъ вотъ вы какъ! презрѣнная мразь! воскликнулъ майоръ и выстрѣлилъ. Бѣглецы оба упали: Гордановъ отъ раны въ пятку, а Висленевъ за компанію отъ страха.

Черезъ минуту они впрочемъ также оба вмѣстѣ встали, и Висленевъ, подставивъ свое плечо подъ мышку Горданова, обнялъ его и потащилъ къ оставленному подъ горой извощику.

Форовъ остался одинъ надъ Подозеровымъ, который слабо хрипѣлъ и у котораго при каждомъ незамѣтномъ вздохѣ выступало на жилетѣ все болѣе и болѣе крови.

Маіоръ разстегнулъ жилетъ Андрея Ивановича, нащупалъ кое-какъ рану и воткнувъ въ нее комъ грубой корпіи, припасенной имъ про всякій случай въ карманѣ, бросился самъ на дорогу.

Невдалекѣ онъ заарестовалъ бабу ѣхавшую въ городъ съ возомъ молодой капусты, и давъ этой ничего не понимавшей и управшейся бабѣ нѣсколько толчковъ, насильно привелъ ея лошадь къ тому мѣсту гдѣ лежалъ безчувственный Подозеровъ.

Здѣсь майоръ, не обращая вниманія на кулаки и вопли женщины, сбросилъ половину кочней на землю, а изъ остальныхъ устроилъ нѣчто въ родѣ постели, и поднявъ тяжело раненаго или убитаго на свои руки, уложилъ его на возъ, далъ бабѣ рубль, и Подозерова повезли.

Майоръ во все время пути стоялъ на возу на колѣняхъ и держалъ голову Подозерова, помертвѣлое лицо котораго начинало отливать синевой, несмотря на ярко освѣщавшее его солнце.

Этотъ восьмиверстный переѣздъ на возу, который чуть волокла управляемая бабой крестьянская кляча, показался Форову за большой путь. Съ сѣдой головы майора обильно катились на его загорѣлое лицо капли пота, и смѣшиваясь съ пылью, ползли по его щекамъ грязными потоками. Толстое, коренастое тѣло Форова давило на его согнутыя колѣна, и ноги его ныли, руки отекали, а поясницу ломило и гнуло. Но всего труднѣе было переносить пожилому майору то что совершалось въ его головѣ.

„Какая мерзость! Нѣтъ-съ; какая неслыханная мерзость!“ думалъ онъ. „Какая каторжная, наглая смѣлость и какой разчетъ! Онъ шелъ убить человѣка при двухъ свидѣтеляхъ и не боялся, да и нечего ему было бояться. Чѣмъ я докажу что онъ убилъ его какъ злодѣй, а не по правиламъ дуэли? Да первый же Висленевъ скажетъ что я вру! А къ этому же всему еще эта чортова ложь, будто я съ Евангеломъ возмущалъ его крестьянъ. Какой я свидѣтель? Мнѣ никто не повѣритъ!“

При этомъ майоръ началъ дѣлать непривычныя и всегда противныя ему юридическія соображенія, которыя не слагались и путались въ его головѣ.

„Поведенія я неодобрительна́го,“ высчитывалъ майоръ: „извѣстно всѣмъ что я принимаю на нутро, ненавижу приказныхъ, часто грублю разному начальству, стремлюсь, по общему выраженію, къ осуществленію несбыточныхъ мечтаній и въ Бога не вѣрую.... То-есть чортъ меня знаетъ что̀ я такое! Что̀ тутъ возьмешь съ такою аттестаціей? Всякій судъ меня засудитъ!... И надѣяться не на что̀. Развѣ на Бога, какъ надѣется моя жена. Да; вѣдь истинно болѣе не на кого! Свидѣтели! — да кто же, какой чортъ велитъ подлецу, задумавши гадость, непремѣнно сдѣлать ее при свидѣтеляхъ? Нѣтъ; это даже страшно во что̀ нынче обернулись эти господа: предусмотрительны, разчетливы, холодны... Неуязвимы ничѣмъ! Въ

спириты идутъ; въ попы пойдутъ... въ монахи пойдутъ. Отчего же не пойдутъ? пойдутъ. Это ужь начинается іезуитство. Въ шпіоны пойдутъ... Въ шпіоны!.. Да кто же взаправду Гордановъ? О, о-о! Нѣтъ, видно правъ полъ Евангелъ, если Богъ Саваоѳъ за насъ сверху не вступится, такъ мы міръ удивимъ своею подлостію!

И съ этими-то мыслями майоръ въѣхалъ на возу въ городъ; достигъ, окруженный толпой любопытныхъ, до квартиры Подозерова; снесъ и уложилъ его въ постель и послалъ за женой, которая, какъ мы помнимъ, осталась въ эту ночь у Ларисы. Затѣмъ Форовъ хотѣлъ сходить домой, чтобы смѣнить причинявшее ему зудъ пропыленное бѣлье, но былъ взятъ.

Гордановъ былъ гораздо счастливѣе. Онъ былъ увѣренъ что убилъ Подозерова и исходъ дѣла предвидѣлъ тотъ же какой мерещился и Форову, но съ тою разницей что для Горданова этотъ исходъ былъ не позоромъ, а торжествомъ.

Павелъ Николаевичъ лежалъ на мягкомъ матрасѣ, въ блестящемъ серебристомъ бѣльѣ; перевязка его позорной раны въ ногу не причинила ему ни малѣйшей боли и разстройства, и онъ обрызганный тонкими духами, глядѣлъ себѣ на розовые ногти и видѣлъ ясно вблизи желанный край своихъ стремленій.

Подъ подушкой у него было письмо княгини Казиміры, которая звала его въ Петербургъ чтобы „сдѣлать большое дѣло“.

Бодростинъ былъ поставленъ своими друзьями какъ пашка на конъ, да притомъ и вмѣстѣ съ самою Бодростиной: княгиня Казиміра вносила совсѣмъ новый элементъ въ жизнь!

— Гм! гм! однако у меня теперь ужь слишкомъ большой выборъ! утѣшался Гордановъ и разстилалъ предъ собою большой замыселъ, которому все доселѣ бывшее дожно служить не болѣе какъ перелюдіей.

Начавъ ползкомъ, какъ котъ, подкрадываться къ цѣли, Гордановъ чувствовалъ ужь теперь въ своихъ когтяхъ хвосты тѣхъ птицъ въ которыхъ хотѣлъ впиться. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо окрѣпло въ немъ убѣжденіе что въ нашемъ обществѣ все прощено и все дозволено безстыдной наглости и лицемѣріемъ прикрытому пороку.

Ошибался или не ошибался въ этомъ Гордановъ—читатели увидятъ изъ слѣдующей части нашего романа.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Н. ЛѢСКОВЪ.

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ

САНИТАРНОМЪ ОТНОШЕНІИ

I.

Важность описанія обѣихъ столицъ нашего государства въ санитарномъ отношеніи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Оба эти города притягиваютъ къ себѣ такую массу населенія, расходящагося лотомъ по дальнимъ угламъ Россіи, что ихъ справедливо можно назвать центрами народной жизни, а хожденіе туда и обратно—ея кругооборотомъ. Чему научается народъ въ столицахъ и сколько зарабатываетъ онъ въ нихъ, предоставляемъ рѣшать другимъ, мы же займемся только вопросомъ насколько онъ здоровѣетъ или хилѣетъ черезъ это временное пребываніе въ громадныхъ и многолюдныхъ городахъ. Непредусмотрительность человѣческая и легкомысліе большинства отодвинули всѣ подобнаго рода задачи въ кругъ тѣсной спеціальности; между тѣмъ, все это вопросы чисто общественные и даже государственные: лотому что, напримѣръ, санитарное благоустройство Москвы и Петербурга или какого другаго притягательнаго центра важно не столько для самихъ этихъ городовъ, сколько для цѣлой Россіи. Изъ столицъ, какъ радіусы изъ центра, расходится бо́льшая часть эпидемій; тутъ же онѣ находятъ для себя и наибольшее число жертвъ. Будучи наконецъ средоточіями умственной жизни, столицы наши своею здоровостію или нездоровостію вліяютъ и на такъ-называемую интеллигенцію; лотому что здѣсь вѣдь зрѣютъ глав-

нымъ образомъ плоды нашей цивилизаціи—литературные, научные и всяческіе.

Проводить параллель между Москвой и Петербургомъ въ какомъ бы то ни были отношеніи, не новость. Россія, раздвоившись въ своей общественной организаціи на два центра, невольно заставляла многихъ прибѣгать къ сличенію. Мы будемъ проводить нашу параллель безъ всякой предвзятой идеи, а съ тою только цѣлію чтобы путемъ сличенія объяснить лучше смыслъ собранныхъ нами фактовъ и сдѣланныхъ наблюденій. А тамъ какіе изъ того послѣдуютъ выводы—печальные или веселые, мы не отвѣчаемъ: факты и цифры говорятъ сами за себя.

II.

Прежде всего позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности относительно мѣстоположенія нашихъ столицъ, на сколько оно имѣетъ значеніе въ санитарномъ отношеніи. Если взглянуть на геологическую карту Россіи, то всякій удивитъ что Москва лежитъ на днѣ огромной котловины, которая замыкается со всѣхъ сторонъ возвышеніями. Котловина впрочемъ такъ обширна что съ сѣверо-запада и запада края ея доходятъ до Валдайскихъ горъ, а съ юга и юго-запада до Орловской возвышенности. Глубина Московской котловины равняется приблизительно 500 футамъ; самое дно, на которомъ стоитъ Москва, приподнято надъ уровнемъ океана почти на такую же высоту (550 ф.). Городъ расположенъ на мѣстности слегка холмистой и совершенно осушенной отъ болотъ. Болота встрѣчаются только въ глубинѣ сосновыхъ рощъ, которыми Москва значительно окружена; вредное дѣйствіе ихъ поэтому недостижимо до жителей. Легкая же холмистость города дѣйствуетъ вдвойне полезно: вопервыхъ, упражняя грудь пѣшеходовъ, а вовторыхъ, способствуя естественному стоку нечистотъ. Холмистое положеніе города вообще здорово; Титъ Ливій называетъ построеніе Рима на холмахъ божественнымъ вдохновеніемъ.

Совершенно другое представляетъ намъ въ этомъ отношеніи Петербургъ. Онъ лежитъ почти въ уровень съ моремъ (10 ф.), оно поэтому и грозитъ ему столь часто. Площадь на которой онъ расположенъ ровна и открыта. Кругомъ болота, которыя впрочемъ осушаются, а частію и сами высыхаютъ по мѣрѣ истребленія лѣсовъ. Самый грунтъ города толокъ; но

мостовыя, которыми онъ почти сплошь покрытъ, ослабляютъ вредное вліяніе грунта; прежде, вѣроятно, дѣйствіе его на здоровье было убійственно. Хорошо устроенныя мостовыя, подобно плотно сдѣланнымъ поламъ, много вообще способствуютъ къ сохраненію здоровья. Необходимо только чтобы камень, изъ котораго настилается мостовая, былъ достаточно плотенъ; иначе же плохо приходится и груди и глазамъ. Въ Тулѣ, благодаря рыхлости известняка и недостаточному мощенію, пыль до того иногда переполняетъ воздухъ что деревья покрываются сѣроватымъ налетомъ; это же отчасти бываетъ и въ тощихъ скверахъ Петербурга.Ровность его мѣстоположенія также не можетъ быть названа моментомъ благопріятствующимъ для здоровья. Естественныхъ стоковъ нигдѣ нѣтъ. Все что̀ падаетъ изъ атмосферы или выбрасывается на улицы, такъ и остается; издержки по содержанію города поэтому должны быть чрезвычайны. Ровность мѣстоположенія кромѣ того мало развиваетъ грудь, и тѣмъ болѣе что значительная часть жителей, проходя по гладкимъ улицамъ, должны потомъ взбираться высоко. Петербургскія лѣстницы въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ подобно крутымъ горамъ, съ тою только разницей что воздухъ на горахъ чище. Стѣсненный болотами, Петербургъ невольно долженъ выситься вверхъ; строить этажи надъ этажами, лѣстницы надъ лѣстницами. Всѣ такимъ образомъ живутъ какъ бы на горахъ, а между тѣмъ горъ нѣтъ.

Изъ этого уже одного приступа къ описанію видно какое обширное поле для санитарной дѣятельности открываетъ наша юная столица. Что̀ въ Москвѣ дается природой и обычаемъ, за то въ Петербургѣ должны бороться положительныя науки. Но сила этихъ наукъ велика̀, а потому отчаяваться нечего.

III.

Болотисто-низменная мѣстность Петербурга и котловинное положеніе Москвы, при неодинаковыхъ градусахъ широты й долготы, должны конечно прежде всего отражаться на климатѣ Москва, какъ сказано, окружена, хоть и на далекомъ разстояніи, горами; а горы всегда болѣе или менѣе защищаютъ мѣстность отъ вліянія вѣтровъ: сила ихъ, встрѣчая возвышеніе, дробится и ослабѣваетъ. И дѣйствительно, мѣстными наблю-

дателями замѣчено что въ то время когда напримѣръ въ городѣ Вереѣ, который лежитъ выше, наблюдались бури, въ Москвѣ было тихо или очень слабый вѣтеръ. Итакъ, большаго простора вѣтрамъ и мятелямъ въ котловинѣ московской быть не можетъ: но не можетъ быть также и сильнаго застоя воздушныхъ теченій, — такъ какъ горизонтальное движеніе воздуха или восходящіе токи отъ нагрѣванія въ углубленныхъ пространствахъ должны быть сильнѣе. Обширная Московская котловина въ этомъ отношеніи похожа на котловину Владимірскую, гдѣ * происходитъ довольно замѣтное уравниваніе климата, условливающее тамъ развитіе садоводства. Въ Московской губерніи, гораздо менѣе надѣленной водами, это уравниваніе менѣе замѣтно; но все-таки суточная измѣняемость температуры здѣсь менѣе напримѣръ чѣмъ въ Рязани или Калугѣ. Какихъ-нибудь періодическихъ, постоянно дующихъ вѣтровъ въ Москвѣ тоже не замѣчается.

Совершенно другое представляетъ Петербургъ. Будучи расположенъ на мѣстѣ ровномъ и не защищенномъ никакими возвышеніями, онъ открытъ для всѣхъ вѣтровъ. Берутъ однако перевесъ вѣтры періодическіе или береговые—бризы. Днемъ, когда поверхность земли нагрѣвается сильнѣе, тянетъ обыкновенно съ моря, а ночью, когда земля остываетъ сравнительно съ моремъ, идетъ воздушный токъ съ материка. Это чередованіе восточныхъ или ночныхъ, и западныхъ или дневныхъ вѣтровъ, какъ ни мало оно замѣтно для простаго наблюдателя, должно имѣть самое рѣшительное вліяніе на петербургскій климатъ; черезъ это, безъ сомнѣнія, увеличивается разность между дневною и ночною теплотой, такъ какъ ночью проходитъ надъ городомъ токъ холодныхъ восточныхъ вѣтровъ.

Не можетъ также не оказывать вліянія на развитіе вѣтровъ въ Петербургѣ близость Ладожскаго озера, которое считается однимъ изъ самыхъ бурныхъ, и тѣмъ болѣе что озеро это соединяется съ Петербургомъ и моремъ широкою Невой. Весной, нерѣдко южный берегъ Ладожскаго озера, отъ сильныхъ бурь, покрывается льдомъ; ледъ носится до глубокаго лѣта по водѣ. Результатомъ всего этого оказывается то что безвѣтріе

---

* См. статью нашу *О народномъ здравіи* въ первой книжкѣ *Бесѣды*.

въ Петербургѣ сравнительно рѣдко: изъ 100 наблюденій 25, * значитъ ¾ года приблизительно дуетъ болѣе или менѣе сильный вѣтеръ. Въ Смоленскѣ, который лежитъ на высотѣ 800 футовъ и славится вѣтряностію своего климата, тихая погода стоитъ только немногимъ рѣже чѣмъ въ Петербургѣ — изъ 100 наблюденій 20 совершеннаго безвѣтрія.

Какъ велико количество совершенно тихихъ и безвѣтряныхъ дней въ Москвѣ, у г. Веселовскаго не показано ни за одинъ годъ; а потому чтобы получить понятіе о степени тихости или вѣтряности погоды московской, не на основаніи только общихъ соображеній, обратимся къ другимъ источникамъ. Возмемъ для этого хоть метеорологическія таблицы г. Вейнберга за одинъ изъ послѣднихъ годовъ (1869). * Въ таблицахъ этихъ очень точно означено какая именно была сила вѣтра каждый день въ году утромъ, пополудни и вечеромъ. Сосчитывая для наглядности въ общій итогъ весь годичный рядъ наблюденій, мы получаемъ что изъ 1.095 наблюденій надъ вѣтромъ, сдѣланныхъ въ Константиновской метеорологической обсерваторіи, 341 разъ было замѣчено безвѣтріе, 680 разъ слабый вѣтеръ, 61 разъ умѣренный и только 13 разъ сильный. Переводя это на процентное отношеніе, какъ это сдѣлано у г. Веселовскаго, мы узнаемъ что наблюденій когда было совершенное безвѣтріе въ Москвѣ 31 на 100 или иначе выражаясь 31%; въ Петербургѣ же, хотя впрочемъ и за другіе годы, показано г. Веселовскимъ только 25% полнаго безвѣтрія. Но особенно великъ оказывается въ Москвѣ процентъ слабо дующихъ вѣтровъ, онъ равняется именно 62%, что̀ не трудно высчитать изъ таблицъ г. Вейнберга. Между тѣмъ слабые, тихо дующіе вѣтры и дѣйствуютъ благодѣтельно на здоровье. Жалѣемъ что у насъ нѣтъ подъ рукой подобныхъ же метеорологическихъ таблицъ за 1869 годъ и для Петербурга; тогда можно было бы придти и къ еще болѣе опредѣленнымъ выводамъ. Задача наша впрочемъ заключается не въ собраніи громаднаго и сильно разрозненнаго матеріала, а въ томъ чтобы по возможности указать средства примѣнять къ санитарной наукѣ климатическія, топографическія и бытовыя данныя, пользоваться ими съ практическою цѣлью, а не сдавать только въ архивъ, какъ

---

* См. сочиненіе академика Веселовскаго *О климатѣ Россіи*. Гл. II, стр. 243.

* См. *Bulletin de la Societé Imperiale des Naturalistes de Moscou*. 1870. № 1, p. 11—37.

дѣлается у насъ. Можетъ-быть нѣкоторые наши выводы и найдутся смѣлыми; но предметъ еще не исчерпанъ и даже новъ—поправки отдѣльныхъ изслѣдованій всегда возможны. Лишь бы публика и врачи не оставались слишкомъ равнодушны къ искорененію человѣческихъ недуговъ массами и не ограничивались бы только борьбой съ ними въ раздробь.

Метеорологи впрочемъ мало обращаютъ вниманія на отношеніе числа тихихъ дней къ днямъ вѣтренымъ и бурнымъ; по крайней мѣрѣ общихъ итоговъ по одновременно сдѣланнымъ въ разныхъ мѣстахъ наблюденіямъ въ этомъ отношеніи встрѣчается очень не много. Между тѣмъ степень вѣтрености погоды имѣетъ огромное значеніе въ санитарномъ отношеніи. Римляне, какъ гласитъ одна надпись, называли вѣтры *великими распорядителями погоды*; но ихъ можно было бы назвать также и распорядителями здоровья. Даже на растеніяхъ отзывается ихъ то живительная, то разрушающая сила. Умѣренные вѣтры укрѣпляютъ фибры растеній и способствуютъ распространенію плодотворной пыли; сильные же наоборотъ, вредятъ имъ, давая одностороннее направленіе, соотвѣтствующее господствующему вѣтру, и тѣмъ задерживаютъ ростъ. Есть наконецъ вѣтры и убійственные, изсушающіе всякую органическую жизнь, какъ напримѣръ вѣтры Аравіи, Сахары и отчасти нашихъ степей. Холодные весенніе вѣтры, производящіе поздніе ночные заморозки, справедливо кѣмъ-то названы *сѣверными самумомъ*, по ихъ вредному дѣйствію на органическую жизнь. Вообще вѣтеръ въ нашемъ климатѣ вредитъ главнымъ образомъ холодомъ и сухостію—отсюда обширный источникъ климатическихъ или остропростудныхъ болѣзней.

На какое же время года падаютъ преимущественно вѣтры дующіе въ Москвѣ и Петербургѣ? Изъ наблюденій Спасскаго надъ климатомъ Москвы видно что самое большое число тихихъ дней приходится на зиму, Веселовскій же на основаніи своихъ выводовъ прямо говоритъ что безвѣтріе въ Петербургѣ чаще всего бываетъ лѣтомъ — обстоятельство чрезвычайно важное, потому что зимній холодъ несравненно сноснѣе при тихой погодѣ; между тѣмъ лѣтнее тепло гораздо болѣе нуждается въ провѣтриваніи атмосферы, вслѣдствіе усиленнаго разложенія или гніенія —и этого-то относительно недостаетъ въ Петербургѣ. Весна, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, есть время наиболѣе подверженное влія-

нію вѣтровъ, судя по имѣющимся у насъ наблюденіямъ; но тутъ опять выгода на сторонѣ Москвы, потому что весна, какъ показываютъ метеорологическія данныя, холоднѣе въ Петербургѣ. Причина этого весенняго пониженія температуры заключается въ финскихъ льдахъ, которые таютъ чрезвычайно медленно. Въ Ревелѣ, напримѣръ, таяніе приморскихъ льдовъ до того задерживаетъ развитіе весенней теплоты что посѣвы тамъ начинаются двумя недѣлями ложе чѣмъ въ Дерптѣ, удаленномъ отъ берега. Но въ Петербургѣ, кромѣ таянія льда въ Финскомъ заливѣ, имѣетъ еще вліяніе на климатъ двукратное покрытіе Невы льдинами — во время вскрытія и во время прохожденія льда изъ Ладожскаго озера, которое бываетъ значительно ложе. Этотъ-то избытокъ тающихъ льдовъ, при усиленномъ развитіи процессовъ броженія, обыкновенно замѣчаемомъ весной, и условливаетъ, повидимому, губительность петербургскаго климата для людей съ слабою грудью. Къ тому же вредоносное дѣйствіе петербургской весны усложняется еще тѣмъ что ночи по вскрытіи Невы и при проходѣ ладожскаго льда принимаютъ чисто полярный характеръ. Являются тѣ бѣлыя финскія ночи которыя дѣйствуютъ такъ раздражительно на нервы. Насчетъ вліянія на организмъ настоящихъ полярныхъ ночей, есть положительныя наблюденія (именъ наблюдателей ,не приномнимъ) что онѣ производятъ сильную безсонницу, малокровіе и худобу. Такъ же, вѣроятно, хоть и въ слабѣйшей степени, дѣйствуютъ и знаменитыя петербургскія ночи: во время ихъ много веселыхъ безсонницъ проводитъ гуляющій народъ. Въ Москвѣ же слятъ *очень крѣпко*.

Да не подумаютъ, впрочемъ, чтобы мы считали климатъ Петербурга положительно невыносимымъ для существованія. Нѣтъ, въ Россіи есть мѣстности гораздо болѣе дурно расположенныя въ гигіеническомъ отношеніи; таковы напримѣръ древнія татарскія заселенія: Казань и Астрахань. И намъ извѣстны положительные факты что люди не выносившіе климата Казани очень хорошо иногда чувствовали себя въ Петербургѣ. Болѣе всего терпитъ отъ Петербурга юношескій возрастъ; женщины же живутъ замѣчательно долго. Этотъ любопытный фактъ насчетъ живучести петербургскихъ дамъ и дѣвицъ открытъ и доказанъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Докторъ Архангельскій объясняетъ это тѣмъ что за нима много ухаживаютъ; такъ какъ на 100 мущинъ,

говоритъ онъ, приходится въ Петербургѣ только 72 женщины, мущины значитъ волей-неволей должны заискивать благосклонность дамъ. Но это едва ли такъ. Все это скорѣе объясняется тѣмъ что женщины, вслѣдствіе сидячей жизни, болѣе устранены отъ вліянія климата. Вообще при защитѣ здоровья хорошими квартирами и теплою одеждой, въ Петербургѣ живется сносно. Но какъ центръ по преимуществу искусственный, онъ такъ и воспитываетъ себѣ болѣе утонченныя и хрупкія организаціи. Въ воздухѣ его есть что-то наркотизирующее, возбуждающее нервы; жизнь бѣжитъ скорѣе, какъ интеллектуальная, такъ и физическая. Человѣкъ тутъ какъ бы пріучается находить себѣ пристанище даже и въ нездоровыхъ полярныхъ мѣстностяхъ. Тѣсно, видите, ему на землѣ.

IV.

Но обратимся къ научной сторонѣ вопроса. Мы еще ничего не сказали о средней температурѣ Москвы и Петербурга. По сравнительной таблицѣ г. Веселовскаго она есть слѣдующая:

	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Годъ.
Петербургъ	$6_{,11}$	$1_{,77}$	$12_{,77}$	$3_{,8}$	$3_{,0}$ (1822—53)
Москва	$7_{,17}$	$2_{,77}$	$14_{,16}$	$3_{,8}$	$3_{,4}$ (1838—63)

Итакъ, средняя годовая температура Москвы выше, хотя и не на столько на сколько можно было бы ожидать, судя по тому что она лежитъ $4^1/_2$ градусами южнѣе Петербурга; причина этому приморское положеніе послѣдняго, которое всегда умѣряетъ климатъ. Послѣднія наблюденія, обязательно доставленныя намъ завѣдующимъ Константиновскою метеорологическою обсерваторіей г. Острогорскимъ, показываютъ что климатъ въ Москвѣ сдѣлался какъ будто холоднѣе: за послѣдній девятилѣтній промежутокъ времени (1860—68) годовая температура оказалась въ 2,73°. Но такъ какъ петербургскими метеорологами, изъ болѣе чѣмъ столѣтнихъ наблюденій, доказано что среднія годовыя температуры черезъ многіе годы то повышаются, то понижаются, то и надо полагать что эта низкая температура Москвы есть явленіе временное. Замѣчательно холодный годъ въ Москвѣ былъ, по таблицамъ г. Острогорскаго, 1862 съ температурой +1,36°, а наиболѣе теплый слѣдующій за нимъ, 1863 годъ, съ температурой +4,05.

Вообще климатъ въ Москвѣ нѣсколько теплѣе чѣмъ въ Петербургѣ, хотя намъ, обыкновеннымъ наблюдателямъ, кажется на оборотъ: это зависитъ отъ того что времена года въ Москвѣ рѣзче разграничиваются; зима въ ней холоднѣе, а лѣто жарче, чѣмъ въ Петербургѣ. Переходы отъ тепла къ холоду по временамъ года и по мѣсяцамъ поэтому чувствительнѣе московскимъ жителямъ чѣмъ петербургскимъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ времена года какъ бы перемѣшиваются. Значительная часть зимы иногда бываетъ похожа на осень; зима же случается нерѣдко теплая или что̀ называется въ народѣ *сиротская*, то-есть не разоряющая на отопленіе. Осень же, наперекоръ всему, случается временами сухая и свѣтлая. Весна только бываетъ почти постоянно дурна. Но что́ особенно непріятно въ петербургскомъ климатѣ, это суточная измѣняемость погоды, вслѣдствіе которой трудно бываетъ примѣниться какъ нужно быть одѣтымъ при выходѣ на улицу. Плэды поэтому составляютъ тамъ не франтовство какъ въ Москвѣ, а настоящую необходимость.

Теперь обратимъ вниманіе на состояніе неба. Петербургское сѣрое небо вошло въ поговорку. Солнце на такое долгое время прячется за облака что дѣти даже объ этомъ плачутъ. Число солнечныхъ дней въ Петербургѣ 148 въ году, въ Москвѣ же 180 приблизительно. Количество же тумановъ въ Петербургѣ поразительно; онъ въ этомъ отношеніи превосходитъ даже Лондонъ, знаменитый своими туманами; въ Лондонѣ туманы только гуще. Число дней съ туманами, по самымъ точнымъ, хотя и давнимъ свѣдѣніямъ (В. К. Вишневскаго), въ году 131; въ Москвѣ же такихъ дней бываетъ не болѣе 25. Итакъ, болѣе чѣмъ $^1/_3$ дней въ году въ Петербургѣ болѣе или менѣе продолжительное время бываетъ туманъ. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ вліянія болотъ, и счастіе еще что городъ этотъ лежитъ подъ 60^0 сѣверной широты, и болота остаются почти полгода замерзшими, а то бы дѣйствіе ихъ было убійственное; такъ какъ туманами подымающимися съ болотъ легче всего распространяются міазмы. Но дѣйствіе туманныхъ и облачныхъ дней не ограничивается еще тѣмъ что они поддерживаютъ влажность. Заслоняя солнце, они ослабляютъ столько полезное для организма дѣйствіе дневнаго свѣта. Ясное небо должно считать однимъ изъ главнѣйшихъ признаковъ здороваго климата. На животныхъ, по

крайней мѣрѣ, доказано самымъ осязательнымъ образомъ до чего могущественно вліяніе свѣта на жизнь. Такъ В. Эдвардсъ доказалъ своими опытами надъ головастиками что отсутствіе свѣта болѣе задерживаетъ ихъ развитіе, чѣмъ даже отсутствіе воздуха. Молешоттъ же, производя опыты надъ лягушками, нашелъ что онѣ, подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта, на одну четверть болѣе освобождаютъ изъ себя угольной кислоты чѣмъ въ потьмахъ. Но когда погода была пасмурная, то дѣйствіе солнечнаго свѣта дѣлалось слабѣе, угольная кислота задерживалась сильнѣе чѣмъ въ ясную погоду. Такое же задержаніе вредныхъ газовъ бываетъ, по всей вѣроятности, и въ высшихъ организаціяхъ во время пасмурныхъ дней. Въ ясную погоду дѣйствительно дышется легче. Гумбольдтъ въ своемъ „Путешествіи по равноденственнымъ странамъ“ говоритъ что въ тѣхъ климатахъ гдѣ пагота не вредитъ здоровью, благодѣтельное вліяніе свѣта до того оказывается могущественнымъ что трудно встрѣтить даже какое-нибудь легкое безобразіе въ нѣкоторыхъ племенахъ; такъ совершенно развиваются организмы подъ вліяніемъ яркаго освѣщенія. Съ другой же стороны, гигіенистъ Буденъ допускаетъ что отсутствіе достаточнаго свѣта, въ числѣ другихъ причинъ, обусловливаетъ безобразіе мягкихъ и твердыхъ частей у дѣтей одержимыхъ золотухой. Итакъ, не въ недостаткѣ ли ясныхъ и солнечныхъ дней, особенно замѣтномъ зимой, когда все замкнуто, должно искать причины блеклости и золотушнаго тѣлосложенія дѣтей въ Петербургѣ?

Обращаясь теперь къ количеству атмосферныхъ осадковъ выпадающихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, мы встрѣчаемся съ самымъ неожиданнымъ фактомъ; дождя и снѣгу выпадаетъ подъ свѣтлымъ небомъ Москвы больше, чѣмъ въ Петербургѣ: въ Петербургѣ, по таблицамъ Купфера, количество дождей и снѣгу среднимъ числомъ за годъ равняется 17,91 дюймамъ, а въ Москвѣ, по счисленіямъ Спасскаго, 26,99. Академикъ Веселовскій находитъ послѣднюю цифру невѣроятною. Новѣйшія наблюденія, производимыя самыми точными инструментами при Константиновскомъ Межевомъ институтѣ, показываютъ однако количество дождя и снѣгу доходящимъ до 20 дюймовъ (1860—66). Значитъ можно все-таки полагать что въ Москвѣ атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ больше чѣмъ въ Петербургѣ. Въ громадномъ и почтенномъ трудѣ

г. Весловскаго встрѣчается впрочемъ фактъ вполнѣ объясняющій это противорѣчіе. Говоря о степныхъ дождяхъ (гл. III, стр. 325), онъ приводитъ цифры показывающія что число дождливыхъ дней въ Заволжьѣ вдвое менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, который не славится своею сухостію, тогда какъ въ степяхъ бываютъ постоянныя засухи. Это, говоритъ онъ, зависитъ отъ того что въ степяхъ чаще бываютъ ливни или проходные дожди, дающіе много воды и быстро потомъ исчезающіе, въ Петербургѣ же наоборотъ, чаще дожди тихіе, продолжительные, но не дающіе много воды. Не естественно ли то же предположеніе и въ отношеніи Москвы. Такихъ внезапно являющихся и проходящихъ ливней здѣсь, конечно, не бываетъ, какъ въ Заволжьѣ, но все-таки, какъ всякій можетъ замѣтить, дождь въ Москвѣ крупнѣе, а снѣгъ гуще, вмѣстѣ съ тѣмъ и градъ выпадаетъ чаще — вдвое по Кемцу и Вишневскому. А отсюда выходитъ опять важный гигіеническій моментъ. Крупные и сильные дожди болѣе проникаютъ почву, болѣе такъ-сказать ее удабриваютъ; тихіе же, хоть и продолжительные, больше наполняютъ атмосферу и покрываютъ сыростію поверхность земли. Отъ этихъ-то тихихъ, переходящихъ то въ снѣгъ, то въ туманъ дождей, и бываютъ такъ часто въ Петербургѣ тротуары мокры, воздухъ влаженъ, а одежда пѣшеходовъ пропитана влажностію. Замѣчательно что эта такъ-сказать маркость климата отражается на окрашиваніи домовъ: въ Москвѣ необыкновенное множество бѣлыхъ домовъ и вообще окрашенныхъ свѣтлыми красками; въ Петербургѣ же наоборотъ, берутъ рѣшительный перевѣсъ дома темные, идущіе въ тонъ его сѣрому небу. Даже на церквахъ и дворцахъ отразилось это въ своемъ родѣ замѣчательное вліяніе климата.

Къ утѣшенію Петербуржцевъ, слѣдуетъ впрочемъ сказать что климатъ ихъ улучшается. Тумановъ по всей вѣроятности теперь уже менѣе чѣмъ показано по приведеннымъ выше, довольно давнимъ наблюденіямъ. Что же касается до числа дождливыхъ и снѣжныхъ дней, то оно положительно уменьшилось съ тѣхъ поръ какъ стоитъ Петербургъ. По разновременнымъ и совершенно точнымъ наблюденіямъ Эйлера (1783—92 года), Вишневскаго (1823—35) и Кулфера (1837—52) число дождливыхъ и снѣжныхъ дней первымъ показано 168, вторымъ 161, а третьимъ только 131. Итакъ, небо начинаетъ улыбаться Петербургу.

Какой же общій выводъ изъ всего сказаннаго о климатѣ нашихъ столицъ? А тотъ очень простой, что климатъ Петербурга есть климатъ приморскій, а климатъ Москвы — континентальный или материковый. Этотъ простой выводъ имѣетъ однако огромное значеніе для массъ народа приходящаго на работу въ наши столичные центры. Климатъ которымъ онъ пользуется по провинціямъ почти исключительно материковый; и климатъ Москвы занимаетъ какъ бы средину между всѣми губерніями Европейской Россіи; такъ какъ она лежитъ въ срединѣ материка. Народу приходящему въ Москву нужно несравненно менѣе освоиваться съ климатическими особенностями, чѣмъ это въ Петербургѣ; послѣдній несравненно менѣе сроденъ натурамъ разныхъ Ярославцевъ, Костромичей, Владимірцевъ, искрещивающихъ Россію во время своей долгой, трудовой жизни. Въ Петербургѣ, гдѣ постоянно находится около двухъ третей наплывнаго населенія, должны быть по этому принимаемы самые серіозныя предохранительныя мѣры къ защитѣ народа отъ вредныхъ вліяній климата; иначе же разнаго рода эпидеміи не перестанутъ гнѣздиться и распространяться въ немъ.

V.

Но развѣ, скажутъ намъ, есть какія-нибудь такія средства, которыя могутъ защитить человѣка отъ роковыхъ атмосферическихъ и міазматическихъ вліяній? Есть, и они въ полной власти человѣка, хотя онъ ими и мало пользуется. Строя города и обитая въ нихъ, люди какъ бы создаютъ себѣ свой собственный климатъ, свою отдѣльную атмосферу жизни, которая разнится иногда очень отъ климата окружающихъ мѣстностей. Кому изъ жителей столицы не случалось испытывать вечеромъ, при въѣздѣ съ дачъ въ городъ, что температура, еще свѣжая по окрестностямъ, ощутительно подымается, какъ только въѣхать въ улицы, обставленныя домами и покрытыя мостовыми. Въ городѣ иногда ночью душно, по окрестностямъ же прохладно. Дома и мостовыя играютъ такимъ образомъ роль печей, отапливающихъ городъ въ жаркіе лѣтніе дни и возвышающихъ температуру зимой? Въ городѣ всегда теплѣе чѣмъ въ полѣ. И чѣмъ выше городскія зданія, тѣмъ разность эта ощутительнѣе. Въ Москвѣ дома значительно меньше и потому они менѣе нагрѣваютъ городской воздухъ, въ Петербургѣ же раз-

ность эта бываетъ иногда очень значительна. Но тамъ и внутри города температура не вездѣ держится на одной и той же высотѣ. Еще Палласъ замѣтилъ что температура ниже по берегамъ Невы, чѣмъ въ тѣсныхъ улицахъ Петербурга. Но кромѣ климата городскаго, существуетъ еще, можно сказать, *климатъ домовъ*; и этотъ-то послѣдній климатъ играетъ быть-можетъ самую важную роль въ отношеніи продолженія жизни человѣческой въ нашей холодной странѣ. Разсмотримъ же по порядку всѣ бытовыя условія изъ которыхъ слагается атмосфера жизни созданная цивилизаціей нашихъ столицъ.

VI.

Первое что̀ обрящаетъ на себя вниманіе въ бытовомъ отношеніи Москвы, это широта городскаго разселенія. По свѣдѣніямъ 1864 года, * на каждаго жителя Москвы приходится пространство болѣе нежели достаточное въ санитарномъ отношеніи. Это-то обстоятельство, вмѣстѣ съ множествомъ садовъ и пустопорожнихъ мѣстъ, и составляетъ причину относительной здоровости Москвы, въ сравненіи съ другими многолюдными городами: по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета, Москва въ отношеніи смертности уступаетъ даже нѣкоторымъ губернскимъ городамъ. Раздѣляя площадь Москвы на четыре отдѣла, наиболѣе характеризующіе санитарное состояніе каждой заселенной мѣстности, мы получимъ слѣдующее отношеніе:

Мѣстъ поросшихъ растительностію (садами и огородами)	32%
„ застроенныхъ (дома, дворцы, дворы и церкви) .	31%
„ пустопорожнихъ (улицы, площади и пустыри). .	30%
„ занятыхъ водой (пруды и рѣки)	6%

Итакъ, въ растительности, столь освѣжающей воздухъ, Москва имѣетъ полнѣйшій избытокъ, около трети всего пространства; то же и въ отношеніи мѣстъ свободныхъ отъ постройки, гдѣ воздухъ всегда чище чѣмъ во дворахъ. Разумѣется въ широтѣ этого разселенія играетъ главную роль обычай и отсутствіе всякаго искусственнаго плана построенія. Не стѣсненная никакими неосушенными пространствами, Москва разросталась концентрическими кругами: всякій строился большею

---

* См. *Указатель Москвы*. Изд. Московскаго статистическаго комитета.

частію такъ чтобы впереди имѣть широкій дворъ, а сбоку или сзади большой садъ. Садовая улица, эта красивѣйшая и длиннѣйшая изъ улицъ, въ особенности заняла много мѣста: она тянется въ видѣ круга, чуть не на пространствѣ пятнадцати верстъ, съ зеленою оградой садовъ и палисадниковъ, за которою скрываются ея дома. Бульвары, которыми такъ богата Москва, тоже составляютъ очень важное гигіеническое условіе.

Совершенно другое въ этомъ отношеніи представляетъ Петербургъ. Хотя по окрестностямъ онъ и необыкновенно богатъ растительностію—всѣ его дачные парки образовались изъ дремучихъ лѣсовъ, но внутри города мѣстъ поросшихъ деревьями чрезвычайно мало. Сады есть, но они чрезвычайно сыры, по улицамъ же вовсе нѣтъ деревьевъ—недостатокъ который легко бы можно устранить. Москва, напримѣръ, хоть и худо очищается отъ грязи и нечистоты, но деревьевъ и зелени въ ней дѣлается все болѣе и болѣе; въ Петербургѣ же, при всемъ стараніи о городскомъ благоустройствѣ, существующихъ немногихъ садовъ не хотятъ осушить. Великолѣпный Таврическій садъ остается напримѣръ значительную часть лѣта недоступенъ, благодаря туманамъ, подымающимся съ его канавъ, и къ увеличенію сырости, въ томъ же саду устроены еще за дорогую цѣну фонтаны. Фонтаны—эта забава южныхъ странъ, вообще вещь необъяснимая въ петербургскомъ климатѣ; и тѣмъ болѣе что ихъ пускаютъ иногда когда въ воздухѣ крайняя сырость, или что̀ называется моросить, какъ это напримѣръ въ Павловскомъ вокзалѣ, при большомъ стеченіи публики. Такъ-то люди иногда не умѣютъ понять что какая-нибудь пустая забава отъ освѣщеннаго фонтана можетъ сопровождаться непріятностію глотать сырой воздухъ и страдать послѣ отъ простуды. Что же касается до плотности городскаго разселенія, то Петербургъ въ этомъ отношеніи представляетъ еще бо́льшія невыгоды; на каждаго жителя вѣроятно въ немъ нѣтъ и половины того пространства которымъ пользуется Москвичъ. Какъ же, значитъ, онъ долженъ быть хорошо содержимъ чтобы сохранить сколько-нибудь нормальную чистоту воздуха?

Въ прежнее время все что̀ содержится въ атмосферѣ многолюдныхъ и тѣсно построенныхъ городовъ мало подвергалось изслѣдованію: говорилось только объ азотѣ, кислородѣ, угольной кислотѣ и только. Но теперь наука обратила особенное

вниманіе и на постороннія примѣси и узнала отчасти свойства такъ-называемыхъ міазмовъ. Изслѣдованія американскихъ гигіенистовъ показали что уличная пыль, собранная въ различныхъ городахъ, содержитъ въ себѣ частицы песку, угля, сажи, волокна тканей, зернышки крахмала, плодотворныя клѣточки растеній, микроскопическіе грибки, вибріоны и бактеріи и пр. Эти примѣси растительныхъ зародышей къ воздуху такъ значительны что теперь самый даже процессъ броженія (посредствомъ дрожжей напримѣръ) объясняютъ присутствіемъ организованнаго существа, находящаго пищу для своего размноженія. Перемежающіяся и послабляющія лихорадки, какъ показали изслѣдованія профессора Салисбюри, зависятъ главнымъ образомъ отъ развитія въ организмѣ людей паразитовъ растительнаго царства принадлежащихъ къ роду Pallellae. Споры этихъ тайнобрачныхъ растеній подымаются особенно ночью и, расплываясь въ холодныхъ и туманныхъ испареніяхъ послѣ заката солнца, снова падаютъ на землю послѣ солнечнаго восхода. Но много конечно есть споръ и инфузорій которыя распространяются въ воздухѣ и днемъ. Какую роль въ этомъ отношеніи играютъ разнаго рода нечистоты и гніющія органическія вещества, наука еще точно не опредѣлила, но несомнѣнно что роль ихъ немаловажная и что ими не одни только газы распространяются въ воздухѣ. Холера напримѣръ распространяется этимъ путемъ. Кирхеръ былъ первый выразившій мнѣніе что эпидемическія болѣзни развиваются отъ зародышей, носящихся въ атмосферѣ, которые, входя въ тѣло, производятъ въ немъ различныя поврежденія черезъ развитіе живыхъ паразитовъ. Теперь теорія паразитизма, объясняющая происхожденіе множества болѣзней животныхъ отъ болѣзней растеній, играетъ очень важную роль въ медицинѣ. Болѣзнію растеній объясняютъ очень многія болѣзни животныхъ. Хотя одна изъ существенныхъ задачъ органа легкихъ и заключается въ томъ чтобы предотвращать вхожденіе носящихся въ воздухѣ зародышей посредствомъ движущагося эпителія, но эта цѣль достигается только на половину. Тиндаль рядомъ остроумнѣйшихъ опытовъ доказалъ что воздухоносные пути только частію очищаютъ вдыхаемый легкими воздухъ отъ носящейся въ немъ пыли. Онъ именно пропускалъ струю электрическаго свѣта сквозь отверстіе темной комнаты и подъ этотъ пучокъ свѣта, отражающагося и отъ воздушной пыли,

подставлялъ спиртовую лампу. Пыль и микроскопическіе паразиты сгорали, и среди освѣщеннаго электрическимъ свѣтомъ воздуха являлось темное пространство, означавшее что въ этомъ пунктѣ не обо что̀ было отразиться лучамъ, и что здѣсь тьма планетнаго пространства. И замѣчено было что эта тьма, это освобожденіе воздуха отъ пыли и міазмовъ было уже не столь совершенно, когда разсматривали воздухъ вышедшій изъ легкихъ, чѣмъ тогда какъ воздухъ подвергали дѣйствію спиртовой лампы или пропускали сквозь хлопчатую бумагу. Послѣдняя оказалась какъ бы предохранительнымъ или защитительнымъ средствомъ отъ міазмовъ, а лампа или огонь ихъ полнымъ уничтоженіемъ. Но что̀ особенно важно въ подобныхъ опытахъ, которыми занимался также знаменитый (и столь глупо осмѣянный у насъ) Пастёръ, такъ это то что воздухъ остающійся безъ движенія, напримѣръ воздухъ подваловъ Парижской обсерваторіи, оказался не содержащимъ въ себѣ вредоносной пыли, которая вѣроятно осаждалась на стѣнахъ.

Такъ какъ въ безошибочности всѣхъ этихъ опытовъ нельзя сомнѣваться, то и слѣдуетъ заключить что комнатный воздухъ, при достаточномъ просторѣ и отсутствіи сквознаго вѣтра, есть довольно сильная защита отъ міазматическаго вліянія даже и въ такихъ людныхъ городахъ, какъ Парижъ и Петербургъ, а бѣленіе или очищеніе стѣнъ по временамъ есть необходимая гигіеническая надобность. Госпитальная или больничная практика давно уже впрочемъ знаетъ на опытѣ какое полезное дѣйствіе производитъ очистка стѣнъ. Что же касается до тѣсныхъ квартиръ или такихъ помѣщеній которыя отапливаются почти однимъ дыханіемъ живущихъ въ нихъ людей, то понятно что въ нихъ міазмы или микроскопическіе воздушные паразиты должны развиваться съ наибольшею силой: извѣстно положительно что тифъ зимой съ наибольшею силой свирѣпствуетъ въ избахъ крестьянъ, страдающихъ отъ тѣсноты; но еще болѣе онъ господствуетъ въ столичныхъ помѣщеніяхъ нашего народа. Центральнымъ статистическимъ комитетомъ замѣчено что тифы и горячки постоянно выходятъ изъ однихъ и тѣхъ же домовъ, а именно, гдѣ наиболѣе скучено пришлое населеніе. Стоило бы обратить вниманіе на эти дома. Въ Петербургѣ впрочемъ еще обращаютъ вниманіе на подобнаго рода зачумленныя жилища, но въ Москвѣ го-

раздо менѣе; это замѣчается даже и простолюдинами имѣвшими случай побывать и тутъ и тамъ. Генерала Трепова многіе изъ нихъ ломятъ. И задача которая лежитъ предъ нимъ и его преемниками, не малая, задача эта создать на перекоръ дурному климату и тѣсному, неудобному расположенію, сколько-нибудь сносную атмосферу улицъ, дворовъ и домовъ.

VII.

Послѣ широты городскаго разселенія, столь отразившейся на бытовой и гигіенической сторонѣ Петербурга и Москвы, мы должны перейти къ разсмотрѣнію конструкціи этихъ городовъ; она имѣетъ въ отношеніи здоровья тоже важное значеніе. По своему построенію, какъ и во всемъ другомъ, Москва составляетъ совершенную противоположность съ Петербургомъ. Какъ старый историческій городъ, Москва строилась безъ плана. Всѣ ея главныя улицы пролагались чрезъ существовавшія когда-то слободы, такъ чтобы можно было всѣмъ ближе пройти въ Кремль; онѣ потому расходятся отъ этого центральнаго пункта въ видѣ искривленныхъ радіусовъ, пересѣкаемыхъ концентрически расходящимися кругами переулковъ и бульваровъ. Несмотря на внѣшнюю неприглядность, это расположеніе однако выгодно въ санитарномъ отношеніи. Образованіе сквозящихъ теченій воздуха, при такомъ расположеніи улицъ города, менѣе возможно, чѣмъ при расланировкѣ города на правильные четвероугольники, особенно если эти четвероугольники состоятъ изъ высокихъ, безъ промежутковъ тянущихся домовъ. Въ Петербургѣ прямыя и длинныя улицы съ четырехъ-и пятиэтажными домами, идущими сплошною, безъ перерыва, стѣной, получаютъ какъ бы характеръ ущелій, въ которыхъ, при неодинаковости нагрѣванія солнечной и тѣневой стороны, образуются, даже лѣтомъ, сквозныя и холодныя теченія воздуха; и тихіе морскіе бризы обращаются въ довольно ощутимые вѣтры. Такъ особенно сильное сквозящее теченіе дуетъ по Петербургу въ углѣ образуемомъ съ одной стороны Литейной улицей, упирающеюся въ Неву, а съ другой Невскимъ проспектомъ, доходящимъ тоже почти до самой рѣки. Подъ такъ-называемою аркой противъ Зимняго Дворца, вѣтеръ никогда почти не перестаетъ дуть и срывать шапки съ прохожихъ.

Изобиліе каналовъ и огромное количество переброшенныхъ черезъ нихъ мостовъ тоже производитъ много сквозняковъ въ Петербургѣ, такъ какъ на мостахъ вообще рѣдко, гдѣ бываетъ тихо. Въ Москвѣ этихъ сквозныхъ теченій воздуха уже несравненно меньше, вѣтеръ дробится въ кривыхъ и волнообразныхъ улицахъ, обставленныхъ вездѣ не высокими и отдѣльно стоящими домами. Но и въ Москвѣ есть все-таки сквозняки. Такъ, постоянный почти сквозной вѣтеръ дуетъ въ Спасскихъ воротахъ, то-есть тамъ гдѣ безъ всякой уважительной, исторической и религіозной причины (какъ уже было заявлено), заставляютъ прохожихъ скидать шапки. Сквозные вѣтры конечно способствуютъ очищенію воздуха, но это только въ самые жаркіе дни и въ тропическихъ странахъ, гдѣ поэтому и стараются дѣлать искусственныя сквозныя теченія воздуха. Въ нашихъ же климатахъ ихъ нѣтъ надобности производить искусственно.

VIII.

Главное неудобство отъ старинаго разбросаннаго положенія городовъ заключается собственно въ затрудненіяхъ сообщенія разныхъ частей между собою; вслѣдствіе этого, напримѣръ, пріѣхать изъ какого-нибудь ближняго города къ Москвѣ стоитъ иногда дешевле чѣмъ проѣхаться по ней до гостиницы. Эта разобщенность частей города и жителей между собой дѣйствуетъ разумѣется и на нравственную сторону. Но въ физическомъ или точнѣе санитарномъ отношеніи оно, быть-можетъ, не безъ выгоды. Городъ Парижъ, перестроенный и передѣланный на новый ладъ Наполеономъ III, ничего не выигралъ, если вѣрить изслѣдованіямъ доктора Бертильйона, въ отношеніи здоровья. Изслѣдованія этого доктора доказываютъ, вопреки официальнымъ изданіямъ, что появленіе прямыхъ улицъ вмѣсто изогнутыхъ и волнообразныхъ, большихъ домовъ вмѣсто малыхъ и отдѣльно стоящихъ, и наконецъ замѣна частныхъ садовъ скверами, не уменьшили, а увеличили смертность въ новомъ Парижѣ сравнительно со старымъ.

Но обратимся снова къ Петербургу. Особенно не выгоднымъ здѣсь оказывается, по нашему мнѣнію, постройка огромныхъ домовъ съ замкнутыми внутри дворами. Въ этихъ за-

пертыхъ пространствахъ, соединяющихся съ уличнымъ воздухомъ посредствомъ воротъ, всегда должно быть большое скопленіе міазмовъ, если дворъ содержится сколько-нибудь неопрятно; лѣтомъ по крайней мѣрѣ сквозь продушины вѣетъ на петербургскія улицы такимъ воздухомъ что становится страшно за жителей квартиръ окна которыхъ обращены внутрь двора. Не говоримъ уже о лѣстницахъ и заднихъ ходахъ, гдѣ воздухъ всегда спертъ отъ узкихъ проходовъ, а каменныя ступени большую часть года сыры. Но эта въ высшей степени негигіеническая постройка начинаетъ распространяться и въ Москвѣ. Она, правда, удешевляетъ квартиры, что̀ тоже имѣетъ отношеніе къ здоровью, но говоря вообще, вредна. За такими помѣщеніями, имѣющими иногда снаружи видъ дворцовъ, а внутри казармъ или, что̀ еще хуже, фаланстеръ, присмотръ требуется несравненно больній, чѣмъ за отдѣльными одноэтажными или двухъ-этажными домами, снабженными открытымъ дворомъ, садомъ и отдѣльнымъ помѣщеніемъ для животныхъ.

Но есть впрочемъ въ Москвѣ одна постройка, которая по вредности и неблагопріятному вліянію на здоровье превосходитъ, быть-можетъ, все что̀ есть въ этомъ родѣ въ Петербургѣ—это Гостиный дворъ. Этотъ лабиринтъ пересѣкающихся крытыхъ ходовъ, съ своею постоянною сыростію, недостаткомъ свѣта и воздухомъ пропитаннымъ разными запахами, представляетъ верхъ неудобства въ санитарномъ отношеніи. И ко всему этому здѣсь еще бываетъ такое огромное счетеніе народа какого конечно не имѣетъ ни одинъ изъ петербургскихъ рынковъ. Составляя главнѣйшій фокусъ торговаго движенія въ Москвѣ, Гостиный дворъ или такъ-называемый городъ привлекаетъ къ себѣ людей изъ всѣхъ здоровыхъ и не здоровыхъ мѣстностей Россіи. Не одинъ, такъ другой, смотришь, и приноситъ заразу, которая при эпидемическомъ построеніи и получаетъ развитіе. Ярмарки, богомолья и всѣ вообще мѣста гдѣ много скучивается народу, всегда служили источниками усиленія или распространенія эпидемическихъ болѣзней. Можно поэтому думать что тифъ и возвратная горячка, почти не прекращающіяся въ Москвѣ, гнѣздятся преимущественно въ Городской части. Петербургъ въ отношеніи устройства рынковъ пользуется самыми большими удобствами. Просторъ, чистота и избытокъ свѣта новаго, напримѣръ, Але-

ксандровскаго рынка не оставляютъ желать ничего лучшаго. Пора бы въ самомъ дѣлѣ и Москвѣ не ограничиваться одними разсужденіями о необходимости передѣлать Гостиный дворъ.

IX.

Далѣе, къ числу самыхъ большихъ неудобствъ Москвы въ гигіеническомъ отношеніи слѣдуетъ отнести недостатокъ въ хорошей водѣ. Мы видѣли выше что водой покрыто въ чертѣ города всего только шесть процентовъ пространства. Прежде когда еще Москва не такъ была велика, воды ея были вполнѣ чисты и доброкачественны; но теперь когда она такъ расширилась что для ея очищенія и орошенія достаточно было бы развѣ только Волги, небольшія рѣки Москва и Яуза такъ засорились что явилась необходимость и въ водопроводахъ. Но воды добываемой этимъ искусственнымъ путемъ недостаточно. Для исполненія всѣхъ городскихъ нуждъ нужно приблизительно до трехъ ведеръ въ сутки на каждаго жителя, это при населеніи Москвы составляетъ до 1.200.000 ведеръ въ сутки. Въ настоящее же время, по открытіи Ходынскаго колодца, приблизительно получается до 800.000 ведеръ въ сутки, одного ведра на человѣка, значитъ, не достаетъ. Обезпеченные люди конечно этого не чувствуютъ, но бѣднѣйшему населенію нерѣдко приходится ждать воды даже для кухонныхъ надобностей. А во время пожаровъ жалко иногда смотрѣть на опустѣвшія и въ даль скачущія бочки. Отъ удачнаго окончанія артезіанскаго колодца, всѣми давно ожидаемаго, зависитъ такимъ образомъ вполнѣ будущее очищеніе и водоснабженіе Москвы. Безъ этого, какъ бы ни былъ великъ надзоръ за благоустройствомъ Москвы, она не избавится отъ грязи и нечистотъ, и будетъ въ то же время сдерживаема въ своемъ процвѣтаніи и развитіи. Теперь же, когда въ нее уперлись всѣ главные желѣзнодорожные пути, Москва сдѣлалась въ полнѣйшемъ смыслѣ средоточіемъ русской промышленности; водоснабженіе и процвѣтаніе Москвы пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Что же касается до Петербурга, то ему въ этомъ отношеніи нечего заботиться. Водой онъ снабженъ болѣе нежели достаточно и даже слишкомъ много — до наводненій, которыми угрожаетъ городу многоводная Нева. Мало, правда, въ этой водѣ желѣза, играющаго столь важную роль въ процессахъ кровотворенія; но вода чиста и пріятна на вкусъ и главное

впадаетъ тутъ же въ заливъ моря, а море засорить нельзя. Отъ своихъ собственныхъ нечистотъ Петербургъ поэтому могъ бы не страдать. Но онъ страдаетъ. Каналы его, проведенные въ видахъ предохраненія отъ потопа, засорены какъ нельзя болѣе; и кажется что главную роль въ этомъ отношеніи играютъ барки, на которыхъ провозятъ дрова внутрь Петербурга; кромѣ застоя воды, который они производятъ своимъ скопленіемъ, барки эти также засоряютъ дно каналовъ и органическими продуктами. Мы думаемъ что по отношенію къ подвозу дровъ Петербургъ могъ бы оставить въ покоѣ каналы, назначенные исключительно для предохраненія отъ наводненій. Лучше бы уже расширить одинъ какой-нибудь изъ каналовъ, хоть бы напримѣръ Обводный, чѣмъ употреблять всѣ каналы съ двоякою цѣлію, то-есть съ цѣлію предохранительною отъ наводненій и съ цѣлію снабженія города топливомъ. Нельзя поэтому не видѣть въ предполагаемомъ уничтоженіи одного изъ зловоннѣйшихъ каналовъ Петербурга и проведеніи на мѣстѣ его новаго проспекта Александра II мѣры вполнѣ сообразной съ санитарнымъ состояніемъ Петербурга.

Но отчего же, спрашивается, дѣлаются негодными рѣки города Москвы и ужели ихъ нѣтъ никакой возможности очистить? Что касается до рѣки-Москвы, то воды ея, волервыхъ, портятся отъ мельничныхъ запрудъ и фабричныхъ заведеній выше по ея теченію построенныхъ. Далѣе, въ эту рѣку, несмотря на ея значительное обмелѣніе, проведено много нечистоты проводящихъ трубъ: одна главная изъ-подъ Александровскаго сада, въ мѣстѣ бывшей рѣки Неглинной, другая изъ Воспитательнаго дома, населеніе котораго равняется населенію иного уѣзднаго города. Далѣе не мало также подѣлано въ богатыхъ домахъ ватерклозетовъ, нечистоты отъ которыхъ никуда не свозятся, а чрезъ трубы стекаютъ въ рѣку, изъ которой все-таки еще кое-кто пользуется водой, особенно зимой. Этотъ способъ очищенія конечно удобенъ въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ и помѣщеній, но въ высшей степени вреденъ для всего вообще населенія. Но вредъ отъ стекающихъ въ воду нечистотъ не ограничивается еще тѣмъ что онѣ портятъ воздухъ чрезъ загниваніе воды и происходящія отсюда вредныя испаренія; вредъ отъ этого заключается также и въ томъ что жители Москвы лишаются возможности пользоваться вполнѣ хорошимъ и здоровымъ купаньемъ, которое такъ укрѣпляетъ

организмы. Всѣ купальни къ тому же устроены по лѣвую сторону рѣки, гдѣ впадаютъ главныя нечистоты проводящія трубы.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе въ Москвѣ расположеніе большой купальни у Каменнаго моста. Купальня эта построена въ углу между этимъ мостомъ и лѣвымъ берегомъ рѣки. Въ трехъ или четырехъ саженяхъ отъ купальни впадаетъ въ рѣкѣ труба изъ-подъ Александровскаго сада. Хотя впаденіе это и ниже купаленъ по теченію руки, но все-таки нечистоты попадаютъ и туда. Дѣло въ томъ что настилка купаленъ прилегаетъ къ мосту плотною стѣной; такъ что рѣка-Москва, суженная выше подъ арками моста, устремляется потомъ съ наибольшею силой и отрѣзываетъ трехъугольное пространство воды, въ которомъ и образуется естественно застой. Въ концѣ этого-то трехъ-угольнаго и полустоячаго пространства помѣщаются главныя московскія купальни.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о рѣкѣ Яузѣ. Вода въ ней еще хуже чѣмъ въ рѣкѣ-Москвѣ и она обратилась съ теченіемъ времени какъ бы въ огромную нечистоты проводящую трубу, которая засоряетъ окончательно главную рѣку. А между тѣмъ извѣстно что Яуза получаетъ истокъ вблизи Мытищенскихъ ключей или колодцевъ; колодцы эти находятся только посреди чистаго болота, а истокъ Яузы—въ лѣсномъ тутъ же лежащемъ острову. И Яуза дѣйствительно въ началѣ имѣетъ очень чистую воду, которую употребляютъ даже для чая. Но по мѣрѣ того какъ рѣчка протекаетъ мимо разнаго рода красиленъ и фабричныхъ заведеній, вода въ ней до того засоряется что у владенія нѣтъ возможности купаться; рыба же вся вымираетъ; частію это происходитъ и въ самой Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ теперь рыбы ловится очень мало. Итакъ, если это вымираніе рыбы можетъ служить къ объясненію того на сколько вредны городскія нечистоты, то устройство красиленъ, на рѣкѣ Яузѣ, наоборотъ указываетъ на хорошія естественныя свойства воды: красильщики всегда выбираютъ для своего производства мягкія воды. Словомъ, гидравлическою силой этой маленькой рѣченки промышленность пользуется явно ко вреду московскихъ жителей. Еслибы всѣ эти мелкія фабричныя заведенія могли быть какъ-нибудь чудомъ перемѣщены, и дно Яузы очищено, то она могла бы даже замѣнить тотъ артезіанскій колодезь который

еще, увы, не прорытъ. Что вопросъ о снабженіи нашей столицы водой сильно заботитъ московскую думу о томъ свидѣтельствуютъ предложенія сдѣланныя, какъ говорятъ, инженеру Геноху насчетъ пріисканія новыхъ источниковъ воды. Словомъ, вопросъ о водѣ для Москвы есть вопросъ столь же жизненный какъ вопросъ о воздухѣ для города Петербурга. Москвичи никогда не помнили рýсской пословицы: не плюй въ колодезь, авось и воды изъ него придется напиться.

О вредѣ отъ засоренія нашихъ рѣкъ фабриками, мельницами и нечистоты проводящими трубами мы подробнѣе говорили въ статьѣ нашей *О народномъ здравіи*; здѣсь же мы только прибавимъ еще нѣкоторые новые факты, указывающіе что рѣчная вода, благодаря вливаемымъ въ нее нечистотамъ, можетъ пріобрѣтать даже отравляющія свойства. Въ газетахъ нашихъ и въ *Архивѣ судебной медицины* было сообщено что на рѣкѣ Корожечнѣ, Ярославской губерніи, 11го іюля 1869 года, появился надъ водой дымъ или что-то въ родѣ этого. Вода покрылась зеленоватымъ цвѣтомъ, камни прибрежные почернѣли, рыба лишилась способности плавать и быстро умирала; и къ вечеру того же дня ниже стоявшей тутъ же фабрики ощущался удушливый запахъ отъ мертвой рыбы. Нѣкоторые рыбаки, не зная о случившемся, продавали рыбу и отъ нея являлись у людей припадки головокруженія и сыпь на тѣлѣ. Такая замѣчательная порча воды произошла, какъ объясняютъ, отъ того что изъ котловъ писчебумажной фабрики спустили въ рѣку накопившійся въ теченіи трехъ лѣтъ составъ изъ марганца, купороснаго масла и другихъ вредныхъ веществъ. Въ *Journal de Chimie medicale* 1869 года сообщаютъ тоже что со времени проведенія водосточныхъ трубъ изъ Лондона до мѣстности въ сосѣдствѣ города Баркинга, городъ этотъ очутился въ такомъ невыгодномъ положеніи что тамъ иногда опасно ѣсть не только рыбу, но даже обыкновенное жаркое, рыба же заходящая сюда въ рѣчку обмираетъ тысячами. Знаменитые переяславскія сельди тоже стали переводиться съ тѣхъ поръ какъ на озерѣ Переяславскомъ начали строить красильни.

X.

Но если значительная часть городскихъ нечистотъ выбрасывается Москвичами въ рѣки или остается гнить на мѣстѣ, то не малое также количество этихъ вредныхъ веществъ раз-

ливается самымъ неблагоразумнымъ образомъ по окрестностямъ. Хотя способъ вывозки нечистотъ теперь значительно и усовершенствованъ, но выбрасываютъ ихъ до того близко отъ города что воздухъ отъ того не можетъ не заражаться. Такъ напримѣръ, воздухъ въ Прѣсненской части, за Зоологическимъ садомъ, лѣтомъ не рѣдко бываетъ очень тяжелъ; и это отъ того что вокругъ Ваганьковскаго кладбища, тутъ же не далеко расположеннаго, постоянно выливаются привозимыя сюда нечистоты. Не говоримъ уже о томъ вредѣ который можетъ современемъ произойти отъ такого явнаго неуваженія къ могиламъ предковъ; кладбище же, говорятъ, предполагаютъ расширить.

Часть этихъ вредныхъ испареній отъ мѣстности Ваганьковскаго кладбища относится впрочемъ по вѣтру не къ окраинамъ только города, но и къ лагерю гренадерской дивизіи, всегда квартирующей лѣтомъ на Ходынскомъ полѣ. Но самую главную порчу воздуха значительной части обширнаго, великолѣпнаго Ходынскаго поля производятъ еще не окрестности Ваганьковскаго кладбища, а живодерня, расположенная на юго-западѣ отъ праваго фланга лагеря. Лѣтомъ, въ жары, при юго-западномъ вѣтрѣ, нанчаще дующемъ въ Москвѣ, воздухъ въ правомъ флангѣ совершенно невыносимъ отъ доносящихся испареній. Дорога же по которой провозятъ въ живодерню городскую падаль проходитъ черезъ самый правый флангъ, хотя это собственно и не прямой путь отъ города: живодерня лежитъ нѣсколько ближе къ Москвѣ, и можно было бы городу, въ интересѣ здоровья солдатъ, провести ближайшій путь или, что̀ еще лучше и о чемъ кажется давно идетъ рѣчь, совсѣмъ перенести эту живодерню подальше отъ города. Спеціалисты ветеринарной науки намъ передавали что черезъ это провезеніе падали, дающей городу что-то около 15 тысячъ дохода, происходили не разъ въ лагерѣ зараженія сибирскою язвой, посредствомъ перелетанія мухъ съ умершихъ животныхъ на человѣка. Все это, что̀ мы говорили о загрязненіи живописныхъ окрестностей Москвы и искусственно производимой заразѣ, со временемъ исчезнетъ (многіе по крайней мѣрѣ надѣются); но все это не мѣшаетъ записать, какъ образцикъ того полуазіатскаго содержанія на которое осуждены наши лучшіе города.

Но если Москва болѣе всего страдаетъ отъ своихъ помойныхъ ямъ и проточныхъ рѣкъ, искусственно обращенныхъ

въ болота, то Петербургъ, повидимому, долженъ болѣе всего терпѣть отъ своихъ кладбищъ. Охтенское, Католическое, Холерное, Волково, Старообрядческое, Нѣмецкое, Смоленское и другія кладбища, числомъ всѣхъ 20ть, окружаютъ Петербургъ со всѣхъ сторонъ почти непрерывающимся поясомъ и, будучи расположены близко и на одномъ уровнѣ съ городомъ, отравляютъ его воздухъ, а частію и воду. При сильномъ западномъ вѣтрѣ, производящемъ наводненія, часть Смоленскаго кладбища покрывается водой, и осенью воздухъ тамъ бываетъ такъ иногда удушливъ, что, по удостовѣренію причта, съ трудомъ совершается въ церкви служба.

Теперь въ заключеніе мы должны еще сказать нѣсколько словъ о размѣрахъ смертности Москвы и Петербурга, а также и о характерѣ заболѣваемости въ этихъ городахъ. Что касается до смертности, то центральнымъ статистическимъ комитетомъ вычислено что на 1.000 жителей населенія:

	Умираетъ.	Прибыль и убыль населенія.
Въ Казани.....	52%	— 5 %
— Тулѣ.....	46%	+ 6%
— Петербургѣ.....	42%	— 7%
— Москвѣ.....	39%	+ 7%
— Ригѣ.....	36%	+ 5%
— Одессѣ.....	34%	+ 7%
— Кіевѣ.....	33%	+ 6%

Итакъ, если вѣрить безусловно статистическимъ даннымъ, то въ Тулѣ умираетъ сравнительно болѣе чѣмъ въ Петербургѣ; между тѣмъ самимъ же центральнымъ статистическимъ комитетомъ заявлено что ни одна столица, ни одинъ большой промышленный городъ Европы, не представляетъ такого страннаго населенія и такого наплыва чуждыхъ элементовъ какъ Петербургъ. Наплывъ чуждаго населенія въ Тулѣ, конечно, долженъ быть менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Чѣмъ же по этому поддерживается такая значительная прибыль населенія въ Тулѣ, когда смертность въ этомъ городѣ больше чѣмъ въ Петербургѣ?

Вообще статистическіе выводы, особенно у насъ, слѣдуетъ принимать съ большою осторожностію. Были ученые которые положительно не довѣряли статистическимъ вычисленіямъ и считали даже ихъ источникомъ заблужденій; но это уже

конечно очень много. Мы съ своей стороны приняли за правило довѣрять цифрѣ только тогда, когда ее подтверждаютъ или объясняютъ топографическія или бытовыя данныя.

Для характеристики смертности Петербурга нѣкоторыми вычислено что еслибы въ немъ не было наплывнаго населенія, то черезъ 200 лѣтъ совершилось бы его полнѣйшее вымираніе; нѣтъ, этого не случилось бы ни въ какомъ случаѣ. Увеличенный процентъ смертности въ нашихъ столицахъ зависитъ главнымъ образомъ отъ перевѣса мужскаго населенія надъ женскимъ; потому что количество мущинъ въ данной мѣстности увеличиваетъ только цифру смертныхъ случаевъ, цифра же раждаемости зависитъ отъ количества женщинъ. Итакъ, въ случаѣ пріостановки прибыли населенія отвнѣ, возстановилась бы только нормальная пропорція между мущинами и женщинами, и тогда бы ростъ населенія пошелъ своимъ обычнымъ порядкомъ, такъ какъ климатъ для вполнѣ осѣдлыхъ жителей столицы не оказывается вреденъ. И какъ бы ни старались объяснить причину значительной болѣзненности и смертности простолюдиновъ въ Петербургѣ только гигіеническимъ неустройствомъ столицы, она все-таки главнымъ образомъ заключается въ климатической противоположности между лежащимъ у моря Петербургомъ и провинціями занимающими обширное материковое пространство.

Отношеніе половъ между собою въ Петербургѣ не нормально. Еслибы въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ рѣшились соединиться попарно всѣ мущины и женщины, то для 52.729 мущинъ не хватило бы женщинъ. Кромѣ того, изъ 79.388 замужнихъ, живетъ при мужьяхъ только 51.274; слѣдовательно $^1/_3$ всѣхъ замужнихъ женщинъ въ Петербургѣ живетъ врозь съ мужьями. Все это относится частію и къ Москвѣ, особенно съ тѣхъ поръ какъ она сдѣлалась центромъ желѣзнодорожнаго движенія, и наплывъ чужаго населенія увеличился. Отношеніе половъ между собою въ Москвѣ однако еще не слишкомъ отступаетъ отъ нормальной пропорціи; поэтому сифилисъ, эта проказа новѣйшаго времени, развивающаяся всегда тамъ гдѣ очень великъ перевѣсъ холостыхъ людей надъ людьми семейными, распространенъ въ Москвѣ менѣе. Въ войскахъ по крайней мѣрѣ онъ уменьшается. На основаніи точныхъ исчисленій произведенныхъ въ Московскомъ военномъ госпиталѣ, цифра любострастной болѣзни въ 1863 году составляла $^1/_5$ часть всѣхъ больныхъ, въ 1864 году $^1/_4$,

въ 1865 году $^1/_6$, въ 1866, 67, 68 годахъ $^1/_7$ всѣхъ больныхъ. Вообще же по отношенію къ распространенію сифилиса, гренадерская дивизія, стоящая въ Москвѣ, занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду дивизій Московскаго военнаго округа. Приписать это надобно конечно болѣе тщательному присмотру производимому въ Москвѣ.

Что касается до другихъ болѣе распространенныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ болѣзней, то тифъ, надо полагать, господствуетъ почти одинаково какъ тутъ, такъ и тамъ. Чахотка же беретъ перевѣсъ въ Петербургѣ; причина этому заключается конечно въ климатѣ. Желѣзное здоровье и крѣпкія мышцы, которыя несетъ сюда народъ, большею частію плохо выдерживаютъ эту борьбу съ климатомъ и чуждою для него обстановкой; тѣмъ болѣе что, по замѣчанію центральнаго статистическаго комитета, въ Петербургѣ лучшія части города занимаютъ иностранцы, а худшія народъ. Но не слѣдуетъ впрочемъ преувеличитать значенія того факта что въ Петербургъ попадаетъ много народа неспособнаго свыкнуться съ его климатомъ. Болѣе всего страдаютъ здѣсь отъ климатическихъ особенностей люди живущіе интеллектуальною жизнію, значительная часть молодаго поколѣнія, да еще великорослые гвардейцы, занесенные большею частію изъ благодатныхъ климатовъ юга и имѣющіе нерѣдко очень узкую грудь.

Но нужно же привыкать жить и въ сѣверныхъ климатахъ, какъ стараются освоиться съ климатами тропическими. Однимъ умѣреннымъ поясомъ ограничиваться человѣку нельзя. Борьба же со смертію, которая предстоитъ большинству жителей Петербурга, развиваетъ кстати и противодѣйствіе и энергію.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

ГРЕКИ И ТРОЯНЕ

ВЪ XVI СТОЛѢТІИ

(ИЗЪ ИСТОРІИ ГУМАНИЗМА.)

I.

Ut vigeant studia, barbaries exulet. *

Въ *Божественной комедіи* Данте читаемъ что когда поэтъ заблудился въ дикомъ, дремучемъ лѣсу и не видѣлъ никакихъ средствъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія, то на помощь къ нему явился Виргилій:

„Держать ты долженъ путь другой отнынѣ“,
Онъ отвѣчалъ, увидѣвъ скорбь мою,
„Коль умереть не хочешь здѣсь въ пустынѣ.“ **

Чтобы понять внутреннее значеніе этого появленія въ роли генія-спасителя не какого-либо святаго католической церкви (какъ слѣдовало бы ожидать отъ *Божественной комедіи*), а поэта Виргилія, изъ древняго языческаго міра, необходимо принять во вниманіе судьбу твореній Виргилія и

* *Triumphus Capnionis.*

** *Адъ*, II, 1.

всей вообще классической литературы въ теченіе столѣтій предшествовавшихъ Данте.

Въ первые вѣка христіанства, апологеты многократно развивали и доказывали несостоятельность, тщету и ложность ученія философовъ и поэтовъ древняго міра. У первыхъ апологетовъ шла рѣчь собственно о *языческихъ* мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ, отрицалось не все вообще ученіе философіи, а лишь насколько оно не согласовалось съ христіанствомъ, по крайней мѣрѣ такъ учили въ александрійской школѣ. Съ теченіемъ времени это отрицаніе болѣе и болѣе распространялось на всѣ вообще произведенія древняго міра. Уже Лактанцій, напримѣръ, опровергая философовъ и поэтовъ языческаго міра, не ограничивается отрицаніемъ однихъ языческихъ ихъ мнѣній, а съ какимъ-то пренебреженіемъ говоритъ о всей ихъ учености, простирая это пренебреженіе и на такія области которыя не имѣютъ ничего общаго съ язычествомъ, какъ напримѣръ естествовѣдѣніе. * Вселенскій учи-

---

* „Мечтать, говоритъ онъ, что мы можемъ догадкой или размышленіемъ открыть причины естественныхъ вещей, знать, напримѣръ, такъ ли велико солнце, какъ кажется, не больше ли оно земли, шаръ ли есть луна или полу-шаръ, привязаны ли звѣзды къ тверди или движутся свободно по воздуху, какъ толста земля и на какомъ основаніи утверждена, все это было бы такою же дерзостію, какую имѣли бы люди берущіеся описывать отдаленный городъ котораго никогда не видали и о которомъ знаютъ только по наслышкѣ.... Философы, споряще о томъ что происходитъ на небѣ, впадаютъ въ такую же погрѣшность. Они воображаютъ что никто имъ не возразитъ, потому что никто не былъ въ томъ мѣстѣ о которомъ они говорятъ. Когда бы кто оттуда явился и обличилъ ихъ обманы и мечты, то они поостереглись бы разсуждать о такомъ предметѣ о которомъ никогда не могутъ имѣть точнаго понятія. Хотя же и нѣтъ никого кто бы имъ попрекословилъ, тѣмъ не менѣе дерзость ихъ не извинительна, потому что самъ Богъ который одинъ вѣдаетъ истину, въ томъ ихъ, такъ-сказать, упрекаетъ, несмотря на то что Онъ, повидимому, хранитъ молчаніе, считая мнимую ихъ мудрость прямымъ безуміемъ.“ *Божеств. наставл.*, кн. III, гл. 3. „Кто утверждаетъ, говоритъ тотъ же церковный писатель, что существуютъ антиподы, тотъ благоразумно ли мыслитъ? Кто столько безразсуденъ чтобы могъ убѣдиться что существуютъ люди ходящіе вверхъ ногами и держащіе голову внизъ, что все лежащее здѣсь, тамъ виситъ, что травы и деревья растутъ тамъ корнемъ вверхъ, что дождь и градъ падаютъ тамъ снизу вверхъ?... Когда кто спро-

тель Григорій Богословъ въ свое время предостерегалъ отъ опасности этого взгляда. Въ словѣ на Юліана онъ уподобляетъ знаніе и опытность добытыя древнимъ міромъ „отеческому наслѣдству“, на которое имѣютъ право и христіане. * И въ другомъ мѣстѣ осуждаетъ тѣхъ изъ христіанъ которые

сить защитниковъ столь нелѣпыхъ мнѣній, какимъ образомъ то что̀ на землѣ, не подымается къ солнцу: то они отвѣчаютъ что всѣ тяжелыя тѣла стремятся къ центру, какъ спицы колеса къ оси, и что легкія тѣла, каковы облака, пары, огонь, подымаются на воздухъ. Не знаю что̀ и сказать о подобныхъ людяхъ, столь упорно отстаивающихъ свои заблужденія и поддерживающихъ свои нелѣпости, развѣ только то что въ спорахъ своихъ не имѣютъ они другаго намѣренія какъ забавляться и высказывать свой умъ. Мнѣ легко было бы доказать неоспоримыми доводами что небо не можетъ быть ниже земли или подъ землей. Но надобно кончить эту книгу.“ Ibid, гл. 25. Кто отрицаетъ значеніе того или другаго предмета, послѣ предварительнаго изученія его, тотъ и заблуждаясь, только ошибается. Лактанцій, осмѣивая философовъ и поэтовъ древняго міра, былъ знакомъ съ этимъ міромъ. Многіе же изъ послѣдующихъ церковныхъ писателей, продолжая писать противъ ученія древняго міра, сами не имѣли о немъ никакого понятія. Подобное отношеніе къ дѣлу—не ошибка только, а нѣчто несравненно болѣе прискорбное.

* На слова Юліана: „Словесныя науки и греческая образованность наши, такъ какъ намъ же принадлежитъ и чествованіе боговъ; а вашъ удѣлъ — необразованность и грубость, такъ какъ у васъ вся мудрость состоитъ въ одномъ: *вѣруй*“, Григорій Богословъ отвѣчалъ: „Какъ же ты докажешь что словесныя науки тебѣ принадлежатъ?... Ни изъ чего не видно что греческая образованность должна принадлежать только язычникамъ, или что общее достояніе есть собственность какого-нибудь изъ вашихъ боговъ; подобно какъ и другія многія вещи не перестаютъ быть общими оттого что у васъ установлено приносить ихъ въ жертву богамъ. Если ты назовешь вашею собственностію греческій языкъ, и потому будешь насъ отстранять отъ него, какъ отъ отеческаго наслѣдства, ни мало намъ не принадлежащаго, то я не вижу какое можетъ быть тому основаніе, или какъ можешь ты связывать это съ почитаніемъ демоновъ.... Если Египтяне и Финикіяне, Евреи и другіе племена и народы будутъ по твоему присвоивать себѣ, какъ собственность, все изобрѣтенное ими: что̀ намъ тогда дѣлать? Не придется ли намъ лишиться всего и, подобно галкѣ въ чужихъ перьяхъ, видѣть что у насъ оборвутъ ихъ и мы останемся голыми и безобразными? *Твор. св. отцевъ*, ч. 1, стр. 157—162.

„по худому разумѣнію“ чуждались внѣшней учености. * Но взглядъ вселенскаго учителя имѣлъ мало послѣдователей. Многимъ казалось что для чистоты вѣры и церкви несравненно полезнѣе взглядъ совершенно противоположный. Въ началѣ VII вѣка, папа Григорій Великій, безъ сильнаго отвращенія и стыда, не можетъ даже и вспомнить о дошедшемъ до него извѣстіи объ одномъ епископѣ, будто бы онъ занимается такимъ вздоромъ (nugis) какъ грамматика и вообще свѣтскія науки. Вотъ что̀ онъ писалъ по поводу этого извѣстія: „Григорій Дезидерію епископу Галліи. Намъ такъ много говорили добраго о вашихъ занятіяхъ, и въ сердцѣ нашемъ потому родилась столь великая радость что мы никакъ не позволили бы отказать вамъ въ томъ о чемъ вы (fraternitas vestra) просите. Но потомъ дошло до насъ, о чемъ мы не можемъ вспомнить безъ стыда, что ты (fraternitas tua) учишь нѣкоторыхъ грамматикѣ. Мы съ такимъ огорченіемъ и еще большимъ презрѣніемъ (sumus vehementius aspernati) выслушали объ этомъ что все сказанное прежде обратилось въ горе и печаль: потому что одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вмѣстѣ съ хвалами Юпитеру (quia in uno se ore cum Jovis laudibus Christi laudes non capiunt). Ты самъ размысли какъ преступно и неприлично епископамъ воспѣвать то о чемъ не согласится пѣть и набожный мірянинъ. И хотя любезнѣйшій нашъ сынъ пресвитеръ Кандидъ, прибывшій въ послѣдствіи, отрицалъ тотъ слухъ и своими тонкими разсужденіями старался оправдать васъ, но все же я еще не успокоился, потому что насколько сильно отвращеніе при такихъ разказахъ о священнослужителѣ, настолько необходимы и сильныя доказательства противнаго, чтобы примириться и успокоиться. Итакъ, если откроется со всею очевидностію что все разказанное о васъ ложно, и вы не занимаетесь вздо-

---

* „Полагаю что всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, но и ученость внѣшнюю, которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога. Надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ.“ *Твор. св. отцевъ*, ч. IV, стр. 63—64.

ромъ и свѣтскими науками, тогда мы возблагодаримъ Бога, не допустившаго вашему сердцу оскверниться богохульственною хвалой того о чемъ неприлично и молвить. Тогда только спокойно и безъ всякаго сомнѣнія мы разсудимъ о дозволеніи вамъ того о чемъ вы просите“.... * Такъ шли дѣла въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Къ чему потомъ привелъ этотъ разрывъ съ древнимъ классическимъ міромъ, объ этомъ мы распространяться не станемъ. Сообразно съ своею частною цѣлію: понять внутренній смыслъ приведенныхъ выше словъ изъ *Божественной комедіи*, замѣтимъ только что когда Данте, въ началѣ XIV столѣтія, посмотрѣлъ на окружающій его міръ, то онъ показался ему дикимъ, дремучимъ лѣсомъ, изъ котораго онъ не видѣлъ никакого выхода. ** Тогда-то явился къ нему

---

* *Patrologiae cursus comptetus....* Migne. Том. 77 стр. 1171—1172.

** Для объясненія этого взгляда Данте на окружавшій его міръ, представимъ нѣсколько примѣровъ средневѣковаго міровоззрѣнія. Не будемъ упоминать о воззрѣніяхъ какого-либо монаха Рихальма и подобныхъ ему, ограничимся только такими лицами которыя самою католическою церковію признаны по преимуществу учителями и вождями народа, именно: епископами, архіепископами и папами. Ліутпрандъ, епископъ кремонскій, былъ просвѣщеннѣйшимъ пастыремъ своего времени. И однакожь онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ смерть папы Іоанна XII: „Въ одну ночь, когда папа оставался за городомъ въ домѣ одной замужней женщины, дьяволъ поразилъ его въ голову такъ сильно, что спустя восемь дней, онъ умеръ отъ этой раны (a diabolo est percussus, ut infra dierum octo spacium eodem sit vulnere mortuus). Въ чемъ меня неоднократно увѣряли его близкіе и родственники (a suis cognitis et familiaribus persepe sub attestatione audivivimus).“ *Patrologiae cursus completus...* Томъ 136 стр. 908—909... Папа Григорій IX, въ буллѣ противъ еретиковъ Штединтеровъ, утверждаетъ слѣдующее: „Когда къ Штединтерамъ является какой-либо новый членъ, и въ первый разъ вступаетъ въ общество этихъ губителей, ему является нѣкоторый родъ лягушки, который обыкновенно называется bufo (apparet ei species quaedam ranae, quam bufonem consueverunt aliqui nominare). Эту жабу нѣкоторые позорно цѣлуютъ въ заднюю часть тѣла, другіе же въ морду, при чемъ втягиваютъ въ свой ротъ языкъ и слюну этой гадины (hanc quidam a posterioribus, et quidam in ore damnabiliter osculantes, linguam bestiae intra ora sua recipiunt, et salivam). Иногда она является въ своей обыкновенной величинѣ, иногда же бываетъ съ гуся или съ утку, по большой же части принимаетъ величину печки (plerumque furni quantitatem assumit). Когда новооб-

на ломощь поэтъ Виргилій изъ древняго языческаго міра.

„Держать ты долженъ путь другой отнынѣ",
Онъ отвѣчалъ, увидѣвъ скорбь мою,
„Коль умереть не хочешь здѣсь въ пустынѣ".

ращенный идетъ далѣе, его встрѣчаетъ человѣкъ изумительной блѣдности, съ черными глазами и до того худощавый и сухой что кажется, состоитъ изъ однихъ только костей; новообращенный цѣлуетъ его, чувствуетъ что онъ холоденъ какъ ледъ, и вслѣдъ за этимъ поцѣлуемъ, изъ его сердца совершенно изчезаетъ всякое воспоминаніе о каѳолической вѣрѣ. За симъ новообращенный вмѣстѣ съ другими садится за столъ, и когда потомъ всѣ встанутъ послѣ обѣда, тогда по статуѣ, которая обыкновенно бываетъ въ мѣстахъ собранія, спускается задомъ черный котъ, величиной съ собаку средняго роста (descendit retrorsum ad modum canis mediocris gattus niger) съ загнутымъ къ верху хвостомъ. Этого кота цѣлуетъ въ заднюю часть тѣла (a posterioribus) сначала новопосвященный, потомъ наставникъ, а за нимъ и всѣ остальные по порядку. Потомъ тушатся свѣчи и всѣ предаются разврату. Когда снова зажгутся свѣчи и всѣ займутъ свои мѣста, изъ темнаго угла комнаты выступаетъ нѣкто до чреслъ блестящій и болѣе свѣтлый чѣмъ солнце, а внизу мохнатый какъ котъ; его блескъ освѣщаетъ все мѣсто" и пр. Въ заключеніе папа объявляетъ противъ Штединтеровъ крестовый походъ. Gieseler *Kirchengeschichte* 2 (II), стр. 599—601. Подобныя сказанія какъ краснорѣчиво говорятъ объ умственномъ и нравственномъ состояніи тѣхъ лицъ которыя не только вѣрили означеннымъ нелѣпостямъ, но и воздвигали крестовые походы для распространенія и утвержденія своихъ воззрѣній!

У Матвѣя Парижскаго, подъ 1228 годомъ, записано: „Въ томъ году прибылъ въ Англію архіепископъ Великой Арменіи (Archiepiscopus quidam Armeniae majoris) чтобы поклониться мощамъ и св. мѣстамъ Англійской страны, какъ онъ совершилъ это и въ другихъ государствахъ. Онъ представилъ духовнымъ и прелатамъ церкви рекомендательное письмо отъ государя папы (literas quoque domini Papae ad commendationem personae suae exhibuit), чтобы приняли его съ должнымъ уваженіемъ и обходились почтительно. Прибывъ въ Сентъ-Альбансъ, чтобы помолиться первомученику Англіи, онъ остановился тамъ, утомленный странствованіемъ, и началъ чрезъ переводчиковъ разспрашивать объ обычаяхъ, обрядахъ и образѣ жизни въ Англіи, разказывая въ свою очередь много удивительнаго о странахъ восточныхъ.... Между прочимъ спросили его объ Іосифѣ, о которомъ много говорили въ народѣ. Архіепископъ отвѣчалъ на это подробнымъ изложеніемъ дѣла; а его переводчикъ, Генрихъ Спигурнель, передавая его рѣчи, сказалъ на французскомъ языкѣ: „Мой владыка, сказалъ онъ, хорошо знаетъ этого человѣка, часто видалъ

Вѣренъ или нѣтъ этотъ взглядъ Данте на Виргилія: это вопросъ для насъ сторонній. Мы отмѣчаемъ только самый

его, слышалъ его разговоры и не задолго предъ отправленіемъ на Западъ, означенный Іосифъ обѣдалъ за столомъ моего владыки (idem Ioseph in Armenia comedit ad mensam domini mei archiepiscopi, quem multoties viderat et audierat loquentem)." За симъ на вопросъ что̀ же именно произошло между Господомъ Іисусомъ Христомъ и означеннымъ Іосифомъ, архіепископъ отвѣчалъ: „Во время страданія І. Христа, когда Іудеи влекли его изъ преторія, *Картафилъ*, привратникъ преторія, съ презрѣніемъ ударилъ его въ дверяхъ кулакомъ въ спину и сказалъ съ насмѣшкой: „Иди, Іисусъ, скорѣе, иди: чего ты ждешь?" Іисусъ, строго посмотрѣвъ на него, сказалъ: „Я иду, а ты *будешь ожидать* пока я не приду снова"; или какъ говорится у евангелиста: „Сынъ Человѣческій идетъ, по написанному о немъ, ты же будешь ожидать моего пришествія." По сему слову Господа, оный Картафилъ, которому во время страданій Господнихъ было около тридцати лѣтъ, *ждетъ* и до сего дня. Всякій разъ какъ только онъ достигнетъ ста лѣтъ, впадаетъ какъ бы въ неизлѣчимую болѣзнь, подобную обмороку (corripitur quasi incurabili infirmitate, et rapitur quasi in extasim); потомъ, оживая и выздаравливая, возвращается въ тотъ самый возрастъ въ какомъ онъ былъ во время страданія Господня, такъ что поистинѣ можетъ сказать съ Псалмопѣвцемъ: „Моя юность возобновляется, какъ юность орла". По распространеніи каѳолической вѣры, этотъ Картафилъ былъ крещенъ отъ Ананіи и названъ Іосифомъ. Обыкновенно онъ живетъ въ обѣихъ Арменіяхъ и другихъ восточныхъ странахъ, обращаясь между епископами и другими прелатами церкви: человѣкъ онъ благочестивый и набожный, говоритъ онъ мало и то только съ епископами и благочестивыми людьми, отвѣчая на ихъ вопросы. Тогда онъ повѣствуетъ о событіяхъ древности, о томъ что̀ происходило во время страданія и воскресенія Господня, и о самихъ свидѣтеляхъ воскресенія, т.-е. о тѣхъ которые воскресли со Христомъ, пришли во святый градъ и явились многимъ. Никогда онъ не смѣется, не произноситъ легкомысленныхъ словъ, всегда въ слезахъ и страхѣ Господнемъ, съ трепетомъ помышляя о пришествіи Іисуса Христа, когда Онъ во огнѣ явится Судіею міра. Іосифъ боится какъ бы на страшномъ судѣ не увидѣть гнѣвнымъ Того надъ кѣмъ насмѣялся во время страданій и тѣмъ навлекъ на себя Его праведный гнѣвъ. Многіе изъ отдаленныхъ странъ приходятъ къ нему, находя удовольствіе въ томъ чтобы взглянуть на него и побесѣдовать съ нимъ. Если они люди достойные, онъ кратко отвѣчаетъ на предлагаемые вопросы. Всѣ дары приносимые ему отвергаетъ, довольствуясь пищей и одеждой самою умѣренною." На вопросъ о ковчегѣ Ноевомъ, архіепископъ сказалъ что онъ до сего

фактъ что въ началѣ XIV столѣтія, такому поэту какъ Данте, язычникъ Виргилій явился какимъ-то геніемъ-спасителемъ. Внутренній смыслъ этого появленія тотъ что Италія, раздробленная, униженная, оскорбленная въ самыхъ завѣтныхъ сво-

---

времени остается на горахъ Арменіи. Разспрашивали его и о многомъ другомъ, онъ отвѣчалъ утвердительно". И это говорилъ архіепископъ, явившійся въ Англію съ рекомендательнымъ письмомъ отъ самого папы! Нужно ли присовокуплять что его слова нашли полную вѣру? И лѣтописецъ замѣчаетъ: Qui propter personae reverentiam et ipsius honestatis bullarum testimonium, fidem impressit mentibus auditorum. Mattaei Paris, monachi Albanensis, *Angli Historia Major a Guilielmo Conquaestore ad ultimum annum Genrici tertij.* Annus MCCXXVIII.

Приведемъ еще выдержку изъ одной папской буллы, которая хотя относится ко временамъ послѣ Данте, но развиваетъ то же самое воззрѣніе, какое видѣли у Ліутпранда и у Григорія IX: „Недавно дошло до слуха нашего что въ нѣкоторыхъ частяхъ верхней Германіи.... многія лица обоего пола, забывъ о собственномъ спасеніи и отпадши отъ каѳолической вѣры, вступаютъ въ прелюбодѣйственную связь съ демонами, подъ видомъ инкуби и суккуби (complures utriusque sexus personae.... cum daemonibus, incubis et succubis, abuti) и своими волшебствами, чародѣяніями и заклинаніями губятъ плодъ чрева у женщинъ и у животныхъ, плоды земные, виноградъ, плоды деревьевъ, а также мущинъ, женщинъ, скотъ и иныхъ животныхъ различнаго рода.... Насылаютъ жестокія тѣлесныя и душевныя болѣзни и скорби, препятствуютъ мущинамъ оплодотворять и женщинамъ зачинать во чревѣ, мужьямъ и женамъ исполнять ихъ супружескія обязанности (ac eosdem homines, ne gignere, et mulieres, ne concipere, virosque, ne uxoribus, et mulieres, ne viris actus conjugales reddere valeant, impedire)." Въ заключеніе буллы, инквизиторамъ Генриху Институру и Якову Шпренгеру предписывается наказывать всѣхъ виновныхъ въ означенныхъ преступленіяхъ лишеніемъ жизни и имущества. Gieseler *Kirchengeschichte* 2 (IV), стр. 483—385.

Этихъ немногихъ примѣровъ средневѣковаго воззрѣнія, повидимому, достаточно чтобы понять почему поэту Данте окружающій міръ представился дикимъ, дремучимъ лѣсомъ, изъ котораго онъ не видѣлъ никакого выхода.

На помощь къ поэту Данте и Италіи является именно Виргилій, конечно потому что въ своихъ твореніяхъ онъ постоянно страдаетъ вмѣстѣ съ Италіей. Въ торжественныхъ пѣсняхъ, которыя заставляютъ его сочинять въ честь Августова внука, онъ старается быть веселымъ, внутренно же онъ плачетъ, ему приходитъ на мысль

ихъ стремленіяхъ и чувствахъ, должна, по мысли Данте, вспомнить о своемъ давно забытомъ поэтѣ и для своего возрожденія избрать его своимъ руководителемъ. * И Виргилій предлагаетъ себя въ проводники Италіи.

вѣчная ссылка Терея, потерявшаго человѣческое лицо, но не сердце, не память: „Несчастный въ своемъ полетѣ, онъ возвращается чтобы парить надъ принадлежащимъ ему очагомъ!“ *Renaissance* par Michelet cap. XII.

* Мысль Данте та же что и у Макіавелли въ слѣдующихъ словахъ: „Если для проявленія доблестей Моисея необходимо было народу Израильскому томиться въ египетскомъ рабствѣ, если для проявленія величія души Кира было нужно чтобы Персы были угнетены Мидянами; если, наконецъ, для блеска достоинствъ Тезея, нужны были междуусобія между Аѳинянами, то точно такъ же и въ наше время для того чтобы среди насъ появился мощный освободитель, было необходимо чтобы Италія дошла до такого жалкаго состоянія въ которомъ мы теперь ее видимъ, чтобъ она была болѣе угнетенною чѣмъ народъ Еврейскій, болѣе порабощенною чѣмъ Персы подъ игомъ Мидянъ, болѣе раздѣленною чѣмъ земли Аѳинянъ.—безъ вождей, безъ всякихъ правъ, измученною, разрозненною, наводненною варварами и отягощенною всякаго рода бѣдствіями. И до нашего времени для Италіи, порой, какъ бы мелькала зарница, при свѣтѣ которой, казалось, являлись люди избранные Богомъ для ея освобожденія; но всѣ эти люди были какъ будто бы останавливаемы судьбой еще задолго до окончанія своего великаго подвига, и Италія, истомленная и полумертвая, все еще ждетъ того избранника который уврачуетъ ея раны, положитъ конецъ поборамъ и лихоимству и исцѣлитъ наконецъ застарѣлыя ея язвы, сдѣлавшіяся отъ времени фистулезными. Безъ отдыха, безъ остановки, Италія молитъ небо чтобъ оно послало ей наконецъ этого освободителя, который избавилъ бы ее отъ жестокостей и наглости варваровъ. Она готова встать и идти подъ всякое знамя которое развернутъ во имя ея свободы“, *Il Principe* cap. 26. Макіавелли и Данте одинаково ищутъ средства вывести Италію изъ того бѣдственнаго положенія въ какомъ она находилась въ ихъ время. Различіе только въ томъ что Данте, жившій ранѣе Макіавелли, сильнѣе чувствовалъ гнетъ со стороны Рима, этой, по словамъ поэта, тощей Волчицы, которая загнала Италію туда гдѣ „солнца лучъ угасъ“.

Сей лютый звѣрь, смутившій грудь твою,
Въ пути своемъ другихъ не пропускаетъ,
Но путь просѣкши, губитъ всѣхъ въ бою.
И свойствомъ онъ столь вреднымъ обладаетъ,

Но у Данте Виргилій помѣщенъ еще въ числѣ тѣхъ

„Что безъ надеждъ желаніемъ живутъ".

Виргилій доводитъ поэта только *до* горы осѣненной прекраснымъ, вѣчно-зеленѣющимъ лѣсомъ, на которой помѣщается Земной Рай. Дальнѣйшее же восхожденіе изъ неба въ небо, изъ сферы въ сферу совершается при посредствѣ Беатриче.

Петрарка и особенно Марсилій Фицинъ идутъ далѣе. Во второй половинѣ XV столѣтія, послѣдній рѣшается сдѣлать шагъ предъ которымъ остановился Данте въ началѣ XIV столѣтія. Предъ образомъ философа древней Греціи Платона, Марсилій Фицинъ зажегъ съ своемъ кабинетѣ неугасимую лампаду, которая до того времени зажигалась только предъ иконами святыхъ христіанской церкви. Марсилій Фицинъ не отрекся отъ вѣры и церкви. Нѣтъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ которые учили что philosophia veritatem quaerit, theologia invenit, religio possidet; въ его другихъ комнатахъ, попрежнему, остались иконы святыхъ признанныхъ римско-

---

Что въ алчности ничѣмъ не утоленъ,
Вслѣдъ за ѣдой, еще сильнѣй алкаетъ....
Но близокъ Песъ, предъ кѣмъ издохнетъ онъ.
Изъ града въ градъ помчитъ Волчицу сила,
Доколь ее не заключитъ въ аду,
Откуда зависть въ міръ ее пустила....
О Константинъ! Не обращеньемъ къ вѣрѣ,
А тѣмъ что̀ первому отцу ты далъ,
Какъ много зла родилъ ты въ семъ примѣрѣ!
И еслибъ я не уважалъ ключей
Которыми, принявъ свой санъ высокій,
Ты (разумѣется Николай III) въ свѣтлой жизни управлялъ, злодѣй.
Я бъ жесточѣй привелъ тебѣ упреки:
Вашъ алчный духъ всѣмъ въ мірѣ омерзѣлъ,
Топча добро и вознося пороки.

Отъ степени различія въ сужденіи Макіавелли и Данте объ источникѣ зла тяготѣвшаго надъ Италіей, происходитъ нѣкоторое различіе въ ихъ взглядѣ на средства къ ея избавленію. Макіавелли ждетъ „избранника" и „освободителя" отъ государя: Данте отъ образованія которое совмѣщало бы съ истинно-евангельскимъ ученіемъ знаніе и опытъ древняго міра. Вслѣдствіе этого и является Виргилій и Беатриче, какъ руководители поэта и Италіи. Впрочемъ и конечный идеалъ Макіавелли заключался въ древнемъ же мірѣ, именно въ возстановленіи древней Римской республики.

католическою церковію. Марсилій Фицинъ никакъ не могъ допустить только того чтобы такой великій мыслитель какъ Платонъ оставался тамъ гдѣ помѣстилъ его Данте. По искреннему убѣжденію Марсилія Фицина, Платонъ, если не выше, то никакъ и не ниже святыхъ христіанской церкви; онъ долженъ занимать мѣсто не въ аду, хотя бы онъ тамъ и не терпѣлъ мученій, а въ обители святыхъ, между духами совершенныхъ, предъ которыми земнородные въ чувствѣ своего глубокаго благоговѣнія возжигаютъ лампады. И Марсилій Фицинъ зажегъ неугасимую лампаду предъ образомъ Платона.

Чѣмъ ближе подходимъ ко временамъ реформаціи, тѣмъ это увлеченіе классическою литературой становится живѣе и живѣе. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій, отжившій, давно забытый міръ не только воскресаетъ снова и становится предметомъ самаго ревностнаго изученія, но и является какимъ-то недосягаемымъ идеаломъ, отъ осуществленія котораго многіе ожидали всѣхъ благъ въ жизни. Флоренція составляетъ союзъ по образцу Пиѳагора, устрояетъ академію по духу Платона. Макіавелли видитъ идеалъ государственнаго устройства въ древней республикѣ Рима. Томасъ Муръ создаетъ свою утопію по образцу государства Платона. Эразмъ Роттердамскій настаиваетъ на изученіи географіи по Страбону, естественной исторіи по Плинію, миѳологіи по Овидію, медицины по Ипократу, философіи по Платону, богословской науки не по Дунсу Скоту и Ѳомѣ Аквинскому, а по твореніямъ отцевъ греческой церкви и преимущественно по Новому Завѣту. „О чудный вѣкъ,“ восклицаетъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, въ какомъ-то упоеніи отъ сознанія превосходства этого новаго направленія въ сравненіи съ недавнимъ прошедшимъ, „о чудный вѣкъ, ученіе процвѣтаетъ, умы пробуждаются, жить такъ весело!“ „О божественная глава,“ восклицаетъ другой писатель, уже на закатѣ дней своихъ взявшійся за сочиненія Платона, „отчего ты не просвѣтила меня прежде въ моей юности!“ Лоренцо Медичи какъ бы спѣшитъ своимъ дѣятельнымъ откликомъ на это позднее сожалѣніе старца; какъ будто опасаясь подобнаго же сожалѣнія со стороны своихъ дѣтей, онъ самою главною задачей своей жизни поставилъ дать своимъ дѣтямъ высшее образованіе въ духѣ новаго направленія своего вѣка и своего дома. Какъ смотрѣлъ на это образованіе самъ Лоренцо, какое высокое значеніе онъ придавалъ ему, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ слѣдующій пре-

красный образъ. Ученый Рейхлинъ прибылъ во Флоренцію въ свитѣ герцога Эбергарда. Лоренцо показывалъ имъ всѣ рѣдкости своего дома. Великолѣпіе „великолѣпнаго“ поразило взоры герцога и еще болѣе смиреннаго Рейхлина. Но Лоренцо присовокупилъ что онъ намѣренъ показать имъ еще высшее сокровище. Сказавъ это, онъ отворилъ дверь въ слѣдующую комнату. Тамъ занимались на одной сторонѣ его супруга съ дочерьми, а на другой учитель Полиціанъ съ сыновьями Лоренцо. Чему учились въ то время дѣти Лоренцо, объ этомъ говорятъ имена Рейхлина, Полиціана, самого Лоренца и то обстоятельство что одинъ изъ этихъ сыновей—знаменитый гуманистъ Левъ X.

Самъ папскій дворъ не остался чуждъ этого увлеченія классическою литературой. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ папъ не щадили никакихъ средствъ на пріобрѣтеніе рукописей и различныхъ памятниковъ древности. „И въ это время, точно такъ же какъ и прежде“, говоритъ Ранке, „подстрекали папу къ борьбѣ съ невѣрными; однако папа теперь уже не думаетъ объ интересахъ христіанства, о завоеваніи св. гроба; его надежды состоятъ лишь въ томъ что онъ отыщетъ на Востокѣ рукописи Грековъ и даже, можетъ-быть, Римлянъ.“ *

Изучая и покровительствуя изученію классической литературы, папскій дворъ, конечно, не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду пересоздать современный ему міръ по образцу древняго міра. Но тѣмъ не менѣе, незамѣтно для самого себя и даже вопреки себѣ, содѣйствовалъ осуществленію означенной цѣли въ несравненно большей степени, чѣмъ всѣ другіе гуманисты. Нѣкоторые изъ прелатовъ церкви, пораженные красотой классической литературы, сначала стали позволять себѣ замѣнять простыя евангельскія рѣченія выраженіями Виргилія или Горація. Такъ, напримѣръ, вмѣсто: Духъ Святый, кардиналъ Бембо выражался: вѣяніе небеснаго зефира; вмѣсто: Христосъ Сынъ Божій,—Минерва изъ главы Юпитера. ** Примѣръ кардинала Бембо не былъ единичнымъ. Эразмъ вообще замѣчаетъ что въ Римѣ nihil placet nisi ciceronianum. ***

---

* *Исторія папъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, т. I, въ отдѣлѣ о Львѣ X.

** *History of the Reformation....* by Merle D'Aubigne. Vol. I, 1846, стр. 41. Gieseler, *Kirchengeschichte*, 2 (IV), 1835, стр. 511.

*** Твор. Эразм. Роттерд. по изд. Lugdini-Batavorum 1703. Томъ III. Часть I. стр. 1015.

Поклоненіе классической литературѣ не ограничилось вліяніемъ на внѣшнюю только форму выраженія. Вскорѣ цицероніанство явилось еретичествомъ * и даже чистымъ язычествомъ. Эразмъ свидѣтельствуетъ что онъ самъ встрѣчалъ въ Римѣ клириковъ abominandis blasphemiis debacchantes in Christum. ** Онъ же пишетъ о папѣ Львѣ X, что онъ въ письмѣ къ своему секретарю позволялъ себѣ слѣдующія выраженія о христіанскихъ истинахъ: quantum nobis nostrisque ea de Christo fabula profuerit, satis est omnibus saeculis notum. *** Беневіени свидѣтельствуетъ вообще объ Италіи: „Эта страна потеряла христіанскую вѣру. Обыкновенно думаютъ что все въ мірѣ, въ особенности человѣческія дѣйствія, суть дѣло только одного случая. Иные думаютъ что все управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ. Отрицаютъ будущую жизнь, издѣваются надъ религіей. Мудрые міра сего считаютъ ее предметомъ очень обыкновеннымъ, годнымъ только развѣ для женщинъ и невѣждъ. Нѣкоторые же видятъ въ ней только ложь, изобрѣтенную людьми; kratko: вся Италія и особенно Флоренція преданы невѣрію. Даже женщины отверглись Христа и всѣ, мущины и женщины, вернулись къ язычеству и ревностно занялись поэтами, астрологами и всѣми возможными суевѣріями.“ **** Въ Ватиканъ ходили тогда, говоритъ Ранke, не столько чтобы молиться апостоламъ, сколько для того чтобы во дворцѣ папы подивиться великимъ произведеніямъ древняго искусства, Аполлону Бельведерскому, Лаокоону и др. Собственно о христіанскомъ настроеніи и убѣжденіи не могло быть и рѣчи, а скорѣе обнаруживалось прямое противорѣчіе христіанству. Въ Римѣ считалось хорошимъ тономъ высшаго общества отвергать христіанскія начала. Антоніо Бандино говоритъ что не считали того образованнымъ кто держался христіанскихъ мнѣній. О догматахъ католической церкви, о текстахъ Св. Писанія при дворѣ говорили не иначе какъ шутя; о таинствахъ вѣры отзывались съ презрѣніемъ.“ †

---

* Ibid.

** Ebrard *Handbuch d. Kirchen - und Dogmen-Geschichte.* B. II. стр. 503—4.

*** Ibid.

**** Perrens *Hieronymus Savonarola..*, übersetzt v. Schröder, 1858, стр. 61—62.

† *Исторія папъ...* Тамъ же.

Нужно впрочемъ замѣтить что такое отношеніе къ церкви не было со стороны гуманистовъ чѣмъ-либо преднамѣренно-враждебнымъ христіанству. „То что̀ видѣли, говоритъ Мишле, * было далеко не распря, напротивъ это было лобзаніе. Новая Европа увидѣла свою мать, древность, и бросилась въ ея объятія... О, мать, какъ ты молода, говорилъ міръ со слезами, какъ ты очаровательно прекрасна! Ты унесла съ собой въ могилу лоясь вѣчно юной матери, любви.... А я тысячелѣтній уже согбенъ и покрытъ морщинами.“ „Тутъ была, продолжаетъ тотъ же авторъ, въ самомъ дѣлѣ горькая тайна человѣчества. Новое оказалось старымъ, дряхлымъ, морщинистымъ. Древнее явилось молодымъ своею необыкновенною прелестію и глубокимъ согласіемъ съ зарождающеюся наукой. Кровь стала горячѣе и пламя любви влилось въ старыя жилы вмѣстѣ со вкуснымъ виномъ Гомера, Эсхила и Софокла. Такъ же мужествененъ, какъ и очарователенъ былъ греческій геній, руководившій Коперника и Колумба. Пиѳагоръ и Филолай преподавали имъ систему міра. Аристотель ручался за круглоту земнаго шара. Платонъ показывалъ имъ востокъ и опредѣлялъ Гесперидовъ. Все? Нѣтъ, сердца просили у древности чего-то другаго... Отъ нея требовали освободить изъ заточенія души, позволить свободнѣе дышать, расширить грудь моральною кротостію и человѣколюбіемъ... Отъ нея требовали не разрушать храма, а расширить его, не уменьшать числа святыхъ, а увеличить его; открыть объятія церкви.... Сократу, Антонинамъ, Виргилію!“

Великій, радикальный переворотъ былъ неизбѣженъ. Когда взошелъ на престолъ Генрихъ VIII Англійскій, гуманисты привѣтствовали въ немъ возстановителя вѣка Августа и основателя новой эры, въ которой будутъ царствовать философы. ** Еще съ бо́льшими ожиданіями они встрѣтили вступленіе на папскій престолъ Льва X. Теперь они не сомнѣвались болѣе что онъ, assertor Capnionis et Musarum, *** положитъ конецъ господству средневѣковой схоластики и откроетъ но-

---

* *Renaissance* par Michelet cap. XI.

** Weber, *Geschichte d. akatholisch. Kirchen und Secten v. Grossbritanien*, I Th., стр. 159—160.

*** Strauss, *Ulrich von Hutten*, Th. I, стр. 211.

вое царство,—царство гуманизма, разума и науки. * Ut vigeant studia barbaries exulet!

II.

Cave a Graecis, ne fias haereticus!

Безграничное увлеченіе классическою литературой со стороны однихъ не могло не вызвать сильной оппозиціи со стороны другихъ. Всѣ кому только былъ дорогъ въ какомъ бы то ни было отношеніи средневѣковой порядокъ вещей не могли равнодушно встрѣтить распространеніе этого опаснаго для нихъ ученія. Впрочемъ будущіе представители оппозиціи противъ гуманизма **, замкнутые въ своемъ заколдованномъ кругѣ, *** и занятые своими великими вопросами: о „magister nostrandus vel noster magistrandus“, **** о „Ego sum membrum

---

* Hagenbach, *Vorlesungen über d. Kirchengesch. d. Mittelalters*, 1861, Th. 2, стр. 359.

** Въ вѣкъ восторженнаго поклоненія классической литературѣ было въ обычаѣ лицамъ и событіямъ давать названія изъ древняго міра. Поэтому же и противники гуманистовъ или „Грековъ“ получили въ Англіи названіе „Троянъ“.

*** „Epistolae obscurorum virorum“ имѣютъ своимъ предметомъ именно тотъ міръ о которомъ идетъ рѣчь. Обязанныя своимъ происхожденіемъ противной партіи, они тѣмъ не менѣе до того отвѣчаютъ дѣйствительному положенію дѣла, что первоначально сами magistri nostri (по современному словоупотребленію, доктора богословія) приняли ихъ не только за произведеніе своей собственной партіи, но и за торжество своего дѣла въ борьбѣ съ гуманистами. Вотъ почему изображеніе противниковъ гуманизма по даннымъ Epist. obscur. vir. не нуждается въ оправданіи относительно пристрастія къ гуманизму. Подобное изображеніе столько же основывается на свидѣтельствѣ противниковъ, сколько и на данныхъ собственной партіи.

**** Возникновеніе, постановка и рѣшеніе означеннаго вопроса очень характеристично рисуютъ противниковъ гуманизма. Но эта характеристика можетъ быть понята только лицами знакомыми съ латинскимъ языкомъ, для которыхъ и приводимъ подлинныя слова изъ *Epistolae obscur virorum*: „Thomas Langschneyderius baccalaurius theologie formatus quamvis indignus salutem dicit Superexcellenti necnon Scientificissimo viro Domino Ortuino Gratio Daventriensi poete oratori et philosopho necnon theologo et plus si vellet.

„Quoniam (ut dicit Aristoteles) dubitare de singulis non est inutile, et quia legitur in Ecclesiaste: „proposui in animo meo querere et investigare de omnibus que sunt sub sole“, igitur ego proposui mihi movere unam questionem, in qua dubium habeo, ad dominationem vestram.

corpus vel membra decem universitatum“, и многими другими еще болѣе трудными задачами, будущіе представители оппозиціи, повторяемъ, долго не замѣчали появленія и распро-

---

Sed prius protestor per deum sanctum, quod non volo tentare dominationem seu venerabilitatem vestram, sed ego cupio cordialiter et affectuose, quod instruatis me super dubium illud. Quia scriptum est in evangelio: „noli tentare dominum deum tuum“, quia, ut dicit Solomon, „a deo est omnis sapientia“: sed vos dedistis mihi omnem scientiam quam ego habeo, et omnis scientia bona est origo sapientie; ergo vos estis mihi quodammodo deus, quia dedistis mihi initium sapientie, loquendo poëtice. Est autem illa questio sic introducta: dudum fuit hic prandium Aristotelis, et doctores, licenciati, necnon magistri fuerunt in magna letitia, et ego fui etiam ibi, et bibimus pro primo ferculo tres haustus de malvatico, et pro prima vice imposuimus semellas recentes et fecimus offam, et deinde habuimus sex fercula de carnibus, et gallinis, et caponibus, et unum de piscibus; et procedendo de uno ferculo in aliud, semper bibimus vinum Kotzborgense, Rhenense, et cerevisiam Embeccensem, necnon Thurgensem et Neuburgensem; et magistri fuerunt bene contenti et dixerunt quod domini magistri novelli bene expediverunt se, et cum magno honore. Tunc magistri hilarificati inceperunt loqui artificialiter de magnis questionibus: et unus, quesivit, utrum dicendum „magister nostrandus“ vel „noster magistrandus“ dro persona apta nata ad fiendum doctor in theologia. Et statim respondit magister Warmsemmel, lansmannus meus, qui est Scotista subtilissimus, et magister XVIII annorum, et tenuit quod dicendum est „noster magistrandus“ quod sit una dictio: quia „magistrare“ significat magistrum facere et „baccalauriare“ baccalaurium facere, et „doctorare“ doctorem facere, et hinc veniunt isti termini „magistrandus“, „baccalauriandus“ et „doctorandus“. Sed „nostro, tras, trare“ non est in usu, et neque legitur in vocabulario Ex quo, neque in Catholicon, neque in Breviloquo.... ergo debemus dicere „noster magistrandus“, et non „magister nostrandus“. Tunc magister Andreas Delitzsch, qui est multum subtilis et pro parte est poeta, et pro parte est artista, medicus et jurista... tenuit oppositum magistro Warmsemel et dixit quod debemus dicere „magister nostrandus“, quia sicut est differentia inter „magister noster“ et „noster magister“, ita etiam est differentia inter „magister nostrandus et noster magistrandus“: quia magister noster dicitur doctor in theologia, et est una dictio, sed „noster magister“ sunt due dictiones, et sumitur pro unoquoque magistro in qua cunque scientia liberali, seu mechanica manuali, seu capitali, et non obstat quod „nostre, tras, trare“ non est in usu, qui possumus fingere nova vocabula, et ipse allegavit super hoc Horatium. Tunc magistri multum admiraverunt ejus subtilitatem et omnes fuerunt leti, et postea fuit pulsatum ad vesperas... Et ego dixi pro tunc, magister Ortui-

страненія опаснаго для нихъ направленія въ литературѣ и наукѣ. Даже и тогда какъ стали доходить до нихъ темные слухи о томъ что нѣкто Рейхлинъ, *по-еврейски* называемый Сар-

---

nus debet mihi bene scribere veritatem, quia fuit preceptor meus in Daventria, quando fuit tertiarius". Vol. 1 ep. 1.

Самъ Ортуинъ объ одномъ извѣстномъ „magister noster" употребилъ выраженіе что онъ „членъ (membrum) десяти университетовъ." Dr. Klorbius замѣчаетъ на это что неудобно говорить объ одномъ членѣ многихъ тѣлъ, потому что тѣло имѣетъ многіе члены, но одинъ членъ не можетъ принадлежать многимъ тѣламъ. Того „magister noster", вмѣсто того чтобы называть членомъ (membrun), лучше бы назвать тѣломъ (corpus) десяти университетовъ. Но и это неудобно, такъ какъ въ такомъ случаѣ университеты были бы его членами, слѣдовательно подчинены ему, и онъ былъ бы болѣе чѣмъ университеты, что для нихъ унизительно, а для „magister noster" было бы много, потому что онъ все же человѣкъ (quia etiam magistri nostri sicut scitis, sunt homines). Какъ же теперь рѣшить вопросъ?... Кто принадлежитъ къ десяти университетамъ, рѣшаетъ самъ дръ Клорбій, тотъ можетъ сказать: я есмь членъ десяти университетовъ (ego sum membra decem universitatum). Несоотвѣтствіе чиселъ не должно служить препятствіемъ, потому что самъ Виргиліи называетъ одного Алексія Delitias domini. *Ep. obsc. vir.* vol. 11. Ep. 13.

„Magister noster" (Henricus Schaffsmulius) однажды за обѣдомъ выпилъ яйцо, въ которомъ совершенно ясно можно было уже различать слѣды будущаго цыпленка (et ego aperiens ovum, vidi quod juvenis pullus est in eo, et ostendi socio meo.... et ego statim bibi ovum et simul illum pullum intus). Но послѣ вспомнилъ что обѣдъ происходилъ въ такой день когда яйца позволено ѣсть, а мясо запрещено. Совѣсть начала обличать его за нарушеніе поста (quod feci peccatum mortale comedendo carnes in feriis sextis). Тщетно его другъ представлялъ ему на видъ что на маленькаго цыпленочка, пока онъ еще не вылупился изъ скорлупы, нужно смотрѣть такъ же какъ на червей въ сырѣ или яблокахъ, которыхъ можно безбоязненно ѣсть и во время поста: совѣты друга не достигаютъ цѣли. Совѣсть виновнаго не успокоивается, и онъ обращается за совѣтомъ къ Ортуину, тѣмъ болѣе что одинъ врачъ, хорошій естествоиспытатель, сказалъ ему наоборотъ что черви причисляются къ рыбамъ (и слѣдовательно постная пища); напротивъ образующійся цыпленокъ въ яйцѣ составляетъ дѣйствительное мясо, которое ѣсть въ постъ запрещено." Отвѣта Ортуина нѣтъ въ книгѣ, но и поставленнаго вопроса довольно, чтобы судить объ умственныхъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ лицъ которымъ приходили въ голову подобные вопросы. *Ep. obs. vir.* vol. II. Ep. 26.

niou, * и другой *по имени Proverbia* Erasmi, ** вводятъ какую-то новую латынь и учатъ нѣкоторому еще болѣе странному языку, они, въ чувствѣ своего безконечнаго превосходства, только посмѣивались надъ этими новыми поэтами. Самое непониманіе новаго направленія доставляло имъ своего рода наслажденіе. Сознавая, напримѣръ, по временамъ что они пишутъ далеко не такою латынью какъ Proverbia Erasmi, они восклицаютъ: „Что же изъ этого? Мы не kakie-нибудь свѣтскіе поэты, а богословы; имѣемъ дѣло съ содержаніемъ а не съ формой. Наши добрые старые поэты въ Парижѣ и Кельнѣ, которые сіяютъ „in honorificabilitudinationibus“ *** не то что новомодные поэты. Эти умѣютъ только выдумывать разныя дурацкія штуки: наши же поютъ во славу святыхъ; **** Magistri nostri sunt sicut apostoli Dei, † знаютъ „mentetenus omnes fabulas Ovidii in metamorphoseos, quod non sciunt isti poete seculares. †* „Новые поэты“ изъясняютъ языческихъ писателей только буквально, а наши четвероякимъ образомъ (quadrupliciter): naturaliter, litteraliter, historialiter, et spiritualiter. Я спросилъ одного изъ этихъ новомодныхъ поэтовъ: отчего происходитъ слово: Mavors? Онъ высказалъ мнѣ kakoe-то мнѣніе, которое не вѣрно; я поправилъ его и сказалъ „quod Mavors dicitur quasi mares vorans; et ipse fuit confusus.“ Спросилъ его далѣе: что въ аллегорическомъ смыслѣ означается девятью музами? Онъ опять не зналъ, и я сказалъ что девятью музами означается девять чиновъ ангельскихъ. Въ третій разъ спросилъ: откуда происходитъ слово Mercurius? И когда не зналъ и этого, я сказалъ ему: quod Mercurius dicitur quasi mercatorum curius; quia est deus mercatorum et habet curam pro eis. †** Итакъ вы видите что эти поэты занимаются только

---

* Ibid. vol. I. Ep. 17.

** Ibid. vol. II. Ep. 33.

*** Kampschulte *D. Universilat Erfurt.* I Th. 1858, стр. 183.

**** *Epistolae obscuror. vir.* vol. I. Ep. 25.

† Ibid. vol. II. Ep. 43.

†* Ibid. vol. I. Ep. 28.

†** Magister dicitur quatuor modis: Uno modo a magis et ter, quia magister ter magis debet scire quam simplex persona. Secunda dicitur a magis et terreo, quia magister debet esse terribilis in conspectu suorum discipulorum. Tertio a magis et theron id est status, quia ma-

своимъ искусствомъ объяснять буквально и не понимаютъ аллегорій и изъясненій духовныхъ, потому что они люди плотскіе. *Душевенъ же человѣкъ*, какъ пишетъ апостолъ (1 Кор. 11, 14), *не пріемлетъ яже Духа Божія*. Magister noster Anglicus предлагаетъ въ своемъ сочиненіи толкованія еще болѣе возвышенныя (et est ita profundus in theologia quod non creditis). Діана означаетъ блаженнѣйшую Дѣву Марію. Въ Кадмѣ, ищущемъ свою сестру, онъ открываетъ Христа, ищущаго свою сестру, то-есть человѣческую душу. Не напрасно, говоритъ онъ, и о Бахусѣ пишется поэтами quod est bis genitus, quia per hoc significatur Christus qui etiam est bis genitus uno modo ante secula, et alia vice humaniter et cornaliter.“ *

Между тѣмъ новое направленіе заявляло себя съ большею и большею силою. Magistri nostri, въ предчувствіи опасности, начинаютъ терять свое прежнее невозмутимое спокойствіе духа. „Въ мое время, пишетъ magister Philippus Sculptoris, былъ только одинъ такой поэтъ, по имени Самуилъ; теперь же только здѣсь (повидимому въ Лейпцигѣ) развелось ихъ около 20.“ ** „Если дѣла пойдутъ такимъ образомъ, продолжаетъ старый магистръ (qui fuit magister 36 annorum), *** то университеты, особенно факультетъ философскій, неминуемо должны погибнуть. **** „Illo tempore universitas fuit multum in flore;“ теперь же постоянно болѣе и болѣе тускнѣетъ блескъ и пустѣютъ залы аудиторій нашихъ „magistri artium,“ которые учили юношество тонкимъ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ, остроумнѣйшимъ возраженіямъ и опроверженіямъ. Самыя академическія степени приходятъ въ пренебреженіе. Прежде кто пробылъ въ университетѣ полтора года, тотъ и возводился „in bacularium;“ пробывшій три года или два съ половиною—in magistrum. И родители были довольны и охотно вносили въ университеты деньги, потому что они видѣли какъ ихъ сыновья достигаютъ почестей. Теперь же хотятъ слушать Виргилія, Плинія и другихъ новыхъ авторовъ, и хотя

---

gister in suo statu debet esse major quam sui discipuli. Quarta a magis et sedere, quia magister debet esse major in sua sede quam alii quis suorum discipulorum; *Epistol. obscur. vir.* vol. 11, ep. 23.

* Ibid. vol. I, ep. 28.

** Ibid. ep, 25.

*** Ibid. vol. II, ep. 46.

**** Ibid. vol. I, ep. 25, vol. 11, ep. 58.

бы лять лѣтъ слушали не возводятся ни въ какую степень. Когда эти бѣдные юноши отъ своихъ учителей вернутся домой, что̀ они принесутъ съ собой? Родители спрашиваютъ ихъ: чемъ вы теперь стали? Вотъ ихъ отвѣтъ: Ничѣмъ (nihil), мы занимались поэзіей. И горько становится родителямъ что они напрасно истратили свои деньги и предостерегаютъ другихъ чтобы не посылали дѣтей въ университеты, потому что оттуда ничего не приносятъ.“ *

Опасность новаго направленія не ограничилась одними университетами. Magistri nostri стали замѣчать вредное вліяніе гуманизма и на народныхъ массахъ. Otho Flerszklirdrius, въ письмѣ къ Оргуину, жалуется на новаго проповѣдника, Іоанна Рейсса, что онъ ни Албертистъ, ни Скотистъ, ни Окканистъ и ни Ѳомистъ, идетъ своимъ собственнымъ путемъ, не хочетъ принадлежать ни къ какой школѣ, кромѣ Христовой, ни во что̀ вмѣняетъ монашескую *cappam*, потому что, говоритъ онъ, Богъ не смотритъ на одѣянія. И въ своихъ проповѣдяхъ онъ слѣдуетъ своему особенному способу: не употребляетъ никакого искусства и остроумія въ положеніяхъ и отрицаніяхъ, а прямо переходитъ къ дѣлу. И странно! восклицаетъ magister, народъ охотно его слушаетъ!... Особенно вредно выражается онъ объ индульгенціяхъ. Брату Іакову, который сказалъ что „индульгенціи и все написанное въ нихъ такъ же истинны и съ такою же вѣрой должны быть принимаемы какъ Евангеліе, и что получающіе ихъ такъ же разрѣшаются отъ грѣховъ, какъ еслибы самъ Христосъ пришелъ и разрѣшилъ ихъ,“ Рейссъ возразилъ: ничто не можетъ и не должно быть сравниваемо съ Евангеліемъ. Кто живетъ хорошо, тотъ спасется, хотя бы онъ не купилъ ни одной индульгенціи. Напротивъ, еслибы злой сто разъ покупалъ индульгенціи, все-таки будетъ осужденъ; индульгенціи не спасутъ его. ** Другой magister(Clingesor) слышалъ еще болѣе опасное толкованіе слѣдующаго

---

* Ibid. vol. II, ep. 46. Sed nunc supposita volunt audire. Virgilium et Plinium et alios novos autores; et licet audiunt per quinque annos, tamen non promoventur. Et sic quando revertunt in patriam, dicunt eis parentes „Quid es?“ Respondent quod sunt nihil sed studuerunt in Poesi. Tunc parentes penitent de pecunia, et dicunt postea aliis „Non mittatis filios vestros ad universitatem.... est inutilis pecunia, qua datur ad studium.

** Ibid. vol. II, ep. 43.

мѣста изъ пророка Софоніи: *и будетъ въ той день, изыщу Іерусалима со свѣтильникомъ, и отмщу на мужи нерадящыя о службахъ своихъ.... яко близъ день Господень великій, близъ и скоръ зѣло....* (1, 12, 14). „Я изыщу Іерусалима,“ то-есть, говорилъ новый проповѣдникъ, я посѣщу мою церковь чтобы ее реформировать и уничтожить заблужденія, если какія вкрались въ нее. Я изыщу со свѣтильникомъ, то-есть чрезъ ученѣйшихъ мужей, каковы Эразмъ Роттердамскій, Іоаннъ Рейхлинъ, Муціанъ Руффъ и другіе. И отмщу на мужи нерадящыя, то-есть на богословахъ, не разумѣющихъ ни латинскаго, ни греческаго, ни еврейскаго языковъ, чтобы понимать Писаніе.... Свѣтильникъ, продолжалъ проповѣдникъ, уже возженъ. Названный Эразмъ Роттердамскій уже издалъ нѣсколько твореній древнихъ учителей церкви. Онъ исправилъ и текстъ Новаго Завѣта. И я думаю, закончилъ проповѣдникъ, что это исправленіе Новаго Завѣта несравнено полезнѣе, чѣмъ еслибы 20.000 Скотистовъ или Ѳомистовъ въ теченіе 100 лѣтъ спорили о своихъ Ente et Essentia. *

Послѣ сего не возможно было болѣе медлить. Тогда Доминиканцы, съ Пфефферкорномъ во главѣ, въ Германіи, Парижскій университетъ съ своими „Trivium et Quadrivium“, во Франціи, ** и Трояне въ Англіи вступили въ ожесточенную борьбу съ этимъ новымъ направленіемъ. Вводить, говорили они, какую-то новую латынь въ теологію изъ древняго языческаго міра—еретичество, потому что тѣмъ самымъ была бы унижена церковная латынь, освященная такими великими отцами каковы Албертъ Великій, Ѳома Аквинскій и другіе. Нужно издать повелѣніе чтобы никто изъ этихъ новыхъ писателей не смѣлъ писать что бы то ни было по богословію и не вводилъ бы illam novam latinitatem in sacrosanctam theologiam, какъ дѣлаютъ то Іоаннъ Рейхлинъ и другой, который, какъ слышно, называется Proverbia Erasmi. ***

Изучать греческій и еврейскій языки—богохульство. Это значило бы дать поводъ къ гордости какъ Евреямъ, такъ и Грекамъ, тогда какъ первые христоубійцы, а послѣдніе схиз-

---

* Ibid. ep. 50. Erasmus.... etiam emendavit novum testamentum, quod ego credo esse majori utilitati quam si viginti milia Scotiste vel Thomiste centum annos disputarent de ente et essentia.

** *Битва седми свободныхъ искусствъ.*

*** *Epistol. obse. vir.* vol. II, ep. 33.

матики. Іудеи, увидѣвъ что мы изучаемъ ихъ языкъ, сказали бы: „вотъ христіане изучаютъ наши книги и безъ нихъ не могутъ защитить своей вѣры!“ И была бы тогда великая печаль христіанамъ, а Іудеи еще болѣе укрѣпились бы въ своей вѣрѣ.... Грѣки отпали отъ церкви; слѣдовательно ихъ должно имѣть за враговъ, и христіане не должны заимствовать отъ нихъ свѣдѣній. * Вѣрный сынъ церкви долженъ сказать этимъ новымъ учителямъ: *прильпни языкъ мой къ гортани моему*, еслибы позволилъ себѣ изучать какой-либо изъ подобныхъ богопротивныхъ языковъ.

Изученіе классиковъ вредно въ нравственномъ отношеніи. Магистръ Петръ Гафенмузіусъ спрашиваетъ Ортуина можно ли мальчикамъ изучать Виргилія, Туллія, Плинія и другихъ свѣтскихъ поэтовъ? „Мнѣ кажется, присовокупляетъ онъ, что это не добрый способъ ученія; потому что, какъ пишетъ Аристотель въ метафизикѣ, поэты много лгутъ; а кто лжетъ тотъ грѣшитъ; слѣдовательно кто основываетъ свое ученіе на лжи, тотъ основываетъ его на грѣхѣ. Основанное же на грѣхѣ не есть добро и противно Богу, поелику Богъ есть врагъ грѣха. А въ поэзіи, какъ сказано, много лжи; итакъ, кто начинаетъ свое ученіе съ поэзіи, тотъ не можетъ преуспѣть въ добрѣ; потому что дурной корень всегда даетъ худую траву, и худое дерево имѣетъ только худые плоды, какъ о семъ говоритъ и Спаситель въ Евангеліи: non est arbor bona que facit fructum malum.“ **

Да и вообще, какой смыслъ въ изученіи греческаго и еврейскаго языковъ въ настоящее время? Мы Латиняне, а не Грѣки (quia nos sumus latine et non greci). *** Если кто хочетъ писать такъ чтобы его не понимали, то почему не писать ему по-итальянски, чешски и венгерски? Тогда никто не понялъ бы его. **** Въ прежнее время еще извинительно было изученіе этихъ языковъ. Въ настоящее же время Священное Писаніе уже достаточно переведено; въ новыхъ переводахъ мы не нуждаемся. † Et potius non debemus discere tales literas propter despectum judaeorum et Graecorum. *

---

* Ibid.

** Ibid. vol. I. ep. 7.

*** Ibid. ep. 48.

**** Ibid.

† Ibid. vol. II. ep. 33 Quia sacra scriptura sufficienter est translata et non indigemus aliis translationibus.

* Ibid.

Самое основаніе такъ-называемаго гуманизма, изучать науки по образцамъ древняго міра, есть, очевидно, отрицаніе міра христіанскаго и возвращеніе къ міру языческому. Новые поэты подрываютъ самое основаніе церкви Божіей „то-есть богослововъ, на которыхъ основана церковь, какъ говоритъ Христосъ: ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою.“ * Гуманистъ самый злой еретикъ; онъ безбожнѣе Арія и даже самого Аверроэса, этой бѣшеной собаки, который во всю жизнь лаялъ на Христа. Credo, quod diabolus est in illis poetis. ** Нужно не возстановлять этотъ классическій міръ, а изглаждать всѣ слѣды его; не изучать его творенія, а напротивъ, сожигать ихъ. *** Graeculus iste † это хуже чѣмъ еретикъ, да будетъ онъ тебѣ якоже язычникъ и мытарь. Греческая школа, это domus idolatriae. †* О еслибы всѣхъ этихъ гуманистовъ послать туда, ubi iper crescit. †** О еслибы ихъ diabolus auferat! †*** Конецъ слова: cave à Graecis, ne fias haereticus! †****

III.

Τὰς ἀνθρώπους διὰ τοῦτο ἀπόλλυσθαι, ὅτι οὐ δύνανται τὴν ἀρχὴν τῷ τέλει προσάψαι.

Опасенія Троянъ не были напрасны. Протестъ Лютера, Цвингли, Кальвина обязанъ своимъ происхожденіемъ этому новому направленію. Уже современники хорошо поняли внутреннюю связь между гуманизмомъ и протестантизмомъ. Эразмъ, говорили они, снесъ яйцо, а Лютеръ его высидѣлъ.

---

* Quia volunt esse contra ecclesiam Dei, id est contra Theologos, in quibus est fundata ecclesia, ut Christus dixit: „Tu es Petrus et super hanc petram edificabo ecclesiam meam Epist. Obscur. vir. vol II. Ep. 26.

** Ibid. ep. 46.

*** Ibid. ep. 43.

† Weber *Geschichte d. akathol. Kirchen und Secten v. Grossbritanien* I Th. 1845 стр. 148.

†* Ibid. стр. 147.

†** *Epist. obscur. vir.* vol. I. ep. 25.

†*** Ibid. vol. II. ep. 55.

†**** Weber. *Geschichte d. akathol. Kirchen und Secten v. Grossbritanien* стр. 147.

Въ чемъ именно заключается связь между гуманизмомъ и протестантизмомъ это, кромѣ вышесказаннаго, можно видѣть изъ слѣдующаго: Макіавелли пишетъ: Всякая религія, всякая республика и государство имѣютъ въ основаніи своемъ что-нибудь хорошее, потому что иначе не могли бы подняться и утвердиться. Съ теченіемъ времени эти добрыя начала извращаются, и если не произойдетъ какого-нибудь счастливаго случая, который возстановилъ бы ихъ, то наконецъ все учрежденіе падаетъ. * Мысль Эразма изучать богословіе не по Дунсу, Скоту и Ѳомѣ Аквинскому, а по твореніямъ отцовъ греческой церкви и преимущественно по Новому Завѣту, какъ нельзя болѣе благопріятствовала этому возведенію религіи къ ея первоначалу. Церковная реформа Лютера, Цвингли, Кальвина получила свою силу отъ этого же стремленія очистить церковь отъ вкравшихся злоупотребленій. Римская церковь хорошо понимаетъ опасность изученія христіанскаго ученія по первоначальнымъ источникамъ и потому запретила міранамъ читать Библію. Для чего понадобилось это запрещеніе? Чтобы навязать ученіе о которомъ не знаетъ истинное христіанство, о которомъ не говоритъ Новый Завѣтъ. Со стороны римской церкви подобная политика имѣетъ за себя по крайней мѣрѣ послѣдовательность и настоятельную потребность. Да, cave a graecis, ne fias haereticus!

И замѣчательно что глава гуманистовъ, Эразмъ Роттердамскій, не присталъ къ протестантской партіи. Историки объясняютъ это явленіе свойствомъ самой природы Эразма,—мягкой, нѣсколько болѣзненной, неспособной вести ожесточенную борьбу съ своими противниками и отчасти двоедушной. Все это, безспорно, имѣло свою долю вліянія на отношенія Эразма къ реформаціи, но была причина и болѣе глубокая. Реформа Лютера не удовлетворяла Эразма. Онъ, повидимому, считалъ ее пригодною только для монаховъ. Его идеалъ реформы былъ несравненно шире. „Утопія“ Томаса Мура, написанная подъ вліяніемъ Эразма, представляетъ нѣкоторыя данныя для сужденія объ этомъ идеалѣ. Сочиненія же самого Эразма, какъ напримѣръ, *Enchiridion militis christiani, Moriae encomium* и особенно *Colloquia familiaria* даютъ основанія къ заключенію о реформѣ еще болѣе глубокой. **

---

* *Разсужденія на первыя три книги Тита Ливія.* кн. III гл. I.

** См. объ этомъ *Luther's Ringen mit den antichristlichen Principien d. Revolution* v. Heinr. Vorreiter 1860, стр. 113—155. *Kirchen-*

Начавшіеся вскорѣ ожесточенные споры между католицизмомъ и безчисленными протестантскими направленіями заставили забыть о гуманизмѣ; а вмѣстѣ съ симъ наступило положеніе дѣлъ которое напоминаетъ X или XI столѣтія.

Заключеніе, повидимому, понятно. Но въ настоящемъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, для достиженія цѣли нерѣдко употребляются не вѣрныя, а иногда совершенно противоположныя средства. „Многіе къ свѣту стремились, и въ горшую тьму лишь упали!“ * Τὰς ἀνθρώπας διὰ τῦτο ἀπόλλυσθαι· ὅτι ἃ δύνανται τὴν ἀρχὴν τῷ τέλει προσάψαι.

Д. КАСИЦЫНЪ.

---

geschichte v. Gieseler 2 (IV) 1835 стр. 516—524. Каковы были догматическія воззрѣнія Эразма показываетъ слѣдующее, напримѣръ, мѣсто: ut totius vitae tuae Christum velut unicum scopum praefigas, ad quem unum omnia studia, omnes conatus, omne otium ac negotium conferas. Christum vero esse puta non vocem inanem, sed nihil aliud, quam caritatem, simplicitatem, patientiam, puritatem, breviter quidquid ille docuit. Diabolum nihil aliud intellige, quam quidquid ab illis avocat. *Твор. Эразм. Роттерд.* Изд. 1703 T. V стр. 25.

* Шиллеръ, „Молодому другу, начинающему изучать философію.“

ВЪ ЛѢСАХЪ*

VII.

За круглымъ столомъ въ уютной и красиво разубранной „кельѣ“ сидѣла Марья Гавриловна съ Фленушкой и Марьей головщицей. На столѣ были поставлены большой томпаковый самоваръ, дорогой чайный приборъ и серебряная хлѣбница съ такими кренделями и печеньями, какихъ при всемъ стараньѣ ужь конечно не сумѣла бы изготовить въ своей келарнѣ добродушная мать Виринея. Марья Гавриловна привезла искусную повариху изъ Москвы—это ея рукъ дѣло.

Заспала ли Фленушка свою досаду, въ часовнѣ ли промолила ее, но теперь была она въ такомъ развеселомъ, въ такомъ разбитномъ духѣ что чуть не плясать готова была. Да и заплясала бы и запѣла бы какую-нибудь залихватскую пѣсню, только стыдно было ей предъ Марьей Гавриловной. Недолюбливала вдовушка шумнаго веселья; опять же обитель—можно тамъ и поплясать, можно и пѣсенку какую угодно спѣть, но все жь маленько опасаючись, чтобы слава не пошла, не было бы на обитель нарѣканія. Все можно, все позволительно, только втайнѣ, чтобъ иголки никто не подточилъ. Тогда ничего: „тайно содѣянное тайно и судится“, говорится въ обителяхъ.

Развеселая Фленушка такъ и заливалась, разказывая Марьѣ Гавриловнѣ про свои гостины у Патапа Максимыча. Пере-

---

* См. № 1й *Русскаго Вѣстника.*

сыпая рѣчь насмѣшками и издѣвками, описывала она именинный пиръ и пересмѣивала лировавшихъ гостей. Всѣхъ перецыганила, даже матушку Манефу не помиловала. Ужь очень расходилась она, удержу не стало. До того наконецъ увлеклась она смѣхотворными своими разказами что, выскочивъ на середь горницы, пошла въ лицахъ представлять каждаго гостя, подражая голосу его, походкѣ и ухваткамъ. Марья Гавриловна весело слушала болтовню обительской баловницы и помирала со смѣху глядя на ея выходки. Марья головщица держала себя сдержанно. Она даже немножко задумчива была.

— Матушка идетъ, молвила, выглядывая изъ передней, прислужница Марьи Гавриловны, худенькая, маленькая, востроглазая Олимпіяда, одѣтая не по-скитски, а въ такъ-называемое „нѣмецкое“ платье.

Фленушка поджала хвостъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, чиннехонько усѣлась за столъ и скромно принялась за сахарную булочку.... Марья Гавриловна послѣшила въ переднюю на встрѣчу игуменьи.

Войдя въ комнату, мать Манефа, уставно перекрестилась и поклонилась иконамъ; потомъ поздоровалась съ Марьей Гавриловной, а та, какъ слѣдуетъ по чину обительскому, сотворила предъ ней два обычныхъ метанія.

— Садитесь-ка, матушка, приглашала ее Марья Гавриловна, придвигая къ столу мягкое кресло. — Утомились чай въ келарнѣ-то. Покорно прошу чайку покушать, а мы ужь, простите Христа ради, по чашечкѣ по другой пропустили дожидаючи васъ...

— На здоровье, Богъ благословитъ, примолвила мать Манефа.—Гдѣ меня дожидаться?... Дѣловъ-то у меня не мало—совсѣмъ измаялась въ келарнѣ. Стара становлюсь, сударыня, Марья Гавриловна, устаю: не прежни годы. Видно стары кости деревяннаго тулула захотѣли.... Словно живой прахъ брожу—вотъ оно что̀ значатъ старые-то годы.

— Какіе еще ваши годы, матушка? отвѣтила Марья Гавриловна, подавая чашку и ставя предъ игуменьей серебряную хлѣбницу.—Развѣ вотъ отъ хлопотъ отъ вашихъ? Ну это пожалуй...—Оченно ужь вы заботливы матушка, всякую даже малость близко къ сердцу принимаете.

— Хлопоты, заботы сами по себѣ, сударыня Марья Гавриловна, отвѣчала Манефа.—Конечно и онѣ не молодятъ, ину

пору отъ думы-то и сонъ бѣжитъ и на молитвѣ умъ двоится, да это бы ничего — съ хлопотами да съ заботами можно бы при помощи Господней сладить какъ-нибудь.... Да.... Здоровьемъ-то я съ молоду богата была, за то молодость моя не радостями цвѣла, а горемъ да печалями меркла. Вотъ теперь и отзывается. Да и годы ужь не малые — скоро на шестой десятокъ поступитъ.

— Что жь это за годы, матушка? сказала Марья Гавриловна.—Что за старость въ пятьдесятъ лѣтъ?

— Не въ годахъ сила, сударыня, отвѣтила мать Манефа.— Не годы человѣка старятъ, а горе да печали.... Какъ съ молоду-то горя принято было вдоволь, да потомъ какъ изъ заботъ да изъ хлопотъ ни день, ни ночь не выходишь, поневолѣ раньше вѣку состаришься.... Къ тому жь наше дѣло женское — слабое, не даромъ люди говорятъ „сорокъ лѣтъ— бабій вѣкъ“. Какъ на пятый-то десятокъ, сударыня Марья Гавриловна, перевалитъ, только трудъ да болѣзнь останутся.... Поживите-ка съ мое, увидите.... вспомните слова мои.... Ну, да ваше дѣло иное, Марья Гавриловна, хоть и знали вы горе, все-таки жизнь ваша была иная, прибавила, глубоко вздохнувъ, мать Манефа.

— Матушка! быстро подхватила Марья Гавриловна, вскинувъ черными своими глазами на Манефу.—Жизнь мою вы знаете—это ли еще не горе!....

— Всякому человѣку только свой крестъ тяжелъ, сударыня, внушительно отвѣчала мать Манефа. Все же вы видали красные дни, хоть не долгое время, а видали.... И вотъ теперь, привелъ Богъ, живете безъ думы, безъ заботы, какъ птица небесная.... Печали человѣка только крушатъ, а заботы сушатъ. Горе проходчиво, а забота какъ ржа ѣстъ человѣка до смерти.... А такихъ заботъ, какъ у меня грѣшной, у васъ и прежде не бывало и теперь нѣтъ.... Конечно, все во власти Божіей, а судя по человѣчеству, кажись бы и напередъ вамъ такихъ заботъ не предвидилось какія на мнѣ лежатъ. Вѣдь обителью-то править развѣ легкое дѣло, сударыня? Нѣтъ, семейка-то у меня, сами знаете, какая: сто человѣкъ почти—обо всякой подумай, всякой пить, ѣсть приготовь, да порядки держи, да смотри за всѣми. Нѣтъ, не легко начальство держать.... Такъ тяжело, сударыня, такъ тяжело, что самой не испытавши и понять мудрено.... Такъ вотъ какое мое дѣло, дале-

ko не то что̀ ваше, Марья Гавриловна.... Какія вамъ заботы? Все у васъ готово, что̀ только ни вздумали!... Опять же и здоровьемъ не такія какъ я въ ваши годы была. Отъ того и старость позднѣй къ вамъ придетъ.

— Какъ про то напередъ знать, матушка? сказала Марья Гавриловна,—все во власти Господней.

— Вѣстимо что такъ, отвѣтила Манефа, и помолчавъ немного, заговорила ласкающимъ голосомъ. — А я все насчетъ братца-то, сударыня Марья Гавриловна. Очень ужь онъ скорбитъ что за суетами да недосугами не отписалъ къ вамъ письмеца, на именины-то не позвалъ. Ужь такъ скорбитъ, такъ кручинится чтобы не поставили вы это ему въ вину.

— Да полноте, матушка, отвѣчала Марья Гавриловна. — Вѣдь я еще давича сказала вамъ.... Развѣ за тѣмъ я въ вашей обители поселилась чтобы на пиры ѣздить.... Бывала прежде я у Патапа Максимыча, и еще соберусь какъ-нибудь, только не въ такое время, какъ у него много народу бываетъ...

— Да такъ-то оно такъ, продолжала мать Манефа, — все же однако гребтится ему не оскорбились ли.... Такъ ужь онъ васъ уважаетъ, сударыня, такъ почитаетъ что и сказать невозможно.... Фленушка, поди-ка, голубка, принеси коробокъ что̀ Марьѣ Гавриловнѣ присланъ.

— Напрасно это, матушка, право напрасно, говорила Марья Гавриловна, между тѣмъ какъ Фленушка, накинувъ шубейку, побѣжала по приказанію Манефы.—Скажите-ка лучше какъ поживаетъ Патапъ Максимычъ? Аксинья Захаровна?.. Дѣточки ихнія какъ теперь?

— Слава Богу, отвѣчала Манефа,—дѣла у братца, кажется, хорошо идутъ. Поставку новую взялъ на горянщину, есть надежда хорошіе барыши получить, только ужь и самъ не знаетъ какъ къ сроку поспѣть. До весны много ли времени осталось, а работниковъ мало, новыхъ взять негдѣ. Принанялъ кой-кого, а не знаетъ управится ли.... Къ тому жь предъ самымъ Рождествомъ горемъ Богъ его посѣтилъ.

— Что̀ такое случилось? озабоченно спросила Марья Гавриловна.

— Не знавали ли вы у него прикащика Савельича? спросила мать Манефа.

— Какъ не знать, матушка, славный такой старичокъ, отвѣтила Марья Гавриловна.

— Померъ вѣдь....

— Полноте?

— Померъ сердечный, продолжала мать Манефа.—На Введеньевъ день въ Городецъ на базаръ поѣхалъ, да на обратномъ пути и застань его вьюга, съ дороги сбился, цѣлу ночь плуталъ, промерзъ. Много ль старику надо? Недѣльки три поболѣлъ, и преставился....

— Царство небесное!.. набожно перекрестясь, молвила Марья Гавриловна,—добрый былъ человѣкъ, хорошій. Марьюшка, прибавила она обращаясь къ головщицѣ, — возьми-ка тамъ у меня въ спальнѣ у образовъ поминаньеце. Запиши, голубушка, его за упокой. Егоромъ никакъ звали? обратилась она къ Манефѣ.

— Точно такъ, Георгіемъ.

— Попрошу я васъ, матушка, соборнѣ канонъ за единоумершаго по новопреставленномъ рабѣ Божіемъ Георгіи отлѣть, сказала Марья Гавриловна, — и въ сенаникъ извольте записать его и трапезу на мой счетъ заупокойную по душѣ его поставьте. Все матушка какъ слѣдуетъ исправьте, а потомъ, хоть завтра что ли, дамъ я денегъ на раздачу, чтобъ его годъ поминали. Ужь вы потрудитесь раздайте, какъ кому заблагоразсудите.

— Благодаримъ покорно, сударыня, сказала, слегка поклонясь, мать Манефа.—Все будетъ исправлено.... Да, плохо, плохо стало братцу безъ Егора Савельича, продолжала она. — Одно то сказать — двадцать лѣтъ въ дому жилъ, вѣдь это не шутка въ нынѣшнее время, хоть не родня, а дороже иного роднаго сталъ. Замѣсто правой руки братцу служилъ: и токарни всѣ у него на отчетѣ были, и красильни, и за рабочими присмотръ, и на торги тоже ѣздилъ,—вѣрный былъ человѣкъ,—хозяйскую копѣйку лучше глаза берегъ. Такихъ людей нынѣ что-то мало и становится... Тужитъ по немъ братецъ, очень тужитъ.

— Какъ не тужить, матушка, по такомъ человѣкѣ! отозвалась Марья Гавриловна. — Жаль, жаль старика. Какъ же теперь безъ него Патапъ Максимычъ? Нашелъ ли кого на его мѣсто?

— Взялъ человѣча, да не знаю только выйдетъ ли толкъ, изъ него, отвѣчала мать Манефа. — Парень, сказываютъ, по ихнимъ дѣламъ искусный, да молодъ на мои глаза.... И то мнѣ за диковинку что братецъ такъ скоро рѣшился

прикащикомъ его сдѣлать. По всякимъ дѣламъ, по домашнимъ ли, по торговымъ ли кажись онъ у насъ не торопыга, а тутъ его ровно шиломъ кольнуло, прости Господи, сразу рѣшилъ... Какую-нибудь недѣлю прожилъ парень у него въ работникахъ, вдругъ какъ нежданный карась въ вёршу попалъ.... Прикащикомъ!... Ума не приложу, сударыня, придумать не могу что̀ за диковина.

— Откуда же онъ добылъ его, матушка? спросила Марья Гавриловна.

— Изъ окольныхъ, отвѣчала Манефа.—Нанималъ съ первоначалу въ токари, да ровно онъ обошелъ его: недѣли, говорю, не жилъ, и въ прикащики. Парень умный и смиренный и грамотникъ, да все-таки, сударыня, развѣ возможно человѣка узнать, когда у него губа еще не обросла? Двадцать лѣтъ съ чѣмъ-нибудь.... Надо бы, надо бы постарше.... Да что̀ съ братцемъ подѣлаешь, сами знаете каковъ онъ у насъ. Человѣкъ нравный — чего захочетъ, выпь да положь, никто ему перечить не смѣй. Вотъ хоть бы на счетъ этого Алексѣя....

Марьюшка, сидѣвшая склонившись, подняла голову, и быстро взглянула на Манефу.

— Какого Алексѣя? спокойно спросила Марья Гавриловна.

— Да я все про новаго-то прикащика, продолжала мать Манефа.—Хоть бы про него взять. Аксиньѣ Захаровнѣ братецъ хоть бы единое слово напередъ сказалъ, беру молъ этого парня въ домъ, такъ нѣтъ, сударыня. При гостяхъ къ слову пришлось, такъ сказалъ, тутъ только она и узнала. Говорила ему послѣ Аксинья-то Захаровна: „хоть молъ и видно по всему что Алексѣй человѣкъ хорошій, и кроткій, и тихій, да ладно ли, говоритъ, будетъ такому молодому парню въ приближеньѣ у насъ быть? Уѣдешь ты, говоритъ, на Низъ, али въ Москву, аль куда въ другое мѣсто, останется этотъ Алексѣй въ домѣ одинъ, другаго мущины нѣтъ. Долго ли до славы? Ну какъ зачнутъ люди пустыя рѣчи про дочерей нести? Вѣдь онѣ дѣвки на возрастѣ“.... Такъ и слушать, сударыня, не хочетъ: „никто, говоритъ, не можетъ про моихъ дѣвокъ пустыхъ рѣчей говорить; голову, говоритъ, сорву тому кто посмѣетъ.“

— Ну это онъ напрасно, молвила Марья Гавриловна.—Живучи въ мiру отъ сплетенъ да отъ напраслины мудрено уйти. Падки люди до клеветы, матушка!

— Да не то что въ міру, сударыня, сказала мать Манефа.—У насъ по обителямъ кажись бы этого и быть не должно, а развѣ мало клеветы да напраслинъ живетъ?... Нѣтъ, гордостенъ онъ больно у насъ, Паталъ-отъ Максимычъ, ужь такъ гордостенъ что и сказать невозможно. Не разъ говаривала я ему и отъ Писанія вычитывала: „братецъ молъ ты любезный, послушай меня грѣшную, люди не хуже тебя мои рѣчи слушаютъ: не возносися ты гордостью. Вѣдь сатана на небесѣхъ сидѣлъ, да какъ загордился, куда свалился? Навуходоносоръ царь превыше себя никого быть не чаялъ и гордостію аки волъ наполнился, за то его Господь въ вола и обратилъ; Фараонъ египетскій за гордость въ морѣ потопъ. Вотъ, говорю, цари были, а гордостію проклятою до чего дошли? Мы-то какъ молъ загордимся, такъ куда годимся?....“ И ухомъ не ведетъ, сударыня.

Въ это время вошла Фленушка, таща увѣсистый коробокъ. Вскрыли его, и вынули два фунта цвѣточнаго чаю, голову сахару, разныя конфеты, сушеные плоды, постилу, варенье и другія сласти.

— Напрасно это, право напрасно, говорила Марья Гавриловна, когда Фленушка вынимала гостинцы и раскладывала ихъ по столу. — Что̀ это такъ безлокоится Паталъ Максимычъ?

— Безъ этого нельзя, сударыня, молвила мать Манефа.— Какъ же бы это я къ вамъ съ именинъ да безъ гостинцовъ пріѣхала? Такъ не водится. Да и Паталъ Максимычъ что̀ бы за человѣкъ былъ, еслибы васъ не уважилъ? И безъ того кручинится—не оскорбились ли.

— Да перестаньте пожалуйста говорить про это, матушка, возразила Марья Гавриловна. — Ужь сказала я вамъ на умѣ не было у меня сѣтовать на Патапа Максимыча. Скажите-ка лучше какъ дѣвицы наши поживаютъ, Настенька съ Парашей?

— Живутъ помаленьку, отвѣчала мать Манефа. — Въ Парашѣ мало перемѣны, такая же, а Настенька, на мои глаза, много измѣнилась съ той поры какъ отъ насъ изъ обители уѣхала.

— Чѣмъ же, матушка? спросила Марья Гавриловна.

— Да какъ вамъ сказать, сударыня, отвѣтила мать Манефа.—Вы ее хорошо знаете, дѣвка всегда была скрытная, и въ головѣ у нея много думъ было, а какихъ, никому бывало

не выскажетъ... Теперь луще прежняго — теперь, сударыня, и не сговоришь съ ней.... Живши въ обители, все-таки подъ смиреніемъ состояла, а какъ отецъ съ матерью лотачку стали ей во всемъ давать, теперь никакой власти надъ собой не хочетъ знать.... Вся въ батюшку родимаго — такая же гордостная, такая же нравная, своебычная — все бы ей надъ какимъ ни на есть человѣкомъ покуражиться....

— Что̀ вы матушка? возразила Марья Гавриловна. — Настенька дѣвица такая скромная.

— Нѣтъ, въ ней, сударыня, смиренья ни на капельку, продолжала мать Манефа — гордыня, одно слово, гордыня. Такъ-то на нее посмотрѣть — ровно бы и скромная и кроткая, особливо при чужихъ людяхъ, опять же и сердца добраго, за то ужь коли что̀ не по ней — такъ строптива, такъ непокорна, что не глядѣла бы на нее... На что̀ отецъ, много-то съ нимъ никто не сговоритъ, и того, сударыня, упрямствомъ подъ свою волю гнетъ. Онъ же въ ней души не чаетъ — Настасья ему дороже всего.

— Значитъ Настенька не даетъ изъ себя дѣлать что̀ другіе хотятъ? молвила Марья Гавриловна, слегка нахмурившись и закусивъ нижнюю губу.

Потомъ помолчала немного, съ минуту посидѣла склоня голову на руку, и быстро поднявъ ее, молвила:

— Не худое дѣло, матушка. Сами говорите дѣвица она умная, добрая—и какъ я ее понимаю, на правдѣ стоитъ, лжи, лицемѣрія капли въ ней нѣтъ.

— Да такъ-то оно такъ, сударыня, сказала, тревожно взглянувъ на Марью Гавриловну и понизивъ голосъ, мать Манефа.—Я вѣдь къ тому только говорю, что живучи столько времени въ обители, Настасья ни смиренію ни послушанію не научилась.... А ужь это мнѣ и обидно маленько. Всякій кому не доведись осудить меня можетъ: тетка молъ родная, а не съумѣла научить племянницу. — Вотъ про что̀ говорю, сударыня.

— Ну, матушка, хорошо смиренье въ обители, а въ міру иной разъ никуда не годится, отрывисто и взволнованнымъ голосомъ сказала Марья Гавриловна, вставая изъ-за стола.

Заложивъ руки за спину, быстро стала она ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— И въ міру смиреніе хвалы достойно, говорила мать Манефа, опустивъ глаза и больше прежняго понизивъ голосъ.—

Сказано: „смиреніемъ міръ стоитъ: киченіе губитъ, смиреніе же пользуетъ.... Смиреніе есть Богу угожденіе, уму просвѣщеніе, душѣ спасеніе, дому благословеніе, людямъ утѣшеніе“....

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка, не говорите мнѣ этого, съ горечью отвѣтила Марья Гавриловна, продолжая ходить взадъ и впередъ. — Мнѣ-то не говорите.... Не терзайте мою душу.... Не поминайте!...

Мать Манефа стихла и заговорила ласкающимъ голосомъ:

— Не въ ту силу молвила я, сударыня, что надо совсѣмъ безотвѣтной быть, а какъ же отцу съ матерью не воздать послушанія? И въ Писаніи сказано: „не поживетъ дней своихъ, иже прогнѣвляетъ родителей.“

— А написано ли гдѣ, матушка, чтобы родители по своимъ прихотямъ дѣтей губили? громко вскрикнула Марья Гавриловна, становясь передъ Манефой.—Сказано ли это въ вашихъ книгахъ?.... Ахъ не поминайте вы мнѣ, не поминайте.... продолжала она, опускаясь на стулъ противъ игуменьи.— Забыть хочется, матушка.... простить — такъ не поминайте же...

И Марья Гавриловна навзрыдъ заплакала. Фленушка съ Марьюшкой вышли въ другую горницу. Манефа, спустивъ флеровую наметку на лобъ, склонила голову, и перебирая лѣствку, шопотомъ творила молитву.

— Нѣтъ, матушка, сказала Марья Гавриловна, отнимая платокъ отъ глазъ:—нѣтъ.... Развѣ мало на свѣтѣ родителей что̀ изъ разчетовъ, аль въ угоду богатому, сильному человѣку дѣтей своихъ на закланіе приводятъ?... Счастье у нихъ отнимаютъ, въ пагубу ихъ кидаютъ?

— Бываетъ, униженно и скорбно молвила мать Манефа.

— Не бываетъ развѣ что отецъ по своенравію на всю жизнь губитъ дѣтей своихъ? продолжала, какъ полотно побѣлѣвшая, Марья Гавриловна, стоя предъ Манефой и опираясь рукой на столъ.—Найдетъ, примѣромъ сказать, дѣвушка человѣка по мысли, хорошаго, добраго, а отцу забредетъ въ голову выдать ее за нужнаго человѣка, и начнется тиранство.... дѣвка въ воду, парень въ петлю.... А родитель только руками разводитъ да говоритъ: „судьба такая! Богу такъ угодно.“

Слова Марьи Гавриловны болѣзненно отдались въ самомъ глубокомъ тайникѣ Манефина сердца. Вспомнились ей затѣйныя рѣчи Якимушки, свиданья въ лѣсочкѣ, и кулаки разъ-

яренаго родителя.... Вспомнился и паломникъ бродящій по бѣлу свѣту.... Взглянула игуменья на вошедшую Фленушку и слезы заискрились на глазахъ ея.

— Нездоровится что-то, сударыня Марья Гавриловна, сказала она, поднимаясь со стула. — И въ дорогѣ утомилась и въ келарнѣ захлопоталась — я ужь пойду.... Прощенья просимъ, благодаримъ покорно за угощеніе.... Къ намъ милости просимъ.... Фленушка пойдемъ.

И придя въ келью, Манефа заперлась и стала на молитву.... Но умъ двоится, и не можетъ она выжить изъ мыслей какъ изъ мертвыхъ возставшаго паломника.

VIII.

Разговоръ съ матерью Манефой сильно взволновалъ и Марью Гавриловну. Горе которое хотѣлось ей схоронить вдали отъ людей, въ тиши полумонашеской жизни переполнило ея душу, истерзанную долгими годами страданій и еще не совсѣмъ исцѣлившуюся. По уходѣ Манефы, оставшись одна въ своемъ домикѣ, долго бродила она по комнатамъ. То у одного окна постоитъ, то у другаго, то присядетъ, то опять зачнетъ ходить изъ угла въ уголъ. Вспоминались ей то минуты свѣтлой радости, что̀ быстролетной молніей мелькнули на ея житейскомъ поприщѣ, то длинный рядъ черныхъ годовъ страдальческой жизни. Ручьемъ катились слезы по блѣднымъ щекамъ, когда-то сіявшимъ пышной красотой, цвѣтущимъ здоровьемъ, свѣтлымъ счастьемъ.

Въ Казани за Булакомъ, несмотря на частые пожары, кажется и до сихъ поръ, еще цѣлъ небольшой каменный домъ старинной постройки, гдѣ родилась Марья Гавриловна. Во время оно принадлежалъ тотъ домъ купцу третьей гильдіи Гаврилѣ Маркелычу Залетову.

Не былъ Гаврила Маркелычъ въ числѣ первостатейныхъ казанскихъ купцовъ, не ворочалъ милліонами, но считался весьма зажиточнымъ. Въ Плетеняхъ на Кабанѣ былъ у него мыловаренный заводъ, рядомъ съ нимъ китаечная фабрика. Заведены были они не на широкую ногу, за то устроены исправно и держались въ хорошемъ порядкѣ. У Макарья Залетовъ торговалъ, тамъ у него двѣ лавки было; въ понизовыхъ городахъ дѣла велъ, въ степи да за Уралъ за сырьемъ ѣзжалъ. Опричь того двѣ ростивы у него возили по Волгѣ пшеницу

отъ Балакова до Рыбинска. Въ это дѣло самъ онъ ужь не вступался, предоставивъ старшему женатому сыну, жившему съ отцомъ за одну семью. Очень хотѣлось Гаврилѣ Маркелычу пароходъ завести, потому что видѣлъ онъ скорый конецъ всѣмъ этимъ неуклюжимъ росшивамъ, баркамъ, коломенкамъ и ладьямъ, что̀ изстари вѣковъ таскали кладь по Волгѣ. Изъ головы у него пароходъ не выходилъ, цѣлые часы бывало ходитъ онъ взадъ и впередъ и думаетъ о пароходѣ, спать ляжетъ, и во снѣ ему пароходъ грезится, раздумается иной разъ и слышатся ему то свистокъ, то шумъ колесъ, то мѣрный стукъ паровой машины.... Но не могъ Гаврила Маркелычъ исполнить завѣтную, долгіе годы занимавшую его мечту—денегъ не хватало на постройку, а онъ съ роду ничего въ долгъ не дѣлывалъ и ни за какія блага не сталъ бы кредитоваться.... За то ничего бы не пожалѣлъ, жену, дѣтей радъ бы кажется былъ продать, еслибъ только можно было пароходъ доспѣть.

Ходила молва по купечеству что у Залетова денегъ много, и хоть не пишется онъ въ первую гильдію, а будетъ богаче иныхъ первогильдейцевъ. Какъ сказано, долженъ онъ сроду никому не бывалъ и торговалъ всегда на наличныя. Выпадали случаи столь обычные въ жизни торговаго человѣка что Гаврилѣ Маркелычу нужны бывали деньги до зарѣзу; тогда всякій бы съ радостью готовъ былъ одолжить его, но Залетовъ ни за что̀ на свѣтѣ колѣйки не возьметъ. „Нѣтъ, говаривалъ онъ, чужи-то денежки зубасты, возьмешь лычко, отдашь ремешекъ, займы та же кабала.“ Сынъ приставалъ иной разъ къ нему, уговаривалъ вести торговлю на кредитъ.

— Батюшка, скажетъ бывало ему,—сами вы у себя деньги отнимаете — иной бы разъ какой можно оборотъ сдѣлать, а денегъ нѣтъ въ наличности, дѣло и пропустишь.... А вѣдь на иномъ дѣлѣ можно бы такой барышъ взять что и пароходъ бы выстроили.

— Не смущай ты меня, Антилъ, обыкновенно отвѣчалъ на это Гаврила Маркелычъ. — Экой лукавый—знаетъ чѣмъ смутить.... Не поминай, не моги смущать родителя.... Побольше тебя на свѣтѣ живемъ, побольше и видали. Зачни-ка долги дѣлать, такъ втянешься, что по уши завязнешь.... Слыхалъ ты какіе въ прежни годы въ нашемъ городу богатѣи были? Вихляевыхъ къ примѣру взять, аль Крулодеровыхъ—какими дѣлами ворочали, какіе заводы у нихъ были, а какъ по-

шли по этому чайному дѣлу, да стали на пустышку дѣло вести, все прахомъ пошло. Вонъ Вихляевскій-то внукъ въ извощикахъ на биржѣ стоитъ, а дѣдъ, прадѣдъ первыми людьми по всей Казани были.... Нѣтъ, Антилъ, покамѣсть на свѣтѣ живу, копѣйки ни у кого не возьму, да и тебѣ нѣтъ моего благословенья ни въ долги входить, ни людямъ давать.... Это все заморски купцы выдумали кредитъ этотъ — Нѣмцы.... Ну ихъ къ бѣсовой матери!.... Навожденіе одно!.... Будутъ у тебя залежныя, строй пароходъ—дѣло выгодное, не чета твоимъ ростивамъ. А построивши пароходъ, коли еще лишнихъ денегъ наживешь — другой выстрой, третій, а не то ужь лучше по старинному — въ кубышку да въ подполье. Тамъ крѣпче имъ лежать, за море не улетятъ.... А пуще всего въ люди денегъ не моги давать, потому это баловство одно, какъ есть малодушіе и больше ничего. Коли видишь человѣка въ нуждѣ, а человѣкъ онъ добрый, стоющій—дай ему—только не въ долгъ, а безъ отдачи. Справится по времени, принесетъ деньги—прими, не принесетъ—не поминай. А давай ему не грошъ, не гривну, а чтобы справиться человѣку можно было. Пуще всего роднѣ взаймы не давай, да друзьямъ-пріятелямъ, потому что долгъ остуда любви и дружбы. А случится надоѣстъ какой человѣкъ и не сможешь ты отъ него ничѣмъ отдѣлаться, дай ему взаймы, глазъ не покажетъ.... Это завсегда такъ: вѣрь отцовскому слову.... Помни, Антипъ, во всю твою жизнь и дѣтямъ заповѣдай что говаривалъ мнѣ покойникъ родитель, царство ему небесное: „плутъ кто беретъ, глупъ кто даетъ“...

Такъ думалъ и такъ поступалъ Гаврила Маркелычъ, отъ того и жилъ въ своей средѣ особнякомъ. Не то чтобы люди его бѣгали, аль онъ отъ людей сторонился, но дружества ни съ кѣмъ у него не клеилось.

А скрягой его нельзя было назвать. Никто честнѣе его съ рабочими не расплачивался. Того въ заводѣ у Гаврилы Маркелыча не бывало чтобъ обсчитать бѣднаго человѣка. Да еслибы паче чаянія случилось чтобы сынъ его сдѣлалъ такое дѣло, гривну бы какую при разчетѣ утянулъ, Гаврила Маркелычъ ему голову кажется бы сорвалъ. У него было такъ: не ладенъ работникъ, аль лѣнтяй какой, сейчасъ разчетъ, отдастъ что слѣдуетъ до копѣйки, да тутъ же и порогъ укажетъ, а хорошему рабочему сверхъ уговора что-нибудь дастъ, только накажетъ ему строго-настрого о при-

бавкѣ никому не сказывать.... А въ часовню, что̀ у Татарскаго моста на Булакѣ стояла (раскольничалъ Гаврила Маркелычъ, по бѣглому священству былъ) кто больше всего жертвовалъ?... Кто ризы на иконахъ золотилъ, кто пудовыя свѣчи къ каждой Пасхѣ, къ каждому Рождеству передъ мѣстными образами ставилъ, кто сиротъ и странниковъ въ часовенной богадѣльнѣ всѣмъ старался удоволить?... Гаврила Маркелычъ Залетовъ, даромъ что изъ часовеннаго общества другіе не въ примѣръ богаче его были.... У кого кажду субботу нищимъ ручная раздача милостыни? У Гаврилы Маркелыча.... Кто каждо воскресенье, каждый праздникъ въ острогъ калачи посылаетъ? Гаврила Маркелычъ.... У кого на окнахъ снаружи приворотной свѣтелки кажду ночь хлѣбъ, пироги и другую, какая случится, пищу кладутъ, ради тайной милостыни? У Гаврилы Маркелыча...

Въ гостиномъ дворѣ, аль на Бакалдѣ * зачнутъ купцы къ нему приставать.

— Что̀ это ты, Гаврила Маркелычъ, дѣлаешь? Всѣмъ, сударь мой, ты на удивленье! Съ такими деньгами, съ этакимъ твоимъ капиталомъ сидишь ты, братецъ мой, въ третьей гильдіи. Дляче въ перву не пишешься?

— Эхъ, други мои любезные, молвитъ на то Гаврила Маркелычъ. — Что̀ за невидаль такая ваша перва гильдія? Мы вѣдь люди сѣрые, намъ ложалуй она и не подъ стать.... Говорите вы про мой капиталъ, такъ чужая мошна темна, и денегъ моихъ никто не считалъ. Можетъ-статься капиталу-то у меня и много поменьше какъ вы разсуждаете. Да и какой мнѣ припѣнъ въ первой гильдіи сидѣть? Кораблей за море мнѣ не отправлять, а сына въ рекруты все едино не возьмутъ по третьей ли пишемся, по первой ли..... Изъ-за чего же лишни хлопоты на себя принимать?

— Почету больше, Гаврила Маркелычъ, говорятъ ему торговцы.

— Ну ужь почетъ—нечего сказать! отвѣтитъ бывало Залетовъ. — Съ высока-то станешь глядѣть — глаза запорошишь. Не въ примѣръ лучше по нашему, по сѣрому: лежи низенько, ползи помаленьку, и упасть некуда, а хоть и упадешь, не зашибешься. Такъ-то, други вы мои любезные.

---

* Бакалдою называется пристань на Волгѣ близь Казани.

Въ семейномъ быту Гаврила Маркелычъ былъ съ головы до ногъ домовладыка старо-русскаго завѣта. Любилъ онъ жену, любилъ дѣтей, но по своему.—Всегда казался къ нимъ холоденъ, бывалъ даже суровъ ни за что̀ ни про что̀, такъ—здорово живешь. „Хозяинъ всему голова, говаривалъ онъ, жена, дѣти мои: хочу ихъ милую, хочу въ гробъ заколочу.“ Воля Гаврилы Маркелыча была закономъ, малѣйшее проявленіе своей воли у дѣтей считалъ онъ непокорствомъ, непочтеніемъ, влекущимъ за собой скорую и строгую расправу. Когда сыну его пришла пора жениться, онъ сказалъ ему:

— Антипушка, пора тебѣ законъ свершить, а невѣсту я сыскалъ. Матвѣя Петровича Солодова дочку Аннушку, видалъ?.... Хозяйка будетъ по тебѣ: смиренная, работящая, изъ себя казиста — видная такая, кость широкая, собой дѣвка здоровенная, ее тебѣ на долго хватитъ, не бось не овдовѣешь... Говорю тебѣ, всѣмъ останешься доволенъ.... Завтра надо сватовъ засылать, для того что мясоѣду остается немного.... Скорымъ дѣломъ васъ окрутимъ; благо полъ съ Иргиза наѣхалъ.

Хоть объ Аннушкѣ Солодовой Антипу Гавриловичу и въ голову никогда не приходило, но не поморщившись исполнилъ онъ родительскую волю, пошелъ подъ вѣнецъ съ кѣмъ приказано.... И послѣ ничего... Не нахвалится бывало женой. Ладно жили между собой.

Дочка еще была у Гаврилы Маркелыча—дѣтище моленное, прошенное и страстно, до безумія любимое матерью. И отецъ до Маши ласковъ бывалъ, рѣдко когда пожуритъ ее. Да правду сказать, и журить то ее было не за что̀. Дѣвочка росла умненькая, добрая, послушная, а изъ себя такая красавица, какихъ на свѣтъ мало родится. Заневѣстилась Марья Гавриловна, семнадцатый годокъ пошелъ, сталъ Гаврила Маркелычъ самъ съ собою про жениховъ думать-гадать.

Въ старинныхъ русскихъ городахъ до сихъ поръ сохраняется обычай „невѣстъ смотрѣть“. Для того взрослыхъ дѣвицъ одѣваютъ въ лучшія платья изъ ихъ приданаго и отправляются съ ними въ извѣстный день на условное мѣсто. Молодые люди приходятъ на выставку дѣвушекъ и высматриваютъ суженую. Въ новомъ Петербургѣ такія смотрины бываютъ на гуляньѣ въ Лѣтнемъ Саду, въ старыхъ городахъ—на крестныхъ ходахъ. Такъ и въ Казани водится.

Приближался день принoса чудотворной иконы Богородицы изъ Семіозерной пустыни, когда казанскіе женихи невѣстъ высматриваютъ. Гаврила Маркелычъ велѣлъ женѣ выряднть Машу и отправляться съ нею на смотръ. * Разрядилась Маша въ шелки-бархаты и рано утромъ съ матерью и невѣсткой пошла на широкую луговину, разстилающуюся между кремлемъ и Кижицами, черезъ которую должны были проносить икону. Прихватили онѣ съ собой бабушку Абрамовну, двоюродную тетку Гаврилы Маркелыча, кочевавшую по роднымъ и знакомымъ, гдѣ подомовничать, гдѣ за больнымъ похoдить, гдѣ по хозяйству предъ праздниками пособить. Маленько и сватаньемъ Абрамовна занималась.

Дѣло было въ іюнѣ. Съ ранняго утра гудѣлъ торжественный звонъ колоколовъ съ пятидесяти казанскихъ колоколенъ. Погода стояла теплая, ясная, поднимающееся на небосклонъ солнце освѣщало городскія зданія и кремлевскія стѣны, и ярко играло на золотомъ шарѣ Сумбекиной башни. Густыми толпами разряженные горожане спѣшили по луговинѣ къ Кижицкому монастырю, куда еще съ вечера принесли изъ Семіозерной пустыни икону. Женщинъ, какъ всегда и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, было гораздо больше чѣмъ мущинъ; бѣлые, красные, голубые и другихъ яркихъ цвѣтовъ наряды, цвѣтные зонтики, распущенные надъ головами богомолокъ, придавали необычный въ другое время, праздничный видъ луговинѣ, весной заливаемой водополыемъ, а потомъ посѣщаемой развѣ только косцами, да охотниками за болотною дичью. Чѣмъ ближе къ монастырю, тѣмъ гуще и пестрѣй становились толпы. Народный говоръ, гиканье казаковъ, летавшихъ взадъ и впередъ по дорогѣ, крики полицейскихъ, въ потѣ лица работавшихъ надъ порядкомъ, стукъ экипажей, несшихся къ моna-

---

* На смотринахъ при крестныхъ ходахъ старообрядцы принимаютъ участіе. Въ своихъ часовняхъ и моленныхъ они не могутъ устраивать смотринъ „страха ради іудейска“, то-есть попросту говоря, страха ради полиціи, не допускающей большихъ раскольничьихъ сборищъ. А смотрѣть невѣстъ надо — безъ того обойтись нельзя. Вотъ и вспомянули ревнители древляго благочестія изреченныя лѣтъ полтораста тому назадъ словеса „страдальца“ своего, протопопа Аввакума Петровича, разрѣшившаго поклоняться чудотворнымъ иконамъ, хранимымъ никоніанами, но не иначе какъ на открытомъ мѣстѣ, напримѣръ на крестныхъ ходахъ, а отнюдь не подъ церковными сводами.

стырю, и колокольный благовѣстъ—все сливалось въ одинъ праздничный гулъ, далеко разносившійся по окрестностямъ. Семейство Гаврилы Маркелыча остановилось у того мѣста гдѣ должны были встрѣтиться два крестные хода: одинъ изъ города, другой изъ монастыря. Шестнадцатилѣтняя Маша сіяла красотой: черные какъ смоль волосы оттѣняли смуглое румяное ея личико, огневые черные глаза такъ и горѣли изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Высокая, стройная, статная дѣвушка скромно стояла на мѣстѣ, глазъ не поднимаючи, а молодежь такъ и кружется около нея, такъ на нее и заглядывается. Красивѣе Маши Залетовой не было на Кижицкомъ полѣ.

Но вотъ вмѣсто мѣрнаго благовѣста въ монастырѣ затрезвонили. Затрезвонили тотчасъ и на городскихъ колокольняхъ. Толпы пришли въ движеніе: кто спѣшилъ къ монастырю, кто къ приготовленному мѣсту встрѣчи крестныхъ ходовъ. Изъ Кижицъ показалось церковное шествіе: хоругви, кресты и наконецъ всѣми ожидаемая икона, во время оно, какъ гласитъ преданіе, спасшая Казань отъ моровой язвы. Ее несли на рукахъ священники, сопровождаемые пришлыми изъ дальныхъ и ближнихъ мѣстъ богомольцами, запыленными въ пути и навьюченными странническими котомками и пещурами. Въ то же время по крутому спуску къ рѣкѣ Казанкѣ, изъ Тайницкихъ воротъ Казанскаго кремля, двинулось другое шествіе. Тамъ развѣвались цеховые значки и церковныя хоругви, блестѣли на солнцѣ дородоровыя ризы духовенства, расшитые золотомъ мундиры казанскихъ властей и штыки гарнизоннаго баталіона, разставленнаго рядами по сторонамъ пути. Звонъ колоколовъ, грохотъ барабановъ, военная музыка, пѣніе клира и глухой перекатный топотъ многотысячной толпы сливались въ нестройные, но торжественные звуки.

На приготовленномъ мѣстѣ встрѣтились крестные ходы. Минутой смолкло все: и звонъ, и пѣніе, и барабанный бой, и музыка, и народный топотъ, и говоръ. Всякій звукъ замеръ въ громадной толпѣ, и далеко по луговинѣ раздалось бряцанье серебрянаго кадила въ рукѣ архіерея, привѣтствовавшаго еиміамомъ пришествіе Владычицы. Слышались еще шумный шорохъ отъ движенья десятковъ тысячъ рукъ крестившагося народа, да звонкая, вольная пѣсня жаворонка, лившаяся

на землю изъ лазурнаго пространства... Но вотъ архіерей принялъ на свои руки принесенную святыню, передалъ ее городскому головѣ, и клиръ торжественно воскликнулъ: „Днесь свѣтло красуется градъ сей, яко зарю солнечную воспріемше, Владычице, чудотворною твою икону!...“ Блеснули слезами взоры молящейся толпы, и десятки тысячъ повергліись ницъ предъ ликомъ Дѣвы Маріи. Опять загудѣли колокола, опять загрохотали барабаны, опять раздалось громкое пѣніе, опять грянула военная музыка. Шествіе двинулось въ кремль. И у всѣхъ на душѣ было свѣтло, легко и радостно.

— Ну вотъ и привелъ Богъ проводить Владычицу! Слава тебѣ Господи, говорили пришедшіе издалека богомольцы, собираясь во свояси, иные за сотню верстъ и больше отъ Казани.

— Слава тебѣ Господи! Дождались матушку Пресвятую Богородицу! Привелъ Богъ встрѣтить Царицу Небесную, говорили, набожно крестясь, расходившіеся по домамъ горожане. И встрѣчаясь съ знакомыми, весело и радосгно поздравляли другъ друга съ великимъ празднествомъ. Лица всѣхъ сіяли чистой, свѣтлой радостью. На что̀ толстый, широкоплечій, со здоровенными кулаками, частный приставъ Хоменко, долго и неустанно возбуждавшій православныхъ къ благоговѣнію и порядку, и тотъ даже, остановясь у Тайницкихъ воротъ, разъ лять перекрестился усталою рукой.... А за тѣмъ, окинувъ съ высоты горы орлинымъ взоромъ разстилавшуюся внизу луговину и замѣтивъ на ней кучки богомольцовъ тамъ и сямъ разсѣвшихся на травѣ, подозвалъ квартальнаго и зычнымъ голосомъ отдалъ приказъ:

— Ишь ихъ чертей что̀ тамъ насѣло.... Взять трехъ хожалыхъ, да казаковъ. Для усиленія четырехъ подчасковъ — чтобы черезъ полчаса народу на полѣ не было. У меня не зѣвать!

И меньше чѣмъ черезъ полчаса народу на полѣ въ самомъ дѣлѣ не осталось ни одного человѣка.

По случаю торжества, въ городской думѣ былъ завтракъ, стоившій двухъ обѣдовъ. Это городской голова угощалъ архіерея съ духовенствомъ, губернатора со властями и почетное купечество. Стерляди были уму помраченіе, разварной осетръ глядѣлъ богатыремъ, а кулебяка вышла такая, что первый знатокъ лобареннаго дѣла, помѣщикъ Костильцовъ, хотѣлъ было пальчики облизать, да застыдился. Онъ ограничилъ свой восторгъ тѣмъ что издали низенько поклонился головѣ, сдѣлалъ ему ручкой и щелкнулъ языкомъ.

Голова, погладивъ бороду, собственноручно подлилъ хорошему человѣку вина и примолвилъ: „пожалуйте-съ“.... Тостовъ было несконча́емое множество, пили за всѣхъ и за вся. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, а въ Швейцаріи,* на дачѣ у губернатора составился танцовальный вечеръ. Черезъ день въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатана была умилительная и въ высшей степени благонамѣренная статья о минувшемъ торжествѣ. Въ ней все было сказано, ничего не забыто—говорилось и о лазурныхъ небесахъ, и о майскомъ зефирѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ, не были забыты ни яркое солнце, сочувствовавшее ликованію благочестивыхъ жителей богоспасаемаго града Казани, ни лѣсни жаворонка, ни осетры на завтракѣ, ни благочестіе монаховъ Кижицкаго и особенно Зилантова монастыря, ни восхитительные наряды дамъ на танцовальномъ вечерѣ въ Швейцаріи, ни слезы умиленія, ни превосходный полицейскій порядокъ. Въ заключеніе упомянуто что всѣ жители города, безъ малѣйшаго исключенія, безпредѣльно преданы душей и сердцемъ его превосходительству господину военному губернатору и видятъ въ немъ не начальника, а отца. Статья понравилась, и всѣ были увѣрены что ее перепечатаютъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Губернаторъ, читая статью, прослезился, читали ее даже казанскія дамы, а редакторъ въ первое воскресенье былъ приглашенъ къ губернатору обѣдать, и послѣ обѣда губернаторша имѣла съ нимъ разговоръ о поэзіи въ чувствахъ.

Дѣла давно минувшихъ дней! А кажется давно ли они были!

Но возвратимся къ семейству Гаврилы Маркелыча Залетова. Тамъ жизнь не краснѣе, за то цѣльнѣе и не въ примѣръ своеобразнѣй.

IX.

Когда на луговинѣ предъ Кижицами встрѣтились крестные ходы, сдѣлалась такая тѣснота, такая толкотня и давка что Маша не успѣла оглянуться, какъ ее оттѣснили отъ матери и чуть съ ногъ не сбили. Не видя вокругъ знакомаго лица, она заплакала.... Положеніе Маши, никогда не бывавшей на многолюдствѣ, въ самомъ дѣлѣ было трудно.... Но нашелся избавитель. Красивый, статный молодой незнакомецъ взялъ тре-

---

* Швейцаріей въ Казани называется загородное мѣсто гдѣ устроены дачи горожанъ. Швейцарій двѣ—Нѣмецкая и Русская.

лставшую отъ страха дѣвушку подъ руку, раздвинулъ толпу и вывелъ изъ нея полуживую Машу. Она оправляла помятое платье, и глядя по сторонамъ, искала своихъ. Растерявшись, не догадалась даже поблагодарить молодаго человѣка, не взглянула даже на него хорошенько.

— Вы съ кѣмъ-съ? Съ маменькой что ли-съ? спрашивалъ Марью Гавриловну ея избавитель, любуясь красотой плачущей дѣвушки.

— Съ маменькой... съ сестрицей.... да еще бабушка съ нами... отвѣчала Маша, всхлипывая.

— Не плачьте-съ, онѣ придутъ, сейчасъ придутъ-съ, успокоивалъ ее молодой человѣкъ. — Будемте стоять здѣсь на одномъ мѣстѣ, непремѣнно придутъ-съ.

Маша взглянула на молодаго человѣка, и сердце ея упало. Съ роду не видала она такихъ красавцевъ. Да и гдѣ было ей видѣть ихъ, сидя дома, почти въ заперти?

Скоро замѣтила она мать и невѣстку, успѣвшихъ выдраться изъ толпы. Она подбѣжала къ нимъ. Когда всѣ ахали и охали, а Маша сказывала что ее совсѣмъ было задавили, да спасибо добрый человѣкъ выручилъ, онъ подошелъ къ Залетовымъ. Мать поблагодарила его, но разговоръ не клеился. Узнали однакожь что это былъ купеческій сынъ изъ Москвы, Евграфъ Макарычъ Масляниковъ, только на-канунѣ пріѣхавшій въ Казань, гдѣ знакомыхъ у него нѣтъ ни единаго человѣка. Машина мать сказала Масляникову кто они такіе и гдѣ живутъ. Затѣмъ разстались.

Не вздумай самъ Гаврила Маркелычъ послать жену съ дочерью на смотрины, была бы въ домѣ немалая свара, когда узналъ онъ о случившемся. Но теперь дѣло обошлось тихо. Хоть и ворчалъ Гаврила Маркелычъ вплоть до вечера, зачѣмъ дескать становились на такое мѣсто, да зачѣмъ дескать не отошли во-время, однако все обошлось благополучно — смякъ старикъ. Сказали ему про Масляникова, что еслибъ не онъ, совсѣмъ бы задавили Машу въ народѣ. Гаврила Маркелычъ поморщился, но шумѣть не сталъ.

— Какъ его зовутъ, говоришь ты? спросилъ онъ жену.

— Евграфомъ Макарычемъ, отвѣтила она.

— Изъ Москвы?

— Московскій, сказывалъ.

— Гм! Ужь не тѣхъ ли это Масляниковыхъ у которыхъ

домъ въ Сыромятникахъ? Макарычъ по отчеству-то? спрашивалъ Гаврила Маркелычъ.

— Макарычъ.

— Пожалуй что изъ нихъ, молвилъ Гаврила Маркелычъ. — Старика-то Макаръ Тихонычемъ зовутъ; люди богатые, въ милліонѣ.... Вотъ бы тебѣ, Маша, такого молодца на Кижицахъ-то подцѣпить — прибавилъ онъ, обращаясь къ дочери.

Маша поникла головой и зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ.

— Чего краснѣть-то? молвилъ отецъ, — дѣло говорю, нечего голову-то гнуть, что кобыла къ овсу.. Да еслибы такое дѣло случилось, я бы тебя со всякимъ моимъ удовольствіемъ Масляникову отдалъ: одно слово, милліонеры, опять же и по нашему согласію—по Рогожскому значитъ. Это по нашему состоянію дѣло не послѣднее.... Ты это понимать должна.... Чего глаза-то куксишь? Дура!

— Да я.... тятенька.... право не знаю.... безсвязно говорила Маша, а у самой такъ и волнуется грудь, такъ и замираетъ сердце, такъ и подступаютъ рыданья, напрасно силится она сдержать ихъ, глядя на отца перепуганными глазами.

— Чего тутъ—тятенька! ворчалъ свое Гаврило Маркелычъ.— Подчаль этого жениха, коли на самомъ дѣлѣ сыномъ Макару Тихонычу приходится, я тебѣ, кажись, въ ноги поклонюсь, даромъ что отецъ, а ты мое рожденье.... Ей-Богу, право поклонился бы.... Чего рюмишь? Понимаешь ли ты, глупая, что̀ такое означаетъ одно слово Масляниковъ?... Ты пойми—милліонеры.... Вѣдь еслибы Господь такую благодать послалъ, не то что тебя, насъ бы тогда рукой не достать!.... Чужихъ денегъ не бирывалъ, а отъ рожденія своего могу взять... Пароходище какой бы слялалъ — понимаешь ты это, аль нѣтъ?... Строятъ теперь на Балахнѣ *Сампсона*, чуть не въ пять сотъ силъ, я бы въ тысячу состроилъ.... Ты это понимать должна! Потому что ты дочь — мое рожденье. Такъ ли я говорю?... А?... Такъ аль не такъ?

Маша только рыдала.

— Хныкать-то нечего! продолжалъ свое Гаврила Маркелычъ. — За умъ берись. Говорятъ тебѣ, причаливай жениха— лучше этого не будетъ.... Богъ дастъ завернетъ къ намъ, а не завернетъ, самъ пойду, разыщу, заманю.... Смотри жь у меня, Марья — скачи передъ нимъ задомъ и передомъ — это ужь ваши дѣвичьи ухватки, тутъ вашу сестру учить нечего, а чтобъ у меня этотъ женихъ былъ на причалѣ.... Слышала?...

Мнѣ бы только пароходъ, а прочее все Господь устроитъ... Его святая воля!... Только ты у меня смотри, Марья, хоть и сказано тебѣ отъ отца, отъ родителя значитъ: причаливай Масляникова, а того не забывай — коли до грѣха прежде вѣнца дойдешь, живой тебѣ не быть. Мужа получай, а дѣвичью честь не нарушай.... Помни мое слово, ты ужь не маленькая — все понимать можешь.

Дня черезъ два, молодой Масляниковъ пріѣхалъ къ Гаврилѣ Маркелычу будто китайку торговать, хоть ему ни до какой китайки дѣла не было. Китайки у Гаврилы Маркелыча не оказалось, работали ее только по заказамъ. Зашли разговоры о томъ, о семъ, и Гаврила Маркелычъ съ удовольствіемъ узналъ что гость его въ самомъ дѣлѣ сынъ московскаго богача Масляникова. Знакомство завязалось. Гаврила Маркелычъ частенько зазывалъ Евграфа Макарыча чайкомъ побаловаться на вольномъ воздухѣ, въ саду, въ бесѣдкѣ. Хоть Масляниковъ въ Казани былъ проѣздомъ и никакихъ дѣлъ у него тамъ не было, однако прожилъ недѣли три, и чуть не каждый вечеръ распивалъ чаи въ бесѣдкѣ Гаврилы Маркелыча, а иногда оставался на короткое время одинъ-на-одинъ съ Машей. Сначала они молчали, потомъ разговорились.... Прошла недѣля, другая, третья, и — зоркій глазъ бабушки Абрамовны, лазившей зачѣмъ-то на чердакъ, подкарауливъ какъ въ темномъ уголкѣ сада, густо заросшемъ вишенъемъ, Масляниковъ не то шепталъ что-то Машѣ на ухо, не то цѣловалъ ее. Со слѣпа старуха хорошенько не разглядѣла....

Пока Абрамовна раздумывала сказать аль нѣтъ родителямъ про то что̀ подглядѣла, Масляниковъ, собравшись въ путь, попросилъ Гаврилу Маркелыча переговорить съ нимъ наединѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Долго говорили они въ бесѣдкѣ, и кончился разговоръ ихъ тѣмъ что Евграфъ Макарычъ весело распростился со всѣми, а Гаврила Маркелычъ обѣщался на другой день проводить его до пристани.

Воротясь домой, Залетовъ говоритъ женѣ:

— Помнишь какъ вы тогда со смотрѣнья изъ Кижицъ пришли? Шутки я тогда съ Марьей шутилъ, хорошо бы молъ Евграфа Макарыча подчалить? Шутки-то на правду стали походить.

— Что̀ ты, Маркелычъ? вскрикнула жена его.—Неужели въ самомъ дѣлѣ?

— Врать что ли я стану? возразилъ Гаврила Маркелычъ, да такъ что жена маленько вздрогнула.—Посватался, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Что̀ жь ты сказалъ, Маркелычъ? Какъ рѣшилъ? спросила взволнованная мать.

— Нечего лока рѣшать-то, отвѣчалъ Гаврила Маркелычъ.— Сказалъ что тутъ прежде всего родительская воля, если молъ Макаръ Тихонычъ пожелаетъ съ нами родниться, мы молъ не прочь.... Станемъ изъ Москвы вѣстей ждать.... Да ты Марьѣ-то покамѣстъ не говори, нечего прежде времени дѣвку мутить. Да никому ни гу-гу, лучше будетъ.

Но Маша смекнула что Масляниковъ посватался. Видя что отецъ былъ необычайно ласковъ на прощаньѣ съ Евграфомъ Макарычемъ, проводилъ даже его на пароходъ, она съ радостнымъ трепетомъ сердца догадалась что дѣло шло на ладъ. Разцвѣла, повеселѣла дѣвушка, стала краше прежняго. Съ ранняго утра до поздняго вечера вольной пташкой распѣваетъ она, бѣгая по отцовскому садику и вспоминая на какомъ мѣстѣ какія сладкія рѣчи говаривалъ ея желанный. Отецъ гораздо мягче сталъ, его крику больше не слышно; онъ даже ласкалъ то и дѣло Машу. Бывало придетъ въ садъ, взглянетъ на нее, и скажетъ, улыбаясь:

— Не пріустала ль, Машенька? Что̀ это ты день деньской все по саду строчишь?

— Нѣтъ, тятенька, отвѣтитъ она.—Какая мнѣ усталь? Вѣдь не работа какая.

— Ну гуляй, дѣвка, гуляй, пой свои пѣсенки, молвитъ Гаврила Маркелычъ и пойдетъ своей дорогой.

Письмо изъ Москвы пришло, писалъ Евграфъ Макарычъ что отецъ согласенъ дать ему благословенье, но хочетъ напередъ познакомиться съ Гаврилой Маркелычемъ и съ будущей невѣсткой. Такъ какъ наступила Макарьевская ярмарка, Евграфъ Макарычъ просилъ Залетова пріѣхать въ Нижній съ Марьей Гавриловной. Тутъ только сказали Машѣ про сватовство. Отвѣтила она обычными словами о покорности родительской волѣ: за кого дескать прикажете, тятенька, за того и пойду, а сама рѣзвѣй забѣгала по саду, громче и веселѣй запѣла свои пѣсенки.

— Человѣкъ онъ хорошій, какъ-то сказалъ ей отецъ.— Любъ онъ тебѣ, Маша?

— Онъ добрый.... пригожій такой.... проговорила краснѣя Маша.

— Ну что̀ пустяки-то городишь! крикнулъ Гаврила Маркелычъ. — Пригожій!... А какого шута тебѣ въ его пригожествѣ? Съ мужнина лица не воду пить; какого Богъ уродилъ, таковъ и будетъ — все едино... Тутъ главная причина что онъ одинъ сынъ у отца: рано ли поздно ли всѣ капиталы ему достанутся. Опять же люди они постоянные, благочестивые. Богобоязненный домъ, отъ кого не послышишь. Вотъ это статья!... Ты ему не на рожу гляди, а въ мошну. — Ужь выдать бы только мнѣ тебя, Марья, за Масляникова, какой бы мы съ тобой пароходъ спустили! Первый бы по Волгѣ былъ!...

X.

Старикъ Масляниковъ былъ старый вдовецъ. Схоронивъ первую жену, мать Евграфову, женился онъ на молоденькой дѣвушкѣ, изъ бѣднаго семейства, но и та недолго пожила. Поговаривали будто обѣ жены пошли въ могилу по милости куликовъ благовѣрнаго. Въ третій разъ Макаръ Тихонычъ жениться не хотѣлъ.

„Куда мнѣ старому грибу съ молодой женой возиться!... Пора душу спасать, вѣкъ мой на исходѣ," говаривалъ онъ свахамъ, зачастившимъ было къ богатому вдовцу съ предложеньями своего товара. „Правда, продолжалъ онъ, безъ бабьяго духа въ домѣ пустымъ что-то пахнетъ, такъ у меня сыну двадцать первый пошелъ, выберу ему хорошу невѣсту, сдамъ дѣла и капиталъ, а самъ запрусь, да Богу молиться зачну. Мы свое изжили, наше время прошло,—молодымъ надо дорогу давать. Да и то надо сказать, не хочу отъ врага рода человѣческаго жену себѣ поять потому сказано: „перва жена отъ Бога, вторая отъ людей, а третья отъ бѣса."

Воротясь изъ Казани, Евграфъ Макарычъ, замѣтивъ однажды что недоступный, мрачный родитель его былъ въ веселомъ духѣ, осторожно повелъ рѣчь про Залетовыхъ и сказалъ отцу: „есть молъ у нихъ дѣвица очень хорошая, и еслибы на то была родительская воля, такъ мнѣ лучше бы такой жены не надо".

— Ишь ты! замѣтилъ отецъ.—Я его на Волгу за дѣломъ посылалъ, а онъ дѣвокъ тамъ розыскивалъ. Счастливъ твой Богъ,

что поставку ты хорошо обладилъ; не то бы я за такое твое малодушіе спину тебѣ нагрѣлъ. У меня думать не смѣй, самому невѣсту искать.... Каку отецъ дастъ, таку и бери.... Вотъ тебѣ и указъ.... А женить тебя въ самомъ дѣлѣ пора. Безъ бабы и по хозяйству все не ходко идетъ, да и въ дому жиломъ не пахнетъ.... По осени безпремѣнно надо свадьбу сварганить, надоѣло безъ хозяйки въ домѣ.

— А развѣ, тятенька, у васъ есть на примѣтѣ? взволнованнымъ голосомъ спросилъ Евграфъ.

— А тебѣ что за дѣло? Сыщу такъ скажу.

Замолкъ Евграфъ Макарычъ, опустилъ голову, слезы на глазахъ у него выступили. Но не смѣлъ супротивъ родителя слова вымолвить. Цѣлую ночь онъ не спалъ, горюя о судьбѣ своей и на разные лады передумывая какъ бы это устроить чтобъ отецъ его узналъ Залетовыхъ, чтобы Маша ему понравилась, и онъ бы согласился на ихъ свадьбу. Но ничего придумать не могъ. Одолѣла его тоска, хоть руки на себя наложить такъ въ ту же пору.

Прошло съ недѣлю времени. Пріѣхалъ однажды Макаръ Тихонычъ изъ Города развеселый такой. Сѣли обѣдать, говоритъ онъ сыну:

— Сегодня намъ съ тобой, Евграфъ, счастія Богъ послалъ— всю залежь что ее въ лавкѣ не было съ рукъ спустилъ. Что не было стараго, не годящаго товару, весь сбылъ, да еще за наличныя. Думалъ убытки нести, а вышелъ барышъ, да какой!

— Кому же тятенька продали? спросилъ Евграфъ Макарычъ.

— Послалъ Господь олуха. Благодарю Создателя!... Изъ Сибири пріѣхалъ. Дѣла-то свои только-что начинаетъ, толку-то ни въ чемъ еще не смыслитъ. Молоденькой вотъ какъ твое же дѣло, легковѣрный такой; что ему ни ври, всему вѣритъ.... Ужь и объягорилъ же я его, обулъ какъ Филю въ чортовы лапти!.... Ха, ха, ха!.... Не забудетъ меня до вѣку.... Надо будетъ завтра на Рогожское съѣздить, Бога поблагодарить.... Вели-ка ты, Евграфъ, прикащику послѣ обѣда пшеничной мучки туда свезти, по кулю на кажду палату, да масла деревяннаго бутыли двѣ Богу на ламладки прихватилъ бы.

— Слушаю, батюшка.

— А вѣдь тебѣ дураку не удастся этакъ съ алтыномъ подъ полтину подъѣхать! хвалился Макаръ Тихоновъ.—Посмотрю я на тебя, Евграфъ, толку въ тебѣ нисколько нѣтъ — ни на маково зернышко.... Помру—въ прахъ проторгуешься. Ей Бо-

гу, помяни мое слово. Снаровки, братецъ, до сихъ поръ не знаешь, не знаешь какъ обойти покупателя, какъ ему намолоть съ три короба, чтобъ у него въ глазахъ помутило, въ мысляхъ бы затуманило. Да что̀ про это толковать, со вздохомъ прабавилъ Макаръ Тихонычъ,—извѣстно дѣло что глупому сыну и родной отецъ ума къ кожѣ не пришьетъ... Вотъ развѣ какъ женю тебя, не будешь ли маленько поумнѣе?... Да чуть было не забылъ спросить.... Намедни ты про Залетовыхъ поминалъ.... Ѣздитъ онъ къ Макарью, аль нѣтъ?

— Какъ же, тятенька! Ѣздитъ, отвѣчалъ немного оторопѣвъ отъ нежданнаго вопроса Евграфъ Макарычъ.—Въ каменномъ гостиномъ дворѣ у него лавка въ китаечномъ ряду, да въ деревянныхъ мыломъ торгуетъ.

— Такъ. — Въ китаечномъ, да въ мыльномъ.... раздумывалъ Макаръ Тихоновичъ.—Это хорошо.... Фабрика у него, сказываешь, да заводъ?

— Такъ точно, тятенька.

— Ладно.... Оборотъ какъ великъ?

— Вотъ этого не могу сказать, а должно-быть не малый.... Гаврило же Матвѣичъ вѣдь только на наличныя торгуетъ, грошемъ не кредитуется, отвѣчалъ Евграфъ.

— Дурень, значитъ, хоть люди и хвалили сегодня: человѣкъ де обстоятельный, молвилъ Макаръ Тихонычъ.—Какъ же это въ кредитъ денегъ, аль товару не брать? Въ долги давать, это такъ, дѣло не завсегда подходящее, а коли деньги даютъ. да ихъ не брать, такъ это значитъ безмозглая голова. Ты бери, да коль статья подойдетъ, сколь можно и утяни, тогда это будетъ настоящее дѣло, потому купецъ тотъ же стрѣлецъ, чужой оплошки должонъ ждать. На этомъ вся коммерція зиждется.... Много ль за дочерью-то даетъ?

— Не знаю, тятенька, рѣчи о томъ не было. Какъ же бы я смѣлъ безъ вашего приказанья спросить? отвѣчалъ Евграфъ Макарычъ.

— Это ты умно сказалъ!... Обмолвился должно-быть, сказалъ Макаръ Тихонычъ, выпивъ стаканъ холоднаго квасу и поглаживъ сѣдую бороду.—Одинъ сынъ, говоришь, у него, да дочь, только всего и дѣтей?

— Только, тятенька.

— Сынъ-отъ отдѣленъ?

— Нѣтъ еще, не отдѣленъ, отвѣчалъ Евграфъ Макарычъ.—Далъ родитель ему росшивы на весь отчетъ, а прочее все при немъ.

— Такъ.... промычалъ Макаръ Тихонычъ.—Много хорошаго про Залетова я наслышанъ, продолжалъ онъ, помолчавъ и поглядывая искоса на сына.—Съ кѣмъ въ Городѣ ни заговоришь, опричь добраго слова не слыхать.... Вотъ что: у Макарья мы повидимся, и коли твой Залетовъ придется мнѣ по мысли, пожалуй благословлю тебя—бери у него себѣ хозяйку.... Дѣвка, сказываютъ, по всѣмъ статьямъ хороша, такъ и быть... Почитала бы только меня, да изъ воли не выходила, а про другое что какъ сами знаете.

Тѣмъ разговоръ на тотъ разъ и кончился. Но и этого много, очень много было для Евграфа. На другой же день отписалъ онъ къ Гаврилѣ Маркелычу.

Поѣхали на ярмарку Масляниковы изъ Москвы, Залетовы изъ Казани. Свидѣлись. Макару Тихонычу самъ Залетовъ по нраву пришелся. „Человѣкъ обстоятельный“, сказалъ онъ сыну по уходѣ его. Хотя слово то было брошено и мимоходомъ, но зная отцовскій нравъ, Евграфъ такъ обрадовался что хоть бы въ присядку.

Дня черезъ три завернулъ старикъ Масляниковъ въ китаечный рядъ, свидѣлся тамъ на галлереѣ съ Гавриломъ Маркелычемъ. Слово за слово. Залетовъ позвалъ богача на верхъ въ палатку чайку напиться. Поломался маленько Макаръ Тихонычъ, однако пошелъ. Тутъ увидалъ онъ семейныхъ Маркела Гаврилыча. Маша приглянулась ему.

— Дѣвка-то придется намъ ко двору, сказалъ сыну Макаръ Тихонычъ, воротясь домой.... Экой ты плутъ какой, Евграшка, кажись разумомъ и не доспѣлъ, а какую лаву выслѣдилъ и умному такъ въ пору. Какъ бы ты по торговой-то части такой же дока былъ, какъ на дѣвокъ, тебя бы кажется озолотить мало.... Засылай сваху.

— Тятенька! вскричалъ внѣ себя отъ радости Евграфъ, кидаясь въ ноги отцу и цѣлуя его руки.—Тятенька! Благослови васъ Господи!

— Дуракъ! не тебѣ меня благословлять, а мнѣ тебя, ноги выше головы не растутъ, угрюмо отвѣтилъ на сыновнія ласки Макаръ Тихонычъ, отстраняя отъ себя Евграфа.—Чего лижешься, что теленокъ?... Очумѣлъ?... Ишь какъ его прорвало!... Сказано: засылай сваху — чего еще?... По всему дураку видно: говорятъ, дуракъ и посуленому радъ. Такъ и ты.

— Тятенька, тятенька! говоритъ Евграфъ, и смѣясь, и заливаясь слезами.—Вы родитель мой.... вы отецъ.... глава.... Не

отталкивайте свое дѣтище.... Какъ Богъ, такъ и вы.... батюшка!

— Да чего визжать-то? Сказано, есть на то родительская воля.... Какого еще тебѣ лѣшаго?

Отыскалъ Евграфъ Макарычъ знакомую купчиху на ярмаркѣ, попросилъ ее за сваху быть. Безъ свахи нельзя—старозавѣтный обычай необходимо соблюсти. Рѣшили послѣ ярмарки ѣхать въ Москву и тамъ сыграть свадьбу. По настоящему-то, жениху бы съ родней надо было ѣхать къ невѣстѣ, да на это Макаръ Тихонычъ не пошелъ бы... Гордыня!... Поѣдетъ такой богатѣй къ купцу третьей гильдіи!...

XI.

Радостная, полная свѣтлыхъ надеждъ на счастье, покидала родной свой городъ Марья Гавриловна. Всей душой привязалась она къ жениху, и горячо полюбивъ его, ждала впереди длиннаго ряда ясныхъ дней счастливаго житья-бытья съ милымъ избранникомъ сердца. Никакая дума не омрачала тихаго покоя души дѣвушки; беззавѣтно вся отдалась она мечтамъ объ ожидавшей ее долѣ. Хорошее, счастливое было то время, довѣрчиво и весело глядѣла Марья Гавриловна на міръ Божій.

Макаръ Тихонычъ непомѣрно былъ радъ дорогимъ гостямъ. Къ свадьбѣ все было готово, и по пріѣздѣ въ Москву отцы рѣшили обвѣнчать Евграфа съ Машей черезъ недѣлю. Уряжали свадьбу пышную. Хоть Макаръ Тихонычъ и далеко былъ не милліономъ, какъ думалъ сначала Гаврила Маркелычъ, однакожъ на половину милліона было у него въ домахъ, въ фабрикахъ и въ капиталахъ—человѣкъ значитъ не изъ послѣднихъ въ Москвѣ, а сынъ одинъ, стало-быть такую свадьбу надо справить, чтобы долго о ней потомъ толковали.

Въ свадебныхъ хлопотахъ, помолодѣлъ старикъ Масляниковъ, нравомъ даже ровно переродился. Незамѣтно въ немъ стало обычныхъ порывовъ своенравія, всячески угождалъ онъ названнымъ роднымъ, а къ невѣстѣ такъ былъ ласковъ, что всѣмъ знавшимъ крутой и мрачный его нравъ было то на большое удивленье.

Назначено вѣнчанье. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, Залетовъ, какъ водится, сдѣлалъ сговоръ на своей квартирѣ.

Съѣхалось немало гостей, и все шло обычной чередой: дѣвушки пѣли свадебныя пѣсни, величали жениха съ невѣстой, величали родителей, сваха плясала, дружка балагурилъ, молодежь веселилась, а рядомъ въ особой комнатѣ почетные гости сидѣли, пуншевали, играли въ трынку * и толковали про свои дѣла. Макаръ Тихонычъ верховодилъ, и видя воздаваемый ему со всѣхъ сторонъ почетъ, вполнѣ благодушествовалъ. Не рѣдко выходилъ онъ въ комнату гдѣ молодежь справляла свое дѣло, подшучивалъ надъ товарищами Евграфа, „нуте-ка дескать сыщите другую такую королевну," подсаживался къ Машѣ, называлъ ее милою дочкой, и шутя низко кланялся прося чтобъ она, сдѣлавшись хозяйкой, не согнала его стараго хрыча со двора долой, а покоила бы и берегла его старость, да поскорѣй бы народила ему внучатъ. Маша краснѣла, отъ шутокъ нареченнаго свекра и ласкалась къ нему робко, но такъ довѣрчиво, какъ не всякая родная дочь къ родному отцу ласкается. Глядя на жениха, она утопала въ счастьи.

Сѣли ужинать. Какъ водится, жениха съ невѣстой посадили рядомъ, по другую сторону невѣсты усѣлся Макаръ Тихонычъ. Шла бесѣда веселая, вино рѣкой лилось—хорошо пировали. Макаръ Тихонычъ угостился вдоволь и поминутно сыпалъ шутками. Въ концѣ стола взглянувъ на невѣсту, сказалъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ Маркелычу:

— Ну, сватушка, нечего сказать—умѣлъ дочку родить, умѣлъ и вырастить. Такой красавицы, такой умницы пройди насквозь всю Москву съ огнемъ не сыщешь.

— Какова есть—вся тутъ, шутилъ Гаврила Маркелычъ. — Отдаемъ безъ обману.

— Да и молодцовъ такихъ какъ Евграфъ Макарычъ тоже съ огнемъ поискать, думая польстить Макару Тихонычу, молвила Машина мать. — Тоже по всей Москвѣ пожалуй другаго не найдется такого.

— Такихъ у насъ здѣсь непочатой уголъ, отвѣтилъ Макаръ Тихонычъ.—Много почище его найдется.

— Ну гдѣ же много? сказала Залетова.—Что-то бы ровно и не видать такихъ.

---

* „Трынка"—карточная игра, въ старину была изъ числа „подкаретныхъ" (кучера подъ каретами въ сараяхъ играли), но въ послѣдствіи очень полюбилась россійскому купечеству, особенно московскому. Задорная игра.

— А хоть бы я напримѣръ, отрѣзалъ старикъ Масляниковъ, облокотясь на столъ и прищурившись на Машу. — Куда жь ему со мной равняться? У меня на плечахъ-то голова, а у него что̀? Тыква, не голова!

— Про это что̀ говорить, молвила Машина мать. — Только ужь не прогнѣвайтесь, Макаръ Тихонычъ, старый молодому не ровня, наше съ вами время прошло.

— Про это бабушка-то на двое сказала, ляпнулъ подгулявшій Макаръ Тихонычъ.—Хоть сѣда борода, а за молодаго постою. Можно развѣ Евграфа со мной равнять? Да онъ ногтя моего не сто́итъ.... А гляди какую королевну за себя брать вздумалъ.... Не по себѣ, дуракъ, дерево клонишь — выбирай сортомъ подешевле, прибавилъ онъ, обращаясь къ оторопѣвшему сыну.

— Чтой-то вы, Макаръ Тихонычъ? вступился Гаврила Маркелычъ.—Какъ же можно такъ обижать?

— Какая тутъ обида? кричалъ Масляниковъ.—Кому? Чать онъ съ родни маленько мнѣ приходится. Что̀ хочу, то съ нимъ и дѣлаю—хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло изъ сына пахтаю. Какая же ему отъ меня обида можетъ быть?

Всѣ замолчали при видѣ разгорячившагося Макара Тихоныча.

— Что̀ за шутки, сватушка?... молвила Машина мать.—Время ли теперь?

— Какія тутъ шутки! крикнулъ на всю комнату Макаръ Тихонычъ. — Никакихъ шутокъ нѣтъ. Я, матушка, слава Тебѣ, Господи, седьмой десятокъ правдой живу и шутомъ съ роду не бывалъ. Да что̀ съ тобой съ бабой толковать — я вотъ лучше съ родителемъ рѣшу. Слушай, Гаврила Маркелычъ, наплюй на Евграшку, возьми меня въ зятья — дѣло не въ примѣръ ладнѣй выйдетъ. Я хоть завтра же за Марью Гавриловну домъ запишу, да пятьдесятъ тысячъ капиталу вручу.... Идетъ что ли?

Пополовѣлъ женихъ — въ лицѣ ни кровинки. Марья Гавриловна зарыдала. Ее увели подъ руки. Гаврила Маркелычъ совсѣмъ растерялся, а захмѣлѣвшій Масляниковъ на сына накинулся, бить его вздумалъ. Гости одинъ по одному вонъ. Вотъ какимъ срамомъ окончился Машинъ сговоръ.

Всѣ думаютъ захмѣлѣлъ старикъ за ужиномъ, и не помня себя глупыхъ рѣчей наговорилъ. Но хмѣль со сномъ про-

шолъ, а блажь изъ головы Макара Тихоныча не вылѣзла. Шальная мысль, засѣвъ въ голову льянаго самодура, ровно клиномъ забита была... „А дай-ка распотѣшу всѣхъ, думалъ проснувшись и потягиваясь на одинокой постели Макаръ Тихонычъ, семъ-ка женюсь въ самомъ дѣлѣ на Марьѣ. Пущай Москва двѣ недѣли про мою свадьбу толкуетъ... Дѣвка же сдобная такая, важная—грудь колной, глаза такъ и прыгаютъ. Крѣпышь дѣвка, ровно рѣпа—знатная будетъ жена!“ думалъ, подзадоривая себя, сладострастный старикъ....

На утро вырядился Макаръ Тихонычъ и прямо къ Залетовымъ.

— Коли хочешь со мной родниться, сказалъ онъ Гаврилѣ Маркелычу, — выдавай дочь за меня. Молокососъ мой рыломъ еще не вышелъ, перстика ея не стоитъ — какой онъ ей мужъ?... Толковать много нечего, не люблю. Кончать, такъ кончать разомъ, дѣломъ не волоча. Угостилъ ты меня вечоръ на славу, Гаврила Маркелычъ, развеселое было у тебя пированье. Спасибо за угощенье... Ну, грѣшнымъ дѣломъ хоть и шумѣло у меня въ головѣ, и хоть слово то во хмѣлю было сказано, однакоже я завсегда правдой живу: отъ слова своего не пячусь. Отдашь за меня Марью Гавриловну, сегодня же ей домъ будетъ и пятьдесятъ тысячъ въ олекупскій совѣтъ внесу.... Ты это понимай какъ оно есть, Гаврила Маркелычъ: все будетъ записано на дѣвицу Марью Гавриловну Залетову, значитъ если паче чаянія помретъ бездѣтна, все тебѣ въ родъ пойдетъ.... А пароходъ мой что на Волгѣ бѣгаетъ, знаешь чать, *Смѣлый* прозывается, въ шестьдесятъ силъ, да двѣ баржи при немъ — это у меня тестю въ подарокъ готовлено.

Вотъ онъ пароходъ-то!... Весь вѣкъ думалъ да гадалъ про него Гаврило Матвѣичъ и ужь совсѣмъ отчаялся, а тутъ пароходъ какъ съ неба упалъ. Затуманилось въ головѣ Залетова—все забылъ, все—одинъ пароходъ въ головѣ сидитъ.

— Да какъ же это будетъ? раздумывалъ Гаврила Маркелычъ.

— Да такъ и будетъ какъ я тебѣ сказываю, отвѣчалъ Масляниковъ.—А то пожалуй коли хочешь отдавай дочь за Евграфа, перечить не могу; твоя дочь, твоя надъ ней и воля. Только знай что ему отъ меня гроша мѣднаго не будетъ ни теперь, ни послѣ.... Бери зятя въ домъ въ чемъ его мать на свѣтъ родила — гроша, говорю, Евграфу не дамъ, — самъ женюсь на

комъ Богъ укажетъ, и все что̀ есть у меня на нее перепишу. А не женюсь, все добро размытарю до копѣйки. Лучше съ Цыганками пропью, либо въ трынку спущу, чѣмъ Евграфу оставлю. Слово мое крѣпко.

Пароходъ, барки, домъ, пятьдесятъ тысячъ, а пуще всего пароходъ.... Взглянулъ Гаврила Маркелычъ на святыя иконы, перекрестился, и подавая руку Масляникову, сказалъ:

— Видно есть на то воля Божія. Будь по твоему, любезный зятюшка.

Старики обнялись и поцѣловались.

— Когда жь невѣстѣ-то̀ станешь объявлять? спросилъ новый женихъ.

— Да по мнѣ какъ хочешь, отвѣчалъ Гаврила Маркелычъ.— Пожалуй хоть сегодня же. Привози только напередъ купчія да билеты. Тутъ ей и скажемъ.

Нашла коса на камень. Попалъ топоръ на сучекъ.... Масляниковъ-то думалъ однимъ посуломъ отдѣлаться, да не на такого напалъ..... А стариковское сердце разгорѣлось по красавицѣ, крякнулъ Макаръ Тихонычъ, поморщился, однакожь поѣхалъ купчія совершать и деньги въ совѣтъ класть.

На другой день отдалъ онъ бумаги нареченному тестю. Продали Машу.

Свадьбу сыграли. Передъ тѣмъ Макаръ Тихонычъ отправилъ сына въ Урюпинскую ярмарку. Маша такъ и не свидѣлась съ нимъ. Старый прикащикъ, приставленный Масляниковымъ къ сыну, съ Урюпинской повезъ его въ Тифлисъ, оттуда на Кавказскую въ Харьковъ, изъ Харькова въ Ирбитъ, изъ Ирбита въ Симбирскъ на Сборную. Такъ дѣло и протянулось до Пасхи. На возвратномъ пути Евграфъ Макарычъ гдѣ-то захворалъ и померъ. Болтали будто руки на себя наложилъ, болтали что съ горя опился. Богъ ихъ знаетъ какъ на самомъ дѣлѣ было.

XII.

Восемь лѣтъ выжила Марья Гавриловна съ ненавистнымъ мужемъ. Что̀ мукъ вытерпѣла, что̀ перенесла брани, колотковъ и даже побоевъ отъ суроваго старика, — тому только удивляться надо какъ жива осталась.... Восемь лѣтъ какъ въ затворѣ сидѣла, ни разу изъ дому не выходила: старый ревнивецъ, подъ страхомъ потасовки, къ окнамъ даже запре-

тилъ ей подходить. Только и жила бѣдная памятью о миломъ сердцу, да о тѣхъ немногихъ, какъ сонъ пролетѣвшихъ дняхъ сердечнаго счастья, что̀ выпали на ея долю предъ свадьбой. Истаяла вся, стала худа, желта и совсѣмъ опротивѣла мужу. Макаръ Тихонычъ дородныхъ любилъ.

Совсѣмъ одичала Марья Гавриловна, столько лѣтъ никого не видя окромѣ скитскихъ старицъ пріѣзжавшихъ въ Москву за сборами. Другихъ женщинъ никого не позволялось ей принимать. Отецъ съ матерью померли, братнина семья далеко, а Масляниковъ строго на строго запретилъ женѣ съ братомъ переписываться.

Впрочемъ Макаръ Тихонычъ былъ человѣкъ благочестивый, набожный, богомольный. На сгибахъ указательныхъ и среднихъ пальцевъ отъ земныхъ поклоновъ наросли у него мозоли, и онъ любилъ выставлять на показъ эти признаки благочестія. Много денегъ жертвовалъ онъ на скиты и часовни, а такъ какъ при этомъ не только соблюдалъ положенные посты, но еще и понедѣльничалъ, то безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣровалъ въ спасеніе души своей. Чтобъ это было повѣрнѣе, ради повсядневной божественной службы въ домѣ читалку держалъ. Случалось что читалка, послѣ келейныхъ молитвъ съ Макаромъ Тихонычемъ, ѣздила куда-то ночью въ его каретѣ, но что̀ жь тутъ подѣлаешь? — врагъ силенъ, крѣпкихъ молитвенниковъ завсегда на грѣхъ наводитъ, а бренному человѣку какъ противъ демонскаго стрѣлянія устоять? Впрочемъ и то надо помнить что замолить такой грѣхъ — плевое дѣло. Клади шесть недѣль по сту поклоновъ въ день, да отлой шесть молебновъ мученицѣ Ѳомаидѣ, ради избавленія отъ блудныя страсти, все какъ съ гуся вода,—на томъ свѣтѣ не помянется.

Пріѣхала разъ въ Москву мать Манефа. Объ ней заговорили на Рогожскомъ. Макаръ Тихонычъ давно ее зналъ и почиталъ чуть не за святую. Молилъ онъ матушку посѣтить его, тутъ-то и познакомилась съ ней Марья Гавриловна.

Мать Манефа наслышана была про судьбу бѣдной женщины, и вспоминая свое прошлое, поняла ея страданія. Онѣ коротко сблизились, Марья Гавриловна вполнѣ высказалась Манефѣ; ни съ кѣмъ никогда она такъ по душѣ не разговаривала какъ съ нею. Игуменья плакала съ ней и утѣшала не мертвыми изреченіями старыхъ книгъ, а задушевными словами женщины испытавшей въ свою очередь сердечное горе. Тихонько отъ Макара Тихоныча и отъ его чи-

талки, Манефа молилась съ Марьей Гавриловной за упокой раба Божія Евграфа. Молитвой, терпѣньемъ, упованіемъ на милость Господню учила ее Манефа врачевать наболѣвшее сердце. И слезы Марьи Гавриловны, послѣ каждой бесѣды съ игуменьей, казались ей не столь горьки какъ прежнія, на душѣ становилось свѣтлѣй. Правда, не водворялся въ этой душѣ сладкій, мирный покой, что̀ бываетъ удѣломъ немногихъ страдающихъ, за то холодное безстрастіе и какая-то мертвенная притупленность къ ежедневнымъ обидамъ проникли все существо ея. Мало-по-малу перестала она ненавидѣть своего злодѣя, стала относиться къ нему съ сожалѣньемъ. Даже на молитвѣ стала поминать мужа, чего прежде и въ голову не могло ей придти.

Мать Манефа бывала въ Москвѣ нерѣдко, и съ каждымъ пріѣздомъ ея, Марья Гавриловна сильнѣй къ ней привязывалась. Дѣло понятное, кромѣ бѣднаго Евграфа, никто не относился къ ней съ истинной любовью. Отецъ продалъ ее за пароходъ, мать любила, но сама же уговаривала идти за старика который хочетъ осчастливить ихъ всѣхъ, братъ.... да что̀ и поминать его, самъ онъ былъ у отца забитый сынъ, а теперь, разбогатѣвъ отъ выручennаго за счастье сестры парохода, живетъ себѣ припѣваючи въ своей Казани, и нѣтъ объ немъ ни слуху ни духу. Мать Манефа всѣхъ дороже стала Марьѣ Гавриловнѣ.

На девятый годъ третьяго своего супружества, въ понедѣльникъ на Масляницѣ, Макаръ Тихонычъ, накушавшись первыхъ блиновъ и запивъ холоднень̀кимъ, воротился домой, обругалъ хозяйку, прилегъ на диванъ и отдалъ Богу спасенную свою душу.

На волю вышла Марья Гавриловна.... Фабрика, домъ, деньги все ея. Богатство, свобода, независимость, а съ кѣмъ слово перемолвить....

Куда дѣваться двадцатипятилѣтней вдовѣ, гдѣ преклонить утомленную бѣдами и горькими напастями голову? Нѣтъ на свѣтѣ близкаго человѣка, одна какъ перстъ, какъ головня въ полѣ, не съ кѣмъ поговорить, не съ кѣмъ посовѣтоваться. На другой день похоронъ, писала она къ брату въ Казань и къ матери Манефѣ за Волгу, увѣдомляя о перемѣнѣ судьбы и звала ихъ въ Москву. Мать Манефа не заставила себя долго ждать. Много толковала съ ней молодая вдова какъ и гдѣ

лучше жить—къ брату ѣхать не хотѣлось Марьѣ Гавриловнѣ, а одной жить неприходится. Мать Манефа сказала:

— Да къ намъ милости просимъ, въ нашу святую обитель: мы бы васъ всячески успокоили.

— Нѣтъ, матушка, не могу я снести жизни иноческой, отвѣчала она, — не въ силахъ черную рясу надѣть.

— А зачѣмъ вамъ ее надѣвать? возразила игуменья. — У насъ обитель большая, мѣста вдоволь, желательно со мной жить, мѣсто найдется, хоть, правду сказать, тѣсненько вамъ покажется и неприглядно. Не то поставьте себѣ келью какую знаете и живите въ ней со своими дѣвицами. Угодно къ службѣ Божіей — ходите, не угодно—не взыщемъ. Будете жить на своемъ отчетѣ и на полной своей волѣ. А если насчетъ пищи или одежды безпокоитесь, такъ вы не въ числѣ обительскихъ будете: у насъ свой уставъ, у васъ будетъ свой, и скоромное кушайте на здоровье, и цвѣтное носите.

Мать Манефа такъ расхвалила монастырскую жизнь, что Марьѣ Гавриловнѣ понравилось ея приглашеніе. Жить въ уединеніи, въ тихомъ пріютѣ, среди добрыхъ людей, возлѣ матушки Манефы, бывшей во дни невзгодъ единственною ея утѣшительницей,—чего же лучше?...

— А вы, сударыня Марья Гавриловна, вотъ какъ сдѣлайте, совѣтовала ей мать Манефа. — Сорочины по покойникѣ придутся въ понедѣльникъ на шестой. До того времени уѣхать вамъ изъ дому нельзя: и люди осудятъ, и передъ Богомъ грѣшно.... Каковъ ни былъ Макаръ Тихонычъ, царство ему небесное, все же супругъ вашъ, простить надо его, сударыня, за всѣ озлобленія.... молиться надо успокоилъ бы Господь многомятежную душу его.... Вотъ мы вмѣстѣ съ вами и помолимся, если угодно, я останусь у васъ до сорочинъ. Въ то время устройте свои дѣла, а на шестой недѣлѣ, Богъ дастъ, если рѣки пропустятъ, поѣдемте къ намъ за Волгу. Пасха-то нынче ранняя, кажется бы къ тому времени дорогамъ не надо испортиться. Страстную службу у насъ послушаете, Воскресеніе Христово встрѣтимъ, а потомъ и гостите у насъ сколько заблагоразсудите.... Посмотрите на наши обычаи, узнаете наше житье-бытье, и коли вамъ понравится, къ зимѣ ставьте себѣ келью, мѣстечко отведу хорошее, возлѣ самой часовни, и садикъ разведете, и все что вамъ по мысли придется.

Марья Гавриловна согласилась. Когда братъ ея пріѣхалъ изъ Казани, и сталъ уговаривать богатую сестру ѣхать къ нему на житье, она ему наотрѣзъ отказала. Съ братомъ она впрочемъ сошлась и обѣщалась лѣтомъ побывать на короткое время въ Казань.

Явились наслѣдники, предъявлены были векселя покойника. Марья Гавриловна продала фабрику и раздѣлалась со всѣми безъ споровъ. У ней осталось безъ малаго сто тысячъ наличными, да домъ полная чаша.

Къ Пасхѣ мать Манефа воротилась въ Комаровъ съ дорогой гостьей. Марьѣ Гавриловнѣ скитское житье показалось. И не мудрено: всѣ ей угождали, всѣ старались предупредить малѣйшее ея желаніе. Непривыкшая къ такой жизни, она отдыхала душой. Лѣтомъ купила въ сосѣднемъ городкѣ деревянный домъ на свозъ, поставила его на обительскомъ мѣстѣ, убрала, разукрасила и по первому зимнему пути перевезла изъ Москвы въ Комаровъ свое имущество.

Москву, кромѣ горя, нечѣмъ было помянуть Марьѣ Гавриловнѣ, она прервала съ нею всякое сношеніе. Наслѣдники, очень довольные ея непритязательностью, хоть и называвшіе ее за то дурой, кредиторы, которымъ съ другаго безъ споровъ и скидокъ врядъ ли бы можно было получить свои деньги, писали къ ней ласковыя письма, она не отвѣчала. На родину, въ Казань, къ брату ѣздила. Тамъ и братняя семья, и другіе родные, и знакомые помнившіе Марью Гавриловну еще дѣвочкой, всѣ наперерывъ другъ передъ дружкой за ней ухаживали. И женихи закружились около молодой богатой вдовушки. Выгоднѣе ея по всему Поволжью врядъ ли была другая невѣста, но она никому ни словомъ, ни даже взглядомъ не подавала надежды на успѣхъ. Свахамъ, которыхъ то и дѣло засылали, былъ отъ нея одинъ неизмѣнный отвѣтъ: „изъ скитовъ замужъ не выходятъ“. И братъ и невѣстка пытались при случаѣ уговорить Марью Гавриловну выбрать себѣ друга по мысли, но Марья Гавриловна на ихъ рѣчи только качала головой. Несмотря однако на постоянную, неизмѣнную ея холодность, искатели не оставляли въ покоѣ богатой невѣсты — это надоѣло ей, и она поспѣшила уѣхать изъ Казани въ свой мирный пріютъ на Каменномъ Вражкѣ.

Тихо и спокойно текла жизнь Марьи Гавриловны, заживали по маленьку ея сердечныя раны, и время крыло забвеньемъ минувшія страданья. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то новая, не

бывалая, не испытанная дотолѣ тоска росла съ каждымъ днемъ въ тайникѣ души ея.... Чего-то недоставало Марьѣ Гавриловнѣ, а чего и сама она не могла понять, все какъ-то скучно было, однообразно.... — Ни степенныя рѣчи матери Манефы, ни рѣзвыя шалости Фленушки, ни разговоры съ Настей, которую очень полюбила Марья Гавриловна, ничто не удовлетворяло... Куда дѣваться? Что̀ дѣлать?

XIII.

Живя въ Комаровскомъ скиту, Марья Гавриловна держалась одаль ото всѣхъ. Съ другими обителями вовсе даже не водила знакомства, да и въ своей бывала только у одной матушки Манефы. Мать Виринея еще пришлась ей по душѣ, но и у той рѣдко бывала она. Жила Марья Гавриловна своимъ домкомъ, держала особую прислугу, привезенную изъ Москвы, имѣла отдѣльное хозяйство и столъ, на которомъ въ извѣстные дни ставилась и мясная пища. Словомъ, жила она въ скиту на тѣхъ основаніяхъ на какихъ жили „сироты“ не принадлежавшія къ общежитіямъ.

Жившія у тетки дочери Патапа Максимовича понравились ей. Съ самаго пріѣзда въ скитъ, Марья Гавриловна ласкала дѣвушекъ, особенно Настю. Бывали у нея еще Фленушка да Марьюшка, другія рѣдко, и то развѣ по дѣлу какому.

Патапъ Максимычъ очень доволенъ былъ ласками Марьи Гавриловны къ дочерямъ его. Самолюбію его льстило что такая богатая, изъ хорошаго рода женщина, отличаетъ Настю съ Парашей отъ другихъ жительницъ обители. Сталъ онъ частенько навѣщать сестру и посылать въ скитъ Аксинью Захаровну. И Марья Гавриловна раза по два въ годъ ѣзжала въ Осиповку навѣстить добраго Патапа Максимовича. Принималъ онъ ее какъ самую почетную гостью, благодарилъ что она „дѣвчонокъ его“ жалуетъ, учитъ ихъ уму разуму. Аксинья Захаровна только не молилась на богатую вдовушку. У Патапа Максимовича, впрочемъ, другой разчетъ былъ въ заискиваніяхъ передъ Марьей Гавриловной: онъ имѣлъ дѣла съ ея братомъ, и зналъ что тотъ все готовъ сдѣлать ради сестры, разчитывая на ея наслѣдство, если не себѣ, такъ дѣтямъ.

Готовя пиръ на Аксинью Полухлѣбницу, Патапъ Максимычъ однихъ Снѣжковыхъ на умѣ держалъ, ихъ только и помнилъ, да захлопотавшись и не успѣлъ завернуть въ

Комаровъ позвать Марью Гавриловну. Послѣ очень на себя досадовалъ.... Тутъ такое дѣло подвернулось что богатая вдовушка очень и очень ему понадобилась.

Провожая Снѣжковыхъ, Паталъ Максимычъ не только не ловелъ рѣчи про сватовство, но даже намека не сдѣлалъ, и когда на прощаньѣ Данило Тихонычъ завелъ было рѣчь про то, Патапъ Максимычъ отвѣчалъ:

— Не раненько ль объ этомъ толковать, Данило Тихонычъ? Дѣло-то кажись бы не къ спѣху. Время впереди, подождемъ что̀ Богъ дастъ. Есть на то воля Божія, дѣло сдѣлается; нѣтъ,— супротивъ Бога какъ лойдешь?

— Да оно конечно воля Божія первѣй всего, сказалъ старикъ Снѣжковъ, — однакожь все-таки намъ теперь бы желательно ваше слово слышать, по тому самому, Паталъ Максимычъ, что ваша Настасья Пафнутьевна оченно мнѣ по нраву пришлась— одно слово, распрекрасная дѣвица, какихъ на свѣтѣ мало живетъ, и паренекъ мой тоже говоритъ что ему лучше не надо.

— На добромъ словѣ благодаримъ покорно, Данило Тихонычъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ, — только я такъ думаю что если Михайло Данилычъ станетъ по другимъ мѣстамъ искать, такъ много дѣвицъ не въ примѣръ лучше моей Настасьи найдетъ. Наше дѣло, сударь, деревенское, лѣсное. Настасья у меня окромѣ деревни да скита ничего не видала, и мнѣ такъ кажется что такому жениху, какъ Михайло Данилычъ, врядъ ли она подъ стать подойдетъ, потому не обыкла къ вашимъ городскимъ порядкамъ.

— Это не бѣда. Долго ль пріобыкнуть! возразилъ Снѣжковъ.— Нѣтъ ужь вы напрямикъ скажите, Паталъ Максимычъ, можно намъ надѣяться, аль не можно?

— Да что̀ же тутъ надѣяться-то? говорилъ Патапъ Максимычъ.—Отъ меня ни отказу, ни приказу нѣтъ. Вѣдь хоша у насъ и были съ вами, Данило Тихонычъ, разговоры, такъ вѣдь это такъ.... Мало ль что̀ за столикомъ съ рюмочками промежь пріятелей говорится?.. Вы не всяко лыко въ строку пускайте!... Опять же было у насъ съ вами говорено такъ: если тому дѣлу сдѣлаться, такъ развѣ на ту зиму. Стало и будемъ ждать той зимы. Тамъ что̀ Господь укажетъ.... А все же моя Настасья не порогомъ поперекъ васъ стала, ищите гдѣ лучше, и на мнѣ не взыщите коли до той поры

Настасьѣ другой женихъ по мысли найдется. Я вѣдь воли съ нея не снимаю, у дѣвки свой разумъ въ головѣ,—сама должна о своей судьбѣ разсуждать.

— Какъ же это надо понимать, Наталъ Максимычъ? спросилъ немного помолчавъ Снѣжковъ.—Вѣдь это значитъ отказъ какъ длинный шестъ.

— Гдѣ же тутъ отказъ, Данило Тихонычъ? отвѣчалъ Наталъ Максимычъ. — Никакого отказу отъ меня нѣтъ.... Отказъ бываетъ когда сватовство идетъ, а развѣ у насъ было сватовство въ настоящемъ видѣ какъ слѣдуетъ? У насъ съ вами только разговоры одни были. Такъ по пріятельски поболтали отъ нечего дѣлать.... Да и тутъ было сказано ожидать до зимы.... Тамъ, опять-таки говорю я вамъ, увидимъ что̀ Богъ дастъ.... И отказывать не отказываю, и обѣщать не обѣщаю.... Опять же вамъ говорю что надо Настасью спросить, вѣдь не мнѣ съ Михайломъ Данилычемъ жить, а ей: съ дочерей воли я не снимаю, хочетъ — иди съ Богомъ, не захочетъ—неволить не стану.

— Помнится мнѣ въ Городцѣ не такія рѣчи отъ васъ я слышалъ, Наталъ Максимычъ? съ усмѣшкой промолвилъ Снѣжковъ. — Тогда кажись было говорено: „какъ захочу такъ и сдѣлаю“.

Натала Максимовича передернуло. Попрекъ Снѣжкова задѣлъ его за живое. Сверкнули у него глаза, повернулось было на языкѣ сказать: „не отдамъ дескать на срамъ дѣтище свое родное, не потерплю чтобъ вы оголили ее передъ чужими людьми“... Но сдержался и молвилъ съ досадой:

— Въ головѣ шумѣло, оттого и вралъ на себя. Татаринъ что ли я чтобы замужъ дѣвку отдавать не спросясь ея? Хоть и грѣшные люди, а тоже христіане.

Распрощались повидимому дружелюбно, но Наталъ Максимовичъ понималъ что дружба его со Снѣжковымъ ухнула. Не проститъ ему Данило Тихоновичъ во вѣки вѣковъ.... А тутъ дѣла на Волгѣ, по́ставка, только и надежды осталось что на Антипа Гаврилыча Залетова.... И какъ на бѣду не позвалъ въ гости Марью Гавриловну!

А тутъ еще надобность до Марьи Гавриловны, да надобность-то какая. Такое подошло дѣло что чудо, а нужны на него деньги немалыя и къ тому жь чистоганомъ. А въ огласку дѣла пускать нельзя. Вся надежда на Марью Гаври-

ловцу, либо въ дѣло ее втянуть, либо денегъ занять. Вотъ это какое дѣло:

Проводивъ Снѣжковыхъ, пошелъ Паталъ Максимовичъ въ подклѣтъ и тамъ въ боковушѣ Алексѣя усѣлся съ паломникомъ Стуколовымъ и молчаливымъ купцомъ Дюковымъ. Былъ тутъ и Алексѣй. Шли разговоры про земляное масло.

— Такъ и въ самомъ дѣлѣ по нашимъ мѣстамъ такая благодать водится? спрашивалъ Паталъ Максимовичъ паломника.

— Есть, отвѣчалъ Якимъ Прохоровичъ.—Въ большомъ даже изобиліи. И чудное дѣло, сколько странъ, сколько земель исходилъ я на своемъ вѣку, а такой слѣпоты въ людяхъ, какъ по здѣшнимъ мѣстамъ, нигдѣ, Паталъ Максимычъ, я не видывалъ! Люди живутъ—хоть бы Ветлугу взять—бѣднота одна, лѣсъ рубятъ, лубъ деруть, мочало мочатъ, смолу гонятъ—бьются сердечные вѣкъ свой за тяжелой работой: днемъ не доѣдятъ, ночью не доспятъ.... О, какъ бы не слѣпота ихняя, стоило бы только лопатой землю копнуть, и такое тутъ богатство что цѣлый свѣтъ можно обогатить. По золоту ходятъ, а его не примѣчаютъ.... Бабы у нихъ дресвой полы моютъ. Не дресвой моютъ, червоннымъ золотомъ.... Вотъ вѣдь что̀ значитъ какъ человѣкъ въ понятіи не состоитъ!.. Извѣстно: живутъ въ лѣсахъ, такихъ людей которы бы до всего доходили не видятъ, гдѣ имъ знать?

— Гдѣ жь эти самыя мѣста? спросилъ Паталъ Максимовичъ.

— Сказано—на Ветлугѣ, отвѣтилъ Стуколовъ.

— Ветлуга-то велика. Ты скажи которо мѣсто—приставалъ къ паломнику Паталъ Максимычъ.

— Гдѣ именно тѣ мѣста, покамѣсть не скажу, отвѣчалъ Стуколовъ.— Возьмешься за дѣло какъ слѣдуетъ, вмѣстѣ туда поѣдемъ, либо вѣрнаго человѣка пошли со мной.

— Да я хоть сейчасъ готовъ съѣздить, сказалъ Паталъ Максимычъ.

— Сейчасъ нельзя, замѣтилъ Стуколовъ. Чего теперь подъ снѣгомъ увидишь? Надо вѣдь землю копать, на днѣ малыхъ рѣченокъ смотрѣть.... Какъ можно теперь? Вотъ коли условіе со мной подпишешь, по веснѣ поѣдемъ и за работу примемся, а еще того лучше около Петрова дня ѣхать, земля къ тому времени просохнетъ.... Болотисто ужь больно по тамошнимъ мѣстамъ.

— Лѣтомъ нельзя мнѣ, замѣтилъ Потапъ Максимычъ. — Ну, да кума могу попросить Ивана Григорьича. А коли ему недосужно, вотъ его сослылаю, прибавилъ онъ, показывая на Алексѣя. — Теперь-то что же надо дѣлать?

— Капиталомъ надо войти, потому расходы, отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ.—Условіе надо писать, а потомъ въ сроки деньги вносить.

— На что же деньги-то? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Мало ль на что, отвѣчалъ Стуколовъ.—Надо шурфы бить, то-есть пробы дѣлать въ землѣ, надо потомъ землю купить, если выйдетъ помѣщичья, а если казенная, надо въ Питерѣ хлопотать чтобы пріискъ за нами записали... Да и потомъ, мало ли еще на что деньги потребуются. Золото вѣдь даромъ не дается... Зарой сначала деньги въ землю, потомъ она и станетъ тебѣ отплачивать.

— Да ты разкажи по порядку какъ этимъ дѣломъ надо орудовать, какъ его въ ходъ пустить? допрашивалъ паломника Потапъ Максимычъ. — Хоть наше дѣло не то чтобы лубъ драть, однакожь, по этому дѣлу что ты про лыкодеровъ молвилъ, то и къ нашему брату пристало: въ понятіи не состоимъ, взяться не умѣемъ.

— То-то и есть!... сказалъ Стуколовъ.—Безъ умѣлыхъ людей какъ за этакое дѣло браться? Сказано: „Божьей волей свѣтъ стоитъ, а человѣкъ живетъ умѣньемъ“. Досужество да умѣнье дороже всего.... Вотъ ты и охочь золото добывать, да не гораздъ—ну и купи досужество умѣлыхъ людей.

— Какъ его купить? усмѣхнувшись молвилъ Потапъ Максимычъ.—На базарѣ не продаютъ...

— Вотъ что, сказалъ Стуколовъ, — надо складчину сдѣлать, компанію этакую. Слыхалъ про компаніи, что складочными деньгами дѣла ведутъ?

— Какъ не слыхать? молвилъ Потапъ Максимычъ. — Только въ этомъ дѣлѣ, сказываютъ, много грѣха живетъ — обижаютъ.

— На то глаза во лбу да умъ въ мозгу чтобы не обидѣли, отвѣчалъ Стуколовъ. — Такъ видишь ли: чтобы начать дѣло нуженъ капиталъ, примѣромъ тысячъ въ пятьдесятъ серебромъ.

— Въ пятьдесятъ? воскликнулъ Потапъ Максимычъ.—Экъ тебя!... Ровно про полтину сказалъ.—Пятьдесятъ тысячъ день-

ги, братъ, не малыя, зря не валяются.... Эко слово молвилъ!— Пятьдесятъ тысячъ!... Да у меня братъ и половины такихъ денегъ не найдется, да если и кума Ивана Григорьича и голову Михаила Васильича взять, такъ и всѣмъ намъ не собрать пятидесяти тысячъ. Вѣдь у насъ обороты, братецъ, торговля... Развѣ не понимаешь ты что у торговаго человѣка наличными деньги не лежатъ. А заведенныхъ дѣлъ для твоего золота, какъ ты себѣ хочешь, не нарушу... Что̀ еще тамъ на Ветлугѣ будетъ, а заведенное дѣло извѣдано—съ нимъ на вѣрняка идешь. Хоть и сулишь ты горы золота, однакожъ скажу тебѣ что домашній теленокъ не въ примѣръ дороже заморской коровы.

— Такъ какъ же, Патапъ Максимычъ, наше дѣло будетъ? спросилъ послѣ минутнаго молчанія Стуколовъ.

— Да ужь вѣрно такъ и будетъ что твои блины отложить до другаго дни. Неподходящая сумма!... отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Меньше нельзя, равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ. — Пятидесяти тысячъ не ложалѣешь — милліонами станешь ворочать.... Слыхалъ какъ въ Сибири золотомъ разживаются?

— Слыхать-то слыхалъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Да вѣдь то Сибирь, дѣло насиженное, а здѣсь въ новѣ и еще Богъ знаетъ какъ пойдетъ.

— Ветлужскіе пріиски богаче сибирскихъ будутъ—вѣрь моему слову, сказалъ Стуколовъ.—Гляди....

И вынулъ паломникъ изъ замшеваго мѣшка полгорсти золотаго песку и сталъ пересыпать его. Глаза такъ и загорѣлись у Патапа Максимыча. Закусилъ онъ губу.

— Этой благодати на Ветлугѣ больше чѣмъ въ Сибири, говорилъ Стуколовъ,—а главное, здѣшняя сторона не тронута, не то что̀ Сибирь... Мы первые, мы сметанку снимемъ, а послѣ насъ другіе хлѣбай простоквашу....

— Да впрямь ли ты это на Ветлугѣ нашелъ? спросилъ Патапъ Максимычъ, не спуская глазъ съ золотой струи, ладавшей изъ руки паломника.

— Божиться что ль? Образъ со стѣны тащить? сказалъ Стуколовъ. — Тебя и этимъ не увѣришь... А коли хочешь увѣриться, поѣдемъ на Ветлугу. Тамъ я тебя къ одному мужичку свезу, и у него такое же маслицо увидишь, пожалуй и къ другому свезу.

— Что жь, это можно, сказалъ на то Наталъ Максимычъ.— Сколько жь денегъ требуется?

— Да покамѣсть грота не требуется, отвѣчалъ Стуколовъ.—Сказалъ я тебѣ про пятьдесятъ тысячъ, такъ ихъ надо не вдругъ. Коли дѣло пойдетъ плохо, кто намъ велитъ деньги бросать? Вотъ какъ тебѣ скажу — издержимъ мы двѣ аль три тысячи на ассигнаціи, да увидимъ что выгоды нѣтъ — вдаль не пойдемъ, чтобъ не зарваться....

— Двѣ либо три тысячи! раздумывалъ Наталъ Максимычъ.—Ну это еще туда сюда... На этомъ помириться можно. А на счетъ пятидесяти серебра—нѣтъ, братъ, шалишь, мамонишь.

— Какъ впередъ загадывать? отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ,— можетъ статься и много меньше пятидесяти тысячъ положишь, а года въ два милліонъ наживешь.

— Ужь и милліонъ? Не широко ли загинаешь? перебилъ Наталъ Максимычъ.

— Не одинъ милліонъ, три, пять, десять наживешь, съ жаромъ сталъ увѣрять Натала Максимыча Стуколовъ. — Лиха бѣда начать: а тамъ загребай деньги. — Золота на Ветлугѣ, говорю тебѣ, видимо невидимо. Чего ужь я—человѣкъ бывалый, много видалъ золотыхъ пріисковъ—и въ Сибири и на Уралѣ, а какъ посмотрѣлъ я на эти ветлужскія палестины, такъ и у меня съ дива руки опустились... Да что тутъ толковать, слушай. Мы такъ положимъ что на все это дѣло нужно сто тысячъ серебромъ.

— Значитъ это дѣло оставить надо, махнувъ рукой, сказалъ Наталъ Максимычъ.—Сто тысячъ!.... Экъ у него тысячи-го—равно парена рѣпа....

— Да ты слушай, не перебивай, прервалъ его Стуколовъ.— Наличными на первый разъ—сказалъ я тебѣ аль нѣтъ?—двѣ, либо три тысячи ассигнаціями потребуется.

— Хоть убей—въ толкъ не возьму, возразилъ Натамъ Максимычъ. Про какія же сто тысячъ поминаешь?

— Да ты слушай, говорятъ тебѣ, не перебивай моей рѣчи, а то въ вѣкъ съ тобой не столкуешься, съ досадой сказалъ Стуколовъ. Сто тысячъ! Эти сто тысячъ раздѣлить надо на сто паевъ, по тысячѣ рублей пай. Понимаешь?

— Дальше что? молвилъ Наталъ Максимычъ.

— Пятьдесятъ паевъ ты себѣ возьми, вложивши за нихъ

лятьдесятъ тысячъ, продолжалъ Якимъ Прохорычъ.—Не теперь, а послѣ, по времени, если дѣло на ладъ пойдетъ. — А не сможешь одинъ, товарищей найди: Ивана Григорьича что ли, аль Михаила Васильича—это ужь твое дѣло. Всѣ барыши тоже на сто паевъ—сколько кому достанется.

— Ну, ладно, хорошо, а другіе-то лятьдесятъ паевъ куда? спросилъ Паталъ Максимычъ.

— Епископу Софронію, отвѣчалъ паломникъ.

— Даромъ?

— Даромъ.

— И половина барышей ему? спросилъ Паталъ Максимычъ.

— Ну конечно.

— Жирно, братъ, съѣстъ! возразилъ Паталъ Максимычъ. Нѣтъ, Якимъ Прохорычъ, нечего намъ про это дѣло и толковать. Не подходящее, совсѣмъ пустое дѣло!.... Какъ же это?— Будь онъ хоть патріархъ твой Софроній, а деньги въ складчину подавай, коли барышей хочетъ.... А то — самъ денегъ ни гроша, а въ половинѣ.... На что̀ это похоже?... За что̀?

— А за то что онъ первый спозналъ про такое богатство, отвѣчалъ Стуколовъ. — Вотъ положимъ у тебя теперь сто тысячъ въ рукахъ, да развѣ получишь ты на нихъ милліоны, коль я не укажу тебѣ мѣста, не научу какъ поступать надо? Ну положимъ другой тебя научитъ всѣмъ порядкамъ: какъ заявлять пріиски, какъ закрѣпить ихъ за собой.... А гдѣ копать-то будешь?... Въ какомъ мѣстѣ пріискъ заявишь?... Развѣ я покажу?... За мѣсто гдѣ золото лежитъ давай деньги епископу, Паталъ Максимычъ, за мѣсто, за то что епископъ тебѣ глаза откроетъ.... Да и денегъ не надо—барыши только пополамъ.

Паталъ Максимычъ задумался.

— Было бы съ него и десяти паевъ, сказалъ онъ.—Право больше не стóитъ—самъ посуди, Якимушко.

— Меньше половины нельзя, Паталъ Максимычъ, рѣшительно отвѣчалъ Стуколовъ. — У него въ Калужской губерніи такое же дѣло заводится, тоже на лятидесяти паяхъ. Землю съ золотомъ покупаютъ теперь у помѣщика у тамошняго, у Поливанова, можетъ слыхалъ. Деньги дали тому господину не малыя, а епископъ своихъ копѣйки не истратилъ.

— Ну пускай бы ужь его лятнадцать паевъ взялъ. Больше право обидно будетъ, Якимъ Прохорычъ, сказалъ Паталъ Максимычъ.

— Какъ сказано, такъ и будетъ, а не хочешь, другихъ найдемъ, спокойно отвѣчалъ Стуколовъ.

И вынувъ опять замшевый мѣшокъ, посыпалъ изъ него золотой песокъ себѣ на руку предъ Паталомъ Максимычемъ.

Не разъ и не два такіе разговоры велись у Патала Максимыча съ паломникомъ, и все въ подклѣтѣ, все въ Алексѣевой боковушѣ. Принимали участіе въ переговорахъ и кумъ Иванъ Григорьичъ, и удѣльный голова Михаилъ Васильичъ. Четыре дня велись у нихъ эти переговоры, наконецъ рѣшился Паталъ Максимычъ за дѣло взяться.

Рѣшили до поры до времени никому не сказывать про затѣваемое дѣло. Стуколовъ говорилъ что если оно пойдетъ въ огласку—пиши пропало. Въ сибирскихъ тайгахъ, по словамъ его, зачастую бываетъ что одинъ отыщетъ пріискъ, да проболтается ненарокомъ, другой тотчасъ и подхватитъ его на свое имя. Послѣ Масляницы Паталъ Максимычъ обѣщался съѣздить на Ветлугу вмѣстѣ съ паломникомъ повидать мужиковъ про которыхъ тотъ говорилъ, и если дѣло окажется вѣрнымъ, написать со Стуколовымъ условіе, отсчитать ему три тысячи ассигнаціями, а затѣмъ какъ пойдетъ дѣло въ ходъ давать ему постепенно до пятидесяти тысячъ серебромъ. Словомъ, учредили въ Осиповкѣ товарищество на паяхъ для добыванья золота на Ветлугѣ.

Паталъ Максимычъ только и думаетъ о будущихъ милліонахъ. День деньской бродитъ онъ взадъ и впередъ по передней горницѣ и мечтаетъ о каменныхъ домахъ въ Петербургѣ, о больницахъ и богадѣльняхъ что построитъ онъ міру на удивленье, думаетъ какъ онъ мели да перекаты на Волгѣ разчиститъ, желѣзныя дороги зачнетъ строить.... Милліоны все прибавляются, да прибавляются.... „Что жь, думаетъ себѣ Паталъ Максимычъ,—Демидовъ тоже кузнецомъ прежде былъ, а теперь посмотри-ка чѣмъ стали Демидовы! — Отчего жь и мнѣ такимъ не быть.... Не обсѣвокъ же я въ полѣ какой!....“

„А что продолжаетъ онъ раздумывать, а что если въ самомъ дѣлѣ найдется этого золота видимо не видимо, и нынѣшнимъ же лѣтомъ всѣ пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ потребуются?.... Гдѣ взять?.... Развѣ у Марьи Гавриловны?.... Развѣ ее въ долю взять?.... А на имянины-то не позвалъ!....

Поди осерчала!... Бѣда просто, бѣда!... Надо будетъ подлаживаться.... Кажись, какъ бы бабу не обойти!...“

И послалъ онъ Марьѣ Гавриловнѣ гостинцевъ съ матерью Манефой, письмо къ ней написалъ, другое. Отвѣта не было.

XIV.

На другой день по возвращеніи матушки Манефы изъ Осиповки, парядчикъ Патапа Максимыча, старикъ Пантелей, пріѣхалъ въ обитель съ двумя возами усердныхъ приношеній, въ число которыхъ, какъ извѣстно, попала и неподходящая къ иноческому житію ветчина. Сдавая припасы давней своей благопріятельницѣ, матери Таифѣ, Пантелей сказалъ ей что у нихъ въ Осиповкѣ что-то неладное творится.

— Пятнадцать лѣтъ, матушка, въ домѣ живу, говорилъ онъ,— кажется бы всѣ ихніе порядки знать долженъ, а теперь, ума не приложу что̀ дѣлается.... Послѣ Крещенья нанялъ Патапъ Максимычъ работника - токаря, деревни Паромовой, крестьянскій сынъ. Парень молодой, изъ себя взрачный такой, Алексѣемъ зовутъ.... И точно, матушка, какъ будто тутъ не спроста, ровно околдовалъ этотъ Алексѣй Патапа Максимыча: недѣли парень не прожилъ, а онъ ему и токарни, и красильни на весь отчетъ..... Какъ покойникъ Савельичъ былъ, такъ теперь этотъ Алексѣй: и обѣдаетъ, и чаи распиваетъ съ хозяевами, и при гостяхъ все больше въ горницахъ.... Какъ сына роднаго возлюбилъ его Патапъ Максимычъ. Право, нѣтъ ли ужь тутъ какого навожденія?

— Слышала, Пантелеюшка, я про это, слышала, родной, отвѣтила мать Таифа.—Фленушка вечоръ про то же болтала. Сказываетъ однакожь что этотъ Алексѣй умный такой и до всякаго дѣла доточный.

— Про это говорить нечего, отвѣчалъ Пантелей. — Парень—золото!... Всѣмъ взялъ: и уменъ, и грамотей, и душа добрая.... Самъ я полюбилъ его съ самаго того дня какъ онъ поступилъ къ намъ. Вовсе не похожъ на другихъ парней— худаго слова какого, аль пустошныхъ рѣчей отъ него не услышишь: годами молодъ, разумомъ старъ.... Только все же, са-

ма ты посуди, матушка, возможно ли такъ приближать его? Парень холостой, а у Патапа Максимыча дочери.

— Правда твоя, правда, Пантелеюшка, охая, подтвердила мать Таифа. — Молодымъ дѣвицамъ съ чужими мущинами въ одномъ домѣ жить не годится.... Да не только жить, видаться-то почасту и то дѣло опасливое, потому, человѣкъ не камень, а молодая кровь горяча.... Поднеси свѣчку къ сѣну, развѣ не загорится?... Такъ и это.... Долго ль, долго ли тутъ до грѣха? Не даромъ люди говорятъ: „береги дѣвку что̀ стеклянну посуду, грѣхомъ расшибешь—въ вѣкъ не починишь.“

— Ну пускай до худаго до чего дѣло не дойдетъ, сказалъ на то Пантелей, — потому дѣвицы разумныя, и до пустяковъ себя не доведутъ, да вѣдь люди, матушка, кругомъ, народъ же все непостоянный, зубоскалъ, только бы посудачить имъ да пересудить всякаго.... А къ богатымъ завистливы. На глазахъ лебезятъ хозяину, а чуть за уголъ, и пошли его цыганить да ругать..... Чего добраго, такихъ сплетокъ наплетутъ, такую славу пустятъ, что не приведи Господи. Сама знаешь, матушка, каковы нынѣшни люди.

— Что̀ и говорить, Пантелеюшка! вздохнувъ, молвила мать Таифа. — Разсѣялъ врагъ по людямъ злобу свою да неправду, гордость, зависть, человѣконенавидѣніе! Охо-хо-хо-хо!

— Теперь у насъ какое еще дѣло!... Просто бѣда — всѣ пропасть можемъ, продолжалъ Пантелей. — Незнаемо какой человѣкъ съ Дюковымъ съ кущомъ наѣхалъ. Сказываетъ отъ епископа посланъ, а на мои глаза ровно бы проходимецъ какой. Сидитъ съ ними Паталъ Максимычъ: съ этимъ проходимцомъ, да съ Дюковымъ, замкнувшись въ подклѣтѣ чуть не съ утра до ночи.... И такія у нихъ дѣла, такія затѣи, что вздумать страшно.... Не епископомъ, а самимъ бѣсомъ посланъ тотъ проходимецъ къ Паталу Максимычу смущать его на худыя дѣла.... Теперь хозяинъ ровно другой сталъ: ходитъ одинъ, бормочетъ что-то самъ съ собой, по пальцамъ зачнетъ считать, ходитъ, ходитъ, да станетъ на мѣстѣ какъ вкопаный, постоитъ маленько, опять зашагаетъ.... А не къ добру, не къ добру, къ самой послѣдней гибели.... Боюсь я, матушка Таифа, охъ какъ боюсь!... Сама посуди, живу я въ домѣ пятнадцать лѣтъ, пріобыкъ, я же безродный, ни за мной, ни передо мной никого, я ихъ замѣсто своихъ почитаю, го-

лову кажется готовъ положить за хозяина.... Ну да какъ бѣда стрясется?.... Охъ, Ты, Господи, Господи, и подумаешь такъ страшно.

— Что жь ты думаешь, дѣло что ль какое затѣваютъ они? въ недоумѣніи спросила мать Таифа.

— Затѣваютъ, матушка.... охъ затѣваютъ.... А зачинщикомъ этотъ проходимецъ, отвѣчалъ Пантелей.

— Что жь за дѣло такое у нихъ, Пантелеюшка? спросила мать Таифа.

— Кто знаетъ?.... И понять невозможно, отвѣчалъ Пантелей. — Только сдается мнѣ что дѣло не хорошее. И Алексѣй этотъ опять цѣлыя ночи напролетъ толкуетъ съ этимъ проходимцомъ, прости Господи. Въ одной боковушѣ живетъ съ нимъ.

— Да кто же такой этотъ человѣкъ? Изъ какихъ мѣстъ самъ-отъ будетъ? допытывалась мать Таифа.

— Родомъ будто изъ здѣшнихъ. Такъ сказывается, отвѣчалъ Пантелей. — Наталу Максимычу съ измальства, слышь, знаемъ былъ. — А зовутъ его Якимъ Прохорычъ, по прозванью Стуколовъ.

— Слыхала я про Стуколова Якима, слыхала съ молоду, промолвила мать Таифа.—Только тотъ, слышь, безъ вѣсти пропалъ, годовъ двадцать тому, коли не больше.

— Значитъ пропадалъ, а теперь объявился, сказалъ Пантелей.—Про свои странства намедни разказывалъ мнѣ, гдѣто, гдѣ не бывалъ, какихъ земель не видалъ, коли не вретъ. Я, признаться, ему все больше на лобъ да на скулы смотрю. Думаю не клалъ ли ему палачъ отмѣтинъ на площади....

— Ну ужь ты! Вѣдь говоришь епископъ его прислалъ? сказала мать Таифа.

— Говоритъ, отъ епископа, отвѣчалъ Пантелей,—а можетъ и вретъ.

— А если отъ епископа, замѣтила мать Таифа, — такъ можетъ они толкуютъ какъ ему въ наши мѣста прибыть. Дѣло, опасное, надо тайну держать.

— Коли бы насчетъ этого, отъ меня бы не таились, отвѣчалъ Пантелей.—Сама знаешь что попа привезти, аль другое что по этой части—все я справляю. Нѣтъ, тутъ другое.... Опять же еслибъ на счетъ пріѣзда епископа—развѣ стали бы таиться отъ Аксиньи Захаровны, а то вѣдь и отъ нея тай-

комъ.... Опять же матушка Манефа у насъ гостила, съ кѣмъ бы и совѣтоваться насчетъ епископа какъ не съ ней, такъ вѣдь нѣтъ, она всего только разъ и видѣла этого Стуколова.... Гости два дня гостили, а онъ все въ боковушѣ сидѣлъ. Нѣтъ, тутъ другое, матушка, совсѣмъ другое. Охъ, боюсь я чтобъ онъ Патапа Максимыча на недоброе не навелъ!... Оборони Царь Небесный!

— Да что жь ты полагаешь? спросила, сгарая любопытствомъ, мать Таифа.—Скажи, Пантелеюшка, вѣдь ужь сколько лѣтъ ты меня знаешь? Безъ пути лишнихъ словъ болтать не охотница, у меня всякая тайна въ груди какъ огонь въ кремнѣ скрыта. Опять же я сама Патапа Максимыча какъ роднаго люблю, а ужь дочекъ его, такъ и сказать не умѣю какъ люблю, ровно какъ бы мои дѣти были.

— Да такъ-то оно такъ, мялся Пантелей, — все же опасно мнѣ.... Развѣ вотъ что.... Матушкѣ Манефѣ этого сказать я самъ не посмѣю, а такъ полагаю что еслибы она хорошенько поговорила Паталу Максимычу, остерегла бы его да попачалила, онъ можетъ-статься послушался бы.

— Наврядъ, Пантелеюшка! отвѣтила, качая головой, мать Таифа.—Наврядъ онъ ее послушаетъ. Упрямъ вѣдь онъ, упоренъ, такихъ самонравовъ поискать только. Не больно онъ матушки-то слушаетъ.

— Дѣло-то такое что если матушка ему какъ слѣдуетъ выскажетъ, онъ пожалуй и послушается, сказалъ Пантелей.—Дѣло-то вѣдь такое! Къ палачу въ лапы можно угодить, матушка, въ Сибирь пойти на каторгу!.... Вотъ вѣдь оно что, ты подумай только!

— Что ты, что ты Пантелеюшка! испуганнымъ голосомъ вскрикнула мать Таифа. — Ай какія страсти сказалъ!.... На душегубство что ль совѣтуютъ?

— Ну, матушка! Экъ тебя куда хватило!... молвилъ Пантелей....—Развѣ за одно душегубство на каторгу идутъ? Мало ли передъ Богомъ да передъ великимъ государемъ провинностей за которы ссылаютъ.... Охо-хо-хо!.... Какъ только вздумаю, сердце ровно кипяткомъ кто обваритъ.

— Такъ сказывай все ло ряду, Пантелеюшка, приставала мать Таифа. — Коли такое дѣло, и впрямь матушка Манефа можетъ разговорить.—Вѣдь тоже сестра родная, кровному своему зла не пожелаетъ.... А ужь поговорить учитель-

но, да усовѣстить человѣка въ напасть грядущаго, гдѣ другую сыскать противъ нашей матушки?

Пантелей колебался, но мать Таифа такъ его уговаривала, такъ умасливала подѣлиться тайной, что тотъ наконецъ сказалъ:

— Только смотри, мать Таифа, окромѣ матушки Манефы никому словечка не моги сказать, потому коли молва разнесется — бѣда.... Ты мнѣ напередъ передъ образомъ побожись.

— Божиться не стану, отвѣтила мать Таифа. — И мірскимъ великій грѣхъ божиться, а иноческому чину паче того. А если изволишь, такъ вотъ по евангельской заповѣди, продолжала она поднимая руку къ иконамъ: „буди тебѣ: ей, ей".

И положивъ семипоклонный началъ, взяла изъ кіота мѣдный крестъ и поцѣловала.

Потомъ, сѣвъ на лавку, обратилась къ Пантелею.

— Говори же, Пантелеюшка, заклята душа моя, залечатана....

— Дюкова купца знаешь? спросилъ Пантелей — Самлсона Михаилыча?

— Мало знаю, наслышана-то наслышана, а знать не довелось, отвѣтила мать Таифа.

— Слыхала что онъ годовъ десять али больше тому назадъ судился по государеву дѣлу, въ острогѣ сидѣлъ?

— Можетъ и слыхала, вѣрно сказать не могу, отвѣтила мать Таифа.

— Судился онъ за мягкую денежку, сказалъ Пантелей.—Хоша Дюковъ въ томъ дѣлѣ по суду и неприличонъ, потому его и выгородили, однакожь люди толкуютъ что на самомъ дѣлѣ онъ этимъ поганымъ дѣломъ займовался. Хоть самъ можетъ монеты и не ковалъ, а съ монетчиками дружбу водилъ, и работу ихнюю переводилъ.... Это всѣ тебѣ скажутъ — у кого ни спроси.... Недаромъ каждый годъ онъ разъ по десяти въ Москву ѣздитъ, хоть торговыхъ дѣлъ у него тамъ съ роду не бывало, не даромъ и на Ветлугу частенько наѣзжаетъ, хоть ни лѣсомъ, ни мочалой не промышляетъ. Да и скрытный такой— все молчитъ, слова отъ добьешься.

— Такъ что же? спросила мать Таифа.

— А то что этотъ самый Дюковъ Самлсонъ Михаилычъ проходимца того къ намъ и завезъ, отвѣчалъ Пантелей. — Дѣло было наканунѣ имянинъ Аксиньи Захаровны. Пріѣхали

нежданные незванные — ровно съ неба свалились. И все-то шелчутся, ото всѣхъ хоронятся. Добрые люди развѣ такъ дѣлаютъ?.... Коли нѣтъ на умѣ дурна, зачѣмъ людей таиться?

— Извѣстно дѣло, отозвалась мать Таифа. — Что же они Патапа-то Максимыча на это самое дѣло и смущаютъ?

— Похоже на то, матушка, сказалъ Пантелей,—по крайности такъ моимъ глупымъ разумомъ думается. Словно другой хозяинъ сталъ, все въ такомъ раздумьѣ ходитъ.... И ночью, подмѣтилъ я, встанетъ, да все ходитъ, все ходитъ и на пальцахъ что-то считаетъ. По дѣлу какому лучше къ нему и не приступайся — что не говори, ровно тебя не понимаетъ, махнетъ рукой, либо зарычитъ: „убирайся, не мѣшай!“... А чего мѣшать-то?... Никакого дѣла вотъ ужь пятый день не дѣлаетъ... И по токарнямъ и по красильнямъ все стало... Новый-то прикащикъ Алексѣй тоже ни за чѣмъ не смотритъ, и Патапу Максимычу это нипочемъ. Все съ нимъ по тайности толкуетъ.... А работники, извѣстно дѣло, народъ вольница, видятъ призору нѣтъ, и пошли черезъ пень колоду валить.

— Да почему жь ты думаешь что они насчетъ фальшивыхъ денегъ? спросила мать Таифа.

— А видишь ли, матушка, сказалъ Пантелей. — Третьяго дня, ходивши цѣлый день по хозяйству, зашелъ я въ сумерки въ подклѣтъ и прилегъ на палати. Заснулъ.... только меня ровно кто въ бокъ толкнулъ — слышу разговоры. Рядомъ тутъ прикащикова боковуша. Слышу тамъ говорятъ, а сами въ лоскахъ.... Слышу Стуколова голосъ и Патапа Максимыча. Дюковъ тутъ же былъ, только молчалъ все, и Алексѣй тутъ же. Ну и наслушался тутъ я, матушка.

— Что жь они, Пантелеюшка? съ нетерпѣньемъ спросила мать Таифа. — Про эти самыя фальшивы деньги?... Ахъ Ты, Господи, Господи, Царь Небесный!...

— Вѣрно такъ, отвѣтилъ Пантелей.—Начала-то ихняго разговора не слыхалъ — проспалъ, а какъ очнулся, пришелъ въ себя, слышу толкуютъ про пески золотые, что по нашимъ мѣстамъ будто бы водятся; Ветлугу поминаютъ. Стуколовъ высчитываетъ, какія они капиталы наживутъ, какъ за то дѣло примутся. — Не то что тысячи, милліоны, говоритъ, имѣть будете.... Про какіе-то снаряды поминалъ.... Такъ и говоритъ „мыть золото“ надо этими снарядами....

Говорилъ и то что у него люди къ тому дѣлу на примѣтѣ есть, да и самъ я, говоритъ, этого дѣла маленько мерекаю.... Смущаетъ, знаешь, хозяина всячески, а хозяинъ тому и радъ— торопитъ Стуколова, такъ и загорѣлось у него — сейчасъ же вынь да положь, давай за дѣло приниматься. Однакожъ Стуколовъ говоритъ ему что до тѣхъ поръ пока снѣгъ не сойдетъ приступать къ дѣлу нельзя. А потомъ, слышу что на Ветлугу хозяину ѣхать надо.... Вотъ какія дѣла у насъ творятся, матушка.

— Ахъ дѣла, дѣла!.. Ахъ какія дѣла! охала мать Таифа.— Такъ-таки и говорятъ: „станемъ фальшивы деньги дѣлать?“

— Такого слова напрямикъ не было, отвѣчалъ Пантелей,— а понимать можно — потому какой же по здѣшнимъ мѣстамъ золотой лесокъ? Олять же Ветлугу то и дѣло поминаютъ... А развѣ ты не знаешь чѣмъ на Ветлугѣ по лѣсамъ займуются?

— А чѣмъ, Пантелеюшка? спросила мать Таифа.

— Лѣса тамъ больщущіе — такая палестина что верстъ по пятидесяти и больше жила, пояснялъ Пантелей, — дорогъ нѣтъ, гдѣ, гдѣ развѣ тропинку найдешь. По этимъ самымъ лѣсамъ землянки наставлены, въ иныхъ старцы спасаются, пустынное житіе проводятъ, въ другихъ мужики мягкую деньгу куютъ... Вотъ что значитъ она Ветлуга-то.... А ты думала что тамъ только мочаломъ да лубомъ промышляютъ?

— Ахъ, дѣло-то, дѣло-то какое!.. Въ какую пропасть лѣзетъ!.. Матушка Царица Небеспая!.. причитала мать Таифа.

— То-то и есть, жадность-то наша что значитъ? раздумчиво говорилъ Пантелей.—Чего еще надо ему? Всего вдоволь, слава Тебѣ Господи, такъ нѣтъ, все мало.... И на такое дѣло идти!... Охъ Господи, Господи!.. Хотѣлъ ему поговорить, да боюсь.... Скажи при случаѣ матушкѣ Манефѣ, не отговоритъ ли она Патапа Максимыча, не отведетъ ли его отъ такого дѣла... Думалъ было Аксиньѣ Захаровнѣ сказать, да пожалѣлъ ее—убиваться станетъ, а ему говорить зачнетъ, только на грѣхъ наведетъ.... Не больно онъ ея рѣчи принимаетъ.... Развѣ вотъ матушку Манефу не послушаетъ ли?

— Ужь не знаю что на это сказать тебѣ, Пантелеюшка, отвѣчала мать Таифа.—Сказать ей, скажу, врядъ ли только ее послушаетъ Патапъ Максимычъ. Вѣдь онъ такой, какъ заберетъ что въ голову, ухищиковъ тутъ нѣтъ... А сказать матушкѣ, скажу.... Какъ не сказать!...

Въ тотъ же день вечеромъ мать Таифа была у игуменьи. Доложивъ ей что присланные припасы приняты по росписи, а ветчина припрятана, она, поглядывая на ключницу мать Софію, молвила въ полголоса Манефѣ:

— Мнѣ бы, матушка, словечко вамъ сказать.

— Говори. Кто тебѣ мѣшаетъ? отвѣтила Манефа.

— Мнѣ бы съ глазу на глазъ поговорить.

— Что̀ за тайны такія? не совсѣмъ довольнымъ голосомъ спросила мать Манефа.—Ступай покамѣсть вонъ Софьюшка, прибавила она обращаясь къ своей наперстницѣ.

Мать Софія кисло улыбнулась Таифѣ и пошла изъ кельи.

— Ну, какія у тебя тайны? спросила игуменья, оставшись вдвоемъ съ Таифой.

— Да я насчетъ Патапа Максимыча, зачала было Таифа.

— Что̀ такое насчетъ Патапа Максимыча? быстро спросила игуменья.

— Ужь не знаю какъ и говорить, матушка, продолжала Таифа.—Такое дѣло, такое дѣло, что и придумать нельзя.

— Говори толкомъ... Мямлитъ, мямлитъ, понять нельзя!... нетерпѣливо сказала Манефа.

— Ужь право не знаю какъ вамъ и доложить, тихимъ голосомъ отвѣчала мать казначея.—Смущаютъ его недобрые люди на худое дѣло.

— Говорятъ тебѣ не мямли, крикнула даже игуменья, топнувъ ногой. — Кто наущаетъ, на какое дѣло?

— Фальшиву монету ковать.... шопотомъ промолвила мать Таифа.

— Съ ума ты спятила, безумная? крикнула Манефа, побагровѣвъ, и строго глядя въ глаза казначеѣ. — Кто тебѣ навралъ?

— Пантелей, матушка, смиренно опустя голову, промолвила Таифа.

— Пустомеля! Стыда у твоего Пантелея во лбу нѣтъ!... Что̀ городитъ!... А онъ-то отъ кого узналъ? говорила Манефа, въ тревогѣ и горячности быстро ходя взадъ и впередъ по кельѣ.

— Разговоръ ихній подслушалъ... отозвалась Таифа.

— Подслушалъ? Гдѣ подслушалъ?

— Лежалъ на палатяхъ, у нихъ въ подклѣтѣ, спалъ, да какъ проснулся и слышитъ какъ Паталъ Максимычъ съ гостями рядомъ въ боковушѣ разговариваетъ.

— Ну?

— И толкуютъ они, матушка, какъ золотыя деньги добывать, и снаряды, слышь, у нихъ на то ужь припасены, да все Ветлугу поминаютъ. А на Ветлугѣ, матушка, эти лутовскія деньги, слышь, только и работаютъ.... Въ тамошнихъ мѣстахъ, слышь, самый-то корень этихъ монетчиковъ. Туда и сбираются. Слышь, Паталу Макисмычу на Ветлугу ѣхать по скорости надо.... А Пантелей, жалѣючи Патапа Максимыча, это мнѣ за великую тайну передалъ, крестъ заставилъ цѣловать, евангельское слово сказать, чтобы про то дѣло кромѣ васъ, матушка, никому не открыла.... Самъ чуть не плачетъ.... Разговорить бы надо хозяина, да боюсь, говоритъ, меня не послушаетъ. Молви, говоритъ, ради Христа матушкѣ Манефѣ, не отведетъ ли она братца своими разговорами отъ такого поскуднаго дѣла.... Сказалъ бы, говоритъ, Аксиньѣ Захаровнѣ да и ея не послушаетъ онъ.... Одинъ только грѣхъ выдетъ.... Дѣло-то такое матушка.

— Съ кѣмъ же это такіе разговоры были? спросила мать Манефа.

— А были при томъ матушка трое, отвѣтила мать Таифа,— новый прикащикъ Патапа Максимыча, да еще Дюковъ кулецъ, а онъ прежде въ острогѣ сидѣлъ за фальшивыя деньги, хоть и не приличонъ.

— Третій кто? перебила Манефа.

— А третій всему дѣлу заводчикъ и есть. — Его Дюковъ и привезъ, а всѣ знаютъ что онъ по этимъ фальшивымъ деньгамъ первый по здѣшнимъ мѣстамъ воротило.... Стуколовъ какой-то, отъ епископа, слышь, будто бы присланъ....

Ноги подкосились у матери Манефы и въ изнеможеніи она тяжело опустилась на лавку. Голова опустилась на плечо, глаза закрылись и чуть слышно шептала она:

— Господи помилуй!... Господи помилуй!... Царица Небесная! Что жь это такое?... Въ умѣ мутится.... Ахъ, злодѣй, злодѣй....

И судорожныя рыданія прервали рѣчь. Мать Манефа упала на лавку. Таифа кликнула ключницу и вмѣстѣ съ нею отнесли безчувственную игуменью на постель.

Засуетились по кельямъ.... „Съ матушкой что-то случилось? Матушка Манефа умираетъ“, передавали одинъ келейницы другимъ, и вѣсть о томъ черезъ нѣсколько минутъ разошлась по всей обители.... Сошлись матери въ игуменьину келью, пришла

и Марья Гавриловна. Всѣ въ слезахъ, въ рыданьяхъ, Флегушка, стоя на колѣняхъ у постели и склонивъ голову къ рукѣ матери Манефы, ровно окаменѣла....

Софья сказала матерямъ что когда съ игуменьей случился приладокъ, съ нею оставалась одна Таифа, хотѣвшая разказать ей про какое-то тайное дѣло.... Стали спрашивать Таифу. Молчитъ.

XV.

Недѣли три пролежала въ сильной горячкѣ мать Манефа, все время пробыла безъ памяти. Не живи въ обители Марья Гавриловна, едва ли бы она въ живыхъ осталась. Матери хлопотали вокругъ своей начальницы, каждая предлагала свои лѣкарства. Одна совѣтовала умыть матушку водой съ громовой стрѣлы *, другая—напоить ее виномъ, въ которомъ надо передъ тѣмъ заморить живаго рака, третья — масломъ деревяннымъ изъ лампадки всю вымазать,—четвертая накормить ее овсянымъ киселемъ съ воскомъ, а пятая увѣряла что лучше всего достать живую щуку, разрѣзать ее вдоль и обложить голову матушкѣ, подпаливая рыбу богоявленской свѣчой. Потомъ зачали всѣ въ одно слово говорить что надо безпремѣнно въ Городецъ послать за чернымъ поломъ, или куда-нибудь поближе за старцемъ какимъ-нибудь, потому что всегдашнее желаніе матушки Манефы было принять передъ кончиной великую схиму.... Много было суеты, еще больше болтанья и пустыхъ разговоровъ. Больная осталась бы безъ помощи, еслибы Марья Гавриловна отъ себя не послала въ городъ за лѣкаремъ. Лѣкарь пріѣхалъ, осмотрѣлъ больную и сказалъ что положеніе ея опасно. Марья Гавриловна просила лѣкаря остаться въ скитѣ до исхода болѣзни, но хоть и предлагала ему хорошія деньги, онъ не остался, потому что одинъ былъ въ уѣздномъ городѣ и не могъ отлучаться надолго. Марья Гавриловна успѣла однако упросить его остаться хоть на нѣсколько дней, пока привезутъ другаго врача изъ губернскаго города. Пріѣхалъ другой врачъ и остал-

---

* Скипѣвшійся песокъ отъ удара въ него молніей. Вода въ которую онъ былъ опущенъ считается въ простонародьѣ цѣлебною.

ся въ Комаровѣ, къ немалому соблазну келейницъ, считавшихъ лѣченье дѣломъ неугоднымъ Господу, а для принявшихъ иночество даже грѣховнымъ.

Но Марья Гавриловна настояла на своемъ. Что ни говорили матери, какъ ни спорили онѣ и между собой и съ Марьей Гавриловной, лѣченье продолжалось. Больше всего огорчалась, сердилась и даже бранилась съ Марьей Гавриловной игуменьина ключница. Она вздумала было выливать лѣкарства приготовленныя лѣкаремъ и поить больную какимъ-то взваромъ, что, по словамъ ея, отъ сорока недуговъ пользуетъ. За это Марья Гавриловна, при содѣйствіи матери Аркадіи, правившей на время Манефиной болѣзни обителью, выслала Софію вонъ изъ кельи и не велѣла Фленушкѣ пускать ее къ больной.... Трудна была болѣзнь матери Манефы, но старанія искуснаго врача, заботливый и умный уходъ за больной Марьи Гавриловны и Фленушки, а главное, хоть надорванное, но по природѣ крѣпкое здоровье матери Манефы, подняли ее съ болѣзненнаго одра....

Когда она пришла въ сознаніе и узнала какія заботы прилагала о ней Марья Гавриловна, горячо благодарила ее, но потомъ примолвила:

— Ахъ, Марья Гавриловна, Марья Гавриловна!... Зачѣмъ это вы, голубушка моя, такъ поднять меня старались съ одра болѣзни. Лучше бы мнѣ отойти свѣта сего... Тяжко мнѣ жить...

— Полноте, матушка. Развѣ можно такъ говорить? Ваша жизнь другимъ нужна... Вотъ Фленушка напримѣръ.... говорила Марья Гавриловна.

— Ахъ Фленушка, Фленушка!... Милое ты мое сокровище, слабымъ голосомъ сказала Манефа, прижимая къ груди своей голову дѣвушки.—Какъ бы знала ты что у меня на-сердцѣ.

И больная зарыдала.

— Успокойтесь матушка, это вамъ вредно, уговаривала Манефу Марья Гавриловна. — Теперь пуще всего вамъ надо беречь себя.

Успокоилась не надолго Манефа, потомъ спросила:

— Изъ Осиповки отъ братца нѣтъ ли вѣстей?

— Уѣхалъ Паталъ Максимычъ, отвѣчала Фленушка.

— Куда?

— Не знаю навѣрно... На Ветлугу кажется.

— На Ветлугу!... взволнованнымъ голосомъ вскрикнула мать Манефа и лишилась сознанія.

Ей стало хуже. Осмотрѣвъ больную и узнавъ что она взволновалась отъ разговоровъ, врачъ строго приказалъ не говорить съ ней ни слова, пока совсѣмъ не оправится.

Къ Пасхѣ, Манефа встала съ постели. Но здоровье ея хизнуло съ того времени. Не осталось въ ней ни прежней бодрости, ни прежней рѣшимости въ дѣлахъ, память ослабѣла, и вся она какъ-то опустилась, постарѣла лѣтъ на десять. Задумчивая такая стала, временами заговариваться даже стала. По выбору матерей и благословенью матери Манефы, обительскими дѣлами начала завѣдывать уставщица, мать Аркадія, подъ руководствомъ разумѣется старой игуменьи. Но какое ужъ это было руководство? Манефа рѣдко изъ кельи выходила, развѣ въ праздники когда въ часовню добредетъ, да и то каждый разъ бывало просидитъ половину службы, а потомъ лежитъ цѣлый день.

Фленушкѣ стало вольнѣе жить.

Какъ-то на Пасхѣ, когда Манефѣ стало получше, она, сходивъ къ вечернѣ, легла отдохнуть. Фленушка, воспользовавшись этимъ, побѣжала посидѣть къ Марьѣ Гавриловнѣ. Толковали онѣ объ матушкѣ и объ ея болѣзни, о томъ что хоть она теперь и поправилась, однакожь при такой ея слабости необходимъ за ней постоянный уходъ.

— На Софью надѣяться нечего, говорила Марья Гавриловна,—она только вреда надѣлаетъ, да притомъ же разговорами своими раздражать станетъ матушку, а ей теперь покой дороже всего. Вотъ и лѣкарь говоритъ что непремѣнно надо отдалить отъ нея всякія заботы, ничѣмъ ее не безпокоить... Мать Софія понимать этого не можетъ; ей что ни говори, она каждый день чѣмъ-нибудь да обезпокоитъ матушку. А одной тебѣ, Фленушка, не подъ силу день и ночь при ней быть... Надо бы еще кого изъ молодыхъ дѣвицъ... Развѣ Марьюшку?

— Да вѣдь у Марьюшки свое дѣло, отвѣчала Фленушка.— Безъ нея крилосъ станетъ, нельзя ей безотлучно при матушкѣ сидѣть. Надо бы еще кого.

— Ужь право не придумаю какъ это уладить, сказала Марья Гавриловна. — Келейныя дѣвицы Анафролія да Минодора съ Натальей, только слава одна... Работницы онѣ хо-

рошія, а куда жь имъ за больной ходить? Я было своихъ дѣвицъ предлагала матушкѣ—слышать не хочетъ.

— Какъ бы Настя съ Парашей пріѣхали, молвила Фленушка.

— И въ самомъ дѣлѣ! подхватила Марья Гавриловна.— Чего бы лучше? Тутъ все дѣло чтобы до матушки, пока совсѣмъ не поправится, заботъ никакихъ не доводить.... А изъ здѣшнихъ кого къ ней ни посади, всякая станетъ рѣчь сводить на дѣла обительскія. Да и требовать отъ нихъ нельзя,— о чемъ же онѣ больше станутъ говорить? Спроситъ ихъ о чемъ матушка, нельзя же имъ отвѣчать „не знаю“, на гнѣвъ только наведутъ.... Чего бы лучше Настеньки съ Парашей? Хоть бы лѣто прожили.... Оотпуститъ ли ихъ Патапъ Максимычъ?... Не слыхала ты, воротился онъ домой?

— Къ Страстной ждали, должн-быть дома теперь, сказала Фленушка.

— Отпуститъ ли, какъ думаешь? спросила Марья Гавриловна.

— Не знаю какъ сказать, отвѣчала Фленушка.—Если сами станутъ проситься, не отпуститъ.

— А если матушка? спросила Марья Гавриловна.

— Наврядъ чтобъ отпустилъ, отвѣчала Фленушка.

— Попробовать развѣ, поговорить матушкѣ, что̀ она скажетъ — согласится, ты напиши отъ нея письмецо къ Патапу Максимычу, сказала Марья Гавриловна.

— Тогда ужь навѣрно не отпуститъ, сказала Фленушка. — Не больно онъ меня жалуетъ, Патапъ-отъ Максимычъ, еще скажетъ пожалуй что это я отъ себя выдумала. Вотъ какъ бы вы потрудились, Марья Гавриловна.

— Я я-то тутъ при чемъ? возразила Марья Гавриловна.— Для дочерей не сдѣлаетъ, для сестры больной не сдѣлаетъ, для меня-то съ какой стати?

— А я такъ полагаю что для васъ однѣхъ онъ только это и сдѣлаетъ, а больше ни для кого на свѣтѣ, сказала Фленушка.— Только вы припишите что вамъ самимъ желательно Настю съ Парашей видѣть и попросите чтобъ онъ къ вамъ отпустилъ ихъ, что вы, а не матушка по нихъ соскучились, а насчетъ того что онѣ за матушкой будутъ приглядывать, да веселить ее, того лучше и не поминайте.

— Понять не могу, Фленушка, съ чего ты взяла чтобы Па-

талъ Максимычъ для меня это сдѣлалъ. Что я ему? говорила Марья Гавриловна.

— Да вы попробуйте, а ужь я знаю что говорю, отвѣтила Фленушка.—Только напишите, попробуйте.

— Право не знаю, раздумывала Марья Гавриловна.

— Да пишите, пишите скорѣй, съ живостью заговорила Фленушка, ласкаясь и цѣлуя Марью Гавриловну.—Хоть маленько повеселѣй съ ними будетъ, а то вѣдь околѣешь съ тоски. Миленькая Марья Гавриловна, пишите сейчасъ же, пожалуста пишите!... Вѣдь и вамъ-то съ ними веселѣй будетъ.... Вѣдь и вы совсѣмъ извелись отъ здѣшней скуки.... Голубушка! Марья Гавриловна!

— Чтобъ онъ не осердился? сказала Марья Гавриловна.

— На васъ-то? Что вы? что вы? подхватила Фленушка, махая на Марью Гавриловну обѣими руками. — Да полноте. Какъ это возможно?... Да онъ радъ радехонекъ будетъ коли вы его о чемъ попросите, самъ привезетъ дочерей, да вамъ же еще кланяться станетъ. Онъ вѣдь очень уважаетъ васъ. Посмотрѣли бы вы на него какъ кручинился онъ что не догадался васъ на имянины позвать.... Онъ даже немножко васъ побаивается....

— Чего ему меня бояться? засмѣялась Марья Гавриловна, вѣдь я не кусаюсь.

— Да ужь боится — вѣрно говорю.... Съ братцомъ вашимъ у него дѣла торговыя, — вотъ онъ васъ и боится.

— Да изъ чего же тутъ бояться? сказала Марья Гавриловна.—Какія у него дѣла я не знаю.... И что жь такое братъ? Я то тутъ при чемъ? Пустое городишь, Фленушка.

— Ужь я вамъ говорю, настаивала Фленушку. — Попробуйте, напишите—сами увидите.... Да пожалуста, Марья Гавриловна, миленькая, душенька, утѣшьте Настю съ Парашей — имъ-то вѣдь какъ хочется побывать сюда—порадуйте ихъ.

Марья Гавриловна согласилась наконецъ на упрашиванье Фленушки и обѣщалась на другой же день написать къ Патапу Максимычу. Къ тому жь она получила отъ него два письма, но не успѣла отвѣтить на нихъ въ хлопотахъ за больной Манефой.... Но напередъ хотѣла она переговорить съ матушкой Манефой.

Манефа рада была повидать племянницъ, но сказала что не надѣется чтобы Патапъ Максимычъ отпустилъ ихъ въ Комаровъ.

— И безъ того онъ ворчитъ на меня будто я племянницъ на келейную жизнь склоняю, сказала мать Манефа. — Пошумѣлъ онъ однова на Настю, а та дѣвка огонь — сама ему на отрѣзъ. Онъ ей слово, она ему пять, да и брякни отцу такое слово: „я дескать въ скитъ хочу, иночество надѣну“.... Ну какая она черноризица, Марья Гавриловна, сами вы посудите, то ли у нея на умѣ? Полугать только отца вздумала, иночествомъ погрозила, а онъ на меня какъ напустится: „это, говоритъ, ты ей такія мысли въ уши налѣла, это, говоритъ, твое дѣло“.... И ужь такъ шумѣлъ, такъ шумѣлъ онъ въ ту пору. И послѣ того не одинъ разъ мнѣ выговаривалъ: „у васъ дескать такой обычай въ скитахъ повелся чтобы богатенькихъ племянницъ въ кельи сманивать, такъ ты, говоритъ, не надѣйся чтобы мои дочери къ тебѣ въ черницы пошли. Я, говоритъ, теперь ихъ и близко къ кельямъ не допущу, а не то чтобы въ скиту жить“.... Такъ и сказалъ.... Нѣтъ, не послушаетъ онъ меня, Марья Гавриловна, не отпуститъ дѣвицъ ни на малое время.... И толковать объ этомъ нечего....

— Матушка, вмѣшалась Фленушка,—а если Марья Гавриловна къ нему напишетъ, къ себѣ Настю съ Парашей будетъ звать?

— Это дѣло другое, отвѣчала мать Манефа. — Къ Марьѣ Гавриловнѣ какъ ему не отпустить? Супротивъ Марьи Гавриловны развѣ онъ пойдетъ?

— Я бы написала пожалуй, матушка, попросила бы Патала Максимыча, отвѣчала Марья Гавриловна.

— Напишите, въ самомъ дѣлѣ, сударыня, Марья Гавриловна, отозвалась мать Манефа,—утѣшьте меня, хоть бы послѣдній разокъ поглядѣть мнѣ на моихъ голубушекъ. И имъ-то повеселѣй здѣсь будетъ; дома-то онѣ все однѣ да однѣ—поневолѣ одурь возьметъ, подругъ нѣтъ, повеселиться хочется, а не съ кѣмъ.... Здѣсь Фленушка вотъ, да Марьюшка. И вы, сударыня, не оставите ихъ своею лаской.... Напишите, Марья Гавриловна, въ самомъ дѣлѣ. Ужь какъ я вамъ за то благодарна буду, ужь какъ благодарна!

Проводивъ Марью Гавриловну, Фленушка повертѣлась маленько вокругъ Манефиной постели и шмыгнула въ свою горницу. Тамъ Марьюшка сидѣла за пяльцами, дошивая подушку по новымъ узорамъ.

Фленушка подбѣжала къ ней сзади и схвативъ ее руками за плечи, вскрикнула:

— Гуляемъ, Марьюшка!

И подперевъ руки въ боки, пошла плясать середь комнаты прилѣвая:

Я по жердочкѣ иду,
Я по тоненькой бреду,
Я по тоненькой, по еловенькой.
Тонка жердочка погнется,
Да не сломится.
Хорошо съ милымъ водиться,
По лугамъ съ дружкомъ гулять.
Ужь я дѣвка разгуляюсь,
Разгуляюся пойду
За новыя ворота,
За новыя кленовыя,
За рѣшетчатыя.

— Что ты, что ты? удивлялась спросила Марья головщица, вскочивъ изъ-за пялецъ.

Съ начала болѣзни матушки Манефы, Фленушка совсѣмъ было другая стала: не только рѣзвыхъ шутокъ и звонкаго хохота не было отъ нея слышно, она не улыбалась даже и съ утра до ночи ходила съ заплаканными глазами.

— Ряхнулась что ль ты, Фленушка? спрашивала головщица.—Матушка лежитъ, а ты гляди-ка что.

— Что матушка! Матушкѣ, слава Богу, облегчало, сказала, прыгая, Фленушка.—А у насъ праздникъ-то какой!

— Что такое? спросила ее Марьюшка.

— Съ праздникомъ поздравляю, съ похмѣлья умираю, нѣтъ ли гривенъ шести, душу отвести? кланялась Фленушка Марьѣ головщицѣ и потомъ опять зачала прыгать и лѣть.

— Да полно тебѣ юродствовать-то! отвѣтила головщица.— Говори толкомъ что случилось.

— А вотъ что: дней чрезъ пять, аль черезъ недѣлю, вотъ въ этихъ самыхъ комнатахъ будутъ жить

Двѣ дѣвицы,
Двѣ сестрицы,
Дѣвушки подруженьки:
Настенька съ Парашенькой.

Налѣвала Фленушка, вытопывая дробь ногами.

— Полно? удивилась Марьюшка.

— Вѣрно! кивнувъ головой, сказала Фленушка.

— Какъ же такъ это случилось? спрашивала Марьюшка.

— Да такъ вотъ и случилось. сказала Фленушка.—Ты всегда понимать должна, что если Флена Васильевна чего захочетъ—быть потому. Слушай ты — да отвѣчай въ правду, не ломайся, есть что ли вѣсти изъ Саратова?

— Ну его! Забыла и думать, съ досадой отвѣчала Марьюшка.

— Да ты глаза-то на сторону не вороти, а отвѣчай дѣломъ.... писалъ еще аль нѣтъ? спрашивала Фленушка.

— Писать-то писалъ, да вретъ все, отвѣчала Марьюшка.

— Не все же вретъ—иной разъ правдой тоже обмолвится, сказала Фленушка.—Когда пріѣдетъ?

— Къ Троицѣ обѣщалъ — да вретъ, не пріѣдетъ. отвѣчала Марьюшка.

— Къ Троицѣ!... Гм!... Кажись бы можно къ тому времени обладить, раздумывала Фленушка. — Ты ужь какъ хочешь, Марьюшка. а твоего чумазаго надо безпремѣнно за бока. Его же по здѣшнимъ мѣстамъ мало знаютъ, дѣло выйдетъ подходящее.

— Куда еще его? спросила Марьюшка.—Что̀ еще затѣвать вздумала?

— Да я все про Настю. Сказывала вѣдь я тебѣ что надо ее безпремѣнно окрутить съ Алешкой... Твоего Саратовца въ поѣзжане возьмемъ—у него кулаки здоровые, коли до чего дойдетъ.... Да мало ли тутъ хлопотъ будетъ, мало ли къ чему онъ пригодится. Мой анаѳема къ тому же времени въ здѣшнихъ мѣстахъ объявится. Надо дѣлать всѣмъ заодно. Уговори своего какъ хочешь. Сказано тебѣ про шелковы сарафаны, ты и помни.

— Ужь право не знаю, Фленушка. Боязно что-то... сказала Марья головщица.

— Кого боязно-то?

— Да Патапа-то Максимыча. Вѣдь онъ всѣмъ намъ шкуру спуститъ, какъ провѣдаетъ, сказала Марьюшка.

— Ничего не подѣлаетъ. Такъ подстроимъ, что пикнуть ему нельзя будетъ. Сказано тебѣ что жива быть не хочу, коль этого дѣла не состряпаю. Значитъ и будетъ такъ.

— Экая ты безстрашная, Фленушка! говорила Марьюшка.— Аль грому на тѣ нѣтъ?

— Можетъ и есть, да не изъ той тучи, сказала Фленушка.— Полно-ка ты, Марьюшка: удалой долго не думаетъ, то ли се

ли будетъ, а задумано, такъ отлынивать нечего. Помни что смѣлому горохъ хлѣбать, а несмѣлому и рѣдьки не видать... А въ шолковыхъ сарафанахъ хорошо щеголять... А?... Загуляемъ?... Пиши въ Саратовъ: пріѣзжай дескать скорѣй.

— Ужь какая ты, Фленушка! Какъ это тебѣ Господь терпитъ! Всегда ты на грѣхъ наведешь, говорила Марьюшка.

— И грѣха въ томъ никакого нѣтъ, отвѣтила Фленушка.—Паденіе—не грѣхъ, хоть матушку Таифу спроси. Сколько книгъ я сама не читала, сколько отъ матерей не слыхала—вездѣ паденіе. И святые падали, а угодили же Богу. Безъ этого человѣку не прожить. Пойдемъ опять въ лѣсокъ за Каменный Вражекъ, либо опять къ сиротамъ. Помнишь?

— Ну ужь ты!...

— Э! нечего тутъ! Гуляй пока молода, состаришься и лесъ на тебя не взлаетъ, сказала, хохоча во все горло, Фленушка и опять заплясала, припѣвая:

Дьячекъ меня полюбилъ
И звонить позабылъ;
По часовнѣ онъ прошелъ,
Мнѣ на ножку наступилъ,
Всю ноженьку раздавилъ;
Посулилъ онъ мнѣ просфирокъ рѣшето:
Мнѣ просфирокъ-то хочется,
Да съ дьячкомъ гулять не хочется.
Полюбилъ меня молоденькій попокъ,
Посулилъ мнѣ въ полтора рубли платокъ,
Мнѣ платочка-то хочется....

Глянула въ дверь Анафролія и позвала Фленушку къ матери Манефѣ. Та мигомъ бросилась въ игуменьину келью.

— Экая воструха какая! ворчала, идя слѣдомъ за нею, Анафролія.—Матушка головушки еще поднять не можетъ, а она глядика поди—скачетъ аки бѣсъ...Ну ужь дѣвка!... Поискать такихъ!...

XVI.

Паталъ Максимычъ на первой недѣлѣ Великаго Поста со Стуколовымъ и Дюковымъ выѣхалъ изъ Осиповки. Прощаясь съ женой и дочерьми, онъ сказалъ что ѣдетъ въ Красную Рамень на крупчатныя свои мельницы, оттуда проѣдетъ въ Нижній да въ Лысково, и воротится домой къ середокрестной недѣлѣ, а можетъ и позже. Домъ покинулъ на Алексѣя

хотя притомъ и Пантелею наказалъ глядѣть за всѣмъ строже и пристальнѣй.

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ, послѣ ужина, когда Стуколовъ, Дюковъ и Алексѣй разошлись по своимъ угламъ, Аксинья Захаровна, оставшись съ глазу на глазъ съ мужемъ, стала ему говорить:

— Максимычъ, не серчай ты на меня, кормилецъ нашъ, коли что̀ я не по тебѣ молвлю, выслушай ты меня ради Христа.

— Чего еще надо? взглянувъ на жену изъ подлобья, спросилъ Паталъ Максимовичъ.

— Завтра уѣдешь ты....

— Ну?

— На кого же домъ-то покидаешь? Прежде Савельичъ, царство ему небесное, былъ, за всѣмъ бывало приглядитъ, а теперь кто?

— Кто на его мѣстѣ, тотъ и будетъ.... Не смогла догадаться? сказалъ Паталъ Максимычъ.

— Алексѣй Трифонычъ значитъ, тихо проговорила Аксинья Захаровна.

— Что̀ жь по-твоему на Никифора что ли домъ покинуть? рявкнулъ Паталъ Максимычъ.—Такъ онъ въ недѣлю все пропьетъ и тебя въ кабакѣ за полштофъ заложитъ.

— Про этого врага у меня и помышленья нѣтъ, Максимычъ, плаксиво отвѣчала Аксинья Захаровна.—Себя сгубилъ непутный, да и съ меня головоньку снимаетъ, изъ-за него только попреки одни.... Въ вѣкъ бы не видала его. Твоя же воля была, Максимычъ, оставить Микешку. Хоть онъ мнѣ и братъ родной, да я бы давно рада его на соснѣ увидать... Не онъ навязялся мнѣ на шею, ты, батько, самъ его навязалъ.... Пусть бы его околѣлъ гдѣ подъ кабакомъ, *ахъ* бы не молвила.... А еще попрекаешь!

— Ну, замолола, пошла себѣ безъ передышки въ пересыпку, хмурясь и зѣвая, перебилъ жену Паталъ Максимычъ.—Будетъ ли конецъ вранью? Аль и въ самомъ дѣлѣ бабьяго вранья на свиньѣ не объѣдешь? Коли путное что̀ хотѣла сказать, такъ говори скорѣй, а то спать хочется.

— Да я все насчетъ Алексѣя Трифоныча? робко молвила Аксинья Захаровна.

— Что̀ еще такое?

— Да какъ прикажешь: сюда ли ему безъ тебя обѣдать хо-

дить, али въ подклѣть ему носить? спрашивала Аксинья Захаровна.

— И здѣсь мѣста не просидитъ, пускай его съ вами обѣдаетъ, сказалъ Патапъ Максимовичъ.

— Ладно ль это будетъ, кормилецъ? Самъ посуди что̀ люди зачнутъ говорить: дочери невѣсты, самъ хозяинъ въ отлучкѣ, а молодой парень съ ними ѣстъ да пьетъ.... Вѣдь и не знай что̀ наскажутъ! говорила Аксинья Захаровна.

— Не смѣютъ, рѣшительно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Да и Алексѣй не такой парень чтобы вздумалъ нехорошее дѣло.... Онъ не изъ такихъ что̀ гдѣ пьютъ да ѣдятъ тутъ и лакостятъ... Бояться нечего.

— Да такъ-то оно такъ, Максимычъ, отвѣчала Аксинья Захаровна.—А все бы лучше кабы онъ въ подклѣтѣ обѣдалъ и безъ тебя не ходилъ бы на верхъ.... Что̀ ему здѣсь дѣлать?... Не повѣришь ты, кормилецъ, все сердечушко мое изныло....

— Да отвяжись ты совсѣмъ, съ нетерпѣньемъ сказалъ Патапъ Максимычъ,—ну, пускай его у себя въ подклѣтѣ обѣдаетъ.... Только ты этого парня понять не можешь. Это такой парень что другаго не сыщешь.... Можешь ли ты знать какія я насчетъ его мысли имѣю?... А?..

— Какъ я могу знать, Максимычъ? отвѣчала Аксинья Захаровна.... Гдѣ же мнѣ?

— Ну, такъ значитъ и молчи, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да что̀-жь такое?... Какія у тебя мысли про Алексѣя Трифоныча? спросила заискивающимъ голосомъ Аксинья Захаровна.

— О чемъ не сказываютъ, про то не допытывайся, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Придетъ время, скажу.... а теперь спать пора.

У Патапа Максимыча въ самомъ дѣлѣ новыя мысли забродили въ головѣ. Когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по горницамъ, гадая про будущіе милліоны, приходило ему и то въ голову какъ дочерей устроить. „Не Снѣжковымъ чета женихи найдутся, думалъ онъ, а все же не выдамъ за такаго шута, какъ Михайло Данилычъ.... Надо людей богобоязненныхъ, благочестивыхъ, не скомороховъ, какіе теперь по купечеству заводиться начали. Тогда можно и небогатаго въ зятья принять, богатства на всѣхъ хватитъ.“

И вдругъ попалъ ему на умъ Алексѣй.

О, еслибъ Настя знала да вѣдала что̀ промелькнуло въ головѣ ея родителя! Не плакала бы она по ночамъ, не тосковала бы, вспоминая про свою провинность, не приходила бы въ отчаянье, думая про то чему впереди быть назначено....

Собрались въ путь-дорогу. Пробывъ день-другой на мельницахъ въ Красной Рамени, Патапъ Максимычъ со спутниками поѣхалъ на Ветлугу прямою дорогой черезъ Лыковщину. Надо было версгъ восемьдесятъ ѣхать лѣсами, гдѣ проѣзжихъ дорогъ никогда не бывало, а только одинѣ узкія тропы между высокихъ сугробовъ проложены. По тѣмъ тропамъ лѣсники въ свои зимницы ѣздятъ и вывозятъ къ Керженцу для сплава парубленный лѣсъ. Сторона та вовсе не жилая, лѣтомъ нѣтъ по ней ни ѣзду конпаго, ни ходу пѣшаго, только на зиму переселяются туда лѣсники и живутъ въ дремучихъ дебряхъ до лѣснаго сплава въ половодье.

Поѣхали наши лутники въ двоихъ саняхъ, каждыя запряжены тройкой гусемъ. Иначе и ѣздить нельзя по лѣснымъ тропамъ. Сначала путь шелъ торный,—по этому пути ходятъ обозы изъ Красной Рамени въ Лысково, — но когда переѣхали рѣку Керженецъ и попали въ лѣсную глушь что̀ тянется до самой Ветлуги и еще дальше за нее, ѣзда стала затруднительна. Сѣдоки то-и-дѣло задѣвали головами вѣтви деревьевъ и ихъ засыпа̀ло снѣгомъ, которымъ точно окутаны стояли сосны и ели склонявшіяся надъ тропою. Чуть не черезъ каждыя полторы, двѣ версты приходилось останавливаться и отгребаться отъ снѣга. Тропа была неровная, сани то-и-дѣло наклонялись то на одну, то на другую сторону, и сѣдокамъ частенько приходилось вываливаться изъ нихъ и потомъ, съ трудомъ выбравшись изъ сугроба, общими силами поднимать свалившіяся на бокъ сани. Тропа все одна, нѣтъ своротовъ ни направо, ни налѣво, и нѣтъ никакихъ признаковъ присутствія человѣка: ни осѣка, * ни просѣки, ни даже деревянаго двухсаженнаго креста, какихъ много наставлено въ заволжскихъ лѣсахъ, по обычаю благочестивой старины. ** И

---

* Изгородь или прясла отдѣляющія лѣсъ отъ поля. Ее городятъ въ лѣсныхъ мѣстахъ для того чтобы скотъ пасущійся по лѣсамъ не забрелъ на хлѣбъ стоящій на корню.

** За Волгой на дорогахъ, въ поляхъ и лѣсахъ, особенно на перекресткахъ, стоятъ высокіе, сажени въ полторы или двѣ, осмиконечные кресты, иногда по нѣскольку рядомъ. Есть обычай тайно отъ

никакого звука. Развѣ только затрещитъ рябчикъ, перелетая съ дерева на дерево, либо забурчитъ вдали глухарь, да заскрипитъ надломленное дерево качаемое вѣтромъ. Заячьи и волчьи слѣды частенько пересѣкаютъ тропу, иногда попадается слѣдъ раздвоенныхъ копытъ дикой коровы, * либо широкой лапы лѣснаго боярина Топтыгина согнаннаго должно-быть изъ берлоги охотниками.

Перебравшись за Керженецъ, путникамъ надо было выбраться на Ялокшинскій зимнякъ, которымъ ѣздятъ по прямому направленію изъ Лыскова въ Баки, выгадывая тѣмъ верстъ пятьдесятъ противъ объѣздной проѣзжей дороги на Дорогучу. Но вотъ ѣдутъ они два часа, три часа, давно бы надо быть на Ялокшинскомъ зимнякѣ, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Ѣдутъ, ѣдутъ, на счастье тепло стояло, а то бы плохо пришлось. Не дается зимнякъ да и полно. А лошади притомились.

— Да туда ли мы ѣдемъ? спросилъ Патапъ Максимычъ работника сидѣвшаго у него на козлахъ.—Коимъ грѣхомъ не заблудились ли?

— Гдѣ бы кажется заблудиться, Патапъ Максимычъ? отвѣчалъ плаксивымъ голосомъ работникъ. — Дорога одна, своротовъ нѣтъ, сами видѣли.

— Да въ Бѣлкинѣ-то хорошо ли ты разспросилъ у мужиковъ про дорогу?

— Какъ же не разспросить, все разспросили какъ слѣдуетъ Сказали: какъ проѣдешь осѣкъ, держи направо до крестовъ, а съ крестовъ бери налѣво, тутъ будетъ сосна, раскидистая такая, а верхушка сухая, отъ нея направо бери.... Мы такъ и ѣхали.

— У крестовъ сворачивалъ? спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Какже не сворачивать, направо своротилъ, какъ было сказано.

— И у сосны сворачивалъ?

— И у сосны своротилъ, отвѣчалъ работникъ.—На ней еще ясакъ такой нарубленъ, должно-быть бортевое дерево было.

всѣхъ срубить крестъ и ночью поставить его на перекресткѣ. Кто предъ тѣмъ крестомъ помолится, того молитва пойдетъ за срубившаго крестъ.

* Такъ за Волгой называютъ лосей.

Тутъ только вотъ одного не вышло какъ сказывали ребята въ Бѣлкинѣ.

— А что̀ говорили ребята? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да сказывали что будетъ долокъ маленькій, и какъ де переѣдешь долокъ, будетъ сосна, съ обѣихъ сторонъ отесанная, а тутъ и Керженецъ.

— Ну?

— Долокъ-то былъ, еще мы вывалились на немъ, а тесаной сосны не видать, я смотрѣлъ, смотрѣлъ ее, нѣтъ сосны, гляжу, анъ на Керженецъ выѣхали.

— Стало-быть тутъ мы и спутались, закричалъ, разгорячась, Патапъ Максимычъ.—Чтобъ тебѣ высохнуть, дурьи твои глаза! Зачѣмъ тесану сосну прозѣвалъ?

— Да не было ее, Патапъ Максимычъ, отвѣчалъ оторопѣвшій работникъ.—Не родить же ее мнѣ коли нѣтъ.

— Да вѣдь тебѣ бѣлкински ребята говорили держи на сосну. Дляче жь ты не держалъ? кричалъ Патапъ Максимычъ.

— Да гдѣ жь мнѣ ее взять, сосну-то? Вѣдь не спряталъ я ее. Что̀ жь мнѣ дѣлать коли нѣтъ ее, жалобно голосилъ работникъ.—Развѣ я тому дѣлу причиненъ? Дорога одна была, ни единаго сворота.

— Да сосна-то гдѣ? сосна-то? рычалъ Патапъ Максимычъ, хвативъ увѣсистымъ кулакомъ работника по загорбку.

— Срубили можетъ-статься, пропищалъ, нагнувшись на передокъ, работникъ.

— Срубили! Коему лѣшему порчену сосну рубить, коли здороваго лѣсу тутъ видимо-невидимо!... оралъ Патапъ Максимычъ. — Стой, чортова образина!

Работникъ остановилъ лошадей. Понуривъ головы, онѣ тяжело дышали, паръ такъ и валилъ съ нихъ. Патапъ Максимычъ вылѣзъ изъ своихъ саней и подошелъ къ заднимъ, гдѣ сидѣлъ Стуколовъ. Молчаливый Дюковъ, уткнувъ голову въ широкій лисій малахай, спалъ мертвымъ сномъ.

— Такъ и есть, заблудились, сказалъ Патапъ Максимычъ паломнику. — Что̀ тутъ станешь дѣлать?

— Да самъ-то ты ѣзжалъ прежде по этимъ дорогамъ? спросилъ его Стуколовъ.

— Съ роду впервые, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— И работники не ѣзжали? спросилъ Стуколовъ.

— Како ѣзжать? отозвался Патапъ Максимычъ. — Кого

сюда лѣшій понесетъ? Вѣдь это самъ ты видишь что̀ такое: выѣхали еще не брезжилось, а гляди уже смеркаться зачинаетъ. Гдѣ мы, куда заѣхали, самъ лѣшій не разберетъ. Бѣда, просто бѣда! Ахъ чтобы всѣхъ васъ прорвало!... ругался Наталъ Максимовичъ.—И понесло же меня съ тобой: тутъ прежде смерти животъ положишь!

— Въ сибирскихъ тайгахъ то ли бываетъ, отозвался паломникъ.—По недѣлямъ плутаютъ, случается и голодной смертью помираютъ....

— Помереть голодомъ не ломремъ, пироговъ да всякой всячины у насъ пожалуй на недѣлю хватитъ, спокойно отвѣчалъ Наталъ Максимовичъ.—И лошадямъ корму довольно взято. А пожалуй заночевать въ лѣсу придется.... Хоть бы зимница какая попалась.... Ночью-то волки набѣгутъ: теперь имъ голодно. Пора же такая что волки стаями рыщутъ. Завтра ихній день: звѣриный царь имянинникъ. *

— Богъ милостивъ, промолвилъ паломникъ.—И не изъ такихъ напастей Господь людей выноситъ.... Не суетись, Наталъ Максимычъ, надо дѣло ладомъ дѣлать. Самъ я глядѣлъ на дорогу: тропа одна, поворотовъ какъ мы отъ паленой съ верхушки сосны отъѣхали въ самомъ дѣлѣ ни единаго не было. Можетъ на эту зиму лѣсники ину тропу пробили, не прошлогоднюю. Это и въ сибирскихъ тайгахъ зачастую бываетъ.... Не бойся—со мной матка есть, она на путь выведетъ. Не бойся, говорю я тебѣ.

— Какая тутъ матка? Бредишь что ли ты, говорилъ Наталъ Максимовичъ.—Тутъ дѣло надо дѣлать, а онъ про матку свою толкуетъ.

— Вотъ она, сказалъ Стуколовъ, вынимая изъ дорожнаго кошеля круглую деревянную коробку, въ которой былъ компасъ.—Не видывалъ? То-то.... Эта матка корабли водитъ, безъ нея что̀ въ морѣ, что̀ въ пустынѣ, аль въ дремучихъ лѣсахъ никакъ невозможно, потому она всѣ стороны показываетъ и сбиться съ пути не даетъ. Въ Сибири въ тайгу безъ матки никто̀ не ходитъ, безъ нея бѣда, пропадешь.

---

* День 18го февраля (память святаго Льва папы римскаго) въ заволжскомъ простонародьѣ зовется львинымъ днемъ. Это по тамошнему повѣрью праздникъ звѣринаго царя, его имянины. На свои имянины левъ все разрѣшаетъ своимъ подданнымъ. Къ тому дню волки свои свадьбы пригоняютъ.

Стуколовъ показалъ Паталу Максимовичу страны свѣта и объяснилъ употребленіе компаса.

— Ишь ты премудрость какая!... До чего только люди не доходятъ, удивлялся Паталъ Максимычъ.—Ну, какъ же намъ дорогу твоя матка покажетъ?

— Да намъ какъ надо ѣхать-то, въ котору сторону? спросилъ Стуколовъ.

— На полуночникъ *, отвѣчалъ Паталъ Максимовичъ.

— А мы на сиверъ чешемъ, маленько еще къ осеннику воротимъ. Сбились значитъ.

— Сбились!... Я и безъ матки твоей знаю что сбились, отвѣчалъ Паталъ Максимовичъ. — Теперь ты настоящу дорогу указывай.

— Этого нельзя, надо всѣ дороги знать; тогда съ маткой иди куда хочешь....

— Такъ прячь ее въ кошель. Пустое дѣло значитъ. Какъ же тутъ быть? говорилъ Паталъ Максимычъ.

— Да поѣдемъ куда дорога ведетъ, тропа видная, торная, куда-нибудь выведетъ, говорилъ Стуколовъ.

— Вѣстимо выведетъ, отозвался Паталъ Максимовичъ.—Да куда выведетъ-то? Ночь на дворѣ, а лошади гляди какъ пріустали. Придется въ лѣсу ночевать.... А волки-то?

— Ну, Богъ милостивъ, отвѣтилъ Стуколовъ.—Топоръ есть съ нами?

— Какъ топору не быть? Есть, сказалъ Паталъ Максимовичъ.

— Сучьевъ нарубимъ, костры зажжемъ, волки не подойдутъ: всякій звѣрь огня боится.

Такъ и рѣшились заночевать. Лошадей выпрягли, задали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали привалъ. Тулуповъ оказалось два, работники начали сучьи да валежникъ рубить, костры складывать вокругъ привала, и какъ стемнѣло, зажгли ихъ. Паталъ Максимовичъ вытащилъ изъ саней большую кожаную кису, вынулъ изъ нея хлѣба, пироговъ, квашеной капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу: тюри съ лукомъ накрошили, капусты съ

---

* То-есть сѣверовостокъ. Въ Заволжьи такъ зовутъ страны свѣта и вѣтры: сиверъ—N, полуночникъ—N0, востокъ—0, обѣдникъ—S0, полдень—S, верховикъ или лѣтникъ—SW, закатъ—W, осенникъ—NW.

квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хоть не вкусно, да здорово поужинали. И бутылочка нашлась у запасливаго Патапа Максимовича. Роспили....

Ночь надвигалась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторонамъ. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей, послышались лѣсные голоса.... Ровно плачущій ребенокъ, запищалъ гдѣ-то сычъ, и потомъ вдали послышался тоскливый крикъ, будто человѣкъ въ отчаянномъ бореньи со смертью звалъ къ себѣ на помощь: то были крики лугача....* Поближе завозилась въ вершинѣ сосны вѣкша, проснувшаяся отъ необычнаго свѣта, едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье и все дальше и дальше отъ людей и пылающихъ костровъ.... Чуть стихло, и вотъ уже доносится издали легкій хрустъ сухаго валежника: то кровожадная куница осторожно пробирается изъ своего дупла къ дереву, на которомъ задремалъ глупый красноглазый тетеревъ. Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался отрывистый, жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ и затѣмъ все смолкло: куница значитъ поймала добычу и пьетъ теперь горячую кровь изъ перекушеннаго горла тетерева.... Опять тишь, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышится точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшимъ присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей Патапа Максимовича. Но огонь не подпускаетъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычитъ, прыскаетъ, съ досадой сверкая круглыми, зелеными глазами, и прядаетъ кисточками на концахъ высокихъ, прямыхъ ушей.... Опять тишь, и вдругъ либо заверещитъ бѣдный зайчишка попавшій въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавшаго рябчика.... Извѣстное дѣло, лѣсные обитатели живутъ не по нашему—по ночамъ обѣдаютъ....

Но вотъ вдали, за версту или больше, заслышался вой, ему откликнулся другой, третій вой—все ближе и ближе. Смолкъ онъ, и послышалось пряданье звѣрей по насту, ворчанье, стукъ зубовъ.... Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ лѣсной тиши.

— Волки! боязно прошепталъ Наталъ Максимовичъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

---

* Филинъ.

Дюковъ и работники давно ужь спали крѣпкимъ сномъ.

— А?... Что?... промычалъ приходя въ себя Стуколовъ.—Что ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ, говорилъ смутившійся Патапъ Максимычъ.

— Да, воютъ.... равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ.—Экъ ихъ что тутъ! Чуютъ мясо, стервецы!

— Бѣда! шопотомъ промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Какая жь бѣда? Никакой бѣды нѣтъ.... А вотъ побольше огня надо.... Эй вы, ребята, крикнулъ онъ работникамъ.—Проснись, эка заспались, вали на костры больше.

Работники неохотно встали и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Патапомъ Максимовичемъ навалили громадные костры. Огонь сталъ было слабѣе, но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось по лѣсу луще прежняго.

— Видимо не видимо!... говорилъ оторопѣвшій Патапъ Максимовичъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей ужь можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами. Видно въ самомъ дѣлѣ они справляли именины звѣринаго царя.

— Ничего, успокоивалъ Стуколовъ,—огонь бы только не переводился. То ли еще бываетъ въ сибирскихъ таёгахъ!...

Въ самомъ дѣлѣ волки никакъ не смѣли близко подойти къ огню, хоть ихъ голодныхъ и сильно тянуло къ лошадямъ, а ложалуй и къ людямъ.

— Эхъ, ружья нѣтъ: пугнуть бы сѣрыхъ, молвилъ Стуколовъ.

— Молчи а ты, какое тутъ еще ружье. Того и гляди сожрутъ.... говорилъ Патапъ Максимовичъ. — Глянь-ка, глянь-ка, со всѣхъ сторонъ навалило.... Ахъ ты Господи, Господи! Знать бы да вѣдать, ни за что бы не поѣхалъ.... Пропадай ты и съ Ветлугой своей!...

А волки все близятся, ихъ было до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше какъ въ трехъ саженяхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и тревожно озирались. У Патапа Максимыча зубъ на зубъ не попадалъ, вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Растолкали Дюкова, тотъ потянулся въ своей лисьей шубѣ, зѣв-

пулъ во всю сласть, и оглянувшись съ невозмутимымъ спокойствіемъ, промолвилъ:

— Волки никакъ!

Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда пожалуй и костры не помогутъ, да и не хватитъ заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но паломникъ человѣкъ бывалый, недаромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были ужь настолько близко что до любаго изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ всѣхъ спутниковъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его командѣ, разомъ бросить въ волковъ изо всей силы горящія лапы.*

— Разъ.... два.... три!... крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ.... два.... три!... крикнулъ паломникъ, и выступивъ за костры, путники еще пустили въ стаю по горящей лапѣ.

Завыли звѣри, и когда Стуколовъ, взявъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, они порскнули вдаль, и черезъ нѣсколько минутъ волковъ не слышно было.

— Больше не прибѣгутъ, молвилъ паломникъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты человѣкъ, Якимъ Прохорычъ, молвилъ Патапъ Максимовичъ, когда опасность миновалась.—Не будь тебя, сожрали они насъ.

Паломникъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

---

* Лапами зовутъ горящія вѣтви хвойнаго лѣса, которыя во время лѣсныхъ пожаровъ иногда перекидываются вѣтромъ на огромныя разстоянія.

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

Эпизодъ второй.

XXI.

Czerkassow à l'Impératrice.

Le 6 (17) Iuin 1773.

Hier à 4 heures après midi j'ai reçu Madame la Landgrave et les trois Princesses au port de Catherinendahl. Elles se portent bien et il parait qu'elles n'ont pas du tout souffert du trajet, qui quoiqu'assez long, n'a pourtant pas été fort incommode, à ce que m'a dit Monsieur de Rehbinder. Les Paquet-Boats ne sont pas encore arrivés: et il faut les attendre pour pouvoir partir: car les Princesses n'ont amené à leur bord que les trois Dames et les deux Cavaliers de leur suite, au reste fort peu de monde et de leus effets. Madame la Landgrave a été fort contente de la lettre que je lui ai presentée de la part de V. M. aussitôt qu'elle fût entrée dans les appartements du Château. Elle me l'a temoigné dans des termes dont je ne me souviens pas exactement, mais qui voulaient dire à peu près, qu'elle a été extrêmement flattée de l'attention de V. M. dans cette conjoncture. Elle est fort éloquente et parle assez vite: il ne faut donc pas s'étonner si je ne rends pas toutes ses paroles: heureux si j'en attrape toujours le sens! Après qu'elle eût congé-

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1870, №№ 1, 2, 3, 9 и 10 и 1871 № 1 и 2.

dié le Gouverneur-General, la Noblesse et ceux qui l'avaient attendue à Catherinendahl (et il y en avait beaucoup) et qu'elle se fût retirée, elle m'a fait peu de tems après appeler dans sa chambre à coucher. Je l'y ai trouvé avec les Princesses. Elle était assise sur le canapé, et m'a obligé de me mettre auprès d'elle. Elle me dit alors qu'elle avait lû la lettre de V. M. que je lui avais presentée: qu'elle ne trouvait pas des expressions assez fortes pour temoigner sa reconnaissance pour toutes les bontés de V. M. mais qu'elle tâcherait par ses actions et par toute sa conduite de prouver qu'elle n'en étoit pas indigne; qu'elle étoit flattée de ce que V. M. m'avez envoyé à sa rencontre et espéroit qu'elle ne me causerait pas trop d'embarras. Là dessus le Baron de Riedesel entrant dans la chambre pour lui dire quelque chose, la conversation devint insensiblement générale: tantôt elle se félicitait d'être à terre; en assurant pourtant qu'elle et ses filles se sont trouvées beaucoup mieux en mer qu'elle n'avait esperé, tantôt elle admiroit la beauté du château et de sa situation qu'elle trouvoit délicieuse. Elle m'a fait quantité de questions sur Pierre le Grand. Après cela vers les 7 heures de soir, elle voulut se promener dans le jardin: et m'a prié de lui dire de quel côté il falloit aller. Je l'ai menée en haut dans une longue allée du côté de la Mer. Etant arrivée au bout de l'allée où j'avais depuis quelques jours fait placer des bancs, elle s'assit pour se reposer. Les Princesses, qui l'accompagnèrent toutes, allèrent plus avant, étant apparemment bien aises d'avoir retrouvé l'occasion de marcher. Elles revinrent un moment pour lui dire que plus loin il y avait une situation très belle et des plus champêtres. Elle y alla, et marchant toujours, nous nous trouvâmes au bord de la Mer sur le chemin de Narva. Elle s'y arrêta un moment pour regarder la Mer et revint vers le château par la même allée: mais au lieu de monter dans les appartemens, elle alla s'asseoir sous un berceau du jardin d'en haut. Les Princesses qui s'etaient aussi assises sur des bancs n'y restèrent pas longtems, puisque bientôt elle les engagea d'aller se promener encore avec les Dames et les Cavaliers. Alors, restant tête-à-tête, elle reprit avec moi la conversation qui fut interrompue dans sa chambre à coucher par le Baron de Riedesel. Elle me dit entre autres que sa démarche en venant avec ses Filles à Votre Cour paraissait étrange à plusieurs: cependant, dit-elle, je ne m'en repent pas: j'ai tant de confiance en Sa Majesté Impériale que je n'aurois pas balancé de tout sacrifier pour faire ce qu'elle paroîtrait désirer. Avouez, Monsieur le Baron, ajouta-t-elle, que j'ai fait un grand pas et me suis exposée non seulement à la critique, mais même aux propos de mauvaises langues, en venant avec mes Filles de si loin. Vous les voyez à présent. Elles n'ont point d'extérieur frappant. C'est à former leur cœur que je me suis principalement appliquée, et je me flatte, non sans raison, d'y avoir réussi. En parlant de cela, il

m'a paru qu'elle alloit avoir les larmes aux yeux. J'ai baissé les miens par un mouvement involontaire. Je suis perdu, Madame! si Elle n'est que bonne Actrice. Depuis notre première entrevue lorsque je lui ai donné la main pour l'aider à sortir de la chaloupe, Elle me traite avec beaucoup de politesse et de bonté, me priant continuellement de m'asseoir auprès d'elle. A Table, Elle me place entre Elle et la Princesse Amélie. Elle paraît extrêmement satisfaite de tout ce que je fais, me demande ce qu'il faut qu'elle fît. Ce matin elle me fît dire par Monsieur de Rehbinder d'entrer dans sa chambre à coucher, si je voulais l'exeuser sur ce qu'elle se feroit coiffer en ma présence. Je l'eus bientôt excusée, et entrai tout de suite. Après diné Elle acepta une partie de promenade en carosse pour aller voir la ville. Au retour, elle vit les Dames de Réval, au nombre d'environ cent. Presque toutes bien mises, et en leur présence Elle se mit à jouer au Whist avec moi, Monsieur Rehbinder et Monsieur Krouse. A propos de ce dernier; un peu avant le dîné Elle s'approcha de moi et me demanda s'il ne me plairoit pas de le retenir à dîner avec nous. Cela est déjà fait, Madame, lui ai-je dit; et effectivement, aussitôt que je l'ai vu venir au Château, j'ai ordonné de mettre son nom sur la liste de ceux qui dineroient aujourd'hui. Hier, en quittant la frégate, Elle lui a fait présent d'une belle boête d'or garnie de diamans et fit donner deux-cents ducats à l'Equipage; outre des petits présens fort jolis aux autres Officiers de la Frégate.

Elle m'a fait faire un petit changement dans mon plan de la route. Elle m'a dit qu'en voyageant elle ne dînoit jamais; qu'elle ne faisait qu'un Repas et cela le soir au gîte. J'ai donc arrangé mon plan de façon qu'en partant d'ici après diné, nous coucherons la première nuit aussi à Kolck et la seconde à Hackhoff, mais la troisième à Yambourg, la quatrième à Seltzo et viendrons de là diner à Gatchina. Elle a été fort aise d'apprendre qu'avant que de venir dîner le dernier jour du voyage (Elle ne sait pas encore où), Elle auroit un bon gîte à Seltzo à 40 Werstes de là.

La Princesse Amélie est jolie, a un beau teint et de belles couleurs, les cheveux bruns, grande comme sa mère, bien faite, fort polie, fort douce. La Princesse Wilhelmine est plus petite, pas si bien faite, des yeux à fleur de tête, le visage saillant, n'est pas si jolie que l'ainée, plus blonde qu'elle, un teint échauffé peut-être par le voyage, a un faux air du Prince Prosorowsky Lieutenant-Général; d'ailleurs, fort polie, mais fort réservée: très-attachée à sa Mère. La Princesse Louise sera fort jolie, si je ne me trompe; a un nez un peu retroussé, un air spirituel, les yeux beaux: est plus vive que ses sœurs, n'est pas bien faite non plus: polie, promet de grandir: le dirai-je, Madame? Par le visage, elle ressemble un peu à Monseigneur le Grand Duc.

Samedi Matin à 2 heures.

Черкасовъ императрицѣ.

Содержаніе: Прибытіе ландграфини въ Екатериненталь.—Ея свита—Генералъ Ребиндеръ.—Вручение ландграфинѣ письма императрицы. — Черкасовъ старается передать смыслъ ея словъ.—Пріемъ мѣстныхъ властей.—Бесѣда ея свѣтлости съ Черкасовымъ. Бар. Ридезель.—Общій разговоръ.—Вопросы о Петрѣ Великомъ.—Вечерняя прогулка въ саду.—Изліяніе чувствъ.—Довѣріе ландграфини къ Екатеринѣ II.—„Я пропалъ, если эта принцесса искуственная актриса!“—Ее причесываютъ въ присутствіи Черкасова.—Прогулка по городу.—Представленіе Ревельскихъ дамъ.—Обѣдъ.—Вистъ.—Подарки-кав. Крузе и экипажу эскадры.—Измѣненіе въ маршрутѣ.—Портреты трехъ принцессъ.

6го (17го) іюня 1773.

Вчера, въ 4 ч. пополудни, я принялъ ландграфиню и трехъ принцессъ, ея дочерей, въ Екатериненталъскомъ портѣ. Онѣ здоровы и, кажется, вовсе не пострадали отъ морскаго пути. Онъ былъ, правда, продолжителенъ, но не слишкомъ безпокоенъ, судя по сказанному мнѣ г. Ребиндеромъ. Пакетботы еще не прибыли и надо ихъ обождать для того чтобъ имѣть возможность продолжать путешествіе, такъ какъ принцессы привезли съ собою на бортѣ фрегата (*Св. Маркъ*) только двухъ дамъ и двоихъ кавалеровъ и вообще очень не большую свиту и весьма мало багажа. Ландграфиня была очень довольна письмомъ которое я ей вручилъ отъ В. В—ства, какъ только она вошла во дворецъ. Она мнѣ это выразила словами которыя не могу приломнить въ точности, но которыя приблизительно означали что вниманіе В. В—ства было ей, въ настоящемъ случаѣ, чрезвычайно лестно. Она очень краснорѣчива и говоритъ довольно скоро; а потому не удивительно, если я не передаю всѣ ея слова. Я уже считаю себя счастливымъ, когда улавливаю ихъ настоящій смыслъ!... Вскорѣ послѣ того какъ она отпустила генералъ-губернатора, мѣстное дворянство и тѣхъ которые ожидали ее въ Екатериненталѣ (а такихъ было много) и удалилась во внутреннія комнаты, она меня потребовала въ свою опочивальню. Тамъ были и принцессы. Она сидѣла на диванѣ и заставила меня сѣсть возлѣ себя. Она мнѣ сказала что прочла врученное ей мною письмо В. В—ства, что не находитъ довольно сильныхъ выраженій чтобы заявить благодарность свою за всѣ милости В. В—ства; на что она постарается доказать всѣмъ своимъ поведеніемъ что она не недостойна ихъ, что ей очень лестно что В. В—ство изволили прислать меня на встрѣчу ей и что она надѣется не причинить мнѣ слишкомъ много хлопотъ. Въ эту минуту баронъ Ридезель вошелъ въ комнату доложить что-то ландграфинѣ и мало-по-малу разговоръ сдѣлался общимъ. То она радовалась что уже не находится болѣе на морѣ, хотя увѣряла что рейсъ обошелся для нея и для принцессъ гораздо лучше, чѣмъ она дума-

ла; то она любовалась дворцомъ и его мѣстоположеніемъ, которое находила очаровательнымъ. Она мнѣ сдѣлала множество вопросовъ о Петрѣ Великомъ. Послѣ сего, около 7 часовъ вечера, ей захотѣлось совершить прогулку по саду, и она попросила меня сказать ей куда именно идти? Я ее повелъ въ одну изъ длинныхъ аллей верхняго сада [1] къ сторонѣ моря. Дойдя до конца аллеи,—гдѣ тому нѣсколько дней поставлены были мною скамейки,—она сѣла отдохнуть. Принцессы, которыя всѣ три ее сопровождали, пошли впередъ, вѣроятно потому что обрадовались представившемуся наконецъ случаю походить. Вскорѣ онѣ однакожъ вернулись чтобы сказать матушкѣ своей что нѣсколько далѣе есть мѣстность прекрасивая и совершенно сельская. Она туда пошла и такимъ образомъ мы добрались до Нарвской дороги на самомъ взморьѣ; постоявъ тутъ немного и поглядѣвъ на море, ландграфиня направилась ко дворцу по той же аллеѣ; но, вмѣсто того чтобы взойти туда, она усѣлась въ одной изъ бесѣдокъ верхняго сада. Принцессы также сѣли-было на скамьяхъ, но вскорѣ она имъ посовѣтовала продолжать прогулку съ ихъ дамами и кавалерами. Оставшись тогда со мною съ глазу-на-глазъ, она принялась снова за разговоръ который былъ прерванъ въ ея опочивальнѣ барономъ Ридезелемъ. Она сказала мнѣ, между прочимъ, что ея поѣздка съ дочерьми къ вашему двору многимъ кажется странною.—Впрочемъ,—прибавила она,—я въ ней не раскаиваюсь: я имѣю такъ много довѣрія къ Ея И. В—ству что не затруднилась бы всѣмъ пожертвовать чтобы сдѣлать то что̀ она пожелала бы. Признайтесь, г. баронъ, сказала она, что пріѣхавъ сюда съ моими дочерьми изъ такой дали, я совершила большой шагъ и отдала себя въ жертву не только критикѣ, но и злымъ языкамъ. Теперь вы сами видите моихъ дочерей. Ихъ наружность не имѣетъ ничего особеннаго: я всего болѣе старалась образовать ихъ сердце и, не безъ причины, льщу себя мыслію что въ этомъ отношеніи имѣла успѣхъ. Въ то время какъ она это говорила, мнѣ показалось что у ней навернулись слезы на глаза. Невольно я опустилъ свои, и предупреждаю васъ, всемилостивѣйшая государыня, что я пропадшій человѣкъ, если она не болѣе какъ искусная актриса!... Съ первой нашей встрѣчи, когда я подалъ ей руку чтобы помочь ей выйти изъ шлюпки, она обращается со мною какъ нельзя учтивѣе и ласковѣе, и постоянно проситъ меня садиться возлѣ нея. За столомъ, она сажаетъ меня между собою и принцессой Амаліей. Повидимому, она чрезвычайно довольна всѣмъ тѣмъ что̀ я дѣлаю, и спрашиваетъ меня что̀ ей слѣдуетъ дѣлать. Сегодня утромъ она мнѣ дала знать чрезъ г. Ребиндера чтобъ я вошелъ въ ея опочивальню, если соглашусь извинить ее въ томъ что ее будутъ причесывать [2] въ моемъ присутствіи. Я ее скоро извинилъ и немедленно вошелъ. Послѣ обѣда, она согласилась прогуляться въ

четырехмѣстной каретѣ [3] чтобы видѣть городъ. По возвращеніи во дворецъ, она принимала ревельскихъ дамъ. Ихъ было около сотни и почти всѣ были хорошо одѣты. Въ ихъ присутствіи, она сѣла за партію виста со мною, гг. Ребиндеромъ и Крузе. Кстати о семъ послѣднемъ. Не задолго до обѣда, она подошла ко мнѣ и спросила не приглашу ли я его къ обѣду съ нами.—Это уже сдѣлано, государыня,—отвѣчалъ я; и дѣйствительно, какъ только я увидѣлъ что онъ явился во дворецъ, я приказалъ записать его въ списокъ гостей на сегодняшній обѣдъ. Вчера, оставляя фрегатъ, она подарила г. Крузе богатую табакерку, украшенную брилліантами, и приказала раздать 200 червонцевъ экипажу; кромѣ того, подарила очень хорошенькія вещи офицерамъ фрегата.

Ландграфиня заставила меня сдѣлать маленькое измѣненіе въ маршрутѣ. Она мнѣ объявила что въ дорогѣ никогда не обѣдаетъ, и-кушаетъ разъ въ день, а именно вечеромъ, въ томъ мѣстѣ гдѣ имѣетъ ночлегъ. Вслѣдствіе этого я устроился такъ что выѣхавъ отсюда послѣ обѣда, мы проведемъ первую ночь (какъ и прежде предполагалось) въ Колкѣ, вторую въ Гакгофѣ и уже третью въ Ямбургѣ, а четвертую въ Сельцѣ, такъ что оттуда поспѣемъ къ обѣду въ Гатчину. Ландграфинѣ очень пріятно было узнать что до прибытія къ часу обѣда въ послѣдній день путешествія (она еще не знаетъ гдѣ будетъ этотъ обѣдъ), она будетъ имѣть, въ 40 верстахъ оттуда, хорошее жилье въ имѣніи Сельцо.

Принцесса Амалія хороша собою; у ней прекрасный цвѣтъ лица, ровный и свѣжій, волосы каштановые. Она такого же высокаго роста какъ ея мать, хорошо сложена, очень учтива и очень кротка. Принцесса Вильгельмина меньше ростомъ и не такъ хорошо сложена, глаза у ней на выкатъ, черты выдающіяся; она не такъ красива какъ ея старшая сестра, она скорѣе бѣлокурая, цвѣтъ лица у ней разгоряченный, быть-можетъ отъ дороги и она походитъ на князя Прозоровскаго, генералъ-поручика. [4] При этомъ, она очень учтива, очень воздержна (въ рѣчахъ) и очень привязана къ своей матушкѣ. Если не ошибаюсь, то принцесса Луиза будетъ очень красива. У ней носъ приподнятый, выраженіе лица умное, прекрасные глаза. Она оживленнѣе чѣмъ ея сестры, но также не хорошо сложена; она учтива и обѣщаетъ еще вырости. Сознаться ли вамъ, всемилостивѣйшая государыня? Лицомъ она нѣсколько походитъ на государя великаго князя. [5]

Суббота, поутру, въ 2 часа.

Примѣчанія:

Въ этомъ донесеніи, безъ сомнѣнія самомъ интересномъ, представляется весьма странною *двойная* помѣта его: въ верху *6го іюня*, а внизу *субботой утромъ*. По Мѣсяцеслову на лѣто по Р. Х. 1773

видно что 6е іюня было въ *четвергъ*. Итакъ, баронъ Черкасовъ пишетъ въ четвергъ что ландграфиня прибыла наканунѣ, то-есть 5го числа, въ среду, въ 4 часа пополудни,—что̀ совершенно несогласно съ находящимся въ государственномъ архивѣ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ генералъ-губернатора о прибытіи придворной яхты *6го іюня* въ полдень. Разницу въ часахъ легко согласить тѣмъ что одинъ доноситъ о фрегатѣ, а другой о самой ландграфинѣ, то-есть одинъ о томъ что *въ полдень* фрегатъ показался въ виду Ревельскаго рейда, а второй что по достиженіи тѣмъ же фрегатомъ Екатеринентальской гавани, пока еще ландграфиня выбиралась изъ корабля, пересаживалась въ катеръ и такимъ уже образомъ достигла берега, то когда ее высаживали изъ катера *было уже 4 часа*. Помѣту письма *6мъ числомъ іюня* можно объяснить только такого рода разсѣянностью со стороны Черкасова которая и прежде съ нимъ случалась (ср. № XI, 1е прим.) и которую онъ, быть-можетъ самъ, исправилъ, переписывая черновой отпускъ набѣло (ср. № XIV, 1е прим. и начало № XVIII). Къ сожалѣнію, подлинникъ не сохранился въ государственномъ архивѣ; но все-таки, изъ соображенія всего вышесказаннаго съ самымъ содержаніемъ этого письма, обнаруживается вполнѣ ясно что оно начато *въ ночь съ 6го на 7е іюня*, что въ немъ описывается препровожденіе времени въ продолженіи всего слѣдующаго дня (*пятницы, 7го числа*) и что оно окончено было *8го іюня, въ субботу, въ 2 часа пополуночи*.

[1] Екатеринентаръ есть копія въ маломъ видѣ съ Петергофа и Ораніенбаума. Поэтому и тамъ есть верхній и нижній сады, см. № IX.

[2] Такъ какъ пудра играла тогда большую роль въ дамской прическѣ, то уборка головъ продолжалась еще дольше чѣмъ теперь; а потому не только Екатерина II, но и всѣ дамы того времени принимали своихъ приближенныхъ и бесѣдовали съ ними, пока парикмахеръ возился съ ихъ прической. Даже нѣкоторые мущины позволяли себѣ это. Такимъ образомъ, въ послѣдствіи времени князь Зубовъ принималъ первыхъ сановниковъ и, въ то время какъ они входили къ нему и низко кланялись его спинѣ, онъ кивалъ головой, не сводя глазъ съ зеркала. Наши бабушки, еще въ 1830 годахъ, принимали насъ въ такіе же утренніе часы, когда старшая горничная долго разчесывала ихъ косу и при этомъ разказывала имъ всѣ возможныя домашнія и городскія сплетни. Сплетни и нынѣ, конечно, не вывелись; но обычай принимать во время причесыванія давно уже не существуетъ, и это обстоятельство можно отчасти объяснить тѣмъ что тогда еще не знали шиньйоновъ и что бабушки жили какъ-то безпечнѣе, беззаботнѣе послѣдующихъ поколѣній и едва ли многое принимали къ сердцу. Мы хорошо помнимъ что вѣроятно вслѣдствіе сего, одна изъ нашихъ бабушекъ уже по седьмому десятку

справедливо гордилась своими чрезвычайно длинными и лишь слегка посѣдѣлыми волосами.

[3] Слово carrosse вообще означаетъ большую парадную карету съ широкими козлами, пышно обитыми сукномъ или бархатомъ, и такъ какъ тутъ не употреблено множественное число, то надо полагать что ландграфиня совершила прогулку вмѣстѣ съ тремя дочерьми своими въ одной четырехмѣстной каретѣ.

[4] Изъ числа князей Прозоровскихъ, въ чинѣ генералъ-поручика тогда состоялъ князь Александръ Александровичъ, въ послѣдствіи генералъ-аншефъ и главнокомандующій въ Москвѣ; а при Александрѣ I, бывшій фельдмаршаломъ и главнокомандующимъ на Дунаѣ, гдѣ онъ и скончался, когда ему было за 70 лѣтъ. Онъ уже служилъ съ отличіемъ въ офицерскихъ чинахъ въ Семилѣтнюю войну, и *въ 1773 году ему могло быть лѣтъ сорокъ*. Старшая изъ дочерей его, княжна Анна Александровна, была за егермейстеромъ княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ и въ петербургскомъ высшемъ кругу долго извѣстна была подъ названіемъ la Princesse Théodore, вѣроятно въ отличіе отъ другихъ княгинь Голицыныхъ. Вслѣдствіе всеподданнѣйшей ея просьбы, всемилостивѣйше дозволено было, 10го ноября 1854 года, старшему сыну ея, генералъ-майору, князю Александру Ѳедоровичу Голицыну, именоваться княземъ Прозоровскимъ-Голицынымъ (*Росс. Родосл. Кн.* т. I, С.-Петербургъ, 1854, стр. 193 и 194). Замѣтимъ еще что супруга генералиссимуса князя Суворова, была княжна Прозоровская и что она погребена въ одной изъ церквей обители Новый Іерусалимъ, близъ Москвы.

[5] Судя по послѣднимъ словамъ этого письма, то-есть по сравненію лица принцессы Луизы, имѣвшей умное выраженіе, приподнятый носъ и прекрасные глаза, съ лицомъ цесаревича Павла Петровича, и принявъ въ соображеніе предсказаніе барона Черкасова что принцесса непремѣнно должна была современемъ еще похорошѣть, надо полагать что въ то время великій князь не только былъ очень не дуренъ собою, но даже имѣлъ весьма привлекательную наружность.

XXII.

Czerkassow à l'Impératrice.

Samedi matin à 10½ heures.

Toute à l'heure on vient de m'annoncer que le Paquet-Boot *Соколъ* est arrivé. Il ne sait pas où est l'autre, dont il s'est séparé dans un brouillard depuis plus de quatre jours. Ainsi le Comte Rasoumowsky n'est pas encore arrivé, et je ne sais quand il le sera. Faut-il qu'il me cause toujours des inquiétudes?

J'aurois encore quantité de choses à marquer à V. M. mais

je réserve à vous en entretenir à mon retour. Elles ne sont pas de grande conséquence, mais on peut en tirer quelques lumières pour l'avenir. Elles prendraient d'ailleurs trop de mon tems pour les décrire et sont uniquement propres pour être racontées.

Черкасовъ императрицѣ.

Содержаніе: Прибытіе пакетбота *Соколъ*. — Графъ Разумовскій. — Свѣдѣнія которыя Черкасовъ доставитъ изустно Ея В—ству.

Суббота, въ 10½ ч. пополудни.

Сейчасъ мнѣ пришли сказать что прибылъ пакетботъ *Соколъ*. Другой[1] отъ него отсталъ при сильномъ туманѣ, тому дня четыре, и теперь не знаютъ гдѣ онъ находится. Итакъ, графъ Разумовскій еще не пріѣхалъ, и я не знаю когда онъ пріѣдетъ? Надо же чтобы, какъ на бѣду, онъ вѣчно причинялъ мнѣ безпокойство!

Мнѣ придется еще обо многомъ доложить В. В—ству, но сдѣлаю это уже по возвращеніи отсюда. Въ этомъ многомъ ничего не заключается особенно важнаго, но только могущее служить указаніемъ для будущаго. Для письменнаго изложенія теперь мнѣ недостаетъ времени, да притомъ и замѣтки эти такого свойства что ихъ можно только передать изустно.

Примѣчанія:

Это письмо, очевидно отправленное въ то же утро, какъ и предшествующее (№ XXI), и полученное почти одновременно съ нимъ Екатериной II, есть въ нашемъ сборникѣ *послѣднее всеподданнѣйшее донесеніе Черкасова*. Если онъ послѣ того и писалъ императрицѣ, изъ Ревеля, 11го числа, и съ дороги, то конечно очень коротко и не оставляя черновыхъ отпусковъ (ср. прим. къ № XXIV и № XXV, письмо изъ Колка, съ ночлега у гр. Стенбока).

[1] *Другой* пакетботъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть именно *Быстрый*, командиромъ котораго былъ гр. А. К. Разумовскій (ср. предисловіе къ настоящей перепискѣ и примѣч. къ № IX). На *Соколѣ* же находились экипажи ландграфини (см. № XXIII).

XXIII.

Catherine II à Czerkassow.

Le 9 Juin au matin.

Monsieur le Baron Czerkassow. J'ai reçu hier pendant l'après-dîné consécutivement vos deux lettres du 6: l'une écrite à une heure après midi; l'autre à 2½ heures: à celle-ci j'ai trouvé jointe la lettre de Madame la Landgrave: je vous envoie ma

réponse que vous lui remettrez, en lui faisant mes complimens et l'assurant de la satisfaction que j'ai eu d'apprendre son heureuse arrivée à Réval et du vif désir que j'ai de faire sa connaissance. Vous ferez aussi mes complimens aux Princesses et que je souhaite de les voir arriver en bonne santé ici, où nous les attendons avec impatience. J'attends à tout moment votre seconde dépêche que Vous m'annoncez. Je vous recommande encore une fois de ne rien négliger de tout ce qui peut servir à la commodité, à l'agrément et à l'utilité de cette Cour; et plus vous lui marquerez d'attentions et de politesses et plus vous remplirez mes intentions. Я надѣюсь что ты не ударишь мнѣ лицомъ въ грязь. Pour ce qui regarde votre voyage, vous le réglerez jusqu' à Kipen selon la commodité de Madame la Landgrave. Elle m'écrit qu'elle attendra ses équipages qui sont sur les Paquet-Boots à Réval. A Kipen, vous trouverez un homme de ma part et je vous avertis d'avance que vous avez à envoyer les équipages et les femmes, et les domestiques de la Landgrave de Kipen tout droit ici, à Czarsco-Célo, et il n'y aura que les Dames, les Cavaliers, vous et Rehbinder, qui suivrez Madame la Landgrave et les Princesses à Gatschina pour y dîner chez le Prince Orloff. Au reste, portez-vous bien et conduisez-vous de même; je compte que vers la fin de cette semaine vous nous arriverez sains et saufs et gays comme des pinsons. Adieu.

Caterine.

Saluez Rehbinder de ma part. На тебѣ въ награжденіе за добрые вести Англинскія газеты.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Полученіе двухъ писемъ отъ 6го іюня.—Присылка отвѣта ландграфинѣ. — Привѣтствіе и поклоны. — Особенныя наставленія. — *Не ударишь лицомъ въ грязь.*—Подробности относящіяся до путешествія.— Обѣдъ у князя Орлова. — „Будьте здоровы, ведите себя хорошо и пріѣзжайте веселые какъ зяблики." *Приписка.*—Ребиндеръ.—Англійскія газеты.

9го іюня поутру.

Г. Баронъ Черкасовъ! Я получила вчера послѣ обѣда, одно за другимъ, оба письма ваши отъ 6го числа: одно, написанное въ 1 ч. пополудни, другое $2^1/_2$ ч. ', и при семъ послѣднемъ, приложенное къ нему письмо ландграфини: посылаю вамъ мой отвѣтъ, который вы ей вручите, передавъ ей поклонъ отъ меня и увѣривъ ее какъ мнѣ пріятно было узнать о благополучномъ прибытіи ея въ Ревель и сколь живо желаніе мое съ нею познакомиться. Вы также поклонитесь отъ меня принцессамъ и скажете имъ до какой степени я искренне желаю чтобъ онѣ въ вожделѣнномъ здравіи прибыли сюда, гдѣ мы ихъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ. Еще разъ препоручаю вамъ не упускать ничего изъ виду что бы малѣйшимъ образомъ мог-

ло содѣйствовать удобству, удовольствію и пользѣ этого двора, и чѣмъ болѣе вы ему окажете вниманія и учтивости, тѣмъ лучше вы исполните мои намѣренія. *Я надѣюсь что ты не ударишь мнѣ лицомъ въ грязь* (русскій текстъ).... Что же касается вашего путешествія, то вы устроите его до Кипеня, какъ это будетъ удобнѣе для ландграфини. Она мнѣ пишетъ что намѣрена обождать свои экипажи, которые находятся на пакетботахъ въ Ревелѣ. Въ Кипени вы найдете нарочнаго отъ меня, и я васъ предупреждаю что вы должны будете отправить оттуда прямо въ Царское Село экипажи, женскую и мужскую прислугу ландграфини, и что ее и принцессъ въ Гатчину, къ обѣду у князя Орлова, будутъ сопровождать только ихъ дамы и кавалеры, вы да Ребиндеръ. Впрочемъ, будьте здоровы и ведите себя хорошо; надѣюсь что въ концѣ этой недѣли [2] вы къ намъ пожалуете, совершенно невредимые и притомъ веселые какъ зяблики. [3]

Екатерина.

Передайте отъ меня поклонъ Ребиндеру. *На тебѣ въ награжденіе за добрые вести англинскія газеты* (русскій текстъ).

Примѣчанія:

[1] Мы уже объяснили (примѣч. къ № XXI) почему имѣемъ основаніе полагать что именно это длинное письмо дописано было ночью; вслѣдствіе чего и думаемъ что Екатерина II ошиблась, считая его написаннымъ *послѣ* короткаго письма отъ того же числа (№ XXII).

[2] 9го іюня было воскресенье и, дѣйствительно, ландграфиня прибыла въ Гатчину и Царское Село, въ концѣ недѣли, то-есть въ субботу, 15го числа.

[3] Pinson,—зябликъ, одна изъ наиболѣе поющихъ птицъ; водится во Франціи и въ Россіи. Екатерина II заимствовала эту поговорку отъ матери своей, которая ей писала въ Москву (изъ Щербста), отъ 19го декабря 1749 объ ея братѣ: „Mon fils est toujours à Lozanne en Suisse, *gai comme pinson*, applaudi par les maîtres, applaudi par les connaisseurs....“ (*XVIII вѣкъ*, Москва, 1868 книга I, стр. 35.)

XXIV.

Catherine II à Czerkassow.

Ce 13 Juin 1773.

Monsieur le Baron Czerkassow. Depuis le 8 Juin que vous m'avez écrit; lettre que j'ai reçue le 10, je n'ai pas un seul mot, ni un indice de vie de votre part. Je ne sais si vous êtes parti de Réval, chose, dont cependant, vous deviez m'avertir, ou, si vous attendez toujours à Réval cet éternel Paquet-Boat;

outre cela je commence à m'inquiéter de la Santé de vos Princesses; dites-moi si elles se portent bien? Et parlez à Madame la Landgrave, si elle est encore à Réval, s'il ne lui serait pas possible de partir de là sans attendre ce Paquet-Boat, auquel on ordonnerait d'aller tout droit à Kronstadt, tandis qu'Elle et sa suite viendrait ici. Madame la Landgrave ignore peut-être qu'Elle n'a besoin d'aucun habit de Cour, ni de ville, ni de paniers, jusqu'au mois d'Août; et les mêmes habits qu'elle met à Réval pourront lui servir ici; et si elle en voudrait de nœufs, nous farcirions ses appartemens d'étoffes de toute espèce. Enfin, pourvû qu'elle vienne, nous ne prendrons pas garde à sa garderobe; dites-lui cela et faites moi savoir au plutôt ce qu'elle résoudra. Et surtout dites-moi quand vous partirez et écrivez-moi de chaque couchée. Adieu, voici des Gazettes Anglaises.

Caterine.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Неизвѣстность и безпокойство. — Ландграфинѣ не нужны будутъ фижмы до августа мѣсяца. Впрочемъ, ея комнаты будутъ набиты всякаго рода матеріями. — „Лишь бы она пріѣхала; а въ ея наряды не будутъ слишкомъ всматриваться.“ — Приказаніе относящееся до дороги.—Англійскія газеты.

Сего 13го іюня 1773.

Г. Баронъ Черкасовъ! Съ тѣхъ поръ какъ я, 10го числа, получила ваше письмо отъ 8го, объ васъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я не знаю выѣхали ли вы изъ Ревеля, о чемъ однакожь вы обязаны были меня увѣдомить,—или же вѣчно ожидаете въ Ревелѣ пакетбота. Кромѣ того, я начинаю безпокоиться о здоровьѣ вашихъ принцессъ. Скажите мнѣ: здоровы ли онѣ? и спросите у ландграфини, — если она еще въ Ревелѣ,—не сочтетъ ли она возможнымъ выѣхать оттуда, не ожидая пакетбота, которому бы можно было приказать отправиться прямо въ Кронштатъ, пока она со свитой своею направляетъ путь сюда. Быть-можетъ ландграфиня не знаетъ что до августа мѣсяца ей не нужны будутъ ни придворныя, ни городскія платья, ни фижмы, такъ что ей можно будетъ носить здѣсь тѣ же платья которыя она носитъ въ Ревелѣ; а еслибъ ей захотѣлось сдѣлать новыя, то мы завалимъ ея комнаты всякаго рода матеріями. Ну, словомъ,—лишь бы она пріѣхала: мы не будемъ взыскательны къ ея нарядамъ; скажите ей это и дайте мнѣ знать поскорѣе на что̀ она рѣшится? Но, прежде всего, увѣдомьте меня о времени своего отъѣзда и пишите мнѣ съ каждаго ночлега. Прощайте; вотъ вамъ англійскія газеты.

Екатерина.

Примѣчаніе.

Черновыхъ отпусковъ со всеподданнѣйшаго донесенія Черкасова отъ 11го іюня (см. № XXVI) объ отъѣздѣ ландграфини изъ Ревеля, а также съ писаннаго на мызѣ Колкъ, съ ночлега у гр. Стенбока, и съ тѣхъ которыя Черкасовъ, судя по окончанію этого письма, отправлялъ со всѣхъ другихъ ночлеговъ,—у насъ не сохранилось; а въ государственномъ архивѣ также нѣтъ самыхъ подлинниковъ.

XXV.

Catherine II à Czerkassow.

Le 13 Juin 1773, à 5 h. du soir.

Monsieur le Baron Czerkassow. Je vous avoue que je n'ai été pas peu étonnée de recevoir par une estafette de Réval du Maître de Poste de cette Ville au Vice-Chancelier, la nouvelle de votre heureux départ, le 11, de Réval, et que Vous coucherez cette nuit à Yambourg. Est-ce par esprit de contradiction que vous ne me dîtes pas un mot et que depuis cinq jours vous me laissez sans nouvelle aucune? Si vous vous avisez encore de changer d'avis et de ne point coucher chez Sievers, vous ne trouverez point de diner à Gatschina, ni je ne pourrai point vous y rencontrer. Encore fallait-il m'avertir quel jour il vous plâirait arriver chez Sievers. On me dit de Reval que vous dinerez chez Sievers Vendredi; tout ceci me rend confuse, je vous l'avoue. Cependant, je ferai dire au Prince Orloff de préparer un dîner à Gatschina Samedi, sauf la confusion que vous y mettrez, si vous n'y venez pas ou que vous y vinssiez Vendredi. Je ne sais que penser, mais prie le Ciel de vous avoir dans sa sainte et digne garde.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Эстафета Ревельскаго почтмейстера гр. Панину объ отъѣздѣ ландграфини.—„Ужь не молчите ли вы изъ наклонности къ противорѣчію?...“—Ночлегъ у гр. Сиверса.—Предчувствіе путаницы.—„Не знаю что̀ и подумать, но молю Бога...“

13го іюня 1773.

Г. Баронъ Черкасовъ! Признаюсь, я не мало была удивлена, получивъ посредствомъ эстафеты адресованной ревельскимъ почтмейстеромъ вице-канцлеру,—извѣстіе о томъ что вы 11го числа благополучно выѣхали изъ Ревеля и что вы нынче же будете имѣть ночлегъ въ Ямбургѣ. Ужь не изъ наклонности ли къ противорѣчію молчите вы и пять дней сряду оставляете меня совершенно безъ извѣстій?... Если вы придумаете еще что-нибудь новое и не переночуете у Сиверса, то не найдете обѣда въ Гатчинѣ, да и я не успѣю васъ тамъ встрѣтить. И еслибы такъ, то вѣдь все-таки вамъ бы слѣ-

довало меня предупредить въ какой именно день вамъ заблагоразсудится пріѣхать къ Сиверсу. Меня извѣщаютъ изъ Ревеля что вы будете обѣдать у Сиверса въ пятницу; сознаюсь вамъ,—все это меня сбиваетъ съ толку. Однакожь я пошлю сказать князю Орлову чтобъ обѣдъ былъ приготовленъ въ субботу, развѣ вы еще налутаете, не прибывъ туда или пріѣхавъ въ пятницу. Не знаю что̀ и подумать; но молю Бога чтобы онъ васъ берегъ и хранилъ.

Примѣчаніе.

Послѣдніе ужинъ и ночлегъ, именно на мызѣ Сельцо, у гр. Сиверса, послѣдовали въ пятницу, 14го іюня; а къ обѣду въ Гатчину ландграфиня прибыла въ субботу, 15го іюня.

XXVI.

Catherine II à Czerkassow.

Le 14 Juin à 8 heures du matin.

Monsieur le Baron Czerkassow. Ce vilain Mâitre de Poste de Réval est cause avec son empressement que pendant une demi-heure j'ai crû bonnement que par esprit de contradiction vous me laissiez sans nouvelles. Ces donneurs d'avis sont des gens insupportables et bons à rien; son estafette à lui vient toujours deux heures avant la votre, et moi, qui, après des cinquante ans, suis vive comme un pétard, je n'ai rien de plus pressé que de vous écrire et de règler le tout pour l'arrivée des Princesses à Gatschina; mais mettez-vous à ma place; j'ignore le départ de Réval, n'ai aucune nouvelle de Votre part depuis le 8 jusqu'au 13 et ce 13 j'apprends que vous coucherez la même nuit à Yambourg. Après que ma lettre fut partie, j'ai reçu la votre du 11, où vous m'annoncez votre départ, et ce matin, entre six et sept, j'ai reçu votre lettre de chez Steinbock qui porte, par distraction apparement, la date du dix. Je suis bien aise que vous soyez en chemin sans avoir attendu le Paquet-Boat qui peut aller tout droit à Kronstadt, comme je vous l'ai mandé hier matin, si la Landgrave le désire, et alors, vous en écrirez à Krouse, qui j'espère, n'en fera point de difficultés. Vous avez bien fait de procurer à Réval aux Princesses le plus d'amusemens que vous avez pû. Je suis charmée qu'elles ne soyent pas peureuses; c'est bon signe. Puisque la Landgrave et vous, vous vous accomodez ensemble, je suis fort contente de votre ménage et de tout ce que vous lui avez dit, et ce qu'elle vous a répondu. Assurément je lui donnerai les meilleurs conseils dont je pourrai m'aviser, dès que je verrai qu'elle suivra les miens et point d'autres. J'excuse votre baise-main en cette occasion, il était très à sa place. Dans l'occasion, vous déconseillerez à la Landgrave de mener ses filles à l'Eglise Luthérienne ici, et

cela seulement pour un certain tems; cette précaution n'est que pour la populace; on en a agi de même avec moi; lorsque mon choix sera fait, les deux autres iront entendre la prêche quand elles voudront. J'ai ordonné à Rehbinder d'envoyer à Kipen un homme qui vous portera un billet de ma part, vous n'oublirez pas de n'amener à Gatschina que les gens qui pourront dîner avec moi et le reste vous pourrez envoyer de Garéloy-Kaback tout droit ici à Czarsco-Célo. Je suis très contente de vous parceque j'ai de vos lettres et que tout le reste est bien. Portez-vous bien. Adieu.

Caterine.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Недоразумѣніе, продолжавшееся полчаса.—Вѣстовщики.—Императрица обвиняетъ себя въ запальчивости. — Полученіе донесенія написаннаго у гр. Стенбока.—Кав. Крузе и пакетботъ.—Одобреніе дѣйствій Черкасова.—Объясненіе.—Цѣлованіе руки.—Приказаніе посовѣтовать ландграфинѣ не водить нѣкоторое время своихъ дочерей въ лютеранскую церковь.—Шталмейстеръ Ребиндеръ.—Лица принадлежащія къ дармштадтской свитѣ которыя прибудутъ въ Гатчину, и тѣ которыя отправятся прямо въ Царское Село.

14го іюня, въ 8 ч. утра.

Г. баронъ Черкасовъ! Этотъ противный Ревельскій почтмейстеръ своею поспѣшностью былъ причиной того что я въ продолженіи получаса простодушно полагала что вы, единственно изъ наклонности противорѣчить, оставляете меня безъ извѣстій. Эти вѣстовщики люди невыносимые и никуда не годные. Почтмейстерская эстафета всегда приходитъ двумя часами прежде вашей, и я, которая не смотря на слишкомъ 50 лѣтъ отъ роду, жива какъ хлопушка,—я тотчасъ же сажусь писать къ вамъ и распоряжаюсь устроить пріѣздъ принцессъ въ Гатчину. Но, вообразите себя на моемъ мѣстѣ.... Я ничего не знаю объ отъѣздѣ изъ Ревеля, отъ 8го числа до 13го не имѣю отъ васъ никакого извѣстія, и 13го вдругъ узнаю что вы будете имѣть ночлегъ (съ 13го на 14-е іюня) въ Ямбургѣ! Только-что я отправила свое письмо (№ XXIV), получила я ваше отъ 11го, которымъ вы извѣщаете меня о своемъ отъѣздѣ; а нынче утромъ, часу въ 7мъ, получила я донесеніе написанное вами у Стенбока и которое, вѣроятно по разсѣянности, помѣчено 10мъ іюня. Я очень рада что вы пустились въ путь, не дождавшись пакетбота, который можетъ отправиться прямо въ Кронштадтъ, какъ я вчера вамъ писала объ этомъ, если таково желаніе ландграфини, и въ такомъ случаѣ, вы о семъ отпишите г. Крузе, который, надѣюсь, не сдѣлаетъ затрудненій. Вы хорошо сдѣлали что доставляли принцессамъ, въ бытность ихъ въ Ревелѣ, какъ можно больше увеселеній! Мнѣ пріятно было узнать что онѣ не трусливы. Это хорошій признакъ. Такъ какъ вы ладите съ ландграфиней, то я этимъ очень довольна, равно какъ и всѣмъ тѣмъ что̀ вы ей сказали и что̀

она вамъ отвѣчала. Безъ сомнѣнія, я буду расположена давать ей наилучшіе по возможности совѣты, какъ только увижу что она слѣдуетъ моимъ совѣтамъ, а не инымъ. Извиняю васъ въ томъ что вы у ней поцѣловали руку: вы сдѣлали это очень кстати. При случаѣ, вы посовѣтуете ландграфинѣ не водить здѣсь своихъ дочерей въ лютеранскую церковь; но это только въ продолженіи нѣкотораго времени. Эта предосторожность нужна только въ отношеніи простаго народа. Со мною поступили точно такъ же. Когда выборъ будетъ мною сдѣланъ, тогда обѣимъ другимъ можно будетъ, когда угодно, ходить слушать предику.[1] Я приказала Ребиндеру отправить въ Кипень нарочнаго, который вамъ доставитъ записочку отъ меня. Вы не забудете привезти съ собою въ Гатчину только тѣхъ которые могутъ обѣдать со мною; а прочихъ можете отправить изъ Горѣлаго Кабака прямо сюда, въ Царское Село. Я очень довольна вами, потому что имѣю письма отъ васъ и потому что все остальное идетъ хорошо. Будьте здоровы. Прощайте.

Екатерина.

Примѣчанія:

[1] Такъ какъ послѣднее изъ сохранившихся донесеній Черкасова отъ 8го числа (№ XXII), а ландграфиня пробыла въ Ревелѣ еще до 11го числа, то мы не знаемъ какого рода увеселенія Черкасовъ доставилъ ея дочерямъ. Быть-можетъ, онѣ ѣздили верхомъ или катались въ лодкахъ и при этомъ доказали что не трусливы. Но такъ какъ тутъ глухо упоминается объ увеселеніяхъ, то это заставляетъ насъ полагать что день рожденія принцессы Луизы былъ отпразднованъ въ Ревелѣ 9го іюня.

[2] La prêche, то-есть пасторскія поученія,—перевели мы словомъ *предика*, которымъ также обозначались тогда проповѣди нашихъ православныхъ іерарховъ и іереевъ.

XXVII.

Catherine II à Czerkassow.

Monsieur le Baron Czerkassow. Voici la lettre, que je vous ai promise, que vous trouverez à Kipen, vous irez donc dîner à Gatschina comme je l'ai réglé et vous m'y trouverez. J'ai ordonné à Rehbinder d'envoyer à Garéloy Kaback et à Gatschina autant de chevaux qu'il en faut pour la Landgrave, les cavaliers et les Dames de sa suite, tous les autres équipages viendront tout droit ici.

Au reste, portez-vous bien jusqu' à demain. Je vous écris ceci Vendredi à neuf heures et demie du matin. Adieu. Le Prince Orlow vous enverra un homme qui vous montrera le chemin de Gatschina à Kipen, et peut-être, le trouverez vous lui-même dans ce dernier endroit. A Gatschina vous trouverez la table du Prince Orlow.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Императрица будетъ ожидать ландграфиню въ Гатчинѣ.—„Будете здоровы.... до завтра.“—Кн. Орловъ посылаетъ въ Кипень проводника и заказываетъ обѣдъ.

Г. баронъ Черкасовъ! Вотъ письмо которое я обѣщала выслать вамъ въ Кипень. Итакъ, вы отправитесь обѣдать въ Гатчину, какъ я это вамъ предписала и вы меня тамъ застанете. Я приказала Ребиндеру [1] выслать къ Горѣлому Кабаку [2] и въ Гатчину столько лошадей сколько ихъ нужно для ландграфини, для кавалеровъ и дамъ ея свиты; остальные экипажи прибудутъ прямо сюда.

Впрочемъ, будьте здоровы.... до завтра. Пишу вамъ это въ пятницу, въ 9½ ч. утра. Прощайте. Князь Орловъ пришлетъ вамъ въ Кипень человѣка, который покажетъ вамъ дорогу въ Гатчину и, быть-можетъ, вы его самого найдете на станціи Кипень. Въ Гатчинѣ для васъ приготовленъ будетъ столъ отъ князя Орлова.

Примѣчанія:

Письмо это, написанное въ пятницу, 14го іюня, то-есть наканунѣ пріѣзда ландграфини въ Гатчину, отправлено было императрицей въ Кипень.

[1] Въ этихъ послѣднихъ двухъ письмахъ упоминается о шталмейстерѣ Ребиндерѣ, распоряжавшемся въ Царскомъ Селѣ придворными экипажами и лошадьми; а не объ генералъ-майорѣ Ребиндерѣ, который въ это время ѣхалъ, въ свитѣ ландграфини, въ Гатчину (см. предисловіе къ этой корреспонденціи, *Русск. Вѣстн.* за сентябрь 1870, 2е примѣчаніе къ стр. 107).

[2] Горѣлый или Погорѣвшій Кабакъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ обоихъ послѣднихъ письмахъ, былъ вѣроятно чѣмъ-то въ родѣ Краснаго Кабачка на Петергофской дорогѣ и составлялъ перепутье между ст. Кипень и Гатчиной съ одной стороны, а съ другой, между Кипенью (чрезъ Красное Село) въ Царское Село.

БАРОНЪ Ѳ. БЮЛЕРЪ.

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
Въ полуденныхъ лучахъ слѣды недавней стужи
Дымятся. Теплый вѣтръ повѣялъ намъ въ лицо
И морщитъ на поляхъ синѣющія лужи.

Еще трещитъ каминъ, отливами огня
Минувшій тѣсный міръ зимы напоминая,
Но жаворонокъ тамъ, надъ озимью звеня,
Сегодня возвѣстилъ что жизнь пришла иная. —

И въ воздухѣ звучатъ слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и довѣрье,
И вторятъ имъ, журча, бѣгущіе ручьи,
Колебля тростника желтѣющія перья;

Пускай же какъ они по глинѣ и песку
Растаявшихъ снѣговъ, спѣша, уносятъ воды,
Безслѣдно унесетъ души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!

Гр. АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ.

МИРАЖЪ

(ИЗЪ ФРЕЙЛИГРАТА.)

„Я тревожно озираю флаги нашихъ кораблей,
Ты же смотришь, улыбаясь, на перо чалмы моей.“
—„Въ этотъ мигъ какъ наша яхта насъ качаетъ на волнахъ,
Мнѣ хотѣлось бы послушать о родныхъ твоихъ степяхъ.“

—„Повинуюсь. Опустилась на твою моя рука.
Слушай, милая: вотъ море раскаленнаго песка;
Тамъ, разсыпавшись, бѣлѣютъ земляковъ моихъ шатры:
То печальная Сахара въ часъ полуденной жары.

Свѣжій слѣдъ по ней оставилъ изъ Томбукту караванъ:
Вотъ вдали на горизонтѣ что-то блещетъ сквозь туманъ;
Изъ клубовъ летучихъ пыли промелькнетъ едва-едва
То пурпурный плащъ эмира, то верблюжья голова.

Онъ идетъ неутомимо ускоренною стопой;
Вотъ исчезъ онъ, поглощенный дали сѣрой пеленой;
Но догнать его не трудно по оставленнымъ слѣдамъ,
Что̀ виднѣются порою на пескѣ и тутъ, и тамъ.

Вотъ огромный трупъ верблюда распростертъ среди песковъ
И надъ нимъ кружится стая голошеихъ коршуновъ:
Имъ добыча та пріятнѣй, чѣмъ богатый тотъ кинжалъ
Что̀ на бѣгствѣ торопливомъ робкій всадникъ потерялъ.

Вотъ на иглахъ тамариска пологъ брошенный виситъ,
Дальше пылью занесенный мѣхъ разорванный лежитъ....
Кто жь его, какъ сумашедшій, толчетъ бѣшено въ ногахъ?
Это жаждою томимый молодой эмиръ-феллахъ.

Онъ отсталъ отъ каравана; конь его дорогой палъ,
Какъ тревогою гонимый, онъ вослѣдъ за нимъ скакалъ.

Онъ влачится черезъ силу; съ нимъ любимая жена,
Истомленная повисла на рукѣ его она.

Тотъ песокъ который ночью только левъ мететъ хвостомъ,
Иль порывъ внезапный вѣтра мчитъ удушливымъ столбомъ,
Покрываетъ ихъ одежду темносѣрой пеленой,
Рѣжетъ до крови кремнями ноги путницы младой....

Но эмиръ вдругъ пошатнулся, измѣнила сила ногъ;
Мутный взоръ, остановившись, смотритъ дико на востокъ;
Онъ схватилъ свою подругу, кровь ударила къ вискамъ,
И съ послѣднимъ поцѣлуемъ онъ упалъ къ ея ногамъ.

Но, дивясь, она спросила: „Что̀ съ тобою, милый другъ?
Посмотри, какимъ сіяньемъ небо вспыхнуло вокругъ!
Степь совсѣмъ преобразилась, измѣнился видъ песковъ,
Даль сверкаетъ точно море у алжирскихъ береговъ!

Вотъ, я вижу: тамъ струится многоводная рѣка!
Мнѣ въ лицо несется свѣжесть отъ нея издалека....
Это Нилъ? иль нѣтъ, онъ дальше. Такъ, быть-можетъ, Сенегалъ?
Или море голубое плещетъ съ пѣною у скалъ?

Все равно, вода ужь близко! Господинъ мой, поспѣшимъ!
Тамъ мы свѣжею струею муки жажды утолимъ!
Встань, мой милый! тамъ купанье наши силы оживитъ,
А тотъ за́мокъ величавый насъ до утра пріютитъ!

Вижу: вьются съ темныхъ башень флаги красные на немъ;
Вонъ мечеть и минареты стройно высятся кругомъ.
Вижу мачты: это гавань и на рейдѣ корабли....
Вонъ толпой къ воротамъ за́мка пилигримы подошли....

Милый, встань! засохло горло.... Ужь вечерній палъ туманъ!“
Черезъ силу онъ поднялся и промолвилъ: „то обманъ!
Злаго духа навожденье! Смерть идетъ! Прости, жена!“
Свѣтъ исчезъ. На тѣло мужа лала мертвая она.“

Такъ разказывалъ Отелло Дездемонѣ, въ часъ ночной,
По заливу съ ней гуляя. Дѣва слушала съ тоской.
Вышла на берегъ и тихо путь направила въ свой домъ:
Тамъ оставилъ полководецъ дочь Брабанціо съ отцомъ.

Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

О ПОДУШНОЙ ПОДАТИ

I.

Въ одной изъ нашихъ не-черноземныхъ губерній (такъ же точно, можетъ-быть, поступлено и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ) земское собраніе образовало довольно многочисленную коммиссію, съ участіемъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда, для предварительнаго обсужденія переданнаго на заключеніе земскихъ учрежденій проекта правительственной податной коммиссіи о переложеніи подушныхъ сборовъ, съ крестьянъ взимаемыхъ, на крестьянскіе дворы и земли, а взимаемаго съ мѣщанъ государственнаго земскаго сбора—частью на городскія недвижимости, частью на торговые и промысловые патенты и свидѣтельства, выдаваемыя собственно лицамъ къ мѣщанскому сословію принадлежащимъ. (Проектъ податной коммиссіи, ст. 31).

Вмѣстѣ съ проектомъ, земскимъ учрежденіямъ были доставлены два циркуляра министра финансовъ:

Въ одномъ, *пояснительномъ*, по департаменту окладныхъ сборовъ (10го сентября 1870, № 1.092) предвидится недоразумѣніе,—„не предрѣшенъ ли въ проектѣ коммиссіи вопросъ какая часть общей суммы подушныхъ сборовъ взимаемыхъ въ губерніи можетъ быть переложена на землю и какая на дворы?“

Въ разрѣшеніе этого возможнаго недоразумѣнія, сказано что „земскія учрежденія, при составленіи заключеній о томъ какая часть общей суммы подушныхъ сборовъ можетъ быть переложена на земли и какая на дворы, не должны ни мало

стѣсняться указаннымъ выше предположеніемъ коммиссіи объ обращеніи, въ общихъ итогахъ по Имперіи, подушной повинности на дворы, а государственнаго земскаго сбора на земли."

Такъ какъ проектомъ предполагается переложеніе собственно подушной подати на крестьянскіе дворы, а государственнаго земскаго сбора на земли, и циркуляръ пояснительно-упредительный очевидно можетъ имѣть въ виду только такія, изъ возможныхъ въ будущемъ, недоразумѣнія которыя существенно важны; то многіе, на первыхъ порахъ, дѣйствительно подумали, поддавшись впечатлѣнію производимому циркуляромъ, что задача земства состоитъ лишь въ опредѣленіи какая часть нынѣшнихъ подушныхъ сборовъ съ крестьянъ должна падать на дворы, подъ новымъ названіемъ подворнаго налога, и какая на крестьянскія земли, подъ новымъ названіемъ поземельной подати, соображаясь, при такой *развертк*ѣ, разумѣется, съ болѣе или менѣе *промысловымъ* характеромъ губерніи, что̀ всего сподручнѣе рѣшить и всего ближе извѣстно земскимъ учрежденіямъ.

При этомъ предполагается, разумѣется, что не слѣдуетъ земству касаться предположенныхъ податною коммиссіей коренныхъ началъ реформы и общихъ основаній составленнаго въ развитіе этихъ началъ проекта.

Впрочемъ, не одинъ только пояснительный циркуляръ министра финансовъ, самъ по себѣ, способствовалъ возникновенію такого мнѣнія.

На основаніи другаго, *особаго*, проекта, къ уплатѣ ¼ государственнаго земскаго сбора должны быть привлечены земли *не*-крестьянскія, съ которыхъ не платилось до сихъ поръ государственнаго земскаго сбора. Эта послѣдняя мѣра показалась какъ бы предвѣстникомъ того что̀ будетъ, ибо грядущимъ событіямъ всегда *предшествуетъ* ихъ *тѣнь*. Дѣйствительно, соображая и сопоставляя вмѣстѣ эту послѣднюю мѣру и пояснительный циркуляръ, которому она служитъ какъ бы крѣпкою опорой, можно подумать что коренныя начала и общія основанія проекта податной коммиссіи уже усвоены высшимъ правительствомъ; что вопросъ въ этомъ смыслѣ *предрѣшенъ*, что вся тягость подушныхъ сборовъ падетъ на крестьянскіе дворы и на земли вообще, съ облегченіемъ крестьянъ исключительно на счетъ владѣльцевъ вообще земель *не*-крестьянскихъ; что такова будетъ окончательная развязка дѣла.

На самомъ дѣлѣ подобная мысль оказывается вполнѣ не-

вѣрною. Но она породила недоумѣніе, тѣмъ болѣе что пояснительному циркуляру *предшествовалъ* другой циркуляръ (по департ. оклад. сбор., 9го сент. 1870, № 1061) *по Высочайшему повелѣнію*, исключающій потребность въ какомъ бы то ни было пояснительномъ циркулярѣ, по ясности и вразумительности своего содержанія въ двухъ пунктахъ, а именно:

1) Что комитетъ министровъ установилъ порядокъ разсмотрѣнія проекта податной коммиссіи, „не касаясь существа самаго проекта и не предрѣшая дальнѣйшаго обсужденія его въ законодательномъ порядкѣ.“

2) Что министру финансовъ предоставлено предложить земскимъ учрежденіямъ, каждому по своей губерніи, доставить заключенія по разнымъ вопросамъ, отъ министерства предложеннымъ, но подъ условіемъ, и съ оговоркой, разъяснить имъ *„что ни одно изъ основныхъ началъ этого проекта не предрѣшено правительствомъ.“*

Итакъ, высшее правительство предрѣшило только необходимость коренной финансовой реформы путемъ отмѣны подушныхъ сборовъ, такъ разнообразно и тяжело подавляющихъ податныя сословія и вообще всѣ производительныя силы страны, возложивъ *лишь* подготовительную работу на спеціальную коммиссію (податную) при спеціальномъ вѣдомствѣ (министерствѣ финансовъ), съ *тѣмъ* чтобы трудъ этой коммиссіи, при помощи свѣдѣній и данныхъ *ей не достающихъ*, былъ земскими учрежденіями приведенъ въ болѣе полное соотвѣтствіе съ разумными цѣлями такой реформы.

Слѣдовательно, можно было, такъ-сказать, сдать въ архивъ пояснительно-упредительный циркуляръ и, нисколько не стѣсняясь проектомъ податной коммиссіи, *ни одно изъ основныхъ началъ котораго не предрѣшено правительствомъ*, имѣть въ виду одну цѣль: доставленіе правительству возможности и матеріаловъ для совершенія разумной и справедливой реформы.

Составитель статьи долженъ здѣсь оговориться что статья его не есть, въ какомъ-либо смыслѣ, отчетъ о занятіяхъ земской коммиссіи, въ которой онъ имѣетъ честь состоять членомъ. Но въ то же время его наблюденія, изысканія и выводы отражаютъ взглядъ не исключительно ему принадлежащій, потому что въ общемъ дѣлѣ на каждомъ изъ совмѣстно надъ нимъ трудящихся отражаются вліяніе и мысли многихъ другихъ сотрудниковъ, съ которыми есть возможность войти въ *полное соглашеніе* относительно общихъ коренныхъ началъ реформы.

Въ проектѣ податной коммиссіи и точка отправленія и конечная цѣль сходятся непонятно и необъяснимо къ одному и тому же: къ обращенію нынѣшнихъ душевыхъ сборовъ въ *налогъ такого же размѣра*, но подъ новыми названіями *податей подворной и поземельной.*

Здѣсь происходитъ то же самое какъ и въ томъ случаѣ когда государственный долгъ одного наименованія обращается въ долгъ же другаго наименованія, напримѣръ $4^1/_2$ процент. рента—въ $4^0/_0$.

Разница лишь въ томъ что, при задуманной *конверсіи* податей, и плательщики и государство останутся въ *прежнемъ проигрышѣ.*

Доказательства тому мы почерпнемъ въ объяснительной запискѣ той же податной коммиссіи, выписывая ихъ дословно. Такъ коммиссія говоритъ:

„Недоимки встрѣчаются у насъ чаще всего вслѣдствіе неурожая и разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Крестьянинъ не имѣющій возможности, вслѣдствіе плохаго урожая или по другимъ причинамъ, уплатить причитающіеся съ него сборы, въ слѣдующемъ году, при хорошемъ урожаѣ, внесетъ и окладъ и недоимку безъ особаго труда. Поэтому необходимо дать самому недоимщику срокъ до слѣдующаго урожая, подвергая его между тѣмъ всѣмъ тѣмъ взысканіямъ какія установлены по закону.“

Но при конверсіи останутся, подъ новыми названіями, тѣ же по размѣру налоги, подчиненные до такой степени, относительно исправнаго ихъ поступленія, случайнымъ обстоятельствамъ что неурожай не ограничивающійся однимъ годомъ, падежъ скота и т. п., ведутъ къ накопленію безнадежной недоимки, или разоренію владѣльца крестьянскаго участка.

Коммиссія свидѣтельствуетъ, защищая тѣмъ непререкаемую вѣрность этого вывода, что

„въ общемъ результатѣ, за нѣсколько лѣтъ, недоимки все-таки накопляются въ значительномъ размѣрѣ, и достигли бы громадныхъ суммъ еслибы не слагались по манифестамъ“ (стр. 13, строк. 11—13).

И это *при* существованіи *круговой поруки*, гдѣ болѣе состоятельные отвѣчаютъ за бѣднѣйшихъ.

Поэтому очевидно что конверсія душевыхъ сборовъ частію въ поземельную подать, частію въ подворный налогъ на жилье дохода не приносящее, измѣняя названія и кое-что въ част-

постяхъ, оставляетъ въ неприкосновенности общій, всѣ частности вмѣщающій фактъ: несоразмѣрную вообще, разорительную высоту налога, который, хотя и подъ новыми названіями, ладетъ опять-таки прежнею тяжестью на тѣ же что̀ и теперь крестьянскую землю и крестьянскую усадьбу, и въ настоящее время не выносящія такого налога.

Кромѣ того, податная коммиссія въ объяснительной записк̀ѣ *положительно* признаетъ, хотя и маскируя посильно такое признаніе, что конверсія поведетъ къ *новой* неуравнительности сборовъ, слѣдовательно не исцѣлитъ стараго зла, а только иначе перетасуетъ его въ средѣ крестьянскихъ обществъ. Такъ, говоря о неуравнительности при обложеніи сборами одной только земли (взамѣнъ подушныхъ сборовъ), коммиссія объявляетъ что

„обложеніе такимъ образомъ одной земли представляло бы ту несообразность что земли были бы обложены безъ всякаго соотвѣтствія къ ихъ цѣнности и доходности. Ближе поэтому ту часть подушныхъ сборовъ которая уплачивается нынѣ изъ постороннихъ заработковъ и слѣдовательно представляетъ собою налогъ на рабочія силы, обратить на вещественный признакъ этихъ силъ—крестьянскій дворъ“ (стр. 16, строк. 3—8).

Такъ какъ этотъ аргументъ недостаточенъ, ибо онъ въ существности не имѣетъ точно опредѣленнаго значенія, то сама коммиссія *непосредственно* вслѣдъ за симъ спѣшитъ оговоркой что

„вмѣсто двора предметомъ налога могло быть лицо работника; но съ принятіемъ такой единицы связаны, по мнѣнію коммиссіи, тѣ же неудобства которыми страдаетъ подушная система: налогъ на работника потребовалъ бы такихъ же стѣсненій передвиженія, ревизій и пр.“

Эта самообличительная оговорка оказалась необходимою очевидно для того чтобы прикрыть невѣрность и нѣкоторую несообразность обращенія той части налога которая *нынѣ уплачивается изъ постороннихъ заработковъ* на крестьянскій дворъ, который никоимъ образомъ не можетъ служить выраженіемъ и признакомъ количества, возраста и *качества* живущихъ въ немъ *рабочихъ рукъ*.

Итакъ, при *новыхъ названіяхъ* налога, вслѣдствіе обманчиваго номинальнаго обращенія его на неодушевленныя единицы—землю и дворъ, останутся тѣ же живыя единицы подъ

тяжестью необлегченнаго для нихъ нисколько на самомъ дѣлѣ податнаго бремени, при стѣсненіяхъ нерушимой паспортной системы.

При сохраненіи причинъ сохраняются и послѣдствія:

1) Недоимки слагаемыя манифестами, то-есть прямое указаніе что земля вмѣстѣ съ усадьбой и заработками не могутъ вынести слишкомъ высокаго податнаго бремени.

2) Такое финансовое хозяйство при которомъ государство не можетъ разчитывать на исправное поступленіе въ полной цифрѣ, *окладами* опредѣленныхъ сборовъ, такъ что окладные доходы получаютъ свойство неокладныхъ—способность колебаться отъ случайныхъ причинъ, но непремѣнно въ *ущербъ* государственному казначейству.

3) *Отнятіе* у плательщиковъ всѣхъ средствъ улучшать прочно свое хозяйство и свой бытъ, то-есть обязательная бѣдность, съ ея спутникомъ — обязательнымъ глубокимъ невѣжествомъ.

Сама коммиссія, правда, незамѣтнымъ для нея образомъ, среди всѣхъ внутреннихъ несогласій объяснительной записки и проекта ею объясняемаго, кладетъ еще одну темную краску на этотъ проектъ.

Коммиссія говоритъ:

„Дворъ долженъ облагаться только какъ внѣшній признакъ существованія отдѣльнаго хозяйства и потому, вопервыхъ, дворомъ, въ *финансовомъ смыслѣ*, должно считать совокупность принадлежащихъ одному домохозяину въ селеніи усадебныхъ построекъ; а вовторыхъ, обложеніе его можетъ основываться только на соображеніи количества рабочихъ силъ въ дворѣ, равно какъ до нѣкоторой степени и на большей или меньшей выгодности употребленія ихъ въ томъ или другомъ промышленномъ занятіи.“

Все это безспорно.

Но, къ несчастію податныхъ, тотъ „финансовый смыслъ“ о которомъ тутъ говорится такъ резонно не развитъ въ законодательномъ проектѣ коммиссіи надлежащими статьями.

Вышло какъ-то совершенно наоборотъ, потому что окончательное заключеніе коммиссіи, вошедшее въ проектъ, состоитъ въ слѣдующемъ:

„Подворный налогъ учреждается взамѣнъ подушной подати, оклады которой опредѣлялись законодательнымъ порядкомъ и оставались неизмѣнными впредь до особаго усмотрѣнія высшаго правительства. Самый счетъ числа дворовъ гораздо легче

и точнѣе можно вести чѣмъ счетъ числа десятинъ. Посему подворный налогъ можно назначить *неизмѣнными окладами* на одинъ дворъ, какъ это дѣлается для подушной подати."

Въ этомъ объясненіи коммиссіи нѣтъ уже и помину объ обложеніи налогомъ *только* на соображеніи *количества рабочихъ силъ* во дворѣ, равно какъ и большей или меньшей выгодности употребленія ихъ въ томъ или другомъ занятіи, о чемъ только-что говорилось: просторъ полный для неуравнительности; старые порядки на новый ладъ, хотя и съ попыткой, а именно въ ст. 13 проекта, нѣсколько противодѣйствовать узаконяемой въ принципѣ, и притомъ завѣдомо, крайней неуравнительности обложенія.

Этою вѣскою 13 статьей воспрещается обществу, при раскладкѣ подворнаго налога, назначать на дворъ съ *полевымъ надѣломъ* свыше какъ *вдвое* противъ того оклада какой причелся бы при обложеніи всѣхъ дворовъ поровну; а на дворъ *безъ надѣла*—свыше *половины* средняго оклада, во избѣжаніе злоупотребленій, то-есть на практикѣ обществамъ дается самое положительное указаніе не принимать въ разчетъ исключительно (какъ бы слѣдовало по соображеніямъ коммиссіи), но даже главнѣйшимъ образомъ *число* работниковъ и выгодность заработковъ. Но затѣмъ несравненно важнѣе въ томъ же отношеніи и еще болѣе странно что коммиссія считаетъ за якорь спасенія отъ неуравнительности и злоупотребленій *представляемую самимъ обществомъ раскладку подворнаго налога*, тогда какъ она-то и есть именно корень злоупотерблений при сборѣ податей: *члены сельскихъ обществъ* такъ несвѣдущи въ цифирной наукѣ и искусствѣ контролировать своихъ чиновниковъ (старшинъ и писарей), что право разверстки, предоставляемое этимъ почтеннымъ членамъ, превращается крестьянскими чиновниками въ искусство разверстать на общества, вмѣсто дѣйствительно слѣдуемыхъ 100 р., напримѣръ 120 р., причемъ лишнихъ 20 р. остаются въ рукахъ упомянутыхъ чиновниковъ и даютъ имъ средства къ веселой жизни. Фактъ общеизвѣстный и едва ли требующій доказательствъ что крестьянинъ рѣдко знаетъ что̀ именно и сколько причитается съ него въ казну, и потому платитъ болѣе чѣмъ съ него слѣдовало бы.

Потому эта 13 статья представляетъ напрасную попытку согласить какъ-нибудь постановленія проекта съ расходящи-

мися совсѣмъ въ другую сторону соображеніями коммиссіи, на которыхъ предполагалось основать этотъ проектъ.

Затѣмъ надо сказать что въ числѣ соображеній и объясненій коммиссіи попадаются такія которыя не имѣютъ ни положительнаго, ни отрицательнаго значенія, ни въ пользу, ни противъ проекта.

Такъ напримѣръ коммиссія полагаетъ что

„со введеніемъ подворнаго налога и поземельной подати, можно бы нѣсколько ослабить вредное вліяніе круговой поруки, установивъ ее на болѣе справедливыхъ началахъ. По дѣйствующимъ правиламъ, суммы текущихъ окладовъ, не внесенныя нѣкоторыми крестьянами до 10го октября, раскладываются немедленно на прочихъ крестьянъ и взыскиваются съ нихъ самихъ обществомъ или полиціей. Было бы гораздо справедливѣе постановить что недоимка текущихъ окладовъ до конца слѣдующаго года взыскивается только отъ самихъ недоимщиковъ и уже затѣмъ раскладывается сельскимъ сходомъ на всѣхъ членовъ общества и взыскивается съ нихъ вмѣстѣ съ окладомъ.“

Но вѣдь то же самое можно сдѣлать и теперь, а манифесты додѣлаютъ остальное, и предполагаемая конверсія подушныхъ сборовъ тутъ по настоящему не причемъ и къ дѣлу вовсе не относится.

Такимъ образомъ, объяснительная записка податной коммиссіи расчищаетъ земству путь, доказывая что проектомъ ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть достигнуты предположенныя высшимъ правительствомъ цѣли: *облегченіе податнаго бремени* для плательщиковъ болѣе справедливымъ и равномѣрнымъ его распредѣленіемъ; поднятіе и развитіе производительныхъ силъ народа и земли, безъ чего невозможно всѣми горячо желаемое приведеніе въ порядокъ финансовъ вообще и нашего денежнаго обращенія въ особенности, составляющаго въ настоящемъ его видѣ истинную государственную опасность.

Простой здравый смыслъ нашихъ земскихъ дѣятелей подсказалъ уже имъ что нѣтъ другаго исхода какъ прямая и простая отмѣна подушныхъ сборовъ, съ привлеченіемъ къ пополненію дефицита отъ такой простой и безусловной отмѣны подушныхъ сборовъ—всякаго рода *достатка*, то-есть *всѣхъ* способныхъ платить.

Таково общее земское убѣжденіе, уже установившееся во многихъ губерніяхъ.

При такомъ убѣжденіи какъ относительно коренныхъ началъ и общихъ основаній, такъ и соотвѣтствующихъ имъ подробностей проекта податной коммиссіи, очевидно возможно и одно только земское заключеніе: о совершенной неудовлетворительности этого проекта. Очевидно что высшее правительство и земство находятся въ полномъ согласіи, желая дѣйствительной и плодотворной финансовой реформы, но не игры словъ; рознь же между ними, въ настоящемъ случаѣ совершенно искусственную, внесло бы лишь осуществленіе, безъ коренныхъ въ немъ измѣненій, проекта состоящей въ вѣдомствѣ министерства финансовъ коммиссіи податной. Если же оставить въ сторонѣ проектъ податной коммиссіи, вмѣстѣ съ циркуляромъ, возбудившимъ первое и единственное недоразумѣніе, то для земства ясны и цѣль къ которой надо стремиться, и средства къ вѣрному ея достиженію.

Это положеніе земствомъ сознано, и вполнѣ опредѣлительно и точно обозначается словами которыя мы повторимъ: *источникомъ къ пополненію дефицита отъ простой и безусловной отмѣны подушныхъ сборовъ долженъ служить всякаго рода достатокъ, а плательщиками должны сдѣлаться всѣ способные по достатку своему платить прямые государственные налоги.*

Относительно финансовой реформы, точно такъ же какъ и по отношенію къ военной реформѣ, какъ свидѣтельствуютъ адресы всѣхъ почти земскихъ собраній, земство становится въ уровень, не только съ *требованіями* простой справедливости, но и съ настоятельными политическими задачами настоящаго времени.

Въ средѣ разнообразныхъ источниковъ изъ которыхъ люди извлекаютъ достатокъ, прежде всего и особенное вниманіе обратилось на собственность поземельную. Это весьма естественно: земли у насъ такъ много; притомъ, помѣщики и вообще владѣльцы земель *не*-крестьянскихъ не платили до сихъ поръ никакихъ государственныхъ налоговъ. Со стороны людей поверхностно знакомыхъ съ податными вопросами вообще, а въ частности съ нашимъ податнымъ законодательствомъ, такое увлеченіе понятно, тѣмъ болѣе что въ этомъ направленіи данъ уже легкій толчокъ нашему законодательству тѣмъ именно что, по представленію министра финансовъ, уже узаконено собственниковъ земель не-крестьянскихъ привлечь къ уплатѣ одной четверти государственнаго

земскаго сбора, взимавшагося съ душъ. Эта мѣра есть безспорно зачатокъ дальнѣйшаго развитія одного изъ коренныхъ началъ проекта податной коммиссіи: переложить душевые сборы на дворы и земли вообще. Такимъ образомъ великая реформа была бы совершена очень просто и благополучно, въ смыслѣ обхода гораздо труднѣйшей задачи совершить реформу на болѣе справедливыхъ и раціональныхъ основаніяхъ.

Но *съ установившейся* уже *земской точки зрѣнія* что всякаго *рода и вида достатки* въ *государствѣ* должны быть привлечены къ пополненію дефицита отъ сдѣлавшейся *государственною* необходимостью отмѣны подушныхъ сборовъ, предстоящая реформа, направившись такимъ образомъ, погрѣшила бы въ принципѣ.

Остальныя качества этого направленія должны быть опредѣлены на основаніи фактическихъ данныхъ.

Возьмемъ съ этою цѣлью, для примѣра, одинъ изъ уѣздовъ той же губерніи.

Въ этомъ уѣздѣ, по земскимъ раскладкамъ, средній доходъ съ десятины опредѣленъ въ 1 руб. 22 коп. Такая оцѣнка подесятиннаго дохода сдѣлана на основаніи Положенія 19го февраля 1861 года, огуломъ на весь уѣздъ.

Крестьяне уѣзда платятъ съ десятины надѣла:

1) Уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ повинностей.	— р.	11_{188} к.
2) На общественные расходы по сельской администраціи.	— „	39_{112} „
3) Подушныхъ, госуд. зем. сбор., и общественныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, всего.	1 „	15_{144} „
4) Выкупныхъ платежей.	2 „	23_{123} „
Итого съ десятины. . . .	3 „	89_{177} „
За вычетомъ среднихъ доходовъ.	1 „	22 „
Недостаетъ	2 „	67_{177} „

Въ виду этой цифры недочета, слѣдуетъ припомнить: что выведенный въ 1 руб. 22 коп. средній разчетъ, огуломъ на весь уѣздъ, чистаго дохода съ десятины опредѣляетъ приблизительно тотъ денежный доходъ который крестьянинъ можетъ извлечь изъ десятины надѣла, за покрытіемъ необходимѣйшихъ расходовъ на поддержаніе своего животнаго существованія; что *усадьба* крестьянина представляетъ собою вообще лишь *косвенное* и *условное* обезпеченіе исправнаго отбыванія имъ повинностей предъ казной, потому что безъ

усадьбы, дѣйствительная эксплуатація надѣла была бы невозможна и что поэтому только надѣлъ представляетъ дѣйствительное *обезпеченіе* исправнаго отбыванія повинностей.

Слѣдовательно, недочетъ въ 2 руб. 67,,77 коп. на каждую десятину надѣла долженъ быть покрытъ такъ или иначе изъ какихъ-нибудь случайныхъ заработковъ. А помножая эту цифру на число десятинъ надѣла, получится та значительная круглая цифра налога на каждое крестьянское хозяйство, которая, не нуждаясь ни въ какихъ комментаріяхъ, объясняетъ свидѣтельство податной коммиссіи что безъ помощи манифестовъ итогъ недоимокъ достигалъ бы громадныхъ размѣровъ. А такъ какъ проектомъ податной коммиссіи предполагается *тотъ же итогъ* налога обратить на *тѣ же* самыя крестьянскія хозяйства, то математически очевидно что результатъ будетъ тотъ же, то-есть по манифестамъ слагаться будутъ тѣ же недоимки подъ другими названіями.

Слѣдовало ожидать что за проектомъ скрывается мысль привлечь къ конверсіи, исподоволь и постепенно, также и земли помѣщиковъ и вообще земли не-крестьянскія, что̀ частью уже осуществилось привлеченіемъ этихъ земель къ платежу одной четвертой части государственнаго земскаго сбора.

Такой дѣйствительный приступъ къ реформѣ, то-есть къ отмѣнѣ подушныхъ сборовъ, очевидно несовмѣстимъ съ мыслію о совершеніи реформы въ земскомъ и широко-государственномъ смыслѣ слова, путемъ привлеченія всякаго рода достатка *въ государствѣ* къ пополненію дефицита отъ отмѣны подушныхъ сборовъ.

Это крайне одностороннее направленіе при первомъ приступѣ къ реформѣ легко объясняется пріуроченіемъ податной коммиссіи къ отдѣльному вѣдомству, какъ относительно состава, такъ и подчиненности. При такой обстановкѣ, неисправимые *родовые* недостатки законодательнаго труда въ канцелярскомъ порядкѣ производимаго необходимо должны обнаружиться съ особенною силой и наглядностью.

Но, посмотримъ теперь, опираясь опять на числовыя данныя, относящіяся къ тому же уѣзду, къ какому результату можетъ повести мысль министерства финансовъ, если за *починомъ* исполненія, о которомъ мы только-что говорили, послѣдуютъ дальнѣйшія мѣры въ томъ же направленіи, то-есть, въ смыслѣ конверсіи подушныхъ сборовъ въ подворный налогъ и въ общую для всѣхъ государственную поземельную подать.

Въ уѣздѣ, въ настоящее время, съ десятины помѣщичьей земли взимается:

1) На частныя дворянскія повинности.	1,50	коп.
2) На уѣздныя и губернскія земскія повинности.	9,49	„
Итого.	10,99	„
Или круглымъ счетомъ.	11	коп.

Конверсіи душевыхъ сборовъ, въ уѣздѣ, подлежали бы:

1) Подушная подать.	40.124	руб.
2) Земскій государственный сборъ.	21.869	„
3) Обществен. сборъ съ государственныхъ крестьянъ.	3.139	„
Итого	65.132	„

Всей земли, помѣщичьей и крестьянской, обложенію подлежащей, считается 147.398 десятинъ.

Слѣдовательно, съ каждой десятины помѣщичьей земли, сверхъ взимаемыхъ нынѣ.	11	копѣекъ.
Пришлось бы еще дополнительныхъ.	44,19	„
А всего.	55,19	„

Итогъ представляетъ увеличеніе платимыхъ нынѣ сборовъ въ пять разъ.

Бросается въ глаза всякому что чудовищно было бы отмѣнить душевые сборы на счетъ собственности одного класса народа, увеличеніемъ не то что въ пять разъ, а хотя бы только *вдвое*, бремени налога который уже несетъ эта собственность.

Притомъ, это даже неисполнимо на практикѣ, какою бы силой ни было поддержано намѣреніе; потому что, какъ извѣстно теперь всѣмъ и каждому, грубая валовая оцѣнка доходности земель, по Положенію 19го февраля, несоразмѣрно высока для не-черноземной полосы, чего и невозможно было избѣгнуть, не разоривъ окончательно помѣщиковъ при освобожденіи крѣпостныхъ. Поэтому, выведенныя нами цифры поземельныхъ сборовъ не могутъ быть вовсе приняты мѣриломъ *процентнаго* отношенія къ доходу. На самомъ дѣлѣ, во многихъ имѣніяхъ, чистый доходъ не превышаетъ теперь и 60 коп. съ десятины.

Вопросъ вовсе не въ томъ требуется ли введеніе всеобщаго государственнаго поземельнаго налога, а въ томъ что земство придаетъ ему смыслъ *одного* изъ источниковъ въ числѣ прочихъ, для пополненія дефицита отъ *простой* и *безусловной отмѣны* подушныхъ сборовъ.

Поземельная собственность у насъ, такъ же какъ и въ другихъ государствахъ, по *современной* капитальной стоимости своей, должна представлять собою около половины *общаго итога* всѣхъ вообще капитальныхъ цѣнностей страны, какого бы рода онѣ ни были, и доставлять относительно меньшій, противу другихъ странъ, достатокъ владѣющимъ ею, отъ доходовъ изъ нея извлекаемыхъ: за отсутствіемъ земледѣльческаго кредита; вслѣдствіе покровительственнаго тарифа для всякихъ другихъ промышленностей на счетъ своего земледѣлія; и безденежья крестьянъ, единственныхъ съемщиковъ земли, отъ чрезмѣрнаго обремененія ихъ податями.

Поэтому, значительная часть суммы (вѣроятно нѣсколько болѣе одной трети) которая понадобится на покрытіе дефицита отъ отмѣны подушныхъ сборовъ должна пасть налогомъ на поземельную собственность вообще, то-есть на десятины крестьянъ и землевладѣльцевъ.

Послѣдствіемъ будетъ значительное уменьшеніе, сравнительно съ настоящимъ, сборовъ падающихъ на десятины крестьянъ, и довольно значительное возвышеніе сборовъ съ десятинъ землевладѣльцевъ.

Но для осуществленія такого плана нужно, прежде всего, найти такой *способъ обложенія* который сдѣлалъ бы *исполненіе* плана *возможнымъ*.

Предметъ такъ важенъ и такъ труденъ что только строго-фактическое изслѣдованіе его, со *всѣхъ* доступныхъ изслѣдованію сторонъ, можетъ повести къ результату удовлетворительному, къ установленію такого кореннаго начала которое соотвѣтствовало бы существу дѣла и обнимало его всесторонне, какъ по отношенію къ реформѣ вообще, такъ и къ обложенію собственности поземельной въ частности.

Обратимся съ этою цѣлію прежде всего къ тому же уѣзду, гдѣ средняя доходность земель, по земскимъ раскладкамъ (на основаніи Положенія 19го февраля), оцѣнена въ 1 руб. 22 коп. съ десятины, и гдѣ земскіе сборы достигаютъ уже цифры 11 коп. съ десятины, при доходности земель во многихъ имѣніяхъ не свыше 60 к., среднимъ же числомъ, съ десятины. Въ томъ же уѣздѣ есть имѣнія гдѣ средняя доходность съ десятины можетъ достигать трехъ рублей и болѣе, потому что въ губерніи вообще, поемные луга, гдѣ они есть, и спѣлые къ рубкѣ лѣса, гдѣ они есть или сохранились, составляютъ весьма доходныя статьи. Разумѣется что поземельные сборы пла-

тятся всѣми одинаково, по 11 коп. съ десятины, за неимѣніемъ другой нормы для раскладокъ, кромѣ валовыхъ среднихъ цифръ, которыя, даже при незначительной величинѣ ихъ, съ виду вполнѣ безобидной, не могутъ никогда сами по себѣ дать понятія о крайностяхъ до которыхъ ими доводится неуравнительность раскладки налога. По мѣрѣ возрастанія величины ихъ, эти среднія цифры еще гораздо болѣе слѣпо, еще грубѣе и безтолковѣе будутъ давить одного, ставя другихъ въ ничѣмъ незаслуженное привилегированное положеніе.

При дѣйствительной податной реформѣ, то-есть исполнимой на *самомъ дѣлѣ* и удовлетворяющей всѣмъ *финансовымъ* и *политическимъ* требованіямъ настоящаго времени, поземельные сборы въ этомъ уѣздѣ, съ установленіемъ всеобщаго государственнаго поземельнаго налога, легко могутъ возвыситься отъ 11 коп. до 25 коп. съ десятины.

Распредѣленіе такого налога, при сохраненіи существующаго способа обложенія, сдѣлало бы реформу невозможною, потому что у одного землевладѣльца десятина была бы обложена 40% съ ея доходности, и другаго—только 8%. Довольно сказать что есть мѣры которыя вызываютъ такое единодушное сопротивленіе что имъ онѣ упраздняются на практикѣ.

Разумѣется что сопротивленіе будетъ относиться не къ налогу, а къ способу обложенія, потому что *самая мысль* о *всеобщемъ* государственномъ поземельномъ налогѣ *возникла въ средѣ* земства, и вѣдомство министерства финансовъ ей вовсе непричастно.

Ни въ чемъ тутъ не виновато и Положеніе 19го февраля, раздѣляющее земли, въ смыслѣ валоваго кадастра, на крупныя единицы, по мѣстностямъ. Итакъ, первое, условное, впрочемъ, требованіе для исполнимости и совершенія дѣйствительной податной реформы, есть болѣе совершенный кадастръ, болѣе дробная и мелочная таксація или оцѣнка доходности земель, лѣсовъ и водъ, по *мѣстностямъ раздѣленнымъ* на *менѣе крупныя* единицы, напримѣръ, по волостямъ либо приходамъ, или *инымъ* образомъ, и притомъ сообразно качествамъ грунтовъ и положенію земель въ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ городовъ и вообще центровъ торговли, промышленности, потребленія, отъ желѣзныхъ или шоссейныхъ дорогъ; наконецъ сообразно количеству естественнаго прироста лѣсныхъ дачъ, по правиламъ лѣсной таксаціи и т. д.

Ясно и безспорно что безъ *всеобщаго* государственнаго поземельнаго налога податная реформа невозможна.

Съ другой стороны, при невозможности удовольствоваться весьма малымъ налогомъ, *непосредственно* падающимъ на земли, и неизбѣжности налога довольно высокаго, необходимъ и неизбѣженъ спеціальный кадастръ для всего государства. Это аксіома для насъ еще болѣе обязательная чѣмъ для другихъ государствъ, потому что густо населенныя страны западной Европы не представляютъ ничего похожаго на существующее у насъ разнообразіе цѣнности и доходности земель. Подобное нашему разнообразіе въ этомъ отношеніи можно встрѣтить развѣ только въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Вспомнимъ только о продажахъ съ публичныхъ торговъ имѣній въ Новгородской губерніи, по пяти копѣекъ кругомъ за десятину, тогда какъ въ черноземной полосѣ, единственной, по выраженію Гакстаузена, на всей поверхности земнаго шара, земли продаются по 100 руб. и выше за десятину, то-есть въ 2.000 разъ дороже.

Хотя у насъ, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не проговаривался о возможности или желательности спеціальнаго кадастра, но такъ какъ для увлеченія все кажется возможнымъ, то поговоримъ и объ этомъ.

Въ новѣйшей исторіи есть примѣръ облегченія простонародья отъ чрезмѣрной податной тягости личныхъ денежныхъ повинностей путемъ обращенія ихъ на земли и усадьбы. Первая французская революція начертала такую мѣру, и ради возможности ея осуществленія былъ предпринятъ во Франціи государственный кадастръ. Но полезно также припомнить что во Франціи подобный кадастръ былъ начатъ составленіемъ въ 1807 году и оконченъ только черезъ 43 года, въ 1850 году, кадастрованіемъ общины *Leyvaux* въ департаментѣ *Cantal*.

Что же будетъ у насъ?

Очевидно что въ Россіи государственный кадастръ есть дѣло еще менѣе исполнимое.

Но у насъ есть другой соблазнъ: нельзя не воспользоваться для цѣли кадастра окрѣпшими уже земскими учрежденіями, тѣмъ болѣе что не имѣется еще налицо непреложныхъ фактовъ которые *доказывали* бы *аксіоматически* что земскія учрежденія не *въ состояніи* совершить *практически* удовлетворительную и сносную кадастрацію, которая дозволи-

ла бы, съ относительною справедливостью, распредѣлить *подесятинно* высокій поземельный налогъ.

Разсужденія за или противъ такой мысли могутъ дать обильный матеріалъ для весьма дѣльныхъ и занимательныхъ статей, но воздавая должное остроумной мысли воспользоваться для этой цѣли земскими учрежденіями, мы съ нею должны, однако, разомъ покончить указаніемъ на помѣщаемыя въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* данныя о стоимости земскаго самоуправленія и на послѣдствія этихъ данныхъ, выражающіяся въ общемъ настроеніи всѣхъ земскихъ собраній по части земскихъ *денежныхъ расходовъ*.

Земскія учрежденія, вѣроятно, съ истинно трогательнымъ единогласіемъ, не дадутъ ни гроша на производство земскими управами какого бы то ни было спеціальнаго кадастра и, много-много что будутъ ходатайствовать о производствѣ его на *казенный счетъ*, потративши, по всей вѣроятности, не мало дорогаго времени на разсужденія принципіальныя о томъ, въ состояніи ли земскія управы сдѣлать это на казенный счетъ, или нѣтъ.

Но за невозможностію откладывать въ долгій ящикъ настоятельно и неотложно необходимую податную реформу, которую вопросъ о кадастраціи задержитъ и остановитъ, необходимо долженъ быть найденъ иной исходъ.

Его слѣдуетъ искать, за положительною въ настоящее время непригодностью другихъ предложенныхъ путей, въ самомъ *свойствѣ* дохода отъ земли получаемаго; потому что *безсмыслено* тотъ налогъ который не соображенъ со свойствомъ предмета *несущаго* налогъ, *непосредственно* или *въ соединеніи* съ *передаточною*, *посредствующею* комбинаціей. Въ настоящемъ случаѣ такая передаточная посредствующая комбинація должна представлять собою какой-нибудь способъ обложенія земли *косвеннымъ* образомъ, за невозможностію опираться исключительно на число десятинъ и *оцѣночную*, *окладную* ихъ доходность.

Мы обратимся къ самымъ простымъ и общеизвѣстнымъ фактамъ. Дѣлаемъ это не съ цѣлію знакомить съ ними читателя (въ томъ, полагаемъ, нѣтъ надобности); но чтобъ имѣть твердую почву подъ ногами.

У насъ, какъ и вездѣ, капиталъ употребленный на какое-нибудь производство, на какой-нибудь оборотъ, затрачивает-

ся съ цѣлію полученія той прибыли которая, для большинства производящихъ обороты, колеблется въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ около извѣстной нормы: въ Англіи—около 10%; у насъ—гораздо выше.

Если въ какого-либо рода оборотахъ и предпріятіяхъ, обыкновенная прибыль не можетъ уже достигать этой общей нормы, то число лицъ ими занимающихся станетъ постепенно уменьшаться, вмѣстѣ съ извлеченіемъ части затраченныхъ туда капиталовъ. Затѣмъ, съ уменьшеніемъ конкурренціи, прибыль снова станетъ возвышаться и постепенно достигнетъ опять общей нормы. Такъ, на нашихъ глазахъ, случилось съ нашими винокуренными заводами и заводчиками. Вслѣдствіе этого общаго закона, всегда есть болѣе или менѣе значительное количество свободныхъ капиталовъ для затраты въ новыхъ предпріятіяхъ, либо для перемѣщенія изъ одной мѣстности въ другую. Этому же закону подчиняется и капиталъ затрачиваемый на арендованіе земли, то-есть обращающійся *непосредственно* и *періодически* въ обработкѣ и вообще эксплуатаціи арендованной земли, *путемъ періодической* же, *изъ года въ годъ*, *продажи продуктовъ*, извлекаемыхъ такою эксплуатаціей.

Послѣ того какъ желѣзныя дороги проникли въ нашу *центральную* черноземную полосу, тамъ сталъ распространяться промыселъ арендованія земель, находившійся тамъ прежде *какъ бы* подъ запрещеніемъ, вслѣдствіе такихъ колебаній хлѣбныхъ цѣнъ въ прежнее время, отъ затруднительности сбыта, которыя дѣлали арендный промыселъ слишкомъ рискованнымъ и почти невозможнымъ. На нашей юго-западной окраинѣ и въ районѣ азовскихъ портовъ этотъ промыселъ уже прочно установился, и прибыль отъ него получаемая не превышаетъ той общей, средней нормы прибылей которою довольствуются, подчиняясь экономическому закону, всѣ торговыя и промышленныя предпріятія въ той мѣстности.

То же самое будетъ и въ центральной черноземной полосѣ. Тутъ необходимо, въ силу вещей, будетъ происходить то же что происходило въ юго-западной окраинѣ. Совершенно въ иномъ положеніи, прямо обратномъ положенію арендаторовъ, находятся поземельные собственники той же центральной полосы. Доходы ихъ за послѣднее время (равно какъ и цѣна земель) сильно возрасли, хотя они и не затрачивали въ оборотъ, на обработку и эксплуатацію земель, соотвѣтственно

значительнаго капитала. Оборотный капиталъ остался почти тотъ же, какъ можно заключить по общимъ жалобамъ на невозможность еще болѣе возвысить доходы, вслѣдствіе прежней недостаточности оборотнаго капитала.

Желѣзныя дороги дали собственникамъ это, вполнѣ даровое для нихъ, увеличеніе дохода на тотъ же, какъ и прежде, оборотный капиталъ. Можетъ-быть слѣдуетъ даже признать, принимая въ разчетъ отмѣну крѣпостнаго права, которое представляло своего рода оборотный капиталъ, хотя и не подлежащій вѣрному денежному измѣренію, что вообще капиталъ этотъ еще *уменьшился* противъ прежняго. Во всякомъ случаѣ остается фактомъ что желѣзныя дороги, проникнувшія въ центральную черноземную полосу, дали собственникамъ земли въ этой полосѣ, въ районѣ своего вліянія, *даровое* увеличеніе дохода, цифры котораго крайне разнообразны,—одному *болѣе*, другому *менѣе*, безъ всякаго рѣшительно *соотвѣтствія* или *пропорціональности* къ затрачиваемому или *оборотному* капиталу.

Это чисто даровое увеличеніе дохода, присущее только поземельной собственности, вообще называется, какъ извѣстно, даровою земельною рентой или (въ точномъ переводѣ съ языка на которомъ впервые установленъ терминъ) *экономическою рентой* (economic rent). Для краткости мы будемъ употреблять далѣе этотъ послѣдній терминъ.

Экономическая рента возрастаетъ весьма неодинаково и неравномѣрно для различныхъ мѣстностей, возвышаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иногда весьма быстро, въ другихъ—медленнѣе и равномѣрнѣе, и оставаясь въ то же время неподвижною въ иныхъ мѣстахъ, наконецъ падая мѣстами. Это зависитъ отъ безчисленнаго разнообразія причинъ ее производящихъ и созидающихъ.

Такое *постоянное* и *разнообразное* движеніе экономической ренты зависитъ: отъ возвышенія цѣнъ на жизненные припасы (разумѣя не случайное, но *постоянно* возрастающее возвышеніе цѣнъ); отъ усовершенствованныхъ путей сообщенія и удешевленія транспортировки, какъ сухопутной, такъ и морской; отъ улучшенія портовъ, удешевляющихъ морскую перевозку, потому что безопасность порта понижаетъ сильно страховую премію; отъ употребленія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ машинъ и особенно удешевленія ихъ вслѣдствіе развитія заводской и фабричной промышленности; отъ

болѣе или менѣе быстраго возрастанія и развитія въ какой-либо мѣстности городовъ и фабричныхъ поселеній; отъ физическихъ свойствъ почвы и степени ея естественнаго плодородія, въ соединеніи съ климатическими условіями; и отъ *безчисленнаго* множества другихъ *общихъ* и *частныхъ* причинъ.

Каждое *примѣнимое* къ земледѣлію усовершенствованіе или новое открытіе въ области фабричнаго и заводскаго производства: всякое разширеніе желѣзно-дорожныхъ сообщеній; развитіе и облегченіе торговыхъ сношеній, внутреннихъ и внѣшнихъ, вліяютъ на размѣръ экономической ренты и на ея движеніе, разнообразно отражающее въ себѣ движеніе общественное цѣлаго государства.

Только этими общими причинами, помимо частныхъ (усовершенствованіе обработки земли и т. п.) объяснимо и удовлетворительно объясняется всѣми писателями баснословное возрастаніе, въ послѣдніе 50 лѣтъ, экономической ренты, то-есть дохода собственниковъ земли въ Англіи и Шотландіи, тогда какъ въ Ирландіи того *же* не случилось, несмотря на болѣе быстрое возрастаніе тамъ народонаселенія сравнительно съ Великобританіей.

Поэтому, при покупкѣ земли (очевидно не ради покупаемаго матеріала, но ради вѣрнаго дохода, съ перспективой непремѣннаго его увеличенія), покупается собственно экономическая рента, капитализуемая соотвѣтственно цѣнности капиталовъ въ странѣ. Иначе и быть не можетъ; такъ какъ пришлось бы сказать что человѣкъ, покупая землю, покупаетъ у другаго доходъ отъ *своего же* собственнаго *оборотнаго* капитала, которымъ онъ намѣренъ производить эксплуатацію земли имъ пріобрѣтаемой, что̀ очевидно безсмысленно.

Повторимъ что мы дозволили себѣ говорить съ нѣкоторою подробностію объ этихъ общеизвѣстныхъ истинахъ съ одною цѣлію: чтобъ имѣть твердую почву подъ ногами.

Эти истины показываютъ до осязательной очевидности что, въ государствахъ прогрессивныхъ, кадастръ есть дѣло невозможное, потому что ко времени его окончанія онъ никуда не будетъ годенъ, за невозможностію найти кадастровщиковъ способныхъ предвидить для данной мѣстности возникновеніе и дальнѣйшее развитіе тѣхъ общихъ и частныхъ причинъ которыя производятъ безконечное, разнообразное движеніе экономической ренты. Такого разнообразія въ размѣ-

рахъ и движеніи экономической ренты у насъ еще болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, особенно въ настоящее время, со времени эманципаціи крестьянъ.

Такъ въ Новгородской губерніи (привожу общеизвѣстный фактъ), когда вмѣстѣ съ крестьянскою реформой отошли оброки, которые уплачивались крестьянами изъ ихъ промысловыхъ заработковъ, было заколочено на-глухо много усадебъ, владѣльцы которыхъ отправились искать средствъ къ жизни въ казенной или частной службѣ, потому что даровая экономическая рента оказалась слишкомъ ничтожною сама по себѣ, безъ искусственной поддержки крѣпостнаго права, а затрата въ хозяйственный оборотъ свободнаго капитала оказалась слишкомъ невыгодною по мѣстнымъ условіямъ. Въ другихъ же мѣстностяхъ, современное общественное и экономическое движеніе отражается постепенно ускоряющимся движеніемъ вверхъ экономической ренты.

Податная реформа, если будутъ при этомъ уничтожены, какъ ожидать слѣдуетъ, всяческія стѣсненія свободному передвиженію народа, еще сильнѣе измѣнитъ размѣры и движеніе экономической ренты въ разныхъ мѣстностяхъ, безъ всякой, однако, возможности *предугадать* и впередъ *опредѣлить*, хотя бы съ *нѣкоторою приблизительностью*, предѣлы этихъ измѣненій, въ *предѣлахъ* какого-либо *даннаго періода* времени.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда нужно разстаться съ мыслію о спеціальномъ кадастрѣ, единственно возможнымъ представляется слѣдующій исходъ.

Если неизбѣженъ довольно высокій налогъ на поземельную собственность, и реформа безъ него невозможна, то онъ непремѣнно долженъ быть соображенъ съ явленіями представляемыми экономическою рентой, и у насъ еще болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Это можетъ быть достигнуто только посредствомъ присоединенія къ одной, *меньшей* части налога, въ сложности падающаго на землю, подъ видомъ прямаго подесятиннаго налога (по столько-то съ десятины, однимъ окладомъ), комбинаціи *посредствующей* и *передаточной*, которая дозволила бы остальную, *бо́льшую часть* обратить на землю путемъ косвеннымъ. Тогда необходимо чтобъ эта бо́льшая часть соотвѣтствовала размѣру и измѣненіямъ экономической ренты, или говоря проще, *дѣйствительному*, *фактическому* дохо́ду отъ имѣнія, такъ какъ экономическая рента выражаетъ со-

бою весь доходъ собственника, когда онъ сдаетъ, напримѣръ, свою землю въ аренду, и составляетъ послѣдствіе другихъ факторовъ, а не ариѳметическаго числа десятинъ.

Соотвѣтственно изложеннымъ соображеніямъ, *подесятинный* налогъ, то-есть, поземельный налогъ, въ собственномъ смыслѣ слова, очевидно, долженъ быть взимаемъ съ *каждой* десятины по *одному* окладу и притомъ *возможно малому*, потому что, въ противномъ случаѣ, налогъ будетъ несоразмѣрно обременителенъ и окажется *невозможнымъ* въ тѣхъ мѣстностяхъ (какъ напримѣръ, во многихъ мѣстахъ Новгородской губерніи) гдѣ экономическая рента ничтожна. А варіацій окладовъ по уѣздамъ и мѣстностямъ, какъ мы объяснили выше, возможно достигнуть только путемъ спеціальной кадастраціи, одинаково невыполнимой и недоступной, ни для государства, ни для земства.

Разумѣется что нашъ, ни гроша не стоющій, естественный кадастръ,—незнакомая Европѣ разница между черноземомъ и *не*-черноземомъ, долженъ быть при этомъ принятъ въ соображеніе.

На этихъ основаніяхъ поземельный налогъ въ непосредственномъ, прямомъ значеніи слова не долженъ былъ бы превышать въ не-черноземной полосѣ 1½ к. и много—2 к. съ десятины; въ черноземной — 3 или 4 к.

Остальную затѣмъ часть налога, который должны будутъ платить собственники, нѣтъ средства взимать иначе какъ соразмѣрно дѣйствительному, а не фантастическому *оцѣночному* доходу. Сдѣлать же это можно не иначе, какъ путемъ введенія подоходной подати (income tax; Einkommensteuer), ариѳметически пропорціональной чистому доходу для болѣе достаточныхъ; а для бѣднѣйшихъ — опредѣленными окладами, на основаніяхъ отчасти подобныхъ тѣмъ на которыхъ устроена классная подать въ Пруссіи.

Нѣтъ сомнѣнія что такой порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ бы *особому свойству* и существу доходовъ отъ поземельной собственности, повелъ бы къ практически возможной и достижимой уравнительности въ распредѣленіи налога, въ его *общемъ итогѣ*, и не ставилъ бы въ привилегированное податное положеніе собственниковъ тѣхъ земель гдѣ экономическая рента исключительно высока или возрастаетъ болѣе или менѣе быстро, подъ вліяніемъ тѣхъ безко-

нечно разнообразныхъ общихъ или частныхъ причинъ, о которыхъ мы уже говорили.

Для примѣра, съ цѣлью еще болѣе нагляднаго разъясненія дѣла, возьмемъ въ томъ же уѣздѣ на который мы ссылались, два имѣнія по 1.000 десятинъ въ каждомъ, но съ доходомъ отъ одного въ 600 р. (60 к. съ дес.), отъ другаго—въ 3.000 р. (3 р. съ дес.),—отчего бы не происходила такая разность, на дѣлѣ существующая весьма часто.

Владѣльцы этихъ имѣній А. и Б. заплатятъ государственнаго поземельнаго налога, по разчету примѣрно 2хъ коп. съ десятины,

каждый по 20 р., итого	40 р.
Подоходной повинности отъ А	60 „
Тожь „ „ Б	300 „
Всего съ обоихъ имѣній	400 р.

Или, по разчету на общее число десятинъ обоихъ имѣній, среднимъ числомъ *причитаться* будетъ по 20 к. съ десятины.

Но большая разница въ томъ что на самомъ дѣлѣ этотъ отвлеченный разчетъ выразится въ распредѣленіи налога иначе:

Владѣлецъ А. малодоходнаго имѣнія заплатитъ:

Поземельнаго налога.	20 р.
Подоходной подати, *въ счетъ* дохода отъ имѣнія. . .	60 „
Итого. . . .	80 р.

Слѣдовательно на каждую изъ 1.000 десятинъ его имѣнія причитаться будетъ по 8 к. вмѣсто 20 к., которыя онъ заплатилъ бы, сверхъ земскихъ сборовъ, еслибы не было, — *въ видѣ регулятора и уравнителя,—ничѣмъ не замѣнимой подоходной подати.*

Такимъ путемъ сохранятся всѣ практическія для казны удобства обложенія всѣхъ вообще земель окладнымъ подесятиннымъ сборомъ, а *добавочное* косвенное обложеніе земель путемъ подоходной подати дастъ возможность совершить податную реформу въ тѣхъ размѣрахъ и въ томъ смыслѣ которые одинаково удовлетворяютъ нуждамъ и требованіямъ земства и государства.

Впрочемъ, иного исхода изъ затрудненія и не существуетъ.

II.

Исходя изъ одного общаго начала, можно, однако, не только идти къ цѣли различными дорогами, но и избрать пути непроходимые.

Наглядным тому примѣромъ могутъ служить теперь уже предварительныя заключенія управъ или особыхъ земскихъ коммиссій (гдѣ таковыя были назначены).

Такъ, на основаніи газетныхъ извѣстій, въ Новгородской губерніи пришли къ предварительному заключенію, весьма основательному, о необходимости „*привлеченія всѣхъ сословій „къ посильной подати, взимаемой соразмѣрно доходу пла„тельщиковъ.*“

Такое заключеніе по прямому и точному смыслу своему предполагаетъ необходимость введенія настоящей „*подоходной подати*“ (какой бы ни былъ принятъ порядокъ при обложеніи ею), для лицъ болѣе достаточныхъ всякаго званія и состоянія.

Въ Московской же губерніи,—при одинаковомъ повидимому убѣжденіи,—предварительнымъ заключеніемъ (которое, разумѣется, можетъ быть исправлено, дополнено и измѣнено земскимъ собраніемъ), между прочимъ, предполагается необходимость введенія *всеобщей „классной подати*“; слѣдовательно нѣтъ и рѣчи о введеніи настоящей „*подоходной подати*“, а въ виду имѣется, очевидно, подражаніе порядкамъ двадцать лѣтъ тому назадъ существовавшимъ въ Пруссіи и во многихъ другихъ второстепенныхъ государствахъ Германіи.

Вотъ двѣ совершенно различныя дороги, при одномъ общемъ исходномъ пунктѣ для обѣихъ.

Слѣдуя одною изъ этихъ дорогъ, придется остановиться на полулути къ реформѣ и ограничиться податными порядками подобными существовавшимъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ Германіи.

Такимъ образомъ изъ простаго сопоставленія предварительныхъ заключеній по двумъ губерніямъ, непосредственно возникаетъ вопросъ о возможности или невозможности введенія у насъ настоящей подоходной подати, — тотъ же вопросъ къ постановкѣ котораго мы пришли путемъ изслѣдованія свойства и существа доходовъ отъ поземельной собственности. Поэтому отъ всесторонняго его разъясненія будетъ зависѣть все направленіе дѣла.

Предварительно мы дозволимъ себѣ однако небольшое отступленіе, и сдѣлаемъ самый короткій общій очеркъ нѣмецкой классной подати, съ тѣмъ чтобы возвратиться къ ней въ послѣдствіи въ болѣе обстоятельномъ изложеніи, потому что введеніе этой подати представитъ на практикѣ такія же

затрудненія *по роду ихъ*, какъ и введеніе подоходной подати. Слѣдовательно для ясности изложенія и аргументаціи такое отступленіе необходимо.

Въ 1820 году, въ эпоху обновленія всей финансовой системы Пруссіи, тамъ былъ установленъ личный налогъ, подъ названіемъ *класснаго*, путемъ такихъ комбинацій окладовъ налога которыми *количество* налога соразмѣряется съ общественнымъ положеніемъ, родомъ занятій и матеріальною домашнею обстановкой плательщиковъ.

Всякое отдѣльное хозяйство (Haushaltung) вносилось въ списокъ платежной единицей, причемъ однако наемная прислуга и работники облагались налогомъ отдѣльно.

Плательщики раздѣлялись на четыре класса или разряда, по состоянію: 1) рабочіе и прислуга; 2) крестьяне съ землей; 3) небогатые собственники, промышленники, купцы и лица другихъ званій, когда всѣ они не могутъ быть причислены къ разряду зажиточныхъ и богатыхъ; 4) всѣ вообще зажиточные и богатые люди.

Послѣдній классъ или разрядъ подраздѣлялся на три оклада. Точно такъ же и въ прочихъ разрядахъ были подраздѣленія на различные оклады.

Низшій размѣръ класснаго налога составлялъ тогда 45 к. въ годъ; высшій—129 р. 40 к. въ годъ (принимая талеръ въ 90 к.).

Привилегированное положеніе въ которое были поставлены богатые, и крайняя неуравнительность налога повели къ изданію въ 1851 году закона въ силу котораго къ 4му классу или разряду отнесены лица получающія 900 р. и болѣе годоваго дохода. Для этого разряда налогъ обращенъ въ подоходную подать, раздѣленную на 30 различныхъ окладовъ, соразмѣрно величинѣ дохода (среднимъ числомъ 3% съ дохода).

Затѣмъ остальные, менѣе достаточные люди распредѣляются теперь на три разряда, съ особыми подраздѣленіями по окладамъ.

Первый классъ, съ мѣсячными окладами въ $6^{3}/_{4}$ к., 15 к. и 22 к., состоитъ изъ чернорабочихъ, мастеровыхъ, прислуги и поденщиковъ, которые платятъ налогъ даже въ томъ случаѣ, когда имѣютъ обложенныя налогомъ особо недвижимую собственность, либо промысловое заведеніе, не настолько однако доходныя чтобы хозяйство или семья могли обойтись безъ поступленія кого-либо изъ членовъ въ наемную работу.

Второй классъ, съ мѣсячными окладами въ 30 к., $37^{1}/_{2}$ к.,

45 k., 60 k. и 75 k., состоитъ изъ мелкихъ собственниковъ и промышленниковъ, которымъ собственность либо какое-нибудь промышленное заведеніе даютъ самостоятельныя средства къ жизни, а также изъ находящихся въ такомъ самостоятельномъ положеніи мелкихъ фермеровъ—собственниковъ и арендаторовъ. Къ этому же классу относятся лица хотя и получающія наемную плату, но не въ качествѣ мастеровыхъ, рабочихъ или прислуги; наконецъ, тѣ изъ чиновниковъ, докторовъ, нотаріусовъ и т. п. которые, по своему достатку, на основаніи видимыхъ признаковъ и другихъ данныхъ (окладовъ жалованья и т. п.), не могутъ быть причислены къ слѣдующему высшему классу.

Третій классъ, съ мѣсячными окладами въ 90 k., 1 р. 20 k., 1 р. 50 k. и 1 р. 80 k., состоитъ изъ лицъ болѣе достаточныхъ сравнительно съ лицами первыхъ двухъ классовъ, но которыхъ доходъ не достигаетъ 1000 тал. или 900 руб. въ годъ,—*цифра съ которой начинается платежъ подоходной подати.*

Изъяты отъ платежа класснаго налога: требующіе общественнаго призрѣнія, солдаты, несовершеннолѣтніе до полнаго 16ти-лѣтняго возраста и плательщики низшаго мѣсячнаго оклада (по $6^3/_4$ k.), послѣ достиженія ими 60ти-лѣтняго возраста.

Здѣсь кстати будетъ разказать фактъ изъ личнаго наблюденія, отчетливо освѣщающій процедуру обложенія класснымъ налогомъ.

Одинъ нашъ знакомый и пріятель, бывшій въ Россіи наставникомъ, родомъ Нѣмецъ, цѣлую жизнь трудился для одной цѣли: на старости поселиться въ Германіи, и тамъ кончить вѣкъ свой; то было единственнымъ счастіемъ котораго онъ желалъ.

Живетъ онъ теперь въ Дрезденѣ, на 400 талеровъ въ годъ, совершеннымъ анахоретомъ, безъ прислуги, въ маленькой квартирѣ 5го этажа, но чистой и щеголеватой. Въ послѣднее, недавнее наше свиданіе, онъ горько жаловался на несносную мелочность нѣмецкой жизни. Дѣло въ томъ что въ одной комнаткѣ его, гостинной, былъ очень скверный полъ. По соглашенію съ хозяиномъ, полъ этотъ онъ передѣлалъ, принявъ на себя половину расхода.

Когда, въ урочное время, старика посѣтилъ, по обязанности, финансовый чиновникъ, то тотчасъ обратилъ вниманіе

на новый отличный полъ ларке и перевелъ старика на высшій окладъ въ томъ же самомъ классѣ, объявивъ что такой полъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ увеличеніи достатка. О такомъ казусѣ старикъ не въ состояніи былъ говорить хладнокровно.

Въ заключеніе необходимо еще упомянуть что въ 83 главнѣйшихъ городахъ прежней Пруссіи (до разширенія ея предѣловъ завоеваніями 1866), классный налогъ не взимался вовсе, какъ прежде, такъ и послѣ изданія закона 1851 года.

Въ этихъ городахъ, взамѣнъ класснаго налога, сохранилось, по странной аномаліи, взиманіе акциза съ муки при ввозѣ въ городъ или при помолѣ зерна на мельницахъ въ чертѣ города и акцизъ съ убоя скота (Mahl- und Schlachtsteuer).

Замѣтимъ что подобныя этой, и всякаго иного рода аномаліи встрѣчаются и должны встрѣчаться во всѣхъ законодательствахъ, потому что всякая податная реформа затрогиваетъ вездѣ самые разнородные и разнообразные интересы. Эти интересы необходимо—или примирить, когда сопротивленіе реформѣ имѣетъ уважительныя основанія, или привести къ молчанію, доказавъ что сопротивленіе основано на аргументахъ вполнѣ несостоятельныхъ, а это дѣлаетъ задачу не въ примѣръ болѣе затруднительною.

Поэтому, обращаясь теперь непосредственно къ поставленному силой вещей и обстоятельствъ вопросу о необходимости и возможности введенія у насъ подоходной подати, мы должны, прежде всего, имѣть въ виду тѣ возраженія которыя, по самому свойству вопроса, съ разныхъ сторонъ могутъ быть сдѣланы противъ обложенія подоходною податью достатка наиболѣе зажиточныхъ и богатыхъ классовъ народа. Обратимся, съ этою цѣлью, къ пережитому нами опыту.

Всѣ великія реформы нынѣшняго царствованія, пока онѣ не становились совершившимися фактами, бывали предметами возраженій, съ виду какъ будто опиравшихся на фактическую правду, а потому обманчиво вѣскихъ и сильныхъ.

Противъ освобожденія крестьянъ раздавались вопли отчаянія, выставлявшіе на видъ что наши крестьяне люди темные, невѣжественные, стоящіе на самой низкой степени умственнаго развитія, которыхъ освобожденіе, безъ должной постепенности и подготовки, поведетъ къ страшнымъ потрясеніямъ.

Неудача, крушеніе, полная несостоятельность были пророчены также реформамъ земской и судебной, на томъ осно-

ваніи что не найдется у насъ потребное число люлей, достаточно развитыхъ умственно и нравственно, чтобы канцелярскій порядокъ въ судѣ и мѣстныхъ земскихъ дѣлахъ замѣнить чѣмъ-нибудь лучшимъ.

Отмѣнѣ цензуры противупоставлялась политическая неразвитость нашихъ образованныхъ классовъ и совершенное, будто бы, отсутствіе въ нихъ политическаго самообладанія и государственнаго такта, что̀ можетъ быть и послужило поводомъ пересадить къ намъ наполеоновскіе порядки по дѣламъ печати.

Трудно ожидать чтобы противъ введенія у насъ подоходной подати не раздался точно такъ же хоръ отчаянныхъ протестантовъ. Этого слѣдуетъ ожидать особенно потому что подоходная подать существуетъ только въ Пруссіи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки,—государствахъ дѣйствительно опередившихъ насъ далеко во всѣхъ отношеніяхъ. А потому найдется весьма много людей которые, не думая долго, признаютъ подоходную подать дѣломъ въ Россіи невозможнымъ и будутъ объяснять торжественно что всякій налогъ долженъ соотвѣтствовать дѣйствительности, согласоваться съ жизнію; но что мы стоимъ на слишкомъ низкой степени развитія и далеко не доросли до прусскихъ или англійскихъ порядковъ. Не станетъ дѣло и за надлежащимъ развитіемъ этой темы. Тутъ очень удобно можно будетъ поторжествовать о томъ что инстанціи для составленія податныхъ списковъ и послѣдующей ихъ повѣрки непремѣнно окажутся несостоятельными для такого тонкаго и щекотливаго дѣла какъ обложеніе подоходною податью, потому что негдѣ взять людей достаточно благонадежныхъ и, притомъ, достаточно подготовленныхъ основательнымъ образованіемъ для установленія совершенно новаго порядка вещей.

Еще сильнѣе можно напасть на тѣхъ которымъ пришлось бы платить эту подоходную подать,—на русское общество въ обширномъ смыслѣ слова. Опираясь на многія печальныя явленія нашей дѣйствительности, можно доказывать что помѣщики, купцы, фабриканты, капиталисты и т. д. всячески будутъ скрывать свой доходъ, потому что сознаніе каждымъ своего гражданскаго достоинства, своихъ обязанностей предъ государствомъ еще только начинаетъ у насъ развиваться, что такимъ образомъ законодательная мѣра о введеніи подоходной подати разобьется какъ бы объ общій заговоръ, для котораго не потребуется никакого соглашенія между плательщиками;

для примѣра пожалуй укажутъ на то что̀ случилось когда-то съ утвержденнымъ Высочайшею властію проектомъ о продажѣ зажигательныхъ спичекъ не иначе какъ въ коробкахъ съ бандеролями!

Тутъ съ особеннымъ эффектомъ можно еще добавить что, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, побужденіе скрывать слишкомъ естественно; что одно изъ основныхъ положеній нравственной философіи требуетъ чтобы расширенію круга обязанностей, и особенно платежныхъ, соотвѣтствовало расширеніе извѣстнаго рода правъ. Къ этому намеку о соотвѣтствіи между обязанностями и правами мы еще возвратимся въ послѣдствіи.

Но фальшь всѣхъ этихъ возраженій состоитъ въ томъ что въ нихъ весьма печальныя явленія нашей общественной и государственной жизни, имъ же нѣсть числа, возводятся *въ перлъ созданія*, какъ выразился Гоголь; но, къ сожалѣнію, незамѣченною остается самая свѣтлая и благородная особенность и сила нашей исторической личности, нашей національности, во всѣ періоды ея долгой государственной жизни — способность долго выдерживать самыя сильныя деморализующія вліянія, не подвергаясь въ концѣ гнилому разложенію.

Съ устраненіемъ такихъ вліяній, каждый разъ сказывается и обнаруживается, способная къ достиженію самыхъ великихъ цѣлей, прогрессивная сила нашей народности. Вѣдь не матеріальнымъ богатствомъ,—мы бѣдны, не высокою культурой,—невѣжества у насъ еще много,—но своимъ государственнымъ смысломъ и своею способностію совершенствовать свою государственную жизнь (что̀ не далось, напримѣръ, Полякамъ) Русскій народъ, подъ верховнымъ руководительствомъ своихъ государей, соорудилъ великую европейскую державу.

Вѣдь не ошиблась сто лѣтъ тому назадъ императрица Екатерина II созвавъ въ Москвѣ депутатовъ изъ тогдашней полуварварской Россіи, и, по собственному ея свидѣтельству, только отъ нихъ узнала именно то что̀ ей нужно было узнать.

Точно такъ же достаточно будетъ рѣшимости вырвать съ корнемъ вонъ *глубоко деморализующее* вліяніе нынѣшнихъ податныхъ порядковъ, чтобъ обезпечить успѣхъ коренной податной реформы, не дожидаясь того времени когда мы поравняемся съ Нѣмцами и Англичанами своею культурой.

Отвѣтъ нами сдѣланный можетъ разрѣшить и всякое иное

возраженіе подобнаго же рода, то-есть претендующее на высшій политическій полетъ.

За симъ обращаемся къ возраженіямъ не столь высокаго порядка, которыя слышатся отъ нѣкоторыхъ лицъ въ обществѣ, сильно интересующемся поступившимъ наконецъ на очередь податнымъ вопросомъ.

Эти втораго рода возраженія имѣютъ уже болѣе спеціально дѣловой характеръ, потому что въ нихъ находится мѣсто и цифрамъ и подробностямъ дѣла. Такъ, напримѣръ, говорятъ что мы слишкомъ бѣдны, *относительно*, капиталами движимыми и денежными и богаты только землей и трудомъ, и что поэтому надо обратить значительную часть налога на трудъ, такъ какъ земли уже высоко обложены земскими налогами.

Такая аргументація находитъ себѣ опору и въ цифрахъ которыми выразилось введеніе въ Пруссіи, въ 1851 году, подоходной подати.

Дѣйствительно, въ Пруссіи черезъ три года послѣ установленія подоходной подати въ счетъ ея поступило только 2.298.275 талеровъ.

Сумма эта внесена была 42.722 лицами, съ доходомъ въ 1.000 талеровъ и выше.

На каждаго плательщика приходится, считая талеръ равнымъ кредитному рублю, 48 р. 15 к. среднимъ числомъ.

Допустимъ, по сравненію нашихъ финансовыхъ рессурсовъ (за исключеніемъ экстраординарныхъ, отъ займовъ), согласно росписи на 1870 годъ, и финансовыхъ рессурсовъ Пруссіи за 1854 годъ, что мы теперь *относительно* втрое бѣднѣе Пруссіи тогдашняго времени (1854), и введемъ въ разчетъ послѣдній элементъ—число нашего населенія, круглымъ числомъ вчетверо превосходящаго населеніе Пруссіи 1854 года, тогда получится приблизительный, правда, смѣтный разчетъ, то-есть далеко не точный, вполнѣ достаточный, однако, для разъясненія дѣла.

Помноженіе на $^4/_3$ приведенныхъ цифръ дохода казны и числа плательщиковъ въ Пруссіи за 1854 годъ дастъ *примѣрный приблизительный* разчетъ, который покажетъ что у насъ при такомъ же размѣрѣ обложенія (48 р. 15 к. среднимъ числомъ) оказалось бы теперь 63.629 плательщиковъ подоходной подати, съ вѣроятнымъ доходомъ казны въ 3.163.736 р. 35 к. Опираясь на эту цифру, противъ которой, относительно

ея приблизительной вѣрности, нельзя и спорить, потому что тутъ взятъ minimum, противники подоходной подати скажутъ что результатъ въ финансовомъ смыслѣ будетъ слишкомъ ничтоженъ, если при этомъ принять въ соображеніе необходимость устроить совершенно заново особую отрасль администраціи для обложенія подоходною податью и для ея взиманія.

Они даже, пожалуй, согласятся съ нами что *теоретически* мы правы и будутъ разглагольствовать о совершенствѣ подоходной подати, какъ самой раціональной *въ теоріи*, объ ея эластичности и способности, съ теченіемъ времени, давать все бо́льшій и бо́льшій доходъ и т. д.; какъ будто теорія должна въ этомъ именно случаѣ непремѣнно идти въ разрѣзъ съ практикой.

При этомъ они напомнятъ сторонникамъ подоходной подати что практическая государственная мудрость, по выраженію одного знаменитаго канцлера казначейства въ Англіи, требуетъ, чтобы, съ наименьшимъ *раздраженіемъ* плательщиковъ и съ наименьшимъ *для нихъ безпокойствомъ*, извлекать отъ нихъ наибольшій доходъ.

А съ нашею подоходною податью, скажутъ они, будетъ, очевидно, наоборотъ: *изъ-за нѣсколькихъ милліоновъ рублей*, которые, за очисткой расходовъ взиманія, поступятъ въ казну, придется идти круто въ разрѣзъ съ исторически-установившимся складомъ нашей жизни; вверхъ дномъ перевернуть податныя привычки и податныя понятія русскаго общества; чувствительно, изъ-за ничтожнаго увеличенія дохода, ударить его по карманамъ, къ чему натура его не привыкла, и всѣмъ этимъ вызвать сильнѣйшее раздраженіе и недовольство.

На такихъ и подобныхъ имъ основаніяхъ другіе сдѣлаютъ заключеніе (что̀ нѣкоторые противники подоходной подати уже и дѣлаютъ) что общее желаніе земства, чтобы всякаго рода достатокъ былъ привлеченъ къ несенію государственныхъ тягостей, найдетъ себѣ, въ *установленіи всеобщей классной подати*, законное и полное удовлетвореніе,—*практически возможное и выполнимое*, потому что потребуется только раздѣленіе населенія на разряды по наружнымъ признакамъ достатка и общественнаго положенія, болѣе или менѣе высокаго.

Здѣсь я долженъ оговорить что впередъ мы будемъ упоминать объ этой предполагаемой подати, и въ послѣдствіи гово-

рить о ней подробнѣе подъ болѣе удобнымъ и вполнѣ выражающимъ ея смыслъ русскимъ названіемъ *разрядной подати.*

Безспорно что относительно лицъ не принадлежащихъ къ числу зажиточныхъ и богатыхъ, установленіе *разрядной подати* представляетъ единственный исходъ къ совершенію дѣйствительной податной реформы.

Иначе, не представлялось бы никакой возможности обложить низшіе, или наименѣе достаточные классы народа налогомъ соотвѣтствующимъ, приблизительно, въ мѣрѣ разумной возможности, достатку каждаго; по той простой причинѣ что это огромное большинство населенія состоитъ изъ десятковъ милліоновъ плательщиковъ. Достатокъ которымъ пользуется эта масса доставляетъ ей трудъ низшаго качества, заработковъ болѣе или менѣе случайныхъ. Очевидно что при десяткахъ милліоновъ плательщиковъ, доходы которыхъ, въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, сводятся къ болѣе или менѣе случайнымъ заработкамъ и вообще недоступны ловѣркѣ по свойству своему, а равно и по числу плательщиковъ, остается одно средство: раздѣлить эти классы народа на разряды по наружнымъ, рѣзко опредѣленнымъ признакамъ достатка и общественнаго положенія плательщиковъ. Такое раздѣленіе всегда будетъ удобоисполнимо на самомъ дѣлѣ, благодаря не сложной и простой житейской обстановкѣ лицъ, къ этимъ классамъ народа принадлежащихъ. Понятно что очень немного наберется наружныхъ признаковъ достатка, не шатких (чего въ податной законодательной мѣрѣ допустить нельзя), но рѣзко выдающихся и строго-опредѣленныхъ. Поэтому-то у насъ невозможно будетъ установить много разрядовъ и подраздѣлить каждый разрядъ на большее число окладовъ.

Но для того чтобы втиснуть въ рамки разрядной подати высшіе классы, людей зажиточныхъ (напримѣръ, начиная съ годоваго дохода въ 2.000 р.), по восходящей лѣстницѣ достатка и богатства, нужно дѣйствовать безъ толку и разбору, или съ намѣреніемъ оставить богатыхъ въ привилегированномъ положеніи; и это завѣдомо! Очевидно что тутъ, вмѣстѣ съ относительно постояннымъ доходомъ, болѣе или менѣе обезпеченнымъ (какимъ бы то ни было образомъ), начинается самое сбивчивое разнообразіе въ житейской обстановкѣ: многочисленныя и разнообразныя общественныя группы представляютъ незамѣтные переходы изъ одной въ другую и, подоб-

но десятку цвѣтныхъ стеклышекъ въ калейдоскопѣ, образуютъ въ жизни дѣйствительной многое множество самыхъ пестрыхъ, одно на другое не похожихъ бытовыхъ положеній. Раздѣлить этотъ разрядъ на большее число окладовъ тоже нельзя, не установивъ *шаткихъ, не точно* опредѣленныхъ признаковъ; а такіе признаки поставятъ все дѣло въ невозможное и нелѣпое положеніе.

Результатомъ установленія одной только разрядной подати будетъ то что всѣ стоящіе на высшихъ уровняхъ богатства (а такихъ очень много) заплатятъ вмѣсто сотенъ рублей подати—десятки, вмѣсто тысячъ — сотни рублей; а недочетъ государственнаго казначейства будетъ для нихъ податнымъ подаркомъ, въ которомъ они менѣе всѣхъ прочихъ нуждаются.

Разумѣется, можно сказать что нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а можетъ-быть и милліонъ, лишняго дохода или расхода—такой пустякъ для нашего государственнаго казначейства, о которомъ не стóитъ думать и заботиться. Но это не аргументъ, а *выраженіе деморализующаго вліянія нынѣшнихъ податныхъ порядковъ.*

Допустимъ даже, чтобы не спорить съ практическими людьми, что это пустякъ.

Останется еще затрудненіе, одинаково всѣми признаваемое: невозможность обратить общій итогъ налога, который понесутъ поземельные собственники для пополненія части дефицита (вѣроятно около $^1/_3$), въ налогъ *подесятинный, непосредственно* падающій на землю, вслѣдствіе безусловной практической непригодности, для распредѣленія налога, существующихъ оцѣнокъ при раскладкѣ нынѣ взимаемыхъ съ земель земскихъ сборовъ.

Выше мы объяснили уже причины по которымъ однимъ изъ *коренныхъ началъ дѣйствительной податной реформы и, притомъ, безусловно обязательнымъ, представляется необходимость обложенія поземельныхъ собственниковъ не иначе какъ подъ условіемъ самой умѣренной поземельной подати, по числу* десятинъ, съ тѣмъ чтобъ остальная часть обложенія падала на землю *косвеннымъ* образомъ. Противъ этого кореннаго начала намъ не довелось слышать ни одного возраженія. Въ обществѣ и земскихъ кругахъ горячо оспаривается только осуществленіе этого кореннаго начала путемъ установленія подоходной подати; и при этомъ нѣкоторые признаютъ вполнѣ достаточнымъ установленіе покамѣсть

одной только всеобщей разрядной подати. Но въ такомъ случаѣ какъ распредѣлить оклады подати для тѣхъ поземельныхъ собственниковъ которые будутъ отнесены къ высшему разряду? Изъ того что̀ намъ доводилось слышать, можно догадываться что общимъ сложнымъ признакомъ могла бы быть комбинація изъ ариѳметическаго числа десятинъ съ оцѣнками по Положенію 19го февраля, исправленными, въ чемъ слѣдуетъ, для нѣкоторыхъ полосъ Имперіи; такъ что владѣлецъ 500 десятинъ бѣднаго уѣзда Тверской губерніи заплатитъ столько же поземельной подати (къ примѣру, около 3 копѣекъ), сколько причтется за 500 десятинъ въ любомъ уѣздѣ Московской губерніи; но за то разрядной подати, *косвенно* падающей на землю, онъ заплатитъ менѣе.

Очевидно что такой планъ не только оставляетъ наиболѣе богатыхъ въ прежнемъ привилегированномъ податномъ положеніи, но ведетъ къ исчисленію неизмѣнныхъ окладовъ на самыхъ шаткихъ основаніяхъ и къ самой грубой неуравнительности, не только относительно различныхъ полосъ Имперіи, но еще болѣе—въ предѣлахъ одной и той же полосы; потому что варіаціи окладовъ десятками и сотнями, по губерніямъ и уѣздамъ, очевидно немыслимы и невозможны.

Несообразность этого плана и крайне смутная неопредѣленность его относительно способовъ выполненія, возводящая его въ какую-то мудреную загадку, оправдываются обыкновенно вовсе не идущими къ дѣлу фразами о томъ что невозможна вообще уравнительность совершенная, что это идеалъ, къ которому стремиться должно, но котораго достигнуть нельзя, даже при теоретическомъ совершенствѣ подоходной подати!

Дѣло вовсе не въ теоретическомъ совершенствѣ, потому что этимъ качествомъ не обладаетъ и подоходная подать. Большой порокъ ея состоитъ въ побужденіи скрывать и иногда въ дѣйствительномъ сокрытіи доходовъ плательщиками, когда объявленія ихъ о своемъ доходѣ служатъ *первоначальнымъ* основаніемъ для обложенія, подлежащимъ, разумѣется, повѣркѣ и, на случай надобности, исправленію.

За надлежащимъ разъясненіемъ этого недостатка подоходной подати мы обратимся къ чужому опыту.

Извѣстный статистикъ и экономистъ Mac Culloch полагаетъ, говоря о подоходной подати, что несмотря на предоставленное податной администраціи право дѣлать допросы и наводить справки (investigation) *невнесеніе* вовсе въ списки

(evasion) и ложныя показанія меньшаго чѣмъ дѣйствительнаго дохода, существуютъ въ обширныхъ размѣрахъ въ Англіи.

По статистическимъ изслѣдованіямъ финансовыхъ результатовъ подоходной подати, за первый періодъ ея существованія въ Англіи, съ 1798, по 1816 обманъ въ показаніяхъ дохода опредѣляется приблизительно слѣдующими цифрами:

По категоріи А (съ владѣльцевъ недвижимостей) около	10% дѣйств. доход.
По категоріи Б (съ фермеровъ и арендаторовъ недвижимости.)	19% » »
По категоріи Д (отъ всякихъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, отъ свободныхъ профессій: докторовъ, адвокатовъ и т. п.).....	12% » »

Разумѣется что этотъ порокъ подоходной подати не можетъ быть вполнѣ искорененъ.

Но эти же цифры доказываютъ что податная администрація, при помощи суда и карательныхъ мѣръ, въ состояніи была сдерживать обманъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Эти предѣлы у насъ, какъ и въ Англіи, могутъ расширяться, стѣсняя обманъ и уклоненія отъ платежа усовершенствованіемъ администраціи и свободнымъ дѣйствіемъ нравственно и политически зрѣющаго общества. Въ такомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, нельзя не обращать вниманія на *полноту* нравственной природы человѣка, а имѣть въ виду только дурную сторону; это дозволительно только съ точки зрѣнія исполнительной, то-есть бюрократической, но не съ точки зрѣнія *законодательной*, по преимуществу *творческой*. Фактическимъ подтвержденіемъ сказаннаго нами могутъ послужить помѣщаемыя почти въ каждомъ нумерѣ самой большой англійской газеты казенныя извѣщенія что отъ такого-то анонимнаго лица получено столько-то фунтовъ стерлинговъ въ уплату подоходной подати за утаенный доходъ. Эти деньги имѣютъ даже особое названіе: уплатъ „за счетъ совѣсти“ (conscience money).

Мы всѣ вѣдь тѣ же люди: и Англичане подобны намъ, и мы подобны Англичанамъ; съ парламентомъ и безъ парламента люди способны совершенствоваться и идти впередъ.

Мы понимаемъ, и вполнѣ согласны что введеніе подоходной подати дѣйствительно можетъ встрѣтить у насъ весьма значительныя затрудненія. Но это не тѣ мнимыя затрудненія

высшаго порядка, о которыхъ мы только-что говорили, по возможности, подробно.

Соображеніямъ относительно этихъ дѣйствительныхъ затрудненій мы предпошлемъ нѣсколько обстоятельный очеркъ устройства подоходной подати въ Пруссіи. Такой очеркъ вызывается совершенною новизной для нашего общества вопроса о подоходной подати, возникшаго, можно сказать, на дняхъ въ средѣ земства, и потому печатью еще не затронутаго. Къ тому же чужой опытъ всегда очень полезенъ, когда онъ принимается къ *соображенію*, но не къ слѣпому подражанію.

Прусское законодательство не требуетъ отъ плательщика непосредственнаго объявленія имъ до какой суммы въ годъ (начиная съ суммы въ 1.000 талеровъ) простираются его заработки, жалованье или доходъ, постоянный, либо болѣе, либо менѣе колеблющійся.

Такое прямое непосредственное объявленіе не допущено на томъ основаніи что плательщики, въ случаѣ возложенія на нихъ обязанности объявлять свой доходъ, легко могли бы быть поставлены *въ разладъ съ собственною своею совѣстью* при дачѣ ими показаній. Отъ такого разлада съ совѣстью избавляетъ ихъ администрація, которая въ первой инстанціи дѣйствуетъ въ видѣ коммиссіи, въ которой *одна треть* членовъ принадлежитъ къ составу мѣстной администраціи податнаго участка, а *двѣ трети* состоятъ изъ плательщиковъ подоходной подати.

По составленіи этою окладною коммиссіей классификаціи плательщиковъ, съ причисленіемъ каждаго къ одному изъ тридцати окладовъ * подоходной подати и по разсылкѣ окладныхъ листовъ, плательщикамъ предоставляется право заявлять неудовольствіе въ окружную повѣрочную коммиссію на неправильное причисленіе къ окладу; въ случаѣ такой жалобы, предсѣдатель окладной участковой коммиссіи имѣетъ также право оспаривать предъ повѣрочною коммиссіей основательность приносимой жалобы.

Въ подобныхъ случаяхъ повѣрочнымъ коммиссіямъ предоставляются довольно обширныя полномочія; онѣ могутъ тре-

---

* Въ Пруссіи подоходная подать классифирована опредѣленными окладами; для доходовъ отъ 1.000 до 1.200 тал. окладъ составляетъ 30 тал.; отъ 1.200 до 1.400 окладъ 36 тал.; высшій окладъ (№ 30) въ 7.200 тал. уплачивается съ доходовъ въ 240.000 тал. и выше.

бовать отъ плательщиковъ подробныя показанія объ ихъ имуществѣ и вообще источникахъ достатка и дохода, предъявленія владѣнныхъ документовъ, контрактовъ, торговыхъ документовъ и счетныхъ книгъ; а также вызывать свидѣтелей по своему усмотрѣнію и требовать отъ нихъ показаній *подъ присягой* въ подлежащемъ судебномъ учрежденіи.

Если плательщикъ принесшій жалобу не исполнитъ въ срокъ всѣхъ требованій, то жалоба его считается окончательно недѣйствительною. Въ случаѣ невозможности прибѣгнуть къ исчисленнымъ способамъ повѣрки, повѣрочная коммиссія можетъ потребовать чтобы плательщикъ самъ, подъ присягой, показалъ сколько у него годоваго дохода. За ложное показаніе въ пеню налагается четвертной окладъ.

Пріемы которыми обязана руководиться повѣрочная коммиссія, *въ случаѣ заявленія недовольства* на окладной листъ участковой коммиссіи, зависятъ отъ рода доходовъ.

Такимъ образомъ:

а) Доходы отъ земли, отъ сельскихъ промышленныхъ заведеній, горныхъ заводовъ, рудниковъ и каменноломень исчисляются по арендным контрактамъ, либо, при непосредственной эксплуатаціи, самимъ владѣльцемъ, по средней сложности дохода за *три послѣднихъ года*. Доходъ отъ строеній, если на ихъ наемъ нѣтъ контрактовъ, исчисляется по мѣстнымъ наемнымъ цѣнамъ.

Съ исчисленнаго, такимъ образомъ, дохода скидываются: лежащія на недвижимой собственности приходскія и другія земскія повинности, проценты уплачиваемые по ипотечнымъ долгамъ, а равно и по долговымъ обязательствамъ безъ залога.

Но при этомъ отъ заявившаго недовольство требуется непремѣнно поименованіе кредиторовъ его и точное обозначеніе времени когда и гдѣ даны имъ долговыя обязательства, чтобы скидка ему сдѣланная могла быть, *въ равной суммѣ*, зачтена другому плательщику, то-есть кредитору, *доходомъ*.

б) Доходомъ отъ денежныхъ капиталовъ считаются: проценты получаемые по активнымъ долгамъ, то-есть за деньги отданныя въ оборотъ частнымъ лицамъ; проценты отъ государственныхъ фондовъ, не исключая фондовъ иностранныхъ государствъ; проценты отъ акцій и всякаго рода облигацій частныхъ обществъ; наконецъ, пожизненные доходы и пенсіи деньгами, либо жизненными припасами и т. п. Тѣ изъ пере-

численныхъ доходовъ которые по свойству своему измѣнчивы и колеблются, исчисляются по дивидендамъ или процентамъ за послѣдній годъ.

Скидка съ доходовъ процентовъ платимыхъ по долговымъ обязательствамъ допускается съ соблюденіемъ тѣхъ же самыхъ условій какъ и для недвижимой собственности.

в) Наконецъ, третій особый разрядъ доходовъ обнимаетъ прибыли отъ торговыхъ оборотовъ, отъ разныхъ видовъ и отраслей промышленности и отъ снятія въ аренду недвижимостей. Сюда же причисляются: получаемое лицами на государственной службѣ состоящими, жалованье; доходы отъ занятій либеральными профессіями; наконецъ, всѣ вообще доходы получаемые безъ непосредственной затраты капитала. Въ этомъ разрядѣ, тѣ прибыли и доходы которые измѣнчивы по существу своему,—напримѣръ, отъ торговыхъ операцій, отъ арендаго содержанія земель и т. п.,— исчисляются по средней сложности прибылей и доходовъ послѣднихъ трехъ лѣтъ.

Исчисленіе чистаго дохода за скидками, отъ вычета процентовъ платимыхъ по долгамъ, производится на одинаковыхъ съ предыдущими двумя категоріями основаніяхъ. Закономъ опредѣляются также правила отчисленія извѣстной доли валоваго дохода на ремонтъ фабричныхъ и заводскихъ строеній и орудій производства, машинъ, инструментовъ и пр.

Изъ этого очерка самъ собою выступаетъ и обнаруживается духъ прусскаго законодательства. Повѣрочная коммиссія, всегда и вездѣ, должна представлять собою центръ тяжести всей процедуры окончательнаго составленія списковъ, по самому существу подоходной подати. Конструкція закона весьма явственно очерчиваетъ способъ дѣйствія окружной повѣрочной коммиссіи, состоящей изъ чиновниковъ и облеченной, какъ мы видѣли, очень большими полномочіями.

Если противъ окладныхъ листовъ какой-нибудь участковой коммиссіи вовсе не поступаетъ заявленій неудовольствія, то очевидно что такая коммиссія ошибается *исключительно въ пользу* плательщиковъ. Не ошибаться она не можетъ, потому что заноситъ въ окладъ плательщиковъ, не требуя отъ нихъ никакихъ показаній или объявленій о доходѣ, а дѣйствуетъ исключительно по собственнымъ соображеніямъ, на основаніи извѣстныхъ ей *частнымъ образомъ* свѣдѣній: по слухамъ, по образу жизни, и т. п., однимъ словомъ,—по догадкѣ, болѣе

или менѣе приблизительной. Слѣдовательно, если не поступаетъ жалобъ, то двѣ трети членовъ участковой коммиссіи, земскихъ людей, дѣйствуютъ или слишкомъ снисходительно, или очень не искусны въ фискальномъ дѣлѣ.

Это нисколько не затруднитъ повѣрочную коммиссію и нисколько не ломѣшаетъ ей исполнять ея обязанности, даже въ томъ случаѣ когда она лишена возможности имѣть, частнымъ образомъ, какія-либо свѣдѣнія о плательщикахъ живущихъ въ участкѣ.

Повѣрочная коммиссія просто повыситъ оклады всѣхъ плательщиковъ, кого какъ, соображаясь вообще съ родомъ занятій или промысла и ихъ прибыльностью, въ мѣстности участка.

Тѣ которыхъ коммиссія повысила невпопадъ заявятъ ей неудовольствіе; и тогда доходъ этихъ недовольныхъ А, Б, В, при большихъ полномочіяхъ коммиссіи, опредѣлится и выяснится самымъ удовлетворительнымъ образомъ для государственнаго казначейства, путемъ затребованія документовъ, спроса свидѣтелей и т. п. (какъ объяснено въ сдѣланномъ выше очеркѣ).

Самое право дѣйствовать, по усмотрѣнію и не стѣсняясь, такимъ рычагомъ, дѣлаетъ излишнимъ частое и постоянное его употребленіе.

Нѣкоторые изъ плательщиковъ, невпопадъ обложенныхъ слишкомъ низко своею участковою коммиссіей, сами заявятъ ей о подлежности ихъ уплатѣ болѣе высокаго оклада, чтобъ избавиться отъ большихъ сопряженныхъ съ заявленіемъ неудовольствія хлопотъ. Слѣдовательно, рычагъ дѣлается уже въ значительной мѣрѣ не нужнымъ, потому что изъ усереднаго сличенія списковъ одного года со списками другаго года, чиновники усмотрятъ прогрессъ участка.

Невозможно оспаривать или сомнѣваться что эта прусская система обложенія представляется одною изъ самыхъ совершенныхъ бюрократическихъ машинъ: тутъ чиновники могутъ быть уподоблены отлично подготовленнымъ и обученнымъ артиллеристамъ, которые, послѣ двухъ-трехъ пробныхъ выстрѣловъ, примѣнившись къ оружію, бьютъ уже потомъ почти навѣрняка.

Не дѣлая особаго очерка устройства подоходной подати въ Англіи, мы считаемъ достаточнымъ упомянуть что тамъ, наоборотъ, земскій элементъ, въ лицѣ генеральныхъ коммисса

ровъ (commissioners for general purposes), имѣетъ весьма важное значеніе въ повѣрочныхъ инстанціяхъ. Само собою разумѣется что и въ Англіи участковыя коммиссіи составлены изъ земскихъ людей: безъ этого условія, устройство подоходной подати немыслимо гдѣ бы то ни было.

При устройствѣ у насъ подоходной подати придется, прежде всего, сдѣлать выборъ между двумя кореннымі началами, на которыхъ можетъ быть возведено зданіе подоходной подати: либо исключительное преобладаніе бюрократическаго элемента въ повѣрочныхъ инстанціяхъ; либо постановленіе элементовъ земскаго и бюрократическаго на равную степень, относительно значенія и вліянія вообще, въ этихъ повѣрочныхъ инстанціяхъ.

Приходится не подражать, но сдѣлать самостоятельный выборъ, взвѣсивъ сравнительнымъ способомъ эти начала, примѣнительно къ условіямъ и обстоятельствамъ въ которыхъ мы находимся въ настоящее время.

Въ Пруссіи издавна заведено чтобы желающій по окончаніи курса ученія поступить на государственную службу держалъ, предварительно, такъ-называемый государственный экзаменъ (Staats examen), по установленной программѣ для того вѣдомства куда онъ желаетъ поступить. Такой порядокъ самъ собою обусловливаетъ затруднительность переходовъ и перемѣщеній изъ одного вѣдомства въ другое, въ послѣдствіи, и дѣлаетъ изъ чиновниковъ, служащихъ почти всегда весь вѣкъ свой въ одномъ вѣдомствѣ, настоящихъ спеціалистовъ своего дѣла. У насъ же—наоборотъ: чиновники министерства финансовъ, дослужившись до довольно высокихъ мѣстъ, вдругъ переходятъ въ министерство юстиціи; изъ морскаго министерства перемѣщаются въ министерство финансовъ и т. д. Мы напоминаемъ о фактѣ, но съ оговоркой что отнюдь не думаемъ намекать на установленіе у насъ государственныхъ экзаменовъ: для этого у насъ еще слишкомъ много всяческаго простора.

Въ Пруссіи училищная часть поставлена на самую высокую степень, и потому предложеніе услугъ и число желающихъ поступить на службу всегда превышаетъ спросъ. Вслѣдствіе этого каждый прусскій чиновникъ, можетъ-быть болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, дорожитъ своимъ мѣстомъ. У насъ, напротивъ, чиновникъ не цѣпляется какъ кошка за то вѣдомство и мѣсто куда ему удалось попасть. Въ послѣднее время служба,

какъ военная такъ и гражданская, даже потеряла часть прежней своей притягательной силы.

По этимъ соображеніямъ, которыхъ вѣсъ и сила не требуютъ никакихъ комментаріевъ, для насъ было бы совершенно не пригодно преобладаніе бюрократическаго элемента въ повѣрочныхъ инстанціяхъ.

Изъ двухъ единственно возможныхъ коренныхъ началъ, остается выбрать второе, своеобразно и самостоятельно развить его; потому что мы не можемъ просто копировать ни прусскихъ ни англійскихъ порядковъ. Дорого мы уже поплатились за копировку Сперанскимъ французскихъ порядковъ перваго Наполеона.

Всегда насъ затрудняли послѣдствія той политики пристрастій или слѣпаго подраженія, по дѣламъ внутреннимъ еще болѣе чѣмъ въ дѣлахъ внѣшнихъ, которыя водворились со смертью императрицы Екатерины.

Принятіемъ единственнаго пригоднаго для насъ кореннаго начала очевидно обусловливаются процедура и форма будущаго обложенія этою податью. Первоначальный актъ при обложеніи этою податью не можетъ уже быть такой *утонченный*, какъ въ Пруссіи. Придется избрать и соотвѣтствующую, болѣе грубую форму объявленія самимъ плательщикомъ его годоваго дохода; форму, которая даже въ старой Польшѣ давала результаты которые, принимая въ соображеніе анархическое состояніе этой страны, можно назвать сносными. Точно такъ же, для насъ было бы умѣстнѣе не подражать ни Пруссіи ни Англіи относительно нормы дохода съ которой начинается взиманіе подоходной подати. Можно бы остановиться на нормѣ въ 2.000 р. годоваго дохода (слишкомъ вдвое выше чѣмъ въ Пруссіи), потому что при этой цифрѣ подоходная подать, принимая въ соображеніе быстрое поднятіе у насъ уровня общаго образованія, какъ доказываютъ переполненныя наши гимназіи, едва ли коснется людей чрезмѣрно неразвитыхъ и малограмотныхъ. Къ тому же, при такой нормѣ, только чиновники высшихъ разрядовъ, которыхъ содержаніе поглащаетъ вѣроятно процентовъ двадцать пять всего бюджета гражданскихъ расходовъ, будутъ платить подоходную подать.

Затѣмъ, большое число плательщиковъ подоходной подати, которымъ надо вести поименные списки, представитъ у насъ бо́льшія, чѣмъ гдѣ-либо, затрудненія.

Нельзя забывать что чрезмѣрная, безполезная и безтолковая переписка составляетъ у насъ укоренившееся зло, для уврачеванія котораго еще до Крымской войны назначаемы были комитеты. Это зло остается и теперь самымъ современнымъ административнымъ вопросомъ.

Выше былъ сдѣланъ приблизительный разчетъ вѣроятному числу плательщиковъ у насъ подоходной подати. Во избѣжаніе пререканій, разчетъ сдѣланъ по возможности не благопріятный для подоходной подати, и во вниманіе не было принято гораздо болѣе неравномѣрное у насъ чѣмъ въ Пруссіи распредѣленіе богатства; вслѣдствіе чего относительное число плательщиковъ будетъ у насъ выше.

Возьмемъ круглую цифру 65.000 плательщиковъ.

Каждый плательщикъ, въ техническомъ смыслѣ, по счетамъ, будетъ составлять отдѣльную статью дохода, какъ теперь крестьянскія общества. Слѣдовательно фондомъ для переписки по взысканію недоимокъ и вообще взиманію подати послужатъ 65.000 статей. Можетъ-быть болѣе насъ свѣдующіе люди по пальцамъ докажутъ что введеніе подоходной подати потребуетъ чрезмѣрнаго, не сообразнаго съ ожидаемымъ доходомъ, увеличенія расходовъ на содержаніе казначействъ казенныхъ и контрольныхъ палатъ и полицейскихъ управленій. Но мы замѣтимъ что это затрудненіе еще въ высшей мѣрѣ относится къ разрядной подати, и что для его разрѣшенія чужой опытъ не можетъ дать указаній, потому что нѣмецкіе и англійскіе административные порядки слишкомъ существенно отличны отъ нашихъ.

Разумѣется что смѣшно и думать о ломкѣ и совершенной передѣлкѣ, разомъ заново, нѣсколькихъ административныхъ учрежденій, пока есть какая-нибудь возможность къ нимъ примѣниться и ихъ приладить, не безъ нѣкоторыхъ измѣненій, къ новому податному порядку.

Мы осмѣлимся, однако, взглянуть этому важному затрудненію прямо въ глаза, ставъ на самую скромную и даже мелкую житейскую точку зрѣнія частнаго человѣка и плательщика подоходной подати. Частному человѣку, вопервыхъ, всего пріятнѣе платить какъ *можно менѣе*,—это самое главное! Поэтому, частный человѣкъ, избѣгая, разумѣется, всякой возмущающей нравственное чувство несправедливости къ другому, не упуститъ изъ виду ничего что̀ можетъ вести къ

этой желанной цѣли — платить поменьше и пользоваться предоставленными ему для платежа удобствами.

Достиженію такой цѣли вполнѣ соотвѣтствовали бы слѣдующія мѣры:

1) Скидка съ оклада при его уплатѣ, напримѣръ, двухъ, трехъ или даже болѣе процентовъ для тѣхъ плательщиковъ которые, безъ побужденія, явятся въ установленные сроки въ кассу сборщика для взноса подати. Казна въ сущности ничего не потеряетъ, потому что со втораго или третьяго года, скидкѣ можно будетъ сдѣлать довольно полный смѣтный разчетъ; а на самомъ дѣлѣ скидка будетъ лишь *косвеннымъ штрафомъ* для неисправныхъ плательщиковъ, сверхъ прямаго штрафа или пени за просрочку платежа.

Для плательщиковъ очень выгодно имѣть такое побужденіе быть исправными.

Выигрываютъ одинаково обѣ стороны.

Правда, что такой порядокъ былъ бы новизной, нигдѣ неизвѣстною, усмотрѣнною съ очень невысокой, какъ мы заявили, точки зрѣнія. Но это не резонъ чтобы отъ нея отворачиваться только изъ-за скромной, простой одежды въ которой она появляется.

2) Взносъ подати долженъ бы быть, по меньшей мѣрѣ, по третямъ года.

Для плательщиковъ вообще несомнѣнно удобнѣе платить частями.

Для казны, уплата по третямъ года также весьма удобна и представляетъ выгоду, вслѣдствіе уменьшенія вѣроятностей недоимокъ. Для обѣихъ сторонъ—положительная выгода чтобы административная машина по сбору подати не дремала и трижды въ годъ была побуждаема къ усиленной дѣятельности.

Остается еще весьма важный вопросъ о томъ: какъ согласовать существующее устройство казначействъ и вообще казенныхъ кассъ, и нынѣшній порядокъ взиманія ими податей и налоговъ, съ особымъ порядкомъ взиманія, какъ подоходной подати, такъ и разрядной, по существу ихъ.

Здѣсь достаточно лишь упомянуть объ этомъ вопросѣ и поставить его, потому что этотъ вопросъ подлежитъ административной разработкѣ лицами официальными.

Мы укажемъ только на тѣсную связь его съ рѣшеніями уже принятыми правительствомъ. Введеніе всеобщей военной повинности и отмѣна подушныхъ сборовъ (какимъ бы то ни

было путемъ) необходимо потребуютъ новой географической группировки жителей селъ и городовъ на участки; ибо прежнія географическія *единицы отбыванія этихъ повинностей* были разчитаны только на крестьянъ и мѣщанъ.

Введеніе подоходной и разрядной податей также не возможно безъ такой же группировки плательщиковъ, совершенно заново, на податные участки.

Очевидно что было бы огромною выгодой, еслибы реформы вообще были взаимно соглашены; еслибъ онѣ не были, такъ-сказать, особыми, по каждому вѣдомству, реформами; еслибы *податные участки* были одни и тѣ же для всѣхъ окладныхъ сборовъ и сдѣлались бы одновременно также и безсословными административными единицами въ полицейскомъ отношеніи; это ввело бы ихъ въ связь съ военною реформой и образованіемъ въ будущемъ новыхъ рекрутскихъ участковъ.

Въ мѣру силъ нашихъ и умѣнья, мы старались выставить въ полномъ и яркомъ свѣтѣ все что̀ препятствуетъ введенію у насъ подоходной подати.

Разборъ всѣхъ возраженій, какъ высшаго порядка, такъ и спеціально-дѣловыхъ, приводитъ насъ къ слѣдующему категорическому заключенію:

1. Что введеніе подоходной подати у насъ необходимо и возможно.

2. Что введеніе подоходной подати не можетъ быть желательно только въ одномъ случаѣ: Если имѣется въ виду перенесеніе на однихъ землевладѣльцевъ значительной части слишкомъ тяжелаго податнаго бремени лежащаго на нынѣшнихъ податныхъ, на томъ основаніи что на пополненіе бюджетныхъ недочетовъ есть источникъ еще *не тронутый*, предметъ наилегче и наудобнѣе облагаемый—*земля!* и что къ неуравнительному распредѣленію налога, землевладѣльцы попривыкнутъ, какъ люди привыкаютъ ко всякому злу. Лишь бы только не вводить ненавистной подоходной подати!

Въ заключеніе мы должны сказать что въ пользу оставленія владѣльцевъ движимыхъ и денежныхъ капиталовъ въ прежнемъ привилегированномъ положеніи, и за огромный, милліонами рублей измѣряемый, податной подарокъ этому классу, въ которомъ онъ менѣе всѣхъ другихъ нуждается, выставляютъ еще одинъ весьма странный предлогъ: будто бы подоходная подать можетъ быть съ толкомъ установлена только въ странѣ богатой движимыми и денежными капиталами, и что

иначе, то-есть у насъ, она невозможна, по скудости этихъ источниковъ, преимущественно питающихъ будто бы подоходную подать, въ смыслѣ производительности ея для государственнаго казначейства.

Мы назвали это послѣднее возраженіе предлогомъ, потому что даже въ Англіи движимые капиталы и недвижимости, по цифрѣ капитальной стоимости послѣднихъ, почти въ равной мѣрѣ несутъ бремя подоходной подати; слѣдовательно отнюдь не занимаютъ этой господствующей роли какая имъ приписывается. На самомъ дѣлѣ этотъ предлогъ есть не болѣе какъ безсознательная фраза, по той простой причинѣ что возрастаніе капитальной стоимости и постояннаго дохода отъ всякаго рода недвижимостей всегда пропорціонально накопленію въ данной странѣ, въ данной мѣстности, движимыхъ капиталовъ. Такъ, въ рядахъ Московскаго Города одна квадратная сажень мѣста приноситъ 400 р. и болѣе дохода, вслѣдствіе громаднаго накопленія тамъ движимыхъ капиталовъ.

Нѣкоторыя другія весьма вѣскія соображенія въ пользу подоходной подати находятся въ такой тѣсной связи съ вопросомъ объ обложеніи налогомъ достатка низшихъ и среднихъ классовъ, что объ этихъ соображеніяхъ нельзя говорить иначе какъ при обсужденіи вопроса о введеніи разрядной подати, признанной, въ принципѣ (внѣ слѣпаго подражанія прусскому образцу), безусловно необходимою, съ *земской точки зрѣнія*.

III.

Массы, десятки милліоновъ плательщиковъ невозможно облагать податью, пропорціонально доходу каждаго, напримѣръ, 3% съ дохода, то-есть подоходною податью въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Эта невозможность обусловлена тѣмъ что доходъ мелкаго землелашца, мелкаго ремесленника и торгаша, мелкаго маклера и кулака и т. п. не можетъ быть, на случай надобности повѣренъ приблизительно ни въ какой повѣрочной инстанціи. Такой плательщикъ большею частью не могъ бы показать, даже подъ присягой, размѣръ своего обычнаго дохода или заработка. Перебиваясь изо дня въ день, онъ не могъ бы вести

счетъ своему доходу и расходу, хотя бы онъ былъ достаточно для того грамотенъ и развитъ начатками общаго образованія. Самая случайность заработковъ дѣлала бы добросовѣстное опредѣленіе дохода, со стороны плательщика, дѣломъ часто невозможнымъ. Такъ бѣдный начинающій службу чиновникъ, который съ радостью берется за переписку бумагъ въ свободное время и за всякую другую случайную работу, былъ бы въ большомъ затрудненіи опредѣлить свой доходъ, состоящій изъ опредѣленнаго маленькаго жалованья и подобныхъ случайныхъ заработковъ.

Привлеченіе достатка всѣхъ и каждаго къ оплатѣ государственныхъ податей можетъ быть совершено съ успѣхомъ только при условіи соблюденія во всемъ должной мѣры и при отсутствіи увлеченія въ какую бы то ни было сторону.

Если въ Пруссіи и Англіи ловѣрочныя инстанціи имѣютъ дѣло лишь съ десятками тысячъ плательщиковъ подоходной подати, то для насъ еще необходимѣе выдѣлить изъ массы населенія и сдѣлать плательщиками подоходной подати возможно меньшее число лицъ, что̀ достигается возвышеніемъ нормы дохода для уплаты этой подати. Тогда только будетъ полная вѣроятность что въ это число очень рѣдко попадутъ, напримѣръ, такіе купцы которые по закону обязаны вести торговыя книги, но которымъ память и насѣчки на биркахъ замѣняютъ бумагу и чернила. Очевидно что во всякомъ случаѣ источникомъ для пополненія самой большой части дефицита отъ отмѣны подушныхъ сборовъ, можетъ послужить только достатокъ большинства населенія, тѣхъ десятковъ милліоновъ плательщиковъ которыхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ коснуться собственно подоходная подать. Столько же очевидно что тамъ гдѣ невозможно взиманіе подати *пропорціонально* доходу, она можетъ взиматься не иначе какъ опредѣленными окладами, приноровленными приблизительно къ достатку каждаго, но безъ *ариѳметической пропорціональности*, здѣсь невозможной. Это коренное начало взиманія личной подати, на основаніи достатка, съ массы населенія, за выдѣленіемъ изъ нея наиболѣе достаточныхъ и богатыхъ, возможно осуществить на самомъ дѣлѣ только раздѣленіемъ плательщиковъ на разряды по нѣкоторымъ точно опредѣленнымъ и не шаткимъ наружнымъ признакамъ достатка. Тутъ, какъ мы выше замѣтили, ариѳметическая пропорціональность обложенія немыслима и, слѣдовательно, нѣтъ иного исхода.

Повторимъ—установленіе большаго числа разрядовъ и окладовъ также невозможно; потому что наружные признаки достатка должны быть точно опредѣленные и не шаткіе, а такихъ много не наберется.

Намъ кажется очень страннымъ утвержденіе будто бы вполнѣ достаточно установленія одной разрядной подати, потому только что ея производительность для государственнаго казначейства *многократно*, безъ сомнѣнія, превыситъ производительность подоходной подати, о которой, по относительно малой цифрѣ ея, и хлопотать де не стóитъ.

Глядя на предметъ съ такой отвлеченной точки зрѣнія, съ которой на первый планъ выступаетъ *ариѳметическій абстрактъ*, забываютъ: 1) что безъ подоходной подати возможно развѣ только такъ-сказать *революціонное* привлеченіе поземельныхъ собственниковъ къ такому платежу государственной подати, котораго неуравнительность, разоривъ однихъ, не облагодѣтельствуетъ другихъ; 2) что подоходная подать, служа неогрѣшимымъ и незамѣнимымъ финансовымъ барометромъ для общества и правительства, даетъ финансовой системѣ государства *устойчивость*, которая избавитъ народъ отъ слѣпыхъ финансовыхъ опытовъ, перемѣнъ и сюрпризовъ; 3) что именно въ средѣ болѣе достаточныхъ слоевъ населенія, начиная съ того уровня довольно обезпеченной жизни гдѣ начинается пестрое и сбивчивое разнообразіе общественныхъ положеній, даже земско-административная рука не можетъ такъ сдѣлать раздѣленія на разряды, съ ихъ подраздѣленіями на оклады, чтобы не оказалось большихъ податныхъ подарковъ отъ государственнаго казначейства не только въ пользу лицъ относительно обезпеченныхъ, но и лицъ положительно достаточныхъ, наконецъ богатыхъ. Тутъ подоходная подать не только незамѣнима, но нравственно обязательна.

Мы уже говорили вообще о томъ какъ путаетъ наши дѣла слѣпое подражаніе иностраннымъ образцамъ. А потому, обращаясь въ частности къ разрядной подати, мы будемъ исключительно имѣть въ виду какъ примѣнить къ нашимъ обстоятельствамъ, къ нашимъ туземнымъ житейскимъ фактамъ, тѣ общія начала и основанія изъ которыхъ слагается самое *понятіе* о разрядной подати—понятіе выведенное изъ тѣхъ же туземныхъ фактовъ и обстоятельствъ, какъ результатъ внимательнаго ихъ изученія и анализа. Такой путь долженъ бы

кажется удовлетворить и обыкновенныхъ практическихъ людей, справедливо оберегая карманы ихъ (несправедливое обереженіе кармановъ здѣсь въ разчетъ не вводится) и нашихъ философовъ, потому что погрѣшности отъ неправильной индукціи, могутъ быть критически обнаружены и доказаны путемъ дедукціи. Это единственная возможная гарантія въ томъ что мы не увлекаемся ни названіями, ни древними или новѣйшими прусскими либо англійскими порядками.

Замѣтимъ прежде всего что у насъ имѣется уже *разрядный* налогъ, то-есть взимаемый на основаніи *наружныхъ признаковъ* достатка, по *опредѣленнымъ* окладамъ, но съ многочисленными изъятіями и нѣсколько причудливой и своеобразной классификаціей.

Свѣдѣнія о *дѣйствительномъ* поступленіи этого налога, попали даже въ календари, и на страницѣ 405 *Всеобщаго Календаря* на 1870 показаны:

За 1865	8.860.110 р.
„ 1866	9.411.208 „
„ 1867	9.609.503 „
„ 1868	10.176.401 „

Такъ какъ дѣло не въ названіи, то не слѣдуетъ смущаться тѣмъ обстоятельствомъ что этотъ налогъ носитъ названіе: „*Пошлинъ за право торговли и другихъ промысловъ*“.

Чтобы разъяснить „*разрядное свойство*“ этого налога, мы приведемъ нѣсколько фактическихъ примѣровъ, которые помогутъ опредѣлить кругъ дѣйствія предполагаемой разрядной подати, то-есть тѣ границы за которыя она не можетъ или не должна переходить у насъ, независимо отъ старыхъ или новыхъ прусскихъ порядковъ. О прусскихъ порядкахъ мы потому упоминаемъ снова что послѣ Седана многіе наши наполеонисты и цезаристы стали пруссофилами и говорятъ серіозно о томъ что въ казначейства поступитъ Богъ вѣсть сколько десятковъ милліоновъ рублей и что податная реформа совершится великолѣпно, если обложить только рублемъ взрослыхъ мужиковъ, мастеровыхъ въ городахъ, слугъ и т. п. лицъ низшаго класса, а тѣхъ кто подостаточнѣе нѣсколькими рублями, десятками рублей и т. д. При этомъ забывается что намъ нужно раскрѣпостить низшіе классы отъ паспортныхъ стѣсненій, а не развивать эти стѣсненія къ низу и къ верху.

Ограничимся весьма немногими примѣрами, такъ какъ

каждый можетъ убѣдиться, справившись съ Положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, что выводъ всегда будетъ одинаковый, независимо отъ числа и разнообразія примѣровъ.

Если у легковаго извощика въ Москвѣ, напримѣръ, 2—3 лошади, такъ что онъ долженъ держать работника, то онъ заплатитъ, сверхъ казенныхъ податей *по мѣсту приписки*, еще 10 р. въ годъ. Въ томъ же размѣрѣ заплатитъ онъ этотъ налогъ при большемъ числѣ лошадей и экипажей, если у него, однако, не свыше 4хъ работниковъ. Въ Тулѣ такой извощикъ заплатитъ рублемъ меньше—9 р. (см. ст. 39 и росписи В. и Г. *Положенія*).

Очевидно и безспорно что по существу тутъ уплачивается *разрядный* налогъ; что строго опредѣленными признаками достатка, которыми обозначаются разрядъ и окладъ платежа, служатъ: *мѣсто жительства, родъ промысла и число рабочихъ рукъ*. А такъ какъ налогъ уплачивается за счетъ казны въ думахъ, то обыкновенную, всѣмъ знакомую казначейскую квитанцію замѣняетъ особое свидѣтельство, доказывающее что налогъ уплаченъ.

Бланки такихъ свидѣтельствъ высылаются безденежно въ думы и волостныя правленія изъ казначействъ, а потому суть тѣ же квитанціи.

Содержатель или содержательница меблированныхъ комнатъ въ Москвѣ, если у нихъ въ наемъ ходитъ не болѣе семи комнатъ, ничего не платятъ въ городской доходъ, въ счетъ трактирнаго акциза, и ничего — въ пользу казны. Но такое лицо, если въ наемъ у него ходитъ болѣе семи комнатъ, уплатитъ въ Москвѣ государственнаго налога 20 р. въ годъ, въ томъ случаѣ, если въ пользу города оно уплачиваетъ *менѣе* 200 р. въ годъ (см. ст. 40 *Полож.* и росписи В и Г). Если же такой содержатель или содержательница платитъ акциза въ пользу города 200 р. или болѣе, то государственнаго налога причтется въ Москвѣ 65 р. въ годъ (см. ст. 38 и роспись Г).

Въ этомъ случаѣ точно опредѣленными признаками достатка, обозначающими разрядъ и окладъ платежа, служатъ: *родъ промысла, число комнатъ* и *сумма* платимаго въ пользу города *акцизнаго сбора*.

Если, какъ это уже встрѣчается, незамужняя женщина или вдова получаетъ конторское мѣсто въ какомъ-нибудь напри-

мѣръ банковомъ учрежденіи, то она должна уплатить государственнаго налога 5 р. въ годъ (см. ст. 57 и 59 и роспись Г). Признаками достатка, опредѣляющими разрядъ и окладъ платежа, служатъ: *родъ* и *мѣсто* занятій и *іерархическое положеніе* служащей въ конторѣ.

Аптекарь въ Москвѣ, хотя бы продажная цѣна его аптеки была во 100.000 р., заплатитъ государственнаго налога 20 р. въ годъ (см. ст. 37 и роспись В и Д).

Наружными признаками достатка, опредѣляющими разрядъ и окладъ платежа, служитъ *родъ занятій* въ связи съ *мѣстонахожденіемъ* аптеки.

Фабрикантъ съ милліонными оборотами и сотней, другой тысячъ дохода для успѣшнаго и безостановочнаго сбыта своихъ издѣлій, имѣющій также и кладовую для оптовой продажи этихъ издѣлій въ Москвѣ или другомъ первоклассномъ торговомъ городѣ, заплатитъ налога 295 р.

Точно опредѣленными признаками достатка, обозначающими разрядъ и окладъ платежа, служатъ: дѣйствующая *паромъ* или *водой фабрика* и особая *кладовая* для *оптовой* продажи (см. ст. 34 и росписи В, Г и Д).

При ближайшемъ анализѣ какъ этихъ немногихъ податныхъ фактовъ, такъ и всѣхъ прочихъ, возникающихъ изъ Положенія 9го февраля 1865 о торговыхъ и промысловыхъ пошлинахъ, необходимо имѣть въ виду что ту часть налога которая взимается въ формѣ прикащичьихъ свидѣтельствъ, окончательно *понесетъ*, очевидно, *не хозяинъ*, хотя бы онъ и бралъ на *свой счетъ* прикащичьи свидѣтельства для лицъ на него работающихъ, отъ которыхъ такія свидѣтельства требуются: для главныхъ мастеровъ и вообще лицъ *уполномоченныхъ* хозяиномъ по разнымъ его операціямъ, для второстепенныхъ агентовъ, прикащиковъ, молодцовъ и т. п.

Если хозяинъ, платя отъ себя за свидѣтельство, дѣлаетъ подарокъ, то онъ тутъ же его *отнимаетъ*, внося *даримыя* деньги въ казну.

Гдѣ возможно, всегда слѣдуетъ различать единицы на которыхъ падаетъ дѣйствительное *несеніе* налога (l'incision de l'impôt) отъ тѣхъ на которыхъ падаетъ видимая уплата налога (l'assiette de l'impôt).

Такъ у насъ въ губернскихъ городахъ часто случается внезапное возвышеніе цѣнъ на квартиры, единственно отъ внезапнаго возвышенія квартирнаго сбора: въ этомъ случаѣ

обложеніе сборомъ *падаетъ* на домовладѣльцевъ; *несутъ* тягость наниматели.

Вопреки очевидности, увлекшись однимъ названіемъ налога или его причудливой организаціей, наконецъ, предвзятою идеей, можно пожалуй возразить: да это все не разрядный или классный налогъ, а именно „пошлины *за право* торговли и промысловъ“; а предполагаемая разрядная подать сама по себѣ, совсѣмъ особая статья, ничего общаго съ этимъ налогомъ не имѣющая.

Но въ такомъ случаѣ, обращаясь назадъ къ одному изъ нашихъ примѣровъ, особа занявшая конторское мѣсто платитъ 5 р. собственно за право служить въ банковой конторѣ и получать жалованье, а разрядную подать должна бы платить *extra* для удовлетворенія государственной справедливости и нравственному чувству, требующихъ чтобы каждый удѣлялъ лепту государству отъ своего достатка. Это ужь что-то странно и нескладно! Какъ будто свободное естественное право работать находится на откупѣ у государства, и за право пользованія имъ надо платить особую *откупную* пошлину, а разрядная подать сама по себѣ!

Очевидно не можетъ быть и рѣчи о ломкѣ и коренной реформѣ дѣйствующаго закона называющагося *Положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ* въ смыслѣ *обобщенія* его на всѣхъ *способныхъ* платить прямую подать государству по отношенію къ *источникамъ* достатка каждаго плательщика. Замѣтимъ что эти различные источники, подъ названіемъ *предметовъ обложенія*, слишкомъ часто служатъ къ тому чтобы путать самое *понятіе* о задачѣ предлежащей земству и затемнить предметъ обсужденія.

Такой налогъ какъ нашъ промысловой, установившійся хотя и недавно, но возрастающій отъ постепеннаго улучшенія надзора, дающій болѣе 10 милл. руб., дѣловые люди должны оставить въ покоѣ. Такой капитальный фактъ, по самой важности своей, вѣроятно и не сдѣлается предметомъ логическаго празднословія ни въ одномъ земскомъ учрежденіи.

Приведенные факты достаточно кажется свидѣтельствуютъ что разрядной подати не могутъ подлежать тѣ кто уплачиваютъ уже какой-либо налогъ подъ названіемъ пошлинъ за право торговли и промысловъ, на основаніи Положенія объ этихъ пошлинахъ. Иначе пришлось бы, сверхъ установленныхъ этимъ Положеніемъ строго опредѣленныхъ наружныхъ

признаковъ достатка, установить еще новые, то-есть, на самомъ дѣлѣ, взимать дополнительныя пошлины, *изятыя* въ *то же время* кореннымъ образомъ, равносильнымъ его отмѣнѣ, то самое Положеніе на основаніи котораго пошлины взимаются. Столько же очевидно что дѣйствію разрядной подати не могутъ подлежать тѣ кто уплачиваютъ уже какой-нибо прямой окладной налогъ, на основаніи Положеній о различныхъ акцизахъ и особыхъ Положеній о пошлинахъ: съ золотыхъ пріисковъ, заводовъ и фабрикъ горныхъ, свеклосахарныхъ, табачныхъ, винокуренныхъ, водочныхъ, пиво- и медо-варенныхъ и съ заведеній для продажи питей и табака.

Приноровленіе устройства предполагаемой земствомъ разрядной подати къ устройству этихъ существующихъ пошлинъ и акцизовъ не можетъ представить никакихъ существенныхъ затрудненій, потому что въ окладныхъ порядкахъ, по устройству этихъ пошлинъ и акцизовъ, потребуются перемѣны лишь въ сущихъ мелочахъ, чисто техническаго свойства.

Такъ, достаточно чтобы свидѣтельство или патентъ объ уплатѣ торговыхъ, промысловыхъ или акцизныхъ пошлинъ были снабжены особымъ талономъ. Тогда крестьянинъ внесшый (во избѣжаніе переписки), въ окладъ для платежа разрядной подати (хотя бы она въ деревняхъ и была *названа* спеціально приличнымъ ей синонимомъ „*подворной*“), если онъ въ *отхожемъ* промыслѣ уплатилъ промысловыя пошлины, очиститъ свой окладъ разрядной подати взносомъ, вмѣсто денегъ, талона, отрѣзаннаго имъ отъ промысловаго или акцизнаго свидѣтельства или патента.

Въ первый и послѣдній разъ мы коснулись подобныхъ мелочей. Мы коснулись ихъ потому что именно подобныя мелочи пускаются въ ходъ когда нужно затормозить дѣло или просто выказать себя, и что каждую такую мелочь легко раздуть изъ мухи въ слона.

Оговоримся что считаемъ мелочи чрезвычайно важнымъ дѣломъ, заслуживающимъ полнаго вниманія даже государственныхъ людей, но не въ смыслѣ раздуванія мухи въ слона, на что̀ такъ падки люди расположенные пренебрежительно отзываться о теоретической точкѣ зрѣнія, противополагать ее практикѣ, какъ будто *истинная* теорія и практика не части одного *цѣлаго*, которое зовется *осмысленнымъ* отношеніемъ къ дѣлу и его *пониманіемъ*.

Очертивъ кругъ дѣйствія разрядной подати и ея границы,

мы переходимъ къ изысканію разумныхъ основаній ея устройства.

Съ отмѣной подушныхъ сборовъ, наше крестьянство, по громадному числу плательщиковъ и соотвѣтственной этому числу величинѣ цифры поступленія, представляется важнѣйшею податною статьей по уплатѣ разрядной подати, соразмѣренной, буде плательщики не подлежатъ дѣйствію подоходной подати, съ достаткомъ каждаго, насколько то возможно сдѣлать, руководствуясь точно опредѣленными, не шаткими, наружными признаками достатка.

Наше крестьянство состоитъ сплошь не изъ батраковъ, но людей освобожденныхъ съ *землей* и *усадьбами*, да къ тому еще воздѣлывающихъ землю и пользующихся ею *на правѣ общиннаго* владѣнія, большею частью. Нельзя не считаться съ этимъ великимъ фактомъ, нигдѣ въ Европѣ не повторяющимся (дѣло не въ томъ хорошъ ли онъ или дуренъ, а въ томъ что онъ есть.

Въ Пруссіи, какъ мы указывали выше, классная подать, будто море заливаетъ населеніе, и низшіе его классы платятъ ее исключительно въ качествѣ работниковъ: *работникъ* представляетъ *единицу обложенія*, а окладъ соразмѣренъ съ его заработкомъ, по роду занятія или промысла. Только въ припадкѣ болѣзненнаго психическаго настроенія можно не *видѣть* у насъ ничего болѣе.

Правда что въ крестьянскомъ хозяйствѣ взрослый работникъ *долженъ* быть принятъ въ разчетъ, какъ наружный признакъ достатка. Но у нашего крестьянина есть усадьба, которая съ тѣмъ и съ *цѣнностью* того что *она вмѣщаетъ*, представляетъ слишкомъ осязательный признакъ достатка. Этотъ признакъ указываетъ на самостоятельный и совершенно иной путь, чѣмъ подражаніе прусскимъ порядкамъ. Онъ получаетъ еще особенную важность потому что послужилъ уже предметомъ для законодательства. Какъ извѣстно, крестьянскія усадебныя строенія подлежатъ обязательному земскому страхованію. Новгородское земство пришло уже къ заключенію о необходимости развить законъ далѣе, въ смыслѣ обязательнаго же страхованія и движимаго имущества въ усадебныхъ строеніяхъ: скота. рабочихъ орудій и т. п. Наши пожары не заставятъ ждать долго такого развитія закона объ обязательномъ страхованіи, еслибы даже не наступала податная реформа, требующая того же, потому что число работ-

никовъ должно быть соединено у насъ еще съ *другимъ* признакомъ достатка, предоставляемымъ усадебною *осѣдлостію* крестьянина.

По этимъ соображеніямъ, чисто туземнаго происхожденія, мы приходимъ къ заключенію что у насъ каждое крестьянское хозяйство можетъ быть обложено самымъ разумнымъ образомъ податью приблизительно соразмѣренною съ дѣйствительнымъ достаткомъ каждаго, то-есть съ возможною уравнительностію, на основаніи двоякаго рода признаковъ: числа взрослыхъ работниковъ и страховой оцѣнки какъ усадебныхъ строеній, такъ и движимаго въ ней имущества.

Очевидно что эти наружные признаки достатка для взиманія разрядной подати съ крестьянства будутъ существенно отличны отъ признаковъ пригодныхъ для лицъ другихъ состояній и жителей городскихъ.

Въ этомъ лишь смыслѣ, то-есть по отношенію къ *качеству* наружныхъ признаковъ достатка, пущенное въ ходъ податной коммиссіей названіе „*подворнаго налога*“, оказывается весьма пригоднымъ *видовымъ* названіемъ для той части разрядной подати которая должна падать на крестьянство.

Поэтому названіе „*подворнаго налога*“ можно усвоить и сохранить, что̀ мы и сдѣлаемъ, такъ какъ существа дѣла это не касается.

Затѣмъ названіе разрядной подати должно сохраниться для тѣхъ кто не платятъ подворнаго налога. Правда что видовыхъ названій будетъ *два*. Но дѣло не въ названіяхъ.

Согласно сдѣланной нами выше оговорки относительно дробностей болѣе техническаго свойства, мы не будемъ касаться вопроса о томъ сколько должно быть установлено вообще окладовъ подворнаго налога по Имперіи, три, четыре или болѣе.

Кромѣ того, такого рода вопросы скорѣе всего подлежатъ вѣдѣнію правительственнаго учрежденія, ибо должны быть большею частію разрѣшаемы на основаніи такихъ фактическихъ данныхъ которые недоступны частнымъ лицамъ.

Значеніе общаго вопроса имѣетъ лишь изысканіе тѣхъ основаній на которыхъ должна быть установлена *градація* различныхъ окладовъ подворнаго налога.

Намъ кажется что высшій окладъ подворнаго налога долженъ бы быть соображенъ со средними цифрами полной страховой оцѣнки крестьянскихъ усадьбъ въ самыхъ богатыхъ

волостяхъ нѣсколькихъ мѣстностей, гдѣ крестьянство особенно зажиточно.

Такъ же точно для опредѣленія цифры низшаго оклада, слѣдовало бы взять бѣднѣйшія волости бѣднѣйшихъ мѣстностей.

Затѣмъ промежуточные оклады, очевидно, должны быть средними членами простой ариѳметической прогрессіи между низшимъ и высшимъ окладомъ.

Правила для исчисленія на самомъ дѣлѣ окладовъ, на *совокупномъ* основаніи страховой оцѣнки и числа взрослыхъ работниковъ, относятся опять къ тѣмъ же техническимъ подробностямъ о которыхъ мы здѣсь упоминаемъ для свѣдѣнія, въ самыхъ общихъ чертахъ, не вдаваясь въ ихъ разработку, по причинамъ уже объясненнымъ нами.

Скажемъ только что число дворовъ есть величина извѣстная и точно опредѣленная; страховая оцѣнка также; что способы исчисленія взрослыхъ работниковъ на данное число населенія вполнѣ разработаны статистикой.

При этихъ данныхъ, отличающихся точностію и вѣрностію (разумѣется, не въ отвлеченно-математическомъ смыслѣ), исчисленіе общихъ итоговъ и распредѣленіе ихъ на части, то-есть исчисленіе разныхъ окладовъ въ частности, не можетъ представлять никакихъ хотя нѣсколько важныхъ трудностей. Здѣсь, очевидно, нѣтъ мѣста тѣмъ *гадательнымъ* соображеніямъ на которыхъ основывается, напримѣръ, исчисленіе окладовъ пошлинъ за право торговли и промысловъ.

Мы не въ состояніи сказать ни слова о томъ какимъ образомъ можно или слѣдовало бы приспособить податную реформу для эсто-латышскаго крестьянства въ нашихъ балтійскихъ герцогствахъ, или, выражаясь языкомъ офиціальнымъ, въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской: туда не достигло 19е февраля 1861 года, проникнувшее высоко-культурною * и объединяющею силой въ Польшу, Бессарабію и за Кавказъ; университетъ и гимназіи тамъ нѣмецкія. Донъ-кихотствомъ было бы говорить нынѣ серіозно о податной реформѣ въ этой окраинѣ.

За принятіемъ нами термина *подворный налогъ*, какъ удобнаго для крестьянскаго быта, платежу *разрядной подати*, по

---

* Англійская печать уже склоняется къ воздапію наконецъ этой чести 19му февраля 1861.

нашему плану, будутъ подлежать тѣ которые не подлежатъ дѣйствію ни подворнаго налога, ни подоходной подати, ни платежу постоянными окладами опредѣленныхъ пошлинъ, торговыхъ, или промысловыхъ, или акцизныхъ, на основаніи особыхъ Положеній объ этихъ пошлинахъ.

Совокупность плательщиковъ такой разрядной подати можетъ быть распредѣлена на слѣдующія группы:

Внѣ черты городовъ:

1. Помѣщики и вообще собственники земель *не-крестьянскихъ* (съ не превышающимъ опредѣленной нормы годовымъ доходомъ изъ какихъ бы то ни было источниковъ).

2. Арендаторы имѣній, либо отдѣльныхъ домовъ или участковъ земли (при томъ же общемъ для всѣхъ группъ условіи дохода не свыше опредѣленной нормы).

3. Служащіе по найму у собственниковъ и арендаторовъ имѣній, за исключеніемъ чернорабочихъ.

Въ черт городскихъ поселеній:

4. Лица занимающіяся, въ качествѣ хозяевъ, свободными отъ уплаты торговаго и промысловаго сбора профессіямъ: доктора, повивальныя бабки, присяжные повѣренные, неприсяжные ходатаи по дѣламъ, промышляющіе отдачей денегъ подъ закладъ вещей и т. п.

5. Служащіе по частному найму не въ качествѣ прислуги или чернорабочихъ: управляющіе домами, домашніе учители и учительницы, управляющіе домашними конторами и служащіе въ такихъ конторахъ и т. п.

6. Собственники городскихъ недвижимостей (при томъ же общемъ условіи дохода ниже опредѣленной нормы).

7. Арендаторы городскихъ недвижимостей.

8. Лица достатокъ которыхъ обусловленъ доходомъ отъ процентныхъ бумагъ, отъ отдачи денегъ подъ закладныя и т. п.

9. Вольнонаемные и чиновники получающіе жалованье изъ государственнаго казначейства.

Оговоримся что мы перечислили отнюдь не какіе-нибудь разряды, но нѣсколько разнообразныхъ группъ общественныхъ положеній, гдѣ люди, въ такихъ положеніяхъ находящіеся, теперь ничего не платятъ въ видѣ прямаго государственнаго налога.

Очевидно что чиновникъ можетъ получать 300 р. жалованья,

но жить не бѣдно, какъ живется на 300 р., а достаточно, въ томъ случаѣ если у него есть собственность движимая или недвижимая, дѣлающая его при микроскопическомъ жалованьи все-таки достаточнымъ человѣкомъ.

Жалованье будетъ только однимъ изъ признаковъ достатка, въ тѣхъ лишь случаяхъ исключительнымъ, когда одинъ этотъ признакъ вполнѣ достаточенъ для исчисленія оклада безъ помощи другихъ признаковъ.

Мы опустили группу домашней прислуги мужской и женской, дворниковъ и т. п.

Дворникъ, если онъ крестьянинъ, уже обложенъ и непремѣнно пошлетъ что-нибудь домой, чтобы пособить уплатѣ подворнаго налога, потому что, какъ взрослый *работникъ*, находящійся лишь въ *отхожемъ* промыслѣ, онъ вошелъ элементомъ въ исчисленіе оклада.

Общественныя положенія перечисленныя нами для примѣра и наглядности по группамъ обнимаютъ собою всѣ средніе классы нашего населенія и большинство нашей интеллигенціи, захватывая также цѣликомъ наше чиновничество и вообще жителей какъ деревень, такъ и жителей городовъ и посадовъ.

Бытовая обстановка плательщиковъ разрядной подати по своему разнообразію не можетъ уже идти въ какое-либо сравненіе съ простотой и несложностію бытовой обстановки крестьянскаго двора. Такому разнообразію естественно соотвѣтствуютъ какъ большее число, такъ и большее разнообразіе наружныхъ признаковъ достатка.

Опредѣленіе и установленіе этихъ признаковъ и правилъ для приложенія ихъ при росписаніи плательщиковъ по окладамъ могли бы составить предметъ особой инструкціи, при разработкѣ законодательной мѣры о введеніи разрядной подати. Очевидно, мы не можемъ здѣсь вдаваться въ разборъ всѣхъ этихъ мелочныхъ и сложныхъ подробностей исполненія.

Особенной хитрости и тутъ не потребуется: каждый согласится, напримѣръ, что размѣръ получаемой наемной платы, число прислуги или нанимаемыхъ чернорабочихъ, размѣръ квартирной платы, имѣніе или неимѣніе экипажа и т. д. составляютъ точно опредѣленные и не шаткіе признаки. Мы думаемъ что каждый сразу внесъ бы обыкновеннаго повара въ низшій окладъ, но повара Англійскаго клуба вписалъ бы

въ окладъ повыше. Разумѣется что въ инструкціи для обложенія податью не можетъ быть мѣста такимъ мелочнымъ деталямъ: онѣ должны быть обобщены и выражены въ формѣ правилъ обнимающихъ неограниченное число подобныхъ мелочныхъ подробностей. При этомъ разумѣнію исполнителей должно быть предоставлено все что̀ можетъ разумно быть предоставлено ихъ разумѣнію.

Намъ остается еще упомянуть объ инстанціяхъ для обложенія разрядною податью и о повѣрочныхъ инстанціяхъ, для принятія жалобъ и протестовъ и вообще для повѣрки окладныхъ листовъ.

При устройствѣ этихъ инстанцій нѣтъ никакого разумнаго повода отступать въ чемъ бы то ни было отъ тѣхъ началъ на которыхъ можетъ и неизбѣжно должно быть устроено взиманіе подоходной подати. Ссылаемся поэтому на то что̀ съ достаточною подробностью было высказано нами въ предыдущей главѣ относительно устройства подоходной подати.

Какой-нибудь коренной реформы, въ смыслѣ неломѣрнаго увеличенія личнаго состава казначействъ и казенныхъ палатъ, установленіе разрядной подати также не потребуетъ, хотя число новыхъ плательщиковъ дѣйствительно возрастетъ цѣлымъ легіономъ не платящихъ нынѣ никакихъ прямыхъ податей.

Десятки милліоновъ крестьянъ, плательщиковъ подушной подати, были съ казначействами въ сношеніяхъ не единичныхъ, а обществами, посредствомъ сборщиковъ.

Точно такъ же плательщики разрядной и подоходной податей должны быть поставлены въ сношенія съ казначействами не единично, а податными *участками*, посредствомъ *земскихъ* сборщиковъ.

Если было возможно устроить дѣло такъ просто для темныхъ мужиковъ, то должно быть еще болѣе возможности устроить дѣло подобнымъ же образомъ съ плательщиками въ составъ которыхъ должна войти вся наша интеллигенція.

За симъ намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о затрудненіяхъ которыя не могутъ быть разрѣшены установленіемъ одной разрядной подати, но разрѣшаются легко, удобно и вполнѣ раціонально, когда разрядная подать завершается установленіемъ подоходной для болѣе достаточныхъ и богатыхъ.

Возмемъ, для примѣра, мелкаго торгаша въ Москвѣ, ко-

торый продаетъ изъ будки или шкапа товары для простонароднаго обихода, перечисленные въ особой росписи (Е) Положенія о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ. Этотъ торгашъ платитъ 10 р. налога; а владѣлецъ аптеки въ *Москвѣ же, съ доходомъ отъ аптеки въ 15.000 рублей*, платитъ только 20 р. промысловаго налога, тогда какъ при двухъ только процентахъ съ дохода, онъ платилъ бы 300 рублей. Въ размѣрѣ ли именно *этихъ цифръ*, или *иныхъ*, но во всякомъ случаѣ очевидно что подобная неуравнительность, подобные подарки *сотенъ* рублей *десяткамъ тысячъ* плательщиковъ, то-есть *милліонные* подарки со стороны государственнаго казначейства, *завѣдомо* даруемые, *положительно неизбѣжны при всякомъ налогѣ разряднаго свойства, какъ допускающемъ по существу своему только немногіе наружные признаки для опредѣленія оклада*, что̀ пригодно лишь для небогатаго быта. При установленіи одной только разрядной подати, десятки тысячъ такихъ фактовъ останутся неустраненными; ибо нельзя думать о выработкѣ двойственныхъ законодательныхъ мѣръ, изъ которыхъ одна серія установляла бы налоги разряднаго свойства, а другая была направляема противъ несообразностей первой серіи, на разные единичные случаи, которыхъ, по свойству ихъ, первая серія никогда обнять не можетъ.

Посему правило что платежу разрядной подати не можетъ подлежать тотъ кто уплатилъ какія-либо торговыя или промысловыя пошлины остается непреложнымъ, за невозможностью такой *общей* мѣры которая обнимала бы всѣ *единичные* случаи гдѣ справедливо могла бы быть приложена разрядная подать, въ качествѣ добавочной.

Совершенно иное дѣло подоходная подать, ни въ чемъ *не сталкивающаяся* съ существующимъ торговымъ и промысловымъ сборомъ, но *стройно* его *завершающая*.

Нашъ аптекарь, при двухпроцентномъ обложеніи, заплатитъ 300 рублей, не въ качествѣ аптекаря, а въ качествѣ лица имѣющаго 15.000 руб. дохода, съ *зачетомъ* ему 20 р., взятыхъ съ него въ промысловый сборъ за *билетъ* на аптеку. Въ тысячахъ подобныхъ случаевъ, подоходная подать, такимъ же точно образомъ, не будетъ сталкиваться ни съ какою изъ существующихъ пошлинъ: уплата такихъ пошлинъ или акцизныхъ окладовъ идетъ въ *зачетъ* при уплатѣ подоходной подати.

Установленіе одной только разрядной подати, съ огромными въ итогѣ податными подарками богатымъ, составляющими

непререкаемый ея недостатокъ, не соотвѣтствуетъ также гражданскому достоинству высшихъ классовъ, если взглянуть трезво на ближайшее будущее.

Разрядная подать, если она даже будетъ копіей со старой классной подати въ Пруссіи, поведетъ къ тому что за исключеніемъ можетъ-быть бѣднѣйшихъ городскихъ жителей (чернорабочихъ изъ нынѣшнихъ мѣщанъ и цеховыхъ), каждый *познакомится* съ уплатой *прямой* подати государству.

Тогда требованіе подоходной подати для наиболѣе богатыхъ и достаточныхъ, чтобъ уничтожить ихъ привилегированное податное положеніе, тотчасъ сдѣлается всеобщимъ требованіемъ, и подоходная подать, какъ было и въ Пруссіи, установится скоро въ качествѣ неизбѣжнаго и естественнаго завершенія разрядной (классной) подати.

Лучше же стать во главѣ движенія, чѣмъ въ хвостѣ его. Кажется что это безспорно.

Позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ объ отсутствіи во мнѣ, по причинамъ весьма основательнымъ, всякихъ опасеній чтобы намъ, взывающимъ о *введеніи подоходной подати*, не пришло бы, какъ говорится въ простонародьи, жутко, то-есть платить слишкомъ много.

Я думаю иначе и увѣренъ въ противномъ, потому что при подоходной подати высшіе образованные классы будутъ составлять *одинъ податной станъ*, гдѣ не будетъ получающихъ податные подарки, гдѣ возможно-полная уравнительность налога будетъ нейтрализовать недовольствіе плательщиковъ и для пользы государственной возникнетъ солидарность общихъ интересовъ.

Возмемъ, для примѣра, тѣ изъ перечисленныхъ мною общественныхъ группъ которыя составляются изъ достаточныхъ и богатыхъ городскихъ жителей, избавленныхъ отъ всякихъ прямыхъ налоговъ, или платящихъ ничтожный, по ихъ достатку, промысловой сборъ, не *завершаемый*, какъ бы слѣдовало, подоходною податью: напримѣръ, платящихъ 20 р. вмѣсто 300 р.

Какое дѣло теперь всѣмъ этимъ лицамъ, напримѣръ, до того что есть многочисленный классъ землевладѣльцевъ (за исключеніемъ, какъ извѣстно, однихъ новороссійскихъ), упорно лишаемый всякаго земледѣльческаго кредита. Очевидно никакого. Но еслибъ они платили подоходную подать, то не преминули бы они же скоро обратить должное вниманіе на

несоразмѣрно малый доходъ отъ земель и несоотвѣтственно малое поступленіе подоходной подати изъ этого источника. Въ видахъ возможнаго уменьшенія *податнаго процента съ собственнаго* своего дохода,—уменьшенія возможнаго только при усиленіи доходовъ въ странѣ вообще, они относились бы критически и весьма внимательно не только къ государственнымъ расходамъ, но и къ экономическому положенію страны вообще, и дѣло землевладѣльцевъ сдѣлалось бы поэтому непремѣнно ихъ собственнымъ дѣломъ.

Подобная цѣль, всякій долженъ сознаться, стоитъ того чтобы стремиться всѣми силами къ ея достиженію.

Только при этихъ условіяхъ наши высшіе образованные классы составятъ одно цѣлое, плотно связанное однимъ общимъ нравственнымъ и матеріальнымъ интересомъ на пользу себѣ и государству.

Извѣстныя права *заслуживаются* несеніемъ извѣстныхъ обязанностей, и только этимъ путемъ они *добываются* въ обществахъ правильно и мирно развивающихся.

Не словами, но дѣломъ и жертвами люди достигали возвышенія своего гражданскаго достоинства.

Понесите *прежде* извѣстныя обязанности, и ваше слово о соотношеніи между обязанностями и недостающими вамъ *правами* будетъ *выслушано*.

Иначе оно только празднословіе и плѣнной мысли раздраженіе.

IV.

Не только при рѣшеніи отвлеченныхъ задачъ изъ чистой математики, но и при рѣшеніи задачъ житейскихъ необходимо чтобъ основанія такого рѣшенія, обдуманныя строго и *одно другимъ провѣренныя*, были выражены общими формулами.

Все до сихъ поръ нами высказанное формулируется въ слѣдующемъ порядкѣ и слѣдующимъ образомъ:

1) *Превращеніе* или *конверсія* душевыхъ сборовъ въ два новыхъ налога—поземельный и подворный, ни въ какомъ отношеніи не достигаетъ предположенныхъ цѣлей.

Такова же необходимо будетъ и первая резолюція каждаго земскаго учрежденія, которое не удовлетворится вполнѣ проектомъ податной коммиссіи, *ни въ одномъ изъ его основаній не предрѣшеннымъ правительствомъ.*

2) Для достиженія предположенныхъ правительствомъ широкихъ финансовыхъ цѣлей и для полнаго осуществленія несомнѣнно благихъ его намѣреній необходимы совершенно иныя мѣры. По существу же дѣла, видамъ и цѣлямъ правительства можетъ соотвѣтствовать только *простая* и *прямая отмѣна* подушныхъ сборовъ, съ тѣмъ чтобъ источникомъ для пополненія дефицита отъ такой отмѣны послужили *достатки всякаго рода.*

Къ такой же резолюціи неизбѣжно придетъ каждое земское учрежденіе которое не желаетъ обратиться къ другому изъ двухъ возможныхъ исходовъ дѣла, то-есть не имѣетъ въ виду ходатайствовать о совершеніи реформы и о необходимомъ (по свидѣтельству податной коммиссіи) облегченіи нынѣшнихъ плательщиковъ подушныхъ сборовъ на счетъ однихъ только помѣщиковъ, путемъ установленія поземельной подати; либо—совокупно на счетъ помѣщиковъ и промышляющихъ по торговымъ и промысловымъ свидѣтельствамъ и билетамъ, присоединеніемъ къ рессурсу отъ поземельной подати простой *надбавки* на взимаемыя нынѣ пошлины за право торговли и промысловъ.

Между этими двумя исходами, очевидно, не можетъ быть промежуточнаго или средняго. Или вся *совокупность* достатка получаемаго отъ всякаго рода и вида *матеріальныхъ, умственныхъ* и *нравственныхъ* средствъ, должна послужить источникомъ для пополненія дефицита отъ отмѣны подушныхъ сборовъ; или надо идти податнымъ походомъ противъ одной части общества, напирая слѣпо на десятины, либо на десятины совокупно съ торговыми и промысловыми свидѣтельствами и билетами, нанося направо и налѣво удары самой крайней неуравнительности податнаго обложенія, оставляя значительную часть общества на прежнемъ льготномъ положеніи.

3) Источниками для пополненія дефицита отъ отмѣны подушныхъ сборовъ могутъ служить:

а) Установленіе подоходной подати для доходовъ свыше опредѣленной нормы по отношенію ко всякаго рода источникамъ и средствамъ такой доходъ доставляющимъ, на основаніи показаній и объявленій плательщиковъ, съ тѣмъ чтобы въ инстанціяхъ для повѣрки окладныхъ листовъ, по правиламъ соображеннымъ со свойствами главнѣйшихъ категорій средствъ и источниковъ дохода, не было численнаго преобладанія состоящихъ на государственной службѣ чиновниковъ и чтобы

всякія другія казенныя подати и пошлины за свидѣтельства и патенты на производство торговли и разныхъ акцизныхъ и безакцизныхъ промысловъ подлежали зачету.

б) Установленіе подворнаго налога для владѣющихъ усадьбами *въ силу существующихъ или имѣющихъ послѣдовать особыхъ положеній объ устройствѣ сельскаго состоянія*, съ тѣмъ чтобъ оклады были исчисляемы, соображаясь со страховою оцѣнкой движимаго и недвижимаго усадебнаго имущества и съ числомъ взрослыхъ работниковъ, свыше 16ти-лѣтняго возраста.

в) Установленіе разрядной подати для лицъ которыя, не подлежа дѣйствію подоходной подати, не платятъ въ то же время никакихъ другихъ казенныхъ податей или пошлинъ за свидѣтельства или патенты на производство торговли или какихъ-либо иныхъ промысловъ, съ тѣмъ чтобъ оклады исчислялись на основаніи точно опредѣленныхъ наружныхъ признаковъ достатка; чтобы повѣрочныя инстанціи были устроены на тѣхъ же основаніяхъ какъ и для подоходной подати.

г) Установленіе внѣ черты городовъ всеобщей поземельной подати безъ *различія* окладовъ по *состояніямъ сословнымъ*, съ тѣмъ чтобы всѣ земли были раздѣлены на двѣ полосы—черноземную и не-черноземную; чтобы подать въ каждой полосѣ разлагалась равномѣрно, одинаковою для полосы назначенною цифрой на каждую десятину удобной земли, пахатной, сѣнокосной, подъ лѣсами и подъ выгонами; чтобы размѣръ подати не превышалъ одной восьмой части платимыхъ нынѣ среднимъ числомъ земскихъ сборовъ для не-черноземной полосы, а въ черноземной — одной четверти такихъ сборовъ; и чтобы цифра подесятиннаго оклада оставалась постоянною и неизмѣнною, въ виду несравненно высшаго налога который *падетъ на земли косвеннымъ* образомъ, вслѣдствіе обложенія землевладѣльцевъ податями *подоходною* или *разрядною*, а крестьянъ—*подворнымъ* налогомъ.

д) Установленіе поземельной подати по особому окладу для незастроенныхъ земель въ чертѣ городовъ состоящихъ, съ тѣмъ чтобъ окладъ былъ пропорціоналенъ городскимъ оцѣнкамъ такихъ земель и чтобы земли городамъ принадлежащія не были изъяты отъ платежа налога.

На только-что перечисленныхъ нами финансовыхъ источникахъ и указанныхъ началахъ обложенія не могутъ не остановиться тѣ земскія учрежденія которыя выскажутся въ смы-

слѣ двухъ первыхъ резолюцій: съ рѣшеніемъ высказаться въ этомъ смыслѣ неразрывно связано и усвоеніе всѣхъ практическихъ послѣдствій такого рѣшенія.

Иные мечтатели нервнаго темперамента можетъ-быть оскорбятся тѣмъ что третьимъ пунктомъ нашихъ заключеній далеко, очень далеко не достигаются податное равенство и податное братство.

Дѣйствительно, каждый замѣтитъ что крестьянство, путемъ подворнаго налога, все-таки будетъ платить, и абсолютно и *относительно*, гораздо болѣе по сравненію съ лицами другихъ общественныхъ состояній.

Формула о равенствѣ и братствѣ выражаетъ преимущественно отрицаніе *неизбѣжности* неравномѣрнаго распредѣленія богатства, достатка и податныхъ тягостей. Она можетъ имѣть силу лишь тамъ гдѣ, какъ во Франціи, наступило общественное разложеніе, и служитъ ему дрожжевою закваской. Въ неравномѣрномъ распредѣленіи богатства и податныхъ тягостей, на самомъ дѣлѣ лишь отражаются свойства нашей природы никакимъ декретомъ не отмѣнимыя. А потому не можетъ быть серіозной рѣчи о дѣйствительномъ податномъ равенствѣ, но лишь объ исправленіи податнаго неравенства, безъ потрясенія однако быта наложеніемъ высокой прямой подати на тѣхъ кто не платитъ такой подати, или сильнымъ ея возвышеніемъ для тѣхъ кто платитъ сравнительно слишкомъ мало.

На этой почвѣ умѣренности, мысль о податной подати можетъ встрѣтить весьма нерадушный пріемъ со стороны многихъ изъ числа тѣхъ которые особенно любятъ называть себя *исключительно* практиками. Дѣйствительно, опираясь именно на только-что сдѣланныя нами замѣчанія, можно очень легко оспаривать *возможность* введенія у насъ подоходной подати. Можно сказать, напримѣръ, что издавна существующій у насъ податной строй выработалъ въ обществѣ такія привычки, создалъ такое направленіе ума, воли и чувства, такіе административные и политическіе порядки въ государствѣ и тѣмъ воспиталъ въ насъ исторически такой характеръ, что *допытливость* подоходной подати для насъ была бы невыносима.

Этотъ доводъ можетъ быть еще усиленъ сравнительно-историческимъ указаніемъ, напримѣръ на Англію, гдѣ подоходная подать впервые введена Питтомъ въ 1798 году, на покрытіе

громадныхъ расходовъ двадцатилѣтней войны противъ Франціи; гдѣ эта подать была *отмѣнена, по заключеніи мира* въ 1816 году, причемъ парламентъ не ограничился простою ея отмѣной, но постановилъ *истребить* всѣ документы (окладные, отчетные и т. п.) которые могли бы *облегчить возстановленіе* вновь этой подати.

Мѣтко и сильно ударивъ такимъ образомъ по слабымъ струнамъ каждаго, съ вѣрнымъ разчетомъ что воображеніе дорисуетъ картину невыносимой допытливости коммиссаровъ и крупные непривычные платежи изъ собственнаго кармана, можно дѣйствительно придать сильнѣйшій авторитетъ возраженіямъ: что подоходная подать у насъ преждевременна и нашему развитію не по росту; что земство, принеся жертвы, и довольно значительныя для облегченія податныхъ сословій, открываетъ правительству средства произвести истинную и широкую реформу; что затѣмъ введеніе подоходной подати слѣдуетъ отложить до тѣхъ трудныхъ временъ когда требуются еще бо́льшія жертвы, какъ было въ другихъ странахъ и когда въ крайности легче мирятся съ совершенно новою фискальною системой.

Путь сравненій опытныхъ—прекрасный путь, и расширяя его по возможности, можно всего легче достигнуть окончательнаго выясненія истины.

Не споримъ: Нѣмцы, Англичане—по развитію выше насъ; трудныя времена, требующія великихъ жертвъ, для насъ еще не наступили. Но безспорно также что мы по развитію выше магометанскихъ и идолопоклонническихъ населеній Индіи, управляемыхъ почти деспотически англійскимъ вице-королемъ, при помощи высшаго совѣта изъ чиновниковъ. А между тѣмъ въ Индіи была введена, правда весьма недавно, подоходная подать, въ размѣрѣ 1% съ дохода. Въ сентябрѣ 1869 года, подать была возвышена до 2%, то-есть удвоена, вслѣдствіе того что вице-король, лордъ Мауо, и состоящій при немъ совѣтъ непредвидѣнно очутились въ грозившемъ большимъ дефецитомъ финансовомъ положеніи. Теперь снова идетъ рѣчь о пониженіи подоходной подати въ Индіи до прежняго размѣра 1% съ дохода. Разумѣется что и въ Индіи устройство подати, по присущему ей свойству, не могло обойтись безъ участія мѣстнаго земскаго элемента: туземцевъ магометанъ, или идолопоклонниковъ, или Персовъ огнепоклонниковъ. Нѣкоторыя злоупотребленія такихъ туземныхъ коммиссаровъ,

разумѣется сильно преувеличенныя восточною молвой, столько склонною къ богатырски-сказочному, побудили центральное правительство потребовать циркулярно отъ правительствъ президентствъ и территорій, представленіе вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній относительно дѣйствія подоходной подати. Отвѣты на циркуляръ замѣчательны тѣмъ что только въ Бенгальскомъ президентствѣ, котораго столица служитъ резиденціей вице-королю, были заявлены жалобы, въ числѣ тринадцати.

Въ Индіи установленіе подоходной подати было вызвано неломѣрнымъ податнымъ обремѣненіемъ низшихъ классовъ и потребностью дать бюджету необходимую устойчивость.

Идя путемъ опытныхъ сравненій, окажется очевиднымъ что и намъ необходимо то же самое, тѣмъ болѣе что мы далеко не такъ безгласны и неразвиты какъ Индусы, а наше правительство не иноплеменникъ, какъ Англичане въ Индіи.

Въ 1835 году Робертъ Пиль былъ самымъ грознымъ, увлекательно краснорѣчивымъ противникомъ возстановленія подоходной подати въ Англіи. Но обремененіе низшихъ классовъ косвенными и хлѣбными пошлинами и разстройство бюджета сдѣлали свое дѣло. Повинуясь ничѣмъ неотвратимой государственной необходимости, тотъ же Робертъ Пиль потребовалъ возстановленія подоходной подати, вотированной 10го (22го) іюня 1842 года, первоначально на три года. Временное взиманіе ея было продолжаемо еще на два трехлѣтія и затѣмъ она установлена въ Англіи окончательно—вѣроятно навсегда.

Шествіе ея на востокъ по материку остановилось пока въ Пруссіи, гдѣ она введена въ 1851 году.

Нельзя не желать чтобъ она явилась и къ намъ, особенно потому что такъ-называемые *практики*—народъ хитрый, себѣ на умѣ,—мастера бряцать на слабыхъ, чувствительныхъ струнахъ, и подъ шумокъ этого бряцанія ловко, конечно, постараются направить реформу такъ чтобъ она совершилась на счетъ однихъ землевладѣльцевъ, чрезъ поземельную подать съ высокимъ подесятиннымъ окладомъ.

Наоборотъ, на основаніи того что̀ высказано нами, практики будутъ несокрушимо сильны, когда станутъ доказывать что окладъ подоходной подати долженъ быть самый умѣренный, напримѣръ, отнюдь не выше $1\frac{1}{2}\%$ съ дохода, то-есть вдвое ниже чѣмъ въ Пруссіи и въ Англіи.

4) Земскія учрежденія призваны къ участію въ правительственныхъ трудахъ по совершенію податной реформы путемъ

упраздненія подушныхъ сборовъ, только вслѣдствіе невозможности сохранить прежній порядокъ полнаго выдѣленія нѣкоторыхъ источниковъ земскихъ доходовъ, которыми правительство государств а до сихъ поръ не пользовалось, сохраняя, такимъ образомъ, слишкомъ долго искусственное *отчужденіе* свое отъ земства.

Разрозненное обсужденіе проекта податной коммиссіи въ тридцати слишкомъ земскихъ собраніяхъ предсгавляетъ слишкомъ сложный и громоздскій способъ участія земства въ трудахъ правительства. Такой способъ особенно неудобенъ потому что вынуждаетъ гласныхъ, избранныхъ въ земскія коммиссіи разныхъ губерній, къ обмѣну мыслей и трудовъ своихъ путемъ частной переписки, что̀ несовмѣстно ни съ достоинствомъ правительства, ни съ достоинствомъ земскихъ учрежденій.

Поэтому, при неотложно необходимомъ обновленіи государственнаго хозяйства путемъ соглашенія реформы податей и налоговъ съ дѣйствительными народными нуждами, всего ближе извѣстными земству,—участіе земства можетъ быть плодотворно, повести къ незамедлительному и неискаженному выполненію благихъ предначертаній Государя, только подъ условіемъ преобразованія правительственной податной коммиссіи какъ относительно личнаго состава, введеніемъ въ постоянный составъ коммиссіи выборныхъ отъ земства, такъ и относительно дѣлопроизводства.

ЧЛЕНЪ ЗЕМСКОЙ ПОДАТНОЙ КОММИССІИ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I.

Изъ историческихъ изслѣдованій послѣдняго времени можно указать на трудъ г. Сентъ-При о революціонномъ правосудіи. (*La Justice Revolutionnaire.* D'après des documents originaux, la plupart inedits. Par M. Berriat St.-Prix, conseiller à la Cour Impériale de Paris. Tome premier. Paris. 1870.) Авторъ, какъ видно изъ заглавія, имѣлъ возможность изслѣдовать революціонные документы хранящіеся въ архивахъ департаментовъ, что̀ до сихъ поръ дозволялось не многимъ, и на основаніи этихъ документовъ представилъ возмутительную картину правосудія въ эпоху террора. Авторъ говоритъ съ величайшимъ негодованіемъ о предпринятомъ г. Луи-Бланомъ прославленіи памяти террористовъ, и повидимому это было причиной заставившею его предпринять свой полезный и въ настоящее время столь поучительный трудъ.

Судебная организація во времена революціи была сложна и обширна. Во главѣ судилищъ учрежденныхъ для преслѣдованія проступковъ противъ новаго порядка вещей находились революціонные трибуналы. Каждый трибуналъ состоялъ изъ четырехъ или болѣе судей, присяжныхъ, публичнаго обвинителя и секретаря. Вѣдѣнію трибуналовъ подлежали всѣ преступленія противъ революціи: возмущенія, эмиграція, заговоры, проступки печати и поддѣлка ассигнацій. Законы которыми руководствовались судьи были безчеловѣчны какъ въ опредѣленіи преступленій, такъ и въ присужденіи наказаній,

но трибуналы были еще лучшими судебными учрежденіями революціоннаго правительства: они производили слѣдствіе, вникали въ факты и давали подсудимымъ право защиты. Конвентъ нашелъ ихъ слишкомъ умѣренными и учредилъ въ добавокъ къ нимъ двѣнадцать революціонныхъ коммиссій въ которыхъ судъ производился безъ присяжныхъ и судьями были самые неистовые якобинцы. Революціонныя коммиссіи оставили по себѣ кровавую память, но въ этомъ отношеніи и ихъ превзошли военныя коммиссіи, которыхъ г. Сентъ-При насчиталъ около шестидесяти. Военныя коммиссіи слѣдовали за различными французскими арміями, и составлялись преимущественно изъ офицеровъ, судившихъ безъ присяжныхъ. Однимъ приговоромъ осуждалось безъ разбора множество жертвъ, и засѣданія нерѣдко сопровождались кровопролитіемъ. Подъ конецъ эпохи террора обыкновенныя судебныя палаты получили революціонныя права. Но такое множество офиціальныхъ судилищъ не удовлетворяло жажду крови нетерпѣливаго Комитета Общественной Безопасности. „Не надо давать остыть крови, чтобы конвульсіи свободы были сильнѣе“, говорилъ Кутонъ. „Чѣмъ болѣе гражданское тѣло лотѣетъ, тѣмъ здоровѣе оно становится“, прибавлялъ Кало-д'Эрбуа. На основаніи такой политики, они разослали по департаментамъ своихъ агентовъ, назвавъ ихъ „представителями народа“. Г. Сентъ-При пытался опредѣлить права или границы правъ „представителей народа“, и пришелъ къ убѣжденію что права ихъ были безграничны. Пріѣхавъ въ какой-нибудь городъ, „представители народа“ составляли комитетъ изъ мѣстныхъ якобинцевъ и посылали въ этотъ комитетъ подсудимыхъ, требуя въ то же время чтобъ они были осуждены во что̀ бы то ни стало. Въ связи съ комитетомъ учреждалось иногда другое общество, члены котораго брали на себя обязанности сыщиковъ и производили аресты. Въ Нантѣ такое общество посвятило свою дѣятельность прославленію памяти Марата, и члены его давали слѣдующую присягу:

„Клянусь что Маратъ, опозоренный, очерненный партіей Фельяновъ, болотными гадами, жилъ только для народа.

„Клянусь что его принципы были, суть и всегда будутъ моими принципами.

„Клянусь истреблять роялистовъ, фанатиковъ, Фельяновъ, умѣренныхъ, какою бы маской они не облекались.“

Г. Сентъ-При посвятилъ бо́льшую часть перваго тома сво-

его труда изслѣдованію злодѣяній совершенныхъ въ Нантѣ во дни миссіи Каррье. Вотъ краткій ихъ перечень, сдѣланный авторомъ на основаніи революціонныхъ документовъ: множество жертвъ казнено безъ суда; сотни возмутительныхъ приговоровъ произносились въ одно засѣданіе; оправданныхъ заставляли присутствовать при казни осужденныхъ, судившихся вмѣстѣ съ ними; казнили стариковъ, женщинъ и дѣтей и притомъ гораздо болѣе земледѣльцевъ, ремесленниковъ, служителей, нежели аристократовъ и священниковъ; казнили отцовъ вмѣсто сыновей и сыновей вмѣсто отцовъ; дѣтей шести, пяти и даже четырехъ лѣтъ судили за измѣну; былъ случай что собаку приговорили къ смерти; въ другой разъ лолугая допустили въ качествѣ свидѣтеля; болѣе семисотъ именъ изъ множества разстрѣлянныхъ жертвъ начинаются съ одной только буквы алфавита; должность палача была такъ популярна что члены національнаго конвента не гнушались обѣдать съ палачомъ.

О положеніи дѣлъ довольно ясное понятіе даетъ слѣдующая, приведенная авторомъ, характеристическая записка адресованная меромъ и членомъ муниципальнаго совѣта Анжери къ парижскому меру.

„Святая мать гильйотина работаетъ; въ продолженіи трехъ дней она отрубила головы одиннадцати священникамъ, одной монахинѣ, одному генералу и великолѣпному Англичанину шести футовъ ростомъ, которому голова мѣшала, теперь она въ мѣшкѣ. Въ продолженіи трехъ дней разстрѣляли около 800 разбойниковъ и бросили ихъ тѣла въ Луару.“

II.

Въ концѣ прошлаго года, въ Англіи появились два тома корреспонденціи мистера Викгама, изданныя съ примѣчаніями его внукомъ (*The Correspondence of the Right Honourable William Wickham, from the year 1794.* Edited with notes by his grandson. 1870. London). Имя Вильяма Викгама почти вовсе неизвѣстно у насъ, а въ Англіи уже забыто, хотя онъ былъ умнымъ и полезнымъ слугой своего отечества въ критическій періодъ политической жизни Европы, и занималъ важныя должности при министерствахъ Питта и Аддингтона. Въ молодости онъ имѣлъ случай пріобрѣсть дружбу мистера Гренвиля, который, сдѣлавшись лордомъ Гренвилемъ и секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ, приблизилъ его къ себѣ и поручилъ ему вести тайную заграничную корреспонденцію. О

существованіи этой корреспонденціи въ Англіи не зналъ никто кромѣ лорда Гренвиля, лорда-канцлера и самого мистера Викгама, который, во избѣжаніе подозрѣній, никогда не показывался въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Отъ 1795 до 1799, онъ былъ агентомъ англійскаго правительства въ Швейцаріи, гдѣ по силѣ данныхъ ему полномочій долженъ былъ возбуждать вражду противъ революціоннаго правительства и содѣйствовать возстановленію монархіи во Франціи. Съ этою цѣлью онъ старался поддерживать единодушіе между генералами коалиціи и арміей эмигрантовъ, во главѣ которой стоялъ принцъ Конде; находился въ постоянной перепискѣ съ роялистами, съ вождями Вандеи, съ оппозиціонною партіей конвента, и держалъ нити многихъ интригъ противъ директоріи. Несмотря на глубочайшую тайну которою была облечена его миссія, мистеръ Викгамъ былъ въ сильномъ подозрѣніи у французскаго правительства, и жизнь его не разъ подвергалась опасности. Къ этой эпохѣ его дѣятельности относится корреспонденція изданная теперь его внукомъ. Этотъ сборникъ имѣетъ несомнѣнное историческое достоинство, и въ настоящее время, когда общее вниманіе обращено на Францію, читается съ большимъ интересомъ.

Корреспонденція обнимаетъ собою два періода, 1794—1796, 1798—1799. Въ началѣ перваго, республиканская Франція уже показала свое военное могущество, оттѣснивъ за Рейнъ войска коалиціи и покоривъ Бельгію и Нидерланды. Но внутри страны свирѣпствовали раздоры, Вандея волновалась, восточныя провинціи грозили возстаніемъ, а слабое правительство, смѣнившее страшный Комитетъ Общественной Безопасности, не пользовалось популярностью. Въ виду такого положенія дѣлъ, въ Европѣ господствовало мнѣніе что республика, истощенная въ людяхъ и финансовыхъ средствахъ, не можетъ держаться долѣе, и Людовикъ XVIII уже готовился возложить на свою главу корону Франціи. Но событія 1795 года обманули общія ожиданія. Пруссія, испуганная явными доказательствами своекорыстной политики Австріи и отвлеченная раздѣломъ Польши, выдѣлилась изъ коалиціи, и какъ вскорѣ оказалось, перешла на сторону Франціи. Испанія послѣдовала ея примѣру и соединила свой флотъ съ французскимъ противъ Англіи. Австрія, торжествовавшая на Рейнѣ, не рѣшилась вторгнуться во Францію и пріостановила свой побѣдоносный походъ чтобъ оглянуться на положеніе принятое Пруссіей.

Мистеръ Викгамъ доказываетъ что Австрія раньше другихъ союзниковъ тайно измѣнила общему дѣлу. Вотъ что онъ писалъ въ 1795 году:

„Я давно убѣжденъ въ двухъ фактахъ: во первыхъ, что Вѣнскій дворъ въ продолженіи послѣднихъ 12ти или 15ти мѣсяцевъ велъ тайные переговоры—не прямо съ республиканскимъ правительствомъ, но съ однимъ или двумя изъ его главныхъ членовъ, и что посредникомъ между ними былъ мистеръ Пелиръ; вовторыхъ, что въ послѣднее время, и въ особенности послѣ смерти несчастнаго Людовика XVII, Вѣнскій дворъ имѣлъ постоянно въ виду проектъ или проекты клонящіеся къ усиленію его могущества, слѣдовательно такіе что они не могли быть сообщены его союзникамъ. Что касается до меня, я убѣдился изъ совокупности множества фактовъ, каждый изъ которыхъ самъ по себѣ слишкомъ ничтоженъ чтобъ о немъ упоминать, что пріобрѣтеніе французской короны для эрцгерцога, посредствомъ брака съ принцессой, считается очень возможнымъ."

Въ случаѣ неудачи этого плана, у Австріи былъ въ виду другой, которымъ она, по свидѣтельству мистера Викгама, вооружила противъ коалиціи всѣхъ Французовъ безъ различія партій, удержала отъ возстанія противъ республики восточныя провинціи и даже смутила эмигрантовъ, не всегда разборчивыхъ на средства къ достиженію своихъ цѣлей. Этотъ планъ состоялъ въ завоеваніи Альзаса и части другихъ восточныхъ провинцій Франціи. Слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное принцемъ Конде въ прошломъ столѣтіи, имѣетъ особое значеніе въ настоящее время.

„Принцъ Конде говорилъ мнѣ не разъ, и я согласенъ съ его мнѣніемъ, что въ настоящее время Вѣнскій дворъ могъ бы выиграть болѣе мирными переговорами нежели оружіемъ. Когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, онъ сказалъ мнѣ: „Если „Австрія поступитъ съ нами честно, то не найдется ни одного Француза который не согласился бы засвидѣтельствовать „ей свою признательность разумнымъ вознагражденіемъ; но „заставляя меня принимать участіе въ томъ что унижаетъ „мое отечество, мое имя, моихъ предковъ и мою личную ре„путацію, она раздражитъ противъ насъ всѣхъ честныхъ лю„дей и сдѣлаетъ войну столь національною, что какое бы пра„вительство ни установилось въ послѣдствіи во Франціи, Ав„стрія не получитъ отъ него ничего кромѣ того что отниметъ „оружіемъ у непріятеля который будетъ отстаивать каждый „шагъ земли до послѣдней крайности."

Письма мистера Викгама рисуютъ яркими чертами взаимную вражду двухъ великихъ германскихъ державъ, отношенія къ нимъ имперскихъ князей, также какъ и личности и недостойное поведеніе французскихъ принцевъ и ихъ агентовъ. О Конде и его приверженцахъ онъ говоритъ:

„Поведеніе французскихъ принцевъ тревожитъ и огорчаетъ меня болѣе чѣмъ все остальное. Насмотрѣвшись на нихъ и на ихъ закулисную жизнь, нельзя не подумать что Богъ допустилъ страшную революцію въ числѣ другихъ цѣлей для ихъ личнаго исправленія, и что она не окончится пока они и ихъ ужасныя понятія не измѣнятся въ значительной степени.“

Мистеръ Викгамъ разъясняетъ также остававшееся до сихъ поръ темнымъ поведеніе Пишегрю до революціи фруктидора, и доказываетъ что, не переставая оставаться съ виду республиканцемъ, Пишегрю не только хлопоталъ о возстановленіи Бурбоновъ, но съ этою цѣлью не задумывался ложертвовать французскимъ войскомъ.

„Пишегрю прибавилъ что есть только одно средство положить конецъ войнѣ и революціи; это средство—разбивать и утомлять республиканскія войска, тѣмъ болѣе что эти войска составляютъ всю силу и единственную поддержку директоріи, и что если это не будетъ сдѣлано съ умомъ и постоянствомъ, революція охватитъ всю Европу, и онъ не знаетъ средствъ остановить ее, ибо съ войскомъ директорія навѣрно найдетъ финансовыя средства, или во Франціи, или внѣ ея; что онъ имѣетъ очевидныя доказательства утомленія и недовольства овладѣвающихъ войсками и значительно усиливающихся въ послѣднее время; что онъ самъ всегда старался и будетъ стараться усилить эти чувства, не слишкомъ выдавая себя и не переставая называть себя республиканцемъ; и что если можно будетъ какимъ-нибудь образомъ занять армію въ продолженіи зимы, то онъ твердо надѣется что значительная часть ея дезертируетъ, а остальная будетъ неспособна къ серіознымъ усиліямъ.“

Послѣ революціи 18го фруктидора, мистеръ Викгамъ убѣдился въ невозможности низвергнуть директорію усиліями извнѣ и былъ отозванъ въ Англію, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ занималъ должность втораго секретаря иностранныхъ дѣлъ. Но въ 1799 году, когда война, казавшаяся оконченною послѣ Кампо-Формійскаго договора и Раштадтскаго конгресса, вспыхнула съ новою силой, мистеръ Викгамъ былъ опять отправленъ въ Швейцарію съ такими

какъ и прежде полномочіями. Письма его за этотъ годъ содержатъ много интересныхъ подробностей о замѣчательной австро-русской кампаніи и много анекдотовъ о Суворовѣ, объ эрцгерцогѣ и другихъ дѣятеляхъ этой эпохи. Франція въ это время была въ такомъ критическомъ положеніи что гибель ея казалась неминуемою: Наполеонъ съ войсками былъ въ Египтѣ, директорія обратилась въ хаосъ, страна, утомленная многолѣтнею борьбой, казалась неспособною къ дальнѣйшимъ усиліямъ, между тѣмъ какъ Россія, Австрія и Англія грозили ей нападеніемъ со всѣхъ сторонъ. Но результатъ кампаніи, блистательно начатой союзниками, опять обманулъ общія ожиданія, и Франція вышла побѣдительницей изъ кампаніи въ которой одержала только одну побѣду. Не отвергая заслугъ Массена, нельзя не признать что всѣ обстоятельства сложились такъ чтобы доставить ему рѣшительную побѣду при Цюрихѣ. Письма мистера Викгама бросаютъ яркій свѣтъ какъ на битву при Цюрихѣ, рѣшившую судьбу кампаніи, такъ и на обстоятельства подготовившія ея результатъ. Недостатокъ единства между генералами коалиціи, слѣдствіе вражды и зависти Австрійцевъ къ Суворову, эгоистическая политика Вѣнскаго кабинета и ошибки Корсакова были, по его мнѣнію, главными причинами пораженія союзниковъ. Эрцгерцогъ Карлъ, который одинъ съ своимъ войскомъ могъ бы, по всей вѣроятности, разбить Массену, получилъ формальное предписаніе предоставить это дѣло Русскимъ.

„Графъ Дитрихъ привезъ эрцгерцогу рѣшительное приказаніе ни подъ какимъ предлогомъ и ни при какихъ обстоятельствахъ не атаковать непріятеля и не дѣлать движенія впередъ, но вывести свою армію изъ Швейцаріи, не оставивъ ни одного солдата въ странѣ, которую должны будутъ занять немедленно Русскіе, и въ числѣ 30.000, подкрѣпленныхъ корпусомъ въ 12.000 или 15.000 изъ Италіи, защищать ту же самую позицію которую эрцгерцогъ теперь защищаетъ съ 80.000 по крайней мѣрѣ.“

Приказаніе не было исполнено вполнѣ, и часть австрійскаго войска осталась въ Швейцаріи, но чувства съ которыми австрійскіе генералы встрѣтили Русскихъ не обѣщали ничего хорошаго.

„Въ этомъ случаѣ, хотя его императорское высочество очевидно сдерживался, я не могъ не замѣтить явныхъ признаковъ его зависти къ фельдмаршалу Суворову и неудовольствія

которое назначеніе Суворова, прибавлю съ сожалѣніемъ, возбудило во всей австрійской арміи. Пользуюсь этимъ случаемъ чтобы замѣтить что какъ у эрцгерцога и генерала Готце, такъ и въ другихъ мѣстахъ я слышалъ рѣзкіе и непріятные разговоры по этому поводу, и что въ письмахъ изъ Италіи, которыхъ не скрываютъ получающіе ихъ, Суворова стараются выдать за сумашедшаго, передаютъ въ смѣшномъ видѣ всѣ его поступки, и главное, называютъ его военныя дѣйствія, вопреки успѣху сопровождающему ихъ, безсмысленными и сумасбродными проектами."

Корсаковъ и эрцгерцогъ не согласились соединить свои войска предъ фронтомъ непріятеля, и битва при Цюрихѣ была яснымъ доказательствомъ что личное мужество безсильно при недостаткѣ тактики.

„Не видавъ этого собственными глазами, нельзя вообразить какъ дѣйствовала русская пѣхота. Въ продолженіи утра я имѣлъ случай говорить съ военными различныхъ націй и всѣ они утверждаютъ единогласно что не видали ничего подобнаго, какъ относительно стойкости подъ огнемъ, такъ и быстроты и смѣлости атаки."

Выписываемъ еще нѣсколько строкъ, показывающихъ въ какомъ положеніи были поставлены русскія войска участвовавшія въ сраженіи.

„На противоположномъ берегу рѣки стоялъ баталіонъ и нѣсколько разрозненныхъ отрядовъ Русскихъ. Они стрѣляли, не зная во что̀, и бросались въ штыки, не видя непріятеля. Предъ ними въ виноградникахъ и изгородяхъ находились два баталіона Французовъ, расположенныхъ такъ что нельзя было увидать разомъ двухъ солдатъ, показывавшихся только затѣмъ чтобы выстрѣлить.... Вмѣсто того чтобы дать русскимъ полкамъ и артиллеріи занять позицію на цюрихской горѣ, въ случаѣ чего непріятель не осмѣлился бы войти въ Цюрихъ, ихъ провели постепенно чрезъ городъ къ французской арміи, получавшей ежечасно подкрѣпленія и подвозившей артиллерію, и всѣ они погибли въ безполезныхъ атакахъ."

Битва при Цюрихѣ спасла Францію. Суворовъ пришелъ слишкомъ поздно чтобы поправить неудачу, и кампанія окончилась ссорой между нимъ и эрцгерцогомъ.

Корреспонденція заключается письмомъ князя Алексѣя Горчакова, въ которомъ онъ проситъ мистера Викгама пріѣхать въ Прагу, гдѣ Суворовъ желаетъ повидаться съ нимъ. Но это свиданіе не состоялось. Собравшись въ путь, мистеръ Викгамъ случайно узналъ что Суворовъ уже въ Петербургѣ.

Въ области историческихъ сочиненій заслуживаетъ также вниманія книга г-жи Брай: *Возстаніе протестантовъ въ Севенахъ* (*The Revolt of the Protestants in the Cévennes*. By Mrs Bray. London, 1870). Эта книга не можетъ назваться строго исторической, но по интересу сюжета и живости изложенія вполнѣ заслуживаетъ вниманія читателей. Возстаніе въ Севенкахъ было протестомъ противъ нантскаго эдикта и безпощадной тиранніи Людовика XIV, и отличалось такимъ кровавымъ и фанатическимъ характеромъ что въ сравненіи съ нимъ всѣ другія протестантскія возстанія могутъ считаться ничтожными. Оно началось въ 1702 году вспышкой долго таившейся ненависти, и продолжалось съ возрастающимъ ожесточеніемъ до 1705 года. Въ послѣднемъ году XVII столѣтія, нѣкто Петръ Бруссонъ, проповѣдникъ пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ Севенскихъ горахъ, былъ обвиненъ католическимъ духовенствомъ въ ереси и казненъ, какъ и множество другихъ жертвъ инквизиціи. Его казнь произвела большое впечатлѣніе на Севенцевъ, подготовившее ихъ къ возстанію, къ которому скоро дало поводъ случайное обстоятельство. Нѣкто аббатъ Шейла, инспекторъ миссіи для обращенія Гугенотовъ, человѣкъ заслуживший ненависть горцевъ своею жестокостью, остановилъ партію протестантовъ переселявшихся въ Женеву, и залеръ ихъ въ своемъ домѣ, который онъ обратилъ въ тюрьму. Севенцами овладѣла внезапная рѣшимость освободить узниковъ во что бы то ни стало.

„Весной 1702 года, одинъ молодой человѣкъ, по имени Дюранъ Фажъ, присутствовалъ вооруженный при одномъ изъ молитвенныхъ собраній близъ Нима. „Сынъ мой!“ воскликнула находившаяся тамъ пророчица: „Твой мечъ истребитъ враговъ правды!“ Она продолжала пророчествовать обращаясь къ нему, пока ея энтузіазмъ не овладѣлъ другими, и тогда сотня голосовъ согласно отозвалась на ея поощренія идти сразиться съ врагами Бога.“

Такихъ пророковъ явилось нѣсколько, и вѣсть о нихъ распространилась въ горахъ съ быстротою молніи. Въ другомъ ночномъ собраніи, на одной изъ самыхъ пустынныхъ Севенскихъ горъ, пророкомъ явился Пьеръ Сегье. „Есть люди, говоритъ мистрисъ Брай, которые какъ бы созданы для революцій: нравственная буря—ихъ стихія, истребленіе тѣхъ кого они ненавидятъ—ихъ призваніе.

„Таковъ былъ Сегье. Такъ же мало доступный чувству снисхожденія, какъ и чувству страха, раздраженный гоненіемъ которое терпѣли его соотечественники, онъ задумалъ истребить всѣхъ католическихъ священниковъ, не дѣлая различія между виновными и невинными.

„Въ эту ночь Пьеръ Сегье началъ свою рѣчь изображеніемъ печальной судьбы ожидавшей заключенныхъ въ Понъ-де-Монверъ. „Но, воскликнулъ онъ съ энергіей, Господь повелѣлъ мнѣ взять оружіе, освободить заключенныхъ братьевъ и уничтожить жреца Молоха который держитъ ихъ въ заключеніи.“ Другой пророкъ, Соломонъ Кондеръ, всталъ и объявилъ что онъ имѣлъ видѣніе и получилъ то же самое повелѣніе. За нимъ послѣдовалъ третій, Авраамъ Мазель, и говорилъ такимъ же высокимъ тономъ. Энтузіазмъ сообщился всѣмъ присутствующимъ и они дрожали отъ нетерпѣнія исполнить свое намѣреніе освободить братьевъ и отмстить своимъ гонителямъ.“

24го іюля 1702 года, толпа фанатиковъ направилась къ дому аббата Шейла. Сходя съ горы, они пѣли священные гимны, считая себя исполнителями воли Божіей. Услыхавъ пѣніе, одинъ изъ слугъ аббата предупредилъ его объ опасности. Аббатъ не обратилъ вниманія на предостереженіе и, когда инсургенты подошли къ дому, отворилъ окно и закричалъ имъ чтобъ они ушли, сопровождая свои слова бранью. Они отвѣчали: „плѣнниковъ! плѣнниковъ!“ Тогда аббатъ приказалъ выстрѣлить по нимъ. Стражи выстрѣлили, и одинъ изъ пророковъ былъ убитъ, и нѣкоторые ранены. Инсургенты разъярились и, схвативъ бревна, выломали дверь. Завязалась борьба на лѣстницѣ. Одинъ изъ инсургентовъ, тяжело раненый, воскликнулъ: „Оставьте оружіе; оно только замедляетъ дѣло. Сожгите священниковъ и послѣдователей Ваала подъ ихъ собственною кровлей.“

„Эти слова не пропали даромъ. Все что̀ попалось подъ руку: солдатскія постели, скамьи изъ часовни, столы и стулья были сложены въ кучу, и костеръ вскорѣ вспыхнулъ. Дю-Шейла и нѣкоторые изъ его людей скрылись въ комнатѣ подъ самою крышей. Они связали простыни своихъ постелей, и первый спустившійся въ садъ былъ аббатъ. Онъ упалъ, переломивъ бедро, и скрылся ползкомъ подъ плетень ограды. Другіе спустившіеся послѣ него бросились въ рѣку Тарну и переплыли ее подъ выстрѣлами своихъ преслѣдователей. Пламя охватило старый деревянный домъ съ такою яростію что крыша скоро обрушилась, и свѣтъ пламени какъ тысяча факеловъ помогъ инсургентамъ отыскать свою жертву. Его вытащили изъ убѣжища. „Убить его! Убить его! Застрѣлить его! Задушить его, проклятаго гонителя!“ Несчастный умолялъ оставить ему жизнь,—только жизнь.“

Но чувство состраданія было недоступно инсургентамъ. Лббатъ получилъ пятьдесятъ двѣ раны, изъ которыхъ двадцать пять были смертельны. Его управитель, поваръ и многіе изъ солдатъ потерпѣли ту же участь.

„Свершивъ дѣло мести, Сегье и его товарищи бросились на колѣни среди тѣлъ убитыхъ ими людей, и странное зрѣлище представляло кровопролитіе соединенное съ молитвой, когда они изъ глубины сердецъ посылали Богу благодареніе за успѣхъ. Всю ночь они пѣли псалмы, дикая гармонія которыхъ сливалась съ трескомъ пожара и ревомъ поднимавшейся бури. На разсвѣтѣ Сегье скомандовалъ отступленіе, и опять съ пѣніемъ псалмовъ мстители направились къ своимъ пещерамъ и утесистымъ твердынямъ.“

Такъ началось возстаніе, и въ этомъ же духѣ оно продолжалось три года. Сегье былъ вскорѣ схваченъ войсками правительства и принялъ мужественно казнь. Его смерть только раздражила инсургентовъ. Нашлось много другихъ вождей-пророковъ: Лапортъ, Андре Кастанетъ, Раванель, Катина, Роландъ и Жанъ Кавалье. Изъ нихъ только два послѣдніе обладали способностями политическихъ вождей. Они сумѣли организовать изъ инсургентовъ нѣчто подобное арміи и придали возстанію серіозный характеръ. Роландъ поставилъ себѣ цѣлью заставить Лудовика XIV отмѣнить нантскій эдиктъ, по крайней мѣрѣ въ Севеннахъ, и можетъ-быть достигъ бы этой цѣли, еслибы не лишился своего главнаго сообщника Кавалье. Правительство старалось всѣми силами подавить возстаніе. Королевскіе офицеры, Бавиль, Жюльенъ, Монтревель, слѣдовали одинъ за другимъ, наносили жестокіе удары инсургентамъ, опустошили горы, но возстаніе не ослабѣвало. Монтревель имѣлъ въ своемъ распоряженіи 60.000 войска по крайней мѣрѣ, но Роландъ и Жанъ Кавалье заставляли трепетать долины Руерга и Виваре. Наконецъ дворъ послалъ противъ инсургентовъ маршала Виллара, который поступилъ умнѣе другихъ. Онъ отдѣлилъ Кавалье отъ его фанатическихъ сообщниковъ и началъ дѣйствовать на его нравственную сторону. Кавалье, двадцатилѣтній молодой человѣкъ, обладавшій всѣми качествами необходимыми для партизанской войны,— хладнокровіемъ, находчивостью, энергіей, былъ однако далеко не такимъ фанатикомъ какъ другіе. Онъ не устоялъ противъ лести и великодушныхъ обѣщаній умнаго противника, сдался въ руки правительства, былъ прощенъ и имѣлъ свиданіе съ Лудовикомъ XIV, который принялъ его съ любопытствомъ и

презрѣніемъ. Считая себя въ опасности во Франціи, Кавалье съ нѣсколькими товарищами переселился въ Англію, поступилъ въ военную службу, сражался съ ожесточеніемъ противъ Французовъ при Альманза и умеръ офицеромъ въ отставкѣ. Другіе вожди Севенцевъ были казнены одинъ за другимъ, и кровавое возстаніе прекратилось.

III.

Изъ описаній путешествій мы упомянемъ объ интересной книгѣ: *Жизнь между Курдами* (*Wild Life among the Kourds.* By Mayor Frederick Millingen. London, 1870). Курдистанъ, говоритъ авторъ, имѣетъ безспорное право на вниманіе міра, какъ предполагаемая колыбель рода человѣческаго и какъ страна бывшая послѣдовательно центромъ цивилизаціи ассирійской, мидійской и персидской: „Во второй главѣ книги Бытія мы читаемъ что въ саду Эдема была рѣка, изъ которой выходили четыре рукава: Фисонъ, Гигонъ, Хиддекель и Евфратъ. Три изъ этихъ четырехъ рукавовъ или рѣкъ берутъ начало въ гористой области сѣвернаго Курдистана, въ провинціи Ванъ, и до сихъ поръ извѣстны подъ сходными именами. Гигонъ называется Армянами Джигунъ-аль-азасъ Хиддекель—Диджель и Евфратъ—Фратъ. Что же касается рѣки Фисона, до сихъ поръ еще не найдено никакихъ слѣдовъ ея существованія или направленія ея теченія.“ Авторъ не говоритъ ничего о главной рѣкѣ, изъ которой вытекали четыре вышеупомянутые рукава, но основываясь на томъ что три изъ нихъ берутъ начало въ курдистанскихъ горахъ, не сомнѣвается что провинція Ванъ была мѣстопребываніемъ нашихъ прародителей. Для интересующихся телерешнимъ видомъ райской страны, приводимъ описаніе озера Ванъ и окружающей его мѣстности.

„Мы направили нашъ путь въ долину составляющую продолженіе той по которой шли до сихъ поръ, и перейдя ручеекъ, пошли по его берегу. Дорога подымалась слегка въ гору, до возвышенности отдѣляющей бассейнъ Назика отъ бассейна озера Ванъ. Проводники сказали намъ что съ вершины возвышенности мы увидимъ озеро. Со свойственнымъ мнѣ нетерпѣніемъ, я ускорилъ шаги чтобы пройти поскорѣе пространство отдѣлявшее меня отъ картины о которой я давно мечталъ. По мѣрѣ того какъ я поднимался, изъ-за холма показывались снѣжныя вершины Субана, Ардуса и дру-

гихъ Хаккіарскихъ горъ, потомъ ихъ темные склоны и вершины второстепенныхъ возвышенностей, и наконецъ въ срединѣ панорамы показалась съ магическимъ эффектомъ обширная водная поверхность простиравшаяся въ нѣкоторыя стороны такъ далеко какъ только могъ видѣть глазъ. На югѣ, круто поднимаясь съ береговъ озера, возвышается величественная масса Хаккіарскихъ горъ, со смѣло очерченными вершинами, рѣзко выдѣляющимися на радужномъ горизонтѣ. На востокѣ, прямо предъ нами, едва видиѣется въ отдаленіи темная линія горъ господствующихъ надъ долиной Ванъ. Къ сѣверу, на лѣвой сторонѣ панорамы возвышается высокая снѣжная вершина Субанъ-дагъ, какъ бы соперничающая высотой съ болѣе отдаленными Хаккіарскими горами. Субанъ-дагъ имѣетъ вершину плоскую и напоминаетъ своими очертаніями форму пуддинга. У основанія ея окружность распространяется на обширное пространство и на отдаленнѣйшемъ пунктѣ опускается граціознымъ изгибомъ къ берегамъ озера. На востокъ отъ этого пункта водная поверхность сливается съ горизонтомъ и кажется безбрежнымъ океаномъ. Сравнивая панораму озера Вана со многими другими панорамами и мѣстностями видѣнными мною, я нашелъ большое сходство между Субанъ-дагомъ, съ окружающими его селеніями и обработанными полями, и Везувіемъ съ его склонами простирающимися до Torre-del-Greco. Сравненіе можетъ показаться страннымъ, но я увѣренъ что увидавъ оба вида, многіе согласились бы со мною. Для бо́льшаго сходства недоставало лазуреваго свѣта, которымъ природа наградила небеса Италіи и Греціи. Хотя погода была ясная, когда я любовался армянскимъ ландшафтомъ, но чего-то, un je ne sais quoi, недоставало чтобъ его можно было сравнить по красотѣ съ картинами Босфора. Бехиръ-амъ-ага и его семейство наслаждались картиной по своему и находили великолѣпной. Отецъ, имѣвшій случай побывать нѣсколько разъ въ Стамбулѣ, находилъ сходство между озеромъ Ванъ и Мраморнымъ Моремъ, когда на послѣднее смотрѣть изъ Константинополя. Сравненіе было очень не дурно, потому что горы Брусса возвышающіяся на берегахъ Мраморнаго Моря напоминаютъ Хаккіарскія горы, окружающія озеро Ванъ. Субанъ-дагъ пользуется большимъ уваженіемъ у обитателей страны, вслѣдствіе связаннаго съ нимъ преданія, къ которому дало поводъ ея господствующее положеніе между второстепенными возвышенностями. По древнему преданію, гора Субанъ играла роль во дни потопа. Голубь принесшій отцу Ною масличную вѣтвь, по общему мнѣнію, встрѣтилъ ковчегъ надъ озеромъ Ванъ. Говорятъ что когда ковчегъ коснулся въ первый разъ земли, онъ ударился о вершину Субана. Но такъ какъ тамъ еще не было достаточно сухой почвы чтобы Ной и его семейство могли высадить свой многочисленный и разнообразный грузъ, то ковчегъ поплылъ далѣе по направленію къ горѣ Араратъ, на вершинѣ которой Ной наконецъ нашелъ возможнымъ высадиться. Въ настоящее

время не вершинѣ горы Субанъ находится озеро, образовавшееся вѣроятно въ кратерѣ потухшаго вулкана."

О нравахъ и обычаяхъ Курдовъ авторъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей, и между прочимъ разказываетъ слѣдующее объ интересномъ историческомъ открытіи которое онъ случайно сдѣлалъ въ курдистанскомъ домѣ:

„Я вошелъ въ большую низкую комнату. Двѣ женщины, окруженныя полунагими дѣтьми, сидѣли на землѣ предъ очагомъ. Очагъ помѣщался въ центрѣ комнаты и былъ не что̀ иное какъ большой горшокъ врытый въ землю. Что касается домашней утвари, Курды на этотъ счетъ неприхотливы. Куча шерстяныхъ одѣялъ и ковровъ, нѣсколько матрасовъ и кожаныя сумки для храненія имущества составляли, повидимому, все богатство обитателей дома. Такъ какъ въ домѣ только одна комната, то все семейство проводитъ дни и ночи вмѣстѣ. Къ моему удивленію, женщины были, повидимому, довольны, видя посторонняго въ своемъ гаремѣ. Я не замѣтилъ въ ихъ обращеніи ни робости и скромности свойственныхъ Армянкамъ, ни старанія подражать щепетильной стыдливости Турчанокъ. Курдистанки, напротивъ, нисколько не смутившись при моемъ появленіи, начали разговаривать со мною, отвѣчая спокойно и просто на вопросы которые я предлагалъ имъ о нихъ самихъ, объ ихъ дѣтяхъ и хозяйствѣ. Двое мущинъ, повидимому также члены семейства, вошли въ комнату и помогли женщинамъ отвѣчать на мои разспросы. Такъ какъ мое изслѣдованіе до сихъ поръ шло успѣшно, я рѣшился распространить его далѣе. Маленькая дверь въ комнатѣ вела повидимому въ кладовую, и я рѣшился проникнуть туда. Безцеремонность съ которою я заглядывалъ въ каждый уголъ дома, повидимому, забавляла хозяевъ, и они начали смѣясь увѣрять меня что въ кладовой нѣтъ ничего интереснаго. Имъ естественно было такъ думать, да и едва ли кому на моемъ мѣстѣ пришло бы въ голову что въ кладовой его ожидаетъ интересное историческое открытіе. Войдя въ кладовую, я увидалъ врытую въ землю цистерну, продолговатой формы, походящую съ виду на древніе саркофаги. Замѣтивъ отверстіе у одного изъ угловъ, я догадался что этотъ сосудъ употребляется для приготовленія какой-нибудь жидкости. Направо и налѣво отъ цистерны стояли два рядя глиняныхъ кувшиновъ различныхъ величинъ. Самый большой изъ нихъ имѣлъ не менѣе четырехъ футовъ высоты. Форма этихъ кувшиновъ такъ напоминала древнія амфоры что ихъ можно было бы принять за оныя. Ни въ какой другой странѣ на Востокѣ я не видалъ ничего подобнаго. Поверхность сосудовъ носила слѣды древности, а нѣкоторые изъ нихъ были разбиты и слѣплены глиной. Я конечно тотчасъ же спросилъ обитателей дома для чего они употребляютъ цистерну и что̀ заключается въ амфорахъ. Мнѣ отвѣчали что цистерны

и амфоры находятся почти во всякомъ домѣ въ странѣ. Мусульмане употребляютъ цистерны для выдѣлыванія изъ ячменя напитка называемаго на востокѣ „боза“. Другой напитокъ выдѣлывается изъ гранатъ и называется „парденкъ“, разбавленный водой парденкъ составляетъ прохладительное питье. Въ цистернахъ приготовляютъ также уксусъ и солятъ овощи. Гяуры Армяне, прибавилъ съ насмѣшкой Курдъ, выдѣлываютъ въ своихъ цистернахъ вино и raki (водку). Отвѣтъ не удовлетворилъ моего любопытства. „Гдѣ достаете вы эти сосуды?“ спросилъ я. „Развѣ здѣсь дѣлаютъ гдѣ-нибудь такія вещи?“—„Богъ знаетъ кто ихъ дѣлаетъ“, отвѣчалъ одинъ изъ Курдовъ, ложавъ плечами. — „Когда мы родились, они были уже здѣсь. Наши отцы и дѣды тоже владѣли ими.“ Эти слова навели меня на мысль и привели мнѣ на память отдаленнѣйшую эпоху историческихъ временъ. Я вспомнилъ что Ксенофонтъ, разказывая объ отступленіи десяти тысячъ, упоминаетъ что его армія, проходя по Курдистанскимъ горамъ, останавливалась въ селеніяхъ, гдѣ въ каждомъ домѣ было такъ много вина что его держали въ цистернахъ. Одушевленный этими воспоминаніями, я внимательно разсматривалъ кувшины и цистерну и не упускалъ случая попробовать заключавшіеся въ нихъ напитки. Разсмотрѣвъ все достойное вниманія, я спросилъ обитателей дома нельзя ли попробовать армянское вино? Получивъ утвердительный отвѣтъ, я вышелъ изъ дома въ сопровожденіи одного изъ Курдовъ, и мы вошли въ одно изъ ближайшихъ армянскихъ жилищъ, гдѣ мой проводникъ представилъ меня съ большими формальностями. Выслушавъ мою просьбу, Армянинъ отворилъ дверь такой же кладовой какую я уже видѣлъ. Я послѣдовалъ за нимъ и увидалъ опять цистерну и амфоры. Наливъ въ кружку вина, Армянинъ подалъ ее мнѣ. Вино было красное, но не совсѣмъ чисто и прозрачно и имѣло вкусъ свойственный всѣмъ восточнымъ винамъ. Надо сознаться что хотя я и не знатокъ, но нашелъ его не слишкомъ вкуснымъ. Ксенофонтъ, который, какъ я сказалъ, упоминаетъ о существованіи цистернъ наполненныхъ виномъ, говоритъ также, въ другой части своего труда, что въ нѣкоторыхъ армянскихъ и курдистанскихъ селеніяхъ вино было очень хорошо. Въ другомъ мѣстѣ греческій историкъ упоминаетъ также о солодочномъ напиткѣ, сохранявшемся въ глиняныхъ кувшинахъ. Мои изслѣдованія, надѣюсь, доказали несомнѣнную точность свидѣтельства Ксенофонта и могутъ доказать историческое, географическое и энтологическое значеніе повѣствованія этого знаменитаго писателя.“

Въ прошломъ году въ Англіи обратила на себя вниманіе книга, замѣчательная по новизнѣ своего содержанія: *Воспоминанія англійской гувернантки о шестилѣтнемъ пребываніи при Сіамскомъ дворѣ. (The English Governess at the Siamese*

Court. By Anna Harriette Leonowens. London. 1870.) Въ 1861 году, покойный король Сіама Сомдечъ-Фра Фарамендръ-Мага-Монгкукъ обратился въ Сингапуръ съ просьбой прислать ему гувернантку-Англичанку, которая могла бы воспитать его дѣтей какъ воспитываютъ въ Англіи. Когда сингалурскій консулъ рекомендовалъ ему мистрисъ Леоновенсъ, король прислалъ ей собственноручное письмо на англійскомъ языкѣ, въ которомъ онъ объяснялъ что приглашаетъ ее для того чтобъ она дала образованіе его дѣтямъ, но „не для разговоровъ", на томъ основаніи что послѣдователи Будды не хуже христіанъ знаютъ „силу правды и добродѣтели", и нуждаются „болѣе въ знакомствѣ съ англійскимъ языкомъ и литературой чѣмъ съ новыми религіями". Мистрисъ Леоновенсъ приняла приглашеніе, хотя повидимому и не охотно, и въ мартѣ 1862 года сѣла съ своимъ маленькимъ сыномъ на сіамское судно *Шо-Фіа* и прибыла по водамъ Мейнама, одной изъ лучшихъ рѣкъ на земномъ шарѣ, въ сіамскую столицу Бангкокъ. Бангкокъ Венеція Востока. Онъ раскинутъ на архипелагѣ островковъ, разрѣзываемыхъ на двѣ половины главнымъ русломъ Мейнама. Правая сторона считается предмѣстіемъ города, на лѣвой же возвышаются надъ тропическою зеленью великолѣпные дворцы и пагоды, съ вызолоченными стрѣлами и куполами, съ покрытыми фарфоромъ и хрусталемъ стѣнами, переливающимися всѣми цвѣтами радуги. Рѣка и каналы служатъ улицами. Жизнь господствующая на водѣ, фантастическая архитектура „тысячи и одной ночи", производитъ поразительное впечатлѣніе на Европейца. На мѣстѣ высадки, предъ королевскимъ дворцомъ, англійской леди была оказана почетная встрѣча, которая ей очень не понравилась. Изъ толпы обнаженной свиты, говоритъ она, выступила „неуклюжая масса мѣдно-краснаго мяса и протянула толстую человѣческую руку". То былъ первый министръ Сіамскаго государства, его свѣтлость Шо-Фіа-Сри-Сури Уонгсе. Пріемъ сдѣланный ей королемъ, по ея словамъ, не обѣщалъ ничего хорошаго. Надо замѣтить что мистрисъ Леоновенсъ съ самаго начала отнеслась съ недоброжелательствомъ къ покойному королю, который, судя по отзывамъ другихъ Европейцевъ, далеко не заслуживалъ жестокихъ эпитетовъ которыми она щедро награждаетъ его. Вслѣдствіе ея отказа жить во дворцѣ (причины отказа трудно понять, потому что королевскій дворецъ состоитъ изъ такого множества зданій что

ограда окружающая ихъ имѣетъ въ окружности нѣсколько верстъ) мистрисъ Леоновенсъ помѣстили сначала въ конюшнѣ, потомъ въ жалкой лачугѣ. Но мало-по-малу, какъ это затрудненіе, такъ и множество другихъ уладились, и въ одинъ изъ четвергов, день посвященный въ Сіамѣ богинѣ разума, она открыла торжественно свои классы во дворцѣ. Ея вниманіе было обращено преимущественно на десятилѣтняго наслѣдника престола, котораго она называетъ мальчикомъ кроткимъ, прилежнымъ и любознательнымъ. Вскорѣ занятія ея ученика были прерваны церемоніей „постриженія и посвященіемъ въ духовное званіе". По сіамскому обычаю, наслѣдникъ престола обязанъ провести нѣсколько времени въ монастырѣ. Послѣ шестимѣсячнаго заключенія въ пагодѣ, на вершинѣ священной горы, принцъ возобновилъ свои занятія съ гувернанткой и продолжалъ ихъ около года. Съ теченіемъ времени, къ педагогическимъ занятіямъ мистрисъ Леоновенсъ прибавились занятія секретарскія, состоявшія въ перепискѣ бумагъ иностранной корреспонденціи и въ исправленіи англійскихъ выраженій его величества. По этому поводу возникали иногда ссоры. Такъ за отказъ написать ложное письмо сэръ-Джону Боурингу, уполномоченному сіамскаго двора въ Англіи, ее грозили предать суду. Мало-по-малу дошло до того что она стала считать жизнь свою въ опасности, и въ 1866 году отказалась отъ своей трудной должности. Послѣ долгихъ проволочекъ, которыя она приписываетъ капризамъ короля, онъ отпустилъ ее, повидимому, очень дружелюбно, и 5го іюля 1867 года она и ея сынъ покинули Бангкокъ.

Многочисленное число біографій лорда Байрона умножилось новымъ трудомъ нѣмецкаго писателя Карла Эльце. (*Lord Byron.* Von Karl Elze. Berlin, 1870.) Всѣ подробности жизни знаменитаго поэта уже такъ извѣстны что въ этомъ отношеніи книга г. Эльце не представляетъ ничего новаго. Но взглядъ автора на Байрона, какъ на человѣка и на поэта, не лишенъ оригинальности и интереса. Авторъ смотритъ слишкомъ снисходительно на порочную жизнь Байрона и утверждаетъ что Байронъ былъ всегда скорѣе обольщеннымъ чѣмъ обольстителемъ, подкрѣпляетъ свое мнѣніе нѣсколькими незначительными фразами въ письмахъ Байрона. Но снисходительной въ одномъ отношеніи біографъ не затрудняется, съ другой стороны, омрачить славу Байрона, до-

казывая что причиной его поѣздки въ Грецію было совсѣмъ не сочувствіе къ Грекамъ, что у него были другія побудительныя причины: Байронъ чувствовалъ что его поэтическая карьера окончена и искалъ возбужденія и новаго поприща славы. Г. Эльце не даетъ также цѣны начальнымъ опытамъ Байрона и утверждаетъ что они во многихъ отношеніяхъ уступаютъ раннимъ поэмамъ Попа, Коули, Шелли и Чаттертона, и въ нихъ нѣтъ задатковъ по которымъ можно бы было предполагать что Байронъ окажется въ послѣдствіи великимъ поэтомъ. Еще смѣлѣе утвержденіе что литература не потерпѣла утраты вслѣдствіе того что Байронъ умеръ на тридцать седьмомъ году жизни. Но г. Эльце говоритъ что Байронъ уже прожилъ періодъ высшей степени развитія своего таланта, потому что лирическій талантъ истощается послѣ извѣстныхъ лѣтъ, а драматическимъ природа не наградила великаго поэта. Что же касается полемики завязавшейся по поводу обвиненія взведеннаго на Байрона г-жей Бичеръ Стоу, авторъ пошелъ далѣе всѣхъ сторонниковъ Байрона. Изъ множества фактовъ, къ обнародованію которыхъ дала поводъ эта странная полемика, г. Эльце выводитъ заключеніе что леди Байронъ тайно распространяла клевету и явно отвергала ее, что она притворялась кроткою и любящею, питая въ сердцѣ смертельную ненависть, что она злословила лаская. Г. Эльце вполнѣ оправдываетъ лорда Байрона и рѣзко выражается объ его обвинителяхъ.

О ЗНАЧЕНІИ ДЛЯ РОССІИ

РАЗВИТІЯ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

НА СѢВЕРО-ВОСТОЧНОМЪ БЕРЕГУ ЧЕРНАГО МОРЯ. *

III.

Въ послѣдней главѣ мы указали важное народо-хозяйственное значеніе какое могутъ имѣть разводимые на восточномъ берегу Чернаго Моря фруктовые сады и привели примѣры выгодности этой отрасли для частнаго предпринимателя.

Теперь я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о томъ какіе сорта фруктовъ заслуживаютъ особенное вниманіе сельскаго хозяина, въ какомъ количествѣ они могутъ быть разводимы и при какихъ условіяхъ будетъ обезпеченъ ихъ сбытъ.

Скороспѣлые сорта грушъ и яблоковъ не имѣютъ большой цѣны для хозяйства на южномъ склонѣ главнаго Кавказскаго хребта, потому что мѣстнаго сбыта на нихъ не предвидится; Анатолійскіе порты и ихъ окрестности сами изобилуютъ подобнымъ продуктомъ, между тѣмъ какъ Одесса, Херсонъ, Керчь, Ростовъ, Таганрогъ и прочіе города по берегу Азовскаго и Чернаго морей получаютъ его по дешевымъ цѣнамъ изъ ближайшихъ областей (какъ-то: изъ Бессарабіи, Крыма, съ Дону и пр.). Поэтому въ Черномор-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

скомъ округѣ придется разводить сорта могущіе досталять товаръ годный для перевозки во внутреннія губерніи Россіи, то-есть сорта высокіе, цѣнные и прочные. Исключеніе изъ этого правила могутъ сдѣлать лишь сорта грушъ годные на сушеніе. Сушеная груша товаръ цѣнный, сохраняется нѣсколько лѣтъ и можетъ, по этой причинѣ, пріобрѣсть большую важность для торговли. Сушеныя яблоки цѣнятся обыкновенно ниже грушъ и имѣютъ въ этомъ отношеніи лишь второстепенную важность.

Случается часто что сильные вѣтры сбиваютъ съ деревьевъ часть фруктовъ. При большихъ размѣрахъ садоводства собирается такихъ плодовъ большое количество, и въ краѣ изобилующемъ фруктами подобные поврежденные фрукты не находятъ покупателей и за безцѣнокъ, а къ сушенію такая сборная смѣсь всѣхъ сортовъ тоже не годится. Поэтому въ такихъ мѣстахъ хозяева употребляютъ матеріалъ упомянутаго рода на выдѣлку яблочнаго вина, извѣстнаго во Франціи подъ названіемъ cidre, а въ южной Германіи,—Aepfelmost. Это производство не требуетъ большихъ затратъ и можетъ, между тѣмъ, доставлять хозяину не малыя выгоды. Яблочное вино напитокъ пріятнаго вкуса, и нѣкоторые медики за границей приписываютъ ему даже лѣчебныя свойства. Многіе предпочитаютъ его виноградному вину, потому что первое содержитъ незначительное количество спирта и что оно, въ сравненіи съ послѣднимъ, дешевле. Но есть и яблочное вино имѣющее довольно высокую цѣну. Такъ напримѣръ въ верхней Австріи, Штиріи и другихъ мѣстахъ старое яблочное вино продается по три гульдена (то-есть около 2 руб. сер.) за бутылку.

Во всякомъ случаѣ это производство будетъ имѣть свою важность для сельскаго хозяина въ краѣ, хотя бы для того чтобъ имѣть въ лѣтнее знойное время освѣжающій напитокъ для своего семейства и для рабочихъ.

Черешни и *вишни* въ свѣжемъ видѣ мало способны къ перевозкѣ въ отдаленныя мѣста и подвержены скорой порчѣ. Въ сушеномъ видѣ онѣ составляютъ товаръ довольно цѣнный, но сушеніе ихъ въ большомъ количествѣ затруднительно. Уборка фруктовъ этихъ сортовъ работа довольно колоткая и не терпитъ замедленія, потому что перезрѣвъ, они, во время дождей, портятся и гніютъ уже на деревьяхъ, а при сухой погодѣ бываютъ уничтожаемы птицами, между

тѣмъ какъ именно во время созрѣванія черешней и вишни предстоитъ много работы по виноградникамъ и другимъ плантаціямъ. Кромѣ того оба поименованные сорта фруктовъ произрастаютъ хорошо почти по всей Россіи. Вотъ причины не дозволяющія въ хозяйствѣ болѣе обширныхъ размѣровъ разводить дерева этого рода въ большомъ количествѣ.

Несравненно болѣе значенія для производительности края имѣетъ *слива*. Въ настоящее время ввозится изъ-за границы ежегодно болѣе чѣмъ 100.000 пудъ разной сливы въ сушеномъ видѣ, потому что домашнее производство далеко не удовлетворяетъ надобностямъ государства въ этомъ продуктѣ. Еслибы цѣна на заграничный товаръ этого рода не была столь высока(въ Москвѣ,напримѣръ, цѣна на заграничный чернослив отъ 6 до 7 рублей за пудъ и до 25 коп. за фунтъ, а сливы въ коробкахъ несравненно дороже), то потребленіе его въ Россіи увеличилось бы значительно. Молдавскій и бессарабскій черносливъ низкаго достоинства по сорту и по сушкѣ. Судя по климату и удобствамъ мѣстности, а также по встрѣчаемымъ кое-гдѣ деревцамъ этого сорта, нужно заключить что южный склонъ Кавказа способенъ производить сливу не хуже венгерской или французской, и при цѣлесообразной обработкѣ этого продукта, онъ можетъ не только замѣнить ввозимый заграничный продуктъ, но можетъ составить и предметъ отпускной торговли.

Для частнаго владѣльца эта порода фруктовыхъ деревьевъ представляетъ многія выгоды, въ особенности же черносливъ. Уборка чернослива не затруднительна, и сушеніе его менѣе копотко чѣмъ у прочихъ сортовъ фруктовъ. Въ сушеномъ же видѣ онъ не подлежитъ порчѣ, представляетъ собою товаръ цѣнный, находящій всегда покупателей и выдерживаетъ хорошо во всякое время года самую дальнюю перевозку морем и сухопутно.

Что касается доходности этой статьи, то десятина засаженная сливой можетъ дать при посредственномъ урожаѣ 200, а при хорошемъ 400 и болѣе пудовъ сушеныхъ плодовъ, а если качествомъ они будутъ стоять даже не выше бессарабскаго продукта, продаваемаго на мѣстѣ производства около 2 руб. сер. за пудъ, то валовая выручка будетъ простираться отъ 400 до 800 руб. и болѣе съ десятины въ годъ.

При этомъ имѣетъ не малую важность и то обстоятельство

что слива растетъ скоро и даетъ урожаи уже въ такомъ возрастѣ въ которомъ деревья другихъ породъ, напримѣръ яблоки, груши, орѣхи и пр. только-что начинаютъ разрастаться.

Бываютъ, однакожь, при разведеніи въ большихъ размѣрахъ этого сорта фруктовъ и невзгоды. Продолжительные дожди во время созрѣванія чернослива служатъ нерѣдко причиной что часть плодовъ подвергается порчѣ еще на деревѣ и дѣлается негодною къ сушенію. Но и тогда есть возможность извлечь изъ попорченнаго уже чернослива хорошую выгоду посредствовъ выкуриванія изъ него фруктоваго спирта или такъ-называемой *сливянки*. Сливянка (по-хорватски сливовица) принадлежитъ къ лучшимъ изъ спиртныхъ напитковъ и цѣнится вдвое и втрое дороже, чѣмъ хлѣбное вино. Старая, хорошо выдержанная сливянка стоитъ въ цѣнѣ даже выше чѣмъ ромъ и коньякъ. Въ Славоніи и Хорватіи, гдѣ этотъ напитокъ производится въ размѣрахъ довольно значительныхъ, продается выдержанная по нѣскольку лѣтъ сливянка по 15 гульденовъ (то-есть около 10 руб. сер.) за ведро и дороже.

Въ видахъ поощренія садоводства въ Черноморскомъ округѣ, правительство дало сельскимъ хозяевамъ этого края льготу имѣющую для развитія промышленности въ этомъ краѣ весьма большую важность, то-есть оно дозволило безакцизное выкуриваніе водокъ изъ разныхъ фруктовъ и винограда. Эта мѣра сдѣлаетъ возможнымъ извлечь нѣкоторый доходъ изъ тѣхъ фруктовъ которые по своей низкокачественности или по разнообразію сортовъ негодны для сбыта, а въ садахъ заново разведенныхъ собирается подобныхъ плодовъ, не допускающихъ другаго употребленія, не малое количество. Кромѣ того, при нынѣ существующемъ недостаткѣ въ краѣ путей сообщенія и при недостаткѣ рабочихъ рукъ, этотъ способъ эксплуатаціи въ состояніи обезпечить хозяину сбытъ и предохранить его отъ убытковъ, могущихъ произойти отъ невозможности собрать и обработать фрукты во-время, и во-время доставить ихъ на рынокъ.

Абрикосы и *персики* въ свѣжемъ видѣ не выдерживаютъ перевозки въ отдаленныя мѣста и вообще скоро подвергаются порчѣ, сушеніе же ихъ въ прокъ требуетъ большаго вниманія и сравнительно болѣе рукъ, чѣмъ черносливъ и груши. Кромѣ того уходъ за деревьями этихъ породъ труднѣе, и на урожайности ихъ отражается каждая климатическая невзгода

гораздо больше чѣмъ на урожайности другихъ породъ. По этимъ причинамъ, нельзя совѣтовать разводить абрикосы и персики въ большомъ количествѣ, и они годятся скорѣе для малаго хозяйства, гдѣ владѣлецъ самъ въ состояніи заниматься уходомъ за деревьями и сушеніемъ плодовъ.

Болѣе вниманія заслуживаетъ *миндаль*, по причинѣ прочности плода, цѣнности его и обезпеченнаго сбыта. Необходимо, впрочемъ, прежде чѣмъ разводить миндаль въ большихъ размѣрахъ, сдѣлать пробную посадку разныхъ сортовъ, для опредѣленія тѣхъ изъ нихъ которые будутъ урожайнѣе и менѣе подвергаться поврежденіямъ во время цвѣтенія и созрѣванія, отъ весеннихъ холодовъ и продолжительныхъ дождей, не рѣдко случающихся въ этомъ краѣ.

Смоковница или *винная ягода* произрастаетъ въ краѣ роскошно, по причинѣ содержанія въ воздухѣ значительнаго количества влаги. Но по той же самой причинѣ плоды этой породы не имѣютъ здѣсь того достоинства какъ въ мѣстахъ въ которыхъ существуетъ болѣе выгодное отношеніе между атмосферическою влагой и температурой, то-есть въ мѣстностяхъ болѣе южныхъ. Сверхъ того этотъ фруктъ требуетъ старательной уборки, сушки и упаковки, подлежитъ скорой порчѣ, и сбытъ его ограниченъ. Если еще принять во вниманіе низкую цѣну на этотъ продуктъ на мѣстѣ производства (въ Требизондѣ около 2 руб. сер. за пудъ) и большую конкурренцію многихъ странъ, то нельзя совѣтовать разведеніе въ краѣ смоковницы съ цѣлью извлеченія дохода.

Грецкій (или волошскій) *орѣхъ* представляетъ собою товаръ цѣнный и находящій покупателей во всѣхъ классахъ общества. Онъ легко можетъ быть сохраняемъ по цѣлымъ годамъ и перевозимъ во всякое время въ самыя отдаленныя мѣста. Обработка и очистка орѣховыхъ деревьевъ обходится сравнительно не дорого, уборка плодовъ не затруднительна, и дерево этой породы въ такой мѣстности какъ южный склонъ Кавказскаго главнаго хребта не прихотливо относительно почвы и мѣстоположенія. Намъ случилось уже упоминать что орѣховыя дерева въ Черноморскомъ округѣ достигаютъ гигантскихъ размѣровъ, и урожайность существующихъ тамъ теперь необычайная.

Такія же качества относительно цѣнности, сбыта и транспорта имѣетъ *лещинный орѣхъ* или *фундукъ* и садовый *каштанъ*. Обѣ послѣднія фруктовыя породы произрастаютъ въ

краѣ роскошно, и если сообразить что онѣ могутъ быть разводимы по крутымъ склонамъ горъ, не допускающимъ посадки другихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, то нельзя сомнѣваться въ хозяйственной важности ихъ для этого края, половина пространства котораго состоитъ изъ покатостей наклоненныхъ къ горизонту болѣе чѣмъ на 30°. Насколько обезпеченъ сбытъ этихъ продуктовъ, когда они производятся въ количествахъ могущихъ составлять спеціальность оптовой торговли, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ Пештѣ, въ Венгріи, существуетъ нѣсколько торговыхъ домовъ отправляющихъ въ Гамбургъ, въ Берлинъ и прочіе города сѣверной Германіи сотни тысячъ пудовъ грецкихъ орѣховъ. Часть этого продукта идетъ чрезъ Гамбургъ въ Данію и Швецію, а чрезъ порты Балтійскаго моря даже въ Россію. Можно полагать что транспортъ исключительно моремъ, не требующій перегрузки, обойдется дешевле, чѣмъ сейчасъ упомянутый, и что по этой причинѣ кавказскій продуктъ этого рода тоже найдетъ своихъ покупателей.

Что касается лещиннаго орѣха, или фундука, то продуктъ этотъ имѣетъ значительный сбытъ по всей почти Европѣ и составляетъ не маловажный предметъ торговли. Фундуки производятся почти во всѣхъ странахъ южной Европы, но отпускаютъ ихъ не многія. Главный поставщикъ лещиннаго орѣха въ настоящее время Анатолія, такъ что Киразундъ одинъ отпускаетъ ежегодно

отъ 150.000 до 200.000 пудъ.

Кромѣ того отпускаетъ фундуковъ: Требизондъ около. . . . . 100.000 „
Ириве, близъ Батума, около . . . . . 50.000 „
Элегу „ . . . . . 50.000 „

Итого. . . . 300.000 „

Такой же продуктъ отпускаетъ и Смирна, Самсонъ и пр. Покупателями на него являются негоціанты Западной Европы, нагружающіе лещиннымъ орѣхомъ суда большихъ размѣровъ, для доставки его преимущественно въ британскіе и сѣверогерманскіе порты. Спросъ на фундукъ такъ великъ что многія суда приходящія за этимъ товаромъ къ анатолійскимъ берегамъ остаются непагруженными. Лучшимъ сортомъ анатолійскаго фундука считается тотъ который производится въ окрестностяхъ Ириве; требизондскій и киразундскій считаются

ниже; но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ той доброкачественности и не такъ крупный, какъ фундукъ встрѣчаемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на южномъ склонѣ Кавказа. Изъ этого слѣдуетъ что этотъ край въ состояніи конкуррировать съ Анатоліей въ торговлѣ этимъ продуктомъ, тѣмъ болѣе что производство послѣдней не удовлетворяетъ требованію.

Столь же большое требованіе существуетъ и на каштанъ, гдѣ этотъ плодъ производится, но въ Россіи сбытъ его лока мало распространенъ, по причинѣ непомѣрной его дороговизны.

За грецкій орѣхъ, фундукъ и каштанъ Россія издерживаетъ около двухъ милліоновъ рублей въ годъ, между тѣмъ какъ мы имѣемъ полную возможность, за удовлетвореніемъ означенной надобности въ нихъ, отпускать такихъ плодовъ на десятокъ милліоновъ за границу.

Разведеніе грецкихъ орѣховъ, фундуковъ и каштановъ для частнаго хозяина на восточномъ побережьи Чернаго Моря очень выгодно. Десятина орѣховаго сада даетъ въ посредственные годы отъ 150 до 200 пудъ, садоваго каштана отъ 100 до 200, а десятина плантаціи фундуковъ отъ 100 до 150 пудъ. Цѣна этимъ продуктамъ на мѣстѣ производства, напримѣръ въ анатолійскихъ портахъ, смотря по качествамъ, отъ 1 до 4 рублей за пудъ. Безъ сомнѣнія, каждый сельскій хозяинъ будетъ заботиться развести сорта цѣнные, а не то что̀ попало, такъ какъ отъ выбора сортовъ зависитъ полученіе выгоды. Разведеніе орѣховъ, садоваго каштана и фундука будетъ имѣть важность для частнаго сельскаго хозяина въ Черноморскомъ округѣ и потому что доставитъ ему возможность эксплуатировать крутыя мѣста, негодныя для другой хозяйственной культуры.

Теперь посмотримъ какое значеніе въ хозяйственномъ отношеніи для края и для всего государства будетъ имѣть винодѣліе.

Въ Россіи существуетъ въ настоящее время, какъ извѣстно, весьма незначительное количество виноградниковъ, производящихъ притомъ по большей части вино столь низкаго качества что оно не годится для сохраненія и слѣдовательно не можетъ составлять предмета отпуска въ отдаленныя мѣста государства. Такія качества имѣетъ бо́льшая часть вина бессарабскаго, часть крымскаго и донскаго, а хорошихъ сортовъ вина въ садахъ поименованныхъ мѣстъ, въ сравненіи съ надобностью Россіи въ этомъ продуктѣ, весьма незначительное количество.

Поэтому Россія вынуждена получать вино извнѣ и тра-

тить на него не мало милліоновъ въ годъ. Между тѣмъ извѣстно что именно въ торговлѣ виномъ встрѣчается недобросовѣстности и шарлатанства болѣе чѣмъ въ какой-либо отрасли коммерціи. Въ Берлинѣ, Гамбургѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Германіи существуютъ большіе заводы для искусственнаго приготовленія вина, какъ-то: хересу, мадеры, шампанскаго и пр., и самая значительная часть этого продукта нѣмецкой промышленности назначается прямо для Россіи. Но этого еще мало: въ самой Россіи поддѣлка и передѣлка винъ распространилась до неимовѣрной степени. Человѣкъ понимающій толкъ въ винѣ приходитъ, право, въ недоумѣніе, чему удивляться болѣе: странному ли вкусу потребителей, или же той нахальности съ которою многіе торговцы продаютъ по высокимъ цѣнамъ разжиженный спиртъ или подслащенное вино самыхъ низкихъ качествъ — снабжая эти микстуры, нерѣдко вредныя для здоровья, изящными ярлыками съ громкими названіями.

Этотъ недостатокъ хорошаго вина въ Россіи, какъ и экономическій разчетъ нашего народнаго хозяйства, долженъ заставить насъ оцѣнить надлежащимъ образомъ пріобрѣтенный уголокъ, который предназначенъ природой производить вина высокихъ качествъ. Принявъ во вниманіе климатическія и почвенныя условія южнаго склона Кавказа, нельзя не заключить что этотъ край представляетъ собою одну изъ лучшихъ мѣстностей въ мірѣ для разведенія виноградныхъ садовъ, и что винодѣліе будетъ чуть ли не самымъ главнымъ источникомъ богатства этого края. Удобныхъ мѣстъ для разведенія виноградниковъ находится въ Черноморскомъ округѣ, по моей оцѣнкѣ, не менѣе 100.000 десятинъ, въ томъ числѣ до 50.000 десятинъ могущихъ доставлять продуктъ высокаго достоинства. Понятно что съ развитіемъ здѣсь винодѣлія сдѣлается не нужнымъ трата милліоновъ рублей на заграничное вино, и современемъ, въ рукахъ предпріимчиваго народонаселенія, обладающаго нужными знаніями и матеріальными средствами, винодѣліе въ этомъ краѣ можетъ достигнуть такихъ размѣровъ что продуктъ его явится мощнымъ конкуррентомъ во всемірной винной торговлѣ, и вина кавказскія будутъ столь же приманчиво звучать для потребителей, какъ рейнвейнъ, токай, хересъ и прочіе знаменитые сорта.

Я имѣлъ уже случай упомянуть о томъ что средняя годич-

ная температура приморской полосы Черноморскаго округа равняется въ сѣверной части его + 9,а въ южной около + 11° Р.*

Между тѣмъ извѣстно что сѣверный предѣлъ виноградной лозы доходитъ до + 7°. Бессарабскіе виноградники пользуются среднею теплотой отъ 7 до 8°, крымскіе отъ 8 до 9°; венгерскіе созрѣваютъ: офенъ при 8,4, шомлау 8,5, секзардъ около 9°, вилань 9,3. Токайскіе виноградники (коронные сады), по причинѣ благопріятнаго мѣстоположенія, пользуются среднею температурой около 9,6°. Во Франціи Шампань, смотря по мѣстности, имѣетъ отъ 8,4 до 9°, окрестность Бордо около 10°, островъ Мадера + 12°, Лиссабонъ и Кадиксъ + 13, а Опорто + 14° средней годичной температуры. Рейнскій виноградъ произрастаетъ при + 8 до + 9°. Кромѣ того слѣдуетъ припять во вниманіе что виноградная лоза даетъ только тогда хорошее вино когда средняя температура мая, сентября и первой половины октября не будетъ ниже + 12° Р. Въ особенности важенъ въ этомъ отношеніи періодъ созрѣванія винограда, то-есть вторая половина августа, сентябрь и первая половина октября. Бессарабскій виноградъ часто не созрѣваетъ вполнѣ, потому что въ этомъ краѣ октябрь, а часто и сентябрь бываетъ слишкомъ холоденъ и потому что черезчуръ низкая температура апрѣля нерѣдко замедляетъ развитіе лозы и цвѣтеніе ея. То же самое случается иногда и въ Крыму, въ Венгріи и на Рейнѣ.

Въ бытность мою въ Венгріи, въ 1860 году, напримѣръ, выпавшій 26го сентября въ большомъ количествѣ снѣгъ уничтожилъ весь урожай виноградниковъ въ окружности Балатонскаго озера.

На южномъ склонѣ Кавказа такихъ неблагопріятныхъ условій опасаться нечего, такъ какъ здѣсь средняя теплота мая, сентября и первой половины октября превышаетъ + 12°.

Число жаркихъ дней, то-есть такихъ когда температура превышаетъ + 20°, имѣетъ большое вліяніе на качества вина. Такихъ дней насчитывается среднимъ числомъ:

---

* Новороссійскъ и Кутаисъ имѣютъ почти одинаковую среднюю годичную температуру, но южная приморская часть Черноморскаго округа гораздо теплѣе чѣмъ окрестность Кутаиса. Причины этому: защита мѣстности близкими горами отъ сѣверо-востока, наклоненіе ея къ югу и близость моря. Метеорологическія станціи въ Новороссійскѣ и на Сочи дадутъ намъ въ этомъ отношеніи скоро болѣе точныя свѣдѣнія.

Вдоль по берегу Рейна отъ 50 до	70
Въ Штутгартѣ	60
„ Офенѣ	75
„ Токаѣ	80
а въ Новороссійскѣ, на южномъ склонѣ Кавказа не менѣе	100

И относительно почвы имѣетъ этотъ край богатые задатки для производства вина высокаго достоинства. Третичная формація вообще благопріятствуетъ винодѣлію, а въ особенности играетъ при немъ важную роль глинистый сланецъ и содержаніе въ почвѣ извести. Разрушающіеся постепенно пласты перваго доставляютъ виноградной лозѣ нужныя ей для питанія минеральныя вещества. Не даромъ существуетъ во многихъ мѣстахъ Германіи, гдѣ процвѣтаетъ винодѣліе, пословица: „Безъ камня нѣтъ хорошаго вина“ (Ohne Stein kein guter Wein). Наконецъ, выходящіе въ правильныхъ промежуткахъ слои камня (болѣе твердые и поэтому уцѣлѣвшіе пласты глин. сланца), идущіе поперекъ многихъ склоновъ и въ параллельномъ между собою направленіи, весьма пригодны для того чтобы служить основой сооруженія террасъ, которыя, благодаря этому обстоятельству, обойдутся относительно не дорого.

Всѣ эти данныя говорятъ въ пользу доброкачественности вина получаемаго на южномъ склонѣ Кавказа. Во всякомъ случаѣ тамошнее вино должно стоять выше въ достоинствѣ чѣмъ вина южнаго берега Крыма.

Крымъ сдѣлалъ, такъ-сказать, уже все чего можно было достигнуть въ этомъ отношеніи. Крѣпость винамагарачскихъ казенныхъ садовъ, находящихся подъ руководствомъ опытнаго винодѣла, доходитъ, напримѣръ, до 17 градусовъ, но несмотря на столь значительную крѣпость, несмотря на весьма старательную выдержку ихъ, эти вина не могутъ соперничать съ винами знаменитыхъ сортовъ, потому что имъ не достаетъ высокой тонкости вкуса и букета, — качества, придать которыя можетъ лишь почва, мѣстоположеніе и климатъ.

При всемъ этомъ крымское вино находитъ охотныхъ покупателей въ средѣ любителей цѣльнаго неподслащеннаго вина, и оно вывозится въ небольшихъ количествахъ даже за границу. Въ особенности Англичане стали обращать вниманіе на крымское вино, несмотря на то что у нихъ Франція и Рейнъ подъ бокомъ, и въ 1868 году одинъ джентльменъ купилъ въ мага-

рачскомъ погребѣ, въ моемъ присутствіи, весь продажный запасъ нѣкоторыхъ сортовъ. Поэтому слѣдуетъ полагать что тѣмъ болѣе найдетъ сбытъ вино южнаго склона Кавказа.

Среднюю урожайность виноградныхъ садовъ на южномъ берегу Крыма можно опредѣлить въ общемъ итогѣ по крайней мѣрѣ въ 200 ведеръ съ десятины, и примѣняя эту цифру къ южному склону Кавказа, мы находимъ что Черноморскій округъ въ состояніи производить до 20 милліоновъ ведеръ вина, въ томъ числѣ около 10 милліоновъ ведеръ вина, какъ полагаю, хорошаго достоинства, могущаго конкуррировать съ привозимыми теперь въ Россію винами французскими, венгерскими, а можетъ-быть и рейнскими.

О выгодности винодѣлія для сельскаго хозяина въ этомъ краѣ, можно сдѣлать нѣкоторое заключеніе по доходности виноградниковъ въ Крыму, то-есть по урожайности ихъ и по тамошнимъ цѣнамъ на вино. Съ десятины сада, при цѣлесообразной обработкѣ, собирается отъ 200 до 500 ведеръ вина, нерѣдко и больше (полагаю общеизвѣстнымъ что по крутымъ склонамъ вина собирается обыкновенно менѣе, чѣмъ у подошвы горъ и въ равнинахъ, и что вино съ первыхъ бываетъ качествомъ выше, слѣдовательно и дороже, чѣмъ вино съ мѣстъ ровныхъ и умѣренно-наклоненныхъ). Цѣна на крымское вино, выдержанное не менѣе одного года, отъ 2 до 8 р. за ведро. Только въ нѣкоторыхъ низменныхъ мѣстахъ, вовсе неудобныхъ для воздѣлыванія вина годнаго для сбереженія, получается продуктъ стоимостью около 1 руб. за ведро. За то такія мѣста даютъ вина громадное количество, нерѣдко болѣе 600 ведеръ съ десятины.

Братья Добрынины въ Алуштѣ (въ Крыму) получаютъ, напримѣръ, съ 40 десятинъ виноградныхъ садовъ, находящихся въ долинѣ, окруженной высокими горами, то-есть въ мѣстности для этой отрасли весьма неудобной, 13.000 руб. чистаго дохода, или по 325 р. сер. съ десятины.

На рѣкѣ Качѣ, я осмотрѣлъ маленькую дачу (вблизи Бакчисарая), заключающуюся въ небольшой усадьбѣ, виноградникѣ и фруктовомъ садѣ, всего вмѣстѣ немного болѣе одной десятины. Этотъ клочокъ земли доставляетъ своей владѣтельницѣ жилище, кормъ для дойной коровы, всю нужную для дома зелень и овощъ, и кромѣ того—изъ продажи вина и фруктовъ—1.000 р. дохода. Вотъ какія выгоды можетъ доставлять земля способная къ подобной культурѣ!

Кромѣ садоводства и винодѣлія, имѣетъ первостепенную важность для развитія производительности этого края *воздѣлываніе табаку*.

Табакъ составляетъ въ наше время чуть ли не столь же важный предметъ торговли какъ хлѣбъ, говядина и прочіе предметы первой надобности, потому что его употребленіе распространено во всѣхъ классахъ общества. Извѣстно что отечество табака Америка и что она прежде исключительно снабжала Европу этимъ продуктомъ. Въ началѣ XVI вѣка, Португальцы перенесли это растеніе съ острова Табаго въ свое отечество, оттуда, въ 1560 году, было привезено нѣсколько табачныхъ растеній съ сѣменами во Францію Жанемъ Нико, тогдашнимъ французскимъ посланникомъ при португальскомъ дворѣ, и въ концѣ того же вѣка воздѣлываніе табаку стало уже распространяться въ средней Франціи, въ Альзасѣ, Баденѣ, Пфальцѣ и прочихъ мѣстахъ около Рейна. Въ началѣ XVII вѣка стали уже производить табакъ въ Венгріи, Польшѣ и Малороссіи. Въ Турціи и на Греческихъ островахъ его воздѣлываніе было распространено уже раньше, и онъ проникъ туда вѣроятно морскимъ путемъ, прямо изъ Испаніи. Въ первой половинѣ XVII вѣка, употребленіе табаку было уже въ ходу по всей Европѣ, и съ тѣхъ поръ, несмотря на строгія мѣры правительствъ отдѣльныхъ государствъ противъ его распространенія, употребленіе табаку усилилось до того что онъ въ наше время составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ всемірной торговли.

Америка, а въ особенности многіе острова ея доставляли потребителямъ всегда лучшіе сорта табаку, между тѣмъ какъ въ Европѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Турціи, производится табакъ низкихъ или посредственныхъ качествъ, сообразно климатическимъ и почвеннымъ условіямъ данной мѣстности. Но въ теченіе нашего столѣтія, народонаселеніе Америки увеличилось въ значительной степени и сдѣлалось немаловажнымъ потребителемъ тамошняго табаку. Съ другой стороны, запросъ на хорошіе сорта этого продукта увеличился въ то же время какъ въ Европѣ, такъ и въ другихъ странахъ міра. Обстоятельство это имѣло послѣдствіемъ то что цѣны на американскій продуктъ возрастали съ каждымъ годомъ, и что доброкачественные сорта, къ немалой горести любителей хорошей сигары, стали появляться въ Европѣ рѣже. Къ довершенію несчастія курящей публики, случилась сѣверо-

американская междуусобная война, послѣдовало освобожденіе негровъ въ южныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза и дѣятельное преслѣдованіе торговли ими въ Америкѣ вообще, и чрезъ это лишеніе многихъ плантаторовъ даровaго труда.

По этимъ причинамъ цѣны на американскій табакъ повысились до того что настоящія заатлантическія сигары доступны лишь людямъ богатымъ, и что европейскіе фабриканты принуждены, для удовлетворенія требованія публики, производить гаванскія сигары изъ матеріала произрастающаго въ Пфальцѣ, Венгріи, Силезіи и пр. Не мудрено что такая поддѣлка увеличила негодованіе потребителей и что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, бо́льшая часть русской публики стала курить табакъ турецкій, такъ какъ этотъ сортъ, при своей доброкачественности, гораздо дешевле. Употребленіе этого сорта табаку распространилось однакожъ не только въ Россіи, но въ новѣйшее время и въ странахъ гдѣ еще недавно турецкій табакъ былъ почти неизвѣстенъ, какъ-то: въ Германіи, Швейцаріи и даже въ Англіи, и по этой причинѣ вздорожалъ и этотъ сортъ. Табакъ который продавался въ Одессѣ 16 лѣтъ тому назадъ, напримѣръ, по 18 руб. за пудъ, сто́итъ тамъ теперь 40 руб. и дороже, не считая пошлины. Самые высокіе сорта продаются теперь около 100 р. за пудъ, между тѣмъ какъ до Крымской кампаніи цѣны на нихъ не превышали 40 р. Соотвѣтственно этому вздорожали мало-по-малу и посредственные сорта, вслѣдствіе чего стало развиваться и производство табаку турецкихъ сортовъ въ Крыму и Бессарабіи. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Бессарабіи воздѣлывался табакъ земледѣльцами, лишь для домашняго употребленія, а въ настоящее время эта область отпускаетъ его около милліона пудовъ. Этотъ продуктъ замѣняетъ теперь низшіе, отчасти и посредственные сорта привозимаго прежде турецкаго табаку.

Извѣстно что качество табаку обусловливается главнымъ образомъ количествомъ теплоты и влаги которымъ онъ пользуется во время своего прозябанія, почему, на основаніи данныхъ приведенныхъ мною при разборѣ климатическихъ условій южнаго склона Кавказа, не трудно заключить что Черноморскій округъ имѣетъ въ себѣ еще болѣе задатковъ для развитія табачнаго производства, чѣмъ поименованная область. Бессарабскій табакъ, за недостаткомъ нужнаго количества теплоты, не пріобрѣтаетъ аромата свойственнаго лучшимъ турецкимъ сортамъ, и по причинѣ рано наступаю-

щей тамъ осени и морозовъ, случающихся нерѣдко уже около половины сентября, уборка и сушка табаку подлежатъ многимъ затрудненіямъ.

На южномъ склонѣ Кавказа подобныхъ неблагопріятныхъ условій не существуетъ, потому что средняя годичная температура тамъ выше двумя градусами, между тѣмъ какъ температура собственно періода прозябанія и созрѣванія табаку въ этомъ краѣ выше на 4° чѣмъ въ Бессарабіи.

Въ прошломъ году я произвелъ, вблизи города Новороссійска, пробные посѣвы нѣкоторыхъ сортовъ табаку, а именно: шесть американскихъ (гаванна, мариландъ, конектикутъ, виргинія, огіо и порторико), трехъ сортовъ турецкихъ (самсонъ, требизондъ и дюбекъ) и одинъ персидскій (ширасъ). Подробный отчетъ объ этомъ опытѣ я намѣренъ напечатать въ спеціальномъ журналѣ, когда окончательная обработка полученнаго продукта позволитъ сдѣлать вѣрное опредѣленіе его качествъ. Однакожъ уже осенью отличались нѣкоторые сорта характерическимъ вкусомъ и ароматомъ, присущимъ этимъ сортамъ, изъ чего можно уже сдѣлать нѣкоторое заключеніе о достоинствѣ котораго могутъ достигнуть эти сорта на южномъ склонѣ Кавказа. Нѣкоторые изъ поселенцевъ получили въ прошломъ году изъ выписныхъ сѣмянъ дюбека столь ароматный табакъ что онъ мало уступаетъ привозному. Одинъ изъ хозяевъ, занимающій участокъ въ окрестности города Новороссійска, продалъ маленькую партію своего табаку по 40 р. за пудъ, между тѣмъ какъ лучшіе бессарабскіе табаки не достигаютъ цѣны превышающей 20 р. за пудъ. Опираясь на эти данныя, слѣдуетъ вывести заключеніе что этотъ край въ состояніи производить табакъ хорошаго достоинства, который можетъ если не совсѣмъ устранить ввозъ чужеземнаго табаку, то по крайней мѣрѣ ограничить его до незначительныхъ размѣровъ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени не существуетъ въ краѣ ни одной плантаціи, хотя бы нѣсколько значительныхъ размѣровъ, на которой производилась бы обработка табаку раціональнымъ способомъ. Поселившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края анатолійскіе Греки обрабатываютъ свои плантаціи весьма небрежно и получаютъ все-таки отъ 50 до 80 пудовъ табаку съ десятины.

Количество земли въ Черноморскомъ округѣ годной для воздѣлыванія табаку простирается, по моему разчету, до 40.000 десятинъ, а болѣе чѣмъ половина этого пространства

можетъ быть орошаема посредствомъ проведенія каналовъ. Если принять мѣриломъ производительности такихъ земель самую низкую урожайность нынѣ тамъ существующихъ плантацій, то-есть по 50 пудовъ съ десятины, то будущее производство табаку въ Черноморскомъ округѣ можетъ достигнуть до двухъ милліоновъ пудовъ, количество имѣющее во всякомъ случаѣ серіозное значеніе для русской торговли внутренней и заграничной.

О прибыльности табачныхъ плантацій въ этомъ краѣ для частнаго хозяина можно уже судить по достигнутымъ тамъ результатамъ: Греки, напримѣръ, несмотря на плохую обработку земли, на небрежную уборку табака и на отсутствіе цѣлесообразно устроенныхъ сараевъ для сушки его, продаютъ не выдержанный продуктъ отъ 7 до 10 р. за пудъ на кругъ, и выручаютъ такимъ образомъ отъ 350 до 800 р. валоваго дохода съ десятины, и такъ какъ обработка продукта обходится приблизительно отъ 200 до 250 р., то они получаютъ чистой прибыли отъ 150 до 550 руб. съ десятины. Если сообразить что табакъ бессарабскій продается въ настоящее время по 15 р. за пудъ, и что цѣна на продуктъ южнаго берега Крыма достигаетъ 20 р. за пудъ и болѣе, то нужно предположить что табачныя плантаціи въ Черноморскомъ округѣ, при правильной обработкѣ ихъ, могутъ доставлять по крайней мѣрѣ 300 руб. чистаго дохода съ десятины.

Что приведенная цифра доходности этой сельско-хозяйственной отрасли не преувеличена, можно видѣть изъ того обстоятельства что крымскіе Татары, занимающіеся производствомъ табаку, платили въ 1868 году князю Воронцову 150 р. и болѣе годовой аренды съ десятины земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бессарабіи плантаторы получаютъ съ десятины отъ 300 до 400 чистой прибыли.

Не менѣе важности для сельско-хозяйственной промышленности на южномъ склонѣ Кавказа будетъ имѣть воздѣлываніе садоваго хмѣля. Какое мѣсто занимаетъ хмѣль въ торговлѣ, можно судить уже изъ того что Англія, несмотря на то что сама производитъ около полумилліона центнеровъ этого продукта, покупаетъ его ежегодно еще приблизительно на 20 милліоновъ гульденовъ въ Баваріи, Баденѣ и въ Чехіи. Потребность въ садовомъ хмѣлѣ, благодаря распространенію употребленія пива, возрастаетъ въ настоящее время повсюду. Франція (за исключеніемъ Парижа) десять лѣтъ тому назадъ

не знала пива, а теперь ввозитъ хмѣля и пива изъ Германіи на 10 милліоновъ франковъ, и многіе хозяева въ Альзасѣ, Лотарингіи, Нормандіи и прочихъ мѣстахъ стали разводить хмѣль въ значительномъ количествѣ. И Россія слѣдуетъ въ этомъ отношеніи общему прогрессу: повсюду появляются новые пивоварные заводы, и употребленіе пива увеличивается съ каждымъ днемъ. Въ виду вреда который причиняетъ употребленіе водки русскому народу, нельзя не желать чтобъ она поскорѣе была вытѣснена пивомъ, напиткомъ вовсе не нѣмецкимъ, какъ часто полагаютъ, а обычнымъ искони у славянскихъ народовъ. О хлѣбномъ винѣ въ Россіи нѣтъ извѣстій до XVI вѣка. Маржеретъ (Французъ), служившій капитаномъ при Годуновѣ и Самозванцѣ, пишетъ что *Ливонцы*, то-есть Нѣмцы, переселенные изъ Ливоніи, *получали доходъ преимущественно отъ права продавать хлѣбное вино* и прочіе напитки, *причемъ имѣли прибыли не 10 на 100, а 100 на 100;* это извѣстіе показываетъ что именно Нѣмцы познакомили Русскихъ съ водкой и что до нихъ не было ее въ продажѣ.

Въ русскихъ пивоварныхъ заводахъ употребляется хмѣль по большей части домашняго приготовленія, но такъ какъ этотъ продуктъ принадлежитъ къ низшимъ сортамъ, то необходимо примѣшивать къ нему часть хмѣля привознаго, хотя онъ несравненно дороже домашняго. Цѣна на хмѣль баварскій и чешскій колебалась въ прошломъ году отъ 150 до 300 гульденовъ за центнеръ на мѣстѣ, то-есть отъ 35 до 70 руб за пудъ, изъ чего можно заключить о справедливости пословицы существующей въ южной Германіи, что *хмѣль дѣлаетъ богатыхъ людей.* Но не каждая мѣстность годится для воздѣлыванія хмѣля высокаго достоинства. Хмѣль не любитъ стелныхъ и открытыхъ мѣстъ, боится засухи и требуетъ продолжительной теплой осени, то-есть ему благопріятствуетъ болѣе всего мѣстоположеніе и климатъ годные для виноградной лозы. Поэтому хмѣль произрастающій въ малороссійскихъ и западныхъ губерніяхъ имѣетъ столь низкія качества что едва находитъ покупателей по цѣнамъ отъ 3 до 8 руб. за пудъ.

Насколько благопріятствуютъ климатическія и мѣстныя условія юго-западнаго склона Кавказа разведенію садоваго хмѣля, можно судить лучше всего по качеству встрѣчаемаго тамъ нынѣ хмѣля дико-прозябающаго, имѣющаго плоды вдвое

больше противъ малороссійскаго и чуть ли не столько же ароматные, какъ садовый хмѣль баварскій и виртембергскій. Это обстоятельство подаетъ основательную надежду что хмѣль въ этомъ краѣ, воздѣлываемый правильнымъ образомъ, будетъ стоять не ниже среднихъ сортовъ западной Европы, и такимъ образомъ эта отрасль заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны администраціи и частныхъ хозяевъ. Мѣстъ годныхъ для хмѣлевыхъ садовъ имѣется въ предѣлахъ Черноморскаго округа, по моимъ соображеніямъ, въ размѣрѣ не менѣе 10.000 дес., и такъ какъ средній урожай можно положить по 50 пуд. съ десятины, то этотъ край способенъ производить около полумилліона пудовъ. Что касается выгоды которую могутъ получать частныя лица изъ этой хозяйственной статьи, то она конечно зависитъ преимущественно отъ качества хмѣля, а потомъ отъ урожая. Въ окрестностяхъ Жатца, въ Чехіи, получается иногда 100 и болѣе-пудовъ хмѣля съ десятины и продаютъ его по 40 руб. за пудъ, то-есть десятина хмѣлеваго сада даетъ въ такихъ годахъ 4.000 руб. валоваго дохода, между тѣмъ какъ издержки на обработку не превышаютъ 500 руб. на десятину. Однакожь при воздѣлываніи случаются не рѣдко разныя невзгоды, и бываютъ годы когда урожай съ десятины не превышаетъ 15 пудовъ; но такъ какъ цѣна въ такіе годы превышаетъ 70 р. за пудъ и болѣе, то чистый доходъ все-таки достигаетъ 500 р. и болѣе съ десятины. Поэтому понятно что въ мѣстахъ гдѣ произрастаетъ хмѣль хорошаго достоинства, два-три десятка десятинъ земли составляютъ приличное состояніе, и что малоземелье многихъ странъ вовсе не есть признакъ ихъ бѣдности. Если качества хмѣля воздѣлываемаго въ Черноморскомъ округѣ будутъ такія что онъ будетъ цѣниться на половину противъ хорошихъ чешскихъ и нѣмецкихъ сортовъ, то-есть отъ 20 до 35 руб. за пудъ, то при посредственномъ урожаѣ (50 пудъ), десятина хмѣлевой плантаціи можетъ доставить отъ 1.000 до 1.750 руб. валоваго, а приблизительно половину этой суммы чистаго дохода.

Не буду говорить подробно о другихъ отрасляхъ годныхъ для сельско-хозяйственной культуры этого края, какъ-то: о шелководствѣ, пчеловодствѣ, воздѣлываніи хлопка, красильныхъ растеній, пробковаго дуба и пр. Скажу только что еслибы по межамъ отдѣльныхъ участковъ земли, вдоль дорогъ и по мѣстамъ неудобнымъ для другихъ хозяйственныхъ

статей были разведены тутовыя деревья, то можно бы получать въ этомъ краѣ матеріала достаточнаго для ежегоднаго производства около 20.000 пудовъ шелку, стоимостію около 6 милліоновъ рублей.

О выгодности этой торговли для сельскаго хозяина можно заключить изъ того обстоятельства что, напримѣръ, владѣлецъ одной фермы находящейся въ окрестностяхъ озера Комо, въ сѣверной Италіи, и состоящей приблизительно изъ 175 дес. земли, отдавая исполу тутовыя деревья и изгороди окружающія его поля и луга, получаетъ отъ нихъ отъ 3 до 5 тыс. гульденовъ, то-есть отъ 2 до 3 тыс. руб. годоваго дохода.

Насколько этотъ край благопріятствуетъ пчеловодству, можно судить уже по существованію въ тамошнихъ лѣсахъ множества пчелъ въ дикомъ состояніи, служившихъ отчасти предметомъ промысла для казачьяго населенія. Въ благопріятныя годы пчелы размножаются въ этомъ краѣ безпримѣрно. Бываетъ что изъ одной колодки (улья) выходятъ въ теченіи весны четыре роя, изъ коихъ два или три отраиваются въ свою очередь въ томъ же году. Такимъ образомъ получается въ такіе годы отъ нѣкоторыхъ ульевъ по семи и болѣе роевъ. По причинѣ уничтоженія множества деревьевъ и частаго выжиганія значительныхъ пространствъ, въ теченіе послѣднихъ годовъ, пчелы даютъ теперь менѣе роевъ и меду, чѣмъ въ прежнее время; но когда въ краѣ будутъ разведены вновь фруктовые сады и разныя культурныя растенія и обезпечатъ пчеламъ достаточное количество корма, то пчеловодство на южномъ склонѣ Кавказа сдѣлается весьма важною статьей доходности мѣстнаго хозяйства.

Красильныя растенія, воздѣлываемыя въ этомъ краѣ, должны доставлять, судя по климату и почвѣ, продуктъ высокаго достоинства.

Шишка ворсильная, за которую мы ежегодно отправляемъ около 150.000 руб. за границу, можетъ произрастать въ краѣ превосходно, такъ какъ одинъ изъ видовъ этой породы встрѣчается тамъ во множествѣ въ дикомъ состояніи.

За пробки и пробочное дерево мы выдаемъ ежегодно тоже около 150.000 руб., между тѣмъ какъ корковый дубъ можетъ быть разводимъ съ выгодой въ приморской полосѣ края. Насколько выгодна эта отрасль въ хозяйственной промышленности, можно видѣть изъ того обстоятельства что во

Франціи, хозяинъ имѣющій нѣсколько гектаровъ плантаціи корковаго дуба считается богачомъ.

Поговоривъ о значеніи болѣе важныхъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности на южномъ склонѣ Кавказа, я теперь приведу краткій примѣръ доходности хозяйства въ этомъ краѣ основаннаго главнымъ образомъ на садоводствѣ, винодѣліи, табачныхъ плантаціяхъ и шелководствѣ.

Положимъ что такое хозяйство будетъ расположено на участкѣ въ 100 десятинъ земли, которая, согласно общему приблизительному распредѣленію земель Черноморскаго округа, будетъ имѣть слѣдующія качества:

Крутыхъ склоновъ, не допускающихъ культуры и неплодородныхъ мѣстъ (руселъ рѣчекъ, каменистыхъ мѣстъ по долинамъ, скалистыхъ пространствъ и пр.) всего	30 десятинъ.
Мѣста ровныя и такія наклоненіе которыхъ не превышаетъ 15 градусовъ составляютъ 25 десядитъ; исключивъ же изъ этого количества 10 десятинъ мѣстъ неудобныхъ, остается годныхъ для распашки	15 »
Умѣренныхъ покатостей, не допускающихъ впрочемъ обработки полевымъ орудіемъ	25 »
Покатостей болѣе крутыхъ, годныхъ однакожъ для посадки на нихъ фруктовыхъ деревьевъ	30 »
Итого	100 десятинъ.

Предполагая что земля эта находится не въ непосредственной близи главнаго хребта, и что мѣстоположеніе ея посредственно благопріятно для культуры, можно бы распредѣлить ея на угодья слѣдующимъ образомъ:

Для хлѣбопашества 10 десятинъ, для табачныхъ плантацій 5 десятинъ, итого	15 десятинъ.
Для виноградниковъ	5 »
Для фруктовыхъ садовъ	45 »
Для усадьбы, огорода, помѣщенія пасѣки, подъ разныя строенія внѣ усадьбы и пр	5 »
Итого	70 десятинъ.

При этомъ распредѣленіи предполагается что земля изъ-подъ фруктовыхъ деревьевъ должна доставлять лѣтній и зимній кормъ для скота.

Если принять въ разчетъ что 20 десятинъ сада будетъ занято черносливомъ, 15 десятинъ яблонями и грушами, а остальное пространство грѣцкимъ орѣхомъ, фундуками, садовымъ

каштаномъ и пр. породами, и что кромѣ того, дороги и пахатныя поля будутъ тоже обсажены фруктовыми деревьями, то число ихъ будетъ простираться болѣе чѣмъ до 10.000 штукъ.

Поименованныя статьи могутъ доставлять слѣдующій валовой доходъ:

Пять десятинъ табачныхъ плантацій, при посредственномъ урожаѣ, по 400 руб. съ десятины	2.000 руб.
Пять десятинъ виноградника, въ посредственные годы, по 500 руб. съ десят.	2.500 „
10.000 штукъ фруктовыхъ деревьевъ разныхъ сортовъ, по 1 р. 50 к. съ дерева	15.000 „
Производство шелку, для чего долженъ быть разводимъ тутовникъ въ видѣ изгородей около плантацій, вокругъ садовъ и по межамъ участка и пр., можетъ доставлять чистаго дохода	1.000 „
Итого	20.500 руб.

Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, принята въ разчетъ низшая норма доходности отдѣльныхъ статей; на практикѣ и при полномъ развитіи хозяйственныхъ отраслей, эта доходность должна превышать значительно предположенную сумму

Стоимость обработки вычисляется приблизительно слѣдующая:

Обработка 5 десят. табачныхъ плантацій, по 200 р. за десятину	1.000 руб.
Пяти десятинъ винограднika, со включеніемъ ухода за виномъ въ теченіе одного года, по 250 р.	1.250 „
Обработка 10.000 фруктовыхъ деревьевъ, до уборки фруктовъ, по 30 к. за дерево	3.000 „
Прибавляя къ этому издержки на ремонтъ построекъ, инструментовъ, посуды и пр., на все хозяйство	2.000 „
Жалованье техническому руководителю	750 „
Придется вычесть изъ валоваго дохода	8.000 руб.
Почему остается чистаго дохода отъ этого примѣрнаго имѣнія	12.500 руб.

Такой доходъ со 100 десятинъ нужно, конечно, назвать весьма значительнымъ, несмотря на то что не приняты въ разчетъ многія другія статьи и этого хозяйства, какъ-то: хлѣбопашество, скотоводство, пчелеводство и пр. Доходность эта можетъ быть еще значительно увеличена посредствомъ расширенія размѣра виноградниковъ, введенія въ хозяйство дру-

гихъ статей, напримѣръ хмѣлевыхъ садовъ, воздѣлыванія марены и другихъ фабричныхъ растеній и, наконецъ, посредствомъ улучшенія цѣнности воздѣлываемыхъ продуктовъ противъ той которая предположена въ разчетѣ.

Для того чтобы получать такой доходъ въ степной мѣстности, нужно владѣть имѣніемъ въ нѣсколько тысячъ десятинъ.

Но посмотримъ теперь что̀ нужно для полученія вычисленной доходности хозяйства въ Черноморскомъ округѣ, т.-е. какой капиталъ и какое время понадобятся для достиженія этой цѣли:

Покупка 100 десят. земли въ этомъ краѣ обойдется вѣроятно не дороже чѣмъ въ.....	1.000 руб.
Сооруженіе самыхъ необходимыхъ построекъ для помѣщенія садовниковъ и рабочихъ не менѣе чѣмъ въ...	3.500 „
Скотный дворъ, амбаръ, кладовая и подкатный сарай простаго устройства обойдутся приблизительно въ.. ..	2.000 „
Сарай для сушки и обработки табаку получаемаго съ 5 десятинъ, при самомъ незатѣйливомъ способѣ устройства, будетъ стоить около.....	1.500 „
Сушильни для фруктовъ и кладовыя для нихъ... ...	3.000 „
Сарай для помѣщенія пресса для давленія вина, съ погребомъ для сбереженія его и со всѣми внутренними принадлежностями этой постройки.....	5.000 „
Обзаведеніе хозяйства скотомъ, орудіями и инструментами обойдется не дешевле чѣмъ въ.....	1.000 „
Покупка 10.000 деревьевъ, посадка ихъ и уходъ за ними до тѣхъ поръ пока они будутъ давать плоды обойдется среднимъ числомъ по 2 р. за дерево	20.000 „
Разведеніе виноградниковъ и уходъ за плантаціей до окончанія 4хъ-лѣтняго возраста, будетъ стоить въ этомъ краѣ около 1.000 руб. за десятину, всего.....	5.000 „
Итого....	42.000 руб.

Къ этой суммѣ нужно еще прибавить оборотный капиталъ отдѣльныхъ статей хозяйства въ теченіе всего года и ремонта построекъ, по прежнему разчету..... 8.500 „

Почему цифра нужнаго капитала на устройство приведеннаго въ примѣръ хозяйства равняется..... 50.500 руб.

Разчетъ этотъ служитъ намъ указаніемъ что въ мѣстности способной для подобной культуры нѣтъ надобности пріобрѣтать обширные участки, тѣмъ болѣе что устройство ихъ тре-

буетъ значительнаго капитала, именно: около 500 р. на десятину кругомъ. Съ другой же стороны нужно принять во вниманіе что необходимый капиталъ на устройство такого рода хозяйства великъ лишь въ отношеніи количества десятинъ. Въ сравненіи же съ доходностію хозяйства онъ малъ и можетъ доставить сельскому хозяину столь высокій процентъ какъ врядъ ли въ состояніи доставить какая-либо изъ отраслей человѣческой промышленности, основанная на солидныхъ началахъ, т.-е. въ приведенномъ примѣрѣ $24^{3}/_{4}{}^{0}/_{0}$.

Доходъ однакожь приходитъ не сейчасъ, даже въ томъ случаѣ еслибъ, устроить все хозяйство разомъ. Фруктовые сады, составляющіе въ приведенномъ примѣрѣ главную отрасль, даютъ доходъ лишь по истеченіи десятковъ лѣтъ. Яблони и груши, напримѣръ, доставляютъ нѣкоторое количество плодовъ только въ 6-мъ или 8-мъ году послѣ ихъ пересадки изъ питомника и начиная съ этого времени они только-что окупаютъ стоимость ихъ обработки. Съ 16го года они даютъ половинный, а съ 25го года обыкновенно полный урожай. Слива начинаетъ давать плоды раньше чѣмъ поименованные сорта, и полная урожайность ея наступаетъ приблизительно съ десятымъ годомъ послѣ высадки, между тѣмъ какъ грѣцкій орѣхъ и каштанъ развиваютъ свою урожайность на 25мъ или 30мъ году. Виноградники разводимые чубуками даютъ нѣкоторое количество плодовъ лишь въ 4мъ году и могутъ доставлять полный доходъ начиная съ 5го или 6го года. Туговыя изгороди могутъ доставлять матеріалъ для производства шелка въ 5мъ или 6мъ году, но выгоднѣе будетъ дать этимъ деревцамъ болѣе времени для развитія. Изъ этого видно что при устройствѣ подобнаго имѣнія, кромѣ значительнаго капитала, нужно и много времени, продолжительнаго труда и терпѣнія.

Въ обозначенную въ предыдущемъ разчетѣ сумму, нужную на устройство хозяйства взятаго въ примѣръ, включены всѣ расходы требуемые отдѣльными отраслями до наступленія ихъ доходности.

По этому такой капиталъ не затрачивается разомъ, а по частямъ, и такъ какъ отдѣльныя отрасли въ состояніи доставить полный доходъ по истеченіи одного или нѣсколькихъ лѣтъ, то цифра нужнаго на описанное устройство наличнаго капитала уменьшается значительно. Кромѣ того она уменьшается и по мѣрѣ распредѣленія этого устройства на большее число лѣтъ. Большое сбереженіе можно сдѣлать посредствомъ

разведенія нужныхъ деревьевъ и лозъ въ собственныхъ питомникахъ и возведеніемъ въ началѣ временныхъ построекъ. Уменьшеніемъ на первое время объема всѣхъ разводимыхъ отраслей уменьшается, конечно, объемъ нужнаго капитала; но подобный способъ устройства хозяйства для отдѣльнаго владѣльца невыгоденъ, потому что кругъ собственной его дѣятельности и результатъ ея окажется слишкомъ малымъ въ сравненіи съ затрачиваемымъ временемъ, а призывъ хорошихъ спеціалистовъ, при столь незначительныхъ размѣрахъ отдѣльныхъ отраслей, сдѣлается невозможнымъ. Притомъ нужно еще сообразить то положеніе въ которомъ этотъ край находится въ настоящее время. Лѣсной матеріалъ, годный для сооруженія жилыхъ и болѣе капитальныхъ хозяйственныхъ построекъ, придется возить на судахъ изъ Керчи, Ростова, Поти, или же устраивать дороги къ казеннымъ лѣснымъ дачамъ, находящимся, по большей части, по крутымъ склонамъ горъ. Ломку камня, выжиганіе извести и кирпича придется производить на мѣстѣ въ собственныхъ заводахъ или же привозить ихъ моремъ изъ Керчи и Анапы.

Складовъ орудій, инструментовъ, желѣза и прочихъ предметовъ необходимыхъ для построекъ и хозяйства въ краѣ не существуетъ, а нужно всѣ эти предметы покупать въ Одессѣ, Ростовѣ или въ Керчи. Пароходнымъ сообщеніемъ съ портами черноморскими и азовскими пользуются лишь два пункта Черноморскаго округа, то-есть городъ Новороссійскъ, лежащій въ сѣверной части его, и мѣстечко Туапсе, находящееся почти по срединѣ его побережья, въ полутораста верстахъ отъ перваго и около 170 верстъ отъ южной его границы. Но и это сообщеніе крайне неудовлетворительно, и постоянно можно слышать жалобы на пренебреженіе интересовъ этого края со стороны Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Казенная покупа, состоящая въ распоряженіи начальника этого округа, занята преимущественно перевозкой приходящихъ въ Новороссійскъ переселенцевъ и доставкой разныхъ предметовъ первой надобности войскамъ расположеннымъ по этому берегу. Она едва можетъ управиться съ этою задачей, частному хозяину на доставку этимъ путемъ нужныхъ ему предметовъ разчитывать нельзя. Питомниковъ фруктовыхъ деревьевъ и виноградныхъ садовъ въ краѣ не имѣется, почему деревца, чубучки и черенки нужно искать въ Крыму, въ Бессарабіи или же за границей.

Преодолѣть всѣ эти затрудненія можетъ лишь предприниматель обладающій весьма значительнымъ капиталомъ. Лица же не обладающія большими средствами или же не желающія затрачивать большіе капиталы на устройство подобнаго хозяйства могутъ достигнуть своей цѣли лишь посредствомъ ассоціаціи. Образуемыя товарищества могли бы устраивать разные заводы, необходимые для приготовленія строительныхъ матеріаловъ, какъ-то: печи для выжиганія кирпича, черепицы и извести, лѣсопильни и мукомольныя мельницы, въ которыхъ край весьма нуждается. Они могли бы устроить постоянное пароходное сообщеніе между отдѣльными пунктами края и съ портами черноморскими и азовскими, основать склады желѣзныхъ матеріаловъ и инструментовъ, мастерскія для изготовленія орудій и разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, развести питомники фруктовыхъ деревьевъ, устроить разсадники рогатаго скота горной породы и призывать въ край хорошихъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ хозяйственной промышленности. Устраиваемыя этими товариществами центральныя хозяйства могли бы служить образцомъ для отдѣльныхъ участковъ и для поселянъ, и снабжать тѣхъ и другихъ деревцами, чубуками, черенками, разными сѣменами и прочими хозяйственными надобностями. Эти ассоціаціи служили бы, такимъ образомъ, точкой опоры не только для отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, но и вообще для всѣхъ нынѣшнихъ и прибывающихъ въ край поселенцевъ.

Ф. ГЕЙДУКЪ.

ПРОЦЕССЪ ГАЛИЛЕЯ

ПО НОВЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ.

Когда знаменитому датскому астроному Тихо-Браге подарили три деревянныя линейки которыя Коперникъ употреблялъ для своихъ наблюденій, Тихо повѣсилъ ихъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ своей обсерваторіи и помѣстилъ подлѣ нихъ восторженные латинскіе стихи своего сочиненія. Стихи эти оканчиваются такими словами: „Неоцѣненны всѣ вещи оставшіяся послѣ этого великаго человѣка, неоцѣненны и принадлежавшіе ему куски дерева.“

Въ этихъ словахъ одного изъ служителей науки высказывается глубокая нравственная потребность человѣка, окружить почитаніемъ память своихъ вождей въ области духовнаго движенія.

Около двухъ съ половиной столѣтій прошло уже со смерти Галилея, а процессъ его до нынѣ продолжаетъ возбуждать живой интересъ изслѣдователей. Въ послѣднее время появились поочереди во Франціи, Германіи и Италіи, три независимыя одно отъ другаго изслѣдованія касающіяся нѣкоторыхъ важныхъ, недавно обнаруженныхъ обстоятельствъ инквизиціоннаго суда надъ знаменитымъ Флорентинцемъ. Исторія преслѣдованій которымъ подвергался Галилей въ общихъ чертахъ состоитъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: преподаваніе философа, въ которомъ онъ слѣдовалъ системѣ Коперника, возстановило противъ него перипатетиковъ, приверженцевъ системы Птоломея; но это было бы не важно и не опасно,

еслибы къ нимъ не присоединились богословы, считавшіе ученіе Коперника противнымъ Св. Писанію.

Чтобъ отвѣчать на нападки своихъ враговъ, въ 1615 году, Галилей написалъ письмо къ великой герцогинѣ Тосканской, Христинѣ, въ которомъ, разсматривая вопросъ въ богословскомъ отношеніи, старался доказать что библейскій текстъ толкуютъ не вѣрно. Такое оправданіе ученаго не изъ духовныхъ возбудило въ Римѣ большой ропотъ и было сочтено посягательствомъ на права богослововъ.

Желая разсѣять бурю, Галилей поѣхалъ самъ въ вѣчный городъ; но встрѣтилъ тамъ замѣтное противъ себя предубѣжденіе. Противники его успѣли уже наговорить всѣмъ кардиналамъ о *зловредномъ* ученіи.

Ученыя и ясныя доказательства Галилея произвели только то дѣйствіе что сочиненія Коперника и кармелитскаго монаха Фоскарини, старавшагося согласить астрономію со Св. Писаніемъ, подверглись разсмотрѣнію цензуры и были запрещены. На него же самого не пало явнаго гоненія.

Инквизиція въ своемъ декретѣ, отъ 5го марта 1616 года, положила существенное различіе между сочиненіями Коперника и Фоскарини: послѣднее было запрещено и уничтожено, первое же требовалось только исправить. Между прочимъ было опредѣлено исключить изъ него всѣ мѣста въ которыхъ Коперникъ называетъ землю свѣтиломъ (sidus) и считать ученіе Коперника *гипотезой*, изъ которой выводятся слѣдствія вѣрныя въ математическомъ смыслѣ, но сомнительныя въ философскомъ.

Въ 1632 году, Галилей, съ разрѣшенія флорентинскихъ цензоровъ инквизиціи, издалъ свой *Разговоръ*, имѣвшій цѣлью распространить и сдѣлать для всѣхъ доступнымъ ученіе Коперника. *Разговоръ* былъ встрѣченъ общимъ одобреніемъ; но враговъ философа онъ привелъ въ крайнее раздраженіе. Семидесятилѣтній Галилей былъ вытребованъ, въ началѣ 1633 года, въ Римъ. Тамъ инквизиція арестовала его, и послѣ *строгаго испытанія*, онъ былъ осужденъ наконецъ на тюремное заключеніе, строгость котораго съ теченіемъ времени была мало-по-малу ослаблена съ разрѣшенія папы. Кромѣ того его принудили отречься на колѣняхъ предъ Евангеліемъ отъ своего *еретическаго* ученія и обязали доносить инквизиціи о всѣхъ тѣхъ которые продолжали бы слѣдовать этому ученію.

Какое же юридическое основаніе имѣла инквизиція для осу-

жденія Галилея? Философъ пользовался обширною извѣстностью; онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими сильными земли, подачками и милостями которыхъ не могли не дорожить многіе изъ членовъ священнаго судилища, самъ папа Урбанъ VIII, когда былъ кардиналомъ, показывалъ чрезвычайное расположеніе къ Галилею. Оказывается что процессъ 1633 года былъ поднятъ на основаніи протокола помѣченнаго 26мъ февраля 1616 года, то-есть относящагося къ тому самому времени, когда происходили сужденія о преподаваніи Галилея и о сочиненіяхъ Коперника и Фоскарини.

Въ 1867 году, французскій ученый г. Анри де л'Эпинуа имѣлъ возможность пользоваться актами процесса, хранящимися въ Ватиканѣ, и между ними отыскалъ распоряженіе отъ 25го февраля 1616 года. Кардиналу Беллармину поручалось отъ имени Павла V пригласить къ себѣ Галилея и уговорить его оставить Коперниковскія воззрѣнія, въ случаѣ неповиновенія со стороны увѣщаемаго, отецъ-коммиссаръ священной инквизиціи долженъ былъ, въ присутствіи нотаріуса и свидѣтелей, сообщить ему повелѣніе вполнѣ отречься отъ преподаванія, защищенія и развитія сказанныхъ воззрѣній. Еслибъ и послѣ этого Галилей не смирился, то его должно было посадить въ тюрьму. Къ этому распоряженію приложенъ списанный тѣмъ же де-л'Эпинуа протоколъ слѣдующаго содержанія:

„Пятница, 26го числа того же мѣсяца (то-есть февраля). Въ обычной резиденціи господина кардинала Беллармина, въ присутствіи досточтимаго брата Микель-Анджело Сегниція де-Лауда, изъ ордена доминиканцевъ, генералъ-коммиссара священнаго присутствія, господинъ кардиналъ, какъ скоро названный выше Галилей явился по вызову предъ его эминенціей, убѣждалъ его, Галилея, въ ложности вышесказаннаго мнѣнія и увѣщевалъ его оставить эти мнѣнія; вслѣдъ затѣмъ, въ моемъ присутствіи, а также при свидѣтеляхъ и при господинѣ кардиналѣ, вышепоименованный отецъ-коммиссаръ находившемуся еще на лицо, явившемуся по вызову Галилею сообщилъ отъ имени его святѣйшества и цѣлой конгрегаціи священнаго присутствія наставленіе и приказаніе, состоящее въ томъ чтобъ онъ совершенно отказался отъ вышеуломянутаго мнѣнія о неподвижности солнца и о пребываніи его въ средоточіи мірозданія, и мнѣнія бы сего въ послѣдствіи никоимъ образомъ не держался (nec eam quovismodo teneat), не преподавалъ и не защищалъ ни словесно, ни письменно; въ противномъ случаѣ онъ будетъ подлежать суду священнаго присутствія. При этомъ приказаніи Галилей смирился и далъ обѣщаніе повиноваться. Это происходило въ Римѣ, въ на-

званномъ мѣстѣ, причемъ находились въ качествѣ свидѣтелей Бадино Норесъ, изъ Никосіи, и Августинъ Монгардъ, изъ аббатства Рольцъ, — домочадцы названнаго господина кардинала.“

Итакъ, подымая въ 1633 году процессъ противъ Галилея, инквизиція имѣла, повидимому, юридическое основаніе: въ 1616 году Галилей, такъ или иначе, далъ отреченіе, смирился, обѣщалъ ни словесно, ни письменно не защищать Коперниковскихъ воззрѣній, а въ 1632 году онъ издаетъ свой *Разговоръ*, зная, на основаніи приведенныхъ документовъ, что осужденію подвергнется не только его сочиненіе, но и самъ онъ. Если отреченіе дѣйствительно состоялось въ 1616 году и притомъ было дано офиціально, то какимъ же образомъ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ рѣшается во введеніи къ своему сочиненію напечатать между прочимъ слѣдующее: „....я хочу.... доказать иностранцамъ что въ Италіи, даже въ Римѣ, знаютъ систему Коперника столько же, сколько и въ другихъ мѣстахъ. Объявляю себя защитникомъ Коперника, и, на основаніи *предположенія* о движеніи земли, намѣреваюсь опровергнуть перипатетиковъ, которые не справляются съ наблюденіями.“

Галилей какъ будто не знаетъ ничего о сдѣланной ему лично положительной угрозѣ; въ словахъ его слышится только намекъ на то постановленіе которымъ опредѣлено было считать ученіе Коперника *предположеніемъ*, ведущимъ къ заключеніямъ правильнымъ въ математическомъ смыслѣ, но сомнительнымъ въ философскомъ.

Да и не одинъ Галилей не признаетъ существованія угрозы,—самъ кардиналъ Беллярминъ положительно отвергаетъ ее, какъ видно изъ слѣдующаго, недавно сдѣлавшагося извѣстнымъ письма кардинала къ Галилею:

„Римъ, 26го мая 1616. Мы, Робертъ, кардиналъ Беллярминъ, имѣя свѣдѣнія что на господина Галилея Галилеи клевещутъ и обвиняютъ его въ томъ что будто бы онъ отрекся предъ нами, при чемъ на него было наложено спасительное покаяніе, — будучи также просимы засвидѣтельствовать истину, объявляемъ что помянутый г. Галилей, ни предъ нами, ни предъ кѣмъ-либо другимъ въ Римѣ, и, сколько намъ извѣстно, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не отрекался ни отъ одного изъ своихъ воззрѣній и ученій, равно объявляемъ и то что на него не было положено никакого покаянія; ему было только сдѣлано извѣстнымъ изданное нашимъ государемъ и опублико-

ванное священною конгрегаціей индекса (*цензуры*) изъясненіе, содержаніе котораго состоитъ въ томъ что приписываемое Копернику ученіе, по которому земля вращается около солнца, а солнце помѣщается въ средоточіи міроздания и не перемѣщается отъ востока къ западу, противно Св. Писанію, и потому его не должно ни признавать, ни защищать *какъ истинное*. Въ удостовѣреніе этого, мы собственноручно написали и подписали настоящее письмо. *Робертъ, кардиналъ Белларминъ.*"

Какъ согласить это письмо съ протоколомъ? Какимъ образомъ инквизиція могла въ 1633 году основать судъ на такомъ документѣ который опровергается главнымъ лицомъ въ немъ упоминаемымъ? Дѣло въ томъ что въ 1633 году кардинала Белармина уже не было въ живыхъ, онъ умеръ 17го сентября 1621 года; папа Павелъ V сошелъ въ могилу въ 1623 году. Далѣе, имени нотаріуса, въ противность всѣмъ правиламъ и обычаямъ, въ протоколѣ не означено. Что касается до слугъ кардинала, бывшихъ свидѣтелями, то отъ ихъ имени отцы инквизиціи могли говорить, конечно, все что̀ угодно; могли даже, въ случаѣ надобности, припрятать ихъ какъ можно подальше. Остается одинъ досточтимый Микель-Анджело Сегниціи. Вопросъ самъ собой какъ-то невольно приводится къ тому за сколько скуди могла быть куплена инквизиторская совѣсть отца коммиссара, когда нужно было сочинить какой-нибудь приказный крючокъ.

Авторъ одной изъ упомянутыхъ нами въ началѣ новыхъ монографій о Галилеѣ, г. АнриМартенъ, приходитъ впрочемъ къ заключенію что письмо Беллармина не можетъ считаться надежнымъ документомъ и что оно умышленно извращаетъ положеніе дѣла. Въ письмѣ, по словамъ Анри Мартена, идетъ рѣчь, вопервыхъ, объ одномъ только ученіи Коперника и ни о какомъ другомъ сходнымъ съ нимъ; вовторыхъ, послѣдовавшее противъ этого ученія изъясненіе въ письмѣ приписывается папѣ, межъ тѣмъ какъ оно составлено инквизиціей; наконецъ письмо грѣшитъ тѣмъ что въ немъ говорится объ употребленіи въ дѣло, при разговорѣ Беллармина съ Галилеемъ, папскаго изъясненія, которое вышло лишь 5го марта, межъ тѣмъ какъ увѣщаніе Галилея происходило, по словамъ протокола, нѣсколько раньше, именно 26го февраля. Основываясь на этомъ, Мартенъ полагаетъ что инквизиція желала сохранить въ тайнѣ увѣщаніе 26го февраля; а такъ какъ, повидимому, дѣла инквизиціи должны были облекаться тайной

во что̀ бы то ни стало, даже въ ущербъ истинѣ, то вотъ, вмѣсто дѣйствительнаго и полновѣснаго предостереженія, въ письмѣ Беллармина и говорится о какомъ-то вымышленномъ увѣщаніи.

Авторъ нѣмецкой монографіи, * Вольвилль, изъ болѣе тщательнаго сопоставленія приведенныхъ выше документовъ, приходитъ къ заключенію противоположному. Такъ какъ письмо противорѣчитъ протоколу, то одинъ изъ этихъ актовъ несогласенъ съ истиной и, по его мнѣнію, ложь содержится въ протоколѣ. Такъ какъ притомъ нельзя допустить чтобы протоколъ былъ ложно *составленъ* въ февралѣ 1616 года, ибо это могло бы быть обнаружено кѣмъ-нибудь изъ участвовавшихъ лицъ, то Вольвилль считаетъ себя въ правѣ признать протоколъ за позднѣйшую намѣренную поддѣлку, которая могла совершиться между 1616 и 1633 годами и именно тогда когда ее некому уже было обнаружить.

Сличая протоколъ и письмо, онъ указываетъ на слѣдующія несообразности: Согласно со смысломъ письма, Белларминъ и Галилей вели бесѣду наединѣ; а если и былъ при этомъ еще какой-нибудь свидѣтель, то настолько незначительный что его присутствіе не придавало письму большой убѣдительности, а потому о немъ и не сказано ни слова. Протоколъ же гласитъ что при разговорѣ, притомъ съ самаго его начала, присутствовалъ генералъ-коммиссаръ инквизиціи, и невѣроятно чтобы Белларминъ позабылъ привести въ свидѣтели такую замѣтную личность.

Въ письмѣ говорится далѣе что Галилею было только сообщено что приписываемаго Копернику ученія не слѣдуетъ ни признавать, ни защищать какъ истинное: въ протоколѣ же кромѣ того читаются коварныя слова „*никоимъ образомъ*“, при помощи которыхъ всякое изложеніе Коперниканскаго ученія, *даже въ видѣ гипотезы, предположенія*, можетъ быть сочтено ослушаніемъ и преступленіемъ. Протоколъ прямо грозитъ судомъ надъ личностью Галилея, говоритъ о нотаріусѣ и свидѣтеляхъ, при которыхъ эта угроза пріобрѣтала на будущее время формальное, юридическое значеніе; въ письмѣ же нѣтъ ни слова ни объ угрозѣ, ни о нотаріусѣ, ни о свидѣтеляхъ. Въ протоколѣ, наконецъ, Галилей обѣщаетъ пови-

---

* Содержаніе ея намъ извѣстно изъ журнала Шломильха *Zeitschrift für Mathematik*, 1871.

новаться; въ письмѣ же прямо утверждается что Галилей вовсе не отказывался отъ своихъ воззрѣній и мнѣній.

Отъ документовъ, Вольвилль переходитъ къ самому Галилею, и остроумно, и ясно доказываетъ что всѣ его поступки, все имъ написанное и сказанное съ 1616 по 1633 годъ, равно какъ и заявленія его во время суда, слово въ слово согласны съ письмомъ Беллармина. Напротивъ того, если признать протоколъ истиннымъ, то̄ нужно допустить необъяснимое предположеніе что цѣлыя семнадцать лѣтъ Галилей непрерывно притворствовалъ и лицемѣрилъ.

Вольвилль старается наконецъ показать что формальное преслѣдованіе Галилея въ 1633 году было бы невозможно при томъ положеніи дѣла какое усматривается изъ письма, и что напротивъ того, желавшимъ придраться къ Галилею нужно было представить факты именно словами протокола.

Общее заключеніе Вольвилля приводится къ слѣдующему. Когда враги Галилея успѣли возстановить противъ него прежняго его доброжелателя, папу Урбана VIII, и когда они должны были цѣнить на вѣсъ золота всякое орудіе которымъ можно было окончательно унизить ненавистнаго имъ философа, столько разъ осмѣявшаго ихъ, — въ это самое время въ старыхъ актахъ неожиданно „отыскивается“ извѣстный протоколъ, то-есть по-просту говоря, поддѣлываются нужныя противникамъ Галилея бумаги и прилагаются къ дѣлу въ видѣ папскаго распоряженія и протокола; протестовать противъ поддѣлки было уже тогда некому.

Замѣчательно что одновременно съ монографіей Вольвилля, также въ прошломъ году, въ Италіи появилось сочиненіе Герарди, приводимыя въ которомъ данныя вполнѣ подтверждаютъ мысль Вольвилля о подложности ватиканскаго протокола 26го февраля.

Въ числѣ извлеченій изъ декретовъ инквизиціи, у Герарди приводится слѣдующее, содержащее въ себѣ изложеніе того что̀ происходило въ засѣданіи священнаго судилища въ то время когда его занимали вопросы о сочиненіяхъ Коперника и о Галилеѣ:

„3го марта 1616 года. Прежде всего кардиналъ Беллармин̀ъ доложилъ что согласно съ повелѣніемъ священной конгрегаціи, математику Галилею Галилеи сдѣлано было увѣщаніе чтобъ онъ не держался того мнѣнія которое онъ доселѣ считалъ *истиннымъ* и по которому солнце помѣщается въ средоточіи

міроздапія и неподвижно, а земля подвижна, и что онъ при этомъ смирился; потомъ было сообщено опредѣленіе конгрегаціи индекса запрещеній (цензуры) относительно преслѣдованія сочиненій Николая Коперника, Дидакуса изъ Стуники и кармелитскаго монаха, брата Павла, Антонія Фоскарини; послѣ того его святѣйшество дѣлаетъ распоряженіе о томъ чтобъ эдиктъ о запрещеніи, относящійся къ сказанному преслѣдованію, былъ опубликованъ начальникомъ дворца."

Вотъ что̀ гласитъ журналъ очевидно тайнаго засѣданія. Неподдѣльность письма Беллармина подтверждается имъ буквально; а при этомъ протоколъ 26го февраля приходится признать позднѣйшею поддѣлкой, вызванною желаніемъ отомстить Галилею во что̀ бы то ни стало. Неужели, скажемъ мы, придерживаясь толкованія Герарди, можно допустить что въ жилищѣ кардинала, въ его личномъ присутствіи, Галилею дается то важное и грозное предостереженіе которое протоколъ влагаетъ въ уста коммиссара инквизиціи, нотаріусъ предъ лицомъ свидѣтелей заноситъ его въ формальный актъ, и черезъ шесть дней Белларминъ дѣлаетъ донесеніе о простомъ увѣщаніи, внушеніи, которое Галилей выслушиваетъ спокойно? То же самое кардиналъ повторяетъ въ письмѣ своемъ три мѣсяца спустя. Белларминъ, могутъ возразить, счелъ нужнымъ доложить присутствію только о той части дѣла которая была поручена лично ему. Но тогда является вопросъ, почему не менѣе важная часть дѣла, которую выполнилъ, по словамъ протокола, Микель-Анджело Сеппиціи, не упоминается въ журналахъ. Какъ будто бы присутствіе инквизиціи, дѣла котораго велись, какъ увидимъ ниже, съ большою аккуратностію, опредѣлило сдѣлать рѣшительный шагъ противъ такого извѣстнаго лица какъ Галилей и потомъ не справлялось объ исполненіи своего постановленія, не заставило сдѣлать себѣ о немъ никакого доклада, хотя донесеніе Беллармина естественно напоминало объ этомъ.

Соображая все это, Герарди прямо приходитъ къ заключенію о подложности протокола 26го февраля.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ кто такой Герарди и какимъ образомъ познакомился онъ съ документами относящимися къ процессу Галилея.

Сильвестръ Герарди принималъ дѣятельное участіе въ тѣхъ событіяхъ которыя совершились въ Римѣ въ 1848—1849 годахъ и временно освободили вѣчный городъ отъ папскаго владычества. Онъ былъ послѣдовательно членомъ парламента,

созваннаго Піемъ IX, членомъ учредительнаго римскаго собранія, государственнымъ секретаремъ и наконецъ министромъ народнаго просвѣщенія въ революціонномъ правительствѣ. Принужденный возстановленіемъ прежняго порядка вещей бѣжать изъ Рима, Герарди поселился въ Генуѣ и посвящаетъ свое время занятію науками. По своему должностному положенію въ Римѣ, онъ долженъ былъ принимать мѣры для спасенія отъ народной ярости дѣлъ инквизиціи, хранившихся въ ея архивахъ. Въ апрѣлѣ 1849, дѣла эти были перенесены въ церковь Аполлинарія, гдѣ Герарди могъ видѣть это интересное собраніе только въ теченіе короткаго времени, потому что онъ отклонилъ отъ себя отвѣтственность главнаго завѣдыванія подобною библіотекой. Однакоже и въ это короткое время Герарди имѣлъ возможность обозрѣть архивъ, который до революціи и послѣ нея такъ ревниво оберегался отъ взоровъ непосвященныхъ. При этомъ Герарди узналъ что акты инквизиціи располагались главнымъ образомъ подъ двумя рубриками — *декретовъ* и *процессовъ*; и тѣ и другіе переплетались въ отдѣльные томы, къ каждому изъ которыхъ прилагался подробный указатель содержанія. Въ декретахъ содержатся журналы засѣданій и постановленія священной конгрегаціи; процессы же заключаютъ въ себѣ допросы подсудимыхъ, показанія свидѣтелей, всѣ относящіяся къ данному процессу бумаги и наконецъ рѣшенія дѣлъ.

Кромѣ того велся еще общій указатель, по которому можно было отыскивать и въ декретахъ и въ процессахъ все относящееся къ извѣстному дѣлу или лицу.

Герарди, несмотря на свои многосложныя занятія, не могъ удержаться отъ понятнаго желанія проникнуть въ тайны инквизиціи и съ особеннымъ вниманіемъ сталъ просматривать декреты, которые считались важнѣе процессовъ и велись поэтому съ бо́льшимъ тщаніемъ и съ соблюденіемъ полноты, хотя касались тѣхъ же дѣлъ какъ и процессы. Понятно что наибольшее любопытство Герарди возбудила исторія отношеній инквизиціи къ Галилею. Онъ сталъ даже выписывать изъ декретовъ относящіяся къ этой исторіи мѣста и уже сдѣлалъ десять важныхъ выписокъ, какъ вдругъ ему попалось готовое уже извлеченіе, которое, повидимому, за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, было составлено офиціальнымъ образомъ и которое было такъ согласно со всѣми сдѣланными уже Герарди выписками что онъ счелъ лишнимъ продолжать ихъ далѣе. Въ сочи-

неніи своемъ (*Il processo Galileo, riveduto sopra documenti di nuova fonte.* 1870) Герарди дѣлаетъ интереснын для историка инквизиціи изысканія относительно того когда и съ какою цѣлью сдѣлано было найденное имъ извлеченіе.

Когда римская революція была подавлена, Герарди долженъ былъ поспѣшно оставить Римъ и могъ захватить съ собою только свои десять выписокъ; но въ послѣдствіи онъ снова получилъ возможность имѣть подъ руками полное содержаніе упомянутаго извлеченія, и въ своей монографіи онъ приводитъ тридцать два мѣста изъ декретовъ, относящіяся къ суду надъ Галилеемъ.

При посредствѣ изслѣдованій Вольвилля и Герарди, между италіянскими и нѣмецкими учеными распространяется убѣжденіе что для осужденія Галилея была пущена въ ходъ постыдная поддѣлка документовъ; фактъ этотъ начинаетъ считаться исторически доказаннымъ, и теперь остается опредѣлить, — что̀ не имѣетъ впрочемъ большаго значенія,—когда и кѣмъ именно поддѣлка совершена.

Ѳ. БРЕДИХИНЪ.

БѢСЫ*

РОМАНЪ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Премудрый змій.

I.

Варвара Петровна позвонила въ колокольчикъ и бросилась въ кресла у окна.

— Сядьте здѣсь, моя милая, указала она Марьѣ Тимоѳеевнѣ мѣсто, посреди комнаты, у большаго круглаго стола;—Степанъ Трофимовичъ, что̀ это такое? Вотъ, вотъ, смотрите на эту женщину, что̀ это такое?

— Я... я... залепеталъ было Степанъ Трофимовичъ....

Но явился лакей.

— Чашку кофею, сейчасъ, особенно и какъ можно скорѣе! Карету не откладывать.

— Mais chère et excellente amie, dans quelle inquiétude... замирающимъ голосомъ воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ! по-французски, по-французски! Сейчасъ видно что высшій свѣтъ! хлопнула въ ладоши Марья Тимоѳеевна, въ упоеніи приготовляясь послушать разговоръ по-французски. Варвара Петровна уставилась на нее почти въ испугѣ.

Всѣ мы молчали и не безъ волненія ждали какой-нибудь развязки. Шатовъ не поднималъ головы, а Степанъ Трофи-

* См. *Русск. Вѣст.* №№ 1 и 2.

мовичъ былъ въ смятеніи, какъ будто во всемъ виноватый; лотъ выступилъ на его вискахъ. Я взглянулъ на Лизу (она сидѣла въ углу, почти рядомъ съ Шатовымъ). Ея глаза зорко перебѣгали отъ Варвары Петровны къ хромой женщинѣ и обратно; на губахъ ея кривилась улыбка, но нехорошая. Варвара Петровна видѣла эту улыбку. А между тѣмъ Марья Тимоѳеевна увлекалась совершенно: она съ наслажденіемъ и ни мало не конфузясь разсматривала прекрасную гостиную Варвары Петровны, — меблировку, ковры, картины на стѣнахъ, старинный расписной потолокъ, большое бронзовое распятіе въ углу, фарфоровую лампу, альбомы, вещицы на столѣ.

— Такъ и ты тутъ, Шатушка! воскликнула она вдругъ,— представь, я давно тебя вижу, да думаю: не онъ! Какъ онъ сюда проѣдетъ! и весело разсмѣялась.

— Вы знаете эту женщину? тотчасъ обернулась къ нему Варвара Петровна.

— Знаю-съ, пробормоталъ Шатовъ, тронулся было на стулѣ, но остался сидѣть.

— Что же вы знаете? Пожалуста поскорѣй!

— Да что.... ухмыльнулся онъ ненужной улыбкой и запнулся.... сами видите.

— Что вижу? Да ну же, говорите что-нибудь!

— Живетъ въ томъ домѣ гдѣ я.... съ братомъ.... офицеръ одинъ.

— Ну?

Шатовъ запнулся опять.

— Говорить не стоитъ.... промычалъ онъ и рѣшительно смолкъ. Даже покраснѣлъ отъ своей рѣшимости.

— Конечно отъ васъ нечего больше ждать! съ негодованіемъ оборвала Варвара Петровна. Ей ясно было теперь что всѣ что-то знаютъ и между тѣмъ всѣ что-то трусятъ и уклоняются предъ ея вопросами, хотятъ что-то скрыть отъ нея.

Вошелъ лакей и поднесъ ей на маленькомъ серебряномъ подносѣ заказанную особо чашку кофе, но тотчасъ же, по ея мановенію, напрививался къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ.

— Вы, моя милая, очень озябли давеча, выпейте поскорѣй и согрѣйтесь.

— Mercі,—взяла чашку Марья Тимоѳеевна и вдругъ прыснула со смѣху надъ тѣмъ что сказала лакею mercі. Но встрѣтивъ грозный взглядъ Варвары Петровны, оробѣла и поставила чашку на столъ.

— Тётя, да ужь вы не сердитесь ли? пролепетала она съ какою-то легкомысленною игривостью.

— Что-о-о? вспрянула и выпрямилась въ креслахъ Варвара Петровна,—какая я вамъ тётя? Что̀ вы подразумѣвали?

Марья Тимоѳеевна, не ожидавшая такого гнѣва, такъ и задрожала вся мелкою конвульсивною дрожью, точно въ припадкѣ, и отшатнулась на спинку креселъ.

— Я.... я думала такъ надо, пролепетала она, смотря во всѣ глаза на Варвару Петровну,—такъ васъ Лиза звала.

— Какая еще Лиза?

— А вотъ эта барышня, указала пальчикомъ Марья Тимоѳеевна.

— Такъ вамъ она уже Лизой стала.

— Вы такъ сами ее давеча звали, ободрилась нѣсколько Марья Тимоѳеевна.—А во снѣ я точно такую же красавицу видѣла, усмѣхнулась она какъ бы нечаянно.

Варвара Петровна сообразила и нѣсколько успокоилась; даже чуть-чуть улыбнулась послѣднему словцу Марьи Тимоѳеевны. Та, поймавъ улыбку, встала съ креселъ и хромая робко подошла къ ней.

— Возьмите, забыла отдать, не сердитесь за неучтивость, сняла она вдругъ съ плечъ своихъ черную шаль надѣтую на нее давеча Варварой Петровной.

— Надѣньте ее сейчасъ же опять и оставьте навсегда при себѣ. Ступайте и сядьте, лейте вашъ кофе и пожалуста не бойтесь меня, моя милая, успокойтесь. Я начинаю васъ понимать.

— Chère amie.... позволилъ было себѣ опять Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, тутъ и безъ васъ всякій толкъ потеряешь, пощадите хоть вы.... Пожалуста позвоните вотъ въ этотъ звонокъ, подлѣ васъ, въ дѣвичью.

Наступило молчаніе. Взглядъ ея подозрительно и раздражительно скользилъ по всѣмъ нашимъ лицамъ. Явилась Агаша, любимая ея горничная.

— Клѣтчатый мнѣ платокъ, который я въ Женевѣ купила. Что̀ дѣлаетъ Дарья Павловна?

— Онѣ-съ не совсѣмъ здоровы-съ.

— Сходи и попроси сюда. Прибавь что очень прошу, хотя бы и нездорова.

Въ это мгновеніе изъ сосѣднихъ комнатъ опять послышал-

ся какой-то необычный, стремящійся шумъ шаговъ и голосовъ, подобный давешнему, и вдругъ на порогѣ показалась запыхавшаяся и „разстроенная“ Прасковья Ивановна. Маврикій Николаевичъ поддерживалъ ее подъ руку.

— Охъ, батюшки, насилу доплелась; Лиза, что ты сумашедшая съ матерью дѣлаешь! взвизгнула она, кладя въ этотъ взвизгъ, по обыкновенію всѣхъ слабыхъ, но очень раздражительныхъ особъ, все что накопилось раздраженія.

— Матушка, Варвара Петровна, я къ вамъ за дочерью!

Варвара Петровна взглянула на нее изъ подлобья, полупривстала навстрѣчу и, едва скрывая досаду, проговорила:

— Здравствуй, Прасковья Ивановна, сдѣлай одолженіе садись. Я такъ и знала вѣдь что пріѣдешь.

II.

Для Прасковьи Ивановны въ такомъ пріемѣ не могло заключаться ничего неожиданнаго. Варвара Петровна и всегда, съ самаго дѣтства, третировала свою бывшую лансіонскую подругу деспотически и, подъ видомъ дружбы, чуть не съ презрѣніемъ. Но въ настоящемъ случаѣ и положеніе дѣлъ было особенное. Въ послѣдніе дни между обоими домами пошло на совершенный разрывъ, о чемъ уже и было мною вскользь упомянуто. Причины начинающагося разрыва покамѣсть были еще для Варвары Петровны таинственны, а стало-быть еще луще обидны; но главное въ томъ что Прасковья Ивановна успѣла принять предъ нею какое-то необычайно высокомѣрное положеніе. Варвара Петровна, разумѣется, была уязвлена, а между тѣмъ и до нея уже стали доходить какіе-то странные слухи, тоже чрезмѣрно ее раздражавшіе и именно своею неопредѣленностью. Характеръ Варвары Петровны былъ прямой и гордо-откpытый, съ наскокомъ, если такъ позволительно выразиться. Пуще всего она не могла выносить тайныхъ, прячущихся обвиненій и всегда предпочитала войну откpытую. Какъ бы то ни было, но вотъ уже пять дней какъ обѣ дамы не видѣлись. Послѣдній визитъ былъ со стороны Варвары Петровны, которая и уѣхала „отъ Дроздихи“ обиженная и смущенная. Я безъ ошибки могу сказать что Прасковья Ивановна вошла теперь въ наивномъ убѣжденіи что Варвара Петровна почему-то должна предъ нею

струсить; это видно было уже по выраженію лица ея. Но видно тогда-то и овладѣвалъ Варварой Петровной бѣсъ самой заносчивой гордости, когда она чуть-чуть лишь могла заподозрить что ее почему-либо считаютъ униженною. Прасковья Ивановна, какъ и многія слабыя особы, сами долго позволяющія себя обижать безъ протеста, отличалась необыкновеннымъ азартомъ нападенія при первомъ выгодномъ для себя оборотѣ дѣла. Правда, теперь она была нездорова, а въ болѣзни становилась всегда раздражительнѣе. Прибавлю, наконецъ, что всѣ мы находившіеся въ гостиной не могли особенно стѣснить нашимъ присутствіемъ обѣихъ подругъ дѣтства, еслибы между ними возгорѣлась ссора; мы считались людьми своими и чуть не подчиненными. Я не безъ страха сообразилъ это тогда же. Степанъ Трофимовичъ, не садившійся съ самаго прибытія Варвары Петровны, въ изнеможеніи опустился на стулъ, услыхавъ взвизгъ Прасковьи Ивановны и съ отчаяніемъ сталъ ловить мой взглядъ. Шатовъ круто повернулся на стулѣ и что-то даже промычалъ про себя. Мнѣ кажется онъ хотѣлъ встать и уйти. Лиза чуть-чуть было привстала, но тотчасъ же опять опустилась на мѣсто, даже не обративъ должнаго вниманія на взвизгъ своей матери, но не отъ „строптивости характера“, а потому что, очевидно, вся была подъ властью какого-то другаго могучаго впечатлѣнія. Она смотрѣла теперь куда-то въ воздухъ, почти разсѣянно и даже на Марью Тимоѳеевну перестала обращать прежнее вниманіе.

III.

— Охъ, сюда! указала Прасковья Ивановна на кресло у стола и тяжело въ него опустилась съ помощію Маврикія Николаевича;—не сѣла-бъ у васъ, матушка, еслибы не ноги! прибавила она надрывнымъ голосомъ.

Варвара Петровна приподняла немного голову, съ болѣзненнымъ видомъ прижимая пальцы правой руки къ правому виску и видимо ощущая въ немъ сильную боль (tic douloureux).

— Что́ такъ, Прасковья Ивановна, почему бы тебѣ и не сѣсть у меня? Я отъ покойнаго мужа твоего всю жизнь искреннею пріязнію пользовалась, а мы съ тобой еще дѣвчонками вмѣстѣ въ куклы въ пансіонѣ играли.

Прасковья Ивановна замахала руками.

— Ужь такъ и знала! Вѣчно про пансіонъ начнете, когда лопрекать собираетесь,—уловка ваша. А по моему, одно красноречіе. Терпѣть не могу этого вашего пансіона.

— Ты, кажется, слишкомъ ужь въ дурномъ расположеніи пріѣхала; что̀ твои ноги? Вотъ тебѣ кофе несутъ, милости просимъ, кушай и не сердись.

— Матушка, Варвара Петровна, вы со мной точно съ маленькою дѣвочкой. Не хочу я кофею, вотъ!

И она задирчиво махнула рукой подносившему ей кофей слугѣ. (Отъ кофею впрочемъ и другіе отказались, кромѣ меня и Маврикія Николаевича. Степанъ Трофимовичъ взялъ было, но отставилъ чашку на столъ. Марьѣ Тимоѳеевнѣ хоть и очень хотѣлось взять другую чашку, она ужь и руку протянула, но одумалась и чинно отказалась, видимо довольная за это собой.)

Варвара Петровна криво улыбнулась.

— Знаешь что̀, другъ мой Прасковья Ивановна, ты вѣрно опять что-нибудь вообразила себѣ, съ тѣмъ вошла сюда. Ты всю жизнь однимъ воображеніемъ жила. Ты вотъ про пансіонъ разозлилась; а помнишь какъ ты пріѣхала и весь классъ увѣрила что за тебя гусаръ Шаблыкинъ посватался, и какъ M-me Lefebure тебя тутъ же изобличила во лжи. А вѣдь ты и не лгала, просто навоображала себѣ для утѣхи. Ну, говори: съ чѣмъ ты теперь? Что̀ еще вообразила, чѣмъ недовольна?

— А вы, мать моя, въ пансіонѣ въ попа влюбились что̀ Законъ Божій преподавалъ,—вотъ вамъ, коли до сихъ поръ въ васъ такая злопамятность,—ха, ха, ха!

Она желчно расхохоталась и раскашлялась.

— А-а, ты не забыла про попа.... ненавистно глянула на нее Варвара Петровна.

Лицо ея позеленѣло. Прасковья Ивановна вдругъ пріосанилась.

— Мнѣ, матушка, теперь не до смѣху; зачѣмъ вы мою дочь при всемъ городѣ въ вашъ скандалъ замѣшали, вотъ зачѣмъ я пріѣхала?

— Въ мой скандалъ? грозно выпрямилась вдругъ Варвара Петровна.

— Мама, я васъ тоже очень прошу быть умѣреннѣе, проговорила вдругъ Лизавета Николаевна.

— Какъ ты сказала? приготовилась было опять взвизгнуть

мамаша, но вдругъ осѣла предъ засверкавшимъ взглядомъ дочки.

— Какъ вы могли, мама, сказать про скандалъ? вспыхнула Лиза;—я поѣхала сама, съ позволенія Юліи Михайловны, потому что хотѣла узнать исторію этой несчастной, чтобы быть ей полезною.

— „Исторію этой несчастной!" со злобнымъ смѣхомъ протянула Прасковья Ивановна;—да стать ли тебѣ мѣшаться въ такія „исторіи"? Охъ, матушка! Довольно намъ вашего деспотизма, бѣшено повернулась она къ Варварѣ Петровнѣ.—Говорятъ, правда ли, нѣтъ ли, весь городъ здѣшній замутировали, да видно пришла и на васъ пора!

Варвара Петровна сидѣла выпрямившись какъ стрѣла, готовая выскочить изъ лука. Секундъ десять строго и непо-движно смотрѣла она на Прасковью Ивановну.

— Ну, моли Бога, Прасковья, что всѣ здѣсь свои, выговорила она наконецъ съ зловѣщимъ спокойствіемъ,—много ты сказала лишняго.

— А я, мать моя, свѣтскаго мнѣнія не такъ боюсь какъ иныя; это вы, подъ видомъ гордости, предъ мнѣніемъ свѣта трепещете. А что тутъ свои люди, такъ для васъ же лучше чѣмъ еслибы чужіе слышали.

— Поумнѣла ты что ль въ эту недѣлю?

— Не поумнѣла я въ эту недѣлю, а видно правда наружу вышла въ эту недѣлю.

— Какая правда наружу вышла въ эту недѣлю? Слушай, Прасковья Ивановна, не раздражай ты меня, объяснись сію минуту, прошу тебя честью: какая правда наружу вышла и что̀ ты подъ этимъ подразумѣваешь?

— Да вотъ она вся-то правда сидитъ! указала вдругъ Прасковья Иванова пальцемъ на Марью Тимоѳеевну, съ тою отчаянною рѣшимостію которая уже не заботится о послѣдствіяхъ, только чтобы теперь поразить. Марья Тимоѳеевна, все время смотрѣвшая на нее съ веселымъ любопытствомъ, радостно засмѣялась при видѣ устремленнаго на нее пальца гнѣвливой гостьи и весело зашевелилась въ креслахъ.

— Господи Іисусе Христе, рехнулись они всѣ что ли! воскликнула Варвара Петровна и поблѣднѣвъ откинулась на спинку кресла.

Она такъ поблѣднѣла что произошло даже смятеніе. Степанъ Трофимовичъ бросился къ ней первый; я тоже прибли-

зился; даже Лиза вскочила съ мѣста, хотя и осталась у своего кресла; но всѣхъ болѣе испугалась сама Прасковья Ивановна: она вскрикнула, какъ могла приподнялась и почти завопила плачевнымъ голосомъ:

— Матушка, Варвара Петровна, простите вы мою злобную дурость! Да воды-то хоть подайте ей кто-нибудь!

— Не хнычь пожалуста, Прасковья Ивановна, прошу тебя, и отстранитесь, господа, сдѣлайте одолженіе, не надо воды! твердо, хоть и не громко выговорила побѣлѣвшими губами Варвара Петровна.

— Матушка! продолжала Прасковья Ивановна, капельку успокоившись,—другъ вы мой, Варвара Петровна, я хоть и виновата въ неосторожныхъ словахъ, да ужь раздражили меня луще всего безыменныя письма эти, которыми меня какіе-то людишки бомбардируютъ; ну и писали бы къ вамъ, коли про васъ же пишутъ, а у меня, матушка, дочь!

Варвара Петровна безмолвно смотрѣла на нее широко-открытыми глазами и слушала съ удивленіемъ. Въ это мгновеніе неслышно отворилась въ углу боковая дверь и появилась Дарья Павловна. Она пріостановилась и оглядѣлась кругомъ; ее поразило наше смятеніе. Должно-быть она не сейчасъ различила и Марью Тимоѳеевну, о которой никто ее не предувѣдомилъ. Степанъ Трофимовичъ первый замѣтилъ ее, сдѣлалъ быстрое движеніе, покраснѣлъ и громко для чего-то возгласилъ: „Дарья Павловна!“ такъ что всѣ глаза разомъ обратились на вошедшую.

— Какъ, такъ это-то ваша Дарья Павловна! воскликнула Марья Тимоѳеевна,—ну, Шатушка, не похожа на тебя твоя сестрица! Какъ же мой-то этакую прелесть крѣпостною дѣвкой Дашкой зоветъ!

Дарья Павловна межь тѣмъ приблизилась уже къ Варварѣ Петровнѣ; но пораженная восклицаніемъ Марьи Тимоѳеевны, быстро обернулась и такъ и осталась предъ своимъ стуломъ, смотря на юродивую длиннымъ, приковавшимся взглядомъ.

— Садись, Даша, проговорила Варвара Петровна съ ужасающимъ спокойствіемъ;—ближе, вотъ такъ; ты можешь и сидя видѣть эту женщину. Знаешь ты ее?

— Я никогда ее не видала, тихо отвѣтила Даша и помолчавъ тотчасъ прибавила: — должно-быть это больная сестра одного господина Лебядкина.

— И я васъ, душа моя, въ первый только разъ теперь

увидала, хотя давно уже съ любопытствомъ желала познакомиться, потому что въ каждомъ жестѣ вашемъ вижу воспитаніе, съ увлеченіемъ прокричала Марья Тимоѳеевна.—А что мой лакей бранится, такъ вѣдь возможно ли чтобы вы у него деньги взяли, такая воспитанная и милая? Потому что вы милая, милая, милая, это я вамъ отъ себя говорю! съ восторгомъ заключила она, махая предъ собою своею ручкой.

— Понимаешь ты что-нибудь? съ гордымъ достоинствомъ спросила Варвара Петровна.

— Я все понимаю-съ....

— Про деньги слышала?

— Это вѣрно тѣ самыя деньги которыя я, по просьбѣ Николая Всеволодовича, еще въ Швейцаріи, взялась передать этому господину Лебядкину, ея брату.

Послѣдовало молчаніе.

— Тебя Николай Всеволодовичъ самъ просилъ передать?

— Ему очень хотѣлось переслать эти деньги, всего триста рублей, господину Лебядкину. А такъ какъ онъ не зналъ его адреса, а зналъ лишь что онъ прибудетъ къ намъ въ городъ, то и поручилъ мнѣ передать, на случай если господинъ Лебядкинъ пріѣдетъ.

— Какія же деньги... пропали? Про что̀ эта женщина сейчасъ говорила?

— Этого ужь я не знаю-съ; до меня тоже доходило что господинъ Лебядкинъ говорилъ про меня вслухъ будто я не все ему доставила; но я этихъ словъ не понимаю. Было триста рублей, я и переслала триста рублей.

Дарья Павловна почти совсѣмъ уже успокоилась. И вообще замѣчу, трудно было чѣмъ-нибудь надолго изумить эту дѣвушку и сбить ее съ толку, — что̀ бы она тамъ про себя ни чувствовала. Проговорила она теперь всѣ свои отвѣты не торопясь, тотчасъ же отвѣчая на каждый вопросъ съ точностію, тихо, ровно, безо всякаго слѣда первоначальнаго внезапнаго своего волненія и безъ малѣйшаго смущенія, которое могло бы свидѣтельствовать о сознаніи хотя бы какой-нибудь за собою вины. Взглядъ Варвары Петровны не отрывался отъ нея все время пока она говорила. Съ минуту Варвара Петровна подумала:

— Если, произнесла она наконецъ съ твердостію и видимо къ зрителямъ, хотя и глядѣла на одну Дашу, — если Николай Всеволодовичъ не обратился со своимъ порученіе-

емъ даже ко мнѣ, а просилъ тебя, то конечно имѣлъ свои причины такъ поступить. Не считаю себя въ правѣ о нихъ любопытствовать, если изъ нихъ дѣлаютъ для меня секретъ. Но уже одно твое участіе въ этомъ дѣлѣ совершенно меня за нихъ успокоиваетъ, знай это, Дарья, прежде всего. Но видишь ли, другъ мой, ты и съ чистою совѣстью могла, по незнанію свѣта, сдѣлать какую-нибудь неосторожность; и сдѣлала ее, принявъ на себя сношенія съ какимъ-то мерзавцемъ. Слухи распущенные этимъ негодяемъ подтверждаютъ твою ошибку. Но я разузнаю о немъ, и такъ какъ защитница твоя я, то сумѣю за тебя заступиться. А теперь это все надо кончить.

— Лучше всего когда онъ къ вамъ придетъ, подхватила вдругъ Марья Тимоѳеевна, высовываясь изъ своего кресла,— то пошлите его въ лакейскую. Пусть онъ тамъ на залавкѣ въ свои козыри съ ними поиграетъ, а мы будемъ здѣсь сидѣть кофей пить. Чашку-то кофею еще можно ему послать, но я глубоко его презираю.

И она выразительно мотнула головой.

— Это надо кончить, повторила Варвара Петровна, тщательно выслушавъ Марью Тимоѳеевну; прошу васъ, позвоните, Степанъ Трофимовичъ.

Степанъ Трофимовичъ позвонилъ и вдругъ выступилъ впередъ, весь въ волненіи.

— Если.... если я.... залепеталъ онъ въ жару, краснѣя, обрываясь и заикаясь,—если я тоже слышалъ самую отвратительную повѣсть или лучше сказать, клевету, то... въ совершенномъ негодованіи.... enfin c'est un homme perdu et quelque chose comme un forçat evadé...

Онъ оборвалъ и не докончилъ; Варвара Петровна, прищурившись, оглядѣла его съ ногъ до головы. Вошелъ чинный Алексѣй Егоровичъ.

— Карету приказала Варвара Петровна,—а ты, Алексѣй Егорычъ, приготовься отвезти госпожу Лебядкину домой, куда она тебѣ сама укажетъ.

— Господинъ Лебядкинъ нѣкоторое время сами ихъ внизу ожидаютъ-съ и очень просили о себѣ доложить-съ.

— Это невозможно, Варвара Петровна, съ безпокойствомъ выступилъ вдругъ все время невозмутимо молчавшій Маврикій Николаевичъ;—если позволите, это не такой человѣкъ который можетъ войти въ общество, это.... это.... это невозможный человѣкъ, Варвара Петровна.

— Повременить, обратилась Варвара Петровна къ Алексѣю Егорычу и тотъ скрылся.

— C'est un homme malhônnete et je crois même que c'est un forçat evadé ou quelque chose dans ce genre, пробормоталъ опять Степанъ Трофимовичъ, опять покраснѣлъ и опять оборвался.

— Лиза, ѣхать пора, брезгливо возгласила Прасковья Ивановна и приподнялась съ мѣста.—Ей, кажется, жаль уже стало что она давеча, въ испугѣ, сама себя обозвала дурой. Когда говорила Дарья Павловна, она уже слушала съ высокомѣрною складкой на губахъ. Но всего болѣе поразилъ меня видъ Лизаветы Николаевны съ тѣхъ поръ какъ вошла Дарья Павловна: въ ея глазахъ засверкали ненависть и презрѣніе, слишкомъ ужь нескрываемыя.

— Повремени одну минутку, Прасковья Ивановна, прошу тебя, остановила Варвара Петровна, все съ тѣмъ же чрезмѣрнымъ спокойствіемъ,—сдѣлай одолженіе присядь, я намѣрена все высказать, а у тебя ноги болятъ. Вотъ такъ, благодарю тебя. Давеча я вышла изъ себя и сказала тебѣ нѣсколько нетерпѣливыхъ словъ. Сдѣлай одолженіе прости меня; я сдѣлала глупо и первая каюсь, потому что во всемъ люблю справедливость. Конечно, тоже изъ себя выйдя, ты упомянула о какомъ-то анонимѣ. Всякій анонимный извѣтъ достоинъ презрѣнія уже потому что онъ не подписанъ. Если ты понимаешь иначе, я тебѣ не завидую. Во всякомъ случаѣ я бы не полѣзла на твоемъ мѣстѣ за такою дрянью въ карманъ, я не стала бы мараться. А ты вымаралась. Но такъ какъ ты уже начала сама, то скажу тебѣ что и я получила дней шесть тому назадъ тоже анонимное, шутовское письмо. Въ немъ какой-то негодяй увѣряетъ меня что Николай Всеволодовичъ сошелъ съ ума и что мнѣ надо бояться какой-то хромой женщины, которая „будетъ играть въ судьбѣ моей чрезвычайную роль“, я заломила выраженіе. Сообразивъ и зная что у Николая Всеволодовича чрезвычайно много враговъ, я тотчасъ же послала за однимъ здѣсь человѣкомъ, за однимъ тайнымъ и самымъ мстительнымъ и презрѣннымъ изъ всѣхъ враговъ его, и изъ разговоровъ съ нимъ, мигомъ убѣдилась въ презрѣнномъ происхожденіи анонима. Если и тебя, моя бѣдная Прасковья Ивановна, безпокоили *изъ-за меня* такими же презрѣнными письмами, и какъ ты

выразилась, „бомбардировали,“ то, конечно, первая жалѣю что послужила невинною причиной. Вотъ и все что̀ я хотѣла тебѣ сказать въ объясненіе. Съ сожалѣніемъ вижу что ты такъ устала и теперь внѣ себя. Къ тому же, я непремѣнно рѣшилась *впустить* сейчасъ этого подозрительнаго человѣка, про котораго Маврикій Николаевичъ выразился не совсѣмъ идущимъ словомъ: что его невозможно *принять*. Особенно Лизѣ тутъ нечего будетъ дѣлать. Подойди ко мнѣ, Лиза, другъ мой, и дай мнѣ еще разъ поцѣловать тебя.

Лиза перешла комнату и молча остановилась предъ Варварой Петровной. Та поцѣловала ее, взяла за руки, отдалила немного отъ себя, съ чувствомъ на нее посмотрѣла, потомъ перекрестила и опять поцѣловала ее.

— Ну, прощай, Лиза (въ голосѣ Варвары Петровны послышались почти слезы), вѣрь что не перестану любить тебя, что̀ бы ни сулила тебѣ судьба отнынѣ.... Богъ съ тобою. Я всегда благословляла святую десницу Его....

Она что-то хотѣла еще прибавить, но скрѣпила себя и смолкла. Лиза пошла было къ своему мѣсту, все въ томъ же молчаніи и какъ бы въ задумчивости, но вдругъ остановилась предъ мамашей.

— Я, мама, еще не поѣду, а останусь на время у тёти, проговорила она тихимъ голосомъ, но въ этихъ тихихъ словахъ прозвучала желѣзная рѣшимость.

— Богъ ты мой, что̀ такое! возопила Прасковья Ивановна, безсильно сплеснувъ руками. Но Лиза не отвѣтила и какъ бы даже не слышала; она сѣла въ прежній уголъ и опять стала смотрѣть куда-то въ воздухъ.

Что̀-то побѣдоносное и гордое засвѣтилось въ лицѣ Варвары Петровны.

— Маврикій Николаевичъ, я къ вамъ съ чрезвычайною просьбой, сдѣлайте мнѣ одолженіе, сходите взглянуть на этого человѣка внизу, и если есть хоть какая-нибудь возможность его *впустить*, то приведите его сюда.

Маврикій Николаевичъ поклонился и вышелъ. Черезъ минуту онъ привелъ господина Лебядкина.

IV.

Я какъ-то говорилъ о наружности этого господина: высокій, кудрчавый, плотный парень, лѣтъ сорока, съ багровымъ, нѣсколько опухшимъ и обрюзглымъ лицомъ, со вздрагивающими при каждомъ движеніи головы щеками, съ маленькими, кровяными, иногда довольно хитрыми глазками, въ усахъ, въ бакенбардахъ и съ зараждающимся мясистымъ кадыкомъ, довольно непріятнаго вида. Но всего болѣе поражало въ немъ то что онъ явился теперь во фракѣ и въ чистомъ бѣльѣ. „Есть люди которымъ чистое бѣлье даже неприлично-съ," какъ возразилъ разъ когда-то Липутинъ на шутливый упрекъ ему Степана Трофимовича въ неряшествѣ. У капитана были и перчатки черныя, изъ которыхъ правую, еще не надѣванную, онъ держалъ въ рукѣ, а лѣвая, туго напяленная и не застегнувшаяся, до половины прикрывала его мясистую, лѣвую лапу, въ которой онъ держалъ совершенно новую, глянцовитую и навѣрно въ первый еще разъ служившую круглую шляпу. Выходило стало-быть что вчерашній „фракъ любви", о которомъ онъ кричалъ Шатову, существовалъ дѣйствительно. Все это, то-есть и фракъ и бѣлье, было принесено (какъ узналъ я послѣ) по совѣту Липутина, для какихъ-то таинственныхъ цѣлей. Сомнѣнія не было что и пріѣхалъ онъ теперь (въ извощичьей каретѣ) непремѣнно тоже по постороннему наущенію и съ чьею-нибудь помощью; одинъ онъ не успѣлъ бы догадаться, а равно одѣться, собраться и рѣшиться въ какія-нибудь три четверти часа, предполагая даже что сцена на соборной паперти стала ему тотчасъ извѣстною. Онъ былъ не пьянъ, но въ томъ тяжеломъ, грузномъ, дымномъ состояніи человѣка вдругъ проснувшагося послѣ многочисленныхъ дней запоя. Кажется, стоило бы только покачнуть его раза два рукой за плечо, и онъ тотчасъ бы опять охмѣлѣлъ.

Онъ было разлетѣлся въ гостиную, но вдругъ споткнулся въ дверяхъ о коверъ. Марья Тимоѳеевна такъ и померла со смѣху. Онъ звѣрски поглядѣлъ на нее, и вдругъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ Варварѣ Петровнѣ.

— Я пріѣхалъ, сударыня.... прогремѣлъ было онъ какъ въ трубу.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, милостивый государь, выпрями-

лась Варвара Петровна,—возьмите мѣсто вотъ тамъ, на томъ стулѣ. Я васъ услышу и оттуда, а мнѣ отсюда виднѣе будетъ на васъ смотрѣть.

Капитанъ остановился, куло глядя предъ собой, но однако повернулся и сѣлъ на указанное мѣсто, у самыхъ дверей. Сильная въ себѣ неувѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ наглость и какая-то безпрерывная раздражительность сказывались въ выраженіи его физіономіи. Онъ трусилъ ужасно, это было видно, но страдало и его самолюбіе, и можно было угадать что изъ раздраженнаго самолюбія, онъ можетъ рѣшиться, несмотря на трусость, даже на всякую наглость, при случаѣ. Онъ видимо боялся за каждое движеніе своего неуклюжаго тѣла. Извѣстно что самое главное страданіе всѣхъ подобныхъ господъ, когда они какимъ-нибудь чуднымъ случаемъ появляются въ обществѣ, составляютъ ихъ собственныя руки и ежеминутно сознаваемая невозможность куда-нибудь прилично дѣваться съ ними. Капитанъ замеръ на стулѣ съ своею шляпой и перчатками въ рукахъ и не сводя безсмысленнаго взгляда своего со строгаго лица Варвары Петровны. Ему можетъ-быть и хотѣлось бы внимательнѣе осмотрѣться кругомъ, но онъ пока еще не рѣшался. Марья Тимоѳеевна, вѣроятно найдя фигуру его опять ужасно смѣшною, захохотала снова, но онъ не шевельнулся. Варвара Петровна безжалостно долго, цѣлую минуту выдержала его въ такомъ положеніи, безпощадно его разглядывая.

— Сначала позвольте узнать ваше имя отъ васъ самихъ? мѣрно и выразительно произнесла она.

— Капитанъ Лебядкинъ, прогремѣлъ капитанъ,—я пріѣхалъ сударыня.... шевельнулся было онъ опять.

— Позвольте! опять остановила Варвара Петровна, — эта жалкая особа, которая такъ заинтересовала меня, дѣйствительно ваша сестра?

— Сестра, сударыня, ускользнувшая изъ-подъ надзора, ибо она въ такомъ положеніи....

Онъ вдругъ запнулся и побагровѣлъ.

— Не примите превратно, сударыня, сбился онъ ужасно, — родной братъ не станетъ марать.... въ такомъ положеніи, это значитъ не въ такомъ положеніи.... въ смыслѣ пятнающемъ репутацію.... на послѣднихъ порахъ....

Онъ вдругъ оборвалъ.

— Милостивый государь! подняла голову Варвара Петровна.

— Вотъ въ какомъ положеніи! внезапно заключилъ онъ, ткнувъ себя пальцемъ въ средину лба. Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— И давно она этимъ страдаетъ? протянула нѣсколько Варвара Петровна.

— Сударыня, я пріѣхалъ отблагодарить за выказанное на папертн великодушіе по-русски, по-братски....

— По-братски?

— То-есть не по-братски, а единственно въ томъ смыслѣ что я братъ моей сестрѣ, сударыня, и, повѣрьте, сударыня, зачастилъ онъ, опять побагровѣвъ, — что я не такъ необразованъ какъ могу показаться съ перваго взгляда въ вашей гостиной. Мы съ сестрой ничто, сударыня, сравнительно съ лышностію которую здѣсь замѣчаемъ. Имѣя къ тому же клеветниковъ. Но до репутаціи Лебядкинъ гордъ, сударыня, и.... и.... я пріѣхалъ отблагодарить.... Вотъ деньги, сударыня!

Тутъ онъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ, рванулъ изъ него пачку кредитокъ и сталъ перебирать ихъ дрожащими пальцами въ пеистовомъ приладкѣ нетерпѣнія. Видно было что ему хотѣлось поскорѣе что-то разъяснить, да и очень надо было; но вѣроятно чувствуя самъ что возня съ деньгами придаетъ ему еще болѣе глупый видъ, онъ потерялъ послѣднее самообладаніе: деньги никакъ не хотѣли сосчитаться, пальцы путались, и къ довершенію срама, одна зеленая депозитка, выскользнувъ изъ бумажника, полетѣла зигзагами на коверъ.

— Двадцать рублей, сударыня, вскочилъ онъ вдругъ съ пачкой въ рукахъ и со вспотѣвшимъ отъ страданія лицомъ; замѣтивъ на полу вылетѣвшую бумажку, онъ нагнулся было поднять ее, но почему-то устыдившись, махнулъ рукой.

— Вашимъ людямъ, сударыня, лакею который подберетъ; пусть помнитъ Лебядкину!

— Я этого никакъ не могу позволить, торопливо и съ нѣкоторымъ испугомъ проговорила Варвара Петровна.

— Въ такомъ случаѣ....

Онъ нагнулся, поднялъ, побагровѣлъ и, вдругъ стѣснительно приблизясь къ Варварѣ Петровнѣ, протянулъ ей отсчитанныя деньги.

— Что это? Совсѣмъ уже наконецъ испугалась она и даже попятилась въ креслахъ. Маврикій Николаевичъ, я и Степанъ Трофимовичъ шагнули каждый впередъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, я не сумашедшій, ей-Богу не сумашедшій! въ волненіи увѣрялъ капитанъ на всѣ стороны.

— Нѣтъ, милостивый государь, вы съ ума сошли.

— Сударыня, это вовсе не то что̀ вы думаете! Я конечно, ничтожное звено.... О, сударыня, богаты чертоги ваши, но бѣдны они у Маріи Неизвѣстной, сестры моей, урожденной Лебядкиной, но которую назовемъ лока Маріей Неизвѣстной, лока сударыня, только *лока*, ибо навѣчно не допуститъ самъ Богъ! Сударыня, вы дали ей десять рублей, и она приняла, но потому что отъ *васъ*, сударыня! Слышите, сударыня! ни отъ кого въ мірѣ не возьметъ эта Неизвѣстная Марія, иначе содрогнется во гробѣ штабъ-офицеръ ея дѣдъ, убитый на Кавказѣ, на глазахъ самого Ермолова, но отъ васъ, сударыня, отъ васъ все возьметъ. Но одною рукой возьметъ, а другою протянетъ вамъ уже двадцать рублей, въ видѣ ложертвованія въ одинъ изъ столичныхъ комитетовъ благотворительности, гдѣ вы, сударыня, состоите членомъ.... такъ какъ и сами вы, сударыня, публиковались въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* что у васъ состоитъ здѣшняя, по нашему городу, книга благотворительнаго общества, въ которую всякій можетъ подписываться....

Капитанъ вдругъ оборвалъ; онъ дышалъ тяжело, какъ послѣ какого-то труднаго подвига. Все это насчетъ комитета благотворительности, вѣроятно было заранѣе подготовлено, можетъ-быть также подъ редакціей Лилутина. Онъ еще пуще вспотѣлъ; буквально капли пота выступали у него на вискахъ. Варвара Петровна пронзительно въ него всматривалась.

— Эта книга, строго проговорила она, — находится всегда внизу у швейцара моего дома, тамъ вы можете подписать ваше ложертвованіе, если захотите. А потому прошу васъ спрятать теперь ваши деньги и не махать ими по воздуху. Вотъ такъ. Прошу васъ тоже занять ваше прежнее мѣсто. Вотъ такъ. Очень жалѣю, милостивый государь, что я ошиблась на счетъ вашей сестры и подала ей на бѣдность, когда она такъ богата. Не понимаю одного только, почему отъ меня одной она можетъ взять, а отъ другихъ ни за что̀ не захочетъ. Вы такъ на этомъ настаивали что я желаю совершенно точнаго объясненія.

— Сударыня, это тайна, которая можетъ быть похоронена лишь во гробѣ! отвѣчалъ капитанъ.

— Почему же? какъ-то не такъ уже твердо спросила Варвара Петровна.

— Сударыня, сударыня!...

Онъ мрачно примолкъ, смотря въ землю и приложивъ правую руку къ сердцу. Варвара Петровна ждала, не сводя съ него глазъ.

— Сударыня! взревѣлъ онъ вдругъ, — позволите ли сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, только одинъ, но открыто, прямо, по-русски, отъ души?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Страдали вы, сударыня, въ жизни?

— Вы просто хотите сказать что отъ кого-нибудь страдали или страдаете.

— Сударыня, сударыня! вскочилъ онъ вдругъ опять, вѣроятно и не замѣчая того и ударяя себя въ грудь, — здѣсь, въ этомъ сердцѣ накипѣло столько, столько что̀ удивится Самъ Богъ, когда обнаружится на страшномъ судѣ!

— Гмъ, сильно сказано.

— Сударыня, я можетъ-быть говорю языкомъ раздражительнымъ....

— Не безпокойтесь, я сама знаю гдѣ васъ надо будетъ остановить.

— Могу ли предложить вамъ еще вопросъ, сударыня?

— Предложите еще вопросъ.

— Можно ли умереть единственно отъ благородства своей души?

— Не знаю, не задавала себѣ такого вопроса.

— Не знаете! Не задавали себѣ такого вопроса!! прокричалъ онъ съ патетическою ироніей,—а коли такъ, коли такъ—

„Молчи безнадежное сердце!“

и онъ неистово стукнулъ себя въ грудь.

Онъ уже опять заходилъ по комнатѣ. Признакъ этихъ людей—совершенное безсиліе сдержать въ себѣ свои желанія; напротивъ, неудержимое стремленіе тотчасъ же ихъ обнаружить, со всею даже неопрятностью, чуть только они зародятся. Попавъ не въ свое общество, такой господинъ обыкновенно начинаетъ робѣя, но уступите ему на волосокъ, и онъ тотчасъ же перескочитъ на дерзости. Капитанъ уже горячился, ходилъ, махалъ руками, не слушалъ вопросовъ, говорилъ о себѣ шибко, шибко, такъ что языкъ его иногда подвертывался,

и не договоривъ, онъ перескакивалъ на другую фразу. Правда, едва ли онъ былъ совсѣмъ трезвъ; тутъ сидѣла тоже Лизавета Николаевна, на которую онъ не взглянулъ ни разу, но присутствіе которой, кажется, страшно кружило его. Впрочемъ это только уже предположеніе. Существовала же стало-быть причина по которой Варвара Петровна, преодолѣвая отвращеніе, рѣшилась выслушивать такого человѣка. Прасковья Ивановна просто тряслась отъ страха, правда не совсѣмъ, кажется, понимая въ чемъ дѣло. Степанъ Трофимовичъ дрожалъ тоже, но напротивъ потому что наклоненъ былъ всегда понимать съ излишкомъ. Маврикій Николаевичъ стоялъ въ позѣ всеобщаго оберегателя. Лиза была блѣдненькая и не отрываясь смотрѣла широко раскрытыми глазами на дикаго капитана. Шатовъ сидѣлъ въ прежней позѣ; но что̀ страннѣе всего, Марья Тимоѳеевна нетолько перестала смѣяться, но сдѣлалась ужасно грустна. Она облокотилась правою рукой на столъ, и длиннымъ грустнымъ взглядомъ слѣдила за декламировавшимъ братцемъ своимъ. Одна лишь Дарья Павловна казалась мнѣ спокойною.

— Все это вздорныя аллегоріи, разсердилась наконецъ Варвара Петровна,—вы не отвѣтили на мой вопросъ: „почему?“ Я настоятельно жду отвѣта.

— Не отвѣтилъ „почему?“ Ждете отвѣта на „почему?“ переговорилъ капитанъ, подмигивая; — это маленькое словечко „почему“ разлито во всей вселенной съ самаго перваго дня міросозданія, сударыня, и вся природа ежеминутно кричитъ своему Творцу: „почему?“ и вотъ уже семь тысячъ лѣтъ не получаетъ отвѣта. Неужто отвѣчать одному капитану Лебядкину, и справедливо ли выйдетъ, сударыня?

— Это все вздоръ и не то! гнѣвалась и теряла терпѣніе Варвара Петровна,—это аллегоріи; кромѣ того вы слишкомъ пышно изволите говорить, милостивый государь, что̀ я считаю дерзостью.

— Сударыня, не слушалъ капитанъ,—я можетъ-быть желалъ бы называться Эрнестомъ, а между тѣмъ принужденъ носить грубое имя Игната,—почему это, какъ вы думаете? Я желалъ бы называться княземъ де-Монбаромъ, а между тѣмъ я только Лебядкинъ, отъ лебедя, — почему это? Я поэтъ, сударыня, поэтъ въ душѣ, и могъ бы получать тысячу рублей отъ изда-

теля, а между тѣмъ принужденъ жить въ лахани, почему, почему? Сударыня! По моему, Россія есть игра природы, не болѣе!

— Вы рѣшительно ничего не можете сказать опредѣленнѣе?

— Я могу вамъ прочесть піесу *Тараканъ*, сударыня!

— Что-о-о?

— Сударыня, я еще не помѣшанъ! Я буду помѣшанъ, буду, навѣрно, но я еще не помѣшанъ! Сударыня, одинъ мой пріятель—бла-го-роднѣйшее лицо,—написалъ одну басню Крылова, подъ названіемъ *Тараканъ*,—могу я прочесть ее?

— Вы хотите прочесть какую-то басню Крылова?

— Нѣтъ, не басню Крылова хочу я прочесть, а мою басню, собственную, мое сочиненіе! Повѣрьте же, сударыня, безъ обиды себѣ, что я не до такой степени уже необразованъ и развращенъ чтобы не понимать что Россія обладаетъ великимъ баснописцемъ Крыловымъ, которому министромъ просвѣщенія воздвигнутъ памятникъ въ Лѣтнемъ Саду, для игры въ дѣтскомъ возрастѣ. Вы вотъ спрашиваете, сударыня: „почему?“ Отвѣтъ на днѣ этой басни, огненными литерами!

— Прочтите вашу басню.

— Жилъ на сѣтѣ тараканъ,
Тараканъ отъ дѣтства,
И потомъ въ стаканъ попалъ
Полный мухобдства....

— Господи, что̀ такое? воскликнула Варвара Петровна.

— То-есть когда лѣтомъ, заторопился капитанъ, ужасно махая руками, съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ автора которому мѣшаютъ читать, когда лѣтомъ въ стаканъ налѣзутъ мухи, то происходитъ мухобдство, всякій дуракъ пойметъ, не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы увидите.... (онъ все махалъ руками).

Мѣсто занялъ тараканъ,
Мухи возроптали,
Полонъ очень нашъ стаканъ,
Къ Юпитеру закричали.
Но пока у нихъ шелъ крикъ,
Подошелъ Никифоръ,
Бла-го-роднѣйшій старикъ ...

Тутъ у меня еще не докончено, но все равно, словами, трещалъ капитанъ, — Никифоръ беретъ стаканъ и несмотря на крикъ, выплескиваетъ въ лахань всю комедію, и мухъ и таракана, что̀ давно надо было сдѣлать. Но замѣтьте, замѣтьте,

сударыня, тараканъ не ропщетъ! Вотъ отвѣтъ на вашъ вопросъ: „почему?“ вскричалъ онъ, торжествуя: „Та-ра-канъ не ропщетъ!“ — Что же касается до Никифора, то онъ изображаетъ природу, прибавилъ онъ скороговоркой и самодовольно заходилъ по комнатѣ.

Варвара Петровна разсердилась ужасно.

— А въ какихъ деньгахъ, позвольте васъ спросить, полученныхъ будто бы отъ Николая Всеволодовича и будто бы вамъ не доданныхъ, вы осмѣлились обвинить одно лицо, принадлежащее къ моему дому?

— Клевета! взревѣлъ Лебядкинъ, трагически поднявъ правую руку.

— Нѣтъ, не клевета.

— Сударыня, есть обстоятельства заставляющія сносить скорѣе фамильный позоръ, чѣмъ провозгласить громко истину. Не проговорится Лебядкинъ, сударыня!

Онъ точно ослѣпъ; онъ былъ во вдохновеніи; онъ чувствовалъ свою значительность; ему навѣрно что-то такое представлялось. Ему уже хотѣлось обидѣть, какъ-нибудь нагадить, показать свою власть.

— Позвоните пожалуста, Степанъ Трофимовичъ, попросила Варвара Петровна.

— Лебядкинъ хитеръ, сударыня! подмигнулъ онъ со скверною улыбкой, — хитеръ, но есть и у него препона, есть и у него преддверіе страстей! И это преддверіе — старая боевая гусарская бутылка, воспѣтая Денисомъ Давыдовымъ. Вотъ когда онъ въ этомъ преддверіи, сударыня, тутъ и случается что онъ отправитъ письмо въ стихахъ, ве-ли-колѣпнѣйшее,— но которое желалъ бы потомъ возвратить обратно слезами всей своей жизни, ибо нарушается чувство прекраснаго. Но вылетѣла птичка, не поймаешь за хвостъ! Вотъ въ этомъ-то преддверіи, сударыня, Лебядкинъ могъ проговорить насчетъ и благородной дѣвицы, въ видѣ благороднаго негодованія возмущенной обидами души, чѣмъ и воспользовались клеветники. Но хитеръ Лебядкинъ, сударыня! И напрасно сидитъ надъ нимъ зловѣщій волкъ, ежеминутно подливая и ожидая конца: не проговорится Лебядкинъ, и на днѣ бутылки вмѣсто ожидаемаго оказывается каждый разъ — хитрость Лебядкина! Но довольно, о, довольно! Сударыня, ваши великолѣпные черты могли бы принадлежать благороднѣйшему изъ лицъ, но та-

ракамъ не ропщетъ! Замѣтьте же, замѣтьте наконецъ что не ропщетъ и познайте великій духъ!

Въ это мгновеніе снизу изъ швейцарской раздался звонокъ, и почти тотчасъ же появился нѣсколько замѣшкавшій на звонъ Степана Трофимовича Алексѣй Егорычъ. Старый чинный слуга былъ въ какомъ-то необыкновенно возбужденномъ состояніи:

— Николай Всеволодовичъ изволили сію минуту прибыть и идутъ сюда-съ, произнесъ онъ въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Варвары Петровны.

Я особенно припоминаю ее въ то мгновеніе: сперва она поблѣднѣла, но вдругъ глаза ея засверкали. Она выпрямилась въ креслахъ, съ видомъ необычной рѣшимости. Да и всѣ были поражены. Совершенно неожиданный пріѣздъ Николая Всеволодовича, котораго ждали у насъ развѣ что черезъ мѣсяцъ, былъ страненъ не одною своею неожиданностью, а именно роковымъ какимъ-то совпаденіемъ съ настоящею минутой. Даже капитанъ остановился какъ столбъ среди комнаты, разинувъ ротъ и съ ужасно глупымъ видомъ смотря на дверь.

И вотъ изъ сосѣдней залы, длинной и большой комнаты раздались скорые приближающіеся шаги, маленькіе шаги, чрезвычайно частые; кто-то какъ будто катился, и вдругъ влетѣлъ въ гостиную—совсѣмъ не Николай Всеволодовичъ, а совершенно незнакомый никому молодой человѣкъ.

V.

Позволю себѣ пріостановиться и хотя нѣсколько бѣглыми штрихами очертить это внезапно появляющееся лицо.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи или около, немного повыше средняго роста, съ жидкими бѣлокурыми, довольно длинными волосами и съ клочковатыми, едва обозначавшимися усами и бородкой. Одѣтый чисто и даже по модѣ, но не щегольски; какъ будто съ перваго взгляда сутуловатый и мѣшковатый, но однакожь совсѣмъ не сутуловатый и даже развязный. Какъ будто какой-то чудакъ, и однакоже всѣ у насъ находили потомъ его манеры весьма приличными, а разговоръ всегда идущимъ къ дѣлу.

Никто не скажетъ что онъ дуренъ собой, но лицо его никому не нравится. Голова его удлиннена къ затылку и какъ

бы сплюснута съ боковъ, такъ что лицо его кажется вострымъ. Лобъ его высокъ и узокъ, но черты лица мелки; глазъ вострый, носикъ маленькій и востренькій, губы длинныя и тонкія. Выраженіе лица словно болѣзненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щекахъ и около скулъ, что̀ придаетъ ему видъ какъ бы выздоравливающаго послѣ тяжкой болѣзни. И однакоже онъ совершенно здоровъ, силенъ и даже никогда не былъ боленъ.

Онъ ходитъ и движется очень торопливо, но никуда не торопится. Кажется ничто не можетъ привести его въ смущеніе; при всякихъ обстоятельствахъ и въ какомъ угодно обществѣ онъ останется тотъ же. Въ немъ большое самодовольство, но самъ онъ его въ себѣ не примѣчаетъ нисколько.

Говоритъ онъ скоро, торопливо, но въ то же время самоувѣренно, и не лѣзетъ за словомъ въ карманъ. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый видъ, отчетливы и окончательны, — и это особенно выдается. Выговоръ у него удивительно ясенъ; слова его сыплются какъ ровныя, крупныя зернушки, всегда подобранныя и всегда готовыя къ вашимъ услугамъ. Сначала это вамъ и нравится, но потомъ станетъ противно, и именно отъ этого слишкомъ уже яснаго выговора, отъ этого бисера вѣчно готовыхъ словъ. Вамъ какъ-то начинаетъ представляться что языкъ у него во рту должно-быть какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкій, ужасно красный и съ чрезвычайно острымъ, безпрерывно и невольно вертящимся кончикомъ.

Ну вотъ этотъ-то молодой человѣкъ и влетѣлъ теперь въ гостиную, и право мнѣ до сихъ поръ кажется что онъ заговорилъ еще изъ сосѣдней залы и такъ и вошелъ говоря. Онъ мигомъ очутился предъ Варварой Петровной.

— ....Представьте же, Варвара Петровна, сыпалъ онъ какъ бисеромъ,—я вхожу и думаю застать его здѣсь уже съ четверть часа; онъ полтора часа какъ пріѣхалъ; мы сошлись у Кирилова; онъ отправился, полчаса тому, прямо сюда и велѣлъ мнѣ тоже сюда приходить черезъ четверть часа....

— Да кто? Кто̀ велѣлъ вамъ сюда приходить? допрашивала Варвара Петровна.

— Да Николай же Всеволодовичъ! Такъ неужели вы въ самомъ дѣлѣ только сію минуту узнаете? Но багажъ же его, по крайней мѣрѣ, долженъ давно прибыть, какъ же вамъ не ска-

зали? Стало-быть я первый и возвѣщаю. За нимъ можно было бы, однако, послать куда-нибудь, а впрочемъ навѣрно онъ самъ сейчасъ явится и, кажется, именно въ то самое время которое какъ разъ отвѣтствуетъ нѣкоторымъ его ожиданіямъ и, сколько я, по крайней мѣрѣ могу судить, его нѣкоторымъ разчетамъ. Тутъ онъ обвелъ глазами комнату и особенно внимательно остановилъ ихъ на капитанѣ. — Ахъ, Лизавета Николаевна, какъ я радъ что встрѣчаю васъ съ перваго же шагу, очень радъ пожать вашу руку, быстро подлетѣлъ онъ къ ней чтобы подхватить протянувшуюся къ нему ручку весело улыбнувшейся Лизы; — и сколько замѣчаю, многоуважаемая Прасковья Ивановна тоже не забыла, кажется, своего „профессора“ и даже на него не сердится, какъ всегда сердилась въ Швейцаріи. Но какъ однакожъ здѣсь ваши ноги, Прасковья Ивановна, и справедливо ли приговорилъ вамъ швейцарскій консиліумъ климатъ родины?... какъ-съ? примочки? это очень должно-быть полезно. Но какъ я жалѣлъ, Варвара Петровна (быстро повернулся онъ опять), что не успѣлъ васъ застать тогда за границей и засвидѣтельствовать вамъ лично мое уваженіе, притомъ же такъ много имѣлъ сообщить.... Я увѣдомлялъ сюда моего старика, но онъ по своему обыкновенію кажется....

— Петруша! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ, мгновенно выходя изъ оцѣпенѣнія; онъ сплеснулъ руками и бросился къ сыну.—Pierre, mon enfant, а вѣдь я не узналъ тебя! сжалъ онъ его въ объятіяхъ, и слезы покатились изъ глазъ его.

— Ну, не шали, не шали, безъ жестовъ, ну и довольно, довольно, бормоталъ Петруша, стараясь освободиться изъ объятій.

— Я всегда, всегда былъ виноватъ предъ тобой!

— Ну, и довольно; объ этомъ мы послѣ поговоримъ. Такъ вѣдь и зналъ что зашалишь. Ну будь же немного потрезвѣе, прошу тебя.

— Но вѣдь я не видалъ тебя десять лѣтъ!

— Тѣмъ менѣе причинъ къ изліяніямъ....

— Mon enfant!

— Но невозможно же быть въ такихъ лѣтахъ такимъ ребенкомъ, скороговоркой сыпалъ Петруша. (Вся эта сцена произошла чрезвычайно быстро, почти мгновенно.) — Ну вѣрю, вѣрю что любишь, убери свои руки. Вѣдь ты мѣшаешь дру-

гимъ.... Ахъ, вотъ и Николай Всеволодовичъ, да не шали же прошу тебя наконецъ!

Онъ вырвался. Николай Всеволодовичъ дѣйствительно былъ уже въ комнатѣ; онъ вошелъ очень тихо и на мгновеніе пріостановился въ дверяхъ, тихимъ взглядомъ окидывая собраніе.

Какъ и четыре года назадъ, когда въ первый разъ я увидалъ его, такъ точно и теперь, я былъ пораженъ съ перваго на него взгляда. Я ни мало не забылъ его; но кажется есть такія физіономіи которыя всегда, каждый разъ когда появляются, какъ бы приносятъ съ собою нѣчто новое, еще не примѣченное въ нихъ вами, хотя бы вы сто разъ прежде встрѣчались. Повидимому, онъ былъ все тотъ же какъ и четыре года назадъ: такъ же изященъ, такъ же важенъ, такъ же важно входилъ какъ и тогда, даже почти такъ же молодъ. Легкая улыбка его была такъ же офиціально ласкова и такъ же самодовольна; взглядъ такъ же строгъ, вдумчивъ и какъ бы разсѣянъ. Однимъ словомъ, казалось, мы вчера только разстались. Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его красавцемъ, но лицо его дѣйствительно „походило на маску," какъ выражались нѣкоторыя изъ злоязычныхъ дамъ нашего общества. Теперь же,— теперь же не знаю почему онъ съ перваго же взгляда показался мнѣ рѣшительнымъ, неоспоримымъ красавцемъ, такъ что уже никакъ нельзя было сказать что лицо его походитъ на маску. Не оттого ли что онъ сталъ чуть-чуть блѣднѣе чѣмъ прежде и кажется нѣсколько похудѣлъ? Или можетъ-быть какая-нибудь новая мысль свѣтилась теперь въ его взглядѣ?

— Николай Всеволодовичъ! вскричала, вся выпрямившись и не сходя съ креселъ, Варвара Петровна, останавливая его повелительнымъ жестомъ,—остановись на одну минуту!

Но чтобъ объяснить тотъ ужасный вопросъ который вдругъ послѣдовалъ за этимъ жестомъ и восклицаніемъ,—вопросъ, возможности котораго я даже и въ самой Варварѣ Петровнѣ не могъ бы предположить,—я попрошу читателя вспомнить что̀ такое былъ характеръ Варвары Петровны во всю ея жизнь и необыкновенную стремительность его въ иныя чрезвычайныя минуты. Прошу тоже сообразить что несмотря на несомнѣнную твердость души и на огромную долю разсудка и практическаго, такъ-сказать, даже хозяйственнаго такта, которыми она обладала, все-таки въ ея жизни не переводились такія мгновенія которымъ она отдавалась вдругъ вся, всецѣло и, если позволительно выразиться, совершенно безъ

удержу. Прошу взять наконецъ во вниманіе что настоящая минута дѣйствительно могла быть для нея изъ такихъ въ которыхъ вдругъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается вся сущность жизни,—всего прожитаго, всего настоящаго и пожалуй будущаго. Напомню еще вскользь и о полученномъ ею анонимномъ письмѣ, о которомъ она давеча такъ раздражительно проговорилась Прасковьѣ Ивановнѣ, причемъ, кажется, умолчала о дальнѣйшемъ содержаніи письма; а въ немъ-то можетъ-быть и заключалась разгадка возможности того ужаснаго вопроса съ которымъ она вдругъ обратилась къ сыну.

— Николай Всеволодовичъ, — повторила она, отчеканивая слова твердымъ голосомъ, въ которомъ зазвучалъ грозный вызовъ,—прошу васъ, скажите сейчасъ же, не сходя съ этого мѣста: правда ли что эта несчастная, хромая женщина,—вотъ она, вонъ тамъ, смотрите на нее! Правда ли что она.... законная жена ваша?

Я слишкомъ помню это мгновеніе; онъ не смигнулъ даже глазомъ и пристально смотрѣлъ на мать; ни малѣйшаго измѣненія въ лицѣ его не послѣдовало. Наконецъ онъ медленно улыбнулся какой-то снисходящей улыбкой и, не отвѣтивъ ни слова, тихо подошелъ къ мамашѣ, взялъ ея руку, почтительно поднесъ къ губамъ и два раза поцѣловалъ. И до того было сильно всегдашнее, неодолимое вліяніе его на мать что она и тутъ не посмѣла отдернуть руки. Она только смотрѣла на него, вся обратясь въ вопросъ, и весь видъ ея говорилъ что еще одинъ мигъ, и она не вынесетъ неизвѣстности.

Но онъ продолжалъ молчать. Поцѣловавъ руку, онъ еще разъ окинулъ взглядомъ всю комнату и попрежнему не спѣша направился прямо къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ. Очень трудно описывать физіономіи людей въ нѣкоторыя мгновенія. Мнѣ, напримѣръ, запомнилось что Марья Тимоѳеевна, вся замирая отъ испуга, поднялась къ нему на встрѣчу и сложила, какъ бы умоляя его, предъ собою руки; а вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминается и восторгъ въ ея взглядѣ, какой-то безумный восторгъ, почти исказившій ея черты—восторгъ, который трудно людьми выносится. Можетъ было и то и другое, и испугъ и восторгъ; но помню что я быстро къ ней придвинулся (я стоялъ почти подлѣ), мнѣ показалось что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ.

— Вамъ нельзя быть здѣсь,—проговорилъ ей Николай Всеволодовичъ ласковымъ, мелодическимъ голосомъ, и въ глазахъ

его засвѣтилась необыкновенная нѣжность. Онъ стоялъ предъ нею въ самой почтительной позѣ, и въ каждомъ движеніи его сказывалось самое искреннее уваженіе. Бѣдняжка стремительнымъ полушепотомъ, задыхаясь, пролепетала ему:

— А мнѣ можно.... сейчасъ.... стать предъ вами на колѣни?

— Нѣтъ, этого никакъ нельзя,—великолѣпно улыбнулся онъ ей, такъ что и она вдругъ радостно усмѣхнулась. Тѣмъ же мелодическимъ голосомъ и нѣжно уговаривая ее точно ребенка, онъ съ важностію прибавилъ:

— Подумайте о томъ что вы дѣвушка, а я хоть и самый преданный другъ вашъ, но все же посторонній вамъ человѣкъ, не мужъ, не отецъ, не женихъ. Дайте же руку вашу и пойдемте; я провожу васъ до кареты и, если позволите, самъ отвезу васъ въ вашъ домъ.

Она выслушала и какъ бы въ раздумьи склонила голову.

— Пойдемте, сказала она, опять ясно смотря на него и подавая ему руку.

Но тутъ съ нею случилось маленькое несчастіе. Должно-быть она неосторожно какъ-нибудь повернулась и ступила на свою больную, короткую ногу,—словомъ, она упала всѣмъ бокомъ на кресло, и не будь этихъ креселъ, полетѣла бы на полъ. Онъ мигомъ подхватилъ ее и поддержалъ, крѣпко взялъ подъ руку, и съ участіемъ, осторожно повелъ къ дверямъ. Она видимо была огорчена своимъ паденіемъ, смутилась, покраснѣла и ужасно застыдилась. Молча смотря въ землю, глубоко прихрамывая, она заковыляла за нимъ, почти повиснувъ на его рукѣ. Такъ они и вышли. Лиза, я видѣлъ, для чего-то вдругъ привскочила съ кресла, пока они выходили, и неподвижнымъ взглядомъ прослѣдила ихъ до самыхъ дверей. Потомъ молча сѣла опять, но въ лицѣ ея было движеніе какъ будто она дотронулась до какого-то гада.

Пока шла вся эта сцена между Николаемъ Всеволодовичемъ и Марьей Тимоѳеевной, всѣ молчали въ изумленіи; муху бы можно услышать; но только-что они вышли, всѣ вдругъ заговорили.

VI.

Говорили впрочемъ мало, а болѣе восклицали. Я немножко забылъ теперь какъ это все происходило тогда по порядку, потому что вышла сумятица. Воскликнулъ что-то Степанъ Трофимовичъ по-французски и сплеснулъ руками, но Варварѣ Петровнѣ было некогда слушать. Даже пробормоталъ что-то отрывисто и скоро Маврикій Николаевичъ. Но всѣхъ болѣе горячился Петръ Степановичъ; онъ въ чемъ-то отчаянно убѣждалъ Варвару Петровну, съ большими жестами, но я долго не могъ понять. Обращался и къ Прасковьѣ Ивановнѣ и къ Лизаветѣ Николаевнѣ, даже мелькомъ сгоряча крикнулъ что-то отцу,—однимъ словомъ, очень вертѣлся по комнатѣ. Варвара Петровна, вся раскраснѣвшись, вскочила было съ мѣста и крикнула Прасковьѣ Ивановнѣ: „Слышала, слышала ты что онъ здѣсь ей сейчасъ говорилъ?“ Но та ужь и отвѣчать не могла, а пробормотала только, махнувъ рукой: „Вы все начали, вы все выдумали“, или что-то въ этомъ родѣ, и совсѣмъ притихла.

У бѣдной была своя забота: она поминутно поворачивала голову къ Лизѣ и смотрѣла на нее въ безотчетномъ страхѣ, а встать и уѣхать и думать уже не смѣла, пока не подымется дочь. Тѣмъ временемъ капитанъ навѣрно хотѣлъ улизнуть, это я подмѣтилъ. Онъ былъ въ настоящемъ испугѣ, съ самого того мгновенія какъ появился Николай Всеволодовичъ; но Петръ Степановичъ схватилъ его за руку и не далъ уйти.

— Это необходимо, необходимо,—сыпалъ онъ своимъ бисеромъ Варварѣ Петровнѣ, все продолжая ее убѣждать. Онъ стоялъ предъ нею, а она уже опять сидѣла въ креслахъ, и помню, съ жадностію его слушала; онъ таки добился того и завладѣлъ ея вниманіемъ.

— Это необходимо. Вы сами видите, Варвара Петровна, что тутъ недоразумѣніе, и на видъ много чуднаго, а между тѣмъ дѣло ясное какъ свѣчка и простое какъ палецъ. Я слишкомъ понимаю что никѣмъ не уполномоченъ разказывать и имѣю пожалуй смѣшной видъ, самъ напрашиваясь. Но вопервыхъ, самъ Николай Всеволодовичъ не придаетъ этому дѣлу никакого значенія, и наконецъ, все же есть случаи въ которыхъ трудно человѣку рѣшиться на личное объясненіе само-

му, а надо непремѣнно чтобы взялось за это третье лицо, которому легче высказать нѣкоторыя деликатныя вещи. Такъ оно и дѣлается обыкновенно. Повѣрьте, Варвара Петровна, что Николай Всеволодовичъ нисколько не виноватъ не отвѣтивъ на вашъ давешній вопросъ тотчасъ же, радикальнымъ объясненіемъ, несмотря на то что дѣло плевое; я знаю его еще съ Петербурга. Къ тому же весь анекдотъ дѣлаетъ только честь Николаю Всеволодовичу, если ужь непремѣнно надо употребить это неопредѣленное слово „честь“....

— Вы хотите сказать что вы были свидѣтелемъ какого-то случая, отъ котораго произошло.... это недоумѣніе? спросила Варвара Петровна.

— Свидѣтелемъ и участникомъ, — поспѣшно подтвердилъ Петръ Степановичъ.

— Если вы дадите мнѣ слово что это не обидитъ деликатности Николая Всеволодовича, въ извѣстныхъ мнѣ чувствахъ его ко мнѣ, отъ которой онъ ни-че-го не скрываетъ..... и если вы такъ притомъ увѣрены что этимъ даже сдѣлаете ему удовольствіе....

— Непремѣнно удовольсгвіе, потому-то и самъ вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе. Я убѣжденъ что онъ самъ бы меня просилъ.

Довольно странно было и внѣ обыкновенныхъ пріемовъ это навязчивое желаніе этого вдругъ упавшаго съ неба господина разказывать чужіе анекдоты. Но онъ поймалъ Варвару Петровну на удочку, дотронувшись до слишкомъ наболѣвшаго мѣста. Я еще не зналъ тогда характера этого человѣка вполнѣ, а ужь тѣмъ болѣе его намѣреній.

— Васъ слушаютъ, сдержанно и осторожно возвѣстила Варвара Петровна, нѣсколько страдая отъ своего снисхожденія.

— Вещь короткая; даже если хотите, по настоящему это и не анекдотъ,—посыпался бисеръ. — Впрочемъ романистъ отъ бездѣлья могъ бы испечь романъ. Довольно интересная вещица, Прасковья Ивановна, и я увѣренъ что Лизавета Николаевна съ любопытствомъ выслушаетъ, потому что тутъ много если не чудныхъ, то причудливыхъ вещей. Лѣтъ пять тому, въ Петербургѣ, Николай Всеволодовичъ узналъ этого господина,—вотъ этого самаго господина Лебядкина который стоитъ розиня ротъ и кажется собирался сейчасъ улизнуть. Извините, Варвара Петровна. Я вамъ впрочемъ не совѣтую улете-

тывать, господинъ отставной чиновникъ бывшаго провіантскаго вѣдомства (видите я отлично васъ помню). И мнѣ и Николаю Всеволодовичу слишкомъ извѣстны ваши здѣшнія продѣлки, въ которыхъ, не забудьте это, вы должны будете дать отчетъ. Еще разъ прошу извиненія, Варвара Петровна. Николай Всеволодовичъ называлъ тогда этого господина своимъ Фальстафомъ; это должно-быть (пояснилъ онъ вдругъ) какой-нибудь бывшій характеръ, burlesque, надъ которымъ всѣ смѣются и который самъ позволяетъ надъ собою всѣмъ смѣяться, лишь бы платили деньги. Николай Всеволодовичъ велъ тогда въ Петербургѣ жизнь такъ-сказать пасмѣшливую,—другимъ словомъ не могу опредѣлить ее, потому что въ разочарованіе этотъ человѣкъ не впадетъ, а дѣломъ онъ и самъ тогда пренебрегалъ заниматься. Я говорю про одно лишь тогдашнее время, Варвара Петровна. У Лебядкина этого была сестра, — вотъ эта самая что̀ сейчасъ здѣсь сидѣла. Братецъ и сестрица не имѣли своего угла, и скитались по чужимъ. Онъ бродилъ подъ арками Гостинаго двора, непремѣнно въ бывшемъ мундирѣ, и останавливалъ прохожихъ съ виду почище, а что̀ наберетъ—пропивалъ. Сестрица же кормилась какъ птица небесная. Она тамъ въ углахъ помогала и за нужду прислуживала. Садомъ былъ ужаснѣйшій; я миную картину этой угловой жизни, — жизни которой изъ чудачества предавался тогда и Николай Всеволодовичъ. Я только про тогдашнее время, Варвара Петровна; а что касается до „чудачества“, то это его собственное выраженіе. Онъ многое отъ меня не скрываетъ. M-lle Лебядкина, которой одно время слишкомъ часто пришлось встрѣчать Николая Всеволодовича, была поражена его наружностью. Это былъ такъ-сказать бриллiантъ на грязномъ фонѣ ея жизни. Я плохой описатель чувствъ, а потому пройду мимо; но ее тотчас же подняли дрянные людишки на смѣхъ, и она загрустила. Тамъ вообще надъ нею смѣялись, но прежде она вовсе не замѣчала того. Голова ея уже и тогда была не въ порядкѣ [illegible]но тогда все-таки не такъ какъ теперь. Есть основаніе предположить что въ дѣтствѣ, черезъ какую-то благодѣтельницу, она чуть было не получила воспитанія. Николай Всеволодовичъ никогда не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и игралъ больше въ старыя замасленыя карты по четверть копѣйки въ преферансъ съ чиновниками. Но разъ, когда ее обижали, онъ (не спрашивая причины) схватилъ одного чиновника за ши-

воротъ и спустилъ изо втораго этажа въ окно. Никакихъ рыцарскихъ негодованій въ пользу оскорбленной невинности тутъ не было; вся операція произошла при всеобщемъ смѣхѣ, и смѣялся всѣхъ больше Николай Всеволодовичъ самъ; когда же все кончилось благополучно, то помирились и стали пить пуншъ. Но угнетенная невинность сама про то не забыла. Разумѣется кончилось окончательнымъ сотрясеніемъ ея умственныхъ способностей. Повторяю, я плохой описатель чувствъ, но тутъ главное мечта. А Николай Всеволодовичъ какъ нарочно еще болѣе раздражалъ мечту: вмѣсто того чтобы разсмѣяться, онъ вдругъ сталъ обращаться къ m-lle Лебядкиной съ неожиданнымъ уваженіемъ. Кириловъ, тутъ бывшій (чрезвычайный оригиналъ, Варвара Петровна, и чрезвычайно отрывистый человѣкъ; вы можетъ-быть когда-нибудь его увидите, онъ теперь здѣсь), ну такъ вотъ этотъ Кириловъ, который по обыкновенію все молчитъ, а тутъ вдругъ разгорячился, замѣтилъ, я помню, Николаю Всеволодовичу что тотъ третируетъ эту госпожу какъ маркизу и тѣмъ окончательно ее добиваетъ. Прибавлю что Николай Всеволодовичъ нѣсколько уважалъ этого Кирилова. Что жь вы думаете онъ ему отвѣтилъ: „Вы полагаете, господинъ Кириловъ, что я смѣюсь надъ нею; разувѣрьтесь, я въ самомъ дѣлѣ ее уважаю, потому что она всѣхъ васъ лучше.“ И знаете, такимъ серіознымъ тономъ сказалъ. Между тѣмъ въ эти два-три мѣсяца, онъ кромѣ *здравствуйте*, да *прощайте*, въ сущности не проговорилъ съ ней ни слова. Я, тутъ бывшій, навѣрно помню что она до того уже наконецъ дошла что считала его чѣмъ-то въ родѣ жениха своего, не смѣющаго ее „похитить“ единственно потому что у него много враговъ и семейныхъ препятствій, или что-то въ этомъ родѣ. Много тутъ было смѣху! Кончилось тѣмъ что когда Николаю Всеволодовичу пришлось тогда отправляться сюда, онъ, уѣзжая, распорядился о ея содержаніи и кажется довольно значительномъ и выгодномъ пенсіонѣ, рублей въ триста по крайней мѣрѣ, если не болѣе. Однимъ словомъ, положимъ все это съ его стороны баловство, фантазія преждевременно уставшаго человѣка,—пусть даже наконецъ, какъ говорилъ Кириловъ, это былъ новый этюдъ пресыщеннаго человѣка съ цѣлью узнать до чего можно довести сумашедшую калѣку. „Вы, говоритъ, нарочно выбрали самое послѣднее существо, калѣку, покрытую вѣчнымъ позоромъ и побоями,—и вдобавокъ зная что это

существо умираетъ къ вамъ отъ комической любви своей, и вдругъ вы нарочно принимаетесь ее морочить, единственно для того чтобы посмотрѣть что̀ изъ этого выйдетъ! Чѣмъ наконецъ такъ особенно виноватъ человѣкъ въ фантазіяхъ сумашедшей женщины, съ которой, замѣтьте, онъ врядъ ли двѣ фразы во все время выговорилъ? Есть вещи, Варвара Петровна, о которыхъ не только нельзя умно говорить, но о которыхъ и начинать-то говорить не умно. Ну пусть какой-нецъ чудачество — но вѣдь болѣе-то ужь ничего нельзя сказать; а между тѣмъ теперь вотъ изъ этого сдѣлали исторію.... Мнѣ отчасти извѣстно, Варвара Петровна, о томъ что̀ здѣсь происходитъ.

Разкащикъ вдругъ оборвалъ и повернулся было къ Лебядкину, но Варвара Петровна остановила его; она была въ сильнѣйшей экзальтаціи.

— Вы кончили? спросила она.

— Нѣтъ еще; для полноты мнѣ надо бы, если позволите, допросить тутъ кое въ чемъ вотъ этого господина.... Вы сейчасъ увидите въ чемъ дѣло, Варвара Петровна.

— Довольно, послѣ, остановитесь на минуту, прошу васъ. О, какъ я хорошо сдѣлала что допустила васъ говорить!

— И замѣтьте, Варвара Петровна, встрепенулся Петръ Степановичъ,—ну могъ ли Николай Всеволодовичъ самъ объяснить вамъ это все давеча, въ отвѣтъ на вашъ вопросъ,—можетъ-быть слишкомъ ужь категорическій?

— О, да слишкомъ.

— И не правъ ли я былъ говоря что въ нѣкоторыхъ случаяхъ третьему человѣку гораздо легче объяснить чѣмъ самому заинтересованному?

— Да, да.... Но въ одномъ вы ошиблись, и съ сожалѣніемъ вижу продолжаете ошибаться.

— Неужели? Въ чемъ это?

— Видите.... А впрочемъ еслибы вы сѣли, Петръ Степановичъ.

— О, какъ вамъ угодно, я и самъ усталъ, благодарю васъ.

Онъ мигомъ выдвинулъ кресло и повернулъ его такъ что очутился между Варварой Петровной, съ одной стороны, Прасковьей Ивановной у стола, съ другой, и лицомъ къ господину Лебядкину, съ котораго онъ ни на минуту не спускалъ своихъ глазъ.

— Вы ошибаетесь въ томъ что называете это „чудачествомъ“....

— О, если только это....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, подождите, остановила Варвара Петровна, очевидно приготовляясь много и съ упоеніемъ говорить. Петръ Степановичъ лишь только замѣтилъ это, весь обратился во вниманіе.

— Нѣтъ, это было нѣчто высшее чудачества, и, увѣряю васъ, нѣчто даже святое! Человѣкъ гордый и рано оскорбленный, дошедшій до той „насмѣшливости,“ о которой вы такъ мѣтко упомянули, но замѣтьте, насмѣшливости прежде всего надъ самимъ собой — однимъ словомъ, принцъ Гарри, какъ великолѣпно сравнилъ тогда Степанъ Трофимовичъ, и что̀ было бы совершенно вѣрно, еслибъ онъ не походилъ еще болѣе на Гамлета, по крайней мѣрѣ по моему взгляду.

— Et vous avez raison, съ чувствомъ и вѣско отозвался Степанъ Трофимовичъ.

— Благодарю васъ, Степанъ Трофимовичъ, васъ я особенно благодарю и именно за вашу всегдашнюю вѣру въ Nicolas, въ высокость его души и призванія. Эту вѣру вы даже во мнѣ подкрѣпляли, когда я падала духомъ.

— Chère, chère.... Степанъ Трофимовичъ шагнулъ было уже впередъ, но пріостановился, разсудивъ что прерывать опасно.

— И еслибы всегда подлѣ Nicolas (отчасти лѣла уже Варвара Петровна) находился тихій, великій въ смиреніи своемъ Гораціо,—другое прекрасное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ,—то можетъ-быть онъ давно уже былъ бы спасенъ отъ грустнаго и „внезапнаго демона ироніи,“ который всю жизнь терзалъ его. (О демонѣ ироніи, опять удивительное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ.) Но у Nicolas никогда не было ни Гораціо, ни Офеліи. У него была лишь одна его мать, но что̀ же можетъ сдѣлать мать одна и въ такихъ обстоятельствахъ? Знаете, Петръ Степановичъ, мнѣ становится даже чрезвычайно понятнымъ что такое существо какъ Nicolas могъ являться даже и въ такихъ грязныхъ трущобахъ про которыя вы разказывали. Мнѣ такъ ясно представляется теперь эта „насмѣшливость“ жизни (удивительно мѣткое выраженіе ваше!) эта ненасытимая жажда контраста, этотъ мрачной фонъ картины, на которомъ онъ является какъ бриллiантъ, по вашему же опять сравненію, Петръ Степановичъ. И вотъ

онъ встрѣчаетъ тамъ всѣми обиженное существо, калѣку и полуломѣшанную, и въ то же время можетъ-быть съ благороднѣйшими чувствами!...

— Гмъ, да, положимъ.

— И вамъ послѣ этого непонятно что онъ не смѣется надъ нею какъ всѣ! О люди! Вамъ непонятно что онъ защищаетъ ее отъ обидчиковъ, окружаетъ ее уваженіемъ „какъ маркизу“ (этотъ Кириловъ, должно-быть необыкновенно глубоко понимаетъ людей, хотя и онъ не понялъ Nicolas)! Если хотите, тутъ именно черезъ этотъ контрастъ и вышла бѣда; еслибы несчастная была въ другой обстановкѣ, то можетъ-быть и не дошла бы до такой умоизступленной мечты. Женщина, женщина только можетъ понять это, Петръ Степановичъ, и какъ жаль что вы.... то-есть не то что вы не женщина, а по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, чтобы понять!

— То-есть въ томъ смыслѣ что чѣмъ хуже тѣмъ лучше, я понимаю, понимаю, Варвара Петровна. Это въ родѣ какъ въ религіи: чѣмъ хуже человѣку жить или чѣмъ забитѣе или бѣднѣе весь народъ, тѣмъ упрямѣе мечтаетъ онъ о вознагражденіи въ раю, а если при этомъ хлопочетъ еще сто тысячъ священниковъ, разжигая мечту, и на нее спекулируя, то.... я понимаю васъ, Варвара Петровна, будьте покойны.

— Это, положимъ, не совсѣмъ такъ, но скажите, неужели Nicolas, чтобы погасить эту мечту въ этомъ несчастномъ организмѣ (для чего Варвара Петровна тутъ употребила слово организмъ, я не могъ понять): неужели онъ долженъ былъ самъ надъ нею смѣяться и съ нею обращаться какъ другіе чиновники? Неужели вы отвергаете то высокое состраданіе, ту благородную дрожь всего организма съ которою Nicolas вдругъ строго отвѣчаетъ Кирилову: „Я не смѣюсь надъ нею.“ Высокій, святой отвѣтъ!

— Sublime, пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ.

— И замѣтьте, онъ вовсе не такъ богатъ какъ вы думаете; богата я, а не онъ, а онъ у меня тогда почти вовсе не бралъ.

— Я понимаю, понимаю все это, Варвара Петровна, нѣсколько уже нетерпѣливо шевелился Петръ Степановичъ.

— О, это мой характеръ! Я узнаю себя въ Nicolas. Я узнаю эту молодость, эту возможность бурныхъ, грозныхъ порывовъ.... И если мы когда-нибудь сблизимся съ вами, Петръ Степановичъ, чего я съ моей стороны желаю такъ искренно,

тѣмъ болѣе что вамъ уже такъ обязана, то вы можетъ-быть поймете тогда....

— О повѣрьте я желаю съ моей стороны, отрывисто пробормоталъ Петръ Степановичъ.

— Вы поймете тогда тотъ порывъ по которому въ этой слѣпотѣ благородства вдругъ берутъ человѣка даже недостойнаго себя во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка глубоко не понимающаго васъ, готоваго васъ измучить при всякой первой возможности, и такого-то человѣка, наперекоръ всему, воплощаютъ вдругъ въ какой-то идеалъ, въ свою мечту, совокупляютъ на немъ всѣ надежды свои, преклоняются предъ нимъ, любятъ его всю жизнь, совершенно не зная за что̀—можетъ-быть именно за то что онъ недостоинъ того.... О, какъ я страдала всю жизнь, Петръ Степановичъ!

Степанъ Трофимовичъ съ болѣзненнымъ видомъ сталъ ловить мой взглядъ; но я во̀-время увернулся.

— .... И еще недавно, недавно — о, какъ я виновата предъ Nicolas!... Вы не повѣрите, они измучили меня со всѣхъ сторонъ, всѣ, всѣ, и враги, и людишки и друзья; друзья можетъ-быть больше враговъ. Когда мнѣ прислали первое презрѣнное, анонимное письмо, Петръ Степановичъ, то вы не повѣрите этому, у меня не достало, наконецъ, презрѣнія въ отвѣтъ на всю эту злость.... Никогда, никогда не прощу себѣ моего малодушія!

— Я уже слышалъ кое-что вообще о здѣшнихъ анонимныхъ письмахъ, оживился вдругъ Петръ Степановичъ, — и я вамъ ихъ разыщу, будьте покойны.

— Но вы не можете вообразить какія здѣсь начались интриги! — они измучили даже нашу бѣдную Прасковью Ивановну—а ее-то ужь по какой причинѣ? Я можетъ-быть слишкомъ виновата предъ тобой сегодня, моя милая Прасковья Ивановна, прибавила она въ великодушномъ порывѣ умиленія, но не безъ нѣкоторой побѣдоносной ироніи.

— Полноте, матушка, пробормотала та нехотя, — а по моему, это бы все надо кончить; слишкомъ говорено.... и она опять робко поглядѣла на Лизу, но та смотрѣла на Петра Степановича.

— А это бѣдное, это несчастное существо, эту безумную, утратившую все и сохранившую одно сердце, я намѣрена теперь сама усыновить, вдругъ воскликнула Варвара Петровна,—это долгъ, который я намѣрена свято исполнить. Съ этого же дня беру ее подъ мою защиту!

— И это даже будетъ очень хорошо-съ въ нѣкоторомъ смыслѣ, совершенно оживился Петръ Степановичъ!—Извините, я давеча не докончилъ. Я именно о покровительствѣ. Можете представить, что когда уѣхалъ тогда Николай Всеволодовичъ (я начинаю съ того именно мѣста гдѣ остановился, Варвара Петровна), этотъ господинъ, вотъ этотъ самый господинъ Лебядкинъ мигомъ вообразилъ себя въ правѣ распорядиться пенсіономъ назначеннымъ его сестрицѣ, безъ остатка; и распорядился. Я не знаю въ точности какъ это было тогда устроено Николаемъ Всеволодовичемъ, но черезъ годъ, уже изъ-за границы, онъ, узнавъ о происходившемъ, принужденъ былъ распорядиться иначе. Опять не знаю подробностей, онъ ихъ самъ разкажетъ, но знаю только что интересную особу помѣстили гдѣ-то въ отдаленномъ монастырѣ, весьма даже комфортно, но подъ дружескимъ присмотромъ—понимаете? На что же вы думаете рѣшается господинъ Лебядкинъ? Онъ употребляетъ сперва всѣ усилія чтобы разыскать гдѣ скрываютъ отъ него оброчную статью, то-есть сестрицу, недавно только достигаетъ цѣли, беретъ ее изъ монастыря, предъявивъ какое-то на нее право, и привозитъ ее прямо сюда. Здѣсь онъ ее не кормитъ, бьетъ, тиранитъ, наконецъ получаетъ какимъ-то путемъ отъ Николая Всеволодовича значительную сумму, тотчасъ же пускается пьянствовать, а вмѣсто благодарности, кончаетъ дерзкимъ вызовомъ Николаю Всеволодовичу, безсмысленными требованіями, угрожая въ случаѣ неплатежа пенсіона впредь ему прямо въ руки, судомъ. Такимъ образомъ добровольный даръ Николая Всеволодовича онъ принимаетъ за дань, — можете себѣ это представить? Господинъ Лебядкинъ, правда ли *все* то что я здѣсь сейчасъ говорилъ?

Капитанъ, до сихъ поръ стоявшій молча и потупивъ глаза, быстро шагнулъ два шага впередъ и весь побагровѣлъ.

— Петръ Степановичъ, вы жестоко со мной поступали, проговорилъ онъ точно оборвалъ.

— Какъ это жестоко, и почему-съ? Но позвольте, мы о жестокости или о мягкости послѣ, а теперь я прошу васъ только отвѣтить на первый вопросъ: правда ли *все* то что я говорилъ, или нѣтъ? Если вы находите что неправда, то вы можете немедленно сдѣлать свое заявленіе.

— Я.... вы сами знаете, Петръ Степановичъ.... пробормоталъ капитанъ, осѣкся и замолчалъ. Надо замѣтить что Петръ

Степановичъ сидѣлъ въ креслахъ, заложилъ ногу на ногу, а капитанъ стоялъ предъ нимъ въ самой почтительной позѣ.

Колебанія господина Лебядкина кажется очень не понравились Петру Степановичу; лицо его передернулось какой-то злобной судорогой.

— Да вы уже въ самомъ дѣлѣ не хотите ли что-нибудь заявить? тонко поглядѣлъ онъ на капитана, въ такомъ случаѣ сдѣлайте одолженіе, васъ ждутъ.

— Вы знаете сами, Петръ Степановичъ, что я не могу ничего заявлять.

— Нѣтъ, я этого не знаю, въ первый разъ даже слышу; почему такъ вы не можете заявлять?

Капитанъ молчалъ, опустивъ глаза въ землю.

— Позвольте мнѣ уйти, Петръ Степановичъ, проговорилъ онъ рѣшительно.

— Но не ранѣе того какъ вы дадите какой-нибудь отвѣтъ на мой первый вопросъ: правда ли *все* что̀ я говорилъ?

— Правда-съ, глухо проговорилъ Лебядкинъ и вскинулъ глазами на мучителя. Даже потъ выступилъ на вискахъ его.

— *Все* правда?

— Все правда-съ.

— Не найдете ли вы что-нибудь прибавить, замѣтить? Если чувствуете что мы несправедливы, то заявите это; протестуйте, заявляйте вслухъ ваше неудовольствіе.

— Нѣтъ, ничего не нахожу.

— Угрожали вы недавно Николаю Всеволодовичу?

— Это.... это, тутъ было больше вино, Петръ Степановичъ. (Онъ поднялъ вдругъ голову.) Петръ Степановичъ! Если фамильная честь и незаслуженный сердцемъ позоръ возлюютъ межъ людей, то тогда, неужели и тогда виноватъ человѣкъ? взревѣлъ онъ, вдругъ забывшись по давѣшнему.

— А вы теперь трезвы, господинъ Лебядкинъ? пронзительно поглядѣлъ на него Петръ Степановичъ.

— Я.... трезвъ.

— Что̀ это такое значитъ фамильная честь и незаслуженный сердцемъ позоръ?

— Это я про никого, я никого не хотѣлъ. Я про себя.... провалился опять капитанъ.

— Вы, кажется, очень обидились моими выраженіями про васъ и ваше поведеніе? Вы очень раздражительны, господинъ Лебядкинъ. Но позвольте, я вѣдь еще ничего не начиналъ

про ваше поведеніе, въ его настоящемъ видѣ. Я начну говорить про ваше поведеніе, въ его настоящемъ видѣ. Я начну говорить, это очень можетъ случиться, но я вѣдь еще не начиналъ въ *настоящемъ* видѣ.

Лебядкинъ вздрогнулъ и дико уставился на Петра Степановича.

— Петръ Степановичъ, я теперь лишь начинаю просыпаться!

— Гмъ. И это я васъ разбудилъ?

— Да, это вы меня разбудили, Петръ Степановичъ, а я спалъ четыре года подъ висѣвшей тучей. Могу я наконецъ удалиться, Петръ Степановичъ?

— Теперь можете, если только сама Варвара Петровна не найдетъ необходимымъ....

Но та замахала руками.

Капитанъ поклонился, шагнувъ два шага къ дверямъ, вдругъ остановился, приложивъ руку къ сердцу, хотѣлъ было что-то сказать, не сказалъ, и быстро направился къ выходу. Но въ дверяхъ какъ разъ столкнулся съ Николаемъ Всеволодовичемъ; тотъ посторонился; капитанъ какъ-то весь вдругъ съежился предъ нимъ и такъ замеръ на мѣстѣ, не отрывая отъ него глазъ, какъ кроликъ отъ удава. Подождавъ немного, Николай Всеволодовичъ слегка отстранилъ его рукой и вошелъ въ гостиную.

VII.

Онъ былъ веселъ и спокоенъ. Можетъ что-нибудь съ нимъ случилось сейчасъ очень хорошее, еще намъ неизвѣстное; но онъ, казалось, былъ даже чѣмъ-то особенно доволенъ.

— Простишь ли ты меня, Nicolas? не утерпѣла Варвара Петровна и поспѣшно встала ему навстрѣчу.

Но Nicolas рѣшительно разсмѣялся.

— Такъ и есть! воскликнулъ онъ добродушно и шутливо,— вижу что вамъ уже все извѣстно. А я какъ вышелъ отсюда и задумался въ каретѣ: „по крайней мѣрѣ надо было хоть анекдотъ разказать, а то кто же такъ уходитъ?“ Но какъ вспомнилъ что у васъ остается Петръ Степановичъ, то и забота соскочила.

Говоря, онъ бѣгло осматривался кругомъ.

— Петръ Степановичъ разказалъ намъ одну древнюю пе-

тербургскую исторію изъ жизни одного причудника, восторженно подхватила Варвара Петровна, — одного капризнаго и сумашедшаго человѣка, но всегда высокаго въ своихъ чувствахъ, всегда рыцарски-благороднаго....

— Рыцарски? Неужто у васъ до того дошло? смѣялся Nicolas.—Впрочемъ я очень благодаренъ Петру Степановичу на этотъ разъ за его торопливость (тутъ онъ обмѣнялся съ нимъ мгновеннымъ взглядомъ). Надобно вамъ узнать, maman, что Петръ Степановичъ—всеобщій примиритель; это его роль, болѣзнь, конекъ, и я особенно рекомендую его вамъ съ этой точки зрѣнія. Догадываюсь о чемъ онъ вамъ тутъ настрочилъ. Онъ именно строчитъ когда разказываетъ; въ головѣ у него канцелярія. Замѣтьте что въ качествѣ реалиста онъ не можетъ солгать, и что истина ему дороже успѣха.... разумѣется кромѣ тѣхъ особенныхъ случаевъ, когда успѣхъ дороже истины. (Говоря это, онъ все осматривался.) Такимъ образомъ вы видите ясно, maman, что не вамъ у меня прощенія просить и что если есть тутъ гдѣ-нибудь сумашествіе, то конечно прежде всего съ моей стороны, и значитъ въ концѣ концовъ, я все-таки первый ломѣшанный, — надо же поддержать свою здѣшнюю репутацію....

Тутъ онъ нѣжно обнялъ мать.

— Во всякомъ случаѣ, дѣло это теперь кончено и разказано, а стало-быть можно и перестать о немъ, прибавилъ онъ, и какая-то сухая, твердая нотка прозвучала въ его голосѣ. Варвара Петровна поняла эту нотку; но экзальтація ея не проходила, даже напротивъ.

— Я никакъ не ждала тебя раньше какъ черезъ мѣсяцъ, Nicolas!

— Я, разумѣется, вамъ все объясню, maman, а теперь....

И онъ направился къ Прасковьѣ Ивановнѣ.

Но та едва повернула къ нему голову, несмотря на то что съ полчаса назадъ была ошеломлена при первомъ его появленіи. Теперь же у ней были новыя хлопоты: съ самаго того мгновенія какъ вышелъ капитанъ и столкнулся въ дверяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ, Лиза вдругъ принялась смѣяться, — сначала тихо, порывисто, но смѣхъ разростался все болѣе и болѣе, громче и явственнѣе. Она раскраснѣлась. Контрастъ съ ея недавнимъ мрачнымъ видомъ былъ чрезвычайный. Пока Николай Всеволодовичъ разговаривалъ съ Варварой Петровной, она раза два поманила къ себѣ Маврикія Ни-

колаевича, будто желая ему что-то шепнуть; но лишь только тотъ наклонялся къ ней, мигомъ заливалась смѣхомъ; можно было заключить что она именно надъ бѣднымъ Маврикіемъ Николаевичемъ и смѣется. Она впрочемъ видимо старалась воскрѣпиться и прикладывала платокъ къ губамъ. Николай Всеволодовичъ съ самымъ невиннымъ и простодушнымъ видомъ обратился къ ней съ привѣтствіемъ.

— Вы пожалуста извините меня, отвѣтила она скороговоркой, вы.... вы конечно видѣли Маврикія Николаевича.... Боже, какъ вы непозволительно высоки ростомъ, Маврикій Николаевичъ!

И опять смѣхъ. Маврикій Николаевичъ былъ роста высокаго, но вовсе не такъ ужь непозволительно.

— Вы.... давно пріѣхали? пробормотала она опять сдерживаясь, даже конфузясь, но со сверкающими глазами.

— Часа два слишкомъ, отвѣтилъ Nicolas, пристально къ ней присматривался. Замѣчу что онъ былъ необыкновенно сдержанъ и вѣжливъ, но откинувъ вѣжливость, имѣлъ совершенно равнодушный видъ, даже вялый.

— А гдѣ будете жить?

— Здѣсь.

Варвара Петровна тоже слѣдила за Лизой, но ее вдругъ поразила одна мысль.

— Гдѣ же ты былъ Nicolas до сихъ поръ всѣ эти два часа слишкомъ? подошла она;—поѣздъ приходитъ въ десять часовъ.

— Я сначала завезъ Петра Степановича къ Кирилову. А Петра Степановича я встрѣтилъ въ Матвѣевѣ (за три станціи), въ одномъ вагонѣ и доѣхали.

— Я съ разсвѣта въ Матвѣевѣ ждалъ, подхватилъ Петръ Степановичъ,—у насъ задніе вагоны соскочили ночью съ рельсовъ, чуть ногъ не поломали.

— Ноги сломали! вскричала Лиза,—мама́, мама́, а мы съ вами хотѣли ѣхать на прошлой недѣлѣ въ Матвѣево, вотъ бы тоже ноги сломали!

— Господи помилуй! перекрестилась Прасковья Ивановна.

— Мама̀, мама̀, милая ма̀, вы не пугайтесь, если я въ самомъ дѣлѣ обѣ ноги сломаю; со мной это такъ можетъ случиться, сами же говорите что я каждый день скачу верхомъ сломя голову. Маврикій Николаевичъ, будете меня водить хромую? захохотала она опять.—Если это случится, я никому не дамъ себя водить кромѣ васъ, смѣло разчитывайте. Ну,

положимъ что я только одну ногу сломаю.... Ну будьте же любезны, скажите что почтете за счастье.

— Что̀ ужь за счастье съ одною ногой? серіозно нахмурился Маврикій Николаевичъ.

— Боже, какой моралистъ! За то вы будете водить, одинъ вы, никому больше!

— Вы и тогда меня водить будете, Лизавета Николаевна, еще серіознѣе проворчалъ Маврикій Николаевичъ.

— Боже, да вѣдь онъ хотѣлъ сказать каламбуръ! почти въ ужасѣ воскликнула Лиза.—Маврикій Николаевичъ, не смѣйте никогда пускаться на этотъ путь! Но только до какой же степени вы эгоистъ! Я убѣждена, къ чести вашей, что вы сами на себя теперь клевещете; напротивъ: вы съ утра до ночи будете меня тогда увѣрять что я стала безъ ноги интереснѣе! Одно непоправимо — вы безмѣрно высоки ростомъ, а безъ ноги я стала премаленькая, какъ же вы меня поведете подъ руку, мы будемъ не пара!

И она болѣзненно разсмѣялась. Остроты и намеки были плоски, но ей очевидно было не до славы.

— Истерика! шепнулъ мнѣ Петръ Степановичъ,—поскорѣе бы воды стаканъ.

Онъ угадалъ; черезъ минуту всѣ суетились, принесли воды. Лиза обнимала свою мама̀, горячо цѣловала ее, плакала на ея плечѣ, и тутъ же опять откинувшись и засматривая ей въ лицо, принималась хохотать. Захныкала наконецъ и мама̀. Варвара Петровна увела ихъ обѣихъ поскорѣе къ себѣ, въ ту самую дверь изъ которой вышла къ намъ давеча Дарья Павловна. Но пробыли онѣ тамъ не долго, минуты четыре, не болѣе....

Я стараюсь припомнить тепе́рь каждую черту этихъ послѣднихъ мгновеній этого достопамятнаго утра. Помню что когда мы остались одни безъ дамъ (кромѣ одной Дарьи Павловны, не тронувшейся съ мѣста),—Николай Всеволодовичъ обошелъ насъ всѣхъ и перездоровался съ каждымъ, кромѣ Шатова, продолжавшаго сидѣть въ своемъ углу, и еще больше чѣмъ давеча наклонившагося въ землю. Степанъ Трофимовичъ началъ было съ Николаемъ Всеволодовичемъ о чемъ-то чрезвычайно остроумномъ, но тотъ поспѣшно извинился и напрявился къ Дарьѣ Павловнѣ. Но на дорогѣ почти силой перехватилъ его Петръ Степановичъ и утащилъ къ окну, гдѣ и началъ о чемъ-то быстро шептать ему, повидимому объ

очень важномъ, судя по выраженію лица и по жестамъ сопровождавшимъ шелотъ. Николай же Всеволодовичъ слушалъ очень лѣниво и разсѣянно, съ своей офиціальною усмѣшкой, а подъ конецъ даже и нетерпѣливо, и все какъ бы порывался уйти. Онъ вырвался отъ него и ушелъ отъ окна именно когда воротились наши дамы; Лизу Варвара Петровна усадила на прежнее мѣсто, увѣряя что имъ минутъ хоть десять надо непремѣнно повременить и отдохнуть, и что свѣжій воздухъ врядъ ли будетъ сейчасъ полезенъ на больные нервы. Очень ужь она ухаживала за Лизой и сама сѣла съ ней рядомъ. Къ нимъ немедленно подскочилъ освободившійся Петръ Степановичъ и началъ быстрый и веселый разговоръ. Вотъ тутъ-то Николай Всеволодовичъ и подошелъ наконецъ къ Дарьѣ Павловнѣ неспѣшною походкой своей; Даша такъ и заколыхалась на мѣстѣ при его приближеніи и быстро прискочила въ видимомъ смущеніи и съ румянцемъ во все лицо.

— Васъ, кажется, можно поздравить.... или еще нѣтъ? проговорилъ онъ съ какой-то особенною складкой въ лицѣ.

Даша что-то ему отвѣтила, но трудно было разслышать.

— Простите за нескромность, возвысилъ онъ голосъ,—но вѣдь вы знаете, я былъ нарочно извѣщенъ. Знаете вы объ этомъ?

— Да, я знаю что вы были нарочно извѣщены.

— Надѣюсь, однако, что я не помѣшалъ ничему моимъ поздравленіемъ, засмѣялся онъ, и если Степанъ Трофимовичъ....

— Съ чѣмъ, съ чѣмъ поздравить? подскочилъ вдругъ Петръ Степановичъ,—съ чѣмъ васъ поздравить, Дарья Павловна? Ба! Да ужь не съ тѣмъ ли самымъ? Краска ваша свидѣтельствуетъ что я угадалъ. Въ самомъ дѣлѣ съ чѣмъ же и поздравляютъ нашихъ прекрасныхъ и благонравныхъ дѣвицъ и отъ какихъ поздравленій онѣ всего больше краснѣютъ? Ну-съ, примите и отъ меня, если я угадалъ, и заплатите пари: помните, въ Швейцаріи бились объ закладъ что никогда не выйдете замужъ.... Ахъ да, по поводу Швейцаріи—что̀ жь это я? Представьте, на половину затѣмъ и ѣхалъ, а чуть не забылъ: скажи ты мнѣ, быстро повернулся онъ къ Степану Трофимовичу,—ты-то когда же въ Швейцарію?

— Я.... въ Швейцарію? удивился и смутился Степанъ Трофимовичъ.

— Какъ? развѣ не ѣдешь? Да вѣдь ты тоже женишься.... ты писалъ?

— Pierre! воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Да что̀ Pierre.... Видишь, если тебѣ это пріятно, то я летѣлъ заявить тебѣ что я вовсе не противъ, такъ какъ ты непремѣнно желалъ моего мнѣнія какъ можно скорѣе; если же (сыпалъ онъ) тебя надо „спасать“, какъ ты тутъ же пишешь и умоляешь, въ томъ же самомъ письмѣ, то опять-таки я къ твоимъ услугамъ. Правда что онъ женится, Варвара Петровна? быстро повернулся онъ къ ней. — Надѣюсь что я не нескромничаю; самъ же пишетъ что весь городъ знаетъ и всѣ поздравляютъ, такъ что онъ, чтобъ избѣжать, выходитъ лишь по ночамъ. Письмо у меня въ карманѣ. Но повѣрите ли, Варвара Петровна, что я ничего въ немъ не понимаю! Ты мнѣ только одно скажи, Степанъ Трофимовичъ, поздравлять тебя надо или „спасать“? Вы не повѣрите, рядомъ съ самыми счастливыми строками у него отчаяннѣйшія. Во-первыхъ, проситъ у меня прощенія; ну положимъ, это въ ихъ правахъ.... А впрочемъ нельзя не сказать: вообразите, человѣкъ въ жизни видѣлъ меня два раза, да и то нечаянно, и вдругъ теперь, вступая въ третій бракъ, воображаетъ что нарушаетъ этимъ ко мнѣ какія-то родительскія обязанности, умоляетъ меня за тысячу верстъ чтобъ я не сердился и разрѣшилъ ему! Ты пожалуста не обижайся, Степанъ Трофимовичъ, черта времени, я широко смотрю и не осуждаю, и это, положимъ, тебѣ дѣлаетъ честь и т. д., и т. д., но опять-таки главное въ томъ что ничего не понимаю. Тутъ что-то о какихъ-то „грѣхахъ въ Швейцаріи.“ Женюсь, дескать, по грѣхамъ или изъ-за чужихъ грѣховъ, или какъ у него тамъ — однимъ словомъ „грѣхи“. „Дѣвушка, говоритъ, перлъ и алмазъ“, ну и разумѣется „онъ недостоинъ“—ихъ слогъ; но изъ-за какихъ-то тамъ грѣховъ или обстоятельствъ „принужденъ идти къ вѣнцу и ѣхать въ Швейцарію“, а потому „бросай все и лети спасать“. Понимаете ли вы что-нибудь послѣ этого? А впрочемъ.... а впрочемъ я по выраженію лицъ замѣчаю (повертывался онъ съ письмомъ въ рукахъ, съ невинною улыбкой всматриваясь въ лица) что по моему обыкновенію я, кажется, въ чемъ-то далъ маху.... по глупой моей откровенности, или, какъ Николай Всеволодовичъ говоритъ, торопливости. Я вѣдь думалъ что мы тутъ свои, то-есть твои свои, Степанъ Трофимовичъ, твои свои, а я-то въ сущности чужой, и вижу.... и вижу что всѣ что-то знаютъ, а я-то вотъ именно чего-то и не знаю.

Онъ все продолжалъ осматриваться.

— Степанъ Трофимовичъ такъ и написалъ вамъ что онъ женится на „чужихъ грѣхахъ, совершенныхъ въ Швейцаріи“ и чтобы вы летѣли „спасать его“ этими самыми выраженіями? подошла вдругъ Варвара Петровна, вся желтая, съ искривившимся лицомъ, со вздрагивающими губами.

— То-есть видите ли-съ, если тутъ чего-нибудь я не понялъ, какъ бы испугался и еще луще заторопился Петръ Степановичъ,—то виноватъ разумѣется онъ что такъ пишетъ. Вотъ письмо. Знаете, Варвара Петровна, письма безконечныя и безпрерывныя, а въ послѣдніе два-три мѣсяца, просто письмо за письмомъ, и признаюсь, я наконецъ иногда не дочитывалъ. Ты меня прости, Степанъ Трофимовичъ, за такое глупое признаніе, но вѣдь согласись пожалуста что хоть ты и ко мнѣ адресовалъ, а писалъ вѣдь болѣе для потомства, такъ что тебѣ вѣдь и все равно.... Ну-ну, не обижайся; мы-то съ тобой все-таки свои! Но это письмо я дочиталъ. Эти „грѣхи“-съ—эти „чужіе грѣхи“—это навѣрно какіе-нибудь наши собственные грѣшки, и объ закладъ бьюсь, самые невиннѣйшіе, но изъ-за которыхъ вдругъ намъ вздумалось поднять ужасную исторію съ благороднымъ оттѣнкомъ—именно ради благороднаго оттѣнка и подняли. Тутъ, видите ли, что-нибудь по счетной части у насъ прихрамываетъ—надо же наконецъ сознаться. Мы, знаете, въ карточки очень ловадливы.... а впрочемъ это лишнее, это совсѣмъ уже лишнее, виноватъ, я слышкомъ болтливъ, но ей Богу, Варвара Петровна, онъ меня напугалъ, и я дѣйствительно приготовился отчасти „спасать“ его. Мнѣ наконецъ и самому совѣстно. Что я, съ ножомъ къ горлу что ли лѣзу къ нему? Кредиторъ неумолимый я что ли? Онъ что-то пишетъ тутъ о приданомъ.... А впрочемъ ужь женишься ли ты полно, Степанъ Трофимовичъ? Вѣдь и это станется, вѣдь мы наговоримъ, наговоримъ, а болѣе для слога.... Ахъ, Варвара Петровна, я вѣдь вотъ увѣренъ что вы пожалуй осуждаете меня теперь, и именно тоже за слогъ-съ. Согласенъ; самъ себя осудилъ бы-съ. Но вѣдь еслибы вы знали какой тамъ-то слогъ! Ну прочтите, ну прочтите сами! Ахъ, Варвара Петровна, я вѣдь вотъ рѣжу, а вѣдь можетъ-быть я.... любя говорю! Ну, и тутъ сморозилъ: дуракъ я человѣкъ, грубый я человѣкъ!...

— Напротивъ, напротивъ, я вижу что вы просто выведены изъ терпѣнія, и ужь конечно имѣли на то причины, злобно подхватила Варвара Петровна.

Она со злобнымъ наслажденіемъ выслушала всѣ „правдивыя“ словоизверженія Петра Степановича, очевидно игравшаго роль (какую — не зналъ я тогда, но роль была очевидная, даже слишкомъ ужь грубовато сыгранная).

— Напротивъ, продолжала она, — я вамъ слишкомъ благодарна что вы заговорили; безъ васъ я бы такъ ничего и не узнала. Въ первый разъ въ двадцать лѣтъ я раскрываю глаза. Николай Всеволодовичъ, вы сказали сейчасъ что и вы были нарочно извѣщены: ужь не писалъ ли и къ вамъ Степанъ Трофимовичъ въ этомъ же родѣ?

— Я получилъ отъ него невиннѣйше и.... и.... очень благородное письмо....

— Вы затрудняетесь, ищете словъ—довольно! Степанъ Трофимовичъ, я ожидаю отъ васъ чрезвычайнаго одолженія, вдругъ обратилась она къ нему съ засверкавшими глазами,—сдѣлайте мнѣ милость, оставьте насъ сейчасъ же, а впредь не переступайте черезъ порогъ моего дома.

Прошу припомнить недавнюю „экзальтацію“, еще и теперь не прошедшую. Правда и виноватъ же былъ Степанъ Трофимовичъ! Но вотъ что рѣшительно изумило меня тогда: то что онъ съ удивительнымъ достоинствомъ выстоялъ и подъ „обличеніями“ Петруши, не думая прерывать ихъ, и подъ „проклятіемъ“ Варвары Петровны. Откудова взялось у него столько духа? Я узналъ только одно, что онъ несомнѣнно и глубоко оскорбленъ былъ давешнею первою встрѣчей съ Петрушей, именно давешними объятіями. Это было глубокое и *настоящее* уже горе, по крайней мѣрѣ на его глаза, его сердцу. Было у него и другое горе въ ту минуту, а именно язвительное собственное сознаніе въ томъ что онъ нѣсколько сподличалъ; въ этомъ онъ мнѣ самъ потомъ признавался со всею откровенностью. А вѣдь *настоящее*, несомнѣнное горе даже феноменально легкомысленнаго человѣка способно иногда сдѣлать солиднымъ и стойкимъ, ну хоть на малое время; мало того, отъ истиннаго, настоящаго горя даже дураки иногда умнѣли, тоже, разумѣется, на время; это ужь свойство такое горя. А если такъ, то что же могло произойти съ такимъ человѣкомъ какъ Степанъ Трофимовичъ? Цѣлый переворотъ,—конечно тоже на время.

Онъ съ достоинствомъ поклонился Варварѣ Петровнѣ и не вымолвилъ слова (правда, ему ничего и не оставалось болѣе). Онъ такъ и хотѣлъ было совсѣмъ уже выйти, но не утерпѣлъ

и подошелъ къ Дарьѣ Павловнѣ. Та, кажется, это предчувствовала, потому что тотчасъ же сама, вся въ испугѣ, начала говорить, не давъ ему вымолвить слова:

— Пожалуста, Степанъ Трофимовичъ, ради Бога, ничего не говорите, начала она горячею скороговоркой, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица и поспѣшно протягивая ему руку:—будьте увѣрены что я васъ все такъ же уважаю.... и все такъ же цѣню васъ, и.... думайте обо мнѣ тоже хорошо, Степанъ Трофимовичъ, и я буду очень, очень это цѣнить....

Степанъ Трофимовичъ низко, низко ей поклонился.

— Воля твоя, Дарья Павловна, ты знаешь что во всемъ этомъ дѣлѣ твоя полная воля! Была и есть, и теперь и впредь, вѣчно заключила Варвара Петровна.

— Ба! да и я теперь все понимаю! ударилъ себя по лбу Петръ Степановичъ.—Но.... но въ какое же положеніе я былъ поставленъ послѣ этого? Дарья Павловна, пожалуста извините меня!... Что ты надѣлалъ со мной послѣ этого, а? обратился онъ къ отцу.

— Pierre, ты бы могъ со мной выражаться иначе, не правда ли, другъ мой? совсѣмъ даже тихо промолвилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Не кричи пожалуста, замахалъ Pierre руками, — повѣрь что все это старые, больные нервы, и кричать ни къ чему не послужитъ. Скажи ты мнѣ лучше, вѣдь ты могъ же предположить что я съ перваго шага заговорю: какъ же было не предувѣдомить?

Степанъ Трофимовичъ проницательно посмотрѣлъ на него:

— Pierre, ты, который такъ много знаешь изъ того что здѣсь происходитъ, неужели ты и вправду объ этомъ дѣлѣ такъ-таки ничего и не зналъ, ничего и не слыхалъ?

— Что-о-о? Вотъ люди! Такъ мы мало того что старыя дѣти, мы еще злыя дѣти? Варвара Петровна, вы слышали что онъ говоритъ?

Поднялся шумъ; но тутъ разразилось вдругъ приключеніе, котораго никто не могъ ожидать.

VIII.

Прежде всего упомяну что въ послѣднія двѣ-три минуты Лизаветой Николаевной овладѣло какое-то новое движеніе; она быстро шепталась о чемъ-то съ мама и съ наклонив-

шимся къ ней Маврикіемъ Николаевичемъ. Лицо ея было тревожно, но въ то же время выражало рѣшимость. Наконецъ встала съ мѣста, видимо торопясь уѣхать и торопя мамà, которую началъ приподымать съ креселъ Маврикій Николаевичъ. Но видно не суждено имъ было уѣхать не досмотрѣвъ всего до конца.

Шатовъ, совершенно всѣми забытый въ своемъ углу (неподалеку отъ Лизаветы Николаевны) и повидимому самъ не знавшій для чего онъ сидѣлъ и не уходилъ, вдругъ поднялся со стула и черезъ всю комнату, неспѣшнымъ, но твердымъ шагомъ направился къ Николаю Всеволодовичу, прямо смотря ему въ лицо. Тотъ еще издали замѣтилъ его приближеніе и чуть-чуть усмѣхнулся; но когда Шатовъ подошелъ къ нему вплоть, то пересталъ усмѣхаться.

Когда Шатовъ молча предъ нимъ остановился, не спуская съ него глазъ, всѣ вдругъ это замѣтили и затихли, позже всѣхъ Петръ Степановичъ; Лиза и мамà остановились посреди комнаты. Такъ прошло секундъ пять; выраженіе дерзкаго недоумѣнія смѣнилось въ лицѣ Николая Всеволодовича гнѣвомъ, онъ нахмурилъ брови и вдругъ....

И вдругъ Шатовъ размахнулся своею длинною, тяжелою рукой и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Николай Всеволодовичъ сильно качнулся на мѣстѣ.

Шатовъ и ударилъ-то по особенному, вовсе не такъ какъ обыкновенно принято давать пощечины (если только можно такъ выразиться), не ладонью, а всѣмъ кулакомъ, а кулакъ у него былъ большой, вѣскій, костлявый, съ рыжимъ пухомъ и съ веснушками. Еслибъ ударъ пришелся по носу, то раздробилъ бы носъ. Но пришелся онъ по щекѣ, задѣвъ лѣвый край губы и верхнихъ зубовъ, изъ которыхъ тотчасъ же потекла кровь.

Кажется раздался мгновенный крикъ, можетъ-быть вскрикнула Варвара Петровна—этого не припомню, потому что все тотчасъ же опять какъ бы замерло. Впрочемъ вся сцена продолжалась не болѣе какихъ-нибудь десяти секундъ.

Тѣмъ не менѣе въ эти десять секундъ произошло ужасно много.

Напомню опять читателю что Николай Всеволодовичъ принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ которыя страха не вѣдаютъ. На дуэли онъ могъ стоять подъ выстрѣломъ противника хладнокровно, самъ цѣлить и убивать до звѣрства спокойно.

Еслибы кто ударилъ его по щекѣ, то, какъ мнѣ кажется, онъ бы и на дуэль не вызвалъ, а тутъ же, тотчасъ же убилъ бы обидчика; онъ именно былъ изъ такихъ, и убилъ бы съ полнымъ сознаніемъ, а вовсе не внѣ себя. Мнѣ кажется даже что онъ никогда и не зналъ тѣхъ ослѣпляющихъ порывовъ гнѣва при которыхъ уже нельзя разсуждать. При безконечной злобѣ, овладѣвавшей имъ иногда, онъ все-таки всегда могъ сохранять полную власть надъ собой, а стало-быть и понимать что за убійство не на дуэли его непремѣнно сошлютъ въ каторгу; тѣмъ не менѣе онъ все-таки убилъ бы обидчика и безъ малѣйшаго колебанія.

Николая Всеволодовича я изучалъ все послѣднее время и, по особымъ обстоятельствамъ, знаю о немъ теперь, когда пишу это, очень много фактовъ. Я пожалуй сравнилъ бы его съ иными прошедшими господами, о которыхъ ущѣлѣли теперь въ нашемъ обществѣ нѣкоторыя легендарныя воспоминанія. Разказывали напримѣръ про декабриста Л—на что онъ всю жизнь нарочно искалъ опасности, упивался ощущеніемъ ея, обратилъ его въ потребность своей природы; въ молодости выходилъ на дуэль ни за что̀; въ Сибири, съ однимъ ножомъ ходилъ на медвѣдя, любилъ встрѣчаться въ сибирскихъ лѣсахъ съ бѣглыми каторжниками, которые, замѣчу мимоходомъ, страшнѣе медвѣдя. Сомнѣнія нѣтъ что эти легендарные господа способны были ощущать, и даже можетъ-быть въ сильной степени чувство страха, — иначе были бы гораздо спокойнѣе, и ощущеніе опасности не обратили бы въ потребность своей природы. Но побѣждать въ себѣ трусость—вотъ что̀, разумѣется, ихъ прельщало. Безпрерывное упоеніе побѣдой и сознаніе что нѣтъ надъ тобой побѣдителя—вотъ что̀ ихъ увлекало. Этотъ Л—нъ еще прежде ссылки нѣкоторое время боролся съ голодомъ и тяжкимъ трудомъ добывалъ себѣ хлѣбъ, единственно изъ-за того что ни за что̀ не хотѣлъ подчиниться требованіямъ своего богатаго отца, которыя находилъ несправедливыми. Стало-быть многосторонне понималъ борьбу; не съ медвѣдями только и не на однѣхъ дуэляхъ цѣнилъ въ себѣ стойкость и силу характера.

Но все-таки съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и нервозная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени даже и вовсе не допускаетъ теперь потребности тѣхъ непосредственныхъ и цѣльныхъ ощущеній которыхъ такъ искали тогда иные, безпокойные въ своей дѣятельности, гос-

лода добраго стараго времени. Николай Всеволодовичъ можетъ-быть отнесся бы къ Л—ну свысока, даже назвалъ бы его вѣчно храбрящимся трусомъ, лѣтушкомъ, — правда, не сталъ бы высказываться вслухъ. Онъ бы и на дуэли застрѣлилъ противника и на медвѣдя сходилъ бы, еслибы только надо было, и отъ разбойника отбился бы въ лѣсу—такъ же успѣшно и такъ же безстрашно, какъ и Л—нъ, но за то ужь безо всякаго ощущенія наслажденія, а единственно по непріятной необходимости, вяло, лѣниво, даже со скукой. Въ злобѣ разумѣется выходилъ прогрессъ противъ Л—на, даже противъ Лермонтова. Злобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ было можетъ-быть больше чѣмъ въ тѣхъ обоихъ вмѣстѣ, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно такъ выразиться—*разумная*, стало-быть самая отвратительная и самая страшная, какая можетъ быть. Еще разъ повторяю: я и тогда считалъ его и теперь считаю (когда уже все кончено) именно такимъ человѣкомъ который, еслибы получилъ ударъ въ лицо или подобную равносильную обиду, то немедленно убилъ бы своего противника, тотчасъ же, тутъ же на мѣстѣ и безъ вызова на дуэль.

И однакоже въ настоящемъ случаѣ произошло нѣчто иное и чудное.

Едва только онъ выпрямился послѣ того какъ такъ позорно качнулся на бокъ, чуть не на цѣлую половину роста, отъ полученной пощечины; и не затихъ еще, казалось, въ комнатѣ подлый, какъ бы мокрый какой-то звукъ отъ удара кулака по лицу, какъ тотчасъ же онъ схватилъ Шатова обѣими руками за плечи: но тотчасъ же, въ тотъ же почти мигъ, отдернулъ свои обѣ руки назадъ и скрестилъ ихъ у себя за спиной. Онъ молчалъ, смотрѣлъ на Шатова и блѣднѣлъ какъ рубашка. Но странно, взоръ его какъ бы погасалъ. Черезъ десять секундъ, глаза его смотрѣли холодно и—я убѣжденъ что не лгу—спокойно. Только блѣденъ онъ былъ ужасно. Разумѣется я не знаю что̀ было внутри человѣка, я видѣлъ снаружи. Мнѣ кажется еслибы былъ такой человѣкъ который схватилъ бы, напримѣръ, раскаленную до красна желѣзную полосу и зажалъ въ рукѣ, съ цѣлію измѣрить свою твердость, и затѣмъ, въ продолженіи десяти секундъ, побѣждалъ бы нестерпимую боль и кончилъ тѣмъ что ее побѣдилъ, то человѣкъ этотъ, кажется мнѣ, вынесъ бы нѣчто похожее на

то что̀ испыталъ теперь, въ эти десять секундъ, Николай Всеволодовичъ.

Первый изъ нихъ опустилъ глаза Шатовъ и видимо потому что принужденъ былъ опустить. Затѣмъ медленно повернулся и пошелъ изъ комнаты, но вовсе ужь не тою походкой которою подходилъ давеча. Онъ уходилъ тихо, какъ-то особенно неуклюже приподнявъ сзади плечи, опустивъ голову и какъ бы разсуждая о чемъ-то самъ съ собой. Кажется онъ что-то шепталъ. До двери дошелъ осторожно, ни за что̀ не зацѣпивъ и ничего не опрокинувъ, дверь же пріотворилъ на маленькую щелочку, такъ что пролѣзъ въ отверстіе почти бокомъ. Когда пролѣзалъ, то вихоръ его волосъ, стоявшій торчкомъ на затылкѣ, былъ особенно замѣтенъ.

Затѣмъ, прежде всѣхъ криковъ раздался одинъ страшный крикъ. Я видѣлъ какъ Лизавета Николаевна схватила было свою мама за плечо, а Маврикія Николаевича за руку и раза два-три рванула ихъ за собой, увлекая изъ комнаты, но вдругъ вскрикнула и со всего росту упала на полъ въ обморокѣ. До сихъ поръ я какъ будто еще слышу какъ стукнулась она о коверъ затылкомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ѲЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

НА НОЖАХЪ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МЕРТВЫЙ УЗЕЛЪ.

I. Тикъ и такъ.

Рана нанесенная Подозерову предательскимъ выстрѣломъ Горданова была изъ ранъ тяжкихъ и опасныхъ, но не безусловно смертельныхъ, и Подозеровъ не умеръ. Излѣченіе такихъ сквозныхъ ранъ на вылетъ въ грудь подъ пятое ребро слѣва относятъ къ разряду чудесныхъ, на самомъ же дѣлѣ здѣсь гораздо менѣе принадлежитъ чуду врачевства, чѣмъ случаю. Все зависитъ отъ момента пролета пули по области занимаемой сердцемъ. Отправленія сердца, какъ извѣстно, производятся постояннымъ его сокращеніемъ и расширеніемъ,— эти попеременно одинъ за другимъ слѣдующіе моменты, называемые въ медицинѣ systole и diastole, даютъ два звука: *тикъ* и *такъ*.

Въ первомъ изъ нихъ, органъ сокращается въ продольномъ своемъ діаметрѣ и оставляетъ около себя мѣсто, по которому стороннее тѣло можетъ пройти насквозь чрезъ грудь человѣка,

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870, №№ 10, 11 и 12, и №№ 1й, 2й и 3й 1871.

не коснувшись сердца и не повредивъ его. Назадъ тому очень не много лѣтъ, въ Москвѣ одинъ извѣстный злодѣй, въ минуту большой опасности быть пойманнымъ, выстрѣлилъ себѣ въ сердце и остался живъ, потому что сердце его въ моментъ прохожденія пули было въ состояніи сокращенія: сердце Подозерова тоже сказало „тикъ“, въ то время когда Гордановъ рѣшалъ „такъ“. Подозеровъ остался жить, но тѣмъ не менѣе онъ остановился на самомъ краю гроба: легкіе его были поранены, и за этимъ послѣдовали и кровоизліяніе въ полость груди, и удушающая легочная опухоль, и травматическая лихорадка. Прошло около мѣсяца послѣ бойни устроенной Гордановымъ, а Подозеровъ все еще былъ ближе къ смерти чѣмъ къ выздоровленію. Опасная лихорадка не уступала самому внимательному и искусному лѣченію.

На дворѣ въ это время стояли человѣконенавистные дни октября: ночью мокрая вьюга и изморозь, днемъ ливень, и въ промежуткахъ тяжелая сѣрая мгла; грязь и мощеныхъ и не мощеныхъ улицъ растворилась и топила и пѣшаго и коннаго. Мокрые заборы, мокрыя крыши и залотѣлыя окна словно плакали, а осклизшія деревья садовъ, доставлявшихъ лѣтомъ столько пріятной тѣни своею зеленью, теперь безпокойно качались, и скрипя на корняхъ, хлестали черными вѣтвями по стекламъ не закрытыхъ ставнями оконъ и наводили уныніе.

Спальня Подозерова, гдѣ онъ лежалъ, была комната средней величины, она выходила въ садъ двумя окнами, въ которыя такимъ именно образомъ жутко стучали голыя вѣтви. Во все это время Андрей Ивановичъ не возвращался къ сознательной жизни человѣка: онъ былъ чуждъ всякихъ заботъ и желаній и жилъ лишь спеціальною жизнію больнаго. Онъ постоянно или находился въ полузабытьи, или, приходя въ себя, сознавалъ лишь только то на что̀ обращали его вниманіе; отвѣчалъ на то о чемъ его спрашивали; думалъ о томъ что̀ было предлагаемо ему для отвѣта, и никакъ не далѣе. Собственной иниціативы у него не было ни въ чемъ. Все прошедшее для него не существовало; никакое будущее ему не мерещилось; все настоящее сосредоточивалось въ данной краткой терціи, потребной для сознанія предложеннаго вопроса. Онъ называлъ по именамъ Катерину Астаѳьевну Форову, генеральшу и Ларису, которыхъ во все это время постоянно видѣлъ предъ собою, но онъ ни разу не остановился на томъ почему здѣсь возлѣ него находятся именно эти, а не какія-нибудь другія

лица; онъ ни разу не спросилъ ни одну изъ нихъ: отчего всѣ онѣ такъ измѣнились, отчего Катерина Астаѳьевна осунулась, и всѣ ея волосы сплошь побѣлѣли; отчего также похудѣла и пожелтѣла генеральша Александра Ивановна, и нѣтъ въ ней того спокойствія и самообладанія, которыя однихъ такъ успокоивали, а другимъ давали столько матеріала для разсужденій о ея безчувственности. Его не интересовало отчего онъ, открывая глаза, такъ часто видитъ ее въ какомъ-то окаменѣломъ состояніи, со взглядомъ неподвижно вперен-нымъ въ пустой уголъ полутемной комнаты; отчего бѣлые пальцы ея упертой въ високъ руки нетерпѣливо движатся и хрустятъ въ своихъ суставахъ. Ему было все равно. Лора пожалуй еще больше могла остановить на себѣ его вниманіе, но онъ не замѣчалъ и того что сталось съ нею. Лариса не похудѣла, но ея лицо.... погрубѣло. Она подурнѣла. На ней лежалъ слѣдъ страданія тяжелаго и долгаго, но страданія не очищающаго и возвышающаго душу, а гнетущаго страхомъ и досадой. Подозеровъ ничего этого не наблюдалъ и ни надъ чѣмъ не останавливался. Объ отсутствующихъ же нечего было и говорить, онъ во всю свою болѣзнь ни разу не вспомнилъ ни про Горданова, ни про Висленева, не спросилъ про Фелитера Ивановича и не полюбопытствовалъ почему онъ не видалъ возлѣ себя коренастаго майора, а между тѣмъ въ положеніи всѣхъ этихъ лицъ произошли значительныя перемѣны съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ ними въ концѣ третьей части нашего романа.

II. Гдѣ обрѣтается Форовъ.

Вспомянутый нами майоръ Форовъ еще до сего времени не возвращался домой, съ тѣхъ поръ какъ мы видѣли его ѣдущимъ на дрожкахъ съ избитымъ имъ квартальнымъ надзирателемъ. На майора Форова обрушились всѣ напасти: его воинственнымъ поступкомъ было даже какъ бы затушовано на время преступленіе Горданова. Уличная сцена майора, составлявшая относительно нѣсколько позднѣйшую новость дня, была возведена въ степень важнаго событія, за которымъ дуэль Подозерова сходила на степень событія гораздо низшаго. Тотъ самый вице-губернаторъ, котораго такъ безцеремонно и нагло осмѣивалъ Гордановъ, увидѣлъ въ по-

ступкѣ Форова вѣрное средство подслужиться общественному мнѣнію, заинтересованному бравурствами Павла Николаевича, и ринулся со всею страстію и суровостью на безпомощнаго майора. Молодые, прилизанные и зашитые въ вицмундиры канцелярскія шавки, изъ породы еще не сознающихъ себя гордановцевъ, держали ту же ноту. Въ кабинетѣ начальника было изречено слово о немедленномъ же и строжайшемъ арестѣ майора Форова, оказавшаго примѣръ такого явнаго буйства и оскорбленія должностнаго лица; въ канцеляріяхъ слово это облеклось плотію; тамъ строчились бумаги, открывавшія Фелитеру Ивановичу тяжелыя двери тюрьмы, и этими дверями честный майоръ былъ отдѣленъ отъ міра, въ которомъ онъ оказался вреднымъ и опаснымъ членомъ. О другихъ герояхъ этого дня пока было словно позабыто: нѣкоторымъ занимавшимся ихъ судьбой мнилось что Горданова и Подозерова ждетъ тягчайшая участь впереди, но справедливость требуетъ сказать что двумя этими субъектами занимались лишь очень немногіе изъ губерскаго бомонда; наибольшее же вниманіе массъ принадлежало майору. По исконному обычаю массъ радоваться всякимъ напастямъ полиціи, у майора вдругъ нашлось въ городѣ очень много друзей, которые одобряли его поступокъ и передавали его изъ устъ въ уста, съ самыми невѣроятными преувеличеніями, доходившими до того что майоръ вдругъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря, одареннаго такою силой что возьметъ онъ за руку—летитъ рука прочь, схватитъ за ногу — нога прочь. Говорили будто бы Фелитеръ Ивановичъ совсѣмъ убилъ квартальнаго и утверждали что онъ даже хотѣлъ перебить все начальство во всемъ его составѣ, и непремѣнно исполнилъ бы это, но не выполнилъ такой программы лишь только по неполученію своевременно надлежащаго подкрѣпленія со стороны общества, и былъ заключенъ въ тюрьму съ помощію цѣлаго баталіона солдатъ. Въ городѣ оказалось очень много людей которые искренно сожалѣли что майору не была оказана надлежащая помощь; въ тюрьму, куда посадили Фелитера Ивановича, начали притекать обильныя приношенія булками, пирогами съ горохомъ и вареною рыбой, а одна купчиха-вдова, ведшая тридцатилѣтнюю войну съ полиціей, даже послала Форову красный, мѣдный чайникъ, фунтъ чаю, луховикъ, двѣ подушки въ темныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, частый роговой гребень, банку персидскаго по-

рошку, соломенныя бирюльки и пучокъ сухой травы. Майоръ принялъ все, не исключая травы и бирюлекъ, которыя онъ выровнялъ и устроилъ изъ этого приношенія очень удобныя стельки въ свои протекшія сапоги. Затѣмъ онъ преспокойно усѣлся жить въ острогѣ, согрѣвая себя кулчихинымъ чаемъ изъ ея же мѣднаго чайника.

III. Каково поживаютъ другіе.

Что касается до Горданова, Подозерова и Висленева, то о нихъ вспомнили только на другой день и, въ виду болѣзненнаго состоянія Горданова и Подозерова, подчинили ихъ домашнему аресту въ ихъ собственныхъ квартирахъ; когда же пришли къ Висленеву, съ тѣмъ чтобы пригласить его переѣхать на гауптвахту, то нашли въ его комнатѣ только обрывки газетныхъ листовъ, которыми Іосафъ Платоновичъ обвертывалъ вещи; самъ же онъ еще вчера вечеромъ уѣхалъ Богъ вѣсть куда. Спрошенная о его исчезновеніи сестра его Лариса не могла дать никакого опредѣлительнаго отвѣта, и это вовсе не было съ ея стороны лукавствомъ: она въ самомъ дѣлѣ не знала куда скрылся Іосафъ. Она разсталась съ братомъ еще утромъ, когда онъ, возвратясь съ поединка, сразилъ ее вѣстью о смерти Подозерова. Не отходя съ той поры отъ постели умирающаго, Лариса ничего не знала о своемъ братѣ, людямъ же было извѣстно лишь только то что Іосафъ Платоновичъ вышелъ куда-то вскорѣ за бросившеюся изъ дому барышней и не возвращался домой до вечера, а потомъ пришелъ, уложилъ самъ свои саквояжи, и какъ уѣхалъ такъ уже и не возвращался. Къ разысканію его велѣно было принять самыя тщательныя мѣры, заключающіяся у насъ, какъ извѣстно, въ перепискѣ изъ части въ часть, изъ квартала въ кварталъ,—мѣры приносящія какую-нибудь пользу только лишь тогда когда тотъ о комъ идетъ дѣло самъ желаетъ быть пойманнымъ.

Прошелъ мѣсяцъ, а о Висленевѣ не было ни слуху, ни духу. Исчезновеніе его было загадкой и для сестры его и для тетки, которыя писали ему въ Петербургъ на имя его жены, но письма ихъ оставались безъ отвѣта,—на что впрочемъ и Катерина Астаѳьевна и Лариса, занятыя положеніемъ ближайшихъ къ нимъ лицъ, не слишкомъ и сѣтовали. Но наконецъ при-

шелъ отвѣтъ изъ Петербурга путемъ офиціальнымъ. Мѣстная предержащая власть сносилась съ подлежащею властью столицы о разысканіи Висленева, и получила извѣстіе что Іосафъ Платоновичъ въ Питерѣ не появлялся. Да и зачѣмъ ему было туда ѣхать? Чтобы лопасться въ лалы своей жены, отъ которой онъ во время своей кочевки уже немножко эмансипировался? Онъ даже льстилъ себя надеждой вовсе отъ нея освободиться и начать свое „независимое существованіе“, на что̀ приближающееся его сорокалѣтіе давало ему въ собственныхъ глазахъ нѣкоторое право. Но куда онъ исчезъ и пропалъ? Это оставалось тайной для всѣхъ.... для всѣхъ, кромѣ одного Горданова, который недѣли чрезъ двѣ послѣ исчезновенія Висленева, получилъ изъ-за границы письмо, писанное рукой Іосафа Платоновича, но за подписью Espérance. Въ этомъ письмѣ злополучная Espérance, въ которой Гордановъ тотчасъ отгадалъ брата Ларисы, жаловалась безжалостному Павлу Николаевичу на преслѣдующую ее роковую судьбу и просила его „во имя ихъ прежнихъ отношеній“ прислать ей денегъ на имя общаго ихъ знакомаго Joseph W. Гордановъ прочелъ это письмо и бросилъ его безъ всякаго вниманія. Онъ, вопервыхъ, не видѣлъ въ эту минуту никакой надобности дѣлиться чѣмъ бы то ни было съ Висленевымъ, а вовторыхъ, ему было и недосужно. Павелъ Николаевичъ самъ собирался въ путь и преодолѣвалъ затрудненія, возникавшія предъ нимъ по случаю собственной его подсудимости. Препятствія эти казались неодолимыми, но Гордановъ поборолъ ихъ и, съ помощію ходатайствовавшаго за него предъ властями Бодростина, уѣхалъ въ Петербургъ къ Михаилу Андреевичу, оставивъ по себѣ поручительство что онъ явится къ слѣдствію, когда возвращеніе къ Подозерову сознанія и силъ сдѣлаетъ возможными нужныя съ его стороны показанія. Гордановъ представилъ цѣлый рядъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ что весьма важныя предпріятія потерпятъ и разрушатся отъ стѣсненія его свободы, и стѣсненіе это было расширено. Въ нашъ вѣкъ предпріятій нельзя отказывать въ такихъ мелочахъ крупному предпринимателю, какимъ несомнѣнно представлялся Гордановъ всѣмъ или почти всѣмъ, кромѣ развѣ Подозерова, Форова, Катерины Астаѳьевны и генеральши, которые считали его не болѣе какъ большимъ мошенникомъ. Но имъ было теперь не до него:

одинъ изъ этихъ людей лежалъ на краю гроба, другой фило софствовалъ въ острогѣ, а женщины переходили отъ одного страдальца къ другому и не останавливались на томъ что̀ дѣлается съ негодяями.

Было и еще одно лицо, которое и эту оцѣнку для Гордановa признавало слишкомъ преувеличенною: это лицо, находившее что для Павла Николаевича слишкомъ много чтобъ его признавали „большимъ мошенникомъ“, была Глафира Васильевна Бодростина, непостижимо тихо и ловко спрятавшаяся отъ молвы и отъ очей, во время всей послѣдней передряги по поводу поединка. Она уѣхала въ деревню и во все это время, употребляя ея же французскую фразеологію, она была sous le banc. При всемъ провинціальномъ досужествѣ, про нее никто не вспомнилъ ни при одной смѣтѣ. Но она не забыла своихъ слугъ и друзей. Ея ловкая, напрактикованная горничная пріѣзжала въ городъ и была два раза у Горданова. Глафира Васильевна очевидно была сильно заинтересована тѣмъ чтобы Павелъ Николаевичъ получилъ возможность выѣхать въ Петербургъ, но во всѣхъ хлопотахъ объ этомъ она не приняла ни малѣйшаго, по крайней мѣрѣ видимаго участія. Ея словно не было въ живыхъ и о ней только невзначай вспомнили два или три человѣка, которые, возвращаясь однажды ночью изъ клуба, неожиданно увидѣли слабый свѣтъ въ окнахъ ея комнаты; но и тутъ, по всѣмъ наведеннымъ на другой день справкамъ, оказалось что Глафира Васильевна пріѣзжала въ городъ на короткое время и затѣмъ выѣхала. Куда? Объ этомъ узнали не скоро. Она уѣхала не назадъ въ свою деревню, а куда-то далеко; одни полагали что она отправилась въ Петербургъ, чтобы, пользуясь болѣзнью Горданова, отговорить мужа отъ рискованнаго предпріятія устроить фабрику мясныхъ консервовъ, въ которое вовлекъ его этотъ Гордановъ, давній врагъ Глафиры, котораго она ненавидѣла; другіе же думали что она, разсорясь съ мужемъ, поѣхала кутнуть за границу. Сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о направленіи принятомъ Глафирой имѣлъ одинъ лишь, торопливо отъѣзжавшій изъ города Павелъ Николаевичъ Гордановъ, но онъ, разумѣется, никому объ этомъ ничего не говорилъ. Откровенность въ этомъ случаѣ не была въ его планахъ, да ему было и нѣкогда: онъ самъ только-что получилъ разрѣшеніе съѣздить подъ поручительствомъ въ Петербургъ и торопился несказанно. Эта торопливость его въ

значительной мѣрѣ поддерживала то мнѣніе что Бодростина поѣхала къ мужу разрушать пагубное вліяніе на него Горданова, и что сей послѣдній гонится за нею, открывая такимъ образомъ игру въ кошку и мышку.

IV. Кошка и мышка.

Въ догадкѣ этой было нѣчто намекающее на что-то существовавшее на самомъ дѣлѣ. Гордановъ и Глафира должны были встрѣтиться, но какъ и гдѣ?... На это у нихъ было росписаніе.

Подъѣзжая къ московскому дебаркадеру желѣзной дороги, по которой Гордановъ утекалъ изъ провинціи, онъ тревожно смотрѣлъ изъ окна своего вагона и вдругъ покраснѣлъ, увидѣвъ прохаживающуся по террасѣ высокую даму въ длинной бархатной тальмѣ и такой же круглой шляпѣ, съ густымъ вуалемъ. Дама тоже замѣтила его въ окнѣ, и они оба кивнули другъ другу и встрѣтились на платформѣ безъ удивленія неожиданности, какъ встрѣчаются два агента одного и того же дѣла, съѣхавшіеся по своимъ обязанностямъ. Дама эта была Глафира Васильевна Бодростина.

— Vous êtes bien aimable, сказалъ ей Гордановъ, сходя и протягивая ей свою руку. — Я никакъ не ожидалъ чтобы вы меня даже встрѣтили.

Бодростина вмѣсто отвѣта спокойно подала ему свою правую руку, а лѣвою откинула вуаль. Она тоже нѣсколько перемѣнилась съ тѣхъ поръ какъ мы ее видѣли отъѣзжавшею изъ хуторка генеральши съ потерпѣвшимъ тогда неожиданное пораженіе Гордановымъ. Глафира Васильевна немного поблѣднѣла, и прекрасные говорящіе глаза ея утратили свою безпокойную тревожность: они теперь смотрѣли сосредоточеннѣе и спокойнѣе, и на всемъ лицѣ ея выражалась сознательная рѣшимость.

— Я васъ ждала съ нетерпѣніемъ, сказала она Горданову, сходя съ нимъ подъ руку съ крыльца дебаркадера, вслѣдъ за носильщиками, укладывавшими на козлы наемной кареты щегольскіе чемоданы Павла Николаевича.—Мы должны видѣться здѣсь въ Москвѣ самое короткое время и потомъ разстаться, и можетъ-быть очень надолго.

— Ты развѣ не ѣдешь въ Петербургъ?

— Я въ Петербургъ не ѣду; вы поѣдете туда одни и не-

премѣнно завтра же; я тоже уѣду завтра, но намъ не одна дорога.

— Ты куда?

— Я ѣду за границу, но садись пожалуста въ карету; теперь мы еще ѣдемъ вмѣстѣ.

— А я не рѣшилъ гдѣ мнѣ остановиться, проговорилъ Горданов, усаживаясь въ экипажъ. — Ты гдѣ стоишь? Я могу пристать гдѣ-нибудь поближе, или возьму нумеръ въ той же гостиницѣ.

— Вы остановитесь у меня, отвѣтила ему сгороговоркой Бодростина и, высунувшись изъ окна экипажа, велѣла кучеру ѣхать въ одну изъ извѣстнѣйшихъ московскихъ гостиницъ.

— Я тамъ живу уже недѣлю въ ожиданіи моего мужа, добавила она, обращаясь къ Горданову. — У меня большой семейный нумеръ, и вамъ вовсе нѣтъ нужды искать для себя другаго помѣщенія и понапрасно прописываться въ Москвѣ.

— Ты, значитъ, дѣлаешь меня на это время своимъ мужемъ? Это очень обязательно съ твоей стороны.

Бодростина равнодушно посмотрѣла на него.

— Что ты на меня глядишь такимъ уничтожающимъ взглядомъ?

— Ничего, я такъ только немножко вамъ удивляюсь.

— Чему и въ чемъ?

— Намъ не къ лицу эти лица. Я везу васъ къ себѣ просто для того чтобы вы не прописывали въ Москвѣ своего имени, потому что вамъ его можетъ-быть не совсѣмъ удобно выставлять на корридорной дощечкѣ, мимо которой ходятъ и читаютъ всѣ и каждый.

— Да, понимаю, понимаю. Довольно.

— Кажется понятно.

И затѣмъ Глафира Васильевна, не касаясь никакихъ воспоминаній о томъ что было въ покинутомъ захолустьѣ, не особенно сухимъ, но серіознымъ и дѣловымъ тономъ заговорила съ Гордановымъ о томъ что онъ долженъ совершить въ Петербургѣ въ качествѣ ея агента при ея мужѣ. Все это заключалось въ нѣсколькихъ словахъ, что Павелъ Николаевичъ долженъ способствовать старческимъ слабостямъ Михаила Андреевича Бодростина къ графинѣ Казимірѣ и спутать его съ нею какъ можно скандальнѣе и крѣпче. Гордановъ все это слушалъ и наконецъ возразилъ что онъ только не понмаетъ зачѣмъ это нужно, но не получилъ никакого отвѣта, потому что экипажъ въ это время остановился у подъѣзда гостиницы.

V. Nota bene на всякій случай.

Нумеръ который занимала Бодростина состоялъ изъ четырехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ и устланныхъ сплошь пушистыми, нѣкогда весьма дорогими коврами. Комнаты отдѣлялись одна отъ другой массивными перегородками изъ орѣховаго дерева, съ тяжелою рѣзьбой и точеными украшеніями въ полуготическомъ, полурусскомъ стилѣ. Длинная комната налраво изъ передней была занята лодъ спальню и дорожный будуаръ Глафиры, а квадратная комнатка безъ окна, влѣво изъ передней, вмѣщала въ себѣ застланную свѣжимъ бѣльемъ кровать, комодъ и нѣсколько стульевъ.

Эту комнату Глафира Васильевна и отвела Горданову и велѣла въ ней положить прибывшіе съ нимъ ложитки.

— Гдѣ же ваша собственная прислуга? полюбопытствовалъ Гордановъ, позируя и оправляясь предъ зеркаломъ, въ ожиданіи умыванья.

— Со мною нѣтъ здѣсь собственной прислуги, отвѣчала Бодростина.

— Такъ вы путешествуете однѣ?

Глафира Васильевна, слегка прижала нижнюю губу и склонила голову, что̀ Гордановъ могъ принять и за утвердительный отвѣтъ на его предположеніе, но что̀ точно такъ же удобно можно было отнести и просто къ усиліямъ съ которыми Бодростина въ это время открывала свой дорожный письменный бюваръ.

Пока Павелъ Николаевичъ умывался и прихорашивался, Бодростина писала, и когда Гордановъ взошелъ къ ней съ сигарой въ зубахъ, одѣтый въ тепленькую плюшевую курточку цвѣта шерсти молодаго бобра, Глафира подняла на него глаза и улыбнувшись спросила:—Что̀ это за костюмъ?

— А что̀ такое? отвѣчалъ оглядываясь Гордановъ.—Что̀ за вопросъ? а? что̀ тебѣ кажется въ моемъ платьѣ?

— Ничего.... платье очень хорошее и удобное чтобъ отъ долговъ бѣгать. Но какъ вы стали тревожны!

— Чему же вы это приписываете?

Бодростина пожала съ чуть замѣтною улыбкой плечами и отвѣчала:—Вѣроятно продолжительному сношенію съ глупыми людьми: это злитъ и портитъ характеръ.

— Да; вы правы—это портитъ характеръ.

— Особенно у тѣхъ у кого онъ и безъ того былъ всегда гадокъ.

Гордановъ хотѣлъ отшутиться, но взглянувъ на Бодростину и видя ее снова всю погруженною въ писаніе, походилъ, посвисталъ и скрылся назадъ въ свою комнату. Тутъ онъ пошуршалъ въ своихъ саквояжахъ и, появясь черезъ нѣсколько минутъ въ пальто и въ шляпѣ, сказалъ: я пойду пройдусь.

— Да; это прекрасно, отвѣчала Бодростина, только закутывайся хорошенько повыше кашне и надвигай пониже шляпу.

Гордановъ слегка покраснѣлъ и процѣдилъ сквозь зубы:—Ну ужь это даже не совсѣмъ и остроумно.

— Я вовсе и не хочу быть съ вами остроумною, а говорю просто. Вы въ самомъ дѣлѣ подите походите, а я здѣсь кончу нужныя письма и въ пять часовъ мы будемъ обѣдать. Здѣсь прекрасный поваръ. А кстати, можете вы мнѣ оказать услугу?

— Сдѣлайте одолженіе, приказывайте, отвѣчалъ сухо Гордановъ, подправляя рукой загибъ своего мѣховаго воротника.

— J'ai bon appétit aujourd'hui. Скажите пожалуста чтобы для меня между прочимъ велѣли приготовить fricandeau sauce piquante. C'est délicieux, et j'espére que vous le trouverez à votre goût.

— Извольте, отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ, и поворотясь вышелъ въ корридоръ.

Это его обидѣло.

Онъ позвалъ слугу тотчасъ какъ только переступилъ порогъ двери и передалъ ему приказаніе Бодростиной. Онъ исполнилъ все это громко, нарочно съ тѣмъ чтобы Глафира слышала какъ онъ обошелся съ ея порученіемъ, въ которомъ Павелъ Николаевичъ видѣлъ явную цѣль его унизить.

Гордановъ былъ жестоко золъ на себя и, быстро шагая по косымъ тротуарамъ Москвы, проводилъ самыя нелестныя для себя параллели между самимъ собою и своимъ bête noire, Іосафомъ Висленевымъ.

— Недалеко, недалеко я отбѣжалъ отъ моего бѣднаго пріятеля, говорилъ онъ, вспоминая свои собственныя продѣлки съ наивнымъ Жозефомъ и приводя въ сопоставленіе съ ними то что̀ можетъ дѣлать съ нимъ Бодростина. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался что и его положеніе въ сущности немного прочнѣе положенія Висленева.

— Не все ли равно, разсуждалъ онъ:—я верховодилъ этимъ глупымъ Ясафкой по поводу сотни рублей; мною точно такъ же верховодятъ за нѣсколько бо́льшія суммы. Мы оба одного разбора, только разныхъ сортовъ. оба лѣнтяи, оба хотѣли подняться на фу-фу, и одна намъ и честь.

VI. Итогъ для новой смѣты.

Гордановъ припомнилъ какія онъ роли отыгрывалъ въ провинціи и какой страхъ нагонялъ онъ тамъ на добрыхъ людей, и ему даже стало страшно.

— Что̀, соображалъ онъ,—еслибъ изъ нихъ кто-нибудь зналъ на какомъ тонкомъ-претонкомъ волоскѣ я мотаюсь? Еслибы только кто-нибудь изъ нихъ пронюхалъ что у меня подъ ногами нѣтъ никакой почвы, что я зависимѣе каждаго изъ нихъ, и что пропустить меня и сквозь сито и сквозь рѣшето зависитъ вполнѣ отъ одного каприза этой женщины?... Какъ бы презиралъ меня самый презрѣнный изъ нихъ! И онъ былъ бы правъ и тысячу разъ правъ.

— Но полно, такъ ли? Отъ каприза ли ея я однако завишу? разсуждалъ онъ далѣе, прилодымая слегка голову.— Нѣтъ; я ей нуженъ: я ея сообщникъ, я ея bravo, ея наемный убійца; она не можетъ безъ меня обойтись.... Не можетъ?... А почему не можетъ?... Во мнѣ есть рѣшительность, есть воля, есть характеръ,—однимъ словомъ, во мнѣ есть свойства на которыя она разчитываетъ и которыхъ нѣтъ у каждаго встрѣчнаго-поперечнаго.... Но развѣ только одинъ путь, одно средство которымъ она можетъ.... развѣнчаться.... избавиться отъ своего супруга.... сбыть его и извести. И наконецъ, что у нея за думы, что у нея за запутанные планы? Просто не разберешь подчасъ, дѣлаетъ она что̀, или не дѣлаетъ? Одно только мое большое и основательное знаніе этой женщины ручается мнѣ что она что-то заводитъ,—заводитъ далекое, прочное, что она облагаетъ насъ цѣлымъ лагеремъ, и именно *насъ*, т.-е. всѣхъ насъ,—не одного Михаила Андреевича, а всѣхъ какъ есть, и меня въ томъ числѣ, и даже меня можетъ-быть перваго. Какой демонъ, какая страшная женщина! Я ничего не видалъ, я не успѣлъ опомниться какъ она меня опутала! Страшно представить себѣ какая глубокая и въ то же время какая скверная для меня разница меж-

ду тѣмъ положеніемъ въ какомъ я видѣлся съ нею тамъ, въ губернской гостиницѣ, въ первую ночь моего пріѣзда, и теперь.... когда она сама меня встрѣчаетъ, сама меня снаряжаетъ наемнымъ Мефистофелемъ къ своему мужу, и между тѣмъ обращается со мною какъ со школьникомъ, какъ съ влюбленнымъ гимназистомъ! Это чортъ знаетъ что̀ такое! Она не удостоиваетъ отвѣта моихъ попытокъ узнать что̀ такое всѣ мы выплясываемъ по ея дудкѣ и.... и посылаетъ меня заказывать фрикандо къ обѣду! Ея нынѣшнее обращеніе со мною ничѣмъ не цвѣтнѣе нѣкогда столь смѣшной для меня встрѣчи Висленева съ его генеральшей, а между тѣмъ Висленевъ отлѣтый, патентованный гороховый шутъ и притча во языцѣхъ, а я.... во всякомъ случаѣ человѣкъ надъ которымъ никто никогда не смѣялся....

Гордановъ, все краснѣвшій по мѣрѣ развитія этихъ думъ, вдругъ остановился, усмѣхнулся и плюнулъ. Вокругъ него трещали экипажи, сновали пѣшеходы, въ воздухѣ летали хлопья мягкаго снѣгу, а на мокрыхъ ступеняхъ Иверской часовни стояли черныя, перемокшія монахини и кланялся народъ.

— Какъ никто? Какъ никто не смѣялся? мысленно вопрошалъ себя Гордановъ и отвѣчалъ съ ироніей:—А Кишенскій, а Алинка? развѣ не по ихъ милости я разоренъ и отброшенъ чортъ знаетъ на какое разстояніе отъ исполненія моего вѣрнѣйшаго и блестящаго плана? Нѣтъ; я только честнымъ людямъ умѣю не позволять наступать себѣ на ногу.... я молодецъ на овецъ, а на молодца я самъ овца.... Да; да; меня спутало и погубило это якшанье со всею этой принципною сволочью, которая обворовала меня кругомъ.... Но ничего, друзья, ничего. Палача, прежде чѣмъ сдѣлать палачомъ, тоже пороли,—выпороли и вы меня, и еще до сихъ поръ все порите; но уже за то какъ я оттерплюсь, да васъ вздую, такъ вамъ небо покажется съ баранью овчинку!

Павелъ Николаевичъ крякнулъ, повернувшись спиной къ Иверской часовнѣ и перейдя площадь, зашелъ въ Гуринскій трактиръ, усѣлся къ столику и спросилъ себѣ чаю.

— Да; къ чорту это все! думалъ онъ,—нечего себя обольщать, но нечего и робѣть. Глафира, чортъ ее знаетъ,—она кажется несомнѣнно умнѣе меня, да и потомъ у нея въ рукахъ вся сила. Я уже сдѣлалъ промахъ, страшный промахъ, когда я по одному ея слову рѣшился рвать всѣмъ носы въ этомъ пошломъ городишкѣ! Глупецъ, я взялся за

роль страшнаго и непобѣдимаго силача съ пустыми лятью, шестью тысячами рублей, которыя она мнѣ сунула, какъ будто я не могъ и не долженъ былъ предвидѣть что этимъ широкимъ разгономъ моей бравурной репутаціи на малыя средства она беретъ меня въ свои лалы; что издержавъ эти деньги,—какъ это и случилось теперь,—я долженъ шлепнуться со всей высоты моего аршиннаго величія? А вотъ же я этого не видѣлъ; вотъ же я... я... умникъ, Гордановъ, этого не предусмотрѣлъ! Правду говорятъ: кто поучаетъ женщину, тотъ готовитъ на себя палку... И еще я имѣлъ глупость часъ тому назадъ лютовать! И еще я готовъ былъ изыскивать средство дать ей отпоръ... возмутиться... Противъ кого? Противъ нея, противъ единственнаго лица держась за которое я долженъ выплыть на берегъ! И изъ-за чего я хотѣлъ возмутиться? Изъ-за самолюбія, оскорбленій котораго никто не видитъ, между тѣмъ какъ я могу быть вынужденъ переносить не такія оскорбленія на виду у цѣлаго свѣта? Развѣ же не чистѣйшая это гиль теперь, мое достоинство? А ну его къ дьяволу! Смирюсь, смирю себя предъ нею до чего она хочетъ; снесу отъ нея все! Пусть это будетъ мой самый трудный экзаменъ въ борьбѣ за существованіе, и я долженъ его выдержать, если не хочу погибнуть,—и я не погибну. Она увидитъ велика ли была ея проницательность, когда она располагала на мою „каторжную честность“? Нѣтъ, дружокъ: à la guerre comme à la guerre. Хитра ты, да вѣдь и я не промахъ: любуйся же теперь моей несмѣлостію и смиреніемъ: богатство и власть надъ Ларисой стоятъ того чтобы мнѣ еще потерпѣть горя, но разъ что кончимъ мы съ Бодростинымъ и ты будешь моя жена, а Лариса будетъ моя невольница... моя рыдающая Агарь... я тебя... въ баранiй рогъ согну!...

И съ этимъ Гордановъ опять всталъ, бросилъ на столъ деньги за чай и ушолъ.

„Вотъ только одно бы мнѣ еще узнать“, думалъ онъ ѣдучи на извощикѣ. „Любитъ она меня хоть капельку, или не любитъ? Ну да и прекрасно; нынче мы съ нею все время будемъ одни... Не все же она будетъ тонировать да писать, авось и иное что̀ будетъ?... Да что̀ же вправду: вѣдь женщина же она и человѣкъ!... Вѣдь я же знаю что-кровь, а не вода течетъ въ ней... Ну, ну постой-ка, что̀ ты заговоришь предъ нашимъ смиренствомъ... Эхъ, гдѣ ты мать черная немочь съ лихорадушкой?“

VII. Черная немочь.

На дворѣ уже по осеннему стемнѣло и былъ часъ обѣда, къ которому Глафира Васильевна ждала Горданова полулежа съ книгой на небольшомъ диванчикѣ предъ сервированнымъ и освѣщеннымъ двумя жирандолями столомъ.

Гордановъ вошелъ и тихо снялъ свое верхнее платье. Глафира взглянула на его прояснившееся лицо и въ ту же минуту поняла что Павелъ Николаевичъ обдумалъ свое положеніе, взвѣсилъ всѣ pro и contra и рѣшился не замѣчать ея первенства и господства,—и она его за это похвалила.

„Умный человѣкъ!“ мелькнуло въ ея головѣ. „Что̀ хотите, а съ такимъ человѣкомъ все легче дѣлается чѣмъ съ межеумкомъ“, и она ласково позвала Горданова къ столу, усердно его угощала и даже обмолвилась съ нимъ на „ты“.

— Кушай хорошенько, сказала она,— на хлѣбъ, на соль умные люди не дуются. Знаешь пословицу: губа толще, брюхо тоньше,—а ты и такъ не жиренъ. Ѣшь вотъ эту штучку, угощала она, подвигая Горданову фрикасе изъ маленькихъ личужекъ:—я это нарочно для тебя заказала, зная что это твое любимое.

Гордановъ тоже уразумѣлъ что Глафира поняла его и одобрила, и ласкаетъ какъ покорившагося ребенка. Онъ уразумѣлъ и то что этой покорностью онъ еще разъ капитулировалъ, но онъ уже рѣшился довершить въ смиреніи свою „борьбу за существованіе“ и не стоялъ ни за что̀.

— Вотъ видишь ли, Павелъ, какъ только ты вырвался отъ дураковъ и побылъ часъ одинъ самъ съ собою, у тебя даже видъ сдѣлался умнѣй, заговорила Бодростина, оставшись одна съ Гордановымъ за десертомъ. Теперь я опять на тебя надѣюсь и полагаюсь.

— А то ты уже было перестала и надѣяться?

— Я даже отчаялась.

— Я не понималъ твоихъ требованій и только, но я буду радъ если ты мнѣ теперь разкажешь чѣмъ ты мною недовольна? Вѣдь ты мною недовольна?

— Да.

— За что̀?

— Спроси свою совѣсть? отвѣчала, глядя на носокъ своей туфли, Глафира.

Гордановъ просіялъ; онъ услышалъ въ этихъ словахъ укоризну ревности, и тихо вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ Глафирѣ, и наклонясь, поцѣловалъ ея лежавшую на колѣняхъ руку.

Она этому не мѣшала.

— Глафира! позвалъ Гордановъ.

Отвѣта не было.

— Глафира! Радость моя! Мое счастье, откликнись же!.. дай мнѣ услышать твое слово!

— Радость твоя не Глафира.

— Нѣтъ? Что̀ ты сказала? Развѣ не ты моя радость?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Такъ скажи же мнѣ прямо, Глафира; ты можешь что-нибудь сказать *прямо?*

— Что̀ за вопросъ! Разумѣется я вамъ могу и смѣю все говорить *прямо.*

— Безъ шутокъ?

— Спрашивай и увидишь.

— Ты хочешь быть моею женой?

— Н...н...ну, а какъ тебѣ это кажется?

— Мнѣ кажется что нѣтъ. Что̀ ты на это скажешь?

— Ничего.

— Это развѣ отвѣтъ?

— Разумѣется, и самый искренній... Я не знаю что̀ ты для меня сдѣлаешь.

Гордановъ сѣлъ у ея ногъ и взявъ въ свои руки руку Глафиры, прошепталъ глядя ей въ гзаза:

— А если я сдѣлаю *все*... тогда?

— Тогда?.. Я тоже сдѣлаю *все.*

— То-есть что̀ же именно ты сдѣлаешь?

— Все что̀ будетъ въ моихъ силахъ.

— Ты будешь тогда моею женой?

Глафира наклонила молча голову.

— Что̀ же это значитъ: да или нѣтъ?

— Да, и это можетъ случиться, уронила она улыбаясь.

— Можетъ случиться!.. Здѣсь случай не долженъ имѣть мѣста!

— Онъ имѣетъ мѣсто повсюду.

— Гдѣ нѣтъ воли.

— И гдѣ она есть.

— Это вздоръ.

— Это высшая правда.

— Высшая?... Въ какомъ это смыслѣ: въ чрезвычайномъ можетъ-быть, въ сверхъестественномъ?

— Можетъ-быть.

— Скажи пожалуста яснѣй? Мы не ребята чтобы сверхъестественностями заниматься. Кто можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой, когда мы покончимъ съ Бодростинымъ?

— Тсъ!... Тише!

— Ничего: мы здѣсь одни. Ну говори: кто, кто?

— Почемъ я знаю что̀ и кто? Да и къ чему ты хочешь словъ?

Она положила ему на лобъ свою руку и, поправляя пальцемъ набѣжавшій впередъ локонъ волосъ, прошептала:

— Да... вотъ мы и одни... „Какое счастье: ночь и мы одни“. Чьи это стихи?

— Фета; но не въ этомъ дѣло, а говори мнѣ прямо: кто и что̀ можетъ мѣшать тебѣ выйти за меня замужъ, когда не будетъ твоего мужа?

— Тссс!

Глафира быстро откинулась назадъ къ спинкѣ дивана и сказала:—Ты глупъ, если позволяешь себѣ такъ часто повторять это слово.

— Но мы одни.

— Одни!.. Во снѣ не бредь о томъ чѣмъ занятъ,—кикимора услышитъ.

— Я не боюсь кикиморы; я не суевѣръ.

— Ну, такъ я суевѣрна и прошу не говорить со мной иначе какъ съ суевѣркой.

— Ага, ты меня отводишь отъ прямаго отвѣта; но это тебѣ не удастся.

— Отчего же? И Глафира тихо улыбнулась.

— Оттого что я не такой вздорный человѣкъ чтобы меня можно было втравить въ споръ о вѣрѣ или безвѣріи, о Богѣ или о демонѣ: вѣрь или не вѣрь въ нихъ,—мнѣ это все равно, но отвѣчай мнѣ ясно и положительно: кто и что̀ тебѣ можетъ помѣшать быть моею женой когда.... когда Бодростина не будетъ въ живыхъ.

— Совѣсть; я никогда не захочу разстроивать чужаго счастья.

— Чьего счастья? Что̀ за вздоръ.

— Счастья бѣдной Лоры.

— Ты лжешь; ты знаешь что я не думаю на ней жениться и не женюсь.

— А, жаль, она глупа и будетъ скверною женой.

— Мнѣ это все равно, ты не заговоришь меня ни Лорой и ничѣмъ на свѣтѣ; дай мнѣ отвѣтъ—что̀ можетъ помѣшать тебѣ быть моею женой, и тогда я отстану!... А, а! ты молчишь, ты не знаешь куда еще увильнуть! Такъ знай же что я знаю кто и что̀ тебѣ можетъ помѣшать! Ты любишь! Ты поймана! Ты любишь не меня, а Подозе....

Но Глафира быстрымъ движеніемъ руки захватила ему ротъ и воскликнула: — Вы забываетесь, Гордановъ!

— Да, да, ты можешь дѣлать все что̀ тебѣ угодно, но это тебѣ не поможетъ; я далъ себѣ слово добиться отвѣта кто и что̀ можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой и я этого добьюсь. Болѣе: я это проникъ и почти уже всего добился; твое смущеніе мнѣ сказало кто....

— Кто?... Кто?... Кто?... перебила его рѣчь, проникшаяся вдругъ внезапнымъ безпокойствомъ, Глафира. Ты проникъ... ты добился... И съ этими словами, она вдругъ сдѣлала порывистое движеніе впередъ, и стукнувъ три раза къ ряду похолодѣвшими бѣлыми пальцами въ жаркій лобъ Горданова, прошептала:—А кто помѣшалъ тебѣ убить того кого ты сейчасъ назвалъ?

Гордановъ молчалъ.

— Что̀ же ты молчишь?

— Что̀ же говорить? Его спасъ „тикъ и такъ“; это рѣдкостнѣйшій случай.

— Рѣдкостный случай? Случай!... Случай сталъ между твоею рукой и его беззащитною грудью?...

— Да, „тикъ и такъ“.

— Да, „тикъ и такъ“; это случай? шептала Бодростина. — Много вы знаете съ своимъ „тикъ и такъ“.

— А что̀ же по твоему его спасло?

— Я это знаю.

— Такъ скажи.

— Изволь: уйди-ка вонъ туда, за ту перегородку и посмотри въ уголъ.

— Что̀ же я тамъ увижу?

— Не знаю; посмотри, что-нибудь увидишь.

Гордановъ всталъ, и заглянувъ за дверь въ полутемную комнату, въ которую слабый свѣтъ чуть падалъ чрезъ рѣз-

ную кайму орѣховой перегородки, сказалъ: — что же тамъ смотрѣть? платье, да тѣнь.

— Что такое: какъ платье, да тѣнь?

— Тамъ платье.

— Какое платье? Тамъ вовсе нѣтъ никакого платья. Тамъ образъ, и я тебѣ хотѣла указать на образъ.

— А я тамъ вижу платье, зеленое женское платье.

Бодростина поблѣднѣла.

— Ты его видишь и теперь? спросила она падающимъ и прерывающимся голосомъ.

Гордановъ опять посмотрѣлъ, и отвѣтивъ наскоро: „нѣтъ, теперь не вижу“, схватилъ одну жирандоль и вышелъ съ нею въ темную комнату.

Уголъ былъ пустъ, и сверху его на Горданова глядѣлъ благой, успокоивающій ликъ Спасителя. Гордановъ постоялъ, и затѣмъ возвратясь, сказалъ что дѣйствительно уголъ пустъ и платья никакого нѣтъ.

— Я знаю, знаю, знаю, прошептала въ отвѣтъ ему Бодростина, которая сидѣла снова прислонясь къ спинкѣ дивана и, глядя вдаль прищуренными глазами, тихо обирала вѣтку винограда. Но вдругъ, сорвавъ устами послѣднюю ягоду съ виноградной кисти, она сверкнула на Павла Николаевича гнѣвнымъ взглядомъ, и замѣтивъ его покушеніе о чемъ-то ее спросить, простонала:—Молчи пожалуста, молчи! И съ этимъ нервно кинула ему въ лицо оборванную кисть и, упавъ лицомъ и грудью на подушку дивана, тихо, но неудержимо зарыдала.

VIII. Нѣмая исповѣдь.

Гордановъ стоялъ надъ плачущей Глафирой и кусая слегка губу, думалъ: „Ого-го! Куда это однако зашло. И корчитъ и ломаетъ. О, лукавая! Я дощупался до твоего злаго лиха. Но дѣло, однако, зашло слишкомъ далеко, она его любитъ не только со всею страстью къ которой она способна, но и со всею сентиментальностью, безъ которой не обходится любовь подобныхъ ей погулявшихъ барынь. Это надо покончить!“ И съ этимъ онъ сдѣлалъ шагъ къ Глафирѣ и коснулся слегка ея локтя, но тотчасъ же отскочилъ, потому что Глафира рванулась какъ раненая львица, и съ судорожно по-

дергивающимися щеками, вперивъ острые, блуждающіе глаза въ Горданова, заговорила:

— Да, да, да, есть... есть... его нѣтъ, но оно есть, есть оно...

— О чемъ ты говоришь?

Глафира не обращала на него вниманія и продолжала какъ бы сама съ собой.

— Нѣтъ, это нестерпимо! Это несносно! воскликала она слово отъ слова все громче и болѣзненнѣе, и при этомъ то ломала свои руки, то хрустя ими, ударяла себя въ грудь, и вдругъ, какъ бы окаменѣвъ, заговорила быстрымъ истерическимъ шопотомъ:—Это зеленое платье... ты видѣлъ его, и я его видѣла... Его нѣтъ и оно есть... Это *она*... я ее знаю и ты... ты тоже узнаешь, и...

— Кто же это?

— Совѣсть.

— Успокойся, что̀ съ тобою сдѣлалось! Какъ ты ужасно взволнована!

— Нѣтъ, я ничего....

И Бодростина тихо подала Горданову обѣ свои руки и задумалась и поникла головой, словно забылась. Павелъ Николаевичъ подалъ ей стаканъ воды, она его спокойно выпила.

— Лучше тебѣ теперь? спросилъ онъ.

— Да, мнѣ лучше.

Она возвратила Горданову стаканъ, который тотъ принялъ изъ ея рукъ и поставивъ его на столъ, проговорилъ:—Ну и прекрасно что̀ лучше, но этого, однако, нельзя такъ оставить; ты больна. И съ этимъ онъ направился къ двери чтобы позвонить слугу и послать за докторомъ, но Глафира замѣтивъ его намѣреніе, остановила его.

— Павелъ! Павелъ! позвала она.—Что̀ это? Ты хочешь посылать за докторомъ? Какъ это можно! Нѣтъ, это все пройдетъ само собой.... Это со мной бываетъ.... Я стала очень нервна и только.... Я не знаю что̀ со мной дѣлается.

— Да, вотъ и не знаешь что̀ это дѣлается! Вотъ вы и всѣ такъ, подобныя барыни: жизни въ васъ въ каждой въ одной за десятерыхъ, жизнь борется, бьется, а вы ее въ тискахъ жмете.... заговорилъ было Гордановъ, желая прервать потокъ болѣзненныхъ мечтаній Бодростиной, но она его сама перебила.

— Тссъ!... Перестань..... Какая жизнь и куда ей рваться.... Глупость. Совсѣмъ не то!

И она опять хрустнула сложенными въ воздухѣ руками, потомъ ударила ими себя въ грудь и снова, задыхаясь, прошептала:

— Дай мнѣ воды.... скорѣй, скорѣй воды! И жадно глотая глотокъ за глоткомъ, она продолжала шепотомъ: — Бога ради не бойся меня и ничего не лугайся.... Не зови никого.... не надо чужихъ.... Это пройдетъ.... Мнѣ хуже если меня боятся.... Зачѣмъ чужихъ? Когда мы двое.... мы.... При этихъ словахъ она сдѣлала усиліе улыбнуться и пошутила: „Какое счастье: ночь и мы одни!“ Но ее сейчасъ же снова передернуло, и она зашипѣла:—Не мѣшай мнѣ: я въ ламяти.... я стараюсь.... я помню... Ты сказалъ.... это стихотвореніе Фета.... „Ночь и мы одни!“ Я помню тамъ на хуторѣ у Синтяниной.... есть портретъ.... его замученной жены.... Портретъ безъ глазъ.... Покойница въ такомъ зеленомъ платьѣ.... какое ты видѣлъ.... Молчи! молчи! не спорь.... покойной мученицы Флоры.... Это такъ нужно.... Природа возмущается тѣмъ что я дѣлаю.... Гораціо! Гораціо!... есть вещи.... тѣ которыхъ нѣтъ.... Ему, ему онъ хотѣлъ слѣдовать — Гораціо! Гораціо! И повторяя это имя по поводу извѣстнаго намъ письма Подозерова, Глафира вдругъ покрылась вся пламенемъ, и холодныя руки ея, тихо лежавшія до сихъ поръ въ рукахъ Горданова, задрожали, закорчились и выскользнувъ на волю, стиснули его руки и быстро побѣжали вверхъ, какъ пальцы артиста играющаго на флейтѣ.

IX. Безъ покаянія.

Въ комнатѣ царилъ нѣмой ужасъ. Руки больной Глафиры дрожа скользили отъ кистей рукъ Горданова къ его плечамъ, и то щипля, то скручивая рукава гордановскаго бархатнаго пиджака, взбѣжали вверхъ до его шеи, а оттуда обѣ разомъ упали внизъ на лацканы, схватились за нихъ и за петли, а на шипящихъ и ничего не выговаривающихъ устахъ Глафиры появилась тонкая свинцовая полоска мутной пѣны. Противный и ужасный видъ этотъ невольно отбросилъ Горданова въ сторону. Онъ отступилъ шагъ назадъ, но наткнулся сзади на табуретъ и еще ближе столкнулся лицомъ съ искаженнымъ лицомъ Глафиры, въ рукахъ которой трещали и отрывались все крѣпче и крѣпче забираемые ею лацканы его платья. Бо-

дростина вся мѣнялась въ лицѣ и, дѣлая неимовѣрныя усилія возобладать надъ собою, напрасно старалась промолвить какое-то слово. Отъ этихъ усилій, глаза ея, подъ вліяніемъ ужаса поразившей ее нѣмоты, и вертѣлись и словно оборачивались внутрь. Гордановъ каждое мгновеніе ждалъ что она упадетъ, но она одолѣла себя, и сдѣлавъ надъ собою послѣднее отчаянное усиліе, однимъ прыжкомъ перелетѣла на средину комнаты, но здѣсь упала на полъ съ замершими въ ея рукахъ лацканами его щегольской бобровой курточки. Свинецъ съ устъ ея исчезъ, и она лежала теперь съ закрытыми глазами, стиснувъ зубы, и тяжело дышала всей грудью.

Гордановъ бросился въ свою комнату, смѣнилъ пиджакъ и позвалъ дѣвушку и лакея.

Графиру Васильевну подняли и положили на диванъ, разшнуровали и прохладили ей голову компрессомъ. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя, и поводя вокругъ глазами, остановила ихъ на Гордановѣ.

Дѣвушка въ это мгновеніе тихо вытянула изъ ослабѣвавшихъ рукъ больной лацканы Гордановской куртки и осторожно бросила ихъ подъ столъ, откуда лакей также осторожно убралъ ихъ далѣе.

— Воздуху! прошептала Графира, остановивъ на Гордановѣ глаза наполненные страха и страданія.

Тотъ понялъ и сейчасъ же распорядился чтобы была подана коляска. Глафиру Васильевну вывели, усадили среди подушекъ, укутали ей ноги пледомъ и повезли куда попало по освѣщенной луной Москвѣ. Рядомъ съ нею сидѣла горничная изъ гостиницы, а на передней лавочкѣ Гордановъ. Они ѣздили долго, пока больная почувствовала усталость и позывъ ко сну; тогда они вернулись, и Глафира тотчасъ же легла въ постель. Дѣвушка легла у нея въ ногахъ на диванчикѣ.

Гордановъ спалъ мертвымъ сномъ и очень удивился когда проснувшись услышалъ спокойный и веселый голосъ Глафиры, занимавшейся съ дѣвушкой своимъ туалетомъ.

„Неужто же, подумалъ онъ, все это вчера было притворство? Одно изъ двухъ: или она теперешнимъ весельемъ маскируетъ обнаружившуюся вчера свою ужасную болѣзнь, или она мастерски сыграла со мною новую плутовскую комедію чтобы заставить меня оттолкнуть Ларису. Самъ дьяволъ ее не разгадаетъ. Она хочетъ чтобъ я бросилъ Ларису; будь по ея, я брошу мою Лорку, но брошу для того чтобы крѣпче ее взять.

Глафира не знаетъ что мнѣ самому все это какъ нельзя болѣе на руку.“

Съ этимъ онъ одѣлся, вышелъ въ залъ и написавъ пять строкъ къ Лорѣ, положилъ въ не залечатанномъ конвертѣ въ карманъ и ждалъ Глафиры.

Предстоящія минуты очень интересовали его: онъ ждалъ отъ Глафиры „презрѣннаго металла“ и.... удостовѣренія въ какой мѣрѣ сердце ея занято привязанностью къ другому человѣку: до того ли это дошло что онъ, Гордтновъ, ей уже совсѣмъ противенъ до судорогъ, или.... или она его еще можетъ переносить, и онъ можетъ надѣяться быть ея мужемъ и обладателемъ какъ Бодросинскаго состоянія такъ и красоты Ларисы.

X. Съ толку сбила.

Вчерашней сцены не осталось и слѣда. Глафира была весела и простосердечна, что̀ чрезвычайно шло ко всему ея живому существу. Когда она хотѣла быть ласковой, это ей до того удавалось что обаянію ея подчинялись люди самые къ ней нерасположенные, и она это, разумѣется, знала. Гордановъ, расхаживая по залѣ, слышалъ какъ она разспрашивала дѣвушку о ея семьѣ, о томъ гдѣ она училась и пр. и пр. Эти разспросы предлагались такимъ участливымъ тономъ и въ такой мастерской послѣдовательности что изъ нихъ составлялась самая нѣжнѣйшая музыка, постепенно все сильнѣе и сильнѣе захватывавшая сердце слушательницы. Съ каждою шпилькой, которую дѣвушка, убирая голову Бодростиной, затыкала въ ея непокорные волнистые волосы, Глафира пускала ей самый тонкій и болѣзненно острый уколъ въ сердце, и слушавшій всю эту игру Гордановъ не успѣлъ и услѣдить, какъ дѣло дошло до того что голосъ дѣвушки началъ дрожать на низкихъ нотахъ: она разказывала какъ она любила и что изъ той любви вышло.... Какъ *онъ*,—этотъ вѣковѣчный *онъ* всѣхъ милыхъ дѣвъ, бросилъ ее; какъ *она* по немъ плакала и убивалась, и какъ потомъ явилось *оно*,—также вѣковѣчное и неизбѣжное третье, возникшее отъ любви двухъ существъ, какъ это *оно* было завернуто въ пеленку и одѣяльце.... все чистенькое пречистенькое.... и отнесено въ Воспитательный домъ съ ноготочками намѣченными лаписомъ, и какъ этотъ лаписъ былъ съѣденъ свѣтомъ, и какъ потомъ и

само *оно* тоже будетъ съѣдено свѣтомъ и пр. и пр. Однимъ словомъ, старая пѣсня, которая однако вѣчно нова и не теряетъ интереса для своего пѣвца.

Глафира Васильевна очаровывала дѣвушку вниманіемъ къ этому разказу и имъ же не допускала ее ни до какихъ рѣчей о своемъ вчерашнемъ приладкѣ.

Съ Гордановымъ она держалась той же тактики. Выйдя къ нему въ залъ, она его встрѣтила во всеоружіи своей сверкающей красоты: подала ему руку и освѣдомилась хорошо ли онъ спалъ? Онъ похвалился спокойнымъ и хорошимъ сномъ, а она ложаловалась.

— Je n'ai pas fermé l'oeil toute la nuit, сказала она, наливая чай.

— Будто! Это досадно, а мы, кажется, вчера предъ сномъ вѣдь сдѣлали хорошую прогулку.

Бодростина ложала съ недоумѣніемъ плечами и улыбаясь отвѣчала:—Ну вотъ подите же: не спала да и только! Вѣрно оттого что вы были моимъ такимъ близкимъ сосѣдомъ.

— Не вѣрю!

Глафира сдѣлала кокетливую гримасу.

— Очень жалко, отвѣчала она;—всѣмъ дастся по вѣрѣ ихъ.

— Но я невѣрующій.

— Да я не знаю чему вы тутъ не вѣрите? что вблизи васъ не спится? Вы борецъ за существованіе.

— А вотъ ты куда мѣтишь?

— Да; но вы впрочемъ правы. Не вѣрьте этому больше чѣмъ всему остальному, а то вы въ самомъ дѣлѣ возмечтаете что вы очень большой хищный звѣрь, тогда какъ вы даже не мышь. Я спала крѣпко и пресладко и видѣла во снѣ прекраснаго человѣка, который совсѣмъ не походилъ на васъ.

— Не оттого ли вы такъ бодры и прекрасны?

— Вѣроятно.

Гордановъ, похлебывая чай, шутя подивился только что̀ за сравненіе къ нему примѣнено, что онъ не звѣрь и даже не мышь!

— А конечно, отвѣчала, зажигая пахитоску, Бодростина:—вы ни свѣтей не рвете и даже не умѣете проникнуть по-мышиному въ щелочку, и только бредомъ о своей Ларисѣ мѣшаете спящей въ двухъ шагахъ отъ васъ женщинѣ забыть о своемъ сосѣдствѣ.

— Вотъ вамъ письмо къ этой Ларисѣ, отвѣтилъ ей на это Гордановъ, и подалъ конвертъ.

— На что же мнѣ оно?

— Прочтите.

— Я не желаю быть ловѣренной чужаго чувства.

— Нѣтъ, ты прочти, и ты тогда увидишь что здѣсь и слова нѣтъ о чувствахъ. Да; я прошу тебя, пожалуста прочти.

И онъ почти насильно всунулъ ей въ руку развернутый листокъ, на который Глафира бросила нехотя взглядъ и прочитала:

„Прошу васъ, Лариса Платоновна, не думать что я бѣжалъ изъ вашихъ палестинъ оскорбленный вашимъ обращеніемъ къ Подозерову. Спѣшу успокоить васъ что я васъ никогда не любилъ, и послѣ того что было, вы уже ни на что болѣе мнѣ не нужны и не интересны для моей любознательности.“

Гордановъ зорко слѣдилъ во все это время и за глазами Глафиры и за всѣмъ ея существомъ, и не проморгнулъ движенія ея бровей и бѣлаго мизинца ея руки, который по мѣрѣ чтенія все разгибался, и наконецъ выпрямясь, сталъ въ уровень съ устами Павла Николаевича. Гордановъ схватилъ этотъ шаловливый пальчикъ и цѣлуя его спросилъ:

— Довольна ли ты мною теперь, Глафира?

— Я немножко нездорова чтобы быть чѣмъ-нибудь очень довольною, отвѣчала она спокойно возвращая ему листокъ, и при этомъ какъ бы вдругъ вспомнила:—Нѣтъ ли у васъ большой фотографіи или карточки, снятой съ васъ вдвоемъ съ женщиной.

— На что бы это вамъ?

— Мнѣ нужно.

— Не могу этимъ служить.

— Такъ послужите. Возьмите Ципри-Кипри... Впрочемъ эти одѣваться не умѣютъ.

— Да ну ихъ къ чорту, развѣ безъ нихъ мало!

— Именно; возьмите хорошую, но благопристойную....

— Даму изъ Амстердама, подсказалъ Гордановъ.

Бодростина кинула ему въ отвѣтъ утвердительный взглядъ и въ то же время, вынувъ изъ бумажника карточку Александры Ивановны Синтяниной, проговорила: „Во вкусѣ можете не стѣсняться—blonde или brune—это все равно; *оттуда* поза и фигура, а головка *отсюда*.

Гордановъ принялъ карточку и вздохнулъ.

— Конечно нужно чтобы станъ какъ можно болѣе отвѣчалъ тѣлу которое носитъ эту голову.

— Ужь разумѣется.

— И поза скромная, а не какая-нибудь, à la чортъ меня побери.

— Перестань пожалуста меня учить.

— И платье черное, самое простое черное шелковое платье, какое есть непремѣнно у каждой женщины.

— Да знаю же, все это знаю.

— Лишній разъ повторить не мѣшаетъ. И потомъ когда дойдетъ дѣло до того чтобы приставить эту головку къ корпусу дамы которая будетъ въ вашихъ объятіяхъ, надо....

Гордановъ перебилъ ее и скороговоркой прочелъ:—Надо поручить это дѣло какому-нибудь темному фотографщику.... Найду такого изъ Полячковъ или Жидковъ.

— И чтобы наоборотѣ карточки не было никакого адреса.

— Ахъ, какая ты безпокойная, ужь объ этомъ они сами побезпокоятся.

— Да, я безпокойна, но это и не мудрено; все это ужь слишкомъ долго тянется, проговорила она съ нетерпѣливою гримасой.

— Вѣдь за тобою же дѣло. Скажи, и давно бы все прикончили, отвѣтилъ Гордановъ.

— Нѣтъ; дѣло не за мной, а за обстоятельствами. Я иду такъ какъ мнѣ слѣдуетъ идти. Поспѣшить въ этомъ случаѣ, значитъ людей насмѣшить, а мнѣ нуженъ свѣтъ, и онъ долженъ быть на моей сторонѣ.

— Ну чортъ ли въ немъ тебѣ, и врядъ ли это можно!

— Нѣтъ, извините, мнѣ это нужно, и это можно! Свѣтъ не караетъ преступленій, но требуетъ отъ нихъ тайны. А впрочемъ, это ужь мое дѣло.

— Позволь однако и мнѣ дать тебѣ одинъ совѣтъ, заговорилъ Гордановъ, потряхивая въ рукѣ карточкой Синтяниной.—Ты, разумѣется, разчитываешь что-нибудь поставить на этой фотографіи которую мнѣ заказываешь.

— Еще бы, конечно мнѣ это нужно не для того чтобы раздражать мою ревность.

— Да перестань играть словами. А дѣло вотъ въ чемъ; это ни къ чему не поведетъ; на этотъ хрусталь ничто не воздѣйствуетъ.

— Ты бросаешься въ игру словъ: *свѣтъ* на него не воздѣйствуетъ?

— Не ловѣрятъ, отвѣчалъ замотавъ головой Гордановъ.

— Кому? Солнцу не ловѣрятъ. Оставь со мною споры; ты мелко плаваешь, да и намъ остается ровно столько времени чтобы позавтракать и проститься, условясь кое-о-чемъ предъ разлукой. Итакъ еще разъ: понимаешь ли ты, что̀ ты долженъ дѣлать? Бодростинъ долженъ быть весь въ рукахъ Казиміры, какъ Іовъ въ рукахъ сатаны, понимаешь? весь, совершенно весь. Я получила прекрасныя вѣсти. Казиміра, какъ настоящая Полька, влюбилась наконецъ въ своего санкюлота.... скрипача.... Она готовилась быть матерью.... Этимъ безцѣннымъ случаемъ мы должны воспользоваться, и это будущее дитя должно быть поставлено на счетъ Михаилу Андреевичу.

— Но тутъ.... позволь!... Гордановъ разсмѣялся и добавилъ:— въ этомъ твоего мужа не увѣришь.

— Почему?

— Почему? потому что il a au moins soixante-dix ans.

— Tant mieux, mon cher, tant mieux! C'est un si grand âge что какъ не увлечься такимъ лестнымъ поклеломъ! Онъ назовется авторомъ, не бойтесь. Впрочемъ и это тоже не ваше дѣло.

— Да ужь... „мои дѣла“, это я вижу, что-то чернорабочее: дѣлай что̀ велятъ и не смѣй спрашивать, сказалъ, съ худо скрываемымъ неудовольствіемъ, Гордановъ.

— Это такъ и слѣдуетъ: мущины трутни, грубая сила. Въ ульѣ господствуютъ безполые, какъ я! Твое дѣло будетъ только уронить невзначай Казимірѣ сказанную мною мысль о ребенкѣ, а ужь она сама ее разыграетъ, и затѣмъ ты мнѣ опять тамъ нуженъ, потому что когда яичница въ шляпѣ будетъ приготовлена, тогда вы должны извѣстить меня въ Парижъ,— и вотъ все что̀ отъ васъ требуется. Не велика услуга?

— Очень не велика. Но что̀ же требуется? Чтобъ онъ взялъ къ себѣ этого ребенка что ли?

— Ни мало. Дитя непремѣнно должно быть отдано въ Воспитательный домъ, и *непремѣнно* при посредствѣ моего мужа.

— Ничего не понимаю, проговорилъ Гордановъ.

— Право не понимаешь?

— Ровно ничего не понимаю.

— Ну, ты золотой человѣкъ. Лети же мой нѣмой посолъ и неси мою неписанную грамоту!

XI. Брилліантъ и янтарь.

Бодростина достала изъ портфеля пачку ассигнацій и, положивъ ихъ предъ Гордановымъ, сказала:

— Это тебѣ на первую жизнь въ Петербургѣ и на первыя уплаты по твоимъ долгамъ. Когда пришлешь мнѣ фотографію, исполненную какъ я велѣла, тогда получишь вдвое больше.

Гордановъ взялъ деньги и поцѣловалъ ея руку. Онъ былъ смятъ и даже покраснѣлъ отъ сознанія своего наемничьяго положенія на мелкія дѣлишки, въ значеніи которыхъ ему даже не даютъ никакого отчета.

Онъ даже былъ жалокъ, и въ его глазахъ блеснула предательская слеза униженія. Бодростина смотрѣла на него еще минуту, пока онъ нарочно долго копался, наклонясь надъ своимъ портфелемъ, и наконецъ, вставъ, подошла къ нему и взяла его голову. Гордановъ наклонился еще ниже. Глафира повернула къ себѣ его лицо и поцѣловала его поцѣлуемъ долгимъ и страстнымъ. Онъ ожилъ.... Но Глафира быстрымъ движеніемъ отбросила отъ себя обвившія ея руки Горданова и, погрозивъ ему съ улыбкой пальцемъ, подавила пуговку электрическаго звонка и сама отошла и стала противъ зеркала.

Приказавъ вошедшему на этотъ зовъ слугѣ подать себѣ счетъ, Глафира добавила: „Возьмите кстати у барина письмо и опустите его тотчасъ въ ящикъ“. Слуга отвѣтилъ: „слушаю-съ“, и взявъ изъ рукъ Горданова письмо къ Лорѣ, безмолвно удалился, а Глафира спокойно начала укладывать собственноручно различныя мелочи своего дорожнаго багажа, посовѣтывавъ заняться тѣмъ же и Горданову.

Затѣмъ Бодростина просмотрѣла поданный ей счетъ, заплатила деньги и, велѣвъ выносить вещи, стала надѣвать предъ зеркаломъ черную касторовую шляпу съ длиннымъ вуалемъ.

Гордановъ снарядился и, ставъ сзади ея, съ дорожной сумкой черезъ плечо, онъ смотрѣлъ на нее сухо и сурово.

Глафирѣ все это было видно въ зеркалѣ, и она спросила его: — О чемъ ты задумался?

— Я думаю о томъ гдѣ у иныхъ женщинъ та женская чувствительность о которой болтаютъ поэты?

— А нѣкоторыя женщины ее берегутъ.

— Берегутъ? гмъ! Для кого же онѣ ее берегутъ?

— Для избранныхъ.

— Для нѣсколькихъ?

— Да, понемножку. Вѣдь ты и многіе учили женщинъ что всякая исключительная привязанность порабощаетъ свободу, а кто же бо́льшій другъ свободы какъ не мы, несчастныя порабощенныя вами созданія? Идемъ однако: наши вещи уже взяты.

И съ этимъ она пошла къ двери, а Гордановъ за нею.

Сбѣжавъ на первую террасу лѣстницы, она полуоборотилась къ нему и проговорила съ улыбкой:

— Какою мѣрой человѣкъ мѣритъ другому, такой возмѣрится—и ему! и снова побѣжала.

— Смотрите чтобъ это не приложилось и къ вамъ, отвѣчалъ въ догонку ей Гордановъ.

— О-о-о! Не безпокойся! Для меня пора исключительныхъ привязанностей прошла.

— Ты лжешь сама себѣ: въ тебѣ еще цѣлый вулканъ жизни.

— А, это другое дѣло; но про такія серіозныя дѣла какъ скрытый во мнѣ „вулканъ жизни“ мы можемъ договорить и въ каретѣ.

Съ этимъ она вступила въ экипажъ, а за ней и Гордановъ.

Черезъ полчаса Павелъ Николаевичъ, занявъ мѣсто въ первокласномъ вагонѣ Петербургской желѣзной дороги, вышелъ къ перилamъ, у которыхъ, въ ожиданіи отхода поѣзда, стояла по другой сторонѣ Бодростина.

Онъ опять совладѣлъ съ собой и смирился.

— Ну, еще разъ прощай „вулканъ“, сказалъ онъ смѣясь и протягивая ей свою руку.

— Только пожалуста не „вулканъ“ отвѣтила еще шутливѣе Глафира.—Вулканъ остался тамъ гдѣ ты посѣялъ свой умъ.... Ничего: авось два выростутъ. А ты утѣшься: скучать не сто́итъ долго по Ларисѣ, да она и сама скучать не будетъ долго.

— Ты это почему знаешь?

— Да развѣ дуры могутъ долго скучать!

— Она не такъ глупа какъ ты думаешь.

— Нѣтъ, она именно *такъ* глупа какъ я думаю.

— Есть роли въ жизни для выполненія которыхъ умъ не требуется.

— Да; только она ни къ одной изъ нихъ не годна.

— Отчего же: очень много недалекихъ женщинъ которыя прекрасно составляютъ счастье мужей.

— Ты правъ: великодушныя дурочки. Да; это прекрасный сортъ женщинъ, но онѣ рѣдки, и она не изъ нихъ.

— Ну, такъ изъ нея можетъ выйти кому-нибудь путная любовница.

— Никогда на свѣтѣ! Успѣшное исполненіе такой роли требуетъ характера.

— Ну, такъ въ дорогія камеліи пригодится.

— О, всего менѣе! Тамъ нуженъ.... талантъ! А впрочемъ ужь недолго ждать: le grand ressort est cassè, какъ говорятъ Французы: теперь скоро увидимъ что она съ собой подѣлаетъ?

Раздался второй звонокъ.

Гордановъ протянулъ на прощанье руку и сказалъ:

— Ты умна, Глафира, но ты забыла еще одинъ способъ любить подобныхъ женщинъ: съ ними надо дѣйствовать по роману: „Тебя томить, тебя терзать, твоимъ мученьемъ наслаждаться“.

— А ты таки достоялся здѣсь предо мной до того чтобы проговориться какъ ты думаешь съ ней обойтись? Понимаю, и пусть это послужитъ тебѣ объясненіемъ почему я тебѣ не довѣряюсь; пусть это послужитъ тебѣ и урокомъ какъ глупо стараться заявлять свой умъ. Но иди, тебя зовутъ.

Кондукторъ дѣйствительно стоялъ возлѣ Горданова и приглашалъ его въ вагонъ.

Павелъ Николаевичъ стиснулъ руку Глафирѣ и шепнулъ ей

— Ты брилліантъ самыхъ совершеннѣйшихъ граней!

Бодростина смѣясь покачала отрицательно головой.

— Что? Развѣ не брилліантъ?

— Я-н-т-а-р-ь! шепнула она, оглядываясь и слегка надвигая брови надъ улыбающимся лицомъ.

— Почему же не брилліантъ, почему янтарь? шепталъ, выглядывая изъ вагона, развеселившійся Гордановъ.

— Потому что въ янтарѣ есть свое постоянное электричество, межь тѣмъ какъ брилліантъ, чтобы блеснуть, нуждается въ свѣтѣ.... Я полагаю что это впрочемъ совсѣмъ не интересно для того кого уже заперли на защелку. Adieu!

Поѣздъ тронулся и поползъ.

— Sans adieu! Sans adieu! Je ne vous dis pas adieu! крикнулъ, высовываясь назадъ, Гордановъ.

Бодростина только махнула ему, смѣясь, рукой и въ томъ

же самомъ экипажѣ въ которомъ привезла сюда изъ гостиницы Горданова, отъѣхала на дебаркадеръ другой желѣзной дороги. Не тяготясь большимъ крюкомъ, она избрала окольный путь на западъ и покатила къ небольшому пограничному городку, на станціи котораго давно уже обращалъ на себя всеобщее вниманіе таинственный господинъ потерянnаго вида, встрѣчавшій каждый поѣздъ пріѣзжающій изъ Россіи.

Господинъ этотъ есть никто иной какъ злополучный Іосафъ Платоновичъ Висленевъ, писавшій отсюда Горданову подъ псевдонимомъ покинутой Эсперансы и уготованный теперь въ жертву новымъ судьбамъ, вѣдомымъ лишь Богу на небѣ, да на землѣ грѣшной рабѣ его Глафирѣ.

XII. Указъ объ отставкѣ.

Мы не погонимся за нашими путешественниками: пусть они теперь ѣдутъ каждый своимъ путемъ-дорогой, пока не достигнутъ пунктовъ на которыхъ должны продолжать свои „предпріятія“, а сами мы вернемся назадъ въ губернское захолустье, гдѣ остались слѣды сокольяго перелета Горданова.

Въ то самое время какъ Павелъ Николаевичъ катилъ на сѣверъ, соображая насколько онъ прочитанъ Глафирой и насколько онъ самъ могъ прочитать ее; въ то время какъ Глафира несется на западъ, лежа въ углѣ спокойнаго куле, въ положеніи нашихъ провинціальныхъ друзей нарушилась тягостная неподвижность, и первые признаки этого движенія были встрѣчены и приняты Ларисой.

Тотъ короткій осенній день когда главные наши предприниматели разъѣхались изъ Москвы въ разныя стороны, въ покинутой ими провинціи рано заключился темными ненастными сумерками. Въ пять часовъ послѣ обѣда, мрачные отъ сырости дома утопали въ сѣрой проницающей мглѣ. Вѣтеръ не дулъ, не рвалъ и не свистѣлъ, а вертѣлся и дергался кое-гдѣ на одномъ мѣстѣ, будто сновалъ частую основу. Поснуетъ, похлопаетъ ставней словно бердомъ и перелетитъ дальше, и тамъ постучитъ, помаячитъ и опять пошелъ далѣе. Крупный мокрый снѣгъ то сыпнетъ какъ изъ рукава, то вдругъ порѣдѣетъ и движется какъ скатывающаяся кисея,— точно не то летитъ сова, не то лунь плыветъ.

Въ полутемной комнатѣ гдѣ лежалъ больной Подозеровъ

сумерки лали еще ранѣе: за густыми суконными занавѣсками, которыми были завѣшаны окна, свѣтъ померкъ еще ранѣе. Благодаря защитѣ этихъ же занавѣсъ, здѣсь не такъ была слышна и разгулявшаяся на дворѣ непогода. Напротивъ, шумъ непогоды, доходившій сюда смягченнымъ черезъ двойныя рамы и закрывающія ихъ волны сукна, навѣвалъ нѣчто успокоивающее и снотворное. Поскрыпитъ, поскрыпитъ тихонько за угломъ на своихъ петляхъ старая рѣшетчатая садовая калитка, крякнетъ подъ окномъ на корнѣ старая яблоня, словно старуха отбивающаяся отъ шаловливаго внука,—и все затихнетъ, мокрый вѣтеръ уже покинулъ яблоню и треплетъ безлиственные прутья березы. Но вотъ и эта отдѣлалась: ея мокрые голые прутья стегнули по закрытой ставнѣ окна и опустясь зашумѣли; береза точно ворчитъ во снѣ что ей мѣшаютъ спокойно погрузиться въ свою полугодовую спячку, пока затрещитъ надъ нею въ высокомъ небѣ звонкій жаворонокъ и возвѣститъ что лора ей проснуться, обливаться молокомъ съ макушки до низу и брызгать сокомъ чрезъ ароматную почку.

Стóитъ человѣку задремать подъ этотъ прибой и отбой стихійныхъ порывовъ, и его готовъ осѣсть цѣлый рой грезъ, уносящихъ воображеніе и память въ чудную область мечтаній.

Подозеровъ почти впервые послѣ разразившейся надъ нимъ катастрофы спалъ пріятно и крѣпко. Въ убаюканной головѣ его разчищался понемногу долго густѣвшій туманъ, и тихое вліяніе мысли выясняло знакомые облики и проводило ихъ въ стройномъ порядкѣ. Предъ нимъ двигалось дѣтство, переходя, какъ на туманномъ стеклѣ панорамы, изъ картины въ картину, и вотъ она, юность, и вотъ они, болѣе зрѣлые годы. Вотъ наконецъ и *она*. Въ знойномъ пространствѣ, на зыбкихъ качеляхъ колеблется Лора.... Что̀ хочетъ сказать ея неразгаданный взглядъ? чѣмъ дышитъ эта чудная красота, и что̀ въ ней не дышитъ? Призракъ чудесный! и зачѣмъ она вправду не призракъ? Зачѣмъ этотъ толчокъ и жгучая боль возлѣ больнаго сердца? Зачѣмъ тонкія, слегка посинѣвшія вѣки больнаго зашевелись какъ оживающая весной оса, и медленно ползутъ кверху? Ему очевидно больно. Пробужденные глаза его видятъ въ полумракѣ закрытой щиткомъ лампады всю укутанную сукномъ комнату.... Ея здѣсь нѣтъ; нѣтъ ея, нѣтъ и тревогъ которыя родилъ этотъ призракъ. Все тихо, какъ сонъ въ царствѣ тѣней.... Вѣетъ тихимъ теплымъ покоемъ.... Не въ этомъ ли родѣ нѣчто будетъ въ

тотъ таинственный мигъ, когда разрѣшенный духъ, воспрянувъ въ смятеніи, взлетитъ надъ собственнымъ покинутымъ футляромъ, и носясь горѣ, остановится надъ тѣмъ что̀ занимало его на землѣ? Все это какъ будто знакомо, все это было тогда, но только не вспомнишь когда. Не вспомнишь причины почему это такъ, а не иначе, отчего, напримѣръ, шатаясь шевелится эта стѣна, которою больному представляется сукно закрывающее дверь. А движеніе все идетъ своимъ чередомъ. Вотъ занавѣса распахнулась, и изъза нея выступили двѣ тѣни. У одной изъ нихъ въ рукахъ лампада, закрытая прозрачною ладонью. Что̀ это за видѣнье? Вотъ эти тѣни взошли, остановились, вытянули впередъ свои головы и, напрягая зрѣніе, долго и пристально посмотрѣли на него, и потомъ неслышною стопой попятились назадъ и скрылись. Складки сукна снова упали, и опять вокругъ густой полумракъ. Блуждающій взоръ больнаго теперь не различаетъ ничего въ темномъ покоѣ, хотя больной не одинъ здѣсь, а у него есть очень интересный товарищъ: въ темномъ углубленіи, въ головахъ у него, между окномъ и высокимъ массивнымъ коммодомъ, дремлетъ въ мягкомъ креслѣ Лариса.

Какая чудная лоза! Какъ хороши эти сочетанія Грёза, въ очертаніи рисунка, и Рембрандта, въ туманномъ колоритѣ! Но больной Подозеровъ не видитъ ни черныхъ рѣсницъ павшихъ на матовыя щоки, ни этой дремлющей руки, въ которой замерло знакомое намъ письмо Гордапова,—предательское письмо писанное въ утѣху Бодростиной, а также и въ другихъ видахъ, извѣстныхъ лишь самому Горданову. Какъ могла спать Лариса только-что прочитавъ такія унизительныя для ея самолюбія строки? да и спала ли она? Нѣтъ, состояніе въ которомъ она находилась было не сонъ. Получивъ около часу тому назадъ это письмо, она рѣшилась вскрыть его только здѣсь, въ комнатѣ больнаго, который теперь казался ей геніемъ хранителемъ. Прочитавъ присланный ей Гордановымъ короткій и наглый указъ объ отставкѣ, она уронила голову, уронила руку и потеряла сознаніе. Было ль жаль его?... Нѣтъ. Любила ль она его?... Богъ вѣсть, но она была сражена тѣмъ что она,—красавица которая не умѣла придумать себѣ достойной цѣны,—можетъ-быть пренебрежена и кинута какъ негодная и ничего не стоющая вещь! Она чувствовала въ случившемся не только обиду, но и живую несообразность, которая требуетъ разъясненія и выхода. Она ждала и жаждала ихъ, и они не замедлили.

XIII. Собака и ея тѣнь.

За стѣной, куда скрылися тѣни, началась шологомъ бесѣда.

— И ты, съ тѣмъ это и пришла сюда, Катя? внезапно послышалось изъ-за успокоившихся полосъ сукна.

Лариса тотчасъ же узнала голосъ генеральши Синтяниной.

— Да; я именно съ этимъ пришла, отвѣчалъ ей немпожко грубоватый, по искренній голосъ Форовой; я давно жду и не дождусь этой благословенной минутки, когда онъ придетъ въ такой разумъ чтобъ я могла сказать ему: „прости меня, голубчикъ Андрюша, я была виновата предъ тобою, сама хотѣла чтобы ты женился на моей племянницѣ, ну а теперь каюсь тебѣ въ этомъ и сама тебя прошу: брось ее, потому что Лариса не стóитъ путнаго человѣка.“

— Горячо сказано, Катя.

— Горячо и праведно, моя милая.

— Ну, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только порадоваться что мы съ тобой сошлись на его крыльцѣ, что онъ спитъ и что ты не можешь исполнить своего намѣренія.

— Я его непремѣнно исполню, отвѣчала Форова.

— Нѣтъ не исполнишь: я увѣрена что ты черезъ минуту согласишься что ты не имѣешь никакого права вмѣшиваться такимъ образомъ въ ихъ дѣло.

— Ну, это старая пѣсня; я много слыхала про эти невмѣшательства и не очень ихъ почитаю. Нѣтъ, вмѣшивайся; если кому желаешь добра, такъ вмѣшивайся. А онъ мнѣ просто жалости достоинъ.

Слышно было какъ Форова сорвала съ себя шляпу и бросила ее на столъ.

— Въ этомъ ты права, отвѣтила ей тихо Синтянина.

— Да какъ же не права? Я тебѣ говорю, сколько я больная лежала, да разсуждала про нашу Ларису Платоновну, сколько теперь къ мужу въ тюрьму по грязи шлепаю, или когда здѣсь надъ больнымъ сижу,—все она у меня изъ головы нейдетъ: что̀ она такое? Нѣтъ, ты разкажи мнѣ пожалуста что̀ она такое?

Синтянина промолчала.

— Молчишь, нетерпѣливо молвила Катерина Астаѳьевна, — это, мать моя, я и самая умѣю.

— Она.... красавица, сказала Синтянина.

— То-есть писанка, которою цацкаются, да поцацкавшись, другому отдаютъ, какъ писанное яичко на Великъ День.

— Что же это позволяетъ тебѣ дѣлать на ея счетъ такія заключенія?

— Изъ чего я такъ заключаю?... А вотъ изъ этого письмеца, которое мнѣ какой-то благодѣтель прислалъ изъ Москвы. Возьми-ка его, да поди къ окну, прочитай.

Синтянина встала и черезъ минуту воскликнула:—Какая низость!

— Да; вотъ и разсуждай. Вотъ тебѣ и красавица.

— Гордашка, и тотъ шлетъ отказъ какъ шестъ.

— Анонимное письмо.... копія.... это все не стóитъ никакой вѣры.

— Нѣтъ это вѣрно, да что въ самомъ дѣлѣ намъ себѣ врать: это такъ должно быть. Я помню что встарь говорили: красота безъ нравовъ — это приманка безъ удочки; такъ оно и есть: подплываетъ карась, повертится, да и уйдетъ, а тамъ голецъ толкнется, лискарь губами пошлепаетъ, пока развѣ какой шаршавый ершъ хапнетъ, да ужь совсѣмъ слопаетъ. Лорка.... нѣтъ эта Лорка роковая: твой мужъ правду говоритъ что ее, какъ калмыцкую лошадь, одинъ Калмыкъ переупрямитъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе послышался только тихій вздохъ.

— Да, вотъ видишь ли, и вздохнула? А хочешь ли я тебѣ скажу почему ты вздыхаешь? Потому что ты сама согласна что въ ней, въ нашей прекрасной Лорочкѣ, нѣтъ ничего достойнаго любви или уваженія.

Синтянина на это не отвѣтила ни слова, а голова Ларисы судорожно оторвалась отъ спинки кресла и выдвинулась впередъ, съ гнѣвнымъ взоромъ и расширяющимися поздрями.

Форова не прерывала нити занимающихъ ее мыслей и продолжала свой разговоръ.

— Нѣтъ, ты не отмалчивайся, говорила она:—мы здѣсь одни, насъ двухъ никто третій здѣсь не слышитъ, и я у тебя настоятельно спрашиваю: что же, уважаешь развѣ ты Ларису?

— Уважаю, рѣшительно отвѣтила Синтянина.

— Лжешь! Ты честная женщина, ты никого не погубила и потому не можешь уважать такую метелицу.

— Она метелица, это правда, но это все отъ того только что она капризна, отвѣчала генеральша.

— Да вотъ изволишь видѣть: она только капризна, да пустоголова, а то всѣмъ бы взяла.

— Ну извини: у нея есть умъ.

— Необыкновенно какъ умна! Цѣны себѣ даже не сложитъ, колочка не выберетъ на какой бы себя повѣсить! И то бы ей хорошо, а это еще лучше того, ступитъ шагъ, да оглянется, пойдетъ впередъ и опять воротится.

— Все это значитъ только то что у нея безпокойное воображеніе.

— Ну, вотъ выдумай еще теперь безпокойное воображеніе! Все что-нибудь виновато, только не она сама! А я вамъ доложу-съ одно, дорогая моя Александра Ивановна, что какъ вы этого ни называйте,—капризъ ли это, или по новому, безпокойное воображеніе, а съ этимъ жить нельзя!

Генеральша пожала плечами и отвѣчала:—Однако же люди живутъ съ женщинами очень капризными.

— Живутъ-съ? Да, съ ними живутъ и маются, и вѣкъ свой губятъ. Изъ человѣка сила-богатырь вышелъ бы, а кисейный рукавъ его на вѣтеръ пуститъ, и ученые люди въ родѣ васъ это оправдываютъ: „Женщина женщина!“ говорятъ. „Женщины несчастныя, ихъ надо во всемъ оправдывать.“

— Я не оправдываю ни женщинъ, ни Ларисы, и пожалуста прошу тебя, не считай меня женскимъ адвокатомъ; бываютъ виноватыя женщины, есть виноватые мущины.

— Какъ же вы не оправдываете Ларису, когда вы ее даже уважаете? настаивала майорша.

— Я въ Ларисѣ уважаю то что̀ заслуживаетъ уваженія.

— Что̀ же-съ это, что̀, позвольте узнать? Что̀ же вы въ ней уважаете?

— Она строгая, честная дѣвушка.

— Что̀-съ?

— Она строгая къ себѣ дѣвушка; дѣвушка честная, не болтушка, не сплетница; любитъ домъ, любитъ чтеніе и бесѣду умныхъ людей. А все остальное.... отъ этого ей одной худо.

— Она строгая дѣвушка? Она честная?... Поздравляю!

— Развѣ ты о ней какимъ-нибудь образомъ узнала что-нибудь не хорошее?

— Нѣтъ, образомъ я ничего не узнала, а меня это какъ полѣномъ въ лобъ свистнуло.... но только нечего про это, нечего.... А я сказала что не хочу чтобъ Андрей Ивано-

вичъ принималъ какъ святыню ее, общѣлованную мерзкими губами; я этого не хочу, и не хочу, и такъ сдѣлаю.

И разгорячившаяся Форова забылась и громко хлопнула по столу ладонью.

— Да! подтвердила она; я такъ сдѣлаю: дрянь ее бросила, а хорошему я не дамъ съ ней обрушиться.

— Дрянь бросила, а хорошій подниметъ, проговорила Синтянина.—Это такъ нерѣдко бываетъ, моя Катя.

— Ну бываетъ, или не бываетъ, а на этотъ разъ такъ не будетъ! Клянусь Богомъ, мужемъ моимъ, всѣмъ на свѣтѣ клянусь: этого не будетъ! Подыми только его Господь, а ужь тогда я сама, я все ему открою, и онъ ее броситъ.

— Какъ же ты можешь за это ручаться? Ну, ты скажешь ему что она капризница, но большею частью всѣ хорошенькія женщины капризны.

— Нѣтъ, я и другое еще скажу.

— Ну.... ты, положимъ, скажешь что она кого-то когда-то поцѣловала что ли.... произнесла нѣсколько затрудняясь генеральша;—но что̀ же изъ этого?

— Такъ это ничего! Такъ это по твоему ничего? Ну, не ожидала чтобы ты, *ты*, строгая, чистая женщина, дѣвушкамъ ночные поцѣлуи съ мерзавцами совѣтовала.

— Я и никогда этого не совѣтовала, но скажу что это бываетъ.

— И что это *ничего?*

— Почти. Спроси пожалуйста по совѣсти всѣхъ дамъ, не случалось ли имъ поцѣловать муцину до замужества, и ручаюсь что рѣдкой этого не случалось; а между тѣмъ это не помѣшало многимъ изъ нихъ быть потомъ и очень хорошими женами и матерями.

— Ну, а я говорю что она не будетъ ни хорошей женой ни хорошей матерью; мнѣ это сердце мое сказало, да и я знаю что Подозеровъ самъ не станетъ по твоему разсуждать. Я видѣла какъ онъ смотрѣлъ на нее, когда былъ у тебя въ послѣдній разъ предъ дуэлью.

— Какъ онъ на нее смотрѣлъ? Я ничего особеннаго не видала.

— Именно особенно: совсѣмъ не такъ какъ глядѣлъ на нее прежде. Бровки-то съ губками видно уже напиторѣли, а живая душа за душу потянула.

— Что̀ это?... другая любовь что ли?

— Да-съ.

— Это любопытно, уронила съ легкимъ смущеніемъ въ голосѣ генеральша.

— А ты не любопытствуй, а то я вѣдь ложалуй и скажу.

— Пожалуста, пожалуста скажи.

— Да ты же сама эта живая душа, вотъ кто!

— Ну ты, Катерина, въ самомъ дѣлѣ съ ума сходишь.

— Ни мало не схожу: ты его любишь, и онъ къ тебѣ тоже всей душой потянулся, и придетъ время, дотянется.

Генеральша еще болѣе смущеннымъ голосомъ спросила:

— Что̀ за вздоръ такой, какъ это онъ *дотянется*?

— Да отчего жь нѣтъ? Ты молода, ему тридцать пять лѣтъ, а мужу твоему дважды тридцать лять, да еще не съ хвостикомъ ли? Иванъ Демьяновичъ умретъ, а ты за Андрюшу замужъ выйдешь. Вотъ и весь сказъ.—Не желаешь чтобы такъ было?

Послышался шорохъ платья, и двѣ женскія фигуры въ обѣихъ смежныхъ комнатахъ встали и двинулись: Лариса скользнула къ кровати Подозерова и положила свою трепещущую руку на изголовье больнаго, а Александра Ивановна сдѣлала шагъ на средину комнаты, и сжавъ на груди руки, произнесла:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты лжешь! Видитъ Богъ мое сердце, я не желаю смерти моему мужу! Я желаю ему выздоровленія, жизни, покоя и примиренія со всѣмъ предъ чѣмъ онъ не правъ. И это такъ и будетъ: докторъ сегодня сказалъ что Иванъ Демьяновичъ уже положительно внѣ всякой опасности, и мы поѣдемъ въ Петербургъ; тамъ ему вынутъ его пулю и онъ будетъ здоровъ.

— Да, да, все это вы сдѣлаете, а все-таки будетъ такъ какъ я сказала: старому гнить, а молодымъ жить. Ты этого не хочешь, но тебѣ это желается; оно такъ и выйдетъ.

При этихъ новыхъ словахъ Форовой, фигура генеральши, обрисовавшаяся темнымъ силуэтомъ на сѣромъ фонѣ густыхъ сумерокъ, поднялась съ дивана и медленно повернулась.

— Катя! это уже наконецъ жестоко! проговорила она, и закрывъ рукой лицо, отошла къ стѣнѣ. Она какъ бы чего оробѣла, и на вѣкахъ ея глазъ повисли слезы.

Въ это же самое мгновенье, въ другой комнатѣ, Лора, упершись одною рукой въ блѣдный лобъ Подозерова и поднимая тоненькимъ пальцемъ его зѣницы, другою крѣпко сжала его

руку, и глядя перепуганнымъ взглядомъ въ расширенные зрачки больнаго, шептала:

— Встаньте, встаньте же, встаньте! Проснитесь.... я люблю васъ!

Лариса должна была нѣсколько разъ кряду повторить свое признаніе прежде чѣмъ обнаружилось хотя слабое дѣйствіе того волшебства на которое она разчитывала. Но она такъ настойчиво теребила больнаго что въ его глазахъ наконецъ блеснула слабая искра сознанія, и онъ вышелъ изъ своего окаменѣлаго безчувствія.

— Слышите ли вы, слышите ли что̀ я говорю вамъ? добивалась шепотомъ Лора, во всю свою силу сжимая руку больнаго и удерживая пальцами другой руки вѣки его глазъ.

— Слы...ш...ш...ш...у! тихо протянулъ Подозеровъ.

— Узнаете ли вы меня?

— Уз...на...ю.

— Назовите же меня, назовите: кто я?

— Вы?..

Больной вдругъ вперилъ глаза въ лицо Лоры, и послѣ долгаго соображенія отвѣтилъ:

— Вы не она.

Лариса выбросила изъ своихъ рукъ его руку, выпрямилась, и закусивъ нижнюю губку, мысленно послала не ему, а многимъ другимъ одно общее проклятіе, бо́льшая доля котораго безъ раздѣла досталась генеральшѣ.

XIV. Раненаго берутъ въ плѣнъ.

Описанная неожиданная сцена между Ларисой и Подозеровымъ произошла очень быстро и тихо, но тѣмъ не менѣе, нарушивъ безмолвіе царившее во все это время въ покоѣ больнаго, она не могла бы утаиться отъ двухъ женщинъ присутствовавшихъ въ другой комнатѣ, еслибы вниманіе ихъ въ эти минуты не было въ сильнѣйшей степени отвлечено другою неожиданностью, которая въ свою очередь не обратила на себя вниманія Ларисы и Подозерова только потому что первая была слишкомъ занята своими мыслями, а второй былъ еще слишкомъ слабъ для того чтобы соображать разомъ что̀ дѣлается здѣсь и тамъ въ одно и то же время.

Дѣло въ томъ что прежде чѣмъ Лора приступила къ Под-

озерову съ рѣшительнымъ словомъ, на крыльцѣ деревяннаго домика занимаемаго Андреемъ Ивановичемъ послышались тяжелые шаги, и въ тотъ моментъ когда взволнованная генеральша отошла къ стѣнѣ, въ темной передней показалась еще новая фигура, которой нельзя было ясно разглядѣть, но которую сердце майорши назвало ей по имени.

Катерина Астаѳьевна, воззрясь въ темноту, вдругъ позабыла всякую осторожность требуемую близостью больнаго, и отчаянно взвизгнувъ, кинулась впередъ, обхватила вошедшую темную массу руками и замерла на ней.

Генеральша торопливо оправилась и зажгла спичкой свѣчу. Огонь освѣтилъ предъ нею обросшую косматую фигуру майора Фелитера Форова, къ которому въ изступленіи самыхъ смѣшанныхъ чувствъ ужаса, радости и восторга, припала полновѣсная Катерина Астаѳьевна. Увидѣвъ при огнѣ лицо мужа, майорша только откинула назадъ голову, и не выпуская майора изъ рукъ, закричала: „Форъ! Форъ! ты ли это, мой Форъ!“ и начала покрывать поцѣлуями его сильно посѣдѣвшую голову и мокрое отъ дождя и снѣга лицо.

— Ты это? ты? Говори же мнѣ, ты или нѣтъ? добивалась она, раздѣляя каждое слово поцѣлуемъ, улыбкой и слезами.

— Ну вотъ тебѣ на! Я или нѣтъ? Разумѣется я, отвѣчалъ майоръ.

— Господи! я глазамъ своимъ не вѣрю что это ты!

— Ну такъ повѣрь.

Майорша не отвѣчала: она дѣйствительно, какъ бы не довѣряя ни зрѣнію своему, ни слуху, ни осязанію, жалась къ мужу, давила его плечи своими локтями и судорожно ерошила и сжимала въ дрожащихъ рукахъ его сѣдые волосы и обросшую въ острогѣ бороду.

— Откуда же ты?... да говори же скорѣе: убѣжалъ?... Я тебя скрою....

— Ничуть я не убѣжалъ, и нечего тебѣ меня скрывать. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Генеральша отвѣчала пожатіемъ руки на его привѣтствіе, и съ своей стороны спросила:

— Какъ это вы, Фелитеръ Ивановичъ?

— А очень просто: сначала на цѣпь посадили, а нынче спустили съ цѣпи,—только и всего. Слѣдствіе затянулось; Гордановъ съ поручительствомъ уѣхалъ, и меня, въ сравненіе съ

сверстниками, на поруки выпустили. Спасибо господину Горданову!

— Да, спасибо ему разбойнику, спасибо! Но что же мы стоимъ? Иди же, дружочекъ, садись, и разкажи какъ ты пришелъ.... Только тихо говори, бѣдный Андрюша чуть живъ.

— Пришелъ я очень просто: своими ногами, а Андрей Ивановичъ гдѣ же лежитъ?

— Тутъ за стѣной. Тише, онъ теперь спитъ, а мы съ Сашутой тутъ и сидѣли.... Ея Ивану Демьянычу, знаешь, тоже легче.... да; Саша повезетъ его весной въ Петербургъ, чтобъ у него вынули пулю. Не хочешь ли чаю?

— Ничего, можно и чаю; я тамъ привыкъ эту дрянь пить.

— Садись же, а я скажу человѣку чтобы поставилъ самоваръ. Ты вѣдь не заходилъ домой.... ты прямо?...

— Прямо, прямо изъ острога, отвѣчалъ майоръ, усаживаясь рядомъ съ Синтяниной на диванѣ и принимаясь за сооруженіе себѣ своей обычной толстой папиросы.

— Я боялся идти домой, заговорилъ онъ, обратясь къ генеральшѣ, когда жена его вышла. — Думалъ: войду въ сумеркахъ, застану одну Торочку: она, бѣдное творенье, перепугается,—и пошелъ къ вамъ; а у васъ говорятъ что вы здѣсь, да вотъ какъ разъ на нее и напалъ. Хотѣлъ было ей башмаки купить, да лавки заперты. А что, гдѣ теперь Лариса Платоновна?

— Она вѣрно дома.

— Нѣтъ, я былъ у нея; ея дома нѣтъ. Я заходилъ къ ней чтобы занять пять цѣлковыхъ для своего поручителя, да не нашелъ ее и отдалъ ему съ шеи золотой крестъ, который мнѣ Торочка въ острогѣ повѣсила. Вы ей не говорите, а то обидится.

— А кто же за васъ поручился? Впрочемъ что я спрашиваю: конечно другъ вашъ отецъ Евангелъ?

— А вотъ же и не отецъ Евангелъ: зачѣмъ бы я Евангелу крестъ отдалъ?

— И правда: я вздоръ сказала.

— Да, кажется что такъ. Нѣтъ, за меня не Евангелъ поручился, а цѣловальникъ Берко. Другъ мой отецъ Евангелъ агитаторъ и самъ подъ судомъ, а слѣдовательно довѣрія не заслуживаетъ. Другое дѣло Жидъ Берко; онъ „честный Еврей“. Но все дѣло не въ томъ, а что я такое вижу.... тс!... тс!... тише.

Синтянина взглянула по направленію по которому глядѣлъ

въ окно майоръ, и глазамъ ея представилась огненная звѣздочка. Еще мгновеніе, и эта звѣздочка вдругъ краснымъ зайцемъ перебѣжала по сосѣдской крышѣ и закурилась дымомъ.

— Пожаръ! по сосѣдству пожаръ, у сосѣдей! задыхаясь, прошептала, вбѣгая, Форова.

Майоръ, жена его и генеральша выбѣжали на крыльцо и убѣдились что дѣйствительно въ двухъ шагахъ начинался пожаръ, и что огонь черезъ нѣсколько минутъ угрожалъ неминуемою опасностью квартирѣ Подозерова. Больнаго надо было спасать: надо было его взять и перенести, но куда? вотъ вопросъ. Неужто въ гостиницу? Но въ гостиницахъ такъ безпокойно и безпріютно. Къ Форовымъ? но это далеко, и потомъ у нихъ тоже не Богъ вѣсть какіе помѣстительные чертоги.... Къ Синтянинымъ?... У тѣхъ, разумѣется, есть помѣщеніе, но.... но генералъ Иванъ Демьянычъ самъ очень слабъ, и хотя онъ давно привыкъ вѣрить женѣ и ничего за нее не опасаться, однакоже онъ подозрителенъ, ревнивъ; старыя страсти могутъ зашевелиться. Это промелькнуло въ головѣ генеральши одновременно съ мыслью взять къ себѣ больнаго, и промелькнуло особенно ясно потому что недавніе намеки насчетъ ея чувства къ Подозерову были такъ живы и, къ крайнему ея стыду, къ крайней досадѣ ея, не совсѣмъ безосновательны.

„Вотъ и казнь! подумала она, вотъ и начинается казнь! Надъ чѣмъ бы я прежде не остановилась ни одного мгновенія, надъ тѣмъ я теперь размышляю даже тогда когда дѣло идетъ о спасеніи человѣка“....

Но пока генеральша предавалась этимъ размышленіямъ, на дворѣ и на улицѣ закипѣла уже пожарная суматоха, и черезъ минуту она должна была неизбѣжно достичь до ушей больнаго и перепугать, а можетъ-быть и убить его своею внезапностью. Настояла крайняя необходимость сейчасъ же рѣшиться, что̀ предпринять къ его спасенію,—а между тѣмъ всѣ только ахали и охали. Катерина Астаѳьевна бросалась то на огородъ, то за ворота, крича: „Ахъ Господи, ахъ Николай Угодникъ, что̀ дѣлать?“ Синтянина же, рѣшивъ взять ни на что̀ не смотря больнаго къ себѣ, побѣжала въ кухню искать слугу Подозерова, а когда обѣ эти женщины снова столкнулись другъ съ другомъ, вбѣгая на крыльцо, вопросъ уже былъ рѣшенъ безъ всякаго ихъ участія. Онѣ въ сѣняхъ встрѣтили Форова, который осторожно несъ на рукахъ человѣка уку-

таннаго въ долгорунную баранью шубу майора, а Лариса поддерживала ноги больнаго и прикрывала отъ вѣтра его истощенное тѣло. О томъ *kto* эта ноша—нечего было спрашивать. Катерина Астаѳьевна и Синтянина только воскликнули въ одинъ голосъ: „куда вы это?“ на что̀ Лора, не оборачиваясь къ нимъ, отвѣтила: „ко мнѣ“, — и эффектное перенесеніе шло далѣе, по ярко освѣщенному пламенемъ двору, по озареннымъ заревомъ улицамъ, мимо людей толпящихся, осуждающихъ, разсуждающихъ и не разсуждающихъ.

Синтянина и Форова послѣдовали за Лорой и майоромъ. Когда больнаго положили въ кабинетѣ отсутствующаго Жозефа Висленева, Фелитеръ Ивановичъ послѣшилъ опять на пожаръ и найдя помощниковъ, энергически принялся спасать Подозеровскіе ложитки, перетаскивая ихъ на Висленевскій дворъ. Къ утру все это было окончено, и хотя квартира Подозерова не сгорѣла, а только нѣсколько потерпѣла отъ пожарнаго переполоха, но возвратиться въ нее было ему неудобно, пока ее снова приведутъ въ порядокъ; а тѣмъ временемъ обнаружились и другія препятствія, состоявшія главнымъ образомъ въ томъ что Лора не хотѣла этого возвращенія. Она дала это понять всѣмъ къ ней близкимъ въ тотъ же самый вечеръ какъ Подозеровъ былъ положенъ въ кабинетѣ ея брата.

Лора вдругъ обнаружила быстрѣйшую распорядительность: она, съ помощью двухъ слугъ и Катерины Астаѳьевны съ генеральшей, въ нѣсколько минутъ обратила комнату брата въ удобное помѣщеніе для больнаго и, позвавъ врача пользовавшаго Подозерова, объявила Форовой и Синтяниной что больной требуетъ покоя и долженъ остаться исключительно на однихъ ея попеченіяхъ.

Генеральша и майорша переглянулись.

— Мы, значитъ, теперь здѣсь лишнія? спросила Катерина Астаѳьевна.

— Да; вамъ тётя хорошо бы посмотрѣть что̀ тамъ.... дѣлается съ его вещами, а здѣсь я сама со всѣмъ управлюсь, спокойно отвѣчала Лора и ушла доканчивать свои распоряженія.

Форова и Синтянина остались вдвоемъ въ пустой залѣ.

— Что̀ же? это значитъ раненый теперь въ плѣнъ взятъ что ли? молвила майорша.

Синтянина въ отвѣтъ на это только пожала плечами, и обѣ эти женщины молча пошли по домамъ, оставивъ Ларису полною госпожей ея плѣнника и властительницей его живота и смерти.

XV. Роза изъ сугроба.

Больной оставался тамъ гдѣ его положили; время шло, и Лариса дѣлала свое дѣло.

Чуть только Подозеровъ, получившій облегченіе, началъ снова ясно понимать свое положеніе, Лора, строго удалявшая отъ больнаго всѣхъ и особенно Синтянину, открыла ему тайну униженія претерпѣннаго ею отъ Горданова.

Это было вечеромъ, одинъ на одинъ: Лариса открыла Испанскому Дворянину все предшествовавшее полученію отъ Павла Николаевича оскорбительнаго письма. При этомъ разказѣ, Ларису конечно нельзя было бы упрекнуть въ особенной откровенности;—нѣтъ, она многое утаивала и совсѣмъ скрыла подробности поцѣлуя даннаго ею Павлу Николаевичу на окнѣ своей спальни; но чѣмъ неоткровеннѣе она была по отношенію къ себѣ, тѣмъ рѣзче и безповоднѣе выходила наглость Горданова, а Подозеровъ былъ склоненъ вѣрить на этотъ счетъ очень многому, и онъ дѣйствительно вѣрилъ всему что̀ ему говорила Лариса. Когда послѣдняя подала ему извѣстное намъ письмо Горданова, Подозеровъ, пробѣжавъ его, содрогнулся, откинулъ далеко отъ себя листокъ и проговорилъ:

— Я только одного не постигаю, какъ такой поступокъ до сихъ поръ не наказанъ!

И Подозеровъ началъ тихо вытирать платкомъ свои блѣдныя руки, въ которыхъ за минуту держалъ Гордановское письмо.

— Кто же можетъ его наказать? молвила потерянно Лариса.

— Тотъ кто имѣетъ законное право за васъ вступаться,— вашъ братъ Жозефъ. Это его обязанность.... по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока у васъ нѣтъ другаго защитника.

— Мой братъ.... гдѣ онъ? Мы не знаемъ гдѣ онъ, и къ тому.... эта исторія съ портфелемъ....

Подозеровъ поглядѣлъ на Ларису и поправясь на изголовьѣ отвѣтилъ:

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Онъ не смѣетъ?

— Да; я совершенно безпомощна, беззащитна и.... у меня даже не можетъ быть другаго защитника, хотѣла досказать Лора, но Подозеровъ понялъ ее и избавилъ отъ труда досказать это.

— Говорите пожалуста: чего вы еще боитесь, что̀ еще вамъ угрожаетъ?

— Я вся кругомъ обобрана.... я нищая.

— Ахъ это!... да развѣ уже срокъ закладной дома минулъ?

— Да, и этотъ домъ уже больше не мой; онъ будетъ проданъ, а я, какъ видите,—оболгана, поругана и обезчещена.

Лариса заплакала, склоня свою фарфоровую голову на бѣлую ручку, по которой сбѣгалъ, извиваясь какъ змѣя, черный локонъ.

Подозеровъ молча глядѣлъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ даже:—Что̀ же теперь дѣлать?

— Не знаю; я все потеряла, все.... все.... состояніе, друзей и доброе имя.

— И отчего я здѣсь у васъ не вижу.... ни Катерины Астаѳьевны, ни майора, ни Синтяниной?

— Тётушкѣ изъ Москвы прислали копію съ этого письма; она всему вѣритъ и презираетъ меня.

— Боже! какой страшный мерзавецъ этотъ Гордановъ! Но будто уже это письмо могло вліять на Катерину Астаѳьевну и на другихъ?

Лариса вмѣсто отвѣта только хрустнула руками и прошептала:

— Я пойду въ монастырь.

— Что̀ такое? перепросилъ ее изумленный Подозеровъ, и получивъ отъ нея подтвержденіе что она непремѣнно пойдетъ въ монастырь, не возразилъ ей ни одного слова.

Наступилала долгая пауза: Лариса плакала, Подозеровъ думалъ. Мысль Лоры о монастырѣ подѣйствовала на него чрезвычайно странно. Предъ нимъ точно вдругъ разогнулась страница одного изъ тѣхъ старинныхъ романовъ къ которымъ Висленевъ намѣревался обратиться за усвоеніемъ себѣ манеръ и пріемовъ сколько-нибудь пригодныхъ для житья въ сообществѣ благопристойныхъ женщинъ. Въ памяти Подозерова промелькнули *Чернецъ*, и *Тайнственная монахиня*, и *Тайны Донаретскаго аббатства*, и вслѣдъ затѣмъ вечеръ на Синтянинскомъ хуторѣ, когда отецъ Евангелъ читалъ наизусть на непередаваемомъ французскомъ языкѣ стихи давно забытаго французскаго поэта Климента Маро, оканчивающіеся строфой:

„Ainsi retournement humain se fait.“

И Подозерову стало дико. Неужели въ самомъ дѣлѣ колесо совсѣмъ перевернулось, и начинается сначала?.. Но когда

же все это случилось и какъ? Неужели это произошло во время его тяжкой борьбы между жизнію и смертію? Нѣтъ; это стряслось не вдругъ: это шло чередомъ и полосой; мы сами только этого не замѣчали, и нынѣ дивимся что̀ общаго между прошлымъ тѣхъ героинь которыя замыкались въ монастыри и прошлымъ сверстницъ Лоры, получившихъ болѣе или менѣе невнятные уроки въ словахъ пророковъ новизны и въ примѣрахъ не надолго опередившихъ ихъ мечтательницъ, кинутыхъ на распутьи жизни съ ихъ обманутыми надеждами и упованіями? Да; есть однакоже между ними нѣчто общее, есть даже много общаго: какъ преподаваемые встарь уроки „бабушекъ“ проходили безъ проникновенія въ жизнь, такъ прошли по верхамъ и позднѣйшіе уроки новыхъ внушителей. По заслугамъ опороченное, недавнее юродство отрицательницъ было выставлено лугаломъ для начинающихъ жить юношей и юницъ послѣдняго пятилѣтія, но въ противувѣсъ ему не дано никакого живаго идеала, способнаго возвысить молодую душу надъ уровнемъ вседневныхъ столкновеній теоріи и житейской практики. Какъ панацея отъ всѣхъ бѣдъ и неурядицъ ставилась „бабушкина мораль“, и къ ней оборотили свои насупленные и недовольные лики юныя внучки, съ трепетомъ отрекшіяся отъ ужаснувшаго ихъ движенія „безповоротныхъ“ жрицъ недавно отошедшаго или только отходящаго культа; но этотъ поворотъ былъ не поворотъ по убѣжденію въ превосходствѣ иной морали, а робкое пяченье назадъ, съ протестомъ къ тому что̀ покинуто и тайнымъ презрѣніемъ къ тому куда направилось отступленіе. Изъ отреченія отъ недавнихъ, нынѣ самихъ себя отрицающихъ отрицателей, при полномъ отсутствіи всякаго иного свѣжаго и положительнаго идеала, вышло только новое, полнѣйшее отрицаніе: отрицаніе идеаловъ и отрицаніе отрицанія. Въ жизни явились люди безъ прошлаго и безъ всякихъ, хотя смутно опредѣленныхъ стремленій въ будущемъ. Муцины изъ числа этихъ перевертней, выбираясь изъ новаго хаоса, ударились по пути іезуитскаго предательства. Коварство они возвели въ добродѣтель, которою кичились и кичатся до сего дня, не краснѣя и не совѣстясь. Религія, школа, самое чувство любви къ родинѣ,—все это вдругъ сдѣлалось предметомъ самой безсовѣстной эксплуатаціи. Женщины пошли по ихъ стопамъ и даже обогнали ихъ: вчерашнія отрицательницы брака не пренебрегали никакими средствами обезпечить себя работникомъ въ лицѣ мужа и влекли съ собою неосторожныхъ

юношей къ алтарю отрицаемой ими церкви. Этому изыскивались оправданія. Браки заключались для болѣе удобнаго вступленія въ безконечные новые браки. Затѣмъ посыпались какъ изъ рога изобилія просьбы о разводахъ и самые алчные иски на мужей... Все это шло быстро, съ наглостію почти изумительною, и послѣдняя вещь становилась дѣйствительно горше первой.

Въ этой суматохѣ, отъ толпы новыхъ лицемѣровъ отдѣлялся еще новѣйшій ассортиментъ, который не знаемъ какъ и назвать. Эти гнушались ренегатствомъ, признавали за собою превосходство какъ предъ погибающими, или уже погибшими откровенными отрицательницами, такъ и предъ коварницами новѣйшаго пошиба; но сами не могли избрать себѣ никакого неосудимаго призванія. Въ своемъ шатаніи онѣ обрѣли себя чуждыми всѣмъ и даже самимъ себѣ, и наибольшее ихъ несчастіе въ томъ что онѣ чаще всего не сознаютъ этой отчужденности до самыхъ роковыхъ минутъ въ своей жизни. Онѣ не знаютъ: къ чему онѣ способны, куда бы хотѣли и чего бы хотѣли.

Красавица Лариса была изъ числа этихъ обреченныхъ на несносное страданіе существъ послѣдней культуры. Выросши на глазахъ заботливой, но слабой и не дальновидной матери, Лариса выслушала отъ брата и его друзей самыя суровыя осужденія старой „бабушкиной морали“, которой такъ или иначе держалось общество до проповѣданія ученій осмѣявшихъ эту старую мораль, и она охотно осудила эту мораль, но потомъ еще охотнѣе осудила и ученія склонявшія ея къ первымъ осужденіямъ. Отбросивъ одно за другимъ и то и другое, она осталась сама ни при чемъ, и такъ и жила, много читая, много слушая, но не симпатизируя ничему.

„У нея нѣтъ ничего, рѣшилъ, глядя на нее, Подозеровъ. Она не обрѣжетъ волосъ, не забредитъ коммуной, не откроетъ швейной: все это для нея пустяки и утопія; но она и не склонитъ колѣна у алтаря и не помирится со скромною ролью простой, доброй семьянитянки. Къ чему ей прилѣпиться и чѣмъ ей стать? Ей нечѣмъ жить, ей не къ чему стремиться, а между тѣмъ дѣвичья пора уходитъ, и особенно теперь, послѣ огласки этой гнусной исторіи, не сладко ей, бѣдняжкѣ!“

И онъ еще посмотрѣлъ на Ларису, и она показалась ему такою бѣдною и безпомощною, что онъ протянулъ ей руку и не успѣлъ одуматься и сообразить, какъ къ рукѣ этой, об-

хваченной жаркими руками Лоры, прильнули ея влажныя, трепещущія губы и капула горячая слеза.

Что̀ могло привести Ларису къ такому поступку? Къ нему побудило ее страшное сознаніе круглаго одиночества, неодолимый натискъ потребности казнить себя униженіемъ и малодушная надежда что за этимъ ударомъ ея самолюбію, для нея настанетъ возможность стать подъ крыло вполнѣ добраго человѣка, какимъ она признавала Подозерова.

Въ послѣднемъ разчетѣ было кое-что вѣрно.

Больной вскочилъ и дернулъ свою руку изъ рукъ Ларисы, но этимъ самымъ привлекъ ее къ себѣ и почувствовалъ грудь ея у своей груди и заплаканное лицо ея у своего лица.

— О, умоляю васъ, шептала ему Лора.—Бога ради, не кинь те меня вы... Выведите меня изъ моего ужаснаго, страшнаго положенія, или иначе... я погибла!

— Чѣмъ, чѣмъ и какъ я могу помочь вамъ? Приказывайте! говорите!

— Какъ хотите.

— Я сдѣлаю все что̀ могу... но что̀, что̀ я мо́гу сдѣлать? Пра̀ва заступиться за васъ... я не имѣю... Вы не хотѣли этого сами...

— Это ничего не значитъ, горячо перебила его Лора.

Подозеровъ взглянулъ на нее острымъ взглядомъ, и прошептавъ: „какъ ничего не значитъ?“ повернулъ лицо къ стѣнѣ.

— Ничего не значитъ! Возьмите всѣ права надо мною: я ихъ даю вамъ.

Подозеровъ молчалъ, но сердце его сильно забилось.

Лариса стояла на прежнемъ мѣстѣ возлѣ его постели. Въ комнатѣ продолжалось мертвое безмолвіе.

„Чего она отъ меня хочетъ?“ думалъ больной, чувствуя что сердце продолжаетъ учащенно биться и что на него отъ Лоры опять пашетъ тонкимъ ароматомъ, болѣзненно усиливающимъ его безпокойство.

Онъ рѣшился еще разъ спросить Ларису сказать ему, приказать ему что̀ онъ долженъ для нея сдѣлать и, оборотясь къ ней съ этою цѣлію, остолбенѣлъ. Лариса стояла на колѣняхъ, положивъ голову на край его кровати и плакала.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы такъ страдаете? проговорилъ онъ.

— Мнѣ тяжко... за себя... за васъ... мнѣ жаль... прошедшаго, отвѣчала, не поднимая головы, Лариса.

У Подозерова захватило дыханіе, и сердце его упало и за

ныло: онъ молча, слабою рукой коснулся волосъ на головѣ красавицы и прошепталъ:

— Боже! Да я вѣдь тотъ же какъ и прежде. Научите меня только что̀ же нужно для того чтобы вамъ было легче? Вы помните, я вамъ сказалъ: я вѣчно, вѣчно другъ вашъ!

Лариса подняла личико и взглянувъ заплаканными глазками въ пристально на нее глядѣвшіе глаза Подозерова, молча сжала его руку.

— Говорите же, говорите, не мучьте меня: что̀ надо дѣлать?

— Вы за меня стрѣлялись?

— Нѣтъ.

— Вы не хотите мнѣ сказать правды.

Ларисѣ стало досадно.

— Я говорю вамъ правду: я тогда былъ приведенъ къ этому многимъ,—многимъ, и вами въ томъ числѣ, и Александрой Ивановной, и моею личною обидой. Я не знаю самъ хорошо за что̀ я шелъ.

— За Синтянину, прошептала блѣднѣя и потупляя глаза Лариса.

— Нѣтъ... не знаю... мнѣ просто... не занимательно жить.

— Почему? Прошептала Лора и еще крѣпче сжавъ его руку добавила:—Пусть этого впередъ не будетъ.

— Ну хорошо; но теперь дѣло не о мнѣ, а о васъ.

— Мнѣ тогда будетъ хорошо, трепеща продолжала Лариса,—тогда когда....

Лариса встала на ноги; глаза ея загорѣлись, занавѣсились длинными вѣками и снова распахнулись.

Она теребила и мяла въ рукахъ руку Подозерова, и наконецъ нетерпѣливо сказала, морща лобъ и брови:

— О, зачѣмъ вы не хотите понять меня?

— Нѣтъ; я не умѣю понять васъ въ эту минуту.

— Да, да! Непремѣнно въ эту минуту, или никогда! Андрей, я васъ люблю! Не отвергайте меня! Бога ради не отвергайте! настойчиво и твердо выговорила Лора и быстро выбѣжала изъ комнаты.

XVI. На курьерскихъ.

Наступившій за симъ день былъ рѣшителемъ судьбы плѣнника Ларисы. Несмотря на разницу въ нравѣ и образѣ мыслей этого человѣка съ нравомъ и образомъ мыслей Висле-

нева, съ Подозеровымъ случилось то же самое что̀ нѣкогда стряслось надъ братомъ Лоры, Подозеровъ женился совсѣмъ не хотя, не думая и не гадая. Разница была только въ побужденіяхъ, ради которыхъ эти два лица нашего романа посягнули на бракъ, да въ томъ что Лариса не искала ничьей посторонней помощи для обвѣнчанія съ собою Подозерова, а напротивъ, даже она устраняла всякое вмѣшательство самыхъ близкихъ людей въ это дѣло.

Послѣ того случая который разказанъ въ концѣ предшествовавшей главы, дѣло уже не могло остановиться и не могло кончиться иначе какъ бракомъ. По крайней мѣрѣ такъ рѣшилъ послѣ безсонной ночи честный Подозеровъ; такъ же казалось и не спавшей всю эту ночь своенравной Ларисѣ.

Подозеровъ, поворачивая, съ насупленными бровями, свои подушки подъ головой, разсуждалъ: „Эта бѣдная дѣвушка, если въ нее всмотрѣться поближе... самое несчастное существо въ мірѣ. Она просто *никто*... человѣкъ безъ прошлаго! Какъ она все это мнѣ сказала? Именно какъ дитя, въ душѣ котораго раждается невѣдомо что̀, совсѣмъ новое и необъяснимое никакимъ прошлымъ.... Съ ней нельзя обходиться какъ со взрослымъ человѣкомъ: ее нужно жалѣть и беречь... особенно... теперь, когда этотъ мерзавецъ ее такъ уронилъ... Но кто же станетъ теперь ее жалѣть и беречь? Я долженъ на ней жениться, хотя и не чувствую къ тому теперь любовнаго влеченія. Да и не все ли мнѣ равно: люблю ли я ее страстной любовью, или не люблю? Я, правда, не Печоринъ, но я равнодушенъ къ жизни. Я вникалъ въ нее, изучалъ ее и убѣдился что вся она пустяки, вся не сто́итъ хлопотъ и заботъ... Все что̀ я встрѣчалъ и видѣлъ, все это тлѣнъ, суета и злоба; мнѣ надоѣло далѣе все это разсматривать. Я слишкомъ поздно узналъ женщину которая не есть злоба, и суета, и тлѣнъ, и эта женщина взяла надо мной какое-то старшинство... и мнѣ пріятна эта власть ея надо мной; но кто сама эта женщина? Жертва. Въ ея жертвѣ ея прелесть, ея обаяніе, и ея совершенство въ громадности любви ея... любви безъ критики, безъ анализа...“

И въ памяти Подозерова пронеслась вся его бесѣда въ хуторной рощицѣ съ Синтяниной, и съ каждымъ вспомянутымъ словомъ этой бесѣды, все ближе и ближе, яснѣй и яснѣй являлась предъ нимъ генеральша, съ ея логикой простой, нехитростной любви.

„Великій Господи! Насколько вся эта христіанская простота и покорность выше, прекраснѣе и сильнѣе всего что̀ я видѣлъ прекраснаго и сильнаго въ наилучшихъ мущинахъ? Какъ гадко мнѣ теперешнее мое раздумье, когда бѣдная дѣвушка которую я любилъ оклеветана, опозорена въ этомъ мелкомъ міркѣ, и когда я, будучи властенъ поставить ее на ноги, раздумываю: сдѣлать это, или не дѣлать? Почему же не дѣлать? Потому что она не выдерживаетъ моей критики и сравненій съ другою. А развѣ я самъ выдерживаю съ *тою* какое-нибудь сравненіе? О чемъ тутъ думать, когда бѣдная Лора уже прямо сказала что она меня любитъ и что ей не къ кому, бѣдняжкѣ, примкнуть. Что̀ мнѣ мѣшаетъ назвать ее своею женой? Я разубѣдился немножко въ Ларисѣ; предо мною мелькнуло невыгодное для нея сравненіе, и только... И моя любовь рухнула отъ критики, ее одолѣла критика. Что̀ же еслибъ *она*, эта страдалица, взглянула теперь въ мое сердце? Какъ бы она должна была презирать меня, съ моею минутною любовью! Нѣтъ; это значитъ что я не любилъ Ларису прежде, что она лишь *нравилась* мнѣ, какъ могла нравиться и Горданову.... что я любилъ въ ней тогда мою утѣху, мою мечту о счастіи, а счастье.... счастье въ томъ чтобы чувствовать себя слугой чужаго счастья. Это одно, *это одно* только вѣрно, и кто хочетъ дожить жизнь въ мирѣ съ самимъ собою, тотъ долженъ руководиться одною этою истиной.... Все другое къ этому само приложится. Какъ?... Но, Господи, будто можно знать что̀ къ чему и какъ приложится? Надо просто дѣлать то что̀ можно дѣлать, что̀ требуетъ счастіе ближняго въ эту данную минуту.“

Съ такими мыслями, Подозеровъ слегка забылся предъ утромъ, и съ ними же, открывъ глаза, увидѣлъ предъ собою Ларису и протянулъ ей руку. Лора опустила глаза.

— Вы не отчаявайтесь, сказалъ ей тихо Подозеровъ.—Все поправимо.

Она пожала едва замѣтнымъ движеніемъ его руку.

— Ошибки людямъ свойственны; не вы одни имѣли несчастіе полюбить недостойнаго человѣка, продолжалъ Андрей Ивановичъ.

— Я его не любила, прошептала въ отвѣтъ Лариса.

— Ну, увлеклись, довѣрились,... Все это вздоръ! Повѣрьте, все вздоръ, кромѣ одного добра которое человѣкъ можетъ сдѣлать другому человѣку.

— Вы ангелъ, Андрей Иванычъ!

— О, нѣтъ! Не преувеличивайте пожалуста! Я человѣкъ, и очень дурной человѣкъ. Посмотрите, куда я гожусь въ сравненіи со многими другими, которые вамъ сочувствуютъ?

Лора молча вскинула на него глазами и какъ бы спрашивала этимъ взглядомъ: кого онъ разумѣетъ?

— Я говорю объ Александрѣ Ивановнѣ и о майоршѣ.

— Ахъ, онѣ! воскликнула, спохватясь, Лариса, и, насупивъ бровки, добавила шепотомъ:—Я вамъ вѣрю больше всѣхъ.

— Зачѣмъ же больше?... Нѣтъ, васъ любятъ нѣжно.... преданно, и Форовы и генеральша....

— А вы? спросила вдругъ съ тревогой Лора.

— И я.

— Вы меня прощаете?

— Прощаю ли я васъ?

— Да.

— Въ чемъ же прощать?

— Ахъ, не говорите со мною такимъ образомъ!

— Но вы ни въ чемъ предо мною не виноваты.

— Нѣтъ, это не такъ, не такъ!

— Совершенно такъ: я васъ любилъ, но.... но не нравился вамъ.... И что же тутъ такого?

— Это не такъ, не такъ!

— Не такъ?

— Да, не такъ.

Лора закрыла ладонью глаза и прошептала:

— Не мучьте же меня; я уже сказала вамъ что я люблю васъ.

— Вы ошибаетесь, отвѣтилъ, покачавъ головой, Подозеровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не ошибаюсь: я васъ люблю.

— Нѣтъ, вы очень ошибаетесь. Въ васъ говоритъ теперь жалость и состраданіе ко мнѣ, но все равно. Еслибъ я не надѣялся найти въ себѣ силы устранить отъ васъ всякій поводъ придти современемъ къ сожалѣнію объ этой ошибкѣ, я бы не сказалъ вамъ того что скажу сію секунду. Отвѣчайте мнѣ прямо: хотите ли вы быть моею женой?

— Да!

— Дайте же вашу руку.

Лариса задрожала, схватила трепещущими руками его руку и второй разъ припала къ ней горячими устами.

Подозеровъ отдернулъ руку и, покраснѣвъ, вскричалъ:

— Никогда этого не дѣлайте!

— Я такъ хочу!... Оставьте! простонала Лариса, и, обвивъ руками шею Подозерова, робко нашла устами его уста. Подозеровъ сдѣлалъ невольное, хотя и слабое усиліе отвернуться: онъ понялъ что̀ за человѣкъ Лариса, и въ душѣ его мелькнуло.... презрѣніе къ невѣстѣ.

— Боже, какая это разница въ сравненіи съ тою другою женщиной, образъ которой нарисовался въ это мгновеніе въ его памяти! Какую противоположность представляетъ это судорожное метанье съ тѣмъ твердымъ, самообладающимъ спокойствіемъ той другой женщины!...

Лариса въ это время тоже думала о той самой женщинѣ, и проговорила:

— Въ эту важную минуту я васъ прошу только объ одномъ, исполните ли вы мою просьбу?

— Конечно.

Лариса крѣпко сжала обѣ руки своего жениха и, краснѣя и потупляясь, проговорила:

— Пощадите мое чувство!

Подозеровъ посмотрѣлъ на нее молча.

Лариса выбросила его руки и, закрывъ ладонями свое пылающее лицо, прошептала:

— Не вспоминайте мнѣ....

Она опять остановилась.

— О чемъ? Ну договаривайте смѣло, о чемъ?

— О Синтяниной.

Подозеровъ промолчалъ. Лариса становилась ему почти противна; а она, уладивъ свою судьбу съ Подозеровымъ, впала въ новую суету и вовсе не замѣчала чувства какое внушила своему будущему мужу....

Подозеровъ обрадовался когда Лариса тотчасъ послѣ этого разговора вышла, не дождавшись отъ него отвѣта. Онъ всталъ, залеръ за нею дверь и задумался.... О чемъ? О томъ сѣдомъ кавказскомъ капитанѣ который въ извѣстномъ разказѣ графа Льва Толстаго, готовясь къ смертному бою, ломалъ голову надъ рѣшеніемъ вопроса: возможна ли ревность безъ любви? Подозеровъ имѣлъ предъ глазами живое доказательство что̀ такая ревность возможна, и ревнивая выходка Лоры была для него противнѣе извѣстной ему ревности ея брата въ Павловскомъ паркѣ и сто разъ недостойнѣе ревности генерала Синтянина.

— Однако съ нею и не такъ легко должно-быть будетъ, подумалъ онъ.—Да, не легко; но вѣдь только на картинахъ рисуютъ разбойниковъ въ плащахъ и съ перьями на шляпахъ, а нищету съ душистою геранью на окнѣ; на самомъ дѣлѣ все это гораздо хуже. И на словахъ тоже говорятъ что можно жить не любя.... да, можно; но каково это?

XVII. Еще шибче.

Событія эти, совершившіяся въ глубокой тайнѣ, разумѣется, не были никому ни однимъ словомъ выданы ни Подозеровымъ, ни Ларисой; но тонкій и необъяснимо-наблюдательный во всѣхъ подобныхъ вещахъ женскій взглядъ прозрѣлъ ихъ.

Катерина Астаѳьевна, навѣстивъ вечеромъ того же дня племянницу, зашла прямо отъ нея къ генеральшѣ и сказала, за чашкой чая, послѣдней:

— А наша Лариса Платоновна что-то устроила!

— Что же такое она могла устроить? спросила генеральша.

— Не знаю; сейчасъ я была у нихъ, и они что-то оба очень вѣжливо другъ съ другомъ говорятъ и глазки потупляютъ.

— Ну ты, Катя, кажется опять сплетничаешь.

— Сходи, матушка, сама и посмотри; навѣсти больнаго-то послѣ того какъ онъ поправился.

Форова подчеркнула послѣднее слово и, протягивая на прощанье руку, добавила:

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ что очень желалъ бы тебя видѣть.

Съ этимъ майорша ушла домой; но посѣтивъ на другой день Синтянину, тотчасъ же какъ только усѣлась, запытала:—А что же, видѣла?

— Видѣла, отвѣчала, не безъ усилія улыбнувшись, Александра Ивановна.

— Ну и поздравляю; а ничего бы не потеряла, еслибъ и не глядя повѣрила мнѣ.

Синтянина объявила что Лариса сказала ей что она выходитъ замужъ за Подозерова.

— Это смѣхъ! отвѣтила майорша.—Отъ досады замужъ

идетъ! Или она затѣмъ выходитъ чтобы показать что на ней еще и послѣ амуровъ съ Гордашкой честные люди могутъ жениться! Что же: дуракамъ законъ не писанъ: пусть хватитъ шиломъ нашей латоки!... Когда же будетъ эта ихъ „маланьина свадьба“?

— Онъ мнѣ сказалъ что скоро... На этихъ дняхъ, черезъ недѣлю, или черезъ двѣ.

— Пропалъ братъ ты, бѣдный Андрей Иванычъ!

— Полно тебѣ, Катя, пророчить.

— А не могу я не пророчить, милая, когда даръ такой имѣю.

— Даръ! Генеральша улыбнулась и спросила:—Что же ты святая что ли, что тебѣ данъ даръ пророчества?

— Ну вотъ, святая! Святая ли, или клятая, а пророчествую. Валаамова ослица тоже вѣдь не свята была, а пророкала.

Въ эту минуту въ комнату взошелъ майоръ Форовъ и разказалъ что онъ сейчасъ встрѣтилъ Ларису, которая неожиданно сообщила ему что выходитъ замужъ за Подозерова и проситъ майора быть ея посаженымъ отцомъ.

— Чудесно! воскликнула нетерпѣливая Катерина Астаѳьевна,—одна я пока еще осталась въ непосвященныхъ! Что же, ты ее похвалилъ и поздравилъ? обратилась она къ мужу.

— А разумѣется поздравилъ и похвалилъ, отвѣчалъ майоръ.

— И даже похвалилъ?

— Да вѣдь сказано же тебѣ что похвалилъ.

— Мнѣ кажется что ты все это врешь.

— Ни мало не вру; его бы я не похвалилъ, а ее отчего же не хвалить?

— Потому что это подлость.

— Какая подлость? Никакой я тутъ подлости не вижу. Вольно же мущинѣ дѣлать глупость, жениться,—къ бабѣ въ батраки идти; а женщины дуры были бы еслибъ отъ этого счастья отказывались. Въ чемъ же тутъ подлость? Это принятіе подданства, и ничего больше.

— За что же ты Іосафову свадьбу осуждалъ?

— А-а! тамъ дѣло другое: тамъ принужденіе!

— А здѣсь умаливанье, просьбы.

— Почему ты это знаешь?

— Такъ: я пророчица.

— Ну и что же такое, если и просьбы? Она, значитъ, умная барышня и политичная; устраивается какъ можетъ.

— Передовая!

— А конечно; впередъ всѣхъ идетъ и честно проситъ: мнѣ-де штатный дуракъ нуженъ,—не согласитесь ли вы быть моимъ штатнымъ дуракомъ? И что же если есть такой согласный? И прекрасно! Хвалю ее, поздравляю и даже образомъ благословлю.

— Да ты еще знаешь ли какъ благословляютъ-то образомъ?

— Нѣтъ, не знаю, но я сейчасъ прямо отсюда къ Евангелу пойду и спрошу.

— Нѣтъ, по мнѣ эта свадьба сто разъ хуже нигилистической Ясафкиной свадьбы въ Петербургѣ, потому что эта просто чортъ знаетъ зачѣмъ идетъ замужъ!

— Имѣетъ выгоды, отвѣчалъ майоръ.

— Да; она репутацію свою поправляетъ: но его-то, его-то шута, что волочитъ въ эту гибель?

— Его?... А что же, это и ему хорошо; это тѣшитъ его испанское дворянство. И благо имъ обоимъ: пусть себѣ совершенствуются.

— Ну, пропадать же имъ! Въ этомъ бракѣ несчастіе и погибель.

— Отчего же погибель? отозвался майоръ;—мало ли людей бываютъ несчастливы въ бракѣ, но находятъ свое счастіе за бракомъ.

— Да, вотъ это что! вспылила Катерина Астаѳьевна,—такъ по твоему что такое бракъ? Вздоръ, форма, фить—и ничего болѣе.

— Бракъ?... нынче это для очень многихъ женщинъ средство перемѣнять мужей и не слыть нигилисткой.

— Вы дуракъ, господинъ майоръ! проговорила, побагровѣвъ, майорша.

— Это какъ угодно,—я говорю какъ понимаю.

— А ты зачѣмъ сюда пришелъ?

— Да я къ Евангелу въ гости иду и за новымъ журналомъ зашелъ, а больше ни за чѣмъ: я ругаться съ тобою не хочу.

— Ну такъ бери книгу и отправляйся вонъ, гадостный нигилистъ. Сѣдыхъ волосъ-то своихъ постыдился бы!

— Я ихъ и стыжусь, но не помогаетъ,—все больше сѣдѣютъ.

Послѣ этихъ словъ Форовъ незлобиво простился и ушелъ, а черезъ десять дней, отецъ Евангелъ, въ небольшой деревенской церкви, сочеталъ нерушимыми узами Подозерова и Ла-

рису. Свадьба эта, которую майорша называла „маланьиной свадьбой“, совершилась тихо, при однихъ свидѣтеляхъ, послѣ чего у молодыхъ былъ скромный ужинъ для близкихъ людей. Веселья не было никакого, напротивъ, все вышло, по мнѣнію Форовой, „не полюдски“.

Невѣста пріѣхала въ церковь озабоченная, сердитая, уѣхала съ мужемъ надутая, встрѣтила гостей у себя дома разсѣянно и сидѣла за столомъ недовольная.

Лариса понимала что она выходитъ замужъ какъ-то очень не серіозно и чувствовала что это понимаетъ не одна она, и вслѣдствіе того она ощущала досаду на всѣхъ, особенно на тѣхъ кто былъ опредѣленіе ея, а таковы были всѣ. Особенно же ей были непріятны всякія превосходства въ сравненіяхъ: она какъ бы боялась ихъ, и въ этомъ-то родѣ опредѣлялись ея отношенія къ Синтяниной. Лора не ревновала къ ней мужа, но она боялась не совладѣть съ нею, а къ тому же, послѣ вѣнчанія, Лариса начала думать: не напрасно ли она поторопилась, что можетъ-быть лучше было бы... уѣхать куда-нибудь, вмѣсто того чтобы выходить замужъ.

„Маланьина свадьба“ выходила прескучная!

Никакія попытки друзей придать оживленіе этому бѣдному торжеству не удавались, а напротивъ какъ будто еще болѣе портили вечеръ.

Поэтическій отецъ Евангелъ явился съ цѣлымъ запасомъ теплоты и свѣтлоты: поздравилъ молодыхъ весь сіяя радостію и доброжеланіями, подалъ Подозерову отъ своего усердія небольшую икону, а Ларисѣ приподнесъ большой вѣнокъ, добытый имъ къ этому случаю изъ Бодростинскихъ оранжерей. Поднося цвѣты, „поэтическій полъ“ привѣтствовалъ красавицу невѣсту восторженными стихами, въ которыхъ величалъ женщину „жемчужиной въ вѣнкѣ твореній.“ „Ты вся любовь! Ты вся любовь!“ восклицалъ онъ своимъ звонкимъ теноромъ, держа предъ Ларисой вѣнокъ.

Всѣ дни твои—кругомъ извитыя ступени
Широкой лѣствицы любви.

Онъ декламировалъ, указывая на Подозерова, что ей „дано его покоить, судьбу и жизнь его дѣлить; его всѣ радости удвоить, его печали раздвоить“, и заключилъ свое поэтическое поздравленіе словами:

И я, возникшій для волненья
За жизнь собратій и мою,

Тебѣ вѣнецъ благословенья
Отъ всѣхъ рожденныхъ подаю.

И съ этимъ онъ, отмахнувъ полу своей голубой кашемировой рясы на коричневомъ подбоѣ, и держа въ рукахъ вѣнокъ предъ своими глазами, подалъ его воспѣтой имъ невѣстѣ.

Евангелу зааплодировали и Синтянина, и Форовъ, и Катерина Астаѳьевна, и даже его собственная попадья. Да и невозможно было оставаться равнодушнымъ при видѣ этого до умиленія восторженнаго священника.

Полъ Евангелъ и въ самомъ дѣлѣ былъ столько прекрасенъ что вызывалъ восторги и хваленія. Этому могла не поддаться только одна виновница торжества, то-есть сама Лариса. Лариса нашла эту восторженность неидущею къ дѣлу, и усилившимся недовольнымъ выраженіемъ лица дала почувствовать что и величаніе ее „жемчужной въ вѣнкѣ твореній“, и воспѣваніе любви, и указаніе обязанности „его печали раздвоить“, и наконецъ самый вѣнокъ,—все это напрасно, все это ей не нужно, и она отнюдь не хочетъ врисовывать себя въ пасторально-буколическую картину начертанную Евангеломъ. Лариса постаралась выразить все это такъ внушительно, что не было никого кто бы ея не понялъ, и майоръ Форовъ, чтобы перебить непріятную натянутость и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка наказать свою капризную племянницу, вмѣшался съ своимъ тостомъ и сказалъ:

— А я вамъ, уважаемая Лариса Платоновна, попросту какъ хохлы скажу: „будь здорова якъ корова, щедровита якъ земля и плодовита якъ свинья!“ Желаю вамъ сто лѣтъ здравствовать и двадцать на четверенькахъ ползать!

При этой шуткѣ стараго цинника, Лариса совсѣмъ вспылила и хотя промолчала, но покраснѣла отъ досады до самыхъ ушей. Не удавалось ничто, и гости рано стали прощаться. Лариса никого не удерживала и не провожала далѣе залы. Подозеровъ одинъ благодарилъ гостей и жалъ имъ въ передней руки.

Съ Ларисой оставалась одна Синтянина, но и та ее черезъ минуту оставила.

Лора отвергла услуги генеральши, желавшей быть при ея туалетѣ, и Александра Ивановна, принимая въ передней изъ рукъ Подозерова свою шаль, сказала ему:

— Ну, идите теперь къ вашей женѣ. Желаю вамъ съ нею безконечнаго счастія. Любите ее и... и... больше ничего,

любите ее, по англійскимъ обѣтамъ брака, здоровую и больную, счастливую и несчастную, утѣшающую васъ или.... да однимъ словомъ, *любите* ее всегда, вѣчно, при всѣхъ случайностяхъ. Въ твердой рѣшимости любить такая великая сила... Затѣмъ еще разъ: будьте счастливы и прощайте!

Она крѣпко сжала его руку и твердою поступью вышла за дверь, ключъ которой поворотился за генеральшей одновременно съ ключомъ щолкнувшимъ въ замкѣ спальни Ларисы, искавшей въ тишинѣ и уединеніи исхода душившей ее досады на то что она вышла замужъ, на то что на свѣтѣ есть люди которые поступаютъ такъ или иначе, зная почему они такъ поступаютъ, на то что она лишена такого вѣдѣнія и не знаетъ гдѣ его найти, на то, наконецъ, что она не видитъ на что̀ бы ей разсердиться.

И благой рокъ помогъ ей въ этомъ: прекрасные глаза ея загорѣлись гнѣвомъ и ноздри расширились: она увидѣла прощаніе генеральши съ ея мужемъ и нашла въ этомъ непримиримую обиду.

Она заперлась въ спальнѣ и предоставила своему мужу полную свободу размышлять о своей выходкѣ наединѣ въ его кабинетѣ.

Что̀ могло обѣщать такое начало, и какъ его принялъ молодой мужъ красавицы Ларисы?

XVIII. Майоръ и Катерина Астаѳьевна.

У Катерины Астаѳьевны, несмотря на ея чувствительные нервы, отъ природы было желѣзное здоровье, а жизнь еще крѣпче закалила ее. Происходя отъ бѣдныхъ родителей и никогда не бывъ красивою, хотя впрочемъ она была очень миловидною, Катерина Астаѳьевна не находила себѣ жениха между губернскими франтами и до тридцати лѣтъ жила при своей сестрѣ, Висленевой, бѣгая по хозяйству, да купая и нянчая ея дѣтей. Изъ этой роли ее вывела Крымская война, когда Катерина Астаѳьевна, по неодолимымъ побужденіямъ своего кипучаго сердца, поступила въ общину сестеръ милосердія и отбыла всю тяжкую оборону Севастополя, служа выздоравливавшимъ и умиравшимъ его защитникамъ, великія заслуги которыхъ отечеству оцѣнены лишь нынѣ. Тамъ же, въ Крыму, Катерина Астаѳьевна выхолила и вынянчила привезен-

наго къ ней съ перевязочнаго пункта майора Форова и, ухаживая за нимъ, полюбила его какъ прямаго, отважнаго и безкорыстнѣйшаго человѣка. Полюбить извѣстныя достоинства въ человѣкѣ, для Катерины Астаѳьевны значило полюбить самого этого человѣка; она не успѣла пережить самыхъ первыхъ восторговъ, по поводу разказовъ которыми оживавшій Форовъ очаровалъ ее, какъ Отелло очаровалъ свою Дездемону, — какъ уже дѣло было сдѣлано: искренняя простолюдимка Катерина Астаѳьевна всѣмъ существомъ своимъ привязалась къ дружившему съ солдатами и огрызавшемуся на старшихъ Фелитеру Ивановичу. Майоръ отвѣчалъ ей тѣмъ же, и хотя они другъ съ другомъ ни о чемъ не условливались и въ любви другъ другу не объяснялись, но когда майоръ сталъ, къ концу кампаніи, на ноги, они съ Катериной Астаѳьевной очутились вмѣстѣ, сначала подъ обозною фурой, потомъ въ татарской мазанкѣ, потомъ на постояломъ дворѣ, а тамъ уже такъ и закочевали вдвоемъ по городамъ и городишкамъ, куда гоняла майора служба, до тѣхъ поръ пока онъ наконецъ вылетѣлъ изъ этой службы, по поводу той же Катерины Астаѳьевны. Дѣло это заключалось въ томъ что невѣрующій майоръ Фелитеръ Ивановичъ, соединясь неразлучнымъ союзомъ съ глубоко вѣрующею и убѣжденною, но крайне оригинальной Катериной Астаѳьевной, лѣтъ восемь кряду забывалъ перевѣнчаться съ нею. Пока они кочевали съ полкомъ, имъ ничто и не напоминало объ этомъ упущеніи. Катерина Астаѳьевна, при ея вѣчномъ и неуклонномъ стремленіи вмѣшиваться во всякое чужое горе и помогать ему по своимъ силамъ и разумѣнію, къ своимъ собственнымъ дѣламъ обнаруживала полное равнодушіе, а майоръ еще превосходилъ ее въ этомъ. Катерина Астаѳьевна была любимицей всѣхъ, начиная съ полковаго командира и кончая послѣднимъ фурштатомъ. Солдаты же того баталіона которымъ командовалъ майоръ просто боготворили ее: всѣ они знали Катерину Астаѳьевну, и Катерина Астаѳьевна тоже всѣхъ ихъ знала по именамъ и по достоинствамъ. Она была ихъ утѣшительницей, душеприкащицей, казначеемъ, лѣкаремъ и духовною матерью: ей первой бѣжалъ солдатикъ открыть свое горе, заключавшееся въ потерѣ штыка, или въ иной подобной бѣдѣ, значенія которой не понять тому кто не носилъ ранца за плечами,—и Катерина Астаѳьевна не читала никакихъ моралей и наставленій, а прямо помогала какъ находила возможнымъ. Ей ма-

стеровой солдатъ отдавалъ на сбереженіе свой тяжкимъ трудомъ собранный грошъ; ее звали къ себѣ умирающіе и изустно завѣщали ей какъ распорядиться бывшими у нея на сохраненіи лятью или шестью рублями, къ ней же приходили на духъ тѣ кого „бѣсъ смущалъ“ сбѣжать или сдѣлать другую гадость, давали ей слово воздержаться и просили прочитать за нихъ „тайный акахистъ“, чему многіе смущаемые солдатики приписываютъ неодолимое значеніе. Катерина Астаѳьевна со всѣмъ этимъ умѣла управляться въ совершенствѣ, и такая жизнь и такіе труды не только ни мало не тяготили ее, но она даже почитала себя необыкновенно счастливою и, какъ въ пѣснѣ поется, „не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить“.

Враговъ, или такихъ недруговъ которымъ бы она добра не желала, у нея не было. Если она замѣчала между товарищами майора людей не совсѣмъ хорошихъ, то старалась извинять ихъ воспитаніемъ и т. п., и все-таки не выдавала ихъ и не уклонялась отъ ихъ общества. Исключеніе составляли люди надменные и хитрые: этихъ Катерина Астаѳьевна, по прямотѣ своей натуры, ненавидѣла; но волервыхъ, такихъ людей, слава Богу, было не много въ армейскомъ полку, куда Форовъ попалъ по своему капризу, несмотря на полученное имъ высшее военное образованіе; вовторыхъ, майоръ, весьма равнодушный къ себѣ самому и повидимому никогда не заботившійся ни о какихъ выгодахъ и для Катерины Астаѳьевны, не стерпѣлъ бы ни малѣйшаго оскорбленія ей сдѣланнаго, и наконецъ, втретьихъ, „майорша“ и сама умѣла постоять за себя и дать сдачи заносчивому чванству. Поэтому ее никто не трогалъ, и она жила прекрасно.

Но при всемъ своемъ прямодушіи, незлобіи и добротѣ, не находившей униженія ни въ какой услугѣ ближнему, Катерина Астаѳьевна была однако очень горда. Не любя жеманства и всякой сентиментальности, она не переносила невѣжества, нахальства, заносчивости и фанфаронства, и Боже сохрани чтобы кто-нибудь попытался третировать ее ниже того какъ она сама себя ставила: она *отдѣлывала* за такія вещи такъ что человѣкъ этого потомъ во всю жизнь не позабывалъ.

Солдаты, со свойственною имъ отличною мѣткостью опредѣленій, говорили про Катерину Астаѳьевну, что она не живетъ по пословицѣ: „хоть горшкомъ меня зови, да не ставь

только къ жару", а что она наблюдаетъ другую пословицу: „хоть полы мною мой, но не называй меня тряпкой."

Это было совершенно вѣрное и мастерское опредѣленіе характера Катерины Астаѳьевны, и въ силу этого-то самаго характера, столь терпѣливая во всѣхъ нуждахъ и лишеніяхъ подруга майора не стерпѣла, когда при перемѣнѣ полковаго командира, вновь вступившій въ командованіе полковникъ, изъ старыхъ товарищей Форова по военной академіи, не пригласилъ ее на полковой балъ, куда были позваны жены всѣхъ семейныхъ офицеровъ.

Катерина Астаѳьевна горячо приняла къ сердцу эту обиду и, не укоряя Форова, поставившаго ее въ такое положеніе, велѣла деньщику стащить съ чердака свой старый чемоданъ и начала укладывать свои немудрые пожитки.

Хотѣла ли она разстаться съ майоромъ и куда-нибудь уѣхать? Это осталось ея тайной; но майоръ, увидѣвъ эти сборы, тотчасъ же надѣлъ мундиръ и отправился къ полковому командиру съ просьбой объ отставкѣ.

На вопросъ удивленнаго полковника: зачѣмъ Форовъ такъ неожиданно покидаетъ службу? Фелитеръ Ивановичъ рѣзко отвѣчалъ что онъ „съ подлецами служить не можетъ".

— Что это значитъ? громко и сердито вскрикнулъ на него полковой командиръ.

— Ничего больше какъ то что я не хочу служить съ тѣмъ кто способенъ обижать женщину, и прошу васъ сдѣлать распоряженіе объ увольненіи меня въ отставку. А если вамъ угодно со мною стрѣляться, такъ я готовъ съ моимъ удовольствіемъ.

Полковой командиръ не захотѣлъ затѣвать „исторіи" съ Фелитеромъ Ивановичемъ на первыхъ порахъ своего командирства, и майоръ Форовъ благополучно вылетѣлъ въ отставку.

Съ Катериной Астаѳьевной у Форова не было никакихъ объясненій: они совершенно освоились съ манерой жить ничего другъ другу не ставя на видъ и не внушая, но въ совершенствѣ понимая одинъ другого безъ всякихъ разговоровъ.

Вскорѣ за симъ Катерина Астаѳьевна сдала плачущимъ солдатамъ всѣ хранившіяся у нея на рукахъ ихъ собственныя деньги, а затѣмъ майоръ распростился съ своимъ баталіономъ, сѣлъ съ своею подругой въ рогожную кибитку, и поѣхали.

За заставой ждалъ ихъ сюрпризъ: въ темной луговинѣ у моста, стояла куча солдатъ, которые, при приближеніи майорской кибитки, сняли шапки и зарыдали.

Майоръ, натолкнувшись на эту засаду, задергался и засуетился.

— Чего? чего, дурачье, высылали? а? Пошли назадъ! Васъ вотъ палками за это взлупятъ! закричалъ онъ, стараясь въ зычномъ окрикѣ скрыть дрожаніе голоса, измѣнявшаго ему отъ слезъ поднимавшихся къ горлу.

Солдаты плакали; Катерина Астаѳьевна тоже плакала и, развязавъ за спиной майора кошелочку съ яблоками, печеными яйцами и пирогами, заготовленными на дорогу, стала бросать эту провизію солдатамъ, которые сію же минуту обсыпали кибитку, нахлынули къ ней и начали ловить и цѣловать ея руки.

— Фу, пусто вамъ будь! воскликнулъ майоръ:—вы, канальи, этакъ просто задавите! И онъ выскочивъ изъ кибитки, скомандовалъ къ кабаку, купилъ ведро водки, роспилъ ее со старыми товарищами и наказалъ имъ служить вѣрой и правдой и слушаться начальства, далъ старшему изъ своего скуднаго кошелька десять рублей и сѣлъ въ ловозку; но садясь, онъ почувствовалъ въ ногахъ у себя что-то теплое и мягкое, живое и слегка визжащее.

— Стой! Что̀ это такое тутъ возится? запыталъ удивленный майоръ.

— Драдедамъ, ваше высокоблагородіе, конфузливо отвѣчалъ ему шепотомъ ближе другихъ стоявшій къ нему солдатикъ.

Майоръ выразилъ изумленіе. „Драдедамъ“ было не что̀ иное какъ превосходная лягавая собака чистѣйшей, столь рѣдкой нынѣ маклофской породы. Собака эта, составлявшая предметъ всеобщей зависти, принадлежала полицеймейстеру города изъ котораго уѣзжалъ майоръ. Эту собаку, имѣвшую кличку Трафаданъ и переименованную солдатами въ „Драдедама“, полицеймейстеръ цѣнилъ и берегъ какъ зеницу ока. Родовитаго пса этого сторожила вся полиція гораздо бдительнѣе чѣмъ всю остальную собственность цѣлаго города, и вдругъ этотъ рѣдкій песъ, этотъ Драдедамъ, со стиснутою ремнемъ мордой и завязанный въ рѣдинный мѣшокъ, является въ ногахъ, въ кибиткѣ отъѣзжающаго майора!

— Ребята! Что̀ же вы это, съ ума что̀ ли сошли чтобы меня съ краденою собакой изъ полка выпроваживать? Кто васъ этому научилъ? заговорилъ майоръ.

— Никто, ваше высокоблагородіе; мы по своему усердію васъ награждаемъ.

— Чудовый кобель, ваше высокоблагородіе! подхватывали другіе.

— Берите, берите, ваше высокоблагородіе: мы вамъ жертвуемъ Драдедашку! выкрикивали третьи.—Пошелъ, братецъ ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И солдатики загагайкали на лошадей и замахали руками.

— Стойте, дураки: развѣ благородно намъ воровскую собаку увезть?

— Эхъ, ваше высокоблагородіе! Отецъ вы нашъ, командирша-матушка: да что̀ вамъ на это глядѣть? Да развѣ вы похожи на благородныхъ? Ну, ну! Эхъ вы, голубчики! Пошелъ, ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И по тройкѣ со всѣхъ сторонъ захлестали сломанныя съ придорожныхъ ракитъ прутья; лошади рванулись и понеслись, не чуя сдерживавшихъ ихъ возжей.

А вслѣдъ еще долго слышались подгонные крики: „Ну, ну! Валяй, валяй, ребята! Прощайте, нашъ отецъ съ матерью!... Прощай, Драдедашка!“

Подъ эти крики, едва державшійся на облучкѣ ямщикъ и отчаявшіеся въ своемъ благополучіи майоръ и Катерина Астаѳьевна и визжавшій въ мѣшкѣ Драдедамъ во мгновеніе ока долетѣли на перепуганной тройкѣ до крыльца слѣдующей почтовой станціи, гдѣ привычные кони сразу стали.

Здѣсь майоръ хотѣлъ сейчасъ же высвободить изъ мѣшка и отпустить назадъ полученную имъ „въ награду“ краденую полицеймейстерскую собаку, но ямщикъ подступилъ къ нему съ совѣтомъ этого не дѣлать.

— Все единственно это, заговорилъ онъ: — пусть ужь она лучше пропадетъ, ваше высокоблагородіе, а только тутъ не вытаскивайте; смотритель увидитъ, все разбрешетъ, и кавалерамъ за это достанется.

— И то правда! смекнулъ майоръ и добавилъ: — а ты же, каналья, развѣ не разкажешь?

— Да мнѣ что̀ жь казать? У меня у самого братья въ солдатахъ есть.

— Ну такъ что̀ жь что братья твои въ солдатахъ служатъ?

— А должны же мы хорошихъ начальниковъ почитать. Вишь вонъ что̀ сказали, что вы, баятъ, на благороднаго-то не похожи.

Майоръ далъ ямщику полтину и покатилъ далѣе съ Катериной Астаѳьевной и съ Дрядедамомъ, котораго оба они стали съ той поры любить и холить, какъ за достоинство этой доброй и умной собаки, такъ и за то что она была для нихъ воспоминаніемъ такого оригинальнаго и теплаго прощанья съ простосердечными друзьями.

XIX. О тѣхъ же самыхъ.

Прибывъ въ городъ, гдѣ у Катерины Астаѳьевны былъ извѣстный намъ маленькій домикъ съ наглухо забитыми воротами, изгнанный майоръ и его подруга водворились здѣсь вмѣстѣ съ Дрядедамомъ. Прошелъ годъ, два и три, а они попрежнему жили все въ тѣхъ же неоформленныхъ отношеніяхъ, и очень возможно что дожили бы въ нихъ и до смерти, если-бы нѣкоторая невинная хитрость и нѣкоторая благоразумная глупость не поставила эту оригинальную чету въ законное соотношеніе.

Фелитеръ Форовъ, выйдя въ отставку и водворясь среди родства Катерины Астаѳьевны, сначала былъ предметомъ нѣкотораго недоброжелательства и косыхъ взглядовъ со стороны Ларисиной матери; да и сама Лора, подростая, стала смущаться по поводу отношеній тетки къ Форову; но Фелитеръ Ивановичъ не обращалъ на это вниманія. Майоръ Фелитеръ Ивановичъ не искалъ ни друзей, ни пріятелей: онъ повторялъ на все свое любимое „наплевать“, лежебочествовалъ, слегка попивалъ, читалъ съ утра до поздной ночи и порой ругалъ всѣ силы, господствія, начальства и власти.

Но Катерину Астаѳьевну это сокрушало, и сокрушало въ одномъ отношеніи. Она боялась *за душу* Форова и всегда лелеяла завѣтную мечту „привести его къ Богу“.

Эта мысль въ первый разъ сверкнула въ ея головѣ, когда принесенный въ госпиталь раненый майоръ пришелъ въ себя и поведя глазами остановилъ ихъ на чепцѣ Катерины Астаѳьевны и зашевелилъ губами.

— Что̀ вамъ: вѣрно желаете батюшку позвать? участливо спросила она раненаго.

— Совсѣмъ нѣтъ; а *я* хочу выплюнуть, отвѣчалъ Форовъ отдѣляя опухшимъ языкомъ отъ поднебенья сгустокъ запекшейся крови.

— Вы не вѣруете въ Бога? грустно вопросила религіозная Катерина Астаѳьевна.

Майоръ качнулъ утвердительно головой.

— Ахъ, это ужасное несчастіе!

И съ тѣхъ поръ она начала нѣжно за нимъ ухаживать и положила въ сердцѣ своемъ надежду „привести его къ Богу“; но это ей никогда не удавалось и не удалось до сихъ поръ.

Во все время службы майора въ полку, она не безъ труда достигла только одного, чтобы майоръ не гасилъ на ночь лампады, которую она, на свои трудовыя деньги, теплила предъ образомъ, а днемъ не закуривалъ отъ этой лампады своихъ растрепанныхъ толстыхъ папиросъ; но удержать его отъ богохульныхъ выходокъ въ разговорахъ она не могла и радовалась лишь тому что онъ подобныхъ выходокъ не дозволялъ себѣ при солдатахъ, при которыхъ даже крестился и цѣловалъ крестъ. По удаленіи же въ свой городокъ, подруга майора, возобновивъ дружескія связи съ Синтяниной, открыла ей свои заботы насчетъ обращенія Форова и была несказанно рада замѣчая что Фелитеръ Ивановичъ что̀-называется полюбилъ генеральшу.

— Нравится она тебѣ, моя Сашурочка-то? говорила Катерина Астаѳьевна, заглядывая въ глаза майору.

— Прекрасная женщина, отвѣчалъ Форовъ.

— А вѣдь что̀ ее дѣлаетъ такою прекрасною женщиной?

— Что̀? Я не знаю что̀: такъ, хорошая зародилась.

— Нѣтъ; она христіанка.

— Ну да, разказывай! Будто нѣтъ богомольныхъ подлецовъ, точно такъ же какъ и подлецовъ не молящихся?

И майоръ отходилъ отъ жены съ явнымъ нежеланіемъ продолжать подобные разговоры.

Затѣмъ онъ сошелся у той же Синтяниной съ отцомъ Евангеломъ и заспорилъ было на свои любимыя темы о несообразности вещественнаго поста, о словесной молитвѣ, о священствѣ, которое онъ называлъ „сословіемъ духовныхъ адвокатовъ“; но начитанный и либеральный Евангелъ шутя оконфузилъ майора и шутя успокоилъ его словами что „не ядый о Господѣ не ѣстъ, ибо лишаетъ себя для Бога, и ядый о Господѣ ѣстъ, ибо вкушая хвалитъ Бога“.

Форовъ сказалъ:

— Если такъ, то не о чемъ спорить. Впрочемъ я въ этомъ и не знатокъ.

— А въ чемъ же вы по этой части великій знатокъ?

— Въ чемъ? Въ томъ что̀ ясно разумомъ постигаю моимъ.

— Напримѣръ-съ?

— Напримѣръ я постигаю что никакой всемогущій опекунъ въ дѣла здѣшняго міра не мѣшается.

— Такъ-съ. Это вы разумомъ постигли?

— Да, разумѣется, потому что иначе развѣ могли бы быть такія несправедливости, видя которыя у всякаго мало-мальски честнаго человѣка всѣ кишки въ брюхѣ отъ негодованія вертятся.

— А мы можемъ ли постигать что̀ справедливо и что̀ несправедливо?

— Вотъ тебѣ на еще! Конечно можемъ, потому что мы фактъ видимъ.

— А фактъ-то иногда совсѣмъ не то выражаетъ что̀ онъ значитъ.

— Темно.

— А вотъ я васъ сейчасъ въ этомъ просвѣщу, если угодно.

— Сдѣлайте милость.

— Извольте-съ. Положимъ что есть на свѣтѣ мать, добрая, предобрая женщина, которая мухи не обидитъ. Допускаете вы что можетъ быть на свѣтѣ такая женщина?

— Ну-съ; допускаю: вотъ моя Горочка такая.

— Ну-съ, прекрасно! Теперь допустимъ что у Катерины Астаѳьевны есть дитя.

— Не могу этого допустить, потому что она уже не въ такихъ лѣтахъ чтобы дѣтей имѣть.

— Ну, все равно: допустимъ это какъ предположеніе.

— Зачѣмъ же допускать нелѣпыя предположенія.

Евангелъ улыбнулся и сказалъ: — Вы мелочной человѣкъ: васъ занимаетъ процессъ спора, а не искомое; но все равно-съ. Извольте, ну нѣтъ у нея ребенка, такъ у нея есть вотъ собака Драдедамъ; и этотъ Драдедамъ пользуется ея вниманіемъ, котораго онъ почему-нибудь заслуживаетъ.

— Допускаю.

— Теперь-съ еслибъ этотъ Драдедамъ былъ боленъ и ему нужно было дать мяса, а купить его негдѣ.

— Ну-съ?

— Вотъ Катерина Астаѳьевна беретъ ножикъ и рѣжетъ голову курицѣ и варитъ изъ нея Драдедаму похлебку: справедливо это или нѣтъ?

— Справедливо, потому что Прадедамъ благороднѣйшее созданіе.

— Такъ-съ: а курица которой отрѣзали голову непремѣнно думала что съ нею поступали ужасно несправедливо.

— Что́ же́ вы этимъ доказали?

— То, что фактъ жестокости тутъ есть: курица убита,— это для нея жестоко и съ ея куриной точки зрѣнія несправедливо, а между тѣмъ вы сами, существо гораздо высшее и умнѣйшее курицы, нашли все это справедливымъ.

— Гмъ!

— Да такъ-съ. Есть будто фактъ жестокосердія, но и его нѣтъ.

— Ну ужь этого совсѣмъ не понимаю: и оно есть, и его нѣтъ?

— Да нѣтъ-съ ея, жестокости, нѣтъ, ибо Катерина Астаѳьевна остается столь же доброю послѣ накормленія курицей Прадедама, какъ была до сего случая и во время сего случая. Вотъ вамъ—есть фактъ жестокости и несправедливости, а онъ вовсе не значитъ того чѣмъ кажется. Теперь возражайте!

— Я не хочу вамъ возражать, отвѣчалъ подумавъ Форовъ.

— А почему, спрошу?

— Почему?... потому что я въ этомъ не силенъ, а вы много надъ этимъ думали и имѣете начитанность и можете меня сбить, чего я отнюдь не желаю.

— Почему же вы не желаете придти къ какой-нибудь истинѣ и разубѣдиться въ заблужденіи?

— Такъ, не желаю, потому что не хочу забивать себѣ и безъ того темные памороки этою путаницей.

— Памороки не хотите забивать? Гмъ! Нѣтъ-съ, это́ не потому.

— А почему же?

Евангелъ снова улыбнулся и, сжавъ легонько руку майора немножко пониже локтя, ласково проговорилъ:

— Вы потому не хотите объ этомъ говорить и думать какъ слѣдуетъ, что души вашей коснулось святое сомнѣніе въ справедливости рутины безвѣрія! И посмотрите за то сюда!

Съ этимъ отецъ Евангелъ, подвинувъ слегка майора къ себѣ, и показавъ ему черезъ дверь другой комнаты какъ Катерина Астаѳьевна, слышавшая весь ихъ разговоръ, вдругъ упала на колѣни и протянувъ руки къ освященному лампадой образнику, плакала радостными и благодарными слезами.

— Эти слезы съ неба, шепнулъ Евангелъ.

— Бабье: ото всего плачутъ, сухо отвѣтилъ отворачиваясь майоръ.

Но веселый Евангелъ вдругъ смутится и взявъ майора за руку, тѣмъ же добродушнымъ тономъ проговорилъ:—Бабье-съ? Вы сказали бабье?... Это недостойно вашей образованности.... Женщины—это прелесть! Онѣ наши мироносицы: безъ ихъ слезъ, этотъ злой міръ заскорузъ бы-съ!

— Вы діалектикъ.

— Да-съ; я діалектикъ; а вы баба, ибо боитесь свободомыслія и бѣжите чистаго чувства женской слезой пробужденнаго. Что-съ? Ха-ха-ха.... Да вы ничего, не робѣйте: это вѣдь проходитъ!

XX. Еще о нихъ же.

На другой день послѣ этой бесѣды, происходившей задолго предъ тѣми событіями съ которыхъ мы начали свое повѣствованіе, майоръ Форовъ, часу въ десятомъ утра, пришелъ пѣшкомъ къ отцу Евангелу и сказалъ что онъ ему очень понравился.

— Неужели? отвѣчалъ веселый священникъ. — Что жь, это прекрасно: это значитъ мы честные люди, да!... а жоны у насъ съ вами еще лучше насъ самихъ. Я вамъ вотъ сейчасъ и покажу мою жену: она гораздо лучше меня. Паинька! Паинька! Паинька! закричалъ отецъ Евангелъ, удерживая за руку майора, и засматривая въ дверь сосѣдняго покоя.

— Чего тебѣ нужно, Паинька? послышался оттуда звонкій, симпатическій, молодой голосъ.

— „Паинька,“ это она меня такъ зоветъ, объяснилъ майору Евангелъ.—Мы привыкли другъ на друга все „ты паинька“ да „ты паинька,“ да такъ ужь свои имена совсѣмъ и позабыли... Да иди же сюда, Паинька! возвысилъ онъ нѣсколько нетерпѣливо свой голосъ.

Въ дверяхъ показалась небольшая и довольно худенькая, нѣсколько нестройно сложенная молодая женщина, съ очень добрыми большими коричневыми глазами и тоненькими колечками темныхъ волосъ на вискахъ.

Она была одѣта въ свѣтлое ситцевое платье и держала въ

одной рукѣ полоскательную фарфоровую чашку съ обваренным миндалемъ, который обчищала другою, свободною рукой.

— Ну что ты здѣсь, Паинька? Какой ты безпокойный, что отрываешь меня безъ толку? заговорила она, ласково глядя на мужа и на майора.

— Какъ безъ толку, когда гость пришелъ.

— Ну такъ что же что гость пришелъ? Они къ намъ часто будутъ ходить.

— Превосходно сказано, воскликнулъ Форовъ.—Буду-съ.

— Да; она у меня преумная эта Пайка, молвилъ, слегка обнимая жену, Евангелъ.

— Ну вотъ ужь и умная! Вы ему не вѣрьте: я въ лѣсу выросла, вереѣ молилась и лню поклонилася,—такъ откуда я умная буду?

— Нѣтъ; вы ей не вѣрьте: она преумная, увѣрялъ, смѣясь и тряся майора за руку, Евангелъ.—Она вдругъ иногда, знаете, такое скажетъ что только ротъ разинешь. А они, Паинька, въ Бога изволятъ не вѣровать, обратился онъ, указывая женѣ на майора.

— Ну такъ что же такое; они послѣ повѣрятъ.

— Видите какъ разсуждаетъ!

— Да что жь ты надо мной смѣешься? Разумѣется что не всѣмъ въ одно время вѣрить. Вѣдь они добрые?

— Ну такъ что же что добрый? А какъ онъ въ царствѣ небесномъ будетъ? Его не пустятъ.

— Нѣтъ пустятъ.

— Извольте вы съ ней спорить! разсмѣялся Евангелъ.—Я тебѣ, Пайка, говорю: его къ вѣрующимъ не пустятъ; тебѣ попадьѣ нельзя этого не знать.

— Ну, его къ невѣрующимъ пустятъ.

— Видите, видите какая бѣдовая моя Пайка! У-у-у-хъ, съ ядовитостью женщина! продолжалъ онъ, тихонько съ нѣжностью и восторгомъ трогая жену за ея свѣжій раздвоившійся подбородокъ, и въ то же время оборотясь къ майору добавилъ:—Ужасно хитрая-съ! Ужасно! Одинъ я ее только постигаю, а вы о ней если сдѣлаете заключеніе по этому первому свиданію, такъ непремѣнно ошибетесь.

— Да я ихъ совсѣмъ и не въ первый разъ вижу, перебила его попадья, перемывая въ той же полоскательной чашкѣ свой миндаль.—Я ихъ уже видѣла на Висленевскомъ дворѣ, и мы кланялись.

— Не помню-съ, отвѣчалъ майоръ, съ любовію артиста разглядывая это прекрасное твореніе, какъ разъ подходящее, по его мнѣнію, къ типу наипочтеннѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ.

— Какъ же не помните, толковала попадья:—вы еще шли съ супругой.... или кто она вамъ доводится, Катерина-то Астаѳьевна?... Да! вы шли по двору, а мы съ генеральшей Александрой Ивановной сидѣли подъ окномъ, вишни чистили и вамъ кланялись.

— Не помню-съ.

— Какже-съ, а я помню: вы вотъ теперь въ штанахъ, а тогда были въ подштанахъ.

— Какъ въ подштанахъ-съ? изумился майоръ.

— Такъ, въ этакихъ въ бѣлыхъ, со штрифами.

Майоръ засмѣялся, а отецъ Евангелъ, хохоча и ударяя себя ладонями по колѣнамъ, воскликалъ:

— Ахъ, Паинька! Паинька! проговорились вы, прелесть моя, проговорились!

Попадья слегка вспыхнула и хотѣла возражать мужу, но какъ тотъ махалъ на нее руками и кричалъ „т-съ, т-съ, т-съ! молчи, Пайка, молчи, а то хуже скажешь“, то она быстро выбѣжала вонъ, и начала хлопотать о закускѣ.

— Какая чудесная женщина! сказалъ, глядя вслѣдъ ей, майоръ.

— То-есть превосходнѣйшая-съ, а не только чудесная, согласился съ нимъ Евангелъ. Видите, всѣхъ хочетъ въ царство небесное помѣстить: мы будемъ въ своемъ царствѣ небесномъ, а вы въ своемъ.

Евангелъ расхохотался.

— Вы давно женаты? спросилъ майоръ.

— Семь лѣтъ женатъ, да-съ, семь лѣтъ, но въ томъ числѣ она три года была въ гусара влюблена, а однако еще я всякій день въ ней открываю новыя достоинства.

— Гмъ!... а въ гусара таки была влюблена?

— Ужасно-съ! Какихъ это ей бѣдненькой мукъ стоило, еслибы вы знали? Я ей студентомъ нравился, а въ рясѣ разонравился, потому что они очень танцы любили, да! А тутъ гусары пришли, ну, шнурочки, усики, глазки... Она бѣдняжка однимъ и плѣнилась.... Изсохла вся, до горловой чахотки чуть не дошла, и все у меня на груди плакала. „Зачѣмъ, бывало говоритъ, Паинька, я не могу тебя любить какъ его люблю?“

— Ну, а вы же что?

— Стыдно сказать право.

— Однако же?

— Да что-съ? сижу бывало, глажу ее по головкѣ, да и реву вмѣстѣ съ нею. И даже что-съ? продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и отводя майора къ окну:—Я уже разъ совсѣмъ порѣшилъ: уйди, говорю, коли со мной такъ жить тяжело; но она, услыхавъ отъ меня объ этомъ, разрыдалась и вдругъ улыбается: „Нѣтъ; говоритъ, Паинька, я никуда не хочу: я послѣ этого теперь опять тебя больше люблю“. Она влюбчива, да-съ. Это одинъ, одинъ ея порокъ: восторженна и въ восторгѣ сейчасъ влюбляется.

— Однакоже, чортъ возьми, позвольте мнѣ васъ уважать! закричалъ зычно майоръ.

— Нѣтъ-съ; это ее надо за это уважать: скудельный сосудъ, а совладѣла съ собою, и все для меня!.. А вотъ и она. Паинька, а что же, душка, водочки-то? вопросилъ онъ входящую жену, увидѣвъ что на подносѣ который она несла не было ни графина, ни рюмки.

— А кто же станетъ водку лить?

— А вотъ они, Фелитеръ Иванычъ.

— Вы льете развѣ? отнеслась попадья къ майору, и получивъ отъ него короткій, но утвердительный отвѣтъ, принесла графинъ и рюмку, и поставивъ ихъ на столъ, сказала: — Не хорошо кто льетъ вино.

— Отчего-съ? спросилъ, принимаясь за рюмку, майоръ.

— Такъ.... мысли дурныя отъ вина приходятъ.

— Ну, мнѣ не приходятъ.

— Какъ не приходятъ; а вонъ вы почему же до сихъ поръ не женитесь?

Майоръ пересталъ закусывать и съ удивленіемъ смотрѣлъ на сидѣвшую у стола съ подпертымъ на руку подбородочкомъ попадью; но ту это ни мало не смутило, и она спокойно продолжала:

— Что вы на меня такъ смотрите-то? Развѣ же это хорошо такъ женщину конфузить?

— Послушайте, моя милая! ласково заговорилъ съ ней майоръ, но она его тотчасъ же перебила.

— Нечего, нечего „моя милая“! передразнила его попадья,— не знаю я что ль? А мнѣ вашей Катерины Астаѳьевны жалко,—вотъ вамъ и сказъ, и я насчетъ васъ своему Паинькѣ давно сказала что вы недобрый и жестокій человѣкъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! Да позвольте же-съ: я вѣдь Катерину Астаѳьевну все равно люблю-съ.

— Да-а! Нѣтъ это не все равно: если вы такъ не обвѣнчавшись прежде ея умрете, она не будетъ за васъ пенсіона получать.

Попадья говорила все это съ самымъ серіознымъ и сосредоточеннымъ видомъ и съ глубочайшею заботливостью о Катеринѣ Астаѳьевнѣ. Ея не развлекалъ ни веселый смѣхъ мужа, наблюдавшаго траги-комическое положеніе Форова, ни удивленіе самого майора, который былъ пораженъ простотой и оригинальностью приведеннаго ею довода въ пользу брака, и наконецъ, обтеревъ салфеткой усы и подойдя къ попадьѣ, попросилъ у нея ручку.

— Зачѣмъ же это? спросила она.

— Я женюсь-съ, и васъ матерью посаженою прошу.

— Непремѣнно?

— Всенепремѣнно и какъ можно скорѣе; а то дѣйствительно пенсіонъ можетъ пропасть.

— Ну за это вы умникъ, и я не жалѣю что мы познакомились, отвѣчала ему весело попадья, съ радостью подавая свою руку.

— А я такъ буду сожалѣть объ этомъ, отвѣчалъ, громко чмокнувъ ея ручонку, Форовъ.—Теперь мнѣ въ первый разъ завидно что у другаго человѣка будетъ жена лучше моей.

— О, не завидуйте, не завидуйте, ваша добрѣе.

— Почему же вы это знаете?

— Да вѣдь она васъ цѣлуетъ? Ужь навѣрно цѣлуетъ?

— Случается; рѣдко, но случается.

— Ну вотъ видите! А ужь я бы не поцѣловала.

— Это почему?

— Потому что отъ васъ водкой пахнетъ.

— Покорно васъ благодарю-съ, отвѣчалъ, комически поклонясь и шаркнувъ ногой, майоръ, и затѣмъ еще разъ поцѣловалъ на прощанье руку у попадьи и откланялся.

XXI. Свадьба Форовыхъ.

У калитки, до которой Евангелъ провожалъ Форова, майоръ на минутку остановился и сказалъ:

— Такъ какже-съ это.... того....

— Вы насчетъ свадьбы?

— Да

— Что̀ жь, приходите, я перевѣнчаю и денегъ за вѣнецъ не возьму. Приходите вечеркомъ въ воскресенье чай пить: я на сихъ дняхъ огласку сдѣлаю, а въ воскресенье и перевѣнчаемся.

— А не очень это скоро?

— Нѣтъ; чѣмъ же скоро? чѣмъ скорѣе тѣмъ оно вѣрнѣе, а то вѣдь Паинька правду говоритъ: знаете, вдругъ кранкенъ, а женщина останется непричемъ.

— Хорошо-съ; я приду въ воскресенье вѣнчаться. А жена у васъ, чортъ возьми, все-таки удивительная!

— Да вѣдь я и говорилъ что вы на нее будете удивляться и не поймете ее. Я все время за вами наблюдалъ какъ вы съ нею говорили, и думалъ: „ахъ, какъ бы этотъ ея не понялъ!“ Но нѣтъ; вижу и вы не поняли.

— Почему же вы это такъ думаете? А можетъ-быть я ее и понялъ?

— Нѣтъ; гдѣ вамъ ее понять! Ее одинъ я понимаю. Ну, говорите: кто такая она по-вашему, если вы ее поняли?

— Она?... она.... положительная и самая реальная натура.

Евангелъ, что-называется, закисъ со смѣху.

— Чего же вы помираете? вопросилъ майоръ.

— А того что она совсѣмъ не положительная и не реальная натура. А она.... позвольте-ка мнѣ взять васъ за ухо.

И Евангелъ, пригнувъ къ себѣ слегка голову майора, прошепталъ ему на ухо: — Моя жена дурочка.

— То-есть вы думаете что она не умна?

— Она совершенная дурочка.

— А чѣмъ же она разсуждаетъ?

— А вотъ этимъ вотъ! воскликнулъ Евангелъ, тронувъ майора за ту часть груди гдѣ сердце. — Какъ же вы этого не замѣтили что она гдѣ хочетъ быть умною дамой, сейчасъ глупость скажетъ,—какъ о вашихъ бѣлыхъ панталонахъ вышло; а гдѣ по естественному своему чувству говоритъ, такъ что̀ твой министръ юстиціи. Вы ее ложалуста не ослушайтесь, потому что я вамъ это по опыту говорю, что ужь она какъ разсудитъ, такъ это непремѣнно такъ надо сдѣлать.

Майоръ посмотрѣлъ на священника, и видя что тотъ говоритъ съ нимъ совершенно серіозно, провелъ себя руками по груди и громко плюнулъ въ сторону.

— Ага! вотъ значитъ видите что промахнулись! Ну ничего,

ничего: въ самомъ дѣлѣ не все сразу. Приходите-ка прежде вѣнчаться.

Майоръ еще разъ повторилъ обѣщаніе придти, и дѣйствительно пришелъ въ назначенный вечеръ къ Евангелу, вмѣстѣ съ Катериной Астаѳьевной, которой майоръ ничего не разказалъ о своихъ намѣреніяхъ, и потому она была только удивлена, увидя что невѣрующій Фелитеръ Иванычъ, при звонѣ къ вечернѣ, прошелъ вмѣстѣ съ Евангеломъ въ церковь и сталъ въ алтарѣ. Но когда окончилась вечерня и среди церкви поставили аналой, зажгли предъ нимъ свѣчи и вынесли вѣнцы, сердце бѣдной женщины сжалось отъ невѣдомаго страха, и она, оборотясь къ Евангеловой попадьѣ и къ стоявшимъ съ нею Синтяниной и Ларисѣ, залепетала:

— Дружочки мои, а кто же здѣсь невѣста?

— Вѣрно ты, отвѣчала ей Синтянина.

Катерина Астаѳьевна потерянно защипала свою верхнюю губу, что̀ у нея было знакомъ высшаго волненія, и страшно испугалась когда майоръ взялъ ее молча за руку и повелъ къ аналою, у котораго уже стоялъ облаченный въ ризу Евангелъ и возглашалъ: „Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно“.

Во все время вѣнчальнаго обряда, Катерина Астаѳьевна жарко молилась и плакала, обтирая слезы рукавомъ своего поношеннаго, куцаго коричневаго шерстянаго платья, межь тѣмъ какъ гривенниковая свѣча въ другой ея рукѣ выбивала дробь и лоджигала скрещенную на ея груди темную шелковую косыночку.

Обрядъ былъ конченъ, и Евангелъ первый поздравилъ майора и Катерину Астаѳьевну мужемъ и женой.

Затѣмъ ихъ поздравили и остальные друзья, а потомъ всѣ пили у Евангела чай, ходили съ нимъ на его просо и наконецъ вернулись къ скромному ужину и тутъ только хватились: гдѣ же майорша?

Исчезновеніе ея удивило всѣхъ, и всѣ бросились отыскивать ее, кто куда вздумалъ. Искали ее и на кухнѣ, и въ сѣняхъ, и въ саду, и на рубежахъ на полѣ, и даже въ темной церкви, гдѣ, думалось нѣкоторымъ, не осталась ли она незамѣтно для всѣхъ помолиться, и не залеръ ли ее тамъ сторожъ? Но всѣ эти поиски были тщетны, и гости и хозяева впали въ немалую тревогу.

А Катерина Астаѳьевна межь тѣмъ сидѣла въ неболь-

шой темной пасѣкѣ отца Евангела, и прислонясь спиной и затылкомъ къ пчелиному улью, въ которомъ изрѣдка раздавалось тихое жужжаніе пчелъ, глядѣла неподвижнымъ взглядомъ въ усѣянное звѣздами небо.

Въ такомъ положеніи отыскалъ ее здѣсь майоръ, и назвавъ ее по имени, укорялъ за безпокойство которое она надѣлала всѣмъ своею отлучкой.

Катерина Астаѳьевна, не перемѣняя положенія, только перевела на мужа глаза.

— Пойдемъ ужинать! звалъ ее майоръ.

— Форовъ! проговорила она тихо въ отвѣтъ ему, — скажи мнѣ правду: самъ ли ты это сдѣлалъ?

— Нѣтъ не самъ.

— Я такъ и думала.

— Да; это попадья меня принудила.

— Не самъ.... попадья принудила; повторила за нимъ съ разстановкой жена, и съ этимъ вдругъ громко всхлипнула, нагнула лицо въ колѣни и заплакала.

— Что же, тебѣ это обидно что ли? освѣдомился майоръ.

— Конечно обидно.... очень обидно, Форовъ! отвѣчала, качая головой, майорша. — Ты самъ въ семь лѣтъ нашей жизни никогда, никогда про меня не вспомнилъ.

— Да я никогда и не позабывалъ про тебя, Тора.

— Нѣтъ забывалъ; всегда забывалъ! Вѣрно я скверная женщина: не умѣла я заслужить у тебя вниманія.

— Полно тебѣ, Торочка! Какого же еще больше вниманія, когда ты теперь моя жена?

— Нѣтъ, это все не то: это не ты сдѣлалъ, а Богъ такъ черезъ добрыхъ людей учинилъ, чтобы сократить число грѣховъ моихъ, а ты самъ.... до сихъ поръ башмаковъ мнѣ не купилъ.

— Что за вздоръ такой? Какіе тебѣ нужны башмаки? Развѣ не у тебя всѣ мои деньги? Я вѣдь въ нихъ отчета не спрашиваю: покупай на нихъ себѣ что хочешь.

— Нѣтъ это все не то—„покупай“, а ты долженъ помнить, когда у тебя въ Крыму въ госпиталѣ на ногѣ рожа была, я тебѣ изъ моего саквояжа большіе башмаки сшила.

— Ну помню; что жь далѣе?

— Ты сказалъ мнѣ тогда что первый разъ какъ выйдешь, купишь мнѣ башмаки.

— Ну?

— Ну, и я вотъ семь лѣтъ этихъ башмаковъ прождала, когда ты ихъ принесешь, и ты ихъ мнѣ не принесъ.

— Э! полно, мать моя, глупости-то такія припоминать! Вставай-ка, да пойдемъ ужинать.

И майоръ взялъ жену за руку и потянулъ ее, но она не поднималась: она продолжала сѣтовать что ей до сихъ поръ не куплены и не принесены тѣ башмаки обѣщаніе которыхъ напоминало пожилой Катеринѣ Астаѳьевнѣ тоже не совсѣмъ молодое и уже давно минувшее время, предшествовавшее безповоротному шагу въ любви ея къ майору.

Фелитеръ Ивановичъ, чтобъ утѣшить жену, поцѣловалъ ее въ ея полусѣдую голову и сказалъ:

— Куплю, Тора! честное слово, куплю и принесу!

— Нѣтъ, я знаю что не принесешь; ты обо мнѣ не можешь думать, какъ другіе о женщинѣ думаютъ.... Да; ты не можешь; у тебя не такая натура, и это мнѣ больно за тебя.... потому что ты объ этомъ будешь горько и горько тужить.

— Ну, такъ что жь, развестись что ли хочешь, если я такой подлый?

— Какъ развестись?

— Какъ? Развѣ ты забыла что вѣдь-мы обвѣнчались?

Катерина Астаѳьевна въ послѣднія минуты своего меланхолическаго настроенія дѣйствительно позабыла объ этомъ, и при теперешнемъ шуточномъ напоминовеніи мужа о разводѣ, сердце ея внезапно вскипѣло, и она обхвативъ обѣими руками лохматую голову Форова, воскликнула глядя на небо:

— Боже мой! Боже мой! за что же Ты послалъ мнѣ грѣшной такъ много такого хорошаго счастія?

XXII. Языкъ сердца.

Майорша плакала и тужила совсѣмъ не о тѣхъ башмакахъ о которыхъ она говорила: и башмаки, и бракъ, и все прочее было съ ея стороны только придиркой, предлогомъ къ сѣтованію: душа же ея рвалась къ иному утѣшенію, о которомъ она до сегодняшняго вечера не думала и не заботилась. За то эта беззаботность теперь показалась ей ужасною и страшною: она охватила все ея существо въ эти минуты ея уединенія и выражалась въ ней тѣми прихотливыми переходами и переливами разнообразныхъ чувствъ и ощущеній какіе она проявляла въ своей бѣсѣдѣ съ мужемъ.

— Одного, говорила она, — одного только теперь я бы желала, и радость моя была бы безмѣрна.... и на этомъ словѣ она остановилась.

— Чего же это?

— Нѣтъ, Форъ, ты этого не поймешь.

— Да попробуй пожалуста.

— Нѣтъ, мой Форъ, незачѣмъ, незачѣмъ: этого говорить нельзя, если ты самъ не чувствуешь.

— Рѣшительно не чувствую и не знаю что̀ надо чувствовать, отвѣчалъ майоръ.

— Ну и прекрасно: ничего не надо. Встань съ травы, росно,—и вонъ всѣ сюда идутъ.

Съ этимъ майорша приподнялась и пошла навстрѣчу шедшимъ къ ней Евангелу, его попадьѣ, Синтяниной и Ларисѣ.

Въ походкѣ которою майорша приближалась къ пришедшимъ, легко можно было замѣтить наплывъ новыхъ овладѣвавшихъ ею волненій. Она тронулась тихо и шагомъ неслѣшнымъ, но потомъ пошла шибче и наконецъ побѣжала, и схвативъ за руку попадью, остановилась, не зная что̀ дѣлать далѣе.

Попадья поняла ее своимъ сердцемъ и заговорила:

— Это не я, душка, не я!

— Ну, такъ ты! кинулась майорша къ Синтяниной.

— И не я, Катя, отвѣчала генеральша.

— Ангелы небесные! воскликнула майорша, и прижавъ къ своимъ губамъ руки попадьи и Синтяниной, впилася въ нихъ нервнымъ, прерывистымъ и страстнымъ поцѣлуемъ, который, вѣроятно, длился бы до новаго истерическаго припадка, еслибъ отецъ Евангелъ не подсунулъ шутя своей бороды къ лицамъ этихъ трехъ скученныхъ женщинъ.

Увидавъ предъ собою эту мягкую свѣтлорусую бороду и пару знакомыхъ веселыхъ голубыхъ глазъ, Катерина Астаѳьевна выпустила руки обѣихъ женщинъ, и кинувшись къ Евангелу, прошептала:

— Ахъ, батюшка.... мнѣ такъ досадно: я хотѣла бы предъ этимъ.... исповѣдаться.... но....

— Но отпущаются тебѣ всѣ грѣхи твои, чадо, отвѣчалъ добродушный Евангелъ, кладя ей на оба плеча свои руки, которыя Катерина Астаѳьевна схватила такъ же внезапно какъ за минуту предъ симъ руки дамъ и также горячо ихъ поцѣловала.

Потомъ они съ Евангеломъ поцѣловали другъ друга, и при этомъ перешепнулись: Форова сказала: „Батюшка! простится ли мнѣ?“ а Евангелъ отвѣтилъ: „И не помянется-съ“.

И съ этимъ онъ перехватилъ ея руку себѣ подъ руку, а подъ другую взялъ генеральшу и скомандовавъ: разъ, два и три! пустился рѣзвымъ бѣгомъ къ дому, гдѣ на чистомъ столѣ готовъ былъ скромный, даже почти бѣдный ужинъ. Но было за этимъ ужиномъ шумно и весело и раздавались еще послѣ него оживленныя рѣчи, которыя не всѣ переговорились подъ кровлей Евангела до поздней ночи, и опять возобновились въ саду, гдѣ гости и провожавшій ихъ хозяинъ остановились на минуту полюбоваться тихимъ покоемъ деревьевъ, травъ и цвѣтовъ, облитыхъ блѣдножелтымъ свѣтомъ луны.

Тутъ, по знаку данному Евангеломъ, всѣ въ молчаніи стали прислушиваться къ таинственнымъ звукамъ полуночи: то что-то хрустнетъ, то вздохнетъ, шелчетъ и таетъ, и таетъ долго и чуть слышимо уху....

— Люблю эти звуки, тихо молвилъ Евангелъ,—и ухожу часто сюда послушать ихъ; а на поляхъ и у лѣсовъ, на опушкахъ, они еще чище. Гдѣ дальше человѣческая злоба, тамъ этотъ языкъ сейчасъ и звучнѣе.

Форову это дало случай возразить что онъ этой сентиментальности не понимаетъ.

— А вотъ Гёте понималъ, замѣтилъ Евангелъ; — а Іоаннъ Дамаскинъ еще больше понималъ. Припомните-ка поэму Алексѣя Толстаго: Іоаннъ говоритъ: „Неодолимый *имъ* призывъ меня влечетъ къ себѣ все болѣ: о, отпусти меня, калифъ, дозволь дышать и пѣть на волѣ“. Вотъ что̀ говорятъ эти звуки: они выманиваютъ насъ на волю пѣть изъ-подъ сарая.

— Наплевать на этакую волю, чтобы пѣть да дышать только: мнѣ больше нравятся звуки Марсельезы въ рабочихъ улицахъ Парижа, отвѣтилъ Форовъ.

— Парижъ! городъ! воскликнулъ съ кроткимъ предостереженіемъ Евангелъ.—Нѣтъ, нѣтъ; не ими освятится вода, не они раскуютъ мечи на орала! Первый городъ на землѣ сгородилъ Каинъ; онъ первый и брата убилъ. Замѣтьте,—создатель города есть и творецъ смерти: а Авель стадо пасъ, и кроткіе наслѣдятъ землю. Нѣтъ, сестры и братья, множитесь, населяйте землю и садите въ нее сѣмена, а не башенье стройте, ибо съ башенъ смѣшенье идетъ.

— А въ саду дьяволъ убѣдилъ человѣка не слушаться Бога, перебилъ майоръ.

— Да; это въ Эдемскомъ саду; но за то въ Геѳсиманскомъ саду случилось другое: тамъ Богъ самъ себя предалъ страданьямъ. Впрочемъ вы стоите на той степени развитія на которой говорится „нѣсть Богъ“, и жертвы этой понять лишены. Спросимъ лучше дамъ. Кто съ майоромъ и кто за меня?

— Всѣ съ вами, откликнулись попадья, генеральша и майорша.

Лариса вертѣла въ рукѣ одуванчикъ и молчала.

— Ну, а вы барышня? отнесся къ ней Евангелъ.

— Не знаю, отвѣчала она, покачавъ головой и обдувъ пушокъ стебелька, бросила его въ траву и сказала:—Не пора ли намъ въ городъ?

Это напоминанье было не особенно пріятно для гостей, но всѣ стали прощаться, съ сожалѣніемъ что поздно и что надо разстаться съ поэтическимъ поломъ.

Пылкая Катерина Астаѳьевна даже прямо сказала что она съ радостью просидѣла бы тутъ до утра и всю жизнь прослушала бы Евангела; но попадья отвѣтила ей:—А я его никогда не слушаю.

— Господи, какъ всѣ пары куріозно подтасовываются! воскликнула, смѣясь и усаживаясь въ экипажъ, генеральша.

— Превосходно подтасовываются-съ, превосходно-съ! отвѣчалъ ей Евангелъ.—Единомысліе не даромъ не даровано, да-съ! Тогда бы *стонъ* вся машина; тоска, скука и сонъ согласія, и заслуги миролюбія нѣтъ. Все кончено! Нѣтъ-съ, а вы тяготы другъ друга носите, такъ и исполните законъ Христовъ.

— А какъ же „возлюбимъ другъ друга“? замѣтилъ майоръ.

— А такъ: прежде „возлюбимъ другъ друга“, и тогда „единомысліемъ исповѣмы“, отвѣчалъ ему Евангелъ, пожимая руку майора и подставляя ему свою русую бороду.

— Да я ужь тебя и люблю, отвѣчалъ, обнимая его, майоръ.

И они поцѣловались, и съ тѣхъ поръ, обмолвясь на „ты“, сдѣлались тѣми неразрывнѣйшими друзьями какими мы ихъ видѣли въ продолженіи всей нашей исторіи.

Эта дружба противомышленниковъ, соединившихся въ единомысліи любви, была величайшею радостью Катерины Астаѳьевны, видѣвшей въ этомъ новую прекрасную черту въ характерѣ своего мужа и залогъ того что онъ когда-нибудь измѣнитъ свои сужденія.

XXIII. Горшокъ сталкивается съ горшкомъ.

Супружеская жизнь Форовыхъ могла слу́жить яснымъ опроверженіемъ пословицы выписанной надъ этою главой: у нихъ никогда не было разлада; они не только никогда другъ съ другомъ не ссорились, но даже не умѣли и дуться другъ на друга.

„Сто́итъ ли это того чтобы не ладить?“ говорила себѣ майорша при какихъ-нибудь несогласіяхъ съ мужемъ, и несогласія ихъ ладу не мѣшали.

„Наплевать!“ думалъ себѣ майоръ, если не удавалось ему въ чемъ-нибудь убѣдить жену, и тоже не находилъ въ этомъ никакихъ поводовъ къ разладу.

Катерина Астаѳьевна помнила слова Евангела что такъ даже и необходимо; да и въ самомъ дѣлѣ, не всѣ ли близкіе и милые ей люди несли тяготы другъ друга? Многочитанный, поэтическій и глубоко проникавшій въ самую суть вещей Евангелъ проводилъ свою жизнь съ доброю дурочкой и сдѣлалъ изъ нея Паиньку, отъ которой его однако потягивало порой въ поля, помечтать среди почныхъ звуковъ; Форовъ смирился предъ лампадами Катерины Астаѳьевны и ѣлъ ради нея цѣлые посты огурцы да картофель, а она.... она любила Форова больше всего на свѣтѣ, отнюдь не считая его лучшимъ человѣкомъ и даже скорбя о его заблужденіяхъ и слабостяхъ. Синтянина.... но эта уже несла тяготу, съ которой не могла сравниться тягота всѣхъ прочихъ; всѣ онѣ жили съ добрыми людьми, которыхъ вдобавокъ къ тому любили, а та отдала себя человѣку который былъ мстителенъ, коваренъ, холоденъ....

Глядя на Евангела, Катерина Астаѳьевна благословляла жизнь въ ея благѣ; сливаясь душой съ душой Синтяниной, она благоговѣла предъ могуществомъ воли, торжествующимъ въ святой силѣ терпѣнія, и чувствовала себя исполненной удивленія и радости о ихъ совершенствѣ, до котораго сама не мечтала достигнуть, не замѣчая что иногда ихъ даже превосходитъ.

Жизнь ея была такъ полна что она никуда не хотѣла заглядывать изъ этого мірка, гдѣ предъ нею стояли драгоцѣнные сосуды ея вѣры, надежды и любви.

Но ей былъ нуженъ и еще одинъ сосудъ, сосудъ въ который

бы лился фіалъ ея горести: этотъ сосудъ была безсодержательная Лариса.

Мы видѣли какъ майорша хлопотала то устроить, то разстроить племянницыну свадьбу съ Подозеровымъ и какъ ни то, ни другое ей не удавалось и шло какъ разъ противъ ея желаній. Когда свадьба эта была уже рѣшена, Катерина Астаѳьевна подчинилась судьбѣ, и даже мало-по-малу опять начала радоваться что племянница устраивается и выходитъ замужъ за честнаго человѣка. Она даже рвалась помогать Ларисѣ въ ея свадебныхъ сборахъ и, смиряя свое кипучее сердце, переносила холодное устраненіе ея отъ этихъ хлопотъ; но того что̀ она увидѣла на свадебномъ пиру Ларисы, Катерина Астаѳьевна уже не могла перенесть. Никѣмъ не замѣченная, она ушла домой ни съ кѣмъ не простясь; сняла, разорвавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, свое новое шерстяное платье, и легши въ постель, послала кухарку за гофманскими каплями.

Такое поведеніе майорши удивило возвратившагося черезъ часъ послѣ ея прихода мужа.

— Ночью посылать женщину за пустыми каплями!.... какая глупость! заговорилъ онъ, начиная разоблачаться.

Майорша какъ будто этого только и ждала. Она вскочила и начала майору рацею о томъ что для него жена не значитъ ничего, и что онъ можетъ-быть даже былъ бы радъ ея смерти.

— Нѣтъ; я только былъ бы радъ еслибы ты немножечко замолчала, отвѣчалъ спокойно майоръ.

— Никогда я теперь не замолчу.

— Ну, и очень глупо: ты будешь мѣшать мнѣ спать.

— А ты можешь спать?

— Отчего же мнѣ не спать?

— Ты можешь.... ты можешь спать!?

— Да, конечно могу! А ты почему не можешь?

— Потому что я не могу спать отъ мысли какое несчастіе несходная пара.

— Ну, вотъ еще!... Наплевать.

И майоръ поставилъ на стулъ свѣчу, взялъ книгу и повалился на диванчикъ.

Майорша дергалась, вздыхала, майоръ читалъ и потомъ вдругъ дунулъ на свѣчу, повернулся къ стѣнѣ и заснулъ, но не надолго.

Услышавъ что мужъ спитъ, Катерина Астаѳьевна сначала

заплакала, а потомъ мало-по-малу разошлась и зарыдала истерически.

— Что, что, что такое съ тобой? спрашивалъ съ просонья майоръ.

Она все рыдала.

— Ну, на вотъ капли, проговорилъ онъ вставъ, и подавая женѣ принесенный изъ аптеки флаконичикъ.

Катерина Астаѳьевна нетерпѣливо отодвинула его руку.

— И изъ-за чего? Изъ-за чего? ворчалъ онъ. — Люди женились, да что намъ до этого? Не хорошо они будутъ жить, опять-таки это не наше же дѣло. Но чтобъ изъ-за этого не спать ночи....

Но майорша вдругъ снова вскочила и, передразнивая мужа, заговорила:

— „Не спать ночи! Не спать ночи!“ Эка невидаль какая, не спать ночь! Вамъ это ничто: по дѣломъ вамъ что вы не спите, а за что вы людямъ-то добрымъ дни и ночи испортили?

— Кто это *мы?*

— Всѣ вы, вотъ этакіе говоруны!... Это все ты, сѣдой нигилистъ, да братецъ ея Іосафушка-дурачекъ, да его пріятели такъ Лорочку просвѣтили.

— Попъ Евангелъ же вѣдь ей другое благовѣствовалъ. Отчего же ты съ него за нее не взыскиваешь?

— Попъ Евангелъ! Нечего вамъ про попа Евангела. Вамъ до него далеко; а тутъ ни попъ, ни архіерей ничего не подѣлаютъ, когда на одного попа стало семь жидовинъ. Что отецъ добрый въ душу посадитъ, то лихой гость за одинъ разъ выдернетъ.

— Ну, ты кончила? вопросилъ, поворачиваясь въ своей постели, майоръ.

— Нѣтъ, не кончила. Вы десятки лѣтъ изъ двора во дворъ ходите да вездѣ свое мерзкое сомнѣніе во всемъ разносите, а вамъ начнешь говорить,—такъ сейчасъ въ минуту и кончи! Вѣрно правда глазъ колетъ.

— Я спать хочу.

— А я тебѣ, сѣдой нигилистъ, говорю что ты не долженъ спать, что ты долженъ стать на колѣни, да плакать, да молиться, да говорить: отпусти Боже безуміе мое и положи храненіе моимъ устамъ!

— Ну, ужь этого не будетъ

— Нѣтъ будетъ, будетъ, если ты не загрубѣлая тварь, ко-

торой не касается человѣческое горе, будетъ, когда ты увидишь что̀ у этой пары за жизнь пойдетъ и вспомнишь что во всемъ этомъ твой вкладъ есть. Да, твой, твой,—нечего головой мотать, потому что еслибы не ты, она либо братцевымъ ходомъ пошла, и тогда намъ не было бы до нея дѣла; либо она была бы простая добрая мать и жена, и создала бы и себѣ и людямъ счастіе, а теперь она что̀ такое?

— Чортъ ее знаетъ что̀?

— Именно чортъ ее знаетъ что̀: всякаго сметья по лопатѣ и отъ всѣхъ воротъ поворотъ; а отцы этому дѣлу вы. Да, да, нечего глаза-то на меня лупить; вы не сорванцы, не мерзавцы, а добрые болтуны, неряхи словесные! Вы хуже негодяевъ, вреднѣе, потому что тѣхъ какъ познаютъ, такъ въ три шеи выпроводятъ, а васъ еще жалѣть будутъ.

— Кончила?

— Нѣтъ, да ты и не надѣйся чтобъ я кончила.

— А это другое дѣло! сказалъ майоръ, и присѣвши на свой диванъ, началъ обуваться.

— Что̀ это: ты хочешь уйти? вопросила его майорша.

— Да; больше ничего не остается.

— И уходи, батюшка,—не испугаешь; а что̀ сказано, то свято.

— Ты сумашедшая баба.

— Нѣтъ; я не сумашедшая, а я знаю о чемъ я сокрушаюсь. Я сокрушаюсь о томъ что васъ много, что во всякомъ поганомъ городишкѣ дома одного не осталось куда бы такой короткобрюхій сверчокъ, въ родѣ тебя, съ рацеями не бѣгалъ, да не чирикалъ бы ихъ изъ-за печки съ малыми дѣтями! напирала майорша на Фелитера Ивановича, вставъ съ своего ложа. — Ну, куда ты собрался! и майорша сама подала мужу его фуражку, которую майоръ нетерпѣливо вырвалъ изъ ея рукъ и ушелъ, громко хлопнувъ дверью.

— А на дворѣ дождь, сказала возвратясь назадъ кухарка, запиравшая за майоромъ калитку.

— Дождь? зимой дождь? Да, правда весь день была оттепель и моросило.

Катерина Астаѳьевна присѣла и стала слушать какъ капли дождя тихо стучали по ставнямъ: точно гдѣ-то невдалекѣ просо просѣвали.

Въ такомъ положеніи засталъ ее и возвратившійся черезъ часъ, весь измокшій, майоръ.

Онъ вошелъ нѣсколько запыхавшись и, снявъ съ себя мок-

рое пальто и фуражку, прямо присѣлъ на край женниой постели и проговорилъ:—Знаешь, Торочка, какія дѣла?

— Нѣтъ, Фоша, не знаю; но только говори скорѣй, Бога ради, а то сердце не на мѣстѣ. Ты *тамъ* былъ?

— Да; почти....

— Сними, дружокъ, скорѣй сапоги, а то они небось мокры.

— Нѣтъ, ты слушай что̀ было. Я вышелъ злой и хотѣлъ пройти вокругъ квартала, какъ вдругъ мнѣ на встрѣчу синтянинскій кучеръ: пожалуйте, говоритъ, къ генералу,—очень просятъ.

— Ну! что̀ у нихъ?

— Ничего.

— Да что̀ ты врешь: какъ ничего?

— Нѣтъ, ты слушай. Я былъ у Синтянина, и выхожу, а дождь какъ изъ ведра, и вѣтеръ, и темь, и снѣгъ мокрый вмѣстѣ съ дождемъ—словомъ халепа, а не погода.

— Бѣдный!

— Нѣтъ, ты слушай: не я самый бѣдный. Выхожу я на улицу, а впереди меня идетъ человѣкъ.... мущина....

— Ну, мущина?

— Да; въ шинели, высокій.... идетъ тихо и вдругъ подошелъ къ углу и этакъ „фю-фю-фю“, посвисталъ. Я смотрю, что̀ это такое?... А онъ еще прошелъ, да на другомъ углѣ опять: „фю-фю-фю“, да и на третьемъ такъ же и на четвертомъ. Кой, думаю себѣ, чортъ: кто это такой и чего ему нужно? да за нимъ.

— Ахъ, Форовъ, зачѣмъ ты это?

— А что̀?

— Онъ могъ тебя убить.

— Ну, вотъ же не убилъ, а только удивилъ и потѣшилъ. Вижу я что онъ вошелъ на Висленевскій дворъ, и я за нимъ, и халъ его за полу: Что̀ молъ вамъ здѣсь угодно? А онъ ... однимъ словомъ, узнаешь кто это былъ?

— Боюсь что узнаю.

— И я боюсь что ты узнала: это былъ Андрей Подозеровъ.

Катерина Астаѳьевна только рукой хлопнула по постели.

— Поняла? спросилъ ее мужъ.

— Да, да, я все поняла, на своемъ пиру да безъ послѣдняго блюда.

— Я ему сказалъ что если онъ не возметъ ее отсюда и не уѣдетъ съ нею въ такое мѣсто гдѣ бы она была съ нимъ одна и гдѣ бы онъ могъ ее первоспитать....

Но майорша на этомъ словѣ зажала мужу ротъ и сказала:— Замолчи, сдѣлай свое одолженіе: я не могу этого слушать. Какое перевоспитаніе? Когда мужу перевоспитывать? Это вздоръ, вздоръ, вздоръ! Хорошо перевоспитывать женъ князьямъ да графамъ, а не бѣднымъ людямъ, которымъ надо хребтомъ хлѣба кусокъ доставать.

— Да и уѣхать-то еще на горе нельзя!

— И слава Богу.

— Нѣтъ; бѣда!

— Да говори пожалуста сразу.

— Синтянинъ получилъ изъ Питера важныя вѣсти. Очень важныя, очень важныя. Я всего не знаю, и того что̀ онъ мнѣ сообщилъ сказать не могу, но вотъ тебѣ общее очертаніе дѣлъ: Синтянинъ не простилъ своего увольненія.

— Я такъ и думала.

— Нѣтъ; не простилъ! Онъ какъ кротъ копался и лежа долго на постели, прокопалъ удивительные ходы. Ты знаешь кто ему ногу подставилъ что онъ полетѣлъ? Это сдѣлалъ Гордановъ!... Теперь понимаешь какой гусь сей мерзавецъ Гордановъ? Но они ужь очень заручились и зазнались: Бодростина изъ Парижа въ Петербургъ святою пріѣхала: Даніила пророка вызываетъ къ себѣ; мужъ ея чуть въ Сибирь не угодилъ, и въ этой святой да въ Гордановѣ своихъ спасителей видитъ, а Гордановъ.... Да онъ тоже слишкомъ уже полагается на свое, такъ-сказать, сверхъестественное положеніе.... Синтянина не надуешь; онъ все пронюхалъ и онъ правъ: они не могли все это даромъ дѣлать, по любви къ искусству, нѣтъ; ихъ манитъ преступленіе, большое, страшное и выгодное....

— Да говори, Форочка, говори: вѣдь я не болтунья.

— Синтянинъ думаетъ.... что они хотятъ извести Бодростина и....

— И что̀ еще?

— И не своими руками, а....

— Шепни, дружокъ, шепни.

— Тутъ Іосафъ и Лариса должны быть на смѣтѣ.

— Іосафъ и Лариса!... и Лора!

— Ну, такъ онъ говоритъ.

— О! онъ старый воробей: его не обманешь; но если Гордановъ то что̀ ты сказалъ, такъ они все совершатъ, и его не уловишь.

— Гордановъ то самое что̀ я сказалъ. Но ждать не долго.

Бодростина, Бодростинъ, Гордановъ и дурачокъ Іосафъ всѣ завтра будутъ сюда, и мы посмотримъ кто кого: мы ихъ, или они насъ?

— Да ты что же, Форовъ?... Неужто ты съ Синтянинымъ вмѣстѣ?

— Фуй!... Богъ меня оборони! И майоръ перекрестился и добавилъ:—Нѣтъ; теперь нѣтъ союзовъ, а всѣ на ножахъ!

Но Катерина Астаѳьевна не слыхала этихъ послѣднихъ словъ. Она только видѣла что ея мужъ перекрестился, и погруженная въ свои мысли, не спала всю ночь, ожидая утра, когда можно будетъ идти въ церковь и потомъ на смертный бой съ Ларисой.

Н. ЛѢСКОВЪ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

РОССІЯ

ПОДЪ ПЕРОМЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА

СОВРЕМЕННЫЯ ПИСЬМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Графъ Прокопій Александровичъ Ессентукскій родился въ одинъ изъ годовъ нынѣшняго столѣтія и родился благополучно. Родившись, кушалъ молоко отъ кормилицы, кричалъ много и очень рано сталъ подавать великія надежды.

Впрочемъ до двѣнадцатилѣтняго возраста ничего особеннаго не происходило съ молодымъ графомъ Прокопіемъ. Перебывало много гувернантокъ, а потомъ гувернеровъ, и къ началу тринадцатаго года, вслѣдствіе всего этого, юный графъ умѣлъ читать по-французски очень хорошо, по-нѣмецки отлично, по-русски съ грѣхомъ пополамъ, думать же умѣлъ онъ только по-французски.

Потомъ началось серіозное воспитаніе. Оно продолжалось до семнадцати лѣтъ, въ стѣнахъ какого-то корпуса, потомъ какого-то лицея, потомъ опять какого-то корпуса. Перемѣны эти происходили отъ вопроса, долго не разрѣшавшагося авторами дней графа Прокопія: къ чему онъ призванъ, къ военной или гражданской службѣ? Военная однакожь перетянула, чему много способствовалъ весьма убѣдительный аргументъ одного изъ дядей графа Прокопія, разсуждавшаго такъ: „во-

енные люди на все способны, а штафирки дрянь," и вотъ семнадцати лѣтъ графъ Проколій, окончивъ свое воспитаніе, былъ офицеромъ гвардіи и слѣдовательно полноправнымъ гражданиномъ. Тутъ опять началась жизнь въ которой ничего особеннаго не происходило, за исключеніемъ великихъ надеждъ, которыя продолжалъ подавать графъ, не только старому графу-отцу, не только танцовавшимъ съ нимъ дамамъ, но даже самому себѣ.

Графъ читалъ книги иногда даже съ удовольствіемъ, но съ толкомъ рѣдко, говорилъ по-русски съ товарищами по полку и, несмотря на корнетскій чинъ, сиживалъ въ театрѣ въ первомъ ряду креселъ, гдѣ въ антрактахъ балета или оперы, подъ впечатлѣніемъ спектакля и болѣе или менѣе оживленныхъ разговоровъ о предметахъ серіозныхъ, смутно подумывалъ и о Россіи и какъ будто представлялъ себя въ довольно интимныхъ съ нею отношеніяхъ.

Затѣмъ нашедши, и быть-можетъ не безъ основаній, что военная служба не представляетъ собою ничего особеннаго въ мирное время, и что не довольно скоро осуществлялись надежды, которыя онъ подавать сталъ отъ груди кормилицы, графъ Проколій взглянулъ снисходительно на службу штатскую, и въ галстукѣ съ воткнутою въ оный красивою булавкой находилъ прелести почти столько же, сколько въ гвардейскомъ мундирѣ.

Это обстоятельство болѣе другихъ побудило его къ переходу въ гражданскую службу. Переходъ состоялся. Галстуки и булавки были куплены, рубашки сидѣли отлично, фракъ былъ идеаленъ, а служба министерства была такъ же легка какъ куреніе хорошихъ сигаръ. Тутъ Россія стала къ графу Проколію въ отношенія еще болѣе фамиліарныя, а камеръ-юнкерскій мундиръ придалъ этой фамиліарности то что̀ Французы называютъ beaucoup d'applomb.

Кстати подоспѣла крестьянская реформа. Графъ поѣхалъ въ деревню, и окунулся въ міръ о которомъ зналъ только по слухамъ что живутъ тамъ kakie-то мужики, а мужики эти des крѣпостные и не совсѣмъ счастливы. Изъ деревни онъ поѣхалъ въ губернскій городъ: тамъ узналъ что̀ такое губернаторъ и что̀ такое губернскій крестьянскій комитетъ; съ тѣмъ и другимъ познакомился за обѣдами. Губернаторская власть ему понравилась, въ особенности потому что губернаторъ вездѣ предсѣдалъ, имѣлъ жандарма въ передней, и могъ говорить все что̀ хотѣлъ, съ полнымъ убѣжденіемъ что говоритъ хорошо и что всѣ его слушаютъ.

Все это вмѣстѣ побудило его сказать себѣ: mon cher Prosore, ты долженъ быть губернаторомъ! И вотъ, о удивленіе, графъ Проколій толкуетъ о крестьянскомъ вопросѣ ничуть не застѣнчивѣе самого губернатора; слова: надѣлъ, усадьба, огородъ, тягло такъ и льются изъ него безъ зацѣпки одно о другое; онъ управляется съ ними съ такою же легкостью съ какою три года

назадъ опредѣлялъ различіе между абиссинскимъ и патагонскимъ ла въ балетѣ, только послѣднее онъ мило и сладострастно подлѣвалъ на ухо разнымъ тайнымъ совѣтникамъ, а первыя онъ выливалъ съ достоинствомъ и важностью предъ членами крестьянскаго комитета. На пути въ Петербургъ, графъ Прокопій рѣшилъ важный вопросъ: онъ сознался себя эмансипаторомъ и довольно либеральнымъ.

Затѣмъ на первой ло возвращеніи мазуркѣ графъ Прокопій сѣлъ такъ что за нимъ двѣ вліятельныя дамы могли слушать его рѣчи, и лока дама съ которою онъ танцовалъ выслушивала съ безмолвнымъ пораженіемъ всѣ провинціальные очерки графа Прокопія, сзади сидѣвшія вліятельныя дамы слушали en connaissance de cause, ничему не удивлялись по принципу, а къ концу мазурки рѣшили что графъ Прокопій подаетъ великія надежды, и что такого человѣка надо и пуссировать и муссировать.

Черезъ три дня, графъ Прокопій сидѣлъ въ гостиной этихъ двухъ дамъ, и ораторствовалъ, между тремя и четырьмя часами, о судьбахъ Россіи, о помѣщикѣ каковъ онъ былъ во дни оны, объ администраціи вообще, и о министрѣ своемъ въ особенности. Отвѣчалъ онъ на всѣ вопросы съ изумительною полнотой, и доказавъ этимъ дамамъ что эмансипація давно уже имъ вся передумана и рѣшена во всѣхъ подробностяхъ и что après tout le „выкупъ“ единственное средство выйти изъ нея съ честью и славой, графъ Прокопій всталъ и уходя понялъ что великія надежды имъ поданныя начинаютъ оправдываться съ быстротой молніи.

Черезъ семь дней послѣ этого, графу Прокопію предложили быть вице-директоромъ гдѣ-то. Онъ задалъ себѣ вопросъ: не слишкомъ ли это мало? но все-таки принялъ и вступилъ въ должность съ тѣмъ неглиже въ отвагѣ и рѣшимости которое даже на директора произвело впечатлѣніе весьма пріятное.

Пріятное это впечатлѣніе директора продолжалось не долго. Директоръ испыталъ непріятное впечатлѣніе смерти, а графъ Прокопій получилъ пакетъ, изъ котораго узналъ о своемъ повышеніи. Онъ улыбнулся и принялъ это повышеніе съ тѣмъ же чувствомъ съ какимъ Юрій Цезарь принялъ титулъ императора! Когда же ему сказали что въ какой-то гостиной, кто-то скептически отнесся къ его способностямъ, графъ Прокопій улыбнулся презрительно и сказалъ: „les jugements des hommes sont comme eux, toujours injustes et toujours malveillants“ *, а въ другой разъ пожалъ плечами и произнесъ: „errare humanum est.“

Графъ Прокопій женился, кругъ дѣятельности его расширился, онъ сталъ особой. И вотъ однажды, въ разговорѣ въ одной изъ петербургскихъ гостиныхъ большаго свѣта, онъ сообщилъ что отлично знаетъ Россію, ибо изучилъ ее во время

---

* Сужденія людей, подобно имъ самимъ, всегда несправедливы и всегда злы!

сдѣланнаго имъ объѣзда въ теченіе семнадцати дней. Какъ подобаетъ интеллектуальному человѣку, графъ писалъ свои путевыя замѣтки, и писалъ ихъ въ формѣ писемъ своему полуприятелю и полуподчиненному. * Счастливый случай сдѣлалъ насъ обладателями этихъ писемъ. Убѣдивши графа въ томъ что это сокровище бросаетъ новый свѣтъ на Россію, напоминаетъ собою замѣтки Токвиля объ Америкѣ, и безъ сомнѣнія будетъ способствовать къ развитію науки отечествовѣдѣнія, мы получили позволеніе эту переписку предать гласности.

I.

Москва, прямо съ желѣзной дороги, 16го (17го) мая.

И такъ я уѣхалъ? Но зачѣмъ? Ma foi je me suis laissé dire что въ Россіи что-то произошло новаго и что après tout надо составить себѣ о ней цѣльное и единое представленіе! Итакъ я призванъ взглянуть sur ce pays, которому (pays муж. рода) судьба дала названіе Россіи. Закрываю глаза и вижу сію страну развалинъ и опустошенія, о которой *нѣсколько* журналистовъ и *нѣсколько* Русскихъ, никогда не видѣвшихъ вблизи цивилизаціи въ Европѣ, говорятъ какъ о народѣ перерождающемся для великаго будущаго. Странная фикція, грустная иллюзія. Не будь я ce que je suis, я бы могъ, не выходя изъ моего кабинета, написать все что̀ увижу, и сочинить цѣлый трактатъ о государствѣ Россійскомъ и о его судьбахъ! Но я ѣду, и если новаго ничего не увижу, виноватъ буду не я!

Проводивъ меня, задали ли вы себѣ вопросъ который мнѣ пришелъ въ голову въ ту минуту когда поѣздъ трогался: множество народа, толпившееся на дебаркадерѣ, публика ли, или просто толпа? Публика въ Европѣ вѣдь единица, иногда пассивная, иногда активная; но у насъ? Qu'en pensez vous? У насъ, сколько мнѣ кажется, эта толпа вездѣ и всегда весьма не кстати; въ дорогѣ вообще еще болѣе чѣмъ гдѣ-либо, ибо мѣшаетъ думать, наблюдать и сосредоточиваться; вотъ почему, да извинитъ мнѣ рус-

---

* Въ петербургскомъ чиновничьемъ мірѣ есть категорія людей которые къ каждому мало-мальски значущему графу или князю относятся полуприятельски и полуподчиненно, въ силу подчиненія не іерархическаго, а добровольнаго, неизвѣстно чѣмъ вызываемаго. Обыкновенно это бываетъ вслѣдствіе робости и смиренія, одного, и ничѣмъ не стѣсняемой безцеремонности другаго. Графъ же Прокопій, когда писалъ эти письма, давно уже ничѣмъ не стѣснялся.

ская публика, я сѣлъ въ особо приготовленное для меня отдѣленіе! Какъ люди наивны! Встрѣтилъ на дебаркадерѣ А. Н., который узнавъ зачѣмъ я ѣду и куда я ѣду, предложилъ мнѣ свои услуги, увѣряя что имѣетъ много свѣдѣній о Россіи. Я улыбнулся въ отвѣтъ на такое предложеніе, но такъ чтобъ онъ могъ понять что есть люди которые въ этихъ услугахъ могутъ и не нуждаться. Но чтобъ его не обидѣть и pour sauver les apparences, я обѣщался его выслушать и даже прибавилъ что эти свѣдѣнія для меня—неоцѣнимое сокровище. И сдержалъ слово.

Между двумя большими станціями, пригласилъ въ свой вагонъ А. Н. для разговора. Нашелъ его, какъ многихъ — полнымъ иллюзуарныхъ свѣдѣній о Россіи! „Вы, подъ вліяніемъ всего что̀ видите и слышите, живя въ Россіи, составили себѣ пристрастныя убѣжденія,“ сказалъ я ему. Бѣдные такіе люди! какъ легка надъ ними побѣда мысли! Vale! Пишите и пишите!

II.

18го мая, Москва.

Я въ Москвѣ, но Москва не во мнѣ. Знаете что̀ сіе значитъ? Что я смѣю не любить Москвы: тамъ черезчуръ силенъ запахъ тулупа, а отъ него до Азіи не далеко. Въ то же время я нашелъ что есть что-то претендующее на дикую свободу, что̀ мнѣ не нравится въ движеніяхъ людей, въ ихъ образѣ мыслей и въ ихъ рѣчахъ.... Удивлялись тому что я въ Москвѣ, но еще болѣе удивились тому что я призналъ нужнымъ поѣхать по Россіи, съ тѣмъ чтобъ ее изучить. Тѣмъ которые удивлялись, я далъ понять что дѣлаю это изъ снисхожденія къ нѣкоторымъ нуждамъ которыя у насъ находятъ своевременнымъ признать общественными. Люди офиціальные показались мнѣ corrects, люди не офиціальные или слишкомъ красными или слишкомъ мало Европейцами; слово Россія и Русскій у нихъ черезчуръ часто на языкѣ! Это признакъ несомнѣнный того что главное вмѣстилище болѣзни носящей имя—національная политика—есть Москва. Нѣмецъ въ Москвѣ se sent mal à son aise, тогда какъ у насъ въ Петербургѣ онъ и всякій представитель образованнаго Запада чувствуютъ что имъ воздаютъ должное. Пора Москвѣ испытывать благодѣтельное гуманитарное и гуманизирующее вліяніе желѣзныхъ дорогъ. Мнѣ сказали впрочемъ что ожидать этого трудно *пока*; ибо движеніе къ Мос-

квѣ изъ Россіи сильнѣе чѣмъ изъ Москвы въ Петербургъ. Жаль что не наоборотъ.

Обѣдалъ въ клубѣ. Обѣдъ хорошъ. Отклонилъ всякое чествованіе моего присутствія, какъ гостя. Признаюсь что недовѣріе къ языку Москвичей было причиной сего отказа. Москва слишкомъ живетъ нараспашку, а потому не сознаетъ отчетливо что̀ можно и чего нельзя сказать.

Ея старички ѣдятъ много, надѣваютъ на себя салфетки съ подбородка; слышатъ дурно, похожи на крѣпостниковъ, хотя въ сущности замерзли въ дорогѣ, кто между 30мъ и 40мъ, кто между 40мъ и 50мъ годомъ нашего вѣка. Они всегда отдѣльно обѣдаютъ отъ людей средняго возраста и тщательно осматриваются чтобы какъ можно дальше быть отъ людей молодыхъ. Они ищутъ робко лукаваго взгляда крѣпостнаго слуги кругомъ себя и грустятъ о томъ что его нѣтъ.

Средніе возрастомъ люди не имѣютъ ни нашей умѣренности, ни нашего умѣнья лавировать между двумя крайними точками—либерализмомъ и консерватизмомъ; это неумѣнье я приписываю тому что они въ Москвѣ, куда звуки нашего камертона доходятъ гораздо слабѣе. Есть люди серіозно говорящіе о земствѣ: ils en sont encore là! эти люди не читали, разумѣется, ни Маколея, ни Токвиля, и не видали вблизи ни Франціи, ни Англіи! Они мечтаютъ о политической роли какого-то сословія именуемаго образованнымъ; другіе называютъ это сословіе — землевладѣльцами. Эти люди выпытывали отъ меня мои взгляды. Я далъ имъ понять себя настолько чтобы не было большой рѣзкости между ихъ фикціями и моими убѣжденіями. Они очень удивлены были, поражены даже тѣмъ что въ иныхъ вопросахъ я очень либералъ, и держусь принципа laissez-faire; но сказалъ имъ прямо и ясно что внѣ аристократическаго элемента не признаю никакого передоваго движенія прочнымъ. Я особенно желалъ высказать это краеугольное мое воззрѣніе, такъ какъ обращался къ слушавшимъ меня двумъ, тремъ руссофиламъ или славянофиламъ, которые изъ народа дѣлаютъ основу и сущность соціальнаго положенія Россіи.

Молодыхъ людей мнѣ было жаль; они готовятъ себѣ грустные дни въ будущемъ. Для нихъ не существуетъ ни срока службы, ни почтенной личности, ни авторитета мыслителей исторіи всемірной цивилизаціи; они считаютъ себя равными намъ съ вами и какъ будто анализируютъ то что̀ мы говоримъ. Все это не обѣщаетъ много хорошаго. Если отъ меня

зависѣло, я все бы сдѣлалъ чтобы отвлечь молодежь отъ политики, даже поощрялъ бы долги и kутежъ. Лучше видѣть ихъ въ похмѣльѣ отъ вина, чѣмъ въ опьяненіи отъ собственныхъ рѣчей и бредней. Въ Москвѣ есть kупцы съ образованіемъ, но безъ цивилизаціи! Они тоже тянутъ національную ноту. Явленіе это ново! Намотайте его себѣ на усъ. Vale!

III.

Отвѣтъ на письма I и II.

Петербургъ.

Ваше сіятельство,

Вчера и нынче имѣлъ удовольствіе получить ваши два дорогія письма, отъ 17го и 18го мая, на которыя спѣшу отвѣтить.

Поистинѣ вы совершаете хорошее дѣло! Всѣ ѣдутъ отдыхать по дачамъ и за границу, а вы ѣздите по Россіи съ тѣмъ чтобъ ее изучать, когда притомъ такъ хорошо ее знаете!

На вашъ вопросъ о публикѣ не знаю что̀ сказать? Единства у насъ вообще мало между людьми; оттого-то, какъ вы изволили замѣтить, у насъ много людей иногда собирается въ извѣстномъ мѣстѣ, но это множество не есть публика. И слава тебѣ Господи что такъ!

Преполитично изволили поступить съ А. Н.; ужь гдѣ ему соваться со свѣдѣніями о Россіи!

Въ Москвѣ я никогда не былъ, но думаю, какъ вы, что она ничѣмъ особенно не замѣчательна, и что Нѣмцамъ тамъ дѣйствительно не такъ хорошо какъ у насъ. Но дастъ Богъ желѣзныя дороги помогутъ желанію вашего сіятельства насчетъ Москвы осуществиться.

Гдѣ ей читать kакого-нибудь Маколея или Токвиля, помилуйте, когда еле-еле можетъ справиться съ своимъ земствомъ. Воображаю kакое удивленіе, скажу больше, благоговѣніе возбудили взгляды ваши: уже это одно такая значительная польза! Да! нельзя не жалѣть молодыхъ людей; вотъ и здѣсь подчасъ вижу такихъ kоторые осмѣливаются разсуждать насчетъ самыхъ почтенныхъ лицъ; ужь видно вѣкъ такой. Какъ вѣрны послѣднія ваши строки, насчетъ того что лучше видѣть молодежь въ похмѣльѣ отъ вина, чѣмъ въ опья-

неніи отъ собственныхъ мыслей. Я всегда говорю что всякія собственныя мысли, у молодыхъ въ особенности, не что̀ иное какъ вино, которое или опьяняетъ, или одуряетъ, и въ обоихъ случаяхъ вредно и опасно.

Что̀ сказать вамъ о насъ грѣшныхъ? Какъ ваше сіятельство уѣхали, стало грустно, но можете быть увѣрены что духъ вашъ вездѣ и во всемъ пребываетъ съ нами. Вездѣ кругомъ, слава Богу, тихо, толковъ какихъ-нибудь особенныхъ не слыхать. Вчера встрѣтилъ лишь князя П., но особеннаго ничего они не сказали. Если будутъ дѣла деликатныя или такія которыя требуютъ общихъ политическихъ соображеній, отложу ихъ до пріѣзда вашего сіятельства.

Вы спрашиваете меня что̀ говорятъ о вашей поѣздкѣ? Кромѣ отзывовъ уважительныхъ и слѣдовательно хорошихъ, ничего не слышно; газеты пока молчатъ. Впрочемъ сказывали мнѣ что въ клубѣ были разныя шуточки насчетъ этого: такъ напримѣръ В. увѣрялъ что будто бы цѣль вашей поѣздки — узнать не говоритъ ли кто-нибудь лучше васъ въ Россіи. Но вѣрьте, ваше сіятельство, это только одна зависть: всѣмъ не угодишь.

Жена, дѣти, всѣ чтущіе ваше сіятельство и я первый изъ нихъ кланяемся съ преданностью.

IV.

Москва, 19го мая.

Былъ на обѣдѣ у Г. Цѣль этого обѣда была доказать мнѣ что есть дѣятели земства. Ихъ было, кажется, четыре; и другъ на друга удивительно хмурились. Наивность во всемъ и изумительная самоувѣренность—ихъ отличительныя черты. Они говорятъ о хлѣбныхъ магазинахъ, о земскихъ школахъ, о земскихъ банкахъ, какъ говорятъ у насъ въ Петербургѣ о вопросахъ изъ области всемірнаго интереса; они думаютъ что всякій изъ насъ ничѣмъ другимъ не озабоченъ какъ пустяками изъ земскаго хлама, и что нельзя быть Русскимъ, не зная что въ Подольскѣ магазины въ порядкѣ, а въ Верее земство нуждается въ банкѣ! Въ этомъ ихъ наивность. Мнѣ было ихъ жаль! Они въ полномъ убѣжденіи что открыли Америку, повозившись три года въ своихъ управахъ и собраніяхъ. Слова: народное благо, общественный интересъ

начинаютъ и кончаютъ каждую фразу. Въ этомъ ихъ изумительная самоувѣренность. Ils ont l'air de nous avoir pris ce que nous leur avons donné, c'est le plus grand de leur ridicule*.

Въ отвѣтъ на ихъ краснорѣчіе о школахъ, о потребностяхъ въ кредитѣ, объ улучшеніи крестьянскаго быта, я поставилъ вопросъ прямо и точно, и такъ точно что очевидно ихъ озадачилъ и отвѣта не получилъ. Изъ этого заключилъ что узнавать Россію c'st presque de la naiveté (почти наивность): надо прежде еще ее учить понимать тѣ вопросы которые мы ей задаемъ и изъ которыхъ слагается наука ея управленія. Вопросъ былъ слѣдующій: *Гдѣ кончается фикція и начинается фактъ въ области земства?* Другими словами: гдѣ земство дѣлаетъ и гдѣ оно думаетъ что дѣлаетъ? Когда мнѣ говорятъ про сельскую школу, я спрашиваю про кабакъ, и когда узнаю что кабакъ есть, я спокоенъ, ибо знаю что школой завершается фикція, а кабакомъ начинается фактъ. Вотъ какъ à la rigueur изучаютъ государственную жизнь народа, сказалъ я имъ въ заключеніе.

Въ концѣ обѣда, я задалъ другой вопросъ тѣмъ которые показались мнѣ умнѣе: *Крестьянское сословіе, есть ли оно активное или пассивное орудіе той тенденціозности въ оспариваніи у администраціи ея моральнаго и матеріальнаго авторитета которая есть отличительная черта корпоративнаго единенія всякаго земства?* Вопросъ сей раздѣлилъ призванныхъ къ отвѣту на два лагеря: одни очень наивно отвергли присутствіе всякой будто бы тенденціозности въ земствѣ и сдѣлали намъ честь назвать себя помощниками и сотрудниками правительства; другіе, вѣроятно не понявъ вопроса, ont fait volte face (свернули внезапно) и начали мнѣ повѣствовать о какомъ-то политическомъ тактѣ мужиковъ и умѣньи ихъ обсуждать земскіе вопросы въ средѣ земства. Само собою разумѣется что 19е февраля и все что̀ съ этимъ datum immortale связано, играло главную роль въ апологіи крестьянъ, какъ политическихъ дѣятелей. Болѣе и такъ-сказать глубже я окунулся въ Москву за этимъ обѣдомъ. Люди говорившіе, казалось мнѣ, живутъ въ счастливомъ забвеніи и того что мы въ Петербургѣ наживаемъ сѣдину заботами о благѣ Россіи, *но Россіи не какъ Московіи, а какъ государства*

---

* Они какъ будто взяли у насъ силой то что̀ мы имъ дали; въ этомъ главная смѣшная ихъ сторона.

Европы, и того что всѣ эти вопросы перебывали во всѣхъ умахъ европейскихъ мыслителей и народовъ. Они рѣшаютъ вопросы и не любопытствуютъ знать рѣшили ли мы ихъ, рѣшила ли ихъ Европа. Каждый говоритъ за интересы земства считаетъ себя или маленькимъ Петромъ Великимъ или, какъ я сказалъ, маленькимъ Колумбомъ.

Москва представляется мнѣ средоточіемъ всѣхъ умственныхъ малостей Россіи. C'est l'enfant chéri et l'enfant terrible des gens de la province, qui abusant de leur ignorance, s'est arrogé le droit de parler politique en leurs noms.*

Впрочемъ пускай себѣ шалитъ она на здоровье, лишь бы намъ съ вами не мѣшала!

Вообще все то что̀ я въ Москвѣ слышалъ отъ такъ-называемыхъ „умныхъ русскихъ людей“ раздѣлилось въ умѣ моемъ на двѣ категоріи. Въ первую входитъ то что̀ въ своей сущности я уже зналъ, но зналъ съ бо́льшимъ безпристрастіемъ и большею многосторонностью чѣмъ знаютъ они въ Москвѣ, грѣша всегда пристрастіемъ къ тому что̀ они называютъ интересами края, а что̀ au fond есть не что̀ иное какъ неломо́рныя требованія среды не достаточно озаренной лучами западнаго солнца. Ко второй категоріи я отношу то чего я не зналъ и что̀ мнѣ говорено было съ цѣлью чтобъ я узналъ. Вотъ здѣсь-то я нашелъ умы этихъ народныхъ дѣятелей бѣдными, жиденькими, болѣзненно раздражительными и черезчуръ крикливыми. Я кое-что узналъ, но ничему не научился; ничто не поколебало моего политическаго катехизиса, ничто не измѣнило ни на іоту моихъ познаній о Россіи. Я имъ доказываю абсолютную несостоятельность волостнаго суда, какъ учрежденія дисгармонирующаго съ общимъ настроеніемъ государственнаго правосудія, а они мнѣ разказываютъ какія-то чудеса про такой-то или другой волостной судъ. Я требую отмѣны этого учрежденія, съ точки зрѣнія государственной необходимости, то-есть государственнаго разума, а они говорятъ о какихъ-то заявленіяхъ сдѣланныхъ крестьянами въ пользу предоставленія имъ права на судъ мировой, etc. etc.

---

* Это въ одно время и тальное, и возлюбленное дитя русскихъ провинціаловъ, которое, пользуясь ихъ невѣжествомъ, присвоило себѣ право говорить о политикѣ и злоупотреблять этимъ мнимымъ уполномочіемъ.

Что̀ изъ такихъ примѣровъ вывести? Одно лишь: вторая категорія того что̀ мнѣ было говорено не есть что-либо для меня новое въ существѣ своемъ: это только видоизмѣненныя формы давно извѣстнаго, робкіе приступы къ предметамъ съ которыми мы обращаемся смѣло, это проявленія неумѣнья подходить къ вопросамъ и представлять ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ, однимъ словомъ, это дѣтство и отрочество того человѣка который достигаетъ совершеннолѣтія и зрѣлости, когда изъ узкой рамки національнаго дѣятеля выступаетъ на широкое поприще всемірнаго мыслителя.

V.

Между Москвой и К., 20го 21го мая, деревня, волость община, крестьянское самоуправленіе, и т. д.!

Переходъ, повидимому, рѣзкій отъ Москвы къ деревнѣ, во всей ея неблаговидной наготѣ, навелъ на меня грусть, потому что я съ усиліями искалъ этой рѣзкости и не нашелъ ее!

Русская деревня вообще показалась мнѣ картиной втораго акта той комедіи которой первый актъ я видѣлъ въ Москвѣ. Тамъ завязка, тамъ группа дѣйствующихъ лицъ, говорящихъ и дѣйствующихъ для того чтобы подготовить зрителя къ необходимости признать жизнь въ картинѣ втораго дѣйствія, и въ тѣхъ лицахъ которыя, подъ новымъ именемъ „крестьянъ“ имѣютъ значеніе общественной силы не въ себѣ, но въ томъ что̀ имъ приписываютъ Москва и Москвичи.

Занавѣсъ втораго акта поднялся на той станціи желѣзной дороги гдѣ я вышелъ чтобы навѣстить графа NN. и исполнить одну изъ важнѣйшихъ задачъ моего труда, взглянуть на крестьянскій бытъ, рѣшить самому на чьей сторонѣ правда, на той ли которая признаетъ крестьянскій бытъ быстро идущимъ внизъ, или на той которая съ умиленіемъ видитъ его восходящимъ вверхъ.

Увидѣлъ исправника, увидѣлъ посредниковъ, увидѣлъ и человѣкъ пять молодцовъ, въ которыхъ узналъ волостныхъ старшинъ, по медалямъ на груди, но не по выраженію благороднаго сознанія своего достоинства, присутствіе коего признаю аттрибутомъ всякаго образованнаго представителя власти. Эти пассивные агенты власти, съ азіятскимъ поклономъ ниже поя-

са, поднесли мнѣ хлѣбъ-соль. Я принялъ его въ руки, и поднявъ, спросилъ ихъ: „какъ по вашему, хлѣбъ этотъ, испеченный вольными руками, изъ вольной муки, вкуснѣе того хлѣба который пекли вы десять лѣтъ назадъ?“ Ихъ „какъ можно“ показалось мнѣ такъ же натянутымъ какъ титулъ „ваша свѣтлость“, которымъ они меня величали!

Исправникъ показался мнѣ представителемъ значительнаго прогресса въ мірѣ нашей внутренней администраціи. Въ любомъ городѣ Германіи, Франціи и даже Англіи, фигура его была бы на мѣстѣ въ этомъ званіи.

Посредники показались мнѣ тѣмъ что́ они есть—*лишними*!

Въ былое время они были дѣйствительностью, когда они разрѣшали матеріальную задачу на нихъ возложенную. Теперь они фикція, представители какой-то принудительной опеки, съ нравственнымъ вліяніемъ на крестьянъ какъ предлогомъ, и съ жалованьемъ какъ причиной! То и другое обращаетъ ихъ въ защитниковъ quand même идеи возрожденія крестьянъ.

Они начали было меня въ томъ увѣрять, но я съ перваго же слова далъ имъ понять что изслѣдованіе вопроса что̀ такое русскій крестьянинъ послѣ десяти лѣтъ свободы—произвожу самъ, и въ подсказываніи и внушеніяхъ не нуждаюсь.

Послѣ посредниковъ очередь дошла до старшинъ. Сперва я призналъ нужнымъ поговорить съ ними en masse. Я задалъ имъ три вопроса: 1) чѣмъ отличается нынѣшняя власть надъ крестьянами отъ помѣщичьей? 2) признаютъ ли они, старшины, въ себѣ двойственность власти — власть физическую и нравственную? и 3) сознаютъ ли они различіе между общественнымъ и административнымъ началами?

На всѣ три вопроса, я получилъ отвѣты изъ которыхъ заключилъ что или они меня не поняли или, что̀ вѣроятнѣе, не хотѣли понять. Въ особенности понравился мнѣ отвѣтъ одного изъ старшинъ на первый вопросъ: „какая власть, батюшка; власть власти розь“, et rien de plus. Старшины не развиты для своей должности, вотъ фактъ несомнѣнный.

Три другіе вопроса я отнесъ къ матеріальному быту крестьянъ вообще. „Улучшился ли бытъ крестьянина?“ спросилъ я; Отвѣтъ былъ: „какъ же, батюшка; у хорошаго крестьянина и „хозяйство хорошее.“ — „А у дурнаго?“ спросилъ я. „Ну, а у „дурнаго и хозяйство послабѣе.“ — „Сколько крестьянинъ „имѣлъ годоваго дохода до 1861 года и сколько теперь?“ былъ второй мой вопросъ. Отвѣтъ простъ: „А не ровно, батюшка;

„какъ у кого.“ — „Какую роль играютъ деньги въ экономіи „крестьянина?“—третій вопросъ. Бѣднягамъ онъ показался такъ дикъ, что отвѣта уже не послѣдовало никакого.

Такъ какъ степень матеріальнаго благосостоянія измѣряется всего вѣрнѣе степенью умственнаго развитія, то изъ жалкихъ и жидкихъ отвѣтовъ старшинъ я не могъ не заключить что хозяйство и экономическій бытъ крестьянъ laissent beaucoup à désirer (заставляютъ еще многаго желать). Если таковы старшины, власть самоизбранная этимъ бытомъ, то каковы же должны быть ихъ избиратели, la masse, le peuple или „народъ“, говоря языкомъ нашихъ національныхъ политиковъ?

Замѣчательна отличительная черта народа—попрошайничество. Едва я кончилъ мои вопросы, и этимъ, такъ-сказать, устроилъ фактическую связь между сими жалкими представителями народа и мною, какъ трое изъ нихъ подошли ко мнѣ поближе, приняли традиціонную позу просителей и начали излагать предо мною свою покорнѣйшую просьбу о томъ чтобы, по случаю неурожая въ какихъ-то деревняхъ, съ нихъ не брали платежей за это полугодіе. „Je t'ai bien reconnu là, mon cher peuple Russe,“* подумалъ я, и воспользовался этимъ случаемъ чтобы сказать имъ приблизительно слѣдующее: „Господа старшины! Какъ ступень той власти которая управляетъ всею Россіей, вы должны понять что всякая просьба съ вашей стороны пріобрѣтаетъ въ глазахъ массы значеніе правительственнаго дѣйствія. Сила правительства зиждется на повсемѣстномъ единообразіи въ осуществленіи его видовъ и примѣненіи его мѣропріятій; деревни суть ничтожные атомы цѣлаго именуемаго государствомъ, но въ то же время суть винты имѣющіе цѣлію скрѣплять тотъ или другой рычагъ всего механизма; ослабить малѣйшій винтъ, значитъ произвести безпорядокъ, а безпорядокъ въ малѣйшей части государственнаго механизма производитъ нарушеніе порядка и гармоніи въ цѣломъ. Неурожай печальное событіе, я это признаю вмѣстѣ съ вами; но что же дѣлать? изъ-за него нарушать порядокъ управленія нѣтъ возможности; обратите производительныя ваши силы съ земли, когда она неблагодарна, къ такимъ источникамъ которыхъ доходъ менѣе зависитъ отъ Зевеса и Феба! Идите къ своимъ очагамъ, живите благополучно, управляйте строго и мудро, и прежде все-

---

* Я тебя въ этомъ узналъ, мой милый Русскій народъ!

го помните что гарантировать исправность платежей — есть первая и главная ваша обязанность, какъ представителей власти.“ Слово: „слушаемъ, батюшка“, и низкій поклонъ отвѣтили мнѣ на мои слова. Посредникъ подошелъ ко мнѣ поближе и началъ было излагать мнѣ свои соображенія о неудобствѣ сроковъ платежей, о затрудненіяхъ ко взысканію недоимокъ и проч. Еще немного, и дошелъ бы до того что сталъ бы мнѣ доказывать что крестьянинъ слишкомъ много платитъ, а мы платимъ слишкомъ мало, но я остановилъ его на дорогѣ и сказалъ ему: „Почтеннѣйшій, знаете какой главный недостатокъ, не васъ лично, но вашего корпоративнаго индивидума? это то что вы гораздо болѣе защитникъ крестьянъ чѣмъ агентъ правительства; вотъ почему не удивляйтесь тому и не сердитесь на насъ, когда узнаете что мы, Петербуржцы, подаемъ голосъ за безусловное ваше уничтоженіе. Согласитесь что если должны быть защитники крестьянъ въ лицѣ правительственныхъ агентовъ, то простая справедливость требуетъ чтобы были ipso jure и — защитники дворянъ. Затѣмъ, судите сами чѣмъ бы сдѣлалось правительство, еслибы въ каждомъ агентѣ своемъ оно находило не своего защитника, а защитника той или другой части государства. Но оставимте безплодную почву мѣстныхъ соображеній,“ сказалъ я, „и перейдемъ къ вопросамъ болѣе практически государственнымъ. Что̀ вы думаете насчетъ переселенія крестьянъ?“ спросилъ я ихъ, настолько вопросительно чтобы показать имъ видъ человѣка нуждающагося въ ихъ свѣдѣніяхъ. Каково было мое удивленіе когда одинъ изъ нихъ, тотъ самый который такъ бойко и многорѣчисто доказывалъ мнѣ что наши законы о платежахъ и податяхъ законы драконовскіе, отвѣчалъ мнѣ sans la moindre vergogne: „Да ничего мы не думаемъ; это вопросъ кабинетный, а не практическій.“—„Такъ вы отвергаете фактическое значеніе вопросовъ кабинетныхъ?“ спросилъ я. Другой, поощренный неприличною выходкой перваго посредника, послѣшно отвѣтилъ: „Совершенно.“—„Напрасно,“ сказалъ я имъ, „кабинетъ относится къ практикѣ какъ солнце къ землѣ и другимъ планетамъ: какъ солнце концентрируетъ и децентрируетъ свѣтъ и теплоту, безъ которыхъ жизнь земли немыслима, такъ и кабинетъ; не отъ земли приходитъ первоначальный лучъ къ солнцу, а отъ солнца къ землѣ; такъ точно и во взаимныхъ отношеніяхъ кабинета и практики: изъ кабинета

исходитъ первоначальная мысль на практическую почву, и уже отъ практической почвы возвращается къ кабинету, какъ къ центру; вотъ почему когда я васъ спрашиваю о переселеніи, это доказываетъ что такой вопросъ *есть*, а если онъ есть, то объ немъ надо имѣть то или другое мнѣніе."

По лицу ихъ я увидѣлъ que j'ai touché juste. Изъ всего что̀ они мнѣ сказали объ этомъ вопросѣ я узналъ не много: мысль что переселеніе никогда не должно быть вопросомъ государственнымъ въ его цѣльности, а должно разрѣшаться на мѣстѣ съ помощью извѣстнаго ассигнованнаго каждой губерніи кредита—невѣрна. Прежде всего необходимы общія соображенія, общія мѣры и общія законоположенія, дабы случайностей, пробѣловъ и непредвидѣнныхъ затрудненій не было.

На мой вопросъ: отчего есть недоимки, оттого ли что исправники дурно взыскиваютъ платежи, или оттого что крестьяне дурно платятъ? господа посредники пропѣли мнѣ длинную пѣсню опять же о разныхъ мѣстныхъ будто бы причинахъ мѣшающихъ платить исправно; изъ этой пѣсни, со множествомъ арій и варіантовъ, я понялъ одно: что, какъ всегда, виноваты мы, чиновники, а не бѣдные эти крестьяне; такъ что, почти выведенный изъ терпѣнія, я не могъ не сказать имъ: да оставьте господа, прошу васъ, наигрываніе на одну и ту же тему мѣстныхъ условій, причинъ и явленій; изучать вопросы государственные на мѣстѣ, вовсе не значитъ узнавать какъ живется Сидору или Карпу, какой армякъ носитъ Семенъ, какой Кондратій: синій или сѣрый, а напротивъ, это значитъ мѣстныя соображенія приводить къ общимъ. Дѣло не въ томъ какъ бы поменьше платить Карпу или Антону, а въ томъ какъ бы Карпа и Антона заставить непремѣнно платить. Дѣло не въ томъ хорошо ли живется тому же Карпу, а въ томъ какими общими чертами, *безошибочно* вѣрными, ознаменовался новый крестьянскій бытъ.

Потомъ мы перешли къ вопросу объ общинѣ и круговой порукѣ. Какъ я и ожидалъ, j'ai trouvé dans ces gens l'expression fidèle de leur couleur. * Они готовы стоять за общину, подъ предлогомъ что это учрежденіе народное и историческое, а въ сущности потому что въ ихъ воображеніи община является какою-то силой независящею отъ Петербурга, а въ то же время осуждаютъ круговую поруку, подъ предлогомъ что

* Я нашелъ въ этихъ людяхъ вѣрное выраженіе ихъ цвѣта.

она разорительна для хорошихъ хозяевъ и несправедлива, а въ сущности потому что она обезпечиваетъ интересы казны! Старую лису, какъ меня, не обманешь; я вижу насквозь не то что̀ говорятъ мнѣ, а то что̀ скрывается подъ обманчивыми формами кругло складываемыхъ рѣчей.

На ихъ разглагольствованія я отвѣтилъ: „нѣтъ, господа, я мнѣнія совершенно противоположнаго, и желалъ бы очень чтобы вы имъ прониклѝсь. Что̀ до общины, то это одряхлѣвшая форма соціальной безиндивидуальности, сожитія безсознательнаго въ массѣ, дисгармонирующаго вполнѣ съ задачей времени индивидуальнаго развитія. Круговую же поруку, какъ мѣру обезпечивающую исправное поступленіе платежей, я признаю необходимою. Киргизская степь и плательщики на Руси—одно и то же; на сознаніе долга платить разчитывать мы не можемъ ни здѣсь, ни тамъ, слѣдовательно должны себя обезпечивать мѣрами въ принципѣ несправедливыми, но въ силу государственной необходимости безусловно нужными.“

На первый разъ наблюденій бы довольно: я слегка утомился.

Какое счастье, подумалъ я, что я не министръ, всѣ эти народы m'auraient foit cent fois mourir d'une maladie de foie *. Въ коляскѣ возлѣ графа NN, хотя и среди полей, все же чувствовалъ себя какъ бы ближе къ Европѣ, ибо графа NN знаю за человѣка вполнѣ образованнаго. Куря хорошія сигары, мы говорили очень оживленно о томъ что̀ такое нынѣшнее хозяйство помѣщика.

Мысли графа показались мнѣ остроумными и вѣрными. По его мнѣнію, всѣ хозяйства можно раздѣлить на три главныя категоріи. Первая категорія идеальныхъ хозяйствъ: это тѣ гдѣ преданіе розогъ и другихъ почтенныхъ по своей вразумительности средствъ не утратили свою впечатлительную силу, и гдѣ съ хорошимъ Нѣмцемъ-управляющимъ, à la rigueur, можно вести дѣло удовлетворительно.

Вторую категорію хозяйствъ составляютъ тѣ мѣстности гдѣ народъ начинаетъ образовываться. Кому сія истина не вѣдома? Образованіе народа—это экономическое бѣдствіе для помѣщика. Наконецъ третью категорію составляютъ имѣнія гдѣ доселѣ остались, Богъ знаетъ какъ и почему, мировые посредники перваго призыва, дѣти той большой когорты Ро-

---

* Сто разъ бы сгубили меня отъ болѣзни печени.

бесльеровъ, безъ которыхъ будто бы улучшеніе мужицкаго быта не могло совершиться.

Мы ѣхали между полями. Знаете что я испытываю, сказалъ я графу, когда гляжу на эти поля, что-то въ родѣ тоски, l'angaisse de l'impuissance à faire de tout ce qui m'entoure un terrain fertile et digne du beau nom de terre Européenne. *

Изъ полей мы въѣхали въ паркъ графа: ощущеніе тѣни деревъ мнѣ было особенно пріятно; мнѣ показалось что это было дыханіе чего-то болѣе цивилизованнаго.

„Замѣтили ли вы одно?“ спросилъ меня графъ. „Есть мужики которые смотрятъ въ глаза и не снимаютъ шалокъ?“ сказалъ я, угадавъ мысль графа. „Замѣтилъ, какъ видите“, сказалъ я смѣясь, „это доказываетъ что у васъ имѣніе второй или третьей категоріи!“ Мы засмѣялись оба.

Подъѣзжая къ подъѣзду дома, графъ шепнулъ мнѣ какъ бы въ отвѣтъ: „Какъ сдѣлать чтобъ избавиться отъ моего посредника? Становой циркулярно велѣлъ мужикамъ снимать шапки, при встрѣчѣ со мной; представьте себѣ что этотъ скотина, посредникъ, осмѣлился жаловаться на такое распоряженіе мировому съѣзду. J'avoues, прибавилъ графъ, que le становой était bête, mais en revanche, le посредникъ a fait cela par ce que c'est un....“ **

Я прервалъ и кончилъ: „*rouge*“. Мы были уже на террасѣ.

VI.

Отвѣтъ на письма IV и V.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Два достопочтенныя письма ваши имѣлъ счастіе получить. Читаю ихъ и перечитываю и не знаю какъ ими вдоволь насладиться. Жаль что нельзя печатать столь по истинѣ замѣчательное во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ описаніе Россіи. Въ письмѣ изъ Москвы, какая государственная всеобъемлю-

---

* Тоска безсилія сдѣлать изъ всего что́ насъ окружаетъ плодородную почву, достойную великолѣпнаго имени европейской земли.

** Я сознаю что становой сдѣлалъ глупость, но за то посредникъ жаловался потому что онъ—красный.

щая мудрость вопросовъ, а возлѣ какая мутная водица въ отвѣтахъ; надо вамъ быть министромъ; какъ хотите, а надо.

Москву такъ и видишь озадаченную вами, а если Москвѣ не понимать политическія соображенія вашего сіятельства, то гдѣ же несчастной Россіи съ ними справиться? Шутки въ сторону; появленіе въ печати вашихъ писемъ открыло бы цѣлый міръ, научило бы какъ думать и смотрѣть вообще на Россію. Въ наше время, кто не мудрствуетъ, кто не пишетъ, но бѣда въ томъ что всѣ пишущіе лукаво мудрствуютъ. Читалъ Ивану Петровичу ваши письма: прочтемъ страницу и скажемъ вмѣстѣ: такъ и чувствуется что не выходя изъ кабинета насквозь ее видятъ. Что̀ о второмъ письмѣ думаю и сказать не могу: и посредники, и старшины волостные, и ломѣщики, и община и круговая порука, чего только не окинулъ вашъ гигантскій, такъ-сказать взглядъ; перо, мысль, взглядъ, проницательность, дальновидность, такъ все съ быстротой молніи вырѣзаютъ на бумагѣ, всю жизнь какъ она есть!

Мнѣ ли не быть согласнымъ со всѣмъ что̀ ваше сіятельство пишете?

У насъ, слава Богу, все благополучно. Не полагаете ли нужнымъ, въ виду того что газеты молчатъ, тиснуть гдѣ-нибудь слѣдующее: „*Мы узнали изъ достовѣрнаго источника что графъ Х. отправился въ путешествіе по Россіи, для изученія ее въ величайшихъ подробностяхъ.*“ Я полагаю даже прибавить: „*Замѣчательно что это первый примѣръ между русскими людьми у насъ въ Россіи.*“

Дѣлъ деликатныхъ не было, но озадачиваетъ насъ одно: въ Х. губерніи что-то много учреждается коммиссій по всѣмъ возможнымъ вопросамъ; говорятъ, даже учредилась коммиссія объ овцахъ, другая о свиньяхъ, третья объ уменьшеніи способности къ дѣторожденію въ женщинахъ.

Кто-то предложилъ, чуть ли не Иванъ Ивановичъ составить, по поводу столь значительнаго числа коммиссій, коммиссію у насъ. Какъ думаете, ваше сіятельство о семъ?

VII.

22го мая, село Воскресное, вечеромъ.

Послѣ сутокъ проведенныхъ въ деревнѣ, пришелъ къ убѣжденію что: primo, есть люди съ рожденія созданные неспособными къ какой бы то ни было деревенщинѣ, и secundo, что я къ этой категоріи людей долженъ отнести самого себя.

Впрочемъ entendons nous, деревня деревнѣ рознь; давая мыслямъ, плѣненнымъ здѣсь къ какой-то полуазіятской атмосферѣ, свободу стремиться на западъ, подобно лучамъ солнца, проходящимъ сквозь темныя и густыя тучи чтобы пасть на зеленый лугъ или цвѣтущую гряду, я какъ бы предчувствовалъ и прозрѣвалъ что есть благодатные уголки на землѣ гдѣ слово *деревня* является средоточіемъ многихъ прелестей: такъ напримѣръ, я видѣлъ предъ собою благорастворенную Турень, или прелестную природу графства Вельскаго, гдѣ фермеръ и графъ, ergo палата общинъ и палата лордовъ, подъ сѣнью Бога и природы, представляютъ собою то же мудрое согласіе какъ въ парламентѣ, подъ сѣнью закона и интересовъ края.

А здѣсь, гдѣ согласіе, гдѣ боги правды, мудрости, уваженія къ закону? Я вижу только образованнаго человѣка, помѣщика, зѣвающаго отъ скуки и скучающаго отъ зѣвоты, толпу людей которыхъ во что бы то ни стало хотятъ сдѣлать интересными, а на самомъ дѣлѣ, не имѣющихъ ничего общаго съ уровнемъ человѣчества, полуграмотныхъ волостныхъ старшинъ, сельскаго попа, существо особенное, и мировыхъ посредниковъ—дурныхъ, когда они хороши, и хорошихъ, когда они дурны. И это называютъ у насъ деревней. Довольно я въ ней пробылъ чтобъ имѣть право сказать: довольно я ее понялъ.

Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра. Въ эти двадцать четыре часа я узналъ и увидѣлъ кое-что:

1. Я узналъ что есть быкъ и есть волъ, и что каждое изъ сихъ названій не есть одно и то же.

2. Я узналъ что иныя изъ натуральныхъ повинностей распредѣляются весьма неравномѣрно, и что есть цѣлыя деревни отступающіяся или отстраненныя отъ нихъ вовсе. Записалъ и приму къ свѣдѣнію. Вспомнилъ что наканунѣ моего отъѣзда, гдѣ-то въ комитетѣ, кто-то объ этомъ вопросѣ что-то сказалъ.

3. Узналъ по разчету, мною самимъ сдѣланному, что крестьяне платятъ больше чѣмъ я думалъ; и что это большее составляютъ какіе-то мірскіе сборы, о которыхъ я не подозрѣвалъ. Что значитъ съѣсть собаку на математикѣ: считаешь безъ счетовъ и безъ утомленія, и не для себя только, но и для тѣхъ бѣдныхъ стадъ которыхъ оптимисты наши имѣютъ наивность называть меньшею братіей.

4. Я понялъ яснѣе то что̀ понималъ смутно: смыслъ словъ усадьба, огородъ и полевой надѣлъ, я даже пошелъ такъ далеко что просилъ показать себѣ владѣніе пріуроченное къ однимъ мѣстамъ, выраженіе которое слышалъ не разъ въ нашихъ комитетскихъ дѣлахъ.

5. Наконецъ я увидѣлъ что̀ такое десятина, признаться сказать, я ее воображалъ себѣ то очень маленькою, то очень большою, это зависило отъ настроенія духа въ которомъ я былъ когда слушалъ дѣло, и отъ степени моего участія къ помѣщику у котораго ее отбирали.

За то узналъ я тоже много такого что̀ меня еще болѣе разочаровало насчетъ быта объ улучшеніи котораго иные изъ нашихъ хлопочутъ, не вѣдая сами зачѣмъ?

Я былъ въ деревенской избѣ, dans tout ce qu'il y a de plus изба, и узналъ въ ней что это даже не изба, а.... забылъ какъ зовутъ это жилище временъ Рюрика, въ которомъ люди живутъ безъ малѣйшаго понятія о томъ что можно жить иначе. Изба, какъ мнѣ сказали, есть жилище крестьянина степенью выше, строющееся въ губерніяхъ болѣе близкихъ къ Москвѣ и за Москвой къ сѣверу.

Я вошелъ въ это жилище рано утромъ одинъ и, слѣдовательно, incognito, чтобы не вліять на отвѣты крестьянъ на мои вопросы. Живутъ они всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ, именуемой свѣтлицей или свѣтелкой; дѣти и женщины босыя, мущины и мальчики болѣе взрослые въ лаптяхъ, познакомился съ лаптями покороче, они некрасивы и неудобны. На мой вопросъ: „улучшился ли ихъ бытъ?“ сперва семья, а потомъ подошедшіе крестьяне отвѣчали мнѣ: „какъ же, батюшка, какъ не стать намъ лучше“; а на другой мой вопросъ: „вѣдь и прежде хорошо было?“ Они же отвѣчали: „и прежде, батюшка, хорошо было.“ Одинъ только молодой крестьянинъ, на видъ черезчуръ бойкій, хотѣлъ было что-то сказать и пролѣзть чрезъ толпу, но я увидѣлъ что другіе его удержали и тотчасъ убѣдился что былъ узнанъ, тѣмъ болѣе что въ избѣ уже очутились и исправникъ и посредникъ. Incognito не удалось. Пришлось говорить авторитетно.

Я потребовалъ себѣ menu крестьянскаго обѣда, въ видѣ разказа о томъ что̀ ѣдятъ крестьяне: богатство мало измѣняетъ крестьянскій столъ. Вообще деньги не вліяютъ на физіономію быта крестьянина: ни бульйонъ, ни изба, ни платье,

ни наряды, ни образованіе, ничего не отзывается улучшеніемъ; съ деньгами, или безъ денегъ, это все тотъ же русскій крестьянинъ, безъ мнѣнія о себѣ, безъ мнѣнія о другихъ.

Я спросилъ крестьянъ разговариваютъ ли они между собою, и о чемъ они говорятъ когда разговариваютъ. Молодой крестьянинъ, тотъ же бойкій малый, очень развязно отвѣчалъ: „да обо всемъ что̀ придется къ слову, али что̀ у кого на душѣ ляжетъ, то и скажешь“. Другой, тоже изъ молодыхъ (я замѣтилъ что молодые говорятъ охотнѣе старыхъ), сказалъ между прочимъ что вчера они толковали о новыхъ подушныхъ. Дальнѣйшихъ объясненій я получить не могъ; посредникъ сказалъ мнѣ что на нѣсколько копѣекъ увеличили окладъ податей и земскихъ сборовъ. Полчаса спустя, когда я остался одинъ, я задумался надъ тѣмъ какое вліяніе можетъ имѣть на политическія судьбы Россіи крестьянскій разговоръ; ихъ отзывы о податяхъ не могутъ быть благопріятны намъ, а если такъ, то хорошо ли мы дѣлаемъ что торопимся ихъ образовывать. Впрочемъ, какъ они мнѣ сказали, газетъ еще они не читаютъ; и то еще хорошо; а послѣ насъ—хоть будь потопъ, не все ли равно. Когда я говорю о будущности Россіи, это значитъ что я въ духѣ и обращаюсь съ нею какъ съ дитятей, котораго любятъ ласкать и баловать; а по правдѣ сказать, думать о будущности Россіи дальше завтрашняго дня—дѣло рискованное. Вѣдь въ концѣ концовъ Россія не мы, и мы не Россія.

Чтобы судить объ успѣхахъ образованія, я спросилъ: есть ли школа и есть ли въ ней ученики? мнѣ отвѣтили что школа есть, но учениковъ нѣтъ; на мой вопросъ: почему? мнѣ сказали что началась рабочая пора въ полѣ; на мой вопросъ: бываютъ ли въ школѣ экзамены? крестьяне вытаращили глаза, и одинъ только посредникъ умѣлъ отвѣтить: нѣтъ. Я подозвалъ къ себѣ мальчика, написалъ три слова на клочкѣ бумажки и велѣлъ ему прочесть и объяснить мнѣ ихъ смыслъ; мальчикъ, къ немалому изумленію, прочелъ очень скоро эти три слова; подозвалъ втораго, и тотъ прочелъ, но уже не три, а цѣлыхъ десять. На мой вопросъ: что̀ это значитъ? посредникъ объяснилъ мнѣ что у нихъ, благодаря священнику, школа существуетъ съ 1861 года, содержится на счетъ крестьянъ и идетъ отлично. Но разумѣется такая аттестація не обошлась безъ колкости; посредникъ прибавилъ что три раза онъ хлопоталъ объ экстраординарной наградѣ священнику, но

напрасно. Я улыбнулся и сказалъ ему: „посмотримъ, удастся ли мнѣ, болѣе чѣмъ вамъ, похлопотать о наградѣ“, и записалъ себѣ имя этого оригинальнаго священника. Невольно я припомнилъ что гдѣ-то читалъ что такъ дѣлала Екатерина II.

Вообще люди, какъ этотъ священникъ, живущіе въ глуши, куда никакой чортъ не заглядываетъ, и работающіе для такъ-называемой общественной пользы, меня удивляютъ: pourquoi diable se donnent-ils tant de peine? * Ну, хорошо я пріѣхалъ; а не пріѣзжай я, вѣдь такъ бы и умеръ этотъ ревнитель общественнаго блага, оцѣненный только двумя, тремя босоногими мальчишками.

Я собралъ мальчиковъ и сказалъ имъ нѣсколько ободрительныхъ словъ въ пользу необходимости ученія; „помните, сказалъ я кончая, что вы призваны быть тѣмъ поколѣніемъ которое должно засвидѣтельствовать предъ лицомъ всего міра великія прерогативы свободнаго гражданина. А вы, ихъ отцы и дѣды, заключилъ я обращаясь къ крестьянамъ, пользуйтесь природнымъ вашимъ авторитетомъ чтобы дѣтей своихъ посылать въ школу, гдѣ подъ благородною сѣнью неизмѣнныхъ началъ правды и науки, они должны воспринимать крещеніе гражданина.“

Двумъ, тремъ крестьянамъ я задалъ вопросъ о томъ какъ понимаютъ они земство. Изъ ихъ отвѣта я могъ заключить что иные не понимаютъ его вовсе, а другіе понимаютъ его смутно. Это напомнило мнѣ нашъ разговоръ съ княземъ N, когда вопросъ о земствѣ стоялъ еще на очереди имѣющихъ быть разрѣшенными. Мы слишкомъ много трудимся и хлопочемъ изъ-за этого вопроса, сказалъ я; повѣрьте, наши добрые соотечественники не поймутъ и перваго слова того что̀ мы обрабатываемъ для нихъ такъ тщательно.

По моему, нынѣшняя эпоха, наряду со многими несомнѣнными достоинствами, имѣетъ одинъ существенно важный недостатокъ: nous autres, les administrateurs—nous faisons trop de cas des administrés. ** Невольно вспомнилъ я эти слова теперь, когда въ мрачной глубинѣ крестьянской избы, лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, увидалъ земскихъ людей игнорирующими политическій смыслъ этого званія и этого учрежденія. Надо ли радоваться этому, или плакать надъ

---

* Изъ-за какого дьявола они такъ бьются?

** Мы администраторы, слишкомъ носимся съ тѣми кого администрируемъ.

этимъ? Я еще недостаточно государственный человѣкъ чтобъ этотъ вопросъ рѣшить положительно.

Посредникъ сказалъ мнѣ что въ его участкѣ есть крестьяне очень толково будто знающіе земское дѣло, и что двое изъ нихъ даже въ должности членовъ уѣздной управы оказались весьма способными и дѣльными людьми: но я уполномоченъ этому не вѣрить; посредники суть живыя рекламы крестьянскихъ совершенствъ и добродѣтелей! Это тѣмъ болѣе справедливо что сегодня за обѣдомъ мой почтенный хозяинъ, графъ N, жаловался очень энергично именно на крестьянъ въ дѣлѣ земства, и въ карманъ не полѣзъ за доказательствами справедливости своей жалобы. Впрочемъ я буду имѣть случай взглянуть поближе на земское дѣло, намѣреваясь посвятить ему *цѣлый день*.

Итакъ, цѣлое утро я отдалъ на изученіе крестьянскаго быта. Еслибы пришлось Богу писать донесеніе и отчетъ въ томъ что̀ я видѣлъ, я бы сказалъ: ma foi, не стоило портить столько крови для эмансипаціи; но такъ какъ въ качествѣ государственнаго человѣка, я призванъ буду когда-нибудь отвѣчать государству и давать матеріалы изъ которыхъ наши бѣдные историки-писаки могли бы созидать разныя краснорѣчивыя картины времени, то я скажу такъ: à la rigueur, par ci, par là, l'émancipation a donné au бытъ du moujik, quelques améliorations.* Le moujik хорошій малый, но нѣтъ нужды на него смотрѣть серіозно.

Графъ N показался мнѣ жителемъ необитаемаго острова. Онъ любитъ крестьянъ какъ разъ въ мѣру, безъ платоническихъ экзальтацій и безъ горькихъ воспоминаній объ утраченной надъ ними власти. Онъ не признаетъ потребности въ народномъ образованіи массъ и находитъ даже въ этой заботѣ правительства экзажерацію могущую имѣть вредныя послѣдствія. Я немного его мнѣнія, но мнѣ, какъ чиновному человѣку, не дано говорить такъ же свободно какъ помѣщику.

Сосѣдей помѣщиковъ графъ N не принимаетъ въ интимную жизнь, увѣряя что они всѣ или des goujats (неучи), или красные; когда кто-нибудь является, онъ отсылаетъ его къ управляющему. На этотъ счетъ я позволилъ ему сдѣлать маленькую мораль, указавъ на то что при его состояніи и способностяхъ, онъ бы могъ изъ всѣхъ этихъ goujats и красныхъ

* Впрочемъ, нельзя не сознаться что эмансипація произвела въ бытѣ мужика нѣсколько улучшеній.

сдѣлать себѣ политическую партію избирателей и хвалителей. То и другое въ нашъ вѣкъ полезно, ибо популярность играетъ, къ сожалѣнію, свою политическую роль даже у насъ!

Завтра утромъ двигаюсь дальше.

Въ сущности нельзя сказать чтобъ я былъ недоволенъ. Вездѣ on est bon enfant, за исключеніемъ вопроса о платежахъ, гдѣ всѣ точно сговорились мнѣ жужжать на ухо про непомѣрные и неравномѣрные платежи. Графъ N жалуется на то что его разоряетъ земство, крестьяне жалуются на бремя всѣхъ своихъ платежей вмѣстѣ, красные кричатъ о необходимости раздѣлить подати между всѣми сословіями поровну. Желалъ бы я чтобъ это жужжаніе было случайность, но боюсь чтобы въ этомъ сліяніи голосовъ не было что̀-то похожее на предвзятое намѣреніе заявлять себя недовольными. Messieurs, говорю я всѣмъ этимъ господамъ поющимъ ту же арію, каждый платитъ много, даже слишкомъ много, ибо платитъ съ того что̀ онъ имѣетъ: вы съ земли, я и мы всѣ петербургскіе люди—съ нашего спокойствія, здоровья и способностей; мы не жалуемся, и вы слѣдуйте нашему примѣру.

Кланяйтесь Петербургу отъ меня и отъ Россіи. Elle et moi nous sommes bons amis pour le moment! Vale!

VIII.

Отвѣтъ на письмо VII.

Петербургъ, 26го мая.

Ваше сіятельство!

Многообильное письмо ваше изъ села Воскреснаго прибыло сегодня. Опять же скажу, но если можно еще съ бо́льшимъ убѣжденіемъ: такія письма читаешь съ какимъ-то упоеніемъ удовольствія, съ какимъ-то высоко-нравственнымъ наслажденіемъ. Не могу судить насколько вы способны любить деревню, но вижу ясно что понять ее для вашего ума и описать ее для вашего пера все равно что мнѣ выйти изъ одной комнаты въ другую. Гдѣ намъ до Турени или до княжества Вельсскаго и вообще до тѣхъ мѣстъ гдѣ, какъ изволите говорить, имѣютъ пребываніе разные боги! Не могу представить себѣ ваше сіятельство въ деревнѣ; я же самъ въ ней никогда не бывалъ и думаю, по правдѣ сказать, что въ ней толь-

ко и могутъ жить люди бездѣльные, и что вообще чиновному человѣку тамъ не мѣсто.

Открытія вашего сіятельства насчетъ быка и вола, насчетъ крестьянскихъ платежей, усадьбы и десятины и для меня оказались таковыми. Всегда слышалъ не совсѣмъ лестные отзывы насчетъ крестьянской избы и кушанья которое крестьяне употребляютъ, но никогда не думалъ чтобъ ужь было такъ плохо какъ вы изволите находить. Нельзя не радоваться тому что газетъ крестьянинъ не читаетъ: чѣмъ дальше отъ зла, тѣмъ лучше. Разговоръ вашъ съ крестьянами и то что вы приломнили насчетъ разговора съ княземъ N. весьма интересенъ. Что же касается посредниковъ, то я вообще не очень довѣряю людямъ такого сорта: сколько кажется, въ нихъ нѣтъ достоинствъ дѣловыхъ людей и вообще правильныхъ служебныхъ воззрѣній. Думаю также, согласно мнѣнію вашего сіятельства, что слишкомъ заботиться о всѣхъ вообще въ Россіи—излишнее дѣло; хлопотъ служебныхъ и безъ нихъ достаточно. Очень радуюсь что вообще вы довольны всѣмъ что̀ видите; дай Богъ чтобъ это всегда такъ было.

Русскіе вообще народъ хорошій, но баловать ихъ не нужно, а ужь что̀ до такъ-называемой „свободы“ относится, то безъ нея легко обойдешься. Вѣдь вы меня знаете. Ваше сіятельство, ужь менѣе охотника до всякихъ нововведеній и реформъ не найдешь. Что̀ говорить, онѣ вещь хорошая, но все-таки для чего онѣ? Только то и дѣлаютъ что переписку усложняютъ, да претензіи разныя увеличиваютъ такихъ людей которымъ что̀ ни давай, а все мало.

У насъ слава Богу все благополучно, имѣлъ счастіе передать вашей супругѣ ваши письма. Погода какъ нарочно съ вашего отъѣзда предурная.

Какъ слышно, у графа N. N. сильный насморкъ, такъ что никого не принимаютъ. Деликатныхъ дѣлъ по случаю лѣтняго затишья еще не было; былъ маленькій только казусъ по дѣлу о спорѣ русскихъ купцовъ съ Нѣмцами въ городѣ N.; первые написали жалобу и явились сюда; полагаю что ограничатся внушеніемъ (Русскимъ) быть умѣреннѣе и благоразумнѣе.

Примите благодарность, ваше сіятельство, за поклонъ вашъ и Россіи намъ грѣшнымъ.

IX.

25го мая, губернскій городъ К., вечеромъ поздно.

Какое огромное событіе по всѣмъ своимъ послѣдствіямъ—*желѣзныя дороги въ Россіи!*

Со вчерашняго дня утромъ по нынѣшнюю минуту, сколько я перевидѣлъ людей, нравовъ, мѣстностей, центровъ дѣятельности; сколько я пережилъ пріемовъ, пріятныхъ и непріятныхъ впечатлѣній, сколько переслушалъ и произнесъ рѣчей, сколько мыслей мимоходомъ коснулся, сколько моихъ мыслей оставилъ за собою тѣмъ которые меня слушали и сумѣли меня понять, сколько наконецъ утомленія, и все это въ теченіе полутора сутокъ!

Изъ Воскреснаго выѣхалъ рано утромъ. Графъ хозяинъ провожалъ меня до желѣзной дороги. Исправникъ хотѣлъ угодить, ѣхалъ впереди и угощалъ насъ пылью. Мы выѣхали въ открытой колескѣ; опять паркъ, опять поле, опять свободные крестьянскіе полупоклоны, на станціи опять нѣсколько рекомендательныхъ и тенденціозныхъ фразъ посредника въ пользу крестьянъ. Въ заключеніе коснулся вопроса о переселеніи, о которомъ позабылъ было разспросить исправника. „Переселяются, но мало“, сказалъ мнѣ исправникъ: съ посредниками я уже говорилъ объ этомъ. „Иные даже возвращаются назадъ“, прибавилъ онъ. Онъ захотѣлъ повидимому узнать мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Я отвѣчалъ коротко и ясно: *я допускаю переселеніе какъ фактъ случайный, но дезапробирую его какъ принципъ.*

Затѣмъ уѣхалъ и въ теченіе дня до вечера проѣхалъ цѣлыхъ двѣ губерніи.

Въ вагонѣ занятіемъ моимъ были размышленія. Думалъ о томъ что̀ говорятъ современники про мое путешествіе, думалъ и о томъ что̀ скажутъ про него поколѣнія грядущія. Одни меня судятъ, другія меня будутъ судить, но какъ? вотъ вопросъ. Современному суду не достаетъ безпристрастія и дальновидности; отъ суда потомства ускользнутъ оттѣнки, ускользнетъ психическая часть моего дѣла.

На одной изъ станцій встрѣтилъ князя П., крупнаго землевладѣльца въ той губерніи по которой мы летѣли тридцать верстъ въ часъ. Пригласилъ его сѣсть со мною. Онъ не былъ удивленъ меня встрѣтить, ибо узналъ гдѣ-то что я ѣду. Я вос-

пользовался случаемъ чтобы поразспросить его о губерніи. Впрочемъ, сказалъ я ему, я эту губернію знаю, земство безпокойное и съ претензіями на витіеватость! Суды еще болѣе безпокойные, воюющіе съ администраціей, губернаторъ умѣренный и порядочный, и пенька одна изъ главныхъ статей землевоздѣлыванія. Мой князь былъ слегка озадаченъ этимъ знаніемъ губерніи и, какъ часто уже случалось, все что онъ говорилъ показалось мнѣ мутною водицей, сравнительно съ тѣмъ что я уже зналъ.

Князь началъ было жаловаться на полицію своего уѣзда. Я ему сказалъ: жалобы на полицію приносите не людямъ, а Богу, ибо главный коммиссаръ ея для нашего милаго края— Богъ! Надо жить съ увѣренностію что она въ хорошихъ рукахъ.

Остановился для ночлега въ городѣ Бр. въ полнѣйшемъ инкогнито, на станціи желѣзной дороги. Мои люди на бѣду sont indiscrets; cette indiscrétion привела мнѣ утромъ разныхъ властей и съ ними предложеніе осмотрѣть городъ и его примѣчательности. Убѣдился что Хлестаковъ вездѣ еще жить можетъ.

Изъ многаго что мнѣ предлагали я выбралъ училище. Обошелъ оба класса, вошелъ предубѣжденный противъ учителей: представляю ихъ себѣ проповѣдниками нигилизма и тому подобныхъ разрушительныхъ ученій; первое впечатлѣніе однако было благопріятно: учитель добрый толстячокъ, очень усердно кланявшійся и очень старательно объяснявшій географію Океаніи. Въ какой я губерніи? спросилъ я мальчика передней скамейки. Онъ отвѣчалъ мнѣ скоро и бойко, и признаюсь, меня озадачилъ; я думалъ что я еще въ той губерніи откуда выѣхалъ, оказалось что я уже успѣлъ проѣхать двѣ губерніи.

На урокѣ исторіи втораго класса я засталъ исторію Персовъ, повѣствуемую какимъ-то молодымъ учителемъ. „Что такое исторія цивилизаціи?“ спросилъ я одного ученика, показавшагося мнѣ болѣе другихъ развитымъ. Но здѣсь еще болѣе озадачило меня замѣчаніе, довольно рѣзкимъ тономъ высказанное учителемъ, о томъ что мальчики этого слова не знаютъ, а понятіе о цивилизаціи имѣютъ по слову образованіе. Учитель, какъ показали мнѣ его физіономія и дезинвольтура, оказался національной партіи. Я на него посмотрѣлъ съ удивленіемъ и думаю что онъ взглядъ мой понялъ. „Есть слова въ исторіи міра“, сказалъ я, „которыя не имѣютъ отечества,

не имѣютъ и языка которому бы принадлежали исключительно: таково слово цивилизація. Дитя, какого бы положенія оно ни было, къ какой бы націи ни принадлежало, дитя хижины и дитя вельможи должно съ колыбели съ этими словами сродняться, какъ со звуками: отецъ и мать. Оно должно учиться чтобы любить свое отечество, да, но должно учиться и для того чтобы врѣзать въ себя убѣжденіе что оно въ то же время гражданинъ того всемірнаго отечества которое называютъ цивилизаціей."

Затѣмъ я ушелъ, вернулся на станцію, въ 11 часовъ уѣхалъ, въ вагонѣ приломиналъ главнѣйшіе фазисы исторіи цивилизаціи Россіи. Бѣдная исторія! сказалъ я къ вечеру, кончая мои размышленія въ ту минуту когда прибылъ сюда. Встрѣча, усталость, обмѣнъ безцвѣтныхъ рѣчей и въ заключеніе мое намѣреніе назавтра изучить городъ и земство губерніи.

То что̀ вы въ концѣ письма мнѣ говорите объ отзывахъ оппозиціи насчетъ моей поѣздки, высказанныхъ въ клубѣ, меня не только не сердитъ, но заставляетъ улыбаться не безъ самодовольствія. Всякая эпиграмма скрываетъ на днѣ своей мысли sa raison d'être et qui est le contraire de ce que l'on veut dire. A mon avis—надо быть quelque chose de plus qu'un simple mortel, чтобы заслужить честь эпиграммы. Vale.

X.

Отвѣтъ на письмо IX.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Не успѣлъ я, такъ-сказать, вдоволь насладиться вашимъ почтеннѣйшимъ письмомъ изъ села Воскреснаго, какъ принесла мнѣ почта многоуважаемое письмо ваше изъ города К. Да-съ! желѣзныя дороги въ Россіи—событіе огромное; но еще болѣе удивительна не знающая отдыха дѣятельность вашего сіятельства: тамъ, здѣсь, опять тамъ и опять здѣсь, вездѣ вашъ взглядъ и ваши мысли! Боюсь, не утомляютъ ли васъ слишкомъ пріемы и изученіе; положеніе ваше трудное: откажешь—обидишь, а не откажешь—устанешь. Наконецъ-то заговорили газеты о вашемъ путешествіи. Тщательно собираю все что̀ пишутъ; къ сожалѣнію, все больше критически относятся. Читаешь и все кажется какъ будто что-то насмѣшливое. Ужь не люблю я эту печать, скажу по откровенности вашему сія-

тельству; такъ и чешется рука ваши письма напечатать, пусть научатся какъ писать-то надо.

Вы изволили размышлять насчетъ того какъ современники и потомство посмотрятъ на ваше путешествіе и выражаете насчетъ того и другаго опасенія. Что касается современниковъ, то позвольте сообщить вашему сіятельству извѣстіе успокоительнаго свойства; не далѣе какъ вчера я узналъ это навѣрно. Въ гостиной князя Ф. была рѣчь о вашемъ сіятельствѣ; самъ князь, графъ Е. и Н. П. Д. говорили съ восхищеніемъ, какъ объ особѣ вашей вообще, такъ въ особенности о замѣчательномъ вашемъ путешествіи, имѣющемъ огромное политическое значеніе. При этомъ графъ Е. замѣтилъ что весьма легко можетъ быть что матеріалы вами имѣющіе быть собранными послужатъ основаніемъ къ новымъ великимъ реформамъ въ будущемъ. Тогда поймутъ васъ всѣ, ваше сіятельство, а что̀ газеты и разные необразованные люди говорятъ, такъ Богъ съ ними, на то вы и будете государственный человѣкъ чтобы на все плевать. Что же касается потомства, то повѣрьте, ваше сіятельство, оно не такъ легкомысленно будетъ, какъ нѣкоторые изъ современниковъ.

Даже инкогнито не гнушаетесь; что̀ же можно больше сдѣлать? Инкогнито хорошая вещь, но если по правдѣ сказать, оно мнѣ кажется всегда лучше какъ дашь о себѣ знать; вѣдь неравно услышишь что-нибудь такаго что̀ не совсѣмъ для уха образованнаго человѣка пріятно, или наткнешься на неблагонадежнаго человѣка; лучше подальше отъ того и другаго.

Рѣчь вашего сіятельства въ училищѣ всѣхъ насъ привела въ восторгъ. И гдѣ же, подумаешь, такія слова раздавались? Въ глуши какого-то уѣзднаго города!

Да, ужь нечего сказать; какіе бы тамъ фазисы ни были въ исторіи цивилизаціи Россіи, а пребѣдная она.

Престранные у насъ бываютъ казусы: представьте, что по дѣлу о чрезвычайномъ размноженіи коммиссій въ X. губерніи оказалось что всѣ онѣ учреждены на основаніи какого-то циркуляра. Что̀ дѣлать теперь? Издать ли новый циркуляръ въ отмѣну прежняго или закрыть коммиссіи? Всѣ въ тупикъ стали.

XI.

25го мая вечеромъ, въ томъ же губернскомъ городѣ.

Сегодня провелъ одинъ изъ тѣхъ дней которые называютъ une journée bien employée! Еще два, три такихъ дня, и я

ложалуй сдѣлаюсь ультра-Русскимъ: такъ много слышалъ я и видѣлъ людей кормящихъ на убой, говорящихъ любезныя вещи и серіозно задумывающихся надъ общественными интересами въ захолустьѣ провинціальнаго города.

Нѣтъ, рѣшительно я начинаю вѣрить въ цивилизацію Россіи. Баронъ N и князь B. однажды въ какомъ-то комитетѣ спорили со мною на эту тему, увѣряя что дальше цивилизаціи палки мы, то-есть Россія, еще не ушла; я протестовалъ по долгу совѣсти, хотя не чувствовалъ для своихъ аргументовъ солидной подъ собою почвы, но теперь, ma foi, je serai ferré á grace * чтобы защищать столь прекрасную тему.

Но усталъ, глаза въ особенности.

Не сознаю отчетливо чѣмъ въ особенности восхищаться, земскимъ ли собраніемъ которое я видѣлъ, городомъ или завтракомъ и обѣдомъ которые мнѣ давали. Ко всѣмъ одинаково подходилъ съ недовѣріемъ. Но черезъ всѣ одинаково прошелъ съ удовольствіемъ. D'où diable берутъ они поваровъ и людей стряпающихъ на кухняхъ столь трудныхъ какъ земская, городская и обыкновенная житейская.

Намъ ставятъ всегда въ упрекъ что мы въ Петербургѣ беремъ себѣ лучшихъ людей изъ Россіи, и опустошаемъ ее до гола, приманивая ихъ нашими фаворами. Очень радъ видѣть и убѣдиться что это одна изъ тысячей клеветъ на насъ возводимыхъ. Въ провинціи есть люди, какъ есть хорошіе обѣды. Жду свиданія съ моими оппонентами на эту тему въ Петербургѣ, чтобъ имъ это объявить какъ фактъ не подлежащій сомнѣнію.

Городъ въ смыслѣ пункта концентрирующаго общественную жизнь не существуетъ. Городъ въ смыслѣ мѣста удобнаго для жилья существуетъ еще меньше. Что говорила Екатерина II при проѣздѣ чрезъ такую мостовую какъ та которою меня угощали съ утра до вечера — не знаю: исторія и всѣ наши архивы и сборники, болтающіе много, объ этомъ не говорятъ ни слова; но я знаю и помню что я сказалъ: Боже, какое варварство! Мнѣ сказали что недавно ее для кого-то исправили. Злая иронія! Чѣмъ же она должна была быть до этого „кого-то“ и чѣмъ же будетъ послѣ меня? Гдѣ-то я читалъ что Петръ Великій кого-то изъ своихъ приближенныхъ, за дурной мостъ, собственноручно побилъ палкой; желалъ бы

---

* Я буду плотно вооруженъ доводами.

я быть имъ на все время моего пребыванія въ городѣ Сл. чтобъ имѣть право бить всякаго кто не чувствуетъ какъ я что мостовая черезчуръ дурна.

Городской голова счелъ долгомъ, неизвѣстно почему, явиться ко мнѣ въ мундирѣ съ депутаціей. Онъ — мужикъ, но умный и дѣльный мужикъ, сумѣвшій настолько потереться объ людей чтобы составить себѣ свой міръ принциповъ общежитія и умѣнья жить. Онъ хорошо говоритъ, и въ крайнемъ случаѣ можетъ быть тѣмъ идеаломъ для котораго не сегодня, такъ завтра будутъ у насъ писать либеральную реформу городскаго управленія. По его словамъ, городъ имѣетъ источники дохода въ будущемъ; тѣмъ лучше! Мы только этого и просимъ. Я спросилъ его: давитъ ли масса демократическая и бездомная городскаго общества (подъ нею я разумѣю мѣщанъ) на элементъ порядка, закона и уваженія къ собственности? онъ отвѣчалъ мнѣ: давитъ-съ, но не всегда-съ! Депутація говорила не много; лица у нихъ— общій гостиподворскій типъ, среди котораго, какъ рѣдкость, блуждаютъ фигуры получиновническія и полудворянскія. Изучать болѣе было нечего. Въ извѣстныхъ случаяхъ, умный человѣкъ чувствуетъ инстинктивно что онъ всему научился.

Земское собраніе мнѣ понравилось. Зала большая, хорошій воздухъ, резонансъ очень удовлетворительный. Есть ораторы, есть правая, есть и лѣвая сторона. Предсѣдатель, мой товарищъ по полку во дни оны, дирижируетъ гурьбу съ умѣньемъ; есть люди говорящіе съ толкомъ, есть люди говорящіе для того чтобъ ихъ не упрекнули въ молчаніи. Послѣдніе никогда не становятся первыми, къ чести собранія; а это много значитъ для такихъ юныхъ общественныхъ учрежденій. Дѣла о которыхъ шла рѣчь были мнѣ знакомы: говорили объ уравненіи повинностей; дворянамъ досталось отъ Іудъ Искаріотскихъ своей среды, ищущихъ популярности на счетъ своихъ собственныхъ и чужихъ кармановъ. Въ итогѣ я доволенъ былъ общимъ ходомъ дѣла и дисциплиной собранія, болѣе чѣмъ въ правѣ былъ ожидать.

Изъ собранія поѣхалъ въ губернскую управу, гдѣ меня ждали in corpore всѣ члены. Они угощали меня книгами, планами, отчетами и толкованіями на нихъ. Изъ любезности долженъ былъ принимать видъ живаго интереса. Было слишкомъ жарко чтобъ оцѣнивать прелесть усовершенствованной бухгалтеріи. Былъ въ тюрьмѣ. Несчастныхъ болѣе чѣмъ

тюрьма можетъ вмѣстить; это подтвердило меня въ убѣжденіи что преступленія растутъ количествомъ не по днямъ, а по часамъ. Прокуроръ, коего главный недостатокъ показался мнѣ тотъ что онъ ѣстъ разные соусы ножомъ, оспаривалъ за обѣдомъ у губернатора этотъ фактъ; но я уполномочиваю себя его оспариванію не вѣрить.

Губернаторъ человѣкъ умный и современный. Онъ grand seigneur и обращается въ то же время съ chose publique съ тактомъ и пониманіемъ государственнаго человѣка. Онъ прочелъ мнѣ свою краткую записку о нынѣшнемъ состояніи губернаторской власти, которая, по его мнѣнію, довольно дѣльному и оригинальному, страдаетъ тремя недугами: trop de responsabilité, trop de devoirs directs, et trop peu de prestige. * Я раздѣляю и одобряю en gros его мнѣніе. Хотя онъ еще молодъ и иногда увлекается, но все же въ немъ есть задатки для будущаго восхожденія. Съ судомъ онъ не уживается; съ земствомъ живетъ мирно. Я расположенъ думать что онъ умѣетъ земству импозировать свое вліяніе грандъ-сеньйора; въ наше время умѣть это дѣлать—не бездѣлица. Son seul defaut est d'écrire: волостная старшина и городская голова!

Предводитель съ большею любовью говоритъ о своихъ прежнихъ суксесахъ въ гвардіи и свѣтѣ чѣмъ о своей политической роли въ губерніи. J'aime cela! это добрякъ въ полномъ смыслѣ слова. Насколько я его понялъ, il en a assez du земство. Онъ мечтаетъ о губернаторствѣ.

Предсѣдатель окружнаго суда человѣкъ степенный по сану, но мальчишка по виду. Это одинъ изъ той толпы правовѣдовъ которые уже со школьной скамьи мечтаютъ о справедливости, равноправности и въ каждомъ изъ насъ хотятъ видѣть враговъ легальности.

Всѣхъ этихъ великихъ людей провинціи я видѣлъ въ два пріема: за завтракомъ у головы и за обѣдомъ у губернатора. Я испытываю удовольствіе, повторяя что тотъ и другой были отличны; слава провинціи!

Съ неменьшимъ удовольствіемъ повторяю и подчеркиваю для потомства, которое прочтетъ эти строки, это повтореніе; *я достаточно близко видѣлъ городъ и земство Сл. губерніи чтобы сказать: оба превзошли мои ожиданія!*

Посмотрю что̀ будетъ дальше, а пока пора спать. Vale!

---

* Слишкомъ много отвѣтственности, слишкомъ много прямыхъ обязанностей и слишкомъ мало обаянія.

XII.

26го мая, губернскій городъ К., послѣ полуночи.

Пользуясь хорошею погодой, я пересѣлъ въ общій вагонъ перваго класса. Одному сидѣть надоѣло, а въ общемъ вагонѣ не такъ душно. Засталъ общество людей, на видъ порядочныхъ, но для которыхъ я былъ незнакомецъ. Это инкогнито доставило мнѣ большое удовольствіе; въ особенности я оцѣнилъ его тогда когда прислушавшись къ разговору узналъ въ чемъ дѣло. Толковали двое молодыхъ, двое пожилыхъ и одинъ старый человѣкъ о Петербургѣ и о томъ что̀ принято называть общимъ терминомъ—политикой. Однимъ словомъ, насъ грѣшныхъ судили. При входѣ моемъ, я засталъ вопросъ о печати и литературѣ въ полномъ ходу. Двое молодыхъ, старичокъ и одинъ изъ среднихъ лѣтъ бранили насъ за то что мы, Петербуржцы, будто не любимъ патріотовъ. Saprisli, подумалъ я, они въ карманъ за словомъ не лѣзутъ; представители трехъ поколѣній въ вагонѣ перваго класса, гдѣто въ центрѣ Россіи, проводятъ время въ томъ что обсуживаютъ вопросъ о патріотизмѣ съ точки зрѣнія политической. Я понадѣялся на втораго среднихъ лѣтъ собесѣдника, который, казалось мнѣ, позволялъ говорить, не придавая никакого значенія словамъ своихъ собесѣдниковъ, и казался мнѣ по физіономіи скорѣе изъ нашихъ чѣмъ изъ Русскихъ pur sang. Но „въ тихомъ омутѣ черти водятся“, говоритъ пословица. Ни съ того, ни съ сего, когда казалось истощили они арсеналъ оружій противъ нашего бѣднаго Петербурга, за его нѣжную любовь ко всему что̀ не дышетъ ультра-патріотизмомъ, молчаливый собесѣдникъ улыбнулся иронически и сказалъ приблизительно слѣдующее (я это запомнилъ, чтобы все цѣликомъ передать моему другу Павлу, какъ признакъ времени, и отчасти, отчего же нѣтъ? настроенія Россіи): „Знаете отчего“, сказалъ тотъ кто показался мнѣ сфинксомъ: „причина очень простая и старая, даже нигилисты и разные исты пользуются сравнительно съ нами терпимостью извѣстной части общества, потому что они хитрятъ, а мы съ вами хитрить не умѣемъ“. Одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ на это: „ну нѣтъ“. Я взглянулъ на сфинкса съ удивленіемъ, и въ этомъ удивленіи заключался вопросъ: что̀ это значитъ? Вѣроятно онъ меня

понялъ, и поспѣшилъ развить свою странную мысль цѣлою диссертаціей, о которой не стоило бы вспоминать, еслибы въ ней, какъ на днѣ каждой мысли, даже глупѣйшей, не нашлось атома дойстойнаго анализа. Этотъ атомъ заключался въ той мысли что нигилисты имѣютъ выгоду хладнокровія невѣжества, а патріоты и вообще честные люди — невыгоду увлеченія, и пылкій жаръ убѣжденій. Въ сущности это правда, хотя, между нами будь сказано, если нигилисты и вся эта сволочь имѣютъ kakія-либо привилегіи, то это потому что они насъ оставляютъ въ покоѣ, et font leur petite besogne d'empoisonnement moral à doses qui ne nous effraient pas. * Это все des miserables, безъ таланта въ головѣ и безъ крышъ надъ головой! Если намъ съ вами чего-либо бояться, то это тѣхъ qui savent quelque chose. ** Государство гдѣ было бы въ одно и то же время много Шекспировъ по чувству и по геніальности, неминуемо очутилось бы на краю пропасти и погибло; не такъ ли? Мы, чиновные люди, обречены были бы быть первыми жертвами слишкомъ честнаго и талантливаго направленія литературы. Къ счастью мы далеки отъ этого, и сквозь презрѣніе, которое питаю къ нигилистамъ, говорю имъ, когда въ духѣ, mercі, messieurs.

Господа эти говорили также объ отсутствіи у насъ великихъ людей въ настоящее время. Когда объ этомъ заговорили, я позволилъ себѣ спросить одного изъ собесѣдниковъ: „что̀ такое великіе люди“?—„Геніальные“, отвѣчалъ онъ мнѣ. „Кто знаетъ“, сказалъ другой, „можетъ быть они есть гдѣнибудь на Руси, да ихъ затираютъ люди, да и обстоятельства“. Не трудно было понять что это разсужденіе опять было направлено на счетъ насъ Петербуржцевъ. Я имъ сказалъ: „повѣрьте, господа, что для современниковъ нѣтъ великихъ людей: людей производятъ въ это званіе потомки“. Я свелъ очень искусно разговоръ на общія мысли чтобъ избѣгнуть весьма вѣроятныхъ колкостей на нашъ счетъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ сказать чѣмъ буду я или другой въ глазахъ потомства?

Пересѣлъ послѣ этой станціи въ свой вагонъ. Мы еще не дожили до того времени когда порядочные люди вообще

---

* И совершаютъ свое дѣльце отравленія нравственнаго въ пріемахъ, которые насъ не пугаютъ.

** Которые что-нибудь знаютъ.

могутъ безъ опасенія составлять часть того цѣлаго что̀ въ образованномъ государствѣ называютъ обществомъ; у насъ еще находишься подъ выстрѣломъ всякаго негодяя, болѣе или менѣе прилично одѣтаго.

Сегодняшній день превзошелъ всѣ остальные усталостью. Я напалъ на губернатора изъ особенно дѣятельныхъ, холерическаго темперамента, который безпощадно меня угощалъ всѣми прелестями и замѣчательностями своего пашалыка.

Завтракъ и обѣдъ были изобильны, но не особенно вкусны. Тюрьма меня поразила своими ужасами. Арестанты, какъ мнѣ сказали, бѣгаютъ изъ нея черезчуръ безцеремонно и часто. Я приписываю это тому что смотритель, съ одной стороны, говоритъ слишкомъ литературно, изъ чего я заключилъ что онъ вѣроятно читаетъ журналы и газеты, а съ другой стороны, какъ мнѣ показалось, на одномъ глазѣ у него бѣльмо и что-то тугъ на ухо.

Мостовая немного лучше чѣмъ въ К., но все же варварски дурна. Губернія, повидимому, правится хорошо. Исправники показались мнѣ джентльменами: одинъ изъ нихъ говоритъ по англійски, какъ сказывалъ мнѣ губернаторъ. Предсѣдатель управы на нихъ мнѣ жаловался, но я успѣлъ убѣдиться что у господъ земскихъ коноводовъ это принципъ—жаловаться на полицію, даже тогда когда виноваты они, а не полиція. Этотъ предсѣдатель отставной морякъ, много говоритъ и съ губернаторомъ обходится слишкомъ по-товарищески. Онъ предложилъ мнѣ поѣхать осматривать богоугодныя заведенія. Я не могъ не согласиться, но пригласилъ съ собою вице-губернатора, чтобы не быть въ фальшивомъ положеніи одинокаго обожателя земскихъ подвиговъ. Зданія хороши, постели больныхъ опрятны, воздухъ чистъ, но фигура главнаго врача мнѣ не понравилась. Разумѣется, все хорошее эти господа приписываютъ земству, то-есть себѣ, а все дурное—администраціи. Главный врачъ былъ въ сюртучкѣ, говоритъ всѣмъ безразлично: „господинъ такой-то,“ и со всѣми слишкомъ развязенъ и слишкомъ боекъ. Нашелъ весьма неумѣстнымъ тотъ способъ рекомендаціи этого франта мнѣ который употребилъ предсѣдатель. „Это нашъ земскій другъ и благодѣтель,“ сказалъ онъ, указывая мнѣ на доктора, и затѣмъ этотъ докторъ ни съ того, ни съ сего, протягиваетъ мнѣ руку. Нравы мѣняются, подумалъ я, и далъ доктору настолько руки чтобъ онъ понялъ неумѣстность своей выходки; но онъ не понялъ и на-

чалъ объяснять мнѣ какія-то чудеса про экономію дровъ, пищи и чистоту воздуха.

Приглашеніе поѣхать въ земскую управу я не принялъ. Довольно было и одного раза этого удовольствія, тѣмъ болѣе что фигуры членовъ управы, съ которыми познакомился, показались мнѣ весьма не заманчивыми. Первый показался мнѣ либераломъ; остальные такъ себѣ, ни то ни сё, хотя впрочемъ губернаторъ отозвался о нихъ очень хорошо. Я былъ бы довольнѣе, еслибы могъ находить въ этихъ управахъ себѣ равныхъ, des hommes de notre bord (людей нашего круга), съ этими господами надо изъ своего міра исходить въ ихъ узкій міръ мелочныхъ интересовъ, внѣ которыхъ никакое общеніе мысли невозможно.

Я былъ заваленъ просьбами, подъ предлогомъ что меня принимаютъ за какого-то всемогущаго по всѣмъ вѣдомствамъ ревизора; въ особенности много было крестьянскихъ просьбъ, откуда я заключилъ что мировые посредники этой губерніи ничего не дѣлаютъ. Просьбы отдалъ губернатору.

Женщины въ городѣ показались мнѣ красивыми и весьма нарядными: много костюмовъ европейскихъ; на одной изъ улицъ завидѣлъ вывѣску: „Coiffeur de Paris“. На главной площади мальчишки продаютъ газеты: я нашелъ этотъ признакъ прогресса излишнимъ.

Вообще губернаторъ кажется слабымъ и слишкомъ принимаетъ въ соображеніе то что̀ для государственнаго человѣка не существуетъ—общественное мнѣніе.

Въ губерніи разводятъ много свекловицы, много сахарныхъ заводовъ; помѣщики народъ кутящій.

На губерніи много недоимокъ. Причины я добиться не могъ. Предводитель сидѣлъ слѣва отъ меня за обѣдомъ; онъ богатый человѣкъ, но молчаливый и безъ роли въ губерніи. Жена его красавица; губернаторъ, какъ мнѣ показалось, для нея болѣе чѣмъ губернаторъ.

XIII.

Отвѣтъ на письмо XI и XII.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Преисполненныя высочайшаго интереса письма ваши отъ 25го и 26го мая имѣлъ удовольствіе получить. Давно ли мы разстались, а ужь чуть ли не половина Россіи изъѣзжена и изучена вами. Опасеніе которое изволите выражать насчетъ то-

го что можете сдѣлаться слишкомъ русскимъ человѣкомъ, врядъ ли серіозно: не такимъ людямъ какъ вы этого боять-ся. Нельзя не радоваться, подобно вашему сіятельству, тому что есть въ Россіи люди, но еще болѣе слѣдуетъ радоваться тому что есть люди, какъ вы, умѣющіе ихъ отыскивать. Въ этомъ отношеніи позволяю себѣ думать что ваше путеше-ствіе немногимъ отличается отъ поѣздки Екатерины II, от-носительно любознательности. Выносить, и притомъ терпѣливо, мостовыя какъ тѣ о которыхъ изволите писать и всякія другія непріятности, заслуга государственная не маловажная. Утѣшаю себя мыслію что по крайней мѣрѣ повара въ городахъ, гдѣ вы обѣдаете и завтракаете, заслуживаютъ одобренія. Что же касается земства, то по правдѣ сказать, я смѣю по-лагать что вы изволите судить о немъ со снисходительностію; трудно привыкнуть къ мысли что могутъ быть у насъ люди внѣ администраціи.

Мысли губернатора насчетъ реформы этого учрежденія дѣйствительно замѣчательны. Дай Богъ такимъ людямъ, ког-да перестанутъ быть молоды, возвышенія на службѣ; особен-но хорошо то что губернаторъ этотъ, какъ вы его изволите называть, гранъ-сеньйоръ.

Какъ не грѣшно было вашему сіятельству опять инкогни-то сидѣть въ общемъ вагонѣ: время теперь не такое чтобы можно было на каждый языкъ разчитывать. Любуюсь вами и вашею ловкою политичностію. Вы разговариваете какъ будто ни въ чемъ не бывало, съ людьми повидимому не со-всѣмъ благонадежными, позволяете имъ высказывать сужде-нія болѣе чѣмъ странныя и даже находите въ ихъ мысляхъ что-то заслуживающее вниманія. Разговоръ, повидимому, былъ изъ мудреныхъ. Мысль о множествѣ Шекспировъ въ государствѣ, какъ о значительномъ для него бѣдствіи, замѣ-чательно вѣрна: люди черезчуръ уже геніальные, когда они не на службѣ, больно безпокойны. Вообще литература вещь хотя и хорошая, но по моему лучше было бы, еслибы она не касалась вовсе политики. Что же относится до великихъ людей, то всякій порядочный человѣкъ знаетъ что ихъ у насъ, слава Богу, довольно; не всѣхъ, правда, цѣнятъ одина-ково, но придетъ время, повѣрьте, когда такимъ людямъ, какъ вы, сумѣютъ отдать справедливость. Хотя бы памят-ную книжку у насъ почаще посматривали; увидѣли бы тамъ что у насъ великихъ людей чуть ли не больше, чѣмъ во всѣхъ

другихъ государствахъ Европы. Эпизодъ съ докторомъ земской больницы есть послѣдствіе того что земство вообще черезчуръ безцеремонно. Помните ли, ваше сіятельство, что я въ прошломъ году имѣлъ честь представить записку о распространеніи на всѣхъ служащихъ въ земствѣ обязанности носить мундиръ. Будь у него мундиръ, земскій врачъ не могъ бы явиться въ сюртукѣ. Вообще мундиръ полезная вещь; для людей онъ тоже что̀ хомутъ для лошади!

У насъ, благодаря милости Божіей, все тихо и спокойно. У графа N. N. насморкъ прошелъ и они изволятъ уже заниматься дѣлами и принимать; за то у князя Б., какъ сказывали, сильнѣйшій флюсъ; все причиной дурная погода. Въ Россіи все благополучно. Графъ Х. очень озабоченъ убійствами и грабежами, о чемъ сказывали они мнѣ вчера на pointe. По ихъ мнѣнію, слѣдовало бы въ каждой губерніи учредить комитетъ для изслѣдованія этого вопроса, затѣмъ составить особую коммиссію здѣсь и, независимо отъ сего, циркуляромъ дать знать всѣмъ кому вѣдать надлежитъ чтобы принимали мѣры къ уменьшенію таковыхъ преступленій и внушали народу что таковые убійства и грабежи — великій грѣхъ. Впрочемъ Илья Павловичъ думаетъ что вѣроятно столь поразительное увеличеніе числа убійствъ происходитъ отъ того что $^{9}/_{10}$ каторжныхъ возвращаются въ Россію съ мѣста ссылки, безъ вѣдома правительства. Можетъ ли это быть?

Жена, дѣти и всѣ преданные вашему сіятельству кланяются, изъ нихъ же первый азъ.

XIV.

27—28го мая, поздно вечеромъ.

Я въ Старгородѣ! Онъ впечатлѣлъ на меня своимъ величіемъ; я въ немъ нашелъ un ensemble d'antiquités plus imposant et plus riant, * чѣмъ въ Москвѣ.

Я спрашивалъ себя зачѣмъ сіе впечатлѣніе?

Я же отвѣтилъ себѣ: затѣмъ что на сихъ камняхъ, холмахъ, храмахъ и монументахъ печальная татарщина не оставила своей ржавчины. Древняя Россія, хотя и религіозная, врѣзала

---

* Сочетаніе древностей болѣе величественное и свѣтлое.

здѣсь привѣтливый, свободный и самобытный слѣдъ дѣвственности.

На каждомъ шагу мнѣ здѣсь говорятъ про Поляковъ. J'aime mieux les Polonais que les Tartares, отвѣчалъ я всѣмъ: полонизмъ имѣетъ свои невыгодныя стороны, я согласенъ, но съ ними вмѣстѣ il marque dans les annales de ce pays des pages * посвященные успѣхамъ цивилизаціи. J'aime bien mieux ça, чѣмъ все то что̀ вездѣ на Руси мнѣ говоритъ про тяжелые дни, когда мы были les vils esclaves de nos maitres les Tartares **.

D'ailleurs еще упрекъ. Я не люблю политику и національную въ особенности, quand il s'agit de saluer un passé aussi monumental que celui d'une ville comme Старгородъ *** Я хочу знать что̀ говоритъ мнѣ сей древній храмъ или читать его лѣтописи, но не хочу знать гдѣ были шайки тѣхъ или другихъ инсургентовъ. Довольно съ ними имѣть дѣло въ нашихъ бумагахъ. Я хочу чувствовать себя гражданиномъ великой Европы, свободнымъ какъ туристъ Альбіона, мечтающимъ, рисующимъ, курящимъ и вопрошающимъ надъ каждымъ мѣстомъ, достойнымъ быть вопрошаемымъ.

Старгородъ стоитъ на трехъ холмахъ, на высшемъ изъ нихъ стоитъ святыня города и Россіи — монастырь, а подъ сѣнію ея множество домовъ, гдѣ разсажены большіе и малые двигатели центральной администраціи.

На одномъ изъ холмовъ есть памятникъ, болѣе другихъ замѣчательный по мысли. У подножія этого памятника я остановился и мечталъ. Возлѣ меня никого не было живыхъ, но кругомъ толпилось много умершихъ. Я говорилъ имъ: messieurs, parlez moi du passé, le présent m'accable trop. **** Они сжалились надо мною и стали говорить про все чего были свидѣтелями и подвижниками. О, рокъ! Даже въ тишинѣ вечера и отходившаго ко сну города, мнѣ показалось что я слышалъ патріотическія созвучья съ злобными

---

* Онъ оставилъ по себѣ слѣды на страницахъ лѣтописей.

** Презрѣнными рабами нашихъ властелиновъ Татаръ.

*** Когда дѣло идетъ о поклоненіи столь богатому воспоминаніями прошедшему, каково прошедшее Старгорода!

**** Господа, говорите мнѣ про прошедшее, настоящее черезчуръ тяготитъ меня.

аккордами противъ Поляковъ. Я сказалъ мертвымъ что̀ сказалъ живымъ, и нашелъ что у первыхъ l'oreille est moins dure чѣмъ у послѣднихъ. Они были благовоспитаннѣе, подумалъ я и принялся бесѣдовать съ ними про все то гдѣ національная ненависть не играла роковой роли. Тѣни которыя я вызывалъ я сталъ вопрошать о будущности сего града и сей страны. „Силы наши велики“, отвѣчали они, „но строя и гармоніи въ нихъ нѣтъ, мы всѣ воздвигали, мы всѣ боролись за великія цѣли, но умирая, даже среди побѣды, мы говорили прощаясь съ жизнью: друзья и братья il nous manque quelque chose (намъ не достаетъ чего-то)!“

Но среди этихъ голосовъ, отдававшихъ справедливость своей слабости и унесшихъ съ собою въ могилу критическій умъ самосознанія, я будто слышалъ голоса другіе, менѣе скромные и eo ipso менѣе безпристрастные. Эти требовали отъ будущаго des choses extraordinaires et rèclamaient pour leur pauvre moi les grandes prèrogatives d'une capitale. * Я сдѣлалъ будто не слышалъ, ибо не люблю даже съ мертвыми затрогивать вопросовъ гдѣ Петербургу приходится быть sur la sellette. Наконецъ, не безъ непріятнаго чувства, услышалъ я такіе голоса гдѣ звучали звуки дикіе и мнѣ чуждые. При этомъ предо мною возставали лица въ одѣяніяхъ гдѣ le cosaque se dessinait dans ses contours difformes. **

Странная вещь! Отошедши отъ памятника, я сошелъ внизъ и вышелъ въ міръ живыхъ. Мнѣ показалось что мертвые, съ которыми я бесѣдовалъ, не умирали: до такой степени многіе изъ живыхъ походили на нихъ мыслями и рѣчами.

Всѣ живые сей вѣси и сего града распадаются на множество группъ. Разумѣется les deux grands groupes étant l'administration et les administrés. Послѣ этого идутъ тѣ разныя категоріи лицъ о которыхъ я упомянулъ.

Прежде всего я нашелъ здѣсь чего не находилъ нигдѣ кромѣ Петербурга; au sein même du groupe grandiose администраціи, я не безъ грусти констатировалъ если не расколъ, то все же раздвоеніе главныхъ образовъ мыслей на два лагеря.

Официальные grands-faiseurs думаютъ такъ; непризнанные, но фактически сильные grands-faiseurs думаютъ иначе.

---

* ....вещей необычайныхъ и просили для своего бѣднаго „я“ великія прерогативы столицы.

** Гдѣ обрисовывался казакъ въ своихъ уродливыхъ очертаніяхъ.

Это *иное* въ образѣ мыслей составляетъ то что и у насъ дѣлитъ нашъ сонмъ служителей государства: l'art de comprendre l'èlement russe et la maniere de s'en servir! * Первые благоразумнѣе вторыхъ. Я выскажу по этому поводу, съ вашего позволенія, замѣтку, которая вамъ покажется можетъ-быть странною и puérile, но она вѣрна, ибо взята изъ міра практическихъ наблюденій. Вотъ она:

Элегантныя формы обращенія и большое умѣнье владѣть французскимъ языкомъ служатъ у насъ признакомъ d'une appréciation correcte des grandes questions politiques à bouche béante **.

Вотъ почему на ряду съ прелюбезнымъ обращеніемъ avec messieurs les Polonais, я нашелъ въ людяхъ первой категоріи признаки здраваго и хладнокровнаго обращенія съ ихъ causa. Наоборотъ въ тѣхъ которые *говорятъ только по-русски*, въ людяхъ съ бородами и длинными волосами, въ людяхъ которыхъ здѣсь Панургово стадо патріотовъ называетъ замѣчательными, въ людяхъ дѣйствительно умныхъ, но односторонникъ и узкихъ, я нашелъ съ прискорбіемъ всѣ увлеченія и уклоненія инспирированныя фанатическою ненавистью ко всему что̀ похоже на великую добродѣтель цивилизаціи—терпимость.

Крестьянское дѣло особенно этимъ фанатизмомъ страдаетъ. Поляки жалуются на это, но они настолько любезны и цивилизованы что умѣютъ жаловаться le sourire sur les lêvres.

Quant aux administrès, il me serait difficile пересчитать всѣ категоріи. Вопервыхъ il y a le parti des vieux croyants, то-есть старовѣровъ. Они косятся на администрацію и боятся каждаго ея поклона любому Поляку, по той простой причинѣ что любой Полякъ для ихъ раздраженнаго воображенія является во образѣ вѣроломнаго инсургента. De ceux là je n'en veux point pour constituer cet élément appelé a devenir fraichement atothone *** и извѣстнаго подъ именемъ усиленія

---

* Искусство понимать русскій элементъ и способъ его употребленія.

** Вѣрной оцѣнки важныхъ политическихъ вопросовъ еще не разрѣшенныхъ.

*** Такихъ я не хочу для составленія элемента призваннаго сдѣлаться туземнымъ.

русскаго элемента въ краѣ. Есть между ними люди образованные, люди говорящіе по-французски, но мало.

Затѣмъ есть равнодушные или умѣренные. J'aime mieux ceux là. Они водятся и дружатся съ Поляками и имѣютъ съ ними общаго—ненависть къ мировымъ посредникамъ вообще и къ своему въ особенности. Эти умѣренные суть землевладѣльцы, иные изъ чиновниковъ и люди торгующіе, въ жизни которыхъ le debet et credit не позволяютъ заниматься политикой. Первымъ я говорилъ въ духѣ примирительнаго, но все же нѣсколько авторитетнаго увѣщанія не забывать что иныя требованія правительства должны быть ими уважаемы, quand même ils leur paraîtraient un peu trop доморощеннаго направленія.

Наконецъ есть Поляки. О нихъ что̀ сказать вамъ? Они достойны своей участи, ибо шалятъ. Я имъ сказалъ за обѣдомъ у К. Н.: „Messieurs les Polonais, je vous aime beaucoup, vous êtes de vrais gentilhommes, mais vous avez eu tort d'avoir oublié dans vos prières à Dieu celle de vous donner un peu plus де благоразумiе!“* Въ настоящую минуту они ведутъ себя хорошо, et me font de la peine (и мнѣ ихъ жаль). Они говорили мнѣ обо многомъ, и это многое se résume, въ словахъ: on nous ruine (насъ разоряютъ), но я отвѣчалъ четырьмя: un peu de patience (немного терпѣнья).

Труднѣе мнѣ было справиться съ русскими союзниками Поляковъ: и эти завалили меня, какъ проѣзжаго изъ Петербурга, вопросами. Я разрѣшалъ ихъ un peu en Alexandre de Macédoine, и признаюсь позавидовалъ вамъ всѣмъ въ эти минуты, зная какъ перомъ легче это дѣло дѣлать чѣмъ на словахъ. Мое правило всегда улыбаться, даже когда говоришь непріятности, мнѣ пригодилось: тѣ которымъ я говорилъ вещи въ существѣ своемъ désagreables улыбались тоже, и кто знаетъ, si un peu de ce sourire n'allait pas se loger plus loin que les lêvres? **

Русскіе фанатики также осадили меня вопросами. Ils ont

---

* Господа Поляки, я васъ очень люблю, вы настоящіе джентльмены, но вы виновны въ томъ что забывали просить у Бога немного болѣе благоразумія.

** Быть-можетъ что-нибудь отъ этой улыбки проникло дальше губъ.

l'air de ne pas avoir assez de leur métier de bourreau *; Этимъ я съ тою же улыбкой говорилъ то что могъ говорить, не компрометтируя ни достоинства Европейца, ни сана петербургскаго чиновника. En somme, всѣ, какъ мнѣ показалось, остались довольны, и кончая день, я сказалъ какъ Титъ, mon „слава Богу".

На два вопроса ваши отвѣчу просто и ясно:

На первый, относительно напечатанія въ газетахъ замѣтки обо мнѣ, вотъ мой отвѣтъ: дать согласіе на напечатаніе того что вы предлагаете, значило бы насиловать общественное мнѣніе, надо наоборотъ чтобы общественное мнѣніе приведено было къ тому чтобы найти насиліе въ себѣ самомъ, въ самостоятельной оцѣнкѣ моихъ соприкосновеній, какъ каждаго порядочнаго человѣка, съ государственною жизнью, въ особенности когда этотъ порядочный человѣкъ становится послѣдователемъ Россіи.

На второй, отвѣтъ столь же простой. Множество коммиссій въ X. губерніи служитъ по моему лучшимъ выраженіемъ прогрессивнаго развѣтвленія мѣстной самодѣятельности: c'est le selfhelp de monsieur le gouverneur et compagnie **; и еслибы отъ меня зависѣло, я бы официально одобрилъ такой симптомъ движенія впередъ провинціальной государственной жизни. Впрочемъ у каждаго свой взглядъ! Россія и я шлемъ вамъ поклонъ, она по своему, а я по своему. Vale!

XV.

Отвѣтъ на письмо XIV.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Начну письмо съ почтительнаго извиненія. Письмо ваше изъ Старгорода такъ замѣчательно хорошо во всѣхъ отношеніяхъ что я безъ вашего позволенія рѣшился снять съ него нѣсколько копій для лицъ которыя меня объ этомъ просили. Какое краснорѣчіе, какая глубина чувства, какое прелестное сочетаніе поэзіи съ тонкими политическими наблюденіями!

Да-съ, смѣю думать, что еслибъ искони много было такихъ

---

* Точно они не насытились ремесломъ палача.

** Въ этомъ я вижу самодѣятельность господина губернатора и К°.

людей на Руси какъ ваше сіятельство, татарщины не было бы и слѣда.

Умѣть быть въ одно и то же время и чиновникомъ и, какъ вы изволили выразиться, туристомъ Альбіона, могу сказать вещь не легкая.

Что же касается тѣней которыя вы изволили вызывать для бесѣды на одномъ изъ холмовъ Старгорода, то я нахожу во всемъ томъ что они говорили много правды, за исключеніемъ вопроса о столицѣ. Какъ можно себѣ представить иную столицу чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ всѣ мы съ малолѣтства привыкли жить и справлять каждый свою службу! Вѣдь вотъ и Москва столица, и Старгородъ, какъ видно изъ письма вашего сіятельства, большой городъ, а все не то что Петербургъ. Тамъ разныя мысли бродятъ въ безпорядкѣ и люди-то безпокоятся разными стремленіями, еще какъ будто не установившимися, словомъ, точно нѣтъ правильнаго порядка въ жизни, а ужь здѣсь у насъ все на своемъ мѣстѣ, все прибрано, все идетъ такъ какъ слѣдуетъ.

Насчетъ мертвыхъ вообще—Богъ съ ними, а вотъ что изволите говорить про живыхъ въ городѣ Старгородѣ, не совсѣмъ утѣшительно. По моему, въ образѣ мыслей между служащими всякое разъединеніе вредно, а тѣмъ паче въ столь важномъ вопросѣ какъ вопросъ о Полякахъ въ этомъ краѣ. Не знаю какъ вы, ваше сіятельство, но я полагаю что вообще такъ-называемый патріотизмъ въ политикѣ вещица предурная, изобрѣтенная газетами въ послѣднее время. Вѣдь какъ ни говори, а если мы дозволимъ увлекаться такъ-называемыми русскими чувствами въ одну сторону, то должны будемъ допустить увлеченіе въ другія стороны. Какъ хорошо что ваше сіятельство сами были тамъ, такъ-сказать на мѣстѣ преступленія и могли каждаго патріотическаго вольнодумца или пристыдить, или разубѣдить. Какъ ни говори, а петербургскій чиновникъ много значитъ въ провинціи, и слѣдовательно много можетъ сдѣлать своимъ значеніемъ.

Да-съ, какъ не согласиться съ тѣмъ что самые лучшіе для насъ люди суть равнодушные. Вѣдь, кто этого не знаетъ, всѣ революціи происходятъ отъ патріотизма и чувствительности вообще.

Извините за философствованіе, но вы видите, ваше сіятельство, какъ сильно дѣйствіе вашихъ лисемъ, даже и я разсуждать сталъ какъ-то свободнѣе.

Думаю что дѣйствительно положеніе ваше ничуть не было легче Александра Македонскаго, среди стольких лицъ, обращавшихся къ вамъ съ разными вопросами.

Графъ П. сегодня прочелъ ваше письмо и возвращая его изволилъ написать мнѣ! „Боюсь чтобы нашъ милый князь не сдѣлался полонофобомъ.“

По вопросу объ убійствахъ вообще мнѣ пришла слѣдующая мысль: хорошо было бы сравнить съ отцеубійствомъ, относительно строгости наказаній, убійства надъ особами первыхъ трехъ классовъ, съ тѣмъ чтобы виновные посылались не въ каторжную работу, откуда они бѣгутъ, а въ особую тюрьму, которую слѣдовало бы для этого выстроить на земскія деньги. Какъ вы изволите взглянуть на такую мысль?

Общая семья всѣхъ помнящихъ ваше сіятельство приноситъ вамъ поклонъ и желаніе всякаго блага.

XVI.

29го того же мѣсяца, вечеромъ.

На этотъ разъ пишу вамъ не въ позднюю ночь, но по мѣрѣ силъ, съ помощью заходящаго солнца, слѣдовательно днемъ, а если хотите и вечеромъ. Le набожный народъ молится въ это время Богу—наканунѣ Троицына дня, et moi, пользуясь тѣмъ что люди заняты Богомъ, а не нами, спѣшу бесѣдовать съ моимъ вѣрнымъ другомъ.

Прежде всего спасибо за ваше длинное письмо, въ которомъ нашелъ васъ, какъ всегда, скромнымъ, но интереснымъ. Спасибо за поклонъ отъ нашей общей семьи; скажите имъ что несмотря на жару, я настолько бодръ, что вспоминаю о всякомъ, и не забываю никого.

Не только не сержусь, но доволенъ тѣмъ что мое послѣднее письмо гуляло по рукамъ. Чѣмъ больше знаютъ что̀ я дѣлаю, тѣмъ лучше для меня; on aura soin malgré tout, de me rendre justice un jour.* Радуюсь что графъ П... читалъ мое письмо, но удивляюсь почему онъ нашелъ меня слишкомъ полонофобомъ. Скажите ему слѣдующее: s'il s'agissait de reconstituer le pays qúe nous gouvernons, en assistant au premier jour de sa crea-

* Нехотя воздадутъ мнѣ когда-нибудь должное.

tion,* я бы попросилъ Господа Бога первое мѣсто дать чему-либо солидному en fait de peuple, похожему на Англичанъ или Прусаковъ; это *что-то* составило бы *le fond*: второе мѣсто—бѣднымъ Полякамъ. Ça aurait fait l'élément charmant et plein de ** даровитость, которой намъ не достаетъ! и уже третье я бы выпросилъ *намъ грѣшнымъ Русскимъ*,—какъ элементу лѣни, удали и интеллектуальной неподвижности!

Но такъ какъ такая перетасовка невозможна, и восемь лѣтъ назадъ мы праздновали уже тысячелѣтіе нашего государства, то я, во время пребыванія моего въ Старгородѣ, долженъ былъ, въ качествѣ чиновника, приладить les государственные интересы прежде общечеловѣческихъ, и давалъ руку русскому медвѣдю прежде чѣмъ протянуть ее au gentleman Polonais, qui par parenthèse est charmant. ***

Сегодня былъ въ честь князя С. обѣдъ, обильный блюдами и элементами его составлявшими.

Тостовъ и рѣчей было много. Намъ сказаны были любезности на всѣхъ тонахъ и изъ всѣхъ лагерей. Мое русское имя фигурировало тоже; les Moscovites ont bien voulu изъ него сдѣлать знаменіе чего-то имъ симпатизирующаго. Я отвѣчалъ два раза. Вотъ приблизительно что я сказалъ на первый тостъ *за меня:* „Господа Старогородцы (ça a fait de l'effet) я приношу вамъ поклонъ отъ многихъ губерній, вамъ родныхъ по крови и вамъ близкихъ по сердцу; это одно даетъ мнѣ право надѣяться на добрый привѣтъ между вами. Я ихъ видѣлъ эти губерніи цвѣтущими и счастливыми, цвѣтущими потому что видѣлъ ихъ весной, счастливыми потому что все что въ нихъ носитъ названіе общественной силы — цвѣтетъ какъ природа въ эту пору, и озаренная лучами яркаго восхода, дышетъ отъ всей груди подъ безпредѣльнымъ небомъ свободы, свободы разума, но не свободы страсти, свободы гражданина, но не свободы бродяги. Здѣсь застаю ту же благодатную весну, но на небѣ среди лазури ходятъ еще легкія тучки, отъ этихъ тучекъ ложатся тѣни, а эти тѣни, увы, мѣшаютъ вамъ слить ваши общественныя силы съ потоками жизни, кипящей отъ

---

* Еслибы надо было пересоздать управляемое нами государство, присутствуя при первомъ днѣ его сотворенія.

** Онѣ представили бы собою элементъ полный прелести и дароитости.

*** Который, сказать въ скобкахъ, прелестенъ.

льдинъ сѣвернаго полюса до волнъ Евксинскихъ, отъ Тихаго океана до Балтики. Вотъ почему, вдохновляясь вашими интересами, государственными болѣе чѣмъ личными, я льщу себя надеждой что вы оцѣните это вдохновеніе, какъ радушный отвѣтъ на радушный привѣтъ, и примете вашимъ сердцемъ желаніе моего: за здравіе и процвѣтаніе веси и града Старгорода въ лицѣ вашемъ. Д да исчезнетъ отъ общихъ вашихъ усилій съ его неба послѣдняя тучка, какъ таетъ воскъ отъ лица огня!“ Beaucoup de bravos, суксессъ и т. д.

На другой тостъ, не помню какой, сказалъ: „Между нами, господа, не устрашусь сего высказать, есть Поляки. Еслибъ ихъ не было, я спросилъ бы: гдѣ же они? твердо вѣря что на сей зовъ откликнутся только друзья цивилизаціи и Россіи. Прогрессъ учитъ забывать изъ исторіи то что̀ не столько поучительно, сколько грустно. Какъ гражданинъ государства, я претендую прежде всего на званіе бойца во имя прогресса и осѣняю себя этимъ славнымъ именемъ чтобы предложить вамъ, господа, выпить со мною за единеніе всѣхъ племенъ на почвѣ сего богатаго жизнью края.“

Тостъ этотъ не совсѣмъ понравился, но я именно въ виду этого „не совсѣмъ“ и сказалъ его. Envoyez le коллегу П., чтобы онъ на мой счетъ сталъ не невѣренъ, а вѣренъ.

Какъ видите, мнѣ пришлось на долю говорить болѣе другихъ. Сколько я уже сказалъ съ тѣхъ поръ что разстался съ вами! Вы жалѣете что не имѣете полнаго собранія моихъ рѣчей—и я тоже; но справьтесь не печатаются ли онѣ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ тѣхъ губерній гдѣ я былъ. Иногда это дѣлается.

Утро отдалъ занятію которое очень люблю, но на которое, увы, въ Петербургѣ не хватаетъ времени—разбору здѣшней флоры. Посвятилъ ему три часа; между нами будь сказано, съ цвѣтами иногда пріятнѣе имѣть дѣло чѣмъ съ людьми: волервыхъ, знаешь тотчасъ чѣмъ они пахнутъ; вовторыхъ; s'ils ne sentent pas toujours bon, въ дурномъ даже запахѣ нѣтъ примѣси тенденціозности; втретьихъ, знаешь навѣрное что они ни о чемъ просить не будутъ. Давно не былъ вслѣдствіе такого занятія такъ въ духѣ. Желалъ бы и вамъ найти три часа для вашей любимой pisciculture, но зная что не найдете, не желаю вамъ этого.

Нахожу что рѣшеніе по дѣлу о жалобѣ русскихъ купцовъ на

нѣмецкихъ гражданъ—вполнѣ основательно. Надо чтобы мало-по-малу первые пріучились понимать что любой городъ остзейскій—не Пенза и не Тамбовъ, ни по правамъ, ни по кулачному бою. Посовѣтуйте графу N. сальную свѣчу, какъ лѣченіе отъ насморка.

Насчетъ же убійствъ и вашихъ соображеній имѣю много что сказать pro et contra. Правда что убійство особъ первыхъ трехъ классовъ лишаетъ не только общество, но и государство бо́льшаго чѣмъ простое убійство; но не предвидите ли, въ случаѣ легальнаго признанія такого различія, поводовъ къ насмѣшкамъ и сарказмамъ. Литература, газетная въ особенности, можетъ возбудить вопросъ: непремѣнно ли общество теряетъ многое при убійствѣ всякаго третьяго класса? Вѣдь, между нами говоря, не всѣ они одного калибра и одного роста. Но объ этомъ до свиданія. Vale.

XVII.

Отвѣтъ на письмо XVI.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Приношу благодарность за ваше письмо отъ 29го минувшаго мѣсяца и за то что одобрили мой поступокъ относительно послѣдняго вашего письма.

Предполагаю что графъ П. изволили шутить, приписывая вашему сіятельству неблагопріятное расположеніе къ Полякамъ. Съ письмомъ вашимъ въ карманѣ, отправился сегодня же вечеромъ на Елагинскую стрѣлку, въ надеждѣ увидѣть графа и исполнить ваше порученіе, въ каковомъ предположеніи не ошибся. Прочиталъ его сіятельству ваше почтенное письмо. Графъ засмѣялся, прослушалъ строки къ нему адресованныя и поручилъ мнѣ передать вашему сіятельству что еслибъ они были Господь Богъ, они бы вовсе не создали Россію, какъ народность не нужную на земномъ шарѣ и съ рожденія зараженную разными недугами, изъ которыхъ главнѣйшій политическая неспособность. Надѣюсь что газеты передадутъ рѣчи вашего сіятельства за старгородскимъ обѣдомъ. Судя по тому что́ вы изволили сказать въ письмѣ вашемъ, представляю себѣ эти рѣчи прекрасными. За то воображаю какъ пришлось утомлять вамъ ваше ухо рѣчами патріотическими! Особенно хороша должна быть ваша первая

рѣчь, но спрашиваю себя: многіе ли изъ сидѣвшихъ за столомъ поняли ее настолько чтобъ оцѣнить ее?

Въ письмѣ вашемъ вы именно предугадали насколько искренно я жалѣю что не могу собрать всѣхъ вашихъ рѣчей. Перебралъ всѣ газеты, рылся повсюду, но повидимому не все что̀ было ваши сказано было напечатано. Газеты ограничиваются или краткимъ отчетомъ, или даже просто ничего не говорятъ. То и другое вѣроятно не безъ умысла, точно будто люди говорящіе какъ вы у насъ не рѣдкость. Отрадно было прочитать въ письмѣ вашего сіятельства что вы нашли время для занятій старгородскою флорой и въ этомъ занятіи—успокоительный отдыхъ, въ которомъ болѣе чѣмъ кто-либо нуждаетесь. Графъ П. много смѣялись когда я имъ прочиталъ остроумныя строки вашего сіятельства насчетъ предпочтенія которое вы даете цвѣтамъ предъ людьми вообще. Благодарю васъ что вспомнили о моей охотѣ удить рыбу; къ сожалѣнію, какъ вы справедливо сказали, не могу найти время для столь невиннаго и пріятнаго занятія. Вчера, напримѣръ, едва только стала клевать первая рыба мою удочку, какъ пріѣхалъ куръеръ съ значительнымъ количествомъ бумагъ.

Прочиталъ съ большимъ вниманіемъ соображеніе вашего сіятельства въ отвѣтъ на мою мысль объ устройствѣ тюрьмы для убійцъ знатныхъ особъ. Нельзя не согласиться съ ними, но я все-таки полагаю что коммиссія изъ свѣдущихъ лицъ могла бы заняться обсужденіемъ сего вопроса. Вѣдь какъ ни говори, даже юридически, убійца какой-нибудь кухарки не все равно что убійца какой-либо особы 2го или 3го класса.

Вчера встрѣтилъ барона Н., который поручилъ мнѣ вашему сіятельству передать свой поклонъ. Онъ жалуется на то что вблизи его имѣнія устраивается православная церковь, чѣмъ оскорбляется достоинство господствующей въ краѣ вѣры лютеранской и слишкомъ облегчается возможность для народа соблазняться внѣшними обрядами православія. Онъ жалуется также на то что русскіе священники обучаютъ крестьянскихъ мальчиковъ русскому языку. Насчетъ перваго я сказалъ барону что было бы неловко запретить вовсе постройку русскихъ церквей, такъ какъ все же Остзейскій край часть Россіи, но что во всякомъ случаѣ онъ можетъ быть увѣренъ что за всякое обращеніе въ православіе будетъ строго взыскано съ виновныхъ. Насчетъ втораго я совѣтовалъ ему подать офиціальную записку кому слѣдуетъ, въ увѣренности что

приняты будутъ мѣры къ прекращенію немедленно такого злоупотребленія со стороны священниковъ.

Съ радостью думаю о томъ что сіе письмо мое вѣроятно предпослѣднее. Послѣднее адресую въ Москву. Вся духовная семья вашего сіятельства со мною приноситъ сердечный и почтительный поклонъ вмѣстѣ съ пожеланіемъ вамъ благополучнаго возвращенія.

XVIII.

Старгородской губерніи имѣніе помѣщика графа Н., 31го мая.

Если вы передали содержаніе моихъ рѣчей, а въ особенности тостъ за соединеніе Поляковъ съ Русскими графу П., то вѣроятно вы ему сказали что таковая передача имѣла цѣлью сдѣлать его не невѣренъ, но вѣренъ à l'article de mes convictions quant au polonisme! *

Теперь прошу васъ передать ему что я гощу въ великолѣпномъ имѣніи графа Н., Поляка въ полномъ смыслѣ слова, bien entendu *не* politiquemen parlant, но по гармоническому сочетанію въ немъ des charmes de l'homme du monde et de la culture d'un homme véritablement civilisé! **

Но если П. будетъ мною доволенъ, я предвижу что Москва и московская партія, если узнаютъ объ этомъ, скажутъ мнѣ что я отдался вліянію Поляковъ. Les bons Moscovites, ont вѣдь думаютъ что непремѣнно надо быть подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ, и никакъ не хотятъ допустить чтобъ элементомъ вліяющимъ былъ тотъ кто гоститъ, а не тотъ у котораго гостятъ.

Какъ бы то ни было, но мнѣ предстояло выбрать между пребываніемъ въ Старгородѣ, съ перспективой заниматься скучнымъ выслушиваніемъ разныхъ крестьянскихъ вопросовъ, или une petite partie de plaisir въ замкѣ d'un homme charmant.

Вы меня знаете: personne n'a plus que moi le courage de ses opinions. Я выбралъ второе; но съ двумя условіями, сказалъ я любезному хозяину: 1) qu'il ne soit pas question de po-

---

* Касательно моихъ мыслей о полонизмѣ.

** Прелестей свѣтскаго и культуры истинно образованнаго человѣка.

litique * и 2) чтобы послѣ васъ я имѣлъ время провести нѣсколько часовъ у ломѣщика русскаго, afin de pouvoir m'instruire путемъ сравненія.

Графъ мнѣ на это возразилъ: „Извините, но такъ какъ я ручаюсь что вы у меня почувствуете себя лучше чѣмъ у моего русскаго сосѣда, то я бы васъ просилъ начать съ него, pour me garder, moi, pour la bonne bouche.“ **

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Я пробылъ нѣсколько часовъ у русскаго ломѣщика Д., а теперь нахожусь у польскаго графа N., и вотъ à peu près l'esquisse exacte de mes впечатлѣнія.

Русскій ломѣщикъ и польскій, оба имѣли незавидную долю подпасть подъ истребительное начало русскихъ мировыхъ посредниковъ муравьевскаго закала; другими словами, они разорены насколько раззореніе было возможно, безъ опасенія поднять противъ насъ Европу, la quelle après tout aurait eu le droit de lever l'etendard de la révolte, au nom de l'humanité, du principe de la propriété et de la civilisation. *** Оба, несмотря на то, настолько добряки что не проклинаютъ насъ съ вами чиновниковъ, но напротивъ, какъ видите, принимаютъ меня очень радушно. Крестьяне у обоихъ благоденствуютъ, и къ чести ломѣщиковъ будь сказано, оба не слишкомъ отъ этого не въ духѣ. Посредника я встрѣтилъ на почтовой станціи и сказалъ ему: „не хочу васъ судить ни pro, ни contra и ставить на очную ставку съ вашими жертвами, а потому освобождаю себя отъ удовольствія имѣть васъ своимъ спутникомъ, но даю вамъ rendez vous въ волостномъ правленіи, гдѣ я буду туристомъ не сегодня, такъ завтра.

Русскій ломѣщикъ показался мнѣ порядочнымъ человѣкомъ: онъ выписываетъ *Московскія Вѣдомости* pour se donner du mauvais sang (чтобы портить себѣ кровь) и *Вѣсть* pour se calmer (чтобы себя успокоивать)! Это дѣлаютъ здѣсь многіе; впрочемъ нашелъ у него и *Débats*, и *Illustration*, и *Revue des deux Mondes*; и *Punch*, ergo—c'est un homme civilisé. Онъ

---

* Съ тѣмъ чтобъ о политикѣ не было рѣчи.

** Чтобъ меня сберечь на послѣдокъ.

*** Которая въ сущности имѣла бы право поднять противъ насъ знамя возстанія, во имя человѣчества, началъ собственности и цивилизаціи.

говоритъ безъ страсти, безъ желчи и безъ подобострастія, умѣетъ слушать (русскіе помѣщики рѣдко это умѣютъ), задаетъ вопросы самостоятельные, отвѣчаетъ съ признаками того что понимаетъ вопросъ (и этимъ наши бѣдные Русскіе не всегда отличаются). Жена его порядочная женщина, хотѣлось бы сказать Русская, но не могу, ибо оказалось что она Полька, дѣти одѣты по-шотландски, съ голенькими ножками. Voila pour le moral. Quant au comfort matiriel, * онъ изряденъ; меня угощали завтракомъ, на которомъ все было въ изобиліи, но не особенно вкусно. Домъ большой, но содержится un peu à la grâce de Dieu, садъ маленькій, страдаетъ отсутствіемъ щегольства и нарядности.

Вы спросите: почему я былъ у этого помѣщика? отвѣтъ простой: потому что онъ изъ всѣхъ показался мнѣ самымъ приличнымъ, и Г. рекомендовалъ его мнѣ какъ человѣка который менѣе другихъ надоѣдаетъ администраціи. Онъ купилъ имѣніе тому два года. Ультра-Русскіе въ Старгородѣ, узнавъ что я хочу взглянуть на деревню, попытались было мнѣ посовѣтовать съѣздить къ помѣщику Б., подъ предлогомъ что онъ давнишній помѣщикъ и знаетъ край; я имъ отвѣтилъ: „господа, je me défie un peu ** людей вообще знающихъ край; онъ мнѣ слишкомъ много пожалуй скажетъ такого съ чѣмъ я согласиться не могу.

Моему же русскому помѣщику я задалъ три вопроса: первый: „испытываете ли вы чувство внутренняго спокойствія и удовольствія, сознавая себя въ своемъ имѣніи?“ Начало отвѣта было: „то-есть какъ?“ изъ чего я заключилъ что отвѣтъ былъ „нѣтъ“; c'est le ton qui fait la musique. ***

Второй вопросъ: думаете ли вы что земство сольетъ здѣсь сословія и національные элементы въ одну гармоническую единицу? Начало отвѣта: „это зависитъ“.... и т. д. Я не далъ докончить, ибо по началу догадался что „нѣтъ“ и „да“ вмѣстѣ n'augurent rien de bon. ****

Третій вопросъ: дѣйствительно ли крестьянское населеніе этого края отличается тѣми особенными качествами и достоинствами которыя имъ приписываютъ нѣкоторые народо-

---

* Вотъ все что̀ относится до нравственной стороны быта, что же касается матеріальной....

** Я нѣсколько остерегаюсь....

*** Вѣдь въ тонѣ заключается музыка.

**** Не предвѣщаютъ ничего хорошаго.

любцы? Начало отвѣта было: „признаться сказать, ваше сіятельство“. Довольно, сказалъ я, еслибы это было „да“, вы бы не начали, со словъ „признаться сказать“.

Итакъ вы видите что я разспрашиваю, и не ограничиваюсь тѣмъ что уже знаю, но судьбѣ не угодно меня просвѣщать такъ какъ псевдо просвѣщаются наши ультра-поклонники du vox et virtus populi!.

Quand à mon grand seigneur Polonais онъ меня принялъ съ тою любезностію которая есть одна изъ отличительныхъ чертъ de cette pauvre nation.

Его домъ—дворецъ, жена—красавица, въ польскомъ значеніи этого слова; одно что хромаетъ—это прислуга, ее слишкомъ много, а опрятности слишкомъ мало. Дворецъ стоитъ въ саду, а садъ великолѣпенъ. Гуляя по саду, я спросилъ графа: служилъ ли этотъ садъ убѣжищемъ для инсургентовъ? онъ отвѣчалъ „нѣтъ“, но для посредниковъ „да“. J'ai trouvé la reponse spirituelle. *

Обѣдъ, къ немалому моему удовольствію, былъ сервированъ à la Parisienne, благодаря хозяйкѣ, которая въ Парижѣ воспитывалась. Она и онъ добрые люди, рекомендуютъ какъ нельзя лучше свою національность. Послѣ обѣда прелестная графиня изволила бранить русскихъ чиновниковъ вообще, я ей сказалъ: Comtesse n'oubliez pas que je suis aussi un чиновникъ Russe. **—„Européen“, ласково отвѣтила она. Мужъ же находитъ что всѣ чиновники хороши, кромѣ мироваго. Я его успокоилъ обѣщаніемъ что они скоро получатъ мировыхъ судей galants hommes et dignes des jolies femmes Polonaises. *** Впрочемъ здѣсь не мечтаютъ ни о земствѣ, ни о судебной реформѣ; о нихъ, сколько я замѣтилъ, хлопочутъ Русскіе консерваторы, разчитывающіе на первое въ особенности, какъ на орудіе вліянія, и русскіе демагоги, ласкающіе себя надеждой что фаланга новыхъ дѣятелей будетъ, какъ прежде, ватагой sans culottes.

Вообще я вынесъ впечатлѣніе очень пріятное; между русскимъ и польскимъ помѣщикомъ, кромѣ разницы матеріальной, есть различіе нравственныхъ такъ-сказать оттѣнковъ, тамъ гдѣ идетъ дѣло объ отношеніяхъ къ окружающей жиз-

---

* Я нашелъ отвѣтъ остроумнымъ.

** Графиня, не забудьте что я тоже русскій чиновникъ.

*** Джентльменовъ и достойныхъ польскихъ красавицъ.

ни. Гдѣ мой Русскій задумывается и задаетъ себѣ вопросъ: что̀ дѣлать? польскій панъ уже подумалъ и дѣлаетъ; ils me font l'effet d'une nation, qui ne sait pas ce que la timidité. * Отчасти я это приписываю тому что они чаще насъ имѣютъ дѣло съ Европейцами. Не мѣшало бы намъ ставить себѣ народною педагогическою задачей—быть и вращаться какъ можно болѣе между сынами Альбіона и пожалуй даже между легкомысленными Французами.

Вечеромъ былъ въ волостномъ правленіи. Заговорилъ съ волостнымъ старшиной по-польски, думая что онъ меня пойметъ. Онъ меня не понялъ вполнѣ, за что̀ я его похвалилъ. Сей агентъ правительства казался мнѣ толковымъ, глаза у него умные, но нарядностію наши великорусскіе старшины перещеголяли хохловъ. Комната чистая запахомъ и отсутствіемъ домашнихъ элементовъ грязи, книги въ исправности, платежи тоже, за что̀ сказалъ старшинѣ спасибо; вышедши на улицу, сказалъ собравшимся крестьянамъ: „Теперь что вы свободны и счастливы, и улеглась буря національности, помните что вашъ долгъ взирать на помѣщика съ тою довѣрчивостію въ отношеніяхъ, безъ которой не мыслима гражданская жизнь и экономическое благосостояніе.“ Посредникъ напомнилъ мнѣ своею физіономіей любовника, героя современныхъ комедій Александринскаго театра, говорящаго прекрасныя вещи, но не знающаго зачѣмъ и кому. Вечеромъ поздно былъ уже въ Старгородѣ. Желаю здравія вамъ, вашимъ и моимъ.

XIX.

Отвѣтъ на письмо XVIII.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Съ радостнымъ чувствомъ, въ надеждѣ васъ увидѣть черезъ два дня, пишу сіе письмо въ Москву. Пишу оное, какъ всегда, по полученіи вашего почтеннаго письма, изъ имѣнія помѣщика графа Н.

Повторяю то что̀ не разъ уже говорилъ: не могу надивиться вашей изумительной дѣятельности и подвижности. Какъ Юлій Цезарь, вы вездѣ являетесь, все окидываете взглядомъ и одерживаете самую славную изъ побѣдъ—побѣду всевѣдѣнія.

---

* Они мнѣ кажутся націей не знающею что̀ такое застѣнчивость.

Вы изволите опасаться московской партіи и толкованія ею вашего пребыванія въ имѣніи польскаго помѣщика графа Н. Вы всегда надъ нею смѣялись, а тѣмъ паче теперь, когда вы увидѣли цѣлую Россію, во очію которой вы собою явили образъ человѣка презирающаго всѣ мелочи жизни и стоящаго выше всѣхъ партій и интересовъ. Какъ не понять того что соскучившись все тѣми же пріемами, дѣлами, все русскими помѣщиками, вѣроятно повсюду одинаковыми, ваше сіятельство сочли за благо дать предпочтеніе удовольствію гостить у польскаго графа Н. предъ утомительными разными крестьянскими вопросами. Поляки, сколько я думаю и понимаю ихъ, люди деликатно образованные: удивительно ли послѣ этого что ваше сіятельство даете имъ преимущество предъ Русскими? но всегда вмѣстѣ съ тѣмъ остаетесь безпристрастны, великодушны и справедливы и принимаете приглашеніе отъ русскаго помѣщика.

Не разъ, перечитывая ваши почтенныя письма, думалъ себѣ, что̀ бы я сдѣлалъ еслибы былъ на вашемъ мѣстѣ? Не могу себѣ представить откуда взялъ бы хоть сотую часть той утонченной дипломатики которую на каждомъ шагу вы проявляете въ столь громадныхъ размѣрахъ и разнообразныхъ видахъ.

Ѣздить какъ вы, говорить какъ вы и людей понимать какъ вы—цѣлая наука! Думаю что не я одинъ, а всѣ затруднились бы подобно мнѣ, будучи на вашемъ мѣстѣ.

Вчера получилъ извѣстіе о непріятномъ недоразумѣніи, случившемся по поводу газетныхъ статей о путешествіи вашего сіятельства.

Печать во всемъ, какъ не разъ уже говорилъ вашему сіятельству, является недоброжелателемъ воистинѣ прекраснаго дѣла. Случилось слѣдующее: газета *N. N.* напечатала престранную корреспонденцію изъ одного изъ городовъ гдѣ ваше сіятельство изволили быть, двѣ другія газеты перепечатали сіе: между прочимъ въ сей странной корреспонденціи курсивомъ напечатано было слѣдующее: „*У насъ много говорятъ про пропздъ какого-то чиновника туриста, пробывшаго въ нашемъ городѣ нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ онъ отлично попилъ, много наговорилъ, мало слушалъ и ничего не видѣлъ.*“

Я было хотѣлъ хлопотать о взысканіи за такую неприличность, но сообразилъ что это значило бы вашему сіятель-

ству оказать услугу медвѣдя. Угождай послѣ этого людямъ!

Кромѣ этого эпизода, все слава Богу благополучно. Въ Россіи все смирно; у князя Н. флюсъ лопнулъ.

XX.

Москва, 3го іюня.

Получилъ здѣсь ваше письмо адресованное въ Старгородъ, mon cher ami. Что сказать вамъ? Большое уфъ! Усталъ. Россія, которую я изъѣздилъ, меня слегка утомила. Не такъ легко какъ кажется, даже при желѣзныхъ дорогахъ, ее изучить. На этотъ разъ, хотя нѣсколько часовъ только раздѣляетъ меня отъ васъ, но я in vestra persona хочу вообразить себѣ Россію и сказать ей le gros de ce que j'en pense. Этого письма велите снять копію къ моему возвращенію, оно пригодится сыну когда подростетъ.

Въ каждомъ письмѣ моемъ вы могли видѣть что я не испытывалъ вліянія среды, гдѣ находился. Съ гордостью могу сказать что я изучалъ Россію, sans subir son influence. Болѣе чѣмъ когда-либо, я пришелъ къ убѣжденію что Россіи въ извѣстномъ смыслѣ нѣтъ: c'est une figure oratoire que nous voulons bien employer en politique. * Наши балтійскіе друзья болѣе представляютъ собою Германію, чѣмъ все то что я видѣлъ представляетъ собою Россію, въ смыслѣ политически-психически и логически конституцированнаго государства.

Столь положительно констатированный фактъ вамъ можетъ показаться или страннымъ или грустнымъ, если маменька и папенька васъ увѣрили въ томъ что Россія есть нѣчто столь же не фиктивное какъ Франція, Англія или Пруссія.

Каждая губернія есть фабрика, производящая свой товаръ по заказу, но далеко не есть составная часть какого-нибудь цѣлаго, того цѣлаго которое мы съ вами себѣ представляемъ, сидя въ нашихъ кабинетахъ. Требуйте отъ этихъ фабрикъ то что имъ заказано сдѣлать, но не ожидайте отъ нихъ объединительной солидарности въ политическихъ интересахъ.

Любой государственный человѣкъ Англіи былъ бы очень озадаченъ, еслибы пришлось ему въ Тамбовѣ или Пензѣ, созвавши митингъ, проводить какую-либо политическую идею:

* Это ораторская фигура къ которой мы добровольно прибѣгаемъ въ политикѣ.

ему пришлось бы имѣть дѣло съ тысячами крестьянъ, не знающихъ даже что̀ такое государство и нѣсколькими дворянами, воображающими что за чертой Тамбовской или Пензенской губерніи начинается луна или восходитъ Венера. Чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь что не будь вопросовъ національности въ Россіи, ее бы не было. Газеты доказывающія Нѣмцамъ, Полякамъ и Финляндцамъ что она есть, похожи на тѣхъ престижитаторовъ которые оставляютъ публику подъ обаяніемъ прелести таинственнаго, тогда какъ здравый смыслъ, несмотря на эту прелесть, говоритъ: эта таинственность—вздоръ.

Фабрики или губерніи которыя я видѣлъ очень усердно занимаются то земскими, то судебными продуктами; впрочемъ не вездѣ одинаково: я слышалъ жалобы, гдѣ именно не помню, на то что въ иныхъ губерніяхъ земство успѣло надоѣсть. Пожалуй правительству придется опять браться за мѣстныя хозяйства, à défaut d'amateurs.

Всѣ совершившіяся реформы прекрасныя вещи, но между нами буди сказано, болѣе чѣмъ когда-либо я того мнѣнія que nos braves gens les administrés n'en avaient pas besoin. * Впрочемъ если это ихъ веселитъ, то Богъ съ ними.

Вообще моя поѣздка дала мнѣ много успокоительныхъ элементовъ: мы можемъ, какъ говорится, спать sur les deux oreiles, тѣ которые говорятъ объ общественномъ мнѣніи какъ будто хотятъ этимъ намъ угрожать революціей; общественнаго мнѣнія нѣтъ, ergo революція невозможна. Пугачевъ était un gros moujik inventé par Catherine pour avoir le plaisir de dire à Voltaire: mon cher ami, vous voyez comme j'envoie au diable les révolutionaires. **

Въ семнадцать дней я объѣхалъ Россію! Est-ce trop ou trop peu? *** Какъ вы думаете? Я думаю que c'est trop, ибо видѣвши только то что̀ вижу всегда, не выходя изъ своего кабинета, и слышавши то что̀ уже зналъ, или то чему не вѣрю, я ничему не научился; а между тѣмъ въ эти семнадцать дней каждый изъ насъ, сидя предъ столомъ, могъ бы Тобольскую

---

* Что наши добрые управляемые въ нихъ не нуждались.

** Не болѣе какъ мужикъ выдуманный Екатериной съ цѣлью доставить себѣ удовольствіе сказать Вольтеру: мой другъ, вы видите какъ я справляюсь съ революціонерами.

*** Слишкомъ ли много или слишкомъ мало?

губернію перевести въ Харьковскую, а Архангельскую въ Бессарабскую, sans que personne des messieurs et mesdames qui les habitent s'en doutent le moins du monde! *

Вотъ исповѣдь моего послѣдняго впечатлѣнія. Болѣе чѣмъ когда-либо, я буду любить Россію какъ фикцію, то-есть сердцемъ чиновника, но не московскаго, а съ береговъ Невы en face d'une Europe civilisée qui nous regarde. **

Москва въ эти нѣсколько часовъ показалась мнѣ доброю старушкой пріятельницей, которая опять позабывъ что меня уже видѣла, начала болтать про старыя любимыя сплетни; эту Москву я видѣлъ за обѣдомъ у Г.

Какъ всегда, былъ разговоръ о томъ какъ хорошо было бы столицу перевесть въ Бѣлокаменную: on n'en sort pas du хорошо, но le pourquoi этого „хорошо“ Москвичи объясняютъ бо́льшимъ присутствіемъ русскаго духа или что̀ то же, не объясняютъ вовсе.

Петербургъ есть столица и долженъ быть столицей, это лучшее мѣсто для него какъ политической академіи Россіи, тогда какъ Москва, n'aurait eu que pour elle les souvenirs d'un passé barbare et les incertitudes d'un avenir aussi douteux qu'elle-même! ***

Завтра или послѣзавтра свидимся. Надѣюсь что вы не слишкомъ много приберегли мнѣ дѣлъ деликатныхъ и требующихъ соображеній, а проглотили за меня все что̀ могли.

Вы мнѣ пишете въ послѣднемъ письмѣ о вашихъ опасеніяхъ насчетъ Нѣмцевъ, которые будто бы вошли въ періодъ лѣтняго пароксизма, лихорадочнаго возбужденія къ сепаратизму. Скажу только: бѣдные Нѣмцы, сочувствуя ихъ горю, жалѣлъ бы и о себѣ, если бы въ роли русскаго чиновника долженъ былъ avoir le front уговаривать примиряться съ мыслію когда-нибудь обратиться въ Коломенца или Пошехонца. Вообще triste rôle que celui d'un homme d'état en Russie quand il doit по дѣламъ службы забыть qu'il est homme civilisé avant tout ****.

---

* И никто бы изъ господъ жителей не догадался.

** Лицомъ къ лицу съ цивилизованною Европой, которая на насъ смотритъ.

*** Имѣла бы за себя лишь воспоминанія варварскаго прошедшаго и неизвѣстность будущаго, столько же сомнительнаго, какъ она сама.

**** Грустная роль русскаго государственнаго чиновника, когда онъ долженъ по дѣламъ службы забыть что прежде всего онъ человѣкъ цивилизованный.

Нельзя было лучше и умнѣе отвѣтить моему другу барону N. Прибавлю только отъ себя еще слѣдующее: Moi qui suis Russe, я скорѣе согласился бы дать разныя привилегіи Ламаитамъ и Буддистамъ, еслибъ они возымѣли фантазію селиться въ Остзейскомъ краѣ, чѣмъ à nos chers pravoslavnoi, по той простой причинѣ что они, то-есть Русскіе, sont les plus forts, и что притомъ я уважаю принципъ Евангелія, въ силу котораго послѣдніе должны быть первыми, а первыми послѣдними. Vale, amice!

Прощай Россія, здравствуй Петербургъ!

4го іюня, въ 9 часовъ безъ трехъ минутъ утра, почтенный графъ, сидя въ своемъ отдѣленіи вагона, улыбнулся прощальною улыбкой Россіи. Въ 9 часовъ ровно поѣздъ остановился у платформы Петербургской станціи. Человѣкъ получавшій письма графа Прокопія стоялъ на этой платформѣ и съ легкимъ трепетомъ въ сердцѣ ждалъ торжественной минуты свиданія съ путешественникомъ. Въ девять часовъ и одна минута дверцы отдѣленія открылись; графъ вышелъ и твердою ногой сталъ на петербургскую почву. Въ этотъ мигъ графъ показался себѣ и человѣку который его встрѣтилъ чуть не Петромъ Великимъ! Почтительный корреспондентъ кинулся къ графу, и губы ихъ слились въ одинъ долгій и нѣжный поцѣлуй, которому, за отсутствіемъ пѣсни соловья, откликнулся громко и рѣзко свистокъ паровоза.

Кн. В. МЕЩЕРСКІЙ.

ИСТОРІЯ РУССКАГО КОНКОРДАТА

Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 годъ, А. Н. Попова. (*Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія*, 1870).

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ случилось событіе выходящее изъ ряда обыкновенныхъ. Два монарха владѣвшіе престолами на противоположныхъ концахъ Европы, оба воплощавшіе идею неограниченной власти, хотя и въ различныхъ формахъ, въ различныхъ сферахъ проявленія,—встрѣтились между собою и протянули другъ другу руку съ желаніемъ взаимнаго соглашенія. Это соглашеніе послѣдовало и облечено было въ торжественную форму договора. Какія же имѣла оно дальнѣйшія послѣдствія? Какія новыя условія внесъ этотъ договоръ въ жизнь тѣхъ до кого онъ касался, и въ сущность вопросовъ которые были предметомъ соглашенія? А вопросы эти имѣли величайшую, первенствующую важность. Соглашеніе происходило между видимымъ главой одной изъ двухъ великихъ христіанскихъ церквей и покровителемъ другой. Оно касалось, конечно, не догматическихъ вопросовъ, но такихъ однакожь которые были установлены соборными рѣшеніями и распоряженіями папъ, имѣющими для католиковъ силу почти каноническую. На чемъ же сошлись эти два абсолютизма встрѣтившіеся между собою со взаимнымъ дружелюбіемъ? Не образовалось ли между ними, такъ-сказать, нейтральной почвы, на которой могъ бы пробиться ростокъ свободы?... Вотъ мысли и вопросы которые возбуждаютъ любопытные матеріалы изданные А. Н. Поповымъ подъ заглавіемъ *Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 годъ*. Посмотримъ что̀ отвѣтятъ они намъ на эти вопросы.

Съ самаго начала постоянныхъ сношеній нашихъ съ Римомъ, сношеній вообще не отличающихся дружелюбіемъ, рѣд-

ко доходили они до такой степени натянутости какъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, именно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ предшествовавшихъ заключенію конкордата между нашимъ и римскимъ дворами. Предполагая прослѣдить по матеріаламъ изданнымъ г. Половымъ переговоры относящіеся къ этому трактату, я нахожу не лишнимъ, пользуясь нѣкоторыми другими матеріалами, указать стегка и на отношенія которыя существовали между означенными дворами предъ началомъ переговоровъ: это дастъ возможность читателямъ оцѣнить какъ велика была та пропасть которую конкордатъ 1847 года вознамѣрился засыпать и уничтожить.

I.

Въ 1839 году совершилось, какъ извѣстно, присоединеніе къ православной церкви унитовъ сѣверо-западнаго края. Это важное событіе завершило дѣло религіознаго возсоединенія Русскаго народа, начавшееся вскорѣ послѣ втораго раздѣла Польши; униты оставались, въ числѣ около 250 тысячъ душъ, только въ предѣлахъ Царства Польскаго. Важное это дѣло совершилось тихо. Его, безъ шума въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, подготовлялъ преосвященный Іосифъ Сѣмашко и, наконецъ, получивъ заявленіе отъ 1365 унитскихъ священниковъ о желаніи ихъ принять православіе, онъ испросилъ разрѣшеніе совершить о томъ соборное постановленіе. Въ Полоцкѣ—глухомъ жидовскомъ городкѣ состоялось это постановленіе (12го февраля 1839); синодъ ходатайствовалъ предъ государемъ о необходимости принять желающихъ присоединенія; Государь помѣтилъ на докладѣ синода: „благодарю Бога и принимаю“,— и полтора милліона унитовъ стали православными.... Никакого шума не было о томъ въ газетахъ, не только прежде, но даже и послѣ событія; не послѣдовало о немъ никакого громкаго правительственнаго заявленія, выходившаго изъ ряда; оно какъ бы тайкомъ проникло въ нашу историческую жизнь, и вѣроятно огромное большинство людей, даже изъ числа принадлежащихъ къ образованнымъ классамъ, не отдавали себѣ яснаго отчета объ этомъ дѣлѣ столь высокой важности, а кто и зналъ, тотъ помалчивалъ, не вѣдая удобно или неудобно о немъ говорить. Но если возсоединеніе унитовъ ни на волосъ не нарушило лѣниваго покоя и мертваго безмолвія Россіи, то оно произвело потрясающее впечатлѣніе въ католическомъ мірѣ и, разумѣется, болѣе

всего въ Римѣ. Врагъ всякихъ мѣръ клонящихся къ возбужденію умовъ, не охотникъ до всякихъ обращеній къ общественному мнѣнію и гласности вообще, папа Григорій XVI рѣшился въ настоящемъ случаѣ измѣнить своей обычной сдержанности и произнесъ по случаю этого событія „несравненно болѣе огорчительнаго чѣмъ всѣ бѣдствія издавна уже имъ оплакиваемыя“, аллокуцію, которая немедленно была воспроизведена всѣми клерикальными и даже не клерикальными газетами. „Славный *Рутенскій* или Россійскій народъ, сказалъ папа въ засѣданіи тайной консисторіи 22го ноября 1839 года, *принявшій католичество вмѣстѣ съ христіанствомъ, но вскорѣ усвоившій греческую схизму* (таковъ взглядъ римскаго престола на судьбы христіанства въ Россіи), вступившій въ послѣдствіи въ соединеніе съ Христовою (то-есть римскою) церковію, нынѣ снова отъ нея отпалъ, благодаря обманамъ, прельщеніямъ и угрозамъ употребленнымъ нѣсколькими недостойными пастырями.“ Оплакивая гибель обманутыхъ и предавая строгому порицанію обманувшихъ, папа заключилъ свою аллокуцію слѣдующими словами: „Не можемъ скрыть отъ васъ, уважаемые братья, что еще болѣе огорченія внушаетъ намъ положеніе католичества въ обширныхъ владѣніяхъ Россійской имперіи, ибо намъ извѣстно что наша святая религія подвергается утѣсненію въ этой странѣ. Въ своей пастырской заботливости объ измѣненіи такого положенія дѣлъ, мы намѣрены на будущее время продолжать наши ходатайства предъ лицомъ могущественнаго императора, питая еще надежду что, по свойственной ему справедливости и по возвышенному своему образу мыслей, онъ удовлетворитъ нашимъ требованіямъ и нашимъ желаніямъ.“

Около трехъ лѣтъ спустя, именно 22го іюля 1842 года, папа произнесъ другую аллокуцію. Онъ свидѣтельствовалъ о постоянныхъ своихъ стараніяхъ улучшить положеніе католичества въ Россіи, но такъ какъ эти старанія остаются неизвѣстными вѣрующему міру, а особенно жителямъ тѣхъ отдаленныхъ странъ коихъ они служатъ предметомъ, и такъ какъ между ними распространяютъ мысль что римскій престолъ остается равнодушнымъ къ ихъ положенію, то „мы считаемъ нынѣ, заключилъ папа, обязанностію своею предъ Богомъ, предъ религіей и предъ самими собою снять съ себя подозрѣнія въ столь постыдномъ преступленіи“. Вслѣдствіе сего напечатана и роздана была членамъ св. коллегіи записка, въ ко-

торой исчислялись какъ причины жалобъ римскаго двора, такъ и представленія его русскому правительству. Важнѣйшими поводами къ этимъ жалобамъ были: „почти полная зависимость въ которую русское правительство поставило отъ себя католическихъ епископовъ относительно ихъ юрисдикціи и отправленія ихъ пастырскихъ обязанностей“, подчиненіе воспитанія католическаго духовенства людямъ въ духовныхъ предметахъ несвѣдущимъ; отнятіе у церквей и монастырей ихъ имуществъ, чрезъ что̀ богослуженіе лишено подобающаго великолѣпія и отнята возможность содержать потребное число пастырей; нарушеніе монастырскихъ уставовъ и подчиненіе монастырей начальникамъ епархій (разумѣется католическихъ), продолжительное и даже „неопредѣленное“ упраздненіе многихъ епископскихъ каѳедръ, обращеніе многихъ зданій предназначенныхъ первоначально для потребностей римско-католической вѣры—въ пользу религіи господствующей въ странѣ; систематическое стремленіе къ осуществленію „коварнаго плана, начертаннаго въ концѣ минувшаго вѣка“, привлечь унитовъ къ той же господствующей въ странѣ церкви. Такія дѣйствія русскаго правительства, продолжала папская записка, совершенно несогласныя съ обѣщаніями данными въ 1773 году, когда масса католиковъ поступила подъ русскую державу, не согласныя и съ многократными послѣдующими и даже недавними обѣщаніями, внушенныя духомъ „прискорбной мстительности“, тѣмъ болѣе удручаютъ католическую церковь въ Россіи и Польшѣ, что мѣстныя власти дозволяютъ себѣ въ отношеніи къ ней дѣйствія не дозволяемыя даже столь суровыми и несправедливыми законами. Все это, взятое въ совокупности, доказывало съ точки зрѣнія папскаго правительства систематическое стремленіе „унизить, подчинить свѣтской власти и духовенству господствующей церкви, можетъ-быть даже совершенно истребить въ предѣлахъ Россіи католическое исповѣданіе.“ Далѣе въ помянутой запискѣ исчислялись многократныя жалобы папскаго правительства и представленія самого папы императору, котораго записка старалась выставить лично какъ бы непричастнымъ къ тѣмъ несправедливостямъ и униженіямъ которыя терпѣла въ его владѣніяхъ католическая церковь. „Но, говорилось въ заключеніе, такъ какъ эти жалобы, эти представленія, эти ходатайства, эти мольбы и убѣжденія всякаго рода, предпринимавшіяся его святѣйшествомъ согласно тре-

бованіямъ минуты, оставались неизвѣстными, то враги святѣйшаго престола распространили о немъ ложныя извѣстія съ цѣлію унизить его; они внушали что все вредное и уничижительное для правъ и интересовъ католичества совершавшееся въ Россіи и Польшѣ, все возбуждавшее негодованіе благонамѣренныхъ людей было слѣдствіемъ сдѣланныхъ главой церкви уступокъ, или что по крайней мѣрѣ святѣйшій отецъ, зная все что̀ совершалось, скрывалъ оное и какъ бы поощрялъ своимъ молчаніемъ... Поставленный въ такое положеніе и настоятельно побуждаемый своимъ долгомъ и совѣстію, святѣйшій отецъ находится вынужденнымъ придать гласность настоящему изложенію своихъ дѣйствій по отношенію къ защитѣ католической вѣры въ императорскихъ владѣніяхъ."

Аллокуція 1842 года и приложенная къ ней записка произвели не только въ католической, но и во всей Европѣ сильнѣйшее впечатлѣніе. Ее эксплуатировали и клерикальныя и радикальныя газеты; она сдѣлалась предметомъ язвительныхъ для Россіи комментаріевъ въ представительныхъ собраніяхъ западныхъ государствъ; а такъ какъ тридцать лѣтъ тому назадъ гласность допускалась у насъ еще менѣе чѣмъ въ Римѣ, то обвиненія эти, можетъ-быть частію и опровергнутыя предъ дворами путемъ дипломатической переписки, остались не опровергнутыми въ глазахъ общественнаго мнѣнія, и Русскіе, до которыхъ случайно могло дойти содержаніе папской записки, должны были чувствовать себя неправыми въ такимъ дѣлахъ въ которыхъ честному человѣку особенно тяжело быть неправымъ, — въ дѣлахъ совѣсти. Записка папской канцеляріи утверждала между прочимъ что католическимъ священникамъ воспрещено было произносить церковныя поученія иначе какъ по предварительномъ одобреніи ихъ цензурой, что у лицъ католическаго духовенства не только отняты были имѣнія предназначенныя для ихъ содержанія, но и что жалованье было имъ уменьшено; что ксендзамъ воспрещалось принимать на исповѣдь людей неизвѣстныхъ имъ лично... Могли ли не смущаться читая такія обвиненія и не находя возраженій на нихъ люди самые умѣренные и безпристрастные? А въ папской запискѣ было исчислено не менѣе девятнадцати указовъ и распоряженій подобнаго рода, изданныхъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ!... Конечно многія изъ этихъ распоряженій были изложены папскою канцеляріей невѣрно

или односторонне, другія оправдывались небезпричиннымъ недовѣріемъ правительства къ католическому духовенству западнаго края и Польши; наконецъ многіе факты, выставленные какъ доказательства преслѣдованія противъ католичества, представлялись, если всмотрѣться въ нихъ ближе, естественною и неизбѣжною реакціей противъ сохранившагося еще отъ прежнихъ вѣковъ совершенно ненормальнаго порядка вещей въ западномъ краѣ и такого преобладанія въ немъ духовнаго сословія, коему необходимо было положить конецъ. Такъ напримѣръ, папская записка утверждала что въ западныхъ губерніяхъ закрыто было 200 монастырей изъ 291 бывшихъ тамъ нѣкогда: фактъ повидимому поразительный (если онъ справедливъ); но тотъ кому извѣстно что эти почти 300 монастырей были построены въ краѣ гдѣ находится какихъ-нибудь 3.000.000 католиковъ, согласится что помянутое число монастырей есть фактъ несравненно болѣе поразительный чѣмъ ихъ постепенное уменьшеніе; по словамъ папской записки, въ началѣ сороковыхъ годовъ въ западномъ краѣ оставался еще 91 монастырь; слѣдовательно было еще по одному монастырю на 32.967 католиковъ; но число православныхъ монастырей несравненно меньше въ Россіи по отношенію къ православному населенію: ихъ приходится по одному на 81.433 души *. Еслибы римскій дворъ сообразовался въ своихъ требованіяхъ болѣе съ дѣйствительностію чѣмъ съ своими мечтами и воспоминаніями, то онъ долженъ былъ бы считать схизматическую Россію гораздо болѣе благосклонною къ католическимъ монастырямъ чѣмъ многія католическія страны. Не говоря о Франціи, гдѣ революціонная буря разрушила множество монастырей, не возобновленныхъ и при послѣдующихъ правительствахъ, въ Испаніи, декретами 25го іюля и 11го октября 1835 года, упразднены монастыри пяти орденовъ и сверхъ того всѣ тѣ гдѣ число монашествующихъ не достигаетъ 12, а въ Португаліи закрыты рѣшительно всѣ монастыри декретомъ 26го мая 1834 года, и въ обѣихъ этихъ католическихъ странахъ все монастырское имущество признано государственнымъ. ** Вотъ примѣры которые безъ сомнѣнія въ со-

---

* Считая въ Россіи 50 милліоновъ православныхъ и, согласно отчету св. синода за 1861 годъ, 614 монастырей.

** См. объ этомъ *Сборникъ постановленій иностранныхъ правительствъ по дѣламъ римско-католической церкви.* Спб. 1864.

стояніи были бы значительно ослабить впечатлѣніе произведенное папскою аллокуціей 1842 года, еслибы русское правительство захотѣло отвѣчать на нее. Но оно безмолвствовало, по крайней мѣрѣ печатно ничего не заявляло и какъ бы оставалось равнодушнымъ къ раздраженію противъ него общественнаго мнѣнія въ Европѣ.

Такимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія широко пользовались польская эмиграція, а также ультрамонтанская и всесвѣтная революціонная партіи, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, подававшія другъ другу руку. Чтобы дать понятіе съ какою дерзостью клеветали эти партіи, въ полномъ сознаніи своей безнаказанности, разкажемъ съ нѣкоторою подробностію эпизодъ о Макренѣ Мечиславской и монахиняхъ Минскаго базиліанскаго монастыря, надѣлавшей страшнаго шума за границей и встревожившей наше правительство. Въ концѣ 1845 года явились въ нѣкоторыхъ газетахъ диковинные разказы о страданіяхъ этой самозванки, а въ 1846 вышла въ Парижѣ (librairie catholique polonaise) небольшая брошюра подъ заглавіемъ: *Récit de Makréna Mieczislawska, abbesse des basiliennes de Minsk, ou Histoire d'une persécution de sept ans soufferte pour la foi*, etc. Брошюра эта есть, какъ видно изъ заглавія, разказъ самой героини происшествія о преслѣдованіяхъ, которымъ она будто бы подверглась, вмѣстѣ съ другими монахинями, за несогласіе покинуть унію. Эти преслѣдованія начались, говоритъ разкащица, лѣтомъ 1838 года, слѣдовательно за полгода, примѣрно, до подписанія соборнаго постановленія о присоединеніи унитовъ къ православію. Сѣмашко,—мы будемъ передавать разказъ Мечиславской безъ всякихъ комментаріевъ,—требовалъ чтобъ и минскія базиліанки сдѣлали то же; а такъ какъ онѣ рѣшительно отказались, то однажды, въ пять часовъ утра, онъ явился въ монастырь въ сопровожденіи губернатора Ушакова (Uszakoff) и военной команды; всѣхъ монахинь, въ числѣ 34хъ (тридцать пятая умерла тутъ же, въ церкви, въ присутствіи губернатора и архіерея), погнали въ Витебскъ, заковавъ поларно, но дозволивъ въ то же время нести водруженный на длинномъ древкѣ крестъ, что̀ безъ сомнѣнія должно было сообщать шествію монахинь видъ процессіи и собирать вокругъ нихъ толпы народа. Въ Витебскѣ базиліанокъ помѣстили въ женскомъ схизматическомъ монастырѣ, гдѣ уже находились тринадцать базиліанокъ изъ другаго монастыря, тоже заключенныхъ. Здѣсь новоприбывшихъ расковали,

но на ноги имъ надѣли цѣпи, которыя не снимали въ продолженіи семи лѣтъ. Ежедневно являлся къ узницамъ бывшій базиліанскій священникъ, апостатъ и съ фальшивою (postiche) бородой, чтобъ увѣщевать ихъ, а такъ какъ его увѣщанія не дѣйствовали, то мѣсяца черезъ два по прибытіи въ Витебскъ минскихъ монахинь „началось надъ нами, разказываетъ Мечиславская, истязаніе посредствомъ сѣченія, которое производили два раза въ недѣлю; Сѣмашко предписалъ давать намъ по 30 ударовъ розгами, но Милашевичъ (имя человѣка съ фальшивою бородой) прибавлялъ еще по 20ти". „Насъ сѣкли на монастырскомъ дворѣ, въ сараѣ открытомъ со всѣхъ сторонъ, въ присутствіи Милашевича, черницъ (des czernices), поповъ, діаконовъ, пѣвчихъ, дѣтей и всѣхъ жившихъ и богохульствовавшихъ (qui blasphémaient) въ этомъ домѣ." Нѣсколько минскихъ базиліанокъ лишилось жизни. Одну изъ нихъ убила полѣномъ игуменья, другую какая-то „черница" убила палкой, ибо схизматическія монахини „никогда не покидаютъ своихъ палокъ, которыя онѣ носятъ при боку въ видѣ сабель (en guise de sabres à leur côte)". Пріѣхалъ наконецъ самъ Сѣмашко, и такъ какъ базиліанки продолжали упорствовать, то „онъ приказалъ сѣчь предъ своими окнами" этихъ женщинъ. Но и это не помогло. Въ 1839 году онъ пріѣхалъ вторично, для освѣщенія схизматической церкви (значитъ, уже по возсоединеніи унитовъ). Онъ вздумалъ требовать чтобы базиліанки присутствовали на этой церемоніи; онѣ рѣшительно отказались. „Сѣмашко ушелъ отъ насъ взбѣшенный. Онъ сталъ у церковныхъ дверей и приказалъ насильно ввести насъ. Тогда толпа людей всякаго званія кинулась на насъ; градъ ударовъ на насъ посыпался. Всѣ наши сестры участвовали въ этомъ славномъ шествіи (cette marche glorieuse) и украсились кровавыми ранами; у меня былъ пробитъ черепъ. Когда мы приблизились къ церкви, кровь наша струилась. Я воскликнула въ порывѣ сверхъ-человѣческаго одушевленія: „Сестры мои во Христѣ! понесемъ наши головы на плаху." Сестра Вавржецкая швырнула въ эту минуту къ ногамъ Сѣмашка полѣно, я схватила топоръ, который уронилъ какой-то работникъ...." Желаніе Сѣмашка не исполнилось, но онъ „вознаградилъ себя оргіей съ черницами, которая продолжалась всю ночь; всю ночь громкія *ура* въ честь императора и Сѣмашка сливались со славословіемъ раздававшимся въ нашей темницѣ...."

Приведеннаго отрывка кажется достаточно чтобы соста-

вить себѣ понятіе о разказѣ Макрены Мечиславской и даже угадать изъ какой фабрики онъ вышелъ; остальную часть этого разказа мы передадимъ вкратцѣ. Позднею осенью 1840 года, оставшихся въ живыхъ базиліанокъ перевели въ Полоцкъ, въ тамошній женскій православный монастырь, гдѣ точно такъ же „чернички“ пьютъ, поютъ цинические пѣсни, кричатъ *ура* и носятъ деревянныя сабли przy boku, и гдѣ, такъ же какъ въ Витебскѣ, находились уже заключенныя базиліанки, разумѣется ничуть не похожія на „черничекъ“: добродѣтельныя, набожныя, благословляющія карающую руку.... Такова сила католичества! Стóитъ человѣку принять схизму и онъ тотчасъ становится пьяницей.... Въ Полоцкѣ житье нашихъ узницъ было еще хуже; сѣченіе производилось еще жесточе и работы еще тяжелѣе: онѣ строили *дворецъ* для Сѣмашка. Въ Витебскѣ этотъ „апостатъ“ выбилъ одинъ только зубъ у Макрены Мечиславской, а въ Полоцкѣ—девять разомъ. Здѣсь же онъ явился во всемъ величіи своей власти: онъ предъявилъ узницамъ указъ императора, въ которомъ былъ поименованъ „архи-архи-архіереемъ“ и признанъ „святымъ, святымъ, трижды святымъ (saint, saint, trois fois saint)“.... Макрена сама видѣла этотъ указъ. Въ 1843 году она вмѣстѣ съ прочими базиліанками была переведена въ Мядзіолы, Минской губерніи. Это мѣстечко находится на берегу озера, которому суждено было играть не послѣднюю роль въ Одиссеѣ матери Макрены. Такъ какъ, по замѣчанію тамошнихъ „черничекъ“, въ присланныхъ къ нимъ узницахъ бушевала „горячая польская кровь“, то „Сѣмашко,—продолжаетъ разкащица,—приказалъ ихъ погружать въ озеро на берегу котораго стоятъ Мядзіолы. По прочтеніи приказа о томъ, на насъ надѣли особаго рода рубашки, похожія на мѣшки въ которыхъ возятъ рожь; обѣ руки вкладывались въ одинъ рукавъ и потому онѣ лишены были возможности дѣйствовать; затѣмъ намъ накинули на шеи толстыя веревки и повели такимъ образомъ по городу“... Жиды плакали; попы смѣялись, а черницы, глядя съ монастырскихъ стѣнъ, хлопали въ ладоши.... Въ первый разъ „это мученье продолжалось три часа“. Оно повторялось шесть разъ, по словамъ Мечиславской; ее и другихъ базиліанокъ бросали въ воду начинавшую уже покрываться льдомъ и полумертвыхъ, окоченѣвшихъ, вытаскивали на веревкѣ... Но мы приближаемся къ концу удивительной Одиссеи минскихъ монахинь. Однажды, когда весь монастырь безъ просыпа пилъ три

дня сряду, и когда изъ 34 узницъ оставалось въ живыхъ только четыре, эти оставшіяся въ живыхъ четыре женщины, не взирая на семилѣтнее изнуреніе которое должно бы, повидимому, убить ихъ физическія силы, подняли бревно такой длины что оно достало до верха монастырской стѣны, „приходившагося въ уровень съ третьимъ этажемъ“, приставили его къ этой стѣнѣ, вскарабкались по немъ (въ кандалахъ) одна за другою, спрыгнули въ поле и отправились прямымъ путемъ въ Римъ, минуя тысячи заставъ и милліоны опасностей...

Какъ ни нелѣпъ этотъ разказъ, произведенное имъ за границей впечатлѣніе было громадно. Онъ записанъ, какъ значится въ концѣ названной брошюры, по приказанію святѣйшаго отца, и три видные сановника римской куріи засвидѣтельствовали что записанное совершенно согласно со словами разкащицы. Съ другой стороны, заграничная и особенно польская печать такъ пріучила европейскую публику ко всякаго рода ужасамъ въ отношеніи Россіи, что нуаяды, вышибанье зубовъ собственными руками шестидесятилѣтняго русскаго архипастыря, его оргіи въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду и безпросыпное пьянство всего что́ только именуется Русскимъ едва ли могло очень удивлять за границей. Такимъ образомъ невообразимыя клеветы противъ одного изъ достойнѣйшихъ русскихъ іерарховъ, противъ русскаго духовенства вообще, наконецъ противъ всего Русскаго народа росли, утверждались, пускали корни и приносили обыкновенные плоды свои, — а тѣ кто были предметомъ этихъ клеветъ не только не могли отразить ихъ, но и не подозрѣвали о ихъ существованіи: такъ тщательно ограждалась Россія безгласностію, такъ внимательно наша цензура зачеркивала въ иностранныхъ газетахъ мѣста гдѣ говорилось о возмутительной исторіи Макрены Мечиславской!... При этомъ, конечно, говорилось въ утѣшеніе намъ, какъ говорится и теперь еще, что смѣшно и стыдно обращать вниманіе на рѣчи о насъ прирожденныхъ нашихъ недоброжелателей.... Пусть такъ; но надо чтобы мы сами могли имѣть сознаніе въ несправедливости возводимыхъ противъ насъ обвиненій, — а могли ли мы имѣть такое сознаніе? Знали ль мы то что́ у насъ дѣлается?... Случайно, во время пребыванія за границей или какъ-нибудь иначе, нѣкоторые и изъ соотечественниковъ нашихъ могли узнать о вышеприведенной, какъ и о сотнѣ другихъ подобныхъ исторій, — и множество именъ коими она испещрена,

мелкія подробности которыя въ ней заключаются, наконецъ сообщенный ей полуофиціальный характеръ не должны ли были произвести на нихъ впечатлѣніе,—тяжелое, горькое впечатлѣніе, исключающее чувство народнаго самоуваженія!

Само правительство не осталось равнодушнымъ къ исторіи о минскихъ базиліанкахъ. Повидимому, на мѣстахъ было произведено тайное дознаніе, но открытое этимъ дознаніемъ сдѣлалось извѣстно 3—4 лицамъ въ Россіи. По счастію для исторіи, случилось что извѣстный писатель нашъ Н. В. Сушковъ, бывшій въ Минскѣ губернаторомъ около того времени къ которому относится начало приведеннаго нами разказа, и фамилію коего можно предполагать подъ именемъ Uczakoff, былъ приглашенъ,—въ очень любезной впрочемъ формѣ,—дать по этому поводу объясненіе. Онъ объяснилъ что назначенъ будучи въ Минскъ, прибылъ туда уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того времени когда, по разказу Мечиславской, базиліанки были высланы изъ тамошняго монастыря, но что впрочемъ онъ не слыхалъ ни о чемъ подобномъ и не находилъ слѣдовъ въ дѣлахъ о подобномъ случаѣ, хотя такое происшествіе никакъ не могло бы не вызвать переписки и не оставить слѣдовъ въ памяти мѣстнаго общества. Разумѣется, и эго объясненіе осталось извѣстнымъ лишь въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; въ продолженіе 14 лѣтъ оно хранилось въ безвѣстныхъ архивахъ, и только въ 1860 году, благодаря измѣнившимся воззрѣніямъ правительства, г. Сушковъ могъ напечатать содержаніе даннаго имъ нѣкогда объясненія *.

Отъ преосвященнаго Іосифа, по поводу первыхъ слуховъ объ исторіи минскихъ монахинь, тоже потребовано было объясненіе; затѣмъ въ продолженіе десяти лѣтъ онъ не зналъ что газетные слухи были подхвачены, что изъ разсказовъ мнимой Мечиславской составлена была полуофиціальная книжка и что она послужила матеріаломъ для позднѣйшихъ писателей. Онъ узналъ о всемъ этомъ лишь въ 1855 году, изъ книжки подъ заглавіемъ *Rome*,** напечатанной за два года предъ тѣмъ. Итакъ, въ теченіе многихъ лѣтъ имя его предавалось позору, а онъ, благодаря отечественной цензурѣ, и не подозрѣвалъ о томъ!.. Но далѣе онъ не хотѣлъ

---

* *Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др.* 1860.

** Такъ объясняетъ онъ въ документахъ напечатанныхъ въ *Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др.* 1862.

терпѣть, и такъ какъ оправдываться въ глазахъ свѣта, отражать публичную клевету публичнымъ же объясненіемъ было еще немыслимо въ то время, то престарѣлый іерархъ послалъ свое объясненіе въ синодъ: „Честное имя должно быть драгоцѣнно для честнаго человѣка, и я обязанъ печись о немъ не только для себя, но и для церкви православной“, писалъ онъ въ своемъ объясненіи. Онъ утверждалъ въ этомъ объясненіи что женскій базиліанскій монастырь существовалъ въ Минскѣ лишь до 1834 года, а потомъ былъ переведенъ въ Мядзіолы и что послѣ возсоединенія унитовъ, настоятельница (Левшецкая, а не Мечиславская) и нѣсколько монахинь пожелавшихъ остаться при унитскомъ обрядѣ, уволены были изъ монастыря къ своимъ родственникамъ, у которыхъ находились и въ 1855 году. Далѣе преосв. Іосифъ свидѣтельствовалъ что именъ тѣхъ 30-ти монахинь, которыя якобы пали жертвами истязаній въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Мядзіолахъ, а также и Мечиславской, вовсе нѣтъ въ спискахъ унитскихъ монахинь того времени, равно какъ не существовало священника Скрыпина, занимавшагося будто бы истязаніемъ базиліанокъ въ Мядзіолинскомъ монастырѣ.

Да не посѣтуютъ читатели за слишкомъ можетъ-быть длинное изложеніе баснословной Одиссеи мнимой Мечиславской: она еще впервые оглашается въ нашей литературѣ съ нѣкоторою подробностію. Притомъ она любопытна для насъ тѣмъ что рисуетъ настроеніе извѣстной партіи противъ Россіи въ описываемое время и даетъ понятіе объ оружіи которымъ она дѣйствовала. Былъ ли солидаренъ папа съ этою партіей? Въ длинномъ спискѣ жалобъ представленныхъ папскимъ правительствомъ русскому, при переговорахъ о которыхъ вслѣдъ за симъ будемъ говорить, мы не находимъ эпизода о Мечиславской, а изъ этого слѣдуетъ заключить что папа не давалъ полной вѣры разказамъ о мнимой базиліанской игуменьѣ; но въ первое время по прибытіи ея въ Римъ, онъ былъ смущенъ этими разказами; они были записаны по его приказанію, и хотя преданы гласности не по его распоряженію, но конечно и не въ противность его волѣ. Кардиналъ статсъ-секретарь римскаго двора говорилъ нашему посланнику въ Римѣ о нелѣпостяхъ разказанныхъ Мечиславской, съ величайшею горечью и раздраженіемъ: очевидно онъ считалъ русскія власти способными на самыя насильственныя и гнусныя дѣйствія въ отношеніи католиковъ; вы-

шибаніе зубовъ собственною рукой русскаго архіерея, погруженіе женщинъ въ обледенѣлую воду — все это казалось возможнымъ въ Россіи! И разказы Мечиславской представляютъ далеко не единственный примѣръ чрезвычайной готовности папскаго правительства давать вѣру всевозможнымъ сплетнямъ на Россію и русское правительство. Не задолго до прибытія въ Римъ польской самозванки, тамъ получено было извѣстіе что на другомъ концѣ Россіи, по распоряженію одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ ея администраторовъ, князя М. С. Воронцова, нѣсколько католическихъ монаховъ „въ торжественный день Новаго Года, вооруженною рукой были принуждены выйти изъ храма, въ которомъ они считали себя неприкосновенными и, окруженные стражей, должны были оставить это святое убѣжище.“ По справкѣ оказалось что эти монахи, издавна проживая въ Грузіи, занимались обращеніемъ не язычниковъ и магометанъ въ христіанство, а православныхъ Грузинъ и Армянъ въ католичество, что̀ не въ Россіи одной показалось бы непозволительнымъ, а по нашимъ законамъ считается и преступнымъ; оказалось кромѣ того что они считали себя не подлежащими ни русскимъ законамъ, ни общему управленію католической церкви въ Россіи: на такомъ де основаніи жили они ab antiquo. Намѣстникъ Кавказскій нашелъ такой аргументъ недовольно сильнымъ и предложилъ имъ или подчиниться законамъ страны, или удалиться за границу, а такъ какъ они отказались отъ того и другаго, то ихъ отправили съ жандармами.

II.

Таково было настроеніе умовъ въ Римѣ, когда императоръ Николай, пріѣхавъ осенью 1845 года въ Палермо, гдѣ пользовалась императрица Александра Ѳедоровна, возымѣлъ мысль, при помощи личнаго объясненія съ папой, открыть путь къ соглашенію между обоими правительствами.

Нѣтъ сомнѣнія что такое соглашеніе было бы дѣломъ весьма желательнымъ для обѣихъ сторонъ. Правительство Русской Имперіи, гдѣ огромное большинство жителей не принадлежитъ къ католической церкви, гдѣ, если выключить Царство Польское, на сто православныхъ приходится лишь четыре

католика, могло бы, правда, и вовсе не состоять въ офиціальныхъ сношеніяхъ съ римскимъ первосвященникомъ; но это было бы возможно лишь при условіи совершеннаго невмѣшательства правительственной власти въ дѣла совѣсти русскихъ католиковъ. Не таково было въ отношеніи къ нимъ положеніе принятое нашимъ правительствомъ съ самаго того времени, какъ западный край былъ возвращенъ Россіи; оно считало себя обязаннымъ устроить у себя правильную католическую іерархію; оно приняло на себя попеченіе о содержаніи этой іерархіи и объ устройствѣ школъ для католическаго духовенства; оно пожелало имѣть участіе въ назначеніи католическихъ епископовъ. Вотъ почему оно принуждено было войти въ сношенія съ папскимъ престоломъ, при которомъ и содержало постояннаго дипломатическаго агента; а разъ вступивъ въ такія отношенія къ главѣ католическаго міра, оно никакъ не могло оставаться равнодушнымъ къ тому хороши ли эти отношенія или нѣтъ. Разумѣется, заявленія подобныя аллокуціи 1842 года не допускались въ Россію, также какъ и брошюры подобныя разказамъ Макрены Мечиславской; но никто не рѣшится утверждать чтобы ни одно скорбное слово папы о положеніи русскихъ католиковъ и ни одна газета или брошюра клерикальнаго направленія, враждебная русскому правительству, не проникли чрезъ нашу западную границу. Напротивъ, враждебныя Россіи брошюры, газеты и книги проникали, и даже въ довольно значительномъ числѣ, и чѣмъ таинственнѣе были пути коими онѣ достигали къ намъ, чѣмъ безусловнѣе было безмолвіе о нихъ русской печати, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали онѣ на умы. Епископы, ксендзы и вообще католическая паства въ Россіи очень хорошо знала что ей сочувствуетъ весь католическій міръ, что ей сочувствуетъ бо́льшая часть европейскаго общества. Къ этому не могло оставаться правительство наше равнодушнымъ; а такъ какъ оно не хотѣло ни вступать въ публичныя объясненія съ порицателями своими, ни дать возможности людямъ не предубѣжденнымъ разсматривать свои дѣйствія, то ему не оставалось ничего другаго какъ искать сближенія съ римскою куріей, въ надеждѣ дать ей болѣе выгодное понятіе о своихъ намѣреніяхъ относительно католической церкви въ Россіи.

Но представлялась ли какая-нибудь вѣроятность улучшить отношенія которыя установились въ послѣднее время между

нашимъ и римскимъ правительствомъ? Вѣроятностей было не много, однако онѣ были. Онѣ заключались главнымъ образомъ въ личности самого папы. Григорій XVI, въ описываемое время осьмидесятилѣтній старецъ, былъ человѣкъ не особенно высокаго ума, но съ хорошимъ здравымъ смысломъ, весьма благочестивый, весьма горячій католикъ, но и достаточно просвѣщенный человѣкъ чтобы не быть изувѣромъ. Благоговѣніе его къ величію римскаго престола было безгранично, но онъ никогда не воображалъ себя Григоріемъ VII. Еще въ 1799 году онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: *Il trionfo della santa sede* (*Торжество св. престола и церкви* и пр.), въ которой высказалъ свой образъ мыслей и оставался вѣренъ ему до конца своей жизни. Нѣкоторые изъ біографовъ Григорія XVI разказываютъ что сочиненіе это попало какъ-то на глаза императору Николаю и дало ему такое высокое мнѣніе о нравственныхъ качествахъ ея автора что, извѣстясь о кончинѣ Пія VIII, онъ поручилъ своему посланнику въ Римѣ употребить всевозможныя старанія чтобы доставить папскую тіару столь благочестивому человѣку. Съ своей стороны и Григорій XVI питалъ серіозное уваженіе къ особѣ Русскаго императора; во всѣхъ своихъ нареканіяхъ на русское правительство онъ постоянно и съ особымъ удареніемъ отклонялъ ихъ отъ особы государя; сдѣлавшись папой онъ нѣсколько разъ обращался лично къ нему, посредствомъ собственноручныхъ писемъ, съ своими сѣтованіями, и хоть послѣдствія не вполнѣ соотвѣтствовали его ожиданіямъ, тѣмъ не менѣе онъ отказывался считать государя Россіи солидарнымъ съ тѣми кого разумѣлъ врагами церкви и религіи. Такая твердая вѣра со стороны Григорія XVI въ особу императора Николая можетъ быть объяснена кажется тѣмъ что онъ очень сочувствовалъ правительственнымъ воззрѣніямъ Русскаго государя, его строгому уваженію къ установленнымъ авторитетамъ, къ власти, къ преданію, къ порядку. Точно такими же понятіями проникнутъ былъ и Григорій. Съ прискорбіемъ, но и съ большою твердостью онъ припялъ строгія мѣры противъ волненій обнаружившихся въ Церковной Области при вступленіи его на престолъ, и этимъ мѣрамъ, можно сказать съ увѣренностью, сочувствовалъ императоръ Николай, точно такъ же какъ съ своей стороны и папа, вопреки желанію многихъ изъ своихъ совѣтниковъ, строго порицалъ образъ дѣйствій католическаго духовенства во время польскаго мятежа 1830 года, а въ 1832

году выразилъ гласно свой образъ мыслей въ энцикликѣ 15го августа.

Такимъ образомъ, не взирая на натянутость отношеній между русскимъ и римскимъ правительствомъ, существовала повидимому возможность личнаго соглашенія между главами этихъ правительствъ. Императоръ Николай не хотѣлъ допустить и мысли чтобъ его можно было, иначе какъ по незнанію, считать врагомъ католичества; онъ былъ увѣренъ что и бо́льшая часть правительственныхъ лицъ въ Россіи вовсе не питаютъ враждебныхъ чувствъ противъ католической религіи. Онъ полагалъ что лишь недоразумѣнія существующія въ Римѣ относительно его видовъ и принимаемыхъ имъ мѣръ раздѣляютъ двухъ монарховъ, представителей двухъ христіанскихъ церквей, и лучшимъ средствомъ чтобъ устранить эти недоразумѣнія казалось ему личное свиданіе между ними. На обратномъ пути изъ Палермо, не покидая своего инкогнито, государь могъ прожить нѣсколько дней въ Римѣ, съ гласною цѣлію обозрѣть Вѣчный Городъ, а между тѣмъ и объясниться съ главой католическаго міра. Онъ открылъ свою мысль сопровождавшему его канцлеру, графу Нессельроде, и пріѣхавшему въ Палермо русскому посланнику при папскомъ дворѣ, Бутеневу. Въ запискѣ представленной по этому поводу, графъ Нессельроде сознавалъ что возстановленіе дружелюбныхъ сношеній съ Римомъ весьма желательно, — конечно „не жертвуя достоинствомъ своего государства и правами господствующей церкви.“ Нѣтъ сомнѣнія, продолжалъ канцлеръ, что настоящимъ случаемъ послѣшитъ воспользоваться и римское правительство; папа не преминетъ повести рѣчь о положеніи католичества въ Россіи и вѣроятно предъявитъ жалобы и требованія; что́ же отвѣчать на нихъ? „Если вы ограничитесь лишь заявленіемъ что въ ваши виды никогда не входило желаніе разрушать католическую церковь и принудить милліоны вашихъ подданныхъ перемѣнить вѣру, но что вы желаете, напротивъ того, согласиться съ римскимъ престоломъ именно съ тою цѣлію чтобы поднять достоинство священнослужителей и возстановить іерархію католической церкви, то этимъ будутъ обозначены предѣлы вашимъ великодушнымъ намѣреніямъ.“ Таково было мнѣніе русскаго канцлера. Онъ просилъ государя „не выходить изъ области общихъ выраженій“ и, если ему будетъ сообщено какое-либо письменное заявленіе, то совѣтовалъ принять оное съ объясненіемъ что заключающіяся въ

немъ жалобы и домогательства будутъ подвергнуты внимательному разсмотрѣнію.

Изъ свѣдѣній сообщаемыхъ г. Поповымъ мы не видимъ въ чемъ состояло мнѣніе Бутенева; можно думать кажется что оно сходствовало съ мнѣніемъ канцлера. Впрочемъ, какъ только поѣздка государя въ Римъ была рѣшена, Бутеневъ отправился въ Римъ чтобы предупредить папу и его правительство о предстоящемъ посѣщеніи. Извѣстіе о томъ произвело величайшее и весьма различное впечатлѣніе. Кардиналъ Ламбрускини, статсъ-секретарь и вліятельнѣйшій членъ папскаго правительства, не ожидая никакого добра отъ свиданія папы съ главой схизматиковъ, желалъ бы лучше отклонить оное, какъ могущее только скомпрометтировать папу предъ ревностными католиками; напротивъ того, Григорій XVI возлагалъ большія надежды на это свиданіе и очень радъ былъ случаю объясниться съ государемъ, котораго, какъ онъ полагалъ, раздражаютъ противъ католической церкви злонамѣренные люди. Мнѣніе папы, разумѣется, превозмогло; когда же Бутеневъ далъ знать что государь вовсе не желаетъ имѣть съ папой тайныхъ объясненій, а что, напротивъ, онъ охотно объяснится съ нимъ въ присутствіи самого Ламбрускини, то и этотъ послѣдній сталъ смотрѣть благосклоннѣе на ожидаемое свиданіе. Онъ пересталъ говорить нашему посланнику о Мечиславской, а папа даже выразилъ сомнѣніе относительно правдивости ея разказовъ и поспѣшилъ разрѣшить въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ нѣсколько вопросовъ, о которыхъ производилась весьма долго тянувшаяся предъ тѣмъ переписка.

Государь прибылъ въ Римъ, подъ именемъ генерала Романова, 13го декабря 1845 года, и въ тотъ же день посѣтилъ папу. Бесѣда ихъ продолжалась болѣе часа. При этомъ папа передалъ государю записку съ жалобами и домогательствами состоявшими изъ 22 статей. Государь, возвратясь изъ Ватикана, разсмотрѣлъ ее и во время чтенія сдѣлалъ на ней отмѣтки которыя сохранились и нынѣ приводятся г. Поповымъ. Это безъ сомнѣнія весьма важные документы и для исторіи вообще и для біографіи государя, но такъ какъ и требованія папскаго правительства были въ послѣдствіи выражены съ еще большею подробностію, и, съ другой стороны, наше правительство тоже изложило впослѣдствіи свой образъ мыслей въ болѣе послѣдовательной формѣ чѣмъ быстро набросанныя замѣтки государя, то мы лишь слегка воспользуемся

здѣсь и папскою запиской, и замѣчаніями на нее императора Николая. Мы воспользуемся ими настолько лишь, насколько они объясняютъ основные взгляды высокихъ собесѣдниковъ о предметѣ ихъ бесѣды. „Въ качествѣ главы католической церкви, писалъ Григорій XVI, папа не можетъ считаться чужестранною властью для католиковъ въ какой бы странѣ земнаго шара они ни обитали. Его духовная власть простирается на нихъ всѣхъ; всѣ они его дѣти; всѣ подчиняются законамъ церкви.“ Такова точка отправленія римской теократіи. „Управленіе церковью не можетъ, продолжалъ папа, слѣдовать за различными видоизмѣненіями государственнаго управленія и подчиняться имъ, потому что оно блюдетъ устройство церкви, дарованное ей ея божественнымъ Основателемъ. Государи свѣтскіе могутъ отмѣнять или измѣнять свои законы; но святой престолъ не можетъ ни измѣнять началъ католической вѣры, ни произвольно отмѣнять правила церковной дисциплины.... Законы католической церкви восходятъ ко времени ея основанія, къ отцамъ церкви, къ соборамъ. Нельзя молчать когда ихъ нарушаютъ: иначе разрушится весь духовный порядокъ церкви; поэтому сохраненіе этихъ законовъ составляетъ для папы долгъ совѣсти предъ Богомъ, церковью и всѣмъ католическимъ міромъ.“ Послѣ этого вступленія папа обращался къ тѣмъ законамъ Россійской Имперіи и Царства Польскаго которые, по его убѣжденію, стѣсняли католическую церковь и къ тѣмъ фактамъ въ которыхъ онъ видѣлъ доказательство такихъ стѣсненій. Императоръ Николай отрицалъ въ своихъ замѣткахъ существованіе нѣкоторыхъ изъ этихъ фактовъ, давалъ объясненія касательно нѣкоторыхъ законовъ и въ заключеніе написалъ слѣдующія слова: „Его святѣйшество можетъ быть увѣренъ что никто на всемъ пространствѣ Русской Имперіи не озабоченъ болѣе искренно и съ убѣжденіемъ чтобы поставить римскую церковь въ положеніе достойное и почетное, какъ тотъ кого Провидѣніе поставило во главѣ Имперіи. Все что̀ можетъ быть сдѣлано согласно съ желаніями святаго отца и что̀ не противно коренным законамъ Имперіи, будетъ сдѣлано. Но есть такіе предметы которые неисполнимы въ настоящее время безъ предварительнаго объясненія цѣли въ виду которой многія мѣры были приняты.“

Тѣ же мысли были выражены въ составленной нашимъ канцлеромъ запискѣ которую государь лично передалъ папѣ при

прощаніи съ нимъ, въ самый день своего отъѣзда, 5го (17) декабря. „Въ бесѣдѣ исполненной взаимной откровенности и искренности," значилось въ этой запискѣ, „которую его величество имѣлъ со святымъ отцомъ, и въ совѣщаніи съ кардиналомъ Ламбрускини, императоръ послѣшилъ дать объясненія какъ вообще о всѣхъ вспросахъ, такъ и о нѣкоторыхъ въ особенности, которыя должны убѣдить святой престолъ въ чистотѣ и законности его расположенія и видовъ въ отношеніи къ католической церкви въ его государствѣ. Есть другіе вопросы которые не могутъ быть разрѣшены въ настоящее время.... Императору необходимо со всею подробностію разсмотрѣть ихъ по возвращеніи въ Петербургъ, тщательно собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія для того чтобы взвѣсить значеніе требованій святаго престола и изыскать, въ духѣ благорасположенія и пріязни, средства къ соглашенію, по возможности, желаній папскаго двора со своими обязанностями, какъ государя, покровителя господствующей церкви въ Россіи, и съ общимъ законодательствомъ Имперіи." Изъ этихъ словъ можно заключитъ что государь признавалъ основательность нѣкоторыхъ требованій папы и расположенъ былъ дать имъ законное удовлетвореніе; отъ его имени заявлялось самымъ торжественнымъ образомъ что „всякое злоупотребленіе строго преслѣдуется и будетъ преслѣдоваться въ его государствѣ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ папскій престолъ предупреждался что на государѣ Россіи, какъ покровителѣ господствующей тамъ церкви, лежатъ обязанности которыя онъ не можетъ преступить и которыя опредѣляютъ его точку зрѣнія неизмѣннымъ образомъ. На это обстоятельство намъ необходимо обратить особенное вниманіе, потому что въ послѣдствіи, во время открывшихся въ 1846 году переговоровъ, и потомъ, въ самые послѣдніе годы, папское правительство утверждало будто государь далъ слово исполнить требованія папы, и что слово это нарушено. Такое заявленіе сдѣлалъ даже нынѣшній первосвященникъ римскій, вопреки смыслу и слову актовъ хранящихся въ архивахъ. „Я сказалъ палѣ," отмѣтилъ государь своею рукой противъ одного мѣста папской записки, „что его желанія, насколько это можетъ зависѣть отъ меня, онъ можетъ считать уже исполненными; но я не могу разрушать установленія государства, точно такъ какъ онъ не можетъ разрушать каноническіе законы." Та же самая мысль была повторена и въ той запискѣ которую онъ передалъ Григорію XVI при

прощаньѣ съ нимъ. По поводу жалобъ на запрещеніе латинскимъ священникамъ крестить дѣтей происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ, мы читаемъ въ запискѣ 5го (17го) декабря слѣдующее: „Не говоря о религіозныхъ сомнѣніяхъ и убѣжденіяхъ императора, его величество не считаетъ себя въ правѣ измѣнить это постановленіе, потому что этой отмѣной были бы явно нарушены права и каноны господствующей церкви. Впрочемъ взглядъ святаго отца на этотъ вопросъ не отличается отъ взгляда самого императора. Пусть его святѣйшество спроситъ самого себя: не точно ли такъ же онъ дѣйствовалъ бы въ подобномъ случаѣ? Согласился ли бы, напримѣръ, папа обнародовать законъ который дозволялъ бы священнику греческому или протестантскому крестить въ Римѣ дѣтей рожденныхъ отъ брака въ которомъ одинъ изъ супруговъ католикъ?“

Невозможно отвѣтить болѣе побѣдоноснымъ образомъ на всю совокупность претензій предъявленныхъ римскимъ престоломъ! Очевидно папа не допускалъ ни взаимности, ни равенства относительно правъ католицизма. Но въ такомъ случаѣ могло ли быть съ нимъ соглашеніе на этой почвѣ, соглашеніе *безъ пожертвованія достоинствомъ Русскаго государства и правами господствующей церкви*, какъ писалъ графъ Нессельроде? Извѣстно что въ 1847 году заключенъ былъ между русскимъ и римскимъ правительствами конкордатъ, но причины недоразумѣній остались тѣмъ не менѣе въ силѣ, и потому онъ не только не прекратилъ, но даже и не уменьшилъ жалобъ одной стороны на другую, и былъ наконецъ отмѣненъ не далѣе какъ по истеченіи 13 лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе канцлеръ, вслѣдъ за отъѣздомъ государя изъ Рима, приступилъ къ переговорамъ, долженствовавшимъ, какъ онъ думалъ, привести къ соглашенію, а папа, въ аллокуціи произнесенной въ началѣ 1846 года, сказалъ что воззрѣнія выраженныя Русскимъ монархомъ „внушаютъ ему твердыя надежды ко благу католической церкви“.

III.

Отъѣзжая изъ Рима, государь поручилъ графу Нессельроде остаться тамъ нѣсколько времени для соображенія возраженій папскаго престола противъ нѣкоторыхъ законовъ и мѣръ относительно русскихъ католиковъ. Канц-

леръ долженъ былъ выслушать всѣ эти возраженія и вникнуть въ тѣ соображенія на которыхъ они основаны, чтобы въ послѣдствіи, при разсмотрѣніи ихъ въ Петербургѣ, уяснить точку зрѣнія римскаго правительства. Съ этою цѣлію онъ оставался въ Римѣ цѣлый мѣсяцъ послѣ государя, то-есть по 5е (17е) января 1846 года, и немедленно вступилъ въ сношенія съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ. Папа поручилъ ученому канонисту, кардиналу Корболи-Брусси составить подробную записку, которая была разсмотрѣна графомъ Нессельроде вмѣстѣ съ ея составителемъ и кардиналомъ статсъ-секретаремъ, а также съ Бутеневымъ, и которая заключаетъ въ себѣ сводъ какъ общихъ, такъ и частныхъ поводовъ къ пререканіямъ нашимъ съ римскимъ дворомъ. Эта записка послужила основаніемъ для соображеній той коммиссіи которая, по возвращеніи графа Нессельроде въ Петербургъ, занялась пересмотромъ русскихъ законоположеній касательно католиковъ. Въ этой запискѣ были исчислены слѣдующія постановленія и слѣдующія возраженія противъ нихъ:

1. Запрещеніе епископамъ, священникамъ и всѣмъ вообще римско-католическаго исповѣданія русскимъ подданнымъ имѣть сношенія съ римскимъ дворомъ и вообще съ властями внѣ предѣловъ Имперіи находящимися. Правда такія сношенія дозволяются чрезъ посредство русскаго посланника въ Римѣ, но, утверждалъ Корболи, сношенія по дѣламъ церкви, иногда касающіяся тайнъ совѣсти, должны оставаться вполнѣ свободными, и всякое постороннее посредство должно быть устранено.

2. Указъ 20го августа 1832 требующій чтобъ иновѣрцы вступающіе въ бракъ съ православными непремѣнно обвѣнчивались въ православной церкви, безъ чего бракъ не считается законнымъ. Съ этимъ, замѣчалъ Корболи, глава католичества, разумѣется, не можетъ согласиться, тѣмъ болѣе что въ связи съ приведеннымъ распоряженіемъ находятся и нѣкоторые еще другіе; таковы указъ 6го февраля 1840 * года, запрещающій католическимъ священникамъ препятствовать заключеніямъ смѣшанныхъ браковъ, а указъ 1839 года не дозволяющій имъ крестить дѣтей отъ такихъ браковъ рожденныхъ, чѣмъ не только узаконяются и поощряются похищенія изъ нѣдръ католической церкви, но и воспрещается препятствовать этимъ похищеніямъ.

---

* Такого указа подъ показаннымъ числомъ нѣтъ въ *П. С. З.*

3. Указъ 1832 года опредѣляющій наказанія за совращеніе изъ православія, хотя бы и одними убѣжденіями. *

4. Указъ 1839 года воспрещающій католическимъ священникамъ допускать къ причастію тѣхъ кто хотя разъ причащался по греческому обряду.

5. Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 6го февраля 1840 года о недѣланіи различія между православными и унитами.

6. Указъ 21го марта 1840 года опредѣляющій владѣльцамъ населенныхъ имѣній наказанія за переходъ изъ восточнаго православія въ католичество, лишеніе правъ на такія имѣнія съ отдачей ихъ въ опеку и запрещеніе проживать въ нихъ, если они населены православными.

7. Указъ 17го апрѣля 1841 года тоже признавался противнымъ духу Тридентскаго собора, такъ какъ онъ запрещалъ католическимъ духовнымъ властямъ принимать отъ разведенныхъ уже православнымъ судомъ супруговъ (при смѣшанныхъ бракахъ) прошенія о разводѣ и по римскому закону.

8. Указъ 25го декабря 1841 года которымъ всѣ населенныя имущества иновѣрческаго духовенства западныхъ губерній (кромѣ впрочемъ имѣній состоящихъ собственно во владѣніи приходскаго бѣлаго духовенства) были причислены къ государственнымъ. **

9. Циркуляръ самой римско-католической коллегіи 6го іюля 1842 года обязывающій католическихъ священниковъ доставлять православному духовенству свѣдѣнія о тѣхъ семействахъ которыя перешли изъ уніи въ католичество, съ тѣмъ будто бы чтобъ ихъ, какъ бывшихъ унитовъ, обратить въ православіе.

10. Указъ 16го декабря 1842 года возлагающій на епископовъ наблюденіе за монастырями, тогда какъ это прямая обязанность провинціаловъ. ***

---

* Этотъ указъ мнѣ неизвѣстенъ.

** Надо замѣтить что совершенно такой же указъ и того же самаго числа послѣдовалъ въ отношеніи и православнаго духовенства. Разумѣется владѣльцы имѣній взятыхъ въ казну были вознаграждены. Это узаконеніе состоялось, какъ сказано въ указѣ, въ развитіе извѣстнаго распоряженія Екатерины о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ, и вѣроятно въ видахъ государя должно было способствовать разрѣшенію крѣпостнаго вопроса.

*** Такого постановленія нѣтъ въ *Полн. Собр. Законовъ* подъ означеннымъ числомъ. Впрочемъ католическіе монастыри были у насъ

11. Инструкція для дѣлопроизводства въ католическихъ консисторіяхъ (23го декабря 1842 года) найдена была несогласною съ каноническими правилами такъ какъ она даетъ слишкомъ большую власть секретарю, въ каковую должность можетъ быть назначено и не духовное лицо и даже не католикъ, и такъ какъ консисторія можетъ дѣйствовать въ отсутствіе епископа и имѣть особое, несогласное съ епископскимъ мнѣніе. Епископу, писалъ Корболи, принадлежитъ быть судьей всѣхъ церковныхъ дѣлъ своей епархіи; аппеллировать на него можно лишь митрополиту, между тѣмъ какъ на рѣшенія русскихъ консисторій аппелляція дѣлается чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ Петербургскую римско-католическую коллегію. Все это, писалъ Корболи, стѣсняетъ власть епископовъ и совершенно противно постановленіямъ Тридентскаго собора.

12. Уставъ семинарскій 30го ноября 1843 года, предоставляющій рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ въ совѣтѣ, члены котораго назначаются безъ участія епископа. Даже назначеніе учителей, писалъ Корболи, не предоставлено епископу; не постановлено чтобъ они всѣ принадлежали къ духовному званію или хоть къ католическому исповѣданію; составитель записки указывалъ какъ на тяжкое стѣсненіе, на присутствіе представителя отъ свѣтской власти при семинарскихъ экзаменахъ и ссылался относительно всѣхъ этихъ предметовъ на постановленія Тридентскаго собора.

13. Указъ 15го декабря 1843 года распространявшій вышеприведенную мѣру на имѣнія принадлежащія приходамъ и предоставлявшій свѣтской власти расписывать приходы по разрядамъ.

14. Указъ 12го апрѣля 1844 года уничтожившій типографіи бывшія при нѣкоторыхъ церквахъ.

15. Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20го декабря 1844 года коимъ постановлено давать приходы I и II разряда только воспитанникамъ духовной академіи. Это преимущество, дарованное свѣтскою властію, ограничиваетъ власть епископовъ, и академія, которой предоставлена такая привилегія, переведена изъ Вильны въ Петербургъ безъ согласія папы.

исконно подчинены епископамъ, вмѣсто провинціаловъ и *генераловъ*, изъ коихъ послѣдніе жили внѣ русскихъ владѣній, по большей части въ Римѣ.

16. Постановленія воспрещающія построеніе безприходныхъ капелль и опредѣляющія размѣръ приходовъ, вслѣдствіе чего были закрыты многія церкви.

17. Постановленія требующія особыхъ разрѣшеній и извѣстныхъ лѣтъ для вступленія въ монашество, воспрещающія монахамъ и монахинямъ воспитывать дѣтей, имѣвшія послѣдствіемъ пониженіе значенія монастырей, закрытіе многихъ изъ нихъ и уменьшеніе числа монашествующихъ.

18. Ограниченіе мужскихъ монастырей въ Имперіи числомъ 36, а женскихъ — 14. * Это распоряженіе и другія, касающія имуществъ церквей и монастырей, вызвало обширные комментаріи. Ограниченіе числа монастырей неизбѣжно повлечетъ, да и повлекло уже, замѣчаетъ Корболи, совершенное исчезновеніе нѣсколькихъ монашескихъ орденовъ, каковы напримѣръ, сестеръ милосердія и миссіонеровъ Св. Винцентія-Павла. Какъ монашествующіе, такъ и вообще все католическое духовенство въ Россіи, лишась принадлежавшихъ имъ имѣній и получая содержаніе отъ свѣтской власти, естественно становятся въ зависимое отъ нея положеніе и притомъ въ положеніе убогое, такъ какъ, по свѣдѣніямъ папскаго правительства, взятыя казной имущества доставляютъ ей 500.000 руб. дохода, а на содержаніе католическаго духовенства отпускается всего 300.000 р.

Обязанность нашего канцлера при разсмотрѣніи этихъ замѣчаній, состояла главнымъ образомъ въ томъ, какъ уже сказано, чтобъ изучить точку зрѣнія папскаго престола, такъ какъ римскія требованія должны были въ послѣдствіи разсматриваться одними русскими сановниками, безъ представителя римскаго двора; поэтому если графъ Нессельроде и дѣлалъ иногда возраженія монсиньйорамъ Ламбрускини и Корболи, то болѣе для того чтобы заставить ихъ высказать свои

* Кардиналъ Корболи ссылается при этомъ на указы 25го декабря 1841 года и 1го января 1842го; содержаніе перваго изъ этихъ указовъ только-что приведено; что касается до втораго, то онъ опредѣляетъ штаты католическихъ монастырей, причемъ число ихъ ни въ указѣ, ни въ приложенной къ нему вѣдомости не обозначено; впрочемъ объ отношеніи числа этихъ монастырей къ католическому населенію говорено выше; что же касается до содержанія монашествующимъ, то оно совершенно одинаково съ тѣмъ которое назначено православнымъ монастырямъ штатами утвержденными того же 1го января 1842 года.

воззрѣнія; словесныя объясненія ихъ были имъ тщательно записываемы и содержаніе ихъ было внесено въ записку которую нашъ канцлеръ представилъ государю. Вопросы которыхъ мы касались съ представителями папскаго престола могутъ, писалъ графъ Нессельроде, быть раздѣлены на два главные разряда: одни относятся къ догматамъ и началамъ одинаково исключительнымъ какъ въ церкви греческой, такъ и въ римской; по нимъ весьма не трудно не только прійти къ соглашеніямъ, но даже начинать переговоры съ какими-либо вѣроятностями успѣха. Другіе вопросы, преимущественно относящіеся до юрисдикціи, іерархіи и церковнаго управленія, болѣе допускаютъ взаимныя уступки; графъ Нессельроде полагалъ что, разъяснивъ надлежащимъ образомъ эти вопросы, при доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ, можно найти средства къ ихъ удовлетворительному разрѣшенію. Впрочемъ и вопросы послѣдней категоріи имѣли, по словамъ римскихъ богослововъ, строго-каноническія основанія, какъ видно изъ слѣдующихъ мыслей выраженныхъ кардиналами при объясненіяхъ съ графомъ Нессельроде.

Въ отношеніи, напримѣръ, къ смѣшаннымъ бракамъ монсиньйоръ Корболи замѣтилъ что въ принципѣ римская церковь ихъ вовсе не признаетъ и не признавала въ странахъ чисто-католическихъ и что она начала признавать ихъ въ видѣ исключенія, вслѣдствіе совмѣстнаго существованія разныхъ исповѣданій въ государствахъ. Въ отношеніи къ этимъ бракамъ, Корболи сильно возставалъ противъ двойной церемоніи требуемой нашими законами и противъ послѣдствій этой формальности, признаваемой у насъ безусловно необходимою; бракъ совершаемый только по латинскому обряду у васъ, говорилъ Корболи, считается недѣйствительнымъ, тогда какъ римская церковь считаетъ дѣйствительными браки совершенные только по греческому обряду, хотя и подвергаетъ духовнымъ наказаніямъ католическаго супруга. Коснувшись вопроса пріобщенія Св. Тайнъ, Корболи замѣтилъ что пріобщеніе греческимъ священникомъ католика при смерти, въ сущности не отвергается римскою церковью, въ смыслѣ отпущенія грѣховъ умирающему, но сознавался что латинскій священникъ отказалъ бы въ пріобщеніи умирающему другаго исповѣданія, еслибы послѣдній не принялъ при этомъ латинства. Въ отношеніи къ наказаніямъ за совращеніе официальный юристъ папскаго престола старался доказать что, вопреки существующему въ Россіи, римская цер-

ковь прибѣгаетъ единственно къ духовнымъ наказаніямъ, но къ числу ихъ онъ относилъ даже и прежнюю инквизицію. Въ настоящее же время, говорилъ онъ, католикъ перешедшій въ другое христіанское исповѣданіе положительно подвергается исключительно духовнымъ наказаніямъ (да какому иному наказанію и могъ бы подвергнуть отступника глава католической церкви, иначе какъ развѣ въ своихъ маленькихъ владѣніяхъ!) Корболи не скрывалъ впрочемъ что католическая церковь не допускаетъ въ принципѣ терпимости относительно другихъ исповѣданій и пытался защищать этотъ принципъ, оправдывая съ другой стороны ея стремленіе къ прозелитизму. Эта церковь не признаетъ возможности спастись внѣ своего лона, и поэтому должна, говорилъ онъ, стараться убѣжденіями и увѣщаніями привлекать къ себѣ христіанъ другихъ исповѣданій. Онъ откровенно замѣтилъ что таково въ сущности должно быть ученіе и греческой церкви въ догматическомъ смыслѣ и что только протестантизмъ установилъ начало терпимости въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ. Въ отношеніи къ свободному сношенію латинскаго духовенства и частныхъ лицъ римскаго исповѣданія со св. престоломъ, онъ говорилъ что въ принципѣ оно было ограничиваемо повсюду, даже въ католическихъ державахъ, но что, съ другой стороны, оно почти безъ препятствій допускается протестантскими державами, какъ напримѣръ Англіей, Голландіей и даже Пруссіей. По его словамъ, не только епископы и духовенство Франціи, но и другихъ государствъ могутъ прямо сноситься со св. престоломъ; что же касается до сношенія съ нимъ частныхъ лицъ по дѣламъ совѣсти, то они всегда и вездѣ были свободны. Ограниченія существуютъ, говорилъ онъ, относительно обнародованія папскихъ буллъ и другихъ постановленій св. престола, приведеніе въ исполненіе коихъ требуетъ участія и согласія свѣтскихъ правительствъ, но отнюдь не по предмету духовныхъ и дисциплинарныхъ отношеній духовенства къ св. престолу и не къ дѣламъ совѣсти частныхъ лицъ. Дѣла послѣдняго рода не подвергались ограниченіямъ даже въ конкордатѣ заключенномъ между французскою республикой и Піемъ VII. Менѣе сильно возражали папскіе сановники по вопросамъ о границахъ епископской власти, о значеніи и составѣ консисторій въ Россіи и Польшѣ, о духовной римско-католической коллегіи, объ устройствѣ семинарій и духовной академіи въ Петербургѣ. Впро-

чемъ они не скрывали что св. престолъ озабоченъ предоставленіемъ большей свободы дѣйствій епископамъ въ Россіи, измѣненіями въ устройствѣ семинарій, консисторій и Петербургской духовной коллегіи, каковыя измѣненія дали бы ему возможность признать и утвердить законное существованіе этихъ учрежденій. Далѣе кардиналъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о недостаточномъ количествѣ приходскихъ церквей и каплицъ для отправленія богослуженія, о незначительномъ числѣ учебныхъ заведеній для приготовленія юношества къ духовному званію, и о несоразмѣрности числа монастырей съ числомъ монашествующихъ обоего пола, которыхъ они насчитываютъ болѣе 1.000.

Представляя государю записку Корболи и отчетъ о словесныхъ коментаріяхъ на нее кардиналовъ, графъ Нессельроде не отрицалъ что, *съ точки зрѣнія папскаго престола,* требованія ими предъявленныя вообще стоятъ на твердыхъ основаніяхъ. Глава церкви признающей что внѣ ея нѣтъ спасенія, естественно долженъ скорбѣть о гибели нѣсколькихъ милліоновъ унитовъ принявшихъ греческую схизму. Глава церкви признающей себя одну истинною, естественно не можетъ спокойно видѣть что ея служителямъ воспрещается привлекать людей въ ея лоно, что за вступленіе въ нее назначены наказанія, что вообще ограничены средства служащія къ распространенію ея вліянія. Не менѣе естественны, *съ точки зрѣнія римскаго двора,* провозглашающаго непогрѣшимость и неизмѣнность соборныхъ и своихъ собственныхъ постановленій, желаніе согласовать законодательство касающееся русскихъ католиковъ съ канонами. Графъ Нессельроде предсказывалъ что достигнуть соглашеній при такихъ условіяхъ крайне трудно, а по многимъ предметамъ и совершенно невозможно. Притомъ, замѣчалъ онъ, несомнѣнно что римскій дворъ, вступая въ переговоры съ нами, имѣетъ какую-то заднюю мысль, и, при происходившихъ объясненіяхъ, не сказалъ своего послѣдняго слова. „Не можетъ же, писалъ русскій канцлеръ, святой престолъ разумно замышлять разрушеніе всей той системы устройства латинской церкви въ Россіи, которая существуетъ болѣе полустолѣтія и нѣкоторымъ образомъ срослась съ политическимъ устройствомъ самой Имперіи. Не можетъ же онъ требовать уничтоженія духовной коллегіи, которую терпѣлъ полстолѣтія и существованіе коей онъ нѣкоторымъ образомъ утверждалъ, давая духовную власть митрополитамъ, ея

предсѣдателямъ! Допустивъ въ конкордатѣ съ Франціей контроль свѣтской власти надъ сношеніями духовенства съ Римомъ, не можетъ же онъ утверждать что такой порядокъ несогласенъ съ канонами церкви въ отношеніи къ Россіи! Взятіе церковныхъ имуществъ въ казенное управленіе (sécularisation) совершалось и въ католическихъ земляхъ и было признано папскимъ правительствомъ; слѣдовательно и этого дѣйствія онъ не можетъ назвать противнымъ церковнымъ законамъ. Не въ этомъ надобно искать ту тайную мысль которая скрывается за притязаніями римскаго престола; главный двигатель его дѣйствій заключается преимущественно въ желаніи оградить на будущее время свое неотъемлемое право рѣшать вопросы догматическіе и дисциплинарные, вмѣшиваться во всѣ вопросы этого рода и заставить свѣтскую власть формально признать безусловную необходимость содѣйствія духовной власти святаго отца во всѣхъ безъ исключенія распоряженіяхъ относительно римской церкви и ея духовенства."

IV.

По возвращеніи въ Петербургъ, канцлеръ представилъ государю вмѣстѣ съ запиской составленной монсиньйоромъ Корболи и собственное о ней мнѣніе. Не касаясь тѣхъ вопросовъ которые еще въ Римѣ онъ признавалъ *неразрѣшимыми*, графъ Нессельроде раздѣлилъ требованія римскаго двора на шесть слѣдующихъ рубрикъ: 1) объ увеличеніи епископской власти; 2) объ учрежденіи нѣсколькихъ учебныхъ заведеній для католическаго духовенства; 3) о построеніи католическихъ церквей; 4) о возобновленіи нѣсколькихъ монастырей; 5) объ увеличеніи содержанія духовенству, и 6) о смягченіи законовъ за переходъ православныхъ въ католичество. Разсмотрѣвъ представленные ему документы, государь призналъ, изъ числа помянутыхъ шести рубрикъ, заслуживающими вниманія и подлежащими дальнѣйшему разсмотрѣнію лишь первую и шестую. Но допуская возможность удовлетворенія папскаго двора лишь по такой незначительной части римской программы, можно ли было надѣяться достигнуть серіознаго улучшенія отношеній нашихъ съ Римомъ?... Какъ бы то ни было, но установленіе основныхъ началъ для переговоровъ въ этомъ смыслѣ съ папскимъ престоломъ было возложено на особый комитетъ. Онъ долженъ былъ разсмотрѣть требованія римскаго правительства

въ связи съ существующимъ законодательствомъ и интересами Россіи. Членами этого комитета назначены были канцлеръ, министры внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій и народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, графы Орловъ и Блудовъ и статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго Туркулъ. Издатель матеріаловъ которыми мы руководствуемся не приводитъ тѣхъ преній которыя вѣроятно происходили въ средѣ этого комитета, но сообщаетъ извлеченія изъ письменныхъ заявленныхъ въ немъ мнѣній: можетъ-быть впрочемъ что словесныя объясненія между членами этого комитета не играли значительной роли и замѣнялись записками составленными въ ихъ канцеляріяхъ. Прежде всего разсмотрѣнъ былъ вопросъ объ усиленіи епископской власти; въ этомъ отношеніи требованія папскаго престола не встрѣтили серіозныхъ возраженій; графъ Перовскій полагалъ даже что, опираясь на власть епископовъ, можно съ бо́льшимъ успѣхомъ противодѣйствовать домогательствамъ Рима. Поэтому рѣшено было предоставить епископамъ рѣшительный перевѣсъ надъ консисторіями, усилить ихъ вліяніе на семинаріи и предоставить, съ нѣкоторыми ограниченіями, право назначать священниковъ. Но не легко было, при этомъ расширеніи епископской власти, согласовать ее съ существованіемъ римско-католической коллегіи, которой государь не соглашался уничтожить, но которую папскій престолъ не хотѣлъ признавать въ ея настоящемъ видѣ, хоть и молчалъ о ней въ продолженіи почти пятидесяти лѣтъ. Съ цѣлію развязать эту дилемму, графъ Нессельроде указалъ на существующіе въ Пруссіи просинодальные суды, которые рѣшаютъ въ послѣдней степени дѣла брачныя и вопросы о церковной дисциплинѣ и члены коихъ получаютъ утвержденіе и особыя полномочія отъ папы. Графъ Блудовъ, хорошо знакомый съ каноническимъ правомъ католической церкви и ея исторіей въ Россіи, подтверждалъ что дѣйствительно атрибуты русской католической коллегіи нарушаютъ каноны, и что въ видахъ соглашенія воли государя съ требованіями римскаго двора желательно было бы учрежденіе въ Петербургѣ просинодальнаго суда, но при римско-католической коллегіи; судъ подобный просинодальному, а равно и учрежденіе вѣдающее собственно административныя дѣла католической церкви, замѣчалъ графъ Блудовъ, существуютъ, хотя и отдѣльно другъ отъ друга, въ Варшавѣ, а потому онъ полагалъ что папа не станетъ возражать противъ устройства и въ Пе-

тербургѣ подобныхъ учрежденій, которыя были бы соединены между собою лишь формальнымъ, внѣшнимъ образомъ. Это мнѣніе было принято комитетомъ вопреки графу Перовскому, который отстаивалъ неприкосновенность коллегіи, освященной и давностію и тѣмъ что ея уставъ разсматривался въ свое время коммиссіей въ которой были членами нѣсколько католиковъ. При этомъ постановлено было непремѣнно учредить въ Петербургѣ общій просинодальный судъ какъ для Имперіи, такъ и для Царства Польскаго; въ такомъ учрежденіи комитетъ видѣлъ звено долженствующее связать означенныя части Русскаго государства.

Послѣ этого комитетъ перешелъ къ разсмотрѣнію законовъ о совращеніяхъ и отступничествѣ. Эта любопытная глава нашего законодательства была разсмотрѣна графомъ Уваровымъ въ историческомъ и юридическомъ отношеніи. Въ древнемъ законодательствѣ нашемъ, писалъ онъ, предусматривался лишь одинъ случай,—а именно: насильствомъ или обманомъ совершенное совращеніе Русскаго и православнаго человѣка „къ бусурманской вѣрѣ“; за это назначалось строгое наказаніе совратителю, а совращенный предавался духовному суду. Лишь въ послѣдствіи, именно послѣ Петра Великаго, стали выходить разнообразныя и строгія постановленія по этому предмету. „Переходъ изъ одного исповѣданія въ другое, замѣчалъ графъ Уваровъ, есть дѣло совѣсти каждаго, и можетъ подлежать лишь вѣдомству духовному.... Если перемѣна исповѣданія частнымъ лицомъ не возбуждаетъ смутъ въ семейной и общественной жизни, не вызываетъ вражды и жалобъ обращаемыхъ къ самому правительству, то безъ сомнѣнія она не можетъ быть и не бываетъ предметомъ кары закона. Но можетъ ли правительство, признающее начало терпимости всѣхъ исповѣданій, въ виду постоянныхъ смутъ, волненій и жалобъ на обманъ и насиліе, не оградить спокойствіе и миръ, при ихъ (исповѣданій) совмѣстномъ существованіи,“ особенно когда совращенія производятся массами? Министръ просвѣщенія приводилъ рядъ фактовъ доказывающихъ что въ продолженіе XVIII вѣка католическое духовенство и дворянство производили совращенія именно такого рода и что эти-то совращенія вынудили правительство къ строгимъ мѣрамъ. Не желаніе властвовать надъ совѣстью людей, но обязанность оградить начало вѣротерпимости и обѣщанное людямъ всѣхъ исповѣданій право на свободу вѣровать и молиться какъ они хотятъ, заставля-

етъ, замѣчалъ графъ Уваровъ, и нынѣ принимать строгія мѣры противъ католичества. Что касается до господствующей церкви, то онъ полагалъ что она имѣетъ право на исключительное положеніе во всѣхъ странахъ гдѣ законъ признаетъ существованіе господствующей церкви, а тѣмъ паче въ Россіи. По его мнѣнію „общность религіи у насъ служитъ основаніемъ для общности гражданской. Выйти изъ этой общности въ собственномъ смыслѣ значитъ перестать быть Русскимъ....“

Такимъ энергическимъ заявленіемъ сочувствія охранительнымъ мѣрамъ въ пользу православія графъ Уваровъ заградилъ своимъ сочленамъ по комитету возможность дальнѣйшаго разсмотрѣнія законовъ о совращеніяхъ, хотя государь готовъ былъ допустить нѣкоторыя въ нихъ измѣненія. Но усматривая изъ его собственной записки, что онъ считаетъ не подлежащими вмѣшательству государственной власти частные случаи перехода изъ православія, и находя что жалобы папскаго престола относятся главнымъ образомъ именно къ частнымъ же случаямъ, комитетъ постановилъ допускать по отношенію къ нимъ снисходительность, не касаясь впрочемъ началъ существующаго законодательства. За то комитетъ принялъ къ разсмотрѣнію вопросъ о подчиненіи католическихъ монастырей *провинціаламъ*, то-есть выборнымъ начальникамъ монастырей изъ числа монаховъ своего ордена, оставляя однако за епископами право *визитаціи*, и вовсе обходя вопросъ о *генералахъ*, то-есть главныхъ начальникахъ орденовъ, проживающихъ, какъ уже было замѣчено, за границей, преимущественно въ Римѣ; комитетъ согласился также допустить нѣкоторое усиленіе окладовъ католическимъ священникамъ, вопреки мнѣнію государя, и призналъ полезнымъ учредить новую, седьмую епископскую каѳедру, собственно для нѣмецкихъ колонистовъ Новороссійскаго края и Приволжья, вопреки мнѣнію графа Перовскаго, полагавшаго уменьшить число этихъ каѳедръ до четырехъ.

Предположенія комитета были разсмотрѣны и утверждены государемъ и послужили основаніемъ инструкціи данной лицу уполномоченному для дальнѣйшихъ переговоровъ съ папскимъ правительствомъ. Этимъ лицомъ былъ графъ Блудовъ. Управленіе въ продолженіе многихъ лѣтъ департаментомъ иновѣрныхъ исповѣданій, а потомъ и министерствомъ въ которомъ этотъ департаментъ состоялъ, доставили ему случай коротко познакомиться съ вопросами которые предполагалось разрѣ-

шить въ Римѣ. Съ этой точки зрѣнія едва ли было возможно сдѣлать болѣе удачный выборъ. Но именно въ его управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и при его личномъ сочувствіи совершилось возсоединеніе унитовъ, — дѣло такъ глубоко огорчившее папу и бывшее главною причиной натянутости между его правительствомъ и нашимъ. Это обстоятельство конечно могло повліять неблагопріятнымъ образомъ на самый ходъ переговоровъ порученныхъ графу Блудову, но пріятныя качества его ума и вообще личныя его достоинства подавали надежду что онъ восторжествуетъ надъ существующими противъ него предубѣжденіями, особенно при помощи приданнаго ему въ сотрудники Бутенева, знакомаго, какъ слѣдовало ожидать, съ персоналомъ и закулисными тайнами римскаго двора.

Между тѣмъ Григорій XVI скончался, и на папскій престолъ возведенъ былъ кардиналъ Мастаи-Феррари, подъ именемъ Пія IX. Новый папа считался представителемъ той части католическаго духовенства которая старалась примирить требованія современности съ началами христіанства, а потому лучшая часть католическаго духовенства радостно привѣтствовала его назначеніе. Какъ отъ государя, отъ него тоже ожидали большихъ перемѣнъ въ либеральномъ духѣ. И точно, принятіе имъ скипетра было ознаменовано широкою амнистіей, которая вызвала изступленную радость въ народонаселеніи Церковной Области и привлекла къ нему сердца Римлянъ. За то прелаты стараго закала нахмурились; кардиналъ Ламбрускини отказался отъ должности статсъ-секретаря. Это поставило въ затрудненіе новаго папу, занимавшаго предъ тѣмъ епископскую каѳедру вдали отъ Рима и вовсе незнакомаго съ личнымъ составомъ кардиналовъ. Онъ медлилъ нѣсколько времени назначеніемъ преемника кардиналу Ламбрускини, но за то сдѣланный имъ выборъ заслужилъ одобреніе либеральной части католическаго міра. Новый статсъ-секретарь, кардиналъ Гицци, подавалъ надежду что онъ будетъ истиннымъ помощникомъ Пію IX какъ въ дѣлѣ ожидаемыхъ внутреннихъ преобразованій, такъ и въ дѣлѣ примиренія церковныхъ постановленій съ духомъ времени.

Вѣроятно по причинѣ перемѣнъ происшедшихъ въ Римѣ, отъѣздъ графа Блудова былъ замедленъ. Онъ прибылъ въ Римъ лишь въ половинѣ октября 1846 года. Свиданіе какъ съ новымъ папой, такъ и съ его статсъ-секретаремъ произвело

на нашего посла пріятное впечатлѣніе. Желая вѣроятно произвести такое же впечатлѣніе и на тѣхъ съ которыми ему предстояло имѣть дѣло, онъ тогда же сообщилъ имъ, какъ доказательство благосклоннаго расположенія русскаго государя къ католичеству, что въ Россіи предполагается учредить новую епископскую каѳедру. Опытные дипломаты едва ли не признаютъ такого заявленія ошибкой со стороны нашего посла, ибо, заявивъ съ перваго шага что онъ уполномоченъ дѣлать уступки, онъ можетъ-быть тѣмъ самымъ возбудилъ въ представителяхъ римскаго двора надежду на другія, еще болѣе важныя. Возбужденіе такихъ надеждъ было тѣмъ опаснѣе что графу Блудову пришлось вести перегововы не съ кардиналомъ Гицци,—такъ какъ новый статсъ-секретарь самъ не признавалъ себя достаточно знакомымъ съ подробностями положенія католической церкви въ Россіи,—а съ монсиньйорами Ламбрускини и Корболи, и что въ товарищѣ своемъ Бутеневѣ онъ, по собственнымъ словамъ послѣдняго, не нашелъ серіозной поддержки. Назначеніе лицъ извѣстныхъ своимъ ультрамонтанствомъ было довольно непріятно графу Блудову. Правда, мысль о назначеніи Ламбрускини, писалъ онъ канцлеру, „весьма естественно могла прійти папѣ, на основаніи, какъ онъ мнѣ и сказалъ, предшествовавшей дѣятельности кардинала, который по многимъ вопросамъ подлежащимъ нашимъ переговорамъ имѣлъ уже совѣщанія какъ съ вашимъ сіятельствомъ, такъ и съ самимъ императоромъ. Но возможно и то что его назначеніе есть слѣдствіе, и нѣкоторымъ образомъ возмездіе за мое назначеніе, которое очевидно желаютъ сдѣлать подозрительнымъ въ глазахъ святаго престола.“ Какъ бы то ни было, но для отстраненія Ламбрускини не было никакого благовиднаго предлога, и графъ Блудовъ началъ съ нимъ переговоры.

Они открылись 7го ноября и пошли весьма туго съ самаго начала. Кардиналъ возбудилъ совершенно неожиданно вопросъ о неподсудности духовенства свѣтскимъ судамъ,—о чемъ не упоминалось въ объясненіяхъ съ графомъ Нессельроде. Наши уполномоченные дали по этому поводу нѣсколько объясненій и замѣтили что многія даже католическія державы не допускаютъ у себя такихъ изъятій въ пользу духовенства. „Это правда, но во всякомъ случаѣ это нарушаетъ католическія правила,“ отвѣчалъ Ламбрускини, и просилъ чтобы графъ Блудовъ принялъ его заявленіе ad referendum, что

было однако рѣшительно отклонено. Затѣмъ пренія обратились на вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, который тоже не входилъ въ инструкцію графа Блудова. Вообще, доносилъ онъ, замѣтно что папскіе уполномоченные желаютъ прежде всего подвергнуть разсмотрѣнію всѣ жалобы которыя имѣются противъ русскаго правительства,—вѣроятно съ тѣмъ чтобы дать почувствовать ничтожность, въ сравненіи съ ними, тѣхъ уступокъ которыя имъ будутъ предложены. Дѣйствительно, девять засѣданій прошло въ разговорахъ о предметахъ касающихся главнымъ образомъ принциповъ и началъ, то-есть такихъ предметовъ которыя еще графъ Нессельроде признавалъ неразрѣшимыми. Не ранѣе конца декабря заговорили о разграниченіи епархій и о предположеніи учредить новую епископскую каѳедру. Разумѣется на этой почвѣ не могло послѣдовать какихъ-либо столкновеній, но и соглашеніе послѣдовало вовсе не такъ скоро, какъ ожидали наши уполномоченные. Кардиналы связали съ этимъ вопросомъ два другіе. Они сказали что по каноническимъ правиламъ святой престолъ приступаетъ къ новому разграниченію епархій не иначе какъ по представленію самихъ епископовъ, или же передаетъ это дѣло апостольскому легату. Наши уполномоченные замѣтили что самъ св. престолъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ходатайствовалъ о новомъ разграниченіи епархій въ Россіи и что если онъ теперь затрудняется неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, то можно возложить на архіепископа могилевскаго пріобрѣтеніе ихъ. Папскіе уполномоченные согласились что замѣчаніе это не лишено основанія, но не преминули заявить что принимая предложеніе русскаго двора, они дѣлаютъ ему уступку. Далѣе, они спросили: какъ же оставаться безъ пастырей тѣмъ, хотя бы и не многимъ унитамъ, которые не согласились принять православіе? Вопросъ этотъ, замѣтили кардиналы, имѣетъ „величайшую важность въ глазахъ его святѣйшества и тревожитъ его совѣсть“. Мы можемъ согласиться съ этимъ; но какъ ни велико значеніе этого вопроса съ точки зрѣнія принципа, на практикѣ онъ не представлялъ ни малѣйшей возможности къ удовлетворительному разрѣшенію. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ и во всѣхъ прочихъ странахъ міра, живутъ одинокіе протестанты, католики и другіе иновѣрцы, не имѣя священниковъ своего исповѣданія; въ такомъ точно положеніи находились и малочисленные наши униты (кромѣ Царства Польскаго).

— Гдѣ нѣтъ приходовъ, тамъ не можетъ быть и священниковъ, замѣтилъ кардиналамъ графъ Блудовъ.

— По правиламъ римской церкви, отвѣчалъ Ламбрускини, священники могутъ быть и безъ приходовъ.

Очевидно, выставляя вопросъ объ унитахъ и ходатайствуя объ особыхъ для нихъ церквахъ и священникахъ, папскіе уполномоченные хотѣли найти предлогъ для возобновленія въ предѣлахъ Имперіи унитской іерархіи, въ надеждѣ разрушить дѣло совершенное въ 1839 году.

Къ унитскому вопросу папскіе уполномоченные возвращались и въ послѣдствіи, подходя къ нему съ разныхъ сторонъ. Но домогательства ихъ, послѣ жаркихъ преній и споровъ, постоянно были отклоняемы. За то по вопросу о власти епископовъ наши уполномоченные сдѣлали важныя уступки. Графъ Блудовъ призналъ что „епископъ есть единственный судья и правитель своей епархіи и начальникъ консисторіи". Согласно такому принципу, папскіе уполномоченные потребовали чтобы всѣ члены консисторіи опредѣлялись и назначались епископомъ и были увольняемы имъ. Они соглашались впрочемъ чтобы назначеніе членовъ происходило съ одобренія правительства, но настаивали и настояли чтобъ увольненіе производилось одною епископскою властію. Точно такъ же они хотѣли подчинить безусловно епископу и секретаря консисторіи, который назначался до того времени свѣтскою властію и часто изъ мірянъ. Наши уполномоченные выразили готовность согласиться на это, но предложили учредить должность прокуроровъ при консисторіяхъ, совершенно независимую отъ духовной іерархіи и облеченную правомъ veto. Такое предложеніе папскіе уполномоченные послѣшили устранить и согласились допустить въ секретари мірянъ, но по назначенію епископа, съ правительственнаго утвержденія.

Къ довольно серіознымъ преніямъ подалъ поводъ вопросъ объ устройствѣ семинарій. Наши уполномоченные допускали что онѣ должны быть подчинены епископу, которому соглашались предоставить право назначать ректора и профессоровъ, руководить дисциплиной заведенія и преподаваніемъ, составлять въ немъ учебныя программы и т. п.,—но все это не иначе какъ съ утвержденія правительства и подъ его наблюденіемъ. Папскіе уполномоченные долго отклоняли это наблюденіе, и хотя вообще подчинились ему, но отклонили предварительное представленіе правительству учебныхъ программъ.

Они были сговорчивѣе въ вопросѣ о назначеніи священниковъ. Согласно предложенію нашихъ уполномоченныхъ, они допустили чтобы такія назначенія дѣлались епископами, но съ согласія правительства. Впрочемъ они и при этомъ случаѣ обнаружили придирчивость и остались вѣрны обычаю своего двора жаловаться и прикидываться угнетенными. Они возстали было противъ уничтоженія права патронатства, то-есть права приходскаго дворянства избирать священниковъ, которое было отнято въ западныхъ губерніяхъ по весьма понятнымъ политическимъ соображеніямъ. Отвѣчать на такую претензію было тѣмъ легче что самъ римскій дворъ протестовалъ противъ права патроната въ другихъ странахъ, и вопросъ о патронатѣ былъ отклоненъ.

Перейдя затѣмъ къ вопросу о порядкѣ подчиненія монастырей, наши уполномоченные сдѣлали, согласно мнѣнію петербургскаго комитета, предложеніе о выборныхъ провинціалахъ, съ подчиненіемъ ихъ епископу. Кардиналы не преминули замѣтить что такое предложеніе не соотвѣтствуетъ каноническимъ постановленіямъ, подчиняющимъ монастыри каждаго ордена вмѣстѣ съ ихъ провинціалами, генераламъ непосредственно зависящимъ отъ папы; но они и не отвергли безусловно русскаго предложенія; они настаивали только чтобы выборъ провинціала производился подъ предсѣдательствомъ епископа, съ правомъ кассировать недостойное избраніе. Съ другой стороны, по русскимъ инструкціямъ число провинціаловъ должно было соотвѣтствовать числу епархій, а папскіе уполномоченные рѣшительно не соглашались на это и высказали твердое намѣреніе удержать надъ ними власть заграничныхъ генераловъ. Не желая доводить дѣло до разрыва переговоровъ, наши уполномоченные приняли сдѣланное имъ предложеніе ad referendum. Что касается до кардиналовъ, то они были вслѣдъ за тѣмъ неожиданно обрадованы извѣстіемъ что въ послѣднее время построено въ Россіи до тридцати новыхъ католическихъ церквей и что для ихъ поддержанія ассигнованъ капиталъ простирающійся до 6.000.000 франковъ. Сообщенными имъ свѣдѣніями о содержаніи католическаго духовенства и объ имуществѣ церквей и монастырей они тоже остались довольны.

Затѣмъ переговоры обратились къ вопросу объ устройствѣ въ Россіи церковнаго суда. Съ римской стороны было заявлено что Тридентскимъ соборомъ назначено епископамъ про-

изводить судъ въ первой степени, архіепископамъ во второй, а съ аппелляціями на рѣшенія архіепископовъ указано обращаться къ самому папѣ, или же къ особо уполномоченному имъ для того лицу. Съ своей стороны графъ Блудовъ, указавъ на неудобство для Русскихъ аппеллировать къ такой отдаленной инстанціи, предложилъ учрежденіе просинодальнаго суда, съ тѣмъ чтобъ онъ находился въ Петербургѣ и былъ общимъ для Имперіи и Царства Польскаго. Послѣднее обстоятельство, какъ мы видѣли, было признано петербургскимъ комитетомъ за очень важное съ политической точки зрѣнія, и, судя по донесеніямъ нашихъ уполномоченныхъ, предложеніе о томъ было принято кардиналами весьма благосклонно; они даже приступили къ обсужденію нѣкоторыхъ подробностей общаго для всей Россіи католическаго суда, изъ чего естественно графъ Блудовъ и Бутеневъ выводили весьма утѣшительныя заключенія. Но ожиданія ихъ не оправдались. Въ слѣдующемъ засѣданіи кардиналы представили сильныя возраженія не противъ принципа просинодальнаго суда, но противъ единства суда для Имперіи и Царства, чего именно и желали наши уполномоченные. Имперія Россійская и Царство Польское, говорили кардиналы, составляютъ двѣ отдѣльныя архіепископіи, а потому и невозможенъ общій для нихъ судъ; послѣ долгихъ преній, они заявили что и святой отецъ на соединеніе ихъ подъ одною юрисдикціей не соглашается. Такимъ образомъ волросъ объ учрежденіи въ Имперіи суда высшей степени былъ вовсе оставленъ, хотя обѣ стороны соглашались что въ немъ насгоитъ большая надобность; сами кардиналы признавали что суды первыхъ двухъ степеней весьма неудовлетворительны и что они, особенно по дѣламъ бракоразводнымъ, допускаютъ большія злоупотребленія. Разумѣется, отказъ папскихъ уполномоченныхъ былъ мотивированъ ссылками на Тридентскій соборъ, но этими ссылками они слишкомъ очевидно старались прикрыть соображенія политическаго свойства и опасеніе оскорбить стремленія Поляковъ къ отдѣльному отъ Россіи существованію.

Между тѣмъ произошелъ перерывъ въ ходѣ переговоровъ; кардиналъ Ламбрускини долженъ былъ отлучиться изъ Рима,—обстоятельство которое не могло не удивить нашихъ уполномоченныхъ, ибо не было слышно ни о какомъ волнующемъ событіи въ его сабинской епархіи, безусловно требовавшемъ его присутствія. Около того же времени, и когда

графъ Блудовъ сильно тяготился своимъ невольнымъ бездѣйствіемъ въ Римѣ, Бутеневъ получилъ очень рѣзкую ноту отъ кардинала Гиццци что въ Аккерманѣ какой-то католическій священникъ былъ будто бы русскими властями разстрѣленъ. По словамъ депеши, приговоръ надъ этимъ священникомъ былъ совершенъ безъ соблюденія нужныхъ формальностей, безъ сообщенія о немъ духовному суду, безъ слѣдствія, даже безъ всякаго повода къ обвиненію, ибо, писалъ кардиналъ Гиццци, „онъ никогда не вмѣшивался въ дѣла правительственныя и еще менѣе въ дѣла революціонныя“. Бутеневъ отвѣчалъ что онъ ничего не знаетъ ни о чемъ подобномъ; но этимъ не окончилась такъ внезапно начавшаяся переписка. Въ отвѣтѣ Бутеневу, кардиналъ Гиццци касался многихъ предметовъ щекотливаго свойства; онъ возвращался къ исторіи о высылкѣ изъ Грузіи католическихъ монаховъ и жаловался что католическое духовевство принуждаютъ въ Россіи принимать непремѣнно русское подданство, хотя законъ о томъ существовалъ со временъ Екатерины Великой; онъ утверждалъ также что въ новомъ изданіи Свода Законовъ (1845), вопреки всѣмъ представленіямъ папскаго двора и обѣщаніямъ русскаго, наказанія за совращенія нисколько не смягчены, что̀ не совсѣмъ справедливо. Содержаніе этой депеши, такъ неожиданно вторгшейся въ сферу производившихся переговоровъ и подписанной человѣкомъ искренно расположеннымъ, казалось, къ примирительному образу дѣйствія, въ высшей степени изумило нашихъ уполномоченныхъ. Бутеневъ имѣлъ личное объясненіе съ Гиццци и вынесъ изъ него то, между прочимъ, убѣжденіе что кардиналъ статсъ-секретарь былъ вынужденъ противъ собственной воли къ такому рѣзкому образу дѣйствія, что партія во главѣ которой находился Ламбрускини взяла верхъ въ Римѣ, и что самъ папа отдался ей въ руки... Такая важная перемѣна совершилась, повидимому, сюрпризомъ для нашего посланника въ Римѣ!.. Графъ Блудовъ, извѣщая канцлера о неожиданномъ перерывѣ переговоровъ, выражалъ сомнѣнія чтобъ они могли придти къ желаемой цѣли. „Я не могу себѣ ожидать полнаго успѣха, писалъ онъ; напротивъ того, я не могу надѣятьея даже на какой-нибудь окончательный результатъ сколько-нибудь удовлетворительный, особенно когда вспомню объ исполненной пререканій перепискѣ Бутенева съ папскимъ статсъ-секретаремъ“; „а если, продолжалъ онъ, мы не придемъ къ заклю-

ченію сколько-нибудь удовлетворительному, если мое присутствіе въ Римѣ будетъ не только безполезно, но даже нѣсколько, какъ говорятъ Англичане, *неловко*, awkward, то я долженъ буду просить ваше сіятельство пріискать достаточную причину, или, говоря русскимъ канцелярскимъ слогомъ, *благовидный предлогъ* чтобы вызвать меня отсюда." Съ своей стороны, получивъ докладъ канцлера о послѣднихъ сношеніяхъ нашихъ уполномоченныхъ съ папскимъ дворомъ, государь написалъ на этомъ докладѣ: „Поручите нашимъ уполномоченнымъ объявить что, истощивъ, къ моему большому сожалѣнію, всѣ способы соглашенія, и усматривая что за наши добрыя расположенія мы снова поставлены въ такое положеніе что сдѣлались предметомъ не только непонятныхъ подозрѣній, но и безчестныхъ обвиненій почерпнутыхъ изъ самыхъ низкихъ источниковъ, я считаю несогласнымъ съ моимъ достоинствомъ продолжать далѣе переговоры. Поэтому я уполномочиваю прервать ихъ и объявить что отвѣтственность за это и за всѣ послѣдствія будетъ тяготѣть на одномъ папскомъ правительствѣ. Прибавьте только: если послѣ этого объявленія будутъ стараться вновь завести переговоры, то наши уполномоченные должны только слушать, съ перваго же раза объявивъ что всякое разсужденіе будетъ безполезно, если папское правительство не согласится сейчасъ же на все, на что̀ соглашалось до разсужденій о просинодальномъ судѣ, ибо этотъ отказъ отъ своего мнѣнія я считаю оскорбленіемъ котораго потерпѣть не могу."

Воля государя была передана канцлеромъ нашимъ уполномоченнымъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ Бутеневу и о разстрѣленномъ будто бы безъ всякаго изслѣдованія католическомъ священникѣ. Въ дѣйствительности этотъ священникъ *не былъ разстрѣленъ* и *находился подъ слѣдствіемъ*. Подъ слѣдствіемъ же онъ находился какъ участникъ въ волненіяхъ бывшихъ въ Галиціи и какъ предполагаемый агентъ тамошнихъ революціонеровъ, намѣревавшихся произвести вооруженное вторженіе въ Россію: такимъ образомъ не оправдывалась и та часть заявленія кардинала Гицци въ которой утверждалось что священникъ арестованный близъ Измаила „никогда не вмѣшивался въ дѣла правительственныя, и еще менѣе въ дѣла революціонныя".... Графъ Нессельроде имѣлъ слѣдовательно полное право сказать по этому поводу въ депешѣ на имя Бутенева: „Какимъ образомъ правительство столь степенное и

осмотрительное, какъ правительство святаго престола, могло, повѣривъ нѣсколькимъ газетнымъ статьямъ и неопредѣленнымъ доносамъ, необдуманно рѣшиться обвинять насъ, не сообразивъ порядочно дѣла!...“ Онъ могъ бы прибавить: „какого важнаго средства возвысить свое нравственное значеніе лишается съ своей стороны русское правительство, уклоняясь отъ обнародованія, подобно другимъ правительствамъ, своей дипломатической переписки!“ На Россію можно было клеветать какъ на мертваго.

Отсутствіе кардинала Ламбрускини, прервавшее переговоры, все еще продолжалось; они не возобновлялись и по возвращеніи этого сановника. Наши уполномоченные недоумѣвали. Они не имѣли еще извѣстій о томъ какъ взглянутъ въ Петербургѣ на настоящее положеніе дѣлъ и, повидимому, не имѣли точныхъ свѣдѣній о настроеніи преобладавшемъ въ Ватиканѣ. Поэтому положеніе ихъ было очень затруднительно. Болѣе шести мѣсяцевъ уже графъ Блудовъ находился въ Римѣ и слишкомъ два мѣсяца онъ былъ подвергнутъ непроизвольному бездѣйствію. Узнавъ о возвращеніи Ламбрускини въ Римъ, онъ, опасаясь чтобы на него не пала отвѣтственность въ перерывѣ переговоровъ, предложилъ возобновить ихъ; но Ламбрускини отвѣчалъ что на дняхъ опять долженъ уѣхать въ свою эпархію недѣли на двѣ, предоставляя впрочемъ русскимъ дипломатамъ продолжать сношенія съ монсиньйоромъ Корболи. Наши уполномоченные обрадовались и этому; но Корболи, на единственномъ засѣданіи въ которомъ участвовалъ безъ своего товарища, тщательно уклонялся отъ всякихъ преній, а тѣмъ болѣе рѣшеній; поэтому графъ Блудовъ и Бутеневъ рѣшились, хотя и съ сожалѣніемъ, ждать возвращенія старшаго папскаго уполномоченнаго. Чтобы не терять времени совершенно попапрасну и, такъ-сказать, чтобъ оправдать свое пребываніе въ Римѣ, графъ Блудовъ сдѣлалъ представленіе папскому двору о назначеніи нѣсколькихъ новыхъ епископовъ. Два изъ нихъ были немедленно утверждены; утвержденіе же прочихъ остановилось за справками о ихъ личныхъ качествахъ. Между тѣмъ наступилъ май мѣсяцъ; почти три мѣсяца прошло со времени послѣдняго засѣданія въ полномъ составѣ уполномоченныхъ. Ламбрускини давно уже былъ въ Римѣ, а о возобновленіи засѣданій еще не было рѣчи. Не ранѣе какъ въ концѣ мая наши уполномоченные получили извѣщеніе что переговоры „скоро возобновятся“. Но въ нотѣ которою это воз-

вѣщалось, явно господствовалъ непріязненный тонъ, хотя она и была написана въ приличныхъ выраженіяхъ. Въ ней съ особымъ удареніемъ перечислялись предметы по которымъ не состоялось соглашенія, и затѣмъ кардиналъ Гицци писалъ: „Все вышеизложенное приводитъ къ тому заключенію что, несмотря на искреннее желаніе его святѣйшества по возможности удовлетворить желанію императора, онъ поставленъ въ такое положеніе что не можетъ сдѣлать этого, не измѣнивъ требованіямъ совѣсти. Тѣмъ не менѣе его святѣйшество желаетъ отклонить этотъ выводъ: онъ объясняетъ себѣ наставленія данныя русскимъ правительствомъ своимъ уполномоченнымъ и отвѣты, которые они до сего времени сообщали на вопросы составлявшіе предметъ совѣщаній, недостаточнымъ знакомствомъ съ тѣми причинами на которыхъ основаны требованія святаго престола....“ Итакъ, по словамъ кардинала Гицци, выходило что папа нисколько не нуждался въ настоящихъ переговорахъ, что онъ согласился на нихъ лишь изъ желанія сдѣлать удовольствіе лично Русскому императору, и что впрочемъ виды русскаго правительства нелѣпы и основаны на совершенномъ незнакомствѣ съ дѣломъ за которое оно взялось. Подобныхъ мыслей невозможно выразить яснѣе на дипломатическомъ языкѣ, гдѣ приличіе формъ обязательно....

Между тѣмъ, не взирая на вышеприведенныя слова государя, доказывающія его неудовольствіе противъ римскаго двора, нашимъ уполномоченнымъ было разрѣшено сдѣлать уступки по нѣкоторымъ изъ предметовъ, принятыхъ ad referendum; исключеніе составлялъ лишь вопросъ о провинціалахъ. „Если по немъ не послѣдуетъ уступки со стороны папскихъ уполномоченныхъ, писалъ графъ Нессельроде, лучше вовсе устранить его и не вводить въ актъ, который вы подпишете съ кардиналами“. Снабженные такими инструкціями, наши уполномоченные явились на первое послѣ перерыва засѣданіе, бывшее 3го іюля. Имъ пришлось прослушать тѣ же рекриминаціи которыя были выражены въ послѣдней нотѣ кардинала Гицци и еще разъ вести пренія о предметахъ подвергавшихся обсужденію въ первыхъ засѣданіяхъ. Почему они допустили это—не совсѣмъ понятно: вышеприведенныя собственныя слова государя положительно разрѣшали имъ не вступать въ пренія по предметамъ уже разрѣшеннымъ и даже прервать переговоры. Они были впрочемъ вынуждены напомнить кардиналамъ объ этой сторонѣ своихъ инструкцій въ засѣданіи

3го іюля, которое самъ миролюбивый графъ Блудовъ назвалъ въ своемъ донесеніи бурнымъ. „У насъ, писалъ онъ канцлеру, было до сихъ поръ только одно засѣданіе и то весьма бурное, но и оно ни къ чему не привело, и я боюсь, не обѣщаетъ ли оно чего дурнаго. Мои опасенія, о которыхъ я уже сообщалъ и прежде, вполнѣ оправдались. Замѣчательно и прискорбно! Въ настоящее время возбуждаютъ настоятельно такіе вопросы которые не были даже указаны въ потребованныхъ нами дополнительныхъ инструкціяхъ, и тѣмъ менѣе въ той которую я получилъ, оставляя Петербургъ,—вопросы, которые насильственно и неизбѣжно увлекаютъ насъ на жгучую почву религіозныхъ догматовъ,—на почву на которой мы можемъ лишь спорить. А вслѣдствіе этого мы снова прослывемъ то явными, то скрытными врагами католицизма, и съ этою именно цѣлію во всемъ, что̀ мы ни дѣлаемъ или хотимъ сдѣлать, отыскиваютъ и желаютъ находить дурныя намѣренія и затаенныя мысли, страхи и опасности для совѣсти. Можетъ-быть ищутъ только случая, предлога къ разрыву. Такимъ образомъ этотъ переломъ, вызвать который я могу по вашему мнѣнію, безъ опасенія, совершится вѣроятно и безъ особаго вызова съ нашей стороны, и я полагаю даже что это произойдетъ очень скоро.„Сѣтованія графа Блудова дышатъ искренностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обнаруживаютъ чрезмѣрную мягкость духа. Я желалъ бы еще болѣе рѣшительной рѣчи со стороны моихъ уполномоченныхъ, отмѣтилъ государь на донесеніи о засѣданіи 3го іюля; они вновь вступаютъ въ разсужденія, тогда какъ я этого не хотѣлъ, потому что они высказали уже все и должны были слушать со стороны римскаго двора только *да* или *нѣтъ*.“

V.

Дѣйствительно, всякій кто только внимательно прочиталъ здѣсь обозрѣніе переговоровъ, замѣтилъ, безъ сомнѣнія, что они ведены были съ нашей стороны безъ надлежащей твердости, съ слишкомъ явною готовностью дѣлать уступки и съ тайнымъ убѣжденіемъ въ невозможности склонить къ тому же противника. Наши уполномоченные почитали успѣхомъ когда кардиналы принимали ихъ уступки, и посылали о томъ радостныя донесенія въ Петербургъ; дѣлая эти уступки, они не думали требовать какихъ-либо обязательствъ отъ против-

ной стороны. Вообще переговоры между графомъ Блудовымъ и кардиналомъ Ламбрускини имѣли видъ какой-то mea culpa со стороны русскаго правительства: точно будто оно прислало своего представителя покаяться публично въ своихъ проступкахъ противъ главы римской церкви и просить его удостоить своего одобренія соотвѣтствующія измѣненія въ нашемъ законодательствѣ. И не ѣздя въ Римъ и не вступая въ конференціи съ кардиналами можно было знать какъ устроенъ духовный судъ въ католическомъ мірѣ и сдѣлать соотвѣтствующія преобразованія, если они признавались нужными; если было рѣшено допустить подчиненіе консисторій и семинарій епископамъ, то постановленіе о томъ можно было написать въ Петербургѣ, и притомъ съ увѣренностью что оно будетъ съ удовольствіемъ принято въ Римѣ. Не оскорбительно ли подумать что на заявленіе нашихъ уполномоченныхъ о готовности открыть седьмую епархію, имъ пришлось услышать что представленіе о томъ должно понастоящему поступить отъ епископовъ, а не отъ нихъ, и что они слѣдовательно мѣшаются не въ свое дѣло; что эту мѣру, очевидно предлагаемую русскимъ правительствомъ исключительно въ интересахъ католиковъ, принимаютъ какъ непрошенную услугу, что за нее намъ и не думаютъ быть благодарными, что, напротивъ, ее какъ будто бы колеблются принять!...

За все это конечно нельзя винить графа Блудова и Бутенева, по крайней мѣрѣ нельзя винить ихъ однихъ. Начавъ переговоры, они, разумѣется, должны были стараться привести ихъ къ какому-нибудь концу и при этомъ они, говоря вообще, дѣйствовали, безъ сомнѣнія, согласно своимъ инструкціямъ. Но тѣмъ менѣе понятно какую цѣль имѣло наше правительство открывая переговоры съ папскимъ дворомъ, если, рѣшившись сдѣлать нѣкоторыя уступки, оно не имѣло въ виду потребовать и съ его стороны какихъ-либо обязательствъ? Но какихъ же обязательствъ можно было требовать отъ папы? Въ его владѣніяхъ не проживало Русскихъ, для которыхъ мы могли бы требовать взаимности въ церковныхъ дѣлахъ; оборонительные и наступательные союзы съ нимъ не мыслимы; торговыхъ сношеній съ Церковною Областью Россія никогда не имѣла.... Мы могли желать отъ папы единственнаго того, чтобъ, убѣдясь въ готовности нашего правительства дать законное удовлетвореніе духовнымъ интересамъ своихъ католическихъ подданныхъ, онъ пересталъ возбуждать ихъ

своими жалобами на угнетеніе католичества въ Россіи, чтобъ онъ, подобно тому какъ было въ 1832 году, внушалъ имъ довѣріе и уваженіе къ властямъ, чтобъ онъ отказался отъ чудовищнаго союза съ революціонными элементами Польши. Вотъ единственно чего можно было желать отъ папскаго правительства взамѣнъ измѣненій въ узаконеніяхъ касающихся русскихъ католиковъ, и безъ сомнѣнія такія обязательства подразумѣвалъ императоръ Николай, когда онъ возымѣлъ мысль вступить въ сношенія съ римскимъ дворомъ, но относительно ихъ ничего не было ни постановлено комитетомъ обсуждавшимъ основанія предполагаемыхъ переговоровъ, ни внесено въ инструкціи графа Блудова (насколько объ этомъ можно судить изъ матеріаловъ г. Попова).

Но можно ли было надѣяться что римскій дворъ согласится дать формальное обязательство не произносить, по крайней мѣрѣ публично, жалобъ и болѣзнованій? Жалобы и болѣзнованіе—это хлѣбъ насущный римскаго двора, это его политическая система, результатъ глубокой традиціи. Вѣра гибнетъ! Зло торжествуетъ! Нечестіе умножается! вотъ неизмѣнное содержаніе аллокуцій, окружныхъ посланій, и всякаго наименованія возваній римскаго двора къ народамъ. Вы не оказываете сыновняго уваженія къ видимому главѣ христіанства, вы допускаете распространяться невѣрію и ересямъ, вы изъемлете образованіе юношества изъ рукъ духовенства, вы позволяете развиваться свѣтской наукѣ, вы не умножаете число монастырей—таково содержаніе дипломатической переписки папскаго двора со всѣми правительствами, католическими и не-католическими. Папское правительство смотритъ на свои отношенія къ правительствамъ и народамъ съ точки зрѣнія XI и XII вѣка, а потому уступки, подобныя тѣмъ какія сдѣланы были папскому престолу устами графа Блудова, естественно кажутся ему ничтожными, едва заслуживающими вниманія и которыхъ онъ не отвергаетъ единственно какъ малую лепту покаянія, какъ слабую дань вѣчной правдѣ со стороны слѣпотствующихъ. Вотъ почему въ аллокуціи произнесенной 3го іюля 1848 года папа, упомянувъ въ краткихъ словахъ о выгодахъ пріобрѣтенныхъ чрезъ переговоры съ Россіей, широко распространился о томъ что̀ еще желательно было бы выговорить отъ нея, попрежнему называлъ отступниками епископовъ покинувшихъ унію, говорилъ о „плачевномъ“ и „исполненномъ опасностей“

положеніи бывшихъ унитовъ и публично призывалъ ихъ въ лоно католической церкви.

Можно ли слѣдовательно было вступать въ переговоры съ такимъ противникомъ и питать хоть слабую надежду на соглашеніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно затруднителенъ. Отвѣчать на него *да* — невозможно, но нельзя кажется и безусловно отрицать всякой надежды. Дѣло въ томъ что папскій престолъ, не взирая на абсолютизмъ своихъ принциповъ, умѣетъ иногда находить какіе-то каноны, а за недостаткомъ ихъ, буллы и иныя частныя распоряженія, или наконецъ соображенія практическаго свойства, допускающія образъ дѣйствій совершенно не похожій на дѣйствія Григорія VII или Сикста V. Чтобъ убѣдиться въ томъ, намъ стóитъ приломнить въ какихъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ французскому правительству римскій дворъ находился въ послѣднія три столѣтія. Французскій галликанизмъ былъ въ свое время рѣзкимъ нововведеніемъ; противъ него съ римской стороны былъ, безъ сомнѣнія, выставленъ вѣчный аргументъ *невозможности* допустить его (non possumus), но тѣмъ не менѣе онъ существовалъ почти два столѣтія и папы не считали ни французскаго духовенства, ни вообще французской націи отверженными; французскимъ епископамъ постоянно принадлежитъ нѣсколько видныхъ мѣстъ въ коллегіи кардиналовъ, и французское правительство попрежнему пользуется узаконеннымъ вліяніемъ при избраніи папы. Еще болѣе рѣзкое отличіе противъ прежняго установилъ конкордатъ 1802 года, въ которомъ католичество не было даже названо господствующею религіей во Франціи, а просто „религіей большинства ея жителей“. Въ этомъ любопытномъ актѣ, безъ всякихъ представленій со стороны мѣстныхъ епископовъ, а по прямому соглашенію съ французскимъ правительствомъ предположено было сдѣлать разверстку епископій, что̀, какъ мы видѣли, считалось антиканоническимъ въ отношеніи Россіи; папа и кардиналы державшіе думу съ графомъ Блудовымъ, возмущались духомъ что русское правительство требуетъ присяги на вѣрноподданство отъ католическихъ священниковъ; они находили недостаточною въ отношеніи къ Риму присягу русскихъ католическихъ епископовъ, которая однако наполнена изчисленіемъ обязательствъ съ ихъ стороны относительно папы. Конкордатъ 1802 года установилъ присягу для французскихъ епископо-

ловъ въ которой самымъ опредѣленнымъ образомъ исчислены ихъ обязанности къ свѣтской власти. * Ламбрускини и Корболи требовали отъ нашихъ уполномоченныхъ, и требовали на основаніи каноновъ, отстраненія самой тѣни участія свѣтской власти при назначеніи священниковъ; но во время заключенія конкордата 1802 года объ этихъ канонахъ было забыто. Въ этомъ конкордатѣ назначено было жалованье духовенству, подразумѣвая что бывшія церковныя и монастырскія земли останутся за тѣми къ кому онѣ перешли во время революціи; но при переговорахъ 1846 года, отъ графа Блудова настойчиво требовали возвращенія имуществъ принадлежавшихъ нѣкогда католическимъ религіознымъ учрежденіямъ, и папа объявилъ въ аллокуціи 1848 года что онъ не перестанетъ домогаться ихъ возвращенія. Кардиналы Ламбрускини и Корболи говорили: „Христосъ повелѣлъ служителямъ своей церкви (то-есть католическому духовенству) проповѣдывать ея ученіе: *шедше, научите вся языки*, сказалъ Христосъ,—какъ же вы хотите, заключалъ кардиналъ, наказывать за пропаганду?“ Но въ 1802 году папское правительство нашло возможнымъ согласиться на запрещеніе даже всякаго рода религіозныхъ церемоній внѣ церковныхъ стѣнъ, въ странѣ гдѣ католичество было и есть *религія большинства*.... Такъ эластичны принципы которыми руководствуется папское правительство!... Да и во время переговоровъ 1846 года, эта эластич-

* Французская присяга: „Клянусь и обязуюсь предъ Богомъ и святымъ Его Евангеліемъ хранить вѣрность и послушаніе въ отношеніи правительства установленнаго конституціей Французской республики. Обѣщаюсь также не имѣть никакихъ сношеній, не присутствовать ни на какомъ совѣщаніи, не поддерживать никакихъ связей,—какъ въ отечествѣ, такъ и за границей,—противныхъ общественному спокойствію; и если я узнаю что въ моей епархіи, или внѣ ея умышляется (il se trâme) что-либо клонящееся ко вреду государства, то обязываюсь довести о томъ до свѣдѣнія правительства“. (*Собор. пост. иностр. правит. по дѣламъ р.-к.-церкви.*) Присяга русская установлена въ 1784 году. Она заключаетъ обширныя обязательства относительно папы, и только въ самомъ концѣ ея находятся слѣдующія обязательства въ отношеніи къ свѣтской власти: „Сіе все и въ подробности тѣмъ ненарушимѣе соблюду что удостовѣренъ я, что ничего въ ономъ такого не содержится, что̀ бы присягѣ въ вѣрности моей законной верховной государынѣ, августѣйшей императрицѣ и императорскаго престола преемникамъ, мною учиненной, противно быть могло“. (*П. С. З.*, № 15.982).

пость тоже обнаруживалась не одинъ разъ. Такъ напримѣръ, монсиньйоръ Корболи, говоря о мѣрахъ папскаго престола противъ злоупотребленія правомъ развода, назвалъ между прочимъ буллу Венедикта XIV, но замѣтилъ что она не могла принести пользы, ибо вскорѣ *взята была назадъ*. Тотъ же кардиналъ сказалъ что *въ сущности* римская церковь не признаетъ смѣшанныхъ браковъ, но допускаетъ ихъ какъ исключеніе, по причинѣ совмѣстнаго существованія людей разныхъ исповѣданій.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, изъ числа множества другихъ, доказывающихъ что римскій дворъ не дѣлаетъ уступокъ только когда полагаетъ что нѣтъ надобности дѣлать ихъ. Поэтому прежде начатія переговоровъ слѣдовало бы кажется удостовѣриться расположенъ ли онъ къ уступкамъ въ отношеніи къ Россіи? Желаетъ ли вступить съ нами въ соглашеніе? Нуждается ли въ какомъ-либо договорѣ съ нами? Стѣсняетъ ли его отсутствіе такого договора? Вотъ на что петербургскій комитетъ долженъ былъ бы, я полагаю, обратить вниманіе еще прежде чѣмъ приступать къ разсмотрѣнію уступокъ которыя можно было сдѣлать съ русской стороны. Еще не посылая въ Римъ сановника облеченнаго чрезвычайными полномочіями, слѣдовало бы кажется поручить нашему посланнику при римскомъ дворѣ сказать кардиналамъ и самому папѣ: Вы считаете свою церковь вселенскою и едино-истинною: и мы считаемъ свою церковь точно такою же; вы не можете допускать никакихъ уступокъ въ отношеніи къ догматамъ: и мы тоже; не говорите же намъ ни слова о тѣхъ предметахъ по которымъ ни вы ни мы не въ правѣ дѣлать уступокъ. Но мы знаемъ что въ разныхъ случахъ вы допускали отступленіе отъ нѣкоторыхъ папскихъ распоряженій и даже соборныхъ постановленій; если вы согласны сдѣлать ихъ въ настоящемъ случаѣ, если вы расположены признать нѣкоторыя постановленія и распоряженія наши, хотя бы они можетъ-быть и не вполнѣ согласовались съ канонами Тридентскаго и другихъ, не обязательныхъ для насъ соборовъ, если вы согласны направить свою экспансивную силу въ Россіи на магометанъ и Евреевъ, а не на христіанъ, то мы съ своей стороны готовы обсудить съ вами какія новыя мѣры могутъ быть допущены въ Россіи въ интересѣ католической религіи. Эти мѣры, которыя мы примемъ по зрѣломъ обсужденіи, мы будемъ исполнять строго; но и вы должны отказаться отъ выходокъ, по

крайней мѣрѣ публичныхъ, раздражающихъ русскихъ католиковъ. Единственная выгода которой мы ожидаемъ отъ соглашенія съ вами—это ваша моральная поддержка, или хоть устраненіе вашихъ жалобъ и болѣзнованій по отношенію къ Россіи. Если вы согласны дать въ томъ формальное обязательство—переговоры могутъ открыться; въ противномъ случаѣ незачѣмъ и начинать ихъ. *

Если папа въ самомъ дѣлѣ заботился единственно о духовныхъ нуждахъ русской католической паствы, то онъ долженъ былъ бы воспользоваться случаемъ улучшить ея положеніе, въ ожиданіи другихъ подобныхъ же случаевъ. И такіе случаи, безъ сомнѣнія, представились бы, ибо только связь католичества съ польщизной,—связь которой невозможно отрицать какъ факта,—заставляетъ русское правительство подозрительно смотрѣть на него. Повторяю, мудрено предсказать какое рѣшеніе принялъ бы римскій дворъ еслибы вопросъ былъ поставленъ вышеизложеннымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ изъ переговоровъ былъ бы устраненъ всякій религіозный элементъ, и они были бы перенесены на свойственную имъ чисто политическую почву. Вѣдь договаривался же римскій дворъ съ правительствомъ вовсе не имѣвшимъ никакой религіи,—съ правительствомъ перваго консула, и нашлась же возможность установить въ настоящее время добрыя отношенія между папой и покровителемъ протестантства!

Такимъ образомъ *можетъ-быть* установились бы добрыя отношенія и между императоромъ Николаемъ и Піемъ IX. Скажу болѣе: такія отношенія *вѣроятно* установились бы, еслибы папой продолжалъ быть Григорій XVI. Власть епископовъ была бы нѣсколько усилена и число ихъ увеличено, а правительственное вліяніе на католическія учрежденія нѣсколько ослаблено; вѣроятно папа, убѣдившись что католикамъ предоставлено безобидное существованіе въ Россіи, согласился бы склонять ихъ чтобъ они не смѣшивали политическихъ вопросовъ съ религіозными, а русскій государь оказывалъ бы отъ времени свои щедроты въ отношеніи къ католическимъ церквамъ и католическимъ духовнымъ; законы крѣпко оградили бы неприкосновенность каждаго изъ суще-

---

* Весьма замѣчательно что конкордатъ 1847 года вовсе не былъ опубликованъ въ свое время. Мы не находимъ его ни въ *Полн. Собр. Законовъ*, ни въ современныхъ *С.-Петербургскихъ*, *Сенатскихъ*, ни въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

ствующихъ въ Россіи вѣроисповѣданій, а полиція зорко наблюдала бы за исполненіемъ этихъ законовъ, и.... и всякій мирно жилъ бы подъ сѣнью своей религіозной смоковницы...

Но было ль бы такое положеніе дѣлъ прочно? Было ль бы оно желательно? Едва ли. Оно не было бы прочно потому что новый папа могъ бы иначе, чѣмъ его предмѣстникъ, взглянуть на права католиковъ въ Россіи, и пожелать ихъ расширенія. Оно не было бы даже и желательно, потому что обезпечивало бы только тишину и нравственный квіетизмъ, но не служило бы къ усиленію въ Русскомъ народѣ религіознаго чувства и тѣхъ нравственныхъ качествъ которыя это чувство воспитываетъ. Словомъ, такое положеніе дѣлъ, при наилучшихъ условіяхъ, осуществляло бы только принципъ *вѣротерпимости*, но не давало бы необходимой въ наше время *свободы совѣсти*, а между этими двумя принципами различіе громадное.

Когда Монтескьё и Вольтеръ еще только писали о вѣротерпимости, когда она провозглашалась какъ великое, но еще ожидаемое благо, она уже была признана нашими законами. Екатерина Великая имѣла полное право писать Вольтеру: „La tolérence est établie chez nous; elle fait loi de l'état. Въ *Наказѣ* ея значится между прочимъ: „Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствій и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ — запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ.... Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца.“ Ограждая господствующую церковь отъ совращеній положенными за то наказаніями, Екатерина, Павелъ и ихъ преемники запрещали только переманивать изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, что̀ отнюдь не противорѣчитъ принципу вѣротерпимости. На почвѣ вѣротерпимости наше законодательство стоитъ твердо. Всѣ исповѣданія ограждены у насъ законами; каждый иновѣрецъ, какъ замѣчено выше, можетъ спокойно оставаться подъ своею религіозною смоковницей, лишь бы только онъ самъ не предавался безпокойнымъ позывамъ покинуть ее или привлекать подъ ея сѣнь посторонннихъ. Это тревожное исканіе лучшаго и совершеннѣйшаго въ дѣлѣ религіи у насъ воспрещалось иновѣрцу *,—

* Нынѣ переходъ изъ одной иновѣрной религіи въ другую поставленъ въ зависимость отъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

развѣ онъ захотѣлъ бы перейти въ лоно господствующей церкви,—а православному воспрещено безусловно.

Весьма сходно съ положеніемъ созданнымъ православію въ Россіи то которымъ пользуется католичество въ Римѣ. И тамъ иновѣрцевъ терпятъ, подъ условіемъ чтобъ они молчали и не шевелились,—развѣ имъ захотѣлось бы вступить въ число духовныхъ подданныхъ папы. Это тоже *вѣротерпимость*. Правда папская вѣротерпимость отличается отъ русской тѣмъ что послѣдняя не претендуетъ выходить за предѣлы Россіи, между тѣмъ какъ первая считаетъ себя дома повсюду; но въ сущности оба принципа были одинаковы и не могли безъ самоубійства сдѣлать уступки одинъ другому.

Это весьма положительно выражено какъ въ отмѣткахъ императора Николая на папской запискѣ, такъ и въ отвѣтной на нее запискѣ графа Нессельроде. Желанія папы будутъ исполнены, отмѣтилъ государь, *поскольку они согласны съ моимъ положеніемъ покровителя православія въ Россіи.*—„*Взглядъ св. отца*, писалъ графъ Нессельроде, *не отличается отъ взгляда самого императора.* Пусть его святѣйшество спроситъ самого себя, согласился ли бы онъ издать законъ который дозволялъ бы священнику греческому или протестантскому крестить въ Римѣ дѣтей рожденныхъ отъ брака въ которомъ лишь одинъ супругъ католикъ?“

Очевидно, соглашеніе на почвѣ *вѣротерпимости* не могло быть прочно. Не прочнѣе ли, не плодотворнѣе ли было бы оно на почвѣ *свободы совѣсти?*...

Напрасно думаютъ нѣкоторые что свобода совѣсти есть продуктъ скептицизма и невѣрія; напрасно папа Григорій XVI называлъ ее съ этой точки зрѣнія *ненавистною*. Не обращать никакого вниманія на убѣжденія не согласныя съ собственными или терпѣть ихъ близь себя, но споря однакожь противъ нихъ и борясь съ ними, не значитъ не имѣть никакихъ убѣжденій; другое дѣло заботиться о благоустройствѣ обществъ которымъ мы не симпатизируемъ по предметамъ самымъ существеннымъ и важнымъ, организовать духовную іерархію для этихъ обществъ, пещись объ учебныхъ заведеніяхъ для питанія этой іерархіи, давать ей содержаніе и даже награды—вотъ это дѣйствительно требуетъ или полнаго индиферентизма или же такого смѣшенія понятій къ которому можетъ привести лишь продолжительная, трудная, искусственная подготовка. Въ такое именно ненормальное положеніе поставъ-

лено русское правительство существующимъ законодательствомъ по иновѣрческимъ дѣламъ. Правительство обязанное покровительствовать православію, обязано въ то же время покровительствовать и католичеству, и протестанству, и еврейству, и могометанству; оно обязано заботиться чтобы люди всѣхъ этихъ исповѣданій имѣли своихъ вѣроучителей, чтобъ ихъ вѣроученія не искажались невѣжествомъ и сектаторствомъ, чтобъ ихъ храмы пользовались надлежащимъ благолѣпіемъ....

Пусть бы иновѣрцы сами заботились о своихъ духовныхъ нуждахъ; пусть бы они сами доставали какъ хотятъ и гдѣ хотятъ своихъ епископовъ, муллъ и раввиновъ; но пусть всѣ они знаютъ что они обязаны повиноваться русскимъ законамъ, и что постановленія Тридентскаго собора, Корана и Талмуда не будутъ приниманы во вниманіе русскими судами, если ихъ дѣйствія подвергнутся судебному разсмотрѣнію. Вообще же свобода совѣсти, въ дополненіе къ сдѣланнымъ уже начинаніямъ, необходима для того чтобы возвысить въ Россіи религіозное чувство, а съ нимъ и общественную нравственность.

VI.

Къ обозрѣнію переговоровъ нашихъ съ Римомъ остается прибавить лишь нѣсколько словъ. Когда всѣ вопросы, исчисленные въ инструкціи графа Блудова, были исчерпаны „tellement-quellement“, по его выраженію, — составленъ былъ актъ, который извѣстенъ подъ именемъ конкордата 3го августа 1847 года. Вмѣстѣ съ нимъ подписанъ былъ и другой, надо признаться, весьма странный актъ, заключавшій въ себѣ тѣ вопросы по которымъ соглашенія не послѣдовало. Съ нашей точки зрѣнія въ такомъ актѣ не было никакой надобности, но съ точки зрѣнія римскаго престола онъ составлялъ доказательство недостаточности тѣхъ уступокъ которыя сдѣлало русское правительство, и папа, на прощальной аудіенціи съ графомъ Блудовымъ, не преминулъ замѣтить что онъ считаетъ подлежащими разрѣшенію въ будущемъ три важные вопроса, а именно: о духовныхъ нуждахъ тѣхъ унитовъ которые не приняли православія въ 1839 году, о расширеніи свободы въ сношеніяхъ католичества съ римскимъ дворомъ и объ имѣніяхъ католическаго духовенства, присоединенныхъ къ государствен-

нымъ имуществамъ. Безъ сомнѣнія, исторія представляетъ и другіе случаи въ которыхъ одна изъ договаривавшихся сторонъ не получала удовлетворенія по всѣмъ частямъ своихъ домогательствъ, но едва ли когда-либо, вслѣдъ за окончаніемъ переговоровъ и за подписаніемъ уполномоченными акта о соглашеніи, одно изъ договаривающихся правительствъ позволяло себѣ торжественно заявить что оно не считаетъ себя удовлетвореннымъ и признаетъ дѣло соглашенія какъ бы прерваннымъ. А папа именно такъ и сдѣлалъ. Когда графъ Блудовъ уѣхалъ изъ Рима, европейская печать возвѣстила объ окончаніи переговоровъ между Римомъ и Россіей, и о заключеніи между ними соглашенія; но папа, какъ бы отвѣчая на газетные толки по этому поводу, въ аллокуціи произнесенной въ секретной консисторіи 5го (17го) декабря 1847 года, то-есть черезъ полгода по подписаніи уполномоченными конкордата, объявилъ своей возлюбленной о Христѣ братіи что переговоры „не совершенно еще окончены“.... Къ сожалѣнію, это было фактически справедливо. Въ приступѣ или введеніи къ пунктамъ постановленнымъ обоюднымъ соглашеніемъ сказано что современемъ должно быть приступлено къ новымъ переговорамъ для установленія дальнѣйшихъ соглашеній, и это заявленіе подписано тѣми самыми дипломатами нашими которые лучше чѣмъ кто-нибудь знали что „соглашенія“ значитъ уступки съ нашей стороны безъ всякой взаимности!

Вотъ почему 3го іюля 1848 года,—то-есть по полученіи уже ратификаціи договора 1847 года, папа, возвѣщая о заключеніи этого договора, хотя и признавалъ что католическая церковь въ Россіи поставлена нынѣ въ лучшее положеніе, но сильно настаивалъ на тѣхъ вопросахъ по которымъ со стороны графа Блудова не было сдѣлано уступокъ. „Остается еще, сказалъ онъ, много другихъ вопросовъ, и притомъ великой важности, по которымъ еще не достигнуто соглашенія. Мы говоримъ о томъ чтобы католикамъ была обезпечена полная и дѣйствительная свобода непосредственныхъ сношеній по дѣламъ вѣры съ апостольскимъ престоломъ..., о необходимости возвратить духовенству его имущества, о томъ чтобы свѣтскія лица, избранныя правительствомъ, были удалены изъ консисторій епископовъ, о законѣ въ силу коего смѣшанные браки получаютъ признаніе въ этой странѣ только когда получатъ благословеніе отъ не-католическаго, греко-русскаго священника, о свободѣ которая должна быть предоставлена католи-

камъ подвергать изслѣдованію и суду дѣла проистекающія изъ смѣшанныхъ браковъ, въ католическомъ судѣ, и наконецъ о разныхъ дѣйствующихъ въ этой странѣ законахъ, которые установляютъ возрастъ для вступленія въ монашество, совершенно разрушаютъ монастырскія училища, уничтожаютъ орденскихъ провинціаловъ и запрещаютъ обращенія въ католическую вѣру."

Списокъ предметовъ по которымъ представлялся еще поводъ жаловаться и болѣзновать, былъ несравненно длиннѣе того въ которомъ исчислялись данныя русскимъ дворомъ удовлетворенія. Но всего замѣчательнѣе въ аллокуціи 1848 года,—произнесенной какъ бы въ успокоеніе русскаго правительства и очень обрадовавшей Бутенева,—слѣдующее мѣсто: „Плачевное положеніе Русскихъ (унитовъ) наиболѣе смущаетъ и огорчаетъ насъ; поэтому мы, по апостольской нашей обязанности, снова предъявили требованія и не перестанемъ никогда употреблять всевозможныя старанія, чтобы достигнуть для этихъ Русскихъ такого положенія которое обезпечивало бы ихъ духовныя нужды. Латинскіе священники,—мы имѣемъ къ нимъ полное довѣріе, которое и поддерживаетъ насъ,—употребятъ всѣ старанія и воспользуются всѣми способами, чтобы доставлять духовныя пособія этимъ возлюбленнымъ чадамъ; но изъ глубины души мы усердно молимъ Вседержителя и съ любовію объявляемъ самимъ Русскимъ (унитамъ) чтобъ они оставались вѣрно и непоколебимо въ единствѣ съ католическою церковью, или, если они по несчастію отъ нея отпали, то чтобы возвратились въ лоно любящей матери, прибѣгли къ намъ, и мы, съ помощію Божіей, готовы сдѣлать все чтобъ обезпечить имъ вѣчное спасеніе."

Необходимо, чтобы вполнѣ оцѣнить все значеніе этого публичнаго воззванія, замѣтить что оно было сдѣлано не только вслѣдъ за подписаніемъ и ратификаціей конкордата, но и послѣ того какъ императоръ Николай лично сдѣлалъ новую уступку желаніямъ папы, а именно: назначилъ втораго суффрагана херсонскому епископу и разрѣшилъ относиться къ римскому престолу, въ качествѣ суда третьей степени, по дѣламъ брачнымъ. Конечно папа, съ своей точки зрѣнія, могъ считать себя далеко неудовлетвореннымъ и этими и всѣми другими уступками русскаго правительства: идеалъ Григорія VII въ отношеніи къ Россіи далеко не былъ осуществленъ; но что̀ сказали бы не только въ Россіи, но и во всемъ об-

разованномъ мірѣ, еслибы, напримѣръ, президентъ Американскихъ Штатовъ, естественно предпочитающій федеративную республику всякой иной государственной формѣ, сталъ, вслѣдъ за заключеніемъ союзнаго договора съ русскимъ государемъ и полученіемъ доказательствъ личнаго его уваженія къ интересамъ Американцевъ въ Россіи, приглашать Русскихъ образовать у себя федеральную республику?

П. Щ.

О НАШЕМЪ

КЛАССИЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ

I.

Едва ли что-нибудь принималось на нашей почвѣ туже чѣмъ европейское образованіе. Здѣсь не понимаютъ его, и не оказывается дѣятелей. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ живо чувствуется присутствіе классическаго элемента; классическій міръ не умеръ, онъ живетъ въ культурныхъ странахъ; мыслящій человѣкъ, впервые переѣхавшій черезъ нашу европейскую границу, поражается его живымъ присутствіемъ; имъ, его духомъ, наполнена бытовая атмосфера, и весь цвѣтъ молодаго поколѣнія, то-есть вся та часть его которая готовится къ болѣе видной дѣятельности, и даетъ окраску духовному строю всякой страны непрерывно напитывается и освѣжается имъ изъ самого источника. Этотъ же элементъ образуетъ невидимую, духовную связь между европейскими народами, сближаетъ ихъ, несмотря на значительныя индивидуальныя различія, въ одну общую семью. А мы исключены изъ этой семьи.... Развѣ всѣ западные Европейцы, несмотря на взаимное соперничество, не разсматриваютъ себя какъ одно цѣлое? Развѣ мы сами не противопоставляемъ себя всей „западной Европѣ“ или просто „Европѣ“, принимая ее въ отношеніи къ намъ за

нѣчто единое, цѣльное, хотя она состоитъ изъ многихъ разнородныхъ частей? Или можетъ-быть мы такъ противопоставляемъ себя съ гордымъ сознаніемъ самобытной цивилизаціи? Но гдѣ она? Сами мы почти ничего не производимъ, можемъ только перенимать чужое, да и то почти всегда съ искаженіями. Желаніе же стать на одну доску съ цивилизованными народами намъ кажется даже смѣшнымъ.... Такъ великъ контрастъ культурнаго строя....

Наши soi-disant реалисты и прогрессисты включили въ свой символъ вѣры вражду къ классическому образованію и къ филологіи. Ничѣмъ такъ ясно не проявляютъ они своего невѣжества. Въ цивилизованномъ мірѣ всѣ партіи, отъ строго-консервативной до отъявленно-радикальной, отъ филологовъ до естествоиспытателей, отъ ученыхъ до фабрикантовъ и т. д., относятся къ этому дѣлу съ одинаковымъ почтеніемъ. Для примѣра я укажу на нѣсколько лицъ которыя пользуются авторитетомъ и у нашихъ реалистовъ-либераловъ. Таковы напримѣръ всѣ профессоры-математики, натуралисты и медики Берлинскаго университета, единогласно возставшіе противъ допущенія не изучавшихъ греческаго языка въ студенты университета; таковы же великій химикъ Либихъ (который въ своихъ письмахъ о химіи приводитъ взглядъ на это дѣло самыхъ практическихъ людей въ Германіи, вполнѣ согласный съ его собственнымъ), политико-экономъ Рошеръ (который въ своей подробной рецензіи нашего гимназическаго устава убѣдительно ходатайствуетъ объ усиленіи классическаго образованія, особенно греческаго языка), Ренанъ (котораго, конечно, не упрекнутъ въ „отсталости“, но который считаетъ необходимымъ положить *въ основу воспитанія и образованія греческій и латинскій языки и ихъ литературу.* См. *Вѣстн. Евр.* 1870, III, 449), а у насъ напримѣръ Пироговъ, первенствующій среди ученыхъ и въ то же время одинъ изъ весьма немногихъ получившихъ солидное европейское образованіе. Но краснорѣчивѣе всего слѣдующее сравненіе. У насъ въ прошломъ году одинъ журналъ, считающій себя самымъ передовымъ (*Отеч. Зап.*) и сообразно съ этимъ саномъ оказывающійся самымъ враждебнымъ солидному образованію и источнику нашей культуры, напечаталъ пасквиль противъ одного профессора, за то что онъ издалъ сочиненіе по древней римской литературѣ. А въ Германіи, когда великій филологъ Бёкъ (знаменитый между прочимъ своими изслѣдованіями объ

одахъ Пиндара, о греческихъ трагедіяхъ и пр., а въ особенности изданіемъ свода греческихъ надписей) праздновалъ (въ 1866) свой 60ти-лѣтній докторскій юбилей, то вся страна отнеслась къ его празднику какъ къ національному торжеству. Наслѣдный принцъ явился лично его поздравить и просилъ сидѣть его въ то время какъ самъ стоя говорилъ ему привѣтственную рѣчь; множество депутацій прибыло заявить глубокое почтеніе къ его ученой дѣятельности; всѣ безъ исключенія берлинскія газеты, отъ феодальной *Kreuz* до республиканской *Staatsbürger Zeitung*, отъ правительственной, строго-консервативной *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* до революціоннаго *Social-Demokrat* (то-есть органа соціалистической части рабочихъ), высказались о Бёкѣ въ *одинъ* голосъ, какъ о гордости и славѣ отечества, помѣстивъ болѣе или менѣе обстоятельный обзоръ его дѣятельности; радикальная *Volks-Zeitung* посвятила ему длинную и одушевленную *передовую* статью. Во сколько разъ европейскій рабочій стоитъ выше кіевскихъ литераторовъ!...

У насъ думаютъ обыкновенно что *все* значеніе классическаго образованія состоитъ въ „умственной гимнастикѣ“, и сообразно съ тѣмъ даже тѣ которые допускаютъ его, понимаютъ подъ нимъ только изученіе греческой и латинской грамматики или по большей части удовлетворяются одною латинскою съ упражненіями въ переводахъ, а потому соглашаются удѣлить этому дѣлу довольно мало времени. * Мнѣ-

---

* Конечно, нѣкоторые и у насъ глубоко понимаютъ дѣло, но такихъ немного. Ихъ мнѣнія собраны въ сборникахъ изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а также заявлены въ разныхъ статьяхъ. Приведу здѣсь только слѣдующій отрывокъ одного беллетриста: „Она (греческая и римская литература) была ему (Козлову) мила, она была одеждой, сосудомъ облекавшимъ милую, дорогую, изученную имъ и привѣтливо открывавшуюся ему старую жизнь, *давшую начало настоящей и грядущей жизни*. Онъ любилъ ее, *эту родоначальницу нашихъ знаній, нашего развитія*“ и пр. (Гончаровъ, въ *Вѣстн. Евр.* 1869, II, 531; *Обрывъ*, ч. II, гл. 5). Мнѣ пріятно было привести здѣсь именно эти слова какъ потому что они принадлежатъ писателю не причисляемому ни къ ученымъ, ни къ „обскурантамъ“, такъ и потому что вмѣстѣ съ упомянутымъ отзывомъ Ренана помѣщены въ журналѣ редакторъ котораго съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла ратуетъ противъ классическаго образованія. Впрочемъ, однажды вздумалось ему увѣрять что онъ

ніе совершенно ложное по своей крайней узкости. Въ этой „умственной гимнастикѣ“ (которая однако и сама по себѣ требуетъ много времени; извѣстный филологъ и педагогъ Дёдерлейнъ говоритъ что лучше совсѣмъ не учить латинскому языку чѣмъ учить clerka) заключается только одна изъ *многочисленныхъ* причинъ по которымъ преподаются древніе языки. Главная же состоитъ въ томъ что классическій міръ и классическая литература служатъ основой, источникомъ всей современной литературы, науки, искусства, словомъ, всей современной цивилизаціи. Можно получить общее образованіе и безъ изученія греческаго и латинскаго языковъ, но получить *высшее* образованіе, вполнѣ понять современную культуру, подняться до уровня европейской мысли, стать на одну ступень съ передовыми по образованію людьми Европы, можетъ только тотъ кто изучилъ культуру древнюю, кому классическій міръ сталъ близокъ, то-есть кто прошелъ серіозную, строго-классическую и общеевропейскую высшую школу. Эта глубина кругозора соединяется въ такомъ человѣкѣ, вслѣдствіе сосредоточенности ученія на древнихъ языкахъ и литературѣ и необходимости непрерывнаго умственнаго напряженія, съ выработкой умственныхъ силъ, съ предохраненіемъ ихъ отъ разсѣянности и съ пріученіемъ человѣка къ основательному и усидчивому труду. Приломнимъ значеніе древнихъ языковъ какъ необходимаго пособія для всякаго *серіоз-*

отъ души желаетъ чтобъ у насъ было побольше филологовъ; а на заданный имъ же себѣ вопросъ: откуда они возьмутся если изгонятъ классическое образованіе изъ нашихъ гимназій (то-есть, вѣрнѣе сказать, если не введутъ его въ нихъ)? самъ же отвѣчаетъ другимъ вопросомъ: а откуда берутся синологи, санскритологи и т. п.? (Цитую по памяти.) Видно, бывшій профессоръ исторіи полагаетъ что классическій греко-римскій міръ имѣетъ для современной цивилизаціи такое же значеніе какъ китайскій или древне-индійскій, и желаетъ чтобы первому элементу было столько же дано мѣста въ жизни и ученіи сколько послѣднимъ. Хорошо понимаетъ исторію этотъ г. профессоръ! Интересно что онъ захотѣлъ Гладстона, съ мнѣніемъ котораго согласенъ всякій „классикъ“, включить въ свой лагерь (см. *Вѣстн. Евр.*, № 7, 1869, стр. 396)! Разныя другія замѣчанія этого г. профессора свидѣтельствуютъ о крайнемъ сумбурѣ въ его головѣ: потому что въ Англіи только въ *нѣкоторыхъ* изъ *вечернихъ классовъ для рабочихъ* преподается латинскій языкъ, онъ предлагаетъ изгнать его изъ *всѣхъ* нашихъ *гимназій!*... (Ibid. p. 403.) Что объ этомъ сказать?!..

наго ученаго, въ особенности для историка, филолога (не только классическаго, но всякаго), языкоизслѣдователя, взвѣсимъ *все* это *вмѣстѣ* и тогда поймемъ хоть отчасти (ибо доводы далеко не исчерпаемы) и важность его и почему люди разумѣющіе дѣло такъ горячо за него стоятъ. Нѣтъ предмета который бы соединялъ въ себѣ *всѣ* эти преимущества; а именно это соединеніе и даетъ особую цѣну классическому образованію.

Повторимъ: классическое образованіе, понимаемое въ европейскомъ смыслѣ, состоитъ въ тщательномъ изученіи языка, литературы и быта классическихъ народовъ, чѣмъ, кромѣ прямаго запаса знаній, пріобрѣтается: 1) пониманіе всей современной культуры; 2) развитіе умственныхъ силъ и пріученіе къ самостоятельному и усидчивому труду; 3) необходимое пособіе для истинно-ученой дѣятельности, а вслѣдствіе всего этого 4) возвышеніе цвѣта страны до уровня передовыхъ народовъ. Можно прибавить еще многое, напримѣръ объ эстетическомъ развитіи, выработкѣ характера и воли, и пр., но мы указываемъ только на самое очевидное и притомъ лишь въ немногихъ словахъ. *

Но гдѣ общество возвысилось до такого воззрѣнія, тамъ и опредѣленіе гимназій иное и иной учебный планъ. Такъ напримѣръ по опредѣленію Мунка (*Gesch. d. griech. Litter.*, 2te Ausg. Berlin 1863. Vorrede IX) „ученикъ долженъ быть посвященъ въ классическую древность во всѣхъ ея отношеніяхъ, ибо *конечная цѣль* гимназій есть *какъ можно болѣе полное и органическое* (хотя и не простирающееся до мельчайшихъ подробностей) знаніе древности, чтобы исходя изъ нея (von dessen allgemeinem Standpunkte) ученикъ спускался потомъ въ университетѣ къ особымъ областямъ наукъ. Духъ древности

---

* Не низводите, говоритъ Мункъ въ предисловіи къ своей *Исторіи греческой литературы*, стр. VIII, классическихъ занятій на степень простыхъ умственныхъ упражненій, „но разсматривайте ихъ чѣмъ они поистинѣ славятся, какъ гуманитарную науку (Humanitäts-Wissenschaften), образующую и преображающую цѣлаго человѣка, которая просвѣщаетъ умъ, возвышаетъ духъ, упорядочиваетъ фантазію; она (та наука) воспитываетъ юношество для благороднаго, даетъ мужу образцы къ безсмертнымъ дѣяніямъ, молодитъ старика своею вѣчно юношескою прелестью; она счастливаго предохраняетъ гуманнымъ настроеніемъ отъ гордости, несчастнаго утѣшаетъ обладаніемъ неизмѣнныхъ благъ".

высказывается во всѣхъ проявленіяхъ его жизни: посредственно въ государственной и частной жизни, въ религіи, въ художественныхъ памятникахъ, непосредственно въ литературѣ." Далѣе поясняется что гимназія должна поставить себѣ задачей прослѣдить развитіе древняго духа во всѣхъ этихъ проявленіяхъ его. Таково же опредѣленіе и Густава Мюльмана, котораго превосходная статья помѣщена въ переводѣ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1869, ноябрь, отд. III, стр. 108—145, по распоряженію министра, чтобы „содѣйствовать уясненію и распространенію точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о томъ чѣмъ должны быть гимназіи по *самому существу* своему" (стр. 108). „*Цѣль* гимназій, говоритъ Мюльманъ (стр. 128), преимущественно состоитъ въ томъ чтобы достигнуть *сколь можно болѣе яснаго представленія о колыбели всей нашей культуры*. Въ этой цѣли, какъ въ общемъ узлѣ, должны соединяться всѣ нити умственнаго образованія учащагося въ нашихъ гимназіяхъ юношества, съ низшаго класса и до высшаго." „Изученіе классической древности, продолжаетъ онъ (стр. 129), должно быть *фундаментомъ* всего гимназическаго образованія." „Латинскій и греческій языки и классическая древность.... имѣютъ и *историческое*, и *научное*, и *педагогическое* право служить *основой* для подготовленія къ высшему научному образованію." Вообще онъ полагаетъ что гимназія должна возможно глубже ввести учениковъ въ языки, литературу, вѣрованія, искусство, бытъ и исторію классическихъ народовъ. Во второй статьѣ своей, которая впрочемъ слабѣе первой (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1870, февраль, отд. III, стр. 1—39), онъ говоритъ: „Цѣль гимназій подготовить юношей къ университету такъ чтобъ они въ умственномъ и нравственномъ отношеніи были способны посвятить себя высшимъ наукамъ" (стр. 2). Это опредѣленіе равнозначительно первому: „всесторонне изучить классическій міръ" и „вполнѣ подготовиться къ университету" суть выраженія синонимныя. Изъ замѣчаній своихъ авторъ выводитъ общее заключеніе что „знаніе греческой и римской древности должно составлять *основу гимназій*, тогда какъ реальные предметы частію должны служить только для возбужденія въ этомъ направленіи любознательности, частію же составлять переходъ къ пониманію и употребленію въ дѣло общаго университетскаго образованія" (стр. 11). Только тѣ юноши которые собственнымъ трудомъ достигли пониманія колыбели нашего об-

разованія извлекутъ *надлежащую* пользу изъ университета (стр. 12).

Этимъ требованіямъ дѣйствительно соотвѣтствуютъ (хотя и не вполнѣ, а потому Мюльманъ, Мункъ и многіе другіе хлопочутъ даже въ Германіи объ усиленіи классическаго образованія) нѣмецкія гимназіи. * Тамъ это имя носятъ только тѣ заведенія въ которыхъ преобладаетъ надъ всѣмъ прочимъ изученіе языковъ, литературы и быта классическихъ народовъ. Такъ въ Пруссіи при 9ти-лѣтнемъ курсѣ приходится около 90 уроковъ на латинскій языкъ и 42 урока на греческій (сверхъ того въ высшихъ классахъ ученики дома должны читать цѣликомъ многихъ древнихъ авторовъ, а на урокахъ религіи читается Священное Писаніе на греческомъ языкѣ). Такія заведенія которыя называются у насъ классическими гимназіями съ однимъ латинскимъ языкомъ тамъ, какъ извѣстно, называются реальными школами. Различіе міровоззрѣнія проявляется и въ предикатахъ: гимназіи тамъ называются *учеными* школами (höhere или gelehrte Schulen).

По отечественному же опредѣленію, гимназія есть учрежденіе дающее общее образованіе; а подъ общимъ образованіемъ у насъ понимается наборъ кое-какихъ тощихъ свѣдѣній изъ разныхъ предметовъ, то-есть почти элементарное образованіе. Сообразно съ этимъ многіе хотѣли бы даже теперешній курсъ сократить на половину и воспитанниковъ получившихъ такого рода образованіе пускать въ университетъ. Названіе „гимназія“ распространено даже на такія школы въ которыхъ и помину нѣтъ о древнихъ языкахъ, и даже на 6ти-классныя женскія училища.

Такое различіе воззрѣній на гимназіи согласно съ различіемъ понятій объ университетахъ. Въ Германіи они разсматриваются какъ спеціально-ученыя учрежденія, гдѣ студентъ долженъ не столько пассивно слушать, сколько самостоятельно работать; а чтобъ удовлетворить этому условію онъ долженъ былъ выйти изъ гимназіи хорошо подготовленнымъ для ученаго поприща, то-есть для ученыхъ работъ. У насъ студентъ долженъ только слушать (о семинаріяхъ, обществахъ и т. п. почти и помину нѣтъ), для чего, конечно, достаточно гораздо меньшее образованіе. Самые университеты разсматри-

---

* О прусскихъ гимназіяхъ см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1863, о саксонскихъ тамъ же 1866, ноябрь.

ваются только какъ общеобразовательныя заведенія, въ которыхъ о спеціальныхъ занятіяхъ еще не можетъ быть и рѣчи. Потому-то нѣмецкое выраженіе „зрѣлость“ является у насъ совершенно непонятнымъ, то-есть простымъ звукомъ безъ смысла и почти смѣшнымъ. Такъ-то гимназіи низводятся до уровня элементарныхъ школъ, и университеты до уровня гимназій; отчасти даже ниже, какъ потому что не требуются и почти считаются недоступными для студентовъ такія работы какія обязательны для гимназистовъ высшихъ классовъ въ германскихъ гимназіяхъ, такъ и потому что для степени кандидата по историко-филологическому факультету считаются достаточными такія познанія въ древнихъ языкахъ какими не долженъ бы удовлетворяться преподаватель *среднихъ* классовъ гимназій; къ гимназическому курсу добавляется нѣсколько какъ бы публичныхъ чтеній. *

Сообразно съ этими воззрѣніями являются часто импровизованные учителя, особенно древнихъ языковъ. И другіе, и сами они думаютъ что они могутъ изучать предметъ (весь по ихъ мнѣнію заключающійся въ учебникѣ) одновременно съ учениками. Научныя стремленія почти даже вмѣняются въ вину. Въ Германіи почти каждый учитель заявилъ и по временамъ продолжаетъ заявлять себя въ ученой и учебной литературѣ, а многіе пріобрѣли даже всемірную знаменитость. Укажу для примѣра на Гильдебрандта, который лучше всѣхъ въ ученой Германіи, какъ признала Берлинская академія наукъ, можетъ продолжить ученый Гриммовъ Словарь, считающійся національнымъ монументомъ (Ehrendenkmal); на Кирхгофа, прославившагося изслѣдованіями умбрійскихъ памятниковъ, Одиссеи и пр. (позднѣе онъ прямо былъ произведенъ въ ординарные профессоры Берлинскимъ университетомъ, такъ какъ тамъ пріобрѣтеніе профессуры не затруднено никакими формальностями); Марквардa, автора знаменитаго труда о римскихъ древностяхъ, Корсена, Флекейзена и пр. и пр.

---

* Подобная параллель можетъ быть проведена и ниже. У насъ въ элементарныхъ школахъ бываетъ одинъ или (въ городахъ) два класса и лишь въ уѣздныхъ училищахъ ихъ три. Въ Германіи элементарное ученіе обязательно для *всѣхъ* дѣтей отъ 6 до 14 и даже (въ Баденѣ) до 15ти-лѣтняго возраста. Городскія школы (Bürgerschulen) стоятъ ступенью выше сельскихъ (многія даже гораздо выше), онѣ-то называются *средне*-учебными заведеніями.

Нерѣдко можно у насъ слышать и читать крайне дикіе толки не только о безполезности, но даже о вредѣ классическаго образованія; оно притупляетъ головы—говорятъ иныя, конечно, „развитыя“ головы,—тогда какъ реальное ученіе развиваетъ ихъ. Вмѣсто возраженія и вмѣсто опроверженія единогласными отзывами нѣмецкихъ не только ученыхъ, но и фабрикантовъ, купцовъ, техниковъ и пр., выведемъ одно заключеніе: если такъ, то Европа, которой цвѣтъ въ теченіе многихъ столѣтій воспитывается на классической литературѣ, должна бы была уже давно окончательно отупѣть; Россія же, въ которой „отупляющаго“ классическаго образованія еще не было, и почти все вниманіе было обращено на реализмъ, должна бы изобиловать геніями, быть свѣтиломъ всему міру въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, общественномъ строѣ, не говоря уже объ изобрѣтеніяхъ въ механикѣ, о развитіи промышленности и пр. и пр. На самомъ же дѣлѣ Тургеневъ отнимаетъ у насъ право гордиться даже изобрѣтеніемъ лаптей!... Да, мы видимъ всюду варварство и оказываемся такъ не развитыми что не въ состояніи не только творить, но почти даже и перенять что-нибудь путное, кромѣ предостереженій и т. п. прелестей, которыя къ намъ немедленно находятъ доступъ и разцвѣтаютъ какъ нигдѣ, даже тогда когда на самой ихъ родинѣ сохранилось о нихъ только преданіе. Все чужое дѣльное у насъ извращается, и если какъ-нибудь идетъ, то по крайней мѣрѣ въ началѣ, обыкновенно только благодаря иностраннымъ головамъ и рукамъ: напримѣръ желѣзныя дороги съ трудомъ и очень не скоро выхлопотали себѣ пріемъ на русской почвѣ; потомъ строились долгое время и отчасти и теперь строятся иностранными инженерами; обходились въ первое время въ безсмысленно-громадную цѣну, да и теперь стоятъ весьма дорого; въ техническомъ персоналѣ чисто-русскій элементъ до сихъ поръ весьма слабъ; несчастій, безпорядковъ, произвола съ грузами и пассажирами и т. п. невѣроятно много, по сравненію съ тѣмъ что̀ есть въ цивилизованномъ мірѣ. Я умышленно взялъ примѣръ именно изъ сферы чисто-реальной; о другихъ сферахъ нечего и говорить: тамъ контрастъ еще рѣзче. Словомъ, хорошія вещи не только у насъ не изобрѣтаются, но даже извнѣ прививаются весьма туго. Такъ всегда бываетъ. Кто гонится исключительно за реальностью, тотъ далеко въ ней не уйдетъ. Китайцы много вѣковъ неподвижны и далеко отстали отъ непрерывно раз-

вивающейся Европы. Въ древнемъ мірѣ, Римляне обращали свои помыслы только на практическія потребности, Грекъ заботился о всесторонности и гармоническомъ развитіи своихъ духовныхъ и физическихъ силъ; однако мы видимъ что не только въ поэзіи и вообще въ изящной литературѣ Греки затмили собою Римлянъ, но стали учителями послѣднихъ въ математическихъ и реальныхъ и прикладныхъ наукахъ: первымъ выпало на долю изобрѣтеніе, вторымъ—подражаніе. Даже лишившись политической самостоятельности, Graecia capta ferum victorem cepit. Да не представляютъ ли и у насъ аналогіи съ этимъ Нѣмцы и Поляки, вошедшіе въ составъ Русскаго государства?

Иные соотечественники увѣряютъ также что изученіе древности *изсушаетъ* человѣка. Вмѣсто отвѣта на это достаточно припомнить эпоху возрожденія, когда много вѣковъ покоившіеся въ землѣ классики сумѣли, одушевивъ отдаленныхъ потомковъ, сокрушить средневѣковой міръ и дать новому человѣку Промееееву искру; или полезно сравнить съ нашими учеными ученыхъ иностранныхъ, прошедшихъ классическую школу, которые до конца, не рѣдко весьма продолжительной, жизни почти съ юношескою энергіей предаются наукѣ, или даже можно указать на нѣкоторыхъ нашихъ педагоговъ-филологовъ. Отчего только между серіозными преподавателями древнихъ языковъ находятся такія личности какъ напримѣръ покойный Смирновъ въ Москвѣ или Казиміръ Поллевичъ въ Полтавѣ (выбывшій по истеченіи 25тилѣтія изъ Полтавской гимназіи лѣтъ 10 тому назадъ; на его ученикахъ должна лежать отвѣтственность за то что ни одинъ изъ нихъ не представилъ очерка его благотворной и благородной дѣятельности, хотя они, какъ мнѣ извѣстно, глубоко чтутъ ее), которые всю жизнь, все время, всѣ личные интересы свои приносили въ жертву своимъ ученикамъ, безъ отдыха занимаясь ими, одушевляя ихъ и уча частнымъ образомъ греческому языку (хотя сами были официальными преподавателями только латинскаго). Знаю я лично одного преподавателя, который за свою преданность дѣлу подвергся до невѣроятія безсовѣстнымъ гоненіямъ, не хотя ни шагу уступить варварамъ. Откуда такая жизненность, энергія, самоотверженіе?

Въ германскихъ гимназіяхъ юношество учится всѣмъ тѣмъ предметамъ которые есть и въ нашихъ (изъ иностранныхъ

языковъ обязателенъ одинъ французскій, однако въ качествѣ не обязательныхъ преподаются англійскій или италіянскій и еврейскій), но съ прибавкой философской пропедевтики и въ особенности филолого-историческаго изученія классическаго міра, или, точнѣе сказать, только въ прибавку къ послѣднему, которое составляетъ душу ученія. Такимъ образомъ къ намъ пересадили германскія гимназіи, но вырвавъ изъ нихъ предварительно душу. А каковы результаты? Безплодіе мысли, лишеніе самостоятельности, почти отсутствіе оригинальной ученой литературы, которая лишь до нѣкоторой степени замѣняется переводною или, что̀ еще хуже, плагіатами; даже до переводовъ мы не доросли, ибо почти каждый изъ нихъ представляетъ большее или меньшее искаженіе подлинника. Какой контрастъ со зрѣлостью и глубиной вѣчно-творческой мысли на Западѣ, и не только въ наукѣ, но и въ изящной словесности! Гёте, Лессингъ и пр. и пр. могли вырости только на классической почвѣ; съ этимъ согласенъ всякій кто знакомъ съ ихъ произведеніями. Съ ослабленіемъ классическаго образованія всегда и вездѣ падали наука и литература: Италія, Испанія, Франція представляютъ въ своей исторіи достаточно доказательствъ. По отзыву *всѣхъ* профессоровъ Берлинскаго университета, высокое классическое образованіе нѣмецкаго университетскаго юношества держитъ нѣмецкую культуру на той высотѣ которой удивляются иностранцы.*

Обращаюсь къ нашимъ противникамъ классическаго образованія съ вопросомъ: неужели на нихъ никогда не подѣйствуютъ всѣ эти громко-звучащія обстоятельства? Неужели

---

* См. *Akademische Gutachten über die Zulassung von Realschulabiturienten zu Facultätsstudien.* Amtlicher Abdruck. Berlin. 1870. Hertz. Мнѣ извѣстна эта книга только по статьямъ о ней въ *Rigasche Ztg.* № 120, въ *Моск. Вѣд.* и въ *Вѣстн. Европы*, № 7. (Въ послѣднемъ каждая уступочка реализму представлена защитой его.) По отзыву совѣта (сената) Берлинскаго университета, съ ослабленіемъ классическаго образованія должно наступить варварство и гибель культуры въ матеріальныхъ стремленіяхъ, то-есть явиться то что̀ наши „реалисты“ считаютъ идеаломъ. Не должно упускать изъ виду что въ Пруссіи шла рѣчь о допущеніи въ число университетскихъ слушателей только учениковъ *перворазрядныхъ* реальныхъ училищъ, въ которыхъ латинскій языкъ преподается въ большемъ объемѣ чѣмъ въ нашихъ такъ-называемыхъ гимназіяхъ, но нѣтъ греческаго языка.

останутся они вѣчно глухи и слѣпы? Неужели ихъ національное чувство и впредь не затронется тѣмъ что мы одни въ Европѣ (послѣ Турокъ) лишены классическаго образованія, то-есть души всего современнаго образованія и культуры, и довольствуемся тѣмъ что̀ на Западѣ считается только прибавкой, аксессуаромъ? Прибавку мы сдѣлали сущностью! Неужели они никогда не выразумѣютъ того и не возмутятся тѣмъ что наше юношество готовится къ высшему поприщу въ тѣхъ школахъ которыя въ Германіи служатъ для низшаго? Неужели они никогда не поймутъ что въ этомъ лежитъ главная причина низкаго уровня нашихъ университетовъ въ сравненіи съ уровнемъ университетовъ у нашихъ сосѣдей, у которыхъ юношество предварительно получаетъ несравненно болѣе глубокое образованіе, а это образованіе есть изученіе основъ современной культуры, соединенное съ выработкой мыслей и съ пріобрѣтеніемъ важныхъ вспомогательныхъ знаній?

Говорятъ что изученіе греческаго и латинскаго языковъ установилось на Западѣ по историческимъ причинамъ. Совершенно вѣрно. И причины эти послѣ эпохи возрожденія не ослабѣли, а усилились: сначала обратились къ классикамъ за помощью для одолѣнія варварства; тѣ, одолѣвъ его, сами переселились въ новый міръ, легли въ основу современной цивилизаціи, явились могущественнымъ двигателемъ человѣчества, обусловили собою ходъ культурной исторіи. Къ этой культурѣ примкнули позднѣе и мы, но только издалека, въ качествѣ прихвостней. Неужели же и теперь должны мы заботиться объ исключеніи себя изъ всемірной исторіи, или о сохраненіи прежней жалкой роли въ ней, а не о томъ чтобы вполнѣ войти въ ея русло въ качествѣ уважаемыхъ и равноправныхъ съ другими народами членовъ? Счастливыя обстоятельства уже давно поставили другія страны на классическую почву; благодаря ей онѣ такъ высоко поднялись. Можно, пожалуй, горько сѣтовать что мы не пережили того же одновременно съ Западомъ и потому оказались позднѣе только покорными и все-таки плохими учениками другихъ народовъ. Но развѣ слѣдуетъ изъ того что мы вѣчно должны играть такую низменную, смиренную роль? Слѣдуетъ, напротивъ, вывести противоположное заключеніе: лучше поздно, чѣмъ никогда. Чего мы не сдѣлали прежде, то должны, на сколько хватитъ силъ, вознаградить теперь. Отсюда прямое слѣдствіе:

наши гимназіи должны быть такъ преобразованы чтобъ онѣ стали не менѣе, а болѣе классическими чѣмъ на Западѣ. Дѣятельность каждаго просвѣщеннаго человѣка, каждаго патріота должна быть съ энергіей направлена на поднятіе классическаго образованія, на внѣдреніе классицизма на нашу почву. Только тогда мы войдемъ въ кругъ цивилизованныхъ народовъ; теперь насъ никто не причисляетъ къ нимъ.

Наши такъ-называемые реалисты со злорадствомъ указываютъ на каждое мнѣніе высказанное какъ-нибудь за границей противъ классическаго образованія. Но они не сообразили во 1хъ того что такого рода мнѣнія раздаются тамъ довольно уединенно и что появленіе вздорныхъ мнѣній возможно вездѣ; во 2хъ того что многіе изъ защитниковъ реальнаго образованія вовсе не противники классицизма, то-есть не думаютъ у послѣдняго отнимать исключительное право—вырабатывать ученыхъ, а только желаютъ рядомъ съ нимъ усилить средства для практическаго образованія; въ 3хъ что вездѣ, гдѣ были сдѣланы послабленія въ пользу реализма, скоро явилась реакція. Такъ во Франціи отмѣненное въ 1852 году для студентовъ медицины baccalauréat-ès-lettres (съ сохраненіемъ baccalauréat-ès-sciences) было, по просьбѣ самихъ медицинскихъ факультетовъ, возстановлено въ 1858; математикъ Курно (Cournot) не довольствуется и этимъ и требуетъ свидѣтельства о зрѣлости на тѣхъ условіяхъ какъ въ Германіи; бывшій министръ Дюрюи много содѣйствовалъ усиленію классическаго образованія; оно и филологія во Франціи въ послѣднее время стали было оживляться и углубляться; въ Германіи директоры реальныхъ школъ высказываются противъ опредѣленія учителями въ эти школы тѣхъ которые окончили курсъ въ такихъ же училищахъ, а не гимназіяхъ; многіе, какъ уже выше сказано, требуютъ усиленія классицизма въ самыхъ германскихъ гимназіяхъ; въ Италіи ослабленіе классицизма принесло самые горькіе плоды и пр. и пр. Борьба противъ классическаго образованія можетъ еще имѣть нѣкоторый смыслъ тамъ гдѣ оно господствовало почти безраздѣльно въ теченіи столѣтій, но не у насъ, гдѣ его еще почти не было. Даже—что̀, конечно, и предполагать нелѣпо—еслибы вездѣ на Западѣ было устранено классическое образованіе, *намъ* слѣдовало бы еще долго держаться его, потому что на Западѣ классическій элементъ пустилъ такіе глубокіе корни въ науку, литературу, искусство, языкъ, во все міровоззрѣніе народное что его ни-

какими силами не выгонятъ изъ жизни, хотя бы выгнали изъ школъ. Онъ вѣчно останется отличительнымъ признакомъ культурныхъ народовъ, связанныхъ одною общею цивилизаціей. У насъ же почти только теперь приходится насаждать эту культуру въ неподдѣльномъ видѣ; до сихъ поръ мы про-. бавлялись имитаціями, и притомъ плохими. Можно быть увѣрену что еслибы даже кричащіе противъ классическаго образованія на Западѣ внезапно, какимъ-нибудь чудомъ, превратились въ Русскихъ и были пересажены въ Россію, то въ огромномъ большинствѣ стали бы усердными защитниками этого образованія: они скоро почувствовали бы страшную разницу между духомъ стараго и новаго отечества, происходящую въ значительной степени отъ отсутствія классическаго элемента.

Насаждать и укрѣплять въ Россіи полное, глубокое классическое образованіе значитъ насаждать серіозную науку, зрѣлую литературу, готовить дѣльныхъ людей для всякаго поприща, словомъ—возвышать нашу мысль, нашу жизнь до европейскаго уровня, отодвигать насъ отъ Азіи и включать въ Европу. Борецъ за классическое образованіе есть борецъ за цивилизацію и національную честь.

Но не легко дается эта борьба. Разкажу объ одномъ случаѣ.

II.

По справедливому заявленію профессора университета и преподавателя греческаго языка во 2й гимназіи въ Одессѣ, г. Струве (*Ж. М. Н. Пр.* 1870, май), во многихъ гимназіяхъ учители готовы *камнями забросать* того преподавателя который захочетъ высоко поднять знамя классическаго образованія; нѣкоторые директоры и инспекторы также враждебны этому дѣлу, хотя въ иныхъ (да и то только въ *иныхъ*) мѣстахъ *политика* мѣшаетъ имъ открыто противодѣйствовать.

Въ такую-то среду, то-есть въ одну изъ отечественныхъ гимназій, считающуюся не изъ числа послѣднихъ въ своемъ округѣ, попалъ въ качествѣ преподавателя латинскаго языка одинъ филологъ, посвятившій себя вполнѣ наукѣ и педагогической дѣятельности, проникнутый идеями сходными съ изложен-

ными въ предыдущей главѣ, и хорошо знакомый съ иностранными школами. О немъ я по нѣкоторымъ причинамъ не имѣю права распространяться; но для устраненія предположеній что противодѣйствіе и преслѣдованія испытываетъ онъ не вслѣдствіе усердія къ дѣлу, а вслѣдствіе незнанія, неспособности, умственной ограниченности и т. п., я долженъ напередъ сказать что всѣ—даже и враги его—отзываются о немъ, о его познаніяхъ и способностяхъ самымъ лестнымъ образомъ—устно, письменно и печатно, частно и официально, заочно и даже въ глаза ему. * Это предупрежденіе необходимо: если онъ, котораго повидимому такъ высоко цѣнятъ и который отличается непреклоннымъ характеромъ, встрѣтилъ самое ожесточенное противодѣйствіе своимъ цѣлямъ, то что̀ могъ бы сдѣлать *другой* на его мѣстѣ? **

Итакъ что̀ же нашелъ онъ по вступленіи въ должность?

Весь персоналъ гимназіи, *не исключая самихъ преподавателей латинскаго языка* (кромѣ немногихъ безучастныхъ), прямо враждебенъ классическому образованію: они свои чувства открыто разглашали, не стѣсняясь даже присутствіемъ учениковъ; всѣ разсматривали преподаваніе этого предмета какъ извнѣ наложенное бремя, которое нужно исполнять только формально, противъ воли. Отъ учителя требовалось только чтобъ его отмѣтки (особенно относительно *нѣкоторыхъ* учениковъ) были красивы—да и какъ же красивы были онѣ въ дѣйствительности! Случалось что по инымъ предметамъ, особенно по латинскому языку, почти вовсе не было неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, хотя скорѣе не слѣдовало бы ставить ни одной удовлетворительной. Многіе въ высшихъ классахъ и даже изъ оканчивающихъ курсъ прямо не знали

---

* Возможныя доказательства и фамилія того учителя сообщены редакціи.

** Желая устранить по возможности личный элементъ изъ этой статьи и считая не совсѣмъ умѣстнымъ вмѣшивать постороннія лица, особенно учениковъ (хотя кіевская партія съ своей стороны такими соображеніями нисколько не стѣсняется), въ разладъ существующій между преподавателями какого-нибудь учебнаго заведенія, я не называю ни гимназіи, ни учителя, не подписываю своей фамиліи (хотя редакціи все это извѣстно) и стараюсь самые факты изложить такъ неопредѣленно и такъ кратко чтобы только знакомые съ ходомъ дѣла поняли о комъ идетъ рѣчь.

латинскихъ спряженій и даже склоненій; классы были до такой степени переполнены невѣждами что слѣдовало бы на нѣсколько лѣтъ пріостановить переводы въ высшіе классы; о количествѣ (quantitas), метрикѣ, о поэтахъ, наконецъ о личности читанныхъ писателей и пр. никто изъ учениковъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, да и сами преподаватели и начальство почти ничего изъ этихъ хитростей не знали. О разумномъ изученіи грамматики и объ ознакомленіи съ бытомъ древнихъ—никому и въ голову не приходило; исключалось даже то что̀ есть въ учебникѣ Иловайскаго. Одинъ изъ преподавателей латинскаго языка—и притомъ въ высшихъ классахъ—отзывался о древней литературѣ какъ о гнили, другой съ удовольствіемъ передавалъ что такой-то журналъ „славно отдѣлалъ классиковъ“ (то-есть филологовъ), третій (не латинистъ) отзывался въ классѣ предъ учениками объ одномъ изъ *самыхъ важныхъ* древнихъ писателей, какъ о пустомелѣ, котораго, слѣдовательно, не сто́итъ читать; четвертый, и т. д. безпрерывно твердили (даже въ присутствіи учениковъ) что классическое образованіе безполезно, что оно отупляетъ головы, что оно есть остатокъ среднихъ вѣковъ, отъ котораго нужно совершенно отказаться, и такъ далѣе, и приводили въ исполненіе свои воззрѣнія, ставя даже на окончательномъ экзаменѣ удовлетворительныя отмѣтки такимъ которые не знали склоненій. Всякая статейка противъ классическаго образованія составляла предметъ радости; *Московскія Вѣдомости* одинъ годъ не выписывались между прочимъ за то (какъ было заявлено тогда въ совѣтѣ) что онѣ стоятъ за классическое образованіе. Въ отчетахъ директора, къ числу предметовъ которые шли особенно хорошо „во ввѣренной ему гимназіи“, относится и латинскій языкъ. Директоръ болѣе безучастенъ къ этому дѣлу чѣмъ враждебенъ; онъ самъ болѣе ничего не желаетъ какъ красивыхъ отмѣтокъ, тишины и всяческой покорности ему, даже тамъ гдѣ вовсе не слѣдуетъ; инспекторъ же, распоряжающійся полновластно, есть отъявленный противникъ европейскаго образованія и виновникъ всѣхъ мѣръ безпрерывно принимавшихся и принимающихся въ той гимназіи для подавленія его. Общая увѣренность всего персонала гимназіи, равно какъ и общества состоитъ въ томъ что пройдетъ годъ другой и, навѣрное, будетъ разрушена классическая система! (то-есть оста-

нется несозданною, ибо почти нечего разрушать). Къ характеристикѣ гимназіи служитъ и то что для ея библіотеки 30—40 лѣтъ почти ничего не пріобрѣталось по классической филологіи, тогда какъ отдѣлы естествознанія, географіи, физики и кабинеты очень богаты (нѣсколько книгъ по филологіи пріорѣтено было при двухъ порядочныхъ преподавателяхъ, нѣкогда бывшихъ короткое время въ этой гимназіи). Словомъ, классическій элементъ былъ въ совершенномъ загонѣ въ этомъ заведеніи, носящемъ названіе гимназіи, но которое точнѣе слѣдовало бы назвать реальною школой низшаго разряда. Сами ученики при новомъ учителѣ удивлялись что латинскій языкъ, который они издревле привыкли считать послѣднимъ предметомъ, вдругъ былъ возвышенъ на степень перваго.

Нашъ учитель поставилъ себѣ задачей поднять уровень классическаго образованія въ той гимназіи такъ высоко, какъ только онъ можетъ, и потомъ стараться, сколько будетъ возможно, о возвышеніи его въ другихъ гимназіяхъ округа. Этой задачѣ онъ вполнѣ себя посвятилъ. Немедленно по вступленіи въ должность онъ измѣнилъ характеръ и объемъ преподаванія, стараясь поверхностное изученіе элементарной грамматики замѣнить дѣйствительнымъ классическимъ образованіемъ, какъ оно понимается въ Европѣ. Безпрерывными ежедневными преніями, увѣщаніями, просьбами, упреками, офиціальными записками, иногда жалобами и угрозами жалобъ и оглашенія, наконецъ постояннымъ собственнымъ примѣромъ, словомъ, всѣми видами нравственнаго вліянія и давленія онъ поставилъ и прочихъ учителей латинскаго языка въ *невозможность* идти по прежней колеѣ; волей-неволей они стали напрягать всѣ усилія чтобы, по возможности, не отставать отъ него. Знанія свои они постарались до нѣкоторой степени расширить; ученіе стало во всѣхъ классахъ въ нѣсколько разъ солиднѣе и обширнѣе, а въ то же время отмѣтки оказались гораздо хуже прежнихъ, хотя все еще недостаточно строги (можно судить каково было ихъ прежнее достоинство)*. Экзамены стали производиться гораздо серіознѣе, хотя все

---

* Пользуюсь случаемъ замѣтить здѣсь что обращать вниманіе на отмѣтки, то-есть судить по отмѣткамъ о преподавателѣ, успѣшности въ предметѣ и о школѣ по сравненію съ другими преподавателями

еще весьма жалки, особенно окончательные. * Ему удалось искоренить у себя (что̀ сопряжено было съ большими трудами и непріятностями) списываніе и лодачу учениками чужихъ письменныхъ работъ въ теченіи года и въ особенности на экзаменѣ, ввести серіозныя сочиненія на классическія темы въ высшихъ классахъ и пр. пр. Словомъ, много разныхъ недостатковъ, въ томъ числѣ и очень крупныхъ, удалось ему устранить (хотя далеко не всѣ и не вполнѣ), много важнаго и полезнаго, въ то же время почти не-

---

и школами, хотя крайне легко для начальства, но крайне вредно для дѣла. Такое воззрѣніе производитъ только то что во многихъ мѣстахъ преподаватели наперерывъ стараются превзойти другъ друга красотой отмѣтокъ, а это стремленіе непремѣнно сопровождается ухудшеніемъ занятій учениковъ. Я дѣйствительно замѣтилъ что, говоря вообще, чѣмъ хуже идетъ дѣло у преподавателя и чѣмъ съ меньшимъ участіемъ онъ относится къ нему, тѣмъ лучше отмѣтки, и наоборотъ. Поэтому-то я всегда съ предубѣжденіемъ отношусь къ тѣмъ заведеніямъ въ которыхъ наиболѣе красивыхъ отмѣтокъ и наибольшее число переходитъ изъ класса въ классъ, и утверждаю (хотя до извѣстной степени могутъ быть и исключенія) что при теперешнихъ условіяхъ такія гимназіи принадлежатъ къ худшимъ, а не къ лучшимъ. Но, конечно, формально признать такой принципъ тоже нельзя: это будетъ еще вреднѣе. Отсюда одинъ исходъ: начальство должно вполнѣ игнорировать отмѣтки. Желающій основательно судить объ успѣхахъ, о преподаваніи и о заведеніи долженъ, *при вполнѣ хорошемъ знаніи предмета*, исполнить слѣдующее: 1) лично и тщательно удостовѣриться какъ въ качествѣ, такъ и въ количествѣ знаній цѣлаго класса (какъ бы ни было твердо знаніе, но если пройдено очень мало, то значитъ что преподаваніе идетъ безуспѣшно); 2) узнать изъ какихъ элементовъ состоитъ классъ (сколько изъ этихъ учениковъ училось у того же учителя въ прежнемъ классѣ и сколько изъ нихъ переведены съ его и безъ его согласія; сколько новыхъ учениковъ и какое число ихъ принято по экзамену и безъ экзамена; какова была подготовка послѣднихъ, каковы способности всѣхъ учениковъ и пр.); 3) сравнить *во всѣхъ* этихъ отношеніяхъ съ другими гимназіями. Словомъ, здѣсь нужно, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, всестороннее изученіе предмета о которомъ взялся судить. Конечно, такое изученіе гораздо труднѣе чѣмъ сужденіе по готовымъ цифрамъ (да здѣсь и судить нечего!), но только за тѣмъ кто исполнилъ все сказанное и самъ спеціально знакомъ съ предметомъ могу я признать право суда.

* Какъ слабы ученики державшіе даже въ настоящемъ году окончательный экзаменъ (они имѣли въ III классѣ 3 урока, въ IV—4,

слыханнаго въ нашихъ гимназіяхъ, успѣлъ онъ ввести (но опять-таки далеко не вполнѣ и не все то что̀ хотѣлъ и могъ бы). Ученики стали усерднѣе и добросовѣстнѣе трудиться; духъ ихъ улучшился. Даже и неприличные въ гимназіи толки о безполезности и вредѣ классическаго образованія мало-помалу почти прекратились: сначала начальство, а потомъ и преподаватели перестали высказывать подобныя мнѣнія, хотя не перестали, прикрываясь болѣе благовидными предлогами, дѣйствовать въ прежнемъ духѣ. Самъ же онъ учени-

---

въ V и VI по 5, въ VII—6 уроковъ въ недѣлю), когда ученіе и отмѣтки были гораздо строже прежнихъ, о томъ можно бы было заключить по письменнымъ отвѣтамъ еслибы совѣтъ согласился исполнить требованіе того учителя о которомъ идетъ рѣчь, о сохраненіи ихъ въ гимназическомъ архивѣ. Но совѣтъ, конечно, не захотѣлъ наложить рукъ на себя, ибо оказалось бы что онъ призналъ удовлетворительными безграмотныхъ, а директоръ постарался тщательно собрать и скрыть у себя всѣ эти писанія (чего въ другихъ случаяхъ онъ не дѣлалъ), конечно для того чтобъ ими не воспользовался тотъ учитель. Это постановленіе совѣта тѣмъ неприличнѣе что письменные отвѣты учениковъ прочихъ классовъ по всѣмъ предметамъ собраны, сброшюрованы и хранятся въ гимназіи. Такъ поступать относительно учениковъ VII класса было бы гораздо умѣстнѣе. Но вотъ, напримѣръ, образчикъ *экзаменнаго* писанія одного ученика VII класса: „Epaminon*dem* qui a Cicerone aestimatur maximus vi*rus* Gre*c*iae magn*am* dec*orem* tribuitur“ и т. д. Незнаніе латинскаго языка вообще не вмѣняется въ вину; напротивъ грубое незнаніе соединенное съ враждебнымъ настроеніемъ относительно классическаго образованія даже считается достоинствомъ. Для такихъ учениковъ допускаются нарушенія правилъ, какъ можно заключать изъ многихъ фактовъ. Напримѣръ, по правиламъ округа допускается передержка экзамена предъ вакаціями только по двумъ предметамъ и устранена всякая передержка послѣ вакацій. Но въ той гимназіи о которой идетъ рѣчь допускаются нерѣдко передержки по тремъ предметамъ, частію предъ вакаціями, частію послѣ вакацій, въ особенности если однимъ изъ этихъ трехъ предметовъ латинскій языкъ. Одинъ ученикъ, получившій уже по двумъ предметамъ неудовлетворительныя отмѣтки, вовсе не явился, безъ всякой уважительной причины, на экзаменъ по латинскому языку и даже прямо заявилъ что по этому предмету онъ не будетъ держать экзамена (конечно, по незнанію) и желаетъ только получить свидѣтельство объ испытаніи по другимъ предметамъ. На основаніи правилъ онъ не могъ быть допущенъ къ передержкѣ или къ повѣрочному испытанію (черезъ нѣсколько дней по окончаніи экзаменовъ), но совѣтъ

камъ своимъ посвящалъ все свое время: тщательно испрвалялъ многочисленные ученическіе переводы и сочиненія; составлялъ много записокъ по грамматикѣ, литературѣ и метрикѣ, согласно съ современнымъ состояніемъ науки; пользовался всякою возможностью устроить какой-нибудь урокъ сверхъ обязательныхъ, то-есть или въ замѣнъ неявившагося учителя другаго предмета, или во время роспусковъ и пр.; для самыхъ лучшихъ учениковъ высшихъ классовъ онъ открывалъ послѣ уроковъ болѣе спеціальные филологическіе

его допустилъ къ тому. Другой ученикъ, также получившій двѣ неудовлетворительныя отмѣтки, явился на экзаменъ по латинскому языку безъ всякихъ знаній и просилъ дозволить ему, вслѣдствіе недоказанной болѣзни (которую признать не могъ даже весьма снисходительный гимназическій врачъ, и дѣйствительно, ученикъ былъ цвѣтущаго здоровья), передержку по тремъ предметамъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ онъ въ присутствіи учителя филолога возставалъ противъ преподаванія латинскаго языка, какъ предмета совершенно безполезнаго, говорилъ что должно заботиться не о наукѣ, а о практическихъ знаніяхъ и т. п., то-есть вообще показалъ что гимназія выпускаетъ его, на свой позоръ, дикаремъ; одни эти заявленія свидѣтельствовали что въ немъ ничего не выработано такого что̀ должно превратиться въ плоть и кровь воспитанника университетской школы, и что, слѣдовательно, онъ вовсе недостоинъ университета. Должно притомъ сказать что ему сдѣлано было нѣсколько другихъ снисхожденій, и что письменный отвѣтъ по латинскому языку онъ съ особою дерзостью, несмотря на многія замѣчанія, списывалъ у сосѣдей. Странно сказать, но по всему видно что именно эти варварскія заявленія, о которыхъ тотъ учитель сообщилъ совѣту, и это нахальное списываніе, такъ расположили къ нему совѣтъ что послѣдній не только допустилъ въ его пользу прямое нарушеніе правилъ (даже безъ ходатайства у попечителя), то-есть дозволилъ передерживать по тремъ предметамъ, но и на передержкѣ поставилъ ему удовлетворительную отмѣтку по латинскому языку, несмотря на его почти полное невѣжество въ этомъ языкѣ! Достаточно сказать что онъ кое-какъ выучилъ и только часть *русскихъ* ученическихъ переводовъ весьма немногаго прочтеннаго въ VII классѣ изъ древнихъ писателей, что онъ не зналъ что за форма fuere (даже когда ему напоминали что есть и другая равнозначительная форма fuerunt), что онъ сказалъ что excessit происходитъ отъ excello и т. п. Самые экзаменаторы, которые вообще смотрятъ сквозь пальцы на знаніе латинскаго языка, особенно на передержкѣ, поставили другому ученику, хотя и плохому, но все-таки гораздо лучшему чѣмъ первый,—что̀ было признано всѣми

курсы, начиналъ учить безплатно греческому языку и пр. Нѣкоторые ученики съ увлеченіемъ занимались его предметомъ, что̀ въ прежнее время было здѣсь вещью неслыханною.

Но такою энергическою дѣятельностію онъ навлекъ на себя почти всеобщее негодованіе; начальство, хотя и безпрерывно хвалитъ его (я думаю не искренно, а изъ политики), не знаетъ какъ отъ него отдѣлаться, чтобы возстановить старину. Не только не встрѣчаетъ онъ ни отъ кого и ни въ чемъ ни малѣйшей поддержки, несмотря иной разъ на всѣ

преподавателями латинскаго языка,—отмѣтку неудовлетворительную. Этому послѣднему, получившему и на экзаменѣ и на передержкѣ неудовлетворительную отмѣтку по латинскому языку, дозволено, въ противность всѣмъ правиламъ, еще разъ передерживать послѣ вакацій. Одному ученику, получившему *три* неудовлетворительныя отмѣтки и крупное снисхожденіе по тремъ предметамъ (въ томъ числѣ по латинскому языку, въ которомъ его познанія крайне слабы, а по одному изъ новыхъ языковъ онъ подалъ чужой переводъ вмѣсто своего, въ чемъ и былъ уличенъ на мѣстѣ преступленія тѣмъ же учителемъ латинскаго языка), то-есть точнѣе говоря, незнавшему шести предметовъ и плохо заявившему о своей добросовѣстности, дозволено по тремъ передержать послѣ вакацій, а по другимъ тремъ незнаніе принято за знаніе! Вообще послабленій и нарушеній правилъ множество! Тутъ должно указать еще на подборъ экзаменаторовъ: экзамены производятся въ коммиссіяхъ обыкновенно изъ 3—6 членовъ (смотря по классу и по другимъ обстоятельствамъ; изрѣдка бываетъ и болѣе 6); членовъ назначаетъ директоръ и обыкновенно (особенно по латинскому языку) большинство оказывается на сторонѣ директора, а самъ онъ почти никому не ставитъ неудовлетворительной отмѣтки. Бо́льшая часть учениковъ VII класса, получившихъ удовлетворительныя отмѣтки въ настоящемъ году, обязаны раздѣленію голосовъ 3 противъ 3, причемъ на послѣдней сторонѣ былъ директоръ и давалъ перевѣсъ; въ прочихъ классахъ коммиссіи изъ 3 членовъ, но если директоръ-предсѣдатель не надѣется владѣть ни однимъ изъ двухъ членовъ, то онъ приглашаетъ еще одного, и тогда выходятъ 2 противъ 2. Должно по крайней мѣрѣ принять за правило чтобы въ экзаменныхъ коммиссіяхъ было непремѣнно нечетное число членовъ, со включеніемъ предсѣдателя. (Здѣсь замѣтимъ что легкое отношеніе преподавателей къ экзаменамъ, несмотря на предписанія министерства, и смотрѣніе сквозь пальцы на то какъ ученики переговариваются и списываютъ одинъ у другаго переводы на экзаменѣ ведетъ къ тому что тотъ преподаватель который ссріозно и строго относится къ тому и другому возбуждаетъ противъ себя озлобленіе

просьбы и даже мольбы (кромѣ тѣхъ случаевъ гдѣ нѣтъ возможности отказать въ содѣйствіи), но видитъ постоянное противодѣйствіе и даже его стали всячески ежедневно преслѣдовать. Источникомъ смутъ является фактическій директоръ, именующійся инспекторомъ, который съ узкимъ кругозоромъ и тощимъ образованіемъ соединяетъ властолюбивое и злое сердце; по его указкѣ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, безпрекословно, съ отъявленнымъ усердіемъ и возмутительными пріемами, идетъ его помощникъ, называе-

---

дрянныхъ, въ особенности *несвоихъ* учениковъ и подвергается непріятностямъ.... Это очень важно и не должно бы укрыться отъ самыхъ энергическихъ мѣръ со стороны министерства). Можно бы возразить что какъ въ подобныхъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ каждый изъ учителей можетъ подавать протесты или особыя мнѣнія..... Но такъ можетъ разсуждать только простакъ. Вопервыхъ, директоръ имѣетъ возможность или оттянуть представленіе его до того времени когда дѣло окажется непоправимымъ и слѣдовательно представленіе излишнимъ (напримѣръ, о правилахъ экзаменныхъ когда экзамены уже начались или даже окончились; протестъ о послабленіи на экзаменѣ послѣ выдачи аттестатовъ и т. д.), или совершенно скрыть его у себя, или представить въ измѣненномъ видѣ. Вовторыхъ, при господствующемъ до сихъ поръ у насъ взглядѣ, находящемся въ противоположности съ идеей правды и характеромъ новыхъ судовъ, при столкновеніи старшаго съ младшимъ принято почти за общее правило поддерживать перваго, несмотря на всю его неправоту, или, въ лучшемъ случаѣ, когда нѣтъ возможности вполнѣ принять его сторону, давать такое рѣшеніе которое все-таки было бы непріятно младшему. Притомъ же человѣкъ входящій съ особыми мнѣніями, въ особенности если они часты (а въ иныхъ мѣстахъ побужденія къ тому представляются безпрерывно), навлекаетъ на себя названіе „безпокойнаго“. Казенное значеніе этого слова понятно тому кто вращался въ бюрократической сферѣ. За то что онъ, искренно желая правды и блага родинѣ или дѣлу и ради того жертвуя личными интересами, съ довѣрчивостью обращается къ высшей власти, которую хочетъ считать олицетвореніемъ разума и правды, къ нему не только не относятся съ уваженіемъ, но намеками, если не словами (иногда, въ припадкѣ откровенности, даже и словами), отвѣчаютъ что дѣло вовсе не въ разумѣ и не въ правдѣ, не въ преданности родинѣ и не въ любви къ дѣлу, а въ офиціальномъ механизмѣ, по которому всякую несправедливость и неразуміе одной власти другая власть должна прикрывать, то-есть сама совершать новую вину, а его, за неразумный идеализмъ, придется наконецъ включить въ разрядъ „безпокойныхъ“, то-есть всячески прижимать.

мый директоромъ; совѣтъ рьяно поддерживаетъ ихъ, какъ потому что они—начальство, такъ и потому что всегда радъ случаю подорвать ненавистное дѣло. Отъ того учителя не разъ требовали чтобъ онъ прибавилъ, по крайней мѣрѣ, по 1 ко всѣмъ своимъ отмѣткамъ; его старались, въ противность правиламъ, устранить отъ окончательныхъ и переводныхъ экзаменовъ, ему запретили спеціальныя занятія съ лучшими учениками и преподаваніе греческаго языка (несмотря на то что на второй годъ около половины его учениковъ убѣдительно просили его допустить ихъ къ тому и другому), требовали чтобъ онъ не училъ учениковъ количеству (quantitas), то-есть чтобъ училъ ихъ не латинскому языку, а отечественной передѣлкѣ этого языка; чтобы не выдавалъ совершенно-необходимыхъ записокъ, о которыхъ выше упомянуто и въ которыхъ ни одинъ членъ совѣта, а въ особенности начальство ровно ничего не смыслило; далѣе—запрещали заучиваніе наизустъ латинскихъ стиховъ и пр. и пр. Можно было бы составить весьма интересный, почти невѣроятный разказъ о стѣсненіяхъ которымъ онъ подвергался. Но ничто покамѣсть не могло его сокрушить. Уступивъ послѣ борьбы въ томъ что онъ не имѣлъ возможности далѣе отстаивать (необязательные курсы), онъ относительно всего прочаго подавалъ протесты и прямо объявилъ и устно и письменно, и частно и официально, что исполнить тѣ требованія онъ не въ состояніи: они противны его совѣсти и потому онъ не отступитъ ни шагу; если же онъ дурно дѣйствуетъ, то пусть его исключаютъ изъ службы; добровольно онъ не выйдетъ. Въ отвѣтъ на это слы-

---

Конечно, при такихъ условіяхъ человѣкъ опошляется, становится нравственною ничтожностью (за весьма рѣдкими исключеніями, которымъ за то плохо приходится въ жизни), а во всякомъ дѣлѣ вмѣсто живыхъ силъ является бездушный механизмъ. Его идеалъ выражается извѣстными словами: шито, крыто. Такому идеалу слѣдовало бы прежде всего исчезнуть изъ вѣдомства поставившаго себѣ офиціальною цѣлью просвѣщеніе. Обращаясь къ гимназіямъ, должно замѣтить что необходимо принять за правило чтобы всѣ отдѣльныя мнѣнія вписывались въ книгу протоколовъ (чего во многихъ мѣстахъ не дѣлается), а попечителю представлялся бы подлинникъ, чтобы всѣ представленія директора дѣлаемыя отъ имени совѣта шли за подписью не одного директора, но и секретаря и хоть нѣкоторыхъ членовъ совѣта, и чтобы за замедленіе въ представленіи продокола была назначена серіозная отвѣтственность.

шалъ онъ отъ директора комплименты; протесты его припрятывались и т. п. Нѣсколько разъ буря, достигнувъ высшей своей силы, стихала чтобы потомъ вновь подняться. Его проекты, нерѣдко срочные, старались замять или оттянуть до тѣхъ поръ когда поправить дѣло уже не будетъ возможности. Противодѣйствіе, слѣдовательно, не могло быть вполнѣ безуспѣшно. Оно достигало своей цѣли и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такъ, когда было необходимо содѣйствіе совѣта или начальства, приходилось отказываться отъ нѣкоторыхъ мѣръ или же удавалось провести ихъ только отчасти или съ искаженіями. Вовторыхъ, всѣ усилія направленныя противъ классицизма всегда немедленно становились извѣстны ученикамъ, а это, конечно, было для худшей части ихъ на руку, оказывало нѣкоторое вліяніе и на прочихъ, поощренія они не видѣли, а за то знали что неуспѣшность ихъ и неисполненіе требованій того преподавателя найдетъ въ начальствѣ и въ другихъ преподавателяхъ сочувствіе, хотя и не всегда открытое. При этомъ должно помнить что ученики также знали что на экзаменѣ голосъ ихъ учителя будетъ совершенно подавленъ. Предоставляю каждому обсудить какъ трудно было при такихъ условіяхъ достигнуть значительныхъ успѣховъ. Но это еще цвѣтки! А вотъ ягодки. Можно ли повѣрить чтобы въ какомъ-нибудь изъ нашихъ учебныхъ заведеній начальство прямо, сначала изподтишка, а потомъ открыто объявляло ученикамъ чтобъ они не слушались учителя, не готовили его уроковъ, не исполняли его требованій? А здѣсь это дѣлалось. Пока, не вдаваясь въ невѣроятныя подробности этого длиннаго дѣла, я скажу только что того учителя постарались успокоить, когда онъ рѣшился покинуть гимназію и придать дѣлу серіозный ходъ; но потомъ взялись опять за свое.

Вотъ каковы у насъ иныя гимназіи! Въ той о которой идетъ рѣчь вражда начальства къ серіозному образованію такъ велика что оно, не рѣшаясь открыто удалить свѣдущаго и горячо преданнаго дѣлу преподавателя, котораго всѣ хвалятъ и котораго некѣмъ замѣнить, рѣшается возбуждать противъ него учениковъ, чтобы тѣмъ вынудить его къ отставкѣ! Такой образъ дѣйствій возбудилъ негодованіе даже въ лучшей части учениковъ. Это могу я доказать.

Несмотря на все противодѣйствіе и на извѣстную ученикамъ враждебность начальства и совѣта классическому обра-

зованію, послѣднее поставлено тамъ такъ высоко тѣмъ учителемъ, какъ можетъ-быть въ рѣдкой другой изъ русскихъ гимназій! Такъ можно заключать по ученикамъ перешедшимъ въ ту гимназію изъ многихъ концовъ Россіи. Всѣ они оказываются, хотя бы имѣли и отличную отмѣтку въ свидѣтельствѣ, гораздо ниже своихъ товарищей даже въ практическомъ знаніи языка, не говоря уже о всѣхъ другихъ сторонахъ истинно-классическаго образованія.

Однако эти преслѣдованія уже такъ надоѣли и преслѣдуемымъ и преслѣдующимъ что должно, наконецъ, случиться одно изъ двухъ: или онъ самъ покинетъ мѣсто (тѣмъ болѣе что ему предлагаются болѣе выгодныя и болѣе почетныя должности) или рѣшатся, наконецъ, его удалить, чего онъ давно требуетъ. Многое, правда, удалось ему такъ укрѣпить что слѣды его дѣятельности не скоро изгладятся; но несомнѣнно что сглаживаніе начнется тотчасъ послѣ него.

Неужели, однако, можно смотрѣть на такія дѣйствія равнодушно? Неужели лица составляющія педагогическій персоналъ гимназіи имѣютъ право дѣйствовать противно требованіямъ устава, науки, культуры, педагогики?

III.

Теперь пересматривается гимназическій уставъ. Курсъ гимназій будетъ удлиненъ и число уроковъ греческаго и латинскаго языковъ нѣсколько увеличено.

Но не забудемъ что одно измѣненіе устава не принесетъ надлежащей пользы безъ разныхъ другихъ мѣръ. Чтобы наши гимназіи стали дѣйствительно гимназіями, необходимо имѣть хорошо подготовленныхъ и преданныхъ своему дѣлу учителей. Теперь такихъ очень, очень мало. Экстраординарными, временными мѣрами можно и *необходимо* пустить немедленно и повсемѣстно въ ходъ преобразованный уставъ, но духъ и цѣли его вполнѣ осуществятся только современемъ, при хорошемъ педагогическомъ персоналѣ. Филологическій институтъ и всѣ университеты должны обратить на это дѣло особое вниманіе; главное въ томъ чтобы студенты постоянно работали само-

стоятельно, подъ руководствомъ профессоровъ и въ соревнованіи съ товарищами, а не ограничивались слушаніемъ лекцій и чтеніемъ книгъ. Главное, существенное отличіе германскихъ университетовъ отъ нашихъ состоитъ въ этихъ семинаріяхъ, обществахъ (тѣ и другія подъ руководствомъ профессоровъ), союзахъ (Vereine — безъ участія профессоровъ, но правильно организованныхъ, со статутами, предсѣдателемъ, секретаремъ, протоколами) и т. п. Въ этихъ-то семинаріяхъ и пр., извѣстная высота которыхъ въ свою очередь имѣетъ корни въ высотѣ гимназій, вырабатываются ученые и педагоги и закаляются на всю жизнь. Тутъ круговая порука: чѣмъ выше уровень гимназій, тѣмъ выше уровень университетовъ, и наоборотъ; а то и другое въ свою очередь обусловливается общимъ уровнемъ образованія, культуры въ странѣ, и также наоборотъ. Истиннаго успѣха достигнемъ только тогда когда на всѣ эти стороны будетъ обращено одновременное и самое энергическое и заботливое вниманіе.

Самое назначеніе гимназій указываетъ на то что въ директоры (а также и въ инспекторы, если эта должность не будетъ упразднена) должны избираться именно лучшіе изъ преподавателей древнихъ языковъ. Г. Струве справедливо замѣчаетъ въ указанной статьѣ что гимназіи у насъ не сдѣлаются классическими, пока не будетъ принято за правило назначать въ директоры только окончившихъ курсъ по классическому отдѣлу филологическаго факультета. (Можно тутъ, правда, замѣтить что большинство нашихъ „филологовъ“ таково, что иной изъ такихъ филологовъ, опираясь на свою филологію, будетъ еще вреднѣе нефилолога, но *вообще* этотъ принцилъ будетъ очень полезенъ и дѣйствительно необходимъ, только должно его дополнить такъ чтобы при назначеніи обращалось вниманіе на преданность и способность къ преподаванію и на научныя занятія, а не на формальное званіе филолога и тѣмъ менѣе на гибкость предъ начальствомъ.) Въ Германіи почти каждый директоръ есть филологъ прославившійся своею ученою и педагогическою дѣятельностью и остается учителемъ древнихъ языковъ обыкновенно въ высшемъ классѣ. Ordinarii классовъ тоже всегда изъ филологовъ. Намъ, при нашей обстановкѣ, слѣдовало бы держаться этого правила строже чѣмъ гдѣ бы то ни было, а на самомъ дѣлѣ огромное большинство нашихъ директорскихъ и инспек-

торскихъ мѣстъ занято не только не филологами, но людьми прямо враждебными классическому, то-есть солидному, научному, европейскому образованію, ибо и сами они совершенно чужды его. *

Прежде всего должна быть въ общихъ чертахъ издана министерствомъ программа, то-есть указанъ *minimum*—но minimum достаточно серіозный, того что̀ должно быть пройдено въ каждомъ классѣ. Программа должна быть такъ составлена чтобы не стѣсняла дѣльныхъ и усердныхъ преподавателей, (напримѣръ допускала бы чтеніе и тѣхъ писателей которые не упомянуты въ программѣ, если исполнено то что̀ въ ней требуется, позволяла бы въ иныхъ случаяхъ замѣну одного писателя другимъ и пр. и пр., но не позволяла бы замѣнять плохимъ. Въ ней должно быть, напримѣръ, непремѣнно указано что предъ чтеніемъ каждаго писателя вкратцѣ излагается его біографія и въ особенности литературная дѣятельность, которая приводится въ связь со сжатымъ обзоромъ соотвѣтственнаго рода литературы и что эти свѣдѣнія безусловно обязательны на всѣхъ экзаменахъ. Должно быть упомянуто что *количество* изучается мало-по-малу, *начиная с низшихъ классовъ* и постепенно расширяя въ высшихъ (у насъ обыкновенно ученики не только 1го, но даже 7го класса вполнѣ увѣрены что напримѣръ имен. и твор. пад. 1го скл., имен. и род. 4го и пр. одинаковы); что кромѣ устныхъ переводовъ должны быть и письменные; что чтеніе и прозы и стиховъ должно быть правильно (то-есть по метру, причемъ должно всегда помнить о долготѣ и удареніи); что стихи должны въ значительной части заучиваться наизусть, а также и нѣкоторыя прозаическія статейки или отрывки; что всѣ вообще писатели должны быть такъ изучены чтобъ ученики знали всѣ встрѣчавшіеся слова и обороты, и чтобы вездѣ, гдѣ нужно, были представлены комментаріи антикварные, историческіе, литературные и пр.; чтобы все преподаваніе было согласно съ современнымъ состояніемъ науки и пр.; словомъ, что учитель долженъ всячески стараться ввести учениковъ *возможно* глубже въ классическій міръ, въ его языки, литературы,

---

* Здѣсь замѣтимъ мимоходомъ что и вообще слѣдовало бы поставить директора въ болѣе разумныя, менѣе бюрократическія и слѣдовательно болѣе полезныя для дѣла отношенія къ учителямъ. И тутъ намъ могли бы послужить образцомъ германскія гимназіи.

исторію и всѣ стороны быта, и что потому ученіе должно идти такъ быстро впередъ, какъ только это возможно для основательнаго изученія.

Во всемъ этомъ учителямъ древнихъ языковъ должны содѣйствовать и *всѣ* остальные преподаватели, особенно исторіи и словесности, ибо *каждый* учитель долженъ считать классическое образованіе учениковъ дѣломъ не чуждымъ себѣ, а своимъ, столь же близкимъ какъ и преподаваніе своего предмета. Только при такомъ условіи, только при единодушныхъ заботахъ всѣхъ преподавателей о томъ что̀ должно составлять душу воспитанія и обученія можетъ пойти дѣло успѣшно и одолѣвать и передѣлывать вредную внѣшнюю обстановку. Помощь эта должна состоять въ пополненіи преподаванія древнихъ языковъ относительно исторіи, быта, литературы и пр. древнихъ народовъ (это относится преимущественно къ преподавателямъ исторіи и словесности, которымъ во всѣхъ гимназіяхъ должны бы быть вмѣнены въ обязанность правила Лицея Цесаревича Николая упомянутыя въ Календарѣ этого лицея 1869—70 на стр. 29 и 38), давать темы для сочиненій въ теченіе года и на экзаменѣ преимущественно по древнему міру, брать для русскихъ диктовокъ и переводовъ съ нѣмецкаго на французскій, на русскій и обратно также преимущественно такого рода статьи, * и тоже какъ въ теченіе года, такъ и на экзаменѣ, побуждать къ чтенію такого рода сочиненій, обильно пополнять ими ученическія библіотеки, выдавать въ награду за успѣхи исключительно такого рода книги, постоянно внушать ученикамъ что они должны обращать особыя усилія на изученіе древнихъ языковъ и міра и пр. Не будетъ здѣсь грѣха даже въ томъ случаѣ, еслибы на все это было обращено и болѣе вниманія, чѣмъ нужно при нормальныхъ условіяхъ: у насъ вѣдь условія не нормальныя, а патологическія, и нѣкоторое излишество представило бы хоть небольшую, но полезную и необходимую реакцію противъ внѣшнихъ вліяній и хоть маленькое вознагражденіе за тотъ за-

---

* Весьма замѣчательно что въ нашихъ ходячихъ руководствахъ для переводовъ и хрестоматіяхъ французскихъ и особенно нѣмецкихъ почти нельзя найти статей относящихся къ древнему міру, хотя нѣмецкая и французская литература представляютъ обильный матеріалъ для выбора. Мнѣ кажется что при одобреніи такихъ книгъ для употребленія слѣдовало бы обратить на эту сторону большое вниманіе.

гонъ и застой въ которыхъ у насъ до сихъ поръ обрѣталось и обрѣтается это дѣло. Привлекать къ чтенію другихъ книгъ, напримѣръ по новой исторіи, по популярному естествовѣдѣнію и пр., гимназія не имѣетъ надобности: къ тому побуждаетъ вся среда; а въ пользу классическаго міра она не заикнется.

Такъ какъ въ каждой гимназіи, — вслѣдствіе личности (познанія, способностей и усердія) преподавателей, состава классовъ, участія директора и совѣта, вліянія среды,—неизбѣжны, а для развитія педагогическаго дѣла и желательны многочисленныя особенности относительно объема и содержанія пройденнаго, методовъ и пр. (нельзя же желать напримѣръ чтобы знающій, способный и ревностный учитель закапывалъ свои преимущества въ землю и велъ бы даже при хорошемъ классѣ дѣло такъ какъ и плохой учитель при худомъ классѣ; первый можетъ сдѣлать въ десять разъ болѣе чѣмъ второй; а каждая гимназія должна стремиться стать возможно выше въ ряду другихъ), то необходимо постановить чтобъ обо всемъ этомъ каждая гимназія *предъ* лѣтними и зимними вакаціями печатала *самыя подробныя и точныя* свѣдѣнія съ краткимъ указаніемъ и того что̀ предположено пройти въ слѣдующемъ полугодіи, или въ отдѣльныхъ брошюрахъ (при чемъ желательно было бы присоединеніе научной статьи, которая бы свидѣтельствовала о научной жизни заведенія, какъ дѣлается во всѣхъ германскихъ „программахъ“, а также и у насъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ) или въ попечительскихъ циркулярахъ. Такого рода публикація весьма важна въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, она содѣйствовала бы развитію научно-педагогическаго дѣла, подвергая каждую гимназію ловѣркѣ и соревнованію другихъ гимназій и обсужденію знатоковъ дѣла; въ циркулярахъ попечителя и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* могли бы и должны бы для той же цѣли помѣщаться сравнительные обзоры всѣхъ этихъ программъ или отчетовъ; вовторыхъ, родители подготовляющіе дѣтей въ гимназію или переводящіе изъ другихъ гимназій имѣли бы возможность подготовить ихъ во время вакацій или вообще до опредѣленія возможно ближе къ уровню данной гимназіи. Сообразно съ этими опубликованными свѣдѣніями производятся переводные, пріемные и окончательные экзамены (не исключая и переходящихъ изъ другихъ гимназій), въ особенности по древнимъ языкамъ изо всего пройденнаго во всѣхъ предыдущихъ классахъ. Экзамены по древнимъ язы-

камъ раздѣляются на письменные и устные. На первыхъ ученикъ пишетъ сочиненія или переводитъ фразы, *такъ и въ такомъ количествѣ* подобранныя учителемъ чтобы въ нихъ заключались по возможности всѣ трудности, пройденныя учениками; на вторыхъ онъ даетъ отчетъ о томъ въ какой степени онъ изучилъ писателей истолкованныхъ въ классѣ и комментаріи къ нимъ; далѣе о познаніяхъ своихъ въ теоретической грамматикѣ, метрикѣ, литературѣ, древнемъ бытѣ, объ умѣньи читать безъ приготовленія и т. п. На устномъ экзаменѣ ни въ какомъ случаѣ не должно ограничиваться ни одними переводами пройденнаго, ни переводами à livre ouvert: непремѣнно должно быть то и другое, но съ требованіями совершенно различными. Въ первомъ случаѣ ученикъ долженъ отчетливо знать всѣ встрѣчающіяся фразы и слова и всѣ сообщенные въ классѣ литературные, историческіе, антикварные, грамматическіе комментаріи, во второмъ — просто показать въ какой степени онъ можетъ пользоваться авторами. У всѣхъ экзаменующихся, въ особенности у всѣхъ держащихъ вступительный и окончательный экзамены, должно прежде всего спросить, изучили ли они все то что̀ было пройдено въ гимназіи? * Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, то-есть если экзаменующійся заявитъ что онъ какого-нибудь отдѣла не проходилъ, или же не изучилъ какого-нибудь писателя, или прошелъ меньшее число главъ, или не знаетъ наизусть того что̀ изучено учениками, то ему должно быть немедленно отказано въ правѣ держать экзаменъ. Экзаменные письменные отвѣты учениковъ высшаго класса, а также постороннихъ лицъ держащихъ экзаменъ изъ цѣлаго курса, должны быть сброшюрованы и хранимы навсегда въ гимназическомъ архивѣ, а прочихъ классовъ по крайней мѣрѣ въ теченіи года.

Къ признанію необходимости такого правила я пришелъ опытомъ. Наивные и мало подготовленные педагоги наши думаютъ что можно довольствоваться отвѣтомъ, то-есть при-

* То-есть во всякомъ случаѣ не менѣе того что̀ означено въ министерской инструкціи, хотя бы въ какой-нибудь гимназіи (по отсутствію или болѣзни преподавателя или по другой причинѣ) было пройдено менѣе; но если было въ ней изучено болѣе и о томъ было объявлено (какъ выше сказано), то экзаменъ долженъ производиться непремѣнно изо всего пройденнаго. Было бы очень желательно чтобъ упомянутыми полугодичными отчетами *всѣ* гимназіи обмѣнивались немедленно по выходѣ ихъ, безъ всякой переписки.

знать достойнымъ принятія въ какой-нибудь изъ высшихъ классовъ и даже зрѣлымъ для университета того кто умѣетъ сколько-нибудь сносно переводить читаннаго писателя и знакомъ съ важнѣйшими правилами грамматики (не говорю уже о тѣхъ—хотя имя имъ легіонъ—которые довольствуются шаткимъ знаніемъ склоненій и спряженій, а тѣмъ менѣе о тѣхъ которые ставятъ удовлетворительную отмѣтку даже такимъ которые и того не знаютъ). По ихъ мнѣнію, должно удовлетворяться и въ томъ случаѣ когда экзаменующійся не читалъ ни одного изъ древнихъ писателей, если только онъ кое-какъ можетъ перевести легкія мѣста и нѣсколько знакомъ съ грамматикой, въ особенности если онъ намѣренъ поступить на физико-математическій факультетъ. Такое узкое воззрѣніе происходитъ отъ собственнаго ихъ скуднаго образованія и полнаго непониманія значенія и цѣлей классическаго образованія. Имъ и въ голову не приходитъ что писатели объясняются въ гимназіи для изученія не только языка, но и литературы, духа и быта классическихъ народовъ, хотя только такое изученіе можетъ быть названо плодотворнымъ. Они считаютъ это спеціальностью филологовъ въ университетѣ, не понимая того что въ этомъ-то должно состоять *высшее общее* образованіе, приводящее къ университету, и что филологическія занятія въ университетѣ должны идти гораздо глубже и притомъ непремѣнно пріучать студентовъ къ ученымъ изслѣдованіямъ. Послабленія дѣлаемыя на экзаменѣ будущимъ математикамъ, медикамъ и пр., нелѣпы какъ потому что всякій завтра изъ математическаго можетъ перейти на всякій другой факультетъ, такъ и потому что именно математикъ и т. п., то-есть лицо готовое покинуть занятія классическимъ міромъ должно быть тѣмъ глубже введено въ него еще въ гимназіи чтобы на всю жизнь оно оставалось проникнуто и облагорожено классическимъ духомъ и стояло бы въ уровень съ современною цивилизаціей. * Въ

* Здѣсь умѣстно привести единогласный отзывъ берлинскаго медицинскаго факультета, въ которомъ находятся такія высокодаровитыя свѣтила какъ Вирховъ, Дю-Буа-Реймонъ и пр. Онъ говоритъ: „Опираясь *на опытѣ ежедневно повторяющемся* и *на наблюденіяхъ* сдѣланныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ куда допускаются ученики реальныхъ школъ, факультетъ долженъ высказать что ученики реальныхъ школъ, равно какъ и всѣ вообще кто не получилъ классическаго образованія, *стоятъ ниже по умственному*

этомъ году одинъ изъ экзаменующихся для поступленія въ университетъ на данный ему вопросъ отвѣтилъ что онъ читалъ только Цезаря и Корнелія Непота, но что̀, этого объяснить не могъ; онъ сказалъ что изъ Непота переводилъ начало, но какая біографія поставлена въ началѣ, этого не училъ. Очевидно что онъ не читалъ ничего, или почти ничего. Конечно, его слѣдовало немедленно отпустить съ выговоромъ за дерзкое появленіе на экзаменъ при полномъ невѣжествѣ; на самомъ же дѣлѣ его стали разспрашивать (то-есть находили возможнымъ даже и при такихъ условіяхъ поставить удовлетворительную отмѣтку!) и отпустили съ неудовлетворительною только тогда, когда оказалось что онъ ничего перевести не могъ и грамматики почти вовсе не зналъ. Въ интересахъ дѣла должно требовать отъ желающихъ вступить въ гимназію или въ университетъ послѣ домашняго приготовленія ни на волосъ не менѣе того что̀ пройдено въ гимназіи; скорѣе, напротивъ, болѣе, какъ потому что дома можно въ болѣе короткое время пройти гимназическій курсъ, такъ и потому что домашнее ученіе рѣдко бываетъ столь же основательнымъ какъ классное (при которомъ ученику въ теченіе курса приходится выслушать тысячи объясненій, замѣтокъ, пополненій и пр.), а слѣдовательно справедливо замѣнить неполное качество по крайней мѣрѣ бо́льшимъ количествомъ; такъ наконецъ и потому что гимназіи и университеты тѣмъ болѣе выиграютъ, чѣмъ лучше будутъ подготовлены лица новопоступающія и тѣмъ болѣе проиграютъ, чѣмъ подготовка ихъ будетъ слабѣе. Необходимо все это тщательно разъяснить въ инструкціи и категорически потребовать чтобъ экзаменаторы тогда только ставили

развитію чѣмъ ученики нѣмецкихъ классическихъ гимназій и оказываются *не столь способными къ научному изученію медицины.*“ И это, несмотря на то что они изучали въ большемъ объемѣ естествовѣдѣніе, математику и т. п., то-есть вступали, повидимому, гораздо болѣе подготовленными для своей спеціальности! Факультетъ продолжаетъ что „онъ сдѣлалъ даже наблюденіе что студенты поступающіе съ подобными предварительными знаніями, безъ достаточнаго классическаго образованія, оказываются *тупыми и менѣе способными къ глубокому научному изученію естественныхъ наукъ* чѣмъ ученики классическихъ гимназій“. (См. *Вѣстн. Евр.* № 7, стр. 367.) Профессора-натуралисты видятъ въ первыхъ также недостатокъ идеальныхъ стремленій, ремесленную ограниченность и т. п.

удовлетворительную отмѣтку, когда послѣ самаго обстоятельнаго и строгаго экзамена убѣдятся что экзаменующіеся отчетливо знаютъ *все то* что̀ было пройдено въ гимназіи. Особая отвѣтственность за малѣйшее послабленіе должна быть возложена на преподавателей древнихъ языковъ производившихъ экзаменъ и на предсѣдателя коммиссіи. Вообще отвѣтственность должна перестать быть номинальною: до сихъ поръ предписанія министерства объ усиленіи строгости экзаменовъ оставлялись безъ вниманія.

Къ числу странностей у насъ, кажется, повсемѣстныхъ, и въ гимназіяхъ и въ университетахъ, относится то что оканчивающіе курсъ гимназисты и студенты просятъ о назначеніи экзамена по древнимъ языкамъ послѣ всѣхъ другихъ предметовъ. Въ этой просьбѣ руководятся они тѣмъ соображеніемъ что̀ экзаменаторы отнесутся къ незнанію древнихъ языковъ снисходительно, если экзаменующійся выдержалъ экзаменъ по всѣмъ другимъ предметамъ. Разчеты ихъ оказываются всегда почти основательными: обѣ стороны думаютъ и открыто заявляютъ что нельзя же задержать за незнаніе только какой-нибудь латыни! Совершенно вѣрно; такъ же какъ вѣрно то что нельзя назвать того человѣка глупымъ у котораго все есть—и руки, и ноги и пр. и только одна голова пустая. Чтобы противодѣйствовать этому воззрѣнію и возвысить значеніе предмета, можно постановить чтобъ экзамены по древнимъ языкамъ производились прежде экзаменовъ по прочимъ предметамъ и чтобъ оказавшіе неудовлетворительныя познанія не допускались уже къ продолженію экзаменовъ, заявившимъ же отличныя познанія должно быть оказано (конечно, въ извѣстной мѣрѣ) снисхожденіе при неполной удовлетворительности по нѣкоторымъ другимъ предметамъ. Медали и прочія награды должны быть выдаемы только тѣмъ которые оказали *отличные* успѣхи по древнимъ языкамъ и математикѣ, при полной удовлетворительности по остальнымъ предметамъ.

Оканчивающіе курсъ гимназіи должны быть зрѣлыми для научныхъ работъ въ университетѣ; поэтому въ теченіе всего курса, начиная съ низшаго класса, должно пріучать учениковъ къ письменнымъ работамъ. Ходъ ихъ хорошо показанъ въ *Календарѣ Лицея Ц. Н.* стр. 27—31. Чѣмъ выше классъ, тѣмъ работы могутъ быть рѣже, но серіознѣе и обширнѣе. Содержаніе ихъ должно быть взято главнымъ образомъ изъ

классическаго міра. Въ высшихъ классахъ должно требовать отъ учениковъ тщательнаго по нѣсколькимъ сочиненіямъ изученія того предмета о которомъ кто взялся писать. Эти письменныя работы должны тщательно просматриваться учителями. Неудовлетворительность, а тѣмъ болѣе неисполненіе ихъ должны быть рѣшительнымъ препятствіемъ къ переводу въ высшій классъ и къ выдачѣ аттестата. Необходимо также постановить правиломъ чтобъ экзаменъ на университетскія степени и званія производился не ранѣе какъ черезъ 3 года по выдержаніи гимназическаго. Теперь же нерѣдко случается что вольнослушатель держитъ университетскій экзаменъ черезъ годъ или даже тотчасъ послѣ гимназическаго.

Множество и другихъ мѣръ должно быть принято, напримѣръ надо уменьшить число прогульныхъ дней и сократить экзаменъ: въ настоящее время собственно учебныхъ дней въ году бываетъ только около 160, а въ 7мъ классѣ менѣе 140, то-есть годъ превращается съ небольшимъ въ $^1/_3$ года). Надо вмѣнить ученикамъ въ обязанность домашнее чтеніе греческихъ и латинскихъ авторовъ; въ классѣ рядомъ со статарнымъ чтеніемъ одного писателя должно идти курсорное чтеніе другихъ. Надо заботиться объ единообразномъ и точномъ выставленіи отмѣтокъ—безъ такъ-называемыхъ снисхожденій—отъ 0 (который въ иныхъ гимназіяхъ запрещается начальствомъ, любящимъ красивыя отмѣтки) до 5; съ разборомъ выбирать директоровъ и учителей, не поощряя, а презирая тѣхъ которые способны кривить душой и спиной; назначить особыя суммы на пополненіе или точнѣе на созданіе филологическихъ отдѣловъ въ гимназическихъ библіотекахъ; дозволить каждому учителю преподавать по своему руководству, хотя бы оно не было одобрено для *другихъ* гимназій, ибо повидимому неудовлетворительное руководство будетъ въ рукахъ его автора гораздо болѣе полезнымъ, чѣмъ лучшее, но чужое и пр. пр.

Гимназіи должны давать ученое образованіе и главнымъ образомъ готовить къ университету, гдѣ должны преобладать спеціальныя научныя работы студентовъ подъ руководствомъ профессоровъ. Эти училища назначаются для лучшихъ силъ общества. Отсюда прямое заключеніе что всѣ тѣ которые по какимъ бы то ни было причинамъ не могутъ или не желаютъ пройти этотъ трудный и продолжительный курсъ должны поступать въ другія училища. Сообразно со сдѣланнымъ опредѣленіемъ цѣлей гимназіи нельзя, по нашему мнѣнію,

распространить на гимназіи правило, естественное для другихъ училищъ, по которому наибольшая часть учениковъ *должна* оказывать удовлетворительные успѣхи, то-есть точнѣе говоря, нельзя распространить это правило только на успѣхи по древнимъ языкамъ, потому что по другимъ предметамъ курсъ можетъ быть точно опредѣленъ, по древнимъ же языкамъ (понимая преподаваніе ихъ въ смыслѣ изложенномъ въ этой статьѣ) онъ безграниченъ, и чѣмъ больше сдѣлано, тѣмъ лучше; а вѣдь именно древніе языки составляютъ сущность, душу, жизнь, разумъ гимназическаго ученія. Малоспособныхъ и слабомысленныхъ гимназія не можетъ брать въ разчетъ: вѣдь волервыхъ, она изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ ничего важнаго не сдѣлаетъ, вовторыхъ, заботиться о нихъ значитъ дѣйствовать во вредъ лучшимъ ученикамъ, приносить недостойнымъ въ жертву достойныхъ, или какъ бы наказывать послѣднихъ, понижая и задерживая ихъ образованіе, а слѣдовательно и уровень гимназіи и интеллигенцію страны. Такія крупныя жертвы никакъ не окупятся тѣмъ маловажнымъ пріобрѣтеніемъ что нѣсколько малоспособныхъ или лѣнивыхъ учениковъ послѣ всевозможныхъ подталкиваній проползутъ гимназическій курсъ вмѣсто того чтобы пройти курсъ какого-нибудь другаго училища. Кто держится иного взгляда, то-есть, кто сострадателенъ къ тѣмъ которые при такихъ условіяхъ не поступятъ въ университетъ, тѣмъ должно бы провести свою мысль, то-есть вѣрнѣе чувство, послѣдовательнѣе и позаботиться напримѣръ о возможно-большемъ уменьшеніи числа классовъ, уроковъ и объема программъ, то-есть постараться о превращеніи гимназій въ элементарныя училища. Тогда, конечно, число окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и студентовъ будетъ несравненно болѣе, но какихъ студентовъ? Каковы будутъ университеты? Каковъ цвѣтъ, интеллигенція, умственная сила страны?! Но съ другой стороны нельзя, конечно, имѣть въ виду однихъ отличныхъ учениковъ. Справедливъ средній путь: учитель долженъ сообразоваться главнымъ образомъ съ *прилежными и достаточно для своего класса подготовленными учениками среднихъ способностей*. Болѣе слабые и вообще всѣ прочіе должны итти въ другія училища. Къ несчастью ихъ у насъ почти нѣтъ. Вслѣдствіе того всѣ идутъ въ гимназію, а чрезъ то и уровень гимназій страшно понижается, или что то же, гимназіи перестаютъ быть гимназіями. Необходимо открыть тысячи низшихъ училищъ

различныхъ разрядовъ (*низшій* не равнозначительно съ низкій), сотни реальныхъ и ремесленныхъ школъ. Необходимо также много озаботиться о физическомъ и эстетическомъ образованіи (о гимнастикѣ, пѣніи, рисованіи и пр.), чтобы приблизиться къ чисто-классическому идеалу *калокагаѳіи*.

Если искренно думаемъ мы поднять уровень университетовъ и гимназій, если желаемъ войти въ семью цивилизованныхъ народовъ, если хотимъ пользоваться ихъ уваженіемъ, а не быть для нихъ предметомъ отвращенія, если желаемъ достигнуть матеріальнаго развитія и богатствъ, избѣжать банкротства, быть мощными въ политическомъ отношеніи и въ то же время значительно облегчить себѣ военныя тяжести, если желаемъ сплоченія всѣхъ частей государства самою прочною, то-есть живою, внутреннею, духовною связью, словомъ, если хотимъ обезпечить за собою будущность, если мы преданы своей отчизнѣ и желаемъ ей блага и чести, мы должны обратить все вниманіе на всестороннее народное образованіе. Нѣтъ расхода болѣе производительнаго и болѣе необходимаго. Должно спѣшить; каждый утерянный день дорого стоитъ. „Государство, подобное Прусскому, писалъ уже въ 1818 году министръ народнаго просвѣщенія Альтенштейнъ—*не имѣетъ права* отговариваться недостаткомъ денежныхъ средствъ (для народнаго образованія). Для такихъ цѣлей они *должны быть всегда* въ готовности.“ Неужели на *Русское* государство это правило не можетъ быть распространено спустя болѣе полувѣка?...

Нашимъ девизомъ должно быть: широкое повсемѣстное образованіе народа вообще, а для интиллигенціи — истинно классическія гимназіи, достойнымъ завершеніемъ которыхъ будутъ улучшенные университеты.

ПАРИЖСКІЕ КЛУБЫ

(Отъ нашего корреспондента.)

Съ 18го марта въ Парижѣ открылись снова засѣданія нѣкоторыхъ клубовъ, а именно клубовъ *Медицинской Школы*, *Пассажа Жуффруа*, *Казино улицы Каде* (первое засѣданіе котораго происходило 20го апрѣля подъ предсѣдательствомъ гражданина Санса, марсельскій акцентъ котораго увеселялъ публику *Folies Bergères* и *Страсбургскаго бульвара*), *Залы Мольера* въ улицѣ Сенъ-Мартена и *Марсельезы* въ Вильетѣ. Публики въ нихъ собирается немного, и при открытіи, напримѣръ, клуба *Улицы Каде*, зала была на половину пуста. Въ *Пассажѣ Жуффруа* (въ бывшей залѣ театра маріонетокъ Серафена) реакція поднимаетъ голову, хотя еще съ нѣкоторою робостью. Тамъ привѣтствуютъ усердными рукоплесканіями примирительныя рѣчи и протесты противъ полицейскихъ слѣдствій и домовыхъ обысковъ. Дамы полусвѣта собираются туда въ большомъ числѣ, а *кавалеры* въ пальто, съ сигарами или папиросами во рту составляютъ большинство слушателей; тамъ и сямъ мелькаютъ между ними кепи болѣе или менѣе украшенныя галунами. Въ *Залѣ Мольера*, напротивъ того, мущины въ пальто составляютъ меньшинство; все болѣе виднѣются военныя шинели и кепи. Курятъ тамъ предпочтительно трубку. Женская часть публики большею частію безъ шляпокъ; дѣти дремлютъ на лавкахъ или на колѣняхъ у матерей. Бюро засѣдаетъ на балконѣ, откуда оно господствуетъ надъ залой, окруженное ореоломъ газовыхъ рожковъ

слишкомъ яркихъ для слабаго зрѣнія. Впрочемъ клубъ *Залъ Мольера*, повидимому, считается важнѣе другихъ; сами члены коммуны приходятъ туда держать рѣчь, а наиболѣе вліятельный ораторъ онаго, гражданинъ Ландекъ, обязанный своею репутаціей нѣкоторому практическому смыслу, хотя и крайне революціонному, и дантоновскому органу, которымъ его надѣлила природа, едва не попалъ въ члены коммуны на послѣднихъ выборахъ. Можетъ-быть онъ даже и былъ избранъ, такъ какъ *Офиціальный Журналъ*, заявляя что онъ не получилъ абсолютнаго большинства, не привелъ числа голосовъ поданныхъ въ пользу этого яраго поборника революціи. Почему было сдѣлано такое опущеніе? По этому поводу въ засѣданіи 20го апрѣля послѣдовалъ запросъ члену коммуны гражданину Амуру. Гражданинъ Амуру обѣщалъ сегодня (22го) вечеромъ дать требуемыя объясненія. Вслѣдствіе этого при открытіи засѣданія ожидаютъ гражданина Амуру, который долго не является. Сторонники гражданина Ландека удивляются нерасположенію къ нему коммуны. Ужь не возвращаемся ли мы снова къ обычаямъ „правительства національнаго отступленія“? Отвергаютъ ли гражданина Ландека за то что онъ видитъ дѣло яснѣе другихъ? Другіе граждане, напротивъ того, жалуются что вотъ уже два дня только и занимаются что гражданиномъ Ландекомъ и его выборами. Они требуютъ очередныхъ занятій, и президентъ гражданинъ Максоларъ или Баксоларъ спѣшитъ исполнить ихъ желаніе. Онъ слишкомъ спѣшитъ, ибо гражданинъ Ландекъ и его приверженцы, столпившіеся около бюро, громко жалуются на способъ коимъ ведутся пренія. „Президентъ совершенно забываетъ, восклицаетъ гражданинъ Фюзилье, что собраніе пользуется верховенствомъ, и что президентъ его служитель, а не господинъ.“ (*Рукоплесканія. Ропотъ*). Президентъ клянется что онъ соблюдаетъ строгое безпристрастіе, но голосъ его теряется посреди страшнаго шума. Наконецъ, въ ожиданіи гражданина Амуру, переходятъ къ очереднымъ дѣламъ. Гражданину Фюзилье поручаетъ одинъ гражданинъ, непривыкшій говорить въ публикѣ, обратить вниманіе собранія на одинъ фактъ въ высшей степени интересующій оборону Парижа. Гражданинъ этотъ былъ сегодня въ окрестностяхъ Тріумфальной Арки. Что видѣлъ онъ въ улицѣ Великой Арміи? Баррикаду почти уничтоженную, подбитыя пушки, и ни одного инженера который бы озаботился приведеніемъ всего въ порядокъ. (*Движеніе.*) Про-

должая свою прогулку, онъ увидѣлъ вдоль укрѣпленій пушки безъ лафетовъ, зарытыя въ песокъ, какъ то было при правительствѣ „національной измѣны“. (*Сильное волненіе.*) Президентъ старается ослабить важность этого сообщенія, замѣчая что баррикада могла быть исправлена въ послѣдствіи, и что невозможно бросать тѣнь сомнѣнія на добросовѣстность и преданность коммуны, но гражданинъ Ландекъ съ запальчивостью прервалъ его объясненія. „Никто, сказалъ онъ, не думаетъ подвергать сомнѣнію добрыя намѣренія и усердіе коммуны, но ея разумъ и дѣятельность могутъ быть не на одной высотѣ съ ея усердіемъ. Мы переживаемъ критическій моментъ, когда малѣйшая небрежность можетъ компрометтировать спасеніе города и когда не слѣдуетъ пренебрегать никакимъ свѣдѣніемъ, никакимъ указаніемъ, когда совѣты самаго смиреннаго гражданина могутъ принести пользу. Позвольте мнѣ привести по этому поводу, но конечно не долуская никакого сравненія, одно историческое воспоминаніе. Когда на Римъ напали Галлы, развѣ Капитолій не былъ спасенъ гусями?“ (*Смѣхъ.*) Всѣ взоры направляются на гражданина не привыкшаго говорить публично, который повидимому не слишкомъ доволенъ этимъ историческимъ сближеніемъ. Гражданинъ Ландекъ продолжаетъ съ сугубымъ жаромъ: „Да! мы переживаемъ моментъ когда ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать, и я предлагаю чтобы въ этомъ же засѣданіи назначена была коммиссія, которая отправилась бы въ городскую думу передать сообщеніе сдѣланное клубу.“ Предложеніе принято единогласно. Приступаютъ къ выбору пяти членовъ, долженствующихъ составлять коммиссію. Многіе голоса называютъ гражданина Ландека, и президентъ собирается пустить его имя на голоса. Сильный взрывъ гнѣва со стороны гражданина Ландека. „Вы знаете, говоритъ онъ, что я нахожусь теперь въ щекотливомъ положеніи относительно коммуны и не могу участвовать ни въ какой депутаціи отправляемой къ ней.“ Президентъ покорно наклоняетъ голову и не пускаетъ на голоса имя Ландека.

Другое сообщеніе. Одинъ національгардъ жалуется что когда его откомандировали на Вандомской площади чтобъ идти къ Нёльи, то его баталіону не роздали патроны подъ тѣмъ предлогомъ что онъ получитъ ихъ у воротъ Мальйо. Прибывъ къ воротамъ Мальйо съ приказомъ о выдачѣ патроновъ за подписью баталіоннаго командира Анри, баталіонъ

получилъ въ отвѣтъ что патроновъ не имѣется и долженъ былъ воротиться назадъ. А между тѣмъ ораторъ заявляетъ что онъ и его товарищи отнюдь не „страдаютъ разстройствомъ желудка и отъ души желали побывать въ огнѣ“. (*Ропотъ въ различномъ смыслѣ.*) Гражданинъ Ландекъ бросается на трибуну. „Я не сомнѣваюсь, говоритъ онъ, въ храбрости оратора и его товарищей, но онъ напрасно жалуется. (*Восклицанія. Ропотъ.*) Да, онъ жалуется понапрасну, и не раздавая патроновъ на Вандомской площади, начальство поступило весьма разумно. Знаете ли, граждане, что̀ бы могло случиться еслибы началась раздача патроновъ въ Парижѣ? То что какой-нибудь реакціонный баталіонъ могъ поставить насъ между двухъ огней. (*Правда!*) Теперь болѣе чѣмъ когда-либо слѣдуетъ остерегаться заговоровъ реакціи и не забывать что реакціонеры, бѣжавшіе предъ вами, столь низки, что они готовы ударить на васъ сзади. Но теперь вы скажете мнѣ: зачѣмъ же не раздавали патроновъ у воротъ Мальйо? Вѣроятно потому что другой баталіонъ, который не менѣе былъ усерденъ чѣмъ баталіонъ предшествовавшаго оратора, шелъ скорѣе, явился первый и захватилъ патроны. (*Движеніе въ различномъ смыслѣ.*) Будемъ наблюдать за коммуной, граждане, но не будемъ порицать ее вкривь и вкось. Повторяю что она права если не раздаетъ патроновъ въ Парижѣ; это мѣра благоразумія, за которую ее слѣдуетъ хвалить, а не порицать.“ (*Рукоплесканія.*)

Третье сообщеніе. Анонимное письмо, представленное въ бюро, извѣщаетъ что Прусаки готовы очистить Сенъ-Дени, гдѣ они замѣняются версальскими городскими сержантами. (*Необычайное движеніе. Отрицанія. Гражданинъ Ландекъ волнуется.*) Одинъ изъ присутствующихъ объявляетъ что онъ оставилъ Сенъ-Дени съ 6 часовъ вечера, что тамъ были Прусаки и не было никакихъ городскихъ сержантовъ. Гражданинъ Ландекъ извиняется что онъ такъ часто требуетъ слова, „но“, говоритъ онъ, „необходимо быть на сторожѣ противъ ложныхъ слуховъ, которые распространяютъ реакціонеры чтобы насъ деморализовать. Тьеръ, конечно, старый негодяй, но онъ не дуракъ, и очень хорошо знаетъ что въ тотъ день когда онъ сговорится съ Прусаками чтобы взять Парижъ, онъ погибнетъ во мнѣніи страны, и буржуазія никогда не оправится отъ такого позора.“ (*Голосъ:* А между тѣмъ насъ возьмутъ.) Гражданинъ Ландекъ очень хорошо знаетъ что распускаютъ слухи будто 500 милліоновъ уплачены Прусса-

камъ, и даже читаетъ статью версальскаго *Gaulois* (*ропотъ*) сообщающую эту новость и присовокупляющую что Прусаки очистили фортъ Шарантонъ. „Но еслибъ это была правда,—а это ложь,—то что̀ за дѣло? Если Версаль занимаетъ сѣверные форты, то мы занимаемъ южные и не сдадимся, а будемъ сопротивляться до смерти.“ (*Громъ рукоплесканій.*) Мы готовы, присовокупляетъ другой ораторъ, выдержать какъ приступъ, такъ и блокаду. Ораторъ сегодня же осматривалъ магазины коммуны. Они полны. (*Выраженіе удовольствія между гражданками.*) Муки, свинины и всего въ изобиліи, такъ что въ случаѣ нужды можно выдержать блокаду, столь же продолжительную какъ и первая. (*Возраженія; голоса:* мы побѣдимъ прежде!) „Наши сообщенія свободны, продолжалъ ораторъ, и вчера еще привезено въ Парижъ 600 быковъ. Это не мѣшаетъ мясникамъ повышать цѣны и продавать намъ по 48 су за килограммъ мясо, которое имъ самимъ сто́итъ не болѣе 21 су. Они, даже за вычетомъ расходовъ на бойню, получаютъ сто процентовъ барыша. (*Это гнусно!*) Да, это гнусно, но знаете ли что̀ нужно сдѣлать чтобы разстроить козни барышниковъ? (*Голосъ:* „Надо установить *maximum*!“) Нѣтъ! не *maximum*, надо уважать свободу торговли. Надо предоставить мясникамъ свободу продавать ихъ мясо по 5, по 10 франковъ, если они захотятъ. (*Ропотъ.*) Подождите; но необходимо чтобы рядомъ съ вольными бойнями коммуна завела свои собственныя. (*Такъ, такъ, браво!*) Противодѣйствіемъ дороговизнѣ должно быть учрежденіе общинныхъ боень.“ (*Громъ рукоплесканій.*) Представлено предложеніе въ этомъ смыслѣ, лучше на голоса, принимается единогласно и постановляется что оно должно быть немедленно передано коммунѣ. Другое предложеніе представлено относительно Вандомской колонны. Одинъ гражданинъ, опираясь на афоризмъ „что уничтожаютъ только то что̀ замѣняется чѣмъ-нибудь“, требуетъ чтобы Вандомская колонна была замѣнена погребальнымъ полустолбомъ, напоминающимъ преступленія Бонапартовъ, съ надписью, текстъ которой онъ прочитываетъ. (*Нѣтъ, нѣтъ! Не нужно! Пусть не говорятъ намъ о Бонапартахъ!*) Итакъ, спрашиваетъ ораторъ, что̀ же вы поставите на мѣсто колонны? — Ничего! пустоту. — Ораторъ сходитъ съ трибуны видимо раздосадованный, и предложеніе его отвергнуто единогласно.

Гражданину Ландеку предоставляется слово для развитія предложенія, которому онъ приписываетъ величайшую важ-

ность. Дѣло идетъ о преобразованіи собранія Залы Мольера въ общинный клубъ. „Въ настоящую минуту, говоритъ онъ, мы только простое собраніе, а поэтому у насъ и недостаетъ авторитета относительно коммуны. (*Правда! Замѣчаютъ что гражданинъ Амуру не торопится прибытіемъ.*) Необходимо чтобы мы составляли настоящій клубъ, по образцу безсмертнаго учрежденія якобинцевъ. (*Да! да!*) Цѣлію нашею будетъ поддерживать коммуну, но также наблюдать за нею и контролировать ее, дабы не допускать ее до заблужденій и указывать ей мѣры которыя она должна принимать въ интересахъ революціи (*рукоплесканія*). На этомъ основаніи ораторъ предлагаетъ членамъ собранія которые будутъ расположены основать „общинный клубъ“ собраться послѣ засѣданія въ ресторанъ *Homme de fer* (*да, да! мы всѣ пойдемъ!*) и постановить тамъ временныя правила клуба. Для этого потребуется ежемѣсячный взносъ въ 50 сантимовъ. При этихъ словахъ между слушателями замѣтно колебаніе. На нѣкоторыхъ лицахъ появляется неудовольствіе. Ораторъ присовокупляетъ что деньги не требуется вносить тотчасъ же. Физіономіи проясняются. Клубъ будетъ избирать свое бюро ежемѣсячно. (*Нѣкоторыя возраженія.*) Одинъ гражданинъ замѣчаетъ что не слѣдуетъ избирать бюро на слишкомъ продолжительное время. Отъ этого возникаютъ котеріи, какія бывали у насъ даже здѣсь (*смѣхъ, взоры устремляются на президента, который потупляетъ глаза*), котеріи, которыя входятъ въ стачку между собою. (*Смѣхъ.*) Гражданинъ Ландекъ объявляетъ что онъ готовъ принять въ соображеніе это замѣчаніе. „Клубъ, сказалъ онъ, будетъ издавать свои протоколы и свой *капустный листъ* (газету) и какъ только возстановятся сношенія съ провинціей, онъ заведетъ тамъ свои отдѣленія, какъ поступало общество якобинцевъ, для довершенія политическаго воспитанія народа и обезпеченія торжества революціи.“ (*Одобреніе.*) Президентъ замѣчаетъ что можно было бы собраться въ самой залѣ для составленія клуба, и что совершенно безполезно тратить деньги въ ресторанѣ. Гражданинъ Ландекъ не безъ досады возражаетъ что денегъ тратить никто не думаетъ, и въ заключеніе рѣшаютъ собраться въ ресторанѣ *Homme de fer*.

Въ предшествовавшемъ засѣданіи собраніе утвердило *манифестъ*, который долженъ быть напечатанъ во множествѣ экземпляровъ и разосланъ по департаментамъ. Манифестъ этотъ

отправленъ былъ на одобреніе въ другіе клубы. Делегаты, на коихъ возложено было это порученіе, являются съ отвѣтомъ: въ Медицинской Школѣ, въ Юридической Школѣ, въ Марсельезѣ и даже въ Пассажѣ Жуффруа, они приняты были съ живѣйшею симпатіей; всѣ и каждый, говоритъ одинъ изъ нихъ, убѣждены въ своевременности манифеста. Все дѣло въ томъ чтобъ его налечатать и раздать. По этому поводу возникаютъ одушевленныя пренія. Нѣкоторые ораторы выражаютъ мнѣніе что необходимыя для того деньги слѣдуетъ собрать по подпискѣ, но гражданинъ Ландекъ, вѣчный гражданинъ Ландекъ, возстаетъ противъ такого способа. „Только коммуна, говоритъ онъ, имѣетъ достаточно средствъ для распространенія нашего манифеста какъ слѣдуетъ. Обратимся прежде всего къ коммунѣ. Частная подписка можетъ быть удовлетворительна въ обыкновенное время, но припомнимъ что мы находимся въ разгарѣ революціи, и что намъ необходимо во что̀ бы ни стало доставить торжество революціи (*рукоплесканія*).“ Мнѣніе гражданина Ландека по обыкновенію принимается и „коммиссіи“, назначенной въ началѣ засѣданія, поручается также потребовать отъ коммуны озаботиться расходами по напечатанію и распространенію манифеста.

Послѣднее сообщеніе. Гражданинъ Амуру (*ага!*) свидѣтельствуетъ свое почтеніе собранію, но такъ какъ его обязанности, какъ секретаря, задерживаютъ его въ коммунѣ, то онъ не можетъ сегодня явиться въ Залу Мольера. (*Знаки недовольствія, ропотъ, восклицанія:* „Всѣ они на одинъ покрой!“) Уже 12й часъ. Зала пустѣетъ. Гражданинъ Ландекъ съ живостію упрекаетъ президента что онъ не закрылъ собранія ранѣе и проситъ всѣхъ оставшихся налицо гражданъ послѣдовать за нимъ въ ресторанъ *Homme de fer*, чтобъ основать тамъ новый клубъ якобинцевъ.

Засѣданіе 23го апрѣля. Въ началѣ его делегаты клуба сообщаютъ отчетъ о возложенныхъ на нихъ порученіяхъ. Гражданинъ Мальи былъ въ консерваторіи *des arts et métiers*, которая была созвана въ два часа *республиканскою лигой правъ Парижа*. Онъ возвратился оттуда истомленный, уничтоженный. Никогда, несмотря на свою революціонную опытность, онъ не присутствовалъ при подобныхъ сценахъ. Толпа была огромная; собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ. Бо́льшая часть, не нашедшая себѣ мѣста въ залѣ, составила на дворѣ другое собраніе. Онъ прочиталъ сему послѣднему *манифестъ*, вызвавшій

общее одобреніе. Онъ намѣревался повторить то же и внутри залы, но тамъ „примирители“ приняли его далеко не миролюбиво. Президентъ, гражданинъ Тюро (*голосъ:* „не гражданинъ, а *господинъ* Тюро“), отказался признать его делегатомъ; онъ не пришелъ въ уныніе и потребовалъ чтобъ его записали въ число ораторовъ, а когда наступила его очередь, то онъ взошелъ на трибуну и проговорилъ два часа, несмотря на ролотъ „примирителей“ и даже на матеріальныя попытки выгнать его изъ залы собранія. Президентъ принялъ сторону его противниковъ (*ропотъ*); дошли почти до того что обвиняли оратора будто онъ уже десять лѣтъ состоитъ при полиціи. (*Это гнусно! Вотъ каковы примирители!*) „Десять лѣтъ тому назадъ, продолжалъ гражданинъ Мальи, я былъ въ Мельбурнѣ, граждане, въ пяти тысячахъ льё отсюда. Наконецъ я въ состояніи былъ прочесть манифестъ, потому что я настойчивъ, я потребовалъ чтобы собраніе выразило на него свое согласіе. Большинство поднялось съ мѣстъ, но бюро объявило испытаніе сомнительнымъ, затѣмъ, по предложенію одного изъ членовъ бюро, собраніе рѣшило что „хотя оно и одобряетъ манифестъ, но все-таки переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“. Я хотѣлъ настоять на своемъ, но тогда реакціонеры, а не примирители (*стыдъ*), почти стащили меня съ трибуны, гдѣ я бился около двухъ часовъ; я сказалъ имъ что они могли бы обойтись безъ насилія, и я удалился, ознакомившись вполнѣ съ „примирителями“ *des arts et métiers.*“

Рѣчь эта, произнесенная энергически, но голосомъ тяжелымъ и съ акцентомъ крайне грубымъ, объясняетъ до нѣкоторой степени тѣ матеріальныя попытки къ которымъ прибѣгли „примирители“ чтобъ избавиться отъ оратора.

Одинъ изъ делегатовъ отправленныхъ наканунѣ въ коммуну представляетъ отчетъ о результатѣ своей миссіи. Онъ и его товарищи были приняты гражданиномъ Амуру. (*Голосъ:* „Опять-таки Амуру! Почему же не вся коммуна?“ *Другой голосъ:* „Она не хочетъ побезпокоиться чтобы принять нашихъ делегатовъ!“) Амуру объясняетъ имъ что пушечные лафеты были сожжены по милости Прусаковъ, что теперь дѣлаются новые. (*Голосъ:* „Когда же? Все одни обѣщанія!“) Коммуна согласна съ клубомъ относительно необходимости устройства муниципальныхъ боень. Что касается до манифеста, то она его одобряетъ и поможетъ распространенію его всѣми зависящими отъ нея средствами, но не можетъ принять на себя

расходовъ по его напечатанію. (*Движеніе въ различномъ смыслѣ.*)

Гражданинъ Монтель, командиръ 76 баталіона, прибывшій изъ Нёльи, требуетъ слова. (*Общее вниманіе.*) „Нечего сказать, говоритъ онъ, время теперь составлять манифесты. (*Знаки удивленія; ропотъ.*) Къ чему намъ эти манифесты? Ахъ, граждане! Ужели вы всегда будете даваться въ обманъ этимъ хвастунамъ и вралямъ которые насъ отуманиваютъ громкими фразами? Ужели мы вдадимся въ жирондизмъ? Не фразами мы спасемъ революцію, а дѣйствіями. (*Правда!*) Необходимо принять рѣшительныя мѣры. Мы окружены врагами; въ Парижѣ множество реакціонеровъ, которые ждутъ только благопріятной минуты чтобы разстрѣлять васъ съ тылу (*правда!*) и которые, въ ожиданіи ея, пользуются слабостью коммуны и ея уваженіемъ къ законности чтобы деморализовать населеніе. Очень нужно заботиться о законности, когда гранаты и ящики съ картечью градомъ сыплются на Терны и Нёльи. (*Оглушительное браво!*) Необходимо чтобы коммуна умѣла принуждать къ исполненію своихъ декретовъ, вмѣсто того чтобы допускать реакціонеровъ водить себя за носъ. Необходимо чтобъ она задала страху Версальцамъ и ихъ парижскимъ сообщникамъ своею революціонною энергіей. Существуетъ одинъ человѣкъ, котораго теперь нѣтъ съ нами, человѣкъ который не довольствуется словами, а умѣетъ дѣйствовать, человѣкъ, который устроилъ 31е октября и 22е января. (*Голосъ*: „Бланки!“) Вы назвали его, да Бланки! И этого человѣка, этого мученика революціи, реакціонеры держатъ въ одной изъ своихъ тюремъ. Намъ нужно его! (*Намъ его не отдадутъ!*) Намъ онъ нуженъ и намъ его отдадутъ. Знаете что̀ надо сдѣлать? Пусть коммуна объявитъ версальскому правительству что Бланки долженъ быть возвращенъ намъ въ 24 часа, и что иначе падетъ голова архіепископа. (*Сильное движеніе. Громкія рукоплесканія.*) Но этого мало, продолжаетъ ораторъ; вѣдь только одна энергія можетъ спасти насъ. Въ Парижѣ 30.000 реакціонеровъ, состоящихъ въ заговорѣ съ Версалемъ. Пусть же похватаютъ ихъ и пусть потребуютъ отъ версальскихъ инсургентовъ чтобъ они покорились. Пусть дадутъ имъ 48 часовъ на размышленіе. Если по прошествіи этого срока они не сдадутся, то пусть отрубятъ головы десяти реакціонерамъ. (*Движеніе*). И пусть отошлютъ ихъ къ нимъ. (*Рукоплесканія. Нѣсколько возраженій. Голосъ*: „Онъ заходитъ

слишкомъ далеко!“ *Другой голосъ:* „Это полицейскій агентъ!“) Если это не подѣйствуетъ, пусть возобновятъ этотъ срокъ, отрубятъ еще десять головъ, и такъ далѣе до тѣхъ поръ пока эти разбойники не уступятъ. Противъ дикарей необходимо вести войну дикарей. (*Различныя движенія.*) Къ тому же, въ томъ положеніи до котораго мы дошли, граждане, только одна смѣлость можетъ спасти насъ. Намъ необходимы дантоновскія мѣры. (*Онъ правъ! Больше смѣлости! Не надо полумѣръ!*) Вамъ говорятъ что все идетъ хорошо, что мы каждый день подвигаемся впередъ. Кто это говоритъ? Валлесъ и другіе журналисты. Ну, я вамъ говорю, граждане, что всѣ журналисты лжецы! (*Громъ рукоплесканій.*) Газеты не иное что̀ какъ лавки (*правда*); онѣ занимаются только продажей и вотъ почему онѣ извѣщаютъ васъ о мнимыхъ побѣдахъ, продаваемыхъ ими по пяти сантимовъ за нумеръ. Былъ ли Валлесъ на аванпостахъ? (*Ироническій смѣхъ.*) Я былъ въ Нёльи и только что возвратился оттуда, но не видалъ его тамъ. Что̀ дѣлается въ Нёльи? Я разкажу вамъ. Тамъ идетъ дѣло точь въ точь какъ во времена Трошю. (*Движеніе.*) Тамъ занимаютъ позиціи, не заботясь чего онѣ сто́ятъ, а когда займутъ ихъ, знаете ли что̀ съ ними дѣлаютъ? Даже и не заботятся чтобъ ихъ сохранить. (*Новое движеніе.*) Ихъ просто оставляютъ.“ Ораторъ цитуетъ фактъ котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Взята была баррикада, и едва собрали трупы храбрецовъ завоевавшихъ ее, какъ данъ былъ приказъ удалиться. Зачѣмъ? Ораторъ спрашивалъ о томъ генерала Домбровскаго. Генералъ какъ будто сконфузился,—потомъ сказалъ что у него нѣтъ достаточнаго числа артиллеріи и людей, и что онъ опасается быть захваченнымъ съ фланговъ. Ораторъ энергически настаивалъ на своемъ требованіи. Наконецъ Домбровскій сказалъ ему: „Оставьте ее за собою, если хотите.“ Ораторъ не могъ исполнить этого приглашенія, и баррикада была оставлена на всю ночь. „Насъ спасло только то, продолжалъ онъ, что Версальцы трусы. Еслибъ они захотѣли, они не только могли бы ее взять обратно, но захватить весь штабъ и самого генерала, которые квартировали на оконечности нашихъ линій, ибо всѣ спали. (*Голосъ:* „А часовые?) Часовые были утомлены, и наконецъ склонились ко сну; перерѣзать ихъ не трудно, мы не ограждены отъ нападенія врасплохъ. (*Различныя движенія.*) У генерала, по его словамъ, было мало артиллеріи. Но въ пушкахъ нѣтъ недостатка, только ихъ не умѣютъ или не хотятъ употребить

въ дѣло.“ Ораторъ видѣлъ у воротъ Бино батарею, прислугу которой составляли бродяги въ лохмотьяхъ. (*Ропотъ.*) Ораторъ восклицаетъ что его не понимаютъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ лохмотьевъ, что есть отличные граждане въ лохмотьяхъ. Но то были бродяги стрѣлявшіе какъ попало. Цѣлый день къ тому же они были пьяны, пьяны какъ свиньи. Вотъ что̀ дѣлается съ вашею артиллеріей! Ораторъ не обвиняетъ генерала Домбровскаго въ измѣнѣ, но заявляетъ что генералы къ несчастію слишкомъ самолюбивы и самолюбію своему, не обинуясь, жертвуютъ жизнью патріотовъ. Генералъ упорно старается удержать Нёльи, тогда какъ можно сдѣлать только одно: запереться въ Парижѣ, который взять нельзя. Что касается до него, оратора, то онъ не намѣренъ далѣе жертвовать жизнью своихъ людей для сохраненія позиціи которая не служитъ ни на что̀, и объявляетъ что онъ откажется повиноваться приказаніямъ которыя, по его мнѣнію, противорѣчатъ общественному спасенію. (*Голосъ*: „А дисциплина?“) Ораторъ держится того мнѣнія что граждане не могутъ подчиняться отупляющей доктринѣ страдательнаго повиновенія, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ обсуждать приказанія генерала, и въ случаѣ надобности не исполнять ихъ, если на то есть основательныя причины. Впрочемъ то что̀ заявилъ въ клубѣ, онъ заявитъ и въ коммунѣ, которой представитъ свое донесеніе въ этотъ же вечеръ. (*Рукоплесканія. Возраженія.*)

Гражданинъ Ландекъ обращаетъ вниманіе на неудобства представляемыя сообщеніями въ родѣ тѣхъ которое сдѣлалъ гражданинъ Монтель. Здѣсь могутъ де быть версальскіе агенты. (При этихъ словахъ раздаются возгласы: „Правда! Зала полна шпіоновъ“. На всѣхъ скамьяхъ граждане посматриваютъ другъ на друга съ видомъ подозрѣнія). Онъ также не раздѣляетъ мнѣнія гражданина Монтеля и по вопросу о страдательномъ повиновеніи. „Что̀ можетъ сдѣлать гражданинъ Монтель, если капитаны его баталіона позволятъ себѣ обсуждать его приказанія и объявятъ ему что они пойдутъ направо, когда онъ командуетъ имъ идти налѣво? (*Гражданинъ Монтель*: „Это не одно и то же!“) Это совершенно одно и то же. Если баталіонные командиры позволятъ себѣ обсуждать приказанія генерала, то безпорядки водворятся въ арміи, какъ водворятся они въ баталіонѣ, если капитаны откажутся повиноваться баталіонному командиру. (*Рукоплесканія.*) Я не раздѣляю также мнѣнія гражданина Монтеля, продолжалъ ораторъ,

относительно обладанія Нёльи и другихъ позицій которыя мы сохраняемъ за собою внѣ ограды. Позиціи эти, говорятъ, мѣшаютъ намъ перейти въ наступательное положеніе противъ Версальцевъ, положимъ такъ! Но еслибы мы ихъ оставили, то Версальцы воспользовались бы ими противъ насъ; поставили бы тамъ батареи, которыя громили бы наши укрѣпленія." (*Монтель:* „Это не послужило бы имъ ни къ чему!")

Другой гражданинъ высказываетъ мнѣніе что баталіонному командиру не слѣдовало бы обвинять своего начальника въ клубѣ. Если Домбровскій неспособенъ или измѣняетъ, то его слѣдуетъ смѣстить или наказать, какъ смѣстили Бержре, но до тѣхъ поръ его подчиненные должны оказывать ему уваженіе. (*Движеніе въ различномъ смыслѣ.*)

Третій гражданинъ выражаетъ желаніе узнать достовѣрно, дѣйствительно ли гражданинъ Монтель былъ въ Нёльи и сражался тамъ. Монтель съ запальчивостью возражаетъ, называя иностранцемъ сдѣлавшаго такой нелѣпый вопросъ. Тотъ энергически возражаетъ, и въ залѣ поднимается страшный шумъ. Гражданинъ Монтель удаляется, наконецъ, для представленія своего рапорта коммунѣ.

Гражданинъ Ландекъ представляетъ собранію изобрѣтателя усовершенствованной пули, хватающей на 1.800 метровъ изъ простаго ружья и на 2.000 изъ нарѣзнаго, затѣмъ возвѣщаетъ что основанія „общиннаго клуба" были составлены наканунѣ на сходкѣ въ ресторанѣ *Homme de fer*, что 40 человѣкъ записались его основателями и что въ этотъ же вечеръ будетъ новая сходка для принятія новыхъ членовъ и для обсужденія программы этого клуба якобинцевъ революціи 1871 года.

Г.

ПО ПОВОДУ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Газеты возвѣстили намъ что послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстной подписки для памятника Пушкину. Какой органъ русской мысли и русскаго искусства можетъ не отозваться на это торжественное признаніе заслугъ нашего славнаго поэта? „Великіе художники, ученые мыслители, скажемъ мы вмѣстѣ съ *Московскими Вѣдомостями*, столько же прославляютъ свое отечество, также служатъ ему какъ великіе министры и полководцы, и Пушкинъ есть не только популярнѣйшій между русскими поэтами, но одинъ изъ самыхъ популярныхъ русскихъ людей вообще. Ароматъ его поэзіи вдыхали въ себя, вмѣстѣ съ воздухомъ, уже нѣсколько поколѣній; его культъ красоты и правды оставилъ неизгладимый слѣдъ въ нашемъ народномъ воспитаніи.“ Вотъ права его на нашу признательность. Поистинѣ справедливы и вѣщи слова его:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ
Что чувства добрыя въ немъ лирой возбуждалъ!...

Да, именно *добрыя* чувства возбуждалъ Пушкинъ въ своихъ читателяхъ. Это одна изъ самыхъ видныхъ особенностей его вліянія на послѣдовавшія поколѣнія. Литература можетъ дѣйствовать на умы людей двумя способами: одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ чтобъ указывать на темныя, неудовлетворительныя стороны жизни и общественной нравственности, преслѣдовать порокъ, осмѣивать слабости, критиковать тѣ формы общежитія которыя требуютъ обновленія, и

приготовлять умы къ принятію новыхъ; другой путь полезнаго дѣйствія литературы на общество состоитъ въ томъ чтобы художественнымъ изображеніемъ нравственныхъ добле-стей привлекать къ нимъ людей, вызывать къ жизни зачатки добра хранящіеся въ каждомъ сердцѣ, воспитывать присущее каждому человѣку чувство красоты, мѣры, гармоніи,— словомъ, облагороживать природу человѣка. Который изъ этихъ двухъ путей дѣйствія сильнѣе и благотворнѣе? Это трудно рѣшить. Въ различные моменты исторической жизни требуются различные способы дѣйствія; сильный и благородный гнѣвъ дѣйствуетъ иногда такъ же благотворно какъ сильная любовь; но при нормальномъ положеніи общества слишкомъ учащенное бичеванье помощію сатиры, какъ и всякое другое бичеванье, если и способствуетъ достиженію непосредственной цѣли, то неизбѣжно оставляетъ на днѣ сердца осадокъ желчи, который въ свою очередь требуетъ особаго лѣченія.

Сатирической струи, которая била съ такою силой у Гоголя, вовсе не замѣтно у Пушкина, и это ставится ему иными въ упрекъ. За то чтеніе его сочиненій, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, не производитъ ни малѣйшей горечи и не оставляетъ никакого тяжелаго чувства; напротивъ, оно освѣжаетъ и бодритъ духъ, какъ морская влага укрѣпляетъ усталое тѣло. Пушкинъ не возбуждалъ нетерпѣливыхъ желаній, не тревожилъ воображенія, не распалялъ страстей; онъ умирялъ и успокоивалъ; онъ лилъ елей на раны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не давалъ уснуть надеждамъ, не допускалъ отречься отъ идеаловъ. Не забудемъ что взросшее подъ его сѣнію поколѣніе есть то самое на плечахъ котораго совершился поворотъ отъ одного царствованія къ другому, которое разработало подробности великихъ преобразованій составляющихъ славу нашего времени, которое перенесло на себѣ всю неизбѣжную тяжесть этихъ преобразованій, которое много потрудилось, много пострадало и много, мы смѣемъ думать, сдѣлало для своихъ внуковъ. Люди этого поколѣнія не сошли еще со сцены; но если имъ и ничего болѣе не суждено сдѣлать, слѣдъ ихъ дѣятельности намѣченъ, и они смѣло могутъ стать предъ судомъ исторіи и сказать: мы тѣ которыхъ сильное, спокойное, трезвое и чудно-гармоническое слово Пушкина благословило на жизнь, терпѣніе и трудъ.

Нѣтъ сомнѣнія что люди этого поколѣнія съ любовью вспомнятъ теперь о вдохновенномъ лѣтунѣ своей молодости и по-

чтятъ его ламять сердечнымъ приношеніемъ. Онъ былъ для нихъ тѣмъ же чѣмъ Карамзинъ былъ для современниковъ Пушкина. Люди послѣдующихъ поколѣній не могутъ конечно имѣть въ этомъ отношеніи столь сильныхъ побужденій; между имѣющими особые взгляды на значеніе художества, литературы, народности могутъ быть и такіе которые даже съ полнымъ равнодушіемъ отнесутся къ заслугамъ и ламяти нашего поэта. Да и вообще что̀ такое популярность русскаго общественнаго дѣятеля! Что̀ значитъ она въ сравненіи съ популярностью публичнаго человѣка Англіи или Германіи! Далеко не наступило время о которомъ мечталъ Пушкинъ, говоря что нѣкогда станетъ читать его на Руси „всякъ сущій въ ней языкъ“; а за предѣлами Россіи.... Но за предѣлами Россіи начинаетъ обнаруживаться нѣчто такое чего Пушкинъ не предвидѣлъ и не предчувствовалъ. Если рѣчь его еще не коснулась слуха нашихъ инородцевъ, то за границей есть единоплеменники наши которые читаютъ и цѣнятъ его. Можетъ-быть между ними есть такіе которые нарочно выучились языку Пушкина чтобы читать его въ подлинникѣ. Что̀ нужды что политика наша не привлекаетъ къ Россіи сердца заграничныхъ Славянъ! Политика измѣняется согласно требованіямъ, условіямъ и прихотямъ минуты; но если русская рѣчь будетъ понятна интеллигенціи всего славянскаго міра, если между Москвой, Прагой, Львовомъ, Краковомъ и Бѣлградомъ установится дружественный обмѣнъ мыслей, знаній и нравственныхъ идеаловъ, то и политика рано или поздно должна будетъ подчиниться тому что въ настоящее время еще вызываетъ, подъ именемъ *славянской взаимности*, насмѣшливыя улыбки. Степень участія которое обнаружится между заграничными Славянами къ сооруженію памятника Пушкину будетъ имѣть въ глазахъ русскаго общества серіозное значеніе; степень этого участія укажетъ дѣлаетъ ли успѣхъ идея славянскаго единенія. Пожелаемъ же отъ души чтобъ образованные люди между западными и южными Славянами, къ какому бы подплемени и къ какой бы политической партіи они не принадлежали, почтили ламять нашего славнаго Пушкина.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

МИТРАЛЬЕЗА

ВЪ ВОЙНѢ

ЗА РЕАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать!

Гоголь.

О, Гомеръ! о, Виргилій! какъ вы счастливы что не живы и не читаете того что̀ имени вашего ради являетъ на свѣтъ Божій такъ-называемая *современная русская печать* въ видѣ статей въ защиту *общеобразовательнаго (не-реальнаго)* образованія!

Дергали, дергали васъ, бѣдные классики, на землѣ русской, то въ одну, то въ другую сторону, а теперь, когда одна часть общества хочетъ, наконецъ, дать вамъ пріютъ прочный и вѣрный, другая часть завопила съ яростію: вонъ, вонъ, мертвечина, все мертвечина, Гомеръ мертвецъ, Платонъ мертвецъ, Горацій мертвецъ (какая реальная истина!), давайте намъ живое, современное! И вотъ боги сжалились надъ нами. Яркимъ свѣтомъ озарилось русское небо, и на востокѣ его, салютованные криками *ура*, ракетами и баталь-

нымъ огнемъ нѣсколькихъ газетъ, величественно восходятъ современные, живые классики Россіи, ея великіе учители, ея мудрецы и просвѣтители, петербургскіе реалисты!

1го апрѣля, въ 9 часовъ утра, было то чудное мгновеніе, когда солнце озарило Россію, и не только Русь, но и вселенную! * № 4й *Вѣстника Европы* появился и въ немъ статья: *Наканунѣ реформъ въ народномъ просвѣщеніи*, помѣченная именно въ день ея появленія, то-есть *1мъ апрѣля* 1871 года, дабы міръ не могъ усомниться ни въ ея современности, ни въ ея истинѣ!

Все что̀ до этого чуднаго мгновенія писалось и читалось въ защиту *общеобразовательныхъ гимназій*, въ пику классическимъ, было бранчиво, было остроумно, было проникнуто патріотизмомъ, было и свѣтло, и убѣдительно, но страдало однимъ недостаткомъ: какою-то робостью.

1го же апрѣля явилась митральеза въ *Вѣстникѣ Европы*. Раненыхъ и убитыхъ классиковъ полны были улицы сѣверной столицы; въ классическихъ гимназіяхъ рвали себѣ волосы, били себя въ грудь какъ во дни плѣненія Вавилонскаго, матери лобызали дѣтей своихъ и обливая ихъ головки слезами восторга, скакали и играли, и въ *Вѣстникѣ Европы* встрѣчали новаго мессію, пришедшаго избавить дѣтей ихъ отъ смерти и тлѣнія.

А въ кружкахъ солидныхъ, тамъ гдѣ дѣти уже легли спать, милые супруги, отходя ко сну, или глубокомысленный мыслитель другому мыслителю, не менѣе глубокомысленному, говорили такъ: „А кто писалъ эту статью въ *Вѣстникѣ Европы*, какъ ты думаешь? Вотъ видно умный, а главное современный человѣкъ.“ Мужъ отвѣчаетъ женѣ, и мыслитель мыслителю: „Еще бы! я одного только не понимаю: какъ такого человѣка не назначатъ въ министры народнаго просвѣщенія; все у насъ кричатъ: людей нѣтъ, людей нѣтъ! Помилуйте, какъ нѣтъ? Вотъ они люди. Былъ бы я на мѣстѣ Государя, я сейчасъ послалъ бы узнать кто писалъ эту статью, и его сію же секунду назначилъ бы министромъ.“

А другой человѣчекъ даже вотъ что̀ разказывалъ: Черезъ три часа послѣ того какъ апрѣльская книжка появилась, всѣ министры собрались во едино изъ министерствъ, туда же прибыли и разные другіе дѣйствительные тайные совѣтники и генералы, и рѣшили такъ: классицизмъ, греческій и латинскій

---

* Это мы увидимъ ниже.

языки, все это вздоръ, *Вѣстникъ Европы* доказалъ это какъ никто, а потому надо просить министра народнаго просвѣщенія взять всѣ свои проекты назадъ и къ вечеру того же дня изготовить новые проекты общеобразовательныхъ гимназій, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) дѣти поступаютъ въ гимназіи десяти лѣтъ; 2) курсъ ученія—три года; 3) предметы обученія: математика, всѣ естественныя науки, медицина и хирургія, физика, химія, механика, астрономія и геологія, языки: французскій, нѣмецкій, англійскій, русскій, италіянскій и голландскій, географія, статистика, исторія, политическая экономія, философія и законъ Божій, если того пожелаютъ ученики; 4) право поступать въ университетъ безъ экзаменовъ, и 5) право въ ономъ учиться или не учиться, не подвергаясь никакимъ уже экзаменамъ до поступленія на государственную службу включительно. Проекты сіи должны быть представлены не позже 2го апрѣля въ редакцію *Вѣстника Европы* на обсужденіе. Но разказамъ этимъ вѣрить нельзя; это очевидно былъ вымыселъ происшедшій отъ *пассивнаго воспріятія произвольныхъ формъ* *, внушенныхъ человѣчку тому процессомъ *перевариванья лингвистическихъ окаменѣлостей* **, о которыхъ шла рѣчь въ геніальной статьѣ *Вѣстника Европы*.

Таково было событіе и таковы были его послѣдствія.

Но затѣмъ шутки въ сторону. Вопросъ о воспитаніи, правда, кажется не совсѣмъ шуточнымъ для Россіи. Есть люди и ихъ, полагать надо, не мало на Руси, которые этимъ вопросомъ интересуются. Слѣдовательно надо вѣдь говорить серіозно.

А серіозно говоря, знаете что̀ почтенные читатели? Вѣдь иное изъ того что̀ мы сказали выше, и что̀ показалось вамъ шуткой, весьма и весьма серіозно, иное же шутка.

Шутка, напримѣръ, то что появленіе *Вѣстника Европы* 1го апрѣля походило на восходъ солнца.

Серіозно то что 1) статья *Вѣстника Европы* подъ заглавіемъ: *Наканунѣ реформъ въ народномъ просвѣщеніи*, дѣйствительно можетъ быть сравнена, какъ мы сейчасъ покажемъ, съ митральезой французскаго изобрѣтенія, ибо подобно ей вы-

---

* Такъ называетъ общеобразовательный просвѣтитель *Вѣстника Европы* педагогическое дѣйствіе классицизма.

** Такъ называетъ онъ же классическое образованіе вообще. Помните, читатели, что сей великій мужъ идетъ впереди Европы, а потому не удивляйтесь. Коль Европа все это должна понять позже, то вамъ куда же понять, о Русскіе!

брасываетъ такое количество выстрѣловъ во всѣ стороны что становится невозможнымъ сосчитать ихъ, и, да извинитъ намъ авторъ сей статьи, она именно похожа на французскую митральезу во время минувшей войны.

2) Серіозно то что дѣйствительно многія матери нашихъ гимназистовъ съ восторгомъ приняли эту статью, и какъ въ ней такъ и въ подобныхъ ей статейкахъ видятъ спасеніе Россіи отъ нашествія, на этотъ разъ не двенадесяти, а двухъ мертвыхъ языкъ!

3) Серіозно то что та часть учащейся молодежи въ Россіи которая не успѣла еще, на гимназическихъ скамьяхъ, перерости основательностью знаній и логикой почтенныхъ нашихъ реалистовъ вообще и автора статьи *Вѣстника Европы* въ особенности, можетъ дѣйствительно быть сбита съ толку всѣми этими попытками спасать Россію отъ „лингвистическихъ окаменѣлостей“.

5) Наконецъ, и это самое важное, серіозно то что такая статья могла попасть въ *Вѣстникъ Европы* и перескочила изъ разряда остроумныхъ фельетоновъ въ область внутренняго обозрѣнія Россіи журнала значительно распространеннаго въ публикѣ, благодаря своимъ случайнымъ сотрудникамъ. Это доказываетъ очевидно желаніе журнала сдѣлать вопросъ о негодности классицизма въ дѣлѣ воспитанія доступнымъ и для той части публики которая театръ Берга предпочитаетъ всякому другому, и *Прекрасную Елену* находитъ современнѣе комедіи *Горе отъ ума*.

Вотъ это первый и важнѣйшій упрекъ съ которымъ я позволилъ себѣ обратиться къ *Вѣстнику Европы*. Занявъ мѣсто столь видное въ нашей журналистикѣ, *Вѣстникъ Европы* долженъ уважать самого себя, то-есть своихъ сотрудниковъ, и уважать серіозную публику, требующую доводовъ, аргументаціи, логики и знанія предметовъ о которыхъ идетъ рѣчь на той или другой страницѣ журнала. Подлищики *Вѣстника Европы*, къ которымъ принадлежитъ и пишущій эти строки, не въ правѣ сѣтовать что онъ не гуманистъ, но не могутъ, конечно, не считать себя обиженными тѣмъ что онъ ихъ принимаетъ или за десятилѣтнихъ мальчишекъ, или за идіотовъ, или за любителей театра Берга, и подъ предлогомъ вопроса о народномъ образованіи, заставляетъ читать остроумные и неостроумные доносы на г. Каткова и разныя другія умственныя паясничанья.

За симъ приступимъ къ предмету.

Кончая предисловіе, мы возопіемъ тако: О! еслибы гласность и свобода печати были у насъ *полныя*! Какъ хорошо было бы еслибы ло всѣмъ вопросамъ государственнымъ и общественнымъ давали такъ высказываться широко господамъ реалистамъ! Какъ скоро здравый смыслъ русскій воздалъ бы имъ должное!

ПОСВЯЩАЕТСЯ *ВѢСТНИКУ ЕВРОПЫ* И АВТОРУ СТАТЬИ: „НАКАНУНѢ РЕФОРМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ".

> Луна вѣдь обыкновенно дѣлается въ Гамбургѣ, и прескверно дѣлается. Дѣлаетъ ее хромой бочаръ, и видно что дуракъ, никакого понятія не имѣетъ о лунѣ.
>
> *Гоголь, Записки сумашедшаго.*

1. Главныя грѣхи нашихъ реалистовъ.

Знаете ли чѣмъ въ особенности грѣшитъ ваша статья?

Отсутствіемъ слѣдовъ—чего бы вы думали? развитія ума!

Знаете ли какая оттого для васъ невыгода?

А вотъ какая: вы не сумѣли *доказать* что реализмъ истина, а классицизмъ вздоръ!

Классическое образованіе, какъ вамъ извѣстно, усвоиваетъ извѣстные пріемы мышленія, которые въ свою очередь обладателю ихъ даютъ возможность доказывать извѣстный тезисъ такъ чтобы мысль вытекала изъ мысли послѣдовательно и связно, и чтобы, по окончаніи трактата о предметѣ, онъ оказался исчерпаннымъ, причемъ по мѣрѣ приближенія къ концу, сила доводовъ должна возрастать. У древнихъ классиковъ главная цензура мысли заключалась въ признаніи себя обязаннымъ слѣдовать извѣстнымъ законамъ и авторитетамъ логики, и въ то же время подражать извѣстнымъ идеаламъ красоты.

Цицеронъ умѣлъ доказывать, тогда какъ, увы! статья *Вѣстника Европы* грѣшитъ именно этимъ неумѣньемъ и повидимому стѣсняется только цензурой главнаго управленія по дѣламъ печати.

И вотъ когда мальчикъ и юноша въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ проходятъ собственными усиліями чрезъ міръ классиковъ греческихъ и римскихъ, они, сами того не замѣчая, стано-

вятся до того развитыми умственно что.... да простятъ намъ великіе реалисты!... не только могутъ доказать что наши доморощенные реалисты страдаютъ отсутствіемъ логики, но даже въ состояніи произнести подъ часъ правильный судъ надъ.... (страшно высказать; ну, ничего, смѣлымъ Богъ владѣетъ) Бюхнерами и К°. Это для нихъ не боги; то что̀ они говорятъ не поражаетъ ихъ новизной; все это такія же человѣческія мысли, на которыя въ умѣ развитомъ есть неистощимый запасъ отвѣтныхъ доводовъ.

Увы! вотъ этого-то и нѣтъ въ васъ, господа реалисты земли русской. Все что̀ вы прочтете въ современной книжкѣ, васъ поражаетъ новизной, а отсюда до представленія о себя творцомъ великихъ современныхъ идей, подвижникомъ мысли, одинъ только шагъ. Иные уже его сдѣлали, другіе собираются сдѣлать. Не пройдя никакой серіозной школы, вы все безразлично считаете правильнымъ мышленіемъ, вы всякую мысль, еще не бывавшую въ вашей головѣ, считаете научнымъ для себя пріобрѣтеніемъ. Оттого знаете что̀ происходитъ? Вы начинаете доказывать, и вдругъ, въ ту самую минуту когда всего нужнѣе сильный и дѣльный аргументъ, мысль, подобно дурной ниткѣ, обрывается, и не имѣя уже въ распоряженіи своемъ доводовъ, вы начинаете сердиться, браниться и клеветать, такъ что еслибы брань эта была не письменная, а словесная, вы вѣроятно давно уже дали бы волю и рукамъ....

2. *Какъ завелись и откуда завелись эти грѣхи.*

Гдѣ мысль выступаетъ на публичную сцену неподготовленною, тамъ не только съ каждымъ годомъ, а съ каждымъ мгновеніемъ она, не развиваясь вовсе, пріобрѣтаетъ только все бо́льшую смѣлость, и незамѣтно доходитъ до признанія себя самодержавною и неограниченною въ себѣ, а снаружи, то-есть въ публикѣ, стѣсненною только цензурными обстоятельствами.

Мысль эта отождествляетъ себя съ обществомъ и не допуская возраженій требуетъ чтобъ ее признали владычицей умственной жизни въ Россіи; эти безобразнѣйшія отношенія свои къ обществу и ко всему духовному міру она провозглашаетъ *торжествомъ современнаго умственнаго развитія человѣка!*

Откройте журналъ, откройте газету, откройте повѣсть, и во многихъ изъ нихъ вы увидите до какого хаоса можетъ дойти

мысль когда ее не подготовило къ дѣятельности серіозное образованіе.

Явленіе это было неизбѣжно какъ слутникъ того величайшаго общественнаго переворота, совершившагося въ Россіи въ эти 15 лѣтъ, предъ которымъ революція во Франціи ничтожное событіе.

Но еще неизбѣжнѣе то что̀ случается нынѣ. Задумывается и осуществляется такой проектъ воспитанія юношества въ Россіи благодаря которому высшее образованіе будетъ основано только на гимназическомъ классическомъ или серіозномъ подготовленіи, а среднее образованіе получитъ значеніе только подъ условіемъ его приложимости къ практической жизни. Средняго между сими двумя, то-есть того образованія которое должно воспитывать или *Тентетниковыхъ* или *нигилистовъ* не будетъ!

Время когда проектъ такого серіознаго образованія для русскаго юношества поступаетъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта есть тотъ моментъ когда невѣжество въ извѣстныхъ слояхъ нашего мыслящаго общества, съ одной стороны, начинаетъ устрашать другую часть этого общества, а съ другой стороны, довело многихъ изъ пишущей нашей братьи до послѣднихъ предѣловъ распущенности мысли. Все что̀ ничему серіозно не учившись люди могли высказать при цензурныхъ преградахъ, все то у насъ было высказано въ печати; начиная съ Бюхнера и кончая Чернышевскими и Помяловскими, всѣ мыслители перебывали царями русской мысли, всѣ были украшены вѣнцами мудрости и безсмертія. Горячка и бредъ, дойдя до послѣдней степени, начинаютъ затихать, но болѣзнь осталась, и не сегодня такъ завтра умственной жизни въ Россіи угрожалъ періодъ постепеннаго нравственнаго растлѣванія, еслибы многіе изъ насъ не опомнились.

Легко понять какъ много драматизма въ этомъ моментѣ для всѣхъ кому такъ дешево и такъ легко доставалось царе-ніе надъ русскою мыслью и званіе подвижниковъ ея подъ условіемъ всеобщаго невѣжества.

Въ этотъ моментъ однимъ угрожаетъ опасность быть свергнутыми съ престола умственныхъ вождей Россіи и представителей общественнаго мнѣнія, кѣмъ же? — мальчиками, которые порядочно учатся; другимъ предстоитъ сознаться что они ничего не знаютъ, и вмѣсто легкаго и соблазнительнаго ремесла, ничему не учившись, писать и учить другихъ, при-

няться за долгій и тяжелый трудъ ученія чтобы пріобрѣста право быть выслушиваемымъ.

Въ такой моментъ могутъ ли наши реалисты оставаться равнодушными?

3. Какъ пишется такая статья въ такую минуту.

Любаго изъ этихъ господъ какъ молнія поразила вѣсть что невѣжеству маскированному названіемъ: общечеловѣческое образованіе, грозитъ смерть. Блѣдный, раздраженный, испуганный этою вѣстью, онъ берется за перо ночью, когда все утихло; кругомъ его тѣни великихъ реалистовъ, включительно до Чернышевскаго, смотрятъ еще блѣднѣе, еще пораженнѣе чѣмъ онъ самъ; воображеніе видитъ восходящимъ на Руси цѣлое страшное поколѣніе крѣпкихъ молодыхъ людей серіозно и научно образованныхъ, университетъ рисуется уже не притономъ юношей ничего не дѣлающихъ, или ареной для диспутовъ, гдѣ диспутанты подъ часъ оказываются менѣе знающими чѣмъ гимназисты 4го класса, но святилищемъ науки, гдѣ молодежь учится, а не учитъ, а въ углу, гдѣ-то притаившись, русское общество, въ видѣ человѣчка съ доброю, но насмѣшливою улыбочкой, шепчетъ: „нѣтъ, батюшки, ужь мы васъ теперь въ грошъ не ставимъ, нѣтъ, хоть вы и умные люди, а ужь совсѣмъ не ученые, а намъ нужны умные и ученые.“ Все это ему видится, слышится, чуется, и вотъ садится онъ за столъ, беретъ перо въ руки, и говоритъ: „ну, голова, выручай,“ и голова начинаетъ по своему мыслить, а перо такъ и скрипитъ, скрипитъ, скрипитъ, пишетъ, пишетъ, безъ устали, а мысли одна за другою, то гдѣ-то прочитанная, то вскользь прослушанная, то вдругъ зародившаяся, такъ и искрятся: одна сильнѣе, другая слабѣе, одна безъ конца, другая безъ начала, здѣсь Катковъ, тутъ Вороновъ, тамъ Меженій Агриппа, потомъ г. Масе, потомъ опять Катковъ, здѣсь военный министръ, тамъ министръ внутреннихъ дѣлъ, за ними опять Катковъ, опять *Московскія Вѣдомости*, потомъ русское общество, патріотизмъ, Европа, Пруссія, Франція, г. Кремье; а часы пробили часъ, два, три, скрипъ продолжается: голова горитъ, разсудокъ раскаляется, мысль идетъ все быстрѣе, все несвязнѣе; между тѣмъ доводовъ все меньше и меньше..... трахъ, нить оборвалась.... опять сызнова, здѣсь повтореніе, тамъ повтореніе, мало, давайте цифры,

и цифры начали складываться; и этого мало, — перейдемте къ народнымъ училищамъ, возьмите покойнаго Ушинскаго: 7 часовъ утра; человѣкъ, даже пишущій для *Вѣстника Европы*, не Богъ; перо выпадаетъ изъ рукъ, злоба замираетъ на устахъ вмѣстѣ съ жизнью; сонъ одолѣлъ,—статья готова. Оказывается что начало сильно, либерально, широко, шумитъ набатомъ и кипитъ жизнью, а конецъ, Боже, какъ жидко: реальныя школы надо передать министру торговли.... ахъ нѣтъ, его еще нѣтъ.... министру финансовъ, и все?... нѣтъ.... а также министру внутреннихъ дѣлъ!

4. Странности статьи Вѣстника Европы.

Въ статьѣ *Вѣстника Европы* есть мысли серіозныя на видъ, мысли убѣждающія той категоріи людей которые ломать себѣ голову не охотники, а находятъ сподручнѣе вѣрить на-слово пишущему легко, бойко и остроумно. Но есть также мысли не только не серіозныя, а даже поражающія своею странностью.

Разберемъ ихъ по одиночкѣ, раздѣливъ на эти двѣ категоріи. Начинаемъ со странностей.

Первая странность, къ которой впрочемъ читатели привыкли, заключается въ томъ что статья начинается доносомъ на г. Каткова и канцелярію министра народнаго просвѣщенія въ томъ что они въ тайныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Почему же, спрашивается, этотъ извѣтъ доказываетъ несостоятельность классицизма и всѣхъ новыхъ проектовъ министерства народнаго просвѣщенія? Понятно что никто не знаетъ почему.

Вторая странность что въ этой статьѣ о реформахъ въ народномъ просвѣщеніи встрѣчается имя г. Каткова *22 раза*. Опять раждается вопросъ, да почему же это? Вопросъ все-таки остается неразрѣшеннымъ, ибо всякій гимназистъ знаетъ что г. Катковъ самъ по себѣ, а реформы въ народномъ просвѣщеніи сами по себѣ.

Третья странность. Петръ Великій, Ломоносовъ, Екатерининскіе люди не были классически образованы: зачѣмъ же намъ учиться по классическому методу? говоритъ авторъ статьи. Во-первыхъ является вопросъ: точно ли знаетъ почтенный авторъ статьи что Ломоносовъ не былъ классически образованъ? Во-вторыхъ, не знаемъ какъ почтенный публи-

цистъ на себя смотритъ, но мы грѣшные признаемъ себя, несмотря на всю свою современность, такими пигмеями сравнительно, не съ Петромъ I, съ которымъ сравнивать массу людей даже черезчуръ странно, а съ Екатерининскими людьми, что именно потому мы и жаждемъ и просимъ серіознаго образованія въ Россіи, въ надеждѣ что хотя этимъ путемъ мы дождемся Екатерининскихъ людей и въ наше время. * Впрочемъ если авторъ статьи берется намъ доставить хотя бы полсотню современныхъ реалистовъ похожихъ на Петра Великаго по уму, энергіи и любви къ Россіи, ну тогда мы всѣ, сколько ни есть насъ Русскихъ, должны отречься отъ классическаго образованія въ пользу реальнаго.

Четвертая странность, истекающая изъ третьей. Петръ Великій учился не классицизму, а кораблестроенію и плотничеству, выучилъ онъ не греческій языкъ, а голландскій, ergo и намъ нуженъ не классицизмъ, а реализмъ въ дѣлѣ обученія дѣтей.

Какъ бы ни была страна эта мысль, она доказываетъ одно только: что проектъ нашихъ реальныхъ школъ, предназначаемыхъ для средняго образованія, вѣроятно былъ бы одобренъ Петромъ Великимъ, ибо имѣетъ цѣлью воспитывать людей къ чему-нибудь *годныхъ*. Петръ I, какъ извѣстно, терпѣть не могъ то образованіе которое создавало *творцовъ въ пустотѣ*, или людей никуда негодныхъ.

Пятая странность замѣчательнѣе всѣхъ предыдущихъ. Мысль слѣдующая: какъ будто все что̀ есть у насъ должно быть въ Европѣ, и наоборотъ, какъ будто все что̀ есть въ Европѣ, должно быть у насъ. Очевидно, рѣчь идетъ о классицизмѣ; но вотъ какъ мысль сія развивается: „вѣдь есть же у насъ то чего въ Европѣ нѣтъ, Петербургскій жондъ, не открытый графомъ Муравьевымъ, почему же мы не можемъ обойтись безъ того что̀ въ Европѣ есть — то-есть безъ классицизма!“ Каковъ аргументъ? Вотъ что̀ называется классически излагать предметъ.

Отнынѣ реальные почитатели и подпищики *Вѣстника Европы* могутъ радоваться: имъ открытъ неистощимый запасъ аргументовъ противъ классицизма въ родѣ слѣдующихъ: вче-

---

* Къ тому же знаетъ ли авторъ статьи что многіе Екатерининскіе дѣятели были люди воспитанные классически?

ра въ два часа пополудни чихнулъ редакторъ *Вѣстника Европы* въ Петербургѣ, въ Европѣ же этого чиханія не было, слѣдовательно мы можемъ обзавестись реализмомъ въ гимназіяхъ, ибо въ Европѣ этого нѣтъ; или, въ Петербургѣ есть Невскій Проспектъ, а въ Европѣ его нѣтъ, слѣдовательно и т. д....

Но дѣло въ томъ что мы осмѣливаемся именно на этомъ аргументѣ остановить вниманіе читателей и сказать: а знаете ли вы что какъ бы страненъ ни былъ выводъ изъ перваго положенія, онъ не такъ шуточенъ, какъ кажется?—И вотъ почему: Есть ли въ Петербургѣ жондъ или его нѣтъ, это дѣло полиціи, а что въ Петербургѣ не мало нигилистовъ, не мало крупныхъ невѣждъ, не мало (*сравнительно*) журналовъ и газетъ черезчуръ въ извѣстномъ смыслѣ реальныхъ, это всякій знаетъ, и вотъ именно *этотъ-то фактъ*, вполнѣ несомнѣнный, есть сильнѣйшій доводъ за безусловную необходимость какъ классическаго идеальнаго образованія, такъ и реальнаго практическаго. Всякій благоразумный человѣкъ пойметъ что только этимъ путемъ, а не цензурой и не полицейскими мѣрами, можно покончить съ нигилизмомъ и съ роднымъ ему по духу реализмомъ создающимъ творцовъ въ области мысли.

Шестая странность въ видѣ двухъ предложеній, первое съ восклицательнымъ, а второе съ вопросительнымъ знаками. Первое: „Что̀ за бѣда что мы опередимъ Европу новою системой образованія юношества!“ Второе: „Пойдемъ ли мы туда куда идетъ Европа, или туда откуда она идетъ?“

Итакъ въ первомъ предложеніи *Вѣстникъ Европы* допускаетъ что Европа еще не рѣшилась окончательно разстаться съ классицизмомъ, а пока еще мямлитъ и медлитъ; чтобы разомъ спасти Европу и насъ, надо, по мнѣнію *Вѣстника*, намъ, то-есть Россіи, пойти впередъ и съ быстротой и рѣшимостію Александра Македонскаго разрубить современный Гордіевъ узелъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Прекрасно, но какъ это сдѣлать? *Вѣстникъ Европы* ежемѣсячно трубитъ о томъ насколько Европа образованнѣе насъ; основа же этого образованія—классицизмъ; онъ же, *Вѣстникъ Европы* этимъ самымъ свидѣтельствуетъ о нашемъ невѣжествѣ; какимъ же это чудомъ мы вдругъ очутимся впереди Европы въ образованіи, если она при классицизмѣ стократъ

образованіѣе насъ, и все-таки, несмотря на то, не сумѣла разрѣшить задачи, столь легко разрѣшаемой *Вѣстникомъ Европы*. Положимъ даже что на страницахъ его мы, въ случаѣ торжества мыслей *Вѣстника Европы*, очутились бы впереди Европы, вѣдь изъ этого еще не будетъ слѣдовать что мы дѣйствительно станемъ во главѣ всемірнаго образованія; напротивъ, очень можетъ быть что пока *Вѣстникъ Европы* будетъ салютовать нашъ переходъ отъ хвоста къ головѣ цивилизаціи, сама Европа будетъ говорить про насъ то что̀ теперь говорятъ про Францію: бѣдная Россія, не вѣдаетъ бо что̀ творитъ!

Второе предложеніе, въ видѣ вопроса, полно драматизма. *Вѣстникъ Европы* обращается къ Россіи, къ соединенному присутствію департаментовъ государственнаго совѣта и къ общему его собранію, и спрашиваетъ, величественнымъ жестомъ указывая на Европу: куда мы пойдемъ? „Туда ли куда идетъ Европа, или оттуда, *откуда* она выходитъ?“ Это *откуда она выходитъ* есть классическое образованіе, а это *туда куда она идетъ*, есть тотъ неизвѣстный міръ, куда *Вѣстникъ Европы* проникъ еще пока одинъ.*

Но тутъ, да извинитъ онъ намъ, мы ждемъ его съ серіозными возраженіями. Тутъ вѣдь дѣло идетъ о судьбѣ нашего государства; потолковать объ этомъ стоитъ.

5. Куда и откуда?

Куда идетъ Европа, откуда она выходитъ? вотъ вопросъ.

Отвѣчать разомъ, взирая на Европу огуломъ, нельзя, потому что Европа не стадо барановъ.

---

* Съ тѣхъ поръ какъ мы написали статью проникъ еще одинъ, г. Бекетовъ. Онъ ушелъ въ дремучій лѣсъ дальше, глубже и неустрашимѣе *Вѣстника Европы*. По его мнѣнію, классицизмъ въ гимназіяхъ очень легко замѣнить: внѣшнимъ образомъ греческій и латинскій языки въ теченіе семи лѣтъ замѣнятся „реальнымъ цикломъ“, а внутреннимъ образомъ процессъ духовнаго развитія, приписываемый классицизму, замѣнится „установленіемъ подчиненныхъ логическихъ понятій, начиная съ вида и рода, при одновременномъ ознакомленіи съ природой.“ Ну, и когда къ концу курса юноша добудетъ ту истину что человѣкъ есть видъ обезьяны, тогда онъ будетъ развитъ!

Въ ней очень рельефно все общество людей раздѣляется на три главныя массы.

Первая масса—люди высшихъ профессій и высшаго образованія, вторая—люди среднихъ (промышленныхъ) профессій и третья—люди начальнаго образованія. Затѣмъ остается разбродъ, пролетаріи всякаго рода.

Пролетаріи, что это значитъ? спросятъ насъ. Увы! да простятъ намъ наши реалисты нашу дерзость, къ этой-то категоріи принадлежатъ *такъ-называющіе себя современные люди всѣхъ націй, всѣхъ положеній, всѣхъ сословій.* Это люди безъ твердыхъ въ себѣ основъ; образованіе ихъ было недодѣлано, или введено искусственно въ противорѣчіе съ практическою жизнью; школа выпускаетъ ихъ въ жизнь не готовыми, не приспособленными къ ней. А такъ какъ жизнь общества передѣлаться для нихъ не можетъ, то они съ перваго же шага хотятъ передѣлывать общество для себя. Это люди ненавидящіе серіозное образованіе потому что его не имѣютъ, ненавидящіе богатство потому что оно добывается трудомъ, ненавидящіе мирный семейный очагъ потому что въ немъ нѣтъ страсти, ненавидящіе трудъ потому что онъ тяжелъ, словомъ, это люди ненавидящіе все то что общество создало искони вѣковъ какъ преграду своеволію человѣка и какъ условіе sine qua non той или другой формы общежитія. Люди эти безъ религіи проповѣдуютъ начала нравственности, безъ образованія врываются въ область науки и хотятъ ее подчинить современнымъ потребностямъ, безъ труда и заработковъ хотятъ равенства при деспотизмѣ коммуны, безъ понятій о семейной жизни кричатъ о правахъ женщинъ, и все это подъ предлогомъ что они піонеры какой-то современной общественной архитектуры!

Безспорно, голоса у этихъ пролетаріевъ бываютъ звонки, и ученіе ихъ соблазнительно для всякаго въ комъ нѣтъ твердыхъ принциповъ, соблазнительно потому именно что не требуетъ даже знанія азбуки, а обѣщаетъ все,—владычество надъ міромъ. Государство, гдѣ эта группа людей беретъ верхъ, то-есть гдѣ наука и общество, и правительство, начинаютъ колебаться и дѣлать уступки пролетаріямъ, неминуемо близится къ своему разложенію. Яснѣе примѣра Франціи быть не можетъ. Въ эти послѣдніе пятнадцать лѣтъ пролетаріатъ самый утонченный, самый безпринципный и самый циническій проникъ весь слой политической жизни этой бѣдной страны, принялъ всѣ формы, всѣ виды, всѣ названія.

Но безспорно и то что не въ одной Франціи сила этого пролетаріата велика. Англія озабочена имъ весьма серіозно, въ Германіи онъ начинаетъ волновать умы. Вотъ почему вопросъ куда пойдетъ Европа, а за нею и Россія, весьма умѣстенъ, только не въ примѣненіи къ той или другой системѣ воспитанія, а въ отношеніи къ той суммѣ здравыхъ силъ и нравственной стойкости которыя каждое государство сумѣетъ противопоставить напору пролетаріата во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ вопросахъ.

Государство которое приметъ крики и пристрастныя рѣчи отдѣльныхъ людей или партій за общественное мнѣніе, подъ предлогомъ что эти люди или партіи называютъ себя современными, государство которое согласится признать что науку должно опошлять и унижать въ угоду массамъ, а не массы возводить до науки, забывая что наука не можетъ дѣлать уступокъ невѣжеству, государство которое подъ предлогомъ реальнаго направленія раскроетъ университеты всякому и не посмѣетъ на этого всякаго наложить строгій цензъ серіознаго ученія, такое государство пойдетъ неминуемо по стопамъ Франціи.

Наоборотъ, государство которое никуда не пойдетъ, а дастъ пролетаріямъ кричать сколько ихъ душѣ угодно, не обращая на ихъ крики ни малѣйшаго вниманія, и напротивъ обезпечитъ наукѣ самостоятельность и серіозность, а обществу процессъ спокойнаго вырабатыванія жизненныхъ потребностей, съ условіемъ чтобы каждый членъ общества былъ *серіозно и практически воспитанъ*, такое государство имѣетъ предъ собою будущее.

Что же касается Россіи, то объ этомъ мы поговоримъ ниже, при разборѣ серіозныхъ на видъ мыслей статьи *Вѣстника Европы*.

6. Классическая Франція и реальная Германія. Классицизмъ похваленный реалистами.

Но вернемся къ странностямъ *Вѣстника Европы*.

Седьмая ширится на двухъ цѣлыхъ страницахъ и обнимаетъ собою ни болѣе, ни менѣе какъ цѣлый міръ мыслей. Тутъ, изволите видѣть, вотъ въ чемъ дѣло: требуется доказать что вовсе не классицизмъ повліялъ такъ благодѣтельно на Германію, а что-то другое, и доказавъ это, разомъ уничто-

жить противника. Какъ же доказать это, скажетъ читатель, когда всѣ знаютъ что классицизмъ во всей Германіи составляетъ суть воспитанія? А вотъ какъ; очень просто. Франція побита Германіей потому что первая просто классическая, а Германія только классическая на видъ, на самомъ же дѣлѣ воспитаніе въ ней чисто реальное. Каково? Мы ни іоты не прибавляемъ для краснаго словца! Мысль слишкомъ красна сама по себѣ! „Программы учебныя дѣйствительно классическія въ Германіи," продолжаетъ *Вѣстникъ Европы*, „но духъ „и направленіе умственнаго развитія въ Германіи чисто ре„альные; Нѣмецъ, окончивши курсъ классическаго ученія, кла„детъ въ сторону свои тетрадки и становится реалистомъ. А „Французъ, тотъ и послѣ классическаго ученія остается клас„сическимъ."

Но это еще не все. Мы идемъ crescendo вмѣстѣ съ *Вѣстникомъ Европы;* вонмемъ: „Духъ классицизма отрицаетъ идею труда, связывая съ ней понятіе объ униженіи, и замѣняетъ ее идеей славы". Это, изволите видѣть, отрицательное опредѣленіе духа классицизма; а вотъ и положительное: „Духъ классицизма есть духъ обществъ не имѣвшихъ ничего общаго съ современными идеями какъ о нравственности, такъ и о свободѣ."

Какая сатира могла бы злѣе и остроумнѣе изобличить то состояніе ума когда мысль хочетъ опредѣлять и доказывать то чего сама не понимаетъ!

Итакъ Французъ во всю свою жизнь остается вѣренъ классицизму! Даже болѣе того, имѣющій уши слышать, да слышитъ: *какъ революція 1793 года, такъ и революція 1848 года произведены классицизмомъ!* Объ этомъ свидѣтельствуютъ епископъ гангрскій и г. Кремье, однажды сцѣпившіеся въ словопреніи, къ великому удовольствію *Вѣстника Европы*. Къ этому колоссальному безсмыслію остается прибавить одно. Нынѣшнія парижскія событія тоже произведены классицизмомъ; Клюзере, Дюваль и вся парижская коммуна тоже классически обученные люди! И затѣмъ, во имя русскихъ консерваторовъ и органа ихъ, *Вѣстника Европы*, обратимся къ русскому правительственному міру со слѣдующимъ заявленіемъ: Боже сохрани отъ торжества классицизма въ нашей учебной системѣ, сейчасъ же будетъ революція въ Россіи! Тогда статья *Вѣстника Европы* будетъ по крайней мѣрѣ закончена въ своей нелѣпости.

Ну, а Германія, вѣдь она гораздо строже держится классицизма. Ахъ, Боже, какъ же вы не понимаете что Германія только учится классицизму, а духомъ она реальна! Впрочемъ, это, изволите видѣть, для печати только такъ! А сквозь строкъ читать надо: Ахъ, Боже, да этого-то мы и не хотимъ чтобы русское общество начинало серіозно образовываться подобно германскому, тогда вѣдь насъ уличили бы въ невѣжествѣ, и никто бы не сталъ уже говорить: вотъ образцовая статья о народномъ просвѣщеніи въ *Вѣстникѣ Европы!*

И дѣйствительно вѣдь такъ: спросите любаго Германца: что̀ можно сказать сильнѣе, какъ доводъ въ пользу классицизма, нежели то что̀ сказалъ *Вѣстникъ Европы*: пройдя девять лѣтъ классическаго курса гимназіи, Нѣмецъ кладетъ въ сторону тетрадки и становится дѣльнымъ гражданиномъ и труженикомъ вездѣ куда онъ входитъ! А у насъ первостатейный журналъ такой аргументъ выдаетъ за оружіе противъ классицизма и быть-можетъ кое-кого убѣждаетъ! Это своего рода открытіе Америки, только такимъ Колумбомъ который не подозрѣваетъ самъ что онъ ее открылъ!

Итакъ, если справедливо то что кончивъ классическій курсъ ученія, Нѣмецъ берется за всякій реальный трудъ, и берется дѣльно, то чрезъ это самое гигантская чепуха заключающаяся въ словахъ: „духъ классицизма отрицаетъ идею труда, связывал съ нею понятіе объ униженіи и замѣняетъ ее идеей славы“, будучи такъ же справедлива какъ то что *луна обыкновенно дѣлается въ Гамбургѣ*, рушится сама собою.

Этого-то намъ и нужно. Чтобы Русскій подобно Нѣмцу, по окончаніи классическаго курса гимназіи, становился реалистомъ. Тогда онъ будетъ реал—, а не нигил—истомъ!

Наконецъ что̀ сказать о фразѣ поражающей своимъ цинизмомъ, и заключающей въ себѣ, какъ мы сказали, положительное опредѣленіе классицизма: „Духъ классицизма есть духъ обществъ не имѣвшихъ ничего общаго съ современными идеями какъ о нравственности, такъ и свободѣ“?

Справедливѣе этого нельзя ничего придумать еслибы рѣчь шла опять же объ отстаиваніи классицизма.

Классическій міръ — это разъ навсегда добытое достояніе для исторіи цивилизаціи міра, столько же незыблемое и прочное, сколько полное жизни и красоты. Какихъ-либо особыхъ *современныхъ идей о нравственности вовсе нѣтъ*, а современ-

ныя идеи о свободѣ, именно потому что онѣ современны, всегда относительны, шатки и до нельзя разнообразны. Нравственность съ начала христіанства неизмѣнна, ибо она неотдѣлима отъ религіи, а если проповѣдникъ различія между нравственностью и христіанствомъ и считаетъ себя творцомъ и представителемъ идеи современной нравственности, или если самый безпринципный нигилистъ считаетъ себя тоже дѣятелемъ во имя современной нравственности, то это доказываетъ только что ни тотъ, ни другой не имѣютъ понятія о нравственности. Тоже и о свободѣ современной: дикое своеволіе страстей можно провозгласить современною свободой, поголовное избіеніе всѣхъ враговъ коммуны можно назвать дѣломъ современной цивилизаціи! Въ иную область вводитъ насъ классическій міръ. Міръ этотъ богатъ образами гражданской доблести, высокаго патріотизма, осмѣиваніемъ общечеловѣческихъ слабостей и презрительныхъ сторонъ общественной жизни, богатъ идеалами всегда живыми и совершенно полезными въ ту пору когда юноша задаетъ себѣ вопросъ: что̀ значитъ быть гражданиномъ?

Все это долженъ знать кто берется говорить о классицизмѣ, и вотъ именно потому что авторъ статьи *Вѣстника Европы* этого не знаетъ или знать не хочетъ, ему и приходитъ странная идея нападать на классицизмъ посредствомъ самаго сильнаго аргумента въ пользу классицизма.

Итакъ, повторимъ вмѣстѣ съ *Вѣстникомъ Европы:* 1) если мы хотимы чтобы Россію не постигла участь Франціи, мы должны избѣгать тщательно французской системы классическаго образованія юношества; 2) не имѣя болѣе разительнаго доказательства въ исторіи цивилизаціи міра того какихъ громадныхъ результатовъ силы и развитія можетъ достичь государство вводящее, подобно Германіи, классическое образованіе разумное и полное и притомъ безъ колебаній и сомнѣній, воспользуемся этимъ примѣромъ, и пока другой системы міръ выработать не успѣлъ, примѣнимъ ее и у насъ, столь же разумно, столь же полно и столь же твердо; и пожелаемъ чтобы русскій юноша, подобно германскому, окончивъ курсъ классической гимназіи, клалъ свои тетрадки въ сторону и затѣмъ, кончивъ курсъ университета, дѣлался реальнымъ дѣятелемъ въ любой области науки или на любомъ поприщѣ жизни.

7. *Любопытный силлогизмъ.*

Истощивъ, повидимому, запасъ странныхъ аргументовъ, авторъ взялъ да прямо бросился на г. Каткова. Учебная реформа проектированная въ настоящее время должна погубить Россію; она есть не что̀ де иное какъ *осуществленіе личной предилекціи г. Каткова къ классицизму.* Коротко и ясно и въ особенности удобно, ибо вопросъ поставленный на эту почву очень удобно разрѣшить для блага Россіи. Но какъ? спросятъ читатели.

Посредствомъ двухъ весьма несложныхъ силлогизмовъ.

1. Классическое образованіе есть предилекція г. Каткова. Читатели, вы терпѣть не можете г. Каткова. Слѣдовательно классическое образованіе—дрянь.

2. Общеувеселительныя реальныя гимназіи для поступленія въ университетъ суть предилекція наша (*Вѣстника Европы*). Читатели, вы насъ любите. Слѣдовательно устройте реальныя гимназіи по нашей программѣ, и Россія станетъ впереди Европы.

Вы видите какъ просто! Это *восьмая* странность.

8. *Голосъ съ того свѣта въ пользу гимназій военнаго министерства!*

Запасъ странностей не истощился. Покойный г. Ушинскій отдалъ сына своего въ военную гимназію! Ну такъ что̀ же? скажете вы. Вѣроятно имѣлъ на то свои основанія. Совсѣмъ нѣтъ; въ томъ-то и дѣло что вы слишкомъ легко на это смотрите! Г. Ушинскій потому отдалъ своего сына „что онъ, при всемъ своемъ уваженіи къ классицизму, нашелъ военную гимназію лучше классической“. Не знаемъ въ какой мѣрѣ уполномоченъ авторъ подавать голосъ за покойнаго г. Ушинскаго. Но пусть такъ. Въ чемъ же тутъ аргументъ противъ реформы имѣющей въ виду введеніе истинной классической методы, которую, по словамъ автора, такъ уважалъ г. Ушинскій? Читатель, ты не дальновиденъ. Вотъ что̀ говоритъ *Вѣстникъ Европы*: „Подобный примѣръ отца, и такого отца какъ покойный Ушинскій, говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій гдѣ наше общество въ послѣднее время болѣе разчитывало получить просвѣщеніе, и по счастливому стеченію

обстоятельствъ находило его именно въ учебномъ вѣдомствѣ военнаго министерства.“ Немного непонятно, въ особенности со слова „гдѣ“, но все-таки великолѣпно, какъ доводъ противъ классицизма!

Къ сожалѣнію авторъ забылъ 1) что ламять умершаго священна, и ею прикрывать паясничанія не совсѣмъ прилично, а 2) что г. Ушинскій отдалъ своего сына въ военную гимназію, конечно не для того чтобы дать случай пошлымъ образомъ польстить военному министру и генералъ-адъютанту Исакову.

Безспорно, очень лестно г. военному министру и начальнику военно-учебной части знать что *Вѣстникъ Европы* имъ покадилъ раза три, но читатели въ правѣ спросить себя какую аргументативную силу имѣютъ эти розмахи кадила на страницахъ журнала рвущагося заявить себя передовымъ.

Впрочемъ, самое кажденіе это довольно ехидно! Вѣдь *Вѣстнику Европы* приходится очевидно кадить такъ чтобъ и овцы были цѣлы и волки сыты, или, другими словами, чтобы не уронить свою популярность въ средѣ читателей, весьма естественно не любящихъ кажденіе чиновникамъ и сановникамъ на страницахъ журнала, а въ то же время сдѣлать пріятное одному министру и непріятное другому. Вслѣдствіе этого пишется такъ что по счастливому стеченію обстоятельствъ наше общество въ послѣднее время находитъ просвѣщеніе лучшее въ заведеніяхъ военнаго учебнаго вѣдомства. Очевидно что ужь если кадить, то причиной такого утѣшительнаго явленія должно быть не счастливое стеченіе обстоятельствъ, а само то вѣдомство которому нужно польстить!

Польстивъ военному вѣдомству, авторъ вспомнилъ: „ахъ, надо и министру внутреннихъ дѣлъ сказать что-нибудь пріятное,“ и ни съ того, ни съ сего прибавилъ двѣ строчки къ длинной своей статьѣ, въ видѣ предложенія подчинить реальныя или профессіональныя школы министру внутреннихъ дѣлъ одновременно съ министромъ финансовъ.

Почему же вы думаете что министерству внутреннихъ дѣлъ, имѣющему въ настоящее время громадную область обязанностей, будетъ особенно лестно и пріятно взять къ себѣ и реальныя школы? Отвѣтить трудно!

9. Еще одинъ аргументъ позабытый.

Вотъ крупнѣйшія странности статьи *Вѣстника Европы*. Мы опустили много другихъ, менѣе крупныхъ, какъ то: на-

именованіе Гомера и Виргилія лингвистическими окаменѣлостями, негодованіе насчетъ того что Латыша и Эста хотятъ учить русскому языку, а не нѣмецкому, и пр., и пр. Полагаемъ, впрочемъ, что и приведеннаго довольно чтобы дать понятіе о *лингвистическихъ эсивностяхъ*, испестрившихъ журналъ съ цѣлью отнять у Гомера и Виргилія вѣковое право учить юношей и замѣнить ихъ Аристогелями нашего времени! Но есть одинъ аргументъ о которомъ забылъ авторъ. Взгляните на Европу, какіе громадные успѣхи дѣлаютъ естественныя науки въ Германіи! А вѣдь всѣ эти успѣхи пріобрѣтаются кѣмъ же? учеными классически образованными. Другихъ ученыхъ еще въ Германіи не было.

10. Серіозныя на видъ мысли! И тутъ недодумано!

Теперь обратимся къ серіознымъ на видъ мыслямъ статьи *Вѣстника Европы*. Успокойтесь, читатели, ихъ весьма немного. Одна, двѣ, три, и только.

Вотъ первая. „Вопросъ о типѣ средняго образованія есть именно вопросъ объ умственномъ развитіи страны. Образованіе высшее не имѣетъ типа; оно спеціально. Типъ избранный для средняго образованія обусловливаетъ собою и направленіе низшаго образованія и уровень образованія высшаго, однимъ словомъ, опредѣляетъ собою типъ умственнаго развитія всего общества“.

Что типъ средняго образованія имѣетъ великое значеніе и обусловливаетъ уровень высшаго и направленіе низшаго образованія объ этомъ никто не споритъ, хотя должно прибавить что типомъ средняго образованія обусловливается не только уровень, но и направленіе высшаго образованія, а также не только направленіе, но и уровень низшаго. Но вопросъ именно въ томъ какимъ путемъ должно подготовляться юношество къ воспринятію высшаго образованія и какія средства должны быть открыты той массѣ молодаго поколѣнія которая не имѣетъ возможности дойти до высотъ науки, рано вступая въ практическую жизнь, но имѣетъ однакоже возможность пойти далѣе образованія низшаго.

Классическія гимназіи потому должны пользоваться исключительно правомъ выпускать окончившихъ курсъ въ университеты безъ экзаменовъ что имѣютъ цѣлью умственное развитіе молодыхъ людей именно для высшаго образованія.

Такого же права не могутъ имѣть среднія учебныя заведенія, предназначаемыя для тѣхъ кто не намѣрены проходить 12ти-лѣтняго курса ученія, и кому нужна практическая подготовка къ жизни, наука для немедленнаго ея примѣненія къ дѣлу; имѣя иное назначеніе чѣмъ гимназіи, эти среднія учебныя заведенія должны имѣть и иной характеръ.

Типъ средняго образованія тотъ и есть что должны быть среднія учебныя заведенія соотвѣтствующія этимъ двумъ потребностямъ.

Поднятіе умственнаго развитія въ Россіи есть одна изъ главныхъ государственныхъ цѣлей, говоритъ *Вѣстникъ Европы*. Совершенно справедливо: но дѣло въ томъ что умственный уровень страны поднимается тогда, когда наука въ высшемъ значеніи этого слова предлагается не мальчикамъ, а людямъ серіознымъ и зрѣлымъ, твердымъ въ принципахъ нравственности. Умственный уровень страны поднимается и тѣми средними учебными заведеніями которыя даютъ возможность окончившимъ ихъ курсъ размѣщаться по поприщамъ практической жизни, и быть полезными и способными дѣятелями не науки, не творчества, а жизни. Именно это и могутъ дать реальныя училища, подъ условіемъ не служить для перехода въ университетъ.

11. Классицизмъ противорѣчитъ исторической жизни Россіи!!!

Вторая серіозная на видъ мысль такова: несмотря на единичныя заявленія, русское общество положительно и единодушно не сочувствуетъ преобладанію классицизма въ нашемъ среднемъ образованіи; да и не можетъ, потому что такое направленіе идетъ противъ его исторической жизни и его насущныхъ потребностей.

Нельзя серіознѣе говорить. Проектъ классическихъ гимназій и реальныхъ школъ въ его настоящемъ видѣ идетъ наперекоръ исторической жизни нашего общества!

Митральеза бацнула!

Но и здѣсь надо дать разсѣяться дыму, пройти сотрясеніямъ воздуха отъ оглушительнаго треска удара, и затѣмъ съ трезвою, спокойною и хладнокровною мыслью подойти поближе и разсмотрѣть въ чемъ дѣло. Что̀ это за историческая жизнь нашего общества въ дѣлѣ народнаго образованія? Нѣтъ

ли тутъ чего-нибудь подозрительнаго, ибо смутно помнится что какой ни затрогивался вопросъ нашей внутренней государственной и народной жизни, компанія къ которой принадлежитъ *Вѣстникъ Европы* съ его сателлитами всегда стремилась доказывать что историческая жизнь въ Россіи есть крупный вздоръ, что все въ ней складывалось случайно, безъ участія народной мысли и національныхъ стремленій, что западная Европа должна быть нашимъ идеаломъ во всемъ и вездѣ. Вдругъ теперь, когда мы не на шутку хотимъ взять изъ Европы самое лучшее произведеніе ея вѣковыхъ усилій на поприщѣ цивилизаціи, ея серіозную воспитательную систему, *Вѣстникъ Европы* и компанія заволили объ исторической жизни нашего общества, идущей наперекоръ европейской системѣ образованія юношества.

Что-то не такъ.

Историческая жизнь есть процессъ послѣдовательнаго и постепеннаго развитія государства въ той или другой отрасли его политическаго существа. Въ дѣлѣ народнаго образованія у насъ и помину нѣтъ этого послѣдовательнаго и постепеннаго развитія. Своего народнаго образованія мы не выработали, европейскаго доселѣ пользовались обломками, верхушками, или даже негодными тамъ частями.

Но въ исторіи нашего образованія можно указать замѣчательный фактъ. Это твердое, систематическое, иногда замѣчательное по своимъ блестящимъ результатамъ развитіе духовнаго образованія, коего колыбель и центръ былъ Кіевъ, а потомъ Кіевъ и Москва.

Когда дѣды и прадѣды наши учились грамотѣ у поповъ или у приказныхъ, а потомъ въ кадетскихъ корпусахъ, или за границей, или въ пансіонахъ иностранцевъ-аферистовъ, до правильнаго образованія гимназій и университетовъ, духовная Кіевская академія, изъ вѣка въ вѣкъ неизмѣнно строго держась классической системы обученія, давала Россіи замѣчательно образованныхъ представителей епископскихъ каѳедръ и дѣятелей не только въ богословской, но во всѣхъ областяхъ науки и жизни. Тоже и другія училища церкви, дававшія людей крѣпкихъ и дѣльныхъ, хотя классическая система являлась въ этихъ училищахъ подъ покровомъ схоластики. Противъ этого факта трудно спорить, такъ какъ исторія нашей литературы и нашего гражданства о томъ свидѣтельствуютъ довольно краснорѣчиво.

Но въ сороковыхъ годахъ, реформа въ духѣ реализма коснулась духовныхъ заведеній. Классицизмъ изгнанъ изъ семинарій. Осталось чуть ли не по одному уроку греческаго и по одному латинскаго въ недѣлю. Древніе языки замѣнены естествовѣдѣніемъ и другими науками „реальнаго цикла“.

И вотъ вамъ дѣти новыхъ семинарій: Чернышевскіе *e tutti quanti*.

Немного прежде была сдѣлана попытка ввести классицизмъ въ наши гимназіи, по крайней мѣрѣ усилить его въ нихъ. Приступъ былъ робкій, но и слабые зачатки правильной системы принесли плодъ. По сознанію даже компаніи *Вѣстника Европы*, гимназія Уваровской эпохи стояла выше гимназій настоящаго времени, когда въ видахъ раакціи восторжествовало то самое реальное направленіе, отъ котораго теперь обѣщаютъ чудеса наши мнимо-либеральные совѣтчики.

Классицизмъ въ нашихъ гимназіяхъ упалъ послѣ 1848 года при подозрѣніи что именно онъ производитъ революціи во Франціи и въ Европѣ. Классицизмъ уволили въ безсрочный отпускъ, а приглашены были для замѣны его естественныя науки и совсѣмъ новая наука: шагистика. Вытягиванье носка, какъ средство оттягивающее кровь отъ мозга, было признано лучшимъ оберегателемъ консерватизма въ юношахъ.

Россія спаслась отъ революціи баррикадъ, которая ей и не угрожала, но не спаслась отъ ужасовъ Севастопольской драмы. Живаго оказалось только то что̀ умирало за отечество на бастіонахъ, а мертвою оказалась Россія во всѣхъ проявленіяхъ ея внутренней жизни. Героизмъ моряковъ и арміи не могъ помочь горю и бѣдѣ тамъ гдѣ кругомъ виновато было наше невѣжество.

Началась новая эпоха. Россія вошла въ періодъ самосознанія и возрожденія. Все ожило и задышало свободнѣй.

Наукѣ тоже развязали оковы. Но весьма понятное желаніе освободить науку и народное просвѣщеніе отъ гнета прежнихъ дней было такъ сильно что отодвинуло на второй планъ другую заботу: привести народное просвѣщеніе въ порядокъ, устроить наконецъ и разъ навсегда твердую разумную систему. Вдобавокъ пахнуло псевдо-либерализмомъ изъ той области управленія откуда надлежало изойти серіозному взгляду на науку и просвѣщеніе. Медленный ядъ примѣшался къ вызванному Крымской войной самообличенію....

Проходитъ годъ, проходитъ другой, и что̀ же? Въ одинъ прекрасный день мы просыпаемся и, о торжество, Россія прыгнула такъ впередъ съ одного розмаха что у насъ теперь есть сотнями не только образованные люди вообще, но законодатели, судьи, обличители, мудрецы, ученые, профессора безъ счету, граждане-творцы, словомъ все что̀ только самая прихотливая мысль вздумала бы потребовать.

Нигилизмъ родился на берегахъ Невы!

Ребенокъ приходившій въ міръ въ эти блаженные дни, прикладываясь къ груди матери чтобы не быть лозади отъ вѣка и не терять по пусту время, размышлялъ о томъ какія составныя части отличаютъ молоко женщины отъ млека коровы!

Дѣти, пососавши вдоволь, стали опредѣлять значеніе папаши и мамаши въ дѣлѣ воспитанія, и разумѣется прежде всего отняли у нихъ право баловаться розгами. Папаши и мамаши послушались и убѣдившись въ томъ что они отсталые, замолчали. Прекрасно. Освобожденныя дѣти отправились въ гимназію и тутъ объявили старымъ учителямъ, маршъ вонъ, мы будемъ сами назначать себѣ программы и сами будемъ себя учить; учителя робко пробормотали: нѣтъ ужь, милыя дѣти, позвольте намъ остаться, вѣдь мы пенсіонъ выслуживаемъ; клянемся, вы узнаете только то что̀ хотите. И вотъ милыя дѣти, понабравшись мудрости, раздѣлились на двѣ группы. Одна разбрелась по разнымъ уголкамъ земли Русской, гдѣ занялась обличеніемъ и отрицаніемъ. Другая группа ту же расправу творила въ университетѣ. Иные профессора съ любовью и страхомъ проводили съ ними время въ бесѣдахъ, но опять же отрицательныхъ. Другіе профессора, не современные, съ ужасомъ ложимали плечами и говорили только, но въ пустыхъ аудиторіяхъ: o tempora, o mores!

Но авангардъ передовой фаланги что-называется, пересолилъ; ему показалась арена университетовъ и гимназій черезчуръ тѣсною и захотѣлось перебраться на поприще болѣе широкое. „Ужь отрицать, такъ отрицать, такъ чтобъ и чертямъ было тошно,“ задумали они, и давай, благо человѣкъ есть обезьяна, все разрушать что̀ цѣло.

Тогда на многое раскрылись глаза. Зачинщики и создатели чепухи, какъ водится, со свойственнымъ имъ великодушіемъ упрятались, или кому слѣдуетъ поклонились въ ножки, поплатились несчастные юноши.

Кто виноватъ? виновато образованіе, говорятъ одни; виновато время, говорятъ другіе; виноваты родители, говорятъ третьи; виновата среда, говорятъ четвертые; виновата наука, говорятъ пятые.

Но что̀ бы ни говорили, мы будемъ повторять одно: виновато наше невѣжество. Виноваты мы всѣ, сколько насъ ни есть, но виноваты въ томъ что не поняли что чѣмъ свободнѣе время, чѣмъ болѣе подвигается жизнь впередъ, тѣмъ больше и серіознѣе надо учиться.

Но проснувшись что̀ же мы увидѣли?

На плечахъ богатырскихъ вынесли нѣсколько свѣтлыхъ головъ великія реформы и трудное время. Въ потѣ лица потрудились для Россіи эти нѣсколько избранныхъ, завѣщанныхъ прежнимъ временемъ. А Русская земля говоритъ: давайте людей, ихъ нѣтъ, а русскіе университеты говорятъ: давайте намъ профессоровъ, ихъ нѣтъ, а русскіе фабрики и заводы говорятъ: давайте намъ мастеровъ, ихъ нѣтъ, а русскія гимназіи говорятъ, давайте намъ учителей, ихъ нѣтъ; а Русскій народъ говоритъ: давайте намъ школы, ихъ нѣтъ, а русское общество говоритъ, давайте намъ таланты, ихъ нѣтъ, а русское государство говоритъ: давайте намъ геніевъ, ихъ нѣтъ.

Вотъ что̀ мы увидѣли! Вотъ что̀ сказала историческая жизнь Россіи.

Жизнь говоритъ: давайте мнѣ людей!

А люди говорятъ: давайте намъ жизнь, мы ее передѣлаемъ.

Что̀ же это за чепуха? Что̀ это значитъ?

А это значитъ что жизнь въ Россіи шла своимъ путемъ, историческимъ, а народное просвѣщеніе своимъ, безсвязнымъ, не историческимъ, переходя отъ случайности къ случайности.

Это значитъ что мы, замѣнивъ осадное положеніе науки и просвѣщенія періода до-севастопольскаго полнѣйшею распущенностью просвѣщенія, дошли до результатовъ еще худшихъ относительно невѣжества.

Это значитъ что мы захотѣли популярничать и вмѣсто того чтобы выдавать справедливый аттестатъ студенту или гимназисту, хлопотали о томъ чтобъ отъ этого студента или отъ этого гимназиста получить себѣ аттестатъ о современности; мы дорожили сто разъ больше одобрительнымъ отзывомъ фельетониста чѣмъ серіознымъ общественнымъ мнѣні-

емъ въ Россіи, не имѣющимъ ничего общаго съ этимъ фельетонистомъ.

Это значитъ наконецъ и то что̀ мы въ невѣжествѣ своемъ не знаемъ что есть въ мірѣ вещи которыми популярничать не подобаетъ, ни для современности, ни для прогресса, и что къ такимъ вещамъ всякое благоустроенное государство относитъ и науку и народное просвѣщеніе. Ничего нѣтъ легче и соблазнительнѣе какъ популярничанье именно ими, сто́итъ только объявить себя защитникомъ реальнаго образованія и общеобразовательной гимназіи, и за это получить похвальный листъ отъ *Вѣстника Европы*. А о томъ что̀ такое эта общеобразовательная гимназія, годна или не годна она, какое мнѣ дѣло, наши дѣти будутъ разхлебывать, но за то я прослыву современнымъ человѣкомъ.

Такъ разсуждали мы пятнадцать лѣтъ назадъ; ну теперь и разхлебывай кто хочетъ, а что понатершись въ нелѣпѣйшихъ гимназіяхъ, столько юношей погибло, столько ихъ испортилось, какое мнѣ дѣло: взбунтуются, я ихъ въ Сибирь, а не взбунтуются -- чортъ съ ними, пускай мрутъ съ голода; а я все-таки современный человѣкъ!

Такъ это вы называете, г. авторъ статьи *Вѣстника Европы*, историческою жизнью нашего образованія! Покорно васъ благодаримъ. Довольно намъ вашего творчества, вашего мастерства; мы учениковъ хотимъ, чтобъ изъ этихъ учениковъ вышли дѣльные люди, и еслибы не то что классицизмомъ, а палкой дровъ, но только серіозною и дѣльною надо было получать себѣ право вступать въ университетъ, мы бы и ее предпочли вашимъ общеобразовательнымъ гимназіямъ, обѣщающимъ все, и не дающимъ ровно ничего для примѣненія къ жизни.

И если такой исторической жизни народнаго просвѣщенія въ Россіи, безсвязной, безцѣльной, безсодержательной, нынѣшняя проектированная реформа идетъ наперекоръ, то повторяемъ, въ этомъ ея торжество, ибо значитъ она связана разумной идеей, она проникнута цѣлью, она основана на твердой и разумной системѣ!

12. Чудо совершенное авторомъ статьи Вѣстника Европы.

Но реалисты вообще, какъ извѣстно, народъ бойкій, народъ ни предъ чѣмъ не останавливающійся. Они не только подоб-

по Петру Великому, не учившемуся ни по гречески, ни по латыни, побываютъ сегодня въ Германіи, завтра въ Архангельскѣ, послѣ завтра въ Астрахани, но гораздо больше того надѣлаютъ чудесъ. Таково, напримѣръ, чудо совершенное авторомъ статьи *Вѣстника Европы*. Онъ обошелъ всѣ дома Россійской Имперіи, и въ каждомъ опросилъ по нѣсколькy встрѣтившихся ему жильцовъ; отъ всѣхъ этихъ встрѣчныхъ онъ услышалъ одно: полное несочувствіе къ преобладанію классицизма! Но нѣтъ! Совсѣмъ не то, извините читатели; чудо гораздо замѣчательнѣе! Оно происходило такъ. Авторъ статьи исходя изъ мысли что далеко за доказательствами несочувствія Россіи къ классицизму нечего ходить, тѣмъ болѣе что прогонныя деньги ему на такую хлопотливую поѣздку даже *Вѣстникъ Европы* и не далъ бы, сказалъ себѣ: дай-ка, благо я живу въ домѣ подъ № 17, войду въ № 19, встрѣчу тамъ вѣроятно дворника на дворѣ, швейцара на лѣстницѣ, зеленщика толкующаго съ какою-нибудь Охтенкой, или торговца старыми платьями, покупающаго протертый халатъ и изношенные сапоги, и каждаго опрошу такъ: ты братецъ, или сестричка, не сочувствуешь, ахъ извините, экій крѣпостникъ я въ самомъ дѣлѣ.... вы братецъ, или вы сестричка, вы не сочувствуете классицизму, не правда ли? „Мы-то? Да унеси ее лѣшій всю вашу мудренцию“. „Ну,“ сказалъ авторъ статьи, и легко стало на душѣ.* Собраніе дворника, швейцара, зеленщика, да Охтенки-молочницы, какъ первые встрѣчные, было допрошено, и въ одинъ мигъ превратилось въ Россію, да не то что въ простую какую-нибудь, безпринципную, да никуда не годную, гдѣ какого-нибудь Эста смѣетъ это дурачье русское учить по-русски, а въ Россію *національную*, съ правомъ голоса, да еще какого голоса, не то что какого-нибудь визгливаго, или робкаго, въ защиту какого-нибудь Латыша, желающаго быть Русскимъ, нѣтъ батюшки мои, голосища вѣскаго и рѣзкаго, такого что вотъ, вотъ сейчасъ такъ и сшибетъ классицизмъ и реальныя

---

* Толь-кочто вспомнили пропускъ нами сдѣланный. Не одни демократы были опрошены авторомъ статьи *Вѣстника Европы!* Нѣтъ! Онъ отправился по этажамъ гулять, и узналъ отъ великосвѣтскихъ мамашъ что онѣ изнурены изнуреніемъ сыновей въ классическихъ гимназіяхъ, а отъ одного чиновнаго человѣка — что классицизмъ вздоръ, потому де что онъ, чиновный господинъ, ничему ровно не учился, а все-таки считаетъ себя умнѣйшимъ человѣкомъ!

школы, да еще самого министра народнаго просвѣщенія прямо въ Лету!

13. Обходъ Россіи вслѣдъ за Вѣстникомъ Европы.

Итакъ нужно, по мнѣнію *Вѣстника Европы*, войти въ любой домъ и опросить первыхъ же встрѣчныхъ. Прекрасно, сдѣлаемъ это.

Пишущій эти строки твердо ручается за то что онъ въ послѣдніе годы входилъ въ гораздо большее число домовъ чѣмъ авторъ статьи *Вѣстника Европы*, да не въ Петербургѣ только, а въ Россіи. Удалось ему побывать въ шестнадцати губерніяхъ, за послѣднія шесть лѣтъ, удалось ему бесѣдовать съ людьми разныхъ положеній и вотъ что, безъ малѣйшаго опасенія быть опровергнутымъ, пишущій можетъ сказать на счетъ такъ-называемой потребности русскаго общества въ общечеловѣческой системѣ образованія.

За послѣдніе годы ни одна потребность общественная такъ рельефно не высказалась какъ потребность въ народномъ образованіи. Высказалась же она въ слѣдующихъ четырехъ главныхъ фактахъ:

1. Повсюду жалуются на крайній недостатокъ въ серіозныхъ и серіозно образованныхъ людяхъ. Не только сравненіе съ серіознымъ и серіозно образованнымъ человѣкомъ, но простой, здравый смыслъ русскаго человѣка, пріобрѣтшаго практикой мѣстной жизни въ губерніи то чего не дало ему образованіе, почти ежедневно изобличаютъ невѣжество значительной доли нашихъ такъ-называемыхъ дѣятелей перваго разряда, пріѣзжающихъ въ губернію изъ университетовъ, училища правовѣдѣнія, лицея и другихъ заведеній, браться за любую должность съ изумительною самоувѣренностью. Противъ этого факта врядъ ли кто станетъ протестовать въ Россіи.

2. Затѣмъ посѣтите любую фабрику, любой заводъ, сблизьтесь съ представителями любой отрасли нашихъ механическихъ производствъ, васъ поразитъ прежде всего полное недовѣріе русскихъ же заводчиковъ и фабрикантовъ къ молодымъ людямъ нашимъ соотечественникамъ, окончившимъ реальные курсы наукъ. Недовѣріе это происходитъ оттого что иные являются съ претензіей быть не учениками а учителями, реформаторами, творцами въ той области производства гдѣ они нужны, другіе же, увы! являются круглыми невѣждами въ томъ

дѣлѣ за которое берутся, наконецъ третьи являются доктринерами и проводниками соціальныхъ ученій для рабочаго населенія; и увы, только самый малый процентъ изъ массы такихъ реально-образованныхъ людей оказывается пригоднымъ къ практической жизни.

Это не шутка, а серіозный фактъ. При появленіи двухъ кандидатовъ на любое мѣсто въ реальной области, одного Нѣмца, другаго Русскаго, всякій Русскій, даже самый горячій патріотъ, даетъ предпочтеніе Нѣмцу, только потому что онъ знаетъ что Нѣмецъ не могъ получить диплома иначе, какъ серіозно окончивши курсъ наукъ.

Можетъ-быть вы и этому не вѣрите. Тогда остановитесь предъ другимъ фактомъ еще болѣе поразительнымъ. Ни въ одномъ государствѣ міра потребность въ дѣятеляхъ по всѣмъ отраслямъ жизни такъ не велика, какъ въ настоящее время въ Россіи; вслѣдствіе этого ни въ одномъ государствѣ такъ легко не зарабатываются деньги умственнымъ и механическимъ трудомъ, какъ у насъ въ Россіи. А между тѣмъ оказывается что ни въ одномъ государствѣ міра процентъ людей окончившихъ высшіе курсы наукъ и пристроившихся къ практической жизни такъ не малъ какъ у насъ въ Россіи.

3. Третій фактъ это то что̀ представляетъ намъ нынѣ міръ университетовъ и высшихъ образовательныхъ заведеній и то что̀ онъ выдаетъ за самую насущную потребность. На иные предметы, говорятъ университеты, профессоровъ вовсе нѣтъ, на другіе приходится призывать людей едва начавшихъ ученую дѣятельность! Оттого въ строгомъ смыслѣ нѣтъ науки, нѣтъ помину объ ученыхъ обществахъ, все аматеры, все дилеттанты.

Сомнѣваемся чтобы *Вѣстникъ Европы* рѣшился опровергнуть этотъ фактъ.

Наконецъ четвертый — это потребность народа, и именно крестьянскаго міра въ образованіи первоначальномъ.

Всѣ эти факты довольно крупны, не правда ли?

Но мы коснулись только потребностей такъ-сказать практическаго міра, опредѣляемыхъ цифрами.

А есть и потребность духовнаго міра, довольно громко и повсемѣстно высказывающаяся. Объѣзжайте хоть всю Россію, и вы услышите вотъ что̀: „Помилуйте, что̀ у насъ за бездарная, пустая литература, талантовъ нѣтъ, откроешь книгу, все нигилисты и реалисты въ видѣ героевъ, въ видѣ типовъ, все

женщины исковерканныя самымъ исковерканнымъ воображеніемъ, все сальности, все обличенія, всюду незнаніе жизни, отсутствіе поэзіи, невѣжество, презрѣніе къ прекрасному и высокому".

А господа реалисты и журналисты все это не называютъ голосомъ общества, государства, народа. Нѣтъ: какъ можно! *Вѣстникъ Европы* обходитъ въ одну ночь всю Россію, и вездѣ узнаетъ что общество и знать не хочетъ классическаго образованія!

14. Послѣдній выводъ изъ разлада литературы съ нынѣшнимъ обществомъ въ Россіи.

Итакъ что̀ же историческая жизнь Россіи послѣднихъ 150 лѣтъ выработала въ послѣднемъ своемъ итогѣ?

Фактъ замѣчательный, въ который сто́итъ вдуматься!

150 лѣтъ назадъ, Петръ Великій одинъ явился представителемъ потребности Россіи въ образованіи европейскомъ, и въ людяхъ образованныхъ. Общество протестовало. Въ отвѣтъ на потребность иностранцы выписываются въ Россію.

150 лѣтъ позже, вся образованная часть Россіи заявляетъ потребность въ европейскомъ образованіи и въ дѣльно образованныхъ русскихъ людяхъ; потребность эта является результатомъ внутренней жизни Россіи, и что̀ жь? Въ отвѣтъ на потребность, уже общественную, все-таки выписываютъ иностранцевъ и иностранныя учебныя пособія, но протестъ противъ потребности является уже не изъ общества, а изъ журналистики.

Что̀ же это за чепуха?

15. Проекты нынѣшней учебной реформы хороши тѣмъ что обѣщаютъ конецъ чепухи.

Итакъ Россія намъ говоритъ что намъ нужны серіозные и дѣльные люди; промышленность говоритъ что намъ нужны свѣдущіе практики во всѣхъ отрасляхъ и на всѣхъ ступеняхъ ея; университеты говорятъ намъ что намъ нужны ученые люди, народъ говоритъ что намъ нужны школы.

Что̀ значатъ эти слова? Они означаютъ что университеты не въ состояніи доставлять ни серіозныхъ людей, ни ученыхъ дѣятелей, они означаютъ и то что наши спеціальныя заведе-

нія техническія и не техническія не даютъ намъ хорошихъ дѣятелей въ области прикладныхъ и реальныхъ производствъ.

Въ отвѣтъ на такія заявленія сдѣланныя жизнью и опытомъ, увы, слишкомъ печальнымъ, что̀ дѣлаетъ министерство народнаго просвѣщенія? Оно задаетъ себѣ два вопроса: 1) что̀ дѣлаетъ Европа для полученія серіозныхъ людей въ жизни, ученыхъ въ наукѣ и дѣльныхъ практиковъ для всей области современной промышленности? и 2) нѣтъ ли иного способа, кромѣ европейскаго, удовлетворить потребностямъ Россіи?

На первый вопросъ оно получаетъ отвѣтъ всему міру извѣстный: подготовительное къ высшему научному образованію обученіе юношества подчиняется строгой классической программѣ (такъ какъ доселѣ Европа другой, не классической подготовительной къ высшему образованію системы не успѣла выработать) и мальчики достигшіе, долголѣтнимъ умственнымъ развитіемъ, возраста когда умъ въ состояніи приступить къ университетскому образованію, воспринимаютъ это высшее образованіе настолько прочно, что становятся по окончаніи университетскаго курса людьми серіозными, гражданами понимающими свое назначеніе.

Для удовлетворенія потребностей промышленнаго міра надо создавать реальныя училища, которыя должны давать настолько образованія, насколько оно нужно для примѣненія къ жизни, заботясь о томъ чтобъ изъ нихъ выходили дѣльные люди для всѣхъ ремеслъ, для всѣхъ производствъ, для всѣхъ среднихъ положеній въ жизни, и чтобы въ случаѣ желанія, всякій выходящій изъ ряда ученикъ могъ и продолжать свое образованіе въ той технической спеціальности въ которой онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе совершенствоваться.

Вотъ что̀ отвѣчаетъ Европа на первый вопросъ.

А на второй вопросъ отвѣтъ ясенъ и коротокъ: нѣтъ, говоритъ міръ, другаго способа удовлетворить потребностямъ Россіи никто не придумалъ.

Вслѣдствіе э того что̀ дѣлаетъ министерство?

Оно вырабатываетъ проектъ классическихъ гимназій и требуетъ чтобы только онѣ давали право поступать въ университетъ и готовиться въ дѣятели какъ государственные такъ и научные.

Оно вырабатываетъ проекты реальныхъ школъ, такъ что каждый призванный въ нихъ учиться неизбѣжно получитъ по окончаніи курса свой честный кусокъ хлѣба.

Чего же больше? А творцы? а мастера?

А творцы и мастера будутъ выходить или изъ университетовъ, прошедшіе классическій курсъ гимназій, или изъ высшихъ спеціальныхъ заведеній.

Другихъ творцовъ Россія не хочетъ, по той простой причинѣ что она дорого платится и горько плачется за нынѣшній дилеттантизмъ вездѣ гдѣ нужны серіозные люди.

16. Объединеніе начальства надъ учебными заведеніями не необходимо.

Не того желаетъ *Вѣстникъ Европы*. Ему сильно хочется изъять реальныя школы изъ вѣдѣнія народнаго просвѣщенія и отдать въ завѣдываніе министерства финансовъ, даже министерства внутреннихъ дѣлъ.

Почему же это ему хочется? Не постигаемъ. Неужели потому что ни то ни другое министерство не можетъ фактически наблюдать за обученіемъ въ этихъ реальныхъ школахъ, а министерство народнаго просвѣщенія не только можетъ, но и должно? Не думаемъ чтобъ изъ-за этого *Вѣстникъ Европы* хлопоталъ! А впрочемъ въ душу не влѣзешь не только журнала, но и человѣка. Можетъ-быть авторъ статьи разсуждаетъ такъ, изъ особенной страсти къ творчеству: авось, при слабомъ надзорѣ проскочатъ творцы въ области реализма, какъ проскакиваютъ они теперь въ нашихъ спеціальныхъ заведеніяхъ, не имѣющихъ въ сущности надъ собою надзора; ну а если начнутъ проскакивать, то какой же дуракъ пойдетъ въ классическую гимназію?

Нѣтъ, общество трезвыхъ людей въ Россіи,—мы убѣждены въ томъ,—найдетъ что мысль высказываемая *Вѣстникомъ Европы* о подчиненіи реальныхъ школъ министерствамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, будучи колоссальной несообразностью въ теоріи, на практикѣ повела бы къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ: тогда не на кого будетъ пѣнять если начнутъ разводиться по Россіи творцы въ родѣ тѣхъ которые теперь изгоняются изъ школъ земствами и изъ фабрикъ—фабрикантами.

Мы смѣемъ даже идти дальше. Мы знаемъ навѣрно, и кто этого не знаетъ, что извѣстный процентъ нашихъ учениковъ технологическаго института, земледѣльческой академіи, и другихъ спеціальныхъ высшихъ техническихъ заведеній

долго по выходѣ изъ заведеній тщетно ищутъ мѣстъ, по той простой причинѣ что въ стѣнахъ сихъ заведеній они гораздо болѣе занимались обличительною литературой и рефлексами чужаго а не своего мозга, чѣмъ науками. А причина этого явленія та что надзоръ за такими заведеніями принадлежитъ министерствамъ которыя не могутъ слѣдить за наукой и воспитаніемъ въ области сихъ заведеній.

Спеціальными заведеніями въ строгомъ смыслѣ относительно надзора и завѣдыванія ими должны быть одни только военныя.

Другихъ не должно быть, потому что въ остальныхъ главную роль играетъ наука, а за наукой могутъ слѣдить не чиновники, а ученые и знатоки практической сущности каждаго дѣла.

Вотъ почему смѣемъ думать что не только реальныя школы, но всѣ наши спеціальныя заведенія, начиная съ лицеевъ, Училища Правовѣдѣнія и кончая Петровскою академіей и Технологическимъ институтомъ пора было бы наконецъ соединить подъ общимъ завѣдываніемъ народнаго просвѣщенія.

Трудно предположить чтобы чиновники того или другаго вѣдомства, не учебнаго, могли наблюдать за тѣмъ какъ учатся и воспитываются ученики, правильно или неправильно.

Но не трудно, учредивъ въ каждомъ заведеніи совѣтъ изъученыхъ той области наукъ которой посвящено заведеніе и изъ экспертовъ по научной практической части, предоставить министерству народнаго просвѣщенія именно тотъ надзоръ для котораго оно создано: строгое наблюденіе въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи.

17. Заключеніе.

На этомъ пора и кончить.

Мы прежде всего хотѣли доказать нелѣпость аргументаціи въ статьѣ *Вѣстника Европы*.

Доказать это было нетрудно. Но затѣмъ мы сказали то въ чемъ были убѣждены: нелѣпость такой аргументаціи не есть случайность. Это признакъ времени. Статья *Вѣстника Европы* слишкомъ современна. Она исчадіе мысли дурно развитой въ общеобразовательной реальной гимназіи.

За то вотъ факты изъ исторіи образованнаго міра.

Всѣ великіе мыслители эпохи возрожденія во Франціи вышли изъ классической школы.

Всѣ великіе люди Англіи вышли оттуда же.

Всѣ великіе люди Германіи тоже классицисты.

Всѣ представители реальнаго цикла наукъ въ Германіи — воспитанники все той же общеевропейской классической школы.

Что же изъ всего этого вывести?

Что въ виду такихъ данныхъ, нельзя не дать предпочтенія классическому образованію предъ неклассическимъ. Полагаю что десятилѣтнее дитя скажетъ то же самое; классицизмъ вещь извѣстная, общеобразовательная реальная гимназія — вещь неизвѣстная въ Европѣ, но у насъ существовавшая и создавшая гору нелѣпостей. Какъ же послѣ этого не предпочесть того что во всякомъ случаѣ избавитъ насъ отъ нелѣпой публицистики!

А вотъ когда публицисты наши, прошедши чрезъ классическую гимназію и университетъ, съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой начнутъ дѣльно писать о реальномъ образованіи, тогда, какъ ихъ не послушать, какъ ихъ не уважать, какъ имъ не повѣрить! И вотъ поэтому-то, изъ-за надежды увидѣть государственныхъ людей—дѣльными, ученыхъ—дѣльными, студентовъ—дѣльными, публицистовъ—дѣльными, учителей—дѣльными, мы не можемъ не желать осуществленія твердой классической системы въ нашихъ гимназіяхъ.

Затѣмъ убѣдившись на опытѣ насколько и безполезны и вредны были для насъ общеобразовательныя гимназіи реальнаго направленія, мы желаемъ чтобъ отъ нихъ насъ избавили.

Зная насколько вся Россія во всѣхъ ея слояхъ нуждается исключительно въ образованіи практическомъ, мы не можемъ не сочувствовать реальнымъ училищамъ.

Наконецъ, и это чуть ли не важнѣе всей учебной реформы съ начала и до конца—надо, надо, и надо, для дѣйствительнаго возрожденія Россіи, гигантскихъ усилій и дружескаго единенія всѣхъ вѣдомствъ въ дѣлѣ *народнаго* образованія!

Такъ и хочется, обратиться къ автору статьи *Вѣстника Европы* со слѣдующими словами: Батюшка! Вы, которые такъ горячо стоите за образованіе народа, такъ хорошо знаете предилекцію военнаго вѣдомства къ реальному образованію, ну что бы вамъ стоило молвить словечко о томъ, напримѣръ, какъ хорошо было бы изъ 160 мил. въ годъ военнаго бюджета, ну.... хоть милліоновъ пятокъ удѣлить, любви къ русскому народу ради, на его образованіе. Вѣдь, право, въ военномъ

отношеніи мы бы не много потеряли, а за то сколько выиграли бы въ гражданскомъ! Вотъ такъ была бы услуга реальному образованію!

Да нѣтъ! Вы этого не скажете. Такая мысль—просто мысль, и ничего больше; хорошая или дурная, годная или негодная, это зависитъ отъ взгляда на нее. Но въ ней нѣтъ ни лести, иногда нужной, ни тѣхъ элементовъ которые, напримѣръ, горячатъ умы юношей, соблазняютъ ихъ воображеніе, увлекаютъ ихъ въ области несбыточныхъ мечтаній, удаляя отъ практическаго воззрѣнія на предметы, которые туманятъ и запутываютъ вопросы, разчитаны на популярность, и прочее, и прочее, что̀ иногда полезно тамъ гдѣ надо доказывать и проводить не то что̀ говоришь, а то что̀ думаешь.

РУССКІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Петербургъ, апрѣль 1871.

ДВА СЛОВА Г. МОРДОВЦЕВУ

Въ сентябрѣ минувшаго года мы напечатали замѣтку по поводу книги г. Мордовцева *Политическія движенія русскаго народа*. Мы говорили въ этой замѣткѣ что странно называть „политическими движеніями“ народа случайно привившіяся нѣкоторой его части соціальныя болѣзни, каковы бродяжничество, разбойничество и т. п.; мы говорили что атамановъ Брагина, Заметаева, Беркута ни одному человѣку понимающему значеніе словъ не придетъ въ голову назвать „политическими“ людьми Россіи. Мы возражали противъ нелѣпаго, хотя и довольно распространеннаго у насъ обычая называть „народомъ“ только одну изъ составныхъ частей этого коллективнаго цѣлаго, и притомъ часть именно самую непросвѣщенную. Мы указали и доказали при этомъ что г. Мордовцевъ совсѣмъ не знакомъ съ литературой гайдамачины, изображенію которой онъ посвятилъ цѣлый томъ. Слишкомъ шесть мѣсяцевъ г. Мордовцевъ писалъ отвѣтъ на нашу замѣтку и наконецъ онъ написалъ этотъ отвѣтъ (см. № 3й *Отеч. Зап.* нынѣшняго года),—отвѣтъ очень длинный и очень злой, хотя въ полгода можно бы написать и еще больше, и хоть еще болѣе злости могло бы накипѣть у человѣка публично уличеннаго въ незнаніи дѣла и въ совершенно фальшивой постановкѣ вопросовъ или же въ послѣдованіи никуда негоднымъ теоріямъ.

Что же пишетъ г. Мордовцевъ въ своемъ длинномъ, очень длинномъ отвѣтѣ? Онъ свидѣтельствуетъ что всѣ невыгод-

ные для него выводы извлеченные нами изъ его статей и изслѣдованій совершенно вѣрны и что онъ проповѣдуетъ нелѣпость сознательно. Онъ подтверждаетъ съ самодовольствомъ что не представители цивилизаціи въ Россіи, а представители грубыхъ инстинктовъ суть истинные народные герои, что настоящій историкъ „народа“ въ Россіи можетъ интересоваться только есаулами да атаманами разбойничьихъ шаекъ, что цивилизованною частію націи способны заниматься лишь „историки стараго пошиба“, что это „казенщина“ и что какъ только русскій человѣкъ вышелъ изъ состоянія невѣжества, онъ тотчасъ же становится чѣмъ вамъ угодно: Французомъ, Нѣмцемъ, Китайцемъ, только не Русскимъ, такъ какъ, — выводъ неизбѣжный,—природное свойство Русскаго—оставаться внѣ всемірной цивилизаціи. Все это, говоритъ побѣдоносно г. Мордовцевъ, написано въ извѣстныхъ ему и неизвѣстныхъ намъ книжкахъ... Хорошія должно-быть эти книжки! Но на мысляхъ нахватанныхъ въ этихъ книжкахъ г. Мордовцевъ построилъ цѣлую теорію. „Народъ“ поетъ про Стеньку Разина, про атамана Беркута, про атаманшу Груню,—слѣдовательно Стенька, Беркутъ и Груня народные герои, говоритъ нашъ философъ. Но еслибъ онъ имѣлъ привычку читать то что̀ касается до предмета его изслѣдованій, напримѣръ народныя пѣсни собранныя серіозными людьми, а не подобранныя Богъ знаетъ кѣмъ и для чего, то зналъ бы что этотъ же самый „народъ“,—спеціальный народъ г. Мордовцева,—сложилъ гораздо болѣе пѣсенъ о Петрѣ Великомъ и объ Иванѣ Грозномъ чѣмъ о волжскихъ разбойникахъ; еслибы г. Мордовцевъ не виталъ въ чаду напущенномъ извѣстными ему умными книжками, а жилъ бы посреди живыхъ людей и реальнаго міра, то зналъ бы что трактирные половые, мѣщанки и крестьяне, — тоже слѣдовательно „народъ“,—жертвуютъ гривны и даже рубли на памятникъ Пушкину, между тѣмъ какъ на памятникъ Стенькѣ Разину, еслибы г. Мордовцеву удалось предложить на него подписку, едва ли пожертвована была бы хоть одна трудовая копѣйка.

Сказаннаго достаточно чтобы читатели поняли на какихъ твердыхъ основаніяхъ стоятъ теоріи г. Мордовцева. Посмотримъ теперь его діалектику. Считая себя обязаннымъ „основательно объясниться“ съ нами по поводу нашей Замѣтки и доказать что эпитетъ „политическій“ былъ употребленъ

имъ не напрасно, онъ говоритъ что разбои на Волгѣ, *точно такъ же* (замѣтьте!) какъ война 1812 года и послѣдняя война между Франціей и Германіей, суть несомнѣнно.... *„движенія стихійныя“*.... „Такимъ образомъ, говоритъ онъ на стр. 124, мы приходимъ къ неизбѣжному заключенію что массовыя народныя движенія слѣдуетъ назвать *стихійными“*.... Но въ такомъ случаѣ одно изъ двухъ: или „стихійный“ и „политическій“ значитъ одно и то же, (а въ такомъ случаѣ почему не сказать что бѣлый и черный—все равно) или г. Мордовцевъ есть одинъ изъ тѣхъ діалектиковъ про которыхъ народъ сложилъ поговорку: „мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову.“ Впрочемъ желающихъ познакомиться ближе съ послѣдовательностію и логичностію нашего *Пѣвца во станѣ русскихъ разбойниковъ*, мы приглашаемъ обратиться къ самой статьѣ его, или же, что̀ несомнѣнно увеселительнѣе, прочесть главу изъ романа г. Лѣскова о *сюсюкающемъ* почтмейстерѣ, который хотѣлъ сказать губернаторшѣ что ей прислали *брошку*, а сказалъ что ей прислали *блошку*.

Пѣвецъ Заметаевыхъ и Брагиныхъ довольно ловокъ однако чтобъ утаить отъ своихъ читателей объ указаніяхъ нашихъ на фактическіе его промахи, которыхъ мы насчитали не менѣе двадцати, хотя далеко не всю его книгу о гайдамачинѣ повѣряли по источникамъ. Подлищики *Отечественныхъ Записокъ* могутъ слѣдовательно почитать г. Мордовцева неуязвимымъ на почвѣ его спеціальности, и мы никакъ не надѣемся разувѣрить ихъ; но наши читатели знаютъ чего сто́итъ его ученость; они знаютъ что г. Мордовцевъ не имѣетъ понятія о единственномъ источникѣ касательно архимандрита Мельхиседека, котораго онъ признаетъ однако главнымъ двигателемъ коліевщины, о которой написалъ чуть не цѣлый томъ; что онъ не видалъ и въ глаза актовъ Кіевской археографической коммиссіи, издавая спеціальное сочиненіе о юго-западномъ краѣ. Теперь посмотримъ его добросовѣстность—качество конечно не лишнее для историка. Утверждая (можетъ-быть и не безъ основанія) что П. Щ. и П. Щебальскій есть одно и то же лицо и стараясь достать втораго тамъ гдѣ не можетъ достать перваго, г. Мордовцевъ выписываетъ изъ каталога г. Межова (*Литература русской исторіи*) заглавія сочиненій г. Щебальскаго съ тѣмъ чтобы доказать что онъ занимается исключительно „королями, князьями, графами и генералами“; а такъ какъ пиша о русской исторіи слѣдуетъ

обходить князей, графовъ и генераловъ, какъ людей не русскихъ и не имѣвшихъ ни малѣйшаго вліянія на событія Русской земли, то г. Мордовцевъ называетъ его „историческимъ камеръ-юнкеромъ“,—названіе, надо думать,весьма бранное по его лексикону но почему же онъ пропустилъ въ каталогѣ г. Межова сочиненіе г. Щебальскаго *Народныя движенія въ Подоліи и на Волыни*, значащееся подъ № 1.298, и *Черты изъ народной жизни*, значащееся подъ № 1.225, изъ коихъ содержаніе перваго составляетъ предметъ и его собственныхъ, г. Мордовцева, изслѣдованій? Не съ такою ли же добросовѣстностію историкъ русскихъ разбойниковъ дѣлаетъ выписки и изъ историческихъ матеріаловъ для своихъ монографій? Составляя свою статью о Пугачевѣ, онъ зналъ что г. Щебальскимъ было написано изслѣдованіе объ этомъ самозванцѣ и даже отдавалъ этому изслѣдованію преимущество предъ всѣми прочими касавшимися того же предмета: какъ же случилось что теперь онъ забылъ о немъ и утверждаетъ что г. Щебальскій удостоиваетъ своего вниманія только „князей, графовъ и генераловъ?“ Не такъ ли же основательны, вѣрны и добросовѣстны и тѣ выводы которые г. Мордовцевъ дѣлаетъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ? Кто дѣлаетъ сознательно пропуски въ каталогахъ, тотъ можетъ дѣлать сознательно пропуски въ лѣтописяхъ, мемуарахъ, офиціальныхъ актахъ и другихъ историческихъ источникахъ; кто сознательно извращаетъ дѣйствія живыхъ людей, тотъ станетъ ли церемониться съ мертвыми?

Да и предъ чѣмъ церемонится Гомеръ Заметаева! Мы выписали заглавіе послѣдней части его *Монографій*, по поводу которой собственно и повели о нихъ рѣчь. На оберткѣ этой книги значится: „*Политическія движенія русскаго народа. ГайдОмачина.*“ Это заглавіе скопировано съ буквальною точностію, а г. Мордовцевъ увѣряетъ своихъ читателей что мы на него клевещемъ, что этой смѣшной опечатки,—которой мы впрочемъ и не придавали значенія,—не существуетъ, и что поэтому онъ позволилъ себѣ въ отношеніи къ намъ „тонъ нѣкоторой безцеремонности“. Читатели *Отечественныхъ Записокъ* могутъ конечно и въ этомъ повѣрить г. Мордовцеву; они могутъ его почитать столько же ученымъ и глубокомысленнымъ, сколько остроумнымъ и добросовѣстнымъ; они могутъ благоговѣть предъ его историческими познаніями и трепетать предъ его

полемическими перунами; но пусть читатели *Русскаго Вѣстника* знаютъ что г. Мордовцевъ, полгода размышляя надъ отвѣтомъ на нашу Замѣтку и рѣшившись уличать людей въ подлогѣ, не далъ себѣ труда взглянуть на обертку своей собственной книги *.

П. Щ.

---

* Видѣнные нами экземпляры сочиненія о которомъ говоритъ г. П. Щ. равно какъ и тотъ который имѣется въ Редакціи *Русскаго Вѣстника* дѣйствительно озаглавлены на оберткѣ *ГайдаОмачина. Ред.*

ТЕКУЩІЯ ЗАМѢТКИ

I.

Начало года застало общество еще сильно взволнованнымъ происходившею на Западѣ войной, обратившеюся подъ конецъ въ безпощадную, кровопролитную бойню. Какъ не отдаленными могли казаться для насъ интересы затронутые Франко-Прусскою распрей, тѣмъ не менѣе уже къ началу 1871 года стало ясно какъ на первыхъ же порахъ она должна отразиться на нашемъ обществѣ. Небывалые успѣхи Германіи, какъ равно и небывалыя несчастія Франціи, не могли пройти безслѣдно. Они произошли отъ весьма поучительныхъ причинъ, изученіе которыхъ должно было вызвать въ насъ, съ одной стороны, подражаніе, съ другой—желаніе избѣжать сдѣланныхъ уже другими промаховъ. Вопросъ о реформѣ воинской повинности и преобразованіи арміи, и усиленное сознаніе необходимости лучшей организаціи нашего народнаго образованія, вотъ два важнѣйшія слѣдствія принесенныя намъ войной на Западѣ.

Въ январѣ открыты уже были военнымъ министромъ двѣ коммиссіи, на которыя возложено выработать проектъ воинской реформы. Одна, о воинской повинности, открыта 5го, а другая, о реорганизаціи арміи, 8го января. О работахъ этихъ коммиссій, къ сожалѣнію, публика почти ничего не знаетъ. Извѣстно только что первая разбилась на четыре, а вторая на восемь отдѣловъ, а также что эти отдѣлы приступили къ собиранію различныхъ матеріаловъ. Кромѣ того изъ опубли-

кованной Высочайше утвержденной программы, данной въ руководство означеннымъ коммиссіямъ, а отчасти и изъ рѣчей генералъ-адъютанта Милютина, произнесенныхъ при открытіи ихъ, общество могло вынести успокоительное заключеніе что интересы образованія не будутъ принесены въ жертву увеличенію воинской силы, которая не можетъ быть крѣпка одною физическою стороной. Но это заключеніе весьма рельефно подтверждается и слѣдующими простыми цифровыми соображеніями. Если, какъ слышно, численность *постоянной* арміи и флота будетъ опредѣлена въ 800.000 человѣкъ, то при проектированномъ военнымъ министромъ *семильтнемъ* срокѣ дѣйствительной службы (изъ коихъ два послѣдніе года во временномъ отпуску) и при *восьмильтнемъ* срокѣ резервной, ежегодный наборъ опредѣлится въ количествѣ до 160.000 человѣкъ (160×5=800 тысячъ), а въ случаѣ войны, у насъ подъ ружьемъ будетъ, за вычетомъ убылыхъ, болѣе двухъ милліоновъ (160×15=2.400 тысячъ). Такая армія очевидно достаточна. По свѣдѣніямъ же собраннымъ главнымъ штабомъ и согласнымъ со статистикой нашего населенія, 21-лѣтокъ у насъ приходится по 18 на 1.000. Если взять въ разчетъ 30ти-милліонное мужеское населеніе (*Ст. Врем.* 1866 года) 49 губерній европейской Россіи (безъ Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго и Кавказа), то окажется что къ ежегодному набору будетъ представляться 540.000 достигшихъ 21-лѣтняго возраста, а за вычетомъ 40% (нынѣшняя норма) одержимыхъ физическими недостатками, окажется годныхъ къ военной службѣ 324.000, то-есть ровно *вдвое* болѣе того что̀ нужно по предположеніямъ военнаго министерства. Стало-быть въ пользу образованія, семейныхъ и хозяйственныхъ обстоятельствъ могутъ быть допущены самыя широкія облегченія. Желательно, конечно, чтобъ эти облегченія были ограничены по возможности лишь отсрочками и сокращеніемъ срока дѣйствительной службы и никакъ не равнялись полному освобожденію отъ священной обязанности нести воинскую повинность; иначе принципъ *всеобщности* ея потеряется. Здѣсь заключается еще одна изъ многихъ причинъ почему необходимо было бы сократить срокъ дѣйствительной службы проектированный военнымъ вѣдомствомъ; тогда оказалось бы меньшее число лицъ не только по разумнымъ причинамъ, но случайно (по жребію) освобождающихся отъ воинской повинности; самая служба была бы менѣе

тягостною, а потому болѣе справедливою; менѣе способною отвлекать навсегда людей отъ общества, а потому болѣе выгодною въ экономическомъ отношеніи.

Уже приняты нѣкоторыя мѣры, очевидно, въ связи съ будущимъ положеніемъ военнаго дѣла. Такъ, съ 24го марта прекращено дѣйствіе прежнихъ правилъ о производствѣ нижнихъ чиновъ въ офицеры; уничтожены нѣкоторыя изъятія отъ рекрутства, напримѣръ для крещенныхъ или принимающихъ св. крещеніе Евреевъ, Армянъ города Могилева и т. п., а также изданы новыя правила для сбора и отпускныхъ солдатъ и моряковъ; причемъ соединенные съ этими сборами расходы отнесены на земство. Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить еще ходящіе слухи о предстоящей реформѣ генеральнаго штаба и военной академіи, очевидно не вполнѣ удовлетворяющихъ въ настоящее время своему назначенію. Въ связи съ этимъ неминуемо должно произойти измѣненіе и въ существующихъ нынѣ правилахъ производства въ военные чины и назначенія на военныя должности. Извѣстный военный писатель генералъ Фадѣевъ указалъ въ одной изъ своихъ статей что бо́льшая часть нынѣшнихъ генеральскихъ чиновъ пріобрѣтается офицерами очень мало служившими во фронтѣ и не командовавшими частями войскъ. По свѣдѣніямъ же недавно сообщеннымъ *Голосомъ* оказывается что наши войска въ племенномъ отношеніи представляютъ слѣдующія цифры:

	Русскихъ.	Разныхъ инородцевъ.	Нѣмцевъ.
Рядовыхъ.....	85%	13%	2%
Оберъ-офицеровъ.....	58%	18%	24%
Штабъ-офицеровъ.....	15%	27%	58%
Генераловъ.....	18%	8%	74%

Цифры эти не требуютъ комментарій.

II.

Общество съ благодарностью и не безъ чувства удовлетвореннаго національнаго самолюбія, приняло извѣстіе о результатахъ Лондонской конференціи, закончившейся протоколомъ 1го (13го) марта. Эта безкровная побѣда встрѣтила сочувствіе въ особенности потому что стало извѣстно что мы за нее ни предъ кѣмъ ничѣмъ не обязались. Наши моряки и жители Юга вполнѣ торжествовали и теперь съ особеннымъ вниманіемъ прислушиваются ко всему что̀ способно

уяснить какъ и когда возродится нашъ Черноморскій флотъ съ своимъ знаменитымъ Севастополемъ. Изданные недавно новые штаты Николаевскаго порта, значительно усиленные противъ прежняго, служатъ первымъ провозвѣстникомъ этого; другимъ можно назвать возбужденіе снова вопроса о скорѣйшей постройкѣ Севастопольской желѣзной дороги. Дорога эта была включена въ первую сѣть проектированныхъ желѣзно-дорожныхъ линій, теперь по большей части давно уже открытыхъ; а между тѣмъ, по какой-то странной случайности, до сихъ поръ еще не начата постройкой. Въ началѣ марта, желѣзно-дорожный комитетъ во второй уже разъ высказался за лазово-севастопольское направленіе, и теперь есть надежда что ни одесскимъ ни другимъ публицистамъ, какъ частнымъ, такъ и офиціальнымъ, не удастся извратить или затянуть это важное дѣло. Говоря о желѣзныхъ дорогахъ, нельзя не коснуться финансовъ. Нынѣшняя роспись, общій балансъ который составляетъ 489.012.702 руб., ознаменовалась, какъ извѣстно, лишь небольшимъ сравнительно дефицитомъ въ 4.392.000 руб. Но столь же извѣстно что только исполненіе росписи, подверженное различнымъ случайностямъ, благодаря широкой системѣ сверхсмѣтныхъ кредитовъ, можетъ повести къ безошибочнымъ на этотъ счетъ выводамъ. Теперь же пока знаемъ что въ февралѣ заключенъ новый желѣзно-дорожный заемъ въ 12 милл. фунт. стерл., при обстоятельствахъ довольно благопріятно свидѣтельствующихъ о положеніи нашего кредита. Затѣмъ предвидится продажа Московско-Курской дороги въ руки частной компаніи, вопросъ о чемъ уже поступилъ, какъ слышно, изъ министерства финансовъ на разрѣшеніе комитета министровъ. 7го апрѣля объявлено о послѣдовавшемъ повелѣніи насчетъ окончательнаго изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ стараго образца, для чего въ европейской Россіи назначенъ послѣдній срокъ 1го іюля 1872 года, а для Сибири и Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи 31го декабря того же года. Для оглашенія этого закона и срока приняты повидимому достаточныя мѣры; но желательно было бы чтобъ и духовенство, и мировые посредники, и гласные земскихъ собраній не поставили себѣ въ трудъ разъяснять народу и напоминать ему при случаѣ о тѣхъ потеряхъ которыя можно понести отъ несоблюденія или забвенія означеннаго срока. Въ противномъ слу-

чаѣ могутъ повториться тѣ случаи какіе были при изъятіи изъ обращенія ассигнацій.

Возвращаясь къ нашимъ путямъ сообщенія, должно упомянуть о весьма важномъ, выработанномъ къ началу марта проектѣ закона объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, имѣющемъ цѣлью оградить и пассажировъ, и торговцевъ, и служащихъ отъ господства невыносимой безурядицы и неизбѣжно проистекающихъ отъ того потерь какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для всего общества. Въ виду предстоящаго въ началѣ іюня желѣзно-дорожнаго съѣзда въ Петербургѣ, съ цѣлью окончательнаго обсужденія сказаннаго проекта, прежде внесенія его на законодательное утвержденіе, для подробнаго ознакомленія съ нимъ, вѣроятно представится еще удобный случай. Утѣшительно по крайней мѣрѣ что по отношенію къ лучшей эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ уже составленъ хорошій планъ; но улучшеніе условій движенія по нашимъ водянымъ путямъ все еще представляется вопросомъ далекимъ даже отъ теоретическаго разрѣшенія. Можно радоваться только что ловкій проектъ г. Элштейна объ устройствѣ туернаго пароходства по Волгѣ, такъ странно проскользнувшій чрезъ министерство путей сообщенія, не удостоился утвержденія, и что на Маріинской и Тихвинской системахъ, какъ видно изъ сообщенія *Правительственнаго Вѣстника*, приняты мѣры противъ развитія сибирской язвы, съ ассигнованіемъ на расходы по этому предмету 10.000 руб., по примѣру прошлаго года. Въ связи съ этимъ можно указать на слухъ о составленномъ проектѣ устройства канала въ обходъ пороговъ Днѣпра. Министерство путей сообщенія исходатайствовало себѣ въ текущемъ году новые временные штаты, весьма значительные, безъ предварительнаго притомъ ихъ разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ; почти одновременно послѣдовала отмѣна закона 18го октября 1868 о конкурренціи при выдачѣ концессій, съ предоставленіемъ министру путей сообщенія какъ избранія строителей желѣзныхъ дорогъ, такъ и составленія условій концессій. Опытъ покажетъ насколько выгодно отразятся эти двѣ мѣры на нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Одно безспорно что при допущеніи конкурренціи само министерство могло бы удобнѣйшимъ образомъ ознакомиться съ наивыгоднѣйшею оцѣнкой стоимости подлежащей постройкѣ дороги. Наконецъ, чтобы покончить на этотъ разъ съ желѣзными дорогами, слѣдуетъ упомянуть,

на основаніи вѣрнаго слуха, что коммиссія посланная на Уралъ для опредѣленія лучшаго начертанія Сибирско-Уральской желѣзной дороги нынѣ окончила свой трудъ, и что по ея мнѣнію, общая линія можетъ быть только отъ Тюмени до Екатеринбурга. Въ Екатеринбургѣ же встрѣчается необходимость въ развѣтвленіи. Одна вѣтвь должна подняться вдоль хребта къ Луньевскимъ каменоугольнымъ копямъ и примкнуть къ Камѣ въ селѣ Добрянкѣ, въ 60 верстахъ выше Перми, отбрасывая отъ себя небольшіе отпрыски и образуя ломанную линію по предполагаемымъ указаніямъ залежей руды и угля. Другая же вѣтвь, совершенно прямая и транзитная, должна направиться отъ Екатеринбурга чрезъ Красноуфимскъ къ низовьямъ Камы, для продолженія къ Казани и Нижнему-Новгороду. Такимъ образомъ, коммиссія вполнѣ одобряетъ южную линію, проектированную полковникомъ Богдановичемъ. Проектъ же средней линіи, предложенный пермскимъ головой купцомъ Любимовымъ, коммиссія отвергаетъ совершенно, какъ несоотвѣтствующій ни заводскимъ, ни коммерческимъ разчетамъ. Эти предположенія коммиссіи находятся уже на разсмотрѣніи желѣзнодорожнаго комитета.

III.

Въ текущемъ апрѣлѣ рѣшалось довольно важное дѣло, долженствующее служить на будущее время прецедентомъ въ вопросѣ о порядкѣ устройства и завѣдыванія шоссейными путями. Московское земство, какъ извѣстно, давно уже ходатайствуетъ о передачѣ въ его вѣдѣніе шоссейныхъ дорогъ Московской губерніи. Вѣроятно и многія другія земства послѣдуютъ этому примѣру; по крайней мѣрѣ газеты сообщали что Псковское земство намѣрено также заявить подобное ходатайство. Вопросъ о побочныхъ дорогахъ столь же важенъ какъ и дѣло переустройства главныхъ путей, которые никогда не въ состояніи будутъ приносить всей зависящей отъ нихъ пользы, если по сторонамъ ихъ останутся первобытные способы сообщенія, столь зависящіе отъ временъ года и состоянія погоды. Но не все же и не вездѣ выгодно устраивать рельсовыя вѣтви, хотя бы и пресловутыя узкоколейныя. Сообразно потребностямъ мѣстнаго торговаго движенія, въ бо́льшей части случаевъ достаточно бываетъ главнѣйшіе промышленные и торговые пункты, находящіеся въ сторонѣ отъ боль-

шихъ артерій торговли, соединить съ послѣдними шоссейными путями. Ниже читатели найдутъ извѣстіе объ интересномъ докладѣ въ этомъ отношеніи г. Эвальда въ Обществѣ Содѣйствія Русской Торговли и Промышленности. Во всей Европѣ параллельно съ развитіемъ главныхъ желѣзно-паровыхъ дорогъ устраивались грунтовыя дороги и шоссейные пути мѣстнаго значенія. У насъ еще только въ привислинскихъ губерніяхъ находится значительное число шоссе; въ остальныхъ же частяхъ Имперіи, до нынѣшняго развитія желѣзнодорожнаго дѣла, шоссе почитались государственными дорогами и являлись весьма рѣдкими. Теперь настала пора когда бо́льшая часть существующихъ у насъ и устроенныхъ правительствомъ шоссе потеряла свое государственное значеніе, такъ какъ это мѣсто занято желѣзными дорогами. Между тѣмъ завѣдываніе означенными шоссе попрежнему находится непосредственно въ рукахъ правительства и сопровождается извѣстными хроническими недостатками казеннаго управленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дорого стоившее шоссе приходитъ въ совершенное запустѣніе, въ другихъ—тратятся попрежнему значительныя суммы на ремонтировку, причемъ чуть ли не ежедневный опытъ указываетъ какъ непроизводительны бываютъ означенныя затраты. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ слѣдующихъ приведенныхъ какъ-то въ *Голосѣ* цифръ. Шоссейный сборъ съ 1832 года съ 63.000 руб., взимавшихся на Московскомъ шоссе, достигъ въ 1855 году на 5.611 верстъ до 1.236.300 руб. Черезъ восемь лѣтъ, въ 1863 году, шоссейный сборъ на 6.653 версты составлялъ всего около 600.000 руб. Наконецъ въ послѣдніе три года (1867, 1868 и 1869) чистый доходъ отъ шоссейнаго сбора на 7.000 верстъ едва достигаетъ 367.000 руб.

Между тѣмъ какъ шоссейный сборъ прогрессивно уменьшался, расходы по ремонту шоссе въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ не только не уменьшались, но даже по временамъ увеличивались. Такимъ образомъ ремонтъ 5.611 верстъ шоссе, обложенныхъ сборомъ въ 1855—1858 годахъ, стоилъ казнѣ 2.254.637 руб. ежегодно, то-есть 401 р. 79 к. на версту; въ 1863 году 6.653 версты потребовали на ремонтъ 2.688.659 руб. или 404 р. на версту; наконецъ, за три послѣдніе года (1867—1870) ремонтъ шоссе обходился, среднимъ числомъ, ежегодно 2.800.000 р. или 400 р. съ версты.

Если сопоставить цифры поступленія шоссейнаго сбора съ

цифрами расходовъ по ремонту шоссе, то окажется что въ 1855 году сборъ могъ бы покрывать $^1/_2$ расходовъ по ремонту, въ 1863 году менѣе $^1/_4$ и наконецъ въ послѣднее трехлѣтіе едва $^1/_7$.

Между тѣмъ съ передачей шоссе въ вѣдѣніе земствъ и съ обращеніемъ въ пользу ихъ тѣхъ средствъ которыя ежегодно ассигнуются на этотъ предметъ изъ казны, а равно и сборовъ шоссейныхъ, правительство сняло бы съ себя обузу завѣдыванію ремонтировки дорогъ, которая до сихъ поръ почитается почему-то умѣстною въ отношеніи шоссе, когда даже эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ государство предпочитаетъ поручать частнымъ компаніямъ и когда забота о всѣхъ вообще почтовыхъ дорогахъ лежитъ на обязанности земства.

Нѣтъ сомнѣнія что съ передачей шоссе на подобныхъ условіяхъ въ вѣдѣніе земствъ не только ремонтировка ихъ производилась бы лучше, но и земства получили бы возможность, путемъ экономическаго употребленія ассигнуемыхъ правительствомъ на этотъ предметъ суммъ и правильнымъ употребленіемъ шоссейныхъ сборовъ, устроить новыя шоссейныя дороги. Никто болѣе земства не заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Казна же сдѣлала бы при этомъ сбереженіе по содержанію шоссейныхъ инженеровъ и стражи; наконецъ, самое предоставленіе земствамъ суммъ ассигнуемыхъ нынѣ на ремонтировку могло бы быть ограничено извѣстнымъ періодомъ времени, а затѣмъ статья эта и вовсе подлежала бы исключенію изъ государственнаго бюджета. По извѣстіямъ сообщеннымъ въ *Московскія Вѣдомости*, большинство членовъ комитета министровъ, въ засѣданіи 13го апрѣля, высказалось въ пользу ходатайства по этому предмету земства Московской губерніи; но нельзя не пожалѣть что находятся голоса противъ удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса, на томъ основаніи что земству не слѣдуетъ предоставлять права (рѣчь идетъ о завѣдываніи и ремонтировкѣ шоссе) исключительно принадлежащаго де высшей государственной власти. Такимъ образомъ выходитъ, по мнѣнію этихъ голосовъ, что шоссе представляетъ нѣчто аномальное, болѣе важное въ ряду другихъ путей сообщенія, такъ что государство не можетъ сложить съ себя обязанностей принятыхъ имъ еще въ то время когда не было ни земскихъ учрежденій, ни вообще чего-либо въ области общественныхъ дѣлъ не подлежащаго непосредственному вѣдѣнію государства.

IV.

Переходя къ другимъ экономическимъ и общественнымъ вопросамъ затронутымъ послѣднимъ временемъ и имѣющимъ непосредственную связь съ задачами земскихъ учрежденій, слѣдуетъ упомянуть о движеніи въ пользу организаціи сельскаго краткосрочнаго кредита. *Правительственный Вѣстникъ* опубликовалъ въ февралѣ мѣсяцѣ свѣдѣнія изъ которыхъ оказывается что сельскія кредитныя учрежденія находятся, въ большей или меньшей степени развитія, въ 21 губерніи. Это число губерній указываетъ уже на недостаточность существующаго числа такихъ кредитныхъ учрежденій; но и въ означенныхъ губерніяхъ ихъ весьма мало и по большей части они весьма дурно организованы, такъ что не могутъ приносить существенной пользы и разчитывать на дальнѣйшее развитіе. Главнѣйшею цѣлію сельскихъ банковъ должно служить оказаніе сельскому населенію ссудъ, за обыкновенные проценты, въ небольшихъ размѣрахъ и на непродолжительный срокъ; а кромѣ того поощреніе къ сбереженіямъ. Необходимо предоставить крестьянину средства извернуться въ тяжелый моментъ платежа податей или при случайныхъ хозяйственныхъ несчастіяхъ: неурожаѣ, падежѣ скота, лишеніи возможности работать во время болѣзни и пр. Лучше всего этимъ цѣлямъ удовлетворяютъ пріобрѣвшія извѣстность сельскія товарищества взаимнаго кредита, прототиломъ и родоначальникомъ которыхъ у насъ заслуженно почитается Рождественское Товарищество, Костромской губерніи, устроенное помѣщикомъ Лугининымъ, вполнѣ вѣрно понявшимъ что интересы крупнаго владѣльца находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ хозяйственнаго благосостоянія сосѣдняго крестьянскаго населенія. Земство Новгородской губерніи изъ первыхъ подало примѣръ принятія непосредственнаго матеріальнаго и нравственнаго участія въ дѣлѣ устройства и распространенія сельскихъ ссудныхъ товариществъ; нѣтъ сомнѣнія что вскорѣ дѣло это станетъ всеобщимъ. Замѣчательно что администрація юго-западнаго края нашла нужнымъ и съ своей стороны хлопотать объ устройствѣ сельскаго кредита въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, для чего у тамошнихъ крестьянъ вообще имѣются средства, собранныя

благодаря благопріятному направленію крестьянскаго вопроса въ періодъ 1863—1868 годовъ. Мірскихъ и общественныхъ капиталовъ у этихъ крестьянъ имѣется теперь болѣе нежели на 4 милл. руб. Требуется лишь хорошая организація кредита; для чего составленъ въ Кіевѣ проектъ нормальныхъ правилъ устройства сельскихъ банковъ, подлежащій, какъ слышно, разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ въ маѣ текущаго года. Есть еще другой видъ новыхъ кредитныхъ учрежденій, который обнимаетъ бо́льшій кругъ хозяйственныхъ интересовъ: это общества взаимнаго кредита, которыя также можно назвать сельскими или земскими. Недавно опубликованъ (*Собран. Узак.* 1871, № 32) уставъ подобнаго общества, учреждаемаго петербургскимъ уѣзднымъ земствомъ. Цѣлью его служитъ доставленіе членамъ своимъ, преимущественно занимающимся сельскою, заводскою и фабричною промышленностью и торговлей *въ уѣздѣ*, возможности выгодно помѣщать свои сбереженія и получать въ ссуду (на срокъ не долѣе 6 мѣсяцевъ) необходимые для торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ капиталы. Уѣздное земство есть основатель и первый вкладчикъ Общества (не менѣе 10.000 р.). Вообще же основанія устава вполнѣ сходны съ общеизвѣстными уже у насъ обществами городскаго взаимнаго кредита, а потому о нихъ нѣтъ надобности распространяться. Сама собою ясна также и польза подобныхъ сельскихъ или земскихъ обществъ и въ особенности на нее слѣдовало бы обратить вниманіе русскимъ землевладѣльцамъ и промышленникамъ въ западныхъ губерніяхъ. Очевидно что подобныя общества могутъ быть учреждаемы и помимо земскихъ учрежденій; основаніе же ихъ въ уѣздахъ заладныхъ губерній хотя бы немного сплотнило и поддержало разрозненныхъ теперь и матеріально, и нравственно русскихъ, какъ новыхъ, такъ и прежнихъ землевладѣльцевъ, а также оказало бы вліяніе и на усиленіе числа русскихъ торговцевъ и промышленниковъ, являющихся теперь въ видѣ исключенія среди массы еврейскаго торговаго и промышленнаго населенія. Основателями подобныхъ обществъ слѣдовало бы быть исключительно лицамъ русскаго происхожденія; а затѣмъ такъ какъ члены принимаются по баллотировкѣ, отъ общества самого зависѣло бы принятіе въ свою среду членовъ хотя и не Русскихъ по происхожденію, но не чуждыхъ имъ по духу и желающихъ сближенія съ

русскимъ обществомъ, а не эксплуатаціи его исключительно въ свою пользу.

На земствѣ нашемъ лежитъ въ настоящее время весьма важная обязанность. Оно призвано разсмотрѣть и высказаться по поводу проекта податной реформы. Къ сожалѣнію, благодаря безгласности засѣданій земскихъ учрежденій, работы ихъ по этому предмету могутъ быть только окольнымъ путемъ извѣстны. По всему однакожъ видно что земства двухъ такъ-сказать коренныхъ или старѣйшихъ мѣстностей Русскаго государства, Московское и Новгородское, отнеслись къ этому дѣлу съ тѣмъ чувствомъ которое еще разъ доказываетъ глубокій государственный смыслъ, политическую зрѣлость нашего народа. Земства этихъ губерній, вѣрныя своему назначенію, устранили, какъ слышно, всякій элементъ сословнаго антагонизма изъ обсужденія этого вопроса и высказались въ пользу замѣны подушной подати однимъ общимъ для всѣхъ сословій налогомъ, такъ чтобы различіе сословій податныхъ и неподатныхъ вовсе исчезло. Платить подати въ одинаковомъ съ другими размѣрѣ, есть такая же священная обязанность каждаго гражданина, какъ и участіе въ отбываніи воинской повинности. Ее можно назвать даже однимъ изъ условій пользованія гражданскими и политическими правами. И если прослѣдить исторію нашей податной системы, то въ сущности окажется что разница между податными и неподатными сословіями рельефно выразилась лишь послѣ 19го февраля 1861 года. Всѣ классы нашего общества платили и несли свою службу государству, какъ кто могъ и какъ то государству выгодно или удобно было требовать. Съ политическими и гражданскими правами у насъ всегда было тѣсно связано и понятіе объ обязанностяхъ. Какими бы правами ни обладали избранныя сословія, права эти главнымъ образомъ были поддерживаемы ради исполненія обязанностей въ отношеніи государства. До освобожденія крестьянъ, хотя помѣщики и были свободны отъ подушной подати, но все же они являлись отвѣтчиками предъ казной за неплатежъ податей. Въ случаѣ недоимокъ продавалось имущество не крестьянъ, а помѣщика. Конечно большею частью помѣщикъ былъ такъ-сказать отвѣтственнымъ сборщикомъ податей, но интересы его и крѣпостныхъ такъ перепутывались что излишняя тяжесть въ податяхъ оттого именно выносилась что какая-либо часть ея упадала и на долю помѣщика. Послѣ же освобожденія крестьянъ

янъ изъ крѣпостной зависимости, заслонявшая ихъ личность помѣщика исчезла и они лицомъ къ лицу очутились съ государственными требованіями. Подушную подать, подушный государственный сборъ, рекрутчину и ея расходы, натуральныя повинности (къ чему затѣмъ прибавились выкупные платежи, мѣстныя земскія денежныя повинности, мірскіе сборы), все это бывшіе помѣщичьи крестьяне стали нести уже какъ самостоятельные плательщики, подъ покровомъ общины и взаимной поруки. То же самое что̀ о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ можно сказать и о государственныхъ, казенныхъ, удѣльныхъ крестьянахъ и военныхъ поселянахъ, съ которыми государство, казна или вѣдомство удѣловъ находились въ такихъ же отношеніяхъ въ какихъ помѣщикъ съ своими крестьянами. *Энергическія мѣры* какого-либо усерднаго администратора во взысканіи податныхъ недоимокъ означаютъ уже теперь продажу не имущества помѣщика, а крестьянскаго скарба; потребовалось даже изданіе правилъ, дабы наиболѣе усердные не подвергли продажѣ послѣдняго вола, даже одежды крестьянина. Хроническія недоимки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сопряженное съ ними бѣдственное положеніе сельскаго населенія, дошедшее до крайней степени въ знаменитомъ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, въ Суражскомъ и Мглинскомъ уѣздахъ Черниговской губерніи, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Смоленской и вообще ощущаемое въ большей части нашихъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ губерній, отразились не только на интересахъ государства, но и на экономическомъ положеніи бывшихъ помѣщиковъ. Это послужило, какъ извѣстно, матеріаломъ извѣстной партіи, создавшей и поддерживавшей *Вѣсть*, для возгласовъ противъ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія. Но *Вѣсть* умерла по недостатку читателей и подписчиковъ въ русской публикѣ; польскіе же помѣщики, повидимому, поддерживали ее только до тѣхъ поръ пока это было нужно для ихъ спеціальныхъ цѣлей. Это паденіе *Вѣсти* можетъ служить вѣрнымъ указаніемъ какъ отнесется образованнѣйшая часть нашего общества — дворянство къ дѣлу податной реформы. Въ вопросѣ этомъ правительство поступило весьма осторожно. Выработанный податною коммиссіей проектъ представляетъ только шагъ къ новому устройству системы прямыхъ налоговъ. Когда дѣло шло о подушной подати съ мѣщанъ, вопросъ былъ разрѣшенъ сразу. Въ проектѣ податной коммиссіи и въ самомъ актѣ передачи его на обсужденіе земства

слѣдуетъ видѣть особое вниманіе къ интересамъ крупнаго землевладѣнія и вообще высшихъ сословій. Нѣтъ сомнѣнія что именно эти сословія явятся не ниже предложеннаго имъ на обсужденіе вопроса, удовлетворительное рѣшеніе котораго представляется столь важнымъ и для настоящаго и для будущаго. Первое условіе такого рѣшенія есть забвеніе узкихъ сословныхъ интересовъ, а чаще всего заблужденій. Ходатайство о предварительномъ разсмотрѣніи проекта податной реформы уѣздными земскими учрежденіями отклонено, какъ извѣстно, правительствомъ; въ этомъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ видѣть желаніе чтобы дѣло реформы подушной подати не затянулось еще на долгое время. Но казалось бы ничто не мѣшаетъ каждому изъ членовъ земства, хоть бы онъ и не былъ гласнымъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, принять участіе въ разработкѣ мнѣній земства по сему предмету.

V.

Сама жизнь указываетъ какое все болѣе и болѣе важное значеніе должны пріобрѣтать земскія учрежденія въ нашемъ государственномъ строѣ. Но теперь нельзя сказать чтобы земскія учрежденія находились въ условіяхъ благопріятныхъ для осуществленія всѣхъ тѣхъ задачъ которыя на нихъ возложены. Отъ нихъ, повидимому, требуется больше, нежели сколько имъ предоставляется средствъ для осуществленія желаемаго. И школы и тюрьмы нужно устроить, и дороги и больницы. Но когда вопросъ коснется удовлетворенія какого-либо неотложнаго ходатайства земства, въ родѣ, напримѣръ, ходатайства о сокращеніи расхода на содержаніе мировыхъ посредниковъ, или объ устройствѣ казармъ для войскъ, даже на счетъ земства, взамѣнъ постойной повинности, то непремѣнно окажется что ожидаемое и всѣми признанное рѣшеніе затормозится въ какихъ-либо канцеляріяхъ. А между тѣмъ, какое важное значеніе имѣетъ, напримѣръ, правильное устройство санитарной части въ уѣздахъ. Наше населеніе увеличивается не такъ скоро какъ бы слѣдовало. Въ особенности поразительна смертность въ дѣтскомъ возрастѣ. Конечно и здѣсь многое слѣдуетъ отнести къ условіямъ быта нашего крестьянина, къ его недостаточности и малому образованію; но безспорно что организація или улучшеніе санитарной части въ уѣздахъ оказала бы благопріятное вліяніе въ этомъ отношеніи. Возможно

развѣ допускать чтобы цѣлыя села, какъ оказалось, были заражены сифилисомъ, передаваемымъ, такъ-сказать, по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Возможно развѣ оставлять почти безъ всякой помощи или на волю счастливаго случая спасеніе сельскаго населенія отъ повальныхъ болѣзней, въ родѣ холеры, тифа и т. п. Прусско-французская война, грозившая надѣлить всю Европу различными заразительными болѣзнями (ограничившаяся пока только оспой) заставила и наше общество въ сотый разъ подумать о необходимыхъ улучшеніяхъ по части санитарной. Въ этомъ отношеніи достойна вниманія рекомендація медицинскаго департамента объ устройствѣ больницъ или пріемныхъ покоевъ въ простыхъ крестьянскихъ избахъ. Большія больницы вообще дороги и хороши только при особенно тщательномъ устройствѣ и содержаніи. При разбросанности населенія ихъ невозможно сдѣлать всегда и для всѣхъ доступными. Устройство же въ каждомъ селѣ, не то волости, пріемнаго покоя, въ обыкновенной крестьянской избѣ, съ небольшою аптечкой, не замысловато и не дорого. Не только земства, но и многіе частные владѣльцы, по всей вѣроятности, обратятъ на этотъ предметъ вниманіе и окажутъ крестьянамъ и матеріальную, и нравственную помощь, подобно тому какъ и теперь посильная помощь оказывается очень часто больнымъ крестьянамъ. Говорятъ, крестьянинъ предубѣжденъ противъ больницъ, докторовъ и вообще лѣченія не у знахарей или бабокъ. Но такое предубѣжденіе весьма понятно. Всякій не охотно отрывается отъ дома и семьи, въ особенности въ минуту болѣзни. Тутъ играетъ роль общечеловѣческое чувство, а не боязнь лѣченія. Кому не приходилось, живя въ деревнѣ, исполнять волей-неволей роль медика въ отношеніи крестьянъ, приходящихъ въ господскій домъ за лѣкарствомъ. По всему это можно вполнѣ разчитывать что крестьяне не будутъ имѣть никакого предубѣжденія противъ своихъ такъ-сказать подручныхъ или домашнихъ больницъ. Конечно недостаточно однихъ больницъ; нужны и медики. Между тѣмъ, несмотря на возрастающую потребность въ медикахъ, число ихъ въ послѣднее время сравнительно уменьшилось. Причина тому заключается въ томъ что послѣднія десять лѣтъ потребовали во всѣ отрасли государственной и общественной дѣятельности людей съ высшимъ образованіемъ. Одна судебная реформа запросила такое множество образованныхъ людей что половину студентовъ нашихъ университетовъ составляютъ

нынѣ слушатели юридическаго факультета. Спросъ на всѣ отрасли естественныхъ и математическихъ наукъ также весьма возросъ; очень понятно что собственно медицинскія науки, прежде почти только и представлявшія у насъ возможность вѣрнаго практическаго примѣненія, привлекаютъ теперь пропорціонально меньшее число слушателей. Такое положеніе дѣлъ подало поводъ, съ одной стороны, военному вѣдомству проектировать различныя, имѣющія, какъ слышно, получить скоро силу закона льготы и преимущества для военныхъ медиковъ; а съ другой стороны вызвало гражданское медицинское начальство задумать устройство при больницахъ фельдшерскихъ училищъ, изъ которыхъ могли бы выходить люди съ достаточными практическими медицинскими свѣдѣніями, съ званіемъ лѣкарскихъ помощниковъ или подлѣкарей. Для пріобрѣтенія такихъ свѣдѣній не нужно долгосрочнаго, относительно дорого стоящаго научнаго образованія; а потому званіе подлѣкарей будетъ весьма доступно для значительнаго числа людей. На осуществленіе этого проекта не мѣшало бы обратить вниманіе земскимъ учрежденіямъ, насколько отъ нихъ это будетъ зависить. Подобные подлѣкаря, подъ надзоромъ уѣзднаго земскаго врача, будутъ служить главнѣйшимъ обезпеченіемъ подачи медицинской помощи въ уѣздныхъ и сельскихъ больницахъ. Необходимость въ людяхъ обладающихъ достаточными познаніями для обыкновенной практической дѣятельности чувствуется съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе не только въ области медицинской части. Та же самая потребность сознается и въ области техническихъ производствъ. Первая четверть текущаго года оказывается довольно обильною предположеніями и устройствомъ нѣкоторыхъ школъ профессіональнаго характера во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ существуетъ предположеніе объ устройствѣ технологическаго института въ Харьковѣ. Харьковское городское общество опредѣлило ассигновать 50.000 рублей для образованія основнаго фонда этого учрежденія; министръ финансовъ, съ своей стороны, оказалъ полное содѣйствіе успѣху этого проекта и, какъ слышно, дѣло это въ ходу, вырабатывается уже уставъ института. Въ Кіевѣ и Горкахъ (Могилевской губерніи) предположено устроить ремесленныя школы. Затѣмъ, состоящая при Петербургской Думѣ коммиссія для разсмотрѣнія городскихъ росписей и финансовыхъ дѣлъ признала возможнымъ, по открытіи въ

Петербургѣ перваго ремесленнаго пріюта Обществомъ для устройства земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, назначить къ ежегодному отпуску на содержаніе этого пріюта по 5.000 рублей изъ доходовъ города. Говорятъ что къ открытію колоніи и пріюта будетъ приступлено весной текущаго года; кромѣ того предвидится открытіе другой земледѣльческой колоніи въ Рязанской губерніи, въ Сапожковскомъ уѣздѣ, на мѣстныя средства. Новгородское земство, какъ извѣстно, основавшее техническій музей съ сельско-хозяйственнымъ отдѣломъ, сдѣлало въ нынѣшнемъ году нѣсколько предположеній клонящихся къ усовершенствованію этого музея и къ увеличенію его размѣровъ. Порховское (Псковской губерніи) земское собраніе постановило устроить при одной изъ сельскихъ школъ огородный участокъ для практическаго обученія воспитанниковъ огородничеству. Въ Казанскомъ земскомъ собраніи состоялось постановленіе объ учрежденіи школы для сельскихъ учительницъ, на содержаніе которой полная смѣта исчислена въ 13.300 рублей. Херсонское земство рѣшилось открыть въ Одессѣ сельско-хозяйственное училище съ необходимымъ при немъ количествомъ земли для учебной фермы; земледѣліе со всѣми ближайшими къ нему отраслями сельскаго хозяйства поставлено на первомъ планѣ въ программѣ училищнаго преподаванія; самое устройство училища, какъ говорятъ, обойдется земству около 50.000 руб. Кромѣ того земства нѣкоторыхъ губерній назначили преміи: земство Тотемскаго уѣзда за отысканіе средства къ предупрежденію появленія на поляхъ вредныхъ червей; Пермское губернское земское собраніе за лучшее изслѣдованіе о насѣкомомъ кобылка.

VI.

Нѣкоторыя общества, съ своей стороны, также успѣли оказать въ текущемъ году посильное содѣйствіе дѣлу распространенія техническихъ знаній. Такъ Общество Содѣйствія Русской Торговлѣ и Промышленности, обсуждая докладъ г. фонъ-деръ-Флита по вопросу о мѣрахъ къ улучшенію нашей льняной промышленности, высказалось въ пользу необходимости составленія и изданія руководства къ крестьянскому льняному хозяйству, приспособленнаго къ сѣверной полосѣ Россіи. Съ другой стороны, Вольное Экономическое Общество обсуждало вопросъ о

выдачѣ стипендій лучшимъ студентамъ, окончившимъ уже курсъ въ Петербургскомъ земледѣльческомъ институтѣ и Петербургскомъ университетѣ, и желающимъ посвятить себя изученію практическаго сельскаго хозяйства. Кромѣ техническихъ учебныхъ заведеній существуютъ еще косвенные пути къ распространенію техническихъ знаній, заключающіеся въ дѣятельности экономическихъ обществъ и сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ, число которыхъ успѣло уже увеличиться въ текущемъ году; такъ напримѣръ ростовскимъ (Екатеринославской губерніи) уѣзднымъ земствомъ предположено открыть въ 1871 году сельско-хозяйственный съѣздъ въ городѣ Ростовѣ-на-Дону; также Рыбинское земское собраніе постановило имѣть очередные сельско-хозяйственные съѣзды четыре раза въ году и пр.; кромѣ того, вновь образовалось нѣсколько экономическихъ сельско - хозяйственныхъ обществъ, какъ-то: Общество Лужскихъ Сельскихъ Хозяевъ, для сближенія, какъ сказано въ уставѣ, лицъ занимающихся и интересующихся сельскимъ хозяйствомъ, содѣйствія успѣхамъ земледѣльческой промышленности, развитія хозяйствъ и облегченія землевладѣльцамъ сбыта сельскихъ продуктовъ и найма рабочихъ, и Лѣсное Общество въ Петербургѣ для содѣйствія распространенію въ Россіи полезныхъ знаній по лѣсному дѣлу и улучшенію лѣснаго хозяйства. Кромѣ того, Русское Техническое Общество пріобрѣло новое отдѣленіе въ юго-западномъ краѣ по свеклосахарной промышленности; есть также слухъ объ учрежденіи сельско-хозяйственнаго общества въ Горкахъ, въ Могилевской губерніи. Въ Москвѣ образуется общество для распространенія улучшеннаго скота въ Россіи. Это Общество будетъ имѣть цѣлію своей дѣятельности распространеніе въ Россіи улучшенныхъ породъ домашнихъ животныхъ, не ограничиваясь однимъ какимъ-нибудь видомъ, равно какъ и заботиться о распространеніи научнымъ и практическимъ путемъ правильныхъ понятій о разведеніи, содержаніи и воспитаніи домашнихъ животныхъ, съ каковою цѣлію имѣется въ виду устроить въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ образцовыя расовыя фермы, школы при этихъ фермахъ для образованія скотницъ и скотниковъ, также съѣзды, выставки и пр. Что же касается дѣятельности въ началѣ текущаго года нашихъ старыхъ экономическихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, то она выражалась, кромѣ спеціальныхъ мѣръ направленныхъ въ

пользу развитія отечественнаго сельскаго хозяйства и вообще технической производительности, въ нѣсколькихъ заведеніяхъ посвященныхъ обсужденію нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ нашей промышленности. Такимъ образомъ Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи очень занято въ настоящее время въ спеціальныхъ своихъ коммиссіяхъ серіознымъ обсужденіемъ стараго вопроса о поощреніи лѣсоразведенія на югѣ Россіи и о сохраненіи существующихъ уже лѣсовъ, а также и объ изслѣдованіи полезности разнородныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Въ одномъ изъ собраній членовъ 2го отдѣленія Вольнаго Экономическаго Общества технологъ г. Шапиро, ѣздившій на средства тверскаго земства въ Швецію, сдѣлалъ подробное сообщеніе объ артельномъ смолокуреніи въ упомянутой странѣ, отъ котораго, по его словамъ, хозяева шведскіе получаютъ до 60% чистаго дохода на оборотный капиталъ. Министерство государственныхъ имуществъ дало средства г. Шапиро для посѣщенія Архангельской губерніи съ цѣлію осмотра тамошнихъ смолокурень. Оказывается что главнѣйшій недостатокъ смолокуренія въ Россіи состоитъ въ томъ что оно ведется несовершенными способами, причемъ получается только одна смола, вовсе притомъ не подвергаемая дальнѣйшей перегонкѣ, отчего теряются очень цѣнные продукты которые могли бы быть изъ нея извлечены. Въ особомъ, спеціальномъ (политико-экономическомъ) комитетѣ состоящемъ при томъ же Обществѣ, между прочимъ, обсуждался вопросъ о земледѣльческихъ колоніяхъ и ремесленныхъ пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ и докладъ о системахъ акциза съ табаку, существующихъ въ западно-европейскихъ государствахъ въ связи съ тою системой этого сбора которая господствуетъ у насъ. Затѣмъ, помимо конкурса сортировокъ-вѣялокъ, сортировокъ и вѣялокъ, устроеннаго въ началѣ текущаго года, Вольное Экономическое Общество обсуждало между прочимъ вопросъ объ изданіи популярныхъ сочиненій по сельскому хозяйству въ обширномъ смыслѣ, причемъ пренія закончились назначеніемъ особой спеціальной коммиссіи, долженствующей разсмотрѣть этотъ предметъ во всѣхъ его подробностяхъ. Другое общество и именно Русское Техническое, сверхъ весьма любопытныхъ бесѣдъ о примѣненіи свѣтописи для произведенія литографическихъ рисунковъ (докладчикъ г. Аргамаковъ) и о способахъ дѣлать ткани непромокаемыми (докладчикъ г. Коростовцевъ), имѣло

весьма интересное засѣданіе по вопросу о частномъ пороходѣліи. Пренія главнымъ образомъ сосредоточивались на обсужденіи проекта устава акціонерной компаніи для производства пороха въ Россіи, составленнаго учредителями этой компаніи, инженеромъ Кайковскимъ и генеральнаго штаба полковникомъ Масловымъ. Эта компанія, какъ говорится въ ея проектѣ, образуется посредствомъ выпуска акцій на сумму 1.700.000 р., которыя должны быть гарантированы правительствомъ 5% доходомъ; кромѣ того, правительство обязуется принимать въ продолженіе 25 лѣтъ отъ Общества 30.000 пудовъ пороха ежегодно, по цѣнѣ на 5% ниже казенной цѣны; Общество обязано выстроить три завода и производить на каждомъ изъ нихъ не менѣе 15 тыс. пудовъ пороха ежегодно. Пренія окончились назначеніемъ спеціальной коммиссіи которая должна разработать всесторонне этотъ важный вопросъ. Въ засѣданіи членовъ Общества Содѣйствія Торговлѣ и Промышленности было между прочимъ сдѣлано весьма любопытное сообщеніе г. Эвальдомъ по вопросу объ экономическомъ значеніи шоссейныхъ дорогъ, которыя, въ случаѣ надобности, могли бы служить полотномъ для прокладки рельсовъ. Представивъ сначала вниманію собранія весьма краснорѣчивыя цифры, свидѣтельствующія о громадной цифрѣ процентовъ переплачиваемыхъ нами во многихъ случаяхъ даже совершенно напрасно за наши желѣзныя дороги, во многихъ мѣстностяхъ оказавшіяся безъ всякаго движенія, докладчикъ остановился затѣмъ на экономическомъ значеніи у насъ въ Россіи шоссейныхъ дорогъ. Мѣстныя нужды могутъ современемъ вызвать необходимость обращенія этихъ дорогъ въ желѣзноконныя дороги, а эти послѣднія могутъ, конечно, обратиться въ паровыя желѣзныя дороги. Идя такимъ образомъ этимъ путемъ въ дѣлѣ развитія у насъ желѣзнодорожнаго дѣла, мы можемъ сдѣлаться, по мнѣнію докладчика, свидѣтелями постепеннаго и обдуманнаго разрѣшенія на практикѣ вопроса о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи; притомъ, возникновеніе такимъ путемъ линій желѣзныхъ дорогъ будетъ вполнѣ оправдываться мѣстными потребностями промышленности и населенія, въ противоположность теперешнему часто случайному возникновенію у насъ подобныхъ дорогъ, проекты которыхъ, какъ извѣстно, иногда обсуживаются и создаются въ кабинетахъ и притомъ такими лицами у которыхъ личные интересы не имѣютъ ничего общаго съ интересами общественными.

Представивъ затѣмъ цифровыя данныя въ пользу выгодности полной эксплуатаціи шоссейныхъ дорогъ, причемъ стоимость ихъ постройки оказывается несравненно дешевле стоимости построекъ казеннаго шоссе (гдѣ всегда имѣлись въ виду не столько промышленные, сколько административные интересы), докладчикъ обратилъ вниманіе и на сторону предмета вызывающую необходимость устройства у насъ шоссейныхъ дорогъ, а именно рискъ остаться въ противномъ случаѣ вовсе безъ дорогъ, по крайней мѣрѣ въ теченіи всего того періода времени пока успѣетъ осуществиться вся масса проектовъ желѣзнодорожныхъ путей находящаяся въ настоящее время въ рукахъ министерства путей сообщенія. Изъ числа другихъ докладовъ, занимавшихъ Общество Содѣйствія Торговлѣ и Промышленности въ началѣ текущаго года, упомянемъ о докладѣ г. Окунева, имѣвшаго въ виду разъясненіе тѣхъ затрудненій которыя представляются въ дѣлѣ созданія торговаго флота, а равно указаніе средствъ къ поддержанію каботажа и развитію мореплаванія, а затѣмъ и о докладѣ г. Шипова, который коснулся въ немъ преимущественно нашего мореплаванія на Сѣверѣ и той роли которую играли и играютъ Англичане и другіе иностранцы на Бѣломъ Морѣ, представивъ при этомъ достаточное количество фактовъ, свидѣтельствующихъ о настоящемъ положеніи нашихъ сѣверныхъ поморскихъ портовъ. Факты выясненные этими обоими докладами достаточно показали въ какой мѣрѣ иностранцы эксплуатируютъ въ свою пользу и во вредъ Россіи русскіе торговые интересы. Въ связи съ этимъ вопросомъ давно уже обращаетъ на себя вниманіе помянутаго Общества другой весьма важный вопросъ о нашихъ сѣверныхъ окраинахъ съ промышленной точки зрѣнія. По этому поводу въ особомъ засѣданіи былъ прочитанъ докладъ о сѣверѣ Россіи г. Сидоровымъ, ознакомившимъ посѣтителей на послѣдней мануфактурной выставкѣ съ естественными и нѣкоторыми обработанными произведеніями нашего Печорскаго края. Въ этомъ докладѣ г. Сидоровъ самыми яркими красками очертилъ современное положеніе нашего Сѣвера, предпославъ этому изложенію краткій очеркъ развитія промысловъ существующихъ въ означенномъ краѣ. Изъ этого доклада (представленныя въ немъ свѣдѣнія изложены гораздо подробнѣе въ извѣстной книгѣ г. Сидорова *О сѣверѣ Россіи*) видны, съ одной стороны, необыкновенное богатство, представляемое вышеупомянутымъ

краемъ, а съ другой, полнѣйшая эксплуатація этого богатства иностранцами и такое равнодушіе къ нему и къ интересамъ русскаго населенія всѣхъ тѣхъ лицъ отъ которыхъ находится въ зависимости судьба края. Отсутствіе варницъ и отъ того недостатокъ хорошей соли для посолки рыбы, недостатокъ примѣненія хорошихъ и раціональныхъ пріемовъ въ дѣлѣ обработки смолы, существующей тамъ еще съ первой половины XVI столѣтія, нахожденіе многихъ выгоднѣйшихъ производствъ и промысловъ въ рукахъ иностранцевъ (такъ, напримѣръ, лѣсопильные заводы, — наивыгоднѣйшее производство для Архангельскаго порта,—находятся вполнѣ въ рукахъ иностранцевъ), равнодушіе мѣстной администраціи, отсутствіе торговаго флота и дорогъ и, наконецъ, недостатокъ русскихъ капиталовъ и русскихъ дѣятелей, всѣ эти обстоятельства составляютъ, по мнѣнію докладчика г. Сидорова, главнѣйшія причины бѣдствій тѣхъ немногихъ нашихъ соотечественниковъ которые имѣютъ несчастіе населять этотъ край. Обсужденіе этого доклада въ означенномъ Обществѣ находится въ настоящее время на очереди. Изъ числа засѣданій членовъ Русскаго Географическаго Общества, кромѣ засѣданій посвященныхъ вопросу о лучшемъ направленіи Севастопольской желѣзной дороги, болѣе общимъ интересомъ отличалось одно изъ засѣданій отдѣленія статистики означеннаго Общества, въ которомъ г. Пономаревъ (иркутскій купецъ), прибывшій изъ Кяхты, сообщилъ въ особомъ докладѣ о способахъ заготовленія чая въ Китаѣ и о нѣкоторыхъ сторонахъ чайной торговли. Изъ доклада видно что въ настоящее время въ Ханькоу есть уже нѣсколько русскихъ фабрикъ, на которыхъ преимущественно приготовляется такъ-называемый кирпичный чай, употребляемый преимущественно сибирскими инородцами. Послѣ чтенія доклада и окончанія послѣдовавшихъ за нимъ преній, отдѣленіе пришло къ тому заключенію что самымъ вѣрнымъ средствомъ для поддержки нашей торговли съ Китаемъ можетъ служить главнымъ образомъ улучшеніе путей сообщенія и что достигнуть этого вполнѣ будетъ возможно какъ только проведется Сибирская желѣзная дорога. Начало текущаго года очень счастливо и по отношенію къ расширенію нашихъ технико-промышленныхъ ассоціацій. Какъ примѣръ въ этомъ направленіи можно привести здѣсь промышленное и торговое товарищество учредившееся въ Одессѣ на паяхъ для устройства винокуреннаго завода и

паровой мукомольной мельницы, въ виду торговли продуктами этихъ заведеній преимущественно съ дальнимъ Востокомъ чрезъ Суэзскій каналъ; имѣющіе получаться остатки отъ производствъ предположено употреблять на откормленіе скота на мясо. Товариществу предоставляется для вышеозначенной цѣли пріобрѣсти участокъ земли близь Одессы, а равно и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ окажется необходимость. Уставъ этого Общества уже утвержденъ. Затѣмъ купцомъ Сусловымъ и помѣщиками Болычевцевымъ и Дейнекинымъ, въ имѣніи г. Болычевцева близь Курска, основано товарищество для управленія фабрикой и изготовленія, по изобрѣтенному г. Сусловымъ съ товарищами привилегированному способу, изъ фосфоритовъ землеудобрительнаго фосфорнокислаго азотистаго тука, равно и съ цѣлію устройства такихъ же новыхъ фабрикъ въ Россіи, подъ фирмой: „Русскіе землеудобрительные туки.“ Капиталъ этого товарищества опредѣленъ въ 600.000 рублей, раздѣленныхъ на 600 паевъ по 1.000 руб. каждый; но современемъ капиталъ можетъ возрости до 1.500.000 рублей. Въ виду крайне низкаго состоянія соляпаго дѣла въ Россіи, также образуется частное общество солепромышленности, торговли солью и соляными продуктами. Это общество, между прочимъ, предполагаетъ содѣйствовать удешевленію продажной цѣны на соль, имѣющей такое важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Приспособленіе новыхъ, усовершенствованныхъ способовъ перевозки и доставки соли изъ мѣстъ ея добыванія, безъ сомнѣнія, окажетъ вліяніе на пониженіе продажной цѣны на соль, независимо даже отъ соляпаго акциза. Кромѣ того возникло еще промышленно-техническое товарищество, подъ фирмой: „Лѣсопромышленникъ“, съ цѣлію разработки лѣсныхъ произведеній посредствомъ сухой перегонки дерева и извлеченія иными способами изъ лѣсныхъ матеріаловъ предметовъ потребленія, а также для механической обработки дерева, согласно новѣйшимъ усовершенствованіямъ для внутренней и заграничной торговли. Капиталъ Товарищества опредѣляется на первый разъ во 100.000 рублей, раздѣленныхъ на 200 паевъ по 500 рублей каждый. Дѣятельность Товарищества не будетъ ограничиваться одною какою-либо мѣстностію.

VII.

Ясное опредѣленіе спорнаго предмета есть первое и необходимѣйшее условіе для уразумѣнія и разрѣшенія всякаго спора. Что̀ такое общее образованіе и общеобразовательная школа, о коихъ теперь такъ много толкуется вкривь и вкось въ нашихъ газетахъ? *Общимъ* называется то что̀ относится ко всѣмъ или ко многимъ лицамъ или предметамъ, въ противоположность *частному* или *спеціальному*. Посему общеобразовательными учебными предметами можно называть или тѣ которые необходимы *всякому* ученику, на какой бы степени ни должно остановиться его образованіе, и въ такомъ смыслѣ эти предметы, кромѣ закона Божія, ограничатся грамотностью ариѳметикой и начальными понятіями о географіи и исторіи, что̀ все вмѣстѣ и составляетъ необходимое основаніе всякому дальнѣйшему образованію. Или общеобразовательными предметами называются такіе которые подготовляютъ ученика либо ко всѣмъ, либо къ нѣкоторымъ спеціальностямъ. Въ этомъ смыслѣ первое мѣсто, очевидно, должно принадлежать тѣмъ предметамъ коихъ изученіе дѣлаетъ ученика способнымъ заняться *всякою* спеціальностію, какъ научною, такъ и практическою. Всѣми, даже врагами классической системы образованія, признано что такими предметами могутъ быть только древніе языки въ соединеніи съ математикой. Школы въ которыхъ преимущественно на этихъ предметахъ сосредоточенъ весь учебный планъ, суть гимназіи. Изъ нихъ однихъ могутъ выходить молодые люди достаточно зрѣлые для научнаго или университетскаго образованія, которое не можетъ быть успѣшно если молодой человѣкъ не въ состояніи избрать себѣ именно ту спеціальность къ которой онъ чувствуетъ призваніе. Уже этой одной причины, если-бы не было другихъ, было бы достаточно чтобы требовать одной общей для всѣхъ подготовки ко вступленію въ университетъ. И особенно строго должны бы настаивать на этомъ именно медицинскіе и физико-математическіе факультеты, во избѣжаніе наплыва такихъ студентовъ которые поступали бы въ оные не вслѣдствіе внутренняго призванія, но лишь вслѣдствіе незнанія греческаго языка. Такого наплыва и опасаются факультеты первостепенныхъ германскихъ университе-

товъ; отъ такого наплыва дѣйствительно пострадала наука во Франціи въ продолженіи недолгаго господства тамъ пресловутой системы бифуркаціи, о введеніи которой у насъ такъ ревностно во второй разъ хлопочутъ наши реалисты.

Но если очевидно что только гимназія или классическая школа можетъ приготовлять молодыхъ людей къ успѣшному *научному* изученію всякихъ спеціальностей, то съ другой стороны не слѣдуетъ забывать что далеко не всѣ же молодые люди, какъ по своимъ способностямъ, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, могутъ имѣть въ виду высшее научное образованіе. Такіе молодые люди, не имѣя въ виду поступить въ университетъ, по большей части изъ средняго учебнаго заведенія прямо поступаютъ въ общественную жизнь. Но такъ какъ жизнь не можетъ обходиться одними теоретическими познаніями, то курсъ ученія этихъ лицъ необходимо долженъ быть приспособленъ къ практическимъ цѣлямъ, и притомъ, давая достаточное общее образованіе, быть направленъ къ какой-нибудь практической спеціальности—техникѣ, торговлѣ и т. д. Такой курсъ ученія послужитъ также достаточною подготовкой для тѣхъ кто пожелаетъ еще болѣе усовершенствоваться въ своей спеціальности въ одномъ изъ высшихъ техническихъ заведеній. Только при такихъ условіяхъ подобныя училища будутъ приносить дѣйствительную и весьма существенную пользу. Но отнимите у этихъ училищъ, справедливо называемыхъ реальными, приспособленіе ученія къ практическимъ цѣлямъ, и что же въ нихъ останется? Чему научатся въ нихъ молодые люди? Допустимъ что они научатся правильно писать по-русски, даже по-французски и по-нѣмецки (что весьма сомнительно); что они пройдутъ геометрію, тригонометрію и часть алгебры, получатъ довольно основательныя познанія въ исторіи и географіи, и кое-какія въ естественныхъ наукахъ (коихъ основательное изученіе требуетъ продолжительныхъ, спеціальныхъ занятій),—допустимъ все это; но къ какому же *спеціальному* занятію все это примѣнимо, если при изученіи этихъ предметовъ не имѣлось въ виду никакой спеціальности? А такъ какъ всякое общественное положеніе требуетъ извѣстныхъ спеціальныхъ познаній, то къ чему могутъ быть пригодны люди не способные ни къ какимъ спеціальнымъ занятіямъ? Очевидно только къ фланерству и болтовнѣ. Спрашивается, имѣетъ ли правительство право тратить податныя деньги на училища дающія такіе результаты, тратить единственно для

того чтобъ осуществить куріозные проекты разныхъ домо-рощенныхъ нашихъ псевдо-педагоговъ.

Нѣкоторые изъ этихъ господъ прямо отвергаютъ всякую образовательную силу древнихъ языковъ. Если эти кричатъ о необходимости исключить изъ гимназій древніе языки, если они не желаютъ распространенія у насъ классическаго образованія, то они, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны. Они, большею частію слѣпые поклонники Запада во всемъ остальномъ, пренебрегаютъ, съ чувствомъ собственнаго превосходства, вѣковымъ опытомъ европейской педагогики. Величайшіе авторитеты западной науки, какъ напримѣръ профессора Берлинскаго университета, и единодушное мнѣніе ихъ, основанное не на однихъ лишь разсужденіяхъ, но на положительномъ, многолѣтнемъ *опытѣ*, нисколько не тревожатъ ихъ самоувѣренности; но—повторимъ—они послѣдовательны, отвергая вмѣстѣ и принципъ, и его послѣдствія.

Не то видимъ мы въ статьяхъ объ „общеобразовательныхъ гимназіяхъ“ помѣщаемыхъ въ газетѣ *Голосъ*. Педагогъ пишущій эти статьи, *въ принципѣ*, повидимому, совершенно согласенъ съ берлинскими учеными. Онъ говоритъ (въ № 89): „Отдавая полную справедливость *высокой образовательной силѣ* классическихъ курсовъ, мы доказали (*Голосъ* № 84) что *такая же сила* заключается и въ математикѣ.“ Чего же лучше? Въ классическихъ гимназіяхъ главными предметами изученія служатъ именно древніе языки и математика. Остается, слѣдовательно, желать и у насъ возможно бо́льшаго распространенія классическихъ гимназій. Но нѣтъ; нашъ авторъ приходитъ къ противоположному заключенію, именно что на всю Россію должно быть не болѣе 24 такихъ гимназій, тогда какъ теперь уже въ однихъ балтійскихъ и привислинскихъ губерніяхъ существуетъ болѣе 30 классическихъ гимназій и прогимназій. Какимъ же образомъ приходитъ онъ къ этому заключенію? Самымъ удивительнымъ. Изученіе древнихъ литературъ, видите ли, *превосходное средство для роскошнаго умственнаго развитія*, но эта *роскошь*, доступная счастливому меньшинству, недоступна де рядовому большинству образованныхъ людей. Но почему же, спрашивается, изученіе древнихъ языковъ у насъ должно почитаться *роскошью*, между тѣмъ какъ у Нѣмцевъ оно считается *необходимымъ* приготовленіемъ къ университету? И почему эта роскошь у насъ не доступна рядовому большинству образованныхъ людей? Тщет-

но стали бы мы искать отвѣта на эти вопросы. За то онъ продолжаетъ: „Мы утверждаемъ что лучшими юристами, лучшими врачами, лучшими натуралистами, даже лучшими полководцами будутъ только тѣ ученые которые окончили курсъ въ гимназіяхъ классическихъ.“ Изъ этихъ словъ, очевидно, возможно одно заключеніе: если такъ, то надобно желать наибольшаго распространенія классическаго образованія. Оно такъ и было бы еслибы слѣдовало желать имѣть „лучшихъ“ юристовъ, врачей, натуралистовъ, полководцевъ. Но по логикѣ экономнаго автора это было бы роскошью, отъ которой онъ и берется избавить наше отечество. Для достиженія такой благодѣтельной цѣли, онъ придумалъ вѣрное средство: *общеобразовательныя гимназіи* безъ древнихъ языковъ и съ правомъ воспитанниковъ поступать во *всѣ* факультеты кромѣ филологическаго. Правда, въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть *плохихъ* юристовъ, *плохихъ* врачей и натуралистовъ. Но кто же сказалъ чтобы намъ требовалось хорошее? Хорошее было бы роскошью. Послѣдовательный въ заключеніяхъ авторъ сохраняетъ, впрочемъ, вѣскость своей логики до конца. Противникъ роскоши, урѣзавъ древніе языки, богато награждаетъ свои гимназіи. Чѣмъ бы вы думали? *Сравнительной грамматикой.* Сравнительная грамматика до сихъ поръ составляла одинъ изъ университетскихъ предметовъ филологическаго факультета, для изученія котораго необходимо не только знаніе латинскаго и греческаго языковъ, но по крайней мѣрѣ еще и санскритскаго. А у насъ этотъ предметъ будетъ проходиться въ *общеобразовательныхъ гимназіяхъ*. И все это пишется, печатается и даже читается.

VIII.

Странное дѣло! Никто изъ противниковъ учебной реформы не можетъ сказать слова, не говоря неправды, сознательной или безсознательной, умышленной или неумышленной. Къ какимъ грубымъ обманамъ прибѣгаютъ для достиженія этой цѣли враги русскаго просвѣщенія, какими уловками ищутъ они затемнить дѣло, спутать всякое здравое представленіе о немъ, и какъ успѣваютъ они въ этомъ — поистинѣ невѣроятно! Такъ, напримѣръ, пускается въ ходъ *С.-Петербургскими Вѣдомостями* что „классическое образованіе“ есть образованіе „*семинарское*“, и утверждая то же, *Вѣстникъ Европы* ставитъ

уже прямо вопросъ: „желательно ли чтобъ образованное русское общество стояло въ умственномъ развитіи на уровнѣ семинариста кончившаго курсъ?“ — „вопросъ, который,“ слѣшитъ объяснить благонамѣренный журналъ, „можетъ рѣшить всякій, и рѣшитъ, разумѣется, отрицательно.“ И этого достаточно чтобы произвести впечатлѣніе: въ умѣ иныхъ почтенныхъ людей, не имѣющихъ ничего общаго съ тенденціями нашихъ борзописцевъ, напечатлѣвается слово „семинаристъ“ и вызываетъ тотчасъ же понятіе о неуклюжемъ, грубомъ, неумытомъ бурсакѣ, съ какимъ знакомы они по произведеніямъ нашей литературы. Подъ этимъ впечатлѣніемъ почтенные люди не даютъ себѣ отчета въ томъ что, разумѣя подъ „семинарскимъ образованіемъ“ ту гуманистическую школу чрезъ которую проходитъ весь образованный міръ, они должны признать *семинаристами* и Гладстона, и князя Бисмарка, и наслѣднаго принца Прусскаго, и Вирхова, и Дюбуа-Реймона, и Митчерлиха, словомъ, всѣхъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей нашего вѣка, всѣхъ свѣтилъ современной науки, всѣхъ ученыхъ сидящихъ на каѳедрахъ европейскихъ университетовъ, ибо нѣтъ ни одного изъ нихъ который бы не прошелъ эту школу.... Есть другіе господа которые весьма коварно пользуются этою путаницей понятій: они, при случаѣ, приломнятъ всякія производившіяся у насъ въ шестидесятыхъ годахъ агитаціи, коноводами которыхъ были иногда семинаристы, и преисполнившись вдругъ благонамѣренности достойной лучшаго дѣла, станутъ указывать на нихъ: вотъ-съ вамъ, скажутъ они, классическое образованіе, — примѣръ нашихъ семинарій служитъ доказательствомъ что оно породило въ Россіи лишь одинъ нигилизмъ!

Что же однако оказывается въ дѣйствительности? Чѣмъ были, не далѣе какъ еще за два года назадъ, эти наши семинаріи, „породившія въ Россіи нигилизмъ“? Семинаріи наши, за исключеніемъ спеціально-богословскихъ предметовъ, были именно тѣми общеувеселительными *реальными* заведеніями какихъ нынѣ требуютъ отъ правительства и мудрецы *Вѣстника Европы*, *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* e tutti quanti, и почтенные, но близорукіе люди служащіе имъ безсознательно орудіемъ. Въ семинаріяхъ нашихъ съ 1840 года и до преобразованія ихъ при нынѣшнемъ оберъ-прокурорѣ святѣйшаго синода не было тѣни чего-либо подобнаго европейской общеобразовательной школѣ которую имѣется нынѣ

въ виду ввести наконецъ и у насъ, и онѣ представляли собою куріознѣйшій образцикъ того педагогическаго винегрета которымъ наши благонамѣренные „patres conscripti“ *реализма* претендуютъ служить великимъ цѣлямъ отечественнаго просвѣщенія. Вслѣдствіе вліяній о которыхъ безполезно было бы здѣсь распространяться, старый, не измѣнявшійся съ самаго дня ихъ основанія учебный планъ этихъ заведеній былъ въ 1840 году передѣланъ на самыхъ радикальныхъ основаніяхъ. Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, откуда вышла инициатива этой ломки, рѣшено было изгнать оттуда древніе языки и замѣнить ихъ „реальнымъ цикломъ“, какъ выражается въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* г. Бекетовъ. Согласно съ этимъ планомъ преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ было дѣйствительно низведено до такого ничтожества (одинъ, много два урока въ недѣлю), что большинство кончавшихъ семинарскій курсъ не умѣло буквально читать по-гречески. За то широкое мѣсто отведено было преподаванію русской *словесности, естественной исторіи, сельскаго хозяйства и медицины.* Сбродъ безсвязныхъ, отовсюду надерганныхъ, ни на что не годныхъ свѣдѣній, замѣнилъ такимъ образомъ то строгое сосредоточеніе занятій на предметахъ вызывающихъ самостоятельную работу мысли которое составляло всю силу прежняго „семинарскаго образованія“. Богословскія науки, болѣе чѣмъ какія-либо другія требующія зрѣлой подготовки ума для плодотворнаго овладѣнія ими, оставлены были при этомъ въ прежнемъ объемѣ, и даже расширены, но въ этомъ новомъ окруженіи, среди предметовъ лишенныхъ всякаго педагогическаго значенія, онѣ не только не способствовали развитію духа религіи въ учащихся, но нерациональнымъ расширеніемъ своимъ представлялись имъ безполезнымъ бременемъ и неизбѣжно вели къ отрицанію. Вотъ въ чемъ состояло за послѣднія тридцать лѣтъ образованіе въ нашихъ семинаріяхъ, вотъ при какихъ условіяхъ „породили онѣ нигилизмъ въ Россіи.“ Этотъ прискорбный фактъ, котораго мы отрицать не будемъ и на который съ такою неслыханною дерзостью осмѣливаются указывать теперь какъ на плодъ классическаго образованія, совпадаетъ именно со временемъ полнѣйшаго разгрома гуманистической школы въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ.

Семинаріи наши до этой печальной эпохи сослужили Россіи службу, которую забывать не приходится. Ихъ дала намъ Европа чрезъ посредство Кіевской академіи, имѣвшей такое

великое значеніе для нашего просвѣщенія; въ продолженіе почти двухъ столѣтій другихъ школъ у насъ не было, и въ нихъ единственно черпалось то богатство умственныхъ силъ которое такъ поражаетъ насъ въ исторіи нашего XVIII вѣка, когда мы сравнимъ его съ нашимъ теперешнимъ убожествомъ. Несмотря на грубость своей обстановки, на тяжелость своихъ схоластическихъ пріемовъ, это были настоящія, прочныя школы, всецѣло сохранившія свое кровное родство со школами европейскими, построенныя на тѣхъ же твердыхъ основахъ, и готовившія, какъ онѣ, крѣпкихъ, здраво и самостоятельно мыслящихъ людей. Изъ нашихъ духовныхъ академій и изъ этихъ семинарій, къ которымъ такъ презрительно относятся наши современные верхогляды, вышли такіе іерархи какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Димитрій Ростовскій, Гавріилъ Бужинскій, Георгій Конисскій Платонъ, Филаретъ; такіе государственные люди какъ Потемкинъ, Трощинскій, Завадовскій, Сперанскій и тотъ самый Ломоносовъ, „отецъ русской науки,“ котораго *Вѣстникъ Европы* почелъ нужнымъ объявить „не классикомъ“; воспитанниками тѣхъ же семинарій были всѣ эти менѣе извѣстные дѣятели которыхъ отыщетъ и помянетъ будущій историкъ русской культуры, труженики и дѣльцы, сидѣвшіе въ тогдашнихъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, съ помощью коихъ государственное дѣло Россіи могло спориться и крѣпнуть, находя въ нихъ умственное оружіе не уступавшее по достоинству тому съ какимъ мы должны были вѣдаться, вступая въ политическую борьбу съ Европой....

И вотъ эта грубая, но крѣпкая школа въ одно прекрасное утро оказалась для насъ ненужною. Разметавъ все то что̀ составляло ея крѣпость, но оставивъ ей ея грубость, мы „семинарское“ образованіе превратили въ „реальное“. Это всѣмъ вѣдомый, неоспоримый фактъ. Если вслѣдъ за этимъ наши семинаріи превратились въ разсадники „нигилизма“, то пусть же благонамѣренныя лица указывающія на этотъ фактъ вспомнятъ что это были уже далеко не *классическія* школы....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ.

МАРТЪ.

Стр.

О значеніи для Россіи развитія сельско-хозяйственной промышленности на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго Моря. Гл. I—II. *Ф. И. Гейдука.* 5

Посольство въ Хиву и Бухару полковника Игнатьева въ 1858 году. (Окончаніе). *Н. Г. Залѣсова* 42

На ножахъ. Романъ. Конецъ второй части. *Н. С. Лѣскова* (Стебницкаго). 83

Москва и Петербургъ въ санитарномъ отношеніи. *Н. И. Соловьева.* 153

Греки и Трояне въ XVI столѣтіи. *Д. Ѳ. Касицына.* . 180

Въ лѣсахъ. Разказъ. Гл. VII—XVI. *Андрея Печерскаго.* 205

Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Эпизодъ второй. (Окончаніе). *Барона Ѳ. А. Бюлера.* 277

„Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо“. Стихотвореніе. *Гр. А. К. Толстаго* 294

Миражъ (изъ Фрейлиграта). Стихотвореніе. *Ѳ. Б. Миллера* 295

О подушной подати. *Члена земской податной коммиссіи.* 297

Иностранная литература 363

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

По волѣ судьбы. Романъ. Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—V.

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. XX—XXIII.

АПРѢЛЬ.

Стр.

О значеніи для Россіи развитія сельско-хозяйственной промышленности на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго Моря. *Ф. И. Гейдука* 381

Процессъ Галилея по новымъ документамъ. *Ѳ. А. Бредихина.* 405

Бѣсы. Романъ. Окончаніе первой части. *Ѳ. М. Достоевскаго.* 415

На ножахъ. Романъ. Часть четвертая. *Н. С. Лѣскова* (Стебницкаго) 464

Россія подъ леромъ замѣчательнаго человѣка. Современныя письма. *Кн. В. П. Мещерскаго* 551

Исторія русскаго конкордата. *Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 годъ*, А. Н. Попова (*Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія*, 1870). *П. Щ.* . . 610

О нашемъ классическомъ образованіи. *Ѳ. V.* 664

Парижскіе клубы. *Г.* 700

По поводу памятника Пушкину. *П. К. Щебальскаго.* . 712

Митральеза въ войнѣ за реальное образованіе. *Русскаго гражданина.* 715

Два слова г. Мордовцеву. *П. Щ.* 750

Текущія замѣтки. 755

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

По волѣ судьбы. Романъ. Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. Гл. V—IX.

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXIV—XXVII.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k. съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 k., съ перес. 70 k.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 k., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 k., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

ОСНОВАНІЯ СИНТАКСИСА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА. Синтаксисъ обыкновенный, преимущественно аттической прозы, д-ра К. В. Крюгера, перевелъ съ нѣмецкаго К. Мысовскій. Изданіе Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 р.

КАТОНЪ СТАРШІЙ И ЛЕЛІЙ ЦИЦЕРОНА. Объяснилъ и особымъ словаремъ снабдилъ А. Ананьевъ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. 70 коп.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ, съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ЦИЦЕРОНА ПРОТИВЪ Л. СЕРВІЯ КАТИЛИНЫ. Объяснилъ Ю. Фелькель. Цѣна 80 k., съ пересылкой 1 р.

ло его же словамъ, онъ сдѣлался теперь необходимымъ не только маркграфинѣ, но и самому принцу. — Только ужь пожалуста не изображайте бронзовыхъ статуй, увѣщевалъ я его. Онъ кивалъ головой. Онъ нанялъ по сосѣдству замокъ графа Фретцеля и увѣрялъ что въ настоящее время вполнѣ обезпеченъ. Онъ внушилъ принцу Эрнсту надлежащее понятіе о богатствѣ молодаго англійскаго дворянина, показавъ ему копи моего дѣда.

— И мы, Ричи, ссудили ему бездѣлицу въ нѣсколько тысячъ для разработки этого вновь открытаго угля. Черезъ шесть недѣль наша шкуна появится на Эльбѣ чтобы доставить ему развлеченіе. Онъ милостиво благоволитъ принять отъ насъ пару англійскихъ охотничьихъ лошадей; мы, я думаю, улучшимъ здѣшнюю породу. Хорошо ли дѣйствовалъ я, Ричи? Кажется я заботился о твоихъ интересахъ, не такъ ли?

Онъ ждалъ довѣрчивыхъ изліяній съ моей стороны, но не вынуждалъ ихъ. Въ этомъ отношеніи онъ всегда обнаруживалъ неизмѣнную деликатность.

— Тебѣ нечего сказать мнѣ? спросилъ онъ.

— Нечего, отвѣчалъ я.—Могу только благодарить васъ.

Онъ оставилъ меня. Ни въ какое другое время жизни нашей не были мы такъ далеки другъ другу. Я чувствовалъ въ себѣ противоположное тому что̀ видѣлъ въ немъ, и вслѣдствіе этого немногія письма мои къ сквайру носили болѣе задушевный характеръ. Кажется я писалъ объ удовольствіяхъ скромной жизни, жизни посвященной ученію. Мистеръ Питерборо въ то же время отправлялъ въ Риверсли хвалебные отчеты о моемъ благонравіи и прилежаніи, откровенно сознаваясь что я начиналъ уже перегонять его въ нѣкоторыхъ изъ высшихъ отраслей. Короткій отвѣтъ сквайра высказывалъ удовольствіе, но основанное очевидно на роковомъ заблужденіи. Онъ желалъ имѣть меня при себѣ „также какъ и еще другая особа, которую я, кажется, забываю“. Онъ давалъ мнѣ отпускъ еще на годъ, но совѣтовалъ мнѣ прямодушно не дѣлаться книжною крысой, и не забывать что я Англичанинъ. Мысль что я обманываю его не приходила мнѣ въ голову.

Я обманывалъ всѣхъ, и себя также, что̀ неизбѣжно для человѣка который гонится за женщиной стоящею выше его по положенію. Погоня требуетъ обмана,—какъ знать? пожалуй и притворства также; она неизбѣжно приноситъ съ собой униженія; такъ что съ самаго начала ея я едва могъ думать объ

отцѣ спокойно, и рѣдко встрѣчалъ его съ удовольствіемъ. Какъ мнѣ было явиться предъ принца и маркграфиню и сказать: я простой англійскій дворянинъ, сынъ человѣка сомнительнаго происхожденія, и прошу руки принцессы? Какое лицо было бы у меня при этомъ? Въ настоящемъ положеніи дѣлъ могъ ли я довѣриться даже Темплю, и посвятить его во всѣ мои продѣлки? Мое стихоплетство, мое няньчанье съ цвѣтами, моя игра въ аллегоріи,—все это мучило меня, уличая въ какомъ-то возмутительномъ малодушіи. Посреди этихъ мученій меня поразила стрѣла въ видѣ безыменнаго письма, состоящаго изъ одной короткой строчки:

„Принцесса нуждается въ помощи.“

Я отбросилъ въ сторону книги и отправился въ замокъ графа Фретцеля, гдѣ, по счастью, не засталъ отца. Видъ принцессы не давалъ мнѣ ни малѣйшаго повода думать чтобъ я могъ оказать ей помощь. Однако другая краткая и выразительная записка подтвердила что она ожидаетъ помощи отъ меня. Я случайно услышалъ какъ маркграфиня говорила баронессѣ Туркемсъ: „помолвка принцессы“—дальше я не разобралъ. Вскорѣ затѣмъ я узналъ что принцъ Отто гоститъ во дворцѣ на озерѣ. Явилась третья записка отъ моего неизвѣстнаго корреспондента.

Я вклеилъ этотъ клочокъ бумаги въ мою заброшенную книгу замѣтокъ и размышленій, гдѣ ему мѣста было вволю. Меня стало тянуть къ этой книгѣ; я готовъ былъ впасть въ отчаяніе. Я теперь готовъ былъ вѣрить всему, исключая того только чтобы принцесса нуждалась въ помощи отъ меня. Я рѣшился ѣхать домой. Унылый видъ, въ какомъ представлялась мнѣ Англія, соотвѣтствовалъ моему настроенію. Необходимо было уѣхать куда-нибудь, ибо пришла вѣсть что отецъ мой набралъ труппу французскихъ актеровъ, и предстояли оглушительныя празднества. Я считалъ однако приличнымъ кончить курсъ въ университетѣ, если еще осталась во мнѣ способность понимать книги. Кто учится, тотъ не дуритъ; это несомнѣнная истина. Я благодарилъ доктора Юліуса что онъ внушилъ мнѣ ее. Трезвость ученія составляетъ вѣрнѣйшее противоядіе безумнымъ увлеченіямъ сердца, и какъ ни скучны казались теперь книги, я уже пріобрѣлъ привычку садиться за нихъ, и это все-таки могло служить лѣкарствомъ.... лишь бы подѣйствовало оно!

Въ одинъ очень жаркій день, послѣ полудня, я поѣхалъ вер-

хомъ взглянуть на дворецъ у озера, можетъ-быть въ послѣдній разъ, говорилъ я себѣ, предчувствуя что еще до захожденія солнца можетъ овладѣть мною стремленіе бѣжать. Самое біеніе сердца какъ будто говорило мнѣ: „Прочь отсюда!“ Перенося томительное ощущеніе жары на мое нравственное состояніе, я говорилъ себѣ что верхъ безумія стоять и жариться здѣсь, подъ небомъ не дающимъ ничего, кромѣ зноя. Оно высилось надо мной, какъ мѣдный куполъ. Свѣтъ и тѣнь врѣзывались полосами, словно лезвія мечей. Лавры блестѣли, будто отъ мороза; густая листва висѣла, обожженная; надъ макушками сосенъ мерцало какое-то болѣзненное сіяніе. Пчелы жужжали, въ воздухѣ носилось какъ бы ожиданіе грозы.

Мнѣ жаль стало моей лошади и собаки, бѣжавшей за мной; но самому мнѣ было пріятно. Ничего не виднѣлось кругомъ; вся страна была въ моемъ распоряженіи. „Чего недостаетъ мнѣ?“ подумалъ я. Гордость физической силы поднялась во мнѣ. Я оглянулся кругомъ. По темнымъ угламъ тѣснилась скотина, да кое гдѣ появлялся, шатаясь, человѣкъ и тотчасъ же скрывался опять отъ нестерпимаго зноя. Ничей глазъ не обращался на меня.

Я не видѣлъ ничего движущагося, какъ вдругъ лодка выплыла изъ залива озера подъ мысомъ, на которомъ я остановился. Гребцомъ былъ старый Шварцъ. Какъ вознегодовалъ я на равнодушнаго идіота! Онъ везъ черезъ озеро принцессу и молодаго человѣка въ мундирѣ.

Что они удалялись подъ густую тѣнь въ такое время, когда отвѣсные лучи солнца жгли какъ раскаленныя стрѣлы, было благоразумно.

Какъ скоро скрылись они въ тѣни, я привскочилъ на сѣдлѣ, мучимый невыносимою ревностью. Я ломчался во весь опоръ по сухому кустарнику въ объѣздъ озера, рѣшившись стать съ ней лицомъ къ лицу, отстранить мущину, и сказать послѣднее слово вѣроломной женщинѣ. Образъ настоящей Оттиліи изгладился изъ памяти моей. Кровь моя кипѣла, умъ мутился. „Онъ беретъ ея за руку; она выскакиваетъ изъ лодки; онъ держитъ ея руку; она какъ будто хочетъ отнять; все женскія штуки; они скрываются изъ глазъ.“ Стонъ вырвался у меня. Я напрягалъ дикое воображеніе мое, чтобы разглядѣть ихъ подъ сѣнью лѣса, мучась больше прежняго; но ничто уже не представлялось мнѣ. Залыхавшись ѣхалъ я по одной изъ просѣкъ, и вдругъ увидѣлъ молодаго офицера съ вѣткой

орѣшника въ рукахъ. Онъ подошелъ къ моей лошади, поглядѣлъ на меня сердито, а потомъ какъ бы съ удивленіемъ, и сказалъ:—А! я, кажется, имѣлъ удовольствіе, гдѣ-то.... въ Виртембергѣ, если не ошибаюсь?

Это былъ принцъ Отто. Я сошелъ съ лошади. Онъ стоялъ одинъ. Первымъ вопросомъ моимъ было бы невольно: гдѣ она? Но я былъ не въ силахъ вымолвить слова.

— Изъ Англіи? сказалъ онъ трепля шею лошади.

— Да.... лошадь?... англійскій скакунъ. Какъ поживаете вы, принцъ Отто? Эта лошадь нравится вамъ?

— Чрезвычайно. Вѣдь у насъ, вы знаете, страсть къ англійскимъ кровнымъ скакунамъ. Извините, васъ чуть ли не обожгло солнцемъ. Вы часто ѣздите верхомъ въ такую погоду?

— Я выѣхалъ случайно. Если эта лошадь вамъ нравится, пожалуста возьмите ее. Сядьте, и попробуйте ее. Она ваша, если придется вамъ по вкусу, а если нѣтъ, отошлите ее къ графу Фретцелю. Я наѣздился ужь сегодня по жарѣ.

— Кажется что такъ, сказалъ онъ, колеблясь.—Трудно отказаться, когда предлагаютъ вамъ такую лошадь. Если вамъ угодно сбыть ее, скажите мнѣ, когда встрѣтимся опять. Я попробую ее. Мнѣ хочется поскакать такъ же какъ вы скакали; уходъ ей будетъ хорошій на конюшнѣ принца, да туда и вдвое ближе, чѣмъ къ графу Фретцелю. Позвольте вамъ замѣтить что такую лошадь не слѣдовало бы гонять въ нынѣшнюю погоду.

— Да, мнѣ совѣстно что я на ней выѣхалъ, и непріятно будетъ глядѣть на нее, сказалъ я.—Поѣзжайте, и примите ее отъ меня.

— Знаете ли, я посовѣтовалъ бы вамъ прилечь въ тѣни, замѣтилъ онъ заботливо.—Я видалъ на походахъ въ Венгріи и въ Италіи людей которыхъ часовой отдыхъ спасъ бы отъ смерти.

Я поблагодарилъ его.

— Вамъ нужно льду! воскликнулъ онъ. — Я съѣзжу и пришлю вамъ. Отдохните здѣсь.

Съ видимымъ удовольствіемъ онъ вскочилъ въ сѣдло, приладилъ свои кавалерійскія ноги и ускакалъ, словно хотѣлъ перепрыгнуть черезъ заборъ. Еслибъ онъ оглянулся, онъ подумалъ бы что я помѣшался. Я бѣжалъ во весь духъ по тропинкѣ къ озеру, терзаемый мыслью: не вернулась ли она домой на лодкѣ. Они разошлись.... отчего? Онъ въ одну сторону,

она въ другую. Значитъ возникло между ними несогласіе. Я наткнулся на пустую лодку; подлѣ нея лежалъ Шварцъ подъ густою листвой, мирно куря и потѣя. Ни онъ, ни я не сказали ни слова. Уже тревожимый опасеніемъ, я снова началъ мои поиски, и когда увидалъ ее, великая радость пересилила кипѣвшую во мнѣ страсть. Я трепетно прикоснулся къ ея рукѣ, все еще какъ будто не вѣря что она вполнѣ невредима. Она стояла прислонившись къ дереву и опустивъ глаза на землю, какъ бѣлая статуя въ зеленоватомъ полумракѣ.

— Отто! воскликнула она, откидываясь назадъ, но увидала меня, и трепетная улыбка появилась на лицѣ ея и яркая краска разлилась на немъ какъ свѣтъ зари. Она сжимала грудь рукой, пока я, внѣ себя, говорилъ ей слова любви.

— Вы любите меня? сказала она.

Я крѣпче сжалъ ея руку.

— Вы вѣдь знали это.

— Да, да!

— Вы простили меня? Говорите, принцесса!

— Называйте меня по имени.

— Радость моя! Оттилія!

Она нѣжно высвободилась.

— Я знала это, потому что знала себя, говорила она, тяжело дыша съ полураскрытыми губами.—Слабость нашла на меня. Да, я люблю васъ. Вотъ и сказано. Это истинная правда. Судьба сводитъ насъ именно въ ту минуту когда я утратила свою послѣднюю силу, послѣднюю власть надъ собой. Слышите! Я имѣю притязанія на разумъ и говорю о судьбѣ.

Она засмѣялась надъ собою и поглядѣла на меня чуть не съ горькою улыбкой, которой противорѣчила чудная мягкость ея глазъ. Я опасался чтобъ она не упала въ обморокъ. Дрожь пробѣжала по ней, и въ ту же минуту померкъ свѣтъ солнца, и страшный шорохъ и шумъ качающихся вѣтвей пронесся по лѣсу.

— Не смотрите на меня, сказала она сладкимъ шелотомъ.— Я кажется расплачусь какъ дитя. Когда приходится смирить свою гордость, тогда невольно.... но это не страданіе.... Мы вмѣстѣ, и я ничего больше не желаю.

Слезы потекли изъ глазъ ея.

Я сказалъ ей о письмахъ полученныхъ мною, въ которыхъ говорилось о трудности ея положенія. Они могли служить мнѣ оправданіемъ, если только могъ я оправдаться.

Внезапно раздался солдатскій голосъ Шварца, взывавшій къ принцессѣ, и затѣмъ самъ онъ предсталъ предъ нами, громадный и смоченный дождемъ, ожидая приказаній.

— Громъ, возвѣстилъ онъ, поднимая руку какъ сигналъ,— гремитъ. Идетъ дождь. Гроза. Что прикажете дѣлать, ваше высочество?

Оттилія взглянула наверхъ и поморщилась. Дождь и молніи наполняли небо и землю.

— Распоряжайтесь вы, сказала она мнѣ кротко.

Самое простое было отправить ея великана прямою дорогой вдоль озера за экипажемъ, или парусиной на лодку. Я это предложилъ, но не настаивалъ.

Она подумала минуту.

— Мнѣ кажется я могу остаться съ моимъ возлюбленнымъ? сказала она.

Мы съ Шварцемъ побѣжали къ лодкѣ, вытащили ее на берегъ, опрокинули и подлерли носъ низкою вѣткой. Подъ эту защиту я привелъ принцессу, и мы отправили Шварца принять надлежащія мѣры, ибо гроза не обѣщала скоро пройти. Въ сущности я сознавалъ что отправиться слѣдовало бы мнѣ, а ему остаться съ принцессой, но гроза гремѣвшая надъ нами не была сильнѣе волновавшаго меня чувства. Оттилія остается часъ со мною; мнѣ казалось что я заслужилъ это.

ГЛАВА XXXI.

Письмо принцессы Оттиліи.

Гроза быстро промчалась надъ тѣснымъ убѣжищемъ, въ которомъ мы пріютились, какъ насѣкомыя. Уголокъ Оттиліи былъ сухъ, хотя на четверть отъ него лились потоки на жидкую грязь. Меня мочило дождемъ, и она старалась привлечь меня къ себѣ, какъ будто желая защитить меня, или погибнуть въ моихъ объятіяхъ, еслибы молнія упала на насъ. Надъ нами висѣла густая листва, а предъ нами озеро кипѣло, темнѣло и рдѣло. Говорить было незачѣмъ. Губы Оттиліи были закрыты, но глаза ея нѣжно глядѣли на меня.

Счастливый часъ прошелъ. Забрызганныя колѣни стараго воина показались въ уровень съ нашими головами, когда громъ утихалъ. Оттилія приготовилась встать.

— Вы услышите обо мнѣ—сказала она, наклоняясь подъ крышей лодки, словно птичка готовая выпорхнуть.

— Увижу ли я васъ?

— Когда-нибудь конечно увидите. Будьте терпѣливы.

— Развѣ я не былъ терпѣливъ?

— Да; и развѣ жалѣете вы объ этомъ?

— Нѣтъ, но однако мы разстаемся.

— Вы хотѣли бы чтобы мы навсегда остались заключенными въ одинъ квадратный аршинъ? сказала она улыбаясь.

— Въ полъ-аршина, подъ землей пожалуй, лишь бы только быть вмѣстѣ.

— Бѣдные гномы! сказала она.

Она оглянулась еще разъ на наше скромное убѣжище; и можетъ-быть ей пришло въ голову пожалѣть о существахъ до такой степени малыхъ, что видятъ только колѣни стоящаго предъ ними человѣка. Головы наши были спрятаны.

— Прощайте, изъявленій никакихъ не нужно, сказала она нѣжно.

— Не нужно, повторилъ я, и получилъ поцѣлуй за свою скромность.

Шварцъ съ большимъ тактомъ не поднялъ тревоги во дворцѣ. Онъ отдалъ честь установленнымъ порядкомъ своей молодой госпожѣ, принимая ее подъ обширный зонтикъ, неизмѣнный спутникъ здѣшняго поселянина по праздникамъ. Явился лѣсничій съ шалями, плащами и парусиной. Лодка была спущена на воду.

— Прощайте, Гарри. Будете ли вы ждать терпѣливо, пока не получите вѣсти отъ меня? сказала Оттилія, и прибавила: Это мой вопросъ, обворожительно напоминая старыя времена.

Скоро я видѣлъ только слѣдъ лодки на пѣнистой водѣ. Кто-то кричалъ въ лѣсу, и гребцы громко отвѣчали. Оттилія могла упомянуть обо мнѣ, или нѣтъ, какъ ей угодно. Мнѣ приходилось ждать. Но какъ несравненно былъ я богаче цѣлаго свѣта! Пусть будущее ничего не даетъ мнѣ! Я готовъ былъ обязаться клятвенно ничего болѣе отъ жизни не требовать. Между многими намѣреніями, слагавшимися во мнѣ на пути домой, было намѣреніе пріобрѣсти клочокъ земли на которомъ мы сидѣли съ Оттиліей и построить на немъ храмъ. Меня мучила мысль что ноги постороннихъ людей будутъ топтать эту землю, пока я не успѣю огородить ее. Всего бо-

лѣе страдалъ я отъ неспособности моей вызвать образъ Оттиліи безъ обстановки принадлежащей ея сану. Мнѣ становилось стыдно; но это находило на меня лишь минутами, когда гордость заносилась слишкомъ высоко и тѣнь возможнаго несчастія грозя возникала предъ ней.

Мнѣ не долго пришлось ждать. Любимая горничная Оттиліи, Аннушка, принесла мнѣ первое письмо ея. Лицо дѣвушки сіяло; словно она хвалила меня за какой-нибудь доблестный поступокъ.

— Требуется отвѣтъ, Аннушка? спросилъ я ее.

— Да, да, сказала она тревожно,—но мнѣ теперь некогда ждать. Она назначила мнѣ встрѣтиться вечеромъ у воротъ дворца. Я легъ подъ лилы и сталъ читать письмо.

„Возлюбленный мой! обращалась ко мнѣ принцесса на родномъ своемъ языкѣ, догадываясь, вѣроятно, что по-англійски подобныя обращенія слишкомъ странны показались бы моимъ непривычнымъ глазамъ. Затѣмъ она переходила къ англійской рѣчи, не опасаясь, какъ видно, критика, слишкомъ расположеннаго къ снисходительности.

„Насталъ вечеръ, подводящій итогъ дѣяніямъ дня. Отецъ мой видѣлся съ главнымъ лѣсничимъ и спрашивалъ что̀ случилось въ лѣсу отъ грозы. Не все было ему сказано. Завтра онъ все узнаетъ.

„Медлить нельзя; мнѣ представлялось прежде что это узнается когда-нибудь, подъ конецъ, а не теперь, не сейчасъ. Но мы должны уже дорожить своею свободой. Въ минуты узнала я то чему собиралась научиться годами, нашъ лѣсъ сказалъ мнѣ все чего хотѣла я искать въ путешествіяхъ, въ новыхъ мѣстахъ, въ опытѣ жизни. *Ne te quaesiveris extra!* Я однако была права. Намѣреніе мое было хорошее. Не сразу все пойдетъ легко. Предстоитъ бороться. *Онъ* уже испытанъ; *онъ* прошелъ чрезъ горнило; но я? Я поведу его на борьбу, не зная хорошенько себя самой? Такъ я разсуждала. Кто учился тотъ знаетъ что человѣческая природа слаба. Ежедневно измѣняется тѣло, ежедневно умъ, почему же не сердце? Я хотѣла путешествовать и совѣтоваться съ разными лицами.

„Прости женщинѣ, знавшей что ей потребуется не женская сила и твердость, чтобы распорядиться собой по собственной волѣ.

„Я слышала о Гарри Ричмондѣ, еще прежде чѣмъ увидала его. Желаніе поглядѣть на двухъ красивыхъ мальчиковъ изъ царства моряковъ заставило меня погнаться за ними въ тотъ, столь отдаленный и вѣчно какъ бы вчерашній день, мысли мои носились за тобою, и я спрашивала себя: намѣренъ ли онъ сдѣлаться знаменитымъ моряко̀мъ, какъ соотечественникъ его Нельсонъ, или ученымъ? Потомъ я бесѣ-

довала съ моимъ профессоромъ, покуда, какъ это всегда бываетъ, слабѣйшее существо не отказалось отъ споровъ и стало размышлять про себя. Однакоже презрѣніе къ Англіи все-таки вкрадывалось въ меня. Но когда я лежала, увядая при всей своей молодости, на морскомъ берегу, меня опять поразило древнее величіе твоей родины, я мечтала о Гарри Ричмондѣ, и мнѣ показалось что я измѣнила моему дѣтству. Ты вдругъ явился предо мною, мой милый. Ты былъ добръ, ты былъ силенъ, голосъ твой былъ ласковъ. На морѣ души наши отозвались другъ другу. Помнишь какъ я проговорилась, упоминая о бракѣ Люси Сиблей? „Мы мѣняемся странами.“ Въ эту минуту мнѣ казалось что мы съ тобою сойдемся непремѣнно, какое бы ни было разстояніе между нами.

„Завтра я скажу принцу, отцу моему, что я дала слово. Для насъ борьба, для него горе. Я принуждена сознательно огорчить его.

„Относительно достоинствъ жениха моего, я могу сослаться на моего профессора. Онъ былъ плѣненъ ими. Прежде онъ былъ склоненъ смотрѣть враждебно на смѣлаго молодаго Англичанина. „Зачѣмъ онъ здѣсь? чего ищетъ онъ у насъ?“ Онъ злился не на лицо, а на народъ выславшій одного изъ своихъ представителей, чтобы сорвать и увести его бережно взлелѣянную нѣмецкую лилію. Онъ одинъ читалъ въ душѣ моей. И ты вынесъ наложенное на тебя испытаніе. Ты не требовалъ награды послѣ него. Нѣтъ, сильная любовь всегда чиста. Любовь въ природѣ нашей. Вопросъ не о чистотѣ ея, а лишь о силѣ.

„Я не могла помочь тебѣ, когда за тобой слѣдили маргравиня и баронесса. Я выдала бы насъ обоихъ. У свѣта бдительные, хотя и не очень зоркіе глаза. Онъ тотчасъ же замѣтитъ всякое уклоненіе, но не увидитъ согласія двухъ душъ, если оно не проявляется какими-либо внѣшними порывами.

„Поэтому, когда я отказала принцу Отто и другимъ представлявшимся женихамъ, предполагали что сердце мое свободно. Думали что ученой принцессѣ естественно быть причудливой. Ты уѣхалъ отъ насъ: я тебя лишилась. Я слышала какъ тебя хвалили за учтивое равнодушіе ко мнѣ — единственное достоинство которымъ ты не обладаешь. Потомъ разсудили что въ виду моей необыкновенной холодности, можно позволить родственнику моему Отто самому говорить за себя. Большинство нашего семейства на сторонѣ Отто. Ему позволили ухаживать за мной, какъ за простою дѣвушкой, и съ того времени я буду жалѣть всякую дѣвушку которую такъ преслѣдуютъ, отъ которой требуютъ чтобъ она взяла ножъ и нанесла имъ ударъ. Но я, видя въ бракѣ не одно лишь признаніе себя побѣжденной, могла безъ труда устоять противъ пылкаго краснорѣчія. Мнѣ легко было оставаться непоколебимою и въ душѣ и въ рѣчахъ, когда стояла я тамъ подъ деревомъ, и ко мнѣ приставали чтобъ я передѣлала себя. Но когда появился другой, моя радость, моя надежда, поло-

вина моего существа, и все сокрытое вдругъ поднялось.... Я сказала тебѣ тогда что на меня нашла слабость? То былъ послѣдній крикъ умирающаго „Я.“ Теперь я твоя. Раздѣлить насъ нельзя. Мы съ тобой одно. Еслибы не привыкла я вѣрить моему милому, полагаться на него во всемъ, я остановилась бы и перечла бы слова писанныя здѣсь безъ осторожности. Я подписываюсь предъ лицомъ неба твоя Оттилія.“

Оттилія-Фредерика-Вильгельмина-Гедвига,
принцесса Эппенвельценъ-Саркельдъ.

ГЛАВА XXXII.

Свиданіе съ принцемъ Эрнстомъ и встрѣча съ принцемъ Отто.

Посланный отъ принца Эрнста, требующій меня немедленно во дворецъ, возвѣстилъ мнѣ что битва началась. Я могъ бы дождаться отца, который съ минуты на минуту долженъ былъ возвратиться съ одной изъ своихъ поѣздокъ по дѣламъ принца; но хотя я и зналъ что онъ былъ бы мнѣ сильнымъ союзникомъ на такомъ свиданіи, я предпочелъ отправиться одинъ. Принцъ Отто встрѣтился со мной въ прихожей. Онъ прошелъ мимо, взглянувъ на меня искоса и сказалъ черезъ плечо: „Мы съ вами поговоримъ“. Дверь кабинета растворилась предо мной настежь. Тутъ были принцъ Эрнстъ и маркграфиня. Она вышла съ гнѣвною величественностью. Принцъ держался холодно и торжественно, какъ на аудіенціи. Онъ умѣлъ принимать величавый видъ. Тотчасъ можно было предугадать характеръ свиданія.

— Сядьте, сказалъ принцъ.

Я поклонился и сѣлъ. Невыгодное положеніе въ виду человѣка раздраженнаго, готовящагося предлагать рѣзкіе вопросы. Мое спокойное послушаніе могло наломить ему объ обязанности не выходить въ отношеніи ко мнѣ изъ предѣловъ учтивости. Онъ поставилъ стулъ противъ меня, но не могъ рѣшиться сѣсть тотчасъ же.

— Вамъ, я думаю, не къ чему говорить по какому дѣлу желалъ я васъ видѣть.

— Кажется я догадываюсь, ваше высочество.

— Дѣло невозможное! Ужасная нелѣпость! Неслыханная вещь! бормоталъ онъ. — Вы понимаете что изо всѣхъ силъ

стараетесь разрушить мои семейные планы? Что это значитъ? По здравому разсудку, вы не можете надѣяться на успѣхъ! Хотя вы и иностранецъ, вы должны это знать. Возьмите примѣръ съ вашихъ царствующихъ фамилій. Такихъ случаевъ никогда не бываетъ въ нихъ. Или вы предполагаете что огромное богатство даетъ вамъ право на неслыханную дерзость считать себя равнымъ коронованнымъ лицамъ? Съ такимъ безумiемъ обыкновенно не разсуждаютъ; его наказываютъ! Да и теперь уже.... еслибы только огласилось что я снизошелъ до объясненій, я сдѣлался бы посмѣшищемъ всѣхъ дворовъ Европы. Васъ, Англичанъ, нужно многому учить. Ваши писаки внушаютъ вамъ пренебреженіе къ достоинству которое не поддерживается множествомъ штыковъ, пушекъ и золота. Я объ этомъ слышалъ когда путешествовалъ инкогнито. Вы смѣетесь надъ мелкими властителями. Хорошо. Только не переходите имъ дорогу. Ихъ владѣнія тѣсны, но они принадлежатъ имъ. Здѣсь, гдѣ мы теперь, моя власть равняется власти императора. Вы поймете что я не хвастаюсь и не угрожаю. Я стараюсь, вслѣдствіе странной необходимости, вразумить васъ. Я имѣю причину чувствовать себя оскорбленнымъ; я оставляю это въ сторонѣ. Я говорю съ вами какъ человѣкъ съ человѣкомъ и обращаюсь къ вашему разсудку. Можете ли вы что-нибудь отвѣтить?

Я всталъ.

— Многое, ваше высочество.

— Въ такомъ случаѣ сядьте пожалуста.

Онъ подалъ мнѣ примѣръ, повторяя: „Многое“.

Изъ раздраженія котораго онъ не въ силахъ былъ скрыть, я видѣлъ ясно что принцесса сдѣлала свое дѣло смѣло и честно. Я не могъ уступить.

— Многое? повторилъ онъ съ притворною недовѣрчивостью.

Всего тяжеле мнѣ было отвѣчать въ такихъ неопредѣленныхъ словахъ какія ему угодно было употребить.

— Я многое имѣю сказать, ваше высочество. Во первыхъ, я долженъ попросить у васъ прощенія, не извиняясь однако.

— Другими словами, прощеніе мое вамъ вовсе не нужно. Говорите опредѣленнѣе.

Но я такъ же тщательно какъ и онъ избѣгалъ всякаго прямаго намека на участіе его дочери.

— Я оскорбилъ ваше высочество, сказалъ я.—Вамъ угодно

было приписать это моему англійскому воспитанію. Вы повѣрите, надѣюсь, что оскорбленіе это было не преднамѣренное.

— Вы сваливаете вину на воспитаніе ваше среди народа лавочниковъ?

— Мои соотечественники не неучи и не невѣжды, ваше высочество.

— Я этого не говорилъ; да и не думаю этого.

— Я опасался что ваше высочество раздѣляетъ весьма распространенное, иногда впрочемъ намѣренное, заблужденіе относительно Англичанъ.

— Когда я служилъ, у меня былъ товарищъ, истинно благородный человѣкъ, глубоко любимый мной. Онъ былъ Англичанинъ. Онъ умеръ въ мундирѣ, подъ знаменемъ, которое я уважаю.

— Радуюсь что ваше высочество имѣли случай узнать насъ съ этой стороны. Должно-быть я не хорошо выразился. Мое англійское воспитаніе конечно не исключаетъ почтенія къ высокому сану. Ваше высочество, смѣю надѣяться, проститъ мою дерзость. Я не могу извиняться, потому что не могу отступиться и не въ состояніи сказать что я сожалѣю объ этомъ.

— Вы говорите это серіозно? воскликнулъ принцъ.

Изумленіе его было непритворно.

— Что же у васъ за невозможныя, дикія мысли?... Какъ?... Что даетъ вамъ поводъ думать что есть для васъ хоть какая-нибудь надежда? Что значитъ что вы не можете отступиться? Развѣ васъ просятъ? Развѣ васъ спрашиваютъ? Тутъ не вопросъ, а необходимость: вы должны отступиться. Что надѣетесь вы сдѣлать, я рѣшительно не знаю; одно только готовъ утверждать положительно, что вы не въ силахъ остановить теченіе моей домашней жизни. Я утверждалъ бы это точно такъ же, будь я простой гражданинъ. Вы въ данномъ случаѣ сами по себѣ ничего не значите; васъ можно отстранить однимъ движеніемъ руки. Одно только остается вамъ сдѣлать: извиниться, войти въ себя, исправить зло, которое я согласенъ считать не преднамѣреннымъ. А затѣмъ продолжайте пока свои занятія, свои путешествія. Современемъ мнѣ будетъ пріятно видѣть васъ у себя. Мистеръ Ричмондъ, прибавилъ онъ улыбаясь и вставая, — даже владѣтелю маленькаго нѣмецкаго княжества приходится давать множество ауденцій. Лицо его приняло болѣе благосклонное выраженіе, чтобы дать мнѣ понять что прощальныя слова его были не болѣе какъ шутка.

Что до меня касается, мой умъ былъ смущенъ соображеніемъ что лицо отца напоминаетъ черты дочери. Я упоминаю объ этомъ чтобы показать въ какомъ состояніи былъ я тогда.

Едва вышелъ я изъ комнаты, какъ отецъ заключилъ меня въ свои объятія, и я слышалъ какъ принцъ Отто что-то говорилъ мнѣ и требовалъ отвѣта. Чтобъ онъ или кто-либо другой на свѣтѣ могъ питать враждебныя чувства къ такому жалкому существу какъ я, казалось мнѣ страннымъ. Какъ видно, его болѣе всего сердило что я подарилъ ему лошадь. Я дошелъ до нашего зàмка, ни разу не оглянувшись, въ тяжкомъ унынiи. Я заперся. Я пытался читать. Странная краткость свиданія моего съ принцемъ, свиданія отъ котораго ожидалъ я если не благопріятныхъ, то по крайней мѣрѣ важныхъ послѣдствій, поразила меня какъ лущечное ядро. Голова моя была пуста. Безукоризненная учтивость принца сразила меня. Меня мучило недовольство собою, будто я велъ себя робко.

Отецъ вбѣжалъ въ мою комнату послѣ сумерокъ. Обнимая меня и держа за руку, онъ поздравлялъ меня отъ всего сердца. Исполнилось желаніе всей его жизни; свершилось то что̀ замышлялъ и готовилъ онъ долгіе годы. Онъ хвалилъ меня безмѣрно. Мнѣ предстоитъ блестящая будущность, говорилъ онъ. Я увезу принцессу съ собою въ Англію и займу тамъ мѣсто на ряду съ первыми людьми страны, какъ супругъ дамы не имѣющей равныхъ себѣ по красотѣ и происхожденію, которая не только возвыситъ меня въ моей родинѣ, но и въ своей странѣ возведетъ меня въ знатный санъ. Дѣти мои будутъ по моему выбору: или англійскіе вельможи, или германскіе князья; и такъ далѣе. Мнѣ не нравились эти рѣчи: однако я ухватился за отца. Я принужденъ былъ спросить его нѣтъ ли у него какой-нибудь интересной новости.

— Никакой, отвѣчалъ онъ спокойно,—никакой. Мнѣ нужно только слушать, а разказывать нечего; да кстати, я едва и говорю отъ радости.

Онъ ручался что маркграфиня будетъ у насъ въ зáмкѣ черезъ недѣлю, что̀ казалось мнѣ достаточнымъ чудомъ. Съ принцемъ, говорилъ онъ, потребуется мѣсяца три искуснаго обращенія. Еще три мѣсяца чтобъ уломать семейство, и принцесса будетъ моя.

— Да вѣдь ужь она и теперь твоя! Она твоя! восклицалъ онъ утвердительно. — Она тамъ господствуетъ умомъ надъ всѣми. Я ума-то ея и опасался, чтобъ онъ не создалъ намъ

затрудненій, а теперь онъ въ союзѣ съ нами. Принцъ живетъ выше своихъ средствъ. Еслибы не я, давно доходовъ бы его не хватило, увѣряю тебя, и свѣтъ увидѣлъ бы изумительное княжеское крушеніе. Деньги для него вещь важная. Надо вести разработку угля. Онъ ничего не въ состояніи вести безъ нашей помощи. Кстати намъ нужно выдать ассигновки.

Я согласился.

Невольно я поддался его радости и увѣровалъ въ его силы. Принцъ раза два при мнѣ хвалилъ его энергическую распорядительность. Мнѣ пришло въ голову что онъ нашелъ наконецъ свое настоящее призваніе, и что теперь придетъ его очередь смѣяться надъ тѣми кто называлъ его легкомысленнымъ и непостояннымъ. Отрадно мнѣ было ввѣриться ему. Я охотно, въ полузабытьѣ, давалъ забавлять себя, хотя все окружающее казалось мнѣ призраками, въ особенности французская труппа, цвѣтъ парижской сцены: Реньйо, Кориньи, Дебароль, г-жи Бланшъ Бинье, Дюпертюи и Дженни Шасдіанъ, остроумнѣйшая изъ Француженокъ.

—Они составляютъ часть нашего механизма, говорилъ отецъ. Оказалось что эта труппа обладаетъ непреодолимою притягательною силой для маркграфини. Она прислала сказать отцу что пріѣдетъ въ такой-то день, когда, какъ ей очевидно было извѣстно, меня не будетъ дома. Часа два-три спустя у меня въ рукахъ былъ картель принца Отто. Джоріанъ де-Витъ, гостившій у насъ въ это время, сказалъ мнѣ въ послѣдствіи совершенно серіозно что я весьма многимъ обязанъ трогательной французской пѣснѣ о прекрасномъ рыцарѣ, которую m-lle Дженни спѣла при Оттиліи въ моемъ отсутствіи. И онъ и отецъ мой вѣрили въ силу подобныхъ орудій, но случилось такъ что рыцарь лежалъ безъ чувствъ въ ту минуту какъ высокорожденная дама слушала пѣсню.

Оказалось что принцъ Отто, встрѣтившись со мною послѣ свиданія моего съ принцемъ Эрнстомъ, всѣми силами старался вызвать меня на дуэль, но не получивъ отъ меня никакого отвѣта, кромѣ кивка оглушенною головой, отправился въ мой университетъ. Тамъ одинъ добрый малый, Эккартъ фонъ-Гофъ, мой пріятель, предложилъ ему драться съ нимъ вмѣсто меня, еслибъ я счелъ нужнымъ отказаться отъ поединка. Эккартъ и двое-трое другихъ дали энергическій отпоръ партіи аристократовъ, взявшей сторону принца Отто, который утверждалъ что я сыгралъ съ нимъ безчестную шту-

ку, съ цѣлію посмѣяться надъ нимъ. Дѣйствительно, я убѣдилъ его избавить меня и отъ лошади и отъ соперника въ ту минуту когда онъ испытывалъ мученія отказа, а я стремился завладѣть рукой которой онъ искалъ. Въ этомъ я былъ виноватъ. Но что вина эта безсознательная, могъ ли я объяснить раздраженному человѣку? Когда я читалъ его вызовъ, мнѣ представлялось какъ вскочилъ онъ на лошадь, усѣлся въ сѣдлѣ, улыбнулся и ускакалъ, оказывая мнѣ ту именно услугу которую онъ всего менѣе желалъ оказать. Положеніе было такое что одинъ изъ фантастическихъ германскихъ писателей могъ бы изобразить какъ весь лѣсъ смѣется надъ юношей глухимъ, слѣпымъ и безразсуднымъ, не сознающимъ ничего кромѣ упоенія быстро нестись на борзомъ конѣ. Мнѣ вся эта сцена такъ живо представилась что можетъ-быть я дѣйствительно, свертывая его записку, засмѣялся при его посланномъ. Такъ посланный по крайней мѣрѣ утверждалъ. Я обыкновенно не забываю приличій. Если я разсмѣялся, такъ невольно.

Въ виду возможности вѣчной разлуки съ моей возлюбленной, я началъ обозрѣвать путь которымъ я дошелъ до настоящаго положенія, какъ до естественнаго и неизбѣжнаго результата. Не удалось ли отцу внушить мнѣ мысль что я не что-либо обыкновенное? Юноши склонны къ этой мысли сами по себѣ и безъ посторонняго содѣйствія; толчокъ извнѣ почти навѣрное доводитъ ихъ до безразсудной и непростительной гордости. Я вижу что могъ бы поступить благоразумно, и не поступилъ; но дѣйствія мои естественно вытекали изъ всей моей природы. Еслибъ участь человѣка находилась внѣ его, предъ его глазами, какъ какой-то запрещенный плодъ, онъ можетъ-быть и не сорвалъ бы этого плода. Но всѣ мы, болѣе или менѣе, сознаемъ что плодъ этотъ выростаетъ изъ посѣянныхъ нами же сѣмянъ. Мы дѣти вчерашняго дня, а не завтрашняго. Прошедшее наша мать; оно не мертво. Будущее постоянно отражаетъ его. Не сегодня создаемъ мы заново и свободно судьбу свою; насъ толкаютъ къ ней сотни прожитыхъ дней, какъ грозные призраки. Кто не справляется съ ними, тотъ становится лишь слѣпымъ орудіемъ ихъ.

Но я владаю въ тонъ человѣка читающаго проповѣдь въ гостиной. Человѣку свойственно взглянуть очень серіозно на свою жизнь когда она вдругъ является предъ нимъ въ томъ

свѣтѣ который теперь озарилъ въ моихъ глазахъ мое прошедшее.

Секундантами моими были молодой Эккартъ фонъ-Гофъ и немного старшій, хотя уже извѣстный, Григорій Бандельмейеръ, отличный математикъ, свирѣпый республиканецъ, въ очкахъ, худой, высокій, кошка съ виду, тигръ если раздражить его. Оба они пылали ненавистью къ мундиру. Они не довѣряли моему умѣнью владѣть оружіемъ которое я выбралъ, и по своимъ какимъ-то соображеніямъ принесли съ собою ящикъ съ пистолетами. Принца Отто сопровождали графъ Лепель и майоръ Эдельсгеймъ, только прибывшій изъ Майнцскаго гарнизона, господа вполнѣ знакомые съ правилами дуэли, чего нельзя было сказать о моихъ добрыхъ товарищахъ. Нѣсколько минутъ прошло въ спорѣ между Эдельсгеймомъ и Бандельмейеромъ. Майоръ могъ самъ нажить дуэль еслибы пожелалъ. Всѣ чувства мои сосредоточились на настоящей минутѣ; ихъ можно сравнить съ чувствами игрока рѣшившагося поставить высшую ставку и ждать исхода. Окружающая мѣстность не производила на меня никакого опредѣленнаго впечатлѣнія: горы и листва казались желѣзными. Образъ моей милой замкнутъ былъ въ груди моей, и тамъ какъ будто поднимался недоступный внѣшнему слуху голосъ любви и горя. Принцъ отказался принять извиненія. „Онъ хочетъ научить меня что такъ смѣяться нельзя“. Майоръ Эдельсгеймъ не понялъ Бандельмейера: никто не предлагалъ извиненій. Мнѣ минуту стало досадно когда я сравнилъ хладнокровіе и учтивость секунданта моего противника съ раздражительной придирчивостью моего, который возмущалъ меня своею аршинною трубкой.

Наконецъ знакъ былъ поданъ. Принцъ не отвѣтилъ на мой поклонъ. Онъ держалъ сигару въ зубахъ, словно учитель фехтованія дающій урокъ ученику. Онъ предполагалъ что имѣетъ дѣло съ мирнымъ британскимъ гражданиномъ непривычнымъ къ оружію, какими насъ, обыкновенно, считаютъ на материкѣ. Поцупавъ нѣсколько минутъ мой клинокъ, онъ бросилъ сигару.

Лязгъ стали объ сталь лишь въ далекомъ прошедшемъ и лишь въ весьма веселомъ настроеніи духа можетъ показаться музыкальнымъ. Но все-таки слышать его пріятнѣе, чѣмъ глядѣть въ темное, жадное дуло направленнаго на васъ пистолета. Мы обмѣнялись нѣсколькими ударами; принцъ аттаковалъ.

Повѣрите ли что мнѣ въ это время необыкновенно живо представлялась старуха которую мы съ Темплемъ видѣли во время пожара въ Лондонѣ. Я, должно-быть, улыбнулся. Принцъ воскликнулъ по-французски: „Смѣйтесь, милостивый государь! Подождите, вамъ еще достанется!“ Но онъ не въ силахъ былъ исполнить своей угрозы и не могъ заставить меня отступить ни на одинъ шагъ. Я тронулъ его два раза въ плечо и наконецъ прокололъ ему руку выше локтя. Я могъ дѣлать съ нимъ что̀ хотѣлъ. Въ искусствѣ фехтованія онъ не пошелъ далѣе обыкновеннаго полковаго рубаки.

— Ludere qui nescit campestribus abstinet armis! пролѣлъ Бандельмейеръ.

— Вы изволили замѣтить? проговорилъ майоръ Эдельсгеймъ, и въ отвѣтъ былъ ошеломленъ другою латинскою цитатой. Принцъ нахмурился. Считаетъ ли онъ себя удовлетвореннымъ? Нисколько. Онъ не былъ въ состояніи держать шпагу какъ слѣдуетъ, и, однако, громко требовалъ продолженія поединка, топалъ ногой, кричалъ мнѣ чтобъ я нападалъ, вызывался драться лѣвою рукой, словомъ, онъ былъ внѣ себя, какъ человѣкъ собиравшійся наказать другаго и самъ претерпѣвшій наказаніе за свою опрометчивость. Мои секунданты могли бы прекратить поединокъ, еслибъ они понимали свои обязанности; вмѣсто того, Бандельмейеръ, видя въ словахъ нашихъ противниковъ обиду для званія студента, отвѣчалъ сердито и оскорбительно, а Эккартъ, ради товарищества, присоединился къ нему. На это майоръ Эдельсгеймъ, перевязывая руку принца, замѣтилъ что онъ не дозволитъ оскорблять свой мундиръ. Графъ Лепель учтиво подошелъ и выразительно поклонился Эккарту. Тотъ отозвался насмѣшливо: „Съ удовольствіемъ!“ Эдельсгеймъ упомянулъ о врачѣ; но принцъ послалъ къ чорту врача пока одинъ изъ насъ не свалится. Раздраженный всею этою сценой, и его безразсудной мстительностью, какъ объяснялъ я напускное бѣшенство которымъ онъ старался прикрыть стыдъ своего пораженія, я крикнулъ Бандельмейеру чтобъ онъ открылъ свой ящикъ и подалъ намъ пистолеты для рѣшенія дѣла. Такъ какъ предложеніе это было сдѣлано мною, то не было основанія не принять его. Майоръ уговаривалъ принца, выражалъ мнѣ учтиво свое сожалѣніе, и пр. Онъ самъ едва могъ отдѣлаться отъ Бандельмейера который схватилъ мою шпагу и хотѣлъ тутъ же *vi et armis* вмѣшаться въ ссору. Еслибы дѣло продолжалось,

легло бы человѣка два. Я отошелъ въ свою сторону двѣнадцать шаговъ и повернулся къ принцу всей грудью, не рѣшаясь еще пустить въ дѣло отвратительное орудіе которое держалъ я въ рукахъ. Вдругъ я почувствовалъ будто брызнули мнѣ въ легкія ледяною водой. Помню что я уставился на очки Бандельмейера, машинально кивая головой. Эккартъ подхватилъ меня. „Стрѣляй въ него съ земли!“ кричалъ онъ въ изступленіи. „Въ тебѣ пуля! Пуля!“ визжалъ Бандельмейеръ, подпрыгивая. Я видѣлъ ясно какъ принцъ Отто стоитъ, ожидая моего выстрѣла. Я поднялъ глаза кверху и увидѣлъ колеблющуюся вѣтку дерева, приглашавшую меня цѣлить въ нее. Небо обрушилось. Я пытался заговорить, чтобъ объяснить Бандельмейеру что безразсудно на воздухѣ курить трубку немного меньше его самого; а въ сущности все мнѣ было равно.

ГЛАВА XXXIII.

Что сталось изъ шиллинга.

Пуля Отто пролетѣла сквозь меня безвредно, какъ комета по воздуху, съ безукоризненною учтивостью. Докторъ, лѣчившій насъ обоихъ, не могъ надивиться любезности, съ которою мы взаимно щадили артеріи и жизненные органы. Однакоже пуля все-таки оставляетъ болѣе тяжкій слѣдъ чѣмъ гладкое лезвіе шпаги, и я еще лежалъ въ постели когда принцъ пришелъ пожать мнѣ руку на прощанье предъ отъѣздомъ своимъ къ полку, расположенному въ Лайбахѣ. Безразсудство всякой дуэли обнаружилось его увѣреніемъ что теперь онъ вполнѣ удовлетворенъ и не предполагаетъ во мнѣ желанія оскорбить и осмѣять его. На этотъ случай слѣдовало, по его словамъ, смотрѣть лишь какъ на кровопусканіе, полезное для разгоряченнаго мозга. Я жестоко чувствовалъ свою рану, глядя на легкость его походки, когда онъ уходилъ отъ меня. Сваливъ меня физически, рана эта вернула мой умъ къ первымъ ощущеніямъ, мнѣ страстно хотѣлось увидѣть отца, я мучился сознаніемъ что въ послѣднее время былъ несправедливъ къ нему и долженъ его вознаградить. Чувство это исчезало какъ только пробудетъ онъ часъ въ моей комнатѣ, и возвращалось опять, какъ только онъ уйдетъ, и такъ безпрерывно то смол-

кало, то пробуждалось снова, непонятнымъ образомъ. Онъ былъ унылъ. Мнѣ хотѣлось шутокъ, лишь изрѣдка прерываемыхъ случайными намеками на мою возлюбленную, а онъ не могъ скрыть желанія извлечь пользу изъ глупой дуэли.

— Черкни ей строчку карандашомъ, приставалъ онъ ко мнѣ и предлагалъ разныя трогательныя выраженія, увѣряя что видъ искаженныхъ буквъ подѣйствуетъ на нее такъ же сильно какъ на Фридриха Великаго послѣдній смотръ старымъ инвалидамъ.

— Одно твое имя, милый Ричи.... ты только подпишись, и онъ нацаралалъ каракулями на клочкѣ бумаги: „И теперь, милый ангелъ, наперекоръ смерти и крови, я твой на вѣкъ, Гарри Лепель Ричмондъ, называемый иногда Роемъ. Я жду рѣшенія твоего въ будущемъ, если только душа неизмѣнно принадлежащая совершеннѣйшей изъ женщинъ останется въ тѣлѣ, которое хотѣло бы подняться на крыльяхъ чтобы сказать тебѣ: прости! прости!“ Ричи, хоть нѣсколько словъ!

Онъ былъ невыносимъ.

Природная нѣжность и деликатность дѣлали его какъ нельзя болѣе способнымъ вносить спокойствіе и утѣшеніе въ комнату больнаго, но онъ слишкомъ полонъ былъ жизни, слишкомъ задался своею мыслію, и зная меня внѣ опасности, не могъ сдержать своей тревоги. Я слышалъ какъ восклицалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: „О, Боже! Какъ близко!“ и погодя немного: „Она должна услышать объ этомъ!“ а потомъ: „Но какъ!“

Никогда не бывало человѣка такъ неисправимо театральнаго.

Онъ подходилъ къ полкѣ съ книгами, бралъ какой-нибудь томъ, принимался его перелистывать, притворно выказывая недоумѣніе, которое дѣйствительно бы почувствовалъ, еслибы прочелъ эту книгу, и начиналъ, какъ бывало, читать вслухъ: „Италія, страна солнца! И ее увозятъ туда, и насъ оставляютъ томиться здѣсь! Возмутительный заговоръ! Одинъ изъ семейства берется умертвить насъ, а ее мчатъ вдаль чтобъ она не слыхала!“ Такъ значитъ кровь Роевъ лилась даромъ? Нѣтъ! Онъ съ трескомъ захлопывалъ книгу и бросался къ моей постели, просить у меня прощенья. Изъ укоровъ которыми онъ осыпалъ маркграфиню, изъ повторенія нѣкоторыхъ фразъ, я сообразилъ что онъ съ нею видѣлся, и что она объявила блокаду противъ всякихъ писемъ на имя принцессы.

Онъ на половину признался что, слѣша ко мнѣ, забѣжалъ во дворецъ.

— Но, Ричи, говорилъ онъ, олять убѣждая меня написать трогательную записку,—письмо съ широкою черною каймой, адресованное мной, могло бы пройти.

Лицо его принимало печально-хитрое выраженіе.

— Маркграфиня можетъ-быть сказала бы себѣ: „вотъ самъ докторъ Смерть, въ полномъ облаченіи, пришелъ вылѣчить дѣвку отъ ея дури“. Я говорю словами грубой старухи, Ричи. Провались она! Да и я-то съ нею! Вѣдь она мнѣ нравится. Такой кувертъ съ моимъ почеркомъ, да съ какою-нибудь ошибкой ради отцовскаго горя, могъ бы пройти, могъ бы! Ея высочеству маркграфинѣ фонъ-Риппау и пр., и пр., для передачи принцессѣ Элленвельценъ Саркельдъ. Перевру какой-нибудь титулъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. „Ага!“ подумаетъ она, „въ головѣ у Роя путается! Бѣдный! Мальчикъ-то его навѣрное скончался. Вотъ, душа моя, это кажется къ вамъ. Не трудитесь пожалуста сообщать содержаніе тотчасъ же, дайте себѣ время, день-другой, а то такъ и мѣсяцъ“.

Всего забавнѣе было какъ представлялъ онъ маркграфиню. Дѣвушка и повѣренная принцессы оказалась, какъ говорилъ онъ съ сожалѣніемъ, неподкупною. Я это зналъ и прежде. Строчка написанная мнѣ Оттиліей: „Время фіалокъ прошло“, и прочтенная мною въ виду стараго родоваго замка, мучительно вспоминалась мнѣ при изліяніяхъ отца. Наконецъ я дошелъ до мысли что любилъ не женщину, не благородную душу, а лишь знатную принцессу, лишь золоченую рамку, вмѣсто прекраснаго портрета. Постыдная мысль, которая какъ огнемъ жгла мою совѣсть. Иначе зачѣмъ бы я въ послѣднее время избѣгалъ отца? Отчего онъ мучитъ меня теперь? Не раздѣляю ли я до нѣкоторой степени его честолюбивыхъ стремленій? Такіе вопросы бросали меня то въ горячешный жаръ, то въ смертельный холодъ. Умъ мой былъ слабъ, сердце истощено, тѣло не выдерживало пытки. Я не могъ не сознаться что отчасти безсознательно поддавался обаянію знатности, столь сильно дѣйствовавшему на отца моего, и считалъ ее надежною опорой, тогда какъ молодому человѣку одаренному умомъ и чувствомъ, и главное истинною гордостью, прежде всего слѣдовало попрать ногами этотъ предразсудокъ. Гордость прекрасна! Но разсмотрите тщательно ея основы прежде чѣмъ воздвигать на нихъ высокое зданіе. Не знаю ничего

болѣе мучительнаго какъ придти къ сознанію что основы эти непрочны, что гордость ваша опирается лишь на зыбкій песокъ. Эта шаткость основы неизбѣжно скажется современемъ, и страданіе которое вы при этомъ почувствуете будетъ единственнымъ здоровымъ симптомомъ въ васъ. Удобно ли въ срединѣ жизни сойти со своего пьедестала, я не берусь рѣшить. Немногіе настолько предусмотрительны чтобы приготовить себѣ на всякій случай спускъ внутри зданія—это трудъ непріятный; еще меньше найдется такихъ которые согласятся спуститься на виду у всѣхъ—это униженіе; и приходится оставаться наверху, рискуя опрокинуться. Во всякомъ случаѣ какъ вы себя ни обманывайте, ваша надменная пустота обнаружится современемъ. А между тѣмъ васъ преслѣдуетъ сознаніе непрочности вашего положенія. Гордость человѣка—вѣнецъ его характера, опора для души его, или западня, въ которую она падаетъ. Я обязанъ длиннымъ часамъ проведеннымъ мною на мучительномъ одрѣ болѣзни, подробнымъ инвентаремъ моихъ достоинствъ и недостатковъ, и всего моего нравственнаго капитала. Можетъ-быть вамъ уже пришло на умъ что въ человѣкѣ который даетъ себѣ трудъ написать свою исторію для всякаго кто только пожелаетъ ее прочесть, и принаравливаетъ слогъ свой къ постепенному развитію своей природы, не могло уже сохраниться много непреклонной гордости. Фокусникъ, зазывающій къ себѣ публику, можетъ казаться гордымъ развѣ только тѣмъ кто судитъ о характерѣ человѣка по внѣшнему виду.

Стали замѣчать что присутствіе отца не производитъ на меня благотворнаго дѣйствія. Хозяйка привела въ мою комнату молодую дѣвушку и представила мнѣ ее подъ именемъ Лизы, говоря что она уже давно обнаруживала участіе ко мнѣ и часто заходила справляться о состояніи моего здоровья. Когда обратились съ вопросомъ къ ней самой, Лиза покраснѣла и сказала съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

— Я здѣсь въ услуженіи у добрыхъ людей; они отпустятъ меня ходить за вами днемъ и раннимъ вечеромъ, если только вы позволите.

Отецъ мой взялъ ее двумя пальцами за плечо и слегка потрясъ, приговаривая:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Какъ? Чтобы молодая дѣвушка ходила за выздоравливающимъ молодымъ человѣкомъ! Можно ли это?

Она кротко взглянула на меня. Я выразилъ желаніе чтобъ она приходила.

Отецъ мой обратился къ благоразумію почтенной хозяйки. Такъ ревниво смотрѣлъ онъ на всякаго кто вызывался дѣлить съ нимъ трудъ ухода за мною что не согласился даже допустить чтобы мистеръ Питерборо сидѣлъ со мной во время моихъ безсонницъ, несмотря на мои просьбы. Посѣщенія университетскихъ товарищей онъ чрезмѣрно сокращалъ и позволялъ имъ разговаривать не иначе какъ шепотомъ. Еслибы не было мнѣ это такъ досадно, я могъ бы смѣяться, глядя какъ онъ любезно выпроваживалъ посѣтителей едва успѣютъ они поздороваться. Лиза ушла, довольно холодно имъ обласканная; но къ удивленію его, вернулась вечеромъ. Онъ прочелъ ей наставленіе, которое она выслушала внимательно, и вернулась опять поутру. Онъ былъ изумленъ.

— Идіоты, насѣкомыя, женщины и Океанъ! Съ ними не сладишь! воскликнулъ онъ, и признавъ себя побѣжденнымъ, скрѣпя сердце принялъ свою отставку.

Дѣвушка внесла свѣтлую весну въ мою комнату. Она хорошо знала Саркельдъ. Она родилась, какъ говорила, въ этой мѣстности и была воспитана одною доброю знатною дамой. Радостная улыбка ея, когда входя ко мнѣ въ одно утро она увидѣла меня одѣтымъ и сидящимъ въ покойныхъ креслахъ у отвореннаго окна, была словно привѣтствіе возвращающагося здоровья. Отецъ мой еще разъ попробовалъ воспротивиться вторженію въ его права. Онъ отказался уйти.

— Въ такомъ случаѣ я уйду, сказала Лиза.—Двоимъ здѣсь быть не слѣдуетъ.

— Нѣтъ, не оставляйте меня, просилъ я ее, протягивая къ ней руки, пока она грустно глядѣла на меня, остановившись въ дверяхъ. Отецъ подозрѣвалъ должно-быть какую-нибудь глупость или и въ самомъ дѣлѣ ревновалъ меня. „Гм!“ простоналъ онъ въ полголоса, уходя изъ комнаты.

Она обманула мои ожиданія, спокойно усѣвшись въ кресло. Погладивъ передникъ она сказала:

— Теперь мнѣ надо идти.

— Какъ? Вы оставите меня одного?

Она взглянула на часы и высунулась изъ окна.

— Нѣтъ, не одного! воскликнула дѣвушка. — И пожалуста, пожалуста не упоминайте обо мнѣ.... сейчасъ. Вотъ! Слышите колеса. Не давайте сердцу вашему биться. Теперь прощайте.

Вы не будете одни; по крайней мѣрѣ я такъ думаю. Посмотрите что̀ у меня.

Она вынула изъ-за пазухи половину англійскаго шиллинга на голубой лентѣ, поцѣловала ее и тихо простилась со мною.

Едва успѣла она уйти, какъ принцесса Оттилія стояла на ея мѣстѣ.

Шиллингъ брошенный англійскимъ мальчикомъ двумъ чужимъ дѣвочкамъ въ хижинѣ лѣсника!—можно ли было ожидать чтобъ онъ избѣгнулъ общей участи серебряной монеты, сохранилъ бы въ одиночествѣ своемъ, не умножаясь и не уменьшаясь, тайную силу и сдѣлался талисманомъ который въ концѣ концевъ привелъ этого мальчика, уже возмужалаго, къ ногамъ знатной дамы, а ее къ его постели, наперекоръ приличіямъ требуемымъ ея саномъ. Дѣвочки поспорили за монету: отнимали ее другъ у друга, прятали и любовались ею тайкомъ, каждая въ свою очередь, пока наконецъ споръ возбужденный этою монетой не былъ прекращенъ дюжимъ кузнецомъ, братомъ ихъ матери, который взялъ шиллингъ, разрубилъ на двѣ половины, просверлилъ въ нихъ дырочки и далъ каждой дѣвочкѣ по одной изъ нихъ; тогда онѣ успокоились и каждая стала носить свою половину на шеѣ. Онѣ были не простыя крестьянскія дочери, и у нихъ, къ счастію, былъ еще одинъ другъ, не перелетная птица и обладающій всѣмъ чтобъ играть роль благотворнаго генія. Другъ этотъ была принцесса Оттилія; она воспитала ихъ, научила читать, писать и шить, и держать себя какъ слѣдуетъ, и въ свое время взяла одну изъ сестеръ къ себѣ въ услуженіе. Другая по ея рекомендаціи поступила къ профессору одного сосѣдняго университета. Но ни та, ни другая не отказались отъ вѣры въ чудодѣйственную силу посимаго ими талисмана. Увидѣвъ снова безпечнаго дателя, онѣ его вспомнили; благодарность ихъ осталась такъ же сильна какъ въ то романтическое утро ихъ дѣтства; онѣ рѣшились, не сговариваясь между собою, оказать юношѣ услугу при первой возможности. И случай скоро представился. Вспомните что дѣвушки эти были Нѣмки.

Вы теперь можете угадать болѣе чѣмъ было извѣстно мнѣ или Оттиліи о таинственныхъ силахъ которыя свели насъ. Двери ея комнатъ во дворцѣ были заперты для писемъ на имя принцессы. Передавать ей письма было запрещено. Однако она нашла письмо въ широкой померанцевой аллеѣ между цвѣточнымъ и фруктовымъ садомъ. Оно лежало тутъ, словно

упавшее съ неба. Оттилія увидѣла его и вздрогнула. Маленькая горничная ея, идя подлѣ нея, воскликнула забѣгая впередъ, словно чертенокъ въ юпкѣ: „Что̀ такое? Змѣя? Постойте, постойте!“ Безхитростная госпожа отвѣчала: „Письмо.“ На это горничная возразила: „Тутъ нигдѣ нѣтъ по близости ни окна, ни стѣны. Какъ же мы это съ вами разъ съ десяткомъ прошли здѣсь и не видали. Ахъ, Боже мой! Боже мой!“ Письмо было схвачено, распечатано, и Оттилія прочла:

„Съ тѣмъ кто любитъ васъ обошлись жестоко. Его пытались застрѣлить. Онъ не умеръ. Онъ не долженъ умереть. Онъ тамъ гдѣ давно уже занимался наукой. У него есть и лѣкарства и доктора. Они говорятъ что рана не смертельна. Недостаетъ ему для выздоровленія увидѣть ту которая для него дороже всего. Сильный юноша лежитъ теперь беззащитенъ.“

Она ужинала съ отцомъ, забавляла и его, и маркграфиню то картами, то музыкой. Раньше полуночи она ѣхала уже въ университетскій городъ, прощаясь мысленно со всѣмъ что̀ привыкла уважать, лишь бы милый увидѣлъ ее. Она воображала что меня пытались убить предательски. Долго и упорно держалась въ ней эта мысль. Я не могъ выгнать ее, сколько ни повторялъ слово дуэль. Мнѣ пришлось разказать подробно всѣ обстоятельства.

— Но вѣдь Отто не убійца! воскликнула она.

Что̀ же такое уважала она? Именно то надъ чѣмъ смѣялась, свой санъ, свое званіе, достоинство дочери древняго рода, символы для нея священныхъ обязанностей. Въ ея глазахъ всякія безразсудныя выходки были непростительны. Законы общества и требованія ея высокаго положенія согласовались съ ея разумомъ. Она одобряла ихъ, но повиновалась имъ по убѣжденію, а не рабски, и считала себя въ правѣ дѣйствовать сообразно со своими, путемъ серіознаго мышленія выработанными понятіями. Скромнѣйшая, кротчайшая, добрѣйшая изъ женщинъ знающая очень хорошо цѣну всему что̀ у нея было, въ особенности своимъ обязанностямъ относительно другихъ, она могла идти куда считала нужнымъ, устраняя все, чтобы поступать согласно съ тѣмъ что̀ считала долгомъ и справедливостью. И ей не пришлось бы раскаиваться, еслибъ я былъ дѣйствительно такой какимъ она считала меня. Даже въ настоящемъ случаѣ она не опрометчиво поступала. Долго испытывала и изучала она меня, прежде чѣмъ позволила себѣ

высказать что̀ было у неѣ на сердцѣ. Преданность моя и нравственныя достоинства были изслѣдованы не ею одной. Она пустилась въ опасный путь не потому что мало дорожила своимъ сокровищемъ, а потому что высоко цѣнила корабль которому ввѣрялась. И отъ скольказо она готова была отказаться, я не зналъ еще тогда.

Блѣдная отъ безсонной ночи и томительнаго желанія быть со мною, она сидѣла подлѣ моихъ креселъ, держа меня за руку и повременамъ заглядывая мнѣ въ глаза, чтобы видѣть въ нихъ отраженіе своей жизни, какъ въ углубившемся родникѣ, нѣкогда бившемъ ключомъ. Вниманіе ея иногда останавливалось на моихъ книгахъ и незатѣйливыхъ удобствахъ холостой квартиры. Мы говорили о грозѣ на озерѣ; мы прочли неподписанное письмо. Держа ея руку, я заснулъ на нѣсколько минутъ и проснулся въ испугѣ не сонъ ли все это; такъ безмѣрно было мое счастіе.

— Нѣтъ, вы не ушли! проговорилъ я со вздохомъ.

— Только-что пришла, отвѣчала она.

Значеніе шага на который она рѣшилась начало мерещиться мнѣ.

— Но когда васъ хватятся во дворцѣ? Что̀ скажетъ принцъ Эрнстъ?

— Полно! Меня уже хватились. Теперь кончено, сказала она улыбаясь.

— Оттилія, онъ увезетъ васъ?

— Насъ обоихъ, милый, обоихъ.

— Вы въ силахъ вынести его гнѣвъ?

— Тетушка явится карательницей. Намъ предстоитъ еще цѣлый счастливый день, прежде чѣмъ она успѣетъ пріѣхать.

— Нельзя ли мнѣ первому встрѣтить ее?

— Мы встрѣтимъ ее оба, какъ сидимъ мы теперь.

— Надо приготовить отвѣты маркграфинѣ.

— Никакихъ, Гарри! Я никогда не оправдываюсь.

Отдаленныя горы, а за ними на небѣ очертанія уносящихся тучъ виднѣлись изъ моего окна, а выше неба чувствовалась мнѣ душа ея.

— Оттилія, вы собирались ѣхать въ Италію?

— Да, въ Италію, или куда имъ угодно, на сколько угодно имъ времени. Я хотѣла ѣхать, я говорила тебѣ почему. Вотъ это (она коснулась письма лежавшаго на столѣ) измѣнило направленіе моихъ мыслей и желаній. Друзья мои не оградили

меня отъ этого. Я согласилась на ихъ требованіе не писать и не получать писемъ. Не правда ли, такое условіе предполагало взаимное довѣріе. Не злоупотребили ли они моимъ довѣріемъ, оставивъ меня въ неизвѣстности объ опасности любимаго мной человѣка? Теперь они это сознали. Я не смѣла совѣтоваться съ ними, даже съ отцомъ, когда прочла это странное писаніе, состоящее лишь изъ отрывочныхъ фразъ; онѣ поразили меня какъ удары шпаги, озарили какъ молніи. Письмо написано должно-быть умною женщиной, или какимъ-нибудь простымъ другомъ, глубоко намъ сочувствующимъ. Если любимый человѣкъ сдѣлался жертвой убійства, гдѣ же мнѣ и быть какъ не при немъ?

Вошла ея Аннушка съ шоколадомъ и тоненькими сухариками, и прервала мои толкованія, которыми я старался объяснить Оттиліи разницу между убійствомъ и дуэлью. Я замѣтилъ сходство Аннушки съ Лизой.

— У ней здѣсь сестра, сказала Оттилія.—Приведи сюда ко мнѣ Лизу сегодня подъ вечеръ.

Аннушка, вся зардѣвшись, прошептала, „слушаю-съ“. Мнѣ было необыкновенно пріятно видѣть какъ любимая женщина ѣстъ и пьетъ у меня на квартирѣ.

Дуэль оставалась непонятною ей. Она сначала испугала меня, сказавъ что въ дуэляхъ проводятъ время лишь безмозглые молодые люди. Затѣмъ въ отвѣтъ на мои попытки оградить моего противника отъ обвиненія въ преступленіи, она, съ какимъ-то робкимъ недоумѣніемъ поглядѣвъ на меня, замѣтила: „Да вѣдь только военные и Французы дерутся на дуэляхъ“. Мнѣ стало какъ-то больно при мысли что она бросила, кого оскорбила, чтобы слѣшить на помощь къ дуэлисту. Мнѣ пришлось повторять ей нѣсколько разъ кто былъ мой противникъ, чтобы не было больше рѣчи объ убійствѣ. Имя принца Отто, повидимому, совершенно сбивало ее съ толку.

— Отто! Отто! шептала она.—Я слышала, онъ такъ-называемыми законами чести былъ принужденъ раза два.... Онъ выше подозрѣнія въ предательствѣ. По моему, это все одно, но я не хочу рѣзко отвергать воззрѣнія свѣта, и говоря языкомъ свѣта, я утверждаю что онъ не могъ сдѣлать дѣла безчестнаго. Внутреннія достоинства его другой вопросъ. Они могутъ быть весьма ничтожными, въ то время какъ свѣтъ полнится похвалами человѣку.

Она знала свойства дуэли.—Это дѣло бездушныхъ существъ, прервала она мои объясненія, съ необычнымъ нетерпѣніемъ.—Ты цѣлъ! Ты мнѣ остался. Знаешь ли, Гарри, я еще не въ силахъ переносить случайности и несчастія. Мнѣ недостаетъ твердости, чтобъ ихъ выдержать, и ясности ума, чтобъ ихъ понять. Они являются какою-то рѣзкою насмѣшкой. Положимъ ты строишь высокое зданіе; падаетъ молнія.... къ чему же строить. Безпечное насѣкомое счастливѣе. Еслибъ я лишилась тебя! Я почти готова думать что я была бы способна требовать мщенія. Зачѣмъ бы отнять у меня чистѣйшій и драгоцѣннѣйшій предметъ любви моей? Я говорю неразумно, только подъ вліяніемъ сильнаго потрясенія. Я прощаю Отто, хотя онъ поступилъ низко.

— Нѣтъ, не низко, вступился я, думая, хотя и съ нѣкоторымъ опасеніемъ, что она скоро взглянетъ на дѣло съ обыкновенной точки.—Онъ былъ очень раздраженъ, по моему, безъ причины; тутъ просто возникло недоразумѣніе. Другъ мой, народы воюютъ между собою; война не что иное какъ дуэль въ огромныхъ размѣрахъ.

— Народы воюющіе—дикія животныя, отвѣчала она:—Страсти свирѣпой орды не примѣръ для живой души. Души наши стремятся къ свѣту; мы должны глядѣть вверхъ, а не внизъ. Слѣпая толпа, мнѣ кажется, лишь въ искаженномъ видѣ представляетъ народъ. Она еще не развита; она сохранила еще сходство съ чудовищами первобытной грязи. Развѣ ты не видишь клыковъ ея и когтей? И ты находишь въ дѣйствіяхъ такой толпы оправданіе для необузданности? Люди которые дерутся на дуэли на мои глаза не лучше дикихъ существъ, не умѣющихъ справляться со своими лютыми страстями.

— Да, и на мои глаза также, поспѣшилъ я согласиться. — Мы не совершенны. Но выслушайте меня. Страсти дѣйствительно жестоки. Но однако обстоятельства.... Я хочу сказать, есть обычаи.... Конечно, еслибы каждый постоянно глядѣлъ вверхъ.... Но не слѣдуетъ ли однако принимать въ соображеніе....

Она упорно молчала, и я продолжалъ:

— Я до такой степени полагаюсь на васъ, какъ на товарища и друга, что сообщаю вамъ то чего мы обыкновенно не сообщаемъ женщинамъ, имена лицъ и обстоятельства дѣла. Рано или поздно вы все бы узнали. Я не жду чтобы вы зна-

комились съ этимъ дѣломъ по кусочкамъ, и понемногу примирялись бы съ нимъ.

— Я прощаю ему, проговорила она со вздохомъ,—хотя мнѣ все какъ-то не вѣрится что Гарри раненъ рукой Отто.

— Такъ случилось, Оттилія. Встрѣча между нами была неизбѣжна.

— Встрѣча?

— Есть обстоятельства въ которыхъ муцины не принимаютъ извиненій; тутъ.... мы.... Богу извѣстно, я все готовъ былъ сдѣлать чтобъ избѣгнуть этого безразсуднаго, этого безнравственнаго поступка.... называй какъ хочешь....

— Такъ это произошло не.... случайно? спросила она.

Голосъ ея звучалъ какъ-то странно, словно задерживался.

— Произошло оно, проговорилъ я, чувствуя что силы мои истощаются и отчаяніе овладѣваетъ мною.—Принцъ принудилъ меня встрѣтиться съ нимъ.

— Но вѣдь Отто не убійца?

— Принудилъ, говорю я. То-есть онъ считалъ себя обиженнымъ и не далъ мнѣ другаго исхода.

Защищала она Отто въ сущности лишь изъ сильнаго пристрастія ко мнѣ. Оно-то и сбивало ее и какъ преграда задерживало ходъ ея мыслей. Она не хотѣла допустить мысль что я одинъ изъ тѣхъ безмозглыхъ дикарей съ когтями и клыками.

Привѣтливость ея большихъ кроткихъ глазъ охватывала меня. Наклонившись къ ней въ просторныхъ креслахъ, я пристально глядѣлъ на нее, повторяя внутренно: „Моя, моя!“ чтобъ укрѣпить въ себѣ вѣру въ обладаніе ею. Лицо ея было подобно тихому зимнему утру, когда солнце и тучи перемежаются и смѣшиваются въ яркомъ серебряномъ свѣтѣ съ оттѣнками синевы и нѣжнаго румянца; а сверху брови ея изгибались словно сводъ небесный. Эти зимнія утра чудесны. Они идутъ тихо. Земля словно ждетъ чего-то. Птица, щебеча, пролетитъ сквозь голый, влажный кустарникъ; склонъ горы зеленѣетъ; въ другихъ мѣстахъ туманъ; повсюду ожиданіе. И вотъ солнце всплываетъ изъ-за дымчатыхъ облаковъ на свѣтлое небо.

Оттилія была такъ же хороша. Глядя на нее я могъ бы пожелать чтобъ эти дугообразныя брови, полныя щеки, круглый подбородокъ были лишь воплощеніе юношескаго идеала, живое изображеніе, безъ одушевлявшаго ихъ страшнаго ума,

готоваго судить меня по моимъ дѣйствіямъ. Меня сердила мысль что такая молодая и красивая дѣвушка размышляетъ о дѣлахъ человѣческихъ. Ея лѣтамъ свойственна романтичность, положеніе наше располагало къ ней. Но Оттилія обернулась ко мнѣ, и я обрадовался знакомымъ глазамъ. Она поцѣловала меня въ лобъ.

— Спи, шепнула она.

Я притворился спящимъ, чтобъ углубиться въ созерцаніе моего блаженства.

Я увѣренъ былъ что близится какой-нибудь разочаровывающій ударъ, и не ошибся. Вошелъ мой отецъ.

— Принцесса! радостно и почтительно раскланялся онъ, и тотчасъ же неудержанно излилъ разказъ о моемъ героизмѣ въ обильныхъ словахъ: какъ быстро поднялъ я концомъ шпаги перчатку принца, какъ искусно владѣлъ оружіемъ, какъ былъ презрительно великодушенъ, какъ изумилъ таварищей студентовъ; все отъ начала до конца въ самыхъ пышныхъ выраженіяхъ, словно побѣдная пальба артиллеріи. Я пытался остановить его. Оттилія встала, безпрестанно подтверждая односложными словами его хвалу въ формѣ вопросовъ. Она оглянулась кругомъ, словно чувствовала себя стѣсненною.

— Это знаютъ? спросила она тѣмъ же страннымъ голосомъ, который уже прежде заставилъ меня содрогнуться.

— Знаютъ ли? Могу васъ увѣрить, принцесса.... несчастный опять излилъ на насъ свой лагубный потокъ восклицаній. — Это знаютъ теперь при каждомъ дворѣ и въ каждомъ гарнизонѣ Германіи. Знаютъ уже и въ старой Англіи. И знаютъ какъ дѣло было: что молодой Англичанинъ побѣдилъ своего противника на шпагахъ, и видя какъ онъ бѣснуется изъ-за обезсилившей его раны, позволилъ ему употребить пистолетъ.

— Честь оказанная мнѣ принцессой не должна быть извѣстна, сказалъ я собравшись съ силами.

Отецъ обѣщался держать это обстоятельство въ глубочайшей тайнѣ и даже, если нужно, вовсе отрицать его.

— Не безпокойтесь пожалуста, обратилась она къ нему.

На ея лицѣ проступило какое-то болѣзненное, словно потерянное выраженіе.

Я понялъ какая для нея разница посѣтить не предательски раненнаго, а дравшагося на дуэли возлюбленнаго. Въ первомъ случаѣ опрометчивость молодой принцессы, сознающейся въ своей привязанности, могла быть оправдана состраданіемъ. Но

что̀ же въ послѣднемъ? Я низвелъ ее до уровня дуэлиста. Таиться, скрывать было не въ ея характерѣ, а такъ какъ теперь скрыть, по возможности, случившееся оказывалось необходимымъ, я зналъ что она обречена на тяжкое страданіе отъ униженія въ своихъ собственныхъ глазахъ. Но это зло было еще не худшее. Я опасался что невозможно будетъ избѣгнуть соединенія нашихъ именъ. Физическая слабость и упадокъ духа вызывали у меня только слезы когда требовались мысли.

Вскорѣ нашъ невольный мучитель исчезъ изъ комнаты. Оттилія опять крѣпко взяла меня за руку.

— Будьте великодушны, заговорилъ я вдругъ,—возвращайтесь домой немедленно. Я видѣлъ васъ. Отецъ мой васъ проводитъ. Вы встрѣтите маркграфиню, или другаго кого-нибудь. Я думаю, какъ и вы, вѣроятнѣе всего маркграфиню, а мой отецъ умѣетъ ее развеселить. Простите маленькую хитрость, цѣль которой избавить васъ отъ непріятностей. Такимъ образомъ вы вернетесь въ тотъ же день, и маркграфиня защититъ васъ. Ваше имя не будетъ произнесено. Только ступайте тотчасъ же, ради принца Эрнста. Я уже и такъ оскорбилъ его; не заставляйте меня нанести ему смертельное огорченіе. Вы пріѣхали со Шварцемъ, съ нашимъ старымъ воиномъ? Видите, все можетъ еще уладиться; только каждая минута увеличиваетъ опасность. И еще причина вамъ ѣхать, кромѣ того....

— Ахъ! вздохнула она,—мой Гарри договорится до горячки.

— Горячка сдѣлается со мною, если пріѣдетъ сюда маркграфиня.

— Ее не примутъ.

— Все равно, если я увижу что она пріѣхала. Соглашайтесь не колеблясь и возвратите мнѣ бодрость. Боже мой, я прошу васъ чтобы вы отъ меня уѣхали и желаю этого отъ всей души! Обдумайте что̀ я сдѣлалъ. Не лишите мнѣ. Я увижу между строкъ лишь внушеніе снисходительности. Вы согласны? Въ вашемъ умѣ я никогда не сомнѣвался, я сомнѣваюсь лишь въ своемъ собственномъ.

— И въ то же время требуете чтобъ я уму вашему ввѣрилась, сказала она съ какою-то грустною шутливостью.

Она не могла понять что совѣтъ мой хорошъ, исключая предложенія чтобъ отецъ проводилъ ее. Ей, очевидно, лучше было уѣхать такъ же какъ пріѣхала. Я не спросилъ ее что̀ она теперь обо мнѣ думаетъ. Просить тотчасъ же прощенія

значило бы вызвать лишь слова внушенныя добротой, снисходительностью, привязанностью, а не серіозную оцѣнку. Хотя мнѣ и хотѣлось утѣшенія, я зналъ, однако, что имѣю дѣло не съ одною страстью, а также съ умомъ, и удержалъ языкъ мой. Мы говорили о томъ когда я выздоровлю, въ которомъ часу вернется она во дворецъ, кто авторъ безыменныхъ писемъ, о книгахъ которыя мы читали порознь, или просматривали вмѣстѣ. Она была нѣсколько говорливѣй, немного менѣе задумчива. Другой перемѣны, при всей моей чуткости, я въ ней не замѣтилъ. Отецъ мой поѣхалъ часомъ раньше принцессы, чтобы первому встрѣтить маркграфиню.

— Вотъ! говорилъ онъ, твердя восклицанія удивленія и радости, которыя намѣревался излить при видѣ ея.—Поистинѣ необычайно счастливый случай, сударыня. Теперь, такъ какъ вы благоволили замѣтить ничтожную песчинку на вашемъ пути, спрашивается: я ли обременю собою вашъ экипажъ, или вы удостоите пересѣсть на мой? Только лошадей надо повернуть назадъ, надо непремѣнно, если вашему высочеству не угодно провести ночь безъ ночлега. Вотъ такъ прекрасно. Теперь на умѣренной рысцѣ и въ пріятномъ разговорѣ, можетъ-быть насъ догонятъ знакомые.

Я не сомнѣвался что онъ пуститъ въ ходъ для увеселенія маркграфини всю свою болтовню, нѣкогда для меня столь обаятельную; но что онъ угощаетъ ею принцессу, выводило меня изъ терпѣнія.

Сестры Аннушка и Лиза явились за нѣсколько минутъ до его отъѣзда. Лиза упала въ ноги принцессѣ.

— Дитя мое, сказала Оттилія материнскимъ голосомъ, — не отпустятъ ли тебя Мерлены недѣли на двѣ послужить здѣсь?

— Профессоръ уже теперь отпускаетъ ее ежедневно на шесть часовъ, сказалъ я.

— Куда? спросила Оттилія тревожно.

— Сюда, ко мнѣ.

— Сюда? Она знаетъ васъ? Она вамъ не поклонилась.

— Сидѣлки обыкновенно не кланяются своимъ больнымъ.

Обѣ дѣвушки были въ крайнемъ смущеніи. Не подозрѣвая причины его, я прибавилъ:

— Она была здѣсь сегодня утромъ.

— А! Мы болѣе обязаны ей чѣмъ предполагали.

Принцесса поглядѣла на нее ласково, хотя съ какимъ-то сомнѣніемъ въ лицѣ.

— Она предупредила меня о вашемъ пріѣздѣ.

— О! Я ничего не говорила! вырвалось у Лизы.

— Вотъ какъ! проговорила принцесса, и шепнула мнѣ:—Эти дѣти не умѣютъ лгать. Онѣ обѣ рдѣли подъ тяжестью своей правдивости. — Такъ ты знала навѣрное что я пріѣду?

Да, Лиза предполагала, ей думалось. Но почему же? Почему она предполагала? Это неотступное „почему?“ нагнало страхъ и на Аннушку, которую принцесса оглянула вопросительно и спросила:

— Ты пишешь обо мнѣ сестрѣ?

— Пишу, принцесса.

— А она тебѣ?

Лиза отвѣтила:

— Простите меня, сударыня, ваше высочество.

— Ты явилась сюда безъ спросу?

— Да.

— Писала ты кому-нибудь другому кромѣ сестры?

— Рѣдко, принцесса; не помню.

— Ты знаешь что письма слѣдуетъ подписывать?

— О!

— Ты напрасно не написала мнѣ, дитя мое.

— О! принцесса! Я не смѣла.

— Такъ ты не писала мнѣ?

— Ахъ! Развѣ я смѣла?

— Ты правду говоришь?

Несчастныя дѣвушки дрожали. Оттилія избавила ихъ отъ тяжести признанія. Ея проницательность, съ помощью нѣкоторыхъ мелкихъ обстоятельствъ, въ минуту прочла всю исторію ихъ преступленій. Она отослала ихъ внизъ къ экипажу, давъ имъ поцѣловать руку и сказавъ одной:

— Это точно сказка о двухъ мышкахъ.

Когда она уѣхала, послѣ продолжительнаго размышленія, весь ходъ дѣла открылся и моему, менѣе быстрому уму. Я понялъ какое опять должно быть оскорбленіе для гордости Оттиліи что эти дѣвочки могли имѣть рѣшительное вліяніе на ея судьбу. Тайна писемъ легко объяснялась какъ только подозрѣніе падало на одну изъ этихъ дѣвушекъ, живущую подлѣ меня, въ то время какъ сестра ея состояла при принцессѣ. Безъ сомнѣнія, открытіе этого мышинаго и однако успѣшнаго заговора не могло не подѣйствовать сильно на Оттилію въ этотъ трудный для нея день, хотя бы въ послѣдствіи онъ и казался

ей смѣшнымъ. Догадка моя будто слова ея о двухъ мышкахъ значили что два мышенка сговорились сдѣлать сѣть для поимки орла и дѣйствительно опутали его, можетъ-быть была справедлива. Я не видѣлъ что̀ другое можно бы противупоставить похвальному подвигу мышенка въ баснѣ. Лиза, явившись ко мнѣ опять въ качествѣ сидѣлки, въ отвѣтъ на мои разспросы, принялась умолять меня чтобъ я взялъ примѣръ великодушія съ принцессы и простилъ бы ее.

Затѣмъ она замѣтила:

— Принцесса Оттилія не жалѣетъ что заботилась о нашемъ воспитаніи.

Въ душу мою проникло утѣшительное, согрѣвающее сознаніе что столь высокій умъ недоступенъ пустымъ сожалѣніямъ и колебаніямъ.

ГЛАВА XXXIV.

Я получаю понятіе о княжеской пышности.

Принцъ Эрнстъ посѣтилъ меня какъ будто для того чтобы поздравить меня съ выздоровленіемъ. Я никогда въ жизни не былъ до такой степени въ чьихъ-либо рукахъ. Онъ могъ бы уморить меня упреками, и я ихъ ожидалъ, когда у двери произнесено было его имя. Я отвыкъ отъ свѣтскихъ пріемовъ. Нѣсколько минутъ я осторожно слушалъ его любезныя рѣчи. Мои изъявленія благодарности за оказанную мнѣ честь были неловки, словно запоздали. Принцъ былъ необыкновенно учтивъ и веселъ. Его родственникъ, говорилъ онъ, писалъ обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, заявляя что я въ этомъ дѣлѣ безупреченъ, и что хотя онъ отослалъ лошадь на мою конюшню, однако вполнѣ цѣнитъ ея достоинства и сознаетъ что напрасно сдѣлалъ изъ нея поводъ къ ссорѣ. На все это я изъявлялъ согласіе тихими кивками.

— У вашего Шекспира, кажется, сказалъ принцъ, — есть сцена въ которой молодые Французы расхваливаютъ своихъ лошадей. Я понимаю такое увлеченіе. Это животное стоитъ чтобы за него рисковали и честью и жизнью. Позвольте мнѣ замѣтить что вы, современные молодые Англичане, иногда гордитесь своимъ знаніемъ толка въ лошадяхъ. Мы, Нѣмцы, тоже считаемъ себя въ правѣ высказать при случаѣ свое мнѣ-

ніе; и если можно вѣрить свидѣтельству новѣйшей исторіи, достоинство нашей ганноверской конницы не безызвѣстно по крайней мѣрѣ одному изъ вашихъ генераловъ. Впрочемъ кажется ло всему что вы были правы, а Отто неправъ, и во всякомъ случаѣ онъ виноватъ въ томъ что такъ запальчиво отстаивалъ свое мнѣніе.

Я просилъ его быть снисходительнымъ къ пылкому юношѣ. Онъ увѣрялъ меня что самъ помнитъ свою молодость. Мы обмѣнивались пошлыми любезностями, прохаживаясь, такъсказать, подъ руку по тонкому льду и состязаясь другъ съ другомъ въ благовоспитанномъ спокойствіи. Довольный моею скромностью, принцъ пригласилъ меня въ свой дворецъ на озерѣ и потомъ на недѣлю въ Штирію, поохотиться и поправить свои силы. Я поблагодарилъ его сколько могъ развязнѣе.

— А копи, ваше высочество, надѣюсь, процвѣтаютъ?

— Да, кажется можно сказать что онѣ идутъ хорошо, отвѣчалъ онъ.—Все недостатокъ капитала. Что можно сдѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ, отецъ вашъ дѣлаетъ, вообще говоря, хорошо. Вы улыбаетесь. Онъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ отлично. Онъ съ помощью счетчика обнаруживаетъ истинный организаторскій геній. Онъ служитъ мнѣ дѣятельно и, повторяю, хорошо. Это занятіе вѣдь лучше для него чѣмъ завѣдованіе придворными спектаклями?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Или чѣмъ сидѣть на бронзовой лошади, изображая моего почтеннаго предка. Вы знакомы съ канцлеромъ фонъ-Редвицъ?

— Я знаю о немъ только то что онъ имѣетъ счастіе пользоваться особымъ довѣріемъ своего государя.

— Онъ умный человѣкъ. Но вотъ онъ несносенъ когда надо дѣйствовать. Отвѣтственность подавляетъ его. Онъ прямая противоположность Роя, котораго совѣтовъ я не слушаю, но подвижностью котораго охотно пользуюсь. Фонъ-Редвицъ теперь въ городѣ. Онъ къ вамъ заѣдетъ позабавить васъ часочекъ-другой во время вашего выздоровленія.

Я признался что мнѣ начинаетъ сильно недоставать людей.

Принцъ Эрнстъ былъ настолько добръ что уѣхалъ отъ меня не снявъ личины. Мнѣ извѣстно было, конечно, что самыя простыя посѣщенія владѣтельныхъ князей имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ кажется съ перваго раза. Ихъ высокое положеніе требуетъ отъ нихъ до нѣкоторой степени скрытности и притворства.

Канцлеръ фонъ-Редвицъ навѣстилъ меня и забавлялъ секретными анекдотами о владѣтельныхъ домахъ Германіи. Забавнѣе всего было глубое почтеніе, которое онъ все-таки питалъ къ этимъ домамъ. Важный старикъ всѣми силами старался развлечь меня юношу. Прегрѣшенія высокихъ лицъ, какъ любовныя похожденія боговъ, казались ему извинительными, если не благодѣтельными для человѣчества, и онъ предполагалъ что они придутся мнѣ по вкусу. Онъ умолялъ меня оправдать вмѣстѣ съ нимъ одну прелетную эрцгерцогиню, которую, за отсутствіемъ достойнаго супруга соотвѣтственнаго сана, пришлось выдать за дурака князя, и потомъ.... потомъ.... ну конечно! Великодушная юность и благосклонная старость слили голоса свои въ ея оправданіе. Принцесса фонъ-Заттебергъ обвѣнчалась тайно, семнадцати лѣтъ, съ уланскимъ полковникомъ. Бракъ былъ расторгнутъ, полковникъ исчезъ, принцесса сдѣлалась пресловутою герцогиней Ильмъ-Ильмъ, и въ одну роковую ночь часовой солдатъ встрѣтилъ ее на дворѣ замка, втащилъ въ караульную комнату и сорвалъ покрывало. Его бы разстрѣляли, еслибы на груди его не оказался медальйонъ, доказывавшій что онъ родной сынъ государя.—Совершенный романъ, г. канцлеръ. Положимъ что этотъ солдатъ былъ влюбленъ въ интересную молодую графиню, состоявшую при герцогинѣ. Графиня видитъ медальйонъ, несетъ его къ герцогинѣ, получаетъ выговоръ, какъ вдругъ медальйонъ открывается, и полковникъ фонъ-Бейнъ является во всемъ блескѣ молодости, въ уланскомъ мундирѣ.—Молодой человѣкъ, вашъ романъ исказилъ дѣйствительность до карикатуры. Романы гибель истиннаго интереса. Какъ только приведете вы въ движеніе дѣйствующія лица, они становятся куклами. „Одна только поэзія и это говорю я, не читающій поэзіи (говоритъ канцлеръ фонъ-Редвицъ) одна только поэзія дѣлаетъ романы сносными. Ибо поэзія по преимуществу человѣчна. Безъ нея ваши вымыслы лишь плоская нелѣпость, лишенная всякой питательности, что-то въ родѣ киссля съ водкой, пища приличная разстроеннымъ желудкамъ, которые не въ силахъ перенести ничего болѣе сытнаго и не варятъ безъ возбуждающихъ средствъ. Кстати о поэзіи: была одна наслѣдственная принцесса фонъ-Лейтерштейнъ, которая влюбилась въ поэта: вторая Элеонора д'Эсте. Только онъ-то былъ не Тассо. Однако она намѣревалась довести дѣло до брака. *Хорошо*, замѣчаете вы? Я ограничива-

юсь лишь изложеніемъ историческихъ фактовъ; хорошо ли, дурно ли, не мое дѣло.“

Канцлеръ фонъ-Редвицъ погладилъ черный шелковый чулокъ на ногѣ своей, положенной на другую ногу, привелъ въ качаніе ключъ часовъ и связку печатей и продолжалъ единственно для моего развлеченія:

— Принцесса Елизавета фонъ-Лейтерштейнъ обѣщала проявить въ себѣ всѣ тѣ качества которыхъ нѣжнѣйшій изъ принцевъ родителей только могъ желать, какъ гарантію для благоденствія владѣній, которыя долженъ былъ оставить дочери послѣ смерти своей. Но такъ какъ изъ ея исторіи не выкроишь никакого романа, я ужь лучше скажу вамъ сразу: что она не вышла за мужъ за поэта.

— Напротивъ, г. канцлеръ, эта принцесса меня интересуетъ. Продолжайте ложалуста, и чѣмъ подробнѣе вы будете разказывать, тѣмъ лучше.

— Я передаю вамъ лишь простое извлеченіе изъ семейныхъ архивовъ, мистеръ Ричмондъ. Принцесса Елизавета необдуманно дала слово стихотворцу. Разумѣется она не могла сдержать своего обѣщанія.

— Почему же?

— Вотъ видите, вамъ сейчасъ ужь и хочется романа, молодой человѣкъ.

— Нисколько; я просто предлагаю вопросъ.

— Это увертка. Вопросъ вамъ былъ внушенъ внутреннимъ желаніемъ....

— Объясненій и подробностей.... да!

— То-есть романа. Вы хотите чтобъ я описывалъ чувства. Тутъ мучитель замазалъ ноздри свои табакомъ и добавилъ:

— На это я не способенъ.

— Такъ и нельзя узнать отчего принцесса не могла сдержать своего слова?

— Съ точки зрѣнія искателя блестящей партіи, вина была не ея. Она не остановилась предъ его незнатнымъ, даже сомнительнымъ происхожденіемъ.

— Отецъ ея вступился?

— Нѣтъ.

— Семейство?

— Всѣ его старанія заставить ее отказаться отъ своего намѣренія были безсильны.

— Что же, наконецъ, что остановило ее?

— Германія.

— Какъ?

— Великая Германія, молодой человѣкъ. Мнѣ слѣдовало сказать вамъ что кромѣ умственныхъ способностей она обладала и высокими нравственными качествами, сознаніемъ, такъ-сказать, своего сана и положенія. Она возвела бы поэта до своего уровня, еслибы только было возможно. Идти наперекоръ роднѣ, довести души въ ней не чаявшаго отца до какого-то пассивнаго согласія, если можно такъ выразиться, все это она могла. Но сеймъ отвѣчалъ отказомъ на ея ходатайство.

— Сеймъ?

— Германскій сеймъ. Развѣ вы, живя у насъ, еще не узнали что семейныя дѣла княжескихъ домовъ Германіи рѣшаются германскимъ сеймомъ? Какой-нибудь принцъ или принцесса скажетъ: Я хочу того-то. Сеймъ отвѣчаетъ:—Этого нельзя. А въ особенности нельзя мѣшать княжескую кровь съ кровью не благородною. Отъ этого она и сохранилась чистою съ древнѣйшихъ временъ. Отъ этого мы и уважаемъ ее.—Какъ мущина или женщина, говоритъ сеймъ, дѣлайте что̀ вамъ угодно, вѣнчайтесь съ бродягами, валяйтесь въ грязи; какъ имперскіе князья, нѣтъ! Браки ваши не дѣйствительны. А если вы хотите сохранить имъ законную силу, вы низводитесь со своего уровня, выходите изъ своего круга, вы уже не владѣтельный князь, а частное лицо. Такимъ образомъ его высочество лишенъ было возможности оказать содѣйствіе своей дочери. Принцессѣ представлялся выборъ—или лишить, въ глазахъ закона, отца своего единственной дочери и наслѣдницы, или отказаться отъ исполненія своей женской прихоти. Княжество Лейтерштейнъ осталось въ старшей линіи.... Она была настоящая принцесса.

— Настоящая женщина! отвѣчалъ я насмѣшливо.

— Я предупреждалъ васъ, напомнилъ мнѣ канцлеръ,—что въ этой исторіи нѣтъ ничего романтическаго.

Я поклонился и уже только кланялся все время что̀ онъ сидѣлъ у меня.

Канцлеръ фонъ-Редвицъ исполнилъ данное ему порученіе. Онъ снабдилъ меня пищей для ума, достаточною чтобы выдержать хоть годовую блокаду. Мнѣ уже не хотѣлось общества, но чрезмѣрно хотѣлось свѣжаго воздуха.

Знала ли Оттилія что это не желѣзный законъ, поддерживаемый силой цѣлой имперіи, окружалъ и связывалъ ее со

всѣхъ сторонъ? Я не могъ припомнить чтобы принцъ намекалъ на существованіе такого закона. Впрочемъ зачѣмъ ему было намекать? Слово „невозможно“, на которое онъ не скупился, когда говорилъ прямо, заключало въ себѣ все. Полезнѣе пустыхъ догадокъ было бы уяснить себѣ съ какою цѣлію пригласилъ онъ меня во дворецъ. Это казалось непонятнымъ. Отецъ, который могъ бы помочь мнѣ, опять уѣхалъ по дѣламъ.

Я въѣхалъ въ Саркельдъ словно среди вихря; множество колесъ вертѣлось въ головѣ моей, мысли мелькали какъ высѣкаемыя искры. Я встрѣтилъ ординарца въ голубомъ съ серебромъ гусарскомъ мундирѣ. Ѣхало ли за нимъ еще много другихъ или онъ одинъ представлялъ собою всю вооруженную силу, только онъ носилъ цвѣта стараго княжескаго дома, гордо пріютившагося на лонѣ своего великаго, ревниваго фатерланда. И прежде уже въ Саркельдѣ я замѣчалъ съ улыбкой представителей крошечной арміи. Я видѣлъ княжескій гербъ на многихъ домахъ и въ окнахъ магазиновъ. Гербъ этотъ принадлежалъ къ исторіи имперіи. Придворный докторъ прошелъ съ ленточкой въ петлицѣ. Проѣхала въ коляскѣ дама, которой я поклонился. Это была жена министра юстиціи. На какомъ основаніи строилъ я? По сцѣпленію мыслей мнѣ представился Риверели, простое жилище мое изъ суроваго краснаго кирпича посреди голыхъ полянъ. Я вошелъ во дворецъ и послалъ почтеніе свое князю. Въ отвѣтъ мнѣ церемонно объявили часъ обѣда. Воздухъ былъ пропитанъ церемонностью. Я былъ нечувствителенъ къ ней прежде, или такъ мнѣ казалось, но теперь тяжесть ея давила меня. Гербы, девизы ливреи, портреты принцевъ и принцессъ, знаменитыхъ то тѣмъ, то другимъ, что̀ общаго у меня съ ними?

Появленіе живыхъ членовъ семейства принесло мнѣ великую отраду. Въ первую минуту, увидѣвъ Оттилію, я счелъ ее лишь однимъ изъ нихъ. Она поздоровалась со мной безъ стѣсненія.

Мы весело болтаемъ за столомъ.

— Вы не застали нашей французской труппы? сказала маркграфиня.

— Да, отвѣчалъ я.

— А у нихъ была одна очень хорошенькая для Француженки.

— Она вамъ понравилась? Француженки умѣютъ владѣть и умомъ своимъ, и булавками, какъ сказалъ кто-то.

— И отлично сказано. Гдѣ этотъ Рой? Какъ услышу что-нибудь умное, я тотчасъ же вспоминаю о немъ.

— Вопросъ этотъ ни къ кому не обращался. „Этотъ Рой," какъ пришло мнѣ въ голову, ни кто иной какъ мой отецъ. На вторичное упоминаніе его имени принцъ Эрнстъ отвѣчалъ:

— Рой отправился въ Кроацію нанять нѣсколько дюжинъ дешевыхъ рабочихъ.

Сила этихъ Кроатовъ изумительна, и при хорошемъ надзорѣ они работаютъ. Онъ вернется дня черезъ три, четыре.

— Вы испортили хорошаго человѣка, сказала маркграфиня.—А это напоминаетъ мнѣ дурнаго, разбойника. Слышали ли вы объ этомъ негодяѣ наставникѣ принцессы? Къ счастію онъ убрался отъ насъ. Онъ издалъ книгу.... ужасъ! Все противъ религіи и нравственности. Желательно знать найдется ли теперь кто-нибудь кто бы сталъ защищать его?

— Я, отозвалась Оттилія.

— Господи Боже мой! Вѣдь не читали же вы эту книгу?

— Отъ доски до доски, милая тетушка, не прогнѣвайтесь.

— Она здѣсь въ домѣ?

— Она у меня въ комнатѣ.

— Въ такомъ случаѣ не удивительно! не удивительно! воскликнула маркграфиня.

— Выслушайте однако и враждебную сторону, замѣтилъ принцъ Эрнстъ.

— Отлично сказано, папа, предполагая даже что сторона враждебная.

— Враждебна столько же, сколько лисица курятнику и собака лисицѣ, сказала маркграфиня.

— Принимаю ваше сравненіе, тетушка, сказала Оттилія.— Онъ врагъ мокрыхъ куръ, но только не бѣжитъ отъ многочисленной стаи лающей на него. Мой старый профессоръ смѣлый искатель правды. Онъ зажигаетъ свѣтильникъ чтобъ озарить предъ вашими глазами почву на которой вы ходите. Какъ это вы, обожая героевъ, не сочувствуете ему, когда онъ стоитъ одинъ за свое понятіе объ истинѣ. Я желала бы стать съ нимъ рядомъ. Когда нападаютъ на него, я не могу за него не заступиться.

— Вы вѣроятно не отказываетесь ни отъ чего чему научилъ васъ этотъ негодяй?

— Ни отъ чего, ни отъ чего! отвѣчала Оттилія, и влила жизнь въ мое сердце.

Мрачная и молчаливая баронесса Туркемсъ, сидѣвшая противъ нея, громко вздохнула.

— Ужь не пыталась ли принцесса обратить васъ? спросила ее маркграфиня.

— Обратить? Нѣтъ, сударыня. Она читала мнѣ.

— Добрая моя Туркемсъ, вамъ не даютъ выспаться.

— Ея высочество принцесса сама презираетъ сонъ.

— Вотъ какъ поступаете вы, вольнодумцы. Вопервыхъ, вы лишаете себя лучшей части жизни, а потомъ навязываете свои дурныя привычки жертвамъ своимъ. Оттилія! Эрнстъ! Я положительно требую чтобы въ комнатѣ ребенка гасили огонь въ двѣнадцать часовъ ночи.

— Двѣнадцать часовъ очень поздній часъ для ребенка, сказала Оттилія, улыбаясь.

Принцъ съ едва замѣтнымъ удареніемъ проговорилъ:

— Женщина рожденная для власти не должна быть подчинена дѣтскимъ стѣсненіямъ.

Тутъ открылась мнѣ возможность принять участіе въ разговорѣ. Маркграфиня не разъ заявила мнѣ что мнѣ далеко до моего отца.

— Отчего? говорила она,—отчего вы не можете взяться за эти несносныя коли и дать отцу тѣшиться на свободѣ?

— Можетъ-быть оттого что я его не стою, замѣтилъ я.

Она поздравила меня съ искрой Роевскаго остроумія.

Мнѣ представилось что сговорились дать мнѣ почувствовать мое собственное ничтожество, и слѣдовательно и нелѣпость моихъ притязаній. Еслибы такой заговоръ дѣйствительно существовалъ, мнѣ не могли бы нанести болѣе чувствительныхъ ударовъ. Часто желаніе унизить неравнаго намъ человѣка выполняется успѣшнѣе безъ предварительнаго разчета.

Принцъ пригласилъ меня курить съ нимъ и говорилъ о томъ какъ у насъ въ Англіи классы общества постепенно уравниваются посредствомъ браковъ между аристократами, сквайрами и купечествомъ.

— Здѣсь не то, сказалъ онъ,—и никакія выходки демократовъ не доведутъ насъ до этого. Санъ для насъ имѣетъ зна-

ченіе принципа. Вы, я думаю, не читали книги нашего профессора? Она сильна. Онъ человѣкъ сильный. Она не можетъ имѣть вреднаго дѣйствія на умъ людей предназначенныхъ рожденіемъ для власти, слѣдовательно и на умъ принцессы. *Вамъ* я бы посовѣтовалъ не читать этой книги. Она вредна для тѣхъ кому приходится прокладывать себѣ дорогу. Вы конечно вступите въ свой парламентъ. Тамъ вамъ откроется прекрасная карьера. Онъ спросилъ меня какъ понравился мнѣ канцлеръ фонъ-Редвицъ.

Я замѣтилъ что принцъ старается хладнокровно и ловко исправить то что̀ случилось по его неосторожности и слѣпотѣ. Онъ навѣрное объяснилъ дочери ея настоящее положеніе и теперь съ дьявольскимъ искусствомъ льститъ ей, предоставляя ее собственной разсудительности и воздерживаясь отъ всякаго противодѣйствія. Что онъ боготворитъ ея умъ и дѣйствительно полагается на него, было мнѣ извѣстно. А это дѣйствуетъ на нее. До какой степени? Мои колебанія и сомнѣнія, мои восторги и отчаяніе, неспособность видѣть что̀ бы то ни было въ истинномъ свѣтѣ,—все свидѣтельствовало какъ безумно влюбиться въ принцессу.

Дѣлались приготовленія къ пріѣзду важнаго гостя. Маркграфиня говорила о немъ выразительно. Я подумалъ не шутливый ли это способъ возвѣстить о возвращеніи отца моего, и вѣроятно удовольствіе выразилось на моемъ лицѣ, ибо она спросила меня:—Вы знаете принца Германа? Онъ проводитъ бо́льшую часть времени въ Эбергардистатѣ. Онъ родственникъ короля; бывшій рабъ; tant soit peu philosophe à ce qu'on dit; путешественникъ. Говорятъ у него южно-американскій цвѣтъ лица. Я знала его мальчикомъ. У него страсть сопоставлять то что̀ природа разъединила: кости рыбъ и звѣрей. Il faut passer le temps. Онъ обожаетъ попіонъ. Все допотопное приводитъ его въ восторгъ. Онъ въ состояніи описать намъ тогдашнія моды, и если я не ошибаюсь, мы, по его мнѣнію, еще не дошли до послѣдней изъ нихъ. Къ счастію моя модистка вернулась изъ Парижа. Къ тому же у насъ есть по окрестностямъ ископаемыя, хотя право не знаю гдѣ именно. Все равно, гдѣ-нибудь. Принцесса укажетъ ему, а вы можете помочь при раскопкѣ. Говорятъ онъ готовъ зарыться въ землю ради спинной кости какого-нибудь *idio*.... *ilio*.... какъ его?... saurus.

Я осматривалъ принца Германа съ такимъ вниманіемъ какое рѣдко обращалъ на мущину. У него была германская голова, широкая, съ выступающими ушами, живые, честные, внимательные при разговорѣ глаза; сухія губы; нѣсколько тропическій цвѣтъ кожи, и очень пріятное обращеніе со всѣми, исключая его свиты: секретарей, лакеевъ, охотниковъ,—его *негровъ*, какъ онъ называетъ ихъ. Они его любили. Онъ не могъ не понравиться.

— Вы много занимаетесь? обратился онъ къ принцессѣ за столомъ.

— Я бросаю книги съ той минуты какъ вы пріѣхали открыть предо мною землю и море.

Съ этого времени разговоръ вели они, мы только слѣдовали за ними, или молча, или по временамъ вставляя два, три слова.

Со мною принцъ Германъ былъ безукоризненно любезенъ. Онъ дружился съ Англичанами въ своихъ странствіяхъ; предпочиталъ въ случаѣ приключенія товарища Англичанина всѣмъ другимъ; считалъ наши индійскія владѣнія изумительнѣйшимъ явленіемъ, какое случилось ему видѣть, и наши индійскія сигары весьма недурными, если къ нимъ привыкнуть. Если расшевелить его, онъ былъ неистощимъ на анекдоты. „Не былъ тамъ“, отвѣчалъ онъ на попытки маркграфини свести разговоръ на сплетни о нѣкоторыхъ германскихъ дворахъ. Музей, охота и опера поглощали все его время. Я считалъ что ему должно-быть лѣтъ подъ сорокъ. Онъ казался крѣпкимъ, ѣлъ здорово, пилъ добросовѣстно, словно исполняя обязанность, и послѣ обѣда раскраснѣлся и стремился закурить и протянуться. Тутъ онъ заговорилъ о малости Европы и величіи Германіи. Онъ выкраивалъ карту міра по-своему, на основаніи логическихъ доводовъ. Америкѣ Америка, Южная и Сѣверная; Индія Европѣ. Индія должна принадлежать странѣ съ наиболѣе развитою береговою линіей. Владѣтельница Балтійскаго, Нѣмецкаго моря и Востока (какъ непремѣнно будетъ), Германія, естественно потребуетъ себѣ Индіи, и найдетъ такимъ образомъ исходъ силамъ плодовитѣйшаго и крѣпчайшаго изъ племенъ человѣческихъ, въ сущности единственному племени внѣ Индіи, къ которой она вернется, какъ къ своему источнику, и создастъ такимъ образомъ государство безподобное по силѣ, совокупивъ Западъ

съ Востокомъ; государство основанное на твердой почвѣ, на крови гражданъ, а не владычество надъ чуждыми племенами, шаткое какъ паланкинъ на спинѣ слона, цѣлость котораго зависитъ отъ того останется ли слонъ покорнымъ. (Такъ описывалъ онъ власть Англичанъ въ Индіи). И помяните мое слово, говорилъ онъ,—Индійскій народъ совершенно слонъ, отъ хвоста до хобота, онъ рабъ вашъ, пока не раздавитъ васъ, и не такъ глупъ, какъ кажется. Но вы сдѣлали чудеса въ Индіи, и мы этого не можемъ забыть.

Таковъ былъ человѣкъ этотъ, кроткій когда вино испарится въ спичахъ и въ особенности когда онъ вернется въ общество дамъ.

Оттилія танцовала съ принцемъ Германомъ на большомъ балу, данномъ въ его честь. Жены и дочери извѣстныхъ въ городѣ лицъ, присутствовавшія на балу, непрерывно шушукались о его наружности, въ которой, по ихъ словамъ, виднѣлось нѣмецкое сердце, хотя онъ и жилъ долго въ чужихъ краяхъ. Мущины очень ухаживали за нимъ. Саркельдъ видимо выражалъ свое удовольствіе. Одно замѣчаніе: „у насъ въ городѣ будетъ его музей“, не оставило мнѣ сомнѣнія относительно предполагаемой цѣли его посѣщенія. Слова эти были сказаны съ одушевленіемъ, ясно доказывавшимъ какъ признателенъ будетъ городъ тому кто просвѣщаетъ его привозомъ нѣсколькихъ ящиковъ съ рыбьими костями.

Такъ мало стѣснялся онъ моимъ присутствіемъ что однажды, возвращаясь съ поѣздки верхомъ, онъ схватилъ и держалъ нѣсколько минутъ руку принцессы. Она нахмурилась съ грустнымъ удивленіемъ, но не оказала сопротивленія, неприличнаго знатной дѣвушкѣ. Рука ея была схвачена грубо, какъ схватилъ бы смѣлый поклонникъ, какой-нибудь Генрихъ V, или чувственный Петручіо. Она погнала лошадь впередъ, а я опрокинулъ въ рукѣ хлыстъ мой. Принцъ Германъ поскакалъ за нею, не держась руками за поводья, словно Индѣецъ поражающій буйвола. Индѣйское было ухаживаніе. Насмѣшливо удивленный крикъ принца: „Что̀, что̀!“ придалъ сценѣ этой еще болѣе дикій характеръ. Оттилія, смущенная, отклонилась въ сторону, а онъ всѣмъ тѣломъ нагнулся къ ней. Странно мнѣ было глядѣть на это. Я подъѣхалъ къ нимъ ближе, но не смѣлъ, не дождавшись приказанія принцессы, ударить хлыстомъ по рукамъ принца.

Оттилія остановила лошадь. „Ну-съ“, сказала она, и рука ея была выпущена.

Потомъ, обратившись ко мнѣ, она проговорила:—Мистеръ Ричмондъ, у меня есть слуга.

Этого было довольно. Они поѣхали дальше. Шварцъ слѣдовалъ за ними по пятамъ, какъ собака. Я спрашивалъ себя ѣхать ли мнѣ за ними, и могу ли я, съ другой стороны, выпустить ихъ изъ глазъ. Они удалялись; вонъ виднѣются двое впереди и одинъ сзади, вотъ ужь только точки на горизонтѣ, вотъ скрываются въ лощинѣ подъ густыми деревьями, и листья шумятъ какъ-то невыносимо таинственно. Я бросился впередъ и опять увидѣлъ ихъ: они выѣхали изъ-за сосенъ, появились на полѣ, обогнули утесы, опять окунулись въ лѣсъ, опять показались, и скрылись снова. Я ждалъ что они выѣдутъ еще разъ, но напрасно глядѣлъ во всѣ стороны. Судьба моя такъ или иначе была связана съ ними. Пока я видѣлъ ихъ, я какъ будто зналъ ее; но не видѣть ихъ было убійственно. Я поскакалъ до такой степени поглощенный желаніемъ отыскать троихъ что не замѣтилъ всадника ѣхавшаго мнѣ на встрѣчу. Это былъ принцъ Германъ. Онъ приподнялъ шляпу, я остановился, и онъ заговорилъ:

— Позвольте мнѣ извиниться предъ вами, мистеръ Ричмондъ. Васъ, кажется, надо поздравить. Я не зналъ. Принцесса благоволила объяснить мнѣ. Какъ вы это устроите, я не понимаю. Но это не мое дѣло. Я человѣкъ честный, и по чести, я предполагалъ что мнѣ предлагаютъ здѣсь рѣшить немедленно, по моему обыкновенію, желаю я или не желаю. Я говорю прямо, неправда ли? Человѣкъ со смысломъ не могъ колебаться. У меня пріемы быстрые. Жалѣю что поразилъ васъ ими. Видите ли, я былъ обманутъ, самъ обманывался, положимъ. Рѣшительныя мѣры иногда вводятъ въ чертовскій просакъ. Сказать правду.... можетъ-быть она вамъ непріятна.... въ такихъ случаяхъ лучше всего сообразоваться съ желаніями семейства. А когда еще дѣло идетъ о принцессѣ крови!... Я, видите ли, человѣкъ подходящій. Это случай, точно такъ же какъ ростъ, цвѣтъ лица, тѣлосложеніе. Всякому человѣку то или другое дается отъ рожденія. У васъ англійскія понятія, у меня германскія. Но какъ человѣкъ свѣтскій, и какъ человѣкъ порядочный, я бы думалъ что взять молодую принцессу и низвести изъ ея положенія, не совсѣмъ.... вы, конечно, знаете что титулъ теряетъ силу какъ только она снизойдетъ....

Такъ! такъ! Довольно. Я думалъ что мѣсто свободное. *Мы* привыкли чтобы намъ разчищали дорогу. Я васъ не задерживаю.

Мы поклонились другъ другу, и я поѣхалъ дальше, машинально, неясно понимая смыслъ слышаннаго и не извлекая изъ него отрады. Надменно царственный способъ ухаживанія этого человѣка, считавшаго ни во что̀ присутствіе низшихъ и чувства другихъ, возбуждалъ во мнѣ ревность, несмотря на его неудачу.

Я былъ въ такомъ настроеніи что совершенно отдался въ руки отцу, изливъ ему душу въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ полюбилъ я Оттилію. Только-что вернувшись съ поспѣшнаго путешествія, и сознавая какъ многимъ обязанъ ему принцъ, онъ отнесся легко къ моимъ недоумѣніямъ и тотчасъ же прямо высказалъ свое мнѣніе.

— Она обѣщаетъ тебѣ свою руку въ присутствіи мистера Питерборо. Планъ его былъ составленъ тутъ же: — Мы ѣдемъ въ Англію послѣ завтра, Ричи, чтобы дѣятельно вести процессъ. Нашъ Питерборо въ замкѣ. Госпожа фельдмаршальша удостоиваетъ его прощальнаго приглашенія. У тебя свиданіе съ принцессой въ полночь въ библіотекѣ, гдѣ ты имѣешь привычку читать, какъ и слѣдуетъ студенту. При малѣйшемъ звукѣ колокольчика или даже какъ только дверь отворится, я позабочусь чтобы Питерборо вошелъ къ тебѣ. Это будетъ не обрядъ, а просто лишь обязательство честнымъ словомъ даннымъ въ присутствіи духовнаго лица. Онъ увѣдомилъ меня что съ этою цѣлію, для этого именно дѣла, и завербовалъ, и удержалъ при себѣ Питерборо. Это казалось возможно и, странно, побудило меня воспользоваться имъ. Ибо принцесса все еще отказывала мнѣ во взглядѣ любви, избѣгала меня, все еще держалась загадочно, а я былъ настолько деликатенъ что воздерживался отъ писемъ. Я согласился съ отцомъ что намъ нельзя оставаться въ Германіи; но какъ же мнѣ оставить поле дѣйствія и бѣжать въ Англію при такихъ обстоятельствахъ. Я сочинилъ пошлѣйшее изъ всѣхъ когда-либо писанныхъ писемъ, прося принцессу встрѣтиться со мною въ библіотекѣ, въ полночь, чтобы доставить мнѣ удовольствіе проститься съ нею. Послѣ этого я ободрился; мнѣ представилось что отецъ мой обладаетъ большою житейскою опытностью, а на Питерборо я сталъ смотрѣть на какъ сверхъестественное существо. Если Оттилія не придетъ, по крайней мѣрѣ я буду знать свою

участь. Развѣ я не обязанъ обнаружить нѣкоторую предпріимчивость? Такъ разсуждалъ я междометіями, будучи въ сущности утомленъ стараніемъ казаться не тѣмъ что̀ я былъ дѣйствительно и сдѣлаться тѣмъ чѣмъ не могъ я быть никогда. Такъ лучшее, идеальное во мнѣ исчезло. Я уже не старался заслужить любовь женщины, а вступалъ въ заговоръ чтобъ опутать принцессу. На меня также до нѣкоторой степени дѣйствовало сознаніе, казавшееся мнѣ свидѣтельствомъ житейской мудрости моей, что принцъ Эрнестъ хитритъ коварно со мною, удерживая меня у себя подъ разными предлогами, при невыгодныхъ для меня обстоятельствахъ. Гордость моя поднялась, а неистощимая бодрость отца раздувала ее. Онъ громко настаивалъ на заслугахъ оказанныхъ принцу, на его собственномъ высокомъ положеніи, на предстоящемъ мнѣ богатомъ наслѣдствѣ. Онъ почти увѣрилъ меня что принцъ Эрнестъ не рѣшается мнѣ отказать, и предположеніе это не совсѣмъ казалось безразсудно, ибо иначе зачѣмъ бы мнѣ гостить во дворцѣ? Я неспособенъ былъ обдумать дѣло.

Отецъ развлекъ меня, направивъ всѣ батареи своего веселаго остроумія на мистера Питерборо, у котораго цѣлая кипа богословскихъ рукописей противъ еретиковъ Нѣмцевъ была заготовлена для изданія въ родной сторонѣ. „Какъ не похожа наша страна, восклицалъ онъ,—на это гнѣздо, эту дебрю ереси, гдѣ пасквили и критики печатаются безпрепятственно, не подвергаясь, какъ кажется, тому общему осужденію которое несомнѣнно поразило бы всякое странное мнѣніе у насъ дома!“ Понималъ-ли онъ дѣйствительно для какого дѣла готовилъ его мой отецъ, я былъ не въ состояніи рѣшить. Приглашеніе обѣдать и провести вечеръ во дворцѣ на озерѣ несказанно польстило ему.

Мы пошли за нимъ въ замокъ.

Горе выразилось на лицѣ Питерборо, когда вышли мы изъ экипажа у воротъ дворца: онъ забылъ свою трубку.

— Принцъ вамъ дастъ одну изъ своихъ, сказалъ мой отецъ.

— Много будетъ у насъ поразказать въ Англіи, замѣтилъ мнѣ Питерборо.

— Въ Риверсли, помнится, табакъ не допускается, сказалъ я.

Онъ вздохнулъ и отвѣтилъ шутливо что считаетъ табакъ лишь утѣшеніемъ изгнанниковъ и холостяковъ.

— Питерборо, другъ мой, вы герой! воскликнулъ мой отецъ.— Онъ отказывается отъ табаку ради женитьбы!

— Позвольте, вступился Питерборо, съ комическою лопыткой на тонкую шутливость:—у меня съ табакомъ никогда не было законнаго союза.

— Онъ разрываетъ свою незаконную связь съ табакомъ чтобы жениться по всѣмъ правиламъ! воскликнулъ отецъ.

Мы весело вошли во дворецъ, и вскорѣ Питерборо, хранившій при одобрительномъ смѣхѣ задумчивое лицо, сказалъ:

— Знаете ли, это можетъ быть серіознѣе чѣмъ кажется съ перваго раза.

Его простодушный видъ разсмѣшилъ меня до слезъ. Я отдалъ отцу письмо къ принцессѣ, съ порученіемъ передать его кому-нибудь изъ слугъ, предполагая что теперь Оттиліи не воспрещаются сношенія со мною, и считая согласною съ моимъ достоинствомъ одну лишь эту ничтожную хитрость, будто письмо это не отъ меня, а отъ отца. Смѣхъ не оставлялъ меня. Я смѣялся одѣваясь. Маркграфиня тотчасъ же замѣтила мою веселость.

— Рой, вы расшевелили своего сына. Сейчасъ видно что въ немъ ваша кровь, какъ только вы часъ пробудете съ нимъ.

И затѣмъ она вступила въ разговоръ достаточно остроумный для настоящаго случая.

Принцъ Германъ уѣхалъ. Объ отъѣздѣ его упомянули съ обычными изъявленіями сожалѣнія. Оттилія безъ стѣсненія и говорила объ немъ, и глядѣла на меня. За столомъ былъ придворный докторъ съ женой, канцлеръ фонъ-Редвицъ съ дочерью и генералъ Ганненвиль, начальникъ принцева войска, Прусакъ въ душѣ, считавшійся хорошимъ полководцемъ, потому что на досугѣ сочинилъ какую-то книгу о военномъ искусствѣ. Я сидѣлъ между дочерью канцлера и баронессой Туркемсъ. Баронесса спросила меня о причинѣ неожиданнаго возвращенія моего отца.

— Онъ имѣетъ даръ являться кстати, замѣтила она.

— Онъ ѣдетъ со мною въ Англію, сказалъ я.

— Ахъ! Онъ ѣдетъ! отозвалась она и затѣмъ спросила чему обязаны мы присутствіемъ мистера Питерборо. Между нею и отцомъ моимъ всегда существовала тайная вражда.

Къ удивленію моему, баронесса, говоря объ Оттиліи, называла ее по имени.

— Оттиліи нуженъ горный воздухъ. Поздніе часы вредятъ

цвѣту лица ея. Я совѣтую движеніе днемъ, чтобы спать хотѣлось къ ночи.

— Принцессѣ, сказалъ я, завидуя Питерборо, который сидѣлъ подлѣ нея,—безъ сомнѣнія, принесетъ пользу горный воздухъ. Не занимается ли она чрезмѣрно? Море....

— Море, по моему, для нея не хорошо, не здорово, возразила баронесса. — Оно сыро.

Я засмѣялся.

— Да, сыро, повторила она. — Испаренія, я убѣждена, дѣйствуютъ на умъ и на тѣло. Эта поѣздка на яхтѣ причинила ей страшный вредъ. Горы возстановили ее. Онѣ ея опять возстановятъ, повѣрьте мнѣ. Она не слишкомъ крѣпкаго сложенія, но чтобы лѣчить правильно, надо опредѣлить въ чемъ именно заключается болѣзнь. Ѣздить верхомъ ночью вмѣсто того чтобы спать! Отправляться Богъ вѣсть куда и возвращаться лишь на другой день вечеромъ! Я спрашиваю васъ, разсудительно ли это? Не похоже ли это на помѣшательство?

— Принцесса?... началъ было я.

— Оттилія это дѣлала.

— Возможно ли, баронесса? Она ѣздила одна?

Странно замигали тусклые глаза, глядѣвшіе на меня изъ-подъ густыхъ, темныхъ бровей.

— Одна, отвѣчала баронесса.—То-есть она, конечно, брала съ собой своего великана, чтобы защитить ее отъ насилія. Вотъ только въ этомъ еще и вижу я проблескъ разсудка.

— Старый Шварцъ очень вѣрный слуга, сказалъ я, думая про себя что сама баронесса похожа лицомъ на стараго воина.

— Покорность собаки причудамъ хозяина, вы называете вѣрностью! Гм.... баронесса сухо откашлилась.

Я шепнулъ:

— Принцу Эрнсту.... извѣстно?

— *Вамъ* извѣстно, отозвалась баронесса. — Что человѣкъ обожаетъ, въ томъ онъ недостатковъ не видитъ. Помните: или я что-нибудь здѣсь, или ничто!

Это загадачное замѣчаніе было принято мною почтительно, какъ заслуженный укоръ. Наклонивъ голову серіозно, я выразилъ свое сожалѣніе что море ей не нравится, иначе я предложилъ бы ей покататься на яхтѣ. Она холодно кивнула, и на губахъ ея появилась полуулыбка, напоминающая болѣе растворенную дверь чѣмъ лучъ свѣта. Обѣдъ, въ сущности нѣмецкій ужинъ, окончился общимъ разговоромъ о политическихъ

дѣлахъ, который завели и поддерживали приверженецъ Пруссіи, генералъ, и сочувствующая Австріи, маркграфиня. Принцъ Эрнстъ, вѣрный своему правилу что дипломатія есть орудіе мелкихъ государей, поддерживалъ равновѣсіе, становясь то на сторону одного, то на сторону другаго. Благоразумный образъ дѣйствія покуда соперничествующія державы дозволяютъ такъ себя взвѣшивать. Мы позабавились музыкой, раскланялись съ дамами и переодѣлись для курильни. Принцъ Эрнстъ всегда выкуривалъ при гостяхъ одну сигару Генералъ, канцлеръ и докторъ знали когда слѣдовало удалиться и тотчасъ же встали всѣ разомъ, какъ только онъ бросилъ окурокъ сигары въ незатопленный каминъ. Мой отецъ и мистеръ Питерборо остались на своихъ мѣстахъ.

Я говорилъ себѣ съ отраднымъ чувствомъ что заговора никакого не было, такъ какъ я ни на что не изъявлялъ своего согласія. Прощаясь съ принцемъ Эрнстомъ, я пожалъ протянутую имъ руку съ довольно чистою совѣстью.

Я вышелъ въ библіотеку. Пришелъ слуга за приказаніями. Мнѣ было нечего приказывать. Онъ затворилъ ставни, опустилъ занавѣски, осмотрѣлъ мою лампу и поставилъ также лампы на конторку и на каминъ. Я остался наединѣ съ бронзовыми бюстами мудрецовъ. Комната была длинная, низкая и мрачная, богато увѣшанная драпировками на другомъ концѣ, гдѣ стоялъ столъ, на которомъ принцъ записывалъ замѣтки, и диванъ, приглашавшій отдохнуть за чтеніемъ романовъ. Дверь на ближайшемъ ко мнѣ концѣ комнаты вела въ спальни, расположенныя въ западномъ флигелѣ зданія. Съ моего мѣста виднѣлись ряды томовъ и классическія головы. Другихъ украшеній не было на стѣнахъ. Я ходилъ взадъ и впередъ. Я легъ бы на диванъ, еслибъ онъ не былъ занятъ кучей книгъ, прикрытыхъ отъ пыли; а можетъ-быть и спрятанныхъ чтобы желтыя парижскія брошюры, которыхъ я замѣтилъ съ дюжину, не бросались въ глаза случайному посѣтителю. Въ лѣтнемъ дворцѣ своемъ принцъ часто давалъ аудіенціи въ этой комнатѣ. Онъ сказалъ мнѣ, когда я выразилъ желаніе почитать въ библіотекѣ: „вы будете придерживаться классическаго отдѣленія.“ Можетъ-быть онъ не желалъ чтобъ осматривали желтыя брошюрки. У меня не было охоты читать ихъ. Я поднялъ одну, упавшую пока я ходилъ, бросилъ ее на мѣсто и разстроилъ всю прикрытую кучу. Попадали другія. Я такъ и не поднималъ ихъ.

Оттилія не заставила долго ждать себя.

ГЛАВА XXXV.

Сцена въ лѣтнемъ дворцѣ.

Я напѣвалъ про себя гётевскую *Zigeunerlied*, что̀ имѣю привычку дѣлать когда умъ мой слишкомъ занятъ или не занятъ ничѣмъ. Тихій шорохъ изъ передней заставилъ меня повернуться, и я увидѣлъ Оттилію, съ серебряной лампой въ рукѣ, словно она ожидала найти тутъ темноту. Тонкая голубая кашмировая шаль прикрывала ея плечи; волосы ея были завязаны узломъ; она стояла предо мной въ свѣтѣ лампы точно статуя—изображеніе сумерокъ.

Я быстро подошелъ къ ней и затворилъ дверь, говоря шопотомъ: „вы пришли!“

Она подозрительно оглянула комнату: — Вы говорили съ кѣмъ-то?

— Нѣтъ.

— Вы говорили.

— Такъ значитъ самъ съ собою.

Я повторилъ цыганскій напѣвъ.

Она слегка улыбнулась и сказала что теперь именно время бродить Аннѣ и Урсели, и Катѣ и Лизѣ.

На рукахъ ея были перчатки; я замѣтилъ эту мелочь.

Мы услышали какъ смѣнился часовой у подъѣзда.

— Полночь, сказалъ я.

— Вы не назначили часа въ точности, отвѣчала она.

— Я боялся назначить полночь.

— Почему?

— Чтобы такой часъ... не испугалъ васъ, не заставилъ задуматься. Вы видите, я придумываю причину. Самъ я не знаю почему, развѣ потому что надѣялся видѣть васъ нѣсколькими минутами дольше. Вотъ теперь эти минуты прошли. Я бы не просилъ васъ придти, еслибы не думалъ что вы свободны въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Я свободна.

— И вы пришли по собственному желанію?

— Всякое свободное дѣйствіе должно имѣть причину.

— Понимаю: разсудокъ вашъ былъ противъ этого свиданія.

— Успокойтесь, отвѣчала она, — вы въ правѣ потребовать чтобъ я пришла, когда считаете нужнымъ.

Книга упала съ дивана; она вздрогнула и улыбнулась своему безразсудному испугу. Я сказалъ ей что намѣренъ отправиться въ Англію утромъ; что настоящая минута единственная которой я располагаю; что это свиданіе будетъ послѣднее. Отъ правъ моихъ, если они есть у меня, чего я не сознаю, я отказываюсь.

— Вы выпускаете изъ рукъ свой конецъ цѣпи, сказала она.

— Бога ради, воскликнулъ я, — не считайте себя связанною.

Она покачала головой: — я не такъ смотрю на дѣло.

Представьте положеніе влюбленнаго котораго совѣсть не совсѣмъ чиста. Я конечно въ правѣ былъ требовать объясненія ея оскорбительной для меня холодности, и понималъ очень хорошо что два-три слова отъ сердца устранили бы эту холодность, но чувствуя что это по всей вѣроятности лишь слѣдствіе подозрѣнія, я оскорблялся еще больше и не смѣлъ высказаться, чтобы не выдать себя.

Какъ бы то ни было, предполагая что любовь ея остыла, я искренно готовъ былъ возвратить ей свободу пожатіемъ руки и взять на себя все страданіе.

— Пожалуста не говорите о цѣпяхъ, сказалъ я.

— Но онѣ существуютъ. Словами дѣла не передѣлаешь.

Дрожаніе словно какой-то струны въ ея голосѣ какъ будто свидѣтельствовало что въ ней нѣтъ холодности, а рука въ перчаткѣ, опиравшаяся на столъ, и совершенно спокойные глаза говорили противное. Я склонялся то къ одному то къ другому.

Мы странно избѣгали называть другъ друга по имени. Я первый произнесъ: „Оттилія“ и вызвалъ въ отвѣтъ „Гарри“. Ледъ, обдававшій насъ, началъ какъ будто таять.

— Оттилія, вы говорили мнѣ будто желаете чтобъ я поѣхалъ въ Англію?

— Да.

— Мы останемся друзьями?

— Да, Гарри; мы не можемъ быть совсѣмъ разлучены; это сознаніе должно намъ теперь служить утѣшеніемъ.

— Прекрасное утѣшеніе, за неимѣніемъ пищи глодать кость. Все лучше чѣмъ ничего. По изгнаніи изъ рая, можетъ-быть отрадно взлѣсть на ворота его и хоть издали поглядѣть какъ растутъ тамъ деревья. Но я не понимаю какъ можно наперед думать объ этомъ съ удовольствіемъ.

— Значитъ вы по природѣ или по теоріи болѣе нетерпѣ-

ливы чѣмъ я, сказала Оттилія.—Настолько я уже давно разгадала вашъ характеръ, продолжала она.—Это была одна изъ причинъ почему я желала чтобы вы работали. Вы увидите что серіозная работа въ Англіи.... Но для чего мнѣ читать вамъ проповѣди? Гарри, вы съ какой-нибудь цѣлью призвали меня сюда?

— Я должно-быть уже слишкомъ долго задержалъ васъ?

— Не во времени дѣло. Дурно то....

— Дурно? Развѣ вы не свободны въ своихъ дѣйствіяхъ?

— Подождите мой другъ. Чѣмъ свободнѣе я въ моихъ дѣйствіяхъ, тѣмъ серіознѣе обязана я ихъ обдумывать. Я полагаю что не руководствуюсь въ моихъ соображеніяхъ, подобно большинству женщинъ, нервами и волненіемъ крови. Поистинѣ, Гарри, я бы не пришла, еслибы не признавала за вами права призвать меня къ себѣ.

— Вы знаете, принцесса, что удостоивъ меня вашей привязанности, вы рискуете лишиться своего сана?

— Знаю.

— И что же?

— Санъ мой въ большой опасности, больше ничего.

— И вы съ самаго начала знали это?

— Не вполнѣ. До нѣкоторой степени знала, но дѣло мнѣ не представлялось ясно. Я лишь недавно стала научаться свѣтской мудрости. Пренебрегать ею нельзя. Я имѣю обязанности къ отцу, къ роднымъ, къ нашимъ княжескимъ родамъ; къ странѣ моей, наконецъ.

— О, принцесса, если вы ищите оправданія....

— Можете ли вы это думать?

Вся высокая красота ея природы вдругъ представилась мнѣ. Я готовъ былъ упасть къ ея ногамъ и сказалъ спокойно:

— Не оправданія, но дѣйствительно.... обязанности.... Я не могу простить себѣ что привелъ васъ въ столкновеніе съ ними. Я тоже научился свѣтской мудрости. Жалѣю для васъ что такъ поздно. Что̀ заставило меня забыть о вашемъ санѣ! Не понимаю! Но теперь зная человѣка который заслужилъ ваше сочувствіе, когда вы были менѣе знакомы съ жизнью....

— Довольно, остановила меня Оттилія.—Я не позволю бранить его. Я тоже лучше его узнала и однако, когда его унижаютъ, унижаютъ и меня; его стыдъ падаетъ на меня. Лицо ея горѣло.

Ея жаръ сообщился мнѣ.

— Мы разстанемся черезъ нѣсколько минутъ. Мнѣ хочется попросить васъ чтобы вы дали мнѣ что-нибудь.

— Что же?

— Эту перчатку.

Она сняла ее и дала мнѣ не перчатку, а руку.

— Ее вѣдь я не могу удержать!

— Развѣ нужно вамъ все говорить? сказала она голосомъ въ которомъ слышался бы упрекъ, еслибы нѣжность не смягчала его.—Надо бы намъ понимать другъ друга и безъ словъ, Гарри. Вы можете удержать за собой мою руку, если желаете. Я немножко опасаюсь чтобы меня не сочли за сумашедшую и очень боюсь обнаружить неблагодарность къ моему доброму отцу. Онъ доказалъ что умѣетъ быть въ высшей степени снисходителенъ, довѣрчивъ и деликатенъ къ своей дочери, хотя онъ и принцъ. Моя обязанность доказать ему что я не забываю моего сана. Я должна дорожить моимъ саномъ, когда онъ оступается отъ него ради меня. Вы молоды, другъ мой. Только неопытная, ослѣпленная дѣвочка могла бы вообразить себѣ что вы недоступны страстямъ другихъ людей. Я была слѣпа. Я сожалѣю только объ отцѣ. Возьмите слово мое какъ берете мою руку. Мы съ вами связаны неразрывно. Только помогите мнѣ облегчить для него ударъ. Если я сойду съ того положенія для котораго была рождена, то дайте мнѣ возможность сказать ему что я займу мѣсто приличное мнѣ, или по крайней мѣрѣ такое котораго семейству моему нечего будетъ стыдиться. Стоять въ центрѣ жизни, въ вашей передовой Англіи, кажется мнѣ весьма завиднымъ. Гарри, я помню какъ бывало, когда я думала объ исторіи вашей страны, съ годъ послѣ того какъ видѣла я „двухъ молодыхъ Англичанъ“, мнѣ представлялось что вы несете въ вѣнцѣ своемъ и утреннюю и вечернюю звѣзду, а солнце свѣтитъ на васъ и съ востока и съ запада. Дѣтскія грезы, но впечатлѣніе произведенное этой фантастической картиной осталось во мнѣ. Если я нападаю на Англію, то это досада любви. Мнѣ кажется что я могу сказать черезъ васъ народу много хорошаго, великаго.

Она остановилась. Жаръ, сдерживаемый ею въ рѣчи, обдавалъ лицо ея краской, подобной рдѣнію осенняго неба послѣ заката.

Я прижалъ губы къ ея рукѣ.

Среди тишины опять упала одна изъ роковыхъ желтыхъ книжекъ съ дивана.

Она поглядѣла мнѣ въ глаза и спросила:

— Мы разговаривали при свидѣтелѣ?

До такой степени обновила она меня что я смѣхомъ отвѣчалъ на таившееся еще въ ней подозрѣніе.

— Милая, тѣмъ лучше было бы.

— Еслибъ это было возможно, отозвалась она задумчиво, угадывая смыслъ моихъ словъ.

— Почему же нѣтъ?

Глаза ея широко раскрылись.

— Какъ? Что вы спрашиваете?

Видъ мой испугалъ ее. Я задыхался и блѣднѣлъ словно соколъ глядящій на птицу, или вѣрнѣе лисица; только птица та была не простая и не робкая. Ея красота и храбрость вознесли меня высоко, и съ великимъ чувствомъ облегченія я сказалъ:

— Я не думаю настаивать, но представьте, что̀ за бѣда была бы, еслибы вы дали мнѣ свою руку при свидѣтелѣ?

— Моя рука въ вашей рукѣ, моего слова вамъ довольно.

— Довольно; и я благодарю небо. Но подумайте, еслибъ я имѣлъ залогъ который сопровождалъ бы меня въ трудахъ и невзгодахъ. Еслибъ я могъ сказать себѣ: она моя, моя навсегда, она не измѣнится, не отступится, она моя путеводная звѣзда, мое свѣтило, ничему она недоступна, она неизмѣнна. Я разумѣю засвидѣтельствованное слово, форму, обрядъ какой-нибудь, то-есть обрученіе, чтобъ я могъ говорить: моя возлюбленная, моя помолвленная. Вы слышите? „Возлюбленная“, въ этомъ словѣ слышится еще одиночество; „помолвленная“, значитъ мы вмѣстѣ идемъ до могилы. Хотите ли вы? Я только спрашиваю чтобы знать согласны ли вы. Завтра я останусь одинъ на свѣтѣ; эта мысль обдаетъ меня тяжелымъ мракомъ. Такъ хотите ли? Одно торжественное слово чтобы невѣста моя была моею, что̀ бы тамъ люди ни дѣлали. Тогда бодро пойду я на жизненную борьбу. Помните, вопросъ только въ томъ согласны ли вы.

— Я согласна, Гарри, проговорила она, и губы ея дрогнули.— Постойте (у меня вырвался крикъ радости), я согласна, взгляни мнѣ въ глаза и скажи сомнѣваешься ли ты во мнѣ.

Я поглядѣлъ; въ глазахъ у меня потемнѣло.

Мы испили чашу самозабвенія, какъ та безсмертная чета которая безпрерывно носилась въ кругѣ чистилища; и для насъ, которымъ минуты казались вѣками, какъ для нихъ, уже

не считавшихъ времени, сила любви уничтожила сознаніе всего окружающаго. Такія минуты уносятъ душу выше счастія, въ неизвѣстную область грусти. Мы отошли другъ отъ друга печально, какъ та чета, приломинавшая жизнь, для нея утраченную. Я хорошо понималъ съ какой высоты спускалась Оттилія, когда начинали говорить чувства, но она показала мнѣ какъ мало остается у любви приписываемой ей нетерпѣливой, ненасытной жадности, когда ее сопровождаетъ сила способная поддержать ее на высотѣ, неспособная низойти дальше извѣстнаго предѣла.

И при этомъ присутствовалъ свидѣтель, хотя невидимый для насъ.

Наступило время разставанія. Голосъ Оттиліи понизился.

— Никогда, говорилъ я, упиваясь ея взглядомъ, бодрымъ, но еще томнымъ отъ борьбы, никогда не буду я сомнѣваться и отказываюсь отъ всякихъ залоговъ. Чтобы ничего не имѣть на совѣсти, я сообщилъ ей о полусоставленномъ заговорѣ, съ цѣлью наложить на нее неизмѣнное обязательство. Мнѣ не понадобилось оправдываться. Она сама нашла мнѣ оправданіе, говоря: „не доказываетъ ли это какъ несчастенъ былъ мой милый? Я виновата.“

Мы пожали руки на прощанье. Она подумала минуту и спросила не спитъ ли мой отецъ. Я отвѣчалъ отрицательно.

— Я хочу его видѣть, заговорила она.—Я была жестока съ вами. Я слишкомъ много требовала терпѣнія. Подозрительность моя произошла отъ того что я сегодня вечеромъ получила предостереженіе, глупое предостереженіе—остерегаться ловушекъ. Я ихъ не боялась, повѣрьте мнѣ, хотя нѣсколько минутъ, безъ малѣйшаго впрочемъ опасенія, я думала что отецъ Гарри слышитъ что я говорю. Онъ твой отецъ, мой другъ; приведи его ко мнѣ. Мой отецъ услышитъ объ этомъ отъ меня; почему же не услышать ему? А! Я, хотя и чуточку подозрѣвала тебя. Я вознагражу тебя за это. Моя гордость оскорбила васъ обоихъ. О милый мой, милый! Дорогіе глаза! Какой ты благородный, деликатный! Душа ты моя? Гдѣ же было сердце мое? Или оно замираетъ, засыпаетъ на время? Но ты умѣешь разбудить его. Гляди на меня: я твоя. Я согласна, я этого желаю. Я хочу его видѣть. Я хочу наложить на себя обязательство. Чѣмъ тяжеле узы, тѣмъ лучше для меня. Чѣмъ и гордиться мнѣ, какъ не тобою, Гарри? Я сейчасъ же повидаюсь съ нимъ.

Третій въ комнатѣ закричалъ:

— Нѣтъ! Вы этого не сдѣлаете!

Слова были нѣмецкія и поразили насъ какъ залпъ невидимаго непріятеля.

— Принцесса Оттилія! Помните свое достоинство, или я буду защищать его и васъ, думайте обо мнѣ что̀ хотите!

Баронесса Туркемсъ, запутавшаяся въ лежавшій на диванѣ пологъ, бросилась въ освѣщенную часть комнаты и ухватилась за звонокъ. Черезъ минуту, зазвонила тревога, отецъ мой очутился подлѣ насъ, кругомъ безумно кричали, и мы стояли посреди самой дикой суматохи, какой когда-либо оканчивалось свиданіе двухъ влюбленныхъ.

XXXVI

Домой и дома.

Комната была въ огнѣ; баронесса Туркемсъ дергала за колокольчикъ; отецъ мой стоялъ словно въ сіяніи. Полноте! крикнулъ онъ баронессѣ. Она въ отвѣтъ закричала на него; оба затопали ногами; часовой у подъѣзда ударилъ въ дверь прикладомъ ружья; звонки раздавались по верхнимъ галлереямъ.

— Сумашедшая женщина! Перестаньте! закричалъ отецъ.

— Поджигатель! взвизгнула она.

Онъ обратился къ принцессѣ, прося ее удалиться; но она уставилась на него, и я тоже. Мы оба видѣли какъ онъ преспокойно поднесъ ея лампу къ занавѣскамъ и думали что онъ помѣшался. Онъ былъ однако совершенно хладнокровенъ. Это объяснитъ звонъ, сказалъ онъ переведя духъ и опять сталъ уговаривать принцессу удалиться.

Питерборо одинъ изъ всѣхъ присутствующихъ принялся исправлять должность пожарнаго. Опасность была не такъ велика, какъ казалось. Стоило только оборвать занавѣски и затолтать ихъ ногами. Вдругъ баронесса воскликнула:

— Онъ правъ! Пойдемте, принцесса! Удалитесь, ваше высочество, удалитесь! А вы, обратилась она ко мнѣ, — это вы зазвонили.

— Чтобы поправить вашу ошибку, баронесса, сказалъ отецъ.

— У меня совѣсть чиста, отозвалась она,—а у васъ?

Онъ поклонился и сказалъ:—Огонь объяснитъ и присутствіе ваше здѣсь, баронесса.

— Благодарю Бога что я не такъ хладнокровна, какъ вы, сказала она.

— Ваша горячность, наклонился онъ къ ней,—всегда будетъ служить вамъ оправданіемъ, баронесса.

Видя что занавѣски потушены, Оттилія удалилась. Она не взглянула на меня.

Все это произошло прежде чѣмъ ночной сторожъ, ходившій вокругъ дворца, успѣлъ добраться до библіотеки. Вслѣдъ за нимъ явились лакеи и горничныя. Отецъ мой встрѣтилъ принца Эрнста цвѣтистымъ разказомъ о безпечномъ студентѣ, либо заснувшемъ, либо слишкомъ усердно отыскивавшемъ какую-нибудь книгу, и обнаружилъ свой обычный тактъ тѣмъ что не сослался на меня для подтвержденія истины своихъ словъ. Этимъ разказомъ, а также похвалами Питерборо, о рѣшительности котораго весьма распространялся, онъ, какъ видно, удовлетворилъ и успокоилъ принца, такъ какъ убытокъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ поднятымъ шумомъ. Принцъ Эрнстъ спрашивалъ раза два: къ чему же было такъ отчаянно звонить? Отецъ мой что-то отвѣчалъ.

Завѣшанныя окна Оттиліи, вотъ все что̀ увидѣлъ я отъ нея, уѣзжая на слѣдующее утро, въ гораздо большемъ унынiи чѣмъ еслибъ я испыталъ несчастіе. Нельзя было отрицать что отецъ мой выручилъ принцессу; она ни за что̀ не ушла бы изъ-за угрозы. Какъ говорилъ онъ, звонъ бы самъ по себѣ еще не заставилъ ее удалиться, а тревога поднятая баронессой могла быть объяснена всему дому не иначе какъ пожаромъ. Но я оскорбленъ былъ за Оттилію и сердился на себя. Признаться, я начиналъ даже слегка побаиваться человѣка способнаго прибѣгать къ такимъ крайнимъ средствамъ и въ случаѣ нужды призвать огонь на помощь. Онъ увѣрялъ меня что такія минуты вдохновляютъ его, что онъ этимъ гордится и убѣжденъ что подумавъ немного я оцѣню „высоту его духа“. Онъ обольщался мыслію что перехитрилъ баронессу Туркемсъ, и я не спорилъ съ нимъ, хотя на мой взглядъ, она рѣшительно перехитрила его. Она, должно-быть, перехватила письмо къ принцессѣ. Я вспомнилъ что неосторожно вручилъ его отцу для передачи кому-нибудь изъ слугъ, а онъ тутъ же безпечно передалъ его. Она отлично спряталась подъ логомъ посреди книженокъ, наваленныхъ на диванѣ. Я не думаю что она имѣла намѣреніе поднять на ноги домъ; она хотѣла вѣроятно напугать принцессу и принудить ее уйти отъ меня.

Бросившись слишкомъ стремительно къ звонку, она дернула его, и желая только погрозить что зазвонитъ, зазвонила дѣйствительно; а такъ какъ ужь поправить дѣло было нельзя, то продолжала звонить сильнѣе прежняго, когда появился отецъ мой. Увидавъ Питерборо, она прокричала что-то о духовномъ лицѣ; она была внѣ себя, но не потерялась однако. Всякому, кромѣ влюбленнаго захваченнаго въ расплохъ, какъ я, и смущеннаго тучей набѣжавшей на лицо принцессы, находчивость съ которою отецъ мой отразилъ преднамѣренное, въ его глазахъ, предательство баронессы, показалась бы достойною удивленія. Меня вся эта сцена словно огнемъ обожгла. Меня возмущала картина безпрерывно представлявшаяся моему воображенію, какъ онъ разбилъ стекло полуклассической почной лампы принцессы, серіозно извинился предъ нею, и поднесъ пламя къ занавѣскамъ, сверкая взглядомъ на баронессу. Невыносимо казалось мнѣ смѣшное величіе этой сцены. Однако я долженъ былъ благодарить его за то что онъ выручилъ Оттилію, и меня преслѣдовала мысль что я вовлекъ ее въ такое положеніе изъ котораго нужно было выручить ее подобными средствами. Отецъ между тѣмъ, по обыкновенію, пересчитывалъ предстоящіе намъ успѣхи. „Мы завладѣли принцессой!“ Что скажетъ Англія, какъ приметъ насъ Англія, когда въ слѣдующую поѣздку я привезу домой мою принцессу, вотъ что занимало его исключительно, къ великому мученію моему. Просить у него пощады было невозможно, ибо нельзя было объяснить ему моего настроенія. Отъ прошедшаго у него какъ будто осталось одно только убѣжденіе что онъ предвидѣлъ и подготовилъ всѣ ожидающіе насъ успѣхи. Мнѣ пришлось выслушивать разсужденія объ удачѣ его замысла, до тѣхъ поръ пока наконецъ я сталъ чувствовать себя неспособнымъ писать Оттиліи. Это сознаніе какъ будто отрѣзывало меня отъ нея, и я погружался снова въ унылую мрачность дней предшествовавшихъ нашей встрѣчѣ съ нею на взморьѣ. Но каково бы ни было наше настроеніе, мы, островитяне, завидѣвъ на горизонтѣ берегъ Англіи, не можемъ не привѣтствовать его и не забыть хотя отчасти свое горе. Какъ вдохнулъ я въ себя морской воздухъ, меня стало тянуть къ бѣлымъ скаламъ; видъ бѣлыхъ скалъ пробудилъ пріятныя воспоминанія о Риверсли, а вмѣстѣ съ ними пришли и мысли о Дженетѣ, отрадныя, свободныя отъ всякихъ угрызеній. Любовь къ дому, похожая на любовь къ зимѣ, про-

будилась во мнѣ, а съ ней вмѣстѣ и сочувствіе къ Дженетѣ, съ которой я могъ по крайней мѣрѣ быть самимъ собою, существомъ гораздо менѣе возвышеннымъ, но и не испытывающимъ непріятнаго чувства человѣка стоящаго на пьедесталѣ. Добродушная моя Дженета! Я благодарилъ ее мысленно за то что она видитъ во мнѣ лишь меня самого.

Простившись съ отцомъ въ Лондонѣ, я нѣсколько часовъ спустя легъ спать въ моемъ старомъ домѣ, съ такимъ ощущеніемъ будто снялъ съ себя желѣзныя латы. Я проснулся съ матросскою пѣснью на губахъ. Выглянувъ изъ окна на знакомыя поляны, темныя сосны, дубовыя рощи, и холмы пролегающіе къ юго-западу, я почувствовалъ что словно не жилъ въ послѣднее время. Дѣйствительно человѣкъ существующій лишь ожиданіемъ и воспоминаніемъ увидитъ что жизнь ускользаетъ между ними, какъ скользили корабли между ногъ Колосса Родосскаго. Я встряхнулся, прибодрился и поздоровался со всѣми за завтракомъ съ живостью Гарри Ричмонда. Мнѣ было пріятно что меня поздравляли съ веселымъ настроеніемъ моего духа, хотя повременамъ во мнѣ какъ будто что-то звучало фальшиво. Дженета окончательно поселилась у насъ въ домѣ.—„Я купилъ ее, и, ужь не отпущу ее; она зѣница моего ока“, говорилъ сквайръ. Я спросилъ ее не слыхала ли она о Темплѣ.—„Нѣтъ, Богъ его знаетъ гдѣ онъ, милый малый!“ воскликнула она, и я тотчасъ же увидѣлъ что̀ нравилось въ ней сквайру, что̀ и мнѣ также нравилось. Я увидѣлъ себя, словно въ туманѣ, возвращающагося съ охоты къ веселой, простодушной подругѣ, у которой хватало ума чтобы съ довѣріемъ относиться къ моему уму. На минуту видѣніе это было отрадно, какъ взглядъ на долины и горы изъ окна библіотеки отраденъ утомленному студенту. Короткость наша дозволяла сдѣлать замѣчаніе о растущихъ у ней усахъ, легчайшая тѣнь надъ нѣжною верхнею губкой, какъ будто упавшая, сказалъ бы лоэтъ, съ ея густыхъ, темныхъ бровей.

— Не можетъ же быть, Гарри, что это тебѣ не по вкусу? сказалъ сквайръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, глядя на тетушку Дороти, я это любилъ всегда.

Сквайръ уставился на меня, словно сомнѣваясь въ томъ что̀ слышитъ, и пробормоталъ что это то же самое что̀ пыль на цвѣткѣ, пушокъ на сливѣ. Поэтическія сравненія заставили меня взглянуть на Дженету критически. Она не пробуждала во

мнѣ ни искры поэтическаго чувства. Она стала рослою, статною дѣвушкой, легкою въ движеніяхъ, пожалуй граціозною, но въ граціи ея не было изящности, а была одна только простота. Она говорила живо и прямодушно, и говоря съ друзьями, глядѣла на нихъ прямо и бодро; голосъ ея былъ пріятенъ и звученъ. Она попрежнему поднимала губку для выраженія презрѣнія или неудовольствія и не оставила привычку хмуриться. Она точно такъ же какъ прежде очевидно любила лесть. На похвалы дѣдушки она отвѣчала признательно ласковымъ взглядомъ. Лесть не смущала ее, не заставляла очень сильно краснѣть. Она какъ будто говорила: — Благодарю васъ что вы замѣчаете мои достоинства,—и надо правду сказать, взглядъ ея словно договаривалъ: вы замѣчаете ихъ потому что любите меня. Она завязывала волосы простымъ узломъ, очень гладко зачесавъ ихъ назадъ, что̀ придавало лицу какое-то выраженіе проворства. Лицо было подвижное, измѣнчивое и нисколько не указывало на дурной характеръ, какъ она ни хмурилась. Въ профиль оно казалось не такъ добрымъ по причинѣ темныхъ бровей, часто хмурившихся, но мрачному выраженію ихъ противорѣчилъ ротъ, предоставлявшій, какъ я долженъ былъ сознаться, прекрасное очертаніе, и оживляемый улыбками. Углы рта часто двигались, вызывая на щекахъ ямки, тогда какъ брови оставались неподвижны, что̀ придавало ей нѣжно задумчивое выраженіе, которое представлялось мнѣ не свойственнымъ ея природѣ. О чемъ было ей думать? У ней не было заботъ, она не получила никакого воспитанія; едва ли хоть одна серіозная мысль была въ головѣ у ней, а двухъ разомъ она, я былъ увѣренъ, не могла вмѣстить. Именно такую жену нужно лорду охотнику, заключилъ я свои наблюденія, надо надѣяться что онъ будетъ хорошій человѣкъ.

Сквайръ потребовалъ отъ Питерборо описанія нѣмецкихъ женщинъ. Краснѣя и бросая изъ-подъ навистихъ вѣкъ робкій взглядъ на тетушку Дороти, указывавшій что и онъ готовъ подвергнуться общей участи домашнихъ наставниковъ въ Риверсли, почтенный джентльменъ отвѣчалъ что онъ не обращалъ на нихъ большаго вниманія.

— Онѣ бѣловато-смугловатыя женщины, не правда ли? разспрашивалъ Сквайръ, съ волосами какъ ленъ и рыбьими глазами; высокія въ плечахъ, костлявыя, съ сухою кожей и без-

зубыя, такъ мнѣ сказывали. Говорятъ отъ того мущины и принялись за свое гнусное куреніе.

Питерборо воскликнулъ: „Какъ можно! Помилуйте!“ И сталъ увѣрять тетушку что нѣмецкія дамы весьма любезны, образованы, отличныя хозяйки, домосѣдки, что онѣ и теперь точно такъ же какъ въ древнія времена заслуживаютъ похвалы римскаго историка, что вообще онѣ, на его глаза, отличаются добродѣтелью.

— Такъ зачѣмъ же онѣ позволяютъ мущинамъ курить? — сказалъ Сквайръ.—Хорошъ способъ ухаживанья! Пожалуйте, присядьте ко мнѣ словно къ очагу, сударыня, я буду служить вамъ дымовою трубой! Фу! Грязная сволочь!

Дженета сказала: „Мнѣ нравится запахъ сигары“.

— Что бы ни нравилось вамъ, другъ мой, послѣшно вступился сквайръ, — мужъ вашъ будетъ счастливое животное. И затѣмъ спросилъ меня курю ли я.

Я признался что не чуждъ этой привычкѣ.

— Ну, дѣлать нечего, отозвался сквайръ,—нельзя мущинѣ не привезти домой нѣсколько грязи съ путешествія. Только Бога ради не выкури меня изъ дому. Тутъ высказалось вліяніе на него Дженеты, и чего ожидалъ онъ отъ возвращенія моего въ Риверсли.

Питерборо сообщилъ мнѣ что сквайръ пристаетъ къ нему вечеромъ за послѣдними стаканами портвейна, не женщина ли какая-нибудь причиной того что я оставался такъ долго за границей. „То-есть дама?“ отозвался Питерборо. „Ну, все равно, дама, вы не можете подойти къ дѣлу иначе какъ разными обходами!“

Питерборо заступался за нравственность своего молодаго друга Гарри и услышалъ съ изумленіемъ что сквайръ не высоко цѣнитъ воздержность въ мущинѣ. Сквайръ глубоко огорчилъ впечатлительнаго джентльмена, объявивъ что все это вздоръ и бабья щепетильность. Питерборо возражалъ не безъ негодованія; тогда сквайръ прямо спросилъ его: такими ли людьми, какъ онъ, старая Англія, по его мнѣнію, поставлена во главѣ народовъ? Словомъ, онъ прочелъ Питерборо лекцію о практическомъ взглядѣ на жизнь. „Но этого взгляда, говорилъ мнѣ Питерборо,—если только онъ вообще свойственъ дамамъ, въ чемъ я позволяю себѣ сомнѣваться, не раздѣляютъ дамы которымъ мы съ вами платимъ дань уваженія, на-

примѣръ, дамы здѣшняго дома". Участь тетушки Дороти была очевидна.

Въ отвѣтъ на повторенный вопросъ дѣдушки, не завладѣла ли мной какая-нибудь Нѣмка, Питерборо сказалъ:

— Мистеръ Белтамъ, единственная особа на которую другъ мой Гарри смотрѣлъ, какъ можно думать, съ исключительно теплымъ сочувствіемъ, была наслѣдственная принцесса одного изъ древнихъ владѣтельныхъ домовъ Германіи.

На это дѣдушка испустилъ восклицаніе: „О!" и принялся молча пить свое вино.

Питерборо посмѣивался этому „о!" и прекращенію дальнѣйшихъ разспросовъ, сознаваясь что трубочка настроила бы его болѣе миролюбиво. Онъ любилъ родной портвейнъ, но не прочь былъ также затянуться раза два иностранною трубкой.

— Посмотрите, говорилъ онъ мнѣ,—какъ поклоняемся мы аристократіи и власти! И мы, раболѣпные предъ саномъ, тираны у себя дома, мы, Британцы, первые поборники свободы.

Онъ выводилъ заключеніе что мы не логичны. Мы хотимъ трона, и не даемъ ему такой власти которая заслуживала бы разумнаго уваженія; мы хотимъ аристократіи, и такъ ревниво слѣдимъ за всѣми ея движеніями что она почти не болѣе какъ собраніе автоматовъ; мы хотимъ нравственности въ женщинахъ, и дозволяемъ безнравственнымъ мущинамъ преслѣдовать ихъ. Питерборо выражалъ опасеніе что мы народъ непослѣдовательный. Поживъ за границей, онъ выбился изъ прежней своей колеи; но трубка смирила бы его сѣтованія. Подъ вліяніемъ можетъ-быть добраго вина и желанія покурить, онъ высказалъ одно необыкновенно тонкое замѣчаніе:

— Сквайръ, другъ мой Гарри, сказалъ онъ, — въ высшей степени почтенный, прямой помѣстный дворянинъ, и одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ Англіи, представляетъ, смѣю думать, примѣръ старой крови, которая требуетъ обновленія, можно даже, пожалуй, сказать, исправленія. Я изучаю развитіе породъ. Серіозно: пріятель, пользующійся бо́льшими правами чѣмъ я, могъ бы, и долженъ бы, намекнуть что семейство не пострадало бы отъ примѣси.... старая кровь иногда въ ней нуждается.... понимаете, я это изучаю.... иначе она грубѣетъ, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ утончается. Вопросъ о смѣшеніи крови составляетъ въ настоящее время одну изъ великихъ задачъ физіологіи.

Питерборо говорилъ мнѣ что я долженъ благодарить судь-

бу за поэтическія и рыцарственныя черты, унаслѣдованныя мною отъ отца, не принадлежащаго къ разряду помѣстныхъ дворянъ, не преслѣдующаго невинныхъ привычекъ и не дозволяющаго безнравственности. Онъ опять взглянулъ на запрещенную трубку. Я оставилъ его чуть не плачущаго надъ нею.

Мнѣ странно было видѣть узкость жизни которою живутъ у насъ въ Англіи и мущины и женщины; словно я смотрю на нихъ съ балкона какого-нибудь дворца. Никто, повидимому, ничего особенно не желалъ и не боялся; каждый шелъ своею колеей, и я съ удовольствіемъ слѣдилъ за ними. Я былъ въ странномъ настроеніи духа, не прочь слѣдовать общему теченію жизни, въ то же время презирая его. Существованіе безцвѣтное, безъ волненій, безъ мыслей выходящихъ изъ обыденнаго круга, казалось достойнымъ презрѣнія, но также и очень забавнымъ. Тетушка Дороти, сквайръ, Дженета мирились съ моимъ плохо скрываемымъ внутреннимъ смѣхомъ надъ ними, терпѣливо ожидая чтобъ и я пришелъ къ ихъ спокойному довольству судьбой, въ увѣренности что рано или поздно это непремѣнно случится. Главныя новости были: смерть сквайра Грегори Белстеда, свадьба той или другой барышни, тяжба между моимъ дѣдушкой и госпожей Маріей Гитчинсонъ, женой богатаго фабриканта, недавно поселившагося въ нашей мѣстности, за право пользованія Дорстанскою поляной, причемъ дѣдушка заступился за Цыганъ, и побѣдилъ госпожу Гитчинсонъ, пріятельницу Геріота между прочимъ. Относительно Геріота тетушка моя очень тревожилась. Она не одобряла что онъ явился сюда и намекала мнѣ чтобъ я уговорилъ его удалиться. Я замѣтилъ что Джулія Белстедъ въ траурѣ, съ цѣлью только упомянуть ея имя въ видѣ пробы.

— Да, трауръ, это ея декорація, сказалъ сквайръ. — Мѣть на нее; она добрая душа, Джули Белстедъ! Она вяжетъ чулки для бѣдныхъ. Она готова цѣловать ноги матросамъ. А все же ей бы не слѣдовало быть одной. Жаль что у нея нѣтъ ребенка. Мы еще поговоримъ объ этомъ съ тобою, Гарри!

Упомянули о Кіоми, о леди Маріи Гитчинсонъ; потомъ о Геріотѣ.

— Проклятый негодяй! ворчалъ сквайръ.—Вотъ ихъ цѣлыхъ три, а ему все не довольно! Шесть мѣсяцевъ тому назадъ является человѣкъ изъ Серрея, изъ какой-то фермы Дипвелъ; спрашиваетъ о тебѣ, Гарри; вретъ что-то о бѣжавшей краси-

вой дѣвкѣ.... какой-нибудь мошенникъ! Мы поговоримъ объ этомъ съ тобою, Гарри.

Дженета поднимала и опускала брови. Только изъ угожденія сквайру она дѣлала видъ что не понимала о чемъ идетъ рѣчь. Я не зналъ осуждать или хвалить въ ней недостатокъ приличнаго притворства. Она какъ будто не слыхала словъ сквайра, а между тѣмъ принимала участіе въ разговорѣ. Тетушка Дороти осуждала Джулію. Сквайръ гремѣлъ на Геріота. Дженета, которой оба нравились, ограничивалась безпристрастными замѣчаніями. „Мнѣ всегда кажется въ этихъ случаяхъ что женщины глупы“, говорила она. У нея была привычка выказывать знаніе свѣта и людей. Мы поѣхали верхомъ въ домикъ Джуліи, на границахъ имѣнія, доставшагося теперь ея мужу. Ирландскіе глаза несомнѣнно очаровательны. Глядя на нихъ, я думалъ что я не былъ бы въ состояніи поступать какъ капитанъ Белстедъ: служить отечеству за границей тогда какъ эти глаза свѣтятъ дома безъ капитана.

Дженета одобряла его, и была права. — Какъ должна жена смотрѣть на мужа который сидитъ на мѣстѣ и домъ караулитъ? отвѣчала она на мой легкій намекъ. Она сравнивала такого мущину съ дворовою собакой.

— Вотъ къ чему ведутъ браки по разчету, сказалъ я. На это она смолчала.

Джулія по своему смотрѣла на свое положеніе. Она спрашивала меня не тяжело ли будучи замужемъ жить молодою вдовушкой наединѣ съ собачкой, кухаркой да горничной, проводить дни въ ожиданіи почталіона, лишь одинъ разъ изъ десяти останавливающагося у ея двери, и при этомъ не стариться, оставаться свѣжей? Сначала она дичилась, высунула мнѣ три пальчика съ застѣнчивою улыбкой, потомъ вдругъ воскликнула какъ будто съ сожалѣніемъ: „Теперь васъ, я думаю, ужь не слѣдуетъ цѣловать?“ Я подался впередъ, она отступила. „Не уйти ли, Дженетѣ?“ спросилъ я. „Если никого при этомъ не будетъ, обо мнѣ пойдутъ толки!“ вздохнула она жалобно. Стремленіе ея волосъ выбиваться придавало лицу ея странно дикое выраженіе. Я сказалъ ей комплиментъ насчетъ ея свѣжести, несмотря на вдовство. Она отвѣчала мнѣ тѣмъ же насчетъ моего здороваго вида, несмотря на страсть которой томлюсь я къ иностранной принцессѣ.

— Но это пройдетъ, сказала она.—Все проходитъ, пока не пойдешь подъ вѣнецъ! и она уныло поглядѣла на свое

обручальное кольцо и вдругъ со свѣтлою улыбкой произнесла имя „Вильямъ“. Она сообщила мнѣ что Геріотъ, котораго она всегда звала Вальтеръ Геріотъ, живетъ въ Дорстанъ-Голлѣ, новомъ домѣ, построенномъ на участкѣ земли который Ланкашейрскій милліонщикъ присвоилъ себѣ, пока сквайръ и другіе землевладѣльцы спали.

— И если вы уговорите Вальтера Геріота пріѣхать къ вамъ, Гарри Ричмондъ, прибавила она,—для него навѣрное будетъ лучше, и мнѣ было бы пріятно видѣть его у васъ въ Гренджѣ. Темпль, по ея словамъ, оставилъ морскую службу и готовился въ Лондонѣ въ адвокаты.... добрыя вѣсти для меня.

— Вы ничего не говорили намъ о вашей принцессѣ, Гарри, замѣтила Дженета на пути домой.

— Развѣ вы считаете ее дѣйствительнымъ лицомъ, Дженета?

— Она представляется чѣмъ-то въ родѣ снѣжной горы которою вы любовались.

— Прекрасно; такъ пусть и будетъ.

— Она добра и мила?

— Да.

— Хорошо она ѣздитъ верхомъ?

— Ѣздитъ она превосходно.

— Вѣроятно, она хороша собою?

— Дженета, еслибы вы вышли замужъ за Темпля, исполнилось бы второе великое желаніе сердца моего.

— Гарри, вы немножко ужь слишкомъ жестоки, какъ сказала бы Джулія.

— Замѣтили ли вы что въ ней все болѣе и болѣе проявляется ирландскій характеръ?

— Можетъ-быть потому что это нравится. Нѣкоторыя женщины умѣютъ приноравливаться.... Это самыя счастливыя. Я только хотѣла спросить васъ, похожа ли ваша принцесса на насъ?

— Нисколько! сказалъ я, не сознавая оскорбительности такого отвѣта.

— Ну, все равно. Не будьте строги къ Джуліи. Изъ нея вышла бы хорошая женщина; намъ, дѣвушкамъ, это видно; только она не выноситъ одиночества и не понимаетъ еще что̀ значитъ быть любимой истиннымъ джентльменомъ. Такого рода люди, какъ она, не могутъ постигнуть этого сразу.

Мнѣ жалко было видѣть на глазахъ ея слезы. Она держалась прямо, и въ голосѣ ея не слышалось дрожанія.

— Геріотъ славный малый, замѣтилъ я.

— Да. Я не могу думать дурно о друзьяхъ моихъ.

— Милая Дженета, ужь не эти ли двое огорчили васъ?

— Нѣтъ; добрый дѣдушка!

Ходъ ея мыслей былъ очевиденъ. Мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ она высказалась прямѣе, не такъ отрывисто. Я что-то пробормоталъ.

— Геріотъ не знаетъ васъ, какъ я, сказала она, подавляя рыданіе.—Я съ перваго же раза была увѣрена что это серіозно, хотя принцессы естественно вяжутся съ мечтами молодыхъ людей. Я боюсь, Гарри, что это наполовину убьетъ нашего милаго стараго дѣдушку. Онъ рѣзокъ, вы часто были противъ него по одной несчастной причинѣ. Еслибы вы знали его, какъ я, вы бы искренно жалѣли его. Онъ почти вовсе не ворчалъ на ваше страшно продолжительное отсутствіе. Бѣдный старикъ! Онъ все надѣется.

— Онъ непзлѣчимо несправедливъ къ отцу моему.

— Вашъ отецъ былъ съ вами все время, Гарри? Я такъ и знала.

— Такъ что же?

— Его присутствіе обыкновенно неблагопріятно для Риверсли. Извините меня что я такъ говорю. Я его вовсе не знаю; я знаю только что сквайръ добръ и великодушенъ. За это я стою всѣми силами. Простите мнѣ слова мои.

— Простить вамъ? Отъ всей души! Это-то мнѣ въ васъ и нравится. Вы храбрый сторонникъ. Я не требую отъ женщинъ житейской мудрости.

— Видите ли, Гарри, я и за васъ бы точно такъ же стояла.

— Прекрасно; такъ скажите же сквайру въ какомъ я положеніи.

— А! вздохнула она,—я знала что къ этому придетъ!

— Какъ же могло не придти къ этому? Вы со сквайромъ дѣлаете что хотите. Я отъ него завишу, и я помолвленъ съ принцессой Оттиліей. Богу извѣстно сколько ей съ своей стороны приходится преодолѣть преградъ. Она бросаетъ.... Ну, словомъ, она лишаетъ себя права наслѣдства и ради кого? ради меня. При жизни отца, она едва ли выйдетъ за меня, но я долженъ быть всегда готовъ предложить ей руку. Можетъбыть она и рѣшится; кто знаетъ? Она выше всѣхъ женщинъ по твердости и силѣ характера. Вы говорите о великодушіи, не лучшій ли это примѣръ его?

— Можетъ-быть.... Я понятія не имѣю о принцессахъ, шептала Дженета.—Я не совсѣмъ понимаю что̀ она сдѣлала. Вопросъ въ томъ, что̀ должна я дѣлать?

— Приготовьте его къ этому. Настройте его напередъ. Вы вѣдь можете склонить его на что̀ угодно въ одну минуту, милая Дженета.

— Лгать ему?

— Какъ это? Почему вы не можете говорить спокойно?

— Я говорю, должно-быть, какъ чуствую. Я простой, прямой человѣкъ. Не легкое дѣло задаете вы мнѣ, другъ Гарри!

— Если вы увѣрены въ его добротѣ, Дженета, чего же вамъ бояться испытать ее?

— Въ добротѣ дѣдушки? Я увѣрена въ ней, какъ въ томъ что я живу. Но ея-то именно и не должна я пробуждать, если хочу быть полезна вамъ. Посмотрите на старый домъ. Она перемѣнила тонъ.—Какъ гляжу я на Риверсли, мнѣ кажется будто предо мною что-то далекое, давнишнее. Можетъ-быть это отъ краснаго кирпича. Нигдѣ, кажется, нѣтъ столькихъ вьющихся растеній. Какъ цвѣты ихъ ни пестры, все-таки виднѣются розы на стѣнѣ. Каждое окно смотритъ на меня привѣтливо. Прощай, Риверсли! Гарри, я исполню ваше желаніе.

Съ этими словами она опередила меня и поѣхала рысью по тропинкѣ, пролегавшей черезъ поляну.

ГЛАВА XXXVII.

Дженета отказывается отъ меня.

Болѣзнь стараго Сюиса, буфетчика, удивительно напоминавшаго въ постели больную обезьяну, помѣшала мнѣ навѣстить Темпля и видѣться съ отцомъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Въ это время Дженета добросовѣстно пріучала сквайра слышать о германской принцессѣ, и притомъ съ такою приличною и пріятною веселостью, которая мнѣ очень нравилась. Я разсердился бы, еслибъ она держала себя страдающею жертвой; я требовалъ искренняго и живаго содѣйствія, ибо считалъ любовь такимъ святымъ дѣломъ, что встрѣтившись съ нею, всѣ должны преклоняться и служить ей. Мы часто были вмѣстѣ, ухаживая за бѣднымъ Сюисомъ, который, лежа на своихъ подушкахъ, по цѣлымъ часамъ разказывалъ о полу-

ночной тревогѣ поднятой отцомъ моимъ въ Риверсли, и о путешествіи маленькаго Гарри. Темпль и Геріотъ пріѣхали къ намъ погостить и помогли написать яркими красками нѣсколько декорацій, изображающихъ островъ Ямайку. Мы поставили эти картины въ ногахъ бѣднаго Сюиса. Онъ проснулся, поглядѣлъ на нихъ и въ тотъ же день сошелъ внизъ, объявляя что выздоровѣлъ. Несчастная картина слишкомъ поразила его, свидѣтельствуя что извратился порядокъ вещей къ которому онъ привыкъ, и господа уже служатъ ему. Сквайръ отпраздновалъ его выздоровленіе баломъ для прислуги. Сюисъ танцовалъ съ самою красивою дѣвушкой, помчалъ ее къ ужину и произнесъ необыкновенную рѣчь, касавшуюся исключительно меня, и нѣсколько меня смутившую, особенно когда пришлось мнѣ услышать что онъ меня назначилъ наслѣдникомъ сбереженныхъ имъ денегъ. Это онъ возвѣстилъ очень взволнованнымъ голосомъ и тутъ же обратился къ сквайру съ увѣщаніемъ остерегаться своей вспыльчивости, сдерживать себя и не дѣлаться флюгеромъ. Мы присутствовали во главѣ стола, когда пили наше здоровье. Сюисъ говорилъ какъ мулатъ, забывшій границы въ которыхъ долженъ держаться, чего можно коснуться, а чего нельзя. Очевидно надъ нимъ тяготѣло какое-то предчувствіе. Онъ зналъ хорошо своего хозяина. Сквайръ отнесся къ нему снисходительно, воскликнувъ: „пьянъ совершенно!“ Сюисъ упомянулъ даже о моемъ отцѣ. „Онъ не позоръ, сударь, не позоръ! Но онъ тянетъ въ одну сторону, а старый домъ тянетъ въ другую, и между ними мой маленькій Гарри разрывается на части. Онъ оставилъ домъ ночью. Такъ пусть же не возвращается! Прекрасно! Я иду къ моему повѣренному на слѣдующій день. Вы видѣли мое завѣщаніе, сквайръ? Много лѣтъ тому назадъ маленькій Гарри былъ еще вотъ какой. Старый Сюисъ не мѣняется. Онъ не флюгеръ, сквайръ. Да благословитъ васъ Богъ, хозяинъ мой! Помните, и дамы пусть напомнятъ вамъ, если вы забудете, что старый Сюисъ не флюгеръ. Вы терпѣть не можете флюгеровъ. Вы научили стараго Сюиса, да благословитъ Богъ васъ и мистера Гарри и британскую конституцію и всѣхъ! Аминь!“

Онъ бросился къ себѣ въ постель. На слѣдующее утро онъ умеръ.

Сквайръ подшучивалъ надъ полученнымъ мною наслѣдствомъ. Оно простиралось до 1700 фунтовъ, помѣщенныхъ въ государственномъ банкѣ. Онъ меня спрашивалъ что̀ намѣренъ

я дѣлать съ этими деньгами, предложилъ устроить благотворительное заведеніе для престарѣлыхъ мулатовъ, утверждая что джентльменъ не можетъ пользоваться деньгами слуги. Все время онъ бормоталъ про себя: „флюгеръ? Неужели же флюгеръ?“ Доказательство что слово это попало въ цѣль. Что до меня касается, я смотрѣлъ съ суевѣрнымъ уваженіемъ на это наслѣдство, и подумавъ хорошенько, несмотря на насмѣшки сквайра надъ шестьюдесятью фунтами годоваго дохода, рѣшился удержать его за собой. Въ первый разъ мнѣ представилась возможность что богатство дѣдушки не достанется мнѣ. Онъ предостерегалъ меня отъ скупости. Зная что въ это время отецъ мой живетъ въ Лондонѣ на мое состояніе, этого недостатка я не очень опасался. Я отвѣчалъ скромно что не стою за расходами, когда вижу къ чему иду.

— А! Когда видишь къ чему идешь! Лучше ужъ простякъ чѣмъ скряга. Но вотъ впрочемъ моя дѣвочка. Она мастерица сводить счеты. Что̀ скажешь, Гарри? Или еще ты недовольно побылъ дома?

Рѣдко разговоръ нашъ не сводился къ вопросамъ такого рода. Темпль и Геріотъ, съ которыми я совѣтовался, убѣдили меня подождать, пока онъ привыкнетъ къ мысли о принцессѣ и предоставить это дѣло Дженетѣ. — „Хотя, шепнулъ мнѣ Геріотъ, — это ей-Богу убійство!“ Онъ думалъ что Дженета способна глубоко чувствовать. Но за то и она, съ своей стороны, была объ немъ очень высокаго мнѣнія. Я заслужилъ довѣріе дѣдушки въ практическихъ вопросахъ въ одну поѣздку въ Валлисъ. Но для меня недостаточно быть дѣловымъ человѣкомъ, утверждалъ онъ. Ему бы хотѣлось видѣть во мнѣ нѣкоторое честолюбіе. Почему бы мнѣ не явиться кандидатомъ въ депутаты отъ нашего графства на ближайшихъ общихъ выборахъ? Если же я не желалъ подвергаться состязанію, онъ предлагалъ мнѣ свое валлисское мѣстечко. Такъ могъ бы говорить германскій принцъ. Въ сущности, по богатству и власти онъ и былъ принцъ, но только какой странный! Ему было чрезвычайно пріятно что я не сталъ разыскивать отца на возвратномъ пути чрезъ Лондонъ.

— Ты должно-быть ужъ довольно давно не видался съ нимъ, замѣтилъ онъ.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ я.

Онъ совѣтовалъ мнѣ предоставить его своей судьбѣ. Выразивъ предположеніе что я поддерживаю отца, онъ сказалъ

добродушно:—Держись отъ него подальше, Гарри. Я прибавлю еще тысячу къ твоему доходу. Ты, чортъ возьми, ужь черезчуръ бережливъ! Я трепеталъ при мысли о его гнѣвѣ. Не могъ ли онъ однимъ словомъ разрушить мои надежды? Предостереженіе стараго Сюиса сдѣлало меня почти притворщикомъ, и я, кажется, далъ сквайру понять что ужь очень давно не видался съ отцомъ и не знаю что̀ подѣлывалъ онъ послѣднее время.

— Держался чертовски тихо два-три года, пробормоталъ сквайръ, — слышалъ я недавно о какой-то вдовѣ изъ Сити, съ ума сходившей по немъ. Ну, женщины дуры; но ты, Гарри вѣдь мущина. Тебя вѣдь ужь теперь не поймаешь?

Я отвѣчалъ что теперь лучше знаю отца.

— Почему же ты могъ лучше узнать его? Это ты свѣтъ лучше узналъ, поживъ на материкѣ!

Я принудилъ себя отвѣтить: — Пожалуй и такъ. Я свѣтъ узналъ.

— Ухаживалъ за одной изъ ихъ принцессъ? подмигнулъ онъ.

— Объ этомъ я съ вами поговорю въ другой разъ, сказалъ я.

— Приходится заплатить протори и убытки? Или въ чемъ дѣло? Онъ обнаруживалъ тревогу и требовалъ объясненія, съ видомъ дѣловаго человѣка готоваго помочь мнѣ.

— Покайся мнѣ во всемъ, Гарри. Ты не даромъ, конечно, сынъ безлутнаго мота, но все равно, ты Белтамъ, ты мой внукъ и наслѣдникъ, я тебя не оставлю. Говори же! Она принцесса?

Необходимость вывести его изъ заблужденія заставила меня счесть минуту эту удобною:—Я помолвленъ съ нею, сказалъ я.

Онъ отвѣчалъ тотчасъ же:

— Такъ ты отступишься?

Я покачалъ головой.

— Да вѣдь не можешь же ты обмануть мою дѣвочку! сказалъ онъ.

— Вы находите что принцесса мнѣ не пара?

— Не пара? Она иностранка. Я не знаю ее. Я никогда ее не видалъ. Вотъ моя Дженета, воспитана для тебя на моихъ глазахъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ проклятыхъ любезниковъ: свѣжа и здорова какъ дыня подъ стекломъ, а ты убѣгаешь отъ нея и связываешься съ какою-то иностранкой, которой я не знаю и вовсе не видалъ! Ей-Богу, Гарри, я призову священника и повѣнчаю васъ, какъ только доѣдемъ до Ривер-

сли. Честное слово, я васъ сочетаю прежде чѣмъ вы успѣете оглянуться.

Мы находились на улицахъ Лондона, поэтому онъ принужденъ былъ нѣсколько сдерживаться.

— Говорили ли вы съ Дженетой? сказалъ я.

— Съ ней? Я говорилъ съ ней объ этомъ, когда она была еще неоперившимся цыпленкомъ.

— Цыпленокъ не всегда думаетъ такъ же какъ вполнѣ уже оперившаяся курица, замѣтилъ я.

— Ты смѣешь называть курицей такую красавицу какъ моя Дженета, шелопай! Ты задираешь носъ словно чванный пѣтухъ. Я готовъ поклясться что дѣвка влюблена въ тебя. Она удостоиваетъ тебя своей благосклонности. Другой такой не найдешь въ милліонѣ. Красивая, прямая, честная и съ капелькой нашей крови.

— Поговорите съ ней еще. Вы увидите что она не такого мнѣнія, какъ вы.

— Ужь не хочешь ли ты сказать что она подала тебѣ карету, Гарри?

— Я не далъ ей случая.

Онъ стоналъ, всходя на лѣстницу своей гостиницы, раза два оглядывался на меня, и я не могъ отказать ему въ сочувствіи, когда онъ проговорилъ: „Въ молодости старики намъ надоѣдаютъ, а какъ состаримся, молодежь начинаетъ отъ рукъ отбиваться.“ Онъ рѣдко говорилъ такъ человѣчно, по крайней мѣрѣ, со мною. Къ удивленію онъ прекратилъ этотъ разговоръ; можетъ-быть, вслѣдствіе моей кротости. Этой системы я держался съ успѣхомъ все время пребыванія нашего въ Лондонѣ: я старался всегда быть хладнокровенъ, учтивъ, благоразуменъ въ моихъ отвѣтахъ и не холоденъ, хотя принялъ на себя роль сдержаннаго юноши. Я заслужилъ нѣкоторыя похвалы за умѣнье держать себя въ кругу его знакомыхъ. Одной хвалившей меня дамѣ, онъ отвѣчалъ: „его воспитаніемъ занималась какая-то иностранная принцесса“. Это показалось мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ.

Мои друзья, Темпль и Геріотъ, гостили въ Риверсли на Рождествѣ. Мы ѣздили верхомъ къ Джону Трешеру и услышали отъ него что Мабель Свитвинтеръ скрылась, причемъ подозрѣніе пало на одного изъ насъ. Робертъ, братъ ея, пошелъ дорогой лучшихъ молодыхъ Англичанъ его сословія, въ Америку. Мы заѣхали къ мельнику, сдѣлавшемуся сварливымъ ста-

рикомъ. Отъѣздъ Роберта огорчалъ его больше чѣмъ исчезновеніе Мабели, говорила Марта Трешеръ въ укоръ нашему полу. Мнѣ грустно было слышать что Робертъ считалъ меня соблазнителемъ его сестры и оставилъ Англію для того чтобъ избѣгнуть встрѣчи со мной, котораго онъ прежде такъ любилъ. Видѣли что Мабель шла по просѣкѣ съ кѣмъ-то, похожимъ по стану на меня. Геріотъ такъ же какъ и мельникъ считалъ потерю одного здороваго Англичанина гораздо болѣе важною для страны, чѣмъ выходки цѣлой дюжины дѣвушекъ, для которыхъ онъ не имѣлъ сожалѣнія. Жалѣть объ нихъ казалось ему вздоромъ. Имъ предоставляется на выборъ, говорилъ онъ, отдаться въ когти соколу-мущинѣ, или нѣтъ, по желанію, выражать состраданіе къ нимъ значитъ тратить слова попустому. Темпль отлично подсмѣивался надъ нимъ, изображая жизнь сокола улитаннаго добычей, и громадную пользу приносимую имъ отечеству. Геріотъ возражалъ что всѣ великіе люди такъ смотрѣли на женщинъ, но принужденъ былъ сознаться что и множество весьма малыхъ людей держалось того же взгляда. Онъ сдѣлался чрезвычайно тщеславенъ. Не говоря о своихъ побѣдахъ, онъ весьма распространялся о женщинахъ могущихъ сдѣлаться жертвами его привлекательности, хотя безъ надутаго хвастовства. Напротивъ, въ рѣчахъ его слышалось какъ будто сожалѣніе что изнѣжившееся, ожирѣвшее отечество не даетъ своему сыну-воину болѣе достойнаго занятія. Онъ засмѣялся когда назвали Джулію Белстедъ.

— Она доказываетъ, Ричи, сказалъ онъ, что бракъ самый лучшій исходъ для женщины, тогда какъ для мужчины самый худшій. Вотъ напримѣръ, бѣдный Билли Белстедъ, отличнѣйшій морякъ, а съ тѣхъ поръ какъ женился сердце его ужь не лежитъ къ дѣлу. И не диво! Онъ обзавелся такою собственностью которой нельзя держать подъ замкомъ. Военному человѣку и моряку не слѣдуетъ жениться.

— Стой! сказалъ Темпль, — неужели должно прекратиться преемство этихъ доблестныхъ сословій? Какъ же будутъ поддерживаться поколѣнія героевъ?

Геріотъ указалъ ему на ректорства, викарства и приходскіе дома, какъ на разсадники, и возвращаясь къ Джуліи, передалъ одну изъ характерныхъ сценъ ея замужней жизни.

— Эта полувдовушка прелестна. Билли въ полыхахъ прибѣгаетъ домой съ корабля. „Что такое пишетъ мнѣ Грегъ!“ —„Что у него гоститъ пріятель, такъ что ли, Вильямъ?“—„Вашъ

пріятель, сударыня!“—„Такъ развѣ мои пріятели не твои также, Вильямъ?“—„Джулія, ты сводишь меня съ ума!“—„Ты уже давно говорилъ мнѣ что ты сошелъ съ ума при первомъ взглядѣ на меня, Вильямъ.“ И Билли возвращается на свой корабль, воспѣвая любовь и постоянство.

Я ничего не сказалъ о томъ какъ огорчало меня поведеніе парочки впервые открывшей мнѣ романическую прелесть любви.

— Зачѣмъ въ рѣчахъ ея слышится ирландскій говоръ гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, Геріотъ?

— Чтобъ ей спускали побольше глупостей. Она ужасно скучна. Только и есть въ ней забавнаго, что ея глупости. Повторяю: военнымъ и морякамъ не слѣдуетъ жениться. Я ея лучшій другъ. Право такъ! ибо я собираюсь уговорить Вильяма отказаться отъ службы, такъ какъ отъ нея онъ отказаться не въ силахъ. Вотъ она! воскликнулъ онъ махая шляпой дамѣ верхомъ, появившейся въ нѣкоторомъ разстояніи на дорогѣ ведущей къ намъ. — Вотъ единственная дѣвушка на свѣтѣ способная, выйдя замужъ, сдержать вполнѣ клятву вѣрности мужу въ жизни и смерти. Онъ поѣхалъ въ галопъ. Темпль поскакалъ бы за нимъ, зная также какъ и я что Дженета единственная дѣвушка о которой Геріотъ отзывался съ почтеніемъ; но я удержалъ его чтобы поговорить объ Оттиліи и • плохой надеждѣ склонить сквайра чтобъ онъ согласился на бракъ мой съ нею и надѣлилъ ее соотвѣтственно ея сану. Онъ разсѣянно отвѣчалъ мнѣ „да“ и „нѣтъ“. Дженета съ Геріотомъ шагомъ ѣхали намъ на встрѣчу. Онъ разспрашивалъ ее, она отвѣчала, но не глядѣла, какъ обыкновенно, прямо на своего собесѣдника. Онъ былъ очевидно удивленъ, и судя по позѣ его, казалось уже не въ первый разъ повторялъ вопросъ: „и *въ* это сдѣлали?“ Она кивнула головой, проговорила что-то скороговоркой, взглянула на него, засмѣялась застѣнчиво, и приняла опять спокойный видъ, подъѣзжая къ намъ. Я предположилъ что Дженета и ея усердный приверженецъ договорились до какого-нибудь соглашенія, и мнѣ стало жаль Темпля. Но Геріотъ казался не радостнымъ. Не знаю почему все что̀ ни скажетъ Дженета вызывало во мнѣ противорѣчіе. Она любила зиму и зимніе вечера, ждала мороза чтобы кататьсл на конькахъ; ей нравился нашъ климатъ; наше празднованіе Рождества находила она прекраснымъ; раздавать пожертвованія сквайра было для нея великимъ удовольствіемъ;

она вмѣстѣ съ Геріотомъ бранила чужія страны и восхваляла свою и въ заключеніе говорила постоянно: — Мнѣ жаль, Гарри, что вы не согласны съ нами! А съ вами вѣдь мы согласны? обратилась она къ Геріоту.

— Исключая одного пункта, сказалъ онъ не весело.

Она какъ будто огорчилась; старалась развеселить его и, признаюсь, не видавъ никогда чтобъ она на кого-нибудь, кромѣ меня, смотрѣла съ такимъ выраженіемъ, весьма привлекательнымъ, особенно когда слышались при этомъ грудные звуки ея голоса, словно просьба или увѣщаніе, мною овладѣло такое чувство какъ будто сосѣдъ вторгается въ мои права собственности.

Геріотъ отсталъ отъ насъ, я поспѣшилъ оставить ее съ Темплемъ, и пріятно мнѣ было видѣть какъ поѣхали они рядомъ рысью.

— Она сдѣлала дѣло! воскликнулъ Геріотъ. — Дѣло сдѣлано, повторилъ онъ. — Какъ честный человѣкъ, мнѣ ни разу не приходило желаніе жениться! холостымъ я могъ бы чего-нибудь добиться; изъ меня могло бы что-нибудь выдти. Она уломала сквайра сумасбродною выходкой; можешь взять свою Нѣмку, если удастся. Не торопись однако. Свайръ будетъ говорить съ тобой сегодня вечеромъ. Но обдумай хорошенько, лучше ли будетъ? Подумай, какая это дѣвушка. Честное слово, мнѣ кажется что никогда мужчинѣ не предлагалась такая честная, надежная жена. Не смотри ты на то что это Геріотъ говоритъ. Разумѣется, она мнѣ всегда нравилась; но я всегда уважалъ ее, а это вовсе не разумѣется само собою. Повѣрь, женщина способная быть другомъ мужчины самая лучшая жена. Или ты думаешь, у ней не явилась бы дюжина поклонниковъ, еслибъ она только знакъ подала? Цвѣтъ нашей молодежи! Я ввѣрилъ бы ей армію. Говорю тебѣ, Дженета Ильчестеръ единственная дѣвушка на свѣтѣ которая удвоитъ силу человѣка женившагося на ней. Я не знаю другой которая не выжила бы мужа изъ дома и общества. Она тверда, какъ скала, свѣжа и мила, какъ горный цвѣтокъ! И это тебя не трогаетъ. Послушай, Ричи, будемъ говорить какъ мужчины. Я сочувствую ей потому что она любитъ тебя, и это такая дѣвушка которая, если любитъ, такъ не-нашутку. Знаешь-ли, заключилъ онъ, — я попросилъ бы тебя стать на колѣни и помолиться, прежде чѣмъ рѣшиться отказаться отъ нея.

Геріоту удалось вызвать въ моемъ воображеніи неясный образъ добродушной дѣвушки къ которой я обязанъ чувствовать признательность, и чувствую. Я поблагодарилъ Геріота за дружеское желаніе мнѣ добра. Онъ никогда не видалъ принцессы Оттиліи. Вечеромъ я поблагодарилъ дѣдушку. Онъ держалъ себя вообще какъ добрый, благодушный старикъ, какимъ любила выставлять его Дженета.

— Я не намѣренъ загораживать тебѣ дорогу, — говорилъ онъ мнѣ, и возвращался къ этому благосклонному изреченію всякій разъ какъ тучи начинали собираться на его лицѣ. Онъ сожалѣлъ что Дженета не лучше другихъ дѣвушекъ, по пристрастію къ вѣтренникамъ, и посылалъ меня къ чорту за то что я привезъ въ домъ Геріота, самъ не понимая своего счастія.—Правнуки—Нѣмцы... гм! бормоталъ онъ.—Ни одинъ Белтамъ не вѣнчался съ иностранкой. Когда назначили вы вашу свадьбу? Я желаю видѣть предъ смертью родъ мой упроченнымъ. И почемъ я знаю будутъ ли дѣти у этой иностранки? спросилъ онъ, будто ожидая отвѣта. Онъ держался за спинку стула и тресъ его; глаза его были мрачно опущены на коверъ; взглянувъ на меня, они быстро заморгали. Его сдержанность дѣлала честь вліянію Дженеты на него.

Дженета, встрѣтившись со мною на слѣдующій день, сказала нѣсколько грубо (такое впечатлѣніе произвела на меня ея живость):

— Ну, Гарри, дѣло улажено.... Теперь, надѣюсь, вы будете счастливы. Я не блеснулъ отвѣтомъ моимъ. Она какъ будто задалась задачей показать мнѣ въ какомъ привлекательномъ свѣтѣ можетъ быть выставлена посредственность. Она удержала Геріота въ Гренджѣ, противъ желанія сквайра и своей матери. — Оставаясь здѣсь, онъ удаляется отъ зла. Его знакомые не хорошее имѣютъ на него вліяніе. Онъ покорялся, повидимому, охотно. Она взялась учить Темпля кататься на конькахъ, обнаруживая при этомъ много добродушнаго терпѣнія и много музыкальности въ голосѣ своемъ. Но съ особеннымъ усердіемъ пускалась она въ дѣловые разговоры съ мистеромъ Берджиномъ и мистеромъ Тревинстомъ, повѣреннымъ и ходатаемъ сквайра; толковала о копяхъ, о процентахъ, о капиталахъ и экономическихъ вопросахъ, не чуждаясь и политики, до тѣхъ поръ пока сквайръ восклицалъ, обращаясь къ мущинамъ присутствовавшимъ при этихъ разговорахъ: — Ей-богу, у ней такая голова которая стóитъ дю-

жины нашихъ!—И всѣ подобострастно подтверждали его мнѣніе восклицаніями удивленія. Она дошла до того что удержала Питерборо, чтобъ учить ее латинскому языку. Онъ праздно ожидалъ мѣста находящагося въ распоряженіи сквайра. Всего непріятнѣе для меня было то что я не могъ отвернуться отъ этихъ сценъ и уйти въ воспоминанія моей жизни въ Германіи. Безобразный конецъ свиданія моего съ Оттиліей преграждалъ путь: я не въ силахъ былъ писать ей, не въ силахъ былъ даже въ воображеніи обратиться къ ней, не чувствуя угрызеній совѣсти при мысли о мелочномъ заговорѣ на который я согласился чтобъ уловить ее, и не подбирая вѣчно себѣ оправданій. Во избѣжаніе непріятнаго ощущенія, я принялся изучать Дженету и сдѣлался однимъ изъ ея спутниковъ. Она говорила мнѣ смѣло, совершенно товарищескимъ тономъ:—Что̀, не получали еще письма изъ Германіи? Она была вѣчно на ходу, вѣчно въ движеніи. Я видѣлъ какъ она дала поцѣловать руку Геріоту; тутъ явился сквайръ, и Геріотъ и она засмѣялись. Сквайръ съ озадаченнымъ видомъ потребовалъ объясненія игры, но ничего не понялъ и началъ ворчать на меня; тогда Дженета приняла серіозный видъ и побранила его. Тетушка Дороти восхваляла мнѣ ея поведеніе. Однажды она оказала мнѣ несомнѣнную услугу. Въ газетѣ упоминалось объ отцѣ моемъ въ выраженіяхъ нелестныхъ. „Ричмондъ опять появился,“ такъ начиналась замѣтка. Сквайръ ждалъ чтобы Дженета передала ему газету. Никто изъ насъ не понималъ почему она отъ него отшучивалась и не давала ему, какъ водилось, первому просмотрѣть новости.

— Эту газету сто́итъ сжечь, сказала она, и получила позволеніе сжечь ее со всѣми извѣстіями о денежномъ рынкѣ, о копяхъ и т. д., подъ предлогомъ возмутительной передовой статьи, направленной противъ торіевъ, которой она сама сочинила первую фразу, чтобъ окончательно привести сквайра въ негодованіе. Я потомъ увидѣлъ этотъ нумеръ. Въ немъ говорилось о новомъ появленіи Ричмонда, съ насмѣшливою витіеватостью. Но этого мало: упоминалось имя моего дѣдушки и мое, и принцессы Оттиліи. Объ отношеніяхъ отца моего ко двору Элпенвельценъ-Саркельдъ говорилось какъ о послѣдней и, за исключеніемъ брака съ наслѣдницей Риверсли, удачнѣйшей изъ его продѣлокъ, такъ какъ сыну его, если вѣрить молвѣ, обѣщана рука принцессы. Замѣтка эта была извлече-

на изъ еженедѣльнаго изданія и можетъ-быть въ сущности была не такъ злонамѣренна, какъ мнѣ показалось. Нельзя было не потрунить надъ человѣкомъ который, какъ сообщали упомянутому журналу, изобразилъ на посудѣ своей и на мебели англійскій гербъ въ соединеніи съ гербомъ маленькаго германскаго княжества.

Я почувствовалъ къ Дженетѣ весьма теплую признательность, когда увидѣлъ отъ чего она спасла меня. Я пожалъ и долго держалъ ея руку. Я говорилъ глупо, но растолковалъ ей мое тяжелое положеніе, и она была такъ деликатна что не высказала при этомъ случаѣ своего мнѣнія о моемъ отцѣ. Мы сидѣли около часу рядомъ, держа другъ друга за руку. Подъ конецъ ея рука сильно задрожала. Дрожаніе сообщилось всему ея тѣлу. Я бы удержалъ ее, но она очевидно страдала. Голосомъ своимъ она владѣла отлично, лучше меня. Она совѣтовала мнѣ ѣхать въ Лондонъ, немедля. — Я на вашемъ мѣстѣ сбѣгала бы туда, Гарри,—сказала она и вѣроятно хотѣла договорить: „чтобы положить конецъ безразсудствамъ отца“, но не договорила, и я благодарилъ ея, желая въ то же время чтобъ она употребляла болѣе отборныя выраженія въ такія минуты когда оба мы находимся въ возбужденномъ состояніи. Ея дрожаніе и слова: „сбѣгала бы“ какъ-то странно противорѣчили другъ другу. Я призналася себѣ что она надежный и искренній другъ. Она слушала со вниманіемъ мое разсужденіе о томъ что мнѣ необходимо сдѣлаться членомъ парламента, прежде чѣмъ осмѣлюсь формально просить руки принцессы, и взялась вести всѣ дальнѣйшіе переговоры съ дѣдушкой. Еслибъ она только позволила мнѣ поговорить съ ней о Темплѣ, и не остановила бы меня словами:—Полно, Гарри, я его очень люблю! я бы серіозно чувствовалъ себя обязаннымъ ей и отдалъ бы справедливость ея уму и красотѣ. Я не могъ даже согласиться съ тетушкой Дороти что Дженета хороша собой. Всего больше цѣнилъ я ее когда мнѣ приходилось въ чемъ-нибудь ее извинять.

ГЛАВА XXXVIII.

Счетъ моего банкира.

Сквайръ опять оказался достойнымъ похвалъ Дженеты.

— Гдѣ бы нашли вы, Гарри, радикала который поступалъ бы такъ великодушно въ дѣлѣ которое его такъ огорчаетъ?

говорила она. Онъ далъ мнѣ свободу стать на какую угодно мнѣ сторону въ политикѣ, настаивая только на одномъ чтобъ я уже не измѣнялъ своей партіи. Въ этомъ онъ требовалъ отъ меня клятвы, ссылаясь на память старика Сюиса въ удостовѣреніе что онъ терпѣть не можетъ флюгеровъ.

— Если ты вигъ, я не много могу сдѣлать для тебя, замѣтилъ онъ. — Въ моей власти можетъ быть выставить молодаго торія за мое мѣстечко, но я не могу оскорбить собраніе независимыхъ Англичанъ, просьбой подавать голоса въ пользу приверженца противной стороны. Справедливо, не такъ ли? Не могу поддерживать тебя и въ графствѣ. Помѣть свой адресъ изъ Реверсли. У тебя будетъ свой домъ въ городѣ. Только скажи мнѣ что принцесса твоя готова и — добавилъ онъ сурово — что она дѣвушка порядочная, я сейчасъ же начну строить. У тебя будетъ домъ достойный принца и въ городѣ, и въ деревнѣ. Темпль произвелъ на него впечатлѣніе, сказавъ ему что „моя принцесса“ можетъ считаться хорошею партіей по родству съ знаменитѣйшими королевскими домами Европы, и будущность моя не лишена была, въ глазахъ дѣдушки, утѣшительной стороны. Онъ представлялъ мнѣ любопытный обращикъ истаго торія, неколебимаго приверженца прочности, твердости, опредѣленности, необыкновенно щедраго въ извѣстныхъ границахъ, преданнаго семейству и съ семейной точки зрѣнія смотрящаго на страну свою. Еслибы тотчасъ же познакомить его съ Оттиліей, онъ вполнѣ одобрилъ бы бракъ своего внука, но не видавъ ея никогда, онъ не могъ представить себѣ достоинства и женственности иностранки.

— Спасибо по крайней мѣрѣ за то, говорилъ онъ,— что тотъ негодяй не будетъ приставать къ намъ, что другая половина твоихъ родственниковъ не будетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Оправдывай его предъ женой какъ знаешь. Мнѣ до него нѣтъ дѣла, помни. Онъ вошелъ въ мой домъ, укралъ мою дочь, свелъ ее съ ума, вовлекъ насъ всѣхъ.... Поводъ избавиться отъ слушанія брани отцу представлялся слишкомъ удобный, чтобъ не воспользоваться имъ, хотя совѣстно было оставлять сквайра въ заблужденіи, что ненавистный ему человѣкъ вовсе не знакомъ принцессѣ. Не будучи увѣренъ благоразумно ли вводить его въ обманъ даже молчаніемъ, я хотѣлъ посовѣтоваться съ Дженетой, но воздержался. Твердый обманщикъ имѣетъ свое достоинство, но слабый лжецъ обращаю-

щійся къ пріятелямъ за поддержкой въ своихъ продѣлкахъ, заслуживаетъ презрѣнія. Мнѣ хотѣлось чтобы Дженета сохранила хорошее мнѣніе обо мнѣ. Я начинаю ладать въ своемъ собственномъ мнѣніи, отражавшемъ взглядъ Оттиліи на своего возлюбленнаго. Еслибъ я посовѣтовался съ Дженетой, я думаю, жизнь моя сложилась бы иначе; ибо она тогда конечно не произнесла бы роковыхъ словъ которыя подняли вокругъ насъ бурю, когда мы уже считали себя въ пристани. Лодка, плывущая по каналу среди нашихъ благоухающихъ рощей (полнѣйшее изображеніе мирнаго спокойствія въ моихъ глазахъ) и вдругъ унесенная въ бурное море, вотъ подобіе того что случилось со мною вслѣдствіе одного злополучнаго замѣчанія сдѣланнаго за завтракомъ въ Риверсли въ одно воскресное утро. Тетушка Дороти разговаривала съ Питерборо о различныхъ христіанскихъ сектахъ, въ особенности о тѣхъ которыя наиболѣе приближались къ англиканизму, и о томъ грустномъ фактѣ что христіанская церковь болѣе раздроблена и разъединена, нежели,—замѣчалъ Питерборо съ сожалѣніемъ, —языческія ученія, установленныя Буддой, Магометомъ и другими лжепророками. Онъ полагалъ отличіе наше въ томъ что мы не устраняемъ человѣческаго разума, мы допускаемъ ограниченный разумъ человѣка въ вопросахъ религіозныхъ, а онъ своевольничаетъ. Отсюда разъединеніе.

— Римскіе-то католики допускаютъ разумъ? спросила Дженета, слишкомъ склонная выказать свой умъ въ мелкихъ стычкахъ съ Питерборо.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — протестанты, и желая отъ нея отдѣлаться, онъ продолжалъ разговоръ, обращаясь къ тетушкѣ. Дженета приставала къ нему, и я помогалъ ей. Мы не давали ему покоя со своеволіемъ разума, до тѣхъ поръ пока онъ уже не зналъ куда отъ насъ дѣваться.

— Вы много говорили проповѣдей Нѣмцамъ? спросила Дженета.

— Я служилъ въ частной капеллѣ принца Эрнста; не то чтобъ я имѣлъ желаніе служить, добавилъ онъ съ похвальною своею скромностью.

— Это было желаніе Гарри? спросила Дженета, улыбаясь.

— Должность моя наставника, поспѣшилъ объяснить Питерборо,—была почти номинальная; поэтому я охотно принялъ званіе частнаго капеллана и исполнялъ повременамъ обязанности сопряженныя съ этимъ званіемъ. Лютеранство и англиканство, какъ вамъ конечно извѣстно, не расходятся въ

существенныхъ основахъ своихъ. И лютеране и мы одинаково протестанты. Къ папству и то и другое относится, увѣряю васъ, равно неблагосклонно. Да, я исполнялъ службу по-временамъ. Полагали что присвоенное мною званіе домашняго капеллана возвышаетъ достоинство семейства.

— Это полагалъ Гарри? спросила Дженета?

— Вы съ Гарри объ этомъ совѣтовались? вступилась тетушка Дороти.

— Хотѣли казаться какъ можно поважнѣе, замѣтилъ сквайръ. Питерборо выразилъ на лицѣ своемъ согласіе, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ:

— Только въ извѣстныхъ границахъ, конечно.

— О! Теперь я понимаю! воскликнула Дженета дискантомъ, словно только-что разрѣшила задачу въ умѣ своемъ. Это его отецъ! Чтобы Гарри выставилъ на показъ домашняго капеллана! Дѣдушка скосилъ на меня глазъ, круглый и жесткій, какъ у тетерева. Дженета сейчасъ же заговорила словоохотливо о погодѣ, объ обѣднѣ, о томъ кто будетъ говорить проповѣдь. — Дѣдушка, обратилась она къ сквайру, который съ зловѣщимъ видомъ бормоталъ про себя: „домашній капелланъ!“ и на этотъ разъ не слыхалъ ея, — я сама свезу васъ нынче къ палашѣ. Она говорила будто ничего не случилось. Питерборо, краснѣя, принялся ради исхода за варенье. — Это рѣдкость на материкѣ, замѣтилъ онъ тетушкѣ Дороти. Наше домашнее варенье неподражаемо.

— Домашній капелланъ! опять проворчалъ сквайръ.

— Вы сегодня будете говорить проповѣдь, сказала Дженета Питерборо.—Вы намѣрены говорить экспромптомъ?

— Вы напомнаете мнѣ, миссъ Ильчестеръ, что мнѣ нужно немножко приготовиться. Питерборо надѣялся улизнуть, но сквайръ остановилъ его:

— Позвольте задержать васъ на пять минутъ. Вы курите по воскресеньямъ?

— Никогда! воскликнулъ невинный Питерборо съ жаромъ и рѣшительностью, доказывавшими что онъ раздѣляетъ мнѣніе сквайра о непозволительности курить въ воскресенье.

— Смотрите, не подожгите мнѣ риги своими заморскими штуками. Я видѣлъ намедни какъ вы палили за одной изъ нихъ. Нечего глядѣть будто отыскиваете булавку въ стогѣ сѣна. Не подожгите мнѣ риги, вотъ и все.

— Мистеръ Питерборо, вступилась кроткимъ голосомъ

тетушка Дороти, и чтобы смягчить крутое обращеніе, предложила ему цвѣтовъ для его комнаты.

— О! благодарю васъ, проблеяла вѣнчаемая жертва, когда выходилъ я изъ комнаты, оставляя его въ рукахъ сквайра. Дженета вышла за мною.

—Это я надѣлала, Гарри. Вы его не станете винить, я знаю. Но сумѣетъ ли онъ выпутаться? Едва ли, онъ, кажется, не способенъ на увертки; дѣдушка прижметъ его въ одну минуту.

Я сказалъ ей чтобъ она, не теряя времени, взяла со сквайра обѣщаніе что Питерборо получитъ мѣсто котораго ждетъ. Это еще казалось возможно устроить. Она бросилась назадъ и въ минуту отсутствія Питерборо уладила дѣло. Но ничто не могло спасти несчастнаго педагога отъ свирѣпой сцены и потока древнихъ, малоупотребительныхъ выраженій. Умѣнье сквайра браниться было извѣстно. Съ нимъ не могъ бы тягаться ни одинъ бродяга и воръ. Питерборо пришелъ ко мнѣ ошеломленный, жалобно восклицая что никогда и во снѣ не слыхалъ подобныхъ рѣчей. И онѣ направлены были противъ него, и онъ по совѣсти не могъ оправдываться. Онъ не могъ по совѣсти отрицать что мнѣніе сквайра о вредномъ вліяніи на меня отца было извѣстно ему, и онъ дѣйствовалъ ему наперекоръ.

— Изъ побужденій, другъ мой Гарри, говорилъ онъ,—которыя я могу оправдать предъ Богомъ и людьми, но только, признаюсь, не предъ дѣдушкой вашимъ, я пытался отдать справедливость достоинствамъ отсутствующаго, и ошеломленъ былъ такими выраженіями.... и слова нельзя вставить, когда онъ такъ раздраженъ.... Приходится изображать собой Андромеду, а ему предоставить роль морскаго чудовища, какъ кто-то выразился, не помню кто именно.

Сквайръ обладалъ несомнѣнно цѣлымъ моремъ ругательствъ. Я приготовился пройти чрезъ то же испытаніе какъ Питерборо. Къ удивленію моему, нападенія на меня не было. Дженета завѣряла что она укротила раздраженнаго старика. Онъ однако сильно хмурился, хотя молчалъ. Вино свое онъ пилъ мрачно; ласки его любимицы не могли развеселить его. Съ его точки зрѣнія, съ нимъ поступили низко, и онъ, повидимому, сердился, и рѣшеніе участи моей колебалось въ его умѣ. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ невозможно было послать письмо Оттиліи, хотя теперь я чувствовалъ себя способнымъ писать ей, и сидя въ своей комнатѣ писалъ цѣлый день весьма

краснорѣчивый вздоръ. Тѣнь несчастія пробудила во мнѣ снова сознаніе моего героическаго положенія, подавленное отцомъ, а оно возвратило мнѣ даръ слова. Я писалъ такъ хорошо что самъ радовался своимъ страданіямъ, а потомъ съ горькимъ удовольствіемъ рвалъ въ клочки свое прекрасное произведеніе. Санъ Оттиліи отталкивалъ и привлекалъ меня загадочно. Я не могъ думать о ней, не думая о томъ кто она, и не вступая самъ съ собой въ странную борьбу. Тщетно я твердилъ себѣ: — Что такое санъ? Въ немъ была какая-то притягательная сила, которая томила и опутывала меня словно чары колдуна героя любой баллады.

Наконецъ камень свалился съ насъ: сквайръ поглядѣлъ на меня своимъ тетеревинымъ взглядомъ и сказалъ:

— Гдѣ ваша банкирская книжка?

Я отвѣчалъ что она вѣроятно у моего банкира, не предполагая что она у отца, такъ какъ у него была своя книжка по которой онъ сводилъ наши счеты. Что жь за бѣда? думалъ я. Вѣдь деньги мои.

— Вы считаете неудобнымъ показать мнѣ эту книжку? спросилъ сквайръ.

— Нисколько! отвѣчалъ я.

Онъ кивнулъ головой. Я поспѣшилъ написать чтобы мнѣ прислали книжку тотчасъ же.

Книжка пришла. Сквайръ вручилъ мнѣ ее, чтобъ я распечаталъ пакетъ, и опять спросилъ:

— Ты не имѣешь никакой причины желать чтобъ я не видалъ этой книжки?

— Никакой рѣшительно! отвѣчалъ я, денежный вопросъ въ моихъ глазахъ былъ вовсе не важенъ. Я не видѣлъ ни малѣйшей опасности въ томъ что сквайръ просмотритъ счетъ моихъ расходовъ.

— Даю тебѣ честное слово что я теперь ничего объ этомъ не знаю, сказалъ онъ.

Я изъявилъ ему признательность за оказанное мнѣ благородное довѣріе и просилъ его просмотрѣть книжку, если угодно, воздержавшись однако отъ признанія что самъ я ни разу въ нее не заглядывалъ.

Онъ открылъ книжку. Мы только-что собрались въ залѣ, гдѣ завтракъ накрывался зимой предъ пылавшимъ каминомъ. Дженета, прикусивъ нижнюю губу, слѣдила за лицомъ старика. Я считалъ недостойнымъ себя обнаружить малѣйшее любо-

пытство, но взглянувъ на него я былъ пораженъ выраженіемъ его лица: губы его сжались и онъ дышалъ прерывисто. Онъ увидалъ чудеса.

— Надо позавтракать прежде чѣмъ разсматривать это! воскликнулъ онъ, пыхтя словно вышелъ изъ печки.

Дороти Белтамъ напомнила ему что молитвы еще не были прочтены.

— Молитвы!... онъ готовъ былъ произнести крѣпкое слово, но далъ ей знакъ позвонить чтобы сошлись люди и обратился къ Питерборо:—Вы каждое утро читали молитвы за границей?

— О.... да.... То-есть, да, это была моя обязанность, были однако, какъ приломинаю, исключенія.... были промежутки.

— Откройте ложалуста Библію, прервалъ его сквайръ.... и оставьте свою проклятую щепетильность во всемъ.

Частью въ видѣ увѣщанія, частію просто отъ волненія, Питерборо высморкался ужасно громко. Несчастный звукъ, послѣ него ничто не ладилось.

— Легкая простуда, пробормоталъ Питерборо и опять затрубилъ и принялся сморкаться съ ожесточеніемъ, все такъ же громко. Появленіе капитана Белстеда на цыпочкахъ, съ церемонно кроткимъ видомъ, приличнымъ случаю, отвлекло на минуту наше вниманіе.

— Прямо съ корабля, Вильямъ? воскликнулъ сквайръ.

Капитанъ широко раскрылъ ротъ, но не произвелъ голосомъ никакого звука, такъ же какъ и осторожными шагами своими по ковру; сѣлъ и началъ набожно смотрѣть на Питерборо, который ждалъ чтобъ онъ помѣстился, и теперь, спѣша приступить къ исполненію своей обязанности, сбросилъ мою несчастную красную книжку на полъ.

— Постойте! Это я возьму, сказалъ сквайръ.

— Позвольте мнѣ! воскликнулъ Питерборо, и они столкнулись.

— Вы готовы соскочить съ каѳедры чтобы поднять зонтикъ старухи! вскричалъ сквайръ сердито и пробормоталъ затѣмъ что не желаетъ фокусовъ съ дѣловыми книгами. Слезы были на глазахъ Питерборо. Тетушка глядѣла на него добрымъ, ободряющимъ взглядомъ; но его раздраженный носъ опять испортилъ дѣло.

Капитанъ Белстедъ произнесъ тихимъ, вопросительнымъ голосомъ:

— Молитвы еще не кончены?

— Нѣтъ и никогда не кончатся съ человѣкомъ который такъ безпрерывно трубитъ. Помните, обратился онъ къ Питерборо, отпустивъ прислугу,—я не пропущу утренняго богослуженія ни за какія деньги. Я привыкъ думать что несчастливъ для меня будетъ тотъ день который не начнется призваніемъ благословенія Божія на домъ мой. Такъ думалъ и отецъ мой и дѣдъ. Нельзя требовать чтобы молодые люди держались прилично, когда духовное лицо скачетъ какъ стрекоза и трубитъ какъ сумашедшій. Вы хотѣли стащить у меня эту книжку.

— Помилуйте! И не думалъ! воскликнулъ невинный Питерборо въ смущеніи; да сквайръ въ сущности едва ли и подозрѣвалъ его.

Капитанъ Белстедъ пришелъ къ намъ за своею женой, которой не засталъ дома, пріѣхавъ наканунѣ въ полночь.

— Боже мой! вскричалъ сквайръ. — Неужели она бѣжала, Вильямъ?

— О, нѣтъ! отвѣчалъ капитанъ, — она просто куда-нибудь уѣхала.

Сквайръ посовѣтовалъ выпить стараго пива. Капитанъ согласился. Онъ держалъ себя бодро и скромно, несмотря на видимое внутреннее волненіе. Онъ отвѣчалъ на тетушкины вопросы о Джуліи просто и твердо, какъ прилично честному моряку, искренно оправдывая отсутствіе жены страннымъ соображеніемъ, основаннымъ будто бы на знаніи женщинъ, что чѣмъ скорѣе ожидала она его домой, тѣмъ менѣе способна была сидѣть терпѣливо на мѣстѣ. Онъ пилъ пиво подаваемое ему Силлабиномъ, нашимъ новымъ, ко всему равнодушнымъ буфетчикомъ, занявшимъ мѣсто Сюиса, „какъ министерство виговъ занимаетъ мѣсто торіевъ“, говорилъ сквайръ, что̀ доказывало что перемѣна была не къ лучшему.

— Я думалъ, все понемногу улучшается, сказалъ капитанъ.

— Нелѣпѣйшее изъ всѣхъ заблужденій, Вильямъ. Куда жь дѣвается тогда грѣхопаденіе, а? Вы говорите какъ радикалъ-язычникъ. Въ Писаніи сказано что мы идемъ отъ лучшаго къ худшему. Таково и ученіе торіевъ. Держитесь за хорошее пока можно! Вильямъ, вѣдь вы были когда-то веселымъ холостякомъ.

— Государь мой и государыня, капитанъ поклонился те-

тушкѣ Дороти,—благодаря вамъ я узналъ счастіе лишь въ бракѣ, и теперь ничего не желаю какъ только найти жену мою.

Сквайръ нетерпѣливо ждалъ чтобы Дженета ушла.

— Иду, дѣдушка, сказала она.—Только прошу васъ не заниматься сегодня дѣлами. Дайте мнѣ на храненіе книжку Гарри.

— То-есть какъ же это, другъ мой?

— Въ воскресенье, вы сами знаете, дѣлами заниматься не слѣдуетъ.

— Справедливо, я запру эту книжку.

— Смотрите же, дѣдушка, я беру съ васъ слово, сказала Дженета.

Дамы удалились и увели съ собой Питерборо.

— Прощайте, юпки! Ну, теперь, Вильямъ, разказывайте свои тревоги, сказалъ сквайръ.

Капитанъ глядѣлъ на дверь въ которую ушла тетушка Дороти.

— Вы помните старое?

— Помню, Вильямъ! И очень жаль мнѣ васъ. Но что жь дѣлать, вы надѣли на себя петлю.

— Я люблю ее, люблю до сумашествія! Пусть кто-нибудь скажетъ что она не ангелъ, я сдѣлаю изъ него лепешку. Между прочимъ, я обязанъ объяснить вамъ, государь мой, что я говорю о моей женѣ.

— Конечно о ней, Вильямъ. И молодецъ же она!

— Нѣтъ ея, нѣтъ!

Я счелъ своевременнымъ вставить слово:

— Капитанъ Белстедъ, я отъ всякаго, кромѣ васъ, потребовалъ бы удовлетворенія, за такіе намеки на моего друга.

— Гарри! Вашу руку! вскричалъ онъ, сіяя.

— Гм! руку его!... проворчалъ сквайръ.—Рука его порасходилась порядкомъ на материкѣ. Вотъ поглядите-ка на эту книжку, Вильямъ, да на эту пачку чековъ. Впрочемъ нѣтъ, я обѣщалъ моей дѣвочкѣ. Мы съ нимъ разсмотримъ это завтра утромъ рано. Малый разбросалъ тысячи, вертясь среди своихъ иностранныхъ герцогинь и графинь. Въ этой банковой книжкѣ кроется юпка, да и не одна. Теперь собирается жениться на иностранной принцессѣ. Залутался тамъ, какъ видно.

— Отлично, Гарри! воскликнулъ капитанъ Белстедъ, нанося мнѣ въ видѣ одобренія страшный ударъ по плечу, и при-

бавилъ со вздохомъ:—дай Богъ чтобъ она была вѣрна вамъ, другъ мой.

Сквайръ спросилъ его идетъ ли онъ въ церковь.

— Я иду на мой постъ у моего очага, отвѣчалъ капитанъ, и сквайръ не могъ отговорить его даже обѣщаніемъ проповѣди новаго ректора, которая закалитъ его противъ хлопотъ и треволненій цѣлаго года. Капитанъ весьма сожалѣлъ что принужденъ отказаться отъ такого упражненія терпѣнія своего, но считалъ обязанностью сидѣть и ждать у себя дома, на своемъ постѣ, какъ выражался онъ. Я пошелъ съ нимъ въ Белстедъ и услышалъ на пути что Геріотъ заѣзжалъ за ней и увезъ ее.

— Я полагалъ, говорилъ капитанъ Белстедъ, что онъ посланъ за нею кѣмъ-нибудь изъ васъ, чтобы привезти ее въ Риверсли. Мои слуги называли его. Я не счелъ умѣстнымъ упоминать объ этомъ сегодня при дамахъ. Онъ задумался.—Я надѣялся найти ее сегодня у васъ въ Гренджѣ, Гарри. Съ этою мыслію я и легъ спать подъ утро чтобы не потревожить бѣдняжку ночью.

Я предложилъ пойти съ нимъ тотчасъ же на квартиру Геріота.

— Какъ! Чтобы жена моя знала что я усомнился въ ея вѣрности. Никогда не позволю я себѣ этого.

Оказалось что Джулія поѣхала съ Геріотомъ въ гости къ леди Маріи Гиджинсонъ, женѣ пришлаго къ намъ милліонщика, очень желавшей ближе познакомиться съ нею. Безразсудная Джулія, принявъ безъ зазрѣнія совѣсти его дерзкое предложеніе, позволила ему увезти себя, не сказавъ куда ѣдетъ. Она съ Геріотомъ явилась въ церкви въ мѣстѣ Гиджинсоновъ. Услышавъ отъ Дженеты о пріѣздѣ мужа, она бросилась домой, гдѣ пришлось ей не извиняться, а самой даровать прощеніе. Капитанъ Белстедъ обильно подкрѣплялся изъ погреба сэръ-Грегори, чтобы лучше удержаться на своемъ посту.

Чета эта явилась къ намъ на слѣдующій день, трогательно нѣжничая другъ съ другомъ и вовсе не замѣчая что домашнее спокойствіе въ Гренджѣ встревожено.

— Мы несчастнѣйшія существа на свѣтѣ; не найдется ли въ комъ-нибудь изъ васъ капельки состраданія къ намъ? начала Джулія.—Мы между двухъ огней. Съ одной стороны обязанность Вильяма предъ отечествомъ, а съ другой любовь его ко мнѣ, и согласить ихъ нельзя, потому что правительство, то-есть это ужасное адмиралтейство, опасается качки

для женъ морскихъ капитановъ. Когда Вильямъ уѣзжаетъ, я схожу съ ума, а если онъ останется, адмиралтейство выходитъ изъ себя. Право, миссъ Белтамъ, у меня только половина мужа.

— Половина! отозвался капитанъ,—но эта половина счастливѣе двадцати цѣлыхъ мужей, если только ты довольна, моя уточка!

Джулія жалобно увѣщевала меня, ради моей будущей жены, не поступать на правительственную службу. Адмиралтейство же, утверждала она, отличается одною только возмутительною чертой—ненавистью къ женщинѣ. Сквайръ поставилъ простодушной болтуньѣ двѣ-три довольно грубыя ловушки, которыхъ она избѣгла съ удивительною ловкостью, доказывавшею что она была болѣе себѣ на умѣ, чѣмъ казалось. Мы съ Дженетой воображали что она пришла съ намѣреніемъ карать супружескаго счастія отвратить отъ меня гнѣвъ сквайра, всегда очень радовавшагося веселымъ парочкамъ. Но они обнаружили свое счастіе безъ всякой задней мысли. Оказалось что они пришли кстати. Все утро мы толковали о счетѣ моего банкира, изумлявшемъ меня не менѣе чѣмъ моего дѣда. Со времени пріѣзда нашего въ Англію, отецъ мой перебралъ девять тысячъ фунтовъ. Суммы истраченныя нами въ поѣздку на материкъ достигали поражающей цифры сорока восьми тысячъ. Я былъ увѣренъ сверхъ того что не всѣ долги уплочены. *Самъ, самъ, самъ* бралъ по тысячамъ заразъ, иногда, какъ указывалъ дрожащій отъ волненія палецъ сквайра, по нѣсколько тысячъ въ недѣлю. Ему это было непонятно, пока я, доведенный до крайности вопросами и оскорбленіями, и замѣчая что долго скрывать истины нельзя, откровенно не признался ему въ томъ что впрочемъ онъ самъ могъ видѣть, что у моего отца есть счетная книжка, также какъ и у меня, и что онъ прямо забираетъ у банкира. Намъ нужны были деньги, онѣ принадлежали мнѣ, я продалъ фонды и банковые билеты, дающіе, какъ замѣтилъ я мимоходомъ, весьма ничтожный процентъ, и мы положили капиталъ къ банкиру, чтобы забрать по мѣрѣ надобности. Мнѣ жалко было глядѣть на старика когда я говорилъ ему все это. Лицо его посинѣло; слова замерли на губахъ. Онъ требовалъ объясненія мелочей, напримѣръ двухъ счетныхъ книжекъ, спрашивалъ что̀ намѣренъ я дѣлать когда этихъ денегъ не будетъ, ибо вѣдь не предполагаю же я что буду получать такой капиталъ каждые два

года, развѣ можетъ-быть я разсчитывалъ, отправляясь за границу, что онъ не проживетъ болѣе двухъ лѣтъ.

— Итакъ, заключилъ онъ,—деньги пропали!

Тутъ опять начались разспросы. Развѣ не благородно поступилъ онъ со мной, вручивъ мнѣ мою собственность въ день моего совершеннолѣтія? Да, благородно.

— И глупо, думаешь ты, не такъ ли?

— Такой мысли не было у меня.

— Ты поддерживалъ расточительность этого мота, и теперь поддерживаешь.... Вѣдь ты почти уже нищій!... Является въ мой домъ, говоритъ о своей знатности, крадетъ мою дочь, сводитъ ее съ ума, даетъ подрости ея сыну чтобы завладѣть ея деньгами, а потомъ сманиваетъ его и обираетъ!... Ты разоренъ, понимаешь ли? Онъ два года распоряжался тобою и все у тебя высосалъ. О чемъ ты думалъ? Что ты дѣлалъ? Въ умѣ ли ты былъ? Вы вели счеты сообща? Прекрасно! Самъ чортъ не выдумалъ бы такого дурака какъ ты! У васъ всегда домъ былъ полонъ иностранными подлипалами.... такъ ли? Признавайся! Какъ проводили вы время? Пили да плясали?

Такъ дѣдъ мой дошелъ постепенно до свойственнаго ему краснорѣчія. Я уже далъ слабый образчикъ его. Когда я позволилъ себѣ найти что наслушался довольно, онъ пошелъ за мной изъ кабинета въ прихожую, гдѣ стояла Дженета. Въ ея присутствіи онъ обозвалъ принцессу и ея семейство жадными проходимцами, сговорившимися съ „этимъ негодяемъ“ чтобъ обобрать меня и въ подтвержденіе привелъ мои собственныя слова о томъ что отецъ мой завѣдывалъ угольными копями на землѣ принца Эрнста.

— Онъ завѣдывалъ копями! Каждая дѣвчонка поняла бы что это выдумка, средство надуть молокососа. Я теперь помню, полковникъ Гудвинъ съ дочерью говорили что видѣли этого мошенника играющимъ роль шута при дворѣ германскаго князька и откалывающимъ разныя штучки, какъ паясъ на ярмаркѣ.

— Стыдно, сказала Дженета.

— Ты слышишь! обратился ко мнѣ сквайръ.

Но она вскричала:

— Вы сами слушайте, дѣдушка, или все равно не слушайте, только молчите. Если Гарри огорчилъ васъ, говорите съ нимъ какъ джентльменъ съ джентльменомъ. Не отнимайте у

меня любовь мою къ вамъ. Мнѣ немного осталось кромѣ нея.

— Да, благодаря мошеннику и его молодому идіоту!

Дженета нахмурилась не на шутку:

— Я не позволяю вамъ перетолковывать мои слова!

Онъ пробормоталъ кучерскую поговорку. Принужденный сдерживаться, онъ началъ сызнова исторію моей банкирской книжки: тѣ же вопросы, восклицанія и ругательства.

— Пойдемте погулять со мной, милый Гарри, сказала Дженета.

Я не хотѣлъ отдаваться такимъ образомъ подъ ея защиту, изъ глупаго чувства собственнаго достоинства, и отказъ мой, выраженный можетъ-быть съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ въ тонѣ, довелъ сквайра до крайней степени раздраженія.

— Ты не хочешь пойти съ ней гулять? Ты на колѣняхъ будешь просить ее чтобъ она протянула тебѣ руку и взяла тебя съ собой. Будешь просить здѣсь, сію же минуту, или маршъ къ своей нѣмецкой принцессѣ съ наслѣдствомъ буфетчика, а отъ меня ничего кромѣ „добраго пути“ да запертой двери. Ну, становись на колѣни!

Онъ ожидалъ что я стану.

— Еслибъ онъ сталъ, я никогда не протянула бы ему руки!

Глаза Дженеты горѣли.

— Онъ будетъ еще хныкать какъ нищій на холодѣ чтобы ты дала ему кончики пальцевъ.

— Нѣтъ, потому что ему только стóитъ спросить ихъ.

Это опять дало толчокъ сквайру. Онъ заговорилъ о ея великодушіи, противополагая его моей тупости. Дженета перемѣнила тактику; притворилась равнодушною. Но ей недоставало опытности и какого-нибудь Геріота, который помогъ бы ей сыграть роль. Она пересолила, и старикъ, вообразивъ что мы сговорились разстроить его планы, принялся укорять меня въ двойномъ беззаконіи. Ея слова: „мы съ Гарри всегда будемъ друзьями“ навлекли на меня самыя ожесточенныя нападки его, какъ будто и рѣчи никогда не шло о принцессѣ; такъ упорно держался онъ за поселившуюся въ немъ однажды мысль.

— Друзьями! воскликнулъ онъ.—Развѣ дружба ваша дастъ мнѣ законныхъ наслѣдниковъ моего состоянія и имени?... и такъ далѣе.

Тетушка Дороти пришла умѣрить его возгласы. Въ ея ком-

натѣ опять была вытащена роковая счетная книжечка и прочтена вслухъ. Тетушка слушала цифры безъ удивленія, стараясь, повидимому, въ точности понять ихъ, и этотъ пріемъ смягчилъ мало-по-малу раздраженіе сквайра. Она вставляла краткія, дѣловыя замѣчанія:

— Да, это было на яхту, или, они вѣдь жили при дворѣ владѣтельнаго князя, или, сумма большая, но Гарри зналъ что дѣдушка его не любитъ скряжничества.

— И ты способна утверждать, Дороти Белтамъ, сказалъ сквайръ, изумленный тѣмъ что она не изумляется,—ты способна клятвенно завѣрить что по твоему они тратили разсудительно? Какія же послѣ этого понятія у женщинъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она спокойно,—по моему Гарри былъ безразсуденъ, и проученъ. Конечно ужь лучше было этому случиться теперь, чѣмъ позже. Но ты не принимаешь во вниманіе его положенія, какъ жениха принцессы.

— А! вотъ что̀ кружитъ тебѣ голову! сказалъ сквайръ.

И она оставила его при этой мысли, не возражая ничего на его насмѣшки надъ женщинами вообще и надъ нею въ особенности.

— А что̀ же скажешь ты о деньгахъ взятыхъ съ тѣхъ поръ какъ онъ вернулся?

Сквайръ опять взялся за свое.

Тетушка Дороти покраснѣла. Сквайръ указывалъ пальцемъ на цифры, повторяя свой вопросъ. Въ эту минуту явились капитанъ Белстедъ и Джулія. Дамы распорядились такъ чтобъ оставить сквайра наединѣ съ капитаномъ. Вскорѣ капитанъ прислалъ сказать что онъ проситъ у жены позволенія остаться обѣдать въ Гренджѣ и желалъ бы чтобъ я проводилъ ее домой въ Белстедъ, доказательство, говорила Джулія, что у него со сквайромъ завязалась горячая схватка. Она увѣрена была что ея Вильямъ не дастъ себя побить. Я увелъ ее нѣсколько огорченный ничтожною ролью данною мнѣ, и вдругъ, къ ужасу своему, замѣтилъ что отпускаю Джуліи весьма горячіе комплименты, ибо она, чтобы развлечь меня, шутила и кокетничала со мной, и голосъ ея звучалъ сладко. Я дошелъ должно-быть до очень горячихъ объясненій.

— Такъ подумайте же, сказала она, — что̀ терпитъ теперь изъ-за васъ Вильямъ, разлучившись со мною.

Такимъ образомъ, съ искусствомъ почти инстинктивнымъ, она въ одну минуту возвратила меня къ сознанію моего по-

ложенія и заставила спросить себя: чувство которое такъ плохо защищаетъ меня отъ обаянія женскихъ прелестей, полнаго стана, граціозной походки, темныхъ, влажныхъ рѣсницъ, смѣющихся румяныхъ губокъ, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ назваться любовью? А если это не любовь, не любовь безсмертная, такъ что же я такое? Я оглянулся на эту мысль словно на бразду оставленную на водѣ кораблемъ, и увидѣлъ подъ нею зіяющую бездну и гибель. Любовь моя къ Оттиліи—заблужденіе? Такъ значитъ вся жизнь заблужденіе! Я поглядѣлъ на Джулію съ испугомъ, такъ же почти какъ глядѣли нѣкогда на прекрасныхъ волшебницъ, готовясь взвести ихъ на сложенный уже костеръ. Сознаніе ея грѣховнаго обаянія смущало меня, и я невольно сталъ размышлять о причинахъ равнодушія моего въ Германіи къ Mademoiselle Шасдіанъ, которая была гораздо остроумнѣе и живѣе, если не красивѣе Джуліи, и удостоивала меня, какъ я припоминалъ, долгихъ, выразительныхъ взглядовъ при встрѣчѣ. Я поймалъ себя на сожалѣніи о моей тогдашней холодности; за это сожалѣніе я готовъ былъ бичевать скорпіонами свое презрѣнное тѣло. Образъ Оттиліи какъ будто изглаживался изъ ума моего.

— Бѣдный Гарри! вздыхала Джулія.—Знаете ли, видя молодаго человѣка очень влюбленнаго, я просто дрожу.

Я, смѣясь, напомнилъ ей сцену на лѣстницѣ въ школѣ и нѣжности которыя говорила она Геріоту.

— О! я должно-быть почерпнула ихъ изъ поэтовъ и романовъ, отвѣчала она.—Или ужь я въ самомъ дѣлѣ очень была растрогана. Вотъ этого-то и недостаетъ въ Вильямѣ. Съ нимъ нельзя говорить милыхъ лустячковъ. Онъ сталъ бы, я думаю, говорить еслибы могъ. Да онъ какъ степной левъ, у него все выходитъ ревомъ.

Я обрадовался когда услышалъ этотъ ревъ. Капитанъ Белстедъ вернулся когда я уже желалъ его присутствія, и сообщилъ намъ что у него была горячая схватка со сквайромъ. Сквайръ не отставалъ отъ него весь день до одиннадцати часовъ ночи.

— Ей-Богу, Гарри, мнѣ пришлось просить позволенія выйти на минуту духъ перевести. Однако я одолѣлъ его за четвертою бутылкой. Теперь все улажено. Онъ согласился увидаться съ вашимъ отцомъ. „Гдѣ?“ спрашивалъ онъ сначала, „въ сараѣ что ли?“ Пью за ваше здоровье, поклонился я ему. Порядочные люди не встрѣчаются въ сараяхъ; тамъ только

мыши назначаютъ другъ другу свиданія. Словомъ, другъ мой, я устроилъ что сквайръ и почтенный родитель вашъ встрѣтятся здѣсь у меня въ Белстедѣ. Мы сведемъ ихъ за бутылкой стараго вина. Повидайтесь съ отцомъ юноши, настаивалъ я. Дѣло въ томъ что вамъ надо свалить съ своихъ плечъ эту проклятую книжку. Только грязная собака можетъ купаться въ лужѣ. Понимаете, Гарри, добрый нашъ старикъ сквайръ можетъ открыть вамъ счетъ въ двадцать разъ больше этого, но онъ въ правѣ знать какъ вы распоряжаетесь деньгами. Онъ говоритъ что вы не даете объясненій. Я замѣтилъ ему что отецъ вашъ можетъ дать ихъ, и дастъ. Мы и сведемъ ихъ. За остальное я отвѣчаю. А теперь свертывай паруса и въ постель; утромъ въ путь, и буксируй сюда большой корабль. На прощанье еще бутылку въ честь побѣды, если вамъ подъ силу, Гарри.

Джулія возстала рѣшительно противъ этого предложенія; вмѣшательство обыкновенно непріятное мужу расположенному выпить. Капитанъ какъ будто собирался заявить свои права, но ласковое замѣчаніе ея: „не хорохорься пожалуста, Вильямъ“, обезоружило его.

— Какъ это не хорохориться, моя уточка?

— Развѣ выпить теперь еще бутылку не то же что̀ размахивать шпагой уже одержавъ побѣду? сказала она.

Онъ обнялъ ея талію рукой и сказалъ мнѣ на ухо потрясающимъ шепотомъ:

— Совершенный ангелъ!

Я отправился въ Лондонъ на слѣдующій день, встревоженный болѣе нравственно, размышленіями о впечатлѣніи производимомъ на меня такого рода ангелами, нежели заботой о дѣлахъ моихъ, хотя, правду сказать, когда я сошелся съ отцомъ, мнѣ живо представилась его удивительная способность метать деньги какъ искры изъ костра, и пришла мысль что нужно бы привести счеты наши съ нимъ къ серіозному окончанію. Онъ жилъ въ роскоши, рядомъ съ тѣмъ великолѣпнымъ домомъ въ который привезъ меня нѣкогда изъ Дипвела. Мистрисъ Вадди опять была у него экономкой и Альфонсъ поваромъ. Жилъ однако не такъ какъ прежде, увѣдомила меня смущенная женщина. Теперь жизнь его шла вихремъ, по ея словамъ. Я невольно улыбнулся, видя какъ она гордится имъ. „Сегодня опера“, отвѣчала она на мои вопросы о немъ, давая почувствовать своимъ тономъ что мнѣ слѣдовало бы

знать его вельможныя привычки. Хваля его щедрость, она сообщила мнѣ что онъ истратилъ сто фунтовъ на розыски Мабели Свитвинтеръ и обѣщалъ впятеро больше тому кто найдетъ ее.

— Папенька вашъ ничего не дѣлаетъ вполовину, мистеръ Гарри!

Потомъ вскорѣ она захныкала.

— Только продлится ли это?

Меня провели въ комнату называвшуюся принцессиною комнатой: диво убранства. „Но едва ли будетъ она когда-нибудь жить въ этой комнатѣ,“ думалъ я. Самое великолѣпіе сжимало мнѣ сердце словно холодомъ.

— Папенька вашъ говоритъ что весь домъ предоставится вамъ когда придетъ счастливый день.

Неужели же онъ говорилъ съ ней о принцессѣ? Я наскоро поѣлъ и подкрѣпился краснымъ виномъ, чтобъ окончательно объясниться съ нимъ до утра.

ГЛАВА XXXIX

Отецъ мой плыветъ по теченію, которое и меня уноситъ.

Отецъ мой стоялъ въ партерѣ оперы, словно окруженный дворомъ, какъ мнѣ показалось, ибо кружокъ мущинъ тѣснился около него, и мнѣ пришлось кланяться въ отвѣтъ на привѣтствія, въ которыхъ высказывалось, повидимому, не только удивленіе, но и уваженіе внушаемое имъ. Имена мистера Веддерборна, мистера Дженнингса, лорда Алтона, сэръ-Витонъ Слетера, мистера Монтереца Вильямса, адмирала Лофтуса, графа Витлингтона пріятно поразили мое ухо. Я не замѣтилъ въ этихъ господахъ ни тѣни цинической угодливости; напротивъ, они были дружественно почтительны. Я почувствовалъ что онъ окруженъ вполнѣ порядочными людьми, и горячее влеченіе мое къ отцу возвратилось, когда я замѣтилъ какъ господствовалъ онъ надо всѣмъ кружкомъ, и говоря, и слушая другихъ. Его любезная улыбка и внимательность, его умѣнье оживить разговоръ умѣстнымъ словомъ, его благовоспитанная сдержанность, его способность всегда уловить ту минуту когда его очередь говорить, все это показывало не-

обыкновенное искусство основанное на природныхъ дарованіяхъ. И все время онъ не терялъ ни на волосъ своего превосходства. Мистеръ Веддерборнъ, словоохотливый, живой, неистощимый на анекдоты, но слишкомъ блестящій, слишкомъ торопливый, слишкомъ занятый своею мыслью, заставлялъ еще болѣе цѣнить учтивую мягкость моего отца. То же самое, въ другомъ отношеніи, можно сказать и о графѣ Витлингтонѣ, юношѣ въ порѣ ловѣсничества, какъ отзывался о немъ Джоріанъ, судорожно хохотавшемъ отъ всякой шутки. Джоріанъ подошелъ къ намъ, прихрамывая. Никакія усилія моего отца не могли заставить его обнаружить свою знаменитую способность на остроумные отвѣты, такъ она и осталась предметомъ вѣры.

— Прехорошенькія восковыя куклы, отнесся онъ ко мнѣ о проходившихъ мимо англійскихъ красавицахъ. — Эти женщины, юный Ричмондъ, еслибъ онѣ хоть сколько-нибудь были воспламенимы, то-есть еслибы въ нихъ была хотя пятидесятая доля Француженки, давно обработали бы общество въ пользу великаго человѣка и подняли бы его на верхъ какъ пузырь. Онъ даромъ тратитъ на нихъ время. Эта толстая женщина которой онъ кланяется—графиня Седли, вдова трехъ мужей, съ легкою тѣнью двоемужества ради пикантности. Она, говорятъ, пошла отъ мелочной лавочки. Тѣлосложеніе сдѣлало все для этой женщины. Такъ и вездѣ бываетъ. Въ этомъ главное. Вотъ онъ теперь ползаетъ на четверенькахъ предъ леди Рачель Стоксъ: чистокровная аристократка. Она словно въ ворота проходитъ и боится голову ушибить. Хотѣлось бы мнѣ видѣть какъ она стала бы соблазнять святаго Антонія. Вотъ жена маленькаго Рекчема: у ней было столько же приключеній какъ у Жиль-Бласа, прежде чѣмъ поступилъ онъ въ услуженіе къ герцогу Лерма. Онъ охарактеризовалъ многихъ дамъ со злостью, вредившею его остроумію, какъ нѣкогда говорилъ мнѣ про него отецъ.—Для Англичанки главное держать носъ постоянно на одномъ уровнѣ, съ цѣлью показать возвышенность своей природы. Эти женщины вымыселъ! Это словно имена влюбленныхъ, вырѣзанныя на корѣ дерева: сухость и неподвижность удивительная! У насъ есть и Есавели, юноша. Имъ дается жалованье отъ епископовъ или отъ полиціи, чтобы внушать людямъ отвращеніе къ пороку. А другія ту же роль играютъ относительно добродѣтели, и также, по всей вѣроятности, получаютъ отъ ко-

го-нибудь жалованье; можетъ-быть отъ журналовъ, чтобы поддерживать эту фикцію. Говорю вамъ, въ этихъ Англичанкахъ или вовсе нѣтъ жизни, или одна только животная жизнь. И какъ онѣ обвѣшиваютъ себя драгоцѣнностями! Руки у нихъ только на это и созданы. Богатство этой страны ужасно!

Джоріану, кажется, было досадно что ему не удавалось вынудить меня заступиться за моихъ соотечественницъ; но я начиналъ уже замѣчать что нѣтъ причины ломать за нихъ копья и самъ былъ расположенъ относиться къ нимъ критически. Сверхъ того я слѣдилъ за отцомъ; его обращеніе съ дамами къ которымъ онъ подходилъ не оскорбляло моего критическаго чувства, хотя я постоянно опасался что онъ пересолитъ. Онъ позвалъ меня чтобы представить графинѣ Шезеди, веселой молодой Венгеркѣ.

— Итакъ, заговорила она вдругъ по-нѣмецки,—вы собираетесь жениться на этой романтической головѣ, принцессѣ Оттиліи фонъ-Эпленвельценъ. Я хорошо знаю ее. Я встрѣчалась съ ней въ Вѣнѣ. Прекрасная душа и синій чулокъ. Такихъ-то именно и завоевываютъ дуэлями. Я знаю и принца Отто. Такъ болтала она и спросила меня не лѣтомъ ли будетъ свадьба. Я былъ слишкомъ ошеломленъ чтобъ отвѣтить.

— Срокъ еще не опредѣленъ, вступился мой отецъ.

— Весь Лондонъ говоритъ объ этомъ, сказала она.

Не успѣлъ я спросить у отца объясненія этихъ ужасныхъ толковъ объ Оттиліи, какъ уже очутился въ ложѣ вдовы изъ Сити, леди Сампльменъ, тяжелой дамы, цвѣтъ лица которой напоминалъ осенніе листья. Первыя слова ея были: „А! молодой влюбленный! Какъ поживаетъ германская принцесса?“ Мнѣ пришлось отвѣтить что въ Англіи говорятъ теперь болѣе о германскихъ принцахъ, чѣмъ о принцессахъ.

— Такъ отозвалась она,—но вы, такъ-сказать, отстояли у нихъ честь своего народа. Я возьму одну изъ вашихъ прицессъ, сказали вы; сказано, сдѣлано! До смерти хочется мнѣ увидѣть ея портретъ. Капитанъ Девитъ говоритъ что она божественна, то-есть прекрасна и мила и держитъ себя безукоризненно, но это ужь разумѣется само собою! Ничего что она не богата. *Вы* можете обставить ее какъ слѣдуетъ. Гм.... она осмотрѣла меня, — блѣденъ, томенъ.... извините старую пріятельницу вашего отца; одну изъ самыхъ старшихъ, сказала бы я, еслибы не боялась себя выдать. Я горжусь вашимъ предстоящимъ бракомъ. Я повсюду говорю о немъ.

Тутъ она предсгавила какъ содѣйствуетъ она распространенію сплетни: „слышали вы новость?“ „Нѣтъ, что̀ такое?“ „Сынъ Фицъ Джорджа женится на германской имперской принцессѣ“. „Неужели?“ „Вѣрно, какъ Евангеліе“. „А скоро ли?“ „Черезъ мѣсяцъ. Теперь вы увидите что обойденный другъ нашъ будетъ играть видную роль при дворѣ“....

Я поглядѣлъ на отца. Смущеніе и злоба душили меня. Онъ наклонился къ ней, сообщая какія-то восхитительныя новости о знатной дамѣ рѣшившейся пріѣхать къ ней чтобъ устроить великолѣпный балъ, и мы оставили ее подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія.

— Еслибы не эта Шасдіана, сказалъ мой отецъ, — ты вѣдь знаешь, Ричи, что бѣдный Джоріанъ безъ ума отъ нея. Онъ палъ къ ея ртутнымъ ногамъ. Она теперь въ Лондонѣ. Половину дохода своего бѣднякъ тратитъ на букеты. Ея портретъ въ роли вдовы Лефурбъ сдѣлался частью его туалетныхъ принадлежностей. Брѣясь онъ глядитъ на ея афиши. Первая настоящая любовь его, а ему сорокъ пять лѣтъ! Чувство отзывается на его желудкѣ. Вотъ почему любовь такъ опасна въ среднія лѣта. Такъ я говорю: еслибы не Шасдіана, наша госпожа Самплльменъ составила бы счастье Джоріана. Я намекалъ объ этомъ имъ обоимъ. Женщины умнѣе знаменитаго лорда Нельсона, Ричи: онѣ умѣютъ не замѣчать того что̀ непріятно имъ было бы замѣтить; а Джоріанъ готовъ сдѣлать для меня что̀ угодно, кромѣ только именно этого. Ты встревоженъ, сынъ мой?

Я попросилъ позволенія уйти изъ театра и подождать его на улицѣ. Онъ же сталъ убѣдительно уговаривать меня представиться леди Эдбери, мачихѣ лорда Дестріе, теперь маркиза Эдбери, и настаивая, умолялъ меня не пренебрегать этою дамой, добавивъ съ особенною выразительностью: „Я пускаюсь по теченію, Ричи“. Теченіе унесло и меня, и я поклонился блѣдной молодой дамѣ съ изящными манерами, позволявшими судить лишь о внѣшности, но не о внутреннихъ свойствахъ ея, какъ перчатка, облекающая руку. Она стала укорять отца что онъ пришелъ къ ней прямо изъ ложи „этой женщины“. Онъ отвѣчалъ что никогда не забываетъ старыхъ друзей. „А слѣдовало бы“, отозвалась она. И мнѣ представился образъ одной изъ трехъ Паркъ, отрѣзывающей нить.

Сердце во мнѣ сжалось, когда и леди Эдбери завела рѣчь о германской принцессѣ.

— Кто-то говорилъ мнѣ что она темноволосая.

— Русая, поправилъ отецъ.

Леди Эдбери находила страннымъ чтобы чистокровная Нѣмка была брюнетка. У нихъ вѣдь мало примѣси, особенно на сѣверѣ. А имя ея? Она забыла имя принцессы.

Отецъ мой повторилъ:—Принцесса Оттилія фонъ-Эльтенвельценъ-Саркельдъ.

— Такъ вы говорите, она брюнетка?

— Чистѣйшая блондинка.

— А цвѣтъ лица?

— Способный ослѣпить праведника.

Леди Эдбери взглянула въ зеркало. — Грѣшниковъ, стало-быть, вы намъ оставляете?

Они стали обмѣниваться обычными любезностями и остротами. Я поклонился и бѣжалъ подъ тѣмъ предлогомъ что увидѣлъ Анну Пенрисъ въ верхнемъ ряду ложъ. Я пробрался къ ней, не будучи увѣренъ, какъ она меня встрѣтитъ. Она поразила меня восклицаніемъ: „Счастливица то, говорятъ, нѣмецкая принцесса!“ Пріемъ ея былъ вполнѣ дружественный. Она спросила имя дамы изъ ложи которой я вышелъ, и поглядѣвъ минуту на нее въ бинокль, сказала какъ будто съ удовольствіемъ: „Она молода.“ Я догадался что леди Эдбери, по общему мнѣнію, заняла въ отношеніи къ отцу моему мѣсто Анны Пенрисъ. Но почему эта послѣдняя радовалась ея молодости, оставалось для меня непонятнымъ. Тетка ея проснулась, когда произнесено было мое имя. „Онъ здѣсь?“ воскликнула она вздрогнувъ. Анна улыбнулась, завела со мною рѣчь о моемъ отцѣ, хваля меня за то что я не оставляю его, ибо ему предстоитъ тяжелая борьба. Она говорила о немъ съ теплымъ участіемъ, которое служило въ моихъ глазахъ лучшимъ доказательствомъ и его и ея благородства. Я обѣщалъ ей отъ души не забывать нашу дружбу и проводилъ дамъ до передней, гдѣ увидѣлъ отца ведущаго леди Эдбери въ карету на глазахъ у всѣхъ. Дестріе, молодой маркизъ, входившій въ это время въ театръ имъ на встрѣчу, взялъ подъ руку своего друга Витлингтона и сказалъ что-то о старомъ „герцогѣ Фицѣ“ вызвавшее, какъ мнѣ показалось, легкія усмѣшки въ тѣсномъ кружкѣ избранныхъ. Прокричали карету леди Самль-

менъ. Еше жертва! сказалъ чей-то голосъ. Анна Пенрисъ вышла сама искать своего лакея и экипажъ.

Я стоялъ одинъ на улицѣ, удивленный, раздраженный, полный разныхъ непріятныхъ чувствъ, когда отецъ подошелъ ко мнѣ, напѣвая оперный мотивъ.

— Я поглядывалъ Джоріана, Ричи. Онъ былъ кавалеромъ нашей Самплъменъ. Должно-быть отправился къ Шасдіанѣ. Ну, Ричи, такъ ты не могъ вынести разлуку съ палашкой? Ты видишь, я плыву по теченію на всѣхъ парусахъ. Я могу ужиться, если угодно судьбѣ, въ маленькомъ германскомъ княжествѣ, но нигдѣ, онъ выставилъ грудь, не дышу я такъ свободно, какъ въ Лондонѣ. Здѣсь приволье, здѣсь мое поле битвы. Кстати, леди Эдбери находитъ тебя безукоризненнымъ; это значитъ только что она женщина со вкусомъ. Она никакъ не хотѣла замѣтить что фракъ на тебѣ иностраннаго покроя. Поправь его завтра. Я пришлю къ тебѣ моего портнаго. Я хотѣлъ сказать что если лондонская женщина не замѣтила такого обстоятельства, значитъ лицо и человѣкъ произвели на нее надлежащее впечатлѣніе. Ричи, милый мой, какъ мнѣ выразить до какой степени я радъ тебя видѣть? Давай руку, Ричи. Вотъ мы бредемъ домой изъ свѣта. Это какъ будто то именно о чемъ я мечталъ. Всѣ въ добромъ здоровьѣ въ Гренджѣ? Что она, лучшая изъ женщинъ?

— Я пріѣхалъ по очень нужному дѣлу, прервалъ я его.

— Я слушаю тебя, Ричи, говори.

— Сквайръ видѣлъ счетъ моего банкира; онъ находитъ что я забиралъ деньги безразсудно; онъ, безъ сомнѣнья, правъ. Онъ требуетъ какого-нибудь объясненія. Онъ соглашается повидаться съ вами. Я пріѣхалъ просить васъ съѣздить къ нему.

— Завтра же утромъ, не медля ни единаго часа, дитя мое. Очень пріятно будетъ видѣть старый Риверсли днемъ.

— Онъ предпочитаетъ встрѣтиться съ вами въ Белстедѣ. Капитанъ Белстедъ предлагаетъ свой домъ. Предупреждаю васъ, положеніе затруднительное. Сквайръ требуетъ полнаго отчета въ истраченныхъ деньгахъ.

— Я приглашу ея въ Лондонъ, обращу къ Деттермену и Ньюсону и попрошу его разчитать цѣнность принцессы.

— Вы понимаете что онъ не пріѣдетъ по вашему приглашенію.

— Такъ какъ же мнѣ объяснить ему что пріобрѣлъ я че-

резъ эту затрату, сынъ мой? Я обращу его къ Деттермену и Ньюсону.

— Но вы должны знать что онъ не желаетъ законныхъ дѣйствій, влекущихъ за собою огласку.

— Огласка-то именно намъ и желательна, Ричи. Она желательна невиннымъ, несправедливо осуждаемымъ. Мы *хотимъ* чтобъ объ насъ говорили, чтобы нельзя было не слыхать объ насъ. А тутъ еще владѣтельная принцесса. По чести, мистеръ Белтамъ, вамъ не на что жаловаться!

Я начиналъ терять терпѣніе.

— Что до меня лично касается, вы знаете, я не придаю цѣны деньгамъ. Но я долженъ сказать одно. Я сегодня слышалъ, признаюсь, съ удивленіемъ и огорченіемъ имя... я не подозрѣвалъ что имя принцессы будетъ произноситься наряду съ моимъ совершенно открыто.

— Очень естественно, онъ кивнулъ головой и сдѣлалъ рукой одобрительный жестъ.

— Ну, такъ если вы не можете принять въ соображеніе чувства Оттиліи и ея семейства, подумайте по крайней мѣрѣ обо мнѣ и помните что я протестую противъ этого.

— Все, все, сказалъ онъ съ одушевленіемъ,—я все и всѣхъ принимаю въ соображеніе. Я привожу принцессу въ твои объятія. Ты вѣдь писалъ мнѣ что сквайръ даетъ ей царское приданое, не такъ ли? Отъ моихъ комбинацій никому изъ васъ нельзя уклониться. Все уже сдѣлано. Я думаю за васъ, чувствую за васъ, дѣйствую за васъ. Ей-Богу, вы будете счастливы! Вздыхай, Ричи, вздыхай; судьба твоя теперь ввѣрена мнѣ.

— Я вѣроятно только трачу слова попустому, но я протестую противъ неправды. Вы знаете очень хорошо что вы пользовались именемъ принцессы для своихъ личныхъ цѣлей.

— Безъ всякаго сомнѣнія, Ричи, пользовался. А развѣ цѣли мои не ваши также? Я долженъ имѣть вѣсъ въ обществѣ чтобъ успѣть въ нашемъ главномъ предпріятіи. Можетъ-быть дѣйствительно имя принцессы служитъ временно свѣтильникомъ чтобъ озарить насъ и выставить на видъ. Она принадлежитъ намъ. Для нея мы готовимъ и приводимъ въ порядокъ домъ въ который она входитъ. Я плачу принцессѣ за пользованіе именемъ ея, царственнымъ приданымъ; тебѣ я плачу принцессой, также по-царски, а мнѣ ваше счастіе служитъ царскою наградой. Всѣ вмѣстѣ, мы, безъ всякаго сомнѣнія, добьемся своего.... Вотъ, дитя мое, сказалъ онъ прохожей жен-

щинѣ, роняя золотой ей въ руку,—съ условіемъ чтобы вы тотчасъ же пошли прямо домой. Женщина поблагодарила и обѣщала.—Итакъ мы въ самомъ потокѣ успѣха. Странно! Я чувствую нѣкоторую склонность къ меланхоліи. Успѣхъ? Какъ знать? Уже сотни шли предъ нами этою самою дорогой домой, подъ этими фонарями, между дворцами и паркомъ. Какъ подумаешь, такъ и представляется похоронная процессія. Тамъ, на концѣ, могила, роскошная, или скромная. Когда мнѣ было четыре года, въ день моего рожденія, мнѣ сказали что мать моя лежитъ мертвая на своей постели. Я помню до сихъ поръ какъ удивило меня что она не двигается. „Кручина сломила ее“, сказала моя старая нянька. Мнѣ она казалась неповрежденною. Сестра ея завладѣла мною и ея бумагами и обручальнымъ кольцомъ, теперь хранящимся у Деттермена и Ньюсона, и портретами обоихъ моихъ родителей. Она, бѣдная, чтобы поддержать мое существованіе, отдала за деньги важнѣйшій изъ всѣхъ документовъ, который теперь существенно облегчилъ бы мнѣ выигрышъ моего дѣла. Я никогда не разказывалъ тебѣ о моемъ дѣтствѣ? Дядя мой по матери былъ учитель пѣнія и декламаціи. Я ему обязанъ обработкой моего голоса. Онъ научилъ меня говорить выразительно. Языкъ одной книги его, подъ заглавіемъ *Ораторъ*, до сихъ поръ кажется мнѣ образцовымъ. Ему откуда-то присылались деньги, и съ двумя, тремя перерывами до сихъ поръ присылаются. Старая нянька моя, да благословитъ ее Богъ, опять взялась за стирку бѣлья. Я по цѣлымъ часамъ стоялъ подлѣ ея корыта, Ричи, слушая ея предсказанія объ ожидающемъ меня величіи. Честное слово, я сомнѣваюсь бывалъ ли я когда счастливѣе чѣмъ въ то время. Теперь я уже нуждаюсь,—тебѣ можно признаться, — въ возбуждающихъ средствахъ.... совершенно впрочемъ невинныхъ. Мистрисъ Вадди даетъ мнѣ стаканъ шампанскаго. Правду сказать, Ричи, мать мою обзывали нехорошими именами. Самые камни этихъ улицъ требуютъ отъ меня неотступно чтобъ я очистилъ ея славу. Я не усталъ, но мнѣ нужно вино.

Пока мы не пришли домой, онъ нѣсколько разъ повторялъ тревожно что ему нужно вино. Необычное возвращеніе его къ далекому прошедшему, странныя картины которыя провелъ онъ вдругъ предъ моими глазами заставили меня забыть мой гнѣвъ. Дома онъ выпилъ залпомъ свою порцію вина и легъ на диванъ; лакей снялъ съ него сапоги и прикрылъ

его плащемъ. Лежа такъ, онъ весело пожелалъ мнѣ доброй ночи. Мистрисъ Вадди сказала мнѣ что вотъ уже съ мѣсяцъ онъ всегда такъ спитъ.

— Вѣдь къ нему теперь приходитъ столько же народу ночью сколько днемъ.

Во мнѣ возникло предположеніе что онъ въ сношеніяхъ съ журналистикой. Мистрисъ Вадди безусловно вѣрила въ несокрушимость его здоровья, и увѣряла что онъ уже уморилъ многихъ вздумавшихъ подражать его привычкамъ.

— Онъ теперь полководецъ на походѣ, говорила она съ улыбкой.

Вѣроятно слова эти она слышала отъ него самого. Хлопанье домовой двери, часто отворявшейся и затворявшейся ночью, свидѣтельствовало о приходахъ и отходахъ его адъютантовъ.

Рано утромъ я засталъ его ходящимъ взадъ и впередъ по кабинету и столовой, двери которыхъ были отворены, диктуя секретарю за конторкой и перебрасываясь отъ времени до времени нѣсколькими словами съ главнымъ конторщикомъ Деттермена и Ньюсона. Полъ былъ усыпанъ журналами. На отцѣ моемъ были высокіе сапоги, широкій черный плащъ висѣлъ у него на плечахъ.

— Я дѣлаю распоряженія относительно вечернихъ газетъ, сказалъ онъ, поздоровавшись со мною съ теплотой, въ которой была нѣкоторая примѣсь церемонности, и тотчасъ же прибавилъ:

— Достаточно, мистеръ Джобсонъ. Вставьте замѣтку: „мистеръ Гарри Лепель Ричмондъ изъ Риверсли, сынъ мой, не желаетъ другаго пути къ почестямъ въ своей родинѣ, кромѣ обыкновеннаго парламентскаго“. Извини, Ричи; сейчасъ я только отвѣчу утренней газетѣ.

— Что̀ это? Зачѣмъ печатать мое имя? вскричалъ я.

— Только для того чтобы поправить ошибку. Мнѣ слѣдуетъ настаивать, мой милый сынъ, что *ты* не ищешь никакихъ отличій, что ты идешь своимъ путемъ. Мистеръ Джобсонъ, Бога ради отдайте это тотчасъ же. Принесите мнѣ изъ типографіи мою замѣтку. Мистеръ Джакобсъ, мое почтеніе Гг. Деттермену и Ньюсону. Я желаю чтобы немедленно начали законныя дѣйствія и чтобы свѣтъ зналъ объ этомъ. Прощайте, господа!

И затѣмъ отецъ обратилъ на меня всю непреодолимую силу

своихъ отрывистыхъ рѣчей, которыя лились потокомъ. Зачѣмъ печатать мое имя? Затѣмъ что я его сынъ. Онъ однако увѣрялъ что устраняетъ меня отъ всякаго участія въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ и ставитъ на сторону моего дѣда, какъ простаго англійскаго дворянина, наслѣдника одного изъ громаднѣйшихъ состояній въ странѣ.

— Я тебя отдѣляю отъ себя, Ричи, понимаешь ли? Я заявляю гласно что тебѣ ни въ какомъ случаѣ не нужно опираться на меня. Джобсонъ принесетъ тебѣ для просмотра мою замѣтку, мое заявленіе правъ. Въ печати, въ литературѣ, въ судѣ, въ обществѣ, я иду на встрѣчу врагу и требую должнаго мнѣ, требую неотступно. Конечно я поѣду для развлеченія къ сквайру, если ты считаешь это нужнымъ. Поговорить съ нимъ четверть часа, вотъ и все. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь что ему непріятно было бы еслибы ты получилъ титулъ? Нѣтъ, нѣтъ. А спроси кого хочешь изъ моихъ пріятелей. Я приведу ему дюжину свидѣтелей которые подтвердятъ что дѣло это почти уже въ моихъ рукахъ. Неужели теперь опять въ одиннадцатый разъ я долженъ лишиться денегъ? Не говоря уже объ обязанности моей относительно тебя, я долженъ очистить имя моей матери.... Ты видѣлъ ея портретъ.... Какъ прелестна была эта женщина.... Это тебя не трогаетъ?

— Нѣтъ трогаетъ, позволилъ онъ мнѣ вставить слово.

— Потому что ты любишь своего папашку! Онъ пожалъ мнѣ обѣ руки. Мнѣ было жаль его, и въ то же время закрадывалось въ голову сомнѣніе, не актеръ ли это обольщаетъ меня. Я былъ недоволенъ, и не имѣлъ силы выразить мое неудовольствіе. Я былъ сбитъ съ толку, подавленъ. Я замѣчалъ что онъ искусно увертывается отъ моего протеста относительно принцессы, но въ то же время, я не могъ не сознаться что знаю аргументъ которымъ онъ будетъ оправдывать свой образъ дѣйствій и оправдывать неоспоримо. Я изъ робости не рѣшался возратиться къ этому предмету разговора. Словомъ, я сознательно поддался его обольстительнымъ, волнующимъ рѣчамъ, уступилъ увлекавшему меня теченію, и живя нѣсколько дней съ нимъ въ Лондонѣ, имѣлъ случай убѣдиться что не надо мною однимъ имѣетъ онъ такую власть. Допуская что деньги нужны ему для господства надъ обществомъ, и что никто не умѣетъ пользоваться ими такъ какъ онъ, отецъ отвѣчалъ на одно отчаянное замѣчаніе мое:

— Да вѣдь эти деньги я отдаю въ ростъ, помѣщаю лучше, чѣмъ твой дѣдушка. Я привелъ въ смущеніе правительство, продолжалъ онъ таинственнымъ шепотомъ.—Да, я могу утвердительно сказать что нахожусь въ сношеніяхъ съ его агентами. Меня подкупаютъ; дѣйствительно подкупаютъ, Ричи. Я получаю ежегодно субсидію. Все это дѣлается очень ловко. Однако я не даю имъ покоя. Беру что̀ даютъ, и не отказываюсь ни отъ единаго изъ моихъ правъ.

Дженета написала что пора бы мнѣ вернуться.

— Я готовъ, сказалъ мой отецъ.—Мнѣ сто́итъ встрѣтиться съ мистеромъ Белтамомъ, только непремѣнно въ комнатѣ, въ четырехъ стѣнахъ, чтобы склонить его на мою сторону. Если сквайръ будетъ насъ поддерживать, Ричи, мы завоюемъ міръ. Его богатство, мое праведное дѣло, твой знатный бракъ.... Кстати, объ этомъ положительно объявлено въ утреннихъ газетахъ.

Въ смущеніи я спросилъ о чемъ объявлено?

— Читай, сказалъ онъ.—Вотъ это можно будетъ вручить мистеру Белтаму при встрѣчѣ. Это вѣроятно пошло отъ одного изъ посольствъ. Все равно, вотъ оно!

Я прочелъ замѣтку, въ которой Оттилія называлась по имени, потомъ перечислялись ея титулы, далѣе слѣдовало мое имя, указаніе на предстоящее мнѣ богатое наслѣдство, и наконецъ, о ужасъ! доказательство что я не первый простой англійскій дворянинъ стяжавшій руку владѣтельной иностранной принцессы. Въ заключеніи перечислялись имена Англичанъ не знатнаго рода вѣнчавшихся съ принцессами: Гомфри, Чарльсъ, Вильямъ, Джонъ, и послѣдній, Гарри. Кончалось извѣстіемъ что свадьба отпразднуется прежде конца настоящаго сезона.

Я взглянулъ на отца, готовый вступить съ нимъ въ борьбу. Онъ весь сіялъ.

— Нельзя ли это остановить? спросилъ я умоляющимъ голосомъ.

Въ отвѣтъ онъ замахалъ руками, задвигалъ ртомъ и бровями, выражая полнѣйшую невозможность, не допускавшую никакихъ возраженій.

— Печатныхъ словъ нельзя остановить, Риччи, нашъ Джоріанъ сравниваетъ ихъ съ окрещенными младенцами. У нихъ уже есть душа. Превосходное замѣчаніе. Да и вотъ что̀, Риччи, можешь ли ты поклясться честностію твоего любящаго

сердца что эта замѣтка не доставляетъ тебѣ никакого удовольствія? Не можешь! воскликнулъ мой отецъ, видя что я начинаю маяться, и я почувствовалъ что дѣйствительно такая клятва была бы лжива. Но я могъ поклясться что согласился бы скорѣе провалиться на дно морское, чѣмъ показать эту замѣтку принцессѣ. Я перечелъ еще разъ. Это напечатано. Это похоже на дѣло. Это какъ будто осуществленіе моихъ грезъ. Но внутреннее чувство говорило мнѣ что все это мнѣ только грезится. Единственно что̀ могъ я сдѣлать, настоять на поѣздкѣ въ Риверсли какъ можно скорѣе, чтобы выяснить мое собственное положеніе. „Назначь часъ“, сказалъ мнѣ отецъ. Мы однако медлили.

Нѣсколько уяснилось мнѣ, какъ я думалъ, положеніе отца моего изъ одного разговора его за завтракомъ съ Джоріаномъ Де-Виттомъ, который принесъ мнѣ причудливо свернутую розовую записочку отъ Mademoiselle Шасдіанъ, и отдалъ съ видомъ собаки принужденной отступиться отъ кости, обнаруживая мнѣ большую холодность. Альфонсовы котлеты подверглись рѣзкой критикѣ.

— Полагаю, замѣтилъ капитанъ, — онъ зналъ что я приду?

— Я письменно сообщилъ ему объ этомъ вчера, сказалъ мой отецъ.—Но будьте справедливы къ нему, сознайтесь что онъ одинъ изъ немногихъ добросовѣстно исполняющихъ свои дневныя обязанности.

— Англійскій климатъ сбилъ съ толку дурака. Онъ столько кладетъ перцу въ свои блюда, какъ Индѣецъ, воспитанный на пряностяхъ.

— Позвоните чтобъ онъ пришелъ, Джоріанъ; только пожалуста не доводите его до отчаянія. Онъ оставляетъ для меня какое угодно мѣсто, и я привыкъ къ нему.

— Такъ, такъ, вы его балуете.

— Отецъ мой пожалъ плечами. — Дѣло-то въ томъ, другъ Джоріанъ, что желудокъ вашъ становится причудливъ.

— Никогда еще нёбо у меня не было чувствительнѣе, а слѣдовательно мой желудокъ въ исправности и знаетъ свое дѣло.

— Зачѣмъ вы не попробовали рыбы съ масломъ и каперсами?

— Лучше бы, по моему, повару вашему ограничиваться яичницей.

— Ужь не кашей ли?

— Нѣтъ, пусть меня повѣсятъ, если онъ въ состояніи изготовить кашу какъ слѣдуетъ.

— Это могъ бы сказать о себѣ и Каремъ.

— Съ тою только разницей, воскликнулъ Джоріанъ горячась, — что ему никогда бы въ голову не пришло подать одно изъ вашихъ варварскихъ кушаній. Скажу вамъ вотъ что, Рой, вы меня удивляете; до сихъ поръ я не замѣчалъ за вами такой безтактности чтобы защищать дурное блюдо за своимъ собственнымъ столомъ.

— Тѣмъ скорѣе можно простить меня, Джоріанъ.

— О! я вамъ прощаю, усмѣхнулся Джоріанъ,—завтракъ не важное дѣло.

Отецъ мой сталъ увѣрять его что поговоритъ серіозно съ Альфонсомъ, котораго оправдывалъ тѣмъ что онъ никогда не служилъ при госпиталѣ и поэтому, очень можетъ-быть, не достаточно принимаетъ въ соображеніе желудокъ и аппетитъ больныхъ.

Джоріанъ откинулъ назадъ голову, словно готовился пустить мѣткій сарказмъ, но вдругъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Гарри, такъ или иначе, отецъ вашъ долженъ жениться. Когда объ васъ говорятъ, тутъ-то самое время выбирать между богатыми и красивыми. Я отказываюсь служить долѣе грѣлкой; отказываюсь на отрѣзъ. Я говорю не изъ личныхъ соображеній; совѣтъ мой безкорыстный и дружескій. Говорю вамъ прямо, Рой, оставивъ въ сторонѣ глупую роль какую игралъ я на послѣднемъ балу въ Гильдголѣ, когда альдерменъ умчался, подобный лѣту, и оставилъ насъ изображать плодоносную осень.... говорю вамъ прямо, нельзя давать вѣчно висѣть ей на древѣ ожиданія. Оно сорвется.

— Такъ поймайте ее, Джоріанъ, вы насторожѣ.

— Триста тысячъ вѣрныхъ, Рой Ричмондъ!—Кто? Я? Я не искатель счастія.

— И я также, другъ Джоріанъ.

— Да, потому что вы не цѣльный человѣкъ. Вы провалитесь между двухъ стульевъ.

Отецъ мой замѣтилъ что взыщетъ за все это съ Альфонса.

— Вы упустили ту прелестную дѣвушку изъ Валлиса; а она была у васъ въ рукахъ. Безуміе! продолжалъ Джоріанъ.— Вы старѣетесь. Придетъ время когда вы станете скучны. Вы помните, первая леди Эдбери испортила вамъ дѣло, когда выборъ зависѣлъ отъ васъ. Теперь вы возитесь со второю.

Она порхающая бабочка, но вы бы могли привязать ее, если у ней не слишкомъ много долговъ. Ваша лѣсенка, полагаю, еще не спѣта. Только знаете, другъ Рой, въ жизни не надо откладывать полученія приза до тѣхъ поръ пока достигнешь пристани, говоря метафорически. Вы появляетесь приблизительно каждыя семь лѣтъ. Еще семилѣтіе, и женщины начнутъ задумываться. Нельзя пересилить времени, пріятель.

— Такъ значитъ, сказалъ мой отецъ,—я приближаюсь къ пристани, женщины начинаютъ задумываться, а время себѣ идетъ. Джоріанъ, въ мысляхъ вашихъ путаница. Я не женюсь.

— Такъ выслушайте же друга....

— Я не женюсь, Джоріанъ, и вы знаете почему.

— Чувства.

— Они составляютъ часть моей жизни.

— Такъ я и говорю: вы человѣкъ не цѣльный. Вы одарены безмѣрно и способностями и смѣлостью, и предназначены на неудачу, потому что едва весь Ковентъ-Гарденъ въ вашемъ распоряженіи въ четвертый или въ пятый разъ, какъ вы опускаете руки въ карманы и говорите: „Нѣтъ, одного яблока я не могу достать, а изъ этихъ я не хочу никакого. Да и яблоко-то то должно-быть уже порядочно перезрѣло. И вы знаете очень хорошо, въ васъ вѣдь есть здравый смыслъ, если встряхнуть васъ, что въ вашемъ положеніи безуміе не пользоваться представляющимся случаемъ. Вамъ нечего объяснять что̀ значатъ деньги. Съ деньгами и съ женой которая бы ими распоряжалась, вы вполнѣ тотъ человѣкъ какимъ вы желаете считаться. Безъ нихъ, Гарри извинитъ меня, вы какая-то былинка покачивающаяся то сюда, то туда, увядающая и никому не пригодная. О, чортъ возьми! добавилъ Джоріанъ,—объ этомъ непріятно думать.

Отецъ мой отвѣчалъ:

— Гарри конечно извинитъ что вы изъ дружескаго чувства говорите о такихъ вопросахъ, весьма близко насъ касающихся, которыхъ мы еще не нашли удобнымъ съ нимъ обсудить. И будьте увѣрены, Джоріанъ, я дамъ Альфонсу пріемъ лѣкарства. Я совершенно съ вами согласенъ что лучшіе изъ поваровъ иногда въ этомъ нуждаются. А теперь Гарри сообщитъ намъ приказанія M-lle Шасдіаны.

Содержаніе письма позволяло мнѣ прочесть его въ слухъ. Она желала знать какъ будутъ забавлять ее въ воскресенье.

— Мы это устроимъ, сказалъ мой отецъ.—Я вамъ поручаю

распоряженія, Джоріанъ. Уважайте предразсудки и избѣгайте столкновеній, вотъ и все.

Капитанъ Де-Виттъ мало-по-малу развеселился когда розовая бумажка сдѣлалась общимъ достояніемъ, и изъ серіознаго наставляющаго друга сдѣлался опять пріятнымъ, податливымъ собесѣдникомъ. Я былъ благодаренъ ему за открытыя имъ мнѣ новыя точки зрѣнія. Конечно, отцу моему недурно было бы взять богатую жену, которая бы присматривала за нимъ.

По моему желанію, мы предъ поѣздкой въ Риверсли имѣли совѣщаніе съ Деттерменомъ и Ньюсономъ, въ присутствіи Гемпля и Джоріана Де-Витта. Странные документы разсматривались и сличались съ однимъ королевскимъ декретомъ: свидѣтельства людей уже умершихъ; обручальное кольцо; вѣера, кружева, платки съ ясными еще вензелями; золотыя вещи съ надписью „божественной Анастасіи“ и далѣе собственное имя; старыя пожелтѣлыя письма, исполненныя клятвъ въ вѣрности.

— Вотъ, сказалъ Джоріанъ, поднимая одинъ изъ ветхихъ клочковъ бумаги,—вы видите предъ собою мумію любви.

То была развѣ любовь мясника къ овцѣ. Разказъ сестры Анастасіи, подписанный и скрѣпленный печатью, излагалъ простымъ языкомъ событія которыя ее убили. Она упоминала о брачномъ свидѣтельствѣ, завѣряла клятвенно что очевидцы были подкуплены; называла въ точности домъ въ которомъ совершился обрядъ вѣнчанія, и опредѣляла день въ который прелестная миссъ Арметъ, послѣ исполненія роли Цамиры, была похищена у дверей театра сумашедшимъ лордомъ Бомари.

— Я знаю что есть еще въ живыхъ свидѣтели, мистеръ Темпль, сказалъ отецъ, видя что молодой юристъ задумчиво молчитъ.—Одинъ изъ нихъ у меня подъ рукой. Я кормлю его. Вотъ послушайте.

Онъ прочелъ двѣ, три нестерпимыхъ фразы изъ любовныхъ писемъ, и голосъ его оборвался. Одинъ изъ членовъ фирмы отвелъ меня въ сторону, чтобы показать мнѣ документъ которымъ я обезпечивалъ своимъ поручительствомъ расходы дѣлопроизводства. Я подписалъ эту бумагу. Мы съ Темплемъ вышли изъ конторы, убѣжденные что видѣли тѣнь чего-то.

ГЛАВА XL.

Встрѣча отца моего съ дѣдомъ.

Моему отцу угодно было въ день поѣздки нашей въ Белстедъ вывезти меня изъ Лондона въ большой открытой коляскѣ, въ которой онъ объѣхалъ модные кварталы, привлекая вниманіе очень многихъ. Я предпочелъ бы отправиться, какъ всѣ люди, незамѣченнымъ, и однако не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго чувства радости, видя какъ его привычки и притязанія соотвѣтствуютъ его наружности, идутъ къ нему. Онъ сумѣлъ какою-то простотой обращенія и рѣчей удалить отъ меня мысль что онъ играетъ въ опасную игру; хотя я это и зналъ, и самъ онъ не разъ въ этомъ сознавался, въ немъ была какая-то самоувѣренность которая все-таки до нѣкоторой степени меня успокоивала. Я все-таки чувствовалъ себя связаннымъ съ его судьбой. Еслибы духъ убитаго Гектора парилъ надъ его тѣломъ въ то время какъ воспаленный гнѣвомъ Пелидъ мчалъ его за своею колесницей вокругъ Трои, онъ вѣроятно ощущалъ бы, отрезвленный Эребомъ, почти то же что̀ я въ то время лихорадочной суетни которое отецъ мой называлъ своимъ большимъ парадомъ. Я былъ какъ очарованъ, и воспретивъ дальнѣйшее упоминаніе моего имени или имени принцессы въ печати, ни въ чемъ болѣе ему не противился. Да и не легко было бы ему противиться.

Мы остановились на одной станціи на полдорогѣ отъ Белстеда и застали тамъ Цыганку Кіоми. Она несла узелъ и со свирѣпымъ видомъ покупала билетъ на желѣзную дорогу не въ томъ направленіи въ которомъ мы ѣхали. Она дала мнѣ странный отвѣтъ что не можетъ сказать гдѣ ея таборъ и куда она ѣдетъ одна по желѣзной дорогѣ. Я случайно упомянулъ о Геріотѣ. Глаза ея блеснули молніей. „Онъ не будетъ въ Белстедѣ“, сказала она, какъ будто это что-нибудь значило. Я сообщилъ ей что мы приглашены въ Белстедъ. „О, она дома“, подмигнула мнѣ Кіоми, и все лицо ея заиграло. Слова эти прямо отвѣчали на мою мысль. Мнѣ пришло въ голову не случилось ли чего съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ друзей. Отецъ мой попросилъ ее погадать ему въ отдаленномъ углу станціи. Онъ придумалъ это средство чтобы дать

ей денегъ на дорогу. Когда уѣхала она на нашихъ глазахъ, онъ заговорилъ о ней, и сказалъ что чувствуетъ опасенія, но не опредѣлилъ какія именно. Я видѣлъ что она находится въ одномъ изъ своихъ бѣшеныхъ настроеній. Лицо этой дѣвушки обладало силой заставить меня забыть прекрасныхъ женщинъ и затемнить во мнѣ понятіе о женской красотѣ.

Случилось такъ что сквайръ встрѣтился съ нами на углу сосновой рощи въ долинѣ, въ концѣ которой, на возвышеніи за березовымъ лѣскомъ, лежалъ Белстедъ. Онъ былъ верхомъ и крикнулъ сипло капитанову кучеру, который везъ насъ, остановиться.

— Слушай, Гарри! воскликнулъ онъ мнѣ тѣмъ же грубымъ голосомъ. — Я не вижу зачѣмъ намъ безпокоить капитана Вильяма. Рѣчь идетъ о дѣлѣ, а не объ удовольствіи. Книжка у меня въ карманѣ. Спроси не угодно ли войти въ домъ моего управляющаго, здѣсь рядомъ. Въ десять минутъ я узнаю все что̀ мнѣ нужно. Мнѣ хочется съ этимъ покончить. Спроси....

Отецъ мой всталъ и поклонился снявъ шляпу.

Дѣдъ мой тронулъ шляпу рукой и кивнулъ головой.

— Мистеръ Белтамъ, надѣюсь что вы чувствуете себя хорошо.

— Я буду чувствовать себя лучше когда покончу дьявольски непріятное дѣло.

— Я предлагаю вамъ мое посильное содѣйствіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ вылѣзьте и войдите къ моему управляющему.

— Иду.

Отецъ мой вышелъ изъ экипажа. Сквайръ перебросилъ черезъ сѣдло свою страдающую подагрой ногу, чтобы сойти съ лошади, но не успѣлъ избѣгнуть помощи и изъявленій сострадавія моего отца.

— Подагра, мистеръ Белтамъ, не совсѣмъ пріятное намъ доказательство длиннаго ряда предковъ.

Отецъ поднялъ руки чтобы помочь сквайру, а тотъ свирѣпо глядѣлъ черезъ плечо, не желая прикоснуться къ протянутой ненавистной рукѣ, и слишкомъ мучимый болью чтобъ обойтись безъ нея. Онъ похожъ былъ на преступника захваченнаго врасплохъ. Я слышалъ какъ онъ бормоталъ: „Что̀ за проклятую чушь.... несетъ...“ Одна нога его была въ стремени, другая касалась земли, непріятель подступалъ къ нему, онъ

какъ будто готовъ былъ опять сѣсть въ сѣдло. Я подоспѣлъ къ нему на выручку. „Чортъ возьми!... А! Это ты!“ сказалъ онъ.

Сквайръ приказалъ своему груму Уберли проводить лошадь взадъ и впередъ предъ дверью Тома Экерти, а мнѣ оставаться тутъ на мѣстѣ, и затѣмъ заковылялъ къ дому. Отецъ мой шелъ не слѣша за нимъ. Дверь отворилась. Отецъ пропустилъ старика впередъ съ поклономъ и жестомъ не допускавшимъ противорѣчія, и дверь затворилась за ними. Я замѣтилъ что Уберли странно кривитъ ротъ и прищуриваетъ глаза, указывая пальцемъ на домъ, съ цѣлью сообщить мысли свои капитанову кучеру Самуилу, и совершенно согласился съ нимъ что свиданіе это смѣшно и едва ли поведетъ къ чему-нибудь. Я подумалъ о принцессѣ и о томъ что мои надежды зависятъ отъ подобной встрѣчи. Съ того часа какъ вступилъ я на песчаное взморье материка Европы, до того какъ я оставилъ его, я какъ будто объятъ былъ сномъ. Я протягивалъ руку къ высшимъ благамъ земли, а вотъ теперь денежный вопросъ подрѣзываетъ мечты мои какъ острое лезвіе косы.

Дверь не отворялась. Поляны темнѣли. Я услышалъ шумъ колесъ, и вслѣдъ затѣмъ знакомый голосъ, голосъ Дженеты, произнесъ:

— Это должно-быть Гарри. — Она правила сидя въ экипажѣ съ тетушкой Дороти. Обѣ онѣ притихли, услышавъ что происходитъ многознаменательное состязаніе, Дженета прежде всего подумала о сквайрѣ.

— Я не хочу чтобъ онъ ѣхалъ домой верхомъ ночью, сказала она, и отослала Уберли съ лошадью. Послѣ дамскаго спора Дженета наконецъ согласилась чтобы тетушка пошла пѣшкомъ со мною; я велѣлъ Самуилу ѣхать впередъ въ Белстедъ и сказать что мы идемъ за нимъ слѣдомъ. Дженета кивкомъ изъявила согласіе указать отцу моему гдѣ онъ можетъ найти меня на дорогѣ изъ Риверсли. Мы съ тетушкой Дороти тихонько пошли впередъ. По ея желанію я свернулъ на тропинку чтобы не нагналъ насъ экипажъ Дженеты, и когда она, весело болтая со сквайромъ, проѣхала, мы повернули назадъ, чтобы встрѣтиться съ отцомъ моимъ. Онъ онѣмѣлъ, увидавъ Дороти Белтамъ. По его убѣдительной просьбѣ, она согласилась увидѣться съ нимъ на слѣдующій день. Отчетъ его о результатѣ свиданія его со сквайромъ былъ непонятенъ ей, также какъ и мнѣ. Даже послѣ того какъ мы оставили ее у

воротъ парка, я не могъ добиться отъ него ничего опредѣленнаго, онъ говорилъ только что все идетъ хорошо и что сквайръ необыкновенно практиченъ, онъ былъ однако очень доволенъ собою.—Да, говорилъ онъ, все устроилось отлично, принимая конечно въ соображеніе ограниченный умъ съ которымъ мы имѣемъ дѣло. Потомъ, чтобы перемѣнить разговоръ, онъ сталъ распространяться о странной исторіи того человѣка который безчисленное множество лѣтъ тому назадъ, въ одну ночь менѣе холодную чѣмъ нынѣшняя, хотя время было зимнее, несъ своего маленькаго сына по этой же самой дорогѣ, среди холмовъ и лощинъ, мимо виднѣющейся тамъ подлѣ сосенъ воды. Предъ отходомъ ко сну онъ клялся что насколько возможно удовлетворилъ сквайра.—Вполнѣ удовлетворилъ его, говорилъ онъ, чтобъ я спалъ спокойно, увѣряю тебя, Ричи, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.—Онъ тотчасъ же плѣнилъ Джулію и заслужилъ глубокое сочувствіе капитана Белстеда.—Теперь я узнала человѣка котораго всегда обожала, когда вы еще были мальчикомъ, Ричи, говорила она. — Мужъ твой вполнѣ одобряетъ твой вкусъ, другъ мой, вздохнулъ капитанъ Белстедъ. Они ухаживали за нимъ, и въ ихъ обществѣ я опять поддался довѣрчивости, пока не увидалъ тетушку Дороти на другой день послѣ свиданія ея съ моимъ отцомъ. Глубокое уваженіе его къ ней не позволило ему отвѣчать лживо на ея вопросы. Тутъ онъ говорилъ правду. Оказалось что тѣснимый сквайромъ, который не допускалъ остроумія и блестящихъ выходокъ въ дѣловомъ вопросѣ и „ограниченный умъ“ котораго злился на безумные расходы сдѣланные будто бы съ цѣлью завладѣть принцессой, отецъ мой прибѣгнулъ къ вымыслу что многіе чеки означаютъ лишь суммы занятыя имъ у меня, которыя онъ готовъ заплатить, и можетъ, если сквайръ требуетъ, заплатить сейчасъ же, ибо деньги эти не истрачены, онѣ помѣщены въ предпріятія весьма выгодныя, изъ которыхъ можетъ-быть не слѣдовало бы вынимать ихъ раньше извѣстнаго срока, но если мистеръ Белтамъ отъ имени своего внука и наслѣдника этого требуетъ, то желаніе его будетъ исполнено. Деньги эти были заняты единственно съ цѣлію помѣстить ихъ выгодно для меня, порукой въ этомъ слово благороднаго человѣка.

Сквайръ сурово далъ отцу мѣсяца два сроку.

Дороти Белтамъ пробыла съ отцомъ моимъ около часу на фермѣ Экерти. Она дала ему поцѣловать свою руку, когда

онъ прощался съ ней, но отвернула лицо. Онъ былъ видимо огорченъ, едва владѣлъ своимъ голосомъ, просилъ чтобъ я поскорѣе къ нему пріѣхалъ, и поклонившись съ словами: „Да благословитъ васъ Богъ, сударыня, единственный другъ мой на землѣ“, ушелъ нетвердымъ шагомъ. Грустный видъ не къ лицу былъ ему; невольно приломинались его недостатки когда онъ являлся унылымъ. Такъ было со мною, но не съ тетушкой, которая жалѣла его, какъ ни осуждала она его расточительность и уловки къ которымъ она заставляла его прибѣгать. Тетушка опасалась что отсрочка которой добился отецъ не устранитъ затрудненія, а только увеличитъ его въ умѣ сквайра, и думала что напрасно мы свели ихъ, что это мѣра опасная для моей будущности, ибо если деньги не явятся въ назначенный срокъ, за всѣ провинности отца придется отвѣчать мнѣ, какъ его сообщнику, и въ тратахъ и въ придуманныхъ послѣ отговоркахъ. Я приломнилъ что деньги дѣйствительно были положены въ угольныя копи принца Эрнста.

— Дай Богъ чтобы все кончилось благополучно, говорила тетушка.

Идя вверхъ по полянѣ, мы оглянулись на длинную желтѣющую дорогу, гдѣ виднѣлся экипажъ увозящій на станцію отца моего, и заговорили о проявляющихся въ судьбѣ его трагическихъ началахъ, которыя я тогда всѣми силами старался устранить изъ жизни. Я вѣрилъ въ личную свободу, но страданіе побуждало не возлагать на него слишкомъ строгой отвѣтственности, какъ на человѣка сдѣлавшагося при рожденіи жертвой несправедливости и имѣющаго право жаловаться на жестокость судьбы. Тетушка Дороти совѣтовала мнѣ взять его подъ мой присмотръ, продать домъ и мебель и поселить его на холостой квартирѣ съ его надежною экономкой и однимъ только слугой.

— И на это ему нужны будутъ деньги, замѣтилъ я.

Она прошептала:

— Ему, кажется, выдается извѣстный годовой доходъ.

Чувство деликатности заставило ее покраснѣть, вдаваясь въ такія подробности его частной жизни. Мнѣ нравилось въ ней это чувство.

— Доходъ небольшой, сказалъ я.

Эта жалкая попытка поправить оказанную ему несправедливость ничтожною ежегодною подачкой сердила меня. Я

припоминалъ съ досадой безразсудныя надежды которыя онъ основывалъ на этомъ неясномъ признаніи его правъ.

— Не будемъ говорить объ этомъ, продолжалъ я. — Лучше бы ему вовсе не брать этого дохода. Я наложу на него запретъ.

— Ты не запретишь ему платить этими деньгами долги, Гарри.

— Можетъ-быть онъ входитъ въ болѣе тяжкій долгъ, принимая эти деньги, тетушка.

— Желательно чтобъ онъ никогда не нуждался въ нихъ.

— Да, или не старался бы отыскать ихъ источниковъ.

— Старанія эти были бы напрасны, замѣтила она.

Я не то разумѣлъ, но не счелъ нужнымъ объяснять ей.

ГЛАВА XLI.

Начало блеска и хлопотъ отцовскаго большаго парада.

Дженета, въ отвѣтъ на наши разспросы о настроеніи духа сквайра, указала въ газетахъ объявленіе о большомъ публичномъ балѣ который предполагаетъ дать мой отецъ и за которымъ должны послѣдовать еще два другихъ, и сказала что, увидѣвъ это объявленіе, сквайръ пожалъ плечами. Она думала что опасаться особенно нечего, даже еслибъ отецъ мой не сдержалъ своего слова, но считала положительною ошибкой ставить его между мною и сквайромъ и порицала капитана Белстеда. Можетъ-быть порицала она его за то что онъ и жена его, очарованные моимъ отцомъ, не могли воздержаться чтобы не пѣть похвалъ ему за столомъ сквайра, и намъ стоило большихъ трудовъ предупредить вспышку которую могли бы произвести эти неумѣренныя похвалы. Белстеды сообщили сквайру что они приглашены на большіе лондонскіе балы и намѣрены ѣхать.

— Балы по подпискѣ? спросилъ сквайръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ капитанъ.

— Такъ значитъ мѣщанскіе балы, что ли?

— Нѣтъ-съ, это балы даваемые извѣстнымъ въ обществѣ джентльменомъ.

— Это то же самое что̀ мѣщанскіе балы.

— Я на мѣщанскіе балы не ѣзжу.

— То-то, остерегитесь, Вильямъ.

Капитанъ очень разсердился.

— Что это значитъ, сказалъ онъ, обращаясь къ намъ, — что это значитъ что сквайръ говоритъ офицеру королевскаго флота что онъ возитъ жену свою на мѣщанскіе балы?

Джулія грозила местью за обиду. У нея со сквайромъ завязался споръ о значеніи слова джентльменъ. Объясняя это слово, она описывала наружность и пріемы отца моего. „Вы послушайте меня, сквайръ. Джентльменъ, говорю я, тотъ про котораго вы бы сказали что если онъ не родился герцогомъ, то ему слѣдовало родиться. Онъ въ одно мгновеніе ока отмыкаетъ себѣ сердце женщины. Мелочность чужда ему; онъ готовъ отдать все что у него есть. Онъ вѣрный другъ; если онъ не держитъ своего слова, вы видите тотчасъ же что это вина обстоятельствъ. Ростомъ онъ въ двѣнадцать вершковъ, молодецъ собою“ и т. д.

Сквайръ злился слыша какъ превозносится ненавистный ему человѣкъ въ недоступной области отвлеченностей. Джулія могла бы говорить изящнѣе, но мужъ ея приходилъ въ восторгъ отъ ея умѣнья рисовать портреты и прибавилъ:

— Да, вотъ что такое джентльменъ, сквайръ. И такой человѣкъ можетъ быть увѣренъ что полсвѣта будетъ бранить его.

— Три четверти, Вильямъ, отвѣчалъ сквайръ. — То-есть, другими словами, всѣ кредиторы вашего джентльмена.

— Что жь такое, отозвался капитанъ, неумѣвшій фехтовать на удачу,—все это вознаграждается личными достоинствами.

— Конечно, Вильямъ, конечно, возразилъ сквайръ,—и этими достоинствами вы будете плѣняться пока будете плясать подъ его дудку.

Капитанъ Белстедъ поклонился.

— Вамъ послѣднее слово, сквайръ.

Сквайръ кивнулъ головой.

— Я передамъ его женѣ вашей, Вильямъ.

Джулія откликнулась любезно:

— Совершенный джентльменъ! Безукоризненный! Да посрамятся враги его!

— Вы сильно выражаетесь, сударыня! проворчалъ сквайръ.

— Ахъ, Боже мой! развѣ вы не знаете народнаго припѣва? сказала она.

— Какой тутъ народный припѣвъ! Медоточивый негодяй.... самъ онъ посрамится!

— А, позвольте, гдѣ же мое послѣднее слово? Джулія вскочила съ мѣста и насмѣшливо присѣла.

— Глупенькій вы дѣдушка, сказала Дженета, подходя къ нему,—развѣ вы не видите что эта хитрая женщина хочетъ нарядить васъ въ свое платье и похвастаться этимъ предъ нами, пока вы доливаете вино свое.

Старикъ сталъ ласкать ее. И мнѣ хотѣлось ее приласкать, такъ кротко и мило наклонилась она къ нему.

— Одно мое утѣшеніе что вы не ѣдете на эти шутовскіе балы, другъ мой, сказалъ онъ.

— Я не приглашена! вздохнула она комично.

— Да, и не будете приглашены пока я въ силахъ предохранить васъ отъ дурнаго общества.

— Но, дѣдушка, я люблю танцовать.

— Танцуйте сколько угодно вамъ, душа моя, я вамъ не мѣшаю.

— Но гдѣ жъ музыка-то?

— За музыкой дѣло не станетъ.

— А гдѣ кавалеры?

Сквайръ указалъ на меня.

— Вамъ вѣдь одного довольно, я думаю? и тутъ же поправился:—Нѣтъ, этотъ малый завербованъ въ другую кадриль. Попомните мое слово, миссъ Дженета, онъ еще будетъ плясать подъ вашу дудочку. Ты слышишь? Раздраженіе возбужденное капитаномъ Белстедомъ разразилось:—Кто это такое плясалъ пока Римъ горѣлъ?

— Императоръ Неронъ, сказала Дженета.—Онъ убилъ пріятеля Гарри Сенеку, году на восьмидесятомъ жизни и.... ну, полноте же, дѣдушка.

— Слушай, мистеръ Гарри, танцуй сколько можешь въ городѣ со всѣмъ своимъ сбродомъ, пока горитъ огонь. Пройдетъ охота плясать какъ останется одна зола. Хорошъ императоръ былъ Неронъ на слѣдующее утро. Клянусь Богомъ, ты еще будешь стоять на колѣняхъ предъ дѣвушкой которая въ пятьсотъ разъ лучше всѣхъ барынь танцующихъ съ тобой пока есть у тебя чѣмъ заплатить музыканту.

Дженета зажала ему ротъ, поцѣловала его, подала ему вино. Онъ выпилъ и ударилъ кулакомъ по столу.

— У насъ и здѣсь будутъ праздники! Дѣвочка моя будетъ выбирать себѣ кавалеровъ какихъ ей угодно. Я не допущу чтобы молодой повѣса держалъ ее въ тѣни. Возьми шесте-

рыхъ своихъ сверстниковъ, да шестерыхъ людей разсудительныхъ, ей Богу вся дюжина заткнетъ тебя за поясъ. Женщины на твоей сторонѣ только изъ-за твоей бодрой наружности.

Дженета воскликнула съ негодованіемъ:

— Дѣдушка, вы меня оскорбляете! и вышла величавымъ шагомъ.

— Что жь дѣлать, если женщины на его сторонѣ, сказалъ капитанъ Вильямъ кротко.

— Онъ будетъ плясать пока банкиръ ему позволитъ, такъ же какъ и вашъ джентльменъ, Вильямъ. Да вотъ мы скоро увидимъ.

— Предоставляю вамъ говорить обо мнѣ что угодно, сказалъ я вставая.—Еслибы вы заблагоразсудили бранить меня наединѣ, мнѣ бы это было пріятнѣе, ради вашихъ гостей; но я обязанъ покоряться вашему усмотрѣнію, и во всякомъ случаѣ помню что вы, кажется, забываете что вы мнѣ дѣдъ.

Сказавъ это я вышелъ вслѣдъ за дамами. Слова мои были не совсѣмъ умѣстны, и произнесъ я ихъ, какъ замѣтилъ мнѣ потомъ капитанъ Белстедъ, тономъ моего отца. Вслѣдствіе чего сквайръ объявилъ что видитъ во мнѣ весьма мало Белтамовскаго. Всего лучше было бы спросить его тутъ же согласенъ ли онъ чтобъ я ѣхалъ въ Германію. Но я былъ смущенъ и тревожимъ опасеніями. Я бы не поѣхалъ. Я не могъ явиться къ Оттиліи не пріобрѣтя другаго званія кромѣ наслѣдника великихъ богатствъ.

Дженета отъ меня удалялась. Мнѣ очень хотѣлось утѣшить ее; не столько можетъ-быть утѣшить сколько излить мои собственныя страданія въ ея ухо, очень между прочимъ хорошенькое. Мы танцовали вмѣстѣ на балу данномъ въ Риверсли сквайромъ въ одинъ день съ баломъ отца моего въ Лондонѣ. Дженета хвалила меня за благоразуміе.

— Теперь все идетъ хорошо, говорила она, — дѣдушкѣ хочется только видѣть насъ въ ладу другъ съ другомъ, и удостовѣриться что мнѣ не оказывается пренебреженія.

Старикъ, жертвуя собою для своей любимицы, выдерживалъ всѣ ужасы бала вплоть до ужина и не сводилъ глазъ съ насъ двоихъ. Онъ какъ будто совсѣмъ забылъ мою помолвку съ иностранкой, хотя сэръ-Родрикъ и ледп Ильчестеръ и другіе говорили что объ ней уже объявлено въ газетахъ.

— Какъ тебѣ это нравится? сказалъ мнѣ сквайръ, глядя какъ одинъ изъ молодыхъ Робреевъ умчалъ Дженету.

— Ей какъ будто нравится, отвѣчалъ я.

— Нравится! повторилъ онъ. — Въ мое время я бы не позволилъ всякому встрѣчному вертѣться такъ съ дѣвушкой къ которой я неравнодушенъ. Смотри на нихъ. Каковъ у нея станъ! Она сильна, она здорова. Если ты хочешь жену которая бы глядѣла принцессой....

Похвалы его не были не заслужены. Но она танцовала такъ же развязно и весело съ Фредомъ Робреемъ, какъ и съ Гарри Ричмондомъ. Я радовался ея равнодушію. Въ послѣдствіи въ Лондонѣ, когда M-lle Шасдіанъ вызывала меня на опасныя сарабанды, я желалъ чтобы Дженета обнаружила ко мнѣ хотя слабое чувство, которое послужило бы мнѣ предохранительнымъ средствомъ. Оттилія сіяла вдали; она не присылала мнѣ вѣсти; образъ ея не становился между мной и соблазномъ. Всѣ понятія мои о превосходствѣ моей натуры какъ будто рушились, и начиная съ отчаяніемъ чувствовать себя такимъ же какъ всѣ люди, я мало-по-малу терялъ сознаніе правъ своихъ на нее. Мнѣ пришло въ голову что всѣ опасенія мои относительно впечатлѣнія произведеннаго на Оттилію послѣднею сценой въ лѣтнемъ дворцѣ должны быть справедливы, и я лишился надежды. Темпль находилъ что она слишкомъ жестоко испытываетъ меня. При такихъ обстоятельствахъ я все менѣе и менѣе чувствовалъ наклонности возобновить борьбу съ отцомъ по поводу его расточительной жизни. „Пусть жизнь эта продолжается пока есть у меня возможность его поддерживать!“ восклицалъ я. Онъ говорилъ что Детерменъ и Ньюсонъ двигаютъ теперь его дѣла со всевозможною поспѣшностію, чтобы не отставать отъ него, но что успѣхъ этого дѣла зависитъ прежде всего отъ роли какую будетъ онъ играть въ обществѣ. Онъ вручилъ мнѣ свою банкирскую книжку, говоря что предпочитаетъ получать деньги отъ сына, и я въ тогдашнемъ настроеніи своемъ счелъ это достаточнымъ обезпеченіемъ.

— Да вѣдь вы можете взять все сколько тамъ есть, сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — я намѣренъ принимать только ничтожныя суммы, мелочь, такъ-сказать, хотя, признаюсь, я рѣшительно не умѣю считать серебро.

Я спросилъ его гдѣ предполагаетъ онъ найти источники для покрытія своихъ расходовъ.

— На улицахъ Лондона, отвѣчалъ онъ.—Заплативъ кое-гдѣ, я подмазалъ колеса и теперь они будутъ катиться сами собой. У меня хватитъ кредиту на три года, а этого времени довольно съ избыткомъ чтобы разыграть сраженіе и одержать побѣду. Мои поставщики не такіе какъ у другихъ, продолжалъ онъ со страннымъ выраженіемъ удовольствія, — они вѣрятъ въ меня. Я въ дѣйствительности связалъ ихъ съ своею судьбой, и если ты сомнѣваешься въ моемъ успѣхѣ, спроси Детермена и Ньюсона. Я желаю только одного: поддержать положеніе мое въ обществѣ чтобы выдвинуть впередъ мое дѣло. Это я долженъ сдѣлать. Неудачи мои до сихъ поръ происходили единственно отъ того что не было подлѣ меня сына.

— Стало-быть все-таки вамъ нужны деньги?

— Да, деньги.

— Такъ почему же не берете вы моихъ?

— Я допускаю ихъ необходимость, сынъ мой. Положимъ, ты вручишь мнѣ на первое время тысячу фунтовъ. Мы съ тобою нашимъ соединеннымъ кредитомъ можемъ возмѣстить ее до истеченія двухъ мѣсяцевъ. Или можетъ-быть,—онъ задумался,—лучше было бы дать векселькакому-нибудь ростовщику и оставить счетъ твой у банкира не тронутымъ. Дѣло въ томъ что въ разговорѣ со сквайромъ я имѣлъ въ виду успѣхъ, на который я въ правѣ разчитывать, и не могу допустить чтобы старикъ подумалъ что я сокращаю свои расходы съ цѣлію увеличить твой капиталъ. Это было бы безуміе. Этого сдѣлать нельзя. Я не въ состояніи этого сдѣлать. Если лошадь несетъ тебя, Ричи, ты долженъ править ею; ты не можешь бросить поводій. Не далѣе какъ вчера, Веддерборнъ, не помню по какому поводу, сравнилъ подобное положеніе съ положеніемъ корабля около отмели. Ты пропалъ, если не распустишь на вѣтеръ всѣ паруса. Сокращеніе расходовъ въ настоящую минуту была бы гибель. Сочти барыши наши, Ричи. Мы завладѣли принцессой....

Я просилъ его не упоминать о ней. Онъ продолжалъ:

— Подожди. Она наша. Имѣй терпѣніе одну минуту и позволь мнѣ посовѣтовать тебѣ тотчасъ же написать принцу Эрнсту, формально прося руки его дочери и назначая ей приданое отъ имени дѣда твоего въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ дохода.

— Да вы забываете! воскликнулъ я.

— Нѣтъ, Ричи, я не забываю что ты не далеко отъ мели. Ты сидишь верхомъ на лошади съ норовомъ, которую непрерывно дразнитъ неотвязчивый оводъ. Положеніе наше щекотливое и внушаетъ изобрѣтательность и смѣлость.

— Вы очевидно забываете что при настоящемъ настроеніи сквайра я просто солгалъ бы, написавъ принцу что онъ предлагаетъ приданое.

— Нѣтъ, такъ какъ вѣдь дѣдъ твой далъ согласіе.

— Вы знаете что онъ на дѣлѣ взялъ его назадъ.

— А если я удостовѣрю его что ты не былъ расточителенъ.

— Надо подождать пока онъ въ этомъ удостовѣрится.

— Это дѣло сдѣланное, Ричи. Я вижу ясно будущее, это кончено. Что бы ни случилось со мною, ты, мой сынъ, въ теченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ можешь захватить состояніе. Кромѣ того, вотъ моя рука. Клянусь тебѣ что я удовлетворю сквайра. Я иду далѣе, я утверждаю что буду имѣть возможность возвратить тебѣ твои деньги. Свадьба твоя назначена въ газетахъ лѣтомъ, положимъ въ началѣ іюня. Я ручаюсь что ты, супругъ принцессы, будешь первымъ лицомъ общества въ Англіи, то-есть въ Европѣ... Не стоять во главѣ кружка, не ослѣплять свѣтъ праздниками... Этому, прибавилъ онъ тономъ искренности,—я не приписываю большаго значенія, хотя не дурно по-моему быть законодателемъ свѣта, образцомъ изящества. Но я знаю твой вкусъ, Ричи, и ея также. Она станетъ во главѣ интеллигенціи: поэтовъ, художниковъ, ученыхъ. Они придаютъ прекрасной властительницѣ пожалуй еще больше блеска чѣмъ аристократія. Но ты будешь также и вождемъ аристократіи, и центромъ политическаго міра. Вотъ что я задумалъ. Дворъ не въ состояніи будетъ тягаться съ тобою. Вотъ моя цѣль. Цѣль поистинѣ достойная и, увѣряю тебя, достижимая.

Онъ довелъ себя до одного изъ своихъ припадковъ краснорѣчія, кончавшихся обыкновенно банкирскимъ чекомъ. Убѣдительность словъ его, поддерживаемая общественными дарованіями, продолжала дѣйствовать на меня, и я протестовалъ только внутренно, хотя зналъ хорошо что онъ постоянно ставитъ на карту свою будущность. Я писалъ много чековъ и все мнѣ казалось что этими деньгами едва покрываются его текущіе домашніе расходы. Мы съ Темплемъ разочли что его большой парадъ истощилъ бы доходъ герцога, и никакъ не можетъ продолжаться долѣе нѣсколькихъ мѣся-

цевъ. Слухи объ этомъ доходили до Риверсли съ разныхъ сторонъ: отъ леди Маріи Гиджинсонъ, отъ капитана Белстеда съ женой и отъ сэръ-Родрика Ильчестера, который сказалъ мнѣ съ пріятною выразительностію: „Я встрѣчался съ вашимъ отцомъ.—Сэръ-Родрикъ, человѣкъ извѣстный своею благовоспитаностію, сообщилъ сыну что встрѣчался съ отцомъ его въ высшемъ обществѣ: у графини Седли, у леди Дольчестеръ, у Брамгамъ Девита, и слышалъ про него что онъ часто бываетъ на вечерахъ австрійскаго и прусскаго посольства и имѣетъ доступъ къ маленькимъ обѣдамъ графини де-Стродъ, на которыхъ собирается, прибавлялъ сэръ-Родрикъ тономъ одобрительнаго удивленія, лишь тѣсный кружокъ избранныхъ, цвѣтъ нашего общества.“ Сквайръ слушалъ, словно выдерживалъ градъ, дожидаясь развязки въ концѣ двухъ мѣсяцевъ. Я заслужилъ его похвалу тѣмъ что избѣгалъ столичныхъ баловъ, да и отецъ мой не настаивалъ чтобъ я посѣщалъ ихъ. Между нами установилось соглашеніе что я буду отъ времени до времени являться за его столомъ и проходить съ поклономъ среди его знатныхъ пріятельницъ. Такъ я и дѣлалъ, и чувствовалъ себя дома въ средѣ ихъ, хотя мнѣ приходилось выдерживать отъ двухъ-трехъ изъ болѣе пожилыхъ, почтенныхъ дамъ рѣзкости не совсѣмъ согласныя съ хорошимъ воспитаніемъ. Старая леди Кенъ, бабка маркиза Эдбери, особенно мучила меня своими прямодушными замѣчаніями по поводу процесса моего отца. Мнѣ приходилось слушать ее, и соглашаться съ общимъ порицаніемъ всего рода „Джорджевъ“, и хладнокровно отвѣчать на ея ѣдкіе вопросы, когда мнѣ хотѣлось бы, какъ говорилъ Джоріанъ Девитъ, выжать изъ нел за одинъ разъ всю кислоту, и бросить ее собирателямъ негодныхъ лимоновъ. Она позволяла себѣ со мною удивительныя вольности.

— Почему не жениться вамъ на Англичанкѣ? Богатымъ молодымъ людямъ слѣдовало бы брать женъ изъ своего народа, своего круга. Иностранки никогда не уживаются у насъ, развѣ только привыкнутъ травить съ другими своего мужа.

Она приводила въ примѣръ иностранокъ извѣстныхъ этимъ занятіемъ. Свѣтъ свой она знала насквозь, до послѣднихъ предѣловъ. Ей было даже извѣстно желаніе моего дѣда чтобъ я женился на Дженетѣ Ильчестеръ. Она предлагала мнѣ дочерей герцоговъ и графовъ, называя ихъ по имени. Если только остановлю я скандальную исторію, говорила она, мнѣ

представляется неограниченный выборъ. Отца моего она, очевидно, не любила, но избѣгала столкновенія съ его непобѣдимымъ добродушіемъ и ловкимъ языкомъ. Она намекала что удаляется отъ него по семейнымъ отношеніямъ, меня, какъ увѣряла она, вовсе не касающимся. „Гвельфскій типъ не по моему вкусу“, говорила она, и меня утѣшала мысль что онъ не считался искателемъ счастья въ домахъ въ которые былъ вхожъ. Всѣ думали, какъ я удостовѣрился, что средства къ жизни получаетъ онъ отъ меня. Свѣдѣнія доставлялъ любопытной старухѣ Эдбери, „бѣдный милый ловѣса Эдбери, котораго лучше всего могла бы исправить благовоспитанная дѣвушка, наслѣдница.“ Старуха думала одно время объ Аннѣ Пенрисъ, но считала ея прошедшее сомнительнымъ. Лишь безупречная невинность могла бы въ ея глазахъ служить лѣкарствомъ для Эдбери. Мой отецъ въ порывѣ смѣлой иронiи предложилъ леди Кенъ въ предсѣдательницы своего клуба болтовни и сплетенъ, избраннаго кружка дамъ и мущинъ, первую мысль о которомъ Джоріанъ Девитъ приписывалъ себѣ, и отецъ съ нимъ не спорилъ, замѣчая только что Джоріанъ имѣлъ въ виду основать общество сплетниковъ, обязанныхъ разбалтывать все что̀ знаютъ, между тѣмъ какъ этотъ клубъ въ своемъ настоящемъ видѣ не только забава, но и охрана общественной нравственности. Онъ заключаетъ въ себѣ комитетъ разслѣдованія и апелляціонный судъ; цѣль его подавлять клевету. Леди Кенъ отказалась отъ предлагаемой чести. „Я не прачка“, сказала она мнѣ; говорила о томъ гдѣ слѣдуетъ мыть грязное бѣлье и дѣлала весьма ясные и рѣзкіе намеки на мачиху Эдбери. Клубъ этотъ собирался и былъ предметомъ всеобщаго страха въ теченіе мѣсяца и содѣйствовалъ къ расширенію репутаціи моего отца, неистощимая разговорчивость котораго одна поддерживала его. Дамы всякаго возраста имѣли доступъ по надлежащей рекомендаціи; мущины моложе сорока лѣтъ не принимались въ члены, и даже перешедшіе этотъ возрастъ допускались не иначе какъ если были женаты. Въ городѣ говорили что клубъ этотъ основанъ для удовольствія леди Эдбери, но я не позволялъ себѣ судить о томъ чего вовсе не знаю. Все это конечно были пустяки, но они на меня дѣйствовали почти такъ же какъ на отца, убѣждая меня что онъ рожденъ именно для той сферы въ которой вращался и располагая относиться неразборчиво къ употребляемымъ имъ средствамъ. Я подписалъ векселъ въ

нѣсколько тысячъ фунтовъ вмѣстѣ съ лордомъ Эдбери, считая справедливымъ желаніе отца не марать мою счетную книжку, изъ опасенія чтобы на сквайра не нашелъ припадокъ любопытства до истеченія двухъ мѣсяцевъ. „Ручаюсь тебѣ что удивлю его“, твердилъ мой отецъ; но не говорилъ чѣмъ именно. Я подозрѣваю что онъ и самъ не зналъ. Его самоувѣренность и моя безпечность шли рука объ руку. Къ счастію газеты молчали. Поэтому я надѣялся найти миръ и спокойствіе въ Риверсли. Но тамъ ходили баснословные слухи объ отцовскомъ великомъ парадѣ, благодаря между прочимъ капитану Белстеду и Джуліи. Они опять вызвали вспышку гнѣва со стороны сквайра, и выслушавъ ихъ, я почти готовъ былъ стать на его сторону. Они говорили о неслыханной роскоши и рисовали человѣка одареннаго непостижимою способностію пускать пыль въ глаза. Никакое описаніе отцовскихъ баловъ не убѣдило бы меня такъ въ ихъ великолѣпіи, какъ восторгъ вызываемый ими въ капитанѣ и женѣ его. „Царственныя забавы! Сказочныя ночи!“ восклицалъ онъ безпрерывно. А жена входила въ подробности: „Какое общество! какіе туалеты! Какой оркестръ, какіе ужины. Хозяинъ являлся какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ. Волшебникъ изъ *Тысячи одной ночи*, говорила Джулія. Только добрый. Джентльменъ безукоризненный! И я опять повторю: да посрамятся враги его!“ Она разчитывала на расположеніе къ ней сквайра, не думая о томъ что все это вымѣщалось на мнѣ.

— Слышали новую исторію о Дофинѣ? спросилъ сквайръ.

— О Дофинѣ? воскликнулъ капитанъ Белстедъ.—Есть рыба дельфинъ, но я ея не знаю.

— Мнѣ говорили вчера въ съѣздѣ. Лордъ Шель, нашъ новый намѣстникъ, привезъ изъ города. Съ шутомъ сыграли штуку.. И подѣломъ ему. Ты слышалъ объ этомъ, Гарри?

— Я ничего не слыхалъ.

— Говорятъ вамъ что появился Дофинъ и мистеръ Икъ Дейнъ.

— Мистеръ Икъ Дейнъ? повторилъ капитанъ въ недоумѣніи.

— Да; это нѣмецкое слово, Вильямъ, и вамъ, какъ хорошему моряку, слѣдовало бы понимать его. Это значитъ: „служу“.

— Мистеръ Белтамъ, сказалъ капитанъ серіозно,—увѣряю

васъ честью англійскаго офицера, я рѣшительно ничего не понимаю изъ вашихъ словъ. Но если въ нихъ заключается что-либо направленное противъ джентльмена удостоившаго меня и мою жену лестнаго пріема, то я, съ искреннимъ сожалѣніемъ найду себя вынужденнымъ удалиться изъ того мѣста гдѣ имѣлъ несчастіе слышать эти слова.

— Сидите вы гдѣ сидите, Вильямъ, махнулъ ему сквайръ.— Ей-Богу мнѣ придется завязать себѣ ротъ, или у меня не останется ни одного друга... Проклятый шалопай!... Говорю вамъ, въ городѣ явился человѣкъ котораго называютъ Икъ Дейнъ. Нѣкоторые произносятъ Икъ Динъ. Вотъ это-то и скверно въ иностранныхъ языкахъ что каждый выговариваетъ ихъ по-своему. Икъ Динъ и Дофинъ. Надъ этою парочкой, говорятъ, потѣшались какъ надъ двумя шутами. Это два претендента на тропы. Ихъ пригласили пообѣдать вмѣстѣ, объясниться другъ съ другомъ относительно своихъ надеждъ и показать свои примѣты. Можете вы себѣ представить, Вильямъ, чтобы человѣкъ дѣлалъ изъ себя такого дурака?

Дамы удалились. Сквайръ продолжалъ свирѣпымъ шолотомъ:

— Ихъ свели. Вы кто? „Я Дофинъ“, а вы? „Я Икъ Динъ“, отъ лѣвой руки. „О, говоритъ тотъ, значитъ я имѣю первенство предъ вами.“—„Какъ не такъ, отвѣчаетъ другой, у меня больше родимыхъ пятенъ, чѣмъ у васъ.“—„Докажите, возражаетъ первый.“—„Нѣтъ, вы прежде“, отзывается другой.—„Считайте“, кричитъ тотъ.—„Это корь“, восклицаетъ этотъ.—„А у васъ отъ вина!“ И повѣрите ли, Вильямъ, оба начинаютъ обходить всѣхъ, прося счесть ихъ родимыя пятна, какъ доказательство ихъ высокаго рожденія. О, Господи, я далъ бы грошъ чтобы быть тамъ. Какой-то сумашедшій Икъ Динъ! Просто гадко становится имя Ричмонда.

Капитанъ Белстедъ въ смущеніи оглянулся кругомъ чтобъ удостовѣриться въ отсутствіи дамъ.

— Говорю, вамъ, Вильямъ, мнѣ разказывалъ лордъ Шель, не далѣе какъ вчера на съѣздѣ. Онъ привезъ изъ города горячія новости. Не зналъ что мнѣ знакомъ этотъ шутъ. Говоритъ что не даетъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, не разберешь хорошенько чего онъ добивается. Лондонъ отъ него сходитъ съума; особенно женщины.

— Ну что же-съ? произнесъ тревожно капитанъ Белстедъ, потирая себѣ брови и бакенбарды.

— Такъ, такъ, Вильямъ. Его слѣдовало бы арестовать, какъ простаго бродягу, и арестовали бы вездѣ, исключая Лондона. Я засадилъ бы его въ тюрьму прежде чѣмъ вы глазами успѣли бы мигнуть. Является сюда и уговариваетъ меня дать ему два мѣсяца сроку для доказательства что онъ не вытащилъ у сына всѣ деньги до копейки. Вотъ, скоро увидимъ! Не много ужь недѣль остается ждать. И увѣряетъ... вѣдь клянется мнѣ.... что можетъ доставить сыну мѣсто въ парламентѣ; божится что устроитъ это раньше истеченія двухъ мѣсяцевъ... Проклятый....

— Опомнитесь!... Наслѣдственная болѣзнь послужитъ вамъ оправданіемъ.

— То-есть подагра, Вильямъ? Да я...

— Вы говорите въ присутствіи его сына и подвергаете тяжкому испытанію привязанность къ вамъ молодаго человѣка.

— Какъ? Развѣ я не другъ ему? Гарри, дѣдушка обратился ко мнѣ,—развѣ ты не знаешь что я тебѣ надежный другъ? Занималъ ли я когда-нибудь у тебя хоть одну копейку? Не вручилъ ли я тебѣ въ день твоего совершеннолѣтія все наслѣдство твоей несчастной матери, какъ взрослому человѣку? Я не шпіонилъ, не дѣлалъ тебѣ ни одного вопроса, пока не услыхалъ что пройдоха этотъ впился въ тебя какъ піявка и напѣлъ разнаго вздора этому безтолковому Питерборо. До тѣхъ поръ у меня и въ умѣ не было разспрашивать тебя. Развѣ я таскалъ въ грязи имя твоей бабки и замаралъ твое?

Я сказалъ что сознаю насколько обязанъ ему, но что готовъ подвергнуться изгнанію скорѣе чѣмъ слушать такія нападки на моего отца.

— Отдѣлайся отъ него, Гарри! воскликнулъ онъ нѣсколько смягчившись.—Не потакай его выдумкамъ. Держись порядочныхъ людей. Вѣдь не въ Тоуеръ же его запрутъ наконецъ, а въ Ньюгетъ, или въ Бенчъ. Его и его Дофина.

Капитанъ Белстедъ протянулъ мнѣ руку.

— Вамъ много приходится терпѣть, Гарри! Хвалю васъ за то что вы мужественно все это переносите.

— Я молчу, сказалъ сквайръ.—Но что я говорилъ, справедливо. Этотъ негодяй даетъ обѣды и ужины своимъ маркизамъ, графинямъ и герцогинямъ и разыгрываетъ шута въ

кругу мущинъ. Онъ воображаетъ что кучка шитыхъ юбокъ дастъ ему значеніе въ обществѣ. Можетъ-быть и такъ, пока доведенный до отчаянія торговецъ не прижметъ его. Гарри, вѣдь это то же что жить на пороховомъ складѣ. Ильчестеръ сообщилъ мнѣ... а Ильчестеръ говоритъ теперь о немъ не иначе какъ шелотомъ, словно сидя въ церкви на глазахъ у священника.... Онъ преступникъ! Но кому до этого дѣло? Онъ корчитъ изъ себя образецъ моды. Вѣдь ему за шестьдесятъ лѣтъ. Вѣдь это дьявольская арлекинада. Пусть онъ умчитъ одну коломбину, потомъ другую, хоть цѣлую дюжину, и тѣмъ кончитъ. Онъ весь свѣтъ обращаетъ въ комедію. Онъ выкидываетъ свои штуки на пространствѣ какой-нибудь сажени, и весь Лондонъ зѣваетъ на него. Въ умѣ ли ты, Гарри Ричмондъ, что даешь такъ выводить себя предъ публику? Ей-Богу словно пара уличныхъ паяцовъ, отецъ съ сыномъ кувыркаются на коврѣ подъ барабанный бой. Вѣдь вотъ какое все это производитъ впечатлѣніе. И я тебя спрашиваю, Гарри, неужели ты хочешь чтобы твоя жена.... по истинѣ прекрасное было бы зрѣлище еслибы твоя принцесса въ коротких юпочкахъ поднимала ноги, стуча въ тамбуринъ!

— Вы не плачете, другъ мой? капитанъ Белстедъ ласково обнялъ меня рукой, пытаясь заглянуть мнѣ въ лицо. Я показалъ ему что не плачу. — Да, проговорилъ онъ, — отъ этого хоть кого броситъ въ потъ. Вы въ настоящей банѣ, Гарри. Я не рѣшился бы осудить на такое испытаніе человѣка убившаго на дняхъ свою крестную мать изъ-за двухъ шиллинговъ.

Мое терпѣніе кончилось.

— Вы говорите что эту безобразную исторію передалъ вамъ лордъ намѣстникъ графства?

— Да, лордъ Шель. Но я не желаю чтобы ты отправился къ нему и огласилъ наше родство съ....

— Джулія! крикнулъ капитанъ Белстедъ женѣ, гулявшей на лужайкѣ.—Позвольте заявить вамъ, сквайръ, что я получилъ достаточную порцію. И, замѣчу вамъ, это поистинѣ то самое что мы въ школѣ называли трепкой.

— И что было полезно вамъ, Вильямъ.

— Мы этого не находили. Гарри, вашу руку. Часочекъ съ дамами освѣжитъ насъ. Сквайръ, продолжалъ онъ, отирая себѣ лобъ, — обладаетъ особымъ искусствомъ приблизить человѣка, когда заблагоразсудитъ, къ адскому огню.

Джулія вскричала, увидавъ насъ:

— Что это? Да вы оба блѣдны какъ смерть!

Дженета подошла и поглядѣла.

— Ничего, порція, сказалъ капитанъ.—Намъ смертельно хочется играть въ воланы до упаду.

— И будемъ играть, милый! сказала Джулія, лаская его. — Мы сразимся подъ навѣсомъ.

Дженета шепнула мнѣ:

— О чемъ было дѣло? О благодарственной рѣчи?

— Что̀ такое? спросилъ я, боясь узнать что-нибудь еще хуже того что̀ я слышалъ.

Дженета крикнула Джуліи сбѣгать за воланами и потомъ объяснила мнѣ что была принуждена въ это утро конфисковать газеты, сваливъ вину на неаккуратность почты.—Дѣдушка получитъ ихъ съ вечернею почтой, и предосудительныя мѣста окажутся замаранными или вырѣзанными. Пока ножницы не касаются дѣловыхъ столбцовъ и преній, онъ никогда не спрашиваетъ у меня объясненій. Онъ думаетъ что я собираю любопытныя извѣстія. Я не всегда успѣваю просмотрѣть всю газету. Сегодня мнѣ прямо бросилось въ глаза.

Что̀ же такое бросилось ей въ глаза? Она отвела меня въ сторону, подальше отъ оконъ дома, и показала мнѣ.

Отца моего обвиняли въ томъ что онъ на публичномъ обѣдѣ всталъ и произнесъ благодарственную рѣчь отъ имени государственной власти. Не вѣрилось глазамъ. Я пересталъ думать о страданіяхъ причиненныхъ мнѣ моимъ дѣдомъ.

Мы съ Дженетой, рядомъ съ капитаномъ и Джуліей, играли въ волан̀ъ, стараясь доказать что можемъ не уронить его такъ же долго какъ мужъ съ женой. Но она слишкомъ часто глядѣла на меня чтобы выразить мнѣ свое сочувствіе, а я слишкомъ занятъ былъ мыслью объ отцѣ, либо преслѣдуемомъ клеветой, либо виновномъ въ нелѣпомъ безразсудствѣ, и бой былъ неравный. Поэтому, когда сквайръ выглянулъ изъ-за столба навѣса, Джулія могла его увѣдомить что мужъ съ женой блистательно побѣдили молодыхъ людей.

— Ну, разумѣется, сказалъ сквайръ. -- Только не дѣвочка моя виновата въ этомъ. Онъ сталъ говорить на старый ладъ, что̀ принудило Дженету уйти.

Вернувшись въ лондонскій водоворотъ, я вспоминалъ странную прелесть ея глазъ, когда она поднимала ихъ, глядя на падающій волан̀ъ, и бодрую осанку съ какою она, нахмуривъ брови и стиснувъ губы, отсылала его назадъ. Мнѣ нужны были спокойныя воспоминанія. Городъ былъ въ волненіи; одно имя слышалось повсюду.

ГЛАВА XLII.

Ото всѣхъ съ кѣмъ ни встрѣчался я мнѣ приходилось слышать сомнительныя полуслова и тревожные намеки, дѣлаемые мнѣ, очевидно, въ предположеніи что я пойму ихъ и самъ выведу заключенія. Въ клубахъ воздухъ былъ чище. Дженнингъ первый изъ близкихъ друзей отца моего заговорилъ со мною откровенно. Онъ сообщилъ мнѣ слухъ о возможности судебнаго преслѣдованія, не приписывая ему, впрочемъ, особеннаго значенія. Сэръ-Витонъ Слетеръ подошелъ къ намъ съ озабоченнымъ и нѣсколько стѣсненнымъ видомъ и спросилъ меня какъ я себя чувствую и видѣлъ ли я сегодняшнія газеты. На мой отвѣтъ что я сейчасъ только пріѣхалъ изъ Риверсли, вслѣдствіе дошедшихъ до меня слуховъ, онъ посовѣтовалъ мнѣ не отлучаться пока изъ города. Онъ тоже намекалъ на возможность судебнаго преслѣдованія.— Дѣло въ томъ.... начиналъ онъ нѣсколько разъ, и не договаривалъ, удерживаемый, вѣроятно, моею молодостью, гордостью и толками о моемъ богатствѣ. Къ намъ подошли адмиралъ Лофтусъ и лордъ Альтонъ. Они начали разсуждать о размолвкахъ отца моего съ печатью и съ комитетомъ его клуба, не касаясь серіознаго дѣла иначе какъ намеками, изъ уваженія ко мнѣ. Мистеръ Веддерборнъ не обнаружилъ въ этомъ отношеніи такой благовоспитанности. Публичный скандалъ скоро скликаетъ кучки любопытныхъ въ странѣ клубовъ. Мы видѣли какъ Веддерборнъ отошелъ отъ кружка собравшагося дальше на улицѣ и мимоходомъ подхватилъ свѣжую новость на одномъ изъ пороговъ. — Сегодня бенефисъ Роя Ричмонда, сказалъ онъ и еще что-то говорилъ, чего я не могъ хорошенько разслышать. Онъ, впрочемъ, не допускалъ мысли о вмѣшательствѣ закона. Привѣтствіе его: — какъ ложиваете, мистеръ Ричмондъ, какъ ложиваете? было почти поздравительное.

— Мы, я думаю, встрѣтимся за столомъ вашего отца сегодня вечеромъ? Не въ Тоуерѣ, увѣряю васъ! О, эти газеты! Нѣтъ закона заставляющаго человѣка опровергать то что̀ появляется въ газетахъ. Въ Тоуеръ насъ не засадятъ. Хотя первый министръ нашъ былъ бы способенъ и на такую нелѣпость. Увѣряю васъ. Еслибъ онъ только могъ думать о чемъ-

нибудь, кромѣ своего билля, онъ бы это сдѣлалъ. Пришлось бы обѣдать на плахѣ Анны Болейнъ.

Дженингсъ увидалъ экипажъ моего отца и пошелъ сказать два слова лакею. Онъ вернулся и возвѣстилъ съ надутымъ лицомъ: — Великій властитель прислалъ свой экипажъ чтобы проѣхался въ немъ этотъ старый желчный калѣка Брисби. Самъ онъ расположенъ сегодня къ верховой ѣздѣ. Его отвезли въ Картене-Скверъ. А, вотъ и Брисби. Онъ, навѣрное, отправится катать въ этомъ экипажѣ ядовитую старуху Кенъ.

— Она мужественная дама, сказалъ Веддерборнъ. Это напомнило ему анекдотъ, затѣмъ пришелъ на память другой, и разказавъ ихъ, онъ пошелъ со шляпой въ обходъ за смѣхомъ, какъ выразился бы мой отецъ.

— Развѣ ея сіятельство объявила войну? спросилъ сэръ-Витонъ Слетеръ.

— Нѣтъ, она такъ не начинаетъ военныхъ дѣйствій, отвѣчалъ Веддерборнъ.

На этихъ говоруновъ высокаго давленія нашла минута вялости, и онъ вспомнилъ что надо забѣжать въ клубъ за письмами, что дѣло есть, кромѣ того, въ Вестминстерѣ. Если что-нибудь случится между полуднемъ и шестью часами, онъ просилъ дать ему знать туда съ посланнымъ, чтобъ онъ не отсталъ отъ вѣка.

Шутливый тонъ выражавшій быстрое движеніе вѣка былъ обыкновенъ, но онъ напомнилъ мнѣ отца моего. Я все-таки думалъ съ удовольствіемъ что эти друзья его люди порядочные, что они его цѣнятъ и можетъ-быть дѣйствительно любятъ. Это были не паразиты; не такіе люди какіе обыкновенно окружаютъ дюжинныхъ кутилъ.

Я оставилъ ихъ. Сэръ-Витонъ Слетеръ прошелъ шаговъ шесть рядомъ со мною.

— Могу ли позволить себѣ говорить съ вами какъ старый другъ отца вашего? сказалъ онъ.—Дѣло въ томъ.... вы не обидитесь?... онъ склоненъ потерять голову если продовольствіе не держитъ его въ извѣстныхъ границахъ. Я знаю что нѣтъ ему матеріальной надобности стѣснять себя. Онъ кивнулъ мнѣ какъ человѣку въ высшей степени проницательному, одаренному способностью все понимать. Почтенный баронетъ старался всячески выразить свою мысль, которая состояла въ томъ что мнѣ слѣдовало бы назначить отцу какой-нибудь опредѣленный доходъ, не столько для того чтобы сократить его траты.... въ частную

жизнь баронетъ не вмѣшивался.... сколько съ цѣлію обуздать его понятія о томъ что̀ можетъ позволить себѣ въ Англіи частный человѣкъ. Въ этомъ отношеніи сэръ-Витопъ Слетеръ не зналъ равнаго отцу моему. Что касается до дѣла или процесса его, то Веддерборнъ и всѣ люди знающіе считали успѣхъ невозможнымъ. Этотъ процессъ только представлялъ случай отцу моему всячески компрометтировать себя; давалъ оружіе врагамъ его; наконецъ онъ.... баронетъ поглядѣлъ на меня многозначительно.

Я поблагодарилъ его, не поощряя продолжать.

— Этотъ процессъ заставляетъ отца моего опять сидѣть какъ бронзовая статуя предъ всѣмъ зѣвающимъ Лондономъ, добавилъ я про себя. Сцена на лѣсистомъ мысу живо возникла въ моей памяти, за нею пришли на умъ другія сцены изъ счастливыхъ дней въ Германіи, но образа принцессы я не въ силахъ былъ вызвать.

Болѣе всего хотѣлось мнѣ видѣть Джоріана Девита. Побывавъ въ его клубѣ и на квартирѣ, я увидѣлъ его хромающимъ по парку на пути къ своей очаровательницѣ-Француженкѣ. Я остановилъ его, и онъ сознался въ своемъ намѣреніи, очевидно не желая взять меня съ собой или дать мнѣ адресъ Джени, который былъ мнѣ извѣстенъ. Угрозой что пойду съ нимъ, мнѣ удалось выпытать у него исторію о Дофинѣ, и я съ ужасомъ убѣдился что исторія эта истинна.

Роковая послѣобѣденная рѣчь также повидимому дѣйствительно была произнесена. О ней Девитъ упомянулъ прежде.

Ему поставили ловушку, Гарри Ричмондъ, и дьявольски умную ловушку. Подвели тайкомъ газетныхъ вѣстовщиковъ. Не было ни малѣйшей надобности предлагать тостъ. Но старуха себя выказала, такъ теперь надо бороться. Онъ одолѣетъ ее въ каждую встрѣчу, но окончательно справиться съ нею трудно. Она вѣчно вертится и ускользаетъ. Она кричитъ повсюду что онъ позорилъ ея семейство. У нея противъ него готова цѣлая дюжина обвиненій. Вамъ надо оставаться въ городѣ и быть на-сторожѣ. Въ моей ногѣ такой жаръ что можетъ взорвать пороховой магазинъ за милю.

— Это маркграфиня фонъ-Рилау? освѣдомился я. Мнѣ не приходила въ голову никакая другая злая старуха.

— Леди Кенъ, отвѣчалъ Джоріанъ.—Она натравила на него Эдбери съ Дофиномъ. Вѣдь не самъ же онъ это выдумалъ. Это штука умная. Онъ водитъ съ собою какого-то бездѣль-

наго молодаго адвоката, писаку, очень умнаго и наглаго и заставляетъ его выкидывать разныя штуки. Тенби зовутъ этого малаго; только на свое имя онъ и не дѣлаетъ каламбуровъ. Каламбуры въ языкѣ зараза, то же что̀ оспа. У насъ теперь эпидемія. Ей-Богу какъ только встрѣчусь съ нимъ, потре́бую вакцинаціи.

Онъ описалъ обѣдъ данный Эдбери въ знаменитомъ трактирѣ въ Сити, гдѣ отца моего свели съ этимъ такъ-называемымъ Дофиномъ.

— Сегодня вечеромъ обѣдаемъ, кивнулъ онъ мнѣ, ковыляя на вожделѣнный визитъ свой къ остроумной Шасдіанѣ, куда впередъ себя отправилъ букетъ. Я остался ошеломленный. Меня душило сознаніе нелѣпости и неприличія, въ ушахъ моихъ звучали ловременамъ крупныя слова сквайра. Я не видѣлъ возможности не осудить, какъ весь свѣтъ, человѣка который, опрометчиво ставя на карту и свою и мою будущность, дѣлаетъ себя смѣшнымъ. Въ его положеніи это было непростительно. Только чувство долга заставило меня подавить желаніе бѣжать изъ Лондона. И лучше бы послѣдовалъ я этому желанію. Вскорѣ я попался въ когти самой леди Кенъ. Я глядѣлъ на нее сколько могъ спокойно, между тѣмъ какъ она, высунувшись изъ экипажа, болтала со мной, а иногда черезъ мою голову съ проходившими знакомыми. Она требовала чтобъ я сѣлъ съ нею рядомъ, такъ много хотѣлось ей сообщить мнѣ.

— Не слышали ли вы смѣшныхъ толковъ о какомъ-то претендентѣ на французскій престолъ? Желала бы я знать подробности, сказала она, щуря свои змѣиные глазки.

Я подробности сообщить не могъ.

— Такъ, сказала она. — Вы живете въ Лондонѣ? Заходите ко мнѣ. Вы, я знаю, молодой человѣкъ разсудительный. Мы потолкуемъ. Онъ слишкомъ часто бываетъ въ Кортене-Скверѣ. Рано еще ему. Онъ нуждается въ добромъ совѣтѣ. Скажите, какъ можетъ женщина, не имѣющая силы управлять собою, наставить на путь истины мущину? Да еще самаго мудренаго мущину въ цѣломъ свѣтѣ. Вы, конечно, меня понимаете. Я изъ-за нихъ не могу кататься предъ обѣдомъ. Ходятъ толки, сплетни.... Вотъ это мой личный поводъ къ неудовольствію. Онъ теперь отдаляетъ отъ насъ людей которые по своему положенію имѣютъ всѣ права. Понятно что имъ нельзя явиться. Не смущайтесь. Васъ никто не винитъ.

Я только говорю что для одного нашего знакомаго становится ужасно жарко въ Лондонѣ. Заходите ко мнѣ. Зайдете?

Она назначила мнѣ часы. Я раскланялся, какъ только представился случай. Она намекала на леди Эдбери и на докучливость отца моего. Я пошелъ къ Темплю искать убѣжища отъ этихъ дрязгъ. Меня плѣняла тихая, сѣренькая жизнь, какую велъ Темпль, усердно занимаясь, глядя на міръ лишь сквозь запыленное окно, и не мѣшаясь въ дѣла его, пока не наточится оружіе. Одинъ взглядъ на лицо Темпля убѣдилъ меня что онъ знаетъ все что̀ извѣстно въ Вестъ-Эндѣ. Въ столовыхъ адвокатовъ не соблюдается заповѣдь молчанія. Темпль сообщилъ мнѣ три различные варіанта исторіи съ Дофиномъ. Онъ говорилъ какъ истинный другъ. Онъ убѣждалъ меня избавить отца отъ тратъ и изнурительныхъ хлопотъ, остановивъ процессъ который ведется Детерменомъ и Ньюсономъ. Они почтенные юристы, говорилъ онъ такимъ тономъ какимъ отзываются члены этой профессіи обо всѣхъ своихъ собратьяхъ не уклонившихся вовсе отъ пути истиннаго. Можетъ-быть личное вліяніе отца моего пересилило ихъ собственное мнѣніе. Да и ничто наконецъ не обязывало ихъ отказаться отъ занятій по его дѣлу, тѣмъ болѣе что они, по всей вѣроятности, высказали ему свой взглядъ.

— Искренно желаю я чтобъ онъ бросилъ это дѣло! воскликнулъ Темпль.—Онъ только наживаетъ себѣ враговъ. Видно съ перваго взгляда что тутъ ничего нельзя добиться, все равно что лѣзть на отвѣсную скалу. Но когда я съ нимъ говорю, я готовъ вѣрить всему что̀ ему угодно, я сознаюсь въ этомъ. Въ немъ избытокъ фосфора или электричества, доктора опредѣлятъ это лучше насъ. Темпль говорилъ что умный молодой адвокатъ Тенби при отцѣ его смѣялся штукѣ сыгранной съ Роемъ Ричмондомъ.

Мнѣ представилось что я могу доставить г. Тенби другаго рода забаву, и мысль что я разъ уже дрался на дуэли и потомъ горько сожалѣлъ объ этомъ нисколько меня не удерживала: такъ мрачно было мое настроеніе. Разсмотрѣвъ обстоятельства и сообразивъ все что̀ пришлось мнѣ слышать до конца вечера, я пришелъ къ убѣжденію что слѣдуетъ обратиться на Эдбери. Помощникъ служилъ ему орудіемъ, можетъ-быть подалъ мысль, но главный оскорбитель Эдбери. Зло не столько въ самой выходкѣ, сколько въ пищѣ какую могла она дать разказамъ и сплетнямъ. Эдбери пригласилъ отца моего на обѣдъ въ знаменитый трак-

тиръ въ Сити. Онъ заставилъ гостей своихъ (изъ числа ихъ были знакомы мнѣ Дженнингъ, Джоріанъ Девитъ, Альтонъ, Веддерборнъ) ждать какое-то неизвѣстное лицо, къ которому выказывалъ необычайное почтеніе. Возвѣстили о пріѣздѣ французскаго Дофина. Вошелъ пожилой человѣкъ, кроткій, любезный, съ высокимъ лбомъ и сѣдыми кудрями, какъ нельзя лучше подходящій къ этой роли, по словамъ Джоріана. И голова и осанка Капетинговъ. По наружности его притязанія на имя давно исчезнувшаго Дофина были убѣдительны до смѣшнаго, и при всемъ томъ человѣкъ этотъ былъ совершенный типъ французскаго буржуа, дерзкій обманщикъ, какъ подумалъ я, когда услышалъ о немъ, и какъ всякій подумалъ бы; но меня увѣряли будто этотъ человѣкъ дѣйствительно состарился въ убѣжденіи что онъ, торговецъ въ Сити, никто иной какъ настоящій Дофинъ. Эдбери, выполняя роль свою, ловелъ свою жертву на встрѣчу другому почетному гостю и остановился потомъ, какъ будто въ сомнѣніи не нарушаетъ ли онъ правила этикета, заставляя наслѣдника французскаго престола дѣлать первый шагъ. Старикъ кротко предоставилъ ему рѣшить этотъ вопросъ. Онъ все время былъ необыкновенно кротокъ и казался искренно убѣжденнымъ что окруженъ людьми вѣрящими и преданными ему. Роль Эдбери скоро оказалась слишкомъ тонкою и трудною для этого грубаго юноши. Предъ отцомъ моимъ онъ скоро утратилъ ту изысканную учтивость которая одна могла удержать за нимъ выгоду. Выпивъ вина, онъ началъ кричать. Я могъ вообразить себѣ возникшій тогда разговоръ. Пари за Дофина, пари за Роя, ихъ выставляли другъ противъ друга, какъ рысаковъ. Дофинъ припоминалъ давнишніе случаи съ привлекательною сбивчивостью; то была добросовѣстная ловля воспоминаній, говорилъ Веддерборнъ. Роя просили также что-нибудь припомнить и выпить для освѣженія памяти; намекали на происшествія дѣтства. Весь обѣдъ онъ съ величественною любезностью отражалъ предательскіе подходы хозяина. Дофинъ былъ невозмутимо спокоенъ. Онъ заявлялъ простые факты: что онъ французскій Дофинъ, чудесно спасенный во время революціи. За это спасеніе онъ, къ смущенію присутствующихъ, произнесъ благодарственную молитву надъ своею тарелкой. Онъ говорилъ что встрѣчалъ недовѣріе. Но есть доказательства. Онъ, никогда не бывшій во Франціи съ ранняго дѣтства, говоритъ по французски съ безукоризненнымъ

акцентомъ; онъ обладаетъ и физическими и нравственными чертами своего семейства; событія которыхъ былъ онъ свидѣтелемъ въ дѣтствѣ сдѣлали его робкимъ. Джоріанъ началъ его передразнивать: „Я вздрагиваю, когда отворяютъ дверь; я вижу во снѣ мрачныя картины, тюрьму: словно сижу я у ногъ отца моего короля и прекрасной моей матери.“ Онъ говорилъ по-французски нѣсколько странно, но правильно. Мало-по-малу онъ разговорился и началъ произносить рѣчи ни къ кому въ особенности не обращенныя, сопровождаемыя выразительными жестами. Видя себя въ кругу знатныхъ Англичанъ, онъ вообразилъ что Англія намѣревается признать его. Къ нему приставали чтобъ онъ лилъ и представилъ доказательства. Они состояли въ томъ что онъ обладаетъ, какъ уже сказано, всѣми физическими чертами своего семейства, что у него есть характеристическія родимыя лятна, что наружность его поражаетъ всѣхъ дальнихъ родственниковъ его. Одинъ изъ нихъ, услыхавъ о немъ, назначилъ ему свиданіе въ лавкѣ булочника и вышелъ оттуда съ омраченнымъ лицомъ, обнаруживая почтительное сочувствіе. Представьте помѣшаннаго стараго лондонскаго торговца, воздѣвающаго руки и глаза къ потолку, торжественно заявляя себя отраслью царственнаго рода, сыномъ исторической матери и страдальца короля. Не удивительно что столъ затрясся отъ смѣха. Онъ постоянно обращался къ Тенби, какъ къ единственному своему знакомому. Тенби открылъ его гдѣ-то въ Сити, гдѣ онъ содержалъ не то мелочную лавочку, не то хлѣбный амбаръ, не то часовой магазинъ, и всегда былъ готовъ представить посѣтителю доказательства о своей личности. Мистеръ Тенби усердно подстрекалъ его. Я не сомнѣвался что отецъ мой, не отставая въ шутливости, защищалъ и выручалъ старика, пока было возможно. Но Дофина напоили, и маркизъ могъ потѣшиться. Заговаривающійся уже сынъ Лудовика Святаго, какъ называлъ онъ себя, представлялъ одно доказательство за другимъ въ подтвержденіе своихъ притязаній. Съ истиннымъ величіемъ, по словамъ Джоріана, онъ всталъ и предложилъ, если угодно, пойти съ нимъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ онъ покажетъ свои примѣты, живыя свидѣтельства, какъ выражался онъ, истины его словъ. Сквайръ вѣрно передалъ нелѣпую сцену, напрасно только замѣшавъ въ нее моего отца. Я все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію что отецъ мой не могъ потеряться,

видя ловушку приготовленную чтобъ осмѣять его. Онъ одинъ не пошелъ на осмотръ Дофина, откуда всѣ вернулись локатываясь отъ льянаго хохота. Дофинъ накинулся на него съ рѣзкими упреками и сталъ вызывать его на подобную же продѣлку. Этого только и ждали Эдбери, Тенби, да нѣкоторые другіе. Они стали кругомъ: одна половина за Дофина, другая за Роя. Долго ли продолжалось площадное шутовство и чѣмъ кончилось, я не могъ узнать. Джоріанъ Девитъ говорилъ что отецъ мой потерялъ терпѣніе; Веддерборнъ и Дженнингсъ отрицали это. Какъ бы то ни было, сильныя слова его подѣйствовали, ибо порядочные люди отдѣлились отъ пустыхъ гулякъ, и эти послѣдніе на другой день оправдывались излишкомъ выпитаго вина. Но они все-таки пересказали исторію, и не безъ прикрасъ. Свѣтъ послѣдовалъ ихъ примѣру.

Я обѣдалъ и ночевалъ у Темпля, не желая видѣться съ виновникомъ всѣхъ моихъ униженій. Я узналъ чрезъ посланнаго что онъ живъ и здоровъ. Тихій вечеръ съ человѣкомъ занимающимся наукой и одареннымъ въ великой степени здравымъ смысломъ, какъ мистеръ Темпль, благотворно на меня подѣйствовалъ. Хорошо бы, думалъ я, еслибы между мною и отцомъ моимъ были такія же отношенія, какъ у него съ сыномъ, а также и съ дочерьми. Они всѣ говорили разсудительно, ни съ кѣмъ не воевали, не находились въ разладѣ со своимъ положеніемъ. То былъ простой, добропорядочный англійскій домъ, котораго опорой былъ отецъ, украшеніемъ дочери, а надеждой сынъ, готовящійся занять мѣсто отца. Я завидовалъ такой жизни и подумалъ о Дженетѣ, какъ способна она къ ней, если только мужъ ея не будетъ причудливый чудакъ. Мнѣ пришло на умъ что Темпль достоинъ имѣть такую жену, какъ Дженета, и эта мысль привела меня въ уныніе. Я познакомилъ Темпля съ Анной Пенрисъ, и она была къ нему очень ласкова; но между ними не могло быть ничего кромѣ дружбы. А Дженета пожалуй когда-нибудь замѣтитъ какой молодецъ Темпль, несмотря на свой умѣренный ростъ. Пожалуй, думалъ я. Мнѣ припомнилось что я когда-то желалъ этого, и я самъ себѣ изумился. Зачѣмъ? Дженета въ дѣвушкахъ не засидится. Я отстранялъ отъ себя эти мысли. Онѣ возвращались все время что̀ былъ я въ домѣ Темпля.

Мистеръ Темпль ждалъ чтобъ я первый заговорилъ о дѣлѣ моего отца и затѣмъ рѣшительно высказалъ мнѣніе что оно можетъ кончиться не иначе какъ неудачей. Хотя строгій при-

верженецъ конституціи, онъ рѣзко отзывался о принцахъ, сознаваясь однако что мы не умѣемъ относиться къ нимъ какъ слѣдуетъ. Онъ говорилъ о выходкѣ сына своего вдругъ поступить въ морскую службу.

— Это принцесса надѣлала, сказалъ Темпль.—Она толковала о нашихъ морскихъ герояхъ до тѣхъ поръ пока я почувствовалъ что стóитъ только надѣть мундиръ съ якорями на пуговицахъ, и самъ сдѣлаюсь героемъ. Не говори ей, Ричи, что я отставленъ по болѣзни, потому что, признаться, я, кажется, больше притворялся. Да и время это не потерянное. Ты увидишь, я буду извлекать гинеи изъ „синяго океана“ какъ соль. Очень немногіе адвокаты понимаютъ морскія дѣла. На дняхъ въ судѣ я подсказывалъ одной нашей знаменитости что̀ нужно говорить по дѣлу о столкновеніи. Не правда ли, батюшка?

— Глухой шопотъ чуть ли не долеталъ по временамъ до судьи, сказалъ мистеръ Темпль.

— Но услуги незачисленныхъ пропадаютъ даромъ, непризнанными, замѣтилъ Темпль. Отецъ его посовѣтовалъ мнѣ готовиться къ адвокатурѣ.

Я спросилъ Темпля считаетъ ли онъ возможнымъ изучать законы въ лодкѣ подъ бурей.

Темпль скривилъ ротъ, отецъ его кивнулъ головой. Однако мнѣ пришло на умъ что можетъ-быть когда-нибудь я удостоюсь счастья мирно засѣсть съ Темплемъ за изученіе законовъ, въ которомъ, конечно, онъ далеко опередилъ меня. А онъ, какъ я зналъ, мнѣ дружески завидовалъ. Мои высокія притязанія разбились въ дребезги.

Новый день начался. Семейство поднялось и сошлось за завтракъ, не вѣдая страха предъ утренними журналами. Они разговаривали, какъ птицы щебечутъ. Темпль съ отцомъ отправились въ судъ на дѣло, на дѣйствительную работу. Я серіозно раздумывалъ и сравнивалъ ихъ съ кораблями хорошо управляемыми, тогда какъ я, безъ руля, отданъ на произволъ вѣтра, теченія и волнъ. Я зашелъ къ Детермену и Ньюсону и услышалъ тамъ что найденъ новый свидѣтель, весьма важный для дѣла, не то въ Сѣверномъ Валлисѣ, не то въ Новой Голландіи. Я не наложилъ запрета, какъ намѣревался, на дальнѣйшія дѣйствія. Нужно было повидаться съ отцомъ и пресѣчь зло у источника. Для этого необходимо было идти къ нему, и подготовиться къ свиданію просмотромъ газетъ. Я

купилъ одну и поспѣшно пробѣжалъ столбцы тутъ же въ лавочкѣ. Имя его было напечатано, но только по поводу объявленія о времени и порядкѣ пріѣзда на даваемый имъ костюмированный балъ. Я вздохнулъ свободно; спасибо и за то что не осмѣиваютъ. Не могъ я не похвалить смѣлости съ какою является онъ во многолюдныя собранія, гдѣ на каждомъ лицѣ долженъ читать исторію съ Дофиномъ. Можетъ-быть онъ выкинулъ вчера вечеромъ еще какую-нибудь штуку, только такъ поздно что не успѣли уже увѣдомить газетчиковъ. Мистрисъ Вадди съ грустнымъ лицомъ увѣдомила меня что его нѣтъ дома, уѣхалъ въ Куртене-Скверъ. Она робко шепнула что присылаются счеты. Какъ всѣ, она воображала что онъ черпаетъ средства къ жизни изъ моего неистощимаго кошелька. Она надѣялась что по счетамъ будетъ уплачено немедленно; жалованье людямъ тоже просрочено. Никакъ не могу я добиться чтобъ онъ обратилъ вниманіе на мелкіе счеты, хныкала она, и заплакала бы совсѣмъ, еслибъ я не утѣшилъ ее однимъ словомъ: „Полно“.

— Конечно, воскликнула она,—вы, мистеръ Гарри, можете все это сразу покончить, я знаю, воскликнула она. Дѣло однако доходило уже почти до наслѣдства оставленнаго мнѣ бѣднымъ Сюисомъ.

Въ Лондонѣ тѣсно тому кто не желаетъ чтобъ его видѣли. Я не могъ оставаться въ этомъ осаждаемомъ кредиторами домѣ. Я избѣгалъ парковъ, клубовъ и широкихъ, свѣтлыхъ улицъ западной части города. Размышляя какъ отрадно было бы очутиться вдругъ на кораблѣ капитана Джаспера Вельша, *Присциллѣ*, на пути къ чужимъ краямъ и людямъ, я шелъ скорымъ шагомъ, какъ человѣкъ не желающій вступать въ разговоръ со встрѣчными, и никто кромѣ Эдбери не позволилъ бы себѣ остановить меня. Я услышалъ крикъ его: „Эй Ричмондъ!“ Онъ ѣхалъ съ другомъ своимъ Витлингтономъ въ кабріолетѣ.

— Ричмондъ, душа моя, гдѣ же вы пропадали? На дняхъ я искалъ васъ чтобъ обѣдать со мной.

Я отвѣчалъ, глядя ему прямо въ лицо, что сожалѣю о моемъ отсутствіи въ этотъ день.

— Проказники! воскликнулъ онъ. Что жь, вы, конечно, будете въ маскарадѣ герцога Фитца сегодня? Сообщите-ка намъ свой костюмъ. Да вы, чортъ возьми, могли бы явиться чернымъ принцемъ. Я принцъ Голлъ. Что, голова болитъ?

Заходите въ мой клубъ и попробуйте мою микстуру. Отъ нея, чортъ возьми, Маѳусаилъ пустился-бы плясать фанданго. Да, вы хлопочете съ этою французскою актрисой, Шасдіанъ. Веселая бабенка, но не въ моемъ вкусѣ.

Онъ сталъ описывать типъ женщины который ему нравится, идеальную англійскую пастушку, какую можно видѣть на лубочныхъ картинкахъ, весьма мало меня интересующую, какъ думалъ я въ то время. Я обѣщалъ зайти въ его клубъ по дорогѣ, онъ тронулъ слегка лошадей и понесся, съ крошечнымъ своимъ грумомъ на заднемъ сидѣньи блестящаго кабріолета, на удивленіе всей улицы.

Я засталъ его ожидающимъ меня на порогѣ клуба, съ сигарой въ зубахъ, въ классической позѣ трубача. Первыя слова мои были:

— Я, кажется, долженъ обвинить васъ въ нанесеніи мнѣ оскорбленія.

— Въ нанесеніи оскорбленія вамъ, Ричмондъ! воскликнулъ онъ, держа сигару на воздухѣ.

— Если вы оскорбили отца моего, такъ должны дать мнѣ отвѣтъ.

— Я оскорбилъ стараго герцога Фитца! Честное слово.... Ричмондъ.... да я люблю его! Люблю старика. Я не причинилъ бы ему вреда ни за что на свѣтѣ, ни-за всю Гаванну! Что за чертовщина влѣзла вамъ въ голову? Войдите, покурите.

Только упомянулъ я о его обѣдѣ съ Дофиномъ, онъ расхохотался какъ сумашедшій. Онъ просилъ меня живо вообразить эту сцену: стараго Бурбона изъ Кемберлелла. Славный экземпляръ! Пьянъ какъ стелька. Готовъ показывать себя слугамъ.... И съ разными восклицаніями маркизъ сталъ приломинать эту сцену, лучше которой онъ ничего не видывалъ. Дофинъ вскакиваетъ.—„Чортъ возьми, милостивый государь, у васъ, я думаю, нѣтъ ни одного пятнышка на всемъ тѣлѣ!“ И надувается, и фыркаетъ.... Жаль что васъ тамъ не было, Ричмондъ! Я писалъ вамъ, честное слово писалъ. Мнѣ хотѣлось чтобы вы были съ нами. Вы такого смѣха не дождетесь въ цѣлый вѣкъ, ей Богу! А старый Рой! Онъ отлично держалъ себя, право? Говорилъ прекрасно. Никогда не былъ онъ болѣе блестящъ. Онъ молодецъ.... Ричмондъ, вы пропустили такую сцену какой нигдѣ не увидите!

Могъ ли я послѣ дуэли съ принцемъ Отто требовать удовлетворенія у такого шута, какъ этотъ Эдбери. Онъ смѣялся

и хихикалъ до тѣхъ поръ пока мое неукротимое нетерпѣніе не заставило его опомниться.

— Чортъ возьми, вы головорѣзъ, Ричмондъ, я это знаю. Намъ нельзя драться здѣсь въ Англіи.... не дозволено. Да и нелѣпое безуміе драться. Если вы собираетесь свалить всякаго кто любитъ пошутить со старымъ Роемъ, дѣла у васъ будетъ довольно, не безпокойтесь. Онъ самый забавный человѣкъ на свѣтѣ. Между нами, онъ дѣйствительно произнесъ благодарственную рѣчь. Да что за бѣда, что бы ни дѣлалъ старый герцогъ Фитцъ. Я отъ всей души готовъ пособить ему при случаѣ. Столъ у него превосходный. И пусть меня ловѣсятъ, если онъ не знаетъ тайны женскаго сердца. Какъ онъ обращается съ ними! Еслибы лорды были женщины, они избрали бы его первымъ перомъ въ одно мгновеніе. И знаете что, Ричмондъ, находятъ съ моей стороны необыкновеннымъ добродушіемъ что я не присматриваю за Кортене-Сквером. Но я не считаю своею обязанностію служить сторожевою собакой хорошенькой мачихѣ. Однакожь толкуютъ и переглядываются, но.... оставимъ все это, войдите покурите, я настрою васъ какъ слѣдуетъ и потомъ пожму вамъ руку. Вотъ тебѣ разъ, меня зовутъ!

Дама, придерживая вуаль надъ лицомъ, сдѣлала ему знакъ рукой изъ окна кареты. Эдбери побѣжалъ къ ней. Я замѣтилъ прелестныя золотистыя кудри, напомнившія мнѣ волосы Мабели Свитвинтеръ, и досадно мнѣ стало на женщинъ за безразсудство съ какимъ оказываютъ онѣ предпочтеніе недостойнымъ. Эдбери позвалъ меня къ каретѣ. Я пошелъ не спѣша, но карета повернула и укатила. Я могъ только видѣть очертаніе головы, закутанной въ мѣхъ и кружева.

— Странныя существа эти женщины! произнесъ онъ въ философскомъ раздумьѣ. Я не въ такихъ былъ съ нимъ отношеніяхъ, чтобы позволить себѣ какое-либо замѣчаніе насчетъ той женщины которая сейчасъ была предъ нами. Его невозмутимое добродушіе обезоружило меня, я оставилъ его давъ ему только предостереженіе, на которое онъ отвѣчалъ:

— О! войдите и разольемъ бутылку краснаго.

Красное или водка произвели уже на него свое дѣйствіе, когда нѣсколько часовъ спустя я встрѣтилъ его въ паркѣ. Брамгамъ Девитъ, попавшійся мнѣ на дорогѣ, предложилъ проѣхаться верхомъ послѣ завтрака, совѣтуя мнѣ быть сколько можно больше при отцѣ. А такъ какъ отецъ навѣрное ло-

явится въ паркѣ, я туда отправился и слышалъ со всѣхъ сторонъ его имя. Онъ сдѣлался теперь, какъ нѣкогда предсказывалъ, темой разговоровъ Лондона. Я самъ не могъ избѣгнуть любопытныхъ взглядовъ; на меня смотрѣли. По временамъ мнѣ приходилось приподымать шляпу и кланяться. Притупленіе чувствъ и мыслей среди такихъ обстоятельствъ которыя порождаютъ въ нихъ раздоръ хуже прямой боли. Взгляды бросаемые на меня были скорѣе лестны, но я чувствовалъ что въ сущности каждый видитъ во мнѣ сына знаменитости. Эдбери рысцой подъѣхалъ къ намъ, трясясь словно въ ступкѣ и восклицая: — „Эй! не видалъ ли кто-нибудь изъ васъ стараго Роя?“ Брамгамъ Девитъ, строгій пятидесятилѣтній свѣтскій человѣкъ, гордый своимъ родомъ и также какъ двоюродный братъ его Джоріанъ скорый на обиду, отвѣчалъ: — Позвольте спросить маркизъ ли вы Эдбери, или льяный конюхъ?

— Ого! старый джентльменъ, мнѣ чуть ли не хочется сшибить васъ съ ногъ, сказалъ Эдбери, и увидѣвъ меня, предложилъ поскакать лугать прохожихъ.

Появилась кавалькада изъ шести человѣкъ, ѣхавшихъ рядомъ. Я видѣлъ какъ отецъ, выслушавъ нѣсколько словъ леди Эдбери, выѣхалъ впередъ, чтобы перехватить маркиза. Они заговорили другъ съ другомъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, сказалъ мой отецъ.—Поѣзжайте сзади и держитесь шагахъ въ двадцати разстоянія, какъ грумъ ѣдетъ.

— Къ чорту грума, отвѣчалъ Эдбери.—Я побился объ закладъ что выгоню васъ изъ парка, старый Рой!

— Такъ поѣзжайте же сзади, сказалъ отецъ, и къ моему удивленію, Эдбери, смѣясь, повиновался. Леди Эдбери улыбнулась про себя, и я самъ почувствовалъ такое же уваженіе къ превосходству отца, какое замѣтно было въ ней. Нѣсколько минутъ спустя, отецъ подозвалъ меня и представилъ графу Кезенскому, посланнику весьма сочувствующему Полякамъ и пользующемуся у насъ нѣкоторымъ вѣсомъ. Онъ спросилъ справедливо ли что я желаю вступить въ парламентъ. Я отвѣчалъ что справедливо, удивляясь что иностранецъ могъ интересоваться этимъ. Графъ остановилъ скромно идущаго человѣка. Брамгамъ Девитъ присоединился къ нимъ, образовался кружокъ. Меня познакомили съ мистеромъ Боманъ Гиллемъ, правительственнымъ агентомъ, который просилъ меня зайти къ нему поговорить о кандидатствѣ за одно мѣстечко въ Соссексѣ.

—То-есть, прибавилъ онъ, обращаясь къ графу Кезенскому, если вы увѣрены что мѣсто это не занято. Я ничего не слыхалъ о случаѣ съ Фалмутомъ.

Графъ отвѣчалъ что Фалмутъ короткій его пріятель, и что садясь на лошадь сегодня, онъ получилъ извѣстіе что Фалмутъ при смерти.

Значитъ, мы не упустили время, сказалъ мистеръ Гиллъ. Правительству нужны были голоса. Я пошелъ въ полночь въ нижнюю палату повидаться съ Гиллемъ. Онъ тогда уже слышалъ о безнадежномъ состояніи Фалмута, и выпытавъ мои политическія воззрѣнія, которыя оказались благонадежными, заявилъ что можетъ-быть я весьма скоро займу мѣсто на правительственныхъ скамьяхъ, какъ депутатъ мѣстечка Чипленденъ. И не нужно будетъ, вѣроятно, прибавилъ онъ, правительственному кандидату тратить денегъ, хотя это для васъ не важно, мистеръ Ричмондъ. Мое предполагаемое богатство довало мнѣ ходъ даже въ политическихъ кругахъ.

ГЛАВА XLIII

Я становлюсь однимъ изъ избранниковъ народа.

Совершенный переворотъ въ моихъ ощущеніяхъ и мысляхъ произведенъ былъ этою внезапною перемѣной положенія. Какъ членъ парламента, я могъ писать Оттиліи и сказать ей что я не терялъ времени. И я сознавалъ что долженъ былъ благодарить отца, когда онъ на разсвѣтѣ вернулся со своего бала, за то что онъ поговорилъ съ графомъ Кезенскимъ. „О! сказалъ онъ, это намъ такъ посчастливилось, Ричи. Я съ сотнями людей говорилъ о тебѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ, а вотъ теперь устроилъ намъ дѣло иностранецъ.“ Я еще разъ поблагодарилъ его. Онъ необыкновенно красивъ былъ въ костюмѣ Генриха III и показывалъ склонность не отстать въ роскоши отъ своего оригинала. Онъ привелъ съ собою графа Люку, секретаря при австрійскомъ посольствѣ, одѣтаго Албанцемъ. Оба они протянувшись на кушеткахъ толковали о томъ что отецъ мой опять ввелъ въ моду носилки. Отецъ мой объяснилъ что заказалъ дюжины двѣ носилокъ по своему рисунку. „Кстати, Ричи, прибавилъ онъ, нужно будетъ сегодня заплатить двумъ-тремъ носильщикамъ, бѣдныхъ людей не надо заставлять ждать“. Я со-

гласился. Глядя на отца я потерялъ сознаніе осмѣянія, преслѣдовавшее и мучившее меня неотступно двое сутокъ. Однакожь я думалъ: отдѣлаюсь ли я когда-нибудь отъ обаянія? Дай мнѣ только вступить въ парламентъ! Мнѣ представлялось что парламентъ, возвышая меня, приближаетъ къ Оттиліи и поможетъ мнѣ энергическими дѣйствіями выпутаться изо всей этой блестящей паутины. Я сказалъ отцу о моемъ свиданіи съ Ботанъ Гиллемъ. „Я не видалъ еще чтобы Кезенскій въ чемъ-нибудь ошибался, сказалъ онъ, исключая пари которое держитъ онъ за Фалмутовыхъ лошадей.“ Графъ Лика шепнулъ что начальникъ его, надо надѣяться, ошибется и еще въ чемъ-нибудь. Слова эти онъ произнесъ выразительно. Отецъ поднялъ брови. „По его мнѣнію, продолжалъ Лика, какъ бы отвѣчая на этотъ безмолвный вопросъ, принцъ Эрнстъ не оставитъ напечатанное объявленіе неопровергнутымъ.“

Отецъ поглядѣлъ на него.

— Это объявленіе намъ ставятъ въ вину?

Лика уклонился отъ отвѣта.

— Кого винить въ газетныхъ продѣлкахъ? Рѣчь идетъ только объ опроверженіи невѣрнаго извѣстія.

— Пусть осмѣлятся опровергнуть, сказалъ отецъ.—Да вотъ что̀, другъ мой Лика, зажгите-ка мнѣ папироску.

— Значитъ, сказалъ Лика, бережно поднося папиросу къ огню,—вы предполагаете что Кезенскій можетъ ошибаться не въ однихъ только лошадяхъ.

Я думаю онъ случайно коснулся этого вопроса, ему собственно до этого дѣла не было и онъ любилъ моего отца.

Затянувшись раза два изъ папироски, отецъ бросилъ ее и опять завелъ разговоръ о носилкахъ, о костюмахъ нѣкоторыхъ знатныхъ дамъ, о случаѣ съ Джоріаномъ Девитомъ, какъ будто̀ дававшемъ право обвинить его въ непріличіи. Какъ только Лика ушелъ на верхъ заснуть часа три, онъ сказалъ мнѣ:

— Ричи, намъ некогда всѣмъ этимъ заниматься. Надо послать человѣка къ Фалмуту въ восемь часовъ утра. Если скажутъ что онъ умеръ, мы въ десять будемъ у Бартнета (ростовщика) и въ Чилпенденѣ около двухъ. Повѣрь моей опытности, что-то неладно; но я и изъ этого извлеку пользу, какъ извлекъ пользу изъ неловкости бѣднаго Джоріана сегодня вечеромъ. Онъ ввелъ Шасдіану; я ее вывелъ подъ руку. Объ этомъ потомъ. Теперь главное чтобы ты, какъ только при-

мешь парламентскую клятву, устремился въ Саркельдъ. Заклинаю тебя любовью твоей ко мнѣ и къ принцессѣ не терять драгоцѣнныхъ минутъ. Ричи, мы такъ поведемъ дѣло что ты будешь въ Саркельдѣ къ концу мѣсяца. Сынъ мой, дорогой мой мальчикъ! Ты такъ любилъ меня прежде и теперь любишь, слѣдуй же моимъ наставленіямъ. У меня есть голова. Ты думаешь, можетъ-быть, что она сумасбродная? Правда, мать моя была артистка. Но я убѣжду тебя, сынъ мой, какъ убѣждаю свѣтъ.... Ну, полно, полно. Не вдаваясь въ разглагольствія, у меня теперь рука на колесѣ фортуны, Ричи; теперь тебѣ время подняться на немъ и занять высокое положеніе. Если тебѣ не будетъ удачи, мой успѣхъ ни къ чему не ведетъ.

— Будете ли вы избѣгать Эдбери и ему подобныхъ, и вести себя осторожно?

Такимъ вопросомъ выразилъ я какъ бы условіе на которомъ готовъ уступить его настояніямъ. Онъ отвѣчалъ только жестомъ соотвѣтствовавшимъ его костюму изъ лиловаго шелка. Я до того времени сохранилъ такую впечатлительность что невольно поддавался дѣйствію богатой одежды и величественной наружности, когда обстоятельства были не слишкомъ неблагопріятны. Теперь они, напротивъ, казались благопріятными, ибо указывали мнѣ путь вверхъ. Наружность отца потеряла въ моихъ глазахъ часть своей величественности, послѣ того какъ онъ прошелъ чрезъ руки своего человѣка, Толлингби, но я уже подчинился снова его вліянію. Что касается до угрожавшей ему опасности законнаго преслѣдованія, онъ презрительно засмѣялся при намекѣ на это. „Не смѣютъ. Чѣмъ я смѣлѣе, тѣмъ менѣе смѣлы они.“ Опять я сталъ слушать его сбивчивыя разсужденія, торжественно выдававшія себя за благоразуміе и здравый смыслъ. Могъ ли я не сознаться что обязанъ ему тѣмъ что̀ было для меня дороже всего: знакомствомъ съ Оттиліей, успѣхомъ моимъ въ Германіи, открывающимся мнѣ поприщемъ въ Англіи? Не могъ конечно, и я всѣми силами старался подавить въ себѣ все остальное, кромѣ чувства признательности. Что касается до денегъ онъ увѣрялъ что онѣ у него будутъ для удовлетворенія сквайра въ день отчетовъ, а лока надо занимать. Его доказательство выгоды и законности займовъ, которое я очень хорошо зналъ и могъ бы въ сущности опровергнуть однимъ словомъ, но которое, соотвѣтствуя моимъ минутнымъ интересамъ, болѣе и болѣе нравилось мнѣ, было слѣдующее:

— Намъ предстоитъ либо роскошная, либо скудная будущность, смотря по тому какъ мы сами ее себѣ представляемъ. Искусство жизни заключается въ томъ чтобы въ важныхъ случаяхъ собирать въ одно свои разсѣянныя средства. Будущность у насъ въ долгу; она отъ насъ требуетъ чтобы мы ради ея боролись и побѣждали. Тотъ достоинъ презрѣнія кто не можетъ положить свою будущность на деньги и золото. Если мы, какъ оказывается, всегда въ долгу у прошедшаго, то слѣдуетъ заключить что будущее у насъ въ долгу, и жить на его счетъ. Зачѣмъ оставлять будущее праздпымъ когда намъ нужна помощь? Если напримѣръ я долженъ получить завтра то что̀ сегодня спасетъ мою репутацію въ жизненномъ бою, зачѣмъ не взять тотчасъ же? Военачальникъ дѣйствующій на такихъ основаніяхъ, непремѣнно одержитъ побѣду. Ты, Ричи, какъ депутатъ мѣстечка Чиппенденъ, станешь на твердую почву. Въ этомъ я тебѣ ручаюсь. И прямо съ выборовъ, едва отвѣдавъ парламентской скамьи, ты отправляешься въ Саркельдъ, везешь принцу Эрнсту предложеніе своего дѣдушки, и привозишь обратно сквайру согласіе принца. Или ты надѣешься овладѣть принцессой безъ борьбы?

Много еще говорилъ онъ въ этомъ родѣ, пока не замѣтилъ, благодаря своему умѣнью видѣть по наружности внутреннія ощущенія мои, да и большей части людей, что слова гораздо менѣе производятъ на меня впечатлѣнія, чѣмъ дѣйствія. Итакъ, послѣ послѣшнаго завтрака, пробѣжавъ сырыя утреннія газеты, въ которыхъ не нашли ничего особеннаго, мы отправились къ ростовщику, взявъ съ собой Дженнингса, чтобы прикрыться его именемъ. Мы прибыли въ Чиппенденъ, въ часъ назначенный моимъ отцомъ, привозя смущеннымъ избирателямъ первое извѣстіе о смерти ихъ депутата.

Въ жару избирательныхъ хлопотъ я получилъ ласковое письмо отъ сквайра въ отвѣтъ на мое, въ которомъ онъ поздравлялъ меня съ предстоящимъ успѣхомъ, и затѣмъ оканчивалъ такъ: „Радъ я что дѣло твое съ этою принцессой, какъ видно, кончено. Покажи имъ что у насъ не меньше гордости чѣмъ у нихъ, Гарри, и къ чорту всѣхъ иностранцевъ. Пріѣзжай поскорѣе въ Риверсли и будь счастливъ.“ Что̀ хотѣлъ онъ сказать? Геріотъ также писалъ мнѣ: „Такъ значитъ, кончено? Гордый принцъ ощетинился? Теперь не зачѣмъ высказывать тебѣ мысли мои объ этомъ, которыя ты знаешь и безъ того.“ Я обратился съ вопросомъ къ отцу: „Хлопочи, хлопочи, вер-

буй голоса!“ восклицалъ онъ въ отвѣтъ и упорно уклонялся отъ меня. Отъ Темпля я узналъ что въ день отъѣзда нашего въ Чиппендель, въ газетахъ появилось заявленіе напечатанное крупными буквами и рѣзко опровергавшее, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, слухъ о предстоящемъ будто бы бракѣ принцессы фонъ-Эппевельценъ Саркельдъ съ Англичаниномъ, какъ лишенный всякаго основанія. Тогда я вспомнилъ какъ въ это утро отецъ мой бросилъ газеты, жалуясь на ихъ сырость.

Могло ли появиться такое опроверженіе безъ разрѣшенія Оттиліи?

Отецъ мой доказалъ мнѣ что я связанъ съ нимъ неразрывно. Некогда было останавливаться, горевать. Надо идти впередъ. Онъ таскалъ меня по избирателямъ, давалъ обѣды въ гостиницѣ либераловъ, и ѣлъ обѣды эти съ видимымъ удовольствіемъ; онъ безпрерывно произносилъ рѣчи. Вся сила его серіозно юмористическаго ума пришла въ дѣйствіе; онъ въ Чиппенденѣ какъ будто попалъ въ свою стихію. Съ баловъ и обѣдовъ и тяжкой борьбы для поддержанія положенія своего въ столицѣ, онъ появлялся къ намъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, свѣтлый какъ Аполлонъ, озаряя собою мѣстечко и ослѣпляя независимыхъ избирателей и женъ ихъ и даже меня до нѣкоторой степени, или по крайней мѣрѣ, приводя меня въ изумленіе. Деттерменъ, его довѣренный, никогда не видавшій его въ дѣйствіи, и предполагавшій что онъ къ выборамъ будетъ относиться такъ же какъ къ своему дѣлу, капризно и порывисто, былъ не менѣе меня удивленъ и старался сдерживать его.

— Любезный другъ мой, мистеръ Деттерменъ, полагаю что къ овдовѣвшей слободѣ нужно приступать пока слеза еще у ней на глазахъ, я такъ и сдѣлаю, какъ слѣдуетъ мущинѣ, говорилъ мой отецъ. — За нами начало, если не чѣмъ другимъ, такъ мы одолѣемъ непріятеля крѣпостью здоровья. Мы первые въ полѣ, и не пожать жатву, значило бы обнаружить совершенную неспособность.

Насъ стѣсняла его шутливость. Она доставляла ему большой успѣхъ, но производила все-таки неблагопріятное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ, и заставляла насъ молчать и играть роль пассивную. Политическихъ убѣжденій онъ, можно сказать утвердительно, не имѣлъ никакихъ. Онъ точно такъ же могущественно по своему дѣйствовалъ бы на

сторонѣ торіевъ, еслибы стоялъ за мистера Нормантона Гиппердона; можетъ-быть еще могущественнѣе, ибо дѣйствовалъ бы искреннѣе. Всѣ политическія правила его были торійскія; но онъ однако съ большимъ успѣхомъ опровергалъ ихъ предъ женами избирателей и предъ самими избирателями на публичныхъ собраніяхъ. Противникъ у насъ былъ опасный: оппозиціонный депутатъ, вытѣсненный изъ своего мѣста на сѣверѣ, красивый человѣкъ, какъ допускалъ отецъ, и богатый, будучи младшимъ членомъ банкирской фирмы въ Сити. Анна Пенрисъ знала его предательски, выдала нѣкоторые изъ секретовъ непріятеля, въ особенности относительно того что называлъ онъ нашею неисправимою наклонностью къ подкупу.

— Это значитъ, говорилъ мой отецъ,—что мистеръ Гилердонъ не обладаетъ искусствомъ разговаривать съ дамами. Попробую его находчивость на подмосткахъ. Надо бы чтобы Джоріанъ мой былъ подлѣ меня.

Задача вытащить Джоріана въ такое мѣсто какъ Чиллендень мучила отца моего болѣе чѣмъ избирательныя тревоги. Джоріанъ писалъ намъ:

„Желаю вамъ всякаго благополучія. Берегите свои головы. Обычай Англо-Саксовъ оканчивать свои шутки дубиной. Таково понятіе ихъ о свободѣ, и начало и заключеніе краснорѣчія. Пощадите меня отъ суссекскаго выговора, когда воротитесь.“

Отецъ мой читалъ вслухъ это письмо съ восклицаніями негодованія и восторга.

— А все-таки надо добыть его, сказалъ онъ, — я чувствую себя не полнымъ безъ Джоріана.

Онъ устроилъ концертъ въ городкѣ Чиллененѣ. Дженни Шасдіанъ приглашена была пѣть, и Джоріанъ, конечно, явился за нею слѣдомъ. Онъ пріѣхалъ на мученія. Она была такъ любезна что избрала меня орудіемъ наказанія бѣдняку за поступокъ его съ нею на балѣ, ужасный, какъ вынужденъ я былъ согласиться, только по моему болѣе относительно отца моего, чѣмъ относительно ея. Она призадумалась на минуту, словно соображая могутъ ли при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ права мущинъ приниматься въ разчетъ, когда рѣчь идетъ о правахъ женщинъ, и потомъ вдругъ всплеснула руками, восторженно восклицая что отецъ мой былъ самый величественный, самый очаровательный, сажый красивый Генрихъ III, какого только можно представить, краса собранія, лишь

чуточку слишкомъ румянъ для цвѣта своего платья и на волосъ слишкомъ полонъ въ таліи. Она разказывала что какой-то принцъ Генрихъ англійскій докучливо жужжалъ ему надъ ухомъ. Et Gascoigne, où est-il? воскликнулъ король, и судья появился, чтобъ усмирить неотвязчиваго юношу. Судья былъ Дженнингсъ, очевидно подготовленный отцомъ чтобъ отдѣлаться отъ принца, который былъ никто иной какъ Эдбери. Мнѣ было непонятно какъ отецъ могъ терпѣть его выходки, развѣ только что онъ пользовался его именемъ для векселей мнѣ неизвѣстныхъ. Mademoiselle Шасдіанъ божилась что ея платье было восхитительно. Она одѣта была будуарной пастушкой, или кокетливою севрскою Нинетой, въ родѣ тѣхъ которыхъ Людовикъ XV' бралъ за подбородокъ въ роковыхъ аллеяхъ Версаля. Причиной желанія ея отправиться на балъ былъ грѣхъ любопытства, слѣдовательно слабость общая ея полу. Джоріанъ одѣтъ былъ мушкатеромъ, съ изумительнымъ плюмажемъ и кружевами, но подъ лѣтушьими перьями скрывалось куриное сердце. Pourtant j'y allai, говорила Шасдіана.—Я видѣла вашихъ знатныхъ дамъ. Mon Dieu! Какъ онѣ держатся, когда хотятъ забавляться! Все искусство Парижа истощено на ихъ туалетъ, и длина ихъ платьевъ насколько возможно восполняетъ ихъ ростъ, parceque vous savez, monsieur, c'est extraordinaire comme elles ont les jambes courtes, ces anglaises. Аристократія ваша, однако, въ этомъ отношеніи лучше средняго сословія, но замѣтно что ваши аристократки, хотя ѣздятъ верхомъ, а ходить не пріучены.... De belles femmes, oui; seulement, tenez, je n'admire ni les yeux de vache, ni les yeux de souris, ni même ceux de verre comme ornement féminin. Avec de l'embompoint elles font de l'effet, mais maigres, il n'y a aucune illusion possible. Эта строгая цѣнительница злилась, и не безъ причины, при мысли объ удаленіи своемъ изъ бальной залы. Смѣлость, или слѣпая угодливость Джоріана тотчасъ же исчезла, какъ только онъ исполнилъ капризъ своей очаровательницы. Доблестный мушкатеръ поставилъ въ углу и заородилъ ее тамъ, утверждая что она желала придти чтобы видѣть другихъ, а не себя показывать, какъ будто, восклицала она досадливо, одно не предполагаетъ другаго. Принцъ Генрихъ въ самомъ разгарѣ своей необузданности замѣтилъ ее за усами мушкатера, и не преминулъ воспользоваться своимъ открытіемъ. Въ минуту опасную для репутаціи бала, отецъ

мой передалъ его въ руки Гасконья, и не спѣша вывелъ Дженни подъ ручку изъ комнатъ.

— Il est comme les Romains, говорила она. — Онъ никогда не отчаивается въ себѣ. Это Юпитеръ. Если онъ вынужденъ наказать васъ, такъ и наказаніе его лестно. Теперь я понимаю что съ такими женщинами какъ знатныя Англичанки, я причинила бы ему вредъ, еслибы не его высоко мужественный духъ.

Нѣкоторый вредъ, казалось мнѣ, былъ причиненъ, какъ ни утверждалъ отецъ противное. Ему приходилось бывать въ Лондонѣ черезъ день по вечерамъ, и толковали объ интригахъ противъ него, исходящихъ изъ весьма высокихъ сферъ. Но въ Чиппенденѣ онъ забывалъ о Лондонѣ, точно такъ же какъ въ Лондонѣ не думалъ о Чиппенденѣ. На лицѣ его не замѣтно было слѣда усталости или упадка духа. Я однажды заговорилъ о замѣткѣ въ газетахъ, исходящей какъ будто отъ принца Эрнста.

— Можетъ-быть, сказалъ онъ. — Теперь надо заниматься дѣломъ, Ричи!

Онъ принялся считать обѣщанные голоса, отстраняя всякія опасенія и сомнѣнія. Концерты, балы, обѣды, посѣщенія избирателей, произнесеніе рѣчей на нашихъ собраніяхъ—все это не оставляло мнѣ свободной минуты, исключая субботы, когда я ѣздилъ съ Темплемъ въ Риверсли провести воскресенье. Темпль, всегда готовый играть при мнѣ вторую роль, нѣсколько огорченный можетъ-быть что остается такъ въ тѣни и теряя вѣроятно надежду удостоиться Дженеты, утверждалъ будто этотъ выборъ составляетъ осуществленіе одной изъ нашихъ дѣтскихъ грезъ. Геріотъ не пріѣхалъ помочь мнѣ въ борьбѣ, по той, невѣрсятной для друзей его, причинѣ что велъ въ это время къ алтарю какую-то богатую невѣсту. Дженета хмурилась при его имени. Что онъ, образецъ мужественности въ ея глазахъ, такъ жадно бросался на деньги, унижало и ее, ибо она когда-то сочувствовала ему, уважала его, и даже, подъ вліяніемъ естественной реакціи, позволяла себѣ нѣсколько кокетничать съ нимъ. Джулія Белстедъ нисколько не чувствовала себя оскорбленною. Она радовалась что Вальтеръ Геріотъ наконецъ взялся за умъ. Жениться на деньгахъ—лучше ничего онъ сдѣлать не могъ, и она даже упрекала Дженету что она оскорбляется тѣмъ что женщинѣ, склонной къ ревности, скорѣе должно казаться комплиментомъ.

Дамы что-то вышивали для меня. Тетушка Дороти говорила съ безпокойствомъ о днѣ назначенномъ отцомъ моимъ для уплаты большой истраченной суммы. Все зависитъ отъ этого дня, утверждала она, основываясь на знаніи характера сквайра. Эта забота очень смущала ее.

— Онъ надѣется, Гарри, но гдѣ достанетъ онъ эти деньги? Дѣдушка твой тогда только будетъ доволенъ, когда увидитъ что онѣ будутъ помѣщены на твое имя въ правительственные фонды. Если же это не сдѣлается, онъ въ умѣ своемъ соединитъ тебя въ одно съ отцомъ твоимъ, и какъ до сихъ пору съ нимъ обращался, такъ будетъ обращаться съ вами обоими. Я его знаю. Онъ справедливъ, по своимъ понятіямъ; но онъ будетъ не въ состояніи отдѣлить тебя отъ отца. Онъ знаетъ что отецъ твой не сократилъ своихъ расходовъ со времени ихъ встрѣчи, онъ будетъ утверждать что тебѣ слѣдовало вразумить его. Она толковала объ этомъ до тѣхъ поръ пока слезы потекли по ея щекамъ, все настаивая на томъ что дѣдъ мой честнѣйшій, самый довѣрчивый изъ людей, и потому именно весьма строгій, когда считаетъ себя обманутымъ. Ожидаемый успѣхъ мой на выборахъ не утѣшалъ ее какъ меня. Она утверждала что отецъ мой навѣрное считаетъ успѣхъ этотъ равносильнымъ возвращенію денегъ, и просила меня предупредить его что въ Риверсли тогда только будутъ довольны, когда онъ дѣйствительно представитъ растраченную сумму. Милая тетушка моя, какъ мнѣ казалось, при всей добротѣ своей, становилась скупенька. Сквайръ прозвалъ ее Бережливостью. Она раздражила его, какъ объясняла мнѣ Дженета, подписавъ ничтожную сумму на пріютъ для моряковъ, которому онъ покровительствовалъ, такую сумму какую, по его мнѣнію, Белтаму было стыдно дать, и сверхъ того, она остановила постройку флигеля къ своей сельской школѣ, строившагося по начерченному имъ плану. Вообще она была взволнована и разстроена; она какъ будто думала что я могъ бы лучше держать отца въ порядкѣ. Въ Риверсли доходили новые и странные слухи о немъ. Но какъ могъ я въ Чиппенденѣ слѣдить за дѣйствіями его въ Лондонѣ? Да и сверхъ того онъ неутомимо хлопоталъ для меня.

Можно представить себѣ какія нападки приходилось ему встрѣчать и отражать!

— Что вы скажете о Дофинѣ? спросилъ его однажды Эдбери въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ.

— Это торійская гостиница, которой я не знаю, отвѣчалъ мой отецъ. Громкіе крики одобренія раздались кругомъ.

— Да здравствуетъ старый Рой! воскликнулъ Эдбери.

Отецъ мой остановилъ шумъ и обратился къ нему:

— Маркизъ Эдбери, выходите впередъ.

Эдбери не хотѣлъ двинуться съ мѣста, но находившіеся подлѣ него посторонились и оставили его одного предъ отцомъ моимъ, который, указывая на него пальцемъ, сказалъ:

— Господа, вотъ это молодой маркизъ Эдбери, членъ верхней палаты по праву рожденія; предназначенный давать законы вамъ и мнѣ. Онъ править нами, господа. Разсмотрите его, послушайте его, размыслите о немъ.

Онъ остановился какъ будто ожидая отвѣта. Молодой лордъ казался ошеломленнымъ и съ этой минуты велъ себя прилично.

— Онъ, пожалуй, напроказилъ бы завтра, говорилъ мнѣ отецъ, и выставляя ловкость свою слѣдствіемъ разчета, успокоивалъ меня нѣсколько и выводилъ меня на время изъ тяжелаго состоянія въ которое впадалъ я, видя какими средствами достигается успѣхъ въ нашей странѣ. Эдбери на своей четвернѣ подвезетъ нашихъ сторонниковъ къ мѣсту гдѣ подавались голоса. Намъ приходилось бороться съ сильною торійскою партіей. День былъ трудный, горячій, сомнительный. Слышались жалобы на неправильное вмѣшательство и подкупъ, пиво лилось, раздавались громогласныя привѣтствія, продѣлывались самыя невѣроятныя штуки. Старый Джонъ Трешеръ и фермеръ Экерти пріѣхали изъ Дипвела въ Чипленденъ, чтобы поддержать меня. Я смутился увидѣвъ ихъ, ибо они вязались въ умѣ моемъ скорѣе съ Дженетой, чѣмъ съ Оттиліей, а цѣль стремленій моихъ была Оттилія, въ то время какъ возрастало число голосовъ въ мою пользу и шумная толпа вокругъ великолѣпной коляски отца моего отвѣчала на его рѣчи провозгласивъ меня побѣдителемъ.

— Поздравляю васъ, мистеръ Ричмондъ, сказалъ Деттерменъ.—Я признаюсь опасался что мы здѣсь надѣлаемъ больше шума чѣмъ дѣла. Отецъ вашъ совершилъ чудеса.

Мой отецъ съ краской успѣха на лицѣ, отвелъ меня въ сторону, какъ только рѣшительное большинство семидесяти голосовъ было объявлено официально.

— Ну, Ричи, сказалъ онъ, — вотъ ты и членъ парламента. Теперь къ сквайру. Поблагодари толлу и исчезай, и скорѣе какъ можно въ Саркельдъ. Скажи сквайру что я прощаю его

подозрѣнія. Я благополучно ввелъ тебя въ парламентъ. Это его удовлетворитъ. Я готовъ.... скажи ему.... ты вѣдь знаешь что я способенъ завѣдывать копями.... званіе управляющаго его имѣніями.... все что̀ ему угодно, чтобы только достигнуть примиренія. Мнѣ надо быть въ Лондонѣ сегодня вечеромъ. Тамъ самый разгаръ боя. Но не въ этомъ дѣло. Ступай, мой сынъ.

Онъ обнялъ меня. Не время было читать ему мораль, хотя я и видѣлъ что онъ совершенно заблуждается.

Проѣхавъ верхомъ часть ночи съ Темплемъ и капитаномъ Белстедомъ, я, усталый, остановилъ лошадь, когда свѣтъ луны еще боролся съ утреннимъ свѣтомъ, подъ окнами Гренджи, любуясь ея усыпленнымъ величіемъ. Окно Дженеты было отворено. Я крикнулъ ей. „Что̀? Побѣда?“ отозвалась она изъ темной комнаты, какъ будто только-что спрыгнувъ съ постели. Она была одѣта. Она поручила фермеру Экерти привезти ей извѣстіе въ какой бы ни было часъ ночи. Увидавъ меня, она захлопала руками. „Гарри! Поздравляю васъ тысячу разъ!“ Она догадалась что я никакъ не пріѣхалъ бы еслибы дѣло кончилось не въ мою пользу. Я могъ только разсмотрѣть узелъ ея знаменитыхъ густыхъ темнорусыхъ волосъ, когда она высунулась изъ окна чтобы говорить съ нами, и мнѣ представилось какъ хороши должны быть эти волосы когда они распущены. Дженета сама отперла намъ дверь. Она ласкала лошадей нашихъ съ лихорадочною радостью, съ плѣнительнымъ, сдержаннымъ смѣхомъ торжества и привѣтствія; она повела мою лошадь въ конюшню и свистнула конюху, играя роль идущую иногда къ оригинальнымъ, живымъ характерамъ и лицамъ, роль дѣвушки-мальчика. Она со своею горничной приготовила намъ кофе, и обѣ онѣ появились въ залу одна за другою, нагруженныя блюдами съ холоднымъ мясомъ. Лишь послѣ того какъ капитанъ хорошо покушалъ, она сообщила ему лукаво что одна особа, которую она вчера привезла въ Риверели, въ настоящую минуту спитъ на верху. Ея веселость сообщилась намъ. Сердца въ насъ смѣялись. Щеки ея рдѣли прелестно. Мы украли не знаю сколько у ночи и дня, и смѣялись надъ капитаномъ Белстедомъ, и вели себя не совсѣмъ такъ какъ люди благоразумные, живущіе по опредѣленнымъ правиламъ. Никогда, со времени дѣтства ея, не видалъ я Дженету до такой степени въ духѣ: женственная броня сдержанности была отложена. Мы болтали съ веселою

дѣвочкой, не терявшею однако ни на минуту своего достоинства, принимая участіе въ нашихъ шуткахъ и проказахъ.

Мы съ Дженетой проводили Темпля до станціи желѣзной дороги. Ему нужно было поспѣть къ раннему поѣзду. На возвратномъ пути жаворонки пѣли надъ нами; мы пожали другъ другу руку, чувствуя что надо или ничего не говорить или сказать слишкомъ много, и что опасно то и другое. Разставаясь, мы простились такъ какъ принято по общимъ понятіямъ прощаться влюбленнымъ.

ГЛАВА XLIV.

Первая борьба съ отцомъ.

Желая чтобы дѣдушка принялъ участіе въ ея радости, Дженета перехватила его на пути къ завтраку. Румянецъ ея самъ говорилъ за себя. Я зналъ что̀ случилось, когда онъ бодро обратился ко мнѣ, потирая руки.

— Итакъ, ты членъ нижней палаты, Гарри? Подавляющее большинство? Нѣтъ? Ну все-таки ты пролѣзъ какъ воръ укравшій ключи Св. Петра. Однакожь пора за молитву. Гарри, вотъ тебѣ мѣсто подлѣ Дженеты. Капитанъ съ женой сядутъ насупротивъ васъ. Дороти, другъ мой, намъ ждать ихъ нельзя. Чѣмъ скорѣе отзавтракаемъ, тѣмъ лучше. Мнѣ нужно поговорить съ Гарри. Я сегодня буду пить за твое здоровье, Гарри. Соберемъ кой-кого. Дженета, можно пожалуй и потанцовать. Все удовольствіе въ жизни заключается въ томъ чтобы чувствовать себя дома въ своемъ домѣ, и очень немногіе могутъ этимъ похвастаться.

Несмотря на отсутствіе капитана Белстеда и Джуліи, сквайръ настоялъ на томъ чтобъ я сѣлъ подлѣ Дженеты; и мнѣ въ самомъ дѣлѣ было не все равно сидѣть ли съ ней рядомъ или далеко отъ нея. Жаръ вчерашней побѣды еще не остылъ. Мнѣ хотѣлось быть близко къ Дженетѣ, коснуться ея рукой; всѣ движенія ея мнѣ нравились. И не удивительно. Она въ душѣ считала себя неразрывно связанною со мною, невѣстой моею, и чувство новаго еще счастія, выражавшееся въ легкой томности глазъ, которыя не въ силахъ были долго останавливаться на моихъ глазахъ, плѣнило бы даже строгаго критика, какимъ я не могъ уже быть. И во всемъ этомъ не было

преувеличенія, часто замѣчаемаго у дѣвушекъ, портящихъ нѣжное чувство, слишкомъ стараясь выразить его. Густыя брови Дженеты хмурились рѣдко, и то лишь на минуту, съ легкимъ дрожаніемъ. Она говорила о выборахъ; жалѣла что не присутствовала на нихъ.

— Это все равно что на войну идти, сказалъ сквайръ, глядя на нее.—Да, я вѣрю тебѣ, мой другъ. Ты именно женщина способная поддержать мужа. Однако избѣгай житейскихъ стычекъ. Не выходи на бой рядомъ съ господиномъ твоимъ, пока не угрожаетъ опасность дому. Жаркое было вчера дѣло, Гарри?

— Зачѣмъ вы были всѣ въ бѣломъ, Гарри? вступилась Дженета.

— Ага! Тебя осыпали мукой, такъ что ли? засмѣялся сквайръ.

— Въ этомъ была навѣрное какая-нибудь мысль, сказала Дженета.

— Это значило: я человѣкъ чистый, именно такой какого вамъ нужно, не правда ли, Гарри?

— Что-то въ этомъ родѣ дѣлалось у древнихъ Римлянъ, или Грековъ, дѣдушка, сказала Дженета, намекая на мою склонность къ мелочному педантству.

— Въ чемъ же дѣло, Гарри, разказывай.

— Я просто одѣлся въ бѣлое утреннее платье.

— Съ ногъ до головы, и со шляпой?

— Съ ногъ до головы.

— Гм!... Онъ скорчилъ истинно англійскую гримасу.—Весь въ бѣломъ! Да вѣдь это одежда кающагося грѣшника. Такая что ли была у тебя мысль? И тебя не обозвали церковнымъ лѣвчимъ? Будь я тамъ, я бы не спустилъ тебѣ, мистеръ Гарри. Я бы не удержалъ языка своего. Весь въ бѣломъ! Да я бы нахлобучилъ тебѣ на голову вѣнокъ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ. Вѣдь ты должно-быть похожъ былъ на окаменѣлую жену Лота? Завернуться въ саванъ, словно покойникъ! Ужь не носили ли тебя лежа? Подавайте голосъ въ пользу трупа! Чортъ тебя возьми, Гарри, если это была твоя собственная выдумка!

— Я съ вами не согласна, дѣдушка, сказала Дженета, взглянувъ на тетушку Дороти, думавшую, также какъ и она, что лучше не давать сквайру пронюхать какую роль игралъ отецъ мой въ Чиппенденѣ. — Гарри всегда любилъ свѣтлые цвѣта, также какъ и мать его.

— Пожурить его немножко ради здраваго смысла не мѣшаетъ, отозвался сквайръ.—Къ чорту эту бѣлую одежду. У меня будетъ отъ нея кошмаръ. Это не по-англійски. Терпѣть не могу человѣка въ шутовскомъ платьѣ. Подумай, каковъ вышелъ бы ты въ карикатурѣ. Удивительно что тебя не схватили какъ кусокъ мѣлу чтобъ отмѣчать выпитое пиво на дверяхъ полливныхъ! Въ бѣломъ! На выборахъ-то и нужно показать свои цвѣта!

— Желтое и синее, цвѣта его партіи, хорошо выходятъ на бѣломъ, сказала Дженета.

Мы видѣли что сквайръ напалъ на слѣдъ отца моего.

— Ты одинъ былъ въ бѣломъ? спросилъ онъ, и затѣмъ прибавилъ: — сколько стоило тебѣ избраніе?

— Вопервыхъ, остановилъ я его, — положимъ цѣну бѣлой шляпы въ двадцать пять шиллинговъ.

— О! Я заплачу всѣ издержки и желаю самъ поглядѣть на счеты, сказалъ онъ.

Подъ вліяніемъ Дженеты, онъ опять развеселился, но это былъ лишь проблескъ домашняго солнца. Онъ увелъ меня въ библіотеку, и объявивъ будто видитъ по лицу своей дѣвочки что дѣло идетъ на ладъ, онъ спросилъ меня согласенъ ли я чтобъ онъ тотчасъ же поѣхалъ въ Ильчестеръ.

— Одна пустая формальность, замѣтилъ онъ. — Послѣ этой формальности, два слова повѣренному, и останется только священнику объявить о предстоящемъ бракѣ.

Жалко было видѣть какъ онъ воздвигаетъ свое побѣдное знамя на карточномъ домикѣ, который сейчасъ же обрушится отъ одного моего дыханія. Я смягчилъ ударъ насколько могъ. Грозило повтореніе прежнихъ сценъ между нами.

— Я человѣкъ старый, сказалъ онъ почти дрожащамъ голосомъ, но хмурясь однако, въ отвѣтъ на мою просьбу не торолить меня. — Эта принцесса твоя тебѣ отказала; чего же тебѣ ждать? Мѣсяца довольно. Я желаю предъ смертью видѣть въ домѣ моемъ колыбель на попеченіи такой женщины какъ моя Дженета. Она не воспитаетъ ни куколъ, ни подлецовъ. Я могу быть увѣренъ что она вскормитъ настоящихъ Англичанъ. Ты теперь образумился, не станешь же ты томить меня. Ты ведешь себя какъ будто ты дѣвушка.

Мнѣ казалось что Дженетѣ слѣдовало бы вести себя болѣе прилично своему полу. Не принимая въ соображеніе естественное желаніе обрадовать старика, котораго она любила, я

непріятно пораженъ былъ ея не женственною послѣшностью. Я сознавалъ что поцѣлуй равняется признанію въ глазахъ прямодушной дѣвушки, уважающей любимаго человѣка, но такъ какъ ни одного слова не было сказано мною, мнѣ казалось что и ей слѣдовало бы повременить сообщать объ этомъ. Правда, она выдала себя лишь румянцемъ лица и измѣнившимся выраженіемъ глазъ; старикъ налегалъ на это въ доказательство своей проницательности. Я винилъ ее потому что мнѣ было нужно чтобъ она казалась виноватою. Начались старыя пререканія, недоразумѣнія, объясненія, сильныя выраженія гнѣва, съ тою только разницей что я пошелъ на отсрочку, а онъ старался умаслить и подкупить меня. Онъ намекнулъ на счетъ моего банкира, какъ на дѣло не важное, если я поступлю теперь какъ порядочный человѣкъ. Я колебался. Поворотъ чувства снова вызвалъ въ моей памяти образъ Оттиліи, голосъ ея послышался въ ушахъ моихъ. Я сказалъ рѣшительно:—Я не могу связать себя. Я ни на что не могу рѣшиться, пока не услышу отъ самой принцессы что она мнѣ отказываетъ.

— Значитъ, ты хватаешься за обѣихъ и готовъ взять какую удастся! воскликнулъ сквайръ. Замѣчаніе не лестное для человѣка въ моемъ положеніи.

Онъ предложилъ уплатить долги отца моего до суммы пяти тысячъ фунтовъ. Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Смѣйся, сказалъ сквайръ.—Онъ увѣряетъ тебя что деньги ему ни почемъ. А на дѣлѣ-то онъ гоняется за ними и днемъ и ночью. Полно, Гарри, рѣшайся! Останемся ли мы при томъ на чемъ остановились когда онъ старался сбить меня съ толку въ домѣ моего управляющаго, или все улажено однимъ пожатіемъ руки? Я держу свое слово. Я далъ тебѣ слово относительно принцессы, но оно теряетъ силу, если ты окажешься лгуномъ, сообщникомъ того негодяя, ожидающимъ моей смерти чтобы пустить мои деньги на вѣтеръ. Да и не можешь ты достать свою принцессу. Она отказала тебѣ печатно. Дженета мнѣ показывала. Что ты поднимаешь брови? Она имѣла право показать. Довольно она скрываетъ и скрадываетъ. Мнѣ не всегда удается видѣть собственныя мои газеты. Ну, рѣшайся же, берешь ты ее, или нѣтъ?

Я выразилъ сожалѣніе что при настоящихъ обстоятельствахъ.... Онъ прервалъ меня.

— Такъ скажи же отцу своему что я ожидаю извѣстія отъ

него въ назначенный день, то-есть черезъ пять дней. Я не приму отговорокъ. Мнѣ подай деньги. Не для меня, для тебя же. Это твои деньги. Но пусть онъ сдержитъ свое слово.... Чортъ бы взялъ его слово.... Не то и я беру свое назадъ, и можешь отправляться ухаживать за своей принцессой на собственныя средства. Ступай, со мной сдѣлается припадокъ подагры. Меня съ нѣкоторыхъ поръ всегда схватываетъ, какъ только увижу тебя.

Дженета гуляла на лужайкѣ предъ домомъ. Мы оба поглядѣли въ окно. Сквайръ пробормоталъ:

— Чтобы не было у меня этого ухаживанія за двумя сразу. Я не дамъ приставать къ моей дѣвочкѣ. Ты думаешь она не чувствуетъ? Ты еще не знаешь ее. Она всю жизнь глубоко чувствовала твое поведеніе. Если она такая статная и сильная, такъ потому что никогда себя не жалѣетъ. Дѣвушка прелесть; стройная какъ лилія; добрая. Ты можетъ-быть думаешь что ей не дѣлали предложеній? Я сколько могъ удалялъ ее отъ всѣхъ молодыхъ людей, кромѣ тебя. Я не добръ былъ къ ней. Да благословитъ ее Богъ. Надѣюсь, она проститъ меня. Старикъ говорилъ сквозь слезы; это слышно было по голосу и не глядя на его лицо. Тяжело и обидно было мнѣ избѣгать Дженеты. Какъ гуляла она на лужайкѣ пока дѣдъ мой говорилъ о ней, она мнѣ представлялась во всей опредѣленности своего личнаго характера, не похожаго на другихъ женщинъ. Я сознавалъ что сердце ея принадлежитъ мнѣ, и сознавалъ также что могу лишиться его, если не перестану бросаться то въ ту, то въ другую сторону, хвататься то за одно, то за другое.

Крайне недовольный собой, я болѣе прежняго способенъ былъ бороться съ моимъ отцомъ. Надо было сразу нанести ударъ. Я сказалъ ему что сквайръ ожидаетъ уплаты денегъ, и что если онѣ не будутъ уплачены, я могу считать себя лишеннымъ наслѣдства. И рѣшеніе это окончательное, будьте увѣрены. Я готовился къ многословію. Отецъ мой весьма серіозно призадумался и молчалъ. Поглядѣвъ на него черезъ нѣкоторое время, я не могъ рѣшить размышляетъ ли онъ глубоко, или находится въ упадкѣ силъ. Онъ дышалъ тяжело; руки его, лежащія на ручкахъ креселъ, поднимались и опускались. Что̀ выражалось этимъ: чувство, размышленіе, или отупѣніе? Я присталъ къ нему.

— Занять такую сумму невозможно, да я и не согласился

бы. Не написать ли принцу Эрнсту, прося возвратить деньги положенныя въ его копи?

Онъ не отвѣчалъ ни слова, но съ проницательностью подозрительности я тотчасъ же догадался что деньги эти уже были уплачены, и, безъ сомнѣнія, истрачены.

— Такъ на это слѣдовательно нельзя разчитывать. У насъ, какъ видно, нѣтъ ничего. Не знаю что̀ воображалъ я себѣ. Я вѣрилъ вамъ, когда вы говорили что будете готовы къ назначенному дню. Или можетъ-быть у васъ есть еще средства, мнѣ неизвѣстныя?

Онъ застучалъ по ручкамъ креселъ:—Дай мнѣ подумать, Ричи, дай мнѣ подумать.

Его размышленіе похоже было на сонъ. Я сказалъ что вернусь къ обѣду, и отправился отыскивать утѣшителя моего, Темпля, у котораго просилъ ночлега подъ его счастливымъ кровомъ.

— Вотъ твоя комната, сказалъ Темпль.—Ты пойдешь въ палату сегодня? Я буду ждать тебя. Геріотъ приходилъ сегодня утромъ.

Онъ слишкомъ занятъ былъ случаемъ разстроившимъ бракъ Геріота, чтобы слушать меня. Дѣло заключалось въ томъ что Цыганка извѣстная намъ обоимъ явилась не то въ церковь, не то въ домъ невѣсты, и остановила свадьбу. Геріотъ приходилъ къ Темплю и взбѣшенный и смѣющійся, и объявилъ что ему отдали назадъ его слово и что онъ свободенъ. Онъ смертельно боялся чтобъ этого случая не напечатали въ какой-нибудь газетѣ; это всего больше его тревожило. Мнѣ было даже отчасти пріятно что не я одинъ испытываю такого рода опасенія. Жалѣть о Геріотѣ не могъ никто кто зналъ его хорошо. Онъ смотрѣлъ на вещи по-своему и держалъ себя такъ что отстранялъ всякое соболѣзнованіе. Онъ сообщилъ Темплю скромное желаніе поймать и поколотить Цыганку, такъ какъ она предпочитаетъ удары брани. Ея пылкая смѣлость плѣняла его, хотя онъ на нее и сердился:

— Нѣтъ, ты представь себѣ... твердилъ Темпль даже послѣ того какъ я разказалъ ему свои болѣе серіозныя обстоятельства.

Какъ для многихъ занятыхъ людей, для Темпля были развлеченіемъ уклоненія его друзей, въ которыхъ онъ принималъ искреннее участіе.

Отецъ мой ничего, повидимому, не придумалъ въ мое от-

сутствіе. Онъ жаловался на жестокость и упрямство сквайра, не довольствующагося бракомъ съ принцессой и вступленіемъ въ парламентъ. Языкъ у него опять развязался. Онъ говорилъ что обдумалъ планъ дѣйствія, но не хотѣлъ сообщить его, ожидая съ нетерпѣніемъ обѣда. Онъ казался изнуреннымъ и нѣсколько разъ убѣждалъ меня не падать духомъ.

— Не изъ чего, говорилъ онъ, нѣтъ ни малѣйшей причины. Ты пьешь слишкомъ мало вина.

Разговоръ о винѣ въ такомъ положеніи какъ наше возмутилъ меня. Я сталъ умолять отца чтобъ онъ бросилъ свой домъ, свое общество, всѣ свои безразсудства, все, исключая, если ему угодно, только процессъ его, который, впрочемъ, замѣтилъ я, люди знающіе и безпристрастные считаютъ безнадежнымъ.

— Деттерменъ и Ньюсонъ, отозвался онъ, — открыли батарею, которая подѣйствуетъ немедленно.

Потомъ, останавливаясь, будто заговорилъ о дѣлѣ съ человѣкомъ стоящимъ на границѣ помѣшательства, онъ повторилъ:

— Вино, Ричи, вино, вотъ что̀ тебѣ нужно.

— Я не буду пить, отвѣчалъ я.

— Ричи, твой пульсъ, сказалъ онъ, и началъ утверждать что необходимо посовѣтоваться съ докторомъ.—Я отправилъ письмо въ Саркельдъ сегодня. А! вотъ теперь ты проясняешься, милый мой! Отвѣдай вина императрицы, не маркграфини.... я помню прекрасное слово мистера Темпля. Выпей-ка. Подумаешь, мы побиты. Этого никто еще не могъ сказать обо мнѣ.

Рѣшившись на что-нибудь подъ вліяніемъ досады, мы обыкновенно стоимъ на своемъ до слѣдующаго дня. На приглашеніе выпить я отвѣчалъ отказомъ. Темпль не отставалъ отъ отца. Отецъ хвалилъ его.

— Я говорилъ Ричи на верху, въ моей уборной, сказалъ онъ, — что помню ваше прекрасное замѣчаніе о „маркграфинѣ винъ“, мистеръ Темпль. Оно приводитъ на память тотъ вечеръ и двухъ милыхъ странствующихъ юношей, веселость которыхъ и меня веселила. Не пить добраго вина значитъ добровольно вычеркивать изъ жизни всѣ хорошіе дни какіе вы прожили и еще намѣрены прожить. Вино—мой другъ, мой совѣтникъ, моя сокровищница, мой Алладиновъ садъ. За виномъ я пятьдесятъ разъ выигрываю свое дѣло. При одной мысли о водѣ все тонетъ, какъ молодая, красивая женщина, которую я когда-то видѣлъ лежащею на соломѣ. Она одѣта

была очень тщательно. Съ тѣхъ поръ я ненавижу воду: вода убійственна, Ричи.

Онъ опять сталъ угощать меня. Настроенный противъ него, я видѣлъ безсмыслицу во всемъ что онъ говорилъ, и припоминалъ какъ я сначала цѣнилъ его многословныя рѣчи, потомъ дивился и отчасти завидовалъ имъ, потомъ оправдывалъ ихъ и наконецъ уже только старался оправдать. Теперь слушать его сдѣлалось для меня почти нестерпимымъ.

— Однажды, мистеръ Темпль, обратился онъ къ своему пьющему собесѣднику,—здѣсь въ Лондонѣ, въ глухой мѣстности, укрывая одну даму подъ зонтикомъ отъ грозы, что между прочимъ повело къ сближенію болѣе выгодному для меня чѣмъ я могъ ожидать.... Келлингтонъ звали эту даму, теперь покойницу.... Мы увидѣли на другой сторонѣ улицы жалкаго оборванца стоящаго подъ водосточною трубой. Почему предпочиталъ онъ воду льющуюся изъ трубы дождю, я понять не могъ. Мистрисъ Келлингтонъ, дѣвица лѣтъ тридцати семи.... говоря о лѣтахъ дамы, мы не подходимъ слишкомъ близко къ роковымъ сорока годамъ, чтобы не перевалиться на другую сторону, гдѣ обрывъ, рекомендую вамъ держаться этого правила, мистеръ Темпль.... Итакъ, мистрисъ Келлингтонъ стала искать кошелька. Я замѣтилъ ей что дать денегъ этому человѣку значило бы платить за дрожь. Я не жестокосердый человѣкъ, но утверждалъ тогда и теперь утверждаю что негодяй этотъ выкинулъ штуку непростительную, заслуживающую наказанія, гораздо худшую чѣмъ поступокъ бѣдной дѣвушки прямо бросившейся въ воду. Съ тѣхъ поръ, видя человѣка льющаго воду, когда есть вино, я приломинаю оба эти случая, и дрожь пробѣгаетъ по спинѣ моей.

Онъ въ самомъ дѣлѣ содрогнулся.

— Ну что жь, Ричи? обратился онъ ко мнѣ съ рюмкой въ рукахъ.

Я кивнулъ головой и коснулся вина губами. Онъ послалъ своего человѣка Толлингби за самымъ старымъ виномъ какое было у него въ погребѣ, „виномъ навѣрное неоплаченнымъ“, думалъ я пока онъ его расхваливалъ.

Это закупаніе и расписываніе отборнаго вина на призрачный кредитъ представилось мнѣ ключомъ ко всей его дѣятельности. Я твердо отказался отвѣдать это вино.

— Онъ сомнѣвается во мнѣ, воскликнулъ отецъ мой, обращаясь къ Темплю.— Ричи во мнѣ сомнѣвается. Онъ не

вѣритъ въ мою любовь къ нему, не вѣритъ въ мое дѣло, не вѣритъ въ способность мою выполнить мои обязанности и сдержать данное обѣщаніе.

Переведя духъ, какъ человѣкъ получившій тяжелый ударъ, онъ заговорилъ съ жаромъ, забывая прислугу, потомъ понизилъ голосъ и началъ опять свои цвѣтистыя оправданія и заявленія любви къ сыну, который не хочетъ выпить съ нимъ вина. Я не могу передать всей убѣдительности его рѣчей. Онѣ очевидно подѣйствовали на Темпля, который, прихлебывая, какъ знатокъ, старое вино, отвѣчалъ только: „да, конечно“. Но я молчалъ. Отецъ мой волновался. Слуги очевидно не привыкли видѣть его въ такомъ состояніи. Онъ не заговаривалъ о семейныхъ дѣлахъ пока со стола не прибрали и не разставили графиновъ съ виномъ.

— Одинъ стаканъ чистѣйшаго краснаго, какое когда-либо было привезено, Ричи. Ну, выпей же для меня.

Я покачалъ головой.

Онъ ударилъ по столу рукой, восклицая что я его обижаю, что это несправедливо, неблагодарно, безразсудно! Онъ заговорилъ что пойдетъ въ кабалу ради меня, что приберегъ эту горькую чашу на крайній случай, и теперь выпьетъ ее, что есть богатая дама, которую онъ уважаетъ и поклянется любить если она поможетъ сыну.

— Пока есть женщины, говорилъ онъ, — средства мои неистощимы, я смѣюсь надъ всѣми невзгодами. Женщина для меня всегда готовый исходъ, добрый геній-хранитель, залогъ благополучія.

Онъ говорилъ отрывисто, несвязно, неясно, съ недомолвками. Я боялся за его разсудокъ. Виновато отчасти было вино. Онъ пилъ много. Я не отрицалъ его упрека что хочу дать ему урокъ. Я желалъ чтобъ урокъ этотъ принесъ пользу.

Только выйдя на улицу съ Темплемъ, направляясь къ его дому, моему отрадному убѣжищу, я понялъ что отецъ мой выразилъ намѣреніе поправить дѣла наши женившись на богатой женщинѣ, и женщина эта, какъ сообразили мы съ Темплемъ по разнымъ намекамъ, могла быть не кто иная какъ леди Сампльменъ.

Джоріанъ Девитъ утверждалъ что эта богатая вдова ждетъ только предложенія отъ моего отца. При настоящихъ обстоятельствахъ я смотрѣлъ сквозь пальцы на дурную сторону этого брака. Она можетъ дать мнѣ взаймы деньги, чтобъ

успокоить сквайра; потомъ мнѣ не трудно будетъ уплатить ихъ. Въ письмѣ къ тетушкѣ Дороти я сознавался что многое можно возразить, но вѣдь эта дама давно влюблена въ него, онъ уже выжилъ изъ лѣтъ страстныхъ привязанностей и навѣрное будетъ добръ и привѣтливъ къ ней. Она богата. Она будетъ, безъ сомнѣнія. бдительно заботиться о немъ. Конечно, съ такою женой онъ не будетъ уже вращаться въ высшихъ кругахъ общества. Но слѣдуетъ ли жалѣть объ этомъ? Все письмо выражало лишь мои личные интересы, едва прикрытые. Когда я писалъ письмо это, цѣль къ которой оно было направлено была однако гораздо менѣе дорога мнѣ нежели въ то время какъ я позволялъ отцу безъ сопротивленія заграждать мнѣ путь къ ней. Съ одной стороны Дженета и мирная жизнь въ Риверсли представлялись не лишенными привлекательности. Съ другой, съ образомъ Оттиліи поднималось бурное море, мрачная, безнадежная картина. И однако въ эту сторону я стремился. Я шелъ наперекоръ своимъ наклонностямъ, согласнымъ съ чувствомъ чести и долга, воображая что наклонности эти низкія, что уступить имъ было бы слабостью, и упорно преслѣдовалъ высокую, какъ думалъ я, цѣль сомнительными путями.

„Ты ли это, Гарри“, отвѣчала мнѣ тетушка Дороти, „совѣтуешь отцу жениться изъ такихъ невыразимо недостойныхъ побужденій? Что ты заплатишь ей деньги, я вѣрю и безъ увѣреній твоихъ. Деньги ничего не значатъ. Всю будущность ея ты хочешь подвергнуть опасности ради своихъ цѣлей. Неужели ты способенъ на такіе поступки которые самъ же ты болѣе всего осуждаешь? Это надо остановить тотчасъ. Этого нельзя. Брака по обоюдной наклонности, выгоднаго и съ практической точки зрѣнія, можно бы пожалуй желать ему, еслибъ онъ былъ совершенно въ себѣ увѣренъ. Жена могла бы уговорить его не продолжать своего процесса. Въ этомъ я давно вижу его гибель. Онъ основываетъ на этомъ процессѣ такія надежды. Но то о чемъ ты говоришь хуже, хуже брака изъ-за денегъ. И ты это одобряешь. Я едва могу удержаться отъ мысли что это похоже на заговоръ. Она женщина простодушная, глупая. Развѣ тебѣ не жаль ея? И жалѣя ее, можешь ли ты допустить чтобъ ее поймали въ ловушку? Извини мою кажущуюся рѣзкость. Я не часто говорю такъ съ моимъ Гарри. Я теперь такъ говорю потому что обращаюсь къ тебѣ какъ къ главному отвѣтственному лицу, на котораго падетъ вся тяжесть ужасной ошибки. Напрасно не ввѣряешься ты любви дѣда и благости милосердаго Провидѣнія. О, другъ мой, слѣдуй чистой своей совѣсти и избѣгай сомнительныхъ средствъ. Я надѣюсь что послѣ нѣсколькихъ

недѣль дѣдъ твой будетъ съ тобою такимъ же какимъ былъ прежде. Я знаю что онъ не ожидаетъ выполненія обѣщаннаго. Ты въ парламентѣ, и если ты будешь удаляться отъ посторонннихъ вліяній, жить скромно, я увѣрена что онъ исполнитъ твое желаніе."

Письмо было длинное. Въ заключеніе она просила меня отвѣчать съ однимъ изъ раннихъ поѣздовъ и убѣждала еще разъ отсрочить по крайней мѣрѣ всякій рѣшительный шагъ. Это письмо ясно обнаружило то что̀ я давно уже предполагалъ.

ГЛАВА XLV.

Счастье чудесно выручаетъ отца.

Въ отвѣтѣ моемъ тетушкѣ Дороти я налегалъ на то что отецъ мой далъ честное слово удовлетворить сквайра въ извѣстный день. Меня пугаетъ, говорилъ я, крикъ который поднимется на него въ Риверсли, если онъ не сдержитъ этого слова. Что касается до вдовы, то деньги ея можно обезпечить за нею, прежде чѣмъ ввѣрится она бурной пучинѣ. Сумма данная мнѣ взаймы будетъ лежать неприкосновенно у моего банкира и уплатится обратно спустя нѣкоторое время. Объ этомъ я особенно распространялся, частію чтобъ успокоить тетушку, а частію также чтобъ оправдаться въ своихъ собственныхъ глазахъ. Легкій тонъ принятый мною въ этомъ письмѣ нравился мнѣ пока оно писалось и показался неумѣстнымъ какъ только оно было отправлено. Но письмо по особому требованію не должно быть писано обыкновеннымъ языкомъ, разсуждалъ я. Да и можно ли писать серіозно о такой особѣ какъ леди Сампльменъ? Однако, подъ вліяніемъ тетушкиныхъ замѣчаній, я остановилъ отца, когда онъ готовъ былъ ѣхать къ ней. Экипажъ стоялъ уже у дверей. Я заговорилъ о ростовщикахъ. Онъ перепробовалъ всѣхъ ихъ. Онъ просилъ меня не задерживать его. Но мнѣ казалось позорнымъ чтобъ это сдѣлалось на моихъ глазахъ, и я не пускалъ его. Онъ наканунѣ перебывалъ у всѣхъ людей дающихъ взаймы деньги. Они требовали для такой суммы какая намъ нужна была болѣе серіознаго обезпеченія, нежели надежды на будущее. Деттермень и Ньюсонъ отказались капитализировать ежегодный доходъ отца. Сама судьба указывала на леди Сампльменъ.

— Ты мѣняешься со дня на день, Ричи, сказалъ отецъ,—я всегда тотъ же. Я осчастливлю добрую душу. При всей надлежащей скромности, полагаю что мнѣ стóитъ только сдѣлать предложеніе. Пусти меня и дай кончить. Въ моихъ глазахъ дѣло сдѣланное становится священнымъ. Да я и всегда держалъ ее про запасъ. Не то чтобъ я думалъ что счастье насъ оставило, но благоразумный человѣкъ не полагается исключительно на его причудливость. Я бы поѣхалъ еще вчера, если-бы не услыхалъ отъ Деттермена и Ньюсона что намъ дѣлаютъ намеки на возможность соглашенія. Правительство не на шутку испугано. Онъ задумался.—Однако я передумалъ за ночь и пришелъ къ убѣжденію что мой Ричи рискуетъ лишиться плода всѣхъ моихъ трудовъ. Добрая женщина ссудитъ мужа деньгами. Давая слово сквайру, я полагалъ что двухъ мѣсяцевъ будетъ достаточно. Намъ еще остается два. Я слыхалъ о людяхъ падавшихъ духомъ предъ концомъ, тогда какъ стоило только не терять вѣры въ себя до послѣдней минуты, и исходъ оправдалъ бы ихъ. Вѣра творитъ чудеса. По крайней мѣрѣ она даетъ имъ время совершиться.

Мнѣ не пришлось долго его уговаривать отложить поѣздку къ леди Сампльменъ. Но что онъ поѣхалъ бы, скажи я одно слово, и былъ уже на отъѣздѣ когда я пришелъ, въ этомъ не могло быть сомнѣнія.

Видимо ободрившись, онъ отправился къ Деттермену и Ньюсону. Какой-то грязный бродяга, называвшій себя Келлингтонъ, бѣжалъ нѣсколько шаговъ за его экипажемъ. Не успѣвъ уловить ни одного взгляда, онъ отсталъ, и подойдя ко мнѣ, началъ толковать о томъ какъ сестра его завѣщала всѣ свои деньги Рою Ричмонду на роскошь и мотовство, оставивъ его въ нищетѣ. Разказъ пьянаго, прерываемый отрыжкой, не внушаетъ довѣрія. Я бросилъ ему золотой. Мнѣ казалось что я слышалъ отъ отца имя его сестры.

— Если вы сынъ Роя Ричмонда, заговорилъ онъ опять,—такъ скажите ему отъ меня что мистрисъ Димеръ не можетъ уже очень долго отсрочивать счеты мужа, а старый Бедженгопъ сливается съ кругу. Такъ значитъ пропадаетъ его послѣдній свидѣтель. Я не врагъ ему, и вамъ также, пока получаю мою пенсію. Я говорю только: подайте мнѣ что̀ мое.

Мистрисъ Вадди знала что этотъ Келлингтонъ одинъ изъ состоящихъ на пенсіи у отца моего.

Мистеръ Темпль познакомилъ меня въ большомъ политиче-

скомъ клубѣ съ господами которые вызвались ввести въ палату новаго члена. Мои вѣчно тревожныя обстоятельства не давали мнѣ вкусить какъ слѣдовало всю гордость и радость моего положенія. Изъ клуба я направился къ мѣсту жительства Темпля и встрѣтилъ на улицѣ молодаго Эккарта фонъ-Гофъ, моего бывшаго секунданта, только-что пріѣхавшаго въ Лондонъ и весьма выдѣляющагося своею германскою наружностью среди лондонскаго люда. Онъ едва могъ говорить о Германіи отъ восторга, внушаемаго ему движущимися вокругъ него массами. Пріѣхалъ онъ въ Англію, какъ добродушно увѣрялъ меня, съ цѣлью изучить нѣкоторыя изданія Тибулла, находящіяся въ Британскомъ Музеѣ. Рѣшившись наконецъ заговорить о Саркельдѣ. онъ сообщилъ мнѣ что принцъ Германъ часто тамъ бываетъ.

Медленное движеніе тѣснящихся кэбовъ и омнибусовъ привлекало вниманіе Эккарта. Тутъ внезапно представился ему случай замѣтить сколько пылу и стремительности таится подъ сдержанною наружностью Англичанина. Я увидалъ тетушку Дороти въ ряду кэбовъ, ѣхавшихъ изъ Сити, и тотчасъ же бросился посреди колесъ, дышлъ и кивающихъ носовъ извощичьихъ лошадей, чтобы взять ее за руку и освѣдомиться о причинѣ присутствія ея въ Лондонѣ. Она пріѣхала по семейнымъ дѣламъ—вотъ все что̀ узналъ я отъ нея. Я сказалъ что заставилъ отца отложить на нѣсколько дней исполненіе своего намѣренія. Ей это видимо было пріятно. Она очень боялась опоздать къ обратному поѣзду, поэтому я выпустилъ ея руку, велѣлъ извощику ея ѣхать скорѣй и поспѣшилъ выручить Эккарта, послѣдовавшаго за мною, какъ вѣрный товарищъ, изъ хаоса съѣхавшихся экипажей, оглашаемаго вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ. Добравшись благополучно до тротуара, Эккартъ скромно сознался что при случаѣ способенъ заговорить по-англійски. Я старался забавлять его какъ могъ. Забавно ли ему было видѣть какъ я занялъ свое мѣсто въ нижней палатѣ и слышать пренія на чужомъ языкѣ, не знаю; для меня единственное удовольствіе при этомъ заключалось въ мысли что онъ, или отецъ его, баронъ фонъ-Гофъ, разкажетъ это обстоятельство за столомъ принца Эрнста. Оттилія должна будетъ сознаться что я съ своей стороны выполнилъ нашъ договоръ. Разорившись и зная что принцъ Германъ въ Саркельдѣ, я не имѣлъ уже надежды, и хотѣлъ только показать ей что иду путемъ ею предначертаннымъ.

Мое теперешнее возвеличеніе только заставило меня почувствовать глубокое мое ничтожество.

— Въ палатѣ главное быть дѣловымъ человѣкомъ, сказалъ Чарльсъ Эмерель, который ввелъ меня, посовѣтовавъ мнѣ хранить молчаніе въ продолженіи двухъ, трехъ засѣданій.

Онъ предложилъ мнѣ заняться пока иностранными дѣлами. Я заговорилъ о нихъ тономъ доктора Юліуса фонъ-Карстегъ.

— Это журналистика, или отрывки изъ желчной статьи, сказалъ Эмерель.—Это для палаты не годится. Браните, если угодно, палату странѣ, но никогда не браните страну палатѣ.

Когда я просилъ его извинить сказанныя нелѣпости, онъ отвѣчалъ:—Ничего, все это подаетъ большія надежды, только молчите до времени.

Но молчать значило быть куклой. Если въ палатѣ главное годность къ дѣламъ, значитъ я только занималъ мѣсто которое должно бы принадлежать болѣе достойному человѣку.

При выходѣ изъ палаты я былъ встрѣченъ поздравленіями Темпля. Его ощущенія сообщились мнѣ; я сталъ цѣнить свое положеніе, видя дружественную зависть стараго товарища.

— И я когда-нибудь тамъ буду, сказалъ онъ,—вздыхая при мысли что только въ преклонной старости удастся добиться этой чести. Присутствіе Эккарта помѣшало мнѣ разговориться съ нимъ, какъ бы хотѣлось. Передавъ Нѣмца на попеченіе мистрисъ Вадди, я сталъ раздумывать о непрочности моего положенія, съ которымъ уже начиналъ свыкаться. Поговаривали о подачѣ на меня прошенія. Если сквайръ лишитъ меня наслѣдства, могу ли я устоять? Во мнѣ пробуждалась жадность богатства, меня бросало и въ жаръ и въ холодъ при мысли о зависимости отъ дѣда. Я не спалъ всю ночь, переносясь изъ Риверсли въ Саркельдъ и видя себя осужденнымъ жениться на Дженетѣ и отказаться отъ принцессы, или лишиться богатства и значенія въ обществѣ, если не представлю черезъ нѣсколько часовъ росписку банкира моего въ полученіи извѣстной суммы. Я обѣщалъ Эмерелю завтракать съ нимъ. Жалобная записка, присланная отъ мистрисъ Вадди на квартиру Темпля, увѣдомила меня что „эти люди“ явились. Если такъ, то это лишь предвѣстники цѣлой орды, и отецъ мой погибъ. Онъ все ставилъ на карту и слѣдовательно не заслуживалъ сожалѣнія. Прощай честолюбіе, думалъ я, и ѣлъ плотно, размышляя какъ избѣгнуть слишкомъ глубокаго па-

денія. Отчетъ о парламентскихъ преніяхъ въ утреннихъ газетахъ, конечно, болѣе краснорѣчивый и правильный, чѣмъ то что̀ слышалъ я вчера, страннымъ образомъ освободилъ меня отъ чувства собственной слабости, внушеннаго мнѣ произносившимися при мнѣ рѣчами. Оно замѣнилось какимъ-то надменнымъ сознаніемъ своего превосходства. Эмерель благосклонно меня выпытывалъ, говорилъ мнѣ комплименты, и мнѣ представилось трагическое противорѣчіе между моими способностями и предстоящею мнѣ, вѣроятно, участью. Я могъ однако жениться на Дженетѣ. Но это значило самому навсегда отказаться отъ той которая указала мнѣ путь къ славѣ и должна была быть наградой моихъ трудовъ. На это я не могъ рѣшиться. Я отправился къ Аннѣ Пенрисъ, чтобъ услышать голосъ женщины и разказалъ ей отчасти мои тревоги. Мистеръ Гиппердонъ, какъ сообщила она мнѣ, былъ увѣренъ что вытѣснитъ меня современемъ. Она приходила въ негодованіе отъ чего-то что̀ маркизъ Эдбери позволилъ себѣ съ моимъ отцомъ.—Какъ вы можете выносить это! воскликала она. Я молчалъ, но возбужденный ея негодованіемъ, уйдя отъ нея, написалъ Эдбери и также Геріоту, прося его зайти отъ моего имени къ молодому маркизу. Поздно вечеромъ я пришелъ къ отцу, чтобы повидаться съ нимъ и узнать какъ угощалъ онъ Эккарта, если еще находился на свободѣ. Плохо зналъ я его. Я ожидалъ найти въ его домѣ мракъ и молчаніе. Окна были ярко освѣщены. Какъ только отворилъ я дверь, звуки музыки встрѣтили меня. Мистрисъ Вадди попалась мнѣ въ прихожей. Изъ ея словъ я ничего понять не могъ. Утромъ случилось сначала одно, а потомъ другое. Одну минуту отецъ мой былъ въ рукахъ полицейскихъ чиновниковъ. Тутъ звонокъ, письмо съ посланнымъ, и побѣда надъ правительствомъ. Мнѣ, представилось что въ этотъ день разыгралась вкратцѣ драма всей его жизни. Счастіе невѣроятное. Онъ давалъ обѣдъ, за которымъ послѣдовалъ концертъ. Оглушительные звуки музыки, вовсе не соотвѣтствовавшіе моему настроенію, невыразимо раздражали меня.

— Гдѣ эти люди о которыхъ вы говорили? спросилъ я у мистрисъ Вадди.

— Ушли, отвѣчала она,—давнымъ-давно.

— Имъ заплачено?

Она не рѣшалась отвѣчать положительно, и только повторила что они давно ушли. Я отыскалъ Джоріана Девита въ толпѣ тѣснившейся въ проходѣ между гостиными.

— Да, да, сказалъ онъ на мой вопросъ.—Правительство сдалось. Зачѣмъ вы здѣсь не обѣдали? Альфонсъ никогда такъ не отличался, какъ сегодня. Дженни и Кариньи потѣшили насъ четверть часа предъ обѣдомъ. Превосходная мысль!... „Veuve et bachelier“. Словно по какому-то вдохновенію. Безъ всякихъ приготовленій, безъ формальнаго усаживанья. Дѣйствіе изумительное.

Я опять сталъ его разспрашивать.

— Да, это несомнѣнно, отвѣчалъ онъ безпечно,—Рой Ричмондъ выигралъ игру свою.

Двое-трое мущинъ выпытывали у важнаго господина мнѣніе его объ изумительномъ представленіи Шасдіаны предъ обѣдомъ. Я слышалъ похвалы обѣду, и Шасдіанѣ, и музыкѣ, и повару, и даже хересу, дѣйствію котораго, конечно, слѣдовало приписать оживленный разговоръ нѣсколькихъ молодыхъ людей о поступкѣ леди Эдбери, пріѣхавшей на концертъ, несмотря на нѣкоторое сопротивленіе со стороны своего семейства. Эдбери подошелъ къ разговаривающимъ.

— Онъ Юпитеръ! восклицалъ маркизъ. — Я скоро буду клясться его именемъ. Какъ видно, событіе случившееся утромъ было извѣстно.

— Ричмондъ! кивнулъ мнѣ Эдбери со страннымъ выраженіемъ, напоминавшимъ собаку глядящую на руку которая держитъ хлыстъ. Впрочемъ, лицо его не могло выдавать секретовъ, потому что за этимъ лицомъ ничего не скрывалось, кромѣ пустоты. Присутствовавшія дамы были, какъ мнѣ показалось, не такія какими отецъ окружилъ бы леди де-Стродъ, хотя онѣ носили титулы и считались принадлежащими къ знати. Я увидѣлъ что Эккартъ помѣстился удобно, и поручивъ Джоріану заботиться о томъ чтобъ онъ не терпѣлъ недостатка въ табакѣ, пошелъ въ свою комнату, пораженный непостижимою властью отца моего надъ судьбой, повременамъ такъ смѣявшеюся надъ нимъ.

Его разказъ обстоятельствъ еще больше изумилъ меня. Онъ не спѣшилъ объясненіями, когда сошлись мы на слѣдующее утро, онъ ждалъ чтобъ я его спрашивалъ, и отвѣчалъ:

— Да. Мы, кажется, до нѣкоторой степени побѣдили. Умъ его былъ занятъ, какъ онъ сообщилъ мнѣ, защитой одной дамы, подвергающейся большимъ нападкамъ. — Да, заговорилъ онъ опять,—мы прижали ихъ, Ричи. Кстати, не хочешь ли чтобъ я съѣздилъ въ Риверсли и показалъ сквайру передаточныя

росписки? Во всякомъ случаѣ ты можешь теперь ѣхать въ Саркельдъ; и ты вѣдь поѣдешь, не правда ли? Если не нынче, такъ завтра.

Я приставалъ къ нему:—Но какъ, при какихъ обстоятельствахъ были выданы эти деньги? Мнѣ пришло въ голову что ему удалось занять ихъ.

— Переданы на мое имя въ Банкѣ, и увѣдомленіе прислано моимъ повѣреннымъ Деттермену и Ньюсону, отвѣчалъ онъ.— Больше я ничего не знаю, также какъ и ты, Ричи, хотя, конечно, я надѣялся ихъ запугать. Если, прибавилъ онъ, совершенно простодушно, они думаютъ отдѣлаться отъ меня деньгами, такъ я не отвѣтственъ за ихъ заблужденіе, ибо ничѣмъ не вызвалъ его. Я продолжаю свое дѣло. Деньги пригодны тебѣ, поэтому я очень радъ имъ.—Денегъ было двадцать-пять тысячъ фунтовъ.

— И не было сдѣлано никакого условія?

— Никакого. Конечно, извѣстное условіе подразумѣвалось, но этого я не обязанъ знать.

— Нелѣпость! воскликнулъ я.—Деньги эти навѣрное не оттуда, откуда вы предполагаете.

— Такъ откуда же? спросилъ онъ.

Я подумалъ о сквайрѣ, о леди Эдбери, о моей тетушкѣ, о леди Сампльменъ, объ Аннѣ Пенрисъ, о какой-нибудь изъ его восторженныхъ поклонницъ; но по величинѣ суммы и по способу ея выдачи казалось невѣроятнымъ чтобы такая помощь исходила отъ одного лица.

Замѣтивъ что я колеблюсь въ своихъ предположеніяхъ, онъ сталъ приводить мнѣ многіе случаи изъ жизни своей, когда онъ точно такъ же былъ выручень благосклоннымъ провидѣніемъ и имѣлъ даже духъ заговорить о своей звѣздѣ, чего, конечно, не сдѣлалъ бы при мнѣ, еслибы воображеніе его не было серіозно поражено.

— Вы передадите мнѣ эти деньги?

— Не медля ни минуты, другъ мой, отвѣчалъ онъ.

— Вы думаете что это попытка васъ подкупить?

— Положительно. Ни къ какому другому заключенію не могу я придти. Я скажу тебѣ, Ричи, старый маркизъ Эдбери когда-то внесъ на мое имя пять тысячъ фунтовъ, съ условіемъ чтобъ я не имѣлъ хожденія по своему дѣлу. Я наслѣдовалъ эту сумму послѣ него. Смерть его, конечно, освобождала меня отъ всякаго обязательства. Онъ былъ друженъ съ людьми

замѣшанными въ моемъ дѣлѣ. Онъ *зналъ*. Я подозрѣваю что онъ боялся быть поставленъ въ непріятное положеніе свидѣтеля.

— Но какое же, по вашему мнѣнію, подразумѣвалось условіе при выдачѣ этихъ денегъ?

— О! Это не болѣе какъ какая-нибудь сдѣлка между адвокатами. Я не обязанъ знать этого. Чтобъ я отказался отъ правъ своихъ за нѣсколько тысячъ! Ни за что, еслибы мнѣ дали и вдесятеро и восто разъ больше!

Чтобъ уйти отъ его ошеломляющаго вліянія, заставлявшаго умъ мой колебаться, я вышелъ изъ дому и отправился прямо къ Деттермену и Ньюсону. Они еще увеличили мое удивленіе объявивъ мнѣ что уплата денегъ фактъ несомнѣнный. Тутъ ничего не было таинственнаго. Увѣдомленіе было прислано имъ не отъ той фирмы съ которой вели они тяжбу, а отъ адвоката имѣвшаго обширныя связи съ аристократіей. Письмо его кратко заявляло требованіе неизвѣстнаго дателя чтобы хожденіе по дѣлу было немедленно остановлено. Своего мнѣнія они не высказывали никакого. Въ ихъ глазахъ всѣ предположенія имѣли одинаковую вѣроятность, судя по внимательности съ которой они выслушивали всякую приходившую мнѣ въ голову мысль. Имя упомянутаго адвоката было Чарльсъ Адольфъ Баннербриджъ. Это былъ мой старый знакомый, тотъ самый который отвелъ меня къ себѣ и угостилъ на славу, когда я мальчикомъ бѣгалъ голодный по улицамъ Лондона. Въ увѣренности что узнаю всю правду отъ мистера Баннербриджа, я отправился въ его контору и узналъ что онъ внезапно заболѣлъ. Я пошелъ къ нему на домъ и засталъ домъ въ траурѣ. Добрый старикъ, котораго я такъ живо помнилъ, умеръ наканунѣ вечеромъ. Миссъ Баннербриджъ догадалась что я пришелъ по дѣлу, и со свойственною ей благовоспитанностью дала мнѣ поводъ заговорить объ немъ. Она ничего не знала о выплаченныхъ деньгахъ; но ей однако было извѣстно что какое-то годовое содержаніе выдавалось чрезъ ея отца. Мнѣ посовѣтовали обратиться къ его недавно принятому товарищу, мистеру Ричардсу. Мистеръ Ричардсъ ничего не зналъ обо всемъ этомъ дѣлѣ. Цѣлый день боролся я съ силой доказательствъ, подтверждающихъ предположеніе что признаніе правъ отца моего было вынуждено у противниковъ. Темпль мало помогалъ мнѣ, хотя его непоколебимый здравый смыслъ упорно отвергалъ мнѣніе отца моего и Джоріана Девита и многихъ другихъ опытныхъ

людей. Выдача денегъ тѣмъ же путемъ какимъ получалось годовое содержаніе подтверждала въ его глазахъ признаніе права, и указывала на лицо имѣющее причины или бояться, или поддерживать отца. Темпль еще болѣе сбилъ меня съ толку, намекнувъ что требованіе остановки процесса могло быть не болѣе, какъ хитростью. Дать человѣку денегъ, замѣчалъ онъ, плохое средство заставить его отказаться отъ процесса, на который положилъ онъ всю жизнь. Я подумалъ о леди Эдбери; но ея доходы были ограничены, а расходы громадны; о леди Сампльменъ, но всѣмъ было извѣстно что она любитъ деньги не менѣе тетушки моей Дороти, что ее точно такъ же можно было назвать „скопидомствомъ въ юпкахъ“ какъ называлъ сквайръ сестру. Анна Пенрисъ казалась вѣроятнѣе; но годовое содержаніе выдавалось еще за долго до знакомства нашего съ нею. Я заговорилъ съ ней. Удивленіе ея было неподдѣльное. — Это по-валисски, не по-англійски! замѣтила она. Кромѣ нея я не зналъ ни одной уроженки Валиса.

— Вся ли исторія отца вашего вамъ извѣстна? спросила она. И я согласился съ нею что можетъ-быть ключъ къ загадкѣ кроется въ одномъ изъ многихъ темныхъ эпизодовъ его жизни.

Видъ двадцати-одной тысячи фунтовъ, внесенныхъ на мой счетъ успокоилъ мою пытливость. Отецъ взялъ на свои потребности четыре тысячи. Онъ оправдывался неотвязчивостью одного кредитора, и я не строго отнесся къ нему, такъ какъ я рѣшился уплатить долги его какъ только увѣдомленіе о выдачѣ требуемой суммы произведетъ свое дѣйствіе въ Риверсли. Я ожидалъ отвѣта отъ Геріота по дѣлу съ Эдбери. Оказалось что онъ живетъ больной на попеченіи леди Маріи Гиджинсонъ, за Дорстанъ Риджемъ. Письма отъ сквайра и отъ тетушки настоятельно звали меня въ Риверсли, чтобы рѣшить окончательно какъ намѣренъ я дѣйствовать.

„Теперь ты получилъ деньги, писала скопидомная тетушка, будь же остороженъ, не дай промотать ихъ. Помни что деньги эти выданы съ одною извѣстною тебѣ цѣлью. Ихъ не слѣдуетъ тратить на пустыя вспомоществованія, и такъ далѣе, съ многимъ подчеркиваніемъ.

Дѣдушка возвратилъ бумаги. „Я сдержу свое слово, писалъ онъ.—Потрудись пріѣхать повидаться со мною прежде чѣмъ пойдешь вправо или влѣво.“

Вотъ, значитъ, опять проблескъ свѣта. Я могъ два черезъ два отправиться въ Саркельдъ. Между тѣмъ, чтобы дать

урокъ отцу, я удовлетворилъ многія претензіи и уплатилъ вексель подписанный Эдбери. Я зналъ что дѣдъ мой, до крайности благородный и щепетильный въ дѣлахъ, не станетъ болѣе требовать у меня отчетовъ. Покончивъ эти дѣла, я отправился не въ Риверсли, а къ Геріоту, „ибо онъ боленъ“, говорилъ я себѣ; а что Джепета томится неизвѣстностью, этого я себѣ не говорилъ. Да и опасался я разспросовъ тетушки Дороти не истратилъ ли я чего-нибудь изъ полученныхъ денегъ. Она написала мнѣ два письма, полныхъ непріятнаго скряжничества, предостерегая меня чтобъ я не трогалъ этихъ денегъ. Сердце мое забилось, когда проѣзжалъ я въ виду Риверсли, но я побранилъ себя и обратился лицомъ къ Дорстану. Я не думалъ что въ переѣздъ черезъ долину можно встрѣтиться съ приключеніями измѣняющими направленіе цѣлой жизни.

ГЛАВА XLVI.

На волосъ отъ смерти.

Одинокая палатка стояла въ углубленіи долины, подлѣ краснаго отъ желѣзистой примѣси ручейка; дѣвушка изъ племени Кіоми, наклонясь надъ лѣниво текущею водой, полоскала въ ней платокъ. Шагахъ во сто разстоянія, съ новой дороги изъ Белстеда въ Дорстанъ, мнѣ представилось что это можетъ-быть сама Кіоми. Въ это время ея таборъ не становился у Дорстана. Да и едва ли она теперь ходитъ со своимъ таборомъ. Услышавъ шумъ колесъ, дѣвушка повернулась лицомъ ко мнѣ. Она была ребенокъ когда я былъ мальчикомъ. Мнѣ пришло въ голову что лучше было бы для моей дикой товарки еслибъ я никогда не переступалъ порога ея палатокъ. Жизнь выброшенная изъ своего естественнаго круга находится въ такой же опасности какъ членъ втянутый въ вертящуюся машину. Однако, подумалъ я, принцъ Эрнстъ можетъ разсуждать точно такъ же и жалѣть о вредѣ причиненномъ превосходному механизму. Мои движенія какъ будто заинтересовали дѣвушку. Она взбѣжала на пригорокъ и, прикрывъ глаза рукой, слѣдила за мной сквозь падавшій на долину сумракъ, когда я остановился у воротъ Белстеда попросить ночлега подъ кровомъ Джуліи. Голыя ноги Цыганки быстро замелькали по дорогѣ къ Дорстану, какъ будто она рѣшилась не

выпускать меня съ глазъ. Я махнулъ ей рукой. Она остановилась. Осанка молодой Цыганки нерѣдко такъ же ясно выражаетъ ея настроеніе какъ и лицо: я замѣтилъ что она неблагосклонно приняла мое привѣтствіе. Она никакъ не хотѣла подойти ко мнѣ, несмотря на всѣ мои знаки. Напрасно я махалъ то шляпой, то платкомъ, то кошелькомъ. Кучеръ мой замѣтилъ что на нее нашло упрямство, свойственное „ихъ роду". Онъ крикнулъ ей: „серебро!" потомъ „деньги!" Она глядѣла на насъ неподвижно. Возница началъ разсуждать о свойствахъ Цыганъ. „Лисицъ содержатъ для охоты, въ этомъ есть смыслъ, говорилъ онъ. Но для чего содержимъ мы Цыганъ, неизвѣстно." Онъ разъ держалъ закладъ за Цыгана кулачнаго бойца, который не явился къ назначенному часу.

— Душа въ пятки ушла. На нихъ нельзя положиться. И этотъ же самый человѣкъ выдержалъ въ другой разъ знаменитѣйшій бой. Я зналъ на что онъ способенъ. Только они какъ погода, поручиться за нихъ нельзя. Отъ этого кучеръ мой и не видѣлъ добра въ Цыганахъ.

— Она все стоитъ, какъ столбъ, сказалъ онъ, когда мы повернули на Дорстанскую землю. Стройная фигура дѣвушки виднѣлась на отдаленномъ холмѣ.

Геріотъ обѣщалъ встрѣтить меня на станціи. Леди Марія Гиджинсонъ, у которой онъ гостилъ, объяснила мнѣ сбивчивыми полусловами, свойственными ея полу и званію, что не пустила его, потому что ему лучше не ѣхать: рука у него еще болитъ; если лошади испугаются, или случится что̀ другое, онъ совершенно беззащитенъ; такъ она, какъ сидѣлка, уговорила своего больнаго, одного изъ несноснѣйшихъ больныхъ, не ѣздить, ибо по нѣкоторымъ соображеніямъ считаетъ лучшимъ не спускать его съ глазъ. Оказалось что между ними есть родство. Въ послѣдствіи я узналъ что бракъ Геріота разстроился по милости леди Маріи. Она только намекнула на бракъ этотъ какимъ-то французскимъ словомъ. Она нагнала меня, какъ шелъ я по аллеѣ недавно посаженныхъ лиственницъ, и приняла меня сзади за Геріота. Я осанкой очень похожъ на него, объясняла она. Геріотъ гулялъ съ сигарой въ зубахъ по одной изъ только-что проведенныхъ аллей этого новоустроеннаго имѣнья. Правая рука его была въ повязкѣ. Я раза два взглянулъ на нее. Онъ показывалъ видъ что занятъ исключительно моею размолвкой съ Эдбери, а о своихъ дѣлахъ сказалъ только что намѣренъ поступить на службу въ одну изъ

континентальныхъ армій. Это казалось страннымъ для человѣка у котораго любовь къ родинѣ доходила почти до болѣзненности. Но онъ предался женщинамъ. Сисси, да Тричи, да хитрости Флоренсіи, да капризы Агаты, невинныя съ виду змѣиныя ласки, таковъ былъ весь его разговоръ. Циническіе разказы объ обманутыхъ мужьяхъ и несчастныхъ женахъ, слегка лишь прикрашенные страстностью и остроуміемъ. Я могу слушать такіе разказы пока чувство остается искреннимъ, вѣрнымъ себѣ. Пусть женщина бѣжитъ съ какимъ-нибудь безумцемъ, есть возможность что они будутъ счастливы, хотя это и трудно. Но благодаря воспитанію моему, я не способенъ смотрѣть съ сентиментальной точки зрѣнія на парочку дающую волю чувствамъ своимъ въ домѣ мужа, на глазахъ у него. Я прервалъ одинъ изъ Геріотовыхъ разказовъ, замѣтивъ что такія приключенія не по моему вкусу. Онъ сталъ подтрунивать надъ моею пуританскою строгостью. Вѣчная возня съ женщинами помрачила въ немъ здравый смыслъ во всемъ что̀ ихъ касалось; объ Эдбери онъ говорилъ со мною довольно разсудительно и умно. Я не могъ вынести когда онъ сталъ объяснять что Джулія Белстедъ могла бы сдѣлать изъ него другаго человѣка. Не очень дружескій возникъ между нами разговоръ къ концу обѣда, когда леди Марія удалилась изъ-за десерта. Высказать другу прямо, когда онъ начинаетъ производить на васъ возмутительное впечатлѣніе, кажется мнѣ обязанностью. Я и высказалъ. Я заговорилъ и о Кіоми. Геріотъ вспыхнулъ. „Чертенокъ!“ пробормоталъ онъ съ досадой, къ которой примѣшивалась доля похвалы. Онъ не повѣрилъ мнѣ своихъ тайнъ, ибо могъ бы сдѣлать это не иначе какъ сентиментальными намеками, къ которымъ такъ привыкъ съ нѣкоторыхъ поръ. Мы разстались, чувствуя въ отношеніяхъ нашихъ натянутость, свидѣтельствующую что старая связь готова порваться, а новой нѣтъ. Геріотъ обѣщалъ пройти со мною полдороги до Белстеда, несмотря на ребяческія опасенія за него леди Маріи. Вмѣсто того онъ довольствовался прощаніемъ въ дверяхъ. Напослѣдокъ онъ хвастливо заговорилъ о томъ что знаетъ средство поставить Эдбери лицомъ къ лицу со мною. Я зналъ что этимъ тономъ онъ старается лишь прикрыть досаду на мою холодность, и прощалъ ему изъ состраданія, къ которому примѣшивалась частица презрѣнія. Карета леди Маріи поѣхала за ея мужемъ, бывшимъ въ этотъ день на какомъ-то политическомъ обѣдѣ. Такъ какъ со мною

былъ чемоданъ, то мнѣ было бы удобнѣе дождаться ея возвращенія. Но Дорстанъ былъ во враждѣ съ Риверсли, вслѣдствіе рѣзкихъ отзывовъ сквайра о его владѣльцѣ, и я счелъ лучшимъ вручить чемоданъ мой одному изъ слугъ и идти за нимъ слѣдомъ пѣшкомъ. Ночь была темная; спутникъ мой пошелъ большою дорогой, а я прямикомъ черезъ долину. Свѣжій вѣтеръ весело дулъ мнѣ въ лицо. Эгоизмъ не составляетъ исключительную принадлежность одного какого-либо возраста, только въ молодыхъ людяхъ онъ получаетъ особенно страшный характеръ. Я шелъ быстрымъ шагомъ, браня всѣхъ и все за непокорность моимъ интересамъ, за тупость, за слѣпоту къ сіявшему во мнѣ свѣту. Я бранилъ судьбу за то что она меня преслѣдуетъ и не окружила меня друзьями достойными меня. Зачѣмъ не пошелъ я въ одинъ изъ нашихъ университетовъ, чтобъ имѣть возможность выбрать себѣ друзей изъ цвѣта страны? Я требовалъ чтобы люди такъ же покорно подавались мнѣ какъ земля по которой я шелъ. Мое *я* представлялось центральнымъ солнцемъ міра, съ тою только разницей что оно не питало все окружающее, а само требовало себѣ пищи ото всего. Чудовищнаго самомнѣнія моего нельзя выразить словами. Могу засвидѣтельствовать только одно, что нѣтъ лучшаго лѣкарства въ такихъ случаяхъ какъ ошеломляющій ударъ. Я это испыталъ, не успѣвъ оглянуться. Шатаясь, я бы подумалъ что суткнулся объ дерево, еслибы не видѣлъ предъ собою темную фигуру человѣка треснувшаго меня кулакомъ по головѣ. Я свалился въ лощину. Какъ ни былъ я ошеломленъ, мнѣ однако тотчасъ же пришло въ голову что разбойникъ такъ не нападаетъ. Онъ сначала требуетъ денегъ только личный врагъ разитъ не предупредивъ. Ударъ нанесенъ былъ мнѣ въ лобъ, и не причинилъ особеннаго вреда. Не видя врага своего, я почувствовалъ почти столько же любопытства сколько гнѣва. Обдумавъ что я никому не причинилъ зла, я сейчасъ же пришелъ въ надлежащее для борьбы настроеніе. Отстранивъ кустарникъ, я полѣзъ изъ лощины, готовясь къ бою. Послышался крикъ. Внѣшнія впечатлѣнія какъ будто не сразу доходили до моего сознанія. Я разслышалъ въ крикѣ странный языкъ, но сообразилъ что это языкъ цыганскій лишь тогда когда уже было поздно отвѣчать. Послышалось сквозь шумъ вѣтра: „Я стибъ его.“ Затѣмъ началя правильный бой. Я сталъ твердо на травѣ и бился усердно. Противникъ мой былъ очевидно Цыганъ. Онъ прыгалъ

во всѣ стороны, тогда какъ я стоялъ неподвижно и билъ прямо,—несомнѣнно лучшій способъ. Прыгунъ мой полетѣлъ в ногъ такъ же стремительно какъ я сначала, и месть моя бы удовлетворена. Особаго рода удовольствіе поразить въ лиц по всѣмъ правиламъ, опрометчиваго противника. Даже пол чать такіе правильные удары до нѣкоторой степени пріятн Чувствуя себя побѣдителемъ, я успокоился. Я наклонил взглянуть на моего негодяя и спросить его какое неудовол ствіе Цыгане, стоящіе таборомъ подъ Дорстаномъ, могу имѣть противъ Риверсли. Сильный ударъ по шеѣ свалилъ м ня на него. Онъ началъ злобно кусаться. Озлобленный боль я бросился на другаго смуглаго мошенника. Число ихъ воз растало. Я побѣжалъ. Это была самая неразумная попытка они мигомъ меня догнали. Четверо окружили меня, когда я запыхавшись, обернулся и сталъ опять на бой со смѣлостью отчаянія. Людямъ горячимъ не очень свойственны рыцарскія понятія; всего менѣе Цыганамъ. Они отвѣчали насмѣшливы ми криками на вызовъ мой подходить поодиночкѣ. „Тепер попался, не отдѣлаешься, мы тебя въ кисель изобьемъ“, кри чали они, ставъ вокругъ съ четырехъ сторонъ. Хотя ихъ бы ло четверо, они стояли на мѣстѣ и ждали чтобъ я пошелъ из нихъ въ атаку. Мнѣ приходилось безпрестанно вертѣться. — „О еслибъ была палка или хоть какая-нибудь крѣпкая дере вяшка!“ думалъ я. Кулаки у меня болѣли; отъ гадкихъ уда ровъ сзади, по спинѣ. и головѣ. захватывало дыханіе. Я про силъ отдыха, я вызывалъ двоихъ заразъ, троихъ, всѣхъ четве рыхъ коль угодно. Теперь мнѣ приходилось прыгать влѣво вправо, во всѣ стороны; я вертѣлся полуоглушенный, задых хаясь. Эти ужасные задніе удары губили меня; мнѣ станови лось дурно. Кулачнымъ бойцамъ дается передышка; мнѣ ея не давали. Изнуренный, я попытался бѣжать, зашатался и свалился, какъ колода, равнодушный къ жизни. Запахъ зем ли и сырость травы освѣжили меня на минуту, возмутитель ные удары ногами по лицу и по груди возбудили во мнѣ сно ва гнѣвъ настолько что я попробовалъ приподняться! Они это допустили, чтобъ опять сшибить меня. Я то падалъ, то поднимался, жадно вдыхая въ себя воздухъ; думалъ о Герма ніи, объ отцѣ, о Дженетѣ, сидящей подъ окномъ; попробовалъ попросить пощады, и не произвелъ никакого звука, и нако нецъ покорился судьбѣ. Одна мысль была у меня, что если я теперь заговорю, то непремѣнно разъясню все дѣло; мнѣ нуж-

но было только одну минуту чтобы перевести дыханіе и начать рѣчь словами: „дураки вы“.... ибо я догадывался что они приняли меня за другаго. Мнѣ не дали ни секунды. Минутная вспышка силъ угасла; свѣтъ въ умѣ моемъ потухъ; всѣ мысли спутались, поблѣднѣли, исчезли; я ничего бы не почувствовалъ, еслибы тѣло мое бросили въ могилу.

ГЛАВА XLVII.

Между Цыганками.

Не знаю давно ли я лишился сознанія, когда снова началъ хвататься за него лежа на мягчайшей подушкѣ, и отъ этого усилія опять впалъ въ забытье. Я словно ныряль: то поднимаясь на поверхность, то снова погружаясь въ глубь. От всякой попытки думать, я лишался чувствъ. Глаза мои какъ-будто безмѣрно расширились, окружающіе предметы казались отдаленными на цѣлую милю, и не хотѣли приблизиться ко мнѣ; если же закрывалъ я глаза, въ мозгу моемъ словно горы перекатывались, и испуганный ужасными переворотами, я упорно таращилъ глаза. Мнѣ представлялось что на меня надѣтъ свинцовый футляръ; зачѣмъ это? я спрашивалъ себя зачѣмъ, и мгновенно сознаніе во мнѣ потухало. Подушка моя была божественна; меня постоянно чѣмъ-то освѣжали, въ ушахъ слышались какіе-то звуки, словно шелестъ вѣтра. Соображая урывками свое положеніе, я пришелъ къ убѣжденію что лежу, полусхороненный, на днѣ рѣки: подъ щекой моей мокъ, тѣло мое увязло, вода повременамъ силится поднять меня съ ужасною болью, съ отрадною свѣжестью. Я видѣлъ мерцающій свѣтъ, словно сквозь листву; воду я чувствовалъ. „Зачѣмъ она все старается поднять меня?“ спрашивалъ я себя и сознаніе опять исчезало.

Измученному больному мѣняли влажныя перевязки на ушибѣ, мысль была ему не подъ силу. Обособленіе ума было незнакомъ возвращающагося здоровья, благая природа погрузила въ сонъ эту сторону существа моего, пока возстановила другую, низшую. Я глядѣлъ на себя, какъ глядишь на водоросли, плывущіе по теченію, цѣпляясь то за одно, то за другое, вертясь безтолково.

Гдѣ я? Не въ домѣ. Если бы не состояніе полнаго

спокойствія, которымъ былъ я обязанъ искусному лѣченію, чистому воздуху и крѣпкому сложенію, сцена представлявшаяся мнѣ разстроила бы окончательно мои только-что слагающіяся мысли. Ночникъ горѣлъ на треножникѣ посрединѣ палатки; надъ нимъ морщинистая шея и подбородокъ великолѣпной старухи ярко рдѣли. Ея черные глаза, сѣдыя брови и черные съ просѣдью волосы странно выдѣлялись. Я дивился ей. Она держала въ рукѣ что-то, отъ чего поднимался легкій паръ между огнемъ и ею. Между тѣмъ подушка моя слегка, мѣрно приподнимала меня; я сообразилъ съ изумленіемъ что въ ней бьется человѣческое сердце. Это была грудь Кіоми. Дѣвочка заглянула въ палатку; въ глухомъ рокотаньѣ направленныхъ на нее сдержанныхъ возгласовъ, я узналъ голосъ Кіоми. Послѣ обмѣна нѣсколькихъ однообразныхъ горловыхъ звуковъ, дѣвочка сѣла, подобравъ ноги, у входа.

Я проснулся утромъ; силы во мнѣ прибавилось и боль увеличилась. Я лежалъ на воздухѣ. Молодая Цыганка, служившая мнѣ и нянькой и подушкой, обнимала и поддерживала меня руками, точь въ точь какъ вчера, когда я заснулъ.

— Кіоми!

— Вы молчите.

— Нельзя ли мнѣ встать на минутку?

— Нѣтъ, и не разговаривайте.

Я покорился. Такъ воевали мы весь день. Только два раза уходила она на нѣсколько минутъ, и тогда дѣвочка ее смѣняла.

Я началъ думать о Белстедѣ и Раверсли.

— Кіоми, сколько времени я здѣсь?

— Вы останетесь еще вдвое столько.

— Два два?

— Нѣтъ, ужь около дюжины.

— Скажите же мнѣ, что̀ случилось?

— Гмм.... проворчала она укоризненно.

Поразмыслилъ, я сообразилъ что навѣрное были розыски.

— Кіоми, какъ хватились меня?

Она тотчасъ же уловила мою мысль.

— Они дураки.

— Какъ вы обманули ихъ?

— Я имъ глазъ не завязывала.

— Помните, какъ вы разъ чуть не задушили меня?

— Спите.